К.Г. В.Л.

О ПРАВОСЛАВНОМЪ БѢЛОМЪ

и

ЧОРНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ

ВЪ РОССІИ.

О ПРАВОСЛАВНОМЪ БѢЛОМЪ

и

ЧОРНОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ

ВЪ РОССІИ.

Истину говорю . . . , нелгу какъ свидѣтельствуетъ мнѣ совѣсть моя . . . .
Римл. 9, 1.

Если я сказалъ худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь меня?
Іоан. 18, 23.

ТОМЪ II.

ЛЕЙПЦИГЪ, ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.
LEIPZIG, FRANZ WAGNER.
1866.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
858
27

СОКРАЩЕННЫЯ СЛОВА.

б. ч. — большею частію.
в-біе — высокопреподобіе.
в. с-но — выше сказано.
г. ч. — господинъ читатель.
д-во — духовенство.
д-вомъ духовенствомъ.
книга: о с. д. — книга о сельскомъ духовенствѣ.
книга: о у. д. у. — книга объ устройствѣ духовныхъ училищъ.
к-рія — консисторія.
к-ся — кажется.
м. т. — между тѣмъ.
м-во — монашество.
м-омъ — монашествомъ.
м-щій — монашествующій.
м. б. — можетъ быть.
о. — отецъ
о. о. — отцы
} когда стоятъ предъ словами протоіерей, архимандритъ и пр.
Об. Пр-ръ — Оберъ-Прокуроръ.
п. ч. — потому что.
по к. м. — по крайней мѣрѣ.
Пр-во — Преосвященство.
р-ся — разумѣется.
св-и-ц-сл-ль — священно и церковно-служитель.
св-и-ц-сл-скій — священно и церковно-служительскій.
слѣд. — слѣдовательно.
т. е. — то есть.
т. о. — такимъ образомъ.
т. с-ть — такъ сказать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣлъ 29й. О Св. Синодѣ 1
Часть 1я. Объ организаціи присутствія Синода 1
Часть 2я. Объ Оберъ-Прокурорѣ Синода 8
Часть 3я. О канцеляріи Синода 12
Отдѣлъ 30й. О духовныхъ к-ріяхъ 21
Часть 1я. О к-ріяхъ вообще и о членахъ ея въ частности . 22
Часть 2я. О секретарѣ и канцеляріи к-ріи 29
Часть 3я. О нравственныхъ качествахъ членовъ, секретаря и чиновниковъ к-ріи при дѣлопроизводствѣ 40
Часть 4я. О доходныхъ статьяхъ к-ріи 50
Часть 5я. Нѣсколько примѣровъ того, какъ рѣшаются дѣла въ духовныхъ присутственныхъ мѣстахъ 73
Отдѣлъ 31й. О благочинныхъ 88
Часть 1я. О правахъ благочиннаго и отношеніяхъ его въ к-ріи 88
Часть 2я. О доходахъ и взяточничествѣ благочинныхъ . . 94
Часть 3я. Объ обращеніи благочинныхъ съ своими подчиненными 106
Часть 4я. О выборныхъ благочинныхъ, о духовныхъ правленіяхъ и протоіереяхъ уѣздныхъ городовъ 111
Отдѣлъ 32й. О ревизіяхъ, производимыхъ епархіальными начальниками и о различныхъ экзаменахъ, которымъ подвергаются духовныя лица 117
Отдѣлъ 33й. О трудности быть хорошимъ наставникомъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 144
Отдѣлъ 34й. О преподаваніи свѣтскихъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 161

Стр.

Часть 1я. О преподаваніи, естественныхъ, математическихъ, физическихъ и историческихъ наукъ 161
Часть 2я. О преподаваніи философіи и словесности 169
Часть 3я. О чтеніи книгъ въ семинаріяхъ и академіяхъ . 181
Отдѣлъ 35й. О томъ, почему въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не любятъ свѣтскихъ наукъ 187
Отдѣлъ 36й. О дурномъ преподаваніи богословскихъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 197
Отдѣлъ 37й. Общій взглядъ на умственное образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 210
Часть 1я. О противоестественномъ и насильственномъ характерѣ умственнаго семинарскаго образованія 212
Часть 2я. О различіи въ умственномъ настроеніи, которое получаютъ воспитанники въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ 222
Часть 3я. О слабомъ развитіи ученой и о недостаткахъ литературной дѣятельности воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній 229
Отдѣлъ 38й. Общій взглядъ на нравственность д-ва въ прежнія и нынѣшнія времена 244
Отдѣлъ 39й. О воспитаніи семинаристовъ въ духѣ монастырскомъ и католическомъ 252
Отдѣлъ 40й. О томъ, какъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ пробуждаютъ холодность и даже отвращеніе къ молитвѣ и богослуженію 268
Отдѣлъ 41й. О семинарскомъ послушаніи 282
Отдѣлъ 42й. О вредномъ вліяніи семинарскаго воспитанія на нравственность дѣтей 294
Отдѣлъ 43й. О вліяніи семинарскаго образованія на религіозное настроеніе учениковъ 317
Отдѣлъ 44й. О нерасположеніи духовныхъ воспитанниковъ къ ихъ училищамъ, и о начавшейся борьбѣ между ими и начальниками 330
Отдѣлъ 45й. О кастовомъ устройствѣ нашего бѣлаго д-ва . . 351
Отдѣлъ 46й. О неуваженіи всѣхъ сословій къ д-ву 372
Часть 1я. Доказательства той мысли, что д-во не пользуется уваженіемъ всѣхъ сословій 374
Часть 2я. О причинахъ ненависти раскольниковъ къ д-ву и о вліяніи на крестьянъ по отношенію къ д-ву 381
Часть 3я. О разныхъ причинахъ неуваженія особенно образованныхъ классовъ и литературы къ д-ву 387
Часть 4я. О вредномъ вліяніи общаго неуваженія къ д-ву на религіозность народа и прочихъ сословій 393
Отдѣлъ 47й. О женскихъ духовныхъ училищахъ 399

Стр.

Часть 1я. О томъ, на какія деньги устроиваются и содержатся женскія духовныя училища 400
Часть 2я. О внутреннихъ порядкахъ женскихъ духовныхъ училищъ 406
Часть 3я. О неудовлетворительномъ воспитаніи въ женскихъ духовныхъ училищахъ и о томъ, почему они не нравятся всему почти д-ву 416
Отдѣлъ 48й. О томъ, что время уже приступить къ принятію серьезныхъ, а не палліативныхъ мѣръ для улучшенія д-ва и духовныхъ училищъ 428
Отдѣлъ 49й. О внѣшней отдѣлкѣ новаго устава духовныхъ семинарій 434
Отдѣлъ 50й. О предлагаемыхъ новымъ уставомъ мѣрахъ для пріученія воспитанниковъ къ внѣшнему благочестію . . . 440
Отдѣлъ 51й. О духовникѣ семинаристовъ и о пріобщеніи св. таинъ 447
Отдѣлъ 52й. О монастырскомъ устройствѣ квартиръ для семинаристовъ по новому уставу 451
Отдѣлъ 53й. Объ огромной власти архіереевъ въ семинаріяхъ по новому уставу 463
Отдѣлъ 54й. О томъ распоряженіи, чтобы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не было наставниковъ съ гражданскими чинами 470
Отдѣлъ 55й. Объ іезуитскихъ тенденціяхъ новаго устава семинаріи 485
Отдѣлъ 56й. О томъ проэктѣ, чтобы всѣ кандидаты священства первоначально служили причетниками и дьяконами . 502
Часть 1я. О каноническихъ и неканоническихъ обязанностяхъ причетниковъ 503
Часть 2я. О причинахъ, почему кандидатамъ священства не удобно и вредно быть сначала причетниками и дьяконами . 510
Отдѣлъ 57й. Объ уничтоженіи кастоваго состоянія д-ва . . . 527
Отдѣлъ 58й. О томъ, что монахамъ не слѣдуетъ быть начальниками духовно-учебныхъ заведеній 541
Отдѣлъ 59й. О преобразованіяхъ въ епархіальномъ управленіи 558
Часть 1я. О необходимости ослабить слишкомъ большую зависимость бѣлаго д-ва отъ м-щихъ архіереевъ 559
Часть 2я. О томъ, справедливо ли и необходимо ли, чтобы епископы были только изъ монаховъ, а не изъ лицъ бѣлаго д-ва и міряпъ 563
Часть 3я. О преобразованіяхъ въ судопроизводствѣ и дѣлопроизводствѣ относительно бѣлаго д-ва 576
Отдѣлъ 60й. О безбрачіи и единоженствѣ священно-служителей 582

Стр.

Отдѣлъ 61й. О томъ, что чрезъ улучшеніе умственнаго, моральнаго, семейнаго и соціальнаго положенія бѣлаго д-ва улучшился бы матеріальный бытъ его 592

Отдѣлъ 62й. Объ улучшеніи быта духовныхъ лицъ чрезъ освобожденіе ихъ отъ разныхъ налоговъ, податей, взятокъ и пр. 602

Отдѣлъ 63й. О пенсіонахъ духовнымъ лицамъ 614

Отдѣлъ 64й О жалованьѣ духовнымъ лицамъ и о надѣлѣ ихъ землею 623

Отдѣлъ 65й. О содержаніи духовно-учебныхъ заведеній на свѣчные церковные доходы 633

Отдѣлъ 66й. О богатствѣ нашихъ монастырей 638

Отдѣлъ 67й. О томъ, на что употреблялись и употребляются монастырскія богатства 645

Отдѣлъ 68й. О томъ, что монастырскіе доходы слѣдуетъ употреблять на улучшеніе матеріальнаго быта духовныхъ училищъ и особенно д-ва 656

Отдѣлъ 29ый.

О Святѣйшемъ Синодѣ.

Благосостояніе людей во всѣхъ отношеніяхъ весьма много зависитъ отъ характера администраціи, которою они управляются. Пусть какое либо сословіе имѣетъ и богатство, и права, и образованіе, даже пользуется уваженіемъ другихъ; но если во всѣхъ своихъ высшихъ и низшихъ властяхъ находитъ не защиту, а угнетеніе, — не правосудіе, а корыстолюбіе, то оно далеко отъ счастія. Поэтому и намъ нужно ознакомиться съ характеромъ духовной администраціи, что бы видѣть, въ какой степени она можетъ споспѣшествовать, или препятствовать благосостоянію бѣлаго д-ва.

Часть первая.

Объ организаціи Присутствія Св. Синода.

Высшее правительственное мѣсто нашей церковной администраціи есть синодъ, установленный вмѣсто патріаршества Петромъ Великомъ. По духовному регламенту, число членовъ его не превышало двѣнадцати; изъ нихъ должны были быть три архіерея, а прочія девять — архимандриты, игумены и протоіереи, притомъ не по равному изъ каждаго разряда, *а сколько котораго достойныхъ сыщется.* Такая организація неудовлетворительна во многихъ отношеніяхъ. 1) Архимандриты, игумены и протоіереи и тогда также, какъ и

нынѣ, зависѣли каждый отъ мѣстнаго архіерея. Коснись какое либо дѣло его, имъ трудно было бы оставаться безпристрастными судьями; они невольно почти увлеклись бы желаніемъ или выслужиться предъ своимъ начальникомъ, или отплатить ему, т. е-ть, за домашнія неудовольствія. 2) Противъ этого регламентъ принимаетъ какъ будто бы надлежащія мѣры, постановляя (2 пунк. 3 ч.), чтобы въ одно и тоже время вмѣстѣ съ протоіереями и архимандритами не засѣдалъ архіерей, которому они *подручны.* Но и при этомъ условіи стоило архіерею написать своимъ подчиненнымъ, чтобы они заступились за такого-то; едвали бы они не захотѣли быть *преклоненными* къ исполненію желанія ихъ начальника, въ вѣдомство котораго они опять могли очень скоро попасть; такъ какъ право засѣдать въ синодѣ не предоставлялось имъ на всегда. 3) По 9 пункту 1 ч. регламента синодъ есть «аки нѣкая школа правленія духовнаго,» въ которой «всякъ отъ сосѣдателей удобно можетъ научитися духовной политики и повседневнымъ искусствомъ навыкнути, какъ бы лучше домъ божій управлять возмоглъ; и потому самыи угоднѣйшія отъ числа коллеговъ или сосѣдателей особы явятся на степень архіерейства восходить достойны.» Нельзя не согласиться, что архимандриты и игумены, засѣдая въ синодѣ, хорошо бы ознакомились съ духовными дѣлами и явились достойными архіерейства. Но съ другой стороны не захотѣлось ли бы имъ быть уже слишкомъ *угоднѣйшими* предъ вліятельнѣйшими изъ своихъ коллеговъ, или сосѣдателей. И потому не стали ль бы они составлять съ нимъ *единаго человѣка?* 4) Бѣлое д-во находило бы слабую защиту въ членахъ синода. Протоіереи-члены оставались бы въ меньшинствѣ, а зависимость ихъ отъ архіереевъ, и опасеніе рано или поздо испытать на себѣ ихъ немилость, отнимало бы у нихъ самостоятельность; имъ бы пришлось думать о собственной безопасности, а не о защитѣ интересовъ своего сословія.

Послѣ сказаннаго не зачѣмъ удивляться, что составъ синода, мало по малу, измѣнился. Я не могъ исторически прослѣдить это измѣненіе. Но въ настоящее время присутствіе синода состоитъ, по прежнему, изъ лицъ чорнаго и бѣлаго д-ва; только въ числѣ первыхъ находятся архіереи, а нѣтъ ни архимандритовъ, ни игуменовъ и даже не было въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія. Къ членамъ изъ бѣлаго д-ва принадлежатъ: духовникъ Государя Императора и главный священникъ арміи и флота; первому подчинено придворное, а послѣднему-армейское и флотское д-во. При

покойномъ Императорѣ Николаѣ долго засѣдали въ синодѣ три особы изъ бѣлаго д-ва по слѣдующему обстоятельству. По смерти Императора Александра 1 остался въ живыхъ его духовникъ и потому членъ синода, протопресвитеръ Криницкій; м. т. Императоръ Николай, пока онъ былъ еще Великимъ Княземъ, имѣлъ духовникомъ протоіерея Музовскаго. При новомъ царствованіи Криницкій остался членомъ синода и управлялъ придворнымъ д-вомъ; а Музовскій, какъ духовникъ новаго Императора, долженъ былъ также присутствовать въ синодѣ; но его вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали оберъ-священникомъ главнаго штаба и начальникомъ д-ва придворнаго вѣдомства. Далѣе всѣ, засѣдающіе за присутственнымъ столомъ синода, раздѣляются на два разряда: на членовъ и присутствующихъ. Къ первымъ принадлежатъ всѣ митрополиты, императорскій духовникъ и по к. м. прежде главный священникъ арміи и флота, а иногда нѣкоторые изъ архіепископовъ. Члены всѣ *de jure* имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ синода. *Присутствующими* — называются тѣ епархіальные начальники, которые вызываются на извѣстное время, на годъ, на два и болѣе, какъ говорятъ, *на чреду* для присутствія въ засѣданіяхъ синода и имѣютъ одинаковый голосъ съ членами его. Вызовъ этотъ иногда возобновляется по нѣскольку разъ, какъ это случается въ послѣднее время съ тверскимъ архіепископомъ Филоѳеемъ. Даже настоящіе члены изъ епархіальныхъ архіереевъ, оставаясь *de jure* членами его, *de facto* живутъ иногда по нѣскольку лѣтъ, даже десятковъ лѣтъ въ своихъ епархіяхъ, не принимая участія въ занятіяхъ синода, развѣ по особымъ его порученіямъ. Къ числу ихъ въ настоящее время принадлежатъ московскій и литовскій митрополиты, грузинскій экзархъ и бывшій ярославскій архіепископъ Евгеній. Поэтому въ полномъ смыслѣ постоянными, неизмѣнными членами или присутствующими синода остаются петербургскій митрополитъ, императорскій духовникъ и главный священникъ арміи и флота.

Осмѣливаюсь высказать свое мнѣніе о теперешней организаціи присутствія синода. 1) Въ немъ большинство голосовъ принадлежитъ архіереямъ; послѣднихъ рѣдко, кромѣ лѣтняго каникулярнаго времени, бываетъ менѣе 4—5; тогда какъ членовъ изъ бѣлаго д-ва только двое или трое. И потому характеръ высшаго нашего церковнаго административнаго, судебнаго и даже законодательнаго мѣста есть преимущественно *монашескій, архіерейскій.* Это, м. б., еще не должно казаться страннымъ, если бы синодъ завѣдывалъ

только *дѣлами Вѣры* (articles de Foi). Тутъ епископы были бы компетентными судьями на основаніи соборныхъ постановленій, хотя и тутъ нѣтъ никакихъ законныхъ причинъ устранять протоіереевъ. Но синоду б. ч. приходится заниматься судебными дѣлами, касающимися не только бѣлаго д-ва, но и мірянъ, входить въ разборъ даже семейныхъ отношеній, распоряжаться духовно-учебными заведеніями. Какъ угодно, а тутъ большинство голосовъ должно бы принадлежать не м-щимъ, а лицамъ бѣлаго д-ва, тѣмъ болѣе что оно, въ общемъ своемъ составѣ, превосходитъ чорное не одною своею численностію, но и своею образованностію. 2) Члены изъ бѣлаго д-ва занимаютъ въ засѣданіяхъ синода послѣднія мѣста, — ниже всѣхъ вообще архіереевъ. Отъ этого конечно существеннаго, по к. м., слишкомъ большаго вреда нѣтъ. Но императорскій духовникъ и главный священникъ арміи и флота, постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ присутствуя въ синодѣ, пріобрѣтаютъ *eo ipso* большую опытность въ дѣлахъ. Почему же имъ, за ихъ опытность, не предоставлять при засѣданіяхъ болѣе высшихъ мѣстъ, нежели епископамъ, которые только что удостоились чести присутствовать въ синодѣ? Почему въ немъ не засѣдать митрополитамъ на первыхъ креслахъ, а прочимъ членамъ по старшинству службы? Напр. покойный протопресвитеръ Кутневичъ былъ членомъ синода слишкомъ 30 лѣтъ. Не странно ли было видѣть этого маститаго старца, извѣстнаго и своею ученостію, и своими административными способностями, и своею опытностію, — видѣть въ засѣданіяхъ ниже тѣхъ лицъ, которыя учились еще въ училищѣ, или семинаріи, когда онъ уже былъ членомъ синода. Засѣданія синода-не литургія, при совершеніи которой, по соборнымъ постановленіямъ, епископы занимаютъ мѣсто выше всѣхъ священниковъ и протоіереевъ. Другой нынѣшній членъ синода изъ бѣлаго д-ва В. Б. Б-овъ состоитъ въ этомъ званіи болѣе 15 лѣтъ; кромѣ того извѣстенъ своею ученостію, своими трудами и заслугами по воспитанію дѣтей Царскаго семейства. Всѣ, знающіе его, отъ души желаютъ ему долгоденствія для пользы церкви и отечеству. И что же? прослужи онъ еще 15—20 лѣтъ въ синодѣ и все-таки будетъ ниже тѣхъ, которые были дѣтьми, когда онъ уже былъ государственнымъ человѣкомъ, знаменитымъ духовнымъ сановникомъ! Не ясно ли, что въ синодѣ элементъ монашескій и архіерейскій сильнѣе элемента бѣлаго д-ва. 3) Епархіальные начальники, уѣзжая въ Петербургъ для присутствія въ синодѣ, поступаютъ неодинаково относительно своихъ епархій. Одни при-

казываютъ пересылать по почтѣ къ себѣ всѣ дѣла, которыхъ рѣшеніе имъ предоставлено. Другіе поручаютъ к-ріи предварительно разсматривать ихъ, а нѣкоторыя и рѣшать. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть викарныя епископы, тотъ или другой порядокъ въ большей или меньшей степени сохраняется. Т. о. каждую почту изъ епархіи отправляется многое множество прошеній, репортовъ, донесеній, консисторскихъ протоколовъ и журналовъ. Отъ этого происходятъ большія неудобства и затрудненія. Прежде всего словесныя объясненія д-ва съ своимъ начальникамъ дѣлаются невозможными, а м. т. наставленія и увѣщанія архипастыря сколько бы могли предупредить кляузныхъ дѣлъ, непріятныхъ столкновеній, недоумѣній и пр.? Потомъ к-рія не преминетъ увеличить доходы свои и расходы д-ва, когда предоставлены ей будутъ дѣла и на предварительное и на окончательное разрѣшеніе. Кромѣ того въ этомъ случаѣ дѣлопроизводство идетъ медленно и убыточно для д-ва. Просителю нужно заплатить деньги за пересылку прошенія по почтѣ, уѣхать домой и потомъ еще пріѣхать для узнанія резолюціи; и тутъ иногда поживетъ, поживетъ, да опять и уѣдетъ. 4) Тамъ, гдѣ нѣтъ викаріевъ, такъ называемые ставленники должны ѣздить для посвященія въ сосѣднія епархіи. Но у насъ разстоянія между губернскими городами измѣряются почти вездѣ сотнями верстъ. Напр. когда вятскій архіерей Елпидифоръ былъ въ Петербургѣ, то ставленники его епархіи должны были отправляться для посвященія или въ Казань за 421 или въ Пермь за 483 версты. Точно также, по случаю присутствія въ синодѣ въ 1864 и 1865 году, Уфимскаго епископа Филарета, ставленникамъ надобно было ѣздить для посвященія въ Казань, или Оренбургъ за 351 версту. Нельзя также не пожалѣть и о тѣхъ архіереяхъ, которымъ въ такихъ случаяхъ приходится быть чѣмъ-то въ родѣ викарія своего сосѣда. Вѣдь для посвященія въ священника надобно отслужить двѣ литургіи, а для дьякона одну; числа эти конечно сокращаются, если посвящаются вдругъ и дьяконъ и священникъ. Но за всѣмъ тѣмъ невольный викарій должнъ будетъ въ годъ отслужить лишнихъ 30—40 литургій, если епархія его сосѣда-многолюдна. 5) Учрежденіемъ синода вмѣсто патріаршества Петръ Великій надѣялся достигнуть того, чтобы власть надъ духовными лицами и религіозными дѣлами не сосредоточивалась въ одномъ лицѣ. Эта мысль слишкомъ ясно выражается въ 1 ч. регламента, гдѣ говорится: «извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ; . . . . въ цер-

ковномъ правленіи правительство не монаршеское есть; .... въ коллегіумѣ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду,» тогда какъ въ указѣ Петра I о введеніи регламента сказано: *въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ*. Поэтому по 8му пункту 1й части самъ президентъ синода «подлежати имать суду своей братіи, т. е. томужде коллегіумъ.» М. т. нельзя не сказать, что организація присутствія синода даетъ петербургскому митрополиту большой перевѣсъ надъ прочими членами синода, — архіереями, особенно если, какъ иногда случается, другіе митрополиты живутъ въ своихъ епархіяхъ. Онъ, какъ в. с-но, изъ всѣхъ архіереевъ есть единственный, постоянный и почти не смѣняемый членъ синода. Какъ же прочимъ членамъ архіереямъ не смотрѣть на него, какъ на своего болѣе, нежели представителя, почти какъ на начальника? Какъ имъ рѣшиться во время краткаго пребыванія въ синодѣ отстаивать свои убѣжденія, несогласныя съ мнѣніями его? Да и онъ, р-ся, при обширномъ умѣ, при твердой настойчивости, при административной опытности, при связяхъ, которыя можетъ имѣть съ петербургскою знатью, развѣ не могъ бы напомнить собою конечно уже не патріарха, но нѣчто болѣе, нежели, митрополита? Съ нимъ въ синодѣ могутъ безопасно для себя бороться почти только члены изъ бѣлаго д-ва, которые также, какъ и онъ, постоянны и несмѣняемы. Наконецъ 6) существенный и едва ли не самый важный недостатокъ организаціи синода состоитъ въ томъ, что большинству членовъ его трудно, даже нѣтъ почти возможности быть безпристрастными судьями въ дѣлахъ, касающихся архіереевъ. Положимъ, что дошло до синода извѣстіе о слабостяхъ, проступкахъ какого либо изъ епархіальныхъ начальниковъ. Большинство членовъ не только м-щіе, но и управляютъ епархіями. Такіе судьи, разсуждая о своемъ возлюбленномъ во Христѣ собратѣ, очень хорошо знаютъ, что и на нихъ могутъ поступать совершенно такія же жалобы, и они могутъ быть уличаемы почти въ тѣхъ же слабостяхъ, недостаткахъ, проступкихъ, о которыхъ докладываетъ секретарь. Какъ быть тутъ строгимъ судьею? Вѣдь тутъ, осуждая, или оправдывая собрата, часто осуждаешь, или оправдываешь самого себя. Какъ же не показать снисходительности? Къ этому расположатъ и другія соображенія. Чрезъ годъ, чрезъ два судія удалится въ свою епархію, а на мѣсто его будетъ вызванъ на чреду м. б. бывшій подсудимый, или его другъ, покровитель и т. п. Тогда за высказанное прежде безпристрастіе сразу встрѣтишь въ новомъ

членѣ неумолимаго не только судью, но и врага. Т. о тутъ неизбѣжно устроивается нѣчто въ родѣ круговой поруки; большинство судей и по принципамъ и по чувству самосохраненія превращаются въ адвокатовъ подсудимаго. Настоящими пелицепріятными судьями являются два протопресвитера, а теперь еще протоіерей малой придворной церкви Ив. В. Рождественскій, которому въ 1865 г. высочайше повелѣно засѣдать въ синодѣ но они-меньшинство. Несообразность подобнаго судопроизводства, сама по себѣ очень ясная, но можетъ еще уясниться примѣромъ. Что было бы, если бы за губернаторами имѣлъ надзоръ не министръ внутреннихъ дѣлъ, а совѣтъ, въ которомъ бы они сами подъ предсѣдательствомъ петербургскаго губернатора по очереди года по два засѣдали? Что было бы, если бы они, засѣдая въ этихъ совѣтахъ, въ тоже время продолжали управлять ввѣренными имъ губерніями? Сколько было бы не удивленія, а хохота, если бы вдругъ такіе совѣты установились? А къ какимъ схоластическимъ, или догматическимъ тонкостямъ ни прибѣгайте, — на повѣрку выйдетъ, что большинство членовъ синода при обсужденіи неисправностей и проступковъ епархіальнаго начальника находятся въ томъ же положеніи, въ которомъ находились бы губернаторы предполагаемаго мною совѣта. Только самое высокое безпристрастіе и отреченіе отъ сословныхъ идей, и еще едва ли не лучше всего, только какая либо непріязнь къ подсудимому могутъ расположить нашихъ судей не въ пользу его; первое и второе - прекрасно, но .... рѣдко, отъ третьей сохранитъ насъ Господь-Богъ! Будучи почти по неволѣ очень снисходительными и пристрастными судьями возлюбленныхъ равныхъ себѣ собратовъ во Христѣ, *можемъ ли мы* быть строгими къ низшимъ братьямъ? Нѣкоторые изъ нихъ, напр. архимандриты и ректора, сами могутъ чрезъ нѣсколько времени быть *намъ* равными и *нашими* судьями. И они и прочая братія вѣдь *наши*, вѣдь *нашего цвѣта*, принадлежатъ къ *нашей семьѣ*. Какъ же не пожалѣть и не поберечь, не *выгутать*, какъ говоритъ авторъ книги, о. с. д., *изъ всякой бѣды своего единоплеменно-чорнаго*? Т. о. въ синодѣ, если судить о немъ только по организаціи его присутствія, власть принадлежитъ преимущественно чорному д-ву, архіереямъ, даже значительною частію петербургскому митрополиту.

Но тамъ же, кромѣ монашеской-архіерейской, есть еще двѣ власти, которыя обнаруживаютъ необыкновенно сильное вліяніе на ходъ дѣлъ его, а чрезъ то на бѣлое д-во; это власть Об. Пр-ра и власть канцеляріи.

Часть вторая.

Объ Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода.

Об. П-ръ, по 1му пункту своей инструкціи, — «повиненъ сидѣть въ синодѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы синодъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ синодскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по регламентамъ, указамъ отправлялъ. Онъ же долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы синодъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ.» По 11 пункту сей чинъ (Об П-ра), яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ; того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ.» Легко можно видѣть, сколько нужно энергіи и смѣлости Об. П-ру для исполненія возлагаемыхъ на него очень щекотливыхъ для членовъ синода обязанностей. Не даромъ же Петръ Великій въ указѣ 11 мая 1722 г. (Собр. Зак. т. VI стр. 676 No. 4001) находитъ нужнымъ выбирать въ эту должность *изъ офицеровъ* добраго человѣка, *чтобъ имѣлъ смѣлость*. Тяжелы конечно обязанности Об. Пр-ра, но обширны и права его. 1) Ему подчинены всѣ безъ исключенія чиновники канцеляріи синода, духовноучебнаго и хозяйственнаго управленій; и увольненіе и опредѣленіе всѣхъ ихъ отъ него зависитъ. При такой власти онъ имѣетъ полную возможность ускорять и замедлять движеніе дѣлъ въ синодѣ и даже приказывать давать имъ то или другое направленіе. 2) Ниодно опредѣленіе синода не приводится въ исполненіе прежде, нежели Об. Пр-ръ изъявитъ на него свое согласіе. «А ежели, какъ пишется во 2 пунктѣ его инструкціи, увидитъ, что синодъ не поступаетъ праведно и нелицемѣрно, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предписать синоду явно съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправилъ. А ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ же протестовать и оное дѣло остановить и немедленно доносить Намъ (т. е. Императору), если весьма нужное, и о прочихъ въ бытность нашу въ синодѣ, или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ будетъ.» До такихъ протестацій почти никогда не доходитъ; дѣло улаживается и соглашеніе составляется въ синодѣ и притомъ

б. ч. такъ, какъ находитъ нужнымъ Об. Пр-ръ. 3) Многія изъ дѣлъ, производящихся въ синодѣ, поступаютъ на Высочайшее усмотрѣніе. Въ такомъ случаѣ составляется и представляется докладъ, — но не синодомъ, а Об. Пр-ромъ; отъ него же Государь Императоръ получаетъ нужныя объясненія и чрезъ него же передаетъ свои Высочайшія повелѣнія. Т. о. Об. Пр-ръ есть не только *око Государя, но и слово* и, т. с-ть, посредствующее лицо. 4) Важное значеніе Об. Пр-ра въ синодѣ еще болѣе увеличивается относительно епархіальныхъ властей и духовно-учебныхъ заведеній. Послѣднія почти подъ непосредственнымъ его надзоромъ находятся и т. о. служащіе при семинаріяхъ и академіяхъ имѣютъ право смотрѣть на него, какъ на своего начальника. Послѣ этого понятно, что ректоръ, сдѣлавшись епархіальнымъ архіереемъ, не можетъ вдругъ забыть о той зависимости, въ которой находился отъ Об. Пр-ра по учоной службѣ. Но если бы и забылъ, то ему напомнятъ о новой зависимости слишкомъ многія обстоятельства. Поступающіе, изъ каждой епархіи въ канцеляріи Об. Пр-ра и синода отчоты, срочныя донесенія и дѣла могутъ имѣть многіе недостатки; одни изъ нихъ представятся не во время; въ другихъ же замѣтится неполнота и неясность; въ третьихъ рѣшенія незаконныя. Какъ удобно чрезъ все это держать въ подчиненіи всѣ епархіальные власти! Забудь о подчиненіи, посылаются замѣчанія и выговоры, пошлются ревизоры, потребуются объясненія и пр. Я уже не говорю о жалобахъ, которыя отъ разныхъ лицъ могутъ поступать на епархіальныхъ начальниковъ въ синодъ, или прямо къ Об. Пр-ру. 5) Власть и значеніе его во всѣхъ отношеніяхъ увеличивается отъ одного обстоятельства. По своему названію и по классу своей должности онъ, повидимому, равняется только съ Об. Пр-рами сенатскими, но послѣдніе подчинены министру юстиціи, тогда какъ синодскій Об. Пр-ръ опредѣляется непосредственно самимъ Государемъ Императоромъ, входитъ прямо къ нему съ докладами и даже со словесными объясненіями, и въ этомъ отношеніи уже является почти министромъ; и потому Об. Пр-ръ синода, вполнѣ понимающій свои обязанности, нисколько не выходя изъ круга ихъ, и пользуясь только предоставленными ему правами, можетъ имѣть очень сильное вліяніе на ходъ дѣлъ по всему вообще духовному вѣдомству. Къ числу такихъ Об. Пр-ровъ, по моему мнѣнію, нужно отнести *Шаховскаго* въ XVIII и Протасова въ XIX столѣтіяхъ.

Послѣ всего сказаннаго мною о синодальномъ Об.-Пр-рѣ

неудивительно, что многіе и у насъ и заграницею смотрятъ на него, какъ на министра духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія; — многіе также, особенно духовныя особы и наши и католическія, находятъ власть его слишкомъ вліятельною, полагаютъ даже, что она стѣснительна для д-ва вообще, оскорбительна для синода и даже неприлична относительно православія. Мнѣніе это-несправедливо. Еслибы синодъ занимался только исключительно одними чисто религіозными дѣлами, еслибы онъ, подобно старинымъ вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ, разсматривалъ и рѣшалъ одни догматическіе и церковные вопросы, и еслибы кромѣ того православіе не было господствующею религіею въ Россіи, а каждому предоставлялось вѣровать въ то, что онъ находитъ нужнымъ; тогда бы синодъ, подобно помѣстнымъ соборамъ, бывшимъ до Константина Великаго, при языческихъ императорахъ, самъ собою безъ Об.-Пр-ра могъ бы составлять и приводить въ исполненіе свои опредѣленія. Но синоду въ Россіи 1) нужно вводить не новые, а поддерживать принятыя Православною церковію догматы. Въ этомъ отношеніи присутствіе Об.-Пр-ра въ синодѣ не можетъ произвести никакого вреда. Догматы православной вѣры такъ положительно опредѣлены, доказательства на нихъ такъ точно и ясно высказаны, дѣйствовать и говорить противъ нихъ такъ опасно, что ни одинъ осмотрительный человѣкъ, особенно въ синодѣ, не захочетъ быть пропагандистомъ какихъ либо идей, или тенденцій, противныхъ православію; Об.-Пр-ру быть чѣмъ-то въ родѣ Волтера и Дидро, Штрауса и Ренана просто невозможно, даже немыслимо; самъ Чебышевъ на это не рѣшался. 2) Духовныя лица со своими семействами составляютъ массу болѣе, нежели въ 600,000 человѣкъ; благосостояніе, воспитаніе, моральное настроеніе всей этой массы почти совершенно зависитъ отъ синода. Странно было бы, еслибы правительство не слѣдило за тѣмъ, какъ управляютъ этими 600,000 человѣкъ, которые притомъ имѣютъ громадное вліяніе на все православное народонаселеніе. 3) Въ синодѣ производится много дѣлъ, касающихся всего православнаго народонаселенія; таковы напр. дѣла о расторженіи браковъ, о признаніи того или другаго лица законнорожденнымъ, или незаконнорожденнымъ и пр. Отъ рѣшенія подобныхъ дѣлъ зависитъ семейное счастіе уже неодныхъ духовныхъ лицъ. Опять странно требовать, чтобы правительство не имѣло своего уполномоченнаго въ томъ присутственномъ мѣстѣ, въ которомъ обсуживаются матеріальные семейные интересы его подданныхъ; *тутъ нуженъ*

стрянчій о дѣлахъ государственныхъ. 4) Православная церковь, получивъ право быть господствующею въ Россіи, весьма изрѣдко прибѣгаетъ къ пособію правительства для усмиренія, или наказанія тѣхъ изъ своихъ чадъ, которыхъ она признаетъ строптивыми. Но давно уже извѣстно, что представители всѣхъ вообще вѣроисповѣданій не отличаются снисходительностію, когда имъ приходится судить людей, которыхъ они находятъ врагами принимаемыхъ ими догматовъ, обрядовъ и пр.; ревность ихъ въ этихъ случаяхъ преступаетъ границы умѣренности и наклоняется къ поступкамъ, въ которыхъ трудненько найти слѣды филантропіи, или уваженія къ свободѣ совѣсти. Въ доказательство этой мысли указываю на тюрьмы, суды и костры инквизиціи, а также на изданную недавно жизнь нашего знаменитаго раскольника Протопопа Аввакума, имъ самимъ составленную. Вотъ напр., какъ поступали духовныя власти съ Аввакумомъ: «тоже меня взяли отъ всенощнаго Борисъ Нелодинскій со стрѣльцами, человѣкъ со мною до 60 взяли, ихъ въ сторону отвели и меня на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную патату, ушла въ землю и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ, во тьмѣ; сидя, кланяясь на цѣпи, незнаю на востокъ, незнаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы и сверчки кричатъ и блохъ довольно (No. 3 Библ. для чт. 1862 г. стр. 22—23).» Очевидно, что и наше д-во не любило отличаться гуманностію, расправляясь само съ своими противниками. Конечно въ нашемъ примѣрѣ дѣло шло объ основателѣ раскола; впрочемъ такимъ же образомъ могли поступать и съ менѣе виновными, даже съ невинными людьми. Но всякое правительство должно заботиться о всѣхъ вообще, а не объ однихъ религіозныхъ интересахъ. И потому ему въ такомъ присутственномъ мѣстѣ, которое завѣдываетъ дѣлами совѣсти, нужно имѣть уполномоченнаго, — *стрянчаго о дѣлахъ государственныхъ*, который бы строго наблюдалъ, чтобы *ревнители закона* не слишкомъ были суровы къ неисполнителямъ его. 5) Въ распоряженіе синода отпускается вовсе немалое количество денегъ изъ государственнаго казначейства. Сюда относятся суммы на содержаніе служащихъ въ синодѣ и на ремонтъ домовъ его, на постройки по духовному вѣдомству и особенно на жалованье сельскому д-ву, — всего гораздо болѣе пяти милліоновъ руб. Потомъ православный народъ ежегодно жертвуетъ въ церкви еще болѣе огромныя суммы, которыя

простирались въ 1861 году до девяти милліоновъ руб. Сюда слѣдуетъ присоединить деньги, вырученныя синодальными типографіями, жертвуемыя на попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія и пр. и пр., всего наберется 14—15 милліоновъ руб. Но тутъ еще нѣтъ огромныхъ суммъ, которыя получаютъ монастыри денежными приношеніями и доходами со своихъ имѣній, земель, лѣсовъ и пр.; тутъ опятъ нужно считать милліоны. Наконецъ у духовно-учебнаго управленія есть капиталъ въ 15,454,712 руб. 65 коп., да у попечительства о бѣдныхъ д-наго званія 1,814,847 руб. 35 коп. (отч. за 1861 г.), да и еще, по всей вѣроятности, многіе десятки милліоновъ руб., которые внесены въ разныя кредитныя учрежденія для приращенія процентами изъ всѣхъ монастырей и церквей; вѣдь всѣ эти милліоны и десятки м. б. даже сотни милліоновъ получены и получаются также отъ русскаго народа. Неужели правительство не имѣетъ права зорко смотрѣть за тѣмъ, какъ они истрачиваются? Нѣтъ, что ни говорите, а въ этомъ отношеніи еще болѣе, нежели во всѣхъ другихъ, нужно имѣть въ синодѣ *и око царево и стрянчаго о дѣлахъ государственныхъ.*

Часть третья.

О канцеляріи Св. Синода.

Третья власть въ синодѣ есть власть канцеляріи. Объ этой власти, по видимому, не можетъ быть и рѣчи; п. ч., какъ с-но въ предъидущей части, всѣ чиновники синода находятся въ зависимости отъ Об. Пр-ра и потому послѣдній своимъ авторитетомъ, своими приказаніями и распоряженіями можетъ парализировать всякое благонамѣренное, или неблагонамѣренное стремленіе ихъ сдѣлаться самостоятельными. Не смотря на это, власть синодальной канцеляріи, власть могущественная, существуетъ *non de jure, sed de facto.*

Въ синодъ ежегодно поступаетъ огромное количество бумагъ и даже цѣлыя кипы дѣлъ; въ немъ составляется также огромное количество протоколовъ и журнальныхъ статей, напр. въ 1860 г. входящихъ бумагъ было 11,123, протоколовъ 3,213, журнальныхъ статей 2,998. А въ 1859

первыхъ 10,852, вторыхъ 3,533 и третьихъ 3,822. Но члены синода собираются для рѣшенія дѣлъ далеко не каждый день; засѣданій не бываетъ во всѣ праздничные, воскресные и субботніе дни, въ святки, въ половину сырной недѣли, въ 1ю и 7ю недѣлю великаго поста, во всю пасху; потомъ у синода лѣтомъ есть большіе каникулы, въ которые собираются одинъ, или два раза въ недѣлю, такъ что всѣхъ присутственныхъ дней въ году едва ли болѣе 180—200. По этому въ 1859 и 1860 присутствію синода нужно было въ каждое засѣданіе выслушать и рѣшить по 35—40 дѣлъ. А такъ какъ засѣданія его рѣдко продолжаются болѣе 3хъ часовъ (съ 11 до 2 ч.), то въ часъ выслушивалось по 12—14 бумагъ и дѣлъ и т. о. доставалось по 5 минутъ на каждую бумагу, или дѣло; — *срокъ, к-ся, немножко коротенекъ.* Но извѣстно, что въ синодѣ производятся дѣла, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ, а иногда хоть и рѣдко даже изъ тысячъ листовъ. Такъ напр. въ 1860 г. поступило въ синодъ между прочимъ 34 дѣла о нарушеніи благочинія при богослуженіи, 108 о предосудительныхъ поступкахъ лицъ духовнаго званія, 391 о бракахъ и 286 тяжебныхъ и судебныхъ дѣлъ, доставленныхъ изъ правительствующаго сената. Выслушать докладъ о каждомъ изъ этихъ 819 дѣлъ, обсудить и рѣшить его нельзя въ 5—10 минутъ. Но въ числѣ 819 вошли, р-ся, не всѣ многолистовыя дѣла, рѣшенныя синодомъ; тутъ только перечислены дѣла четырехъ категорій. Не ясно ли послѣ этого, что самимъ членамъ синода нѣтъ никакой физической возможности перечитывать, выслушивать, пересматривать всѣ поступающія на разсмотрѣніе ихъ однолистовыя бумаги и многолистовыя дѣла, если бы даже они не имѣли никакихъ другихъ должностей.

Чтоже дѣлается теперь въ синодѣ, когда членамъ его нѣтъ никакой возможности не только прочитать всѣ бумаги и дѣла, поступающія на ихъ разсмотрѣніе, а даже выслушать доклады о нихъ? Тоже, что дѣлается едва ли не во всѣхъ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ. Чиновниковъ нашихъ можно раздѣлить на два отдѣла: *на пишущихъ и подписывающихъ, — на докладывающихъ и выслушивающихъ доклады.* Одни, такъ называемые канцелярскіе, приходятъ въ присутствіе рано, вынимаютъ изъ шкафовъ и столовъ кипы бумагъ, читаютъ ихъ, наклоня свою голову, выписываютъ, отмѣчаютъ, потомъ пишутъ извлеченія, доклады и пр. Другіе же являются позже первыхъ, проходятъ мимо ихъ, получаютъ отъ нихъ поклоны, скрываются за стеклянными дверями, усаживаются на спокойныхъ креслахъ, зани-

маются частенько разговорами, подписываютъ и отмѣчаютъ кипы бумагъ, выслушиваютъ доклады, полагаютъ свою собственную, а б. ч. принимаютъ ту резолюцію, которую прочитаетъ имъ докладчикъ. Такое раздѣленіе у насъ существуетъ давно, очень давно и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не утвердится мысль, что рѣшать дѣло можетъ и долженъ только тотъ, кто его отъ начала до конца прочитаетъ. — И въ синодѣ есть тоже огромная канцелярія, по столамъ которой раздаются, по заведенному изстари порядку, всѣ бумаги и дѣла прежде, нежели члены услышатъ объ ихъ существованіи. Секретари или сами непремѣнно прочитываютъ ихъ, или поручаютъ это своимъ помощникамъ; и потомъ, сдѣлавши извлеченіе изъ дѣла, составляютъ докладъ о немъ, отыскиваютъ и выписываютъ законы, на основаніи которыхъ оно должно рѣшаться и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнѣйше представляютъ проэктъ резолюціи.

Не стану здѣсь говорить о какихъ либо нравственныхъ, или умственныхъ недостаткахъ составителей докладовъ; допускаю, что они люди умные, добросовѣстные и усердные къ исполненію своихъ обязанностей. Но вѣдь имъ, какъ и всѣмъ, вообще людямъ, нельзя не имѣть слабостей, и у нихъ есть свои убѣжденія и предубѣжденія, свои друзья и знакомые; не у всѣхъ ихъ достанетъ твердости противостоять просьбамъ и другимъ побужденіямъ, которыя не помѣщаются ни въ докладахъ, ни въ протоколахъ. Тутъ на подмогу имъ приходитъ характеръ большей части судебныхъ дѣлъ и бумагъ. Правда иногда прошеніе, или искъ бываютъ такъ ясны, законны, что отказать въ нихъ нѣтъ возможности; такія дѣла можно только отложить, протянуть, *положить подъ красное сукно*. Но зато большая часть бумагъ и дѣлъ могутъ рѣшаться при помощи уступительнаго періода и *pro* и *contra*, какъ заблагоразсудится докладчику, или судьѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ рѣдкомъ хотя нѣсколько сложномъ дѣлѣ не найдутся обстоятельства благопріятныя, или неблагопріятныя просителю, истцу, или отвѣтчику. Р-ся, въ ловко составленномъ докадѣ можно выставить на первомъ планѣ одни, затѣнить другія обстоятельства, а иногда на какое либо изъ нихъ не обратить вовсе никакого вниманія, сочтя его неважнымъ. Затѣмъ законовъ у насъ очень много; они не только разнообразны, но иногда и противорѣчатъ одинъ другому, по к. м. на первый взглядъ; канцелярскіе законники владѣютъ отличною способностію находить въ нихъ особый смыслъ и примѣнять ихъ, повидимому, къ непримѣнимымъ дѣламъ. Теперь, если вамъ хочется помочь просителю, то

развѣ нѣтъ возможности написать докладъ такъ, что члены, выслушавъ его, при составленіи опредѣленія непремѣнно помѣстятъ неблагопріятные законы и обстоятельства въ первой части уступительнаго періода, а во второй, — послѣ знаменитыхъ: *однако*, *впрочемъ*, послѣдовать должена резолюція въ пользу просителя, подкрѣпленная всѣми благопріятными обстоятельствами и законами. А если вамъ проситель не нравится, то надобно такъ все излагать, чтобы благопріятные ему законы и обстоятельства попали въ первую часть уступительнаго періода; ну, — тогда отъ второй части не поздоровится уже ему. Нечего и говорить о томъ случаѣ когда самъ докладчикъ можетъ составить или проэктъ резолюціи, или предложить его для подписи г. г. членамъ; тутъ можно все такъ комбинировать, запутать и распутать, что и опытный дѣлецъ не вдругъ заподозрить васъ въ путаницѣ. О! *уступительный періодъ при рѣшеніи дѣлъ, при составленіи о нихъ докладовъ, играетъ важную роль.* Не ясно ли для васъ, г. ч., какую огромную силу доставляетъ канцеляріи всякаго присутственнаго мѣста право составлять доклады и обычай рѣшать дѣла на основаніи такихъ докладовъ? Канцелярскіе чиновники почти всегда прочитываютъ всякое дѣло отъ перваго листа до послѣдняго, знаютъ законы, къ нему относящіеся и съумѣютъ рѣшить его самымъ правильнымъ образомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагая членамъ присутствія докладъ, могутъ такое дать ему направленіе, что въ первую часть уступительнаго періода попадутъ тѣ именно благопріятныя, или неблагопріятныя обстоятельства, которыя, *по ихъ благому усмотрѣнію*, должны туда войти. Ну а члены слушаютъ докладъ, а не видятъ дѣла, составляютъ свое опредѣленіе на основаніи тѣхъ фактовъ, которые вносятся въ докладъ, а не примѣнительно къ содержанію всего дѣла.

Но въ синодѣ есть обстоятельство, отъ котораго усиливается значеніе канцеляріи. Уже в. с-ко, что самимъ членамъ его нѣтъ никакой физической возможности въ какіе либо 180—200 присутственныхъ дней, въ какіе либо 540—600 присутственныхъ часовъ выслушать тысячъ семь и болѣе докладовъ, обсудить ихъ и составить резолюціи, даже примѣняясь къ проэктамъ секретарей — докладчиковъ, — ну, право, невозможно, тѣмъ болѣе что, по заведенному порядку, въ одно засѣданіе читается докладъ и по немъ составлятся протоколъ, а въ другое прочитывается и подписывается этотъ протоколъ. Ну, какъ же все это исполнить въ 540—600 час. *Невозможно!* И потому канцеляріи дозволено, по такъ

называемымъ *маловажнымъ* дѣламъ, составлять доклады, протоколы, или журнальныя статьи съ окончательными опредѣленіями, и потомъ предлагать членамъ, которые ихъ подписываютъ, какъ будто бы дѣйствительно они сами слушали, обсуждали и рѣшали дѣло. Вы не вѣрите, г. ч., ну такъ опять попробуйте сосчитать, сколько нужно времени, чтобы выслушать доклады о 7000 дѣлахъ, а главное помните, что многіе доклады занимаютъ десятки листовъ и пробуждаютъ живые споры между членами. Подумайте, пожалуйста; тогда повѣрите открытому мною вамъ секрету синодальной канцеляріи.

Облегченіе придумано хорошее, но чрезъ него увеличилось и значеніе канцеляріи въ огромныхъ размѣрахъ. Понятіе о маловажности, или *многоважности* дѣлъ очень неопредѣленно. Для васъ, г. свѣтскій читатель, ровно ничего не значитъ, будетъ ли открытъ въ селѣ никольскомъ новый причтъ, или уничтоженъ одинъ изъ существующихъ, слѣдуетъ ли дочери священника Ипатьева дать мѣсто и отказать въ томъ профессору Русанову, должно ли причетника Власьева уволить изъ духовнаго званія и пр. и пр.? Ну а для другихъ такія дѣла слишкомъ важны. А канцелярія, сочтя ихъ маловажными, можетъ сама рѣшить; и если ей послѣ даже доказали бы, что такое дѣло вовсе не маловажное, то она скажетъ: «извините, а мы думали, что это дѣло ясное и маловажное; извините, мы къ слѣдующему засѣданію составимъ докладъ.»

Притомъ не всякій членъ, по к. м. не всегда можетъ дѣлать возраженія противъ предлагаемыхъ къ подписи протоколовъ и журнальныхъ статей. На нихъ не ставится никакихъ знаковъ, по которымъ можно было бы узнать, самимъ ли присутствіемъ составлено опредѣленіе повыслушаніи доклада, или канцелярія рѣшила дѣло, какъ маловажное и предлагаетъ утвердить подписью ея рѣшеніе? Но члены не всѣ пріѣзжаютъ къ самому началу засѣданія; отъ разныхъ обстоятельствъ то одинъ, то другой или пріѣдетъ поздо, или уѣдетъ рано, или даже вовсе не бываетъ. Потомъ протоколы и журнальныя статьи рѣдко читаются всему вдругъ и вслухъ присутствію; чаще всего ихъ предлагаютъ для подписи, и они отъ одного къ другому члену передаются. Теперь положимъ, что, по мнѣнію какого либо члена, дѣло какъ будто рѣшено не такъ, какъ слѣдуетъ, что доклада онъ не помнитъ; но онъ очень можетъ подумать, что дѣло, вѣроятно, прочитано и рѣшено было во время его неприсутствованія въ засѣданіи. Кромѣ того при множествѣ дѣлъ

АКАДЕМ

почему, не опасаясь самоуниженія, не забыть о докладѣ: вѣдь 7000 — страшное число! да по своей епархіи еще сколько дѣлъ и бумагъ? А тутъ къ успокоенію своему видитъ, что кто либо уже и подписался, — подписываетъ и самъ, подписываютъ и другіе. Главное дѣло, нужно въ экстренныхъ случаяхъ знать, кому первому предложить протоколъ, или журнальную статью для подписи; а тамъ прочее все само собою сдѣлается.

Присутствію — легче, а у канцеляріи больше силы! почему ей, ободренной своими успѣхами, не дерзнуть иногда и на то, чтобы *перерѣшать дѣла*, т. е. измѣнять, пополнять, сокращать тѣ опредѣленія, которыя уже дѣйствительно составлены на основаніи мнѣній, высказанныхъ членами въ общемъ присутствіи? Этому способствуетъ особенно одно обстоятельство. Об. Пр.-ръ, какъ с-но въ предъидущей части имѣетъ право протестовать противъ тѣхъ рѣшеній синода, которыя онъ находитъ неправильными. Такихъ протестовъ могло бы набраться очень много. И потому не лучше ли домашнимъ способомъ, мирнымъ путемъ исправлять ошибочныя, пополнять недостаточныя рѣшенія? Но этотъ мирный домашній способъ очень выгоденъ для канцеляріи. Читая протоколъ, или журнальную статью, членъ даже хорошо знаетъ, что опредѣленіе было составлено присутствіемъ иначе, нежели какъ тутъ написано; но онъ можетъ подумать, что поправка сдѣлана по желанію его сіятельства, или его превосходительства; — не заводить же спора; да и почему иногда не сдѣлать маленькой уступки? А при помощи маленькихъ можно привыкнуть и къ большимъ уступкамъ; въ которыхъ ни его сіятельство, ни его превосходителство иногда невиноваты ни тѣломъ, ни душою. Впрочемъ когда опасаются встрѣтить какое либо сопротивленіе со стороны членовъ, то принимаются нѣкоторыя особыя мѣры. Протоколъ везетъ къ одному или двумъ членамъ кто либо изъ важныхъ чиновниковъ, объясняетъ причины, почему измѣнено постановленное рѣшеніе; подпись получена; къ прочимъ отвезетъ протоколъ курьеръ, или менѣе важный чиновникъ. Да полно, правда ли это? спросите вы. «Эхъ, господа, какой вы недовѣрчивый народъ!? Дѣлать нечего, укажу вамъ и на фактъ. Но будьте снисходительны и ко мнѣ; не требуйте отъ меня слишкомъ современныхъ событій; вѣдь не все можно даже мнѣ и знать и говорить, впрочемъ фактъ, который разскажу, взятъ не изъ мифологическихъ временъ. — Двѣ знаменитыя особы, ревизовавшія одну духовную академію, донесли синоду о неудовлетворительномъ препода-

ваніи философіи, но обвиняли въ этомъ не профессора, а академическое начальство, которое велѣло ему читать лекціи по учебнику Винклера. И потому ревизоры находили нужнымъ, чтобы профессоръ преподавалъ философію по собственнымъ своимъ запискамъ. Синодъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ; профессоръ конфиденціально увѣдомленъ былъ о столь лестномъ для него рѣшеніи. М т. вдругъ получено было академическимъ правленіемъ предписаніе, по которому, вслѣдствіе опредѣленія синода, преподаваніе философіи поручено совершенно стороннему для академіи лицу, а о прежнемъ профессорѣ было сказано, не найдетъ ли академическое правленіе возможнымъ перемѣстить его на другой какой либо предметъ? Такая перемѣна декорацій произошла очень просто. Ректоръ академіи, приказавшій профессору читать философію по пустѣйшему учебнику Винклера, былъ въ большой милости у важнѣйшаго свѣтскаго синодальнаго чиновника. Первоначальная резолюція синода, р-ся, была ему не только не пріятна, но даже и унизительна; во что бы то ни стало, онъ захотѣлъ спасти себя отъ унижанія. Составили протоколъ со вторымъ рѣшеніемъ; къ главному члену привезъ его важный чиновникъ; что между ними происходило, — незнаю. Но потомъ чиновникъ заѣхалъ къ другому члену; послѣдній, — честный старикъ, дорожившій достоинствомъ своего сана, сталъ возражать противъ измѣненія протокола. Но ему сказали: «о чемъ вы хлопочете, — смотрите, вѣдь вонъ подписался же тотъ, для кого особенно интересно это дѣло.» Старикъ не сталъ спорить, но призваный имъ тотъ часъ же іеромонахъ нашолъ его въ крайнемъ негодованіи и въ слезахъ. «Боже мой, Боже мой, говрилъ онъ, до какого униженія мы дожили?!» А къ прочимъ членамъ отвезенъ былъ протоколъ для подписи уже не важнымъ чиновникомъ. Послѣ этого понятна будетъ шутка одного присутствовавшаго въ синодѣ архіерея. Во время засѣданія онъ, замѣтивъ, что сосѣдъ его прочитываетъ предложенные ему для подписи протоколы и журналы, тихохонько сказалъ ему: «зачѣмъ читаете? вѣдь отъ насъ желаютъ, чтобы мы подписывали, и не читали; — подписывайте, — скорѣе дѣло кончится и менѣе труда будетъ.»

Кому же теперь принадлежитъ сила и значеніе въ канцеляріи? Прежде всего смѣшно было бы думать, что члены синода ничего не могутъ сдѣлать. Нѣтъ, когда они рѣшатся на чтонибудь и настойчиво станутъ приводить въ исполненіе свои желанія, то съ ними слишкомъ трудно и даже часто невозможно бороться и Об. Пр-ру, и канцеляріи. Даже не

всегда можно отказать и одному члену, особенно врліятельному, когда онъ приметъ участіе въ какомъ либо дѣлѣ. Но общее согласіе, рѣшительная настойчивость не часто случаются, а *съ царствомъ, раздѣлившемся на ся*, управляться нетрудно. Одиночная же дѣятельность трудна и не многимъ нравится; тутъ уже лучше попросить, а при случаѣ помолчать и скрыть свое неудовольствіе съ тѣмъ, чтобы послѣ по к. м. имѣть меньше непріятностей. — Значить, сколько остается, дѣлъ, которыя канцелярія можетъ рѣшать по своему благоусмотрѣнію? — Опять смѣшно также думать; чтобы не только секретарь, но даже управляющій всею канцеляріею могъ бороться съ Об. Пр-омъ и не исполнять его положительныхъ приказаній. И потому дѣла, въ которыхъ Об. Пр-ръ принимаетъ участіе, или которыхъ содержаніе ему извѣстно, рѣшаются сообразно съ его мыслями. Но онъ есть начальникъ не одной синодальной, но и своей собственной канцеляріи, съ прибавкою духовноучебнаго и хозяйственнаго управленій; а во всѣхъ этихъ четырехъ присутственныхъ мѣстахъ въ 1861 году было 38,099 входящихъ и 40,789 исходящихъ бумагъ. Положимъ, что цѣлою половиною всѣхъ этихъ бумагъ не тревожили Об. Пр-ра, но и тогда вѣдь придется ему ежедневно выслушать или прочитать, подписать болѣе, нежели 100 бумагъ. Охъ! вѣдь страшное число! Гдѣ же ему услѣдить за всѣми дѣлами по синодальной канцеляріи? Какъ же ему не довѣряться ей и особенно управляющему ею! Какъ даже *не посмотрѣть иногда кое-начто сквозь пальцы?* Смѣнить чиновниковъ конечно можно, но новые люди будутъ ли лучше, — еще неизвѣстно. — И управляющему синодальною канцеляріею заняться всѣми десятью тысячами входящихъ бумагъ и семью тысячами протоколовъ и журнальныхъ статей, да слѣдить завсѣми 12000 исходящихъ бумагъ, развѣ можно? Какъ директоръ, онъ можетъ только дирижировать общимъ ходомъ дѣлъ, ускорять, или замедлять ихъ движеніе. Потомъ тамъ, гдѣ онъ настоятельно выскажетъ свою волю, или гдѣ слишкомъ ясно видно его знакомство съ дѣломъ, или участіе въ немъ, тамъ оно рѣшится по его наставленію, или желанію. Но сколько дѣлъ нужно по неизбѣжной необходимости передать оберъ-секретарямъ. И этимъ въ свою очередь нельзя прочитать всѣхъ дѣлъ, которыя едва успѣваютъ перечитать всѣ подчиненные имъ секретари съ своими помощниками. И такъ на верхнія ступени лѣстницы взносятся только развѣ немногія дѣла; да и тяжело съ ними туда подниматься; прочая масса остается въ распоряженіи секретарей, отчасти помощниковъ

ихъ и, пожалуй, оберъ-секретарей; а *на верхъ поднимаются не дѣла, а доклады ихъ, составленые внизу.*

Притомъ ловкіе и опытные чиновники необыкновенно хорошо умѣютъ достигать своихъ цѣлей. Выслушавъ приказаніе начальника о томъ, чтобы такое-то дѣло рѣшено было такъ-то, они съ поклономъ скажутъ: «слушаю-съ, В-ше Превосходительство, или В-е С-ство, или даже Ваше Преосвященство.» И потомъ или тутъ же, или чрезъ нѣсколько времени являются и говорятъ даже иногда съ замѣшательствомъ: «Вы изволили приказать мнѣ сдѣлать то-то, теперь было бы уже всё готово, но въ дѣлѣ встрѣчается вотъ какой фактъ, или въ сводѣ законовъ помѣщонъ вотъ какой законъ.» И фактъ и законъ мѣшаютъ, р-ся, исполненію даннаго приказанія, и потому спрашивается: какъ поступить въ такомъ случаѣ? Не всегда же подобныя скромныя атаки можно отражать словами въ родѣ пушечныхъ выстрѣловъ: «да подите прочь, сдѣлайте, какъ знаете; только чтобы приказаніе мое было исполнено и дѣло рѣшено по моему желанію.» Право, въ этомъ родѣ всегда отвѣчать нельзя. И потому начальники по неволѣ иногда говорятъ: «эхъ жалко! нельзя ли какъ нибудь обойти это?» Нельзя, отвѣчаютъ. И т. о. мало по малу самые горячіе и настойчивые начальники становятся въ зависимость отъ подчиненныхъ. Значитъ, *вся суть состоитъ* въ тѣхъ чиновникахъ, которые составляютъ или по к. м. могутъ измѣнить докладъ, и особенно въ секретаряхъ, и столоначальникахъ; не даромъ же они говорятъ въ Петербургѣ, что мы управляемъ всѣми дѣлами. Но они люди добрые и смышленые, помнятъ русскія пословицы: *свой своему по неволѣ братъ, — рука руку моетъ, — воронъ ворону глаза не выклюнетъ.* И потому готовы услужить другъ другу; отказывать не годится, м. б. и самому попросить придется. Не забываютъ и не чуждаются также и прочей канцелярской братіи, экзекутора, казначея, бухгалтера, своихъ и чужихъ помощниковъ, даже писцовъ; всѣ могутъ быть нужны и полезны не нынѣ, такъ завтра, — не сами собою, такъ тѣмъ сослуживцемъ, который имъ покровительствуетъ. И потому если въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ ваше дѣло производится, есть у васъ знакомый хоть какой либо чиновникъ, — *не отчаявайтесь;* если за васъ станетъ хлопотать какой либо секретарь, или столоначальникъ, — *надѣйтесь*, и если бы чѣмъ бы то нибыло вы расположите въ свою пользу того, кто долженъ составить докладъ по вашему дѣлу, — то *будьте покойны*; — ужъ развѣ оно слишкомъ несправедливо. Только не забывайте, что вы

живете во второй половинѣ XIX столѣтія, когда тѣ только научные выводы признаются вѣрными, которые составлены, какъ говаривали схоластики, *a posteriori* и когда умозаключенія *a priori* потеряли всякое довѣріе. Дѣлопроизводство наше идетъ наровнѣ съ вѣкомъ. Если вы хлопочите о своемъ дѣлѣ, то дѣйствуйте *a posteriori*, а не *a priori*, просите и упросите столопачальника, или секретаря и тогда уже возьмитесь за *a priori*, т. е. явитесь къ начальнику отдѣленія, оберъ-секретарю, директору и пр. А если прямо станете дѣйствовать *a priori*, то можете проиграть дѣло; тутъ явятся *a posteriori* неопровержимыя возраженія противъ него.

И такъ, г. ч., не правда ли, что въ синодѣ есть три власти? *Власть монашеская*, *архіерейская*; она сильна и почти необорима, когда дѣло касается м-ва и особенно архіерейскаго сана; тутъ м-щіе члены почти всегда составляютъ *едину душу, едино тѣло;* тутъ они съумѣютъ защитить дорогіе для нихъ интересы отъ двухъ другихъ властей. *Власть Об. Пр.-ра* сильна особенно, когда облеченные ею есть дѣйствительно око-царево, представитель и вмѣстѣ знатокъ закона; при такихъ условіяхъ эта власть можетъ, Богъ знаетъ, сдѣлать сколько добра. *Власть канцеляріи* принципами нелюбитъ заниматься; она стремится пріобрести и обнаруживаетъ свою силу преимущественно въ частныхъ случахъ, или, почти можно сказать, *обдѣлываетъ дѣлишки.* Одна только власть слаба, это власть бѣлаго д-ва; а ей-то бы и надобно тутъ быть главною; ея представители, составляя меньшинство, при всемъ своемъ умѣ и опытности, не могутъ вѣчно бороться съ м-вомъ и всегда одерживать побѣду надъ нимъ.

Отдѣлъ 30ый.

О духовныхъ консисторіяхъ.

Пословицу: *до Бога высоко, да царя далеко* относительно бѣлаго д-ва можно замѣнить слѣдующими словами: *до Петербурга далеко, до синода высоко.* И потому существеннымъ и непосредственнымъ образомъ благосостояніе духовныхъ лицъ зависитъ отъ ближайшихъ, надъ ними установленныхъ епархіальныхъ властей, къ которымъ собственно принадлежатъ: архіереи, к-ріи, духовныя правленіи и благочинные.

Но о взаимномъ отношеніи между епархіальными начальниками и бѣлымъ д-вомъ были уже цѣлые отдѣлы, да еще кое-что въ послѣдствіи понадобится прибавить. По этому главнымъ образомъ здѣсь скажу только о к-ріяхъ и благочинныхъ; и кое-что о духовныхъ правленіяхъ и протоіереяхъ уѣздныхъ городовъ.

Часть первая.

О к-ріяхъ вообще и о членахъ ея въ частности.

Присутственныя свѣтскія мѣста и снаружи и внутри отличаются не только опрятностію, но даже иногда великолѣпіемъ. Войдя въ переднюю ихъ, вы встрѣтите прислугу, которая возьметъ и повѣситъ на вѣшалку ваше верхнее платье, поставитъ къ мѣсту палку и калоши и попроситъ васъ въ пріемную, гдѣ вы объясните экзекутору, или дежурному чиновнику свою нужду, а онъ постарается, по возможности, удовлетворить ей. Если нѣтъ пріемной, то въ канцелярскихъ комнатахъ вамъ предложатъ стулъ, или по к. м. вѣжливо съ вами поговорятъ. Тутъ вы найдете прилично одѣтыхъ чиновниковъ, а иногда чуть не франтовъ, полы частые, покрытые даже по мѣстамъ ковровыми половниками, мебель приличную, на которую можно сѣсть безъ опасности очутиться на полу. Я уже не говорю о томъ, что въ иныхъ мѣстахъ увидите паркетные полы, драпри шторы, мебель краснаго, орѣховаго, или ясеневаго дерева. Здѣсь Фемида скорѣе приведетъ робкаго истца, или отвѣтчика въ замѣшательство своею пышностію, нежели пробудитъ отвращеніе въ деликатномъ и образованномъ человѣкѣ. Не то вы встрѣтите въ духовныхъ к-ріяхъ, огромное большинство ихъ напоминаютъ намъ тѣ *избы*, гдѣ нѣкогда засѣдали наши старинные не подъячіе, *а ярышки*. Зданіе к-рій и снаружи не привлекательно; крыша давно не крашена; штукатурка на стѣнахъ по мѣстамъ обвалилась и изрисована полосами, которыя надѣлала вода, стекающая съ кровли; стекла въ окнахъ позеленѣли; сѣни не только никогда не мыты, но едва ли метены; пріемная такая же, какъ и сѣни, если не хуже ихъ; тутъ даже не всегда всѣмъ можно присѣсть; ходятъ, стоятъ, но зимою и это неудобно, п. ч. передней не отапливаютъ; а иногда вовсе нѣтъ ее, или не смѣютъ войти въ нее, и потому мерзнутъ въ сѣняхъ и на

открытомъ воздухѣ. Не даромъ въ Максѣ г. Рѣшетникова (No. 10 Современника 1864 г. стр. 389) говорится: «къ звонорямъ приходили и дьячки пріѣзжіе. А приходили они потому, чтобы погрѣться, такъ какъ имъ долго приходилось мерзнуть около консисторской прихожей.» К-ся, ясно. Чтобы не замерзнуть, ступайте скорѣе въ канцелярію. Тутъ вы увидите полы, загрязненные не менѣе, какъ и на постоялыхъ дворахъ, — столы только *не дубовые*, и сосновые топорной работы, изрѣзанные залитые чернилами, засыпанные пескомъ. Изъ джентльменовъ канцелярскихъ есть немного хорошо одѣтыхъ, даже съ пріятными манерами и приличною физіогноміею. Но тутъ же вы увидите множество господъ въ сертукахъ засаленныхъ и вытертыхъ, съ разодранными локтями, въ сапогахъ не только съ заплатами, но и съ отверстіями, чрезъ которыя выглядываетъ грязная онучка, или какой либо палецъ; одни блѣдны; п. ч. не опохмѣлились, другіе раскраснѣлись; п. ч. опохмѣлились; отъ одного несетъ запахомъ штофной лавочки, другой — дышетъ изгарью вчера выпитой сивухи. Тутъ вы скоро почувствуете омерзѣніе и убѣжите, если нужда не заставитъ васъ оставаться.

Отъ наружной обстановки обратимся, т. с-ть, къ внутреннему содержанію. Ни объ одномъ присутственномъ мѣстѣ не выражаются такъ рѣзко, съ такимъ негодованіемъ, какъ о к-ріяхъ. Авторъ книги о с. д. говоритъ: «въ послѣднее время слышны повсюду жалобы на страшныя злоупотребленія въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ (гражданскихъ). Но что еслибы эти жадующіеся посмотрѣли, что́ дѣлается въ духовныхъ правленіяхъ и к-ріяхъ? Вѣрно они нашлибы, что земскіе и уѣздные суды въ сравненіи съ ними тоже, что ничтожный холеринъ съ злѣйшею холерою и попріумолкли бы съ своими жалобами (стр. 116—117). Да, есть судебныя мѣста, гдѣ во имя Закона, Вѣры и Христа попирается всякая правда, попирается такъ явно, такъ безстрашно, такъ нагло, что и вообразить трудно; есть судебныя мѣста, которыхъ бѣжитъ всякій порядочный человѣкъ, о которыхъ говорятъ всѣ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, самыя названія которыхъ обратились въ притчу и позоръ, — это духовныя правленія и к-ріи.» А на страницѣ 120 авторъ называетъ к-ріи «*мѣстами нечестія, срама и позора для всего д-ва, для всего управленія нашего.*» Петръ Долгоруковъ въ своей *verité* говоритъ: «тамъ (въ к-ріяхъ) все продается и все покупается (стр. 347).» Нашли же кого слушать, скажутъ здѣсь защитники к-рій. Одинъ тайкомъ посылаетъ свое сичиненіе за границу и тамъ печатаетъ его, другой из-

гнанъ изъ отечества, — можно ли имъ вѣрить? Если не вѣрите, то не угодно ли послушать, какъ говоритъ одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ: «рѣшительное преобразованіе ихъ (к-рій) необходимо не только для спокойствія д-ва, но и *для чести человѣчества*. Самые строгіе, самые дѣятельные архіереи, не смотря не все свое желаніе, не въ силахъ исправить это зло при нынѣшнемъ устройствѣ; и украсить георгіемъ 1й степени нужно было бы того, кто изобрѣлъ бы проэктъ, разбивающій на голову *это полчище взяточниковъ*.» Вотъ какъ выражается уже не врагъ Россіи, или епархіальнаго управленія, а защитникъ послѣдняго. Что же это за полчище взяточниковъ, мѣсто нечестія, срама и позора для всего д-ва, для всего управленія нашего, — присутственное мѣсто, котораго бѣжитъ всякій порядочный человѣкъ, — о которомъ говорятъ всѣ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, — которое нужно преобразовать для чести человѣчества? Что такое духовныя к-ріи?

По уставу духовныхъ к-рій «онѣ (§ 1.) производятъ управленіе и духовной судъ въ епархіи, но *подъ непосредственнымъ начальствомъ* епархіальнаго архіерея и (§ 280) состоятъ изъ 5—7 членовъ, которые (§ 282) избираются изъ архимандритовъ, игуменовъ, іеромонаховъ, протоіереевъ и іереевъ; одинъ только ректоръ семинаріи и академіи (§ 283) вмѣстѣ съ назначеніемъ въ такое званіе признается и членомъ мѣстной к-ріи.» И хотя всѣ избранные члены, по представленію епархіальнаго архіерея, утверждаются и увольняются синодомъ, но, р-ся, какъ с-но въ No. 17 Дня 1863 г. (стр. 12 столб. 2), «гдѣ же синоду знать о качествахъ и достоинствѣ всѣхъ священниковъ 50 епархій?» Если присовокупить сюда, что епархіальное д-во, особенно бѣлое вполнѣ во всемъ зависитъ отъ владыки, то нечего и говорить о самостоятельности членовъ к-ріи, когда ихъ голосъ противорѣчитъ мнѣнію, или лучше приказанію владыки. Одинъ только ректоръ хоть нѣсколько независимъ отъ него, но зато онъ «не обязанъ (§ 283) участвовать въ всѣхъ засѣданіяхъ и дѣлахъ; участвуетъ же по мѣрѣ возможности совмѣстить занятія по к-ріи съ училищными обязанностями и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда епархіальный архіерей находитъ нужнымъ участіе его въ сужденіи по дѣламъ.» Впрочемъ въ уставѣ к-ріи приняты очень хорошія мѣры, чтобы члены ея какъ нибудь не захотѣли быть самостоятельными въ своихъ мнѣніяхъ. Всѣ протоколы и журналы к-ріи и принадлежащія къ протоколамъ особыя мнѣнія членовъ представляются на разсмотрѣніе преосвященнаго и тогда только при-

водятся въ исполненіе, когда онъ напишетъ: *исполнить, или утверждается.* Самъ онъ можетъ не утверждать даже единогласнаго мнѣнія членовъ к-ріи. Они хотя (§ 333) «не стѣсняются въ своихъ сужденіяхъ могутъ остаться при прежнемъ мнѣніи; но архіерей въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ к-ріи, полагаетъ собственное рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе.» Въ этомъ отношеніе уставъ чрезвычайно заботится о томъ, чтобы епархія даже и не догадывалась о разногласіи между членами к-ріи и преосвященнымъ. По § 338 «когда рѣшеніе архіерея не согласно съ мнѣніемъ к-ріи, — послѣднее прописывается только въ исходящихъ бумагахъ въ синодъ и къ Об. Пр.-ру, а въ прочихъ исходящихъ не упоминается.» Поэтому епархіалное д-во будетъ бранить членовъ к-ріи даже въ томъ случаѣ, когда мнѣніе ихъ было вовсе несогласно съ резолюціею, которую положилъ архіерей.

Имѣя понятіе о томъ, кѣмъ избираются члены к-ріи и какъ приводятся въ исполненіе ея рѣшенія, мы уже можемъ разсчитать, что въ ней бѣлое д-во не можетъ быть преобладающимъ сословіемъ и находить себѣ защиту. Въ былое время монахолюбивые владыки наполняли все присутствіе к-ріи только монахами. Самъ синодъ въ 1768 г. усмотря, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ духовныхъ к-ріяхъ въ присутствіи находятся только архимандриты и игумены, а изъ протопоповъ и священниковъ не имѣется никого, предписалъ непремѣнно опредѣлять въ к-рію священниковъ и протоіереевъ (собр. зак. т. XVIII стр. 724 No. 13,163). Несмотря на этотъ указъ и нынѣ въ к-ріи много еще монаховъ-членовъ; напр. Изъ 351 члена к-рій на 1864—1865 г. было 73 монаховъ и 278 протоіереевъ и священниковъ (Адресъ календарь на 1864—1865 г.); т. о. и тутъ м-во, составляя почти болѣе, нежели $^1/_4$ часть, можетъ имѣть очень сильный голосъ. Но если положить на вѣсы всю тяжесть архіерейской власти, то к-рія, состоя даже только изъ однихъ лицъ бѣлаго д-ва, была бы все таки судилищемъ монашескимъ и архіерейскимъ съ тою только разностію, что ея приговоры подъ вліяніемъ м-ва и архіерейства подписывались бы священниками и протоіереями. Послѣдніе, м. б., еще не очень бы жаловались на это, еслибы они были отвѣтственными лицами предъ тѣмъ, кто ихъ избралъ; въ случаѣ какихъ либо промаховъ и несправедливостей они могли бы сказать въ свое оправданіе: «В-ше П-во, мы тутъ не виноваты, исполнивъ ваше приказаніе. «Но, къ ихъ несчастію, они, какъ увидимъ ниже, подлежатъ суду, штрафамъ, взысканіямъ, выговорамъ и пр., которыя идутъ не отъ архіерея,

Что же имъ дѣлать въ разныхъ экстренныхъ случаяхъ? Они напр. получили намекъ, или даже приказъ рѣшить дѣло извѣстнымъ образомъ, а м. т. знаютъ, что такое рѣшеніе, какъ противо-законное, можетъ подвергнуть ихъ отвѣтственности. Подай свой голосъ, не послушайся архіерея, тогда послѣдній можетъ напомнить непокорному по русской пословицѣ *если не мытьемъ, такъ катаньемъ*, какъ опасно въ чемъ нибудь не исполнить воли начальника, отъ котораго вполнѣ зависишь. А покорившись этой волѣ, подпадешь подъ взысканія и притомъ въ ней не найдешь себѣ защиты. Что же дѣлать? Остается итти общимъ міромъ-соборомъ къ своему начальнику, убѣдить его въ невозможности исполнить данныя имъ приказанія почтительнѣйшими представленіями, покорнѣйшими просьбами, низкими поклонами, даже слезами и колѣнопреклоненіями; — ко всему этому не привыкать. М. б. это часто удавалось бы, если бы въ к-ріи не была еще другая власть, кромѣ власти членовъ, власть, которая еще болѣе ослабляетъ и безъ того уже не очень сильное положеніе членовъ к-ріи; эта власть скрывается въ канцеляріи.

Столоначальники к-ріи (§ 308) подъ руководствомъ секретаря составляютъ для доклада подробныя записки, выводятъ справки и выписываютъ приличные законы; «по § 310 приготовленныя къ докладу дѣла вносятся въ присутствіе и докладываются секретаремъ или, подъ руководствомъ его, столоначальникомъ?» А мы уже видѣли (3 ч. 29го Отд.) какимъ могуществомъ владѣютъ въ присутственныхъ мѣстахъ тѣ чиновники, которые составляютъ доклады. Могущество это, р-ся, могло бы ограничиваться членами; и. ч. каждымъ столомъ завѣдываетъ одинъ изъ нихъ, и всѣ резолюціи пишутся (§ 319) въ настольныхъ реестрахъ ими, а не столоначальниками. Но этими правами немногіе члены могутъ воспользоваться. Авторъ книги о с. д. говоритъ: «тамъ (въ к-ріяхъ) возсѣдаетъ глубочайшее невѣжество въ отношеніи къ правамъ и законамъ. Нѣтъ нужды, что членами к-ріи іереи-магистры и протоіереи; м. б. нѣкоторые изъ нихъ и въ состояніи написать проповѣдь, но юридическаго смысла и знанія нѣтъ ни въ одномъ — говоримъ положительно и не боимся, что насъ обличатъ во лжи. Чего бояться? Пусть любому члену, напр. тверской к-ріи, поручатъ разобрать сколько нибудь серьезное дѣло, подвести нужные законы и составить опредѣленіе; тогда увидятъ, правду ли мы говоримъ. Въ к-ріи они-тоже, что головы въ волостяхъ: сидятъ и подписываютъ, что подадутъ имъ; или нѣтъ, — выше головъ, — исправляютъ грамматическія ошибки, да

переписываютъ резолюціи, заранѣе заготовленныя.» Тутъ же въ примѣчаніи: «со стороны смѣшно и жалко смотрѣть, какъ послѣдній подъячій водитъ магистра посѣдѣлаго за носъ .... Еслибы члены к-ріи не были такими невѣждами, то все-таки, к-ся, было бы менѣе .... вопіющихъ подлостей.» *Жестоко слово сіе*, и къ несчастію въ большей части случаевъ справедливо. Въ воспитанникахъ академій и семинарій дѣйствительно нѣтъ юридической подготовки, которая могла бы бороться съ консисторскими подъячими. Имъ читаютъ конечно каноническое право, но сообщаютъ только свѣдѣнія объ источникахъ церковнаго законодательства, о св. писаніи, апостольскихъ преданіяхъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ и пр., — словомъ говорится больше о томъ, чѣмъ можно блеснуть въ школѣ, что относится къ преданіямъ старины глубокой, и не касается практической жизни; не скажутъ, какъ надобно помѣщать входящія бумаги, какъ составляются доклады, протоколы, пишутся резолюціи и пр. И потому вновь опредѣленный членъ к-ріи на первый разъ почти всегда бываетъ полною невинностію въ засѣданіяхъ; у него есть разсудокъ, желаніе быть полезнымъ, но опытность въ дѣлахъ ему нужно еще пріобрѣтать и притомъ съ большими препятствіями. До сихъ поръ еще у насъ нѣтъ свода всѣхъ дѣйствующихъ церковныхъ законовъ; уставъ к-ріи занятъ преимущественно формальною стороною, синодскія постановленія хранятся въ канцеляріяхъ и вполнѣ извѣстны посѣдѣлымъ б. ч. консисторскимъ приказнымъ. Замѣчательно даже, что епархіальные архіереи не очень благосклонно смотрятъ на готовность услужливыхъ людей вполнѣ ознакомить всѣхъ съ церковнымъ законодательствомъ. Когда послѣ изданія свода законовъ предложено было духовнымъ властямъ или самимъ на себя принять, или лучше поручить другимъ заняться составленіемъ свода духовныхъ законовъ, то предложеніе не было принято; и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ тогда іерарховъ сказалъ по этому случаю: «къ чему это? издай всѣ законы тогда всякій дьячокъ станетъ *указывать* архіерею.» Т. о. новый членъ к-ріи, еслибы даже и пожелалъ, не можетъ скоро узнать существующія постановленія, которыми ему нужно руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ. Кромѣ того почти всѣ члены к-ріи имѣютъ другія должности; кто состоитъ священникомъ при соборѣ и даже приходской церкви, наставникомъ и начальникомъ семинаріи, или училища, благочиннымъ; — кто управляетъ монастыремъ, служитъ при архіерейскомъ домѣ экономомъ и пр. ни одинъ изъ нихъ не можетъ себя

всецѣлостью посвятить консисторскому занятію. А м. т. неловко на первый разъ сконфузиться и сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ и своихъ сочленовъ, которые частенько свысока посматриваютъ на своего новаго товарища, — и кащеляріи, которая зорко слѣдитъ за нимъ, чтобы поскорѣе узнать, врага ли, или покорнѣйшаго своего слугу она въ немъ встрѣтитъ. Къ кому же теперь обратиться новому члену за *сикурсомъ*, какъ говаривали при Петрѣ Великомъ? Къ кому, какъ не къ столоначальнику своему. Онъ началъ службу свою съ званія писца, или помощника, ознакомился со всѣмъ механизмомъ дѣлопроизводства, знаетъ всѣ крючки к-ріи, составляетъ о каждомъ дѣлѣ доклады, пишетъ журнальныя статьи, протоколы и пр., имѣетъ притомъ выгоду, если не заискивать благосклонность новаго члена, то щадить его и не вооружать противъ себя. Членъ еще не знаетъ, въ какихъ случаяхъ ему нужно написать: *справку*, *пріобщить къ дѣлу*, *принять къ свѣдѣнію и пр.*, и потому договаривается съ столоначальникомъ, чтобы онъ карандашемъ дѣлалъ условные знаки, по которымъ можно бы узнать, какое надобно дать движеніе бумагѣ. Членъ долженъ написать резолюцію своею рукою въ настольномъ реестрѣ? И вотъ столоначальникъ вкладываетъ записочку *съ проэктомъ резолюціи*, или просто напросто съ полною резолюціею; а членъ съ подобающею возможностію списываетъ, поправляя, какъ в. с-но, грамматическія ошибки. Иногда членъ сидитъ на креслѣ, а столоначальникъ стоитъ сзади и нашептываетъ ему, что надобно писать. Если какой либо смѣльчакъ захочетъ выказать свою самостоятельность, или начнетъ догадываться о натяжкахъ и пристрастіи столоначальника, то послѣдній имѣетъ возможность усмирить подобныя проявленія революціонныхъ тенденцій, застращаетъ его цитатами изъ свода законовъ, синодскихъ указовъ, архіерейскихъ резолюцій, прежними примѣрами; секретарь явится на подмогу; члены помалчиваютъ, и вотъ нашъ революціонеръ замолкнетъ. Какъ хорошо сказалъ авторъ книги о с. д. въ примѣчаніи на стр. 117 «иной магистръ, не совсѣмъ оподъячившійся, и радъ бы противостать какой либо рѣзкой мерзости, да, незная — какъ, по неволѣ молчитъ, соглашается и подписываетъ.» Такъ поступаетъ новый членъ съ начала службы; потомъ, находясь долгое время подъ командою другаго, *мы* уже не вдругъ можемъ освободиться отъ нее, а иногда навсегда подъ нею остаемся. Тутъ дѣйствуетъ и привычка, и мысль, что легче списывать резолюціи, нежели самому составлять ихъ, и невозможность ознакомиться со всѣми за-

конами, указами, резолюціями и примѣрами и пр. и пр. И вотъ наблюдающій членъ остается навсегда подъ наблюденіемъ своего столоначальника. Отступленія отъ этого порядка въ глазахъ столоначальниковъ считаются даже чѣмъ-то революціоннымъ, незаконнымъ. Напр. одинъ протоіерей, сдѣлавшись въ 1865 году членомъ к-ріи, усердно взялся за дѣла; самъ пересматривалъ бумаги, справлялся съ законами, требовалъ протоколы и журналы, когда нужно было что либо подписать. На это канцелярія крайне вознегодовала. «Вотъ еще что вздумалъ, говорилъ столоначальникъ, читаетъ еще бумаги, требуетъ протоколы; его дѣло подписывать а мы и безъ него знаемъ, что́ и какъ дѣлать.»

Часть вторая.

О секретарѣ и канцеляріи к-рій.

Разсказъ и сужденія свои о консисторской канцеляріи начну съ секретаря, какъ ближайшаго и непосредственнаго ея начальника. Браня к-рію, р-ся, тѣмъ самымъ уже бранимъ и секретаря ея; но онъ часто удостоивается и отдѣльно этой незавидной чести. Авторъ книги о с. д. (стр. 118) говоритъ: «секретарь, — это душа к-ріи и вездѣ и всегда, безъ исключенія-жесточайшій бичъ д-ва. Чтобы не распространяться объ этой личности, скажемъ только, что секретари к-ріи считаютъ свои доходы десятками тысячъ. Откуда и какимъ образомъ? Ясно и понятно, что путемъ честнымъ и чистымъ пріобрѣтать столько нельзя, нужно прибѣгать ко всѣмъ подъяческимъ ухищреньямъ, къ безсовѣстнѣйшимъ продѣлкамъ, къ жесточайшимъ притѣсненіямъ, чтобы выжимать изъ д-ва такія огромныя суммы.» Но, по психологіи, душа управляетъ тѣломъ, поэтому к-рія хотя и есть самостоятельное присутственное мѣсто, но она всегда находится подъ управленіемъ секретаря (No. 17 Дня 1863 г. 12 стр. 1 и 2 столб.); потомъ ниже *секретарь называется начальникомъ членовъ к-ріи.* Какимъ же образомъ онъ сдѣлался и душою к-ріи, и бичомъ д-ва, и начальникомъ членовъ к-ріи?

Разсмотрѣвъ права, обязанности и отношенія секретаря къ архіерею, мы увидимъ, что они взаимно другъ отъ друга зависятъ, что послѣдній болѣе нуждается въ первомъ, не-

жели на оборотъ. Секретарь, хотя (§ 288) находится подъ *ближайшимъ* начальствомъ епархіальнаго архіерея, но м. т. въ тоже время состоитъ въ *непосредственномъ* вѣдѣніи Об. Пр-ра, а главное (§ 287) опредѣляется и увольняется синодомъ по избранію и предложенію его. Потомъ секретарь (§ 288) обязанъ исполнять всѣ предписанія того, кто его избираетъ; Об. Пр-ръ, минуя к-рію и архіерея, даетъ прямо предписанія секретарю и получаетъ отъ него требуемыя свѣдѣнія. А о чемъ Об. Пр-ръ не можетъ спросить? А секретарь, отвѣчая на запросъ, чего не можетъ и кстати и мимоходомъ не написать? Епархіальныя власти знаютъ это и по русской пословицѣ, *мотаютъ себѣ на усы*. Далѣе (§ 344) секретарь самъ «представляетъ Об. Пр-ру срочныя свѣдѣнія по предписаннымъ формамъ.» А къ числу такихъ свѣдѣній принадлежитъ ежегодная перечневая вѣдомость (No. XXV) о движеніи дѣлъ въ к-ріи; и въ ней можно прописать, что замедленіе въ окончаніи тѣхъ или другихъ дѣлъ произошло отъ епархіальнаго начальства. Послѣ этого понятны уже будутъ слѣдующія слова, напечатанныя въ No. 17 Дня Декабр. 1863 г. (стр. 12, стол. 1 и 2) «Правда секретарь, по уставу, есть полный начальникъ только консисторской канцеляріи; онъ ничего не можетъ дѣлать безъ согласія членовъ и утвержденія архіерейскаго; но на самомъ дѣлѣ и *архіерей* во многихъ случаяхъ *находится въ его рукахъ* . . . . Это, м. б., случилось отъ того, что секретарь имѣетъ право во всякое время доносить отъ себя Об. Пр-ру синода о чрезвычайныхъ случаяхъ въ епархіи; и эти случайности могутъ простираться на всевозможныя мелочи въ жизни каждаго изъ д-ва. Секретарь и пишетъ, что все обстоитъ благополучно, а вотъ ходятъ слухи, что будто нашъ высокопреосвященный . . . . . и здѣсь онъ можетъ помѣстить все, о чемъ ему захотѣлось бы говорить; — понятно, что нѣтъ причинъ архіерею находиться не въ ладахъ съ секретаремъ; ибо кому какое удовольствіе получать выговоры и предостереженія свыше?» — Случается и нерѣдко, что отъ преосвященныхъ требуются объясненія синодомъ, или Об. Пр-ромъ, что у нихъ бываетъ иногда довольно щекотливая переписка съ свѣтскими властями. Не все же самому писать; члены кр-іи б. ч. спеціалисты каждый по своему столу, да и не всегда опытные дѣльцы, а секретарь съ подчиненными ему столоначальниками все можетъ и долженъ знать.

Если секретарь, какъ сказано во Днѣ, можетъ держать въ рукахъ даже архіерея, то гдѣ же бороться съ нимъ

членамъ к-ріи? Въ такой борьбѣ ему станутъ помогать множество обстоятельствъ. 1) Я уже не говорю о докладахъ, которые составляются столоначальниками подъ руководствомъ секретаря; при самомъ разсужденіи и какомъ бы то ни было дѣлѣ онъ имѣетъ право (§ 318) не только объяснять существо дѣла, но и докладывать о законахъ, на которыхъ можетъ быть основано рѣшеніе. А при неопытности и даже при порядочной опытности членовъ, какъ легко смѣлому, но вмѣстѣ опытному секретарю-дѣльцу, напередъ приготовившемуся, извратить сущность дѣла и отыскать такіе законы и указы, о которыхъ члены и не догатывались. 2) На секретаря (§ 299) возлагается не только ближайшій надзоръ за канцеляріею во всѣхъ отношеніяхъ, но и отвѣтственность въ правильности дѣлопроизводства. Если какой либо членъ уже очень не нравится секретарю, то развѣ послѣднему нельзя и благовременно и безвременно внушать преосвященному, что у не нравящагося члена идутъ дѣла очень медленно собственно отъ него? Даже почему въ какомъ либо срочномъ донесеніи не довести этого до свѣдѣнія Об. Пр-ра? Медленное же производство дѣлъ въ столѣ такого члена, который не подаетъ поводовъ къ неудовольствію, можно и предъ преосвященнымъ и предъ Об. Пр-ромъ объяснить другими обстоятельствами. 3) Хотя въ уставѣ к-ріи, к-ся, нѣтъ постановленія, кто долженъ вносить къ архіерею протоколы и журналы, но обыкновенно, какъ справедливо замѣчено въ No. 17 Дня 1863 г. (стр. 12, ст. 2) «всѣ дѣла изъ к-ріи поступаютъ къ нему (архіерею) чрезъ секретаря, и обратно привозятся имъ же, или письмоводителемъ; съ членами же архіерей очень рѣдко видится.» Потомъ секретарь же б. ч. докладываетъ о полученныхъ какихъ либо вновь важныхъ бумагахъ, спрашиваетъ, какъ поступать при рѣшеніи ихъ; р-ся получаетъ и передаетъ присутствію мысли преосвященнаго. Этому помогаетъ особенно то обстоятельство, что и сами преосвященные, встрѣчая нужду поговорить о консисторскихъ дѣлахъ, почти вездѣ требуютъ къ себѣ для этого секретарей, и очень рѣдко членовъ. — Теперь послушаемъ, какъ День въ томъ же 17 No. 1863 г. говоритъ: «вотъ поступаетъ въ к-рію какое либо дѣло, члены обсудятъ его, рѣшатъ, какъ велитъ законъ и совѣсть; секретарь беретъ журналы и отвозитъ якобы къ архіерею на утвержденіе, а самъ его можетъ и не показывать; по пріѣздѣ же обратно замѣчаетъ, что архіерей съ мнѣніемъ членовъ не вполнѣ согласенъ; вотъ въ такихъ-то пунктахъ его слѣдовало бы рѣшить такъ и такъ...

Что жъ? Вѣдь это говоритъ архіерей? Къ чему секретарю фальшивить? Онъ же и опытнѣе... да къ тому же нѣтъ причины и нельзя ему противорѣчить, и рѣшается дѣло такъ, какъ сказалъ архіерей или, правильнѣе, секретарь. Теперь дѣйствительно дѣло показывается архіерею, который самъ же замѣчаетъ, что оно рѣшено неправильно, указываетъ это секретарю, а онъ говоритъ: я, В-е пр-во, согласенъ съ вами, указывалъ членамъ на статьи закона, но они общимъ голосомъ рѣшили его въ этомъ видѣ. Я могу передать имъ ваше замѣчаніе, но, к-ся, для такого рѣшенія они имѣли въ виду вотъ слѣдующія обстоятельства,» а обстоятельствъ этихъ безчисленное множество. «Такъ мнѣніе секретаря и царитъ надъ мнѣніемъ архіерея и членовъ к-ріи. Въ к-ріи мнѣніе архіерея секретарь передаетъ въ какомъ угодно ему видѣ, а мнѣніе членовъ передаетъ архіерею тоже въ какомъ угодно ему видѣ. Бываютъ даже случаи, что журнальныя опредѣленія членовъ просто замарывались рукою секретаря и писались другія. И подобныя бумаги проходили, п. ч. архіерей подъ часъ, при докладѣ секретаря, указывая на бумаги, спрашиваетъ только. — о чемъ? о чемъ? ему секретарь отвѣчаетъ: о томъ и о томъ, а за этимъ архіерей пишетъ, утверждается» въ полной увѣренности, что к-рія обсудила дѣло, какъ слѣдуетъ. Послѣ утвержденія, журналовъ секретарь можетъ и не показывать членамъ, сказавъ просто «утверждены» чего еще? Потомъ на основаніи статьи журнала пишется указъ и въ числѣ десятковъ другихъ подписывается членомъ, который не принималъ вовсе никакого участія въ рѣшеніи дѣла.»

Но почему членамъ к-ріи или всѣмъ вмѣстѣ, или по одиночкѣ не жаловаться, не протестовать? Люди они почетные, — архимандриты, протоіереи, священники заслуженные. Ступай они ко владыкѣ общимъ міромъ — соборомъ, или даже отдѣльно, разскажи всякій о злоупотребленіяхъ секретаря; неужели ихъ не послушаютъ? Прежде всего здѣсь нужно сказать, что секретари б. ч. держатся макіавелевскаго правила! *divide et impera;* слишкомъ рѣдко случается, чтобы они не имѣли членовъ, которые *стоятъ за нихъ* по пословицѣ, *горою;* потомъ слишкомъ рѣдко бываютъ случаи, когда продѣлка секретаря касается всѣхъ вообще членовъ; поэтому надобно долго ждать, чтобы всѣ члены рѣшились на протестацію, или жалобу, ну а по одиночкѣ секретарь цадъ каждымъ можетъ одержать побѣду. «Иной членъ (говорится въ 17 No. Дня 1863 г. стр. 12) м. б. осмѣлился бы замѣтить архіерею, но въ какой формѣ выставить злоупо-

требленіе? Словесно? Архіерей не всегда слушать хочетъ. «Этотъ человѣкъ, скажетъ онъ, мною вызванъ и я въ честности его увѣренъ.» Въ формѣ бумажнаго доноса? Тогда доносчику грозитъ или нескончаемый процессъ, или духовное покояніе, или почотное удаленіе. Но главное дѣло, всѣ хорошо знаютъ, что общій протестъ невозможенъ и немыслимъ, а частнымъ личностямъ все равно погибать, — мнѣ ли, другому, третьему.»

Зная силу свою, безсиліе и безгласность членовъ, секретари к-ріи рѣшаются на такіе поступки, которые только и могутъ объясняться увѣренностію въ безнаказанности; по несчастію эта увѣренность часто оправдывается. «Лѣтъ 14 назадъ, пишется въ No. 17 Дня 1863 г. (стр. 11), случилась въ к-ріи растрата денегъ. Произошло это такъ: суммы консисторскія лежатъ въ сундукѣ и повѣряются ежемѣсячно членами; все выходило хорошо; приходъ съ расходомъ былъ вѣренъ .... М. т. члены подозрѣвали нечистоту дѣлъ приходорасходчика, обращали на это вниманіе секретаря к-ріи, въ вѣдѣніи котораго находилась канцелярія. Требовали отчотовъ отъ приходорасходчика въ дѣйствительной отсылкѣ выдаваемыхъ ему изъ сундука денегъ; онъ все медлилъ; подозрѣніе оправдывалось и оно вполнѣ оправдалось, когда приходорасходчикъ вмѣсто того, чтобы, по требованію членовъ, явиться въ к-рію для сдачи отчотовъ, сколъ лучшимъ покончить съ собою самоубійствомъ, а помощникъ его-неизвѣстно куда скрылся; послѣ нашли его въ рѣкѣ. Приступили къ освидѣтельствованію сундука съ новымъ приходорасходчикомъ; денегъ не оказалось. Составленъ былъ членами актъ и препровожденъ, куда слѣдуетъ. Началось дѣло и оказалось, что деньги дѣйствительно правильно выдавались и правильно принимались; но канцелярія имѣла въ обычаѣ полученныхъ денегъ изъ сундука не отсылать, куда слѣдуетъ, а изъ полученныхъ съ почтамта показывать столько, сколько заблагоразсудится. Т. о. вся растрата произошла въ канцеляріи находящейся подъ вѣдѣніемъ секретаря. Такимъ образомъ канцелярія оказалась совершенно правою. Секретарь [illegible] переѣхалъ въ другую епархію, членовъ же [illegible] подъ судъ.» Скажутъ: «Здѣсь виноватъ не секретарь, а приходорасходчикъ и его помощникъ, которые покончились самоубійствомъ.» Но отчего же секретарь не помогъ произвести повѣрку суммъ тотчасъ же, какъ только члены начали требовать ее? Развѣ безъ его вѣдома канцелярія могла получанныхъ изъ сундука денегъ не отсылать, куда слѣдуетъ, или изъ полученныхъ изъ почтамта показывать [illegible]

сколько заблагоразсудится? Но воровства особенно секретари даромъ не прикрываютъ; очевидно, что воровали вмѣстѣ и секретарь, и приходорасходчикъ, и его помощникъ; только первый велъ дѣло такъ, что виновными казались послѣдніе.

Но вотъ другое событіе, случившееся въ епархіи сосѣдней съ тою, гдѣ происходила описанная сейчасъ растрата денегъ. Тутъ уже воровская дѣятельность секретаря к-ріи не прикрывалась приходорасходчикомъ, *дѣло было ведено на чистую*, какъ говоритъ пословица. Чтобы понять событіе, — надобно сказать нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ. Епархіальный архіерей былъ человѣкъ не далекаго ума, но считавшій свою особу необыкновенно важною и всячески старавшійся держать подчиненное ему бѣлое д-во на самой почотной отъ себя дистанціи. При немъ на службѣ, или въ услуженіи состоялъ архимандритъ, который страдалъ неизлечимою болѣзнію; она еще не внесена въ патологію; назовемъ ее *епископоманіею*, отъ хотѣлъ, во чтобы то ни стало, и надѣялся быть архіереемъ при помощи того, у кого находился въ придворномъ штатѣ. Секретаремъ к-ріи былъ маленькій человѣчекъ, но хитрый, безсовѣстный взяточникъ, находившійся впрочемъ подъ покровительствомъ сильнаго въ духовномъ вѣдомствѣ чиновника, которому епархіальный начальникъ былъ многимъ обязанъ. Секретарь, надѣясь на протекцію, бралъ со всего и со всѣхъ, *елико возможно*, но увидалъ, что этимъ способомъ не скоро разбогатѣешь и потому рѣшился казеннымъ сундукомъ въ к-ріи распоряжаться, какъ своимъ собственнымъ. Консисторская печать, которою запечатывали сундукъ, была у самаго секретаря, ключъ отъ сундука у приходорасходчика, состоявшаго подъ начальствомъ его; значитъ можно было и отпирать и запирать сундукъ, снимать и налагать печать съ него. И вотъ сотни и тысячи рублей начали переселяться въ карманъ секретаря. Затѣмъ въ избѣжаніе излишнихъ хлопотъ, онъ прекратилъ ежемѣсячныя ревизіи суммъ. Члены, хотя люди очень богатые, увидали, что тутъ есть что-то недоброе. Объяснились съ секретаремъ; онъ и знать не захотѣлъ. Явились къ епархіальному архіерею, даже подали письменное донесеніе, но дѣло молчало нѣсколько мѣсяцевъ, и сундукъ не пополнялся, а болѣе и болѣе очищался; секретарь видѣлъ, что надобно торопиться. Наконецъ дѣло дошло *до 3го отдѣленія*, которому, какъ говорили тогда, сообщилъ объ этомъ одинъ изъ членовъ к-ріи. Епархіальный архіерей былъ важная особа; ему самому и велѣно было сдѣлать дознаніе; имъ

наряжена коммиссія, которой презусомъ сдѣланъ былъ архимандритъ — *епископомъ*. Денегъ не оказалось до 25 тысячъ. Пустить дѣло о такой огромной и нахальной кражѣ въ ходъ было унизительно для архіерея, опасно для секретаря, обидно для его протектора. И вотъ презусъ началъ доказывать членамъ к-ріи, что лучше всего дѣло покончить домашнимъ образомъ; вѣдь и они не правы, вѣдь все равно придется имъ же расплачиваться и по суду; такъ лучше расплатиться добровольно безъ суда; притомъ преосвященный обѣщаетъ въ такомъ случаѣ большое пособіе изъ своего богатаго монастыря. Члены послушались столь вѣжливаго приглашенія. Тогда епархіальный архіерей позвалъ ихъ къ себѣ всѣхъ вмѣстѣ. Вышедъ къ нимъ въ залу и показывая на кучу бумагъ, представленныхъ коммиссіею, величественно и грозно сказалъ: «судъ или милость? Чего вы хотите? Если-милости, то заплатите, — тогда все покроется и я васъ не забуду. Если же не такъ, то вамъ судъ. И такъ судъ или милость?» У членовъ сначала нашлась смѣлость возражать противъ такихъ суда и милости; стали упирать на то, что они вѣдь за нѣсколько мѣсяцевъ доносили Его П-ву о кражѣ, что секретаря нужно отдать подъ судъ и пр. Тогда величественный владыка повелъ атаку противъ каждаго отдѣльно; одному протоіерею сказалъ: «да, тебѣ некогда; у тебя слишкомъ много должностей,» а отецъ протоіерей не хотѣлъ ни съ одною изъ нихъ разстаться; другому напомнилъ, что у него большое семейство и никто еще изъ дѣтей не пристроенъ; отцы протоіереи замолчали. Тогда заговорилъ было одинъ священникъ. А это кто? спросилъ владыка съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. — Такой-то священникъ, отвѣчали. — «Священникъ?!.... сказалъ влад — и только, а не протоіерей.» Аудіенція кончилась напоминовеніемъ о судѣ и милости и архипастырскимъ совѣтомъ подумать. Тогда архимандритъ-презусъ повелъ отдѣльныя атаки на каждаго изъ членовъ, и эти жалкіе люди, кто изъ надежды заслужить милость, кто уже увлеченный общимъ примѣромъ, одинъ по единому начали вносить наложенную на нихъ контрибуцію, иные въ 1500 руб., иные въ 3000 руб.; люди богатые, вынесли. Дѣло скоро кончилось; п. ч. суммы оказались уже не растраченными. Секретарь конечно оставилъ свое мѣсто, но съ украденными деньгами получилъ другую должность. Счастливый народъ! воруй даже казенныя деньги; за такой подвигъ переведутъ только на другое нисколько не худшее мѣсто.

Ободряемые своими успѣхами и своею неотвѣтствен-

ностію, секретари иногда рѣшаются на затѣйливые поступки, или, какъ говорятъ, *выкидываютъ штуки небывалыя; неожиданныя* относительно самихъ епархіальныхъ начальниковъ. Въ No. 17 Дня 1863 год. (стр. 12 ст. 3) описывается одна изъ такихъ штукъ. «Былъ такого рода случай, что, по волѣ секретаря, архіерей самъ себя отдалъ подъ судъ к-ріи. Члены должны были судить своего архіерея за большіе расходы по его дому, тогда какъ все управленіе хозяйственное архіерейскимъ домомъ, непосредственно принадлежитъ архіерею, и дотолѣ судили, пока не узнали, что это продѣлка секретаря противъ эконома, который, въ благое время, не сдѣлалъ секретарю приличнаго приношенія.»

Послѣ всего этого, какъ въ самомъ дѣлѣ не назвать секретаря *начальникомъ членовъ к-ріи.* И эти люди, конечно не вездѣ, а нерѣдко стараются расположить своего опаснаго начальника не одною только услужливостію, но и подражаютъ тому обычаю, который, положимъ въ былое время, соблюдался домохозяевами въ большихъ городахъ относительно полицмейстера, частнаго пристава и квартальнаго надзирателя. Извѣстно, что въ день именинъ всѣхъ этихъ почтенныхъ градо- и квартало-начальниковъ, въ пасху и святки почтенные и зажиточные домохозяева посылали имъ болѣе или менѣе значительные подарки деньгами, запасами и пр. Тоже самое соблюдалось не въ очень давнее время (не соблюдается ли даже и нынѣ?) въ одномъ знаменитомъ градѣ членами к-ріи относительно секретаря ея. И они поздравляли его съ праздниками рождества и свѣтлаго воскресенія Христовыхъ и съ днемъ ангела не только словомъ, но и дѣломъ, — не только своею собственною особою, но и кулечкомъ, пакетцомъ и т. п.

Хотя секретарь к-ріи не священникъ, и канцелярскіе чиновники не прихожане его, однако къ нимъ можно приложить пословицу: *каковъ попъ, таковъ приходъ.* Конечно рѣдкую можно найти к-рію, гдѣ бы секретарь и чиновники, особенно, столоначальники не жаловались другъ на друга. Дѣло б. ч. состоитъ въ томъ, что или секретарь слишкомъ много себѣ присвоиваетъ доходовъ, — тогда жалуются чиновники, или эти, воспользовавшись какими-либо для себя благопріятными обстоятельствами, успѣваютъ обобрать просителей независимо отъ секретаря и ему оставляютъ такъ кое-что по мелочи. Но ясное, дѣло, что тутъ не настоящая вражда, а только конкуренція; это не заклятые и не непримиримые враги, а соперники, которые имѣютъ общіе интересы, между ними бываютъ столкновенія, но имъ выгод-

нѣе быть помощниками, союзниками другъ другу. Возьмите секретаря, — зачѣмъ ему окончательно разссориваться съ столоначальниками? Вѣдь они хоть и подъ его руководствомъ, составляютъ доклады, занимаются исполненіемъ рѣшенныхъ дѣлъ; но разссорься съ ними и потомъ скажи имъ: «что вы не составили такого-то доклада, не отослали, такого-то указа, не попридержали такого-то дѣла, не дали другому дѣлу такого-то направленія.» Р-ся, все это можно сказать и иной столоначальникъ не ослушается своего начальника. Но дѣльцы съумѣютъ доказать, что они заняты болѣе важными докладами, что у нихъ лежитъ еще множество не исполненныхъ бумагъ, не терпящихъ отлагательства, что задерживать дѣла нельзя было по такимъ-то неопровержимымъ причинамъ, что такіе-то и такіе-то законы не согласны съ тѣмъ направленіемъ, которое вы находите нужнымъ дать такому-то дѣлу.» А если господствуетъ между канцелярею и секретаремъ миръ и согласіе, тогда все можно сдѣлать; только секретарь возьми себѣ что слѣдуетъ, да вели повидаться съ столоначальниками, или по к. м. не препятствуй и имъ поживиться и понаживаться. Ну а канцеляріи вовсе ужъ нѣтъ выгодъ ссориться съ секретаремъ, онъ все-таки ея начальникъ, даже при благосклонности своей поддержитъ чиновниковъ, какъ своихъ подчиненныхъ противъ нападковъ со стороны членовъ. И такъ всѣмъ этимъ господамъ этой ассоціаціи (не шайкѣ ли?) лучше дѣйствовать за одно, въ единомъ духѣ, стремиться къ одной цѣли — наполненію своихъ кармановъ, — *одному быть попомъ, а прочимъ — прихожанами?*

Но пастырю всегда нужно стоять выше своихъ овецъ и по внутреннимъ и по внѣшнимъ качествамъ. Вѣроятно по этому и секретари въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣзко нынѣ отличаются отъ прочихъ подъячихъ консисторскихъ. Ихъ часто присылаютъ изъ Петербурга; между ними есть лица не духовнаго происхожденія, потомственные дворяне, академисты, даже магистры и слишкомъ мало не кончившихъ курса въ семинаріи, или другомъ какомъ либо среднеучебномъ заведеніи; — чистыхъ неучей почти нѣтъ. Канцелярія же вся наполняется только лицами, происходящими изъ духовнаго званія; свѣтскаго элемента въ ней нѣтъ, если не считать представителями его дѣтей — консисторскихъ же чиновниковъ, которые изъ милаго своего потомство воспитали будущихъ взяточниковъ подъ личнымъ надзоромъ; но и у этихъ свѣтскихъ консисторскихъ дѣтей дѣдушка былъ непремѣнно гдѣ либо священникомъ, причетникомъ и т. п.

Потомъ и Петербургъ, принимая на себя хлопоты снабжать к-рію только секретарями, всю прочую консисторскую братію великодушно предоставляетъ отыскивать въ епархіи, такъ что чиновники каждой почти епархіи принадлежатъ къ произведеніямъ туземной почвы; чужеземныя же, или, лучше, чуже-епархіальныя появляются по мѣстамъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда ихъ привозятъ, или выписываютъ архіереи, ректора, секретари и другія знаменитости, да еще въ петербургской и московской к-ріяхъ провинціалы ищутъ своего счастія. Т. о. духовныя лица всѣхъ почти епархій, войдя въ свою к-рію, могутъ вмѣсто словъ: *здѣсь русью пахнетъ*, сказать: *здѣсь пахнетъ нашею туземною смоленскою, вятскою, рязанскою, курскою и пр. кутьею.* Къ несчастію кутья эта не отличается вкусомъ, приготовляется не изъ рису, не ослащена сахаромъ, не украшена изюмомъ; — нѣтъ, это кутья деревенская — изъ простыхъ пшеничныхъ, ячменныхъ и даже ржаныхъ зеренъ, разведенная ситою изъ дурнаго меда, *настоящая прокислая кутья.* Далѣе между чиновниками канцелярій консисторскихъ почти вовсе нѣтъ академистовъ, только кое-гдѣ кандидаты богословія не стыдятся занимать мѣста столоначальниковъ. Даже изъ окончившихъ курсъ семинаріи не очень многіе рѣшаются погрязнуть въ к-ріи; крайняя нужда, или особенный вкусъ къ взяточничеству и побирошничеству располагаетъ ихъ поступать сюда. Большинство же консисторскихъ чиновниковъ состоитъ изъ исключенныхъ учениковъ всѣхъ классовъ семинаріи и училища за лѣнь, пьянство, грубость и другія подобныя качества. Боязнь, что имъ не дадутъ никакого порядочнаго мѣста въ д-вѣ, невозможность поступить на гражданскую службу, отвращеніе, или неумѣнье добывать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ побуждаютъ недоучившихся семинаристовъ опредѣляться писцами к-ріи и потомъ мало по малу достигать званія столоначальника, или протоколиста. Особенно же туда стремятся причетническія дѣти, имъ, если они не кончили семинарскаго курса, по гражданской службѣ только и можно служить въ к-ріи.

Чтобы составить понятіе объ умственныхъ, особенно моральныхъ качествахъ наибольшей части консисторскихъ чиновниковъ, надобно знать, что въ концѣ прошедшаго и отчасти въ началѣ нынѣшняго столѣтія д-во, особенно сельское, не отличалось ученостію, образованностію, хорошимъ обращеніемъ; ученыхъ священниковъ было мало; дьяконы и особенно причетники умѣли конечно читать церковныя книги, но понимать ихъ, даже разбирать гражданскую не-

чать не находили очень нужнымъ для себя. Панибратство съ мужиками, сходство съ ними по привычкамъ, потребностямъ и образу жизни, участіе въ выпивкахъ и пирушкахъ по случаю молитвъ, молебновъ, крестинъ, похоронъ и пр., умѣніе выпрашивать, а при случаѣ выжимать лишнюю копѣйку у мужика — немогли развивать умственныя и нравственныя качества въ дѣтяхъ д-ва, которыя все это видѣли, иногда даже кое — въ чемъ и практиковались. Такія-то дѣти поступали въ духовныя училища. Школа, природа, стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ очищали нѣкоторыхъ отъ деревенской коры; изъ нихъ выходили умные, дѣльные и даже нравственные люди. Но другіе на ученье смотрѣли, какъ на мученье, по к. м. не находили въ немъ утѣшенья, лѣнились, начинали пріучаться къ пьянству, котораго примѣры видѣли подъ отеческимъ кровомъ, проказничали и, р-ся, были исключаемы изъ училищъ. Избранные, или отверженные изъ нашихъ молодцовъ поступали въ к-рію. Жалованье считалось рублями въ годъ, а иному не улыбалось и копѣйками; надо было жить взятками, добывать деньги самому съ каждаго просителя, за каждую написанную сторoку прибѣгать къ плутнямъ, вымогательствамъ, придиркамъ и пр. Для многихъ изъ этихъ занятій они были порядочно подготовлены, видя, какъ отцы ихъ при свадьбѣ, или похоронахъ изъ мужика выжимали гривны и рубли; пріучались уже и сами еще дѣтскою, невинною ручонкою выпрашивать денежку, или копѣйку *за Христосъ рождается, за Христосъ воскресе.* Въ качествѣ писцовъ получая взяточные доходы гривнами, рѣдко рублями, они не любили дорожить ими и передавали почти въ тотъ же день откупщикамъ. Въ случаѣ недостатка своихъ денегъ навязывались просителямъ, истцамъ и отвѣтчикамъ въ гости; и этому опять они учились еще дома; отцы ихъ, получивши за какую либо требу плату, любили также присаживаться и опорожнивать полштофы и бутылки. Такіе-то лѣнтяи, негодяи, взяточники, пьяницы и пр. составляли за 60—80 лѣтъ большинство канцелярскихъ чиновниковъ к-ріи; и свои привычки, ухватки, придирки, страсть къ попойкамъ передавали въ наслѣдство своимъ преемникамъ. Время конечно многое измѣнило; нынѣ можно, чего добраго, встрѣтить и консисторскаго чиновника въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ бѣльѣ изъ голландскаго полотна, даже танцующимъ, но . . . . . ко . . . . . вѣдь все таки огромное большинство между ними исключенные за лѣнь, или дурное поведеніе семинаристы; вѣдь все-таки они должны добывать себѣ хлѣбъ взятками;

вѣдь ихъ отцы поумнѣе конечно своихъ предшественниковъ, но живутъ подаяніемъ отъ прихожанъ; вѣдь ихъ предшественники пили и пріучали ихъ пить; вѣдь все это тянется 60—80 даже 100 лѣтъ, не освѣжается приливами со стороны, не улучшается прививками изъ другихъ сословій; таже почти грязь, тоже подъячество, пьянство; попавши въ этотъ омутъ, благородный человѣкъ или зачерствѣетъ, или убѣжитъ.

Часть третья.

О нравственныхъ качествахъ членовъ, секретаря и чиновниковъ к-рій при дѣлопроизводствѣ.

Въ предъидущихъ частяхъ этого отдѣла ознакомившись съ лицами, которыя въ кр-яхъ судятъ и разсуждаютъ, пишутъ, переписываютъ и подписываютъ, посмотримъ теперь, чѣмъ они или сами вознаграждаютъ себя, или вознаграждаются другими за свои труды по части писанья и подписыванія.

Не очень давно гдѣ-то было напечатано, что чиновниковъ, служащихъ безъ жалованья, всего болѣе находится по министерствамъ императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ. Судите о несправедливости печати. Тутъ даже слова не было сказано о духовныхъ к-ріяхъ, которыхъ члены кромѣ рижской всѣ безъ исключенія не получаютъ жалованья. Вотъ гдѣ наибольшее количество служащихъ безъ жалованья, изъ чести! М. т. эти безмездно служащіе члены нерѣдко подвергаются штрафамъ, взысканіямъ, суду поплачиваются деньжонками за секретарей, приходорасходчиковъ и пр. Кромѣ того, сидя въ к-ріи, иногда принуждены бываютъ дѣлать опущенія по приходу; потомъ не всегда можно ходить пѣшкомъ для служенія Фемидѣ, а приходится, особенно въ большихъ городахъ, тратить порядочную сумму и на извощика. Что же заставляетъ членовъ к-рій безмездно подвергаться опасностямъ, трудамъ, тратѣ времени и даже денегъ? Побужденія бываютъ разнообразны:

1) Въ 1848 году скончался въ Петербургѣ протоіерей Т-ей Ф-чь Н-ій, человѣкъ честный почти до ригоризма, от-

кровенный и прямой. Однажды онъ горько жаловался на службу въ к-ріи и на матеріальныя потери, которыя при многочисленномъ его семействѣ были ему очень чувствительны. Одинъ изъ профессоровъ духовной академіи, выслушавъ іереміаду, спросилъ: почему вы, Т-ей, Ф-чь, не откажитесь отъ к-ріи, если служба при ней вамъ тяжела и убыточна? Тогда почтенный о. протоіерей отвѣчалъ: «эхъ, вы не знаете к-ріи, откажись отъ нее, *защипятъ, замучатъ, затаскаютъ;* ну, а теперь хоть и трудненько ѣздить и служить, но по к. м. члены не смѣютъ *прижимать*.» И я согласенъ съ покойнымъ о. протоіереемъ. Вѣдь при крѣпостномъ правѣ и бурмистръ, и староста были тоже крѣпостные, но все таки находили положеніе свое болѣе выгоднымъ, нежели простые крестьяне. *Тѣмъ паче* священнику, или протоіерею *подобаетъ служити* въ к-ріи; все хоть *щипать* не станутъ, а если и будутъ, то не очень больно; только пощекочатъ.

2) Авторъ книги: о с. д. называя (въ 1ой части этого отдѣла) членовъ консисторіи невѣждами, прибавляетъ: «извѣстно, что ничто такъ не надмѣвается, какъ невѣжество; внѣшнимъ (quasi) величіемъ оно старается прикрывать внутреннее ничтожество. (стр. 117)» На счотъ невѣжества членовъ к-рій я не согласенъ съ многоуважаемымъ авторомъ; между ними много есть людей и ученыхъ и образованныхъ; но пусть же и о. о. консисторіалы извинятъ меня, если я скажу, что въ числѣ ихъ еще больше есть спѣсивыхъ, тщеславныхъ и городыхъ людей. Предъ властями, предъ вліятельными лицами они не устаиваютъ, преклоняются, но зато въ вознагражденіе за свое униженіе съ лихвою отплачиваютъ св-и-ц-сл-лямъ. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ этомъ отношеніи не безъ грѣха; и тутъ членъ к-ріи, принимая привѣтствіе отъ какого либо священника — не члена, дастъ свою руку ему поцѣловать, а самъ иногда забываетъ прикоснуться губами къ его рукѣ; и тутъ принимаютъ, но к. м. недавно невсегда сажали священниковъ о. о. члены. Но тутъ все-таки есть вѣжливость. Нѣтъ, ступайте въ провинцію и посмотрите тамъ на членовъ к-ріи. Не дьячки, или дьякоры, а и священники сидятъ у нихъ въ прихожей и ожидаютъ аудіенціи; ихъ часто и не примутъ въ залу, окончатъ съ ними объясненія въ тойже прихожей. Сельское д-во знаетъ грозныхъ своихъ судей и потому, подходя къ ихъ домамъ, иногда еще за воротами обнажаютъ головы свои. При встрѣчѣ съ членами на улицахъ даже священники не слишкомъ важные стоятъ часто

безъ шапокъ; и почтенныя особы никакъ не догадаются сказать возлюбленному о Христѣ брату своему, чтобы онъ накрылся и не простужалъ своей головы; а какой либо причетникъ, дьяконъ и жалкій священникъ иногда пройдетъ безъ шапки полверсты, упрашивая о чемъ либо о. консисторіала. Ну какъ же подобнымъ почотомъ не увлечься и ради его не посидѣть часокъ другой въ к-ріи и не подписать десятка два бумагъ.

3) Кромѣ того члены могутъ льстить и своему честолюбію. Не всегда же они подъ командою секретаря и столоначальника; не всегда получаютъ приказы *свыше;* иногда кое-что и даже много позволяется самимъ дѣлать. Вотъ тутъ ужъ дѣйствительное значеніе! А награды? развѣ это мелочь? скуфья, камилавка, наперсный крестъ, протоіерейство, даже ордена если не всегда спѣшатъ къ о. члену, то все-таки составляютъ его любимую мечту и сладкую надежду.

4) Есть и матеріальныя вознагражденія; бываетъ и *мзда дѣлателю.* Сейчасъ упомянутый авторъ и въ этомъ отношеніи сурово отзывается о всѣхъ членахъ к-рій. «Извѣстно, что ничто такъ неспособно на всѣ мерзости и низости, какъ невѣжество; вотъ почему членъ к-ріи всегда представляетъ изъ себя такую личность, о которой и говорить невыносимо тяжело. Онъ доступенъ для полтинника, для цѣлковаго, для бутылки рому, для фунта чаю и недоступенъ для лучшаго іерея въ епархіи; если тотъ имѣлъ дерзость явиться къ нему ни съ чѣмъ. Онъ другъ и покровитель благочиннаго отъявленнѣйшаго грабителя и неусыпный гонитель іерея честнаго, который считаетъ для себя (низостію?) толкаться безъ дѣла и нужды въ передней к-ріи. Онъ — но скажемъ коротко — цѣль всѣхъ его дѣйствій единственная: взятки, во чтобы то ни стало взятки.» И здѣсь я не очень согласенъ съ многоуважаемымъ авторомъ, напрасно онъ прилагаетъ свое описаніе рѣшительно уже ко всѣмъ членамъ к-ріи. Между ими есть люди честные и безкорыстные, не запятнавшіе себя взятками, — люди, въ которыхъ угнетаемые бѣдняки находятъ себѣ поддержку. Напр. про взяточничество членовъ петербургской к-ріи я ничего вѣрнаго не слыхалъ. Потомъ недавно въ Москвѣ у одного священника бранили членовъ к-ріи; бывшій тутъ провинціалъ остановилъ говоръ своимъ замѣчаніемъ: «спорить о всемъ, сказалъ онъ, и о всѣхъ не буду, но въ нашемъ городѣ есть протоіерей И-ій, который слишкомъ 30 лѣтъ засѣдаетъ въ к-ріи, принадлежитъ къ дѣятельнѣйшимъ и

умнымъ ея членамъ; и м. т. не запятналъ себя взятками. Это вполнѣ честный и безкорыстный человѣкъ, исправить зло въ к-ріи не можетъ, но только въ немъ одномъ всѣ бѣдняки и притѣсняемые находятъ защитника.» Не соглашаясь съ авторомъ книги: о с. д. относительно всѣхъ членовъ к-ріи, я готовъ приложить его отзывъ болѣе, нежели къ половинѣ ихъ.

Они получаютъ взятки или по дѣламъ того спеціальнаго стола, которымъ каждый изъ нихъ (§ 298) завѣдываетъ, или по всѣмъ вообще дѣламъ, о которыхъ бываютъ общія разсужденія. Въ первомъ случаѣ большая часть членовъ и столоначальникъ взаимно помогаютъ другъ другу; членъ совѣтуетъ попросить столоначальника, и столоначальникъ не велитъ забывать члена, а иногда даже бываетъ его агентомъ, или факторомъ; почтенныя особы не хотятъ прямо получать взятки отъ просителей, а имѣютъ счотъ со столоначальникомъ. Такіе члены даже нравятся канцеляріи, п. ч. они не уменьшаютъ, не перебиваютъ ея доходовъ, а должны для собственной выгоды дѣйствовать съ ней за одно, нравятся епархіальному д-ву, п. ч. на нихъ хотя требуются излишніе расходы, но зато они, получивъ благостыню, быстро поканчиваютъ дѣла: «славный человѣкъ, отецъ Н., поговариваютъ духовные, — возьметъ, но зато и сдѣлаетъ, а безъ него ничего бы не получилъ.» Этихъ членовъ назовемъ *спеціалистами*. Но почти въ каждой к-ріи есть *универсалисты* — члены, которымъ хочется имѣть доходы отъ дѣлъ не по одному своему столу. Слушается ли какое либо дѣло всѣмъ присутствіемъ, нужно ли подписать протоколъ и журналъ, уже скрѣпленные другими членами, — универсалисты готовы съ возраженіями, если напередъ ихъ, какъ обыкновенно говорятъ, *не угобзили*. Они почти никому не нравятся; епархія видитъ въ нихъ притѣснителей, — столоначальники — своихъ враговъ, — самые члены — или безпокойныхъ людей; или соперниковъ. Вотъ почему на универсализмъ рѣшаются только тѣ лица, которыя слишкомъ хорошо знаютъ законы, чтобы или прикрывать свое взяточничество; или пользуются особеннымъ довѣріемъ владыки. Иначе имъ приходится выслушивать очень непріятныя насмѣшки, даже бываютъ отчасти скандалезныя сцены, которыя показываютъ, какъ патріархально другъ съ другомъ поговариваютъ члены предъ зерцаломъ. Однажды священникъ, жившій въ монастырѣ *подъ началомъ*, по окончаніи назначеннаго срока, явился въ к-рію съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ. Надобно было оштрафован-

ному вновь дать дозволеніе отправиться на прежнюю должность; въ этомъ были всѣ согласны. Но одинъ членъ универсалистъ, желая поживиться и отъ этого бѣдняка, началъ доказывать, что аттестація настоятеля неудовлетворительна; нужно-до, чтобы онъ поручился и на будущее время за священника, жившаго у него подъ началомъ: Начались пренія, универсалистъ не уступалъ. Тогда одинъ изъ членовъ — игуменъ рѣшился покончить споръ и, обратившись къ универсалисту, сказалъ: да какъ же ты требуешь, чтобы настоятель поручился за священника на будущее время?» Р-ся, настоятель можетъ поручиться вѣдь священникъ жилъ у него шесть мѣсяцевъ, отвѣчалъ универсалистъ. «Да вотъ ты живешь съ женою своею, возразилъ игуменъ лѣтъ 20, но поручишься ли, что она нынѣ къ вечеру не будетъ пьяна?» Ударъ былъ направленъ метко; за почтенную матушку дѣйствительно не было возможности ручаться.

Къ этимъ-то универсалистамъ и спеціалистамъ можно приложить слова автора книги: о с. д. «они доступны для полтинника, для цѣлковаго, для бутылки рому и пр.» Люди добрые и простые; неси и вези къ нимъ все; и возъ сѣна или дровъ, и мѣшокъ овса, и сотню вѣниковъ, и пуда два муки, и пару поросятъ, особенно индюшекъ, и десятка два яицъ. Берутъ дома, но не откажутся взять и въ к-ріи при самомъ зерцалѣ; или изъ деликатности выйдутъ для того въ переднюю. Вотъ даже въ 1865 г. одному причетнику нужно было похлопотать о своемъ дѣлѣ въ к-ріи. Членъ универсалистъ не подписывалъ бумаги; дьячокъ, дѣлать нечего, взялъ у жены фунта три скоромнаго масла, вызвалъ универсалиста въ переднюю к-ріи и вручилъ ему свое приношеніе которое и съ горшкомъ, вмѣщавшимъ его, стоило 70—80 коп.; получившій спустился къ кучеру и велѣлъ ему отвезти домой. Еще одинъ священникъ подалъ бумагу о дозволеніи положить 500 р. церковныхъ денегъ въ приказъ общественнаго призрѣнія. Бумага попалась спеціалисту на разсмотрѣніе. «Какъ же это, сказалъ онъ, вы давно такой суммы не отдавали въ приказъ, когда вамъ дозволено держать только не болѣе 30 руб.? А вотъ я положу резолюцію, чтобы отъ васъ потребовать объясненіе; посмотримъ, какъ вы отдѣлаетесь?» Все это сказано было при другихъ членахъ и секретарѣ громко, съ властію и достоинствомъ. Священникъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться, отыскалъ въ карманѣ заготовленные напередъ пять рублей, молча сунулъ ихъ въ руку спеціалиста; этотъ сказалъ: *а ну! хорошо,* опустилъ пять рублей въ карманъ и дозволилъ положить

деньги въ приказъ безъ требованія объясненія. Хоть рѣдко, а случалось что членъ встрѣчалъ на городской улицѣ какого либо деревенскаго батюшку и причетника. «А ты здѣсь, спрашивалъ послѣдняго, а ко мнѣ не являешься.» — «Извините, ваше в—іе, не успѣлъ еще, отвѣчаетъ спрошенный. «Ну, такъ чтожъ?» ему говорятъ. И деревенскій житель развязываетъ кошелекъ, — что слѣдуетъ, вручаетъ почтенной особѣ, которая, кивнувъ головой, и удаляется.

Впрочемъ иные члены к-ріи слишкомъ далеко простираютъ свой универсализмъ, какъ видно изъ слѣдующаго событія. Одному кафедральному протоіерею помѣщикъ обѣщался прислать муки ржаной, пшена, гречневой крупы и пр. и отправилъ мужика съ 2—3 возами этихъ продуктовъ. Мужикъ не зналъ, гдѣ въ улицѣ домъ протоіерея и потому встрѣтивъ духовную особу, спросилъ его: «а что, батюшка? гдѣ живетъ здѣсь протопопъ?» — «Зачѣмъ тебѣ?» спросила духовная особа. «Да вотъ баринъ послалъ меня отвезти ему муки и крупъ.» «Вотъ вези за мною,» сказала духовная особа. «Да развѣ ты, протопопъ?» Я, — ему отвѣчали. И дѣйствительно духовная особа была протоіереемъ, только не тѣмъ, къ которому былъ посланъ мужикъ съ возами; оба протоіерея жили по сосѣдству. Изъ возовъ запасы пересыпались въ амбаръ универсалиста. Помѣщикъ вскорѣ увидѣлся съ кафедральнымъ протоіереемъ. Тотъ и другой были другъ другомъ недовольны; одинъ за то, что ему не прислалъ обѣщаннаго, а другой за то, что не благодарятъ за присланное. Наконецъ объяснились; помѣщикъ взялся за мужика, тотъ все разсказалъ; универсалистъ и не думалъ возвратить присвоенное; помѣщикъ долженъ былъ послать другіе воза къ кафедральному протоіерею, чтобы исполнить свое обѣщаніе. Въ избѣжаніе подобныхъ событій члены к-ріи любятъ лучше, когда имъ сами просители вручаютъ свои приношенія матеріалами, или деньгами и притомъ на дому; неси бутылку мадеры, рома, а прежде полштофъ, или штофъ сладкой водки; но, р-ся, очень довольны бываютъ, когда получатъ десятокъ рублей; сотни рѣдко попадаютъ имъ въ карманъ; ихъ надобно составлять изъ единицъ и десятковъ. Самымъ счастливымъ временемъ считается, когда по случаю смерти, или отъѣзда архіерея въ Петербургъ к-рія уполномочивается рѣшать многія дѣла окончательно, или отсылать свои мнѣнія къ архіерею сосѣдней епархіи. Въ такое-то время у одного протоіерея столько набралось бутылокъ штофовъ, полуштофовъ, головъ сахару, фунтовъ чаю, что они лежали уже на виду въ залѣ, гостиной и пр. Но

если просителю или нечего дать, или члену не за что взять, то все-таки находятъ возможнымъ извлечь изъ него пользу. Причетника позовутъ на домъ, велятъ рубить, или колоть дрова, почистить конюшню, садъ и пр. Священника заставятъ вмѣсто себя отслужить утреню и обѣдню. Однажды профессоръ семинаріи долженъ былъ получить изъ к-ріи билетъ о дозволеніи жениться. Члену — универсалисту нельзя было не подписать билета, но подписавъ, онъ спросилъ профессора: «а что, вы, вѣрно, на извощикѣ?» Да, отвѣчалъ профессоръ. «Ну такъ, пока вы станете получать здѣсь билетъ, вашъ извощикъ отвезетъ меня домой.»

При такой строгой системѣ брать всѣмъ, вездѣ, извлекать выгоду изъ всего спеціалисты и особенно универсалисты наживаютъ очень хорошія имѣнія. Служатъ гдѣ либо при соборѣ, получаютъ жалованья 400 — 600 руб., ассигн., да м. б. столько же доходу, живутъ хорошо, дочерей отдаютъ за мужъ съ богатымъ приданымъ, наживаютъ дома и въ добавокъ составляютъ капиталы, которые превосходятъ, всѣ ихъ оффиціальные должностные доходы; точно какъ будто бы они ни пили, ни ѣли, а сберегали каждую копѣйку и получали на нее большіе проценты. Въ этомъ отношеніи бываетъ большое соперничество между бѣлымъ и чорнымъ д—омъ, о. о. архимандриты, кромѣ ректоровъ семинарій, не отстаютъ отъ о. о. іереевъ; различіе состоитъ только въ томъ, что у послѣднихъ все сберегается дома женою и дѣтьми, а у первыхъ частенько послушники любятъ въ отсутствіе своего барина пересматривать и очищать комоды и шкатулки. Нѣкоторые же изъ универсалистовъ наживаютъ даже громадное состояніе. *Таковый* недавно былъ извѣстенъ въ одной изъ нашихъ степныхъ губерній. Подвижничество свое по части наживанія денегъ взятками началъ онъ при архіереѣ, своемъ родственникѣ; управляя вмѣсто его епархіею, онъ очень разбогатѣлъ и сдѣлался каѳедральнымъ протоіереемъ. Владыка — родственникъ умеръ, но о. протоіерей умѣлъ удержать свое значеніе и свои привычки у новыхъ архіереевъ, нажилъ капиталъ за сто тысячъ, дожилъ до глубокой старости, но наконецъ *нашла коса на камень;* одинъ молодой смѣлый архіерей умѣлъ удалить его отъ должностей. Впрочемъ почтенный о. протоіерей весьма похожъ былъ на Мишку, которому въ баснѣ Крылова приказано было за взяточничество на зиму удалиться въ берлогу и тамъ сосать своею лапу.

Если члены к-рій — особы духовныя не отказываются обирать возлюбленную о Христѣ братію и сослужителей у

алтаря Господня; то къ чему быть слишкомъ деликатными и скромными въ этомъ отношеніи чиновникамъ всей канцеляріи? Они ходятъ не въ рясахъ, а въ пальтахъ, сертукахъ и даже фракахъ, съ обираемыми при алтарѣ Господнемъ не служатъ и, значитъ, необязаны быть образцами для мірянъ по части добродѣтелей; потомъ не только подписываютъ, но пишутъ журналы, протоколы, справки, исходящія бумаги и пр.; — это не бѣлоручки, а чернорабочіе. Что же имъ церемониться?

Секретари, между которыми, какъ в. с-но, многіе служили въ Петербургѣ, учились въ академіяхъ; были профессорами семинарій, происходятъ даже изъ свѣтскаго званія, — на основаніи этихъ качествъ отличаются нѣкоторыми деликатными пріемами при взяточничествѣ. Любятъ, чтобы благостыня приносима была имъ на домъ, или посылалась въ запечатанныхъ пакетахъ, съ просителемъ на дому можно подолѣе побесѣдовать, основательнѣе доказать необходимость взятки и расположить къ ней даже угощеніемъ. Но по добротѣ своей секретари не отказываются принимать приношенія и въ к-ріи. Если въ присутствіи нѣтъ никого, то можно дать смѣло; предлагаемое не будетъ отвергнуто. Но если сидятъ члены, особенно не принадлежащіе ни къ спеціалистамъ, ни къ универсалистамъ, то секретаря вызываютъ въ сѣни, въ какой либо чуланъ, уголокъ и пр. и тамъ уже стараются купить его благорасположеніе. Догадливые просители сами являются, но недогадливымъ можно напомнить объ обязанностяхъ относительно секретаря. Можно долго не помѣчать бумаги, не сдавать ее протоколисту, задержать справку, протоколъ и даже велѣть ихъ передѣлать; можно уйти къ преосвященному, уѣхать домой, не имѣть свободной секунды, чтобы подписать свою фамилію, — мало ли что можно придумать? А проситель спѣшитъ; ему надобно домой ѣхать. Ступай же, любезный, поскорѣе, поклонись секретарю, дай ему малую толику. *Тогда дѣло быстро повернется, откуда и время и усердіе возьмется?* Относительно матеріаловъ, изъ которыхъ должны составляться приношенія; секретари разборчивѣе членовъ. Имъ вообще не очень нравятся возы сѣна и дровъ, мѣшки овса, пуды муки, бутылки рома и мадеры, фунты чею и пр.; какъ люди свѣтскіе, они сами съумѣютъ все это пріобрѣсти; были бы деньги. Бываютъ благодарности и тысячныя, но рѣдко; случается получить сотенку, но тоже не часто; б. ч. надобно довольствоваться десятками и даже единицами рублей; снисходительные не отказываются отъ четвертачка и двугривенничка.

Пренебрегать подобными приношеніями было бы не благоразумно. Во многихъ к-ріяхъ исходящихъ бумагъ бываетъ 12—15 тысячъ. Конечно, многія изъ нихъ надобно подписывать даромъ; но положимъ, что можно попридержать только 2000 и за каждую изъ нихъ получить по 20 к.; вѣдь всей суммы наберется 400 р., вотъ и деликаться, и не бери по 20 копѣекъ! 400 руб. и не будетъ! И такъ какъ секретаря не минуетъ ни одна справка, ни одна бумага, ни одинъ протоколъ и журналъ, то сколько всего можно получить? А если еще онъ держитъ членовъ и канцелярію въ дисциплинѣ, пользуется довѣріемъ владыки, если съ дѣловыми членами ладитъ, то ему можно въ нѣсколько лѣтъ нажить домикъ съ садомъ, обзавестись лошадкою, заготовить приданое для дочерей, капиталецъ себѣ на старость и наслѣдникамъ на память и даже приходскимъ священникамъ на *поминъ души*, если, какъ выражался покойный Нахимовъ, *ее до смерти за алтынъ купить не успѣютъ черти.*

Теперь вы, г. ч., вѣроятно, поймете, почему профессоры семинарій не съ очень щекотливою совѣстію добываются такъ усердно секретарскихъ должностей въ к-ріяхъ. Недавно одинъ профессоръ и вмѣстѣ экономъ (ну, чего бы больше желать?) рѣшился получить эту должность, не пожалѣлъ даже *уэкономленныхъ* имъ тысячи и болѣе рублей; дѣла шли прекрасно; онъ съѣздилъ куда слѣдуетъ уже хвалился своимъ умѣніемъ обдѣлывать дѣлишки. Но вотъ явился соперникъ — архіерейскій письмоводитель, ужъ настоящій взяточникъ, успѣвшій нажить два трехъ этажныхъ дома и громадный капиталъ. Побѣда осталась за нимъ. Но доброе епархіальное начальство, помогавшее письмоводителю, изъ сожалѣнія къ соискателю, истратившему много времени, трудовъ и денегъ, дало ему въ управленіе два духовныхъ училища.

Между столоначальниками и особенно писцами к-рій, какъ в. с-но (2 ч. этого отд.), преобладаетъ большинство исключенныхъ за лѣность, пьянство, и разныя шалости семинаристовъ. Побирашничеству они учились, таскаясь съ отцами по приходу, — вѣжливости — въ бурсѣ дѣйствуютъ по преданіямъ, дошедшимъ отъ подъячихъ прошедшаго вѣка. Смѣшно же тутъ говорить объ изяществѣ и деликатности при взяточничествѣ. Здѣсь не просятъ, а требуютъ, не берутъ, а отнимаютъ, запрашиваютъ, торгуются, бранятся, церемоніи всѣ въ сторону; давай — сдѣлаемъ; не дашь — затянемъ до скончанія вѣка или *насолимъ* такъ,

что не *проглотишь*. Ознакомимтесь съ этими господами покороче. Войдя въ канцелярію, вы, какъ в. с-но (1 ч. эт. отд.), увидите столы, только не дубовые, а сосновые топорной работы; за столами сидятъ добрые молодцы; передъ ними стоятъ не всегда чернилицы, а помадныя банки съ чернилами, — не песочницы, а насыпаны кучи песку. Они пишутъ не по грамоткѣ, даже не по бѣлой, а болѣе по желтой, или сѣрой бумагѣ. Газетъ тутъ не читаютъ и не видятъ, политикою не занимаются, даже о городскихъ событіяхъ мало говорятъ. Развѣ иной разсказываетъ, какъ они вчера кутили у такого то ставленника, или благочиннаго. — Другой, читая бумагу, воскликнетъ: «господа! наконецъ такой-то попъ попался; доберемся же до него; видишь, знать насъ не хотѣлъ, теперь узнаетъ.» «Какъ? неужели? въ чемъ же?» кричатъ. «А вотъ смотрите въ чемъ.» — «Ахъ: ты счастливецъ! опять говорятъ; смотри, не забудь и насъ; нельзя ли какую либо справку сдѣлать по всѣмъ столамъ.»

Начинаютъ появляться просители. Иной бѣднякъ не скоро даже узнаетъ, у кого ему освѣдомится о своемъ дѣлѣ; съ него готовы даже взять за слова: *не знаю, поди спроси кого нибудь другаго.* Но вотъ онъ около столоначальника, который ему нуженъ. Для знакомаго, или почетнаго лица, для свѣтскаго, особенно военнаго этотъ господинъ иногда встанетъ; ну а прочихъ не вдругъ и замѣтитъ, погруженный въ кипу бумагъ; и если заговоритъ, то даже священниковъ *тыкаетъ*. Кое-какъ проситель узнаетъ, что дѣло здѣсь, начинаетъ просить. Тутъ не церемонятся, не говорятъ намеками, а назначаютъ прямо цѣну, и притомъ по образцу толкучаго рынка и мелкихъ барышниковъ. Неопытный проситель теряется отъ запроса, но бывалый человѣкъ начинаетъ торговаться; вмѣсто 10 даетъ 3 рубля, даже одинъ рубль; р-ся, борьба не вдругъ оканчивается; и осердятся, и побранятся, а потомъ уступятъ и сдѣлаютъ. Если торгъ не состоялся, и проситель является въ другой и третій разъ на переторжку, то встрѣчаетъ пріемъ еще грубѣе прежняго. Тутъ уже, пожалуй, скажутъ: «да что ты мнѣ мѣшаешь дѣломъ заниматься; убирайся прочь, вѣдь тебѣ сказано: давай, еще вздумалъ торговаться; сторожу велю вывести, присутствію доложу.» Но и между просителями бываютъ люди не робкіе, начинаются крупные разговоры, грозятъ войти въ присутствіе, пожаловаться владыкѣ. Имъ отвѣчаютъ: «ступай, знаемъ васъ; экая важность!» Ну, а иногда немного оробѣютъ, попритихнутъ. Но на такую борьбу просители рѣдко рѣшаются; упрашиваютъ, умаливаютъ, даютъ, при-

бавляютъ. Если наконецъ и дали, но не очень много, то дѣло идетъ вяло; велятъ прійти завтра, подождать недѣльку. Представьте, что въ к-ріи 5—7 столоначальниковъ, да еще протоколистъ; около каждаго изъ нихъ разыгрывается какая либо изъ описанныхъ сценъ. Вѣдь тяжело смотрѣть. Вотъ, что напр. говоритъ въ N. 2. Духовнаго Вѣстника (стр. 197) священникъ своей женѣ: «поѣхала бы сама, да посмотрѣла, какъ тамъ (въ к-ріи) запоютъ и въ карманъ-то очень лезутъ, тотъ кричитъ дай, другой-дай, третій самъ рветъ изъ рукъ.» А тутъ въ углу стоитъ мужичекъ съ наклоненною головою, а тамъ бѣдная вдова уже плачетъ на взрыдъ; ихъ выгоняютъ въ переднюю,—все-таки не такъ слышно. Прибавьте, что иные изъ юристовъ уже и очень успѣли опохмѣлиться, или въ трезвомъ видѣ получили привычку говорить, какъ пьяные. Что за картина? Что за концертъ? Эхъ добрые молодцы! Какъ бы хорошо вамъ быть даже не *въ донскихъ козакахъ, а просто во солдатахъ.* А у васъ къ несчастію вѣсы правосудія; отъ васъ зависитъ участь цѣлаго сословія; вами рѣшаются духовныя и церковныя дѣла. Конечно, все описанное мною случается не каждый день, но едвали найдется хоть одинъ день, въ который бы хоть одна изъ сценъ не происходила около протоколиста и каждаго столоначальника. Присутствіе кончилось, взятки даютъ на весь столъ столоначальнику, за нимъ писцы и помощники слѣдятъ; даже иногда прямо спросятъ у просителя: «а ты сколько далъ нашему.» Теперь имъ надобно расходиться, начинается дѣлежка. Тутъ открывается, что столоначальникъ кое-что утаилъ, поднимается брань то на томъ, то на другомъ столѣ; члены уже, а иногда и секретарь, ушли, можно свободно увлекаться своими чувствами. Кое-какъ дѣлежъ кончился, встаютъ, выходятъ, иные отправляются домой обѣдать, а другіе на попойку къ ставленнику, какому либо просителю, благочинному и пр.

Часть четвертая.

О доходныхъ статьяхъ к-рій.

За что же и съ кого въ к-ріяхъ берутъ взятки? *За все и со всѣхъ,* — вотъ былъ бы полный отвѣтъ; — за все, о чемъ производятся дѣла; — со всѣхъ, до кого они касаются.

Но есть нѣсколько особенно доходныхъ статей между консисторскими дѣлами. Сюда принадлежатъ: 1) *бракоразводныя дѣла* и тѣ случаи, когда нужно признать одного изъ тяжущихся лицъ законнорожденнымъ или незаконнорожденнымъ и чрезъ это рѣшить, получать ли имъ богатое наслѣдство. Такія дѣла составляютъ истинный кладъ для к-ріи и потому производятся по нѣсколько лѣтъ и даже десятилѣтій. Вотъ тутъ-могутъ получать секретари тысячами, — члены и столоначальники сотнями рублей. Но къ сожалѣнію к-рій подобныхъ дѣлъ очень немного, напр. въ 1861 г. бракоразводныхъ дѣлъ восходило на разсмотрѣніе синода только 130, но многія изъ нихъ не могли приносить к-ріямъ никакого дохода; напр. расторгнуто браковъ 39 за ссылкою одного изъ супруговъ въ сибирь, 26 по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, одинъ по прошенію новокрещенной изъ евреевъ съ мужемъ, остающимся въ іудействѣ. Отъ всѣхъ этихъ 66 браковъ немногое развѣ что нибудь могло перепадать въ руки и членовъ и канцелярій консисторскихъ. Только 17 браковъ, расторгнутыхъ за прелюбодѣяніе, за не способностію къ брачному сожитію и по близкому родству б. ч. могли доставлять хлѣбъ, или на хлѣбъ епархіальнымъ дѣлопроизводителямъ.

2) *Дѣла свадебныя* Хотя бракъ дозволяется при родствѣ изъ пяти степеней, или при недостаткѣ полугода до законныхъ лѣтъ, но въ обоихъ случаяхъ сами священники не могутъ вѣнчать такіе браки; объ этомъ надобно просить епархіальнаго архіерея. Добрые и умные архипастыри, зная характеръ дѣлопроизводства въ к-ріяхъ, поступаютъ наипростѣйшимъ и не обременительнымъ способомъ. На просьбѣ прихожанина, или на особомъ листу священникъ свидѣтельствуетъ, какое родство находится между вступающими въ бракъ или кому изъ нихъ и сколько недостаетъ дней до 18 или 16 лѣтъ. Архіерей на самой просьбѣ пишетъ дозволеніе о повѣнчаніи; просьба запечатывается въ пакетъ письмоводителемъ и отдается прихожанину, который самъ и приноситъ ее священнику, а этотъ по совершеніи брака отсылаетъ назадъ къ архіерею. Тутъ убытки у крестьянина на прогулку въ губернскій городъ, на гербовую бумагу, на не большую взятку письмоводителю. Но многіе архіереи и на такихъ просьбахъ пишутъ: *въ консисторію, консисторія имѣетъ разсмотрѣть*, а она ужъ разсмотритъ, если не дѣло, то карманъ просителей б. ч. крестьянъ. Ступайте въ к-рію въ январѣ, въ сентябрѣ, или въ концѣ октября, а также и вскорѣ послѣ пасхи; вы увидите много крестьянъ въ передней,

сѣняхъ, на лѣстницѣ и даже около консисторскаго дома; сидятъ, или стоятъ они пригорюнившись, разговариваютъ отрывочно; вслушайтесь въ ихъ слова; одинъ говоритъ, что онъ уже ходитъ въ к-рію 3—4 дня; другой насчитываетъ недѣлю и болѣе. Тотъ далъ столоначальнику 5 рублей, другой 10; у иного бѣдняка не достаетъ требуемой полтины, у другаго рубля. И въ канцеляріи близъ столоначальника замѣтите также стоящими крестьянъ, но Фемида не умолима; «давай, говоритъ, а то еще проживешь недѣлю.» Здѣсь невольно рождаются вопросы: если бракъ возможенъ при родствѣ въ пять степеней, или въ случаѣ недостающихъ до совершеннолѣтія жениха и невѣсты нѣсколькихъ недѣль, или мѣсяцевъ, то почему бы не позволить самимъ священникамъ совершать такіе браки съ донесеніемъ, пожалуй, епархіальному начальнику? Зачѣмъ мужику итти въ губернскій городъ за 100, 200 верстъ, жить тамъ недѣлю и болѣе, истратить 10, а иногда 20 цѣлковыхъ? Зачѣмъ подобныя распоряженія? Ими нравственность не улучшается, православіе не поддерживается, мужикъ раздражается, а пропагандистъ-расколоникъ пользуется, чтобы сказать, — «ну, что, братъ? Какова ваша новая вѣра-то?» Вѣдь вся выгода останется только за столоначальниками к-рій, которыя получаютъ лишнихъ нѣсколько сотъ рублей, да за раскольниками.

3) *Метрическія свидѣтельства* о рожденіи, крещеніи, смерти и бракосочетаніи выдаются (§. 273) только изъ к-рій. Для этого первоначально обращаются къ метрикамъ, хранящимся въ ней. Но если лицо, о которомъ идетъ дѣло, въ метрикѣ не записано, или запись сомнительна, то (§. 268) «дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указаннаго года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыскною книгою о бракѣ родителей, и, производится слѣдствіе, въ которомъ спрошаются воспріемники и лица, бывшіе при крещеніи.» При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. когда цѣла и метрика, и лицо, о которомъ идетъ дѣло, въ ней записано, метрическое свидѣтельство, кромѣ гербовой бумаги, рѣдко обойдется дешевле 10 р., — по моему опыту, или 10—15 руб., — по свидѣтельству (стр. 120) автора книги: о с. д. Не дай, тогда продержатъ мѣсяцы. А м. т. иногда полученіе свидѣтельства нельзя откладывать на недѣлю, даже дня на три. Вотъ напр. отецъ ѣдетъ въ Петербургъ, Москву и пр. для помѣщенія сына, или дочери своихъ въ какое либо училище. До пріемнаго срока остается немного времени, а свидѣтельства прежде не догадались получить. Ну тутъ догатливая к-рія

съумѣетъ заставить поблагодарить себя за поспѣшность не только 25, но и 50 и болѣе рублями; вѣдь дадите, иначе срокъ пропустится. Чтобы васъ сдѣлать податливѣе, вамъ скажутъ, что или метрики не нашлась въ архивѣ, или сынъ вашъ пропущенъ въ ней, — что надобно поступить по вышеприведенному §. 268; тогда даже станете просить: «возьмите, что угодно, да только сдѣлайте.» Возьмутъ, и сдѣлаютъ; тутъ и метрика явится; — видите ли, ее сначала какъ-то не могли найти въ архивѣ, — и сынъ вашъ въ ней окажется записаннымъ. Теперь, г. ч., вы поймете, что метрическія свидѣтельства составляютъ очень доходную статью. Не даромъ же одинъ секретарь, котораго я зналъ лично, самъ всегда выдавалъ ихъ просителямъ.

Разсмотрѣнныя взятки касаются преимущественно мірянъ, а главные доходы к-рій, хоть не всегда въ крупныхъ цыфрахъ, получаются отъ д-ва; ему-то болѣе всего приходится поддерживать благосостояніе своихъ благодѣтелей-членовъ и чиновниковъ к-рій. Здѣсь напередъ нужнымъ нахожу объяснить предварительно, чѣмъ дѣлопроизводство консисторское особенно бываетъ тяжело для д-ва. 1) Въ послужныхъ спискахъ есть грозная графа, въ которой отмѣчаются штрафы и бытность подъ судомъ. Помѣщенныя въ этой графѣ слова: *былъ подъ судомъ, или штрафованъ* имѣютъ гибельное вліяніе на всякаго чиновника вообще, а на духовное лицо еще болѣе. Штрафованный и бывшій подъ судомъ не можетъ разсчитывать ни на награды, ни на повышенія. Какъ же послѣ этого всякому духовному лицу не хлопотать о томъ, чтобы не отмѣтили его: *былъ подъ судомъ и штрафованъ*. А к-рія можетъ оштрафовать за пустую мелочь, даже за то, что не было звона на колокольнѣ, когда мимо ея проѣзжалъ архіерей. Потомъ на священника поступилъ кляузный доносъ отъ дьячка; было слѣдствіе, его запутали; — к-рія стала судить; положимъ, что даже священникъ оправдался, однако все-таки о немъ можно написать, что онъ *былъ подъ судомъ, хотя и оправданъ*, если к-рію не упросить сдѣлать прибавку: *бытность подъ судомъ, или штрафъ не вносить въ послужной списокъ*. 2) Духовнымъ лицамъ тяжело и очень непріятно долгое пребываніе въ губернскомъ городѣ; имъ нужно тратить тутъ деньги на содержаніе себя и лошадей, на угощеніе своихъ пріятелей и непріятелей и пр., они кромѣ того отсутствіемъ изъ дому теряютъ много и по приходу и въ хозяйствѣ, по к. м. въ извѣстныя времена. Какъ же не хлопотать о томъ, чтобы имѣть возможность поскорѣе выѣхать изъ губернскаго города? М. т., какъ в. с-но, всякую бумагу

можетъ останавливать секретарь, протоколистъ, столоначальникъ. Если даже сдѣланъ докладъ; и тогда нужно, чтобы журналъ или протоколъ былъ подписанъ всѣми членами и утвержденъ преосвященнымъ. А сколько можетъ быть тутъ проволочекъ и задержекъ? Затѣмъ сколько опять препятствій къ скорѣйшему исполненію утвержденнаго уже протокола или журнала? Т. о. к-рія *законно-беззаконнымъ* образомъ можетъ задержать духовное лицо изъ самаго пустаго дѣла нѣсколько дней. Вѣдь не неволѣ опять станешь кланяться и секретарю, и членамъ, и столоначальнику, и писцу и пр., вѣдь все въ ихъ рукахъ. 3) Въ к-ріи, по выраженію автора книги: о с. д. (стр. 119) «у всѣхъ отъ членовъ и до послѣдняго сторожа,—цѣль одна: *обирать и грабить*.» Я выражусь нѣсколько помягче; всѣ почти они, служа безъ жалованья, или получая его въ маломъ количествѣ, стараются вознаградить себя взятками. И вотъ теперь имѣющій дѣло въ к-ріи и торопящійся покончить его, старайся удовлетворить всѣхъ. Давай секретарю; не забудь члена; тутъ остановитъ протоколистъ; о столоначальникѣ нечего и говорить; помощникъ его и даже писецъ требуютъ, иначе не хотятъ переписать и записать что нибудь, а иногда просто пристаютъ: *давай, да и кончено*. Расплатился со всѣми, получилъ указъ, или то, что требовалось получить; идешь вонъ, а тутъ въ сѣняхъ новая застава; сторожа тоже просятъ и буквально не пускаютъ, если не уважить ихъ просьбы. Кромѣ того иногда цѣлая ватага навяжется къ вамъ на квартиру; наливайте ея ненасытные желудки водкою, наполняйте закускою, будьте невольнымъ и платящимъ свидѣтелемъ оргіи. Испробуйте все это, г. ч., опытомъ, или представьте себѣ въ подробностяхъ; тогда, по всей вѣроятности, Богъ знаетъ, что дадите, только бы не имѣть дѣла въ этомъ присутственномъ мѣстѣ и повѣрите, какъ въ N. 2. Духовнаго Вѣстника (стр. 197) священникъ говоритъ женѣ своей: «все, жена, осталось тамъ, — въ бездиѣ (въ к-ріи).» Теперь уже займемся доходными статьями кр-ія отъ д-ва.

Поставимъ на первомъ мѣстѣ тяжебныя и слѣдственныя дѣла. К-ся, въ Россіи едвали въ какомъ либо сословіи происходитъ столько тѣхъ и другихъ, сколько въ духовномъ. Поводы къ тяжбамъ здѣсь многообразны. У одного члена причта усадьба велика, а у другаго мала; у того очень неудобна, а у этого удобна; у одного луга и пахатная земля лучше, или въ большемъ, нежели какъ слѣдуетъ количествѣ, а у другаго и плоха, да и к-ся менѣе законной пропорціи. У одного причта больше дворовъ, а у другаго зажиточнѣе

крестьяне; тамъ не раздѣлили, какъ надобно, блиновъ, тутъ несправедливо священникъ удержалъ доходъ. Тогда-то священникъ звалъ въ приходъ причетника, но этотъ не поѣхалъ, а въ другое время первый, не сказавши, или сказавши поздо второму, уѣхалъ одинъ и удержалъ весь доходъ у себя. Кто поздо пришолъ къ утренѣ, или обѣднѣ, кто велъ себя неприлично; тотъ не уважителенъ, а этотъ придирчивъ; тамъ идетъ ссора, п. ч. весь причтъ состоитъ изъ чуждыхъ другъ другу лицъ, а тутъ родные никакъ не могутъ поладить между собою; одинъ не исполняетъ обязательствъ, данныхъ при поступленіи на мѣсто, другой разорился отъ исполненіе ихъ.

Увеличенію количества и тяжести судебныхъ дѣлъ въ д-вѣ помогаетъ и сама к-рія особенно ея канцелярія. Духовныя лица, не смотря на свой 12 лѣтній семинарскій курсъ, не всѣ отличаются знаніемъ законовъ и умѣньемъ писать дѣловыя бумаги. Въ этомъ случаѣ они прибѣгаютъ б. ч. къ чиновникамъ к-ріи; эти р-ся, съ величайшимъ удовольствіемъ готовы написать какую угодно жалобу, только бы за нее получить вознагражденіе. Иной же, услышавъ отъ какого либо духовнаго лица жалобу на своихъ сослуживцевъ, докажетъ ему, что его безсовѣстно обижаютъ, что стоитъ ему только подать просьбу, обидчикамъ его достанется; пересчитаетъ указы и статьи св. законовъ, ему будтобы благопріятствующіе. Простакъ и не думалъ даже заводить бумажное дѣло, но услышавъ отъ юриста, что такъ легко и вѣрно можетъ отомстить своимъ обидчикамъ, проситъ написать жалобу и подаетъ ее. Бумага подана, помѣчена, сдана въ столъ; ее уже не воротишь. Вызываютъ отвѣтчика. Ему другой чиновникъ, а часто и тотъ же самый, который сочинялъ жалобу, пишетъ отвѣтъ и постарается зацѣпить истца; дѣло запутывается, затягивается, пожива идетъ знатная; нынѣ одинъ оправдался, но чрезъ недѣлю, или мѣсяцъ онъ же сдѣлался виновнымъ, а противникъ правымъ. Въ доказательство такого судопроизводства привожу отрывокъ изъ книги: о с. д. (стр. 119). «Въ одномъ селѣ подрались священникъ и дьяконъ пьяные. Дьяконъ принесъ жалобу. Началось слѣдствіе, и священнику воспретили богослуженіе. Священникъ съѣздилъ въ к-рію, ему разрѣшили богослуженіе и воспретили дьякону. Съѣздилъ дьяконъ туда же; ему разрѣшили и воспретили священнику. Дѣло продолжалось слишкомъ два года и ровно по четыре раза каждому разрѣшали и воспрещали, такъ что наконецъ мѣстнаго благочиннаго совершенно сбили съ толку. Покажется это не вѣроят-

нымъ? Да и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, чтобы такая кукольная комедія могла быть допущена въ дѣлѣ такой важности, какъ священно-служеніе. Однакожъ мы сказали совершенную правду, и еслибы кому угодно было повѣрить, то мы назовемъ село и лица. Кончилось дѣло тѣмъ, что когда изъ обоихъ выжали все, что можно было выжать (священникъ распродалъ весь скотъ, даже въ сентябрѣ запродалъ озимое поле), то дьякона вывели въ другое село, а священника оставили свободнымъ отъ всякаго наказанія. Такъ ведутся всѣ дѣла.»

При такомъ судопроизводствѣ истцу и отвѣтчику, и всякому вообще лицу, у котораго въ к-ріи производится дѣло, нужно непремѣнно самому являться; иначе изъ самаго мелочнаго дѣла, самаго маловажнаго поступка, въ родѣ не раздѣленнаго блина, или пустѣйшей ошибки въ какой либо оффиціальной книгѣ если не будетъ оштрафованъ, то получитъ выговоръ, замѣчанія; — иначе искъ и просьба или будутъ лежать безъ всякаго движенія, или окончатся какимъ либо фантастически дурнымъ образомъ. А мы уже знаемъ, сколькимъ лицамъ нужно дать взятку въ к-ріи, чтобы пустить въ ходъ какую либо бумагу. При тяжебныхъ и слѣдственныхъ дѣлахъ надобно напередъ побывать на квартирѣ не только у секретаря и столоначальника, но и члена, который въ настольномъ реестрѣ напишетъ, или перепишетъ резолюцію, — а въ случаѣ серьезнаго дѣла даже у всѣхъ почти членовъ. Тутъ часто не обходится безъ торговъ, переторжекъ, надбавокъ, уступокъ, прибавленій и пр.; но всего лучше *покончить дѣла на дому*. Впрочемъ въ к-рію, не смотря на домашнія сдѣлки, надобно ходить, чтобы порасшевеливать, поразогрѣвать усердіе своихъ защитниковъ и не забывать низшей братіи. Здѣсь надобно быть щедрымъ не только за настоящія, но и за будущія благодѣянія, по к. м. за то, чтобы въ будущемъ не дѣлали вамъ неожиданныхъ мерзостей; вѣдь вамъ же нельзя вѣкъ слѣдить за своимъ дѣломъ. И потому авторъ книги: о с. д. справедливо (стр. 119) говоритъ: «не напрасно сельскій іерей (да и всякаго уѣзднаго города) больше содрогнется при извѣстіи, что его зачѣмъ нибудь вызываютъ въ к-рію, чѣмъ при вѣсти, что въ его приходѣ появилась холера; отъ холеры еще быть можетъ Господь и спасетъ, но *кого пригвоздила какъ нибудь к-рія, тому нѣтъ спасенія*. Правъ онъ, или нѣтъ-все равно; долженъ везти туда то, что скапливалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ по копѣйкамъ, а если этого нѣтъ, то продаетъ послѣдній хлѣбъ изъ закрома, или послѣднюю скотину со

двора. Безъ этого найдутъ средства (кто имѣлъ дѣло вообще съ подъячими, не говоря уже о к-ріяхъ, тотъ не усомнится въ возможности этого) если не совсѣмъ погубить его, то на всегда заклеймить позорнымъ: *былъ судимъ и штрафованъ.*

Чтобы видѣть, до какой степени страшна к-рія д-ву, разскажу случай, бывшій въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ. Тамъ многіе священники-магистры и кандидаты получаютъ классные свои оклады изъ правленія духовной академіи и какъ люди богатые не всегда скоро являются за ними. Однажды академическое правленіе для очистки приходо-расходныхъ книгъ, отослало въ к-рію нѣсколько классныхъ окладовъ, за которыми не явились получатели. Одинъ изъ таковыхъ разсказывалъ о послѣдствіяхъ этого распоряженія. «Получаю вечеромъ повѣстку, чтобы завтра я непремѣнно явился въ к-рію; отъ сторожа, которому далъ четвертакъ, ничего не могъ я узнать, зачѣмъ меня зовутъ *во тьму кромѣшную* (такъ назвалъ онъ к-рію). Цѣлую ночь продумалъ я, перебралъ разныя догадки, но ни на одной не могъ остановиться. Утромъ пріѣзжаю въ к-рію; столоначальникъ былъ уже тамъ; спрашиваю о причинѣ моего вызова, но онъ мнѣ ничего не сказалъ, а велѣлъ дожидаться секретаря. Чрезъ часъ является и секретарь, взглянулъ на меня и сказалъ: *а! вы здѣсь, подождите.* Еще жду, наконецъ зовутъ меня въ присутствіе и дѣлаютъ словесное замѣчаніе, зачѣмъ я увеличиваю число дѣлъ, приходныхъ и расходныхъ статей въ к-ріи? Развѣ я самъ не могъ явиться въ академію за полученіемъ класснаго оклада? — Сердце у меня отлегнуло, продолжалъ священникъ; деньги я получилъ, р-ся, оставивъ порядочный процентъ секретарю и приходорасходчику за причиненное имъ безпокойство.» Замѣтьте, это былъ магистръ, въ Петербургѣ, самъ могъ сдѣлаться членомъ к-ріи, — и тотъ цѣлую ночь продумалъ, зачѣмъ это его тянутъ туда. Иногда само духовное начальство какъ будто намѣренно думаетъ позабавиться на счотъ отношеній д-ва къ к-ріи. Налетѣвшій на одну к-рію ураганъ сорвалъ съ нее крышу. Казенный домъ слѣдовало бы и поправить на казенныя деньги. Но почему-то мѣстныя власти сочли за лучшее обратиться къ епархіальному д-ву съ предложеніемъ сдѣлать пожертвованія на поправку того дома, которому по русской пословицѣ оно *желало бы сквозь землю провалиться.* Нельзя безъ смѣха вспомнить о тѣхъ гримасахъ, съ которыми духовныя лица подписывались на это оригинальное пожертвованіе. Отказаться, или пожертвовать мало нельзя было; о недостаткѣ усердія узнали бы не только власти, но

и вся канцелярія к-ріи. Дѣлать нечего, подписывались, собрали очень почтенную сумму; крыша поправлена; да кромѣ того члены комитета и секретарь к-ріи не остались въ убыткѣ.

За тяжебными и слѣдственными дѣлами слѣдуютъ по доходамъ *ставленническія дѣла.* Доходы по нимъ у к-ріи бываютъ общими не только съ штабомъ архіерейскаго дома, но и съ соборянами. Они, конечно, начинаются съ того времени, какъ семинаристъ, или академистъ подаетъ прошеніе объ опредѣленіи его на праздное св-и-ц-сл-ское мѣсто, но имѣютъ общее свойство съ прочими консисторскими справками, и еще не могутъ назваться ставленническими. Когда же новый кандидатъ женится, то явившись въ к-рію, представляетъ выданный ему прежде билетъ о позволеніи вступить въ бракъ; на билетѣ рукою вѣнчавшаго священника пишется, что такой-то тогда-то съ такою-то дѣвицею повѣнчанъ. Съ этого времени молодой человѣкъ въ к-ріи, архіерейскомъ дому и кафедральномъ соборѣ называется *ставленникомъ* т. е. человѣкомъ, котораго нужно *поставить*, посвятить во священника, или дьякона. К-рія, получивъ билетъ, представляетъ архіерею *справку.* Тутъ ставленникамъ не нужно зѣвать. Ихъ не рѣдко пріѣзжаетъ по нѣскольку человѣкъ вдругъ; м. т. иной владыка совершаетъ литургію только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Поэтому залежись справка въ к-ріи, ставленникъ легко можетъ прожить нѣсколько лишнихъ недѣль прежде, нежели дойдетъ до него очередь посвятиться. Какъ же не *пожертвовать* чего нибудь столоначальнику *ставленническаго* стола для того, чтобы онъ поторопился составленіемъ справки. Но столоначальникъ знаетъ, что ставленникъ только что женился и получилъ, по к. м. долженъ получить приданое. А если бы даже и ничего не получилъ, то вѣдь онъ поступаетъ на священническое, или дьяконское мѣсто. Какъ же теперь ему столоначальнику не пожелать, чтобы ставленникъ подѣлился съ нимъ или полученнымъ приданымъ, или будущими доходами? Въ этомъ случаѣ господа столоначальники неумолимы; и въ избѣжаніе излишнихъ проволочекъ назначаютъ опредѣленный ихъ *благою волею* взносъ, на уменьшеніе котораго соглашаются развѣ по вниманію къ какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ. Не даромъ же ставленническій столъ считается лучшимъ въ к-ріи; не даромъ кандидатъ на священническое, или дьяконское мѣсто, если безденежье не позволяло ему быть очень тароватымъ при производствѣ дѣла въ к-ріи до полученія билета на женудьбу, — не даромъ

говоритъ и секретарю, и столоначальнику, и прочей канцелярской знати и незнати: «потерпите, пожалуйста, изъ вашихъ рукъ еще не уйду, пріѣду, женившись, посвящаться, тогда берите, что угодно; со всѣми расплачусь.» Не даромъ ему то-же отъ столоначальника приходится слышать: «ну, смотри, такъ и быть, теперь спускаю, но пріѣдешь посвящаться, поплатись, а то иначе затяну дѣло.» Цѣна за справки для будущаго священника рѣдко спускается ниже 20 руб., но щедрые и богатые кандидаты даютъ и по 30—40 руб. т. е. не то, что даютъ добровольно, а принуждены бываютъ давать *по доброй неволѣ*, или *по невольной волѣ*.

Справка представлена къ архіерею, и тамъ нельзя же обойтись безъ приношеній; надобно *ублаговолить* письмоводителя, что бы онъ не давалъ ей залежаться, потомъ надобно поблагодарить о. духовнаго за снятіе прошлыхъ грѣховъ съ совѣсти новопосвящаемаго. Наконецъ послѣ болѣе или менѣе длиннаго промежутка ставленникъ дѣлается священникомъ, или дьякономъ; литургія кончилась, преосвященнаго проводили изъ собора, или крестовой; ну тогда новопосвященный *поворачивайся на всѣ стороны*, какъ говоритъ русская пословица, развязывай кошелекъ и расплачивайся. Къ нему подступаютъ и приступаютъ протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, псаломщики, пѣвчіе, понамари, звонари, даже сторожа. Одному нужно дать за то, что сказалъ на всю церковь *по вели*, или *повелите*, — другимъ за то, что вели подъ руки, говорили: «поклонъ въ землю, поклонъ поясный,» а для краткости просто своими руками наклоняли, преклоняли и даже подталкивали, — тому за то, что надѣвалъ стихарь, или ризы, завязывалъ поручи, — другому за то, что подавалъ ихъ, — этимъ за то, что пѣли *аксіосъ*, или *Исаіе ликуй*; кто звонилъ на колокольнѣ, кто читалъ часы, кто былъ въ соборѣ, а кто ни звонилъ, ни читалъ и не былъ въ соборѣ, а принадлежитъ къ нему; но всѣ просятъ, требуютъ, бранятся, если не получаютъ должнаго по ихъ мнѣнію удовлетворенія,— и всѣмъ надобно дать и дать, а то иной смельчакъ станетъ держать за рясу. Если литургія совершалась въ крестовой церкви, то новопосвященный долженъ еще развѣдаться съ архіерейскою дворнею; если же въ соборѣ, то она откладываетъ свои разсчоты до полученія грамоты.

Кромѣ того еще во многихъ мѣстахъ не вывелось изъ обыкновенія поздравлять ставленника *съ благодатію* въ его квартирѣ. Не случалось ли вамъ, г. ч., въ епархіальныхъ городахъ видать, какъ послѣ архіерейской службы, когда кого либо посвящали во священника, или дьякона, — или

послѣ вечерни отрядъ изъ протодьякона, дьяконовъ, иподьяконовъ, и псаломщиковъ развернутымъ фронтомъ, или густою кучею идетъ поспѣшно, громко поговариваетъ, весело посмѣивается, потомъ поворачиваетъ въ какой либо постоялый дворъ, подворье, или дешовую гостинницу, гдѣ б. ч. останавливаются ставленники. Весь этотъ отрядъ вваливается въ квартиру его. Дорогіе гости здѣсь нерѣдко имѣютъ своими собесѣдниками, или собутыльниками часть консисторскихъ приказныхъ. Что за веселая составляется компанія? Что за *разливанное море* тутъ бываетъ по русской пословицѣ. Штофы смѣняются бутылками, бутылки уступаютъ мѣсто штофамъ, рюмки не показываются, отдается почотъ стаканамъ; тарелки съ говядиною, или соленою рыбой, смотря потому, постный, или скоромный день, опоражниваются. У тороватаго хозяина угощеніе продолжается до полночи, ставится самоваръ, роспиваются *пунши;* идетъ *пиръ на весь міръ; ней-не хочу,* по русской пословицѣ. Тутъ то раздается громогласное кому либо многолѣтіе, то поется духовный какой либо гимнъ, который вдругъ прерывается звономъ стекляной разбитой посуды, веселою ухарскою пѣснью, сопроваждаемою притопываеніемъ ногъ; тутъ уже не пиръ, а *цѣлый содомъ;* проходящіе смѣются и поговариваютъ: «вотъ какъ разгулялась кутья-то;» хозяинъ постоялаго двора, или подворья даже начинаетъ поморщиваться, если еще онъ новичекъ въ своемъ ремеслѣ; сосѣди-постояльцы куда либо уходятъ. По окончаніи пирушки возвращеніе домой совершается рѣдко уже кучею, идутъ, если могутъ, въ разсыпную, а чаще ѣдутъ, или отвозятся на извощикахъ. Благородные и скромные изъ семинаристовъ платятъ вдвое гостямъ, чтобы они только не приходили къ нимъ, но гости соборяне и консисторскіе этимъ препебреженіемъ обижаются. «*Ньтъ,* говорятъ, *деньги деньгами, а угощеніе своимъ чередомъ.* Надобно по совѣсти сказать, что пьянство между соборянами дьяконскаго чина и отчасти между приказными преимущественно поддерживается описанными сейчасъ попойками.

Ставленникъ потомъ недѣлю пріучается къ богослуженію, и тутъ нельзя не угостить и не поблагодарить своихъ учителей. Теперь остается получить грамату и указъ изъ к-ріи къ благочинному. Грамату выдаетъ почти всегда самъ архіерей съ приличнымъ наставленіемъ, но и въ этомъ случаѣ не безъ задержекъ и не безъ издержекъ. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть училища для дѣвицъ духовнаго званія, по к. м. во многихъ, священникъ и дьяконъ напередъ долженъ явиться къ начальницѣ училища. Здѣсь воспитанницы между

прочимъ занимаются вышиваніемъ тѣхъ широкихъ поясовъ, которые носятся духовными лицами на подрясникахъ. Одинъ изъ этихъ-то поясовъ и долженъ взять себѣ каждый ставленникъ, заплативши столько, сколько угодно назначить начальницѣ; тутъ торговъ не бываетъ. Потомъ уже являются къ письмоводителю, или экономy за граматою. Хотя граматы печатаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ, однако цѣны не вездѣ одинаковы, даже въ одномъ и томъ же городѣ измѣняются часто не по годамъ, а даже по днямъ и часамъ, напр. въ одной епархіи въ послѣдніе 10 лѣтъ цѣна колебалась между 2—10 руб., восходила, смотря по лицу, до 15 р. Вѣдь, какъ угодно, а едвали фонды какого либо государства, не исключая турецкаго и папскаго, или акціи самаго несостоятельнаго общества подвержены были такому колебанію. Впрочемъ, р-ся, плата тутъ идетъ не за одну грамату, а и за труды тому, кто въ нее впишетъ имя новаго духовнаго лица, или выставитъ на ней номеръ, запишетъ ее въ исходящую и пр. Послѣ полученія граматы новый дьяконъ, особенно же священникъ еще долженъ принять поздравленія отъ архіерейской дворни. Тутъ явится келейникъ, лакей, или послушникъ, расплачивайся съ ними, на лѣстницѣ и даже на дворѣ остановятъ истопники и всѣ вообще слуги и служки; не знаю, является ли въ этомъ случаѣ поваръ, но кучеръ и форейторъ отрекомендуются, — и тутъ надобно дать кому гривенникъ, кому двугривенный, а то потребуютъ и полтинничекъ. Вырвавшись изъ архіерейскаго дома, новый іерей и дьяконъ приходитъ въ к-рію за указомъ. К-ся, здѣсь можно бы его отпустить *безданно-безпошлинно*, но нѣтъ, нельзя же его не поздравить съ окончаніемъ дѣла, нельзя не поприжать, не попріостановить его. Попроситъ и секретарь, и столоначальникъ ставленническаго стола, его писцы и помощникъ, иногда и члену нѣкогда подписать указа, а протоколистъ за номеръ непремѣнно потребуетъ пожертвованія. Другіе столоначальники, м. б., и не попросятъ ничего, за то нерѣдко пожелаютъ проводить новопосвященнаго домой. Но сторожа консисторскіе непремѣнно за него ухватятся въ буквальномъ смыслѣ, если ихъ онъ не предупредитъ порядочною подачкою. Судите о тѣхъ чувствованіяхъ, которыя новому іерею, или дьякону приходится испытать во все время своего ставленничества; у человѣка съ самыми крѣпкими нервами закружится не разъ голова; у самаго кроткаго появится раздраженіе; когда ему по словамъ автора книги: о. с. д. (стр. 55) приходится «отбиваться деньгами и просьбами, не рѣдко и бранью *отъ цѣлой стаи звѣрей самыхъ*

хищныхъ, самыхъ ненасытныхъ;» у самаго некорыстолюбиваго и богатаго пробудится сожалѣніе о безконечномъ рядѣ взятокъ. Люди же не очень хладнокровные выходятъ изъ себя; но всѣ вообще, обобранные, почти ограбленные поскорѣе уѣзжаютъ на новое свое мѣсто. Не удивляйтесь послѣ этого, что всякій ставленникъ священникъ на расходъ при посвященіи истрачиваетъ не менѣе 100 руб.; при небольшой щедрости и при обстоятельствахъ благопріятныхъ для взяточниковъ не замѣтишь, какъ изъ кармана изчезнутъ 150—200 руб. И послѣ этого гражданскіе чиновники еще жалуются на то, что съ нихъ бываютъ вычеты за чины; попробовали бы они получить ихъ чрезъ к-рію и архіерейскій домъ; тогда бы не стали жаловаться.

Но надобно быть безпристрастнымъ; бываютъ, хоть очень рѣдко, случаи, когда ставленники не только ничего не даютъ консисторской канцеляріи, но даже вводятъ ее не въ маловажные расходы. Такой случай происходилъ въ одной изъ сосѣднихъ съ московскою губерній. Одинъ ученикъ, кончившій курсъ семинаріи, во время дѣлопроизводства о посвященіи его во священника, никому изъ к-ріи ничего не далъ. Какъ ни тянули дѣло, а семинаристъ сдѣлался священникомъ. Является въ к-рію въ послѣдній разъ; тутъ его вновь обступили столоначальники и начали убѣждать уже, какъ учила реторика Бургія, *a turpi et honesto;* говорили, не стыдно ли такъ поступать и пр. Новый священникъ умилился, началъ извиняться, захотѣлъ какъ будто поправить свой промахъ и попросилъ секретаря, столоначальниковъ и протоколиста къ себѣ на квартиру. Р-ся, всѣ пришли. Тогда онъ сказалъ: «господа; не лучше ли намъ пойти въ трактиръ?» Всѣ одобрили это предложеніе. Въ трактирѣ молодой батюшка попросилъ господъ чиновниковъ, чтобы они сами назначали и требовали все, чѣмъ находятъ нужнымъ угостить себя и что бы денегъ его не жалѣли. Секретарь занялъ президентское мѣсто и началось угощеніе; гости то тотъ, то другой и больше всего секретарь назначали и питье и кушанье; священникъ угощалъ и повторялъ: *пожалуйста, безъ церемоній.* Когда головы уже отяжелѣли, то замѣтили, что священника нѣтъ въ комнатѣ, спросили у половаго и тотъ отвѣчалъ, что батюшка ушелъ вонъ. Компанія встрепенулась и думали было поскорѣе убраться во *свояси.* Но буфетчикъ остановилъ ее и просилъ расплатиться. Компанія отвѣчала, что ее угощалъ священникъ, но половой замѣтилъ, что все требовали, секретарь и столоначальники, а священникъ только пилъ и ѣлъ. Поднялся шумъ; денегъ

было пропито до 30 р.; такого количества у нихъ ни у кого не оказалось. Дѣлать было нечего. Оставивши заложниковъ, другіе отправились домой за деньгами и, чрезъ нѣсколько времени возвратившись, расплатились съ буфетчикомъ. Священникъ же напередъ велѣлъ своему извощику запрячь и поставить въ извѣстномъ мѣстѣ лошадей. Ушедши украдкою изъ трактира, онъ добрался до нихъ и немедленно уѣхалъ, такъ что секретарь и столоначальники не нашли его уже въ прежней квартирѣ.

Слѣдственныя, тяжебныя и ставленническія дѣла составляютъ крупный доходъ к-рій отъ д-ва. Но есть множество и другихъ статей, которыми она можетъ кормиться. К-ся, кому бы, какъ не епархіальному начальству нужно радоваться и помогать, когда или строютъ новую, или украшаютъ и улучшаютъ старую церковь. Но и изъ этого к-рія сдѣлала себѣ богатую доходную статью; такъ что одинъ столъ ею почти одною живетъ и благоденствуетъ. Здѣсь главную роль играетъ тотъ законъ, по которому ни одинъ причтъ не можетъ расходовать ни на одинъ предметъ болѣе 30 руб. Вотъ почему о всѣхъ новыхъ постройкахъ, поправкахъ, улучшеніяхъ, напр. ризницы, утвари надобно спрашивать к-рію. Такія прошенія, показывая, что въ церкви есть деньжонки, считаются кладомъ для столоначальника, отчасти секретаря и члена. И потому первый б. ч. назначаетъ прямо, что ему дать. Поторговаться и даже добиваться какой либо сбавки можно, но ничего не дать нѣтъ никакой возможности; иначе дѣло возмется на проволочку. Не говоря уже о строительной коммиссіи, объ архитекторѣ, сколько въ самой к-ріи можно сдѣлать остановокъ? А м. т. пріѣхавшіе хлопотать староста и священникъ должны жить и тратить деньги; лучше давай скорѣе взятку, иначе расходу больше будетъ, а взятки не минуешь. И потому не удивительно, что въ каждой церкви есть секретныя деньги, на которыя производятъ домашнимъ образомъ передѣлки въ церкви безъ к-ріи, что купленную новую разницу, сосудъ и пр. называютъ подаренными отъ неизвѣстнаго лица; я знаю не одинъ случай, когда во избѣжаніе излишнихъ расходовъ новыя деревянныя колокольни были построены безъ разрѣшенія епархіальнаго архіерея. Особенно дозволеніе построить новый храмъ получается не дешево, но тутъ, правду сказать, много нужно платить архитектору за составленіе плана; бывали примѣры, что эта одна статья стоила не 50, не 100, а даже 300 руб. и болѣе; за планъ для иконостаса берутъ по 30—50 руб. Разрѣшеніе освятить новый храмъ опять тре-

буетъ расходовъ. Въ 1864 г. въ такомъ случаѣ столоначальникъ просилъ съ перваго раза 100 руб. На возраженіе старосты и священника онъ отвѣчалъ: «я выведу на справку, что архитекторъ не освидѣтельствовалъ еще вашего храма.» Поторговались, погрозили, что они и сами достанутъ свидѣтельство и г. столоначальнику ничего не дадутъ; тогда онъ сдѣлалъ скидку, но все таки не остался въ убыткѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ деньги берутся не изъ кармана старосты, или духовныхъ лицъ, а изъ церковной кружки; и т. о. деньги, которыя намъ благочестивый народъ подаетъ по лептѣ, какъ онъ выражается, Богу, достаются взяточникамъ.

Но церковь божія платитъ не малыя подати к-ріи и по другимъ предметамъ. Пріобрѣтеніе св. мура, обмѣнъ стараго антиминса на новый не обходится безъ расхода незаконнаго, но тамъ является на сцену о. ризничій. Однажды случилось мнѣ быть свидѣтелемъ выдачи антиминса. Священникъ, получившій его, спросилъ ризничаго: сколько ему нужно заплатить денегъ? Ризничій отвѣчалъ: четыре рубля (съ гривнами), и тутъ же прибавилъ; нынѣ они очень дороги; — какъ будто бы тоже на нихъ бываетъ урожай, или неурожай. Но когда священникъ долженъ былъ росписаться въ книгѣ, сколько онъ заплатилъ денегъ, то о. ризничій самымъ нахальнымъ образомъ велѣлъ ему писать сумму менѣе вдвое взятой. Потомъ церкви берутъ вѣнчики и разрѣшительныя молитвы, разнаго рода книги: приходорасходныя, обыскныя, листы для метрикъ и исповѣдныхъ росписей. За нихъ есть и казенныя пошлины, напр. за листъ для метрическихъ книгъ по 5 коп., дорогонько, правду сказать, но раздаватель листовъ увеличиваетъ налогъ до 10—15 коп. а иногда беретъ валовымъ образомъ по 3—5 руб. со штата за всѣ листы для метрикъ. Однажды тоже мнѣ пришлось сидѣть у предстоятеля сельской церкви. Дьячекъ принесъ изъ к-ріи листы для метрикъ и исповѣдныхъ росписей и сталъ давать отчетъ въ истраченной суммѣ. «Да ты нынѣ мало что-то истратилъ денегъ, сказалъ предстоятель; въ прошлый годъ мы платили больше.» Тогда дьячокъ отвѣчалъ: «нынѣ слишкомъ большой урожай на листы и потому ихъ сбываютъ съ рукъ дешево.» Всѣ засмѣялись дьячковской остротѣ. Дѣло впрочемъ состояло въ томъ, что до архіерея дошло множество жалобъ на притѣсненія столоначальника при выдачѣ листовъ; этотъ господинъ не былъ выгнанъ; ему только посовѣтовали поменьше брать.

Если уже церковь божія расплачивается съ к-ріею, то что сказать о дѣлахъ (кромѣ слѣдственныхъ и тяжебныхъ),

касающихся отдѣльныхъ духовныхъ лицъ, а такихъ дѣлъ очень много. Захотѣлъ ѣхать кто либо изъ духовныхъ лицъ въ другую епархію? — ступай въ к-рію. Нужно ему отпустить жену, даже дочь за границу своей епархіи? опять въ к-рію. Надобно уволить сына изъ духовнаго званія? *паки и паки* к-рія. А тутъ еще какая либо ошибка въ метрикѣ, или духовныхъ книгахъ, хоть напр. пропущена одна цифра, — тутъ уже требуютъ въ к-рію. Жизнь духовныхъ, говорится въ No. 2. Духовнаго Вѣстника 1865 г. (стр, 198), задавлѣна нуждами и формализмами. Въ самомъ дѣлѣ духовныхъ часто тягаютъ въ к-рію совершенно по пустякамъ, подписаться подъ статьею въ метрикѣ, дать отвѣтъ, почему исповѣдныя росписи не чисто переписаны, или не къ сроку, не въ урочный часъ доставлены къ благочиннымъ.» И каждый разъ, какъ явишься по дѣлу или бездѣлью расплачивайся. Этого мало. Еслы вы, духовное лицо, то не ходите въ к-рію даже для свиданія тамъ съ кѣмъ нибудь. Въ этомъ случаѣ многіе найдутся изъ канцелярской братіи, которые станутъ навязываться и даже, пожалуй, навяжутся къ вамъ въ гости, попросятъ и выпросятъ четвертакъ, или цѣлковый, обругаютъ васъ, или погрозятъ вамъ, если ничего не дадите, и потомъ дѣйствительно при случаѣ не забудутъ *учиненной вами обиды.*

Въ недавнее время канцелярія к-ріи не любила ограничиваться только *внутренними* доходами т. е. тѣми деньгами, которыя приносятъ прямо въ нее; чиновники ея любили дѣлать т. с-ть экскурсіи, или маленькія нашествія на бѣлое д-во и собирать съ него нѣчто въ родѣ десятины. Для этого обыкновенно въ святки секретарь и столоначальники избирали каждый порознь кого либо изъ канцелярской низшей братіи и, нанявъ ему пару лошадей, отправляли его въ извѣстный т. с-ть районъ епархіи. Посланный переѣзжалъ изъ села въ село, оставливался у священниковъ, предлагалъ тетрадку или книжку за скрѣпью пославшаго, просилъ вписать въ нее свое пожертвованіе и не забыть его, — полномочнаго посла. Р-ся, все исполняется по желанію; но этотъ обычай начинаетъ ослабѣвать. Ему особенно не благопріятствуетъ то обстоятельство, что нынѣ каждому столоначальнику поручаются извѣстнаго рода дѣла, касающіяся всѣхъ уѣздовъ. Какимъ же образомъ раздѣлить тутъ уѣзды между столоначальниками? Секретарь — другое дѣло; чрезъ его руки проходятъ всѣ дѣла всѣхъ уѣздовъ. Ему тоже подражаютъ письмоводители духовныхъ правленій относительно своихъ уѣздовъ. Поборы эти д-во называетъ въ шутку *славленьемъ.*

Отцы члены к-ріи до сихъ поръ не умѣли вполнѣ подражать своей канцеляріи въ этомъ отношеніи. Главная причина состоитъ въ множествѣ и въ недостаткѣ между ними единства. Первому члену — ректору семинаріи не нужны поборы по сельскому д-ву; у него есть и жалованье, есть и доходы, особенно по монастырю. Потомъ и между членами встрѣчаются люди честные. А м. т. для безопасности нужно общее согласіе; тогда бы все покорилось, вездѣ бы дали. Но если вся к-рія не хочетъ, или не умѣетъ воспользоваться этою доходною статьею, то отдѣльные нѣкоторые члены не пренебрегаютъ ею; только поборы ихъ вовсе не похожи на регулярное ежегодное славленье секретаря и столоначальниковъ; они скорѣе похожи на маленькіе партизанскіе набѣги и прикрываются какимъ дибо смиреннымъ благовиднымъ предлогомъ. Въ этомъ отношеніи я готовъ подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми своими свѣдѣніями. Одному епархіальному начальнику нужно было освящать сельскую церковь верстахъ въ 70 отъ его резиденціи. Между членами к-ріи находился престарѣлый протоіерей и взяточникъ, которому тоже хотѣлось присутствовать при освященіи, хотя о приглашеніи его никто и не думалъ. Онъ и отправился, но не по прямому пути въ 70 верстъ, пролегавшему чрезъ ненаселенныя мѣста, а другою дорогою верстъ въ полтораста, которая шла по населенной мѣстности. Почтенный о. протоіерей не торопился своею поѣздкою, не только останавливался въ каждомъ селѣ по дорогѣ, но и сворачивалъ съ нее въ сосѣднія, особенно богатыя села. Вояжъ ему ничего не стоилъ, подводы давались безденежно д-вомъ отъ одного села до другаго; угощеніе, р-ся, у священниковъ даровое; по вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ рѣшительно селѣ нашъ путешественникъ получалъ, или выпрашивалъ очень хорошее денежное вознагражденіе за свой визитъ. Почти чрезъ недѣлю добрался онъ до села, гдѣ освящалась церковь; его по неволѣ пригласили быть участникомъ въ освященіи, за что онъ получилъ уже очень хорошую благодарность. А потомъ по другой дорогѣ на обывательскихъ подводахъ, по распоряженію уже становаго онъ возвратился въ свой домъ съ очень порядочнымъ барышомъ. Другой членъ к-ріи и вмѣстѣ настоятель подгороднаго монастыря находилъ неприличнымъ прямо требовать взятки въ свой карманъ и потому прикрылъ свою экскурсію богоугоднымъ, по видимому, дѣломъ. На монастырской тройкѣ онъ отправляется по уѣздамъ цѣлой губерніи и въ каждомъ селѣ доказываетъ, что въ его обители нужно слить новый большой колоколъ.

Бѣлое д-во очень хорошо знакомо было съ его силою въ к-ріи и потому жертвовало на мнимый колоколъ, зная, что тутъ у о. архимандрита скрывается другой умыселъ. Экскурсія эта въ одномъ селѣ сдѣлалась зоологическою; священникъ его сказалъ на отрѣзъ, что у него дома рѣшительно нѣтъ ни копѣйки, а вотъ, прибавилъ онъ съ шуткою, развѣ не возьмете ли у меня, ваше в-біе, барана? Но на этомъ словѣ его поймали; связанный боранъ отправился вмѣстѣ съ о. архимандритомъ и былъ проданъ на слѣдующемъ ночлегѣ. Къ сожалѣнію о. архимандрита ему удалось объѣздить менѣе половины епархіи. До него дошолъ слухъ, что будто бы губернаторъ смотритъ на его сборы не совсѣмъ благопріятно. О. архимандритъ поспѣшилъ возвратиться въ свою обитель; а собранныя деньги? — тоже съ нимъ пріѣхали благополучно въ туже обитель, но остались въ рукахъ его, — о. настоятеля. Но повторяю, что подобныя экскурсіи очень рѣдки; на нихъ рѣшаются только отважнѣйшіе, безсовѣстнѣйшіе и корыстолюбивѣйшіе люди.

Для полноты картины остается сказать о поборахъ линъ, составляющихъ самую низшую часть епархіальной администраціи; поборы эти не тяжелы для д-ва, но они покажутъ, до какой степени взяточничество и побирошество распространено по всему духовному вѣдомству. Въ немъ разсылка указовъ б. ч. производится еще по той методѣ, которая существовала у мексиканцевъ и перуанцевъ до прибытія къ нимъ Кортеца и Пизарро. Обыкновенно консисторскій сторожъ получаетъ запечатанные пакеты, укладываетъ ихъ въ сумку и отправляется иногда съ очень порядочною ношею изъ губернскаго города. Указы б. ч. посылаются къ благочиннымъ, но консисторскій почтальонъ не забываетъ священниковъ тѣхъ селъ, которыя лежатъ на дорогѣ его, или не далеко отъ нея, заходитъ къ нимъ пообѣдать, ночевать, а иногда просто отрекомендоваться, что вотъ-де онъ консисторскій сторожъ идетъ туда-то съ указами. Его не только накормятъ, не только дадутъ ему ночлегъ, но и сдѣлаютъ небольшое пожертвованіе деньгами. Бѣдный почталіонъ ничѣмъ не пренебрегаетъ, возьметъ, хоть и съ недовольною миною, гривенничекъ, поклонится за двугривенный и четвертакъ, и развѣ только тамъ, куда принесетъ какой либо интересный для хозяина указъ, попроситъ и получитъ полтинникъ и даже рубликъ. Разнесши указы по назначенію, онъ возвращается другою дорогою и здѣсь опять получаетъ по селамъ гривенички, четвертачки и пр. Конечно курьерствуя по древне-мексиканскому и древне-перуанскому обы-

чаю, пѣшкомъ, впрочемъ не рысью, какъ было въ Мексикѣ и Перу, консисторскій почталіонъ изнашиваетъ обувь и одежду отъ дождя снѣга, вѣтра и грязи, теряетъ здоровье, а все-таки ждетъ не дождется очереди отправиться съ указами. Значитъ, изъ всѣхъ, получаемыхъ имъ гривенничковъ, четвертачковъ составляется порядочная сумма, изъ за которой можно не жалѣть своихъ ногъ.

Почему же духовныя лица не жалуются епархіальнымъ архіереямъ на притѣсненія, придирки, проволочки и пр. к-ріи? Запрещенія на это нѣтъ; и есть смѣльчаки, которые такимъ путемъ одерживаютъ даже побѣды надъ *полчищемъ взяточниковъ*. Но только подобныя побѣды слишкомъ рѣдко выигрываются, да и то не всегда обходятся безъ дурныхъ послѣдствій для побѣдителей. Самое огромное большинство находитъ лучшимъ улаживать дѣло какъ нибудь въ самой к-ріи, да и резонно поступаетъ; поговорю немного объ этомъ щекотливомъ предметѣ.

Главнымъ препятствіемъ къ жалобамъ на к-рію служитъ замѣчаемый въ новыхъ епархіальныхъ начальникахъ недостатокъ юридической подготовки къ своей должности до хиротоніи, о чемъ я уже и говорилъ. Въ этомъ отношеніи есть характеристическій анекдотъ. Къ одному изъ вновь посвященныхъ архипастырей пришолъ его короткій знакомый, свѣтскій человѣкъ и засталъ его не въ духѣ. «Что вы такъ не веселы?» спросилъ пришедшій. «До веселья ли мнѣ теперь; смотрика, какія кипы бумагъ у меня уже набрались, отвѣчалъ владыка. А ты знаешь, какъ мало до сихъ поръ я занимался такими дѣлами. Право не придумаю, что мнѣ и дѣлать.» «Ну ужъ извините меня, В. Пр-во, сказалъ гость, я никакъ не ожидалъ, что бы вы стали этимъ затрудняться. И я вотъ тоже никогда не занимался духовными дѣлами, а м. т. за одинъ присѣстъ рѣшу всѣ лежащія у васъ бумаги» Полно хвалиться, или шутить; мнѣ вовсе не до шутокъ, перебилъ владыка. «Я вовсе не шучу, а говорю серьезно, отвѣчалъ гость. Извольте взять бумаги и читайте мнѣ ихъ; я вамъ буду сказывать резолиціи. Тогда владыка, прочитавши одну какую-то кляузническую просьбу, сказалъ: «ну вотъ какую положить резолюцію?» Берите перо и пишите, отвѣчалъ гость. Владыка взялъ перо и спросилъ: «ну что же писать?» — Пишите: к-рія имѣетъ разсмотрѣть, подсказывалъ знакомецъ. «Ну хорошо, я напишу это, а тамъ что будетъ? Р-ся, к-рія разсмотритъ и опять ко мнѣ же представитъ притомъ съ своими прибавками.» — Тогда вы, продолжалъ гость, напишите: «согла-

сенъ съ мнѣніемъ к-ріи. Ну, не правда ли моя, что затрудняться вамъ нечего.»

Какъ угодно, г. ч., а способъ рѣшать при помощи двухъ только резолюцій всѣ епархіальныя дѣла чрезвычайно легокъ. Сначала его и придерживаются м. б. по необходимости; потомъ конечно бы со временемъ можно и самимъ уже познакомиться съ законами и формами; но говоря о письмоводителѣ архіерейскомъ, я уже сказалъ, что у владыкъ, чрезвычайно много препятствій къ тому, чтобы всецѣло посвятить себя епархіальнымъ дѣламъ. Вотъ почему, удерживая полную самостоятельность въ извѣстныхъ случаяхъ, многіе, даже очень многіе продолжаютъ и послѣ до самой смерти писать: *к-рія имѣетъ разсмотрѣть*, или: *согласенъ съ мнѣніемъ к-ріи.* Въ подтвержденіе этого разскажу другое событіе. Одинъ протоіерей, любившій иногда *горой стоять* за епархіальныхъ архіереевъ, выслушавъ разсказанный сейчасъ анекдотъ, никакъ не хотѣлъ ему вѣрить, и даже горячо поспорилъ съ разскащикомъ. М. т. на епархію пріѣхалъ новый, но уже долго служившій по разнымъ епархіямъ архіерей. Разскащикъ, увидѣвшись съ протоіереемъ, спросилъ его: «ну что, каковъ вашъ новый владыка?» «Да что съ вами дѣлать? сказалъ протоіерей, приходится вамъ повѣрить. Вѣдь знаете ли? Анекдотъ вашъ о легчайшемъ способѣ рѣшать епархіальныя дѣла сбывается вполнѣ на нашемъ владыкѣ.» И дѣйствительно владыка рѣшительно почти ни одного прошенія самъ не рѣшалъ; на каждомъ изъ нихъ полагалась резолюція: или *въ к-рію*, или: *справку*, или еще что нибудь въ такомъ же родѣ. А потомъ по разсмотрѣніи въ к-ріи дѣло рѣшалось такъ, какъ она находила нужнымъ. Тутъ даже бывали смѣшныя событія. Въ к-рію на разсмотрѣніе сдавались такія дѣла, которыя должны были рѣшиться въ правленіи семинаріи; въ это число однажды попалъ, какъ мнѣ говорили, недѣльный репортъ инспектора о благосостояніи семинаріи. Да и для чего, г. ч., обвинять почтенныхъ особъ за употребленіе легкихъ способовъ исполнять свои должностныя обязанности. Въ этомъ случаѣ они могутъ руководствоваться отчасти примѣромъ католическихъ епископовъ, у которыхъ для рѣшенія прошеній, къ нимъ подаваемыхъ, есть прекрасная форма: *fiat, ut petitur*, а еще болѣе уставомъ к-ріи. Въ его § 328 законодательство наше позаботилось дать нашимъ преосвященнымъ общую формулу для выраженія своего согласія на журналы и протоколы к-ріи, оно прямо постановило, что бы для этого употреблялись только слова: *исполнить, или утверждается.* Почему же

по этому примѣру не придумать другихъ т. е-ть казенныхъ и легкихъ формъ для рѣшенія всѣхъ вообще дѣлъ, тогда не нужно будетъ для всякаго случая составлять новую резолюцію, утруждать свою голову и тратить драгоцѣнное время. А то вотъ знаменитый Евгеній-борода, не пользуясь казенными формами, или не зная ихъ, когда «принесутъ къ нему бумаги, гдѣ нужно только резолюцію положить, судитъ и размышляетъ цѣлое утро: что лучше: исполнить, — или разрѣшить (стр. 116).» Вѣдь т. о. сколько часовъ въ недѣлю особенно въ годъ безъ нужды истратится на неразрѣшенные вопросы. А. м. т. зная, что какимъ либо владыкою епархіальныя дѣла б. ч. рѣшаются по указаннымъ казеннымъ формамъ, проситель не благоразумно поступитъ, по к. м. немного выиграетъ если пожалуется на к-рію владыкѣ.

Есть на это еще и другая весьма основательная причина. Въ 1863 г. профессоры одной семинаріи жестоко смѣялись надъ секретаремъ к-ріи за безсовѣстное рѣшеніе какого-то дѣла. Изворотливый секретарь послѣ долгаго спора наконецъ сказалъ: «что же за бѣда, если это дѣло и рѣшено безсовѣстно; вѣдь *мы и тяшаемъ дѣла не по совѣсти, а по закону.*» О ревности г. секретаря къ закону я не стану много распространятья, но на совѣсть, к-ся, онъ дѣйствительно мало обращаетъ вниманіе. Съ другой стороны есть владыки, которые не согласны съ г. секретаремъ; они не очень какъ то любятъ держаться закона; привыкши къ автоіерархической важности, они не стѣсняютъ себя какими либо статейками. Одинъ изъ нихъ говаривалъ членамъ и секретарю к-ріи: «вы тамъ дѣлайте такъ, какъ законъ велитъ, ну а я совсѣмъ другое дѣло — я буду оказывать милость.» На счотъ того, много ли настоящихъ, безкорыстныхъ милостей оказывалъ владыка я ничего не скажу, но слыхалъ отъ достовѣрныхъ людей, что на законъ онъ не считалъ нужнымъ обращать большое вниманіе. И предшественники нашихъ владыкъ издавна уже не очень любили держаться законовъ. Такъ напр. еще Императрица Елисавета чрезъ Об. Пр-ра Шаховскаго повелѣла объявить Новгородскому Архіепископу Стефану, что бы онъ рѣшалъ брачныя дѣла «не отъ своего разсужденія приводя резоны, но точно бы Св. Писаніемъ, изъ книгъ православною Церковію принятыхъ и вѣроятія достойныхъ доказывалъ, и тѣ бы книги печатныя Ей Императрицѣ показывалъ (XIII т. Собр. Зак. стр. 705 No. 10,028).» А если мы еще подалѣе въ древность углубимся, то ознакомимся даже кое съ какими по-

бужденіями, которыми руководствовались владыки древнихъ временъ. Въ 19 правилѣ седьмаго вселенскаго собора пишется: «мерзость сребролюбія толико возобладала водителями Церквей, яко нѣкіи изъ глаголемыхъ благоговѣйныхъ мужей заблудилися и въ священный чинъ и въ монашеское званіе вступающихъ пріемлютъ за злато.» Въ числѣ этихъ водителей церкви стоятъ и епископы, которымъ соборъ ниже грозитъ изверженіемъ. Р-ся, кѣмъ возобладала мерзость сребролюбія относительно поступающихъ въ священный и монашескій чинъ, тѣ оказываютъ вниманіе къ злату и въ другихъ случаяхъ. У насъ на Руси въ древнія времена «архіереи окладывали для себя свои епархіи. Въ пользу ихъ собирались вѣнечныя и похоронныя пошлины. Наконецъ были и другія вспоможенія. Ростовскій митрополитъ Іона писалъ одному ярославскому священнику: «помози тебѣ Богъ, что ты насъ кормишь волжскою свѣжею рыбою; богатѣе ты всѣхъ своей братіи ярославскихъ поповъ (XIII т. Ист. г. Соловьева стр. 156).»

Станемъ-те постепенно приближаться къ нашему времени. Въ дѣтствѣ своемъ я слышалъ разсказъ о томъ какъ при Императорѣ Павлѣ владимірскій архіерей, к-ся, Викторъ лишенъ былъ своего сана за взятку, состоявшую изъ какого-то дорогаго мѣха. Потомъ при Императорѣ Александрѣ 1мъ на входѣ въ одинъ архіерейскій домъ была прибита ночью вывѣска: «здѣсь продаются священническія, дьяконскія и причетническія мѣста, а о цѣнѣ спросить Щ-ва (секретарь владыки — одного изъ ученѣйшихъ людей своего времени). Молва гласитъ, что нѣчто подобное было уже очень недавно, объявленія о продажѣ и покупкѣ мѣстъ и о другихъ вещахъ были приклееваемы на уличныхъ столбахъ одного губернскаго города, а однажды даже въ архіерейской подачѣ. Владыка, узнавши объ этомъ, изрекъ: *все сіе быстъ работаетъ*. Таже молва гласитъ, что у одного купца епархіальнаго города были фунтъ чаю и голова сахару подъ названіемъ *архіерейскихъ*. Онѣ покупались духовными особами, представлялись по надлежащему куда слѣдуетъ, оттуда за избыткомъ возвращались въ лавку за уменьшенную нѣсколько цѣну. Купецъ и нашолъ за лучшее поручить дѣлать такіе вояжи одному фунту чаю и одной головѣ сахару; и назвалъ ихъ поэтому архіерейскими. Молва еще болѣе гласитъ, что будто бы кое-гдѣ даже изчезали и драгоцѣнности съ иконъ и препровождались въ Петербургъ къ ювлирамъ, а въ современной лѣтописи за Іюль 1865 г. уже напечатано, что изъ рязанской ризницы самовольно архіереемъ продавались старинныя драгоцѣнности.

Теперь г. ч. возьмите какое либо духовное лицо, которому надобно жаловаться на к-рію. Не должно ли оно наперед поразмыслить: «а что на основаніи древних преданій и новѣйших примѣров не рѣшают ли тамъ, куда я стану жаловаться, дѣла *не по закону*, а по какой-то *милости*, отъ *своего разсужденія*, а не по *книгамъ*, *православною церковію принятымъ*, — не возобладала ли тамъ кѣмъ либо *мерзость сребролюбія*, не любятъ ли тамъ благодарить *за волжскую рыбу*, не берутъ ли тамъ *мѣхами*, не слѣдуетъ ли тамъ *бьсу прибить вывьску* о продажѣ должностей св-н-цел-ских, не прогуливаются ли туда изъ какой либо лавки фунтъ чаю и голова сахару, не отсылаются ли оттуда куда либо брилліанты и пр. И если хоть на одинъ изъ этих вопросовъ отвѣтится: да, то лучше съ к-ріей имѣть дѣло; тутъ м. б. дешевле обойдется.

Положимъ даже, что ничего этого нѣтъ; пусть тотъ, кому надобно жаловаться выше всякаго подозрѣнія въ сребролюбіи. Тутъ прежде всего нужно взять во вниманіе недоступность наших владыкъ. Если, какъ пишетъ авторъ книги: о с. д. у священника дрожитъ рука, когда ему нужно по своему даже невинному дѣлу объясниться съ своимъ начальникомъ; то что происходитъ въ его душѣ и организмѣ, когда надобно жаловаться на к-рію? Тутъ пожалуй и языкъ и ноги откажутся отъ исполненія возложенных на нихъ должностей. Но положимъ, что нашолся смѣльчакъ, который отважился вступить въ борьбу съ к-ріею. Не очень часто, но и не слишкомъ тоже рѣдко онъ можетъ услыхать: «ну такъ чтожъ? К-ріи надобно жить чѣмъ нибудь, жалованье тамъ пустое, а иные и вовсе ничего не получаютъ; ступай.» Если такіе отвѣты рѣдки, зато почти всякій архіерей съ неудовольствіемъ принимаетъ жалобы. Вѣдь онъ есть предсѣдатель к-ріи, значитъ неисправности въ ней падаютъ нѣсколько и даже сильно на него. Далѣе въ присутствіи к-ріи сидятъ люди сильные, нужные для архіерея, къ нему близкіе, даже б. ч. любимцы; иначе имъ трудно тамъ держаться; тамъ и секретарь, и ректоръ, и кафедральный протоіерей и прочее *знатное д-во города*. Если бы ко всѣмъ этимъ особамъ владыка не питалъ особеннаго расположенія, и не удостоивалъ никого изъ нихъ особою своею довѣренностію, то консисторскіе взяточники и дѣльцы всегда умѣютъ заслужить благоволеніе и милость архіерейскихъ фаворитовъ. А эти фавориты у самаго лучшаго архіерея по какой-то злой судьбинѣ слишкомъ рѣдко отличаются неподкупною честностію; «между, ними какъ сказано въ No. 7 Отеч. Зап. за

1862 г. (стр. 267) бываетъ много положительно — дурныхъ людей.» Еслибы даже архіерей принялъ жалобу, то не всегда ему самому можно входить въ подробный разборъ ея; надобно опять обратиться или къ своимъ любимцамъ, или къ секретарю, членамъ к-ріи, или даже просто сдать на разсмотрѣніе ея. Секретарь и членъ того стола, въ которомъ производилось дѣло, станутъ защищать столоначальника, въ неисправностяхъ котораго и они виноваты, а м. б. и участвовали. У прочихъ членовъ на умѣ круговая порука; будь нынѣ безпристрастенъ относительно своего сочлена и секретаря, пожалуй, завтра и они не будутъ къ тебѣ снисходительны, Катоновъ въ к-ріи не много найдется. Наконецъ жалующійся долженъ помнить, что если онъ одержитъ побѣду, то въ будущемъ грозитъ ему большая опасность. К-рія не измѣнится, но будетъ помнить того дерзновеннаго смѣльчака, который отважился жаловаться или на всю, или на одного изъ ея членовъ; нѣтъ, этой обиды не забудутъ и отомстятъ рано или поздо. Послѣ этого что за охота жаловаться?

Для отчетливой характеристики дѣлопроизводства въ духовныхъ присутственныхъ мѣстахъ нужно указать на примѣры, изъ которыхъ бы видно было, до какой степени оно пристрастно, медленно, произвольно, противозаконно и особенно тягостно для д-ва. Прошу извинить меня, если при моемъ описаніи будетъ замѣтенъ недостатокъ въ систематическомъ изложеніи, или окажется повтореніе чего нибудь.

Часть пятая.

Нѣсколько примѣровъ того, какъ рѣшаются дѣла въ духовныхъ присутственныхъ мѣстахъ.

Начну съ метрическихъ свидѣтельствъ и вообще съ дѣлъ, касающихся метрическихъ книгъ. 1) Одному молодому господину — не дворянину — надобно было имѣть дворянское происхожденіе, чтобы поскорѣе дослужиться офицерскаго чина въ арміи. Обратились къ секретарю к-ріи о *сочиненіи* метрическаго дворянскаго свидѣтельства съ соблюденіемъ глубокой тайны. Ловкій и ученый секретарь мастерски обдѣлалъ дѣльце. По обыкновенному порядку справка изъ метрическихъ книгъ повѣряется членомъ и со-

ставляется журналъ, или протоколъ (не знаю). Но въ экстренныхъ случаяхъ за чѣмъ слѣдовать рутинѣ? Секретарь самъ сочинилъ справку, умѣлъ какъ-то дать подписать члену, самъ написалъ метрическое свидѣтельство, тоже умѣлъ подсунуть подписать его члену, за столоначальника подписался кто-то другой, свидѣтельство занумеровано и выдано самимъ секретаремъ. Дѣло и кончено; небывалый дворянинъ офицерствуетъ, секретарь получилъ отъ благодѣтельной руки пособіе при покупкѣ и отдѣлкѣ двухъ-этажнаго дома. 2) Въ другой епархіи оказался бракъ незаконнымъ по причинѣ несовершеннолѣтія одного изъ бракосочетавшихся лицъ. Поступилъ доносъ; священника можно было уличить только метрикою, хранящеюся въ к-ріи. Онъ явился къ архиваріусу, который сказалъ, что метрика цѣла и даже показалъ ее, но вмѣстѣ требовалъ ста рублей, обѣщаясь обдѣлать дѣло, какъ нельзя лучше; только для переговоровъ просилъ прійти къ себѣ на квартиру. Священникъ явился, отсчиталъ требуемую сумму, потомъ спросилъ: что же съ метрикою дѣлать? вѣдь она будетъ уликою. — Нѣтъ, отвѣчалъ архиваріусъ и бросилъ ее въ топившуюся въ то время печь. 3) Одинъ господинъ имѣлъ нужду въ прибавкѣ двухъ лѣтъ въ метрическомъ свидѣтельствѣ. Для ясности положимъ, что господину надобно было бы родиться въ 1803, а рожденіе его записано въ метрикѣ 1805 г. Архиваріусъ развязываетъ метрики обоихъ годовъ, листъ, на которомъ записано рожденіе господина, вкладываетъ въ метрику 1803 года и показываетъ ее члену, который видя на оберткѣ 1803 годъ, удостовѣрилъ своею подписью вѣрность сдѣланной справки. 4) Въ одной епархіи нужно было купеческому сыну и опекуну его, чтобы первый имѣлъ 17 лѣтъ; люди были богатые; изъ к-ріи получили нужное метрическое свидѣтельство. Но послѣ какой-то недоброжелатель сдѣлалъ доносъ, началось дѣло, доказана поддѣлка и м. т. виновные не наказаны. Только одинъ вновь пріѣхавшій владыка немножко потревожилъ почтеннѣйшаго отца члена. Узнавши о дѣлѣ, онъ приказалъ отправить его въ уголовную палату для поступленія съ виновными по закону. Виновные сначала не знали, что́ и дѣлать. Но палата, вскорѣ возвративъ дѣло, прибавила, что по существующимъ постановленіямъ к-ріи сама должна первоначально опредѣлить степень виновности лицъ, соприкосновенныхъ къ дѣлу. Тутъ подсудимые поняли, что ихъ только хотѣли постращать; устроили все такъ, что и доселѣ степень ихъ виновности неопредѣляется, дѣло лежитъ безъ движенія и когда они умрутъ, то предано

будетъ суду божію со сдачею въ архивъ и въ руководство для будущихъ поколѣній.

Въ описанныхъ случаяхъ законъ слишкомъ ясно осуждаетъ виновныхъ; поэтому тутъ дѣйствуютъ поосторожнѣе. Но въ другихъ случаяхъ епархіальныя власти бываютъ посмѣлѣе и оставляютъ потомству оригинальныя резолюціи. 1) Въ двуштатномъ селѣ П. предположено было уничтожить одинъ причтъ и потому по случаю выбытія одного священника, остались въ немъ другой священникъ, дьяконъ и четыре причетника. По опредѣленію к-ріи, утвержденному архіереемъ, имъ велѣно было дѣлить доходы такъ, чтобы священникъ получалъ половину всего, дьяконъ одну четверть, а остальную четверть причетники дѣлили между собою поровну, напр. изъ 36 руб. доставалось священнику 18, дьякону 9, о каждому причетнику по 2 руб. 25 к. Но вотъ одинъ изъ причетниковъ выбываетъ изъ села; родился вопросъ: кому должна доставаться его доля? К-рія положила и его в-ство утвердилъ, чтобы священникъ получалъ $^4/_9$, дьяконъ $^2/_9$ и каждый причетникъ по $^1/_9$ части т. е. изъ 36 р. священнику уже доставалось 16 руб., дьякону 8, и каждому изъ причетниковъ по 4 руб. Обиженный священникъ пожаловался архіерею и объяснилъ, что не понимаетъ, почему онъ при четырехъ причетникахъ получалъ половину доходовъ, а при трехъ уменьшили его долю. Архіерей изумился такому опредѣленію, хотя самъ его утвердилъ и велѣлъ к-ріи удовлетворить просителя. Священникъ явился къ члену, въ столѣ котораго производилось дѣло. Почтенная особа поняла, что, Богъ знаетъ почему, священнику уменьшили доходъ и прибавила замѣчательныя слова: «вѣдь мы рѣшаемъ дѣла различно, смотря по обстоятельствамъ;» но м. т. причетники успѣли задарить ее и она придумала новый раздѣлъ. Священникъ долженъ былъ получать половину, дьяконъ $^2/_{20}$, а каждый изъ причетниковъ по $^1/_{10}$ части только первый, изъ своей доли долженъ былъ удѣлять четвертую часть изъ $^1/_{10}$ части. Т. о. изъ 36 руб. получаетъ каждый причетникъ по 3 руб. 60 к., дьяконъ по 8 руб. 10 коп., а священникъ 17 р. 10 к. Священникъ ходилъ было къ честному члену к-ріи; тотъ выслушалъ, подивился и покачалъ головою, а священникъ и дьяконъ все-таки остались въ убыткѣ. 2) Въ одномъ городѣ повѣнчана была незаконная свадьба; за что весь причтъ по суду долженъ былъ подвергнуться наказанію. Священникъ былъ подагадливѣе другихъ и умѣлъ представить управлявшему епархіею *вещественныя доказательства* своей невинности. Дѣло остановилось.

М. т. при церкви открылось протоіерейское мѣсто, на которое и былъ опредѣленъ подсудимый, но еще не осужденный священникъ, и послѣ того онъ еще успѣлъ получить какое-то отличіе. Но помня, что за нимъ есть еще *дѣлишко*, онъ вновь въ усиленномъ количествѣ представилъ вещественныя доказательства своей благодарности и преданности. Дѣло покончили, весь причтъ признанъ виновнымъ и каждому положили различныя наказанія. Управлявшій епархіею относительно дьякона и причетника согласился съ мнѣніемъ к-ріи, но на счотъ протоіерея составилъ свою резолюцію слѣдующаго содержанія: «протоіерей стоилъ бы положеннаго наказанія. Но такъ какъ онъ издавна отличался своею службою и даже во время судопроизводства надъ нимъ удостоился получить санъ протоіерея и еще отличіе, то его освободить отъ всякаго наказанія и не отмѣчать въ послужныхъ спискахъ, что онъ былъ подъ судомъ.» Протоіерей самъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и по отъѣздѣ управлявшаго епархіею на другое мѣсто, любилъ носить съ собою консисторскій указъ съ прописанною резолюціею и читать ее на обѣдахъ и вечерахъ ко всеобщему удивленію. 3) Выше я говорилъ, какъ состоявшій на причетнической вакансіи дьяконъ, плутовски занялъ мѣсто своего отца — дьячка и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ фальшивыя подписи св-и-ц-сл-лей, которые будто бы желали имѣть его своимъ сослужителемъ. Подвиги этого господина тѣмъ не окончились. Причтъ новаго села подалъ въ к-рію донесеніе о томъ, что они дьякону — причетнику не давали никакой подписи, что они вовсе не желаютъ его. Причетникъ-дьяконъ не сробѣлъ отъ этой жалобы, которая по закону должна бы повести его къ разстриженію; подпоилъ нѣсколько крестьянъ чиновныхъ и нечиновныхъ, которые и дали ему такъ называемыя заручныя. Съ ними-то, а также и съ кредитными билетами онъ явился въ к-рію; и эта благодѣтельница положила, что такъ какъ прихожане желаютъ имѣть означеннаго причетника-дьякона при своей церкви, то его и оставить при ней. *Донесеніе же причта о фальшивыхъ подписяхъ не принято во вниманіе, его какъ будто и не существовало, или фальшивыя подписи у насъ закономъ не преслѣдуются; вѣдь, какъ хотите, а к-рія — истинная благодѣтельница для мошенниковъ! 4) Протоіерей богатаго села пристроилъ при себѣ своего сына причетникомъ, а потомъ по милости архіерея и дьякономъ, но на причетнической вакансіи. Вскорѣ на штатное дьяконское мѣсто при тойже церкви поступилъ ученикъ, окончившій семинарскій курсъ. Епархіальное начальство

при этомъ случаѣ положило, чтобы прежній дьячокъ-дьяконъ оставался на причетническомъ вакансіи, а новой дьяконъ занималъ штатное дьяконское мѣсто, но чтобы они оба получали доходъ въ равномъ количествѣ: т. е. чтобы причетникъ-дьячокъ на бумагѣ считался состоящимъ на причетнической вакансіи, а на дѣлѣ, — по доходамъ имѣлъ одинаковыя права съ настоящимъ дьякономъ. 5) Одному священнику захотѣлось выхлопотать для дочереи причетническое мѣсто въ своемъ же селѣ съ тѣмъ впрочемъ, чтобы будущій его зять сдѣланъ былъ дьякономъ, но оставался на причетнической вакансіи. Первая просьба состояла только въ описаніи правъ и заслугъ священника и дочери. Владыка отказалъ ему слѣдующею резолюціею: «статное ли дѣло, чтобы дочь священника отдавалась за дьячка?» Тогда священникъ подалъ вторе прошеніе, въ которомъ усилилъ описаніе своихъ заслугъ и правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что мужъ его дочери будетъ не дьячкомъ, а дьякономъ. Послѣдовалъ новый отказъ: «въ одномъ причтѣ нельзя быть вмѣстѣ тестю и зятю.» Тутъ какой-то добрый человѣкъ посовѣтовалъ священнику прибѣгнуть къ другимъ доказательствамъ своихъ правъ. Проситель явился съ третьимъ прошеніемъ. «Ты опять съ просьбою, сказалъ владыка съ негодованіемъ; вѣдь тебѣ уже два раза отказывали.» Такъ точно, владыко святый, отвѣчалъ проситель; но я теперь жертвую на женское училище 60 руб. (подъ такою вѣжливою фирмою дѣлались приношенія). «Ну это другое дѣло *отвѣчалъ владыка святый*, поди къ эконому, отдай деньги и принеси росписку.» Росписка принесена и отдана; прошеніе принято; за дочерью и за ея женихомъ утверждено мѣсто; и оказалось статнымъ уже дѣломъ выдавать дочь священника за дьячка; и сдѣлалось возможнымъ быть тестю и зятю въ одномъ причтѣ.

Несправедливости и пристрастіе епархіальныхъ властей увеличиваются, когда впуталося въ дѣло *сильные* міра сего; тутъ даже безкорыстно дѣлаютъ неправду, лишь бы угодить важному чиновнику, богатому помѣщику и пр. Въ настоящее время такъ много сдѣлалось извѣстными фактовъ въ этомъ родѣ, что мнѣ можно указывать здѣсь на печатныя доказательства, заимствованныя притомъ не изъ либеральныхъ журналовъ, а изъ Дня, Русскаго Вѣстника и пр.

Начнемъ-те съ такого предмета, которымъ, епархіальныя власти въ западныхъ губерніяхъ особенно должны бы заниматься. Теперь открылось, что тамъ католическая пропаганда обращала въ католичество множество православнаго народа: Кому же бы и отстаивать интересы православія,

какъ не епархіальнымъ нашимъ властямъ? Но польская администрація и панство, желая отмстить священнику, который донесъ о совращеніи, обвинила его въ разныхъ разностяхъ; тутъ епархіальнымъ властямъ, к-ся, можно было бы защищать своихъ подчиненныхъ. А м. т. по словамъ корреспондента Дня: «всѣ эти донесенія, жалобы и представленія касательно священника, котораго католики преслѣдуютъ за донесеніе о совращеніи кого либо въ католицизмъ) препровождаются въ к-рію а тамъ и порѣшатъ, *безъ дальнихъ справокъ:* провинившагося іерея перевести въ наказаніе на другой худшій приходъ. Вотъ непремѣнный конецъ каждаго дѣла о совращеніи въ католицизмъ.» (No. 35 Дня 1863 г.)

Отъ фанатиковъ-католиковъ, да еще отъ польскихъ пановъ вовсе нельзя уже было ожидать особеннаго вниманія и къ церквамъ православнымъ и къ д-ву ихъ. «Православное д-во, говоритъ Русскій Вѣстникъ въ 4 No. 1864 г. (стр. 823) было оскорбляемо на каждомъ шагу съ цѣлью унизить его въ глазахъ народа. Оно было поставлено въ *рабскую зависимость отъ панства;* имѣнія его захватывались, церкви оставлялись въ запустѣніи; надъ нимъ кощунствовали; къ нему всячески старались выражать презрѣніе. Въ Топорищахъ, Мошковцахъ, Ляховцахъ и другихъ мѣстахъ былъ отнятъ у церквей матеріалъ, заготовленный для ихъ исправленія. Въ Молочнахъ захваченъ сѣнокосъ въ степи; у Троицкой Церкви въ Чудновѣ отнятъ принадлежащій ей хуторъ Горячій. Въ Бѣлой Церкви помѣщикомъ построена была псарня подлѣ самой церкви; вонь отъ растягиваемыхъ для сушки звѣриныхъ шкуръ наполняла самую церковь; во время самой службы псари связывали собакъ, а трубный звукъ и лай нарушали достоинство богослуженія. Въ Янушполѣ жидовскій рынокъ устроенъ помѣщиками на самомъ погостѣ церкви, въ Солотвинѣ, Головкахъ и многихъ другихъ селахъ жидовскія корчмы и кабаки стоятъ возлѣ самыхъ церквей. Наконецъ въ селѣ Коленцѣ старокостантиновскаго уѣзда вооруженная шляхта, собравшаяся въ 1861 году у поляка Бонецкаго, стрѣляла въ православную церковь и 34 человѣка крестьянъ подъ присягой показали, что они съ трудомъ прекратили возникшій было отъ этой святотатственной потѣхи пожаръ.»

Чтобы такъ поступать панамъ съ церквами, надобно было имъ пріобрѣсти убѣжденіе, что епархіальныя власти не очень вступаются даже за имѣнія церковныя, за цѣлость храмовъ, за оскорбленіе святыни ихъ, за нарушеніе приличія

даже при богослуженіи. Послѣ этого духовнымъ лицамъ, поставленнымъ *въ рабскую зависимость отъ панства*, еще меньше нежели церквамъ, можно было ожидать снисхожденія отъ пановъ и защиты отъ своего начальства. Таже статья намъ доставляетъ печальныя доказательства на это. «Нерѣдко священникъ (говорится на стр. 832) подвергается наказанію по первой жалобѣ безъ подробнаго разбирательства. Если жалующійся по чему либо важный человѣкъ, то горе бѣдному пастырю; не миновать ему бѣды. Священникъ села Молочекъ былъ устраненъ отъ священнодѣйствія безъ суда и слѣдствія, по одному голословному обвиненію помѣщика; священники селеній Колесцовъ и Гальчинца лишены своихъ приходовъ по обвиненію въ пьянствѣ начальникомъ уѣзднымъ, злоупотребленіямъ котораго они противодѣйствовали и получили обратно свои приходы, только когда слѣдствіе, произведенное *по настоянію губернскаго прокурора* обнаружило, что они вовсе не были преданы возводимому на нихъ пороку, а первый даже отъ роду не пилъ никакого вина.» Далѣе на стр. 833 говорится: «Трудно честному священнику жить подъ гнѣвомъ могущественнаго сосѣда; онъ долженъ молчать, когда его паству развращаютъ и ополячиваютъ; онъ долженъ молчать, — когда духовныхъ его чадъ обманываютъ и угнетаютъ; онъ не можетъ оказать помощи бѣдному мужу, который приходитъ къ нему съ жалобый, что панъ отнялъ у него жену; онъ не смѣетъ донести начальству, когда видитъ, что панъ готовитъ средства для возстанія. Горе ему, если онъ осмѣлится начать борьбу! Сколько непріятностей и бѣдъ угрожаетъ ему? Слѣдствія о совращеніи кончались обыкновенно ничѣмъ, а самъ онъ попадалъ подъ опалу пана и подвергался преслѣдованію. Жалоба на пана, угнетающаго крестьянъ, остается безъ послѣдствій и можетъ только ухудшить положеніе священника. Вотъ одинъ подобный фактъ: Одинъ помѣщикъ взялъ къ себѣ жену крестьянина въ наложницы. Обиженный мужъ, въ отсутствіе пана, пошолъ въ панскій дворъ уговаривать жену возвратиться домой; она его высѣкла и прогнала со двора. Мужикъ пошолъ жаловаться къ священнику. Священникъ умолялъ пана и его любовницу прекратить преступную связь, но увѣщанія остались безъ послѣдствій. Тогда онъ подалъ формальную жалобу, и что же? Панъ остался при своей любовницѣ, а съ священника взысканъ денежный штрафъ за то, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло.»

Горячіе паны и ярые католики, ободряемые своею безнаказанностію, потачливостію, или бездушіемъ епархіальныхъ

властей и сами иногда словомъ, а при случаѣ и дѣломъ расправляются съ нелюбимыми имъ священниками. «*Я васъ* (стр. 832) *и попа вашего съ грязью смѣшаю*, сказалъ мировой посредникъ въ отвѣтъ на справедливыя требованія Т-скихъ крестьянъ, которые поддерживались ихъ духовнымъ отцомъ.» И дѣйствительно могъ смѣшать съ грязью, и. ч. другому пану прошолъ безъ послѣдствій поступокъ поважнѣе этого. Покойный помѣщикъ К-ій (стр. 834) желалъ заставить крестьянъ работать въ праздникъ. Въ этотъ праздникъ былъ крестный ходъ и священникъ потребовалъ прихожанъ къ обѣднѣ. Помѣщикъ разсердился, бросился изъ дома, остановилъ крестный ходъ и, отнявъ у священника крестъ и положивъ его ему подъ голову, тутъ же предъ всѣмъ народомъ высѣкъ его розгами, тогда какъ онъ былъ въ полномъ облаченіи. Эта дерзость осталась безнаказанною.»

Могутъ сказать, что приведенные мною случаи происходили въ одной изъ западныхъ губерній, гдѣ паны-католики были необыкновенно сильны и гдѣ вся гражданская администрація отъ нихъ зависѣла; во многихъ случаяхъ самыя дознанія были производимы чрезъ гражданскую власть. Все это правда. Но правда и то, что епархіальныя власти тамъ принадлежатъ къ православному народонаселенію Почему бы имъ не взять примѣра съ поляковъ, и не отстаивать своихъ единовѣрцевъ, притомъ священниковъ? Почему бы имъ, если они были слабы, не искать опоры и защиты въ синодѣ? Вѣдь за священниковъ селеній Колесцовъ и Гольчинца вступился губернскій прокуроръ, заставилъ сдѣлать слѣдствіе, которое оправдало двухъ достойныхъ пастырей, такъ что епархіальное начальство должно же было возвратить ихъ на тѣ мѣста, которыя у нихъ отняло по внушенію помѣщиковъ.

Не въ одной волынской епархіи владыки бываютъ слишкомъ снисходительны къ капризамъ мірянъ и мірянокъ, особенно благородныхъ. Вотъ событіе очень недавнее. Одинъ П-скій священникъ не понравился какой-то знатной барынѣ за то, что подпустилъ ее ко кресту не такъ, какъ слѣдовало по ея мнѣнію. Спѣсивая барыня пожаловалась епархіальному начальнику, который, не вытребовавъ никакого объясненія отъ священника, сдѣлалъ ему чрезъ к-рію выговоръ. Выговоръ былъ такъ несправедливъ, что, не смотря на униженное положеніе д-ва вообще, священникъ подалъ въ к-рію объясненіе, въ которомъ между прочимъ сказано, что *его В-ву пора бы перестать слушать бабъ*, тутъ еще прибавлено было кое-что о нѣкоторыхъ интимныхъ отношеніяхъ владыки къ

другой дамѣ. Разсказывавшій мнѣ объ этомъ человѣкъ говорилъ, что смѣльчаку такое объясненіе прошло безъ бѣды. Но это событіе основано на слухахъ; поищемъ печатныхъ доказательствъ на свою тему. Въ біографіи Григорія Митрополита Петербургскаго, скончавшагося въ 1860 году, напечатано (стр. 6—7): «въ оцѣнкѣ служебной дѣятельности духовныхъ лицъ онъ руководился отзывами объ нихъ прихожанъ. Въ случаѣ несогласій между прихожанами, или однимъ сильнымъ прихожаниномъ и какимъ либо членомъ причта, онъ спѣшилъ заподозрѣнное духовное лицо перевести на другое мѣсто и тѣмъ положить конецъ возникшему несогласію. Вообще въ административныхъ распоряженіяхъ преосвященнаго Григорія видна мысль, что д-во существуетъ для общества и, въ случаяхъ столкновенія между тѣмъ и другимъ, *лучше жертвовать интересами д-ва.* Вѣрное и строгое осуществленіе этой мысли, съ теченіемъ времени, больше и больше пріобрѣтало расположенность къ преосвященному Григорію со стороны мірянъ; но иначе дѣйствовало на духовенство, — потому что требовало отъ него многихъ жертвъ.» Велики ли были эти жертвы, автору біографіи не захотѣлось сказать. Поэтому приходится обратиться къ печатнымъ извѣстіямъ о другихъ владыкахъ. Одинъ изъ берлинскихъ апологистовъ пишетъ: «недавно въ К-ой епархіи донесено было губернатору на священниковъ, какъ на бунтовщиковъ за то, что они стали склонять къ трезвости своихъ прихожанъ и успѣли убѣдить въ этомъ нѣкоторыхъ (стр. 54—55).» Кто это такіе-нѣкоторые, авторъ не разоблачилъ, но по моему мнѣнію, они не могутъ же быть свѣтскими людьми. Но послушаемъ, что онъ далѣе говоритъ: «въ одномъ селѣ N. епархіи священникъ сталъ убѣждать управляющаго не тиранить крестьянъ, а ихъ убѣждалъ къ терпѣнію, п. ч. не долго имъ терпѣть, и его выставили возмутителемъ крестьянъ противъ помѣщика, и *онъ лишился мѣста.* Случалось священнику нѣсколькихъ раскольниковъ обратить къ церкви; ихъ единомышленники сплетаютъ, при посредствѣ земской власти, на него рядъ обвиненій, и онъ также лишается мѣста этого и переводится на другое.» И тутъ апологистъ немножко скрытничаетъ; ну что бы ему прямо не сказать: кто это лишилъ обоихъ священниковъ ихъ мѣста? Очевидное дѣло, — это епархіальная власть; вѣдь губернаторы и земская власть еще не переводитъ священниковъ съ мѣста на мѣсто.

Другой берлинскій апологистъ св. Грековъ говоритъ (стр. 147) «господа познатнѣе, въ особенности помѣщики

играютъ нами, какъ шашками. Иной на своемъ вѣку тѣмъ только и занимается, что перемѣняетъ (самъ) въ своей деревнѣ священниковъ, интригуя противъ нихъ. Спросите: по какому праву такъ распоряжаются священниками, когда и рабство крестьянъ нынѣ считается уже недостойнымъ просвѣщенія? — Вамъ отвѣтитъ помѣщикъ, не запинаясь какъ, по какому праву? Моя деревня, моя церковь, мой попъ, мой и приходъ.» — Конечно, такъ говорили до 1861 г. помѣщики, но кто же ихъ пріучилъ къ такимъ мыслямъ? Вѣдь сами они не могли же перемѣнять приходскихъ священниковъ, какъ своихъ старостъ, вѣдь это дѣло епархіальнаго начальника. Да вотъ кстати въ тойже статьѣ и разсказъ объ одной помѣщицѣ, которая въ короткое время перемѣнивъ до пяти священниковъ, обратилась наконецъ съ просьбою къ епископу посвятить ей во священника дьячка ея, который кромѣ невѣжества имѣлъ еще физическій недостатокъ: былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Когда же владыка спросилъ: что ее заставляетъ домогаться имѣть священникомъ собственнаго дьячка? — она отвѣчала: владыка святый; — Богъ съ ними, съ учоными, многаго требуютъ выполнять; а гдѣ намъ все исполнить? Такъ этотъ же, возразилъ владыка, вовсе ничего не знаетъ. Это правда, отвѣчала помѣщица, но за то *онъ у меня такой послушный, какъ мокрая курица* (стр. 149).

Г. ч. нельзя ли сказать, что епархіальныя власти отдаютъ на жертву бѣлое д-во не однимъ польскимъ панамъ, не въ одной в-ской губерніи? А вмѣстѣ съ тѣмъ вы поймете, каково нашему бѣлому д-ву быть подъ начальствомъ и въ подсудности той власти, которая изъ угожденія какой-то старой дурѣ бабѣ-помѣщицѣ позволяетъ ей перемѣнять священниковъ, выслушиваетъ ее, когда она выражаетъ желаніе имѣть вмѣсто священника нѣчто въ родѣ мокрой курицы. Развѣ можно ожидать чего либо хорошаго отъ той власти, которая въ случаѣ несогласія между однимъ сильнымъ прихожаниномъ и какимъ либо членомъ причта спѣшитъ перевести духовное лицо на другое мѣсто, которая въ случаяхъ столкновенія между д-вомъ и обществомъ находитъ лучшимъ жертвовать интересами д-ва, или по ложнымъ навѣтамъ помѣщиковъ, удаляетъ безъ суда и слѣдствія священниковъ, м. т. какъ губернскій прокуроръ за нихъ вступается и помогаетъ имъ возвратиться на свои мѣста? Развѣ можно благоденствовать подъ тою властію, которая, по собственному сознанію одного изъ ея представителей, *рѣшаетъ дѣла, смотря по обстоятельствамъ*, которая поперемѣнно по четыре раза запрещаетъ и разрѣшаетъ священника и дьякона? Гдѣ найдете

еще присутственныя мѣста, которыя *страшнѣе холеры*, справедливо могутъ назваться *мѣстами нечестія, срама и позора для всего д-ва*, которыхъ *преобразованіе необходимо не только для спокойствія д-ва, но и для чести человѣчества?* Гдѣ еще встрѣтите такую власть, которую называютъ *полчищемъ взяточниковъ* и считаютъ достойнымъ Георгія 1й степени того, кто бы на голову разбилъ это полчище? Закончимъ: развѣ можно найти въ этой власти судъ, правду, защиту и пр.?

Почему же не жалуются Синоду на злоупотребленія епархіальныхъ властей? Такой же почти вопросъ дѣлаетъ авторъ книги: о с. д. говоря о благочинныхъ и отвѣчаетъ (стр. 110) междометіемъ: Охъ!! И я бы удовольствовался этимъ междометіемъ, да еще прибавилъ бы: *до Петербурга далеко, а до Синода высоко.* Но почтенному автору трудно было на счотъ Синода сказать даже: Охъ! Я нахожусь въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ послѣдніе годы появилось нѣсколько печатныхъ извѣстій, разрѣшенныхъ цензурою о томъ, какъ рѣшаются дѣла въ Синодѣ. Здѣсь я ограничусь только этими печатными извѣстіями и прибавлю свои слова, когда нужно что нибудь разъяснить.

1) Послѣ обнародованія манифеста 19 февр. 1861 г. возникали по мѣстамъ такъ называемые крестьянскіе бунты, въ подстрекательствѣ къ которымъ тогда была мода у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ обвинять д-во. Послушайте, какъ о столь щекотливомъ предметѣ выражается Об. Пр-ръ Синода въ своемъ отчотѣ за 1861 г. (стр. 3—4): «многія важныя обвиненія взведены были на д-во по дѣйствію личной вражды, или по ошибочному представленію истинныхъ обстоятельствъ возникавшихъ смутъ. Въ подобныхъ случаяхъ духовная власть обыкновенно почитала лучшимъ принимать строгія предупредительныя мѣры, отлагая оправданіе виновныхъ до точнаго разъясненія дѣла, нежели медлительнымъ разборомъ обстоятельствъ подавать возможность къ народнымъ смятеніямъ. Это была жертва весьма тяжкая, принесенная дѣлу общественной безопасности.» Для ясности эту выписку парафразируемъ слѣдующими словами: «Многія важныя обвиненія въ томъ, что будто бы д-во было причиною возникавшихъ между крестьянами смутъ, оказались ложными; они или были выдуманы личными врагами духовныхъ лицъ, или произошли отъ того, что истинныя обстоятельства дѣла были представлены въ ложномъ видѣ. Но духовная власть безъ суда и слѣдствія удаляла обвиняемыхъ отъ ихъ должностей и предоставляла имъ оправдаться, когда все дѣло

разъяснится. Это дѣлалось для того, чтобы медленнымъ разборомъ обстоятельствъ не подать повода къ народнымъ смутамъ.» Г. ч.! Справедливо ли удалять отъ должности, безъ суда и слѣдствія, кого бы то ни было по обвиненіямъ, изъ которыхъ многія оказались ложными? Каково положеніе удаленнаго на этомъ основаніи лица, которому предоставлено оправдаться, когда разъяснится дѣло? Чего стоитъ священнику оправдаться предъ к-ріей? Г. Об. Пр-ръ, вѣроятно, сознавая это, извиняется тѣмъ, что медленное разбирательство могло быть опасно. Чтобы предотвратить такую опасность, нужно было быстрое разбирательство дѣлъ, а *не предварительныя строгія мѣры.* «Это была жертва весьма тяжкая,» продолжаетъ онъ. Кому же эта жертва была тяжела? Я думаю, отставленнымъ безъ суда и слѣдствія духовнымъ лицамъ. А мнѣ к-ся, что всякія пожертвованія надобно дѣлать изъ своихъ, а не изъ чужихъ капиталовъ. У этой-то духовной власти, которая находитъ лучшимъ брать напередъ строгія предварительныя мѣры и откладывать оправданіе невинныхъ до точнаго разъясненія дѣла, духовныя лица должны искать себѣ защиты отъ епархіальныхъ властей! Скажутъ: «да это былъ экстренный случай; его прилагать всюду нельзя.» Вотъ бы хорошо было, если всегда такъ дѣйствовали! Довольно знать, что такъ дѣйствовали хоть однажды. Но поищемъ въ печати, не было ли еще какихъ либо случаевъ, гдѣ таже власть была не очень снисходительна къ духовнымъ лицамъ.

2) Въ 17 N. Дня 1863 г. (стр. 12—13) взяточничество и побирательство въ д-вѣ объясняется слѣдующими словами. «Берутъ взятки низшіе, п. ч. отъ нихъ требуютъ средніе, а средніе берутъ, п. ч. требуютъ высшіе, а высшіе побуждаются къ этому еще болѣе высокими и такъ далѣе. Дѣло только въ томъ, что вся вина во взяточничествѣ падаетъ на низшихъ, а лишь только коснется высшихъ, какъ тотчасъ другая проповѣдь.» Пожалуй, подавай жалобу, куда хочешь. Но смотри: берутъ низшіе, берутъ средніе, берутъ высшіе, берутъ и далѣе. Гдѣ же эти высшіе и дальнѣйшіе взяточники? Вѣдь не въ консисторіи; они средняя инстанція. А по «Дню» есть взяточники высшіе, надъ ними болѣе высокіе, и потомъ еще прибавляется и т. д. Вѣдь конецъ гдѣ нибудь не въ епархіи. Такъ смотри, заготовляй поболѣе денегъ; иначе не выиграешь. А если есть деньги, такъ не лучше ли покончить съ средними? Здѣсь и взятки, м. б. среднія.

3) Въ прошедшее царствованіе, когда въ одной (Рижской) епархіи множество лютеранъ крестьянъ обращено было къ

Православію, то въ священники вызывались кончившіе курсъ семинаристы изъ сосѣднихъ епархій; изъ числа ихъ былъ священникъ М. изъ псковской епархіи. Новый преосвященный нашолъ нужнымъ вызывать священниками студентовъ московской академіи, въ которой онъ прежде былъ ректоромъ. Одного изъ академистовъ, даже благочиннаго, по справедливости за дурные поступки слѣдовало бы лишить мѣста. Но преосвященный вмѣсто суда предложилъ благочинному вопросъ: какое онъ желаетъ получить себѣ мѣсто въ другомъ округѣ? Благочинный указалъ на мѣсто вышеозначеннаго отца М., который, хотя не былъ замѣченъ ни въ какомъ порокѣ, по этому случаю удаленъ отъ должности и долженъ былъ ожидать вновь открывшагося мѣста. Онъ просилъ, чтобы ему объяснили, по какому поводу его лишили прежняго мѣста и, не получивъ объясненія, написалъ письмо къ Об. Пр-ру синода. Послѣдствіемъ этого письма было то, что священника сочли не въ здравомъ состояніи ума и для излеченія сослали въ Н. . . . . р . дъ (Новгородъ?) къ тамошнему архіерею, къ которому былъ обычай посылать на исправленіе провинившихся людей. Подъ надзоромъ этого новаго доктора душевныхъ болѣзней священникъ съ женою прожилъ два года безъ мѣста и безъ средствъ къ жизни. И когда на несчастіе родилось у него еще дитя, то онъ, положивъ его на порогъ святительскихъ комнатъ, самъ отправился въ Петербургъ и нашолъ возможность подать жалобу покойному Императору. Дѣло кончилось резолюціею самаго Государя: «предоставить священнику прежнее мѣсто, а за два года лишеній взыскать, съ кого слѣдуетъ.» Священникъ получаетъ копію съ резолюціи, прогонныя деньги и ѣдетъ въ Н. . . . р . дъ вмѣстѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій Об. Пр-ра. Но на первой станціи чиновникъ объявляетъ священнику, что его велѣно отвезти въ спасоефимовскій суздальскій монастырь, куда ссылаются духовные преступники на покаяніе; онъ по внѣшности и по внутреннему управленію тоже, что острогъ. Вся власть и военная и духовная сосредоточивается здѣсь въ лицѣ архимандрита. Строгость такъ велика, что узниковъ даже въ церковь провожаютъ солдаты, и если кто либо изъ первыхъ заговоритъ съ посторонними лицомъ, то солдатъ сейчасъ же между ними становится. Здѣсь-то священникъ просидѣлъ 12 лѣтъ въ комнатѣ, обращенной окнами на сѣверъ; она никогда не освѣщалась солнцемъ, запиралась всегда на замокъ; узникъ только и могъ видѣть солдата, да настоятеля. М. б. онъ такъ бы и умеръ, если бы жена его, наскучивъ нищенскимъ пребываніемъ въ

богадѣльнѣ, не выхлопотала себѣ милости, но не чрезъ духовныхъ, а чрезъ свѣтскихъ людей. Все это ужасное событіе описано въ 13 N. Дня 1863 г. на 2й стр. Въ оправданіе такого поступка съ священникомъ (вѣдь чего не оправдываютъ?) говорятъ, что отецъ М. былъ не въ здравомъ умѣ и что онъ отправленъ въ суздальскій монастырь Об. Пр-ромъ. Но по распоряженію самаго синода лицъ духовнаго званія, подвергшихся умственному разстройству, постановлено отдавать на попеченіе родственниковъ, или помѣщать въ устроенные для умалишенныхъ домы (Отч. Об. Пр-ра за 1851 г. стр. 45). Архіерей же Н . . . . р . дскій и настоятель суздальскаго монастыря не принадлежатъ къ числу психіятровъ. Равнымъ образомъ и Об. Пр-ръ самъ собою одинъ не могъ рѣшиться послать священника въ суздальскій монастырь, котораго настоятель зависитъ отъ синода. Притомъ въ 12 лѣтъ было Об. Пр-ромъ не одно и тоже лицо. Нѣтъ, отецъ М. одолженъ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ не одному Об. Пр-ру, а и присутственному мѣсту, къ которому совѣтуютъ обращаться съ жалобами на епархіальныя власти.

4) Выше уже было описано, какъ члены одной (псковской) к-ріи отданы были подъ судъ за растрату приходорасходчикомъ и секретаремъ и какъ ихъ осудили къ уплатѣ денегъ. Члены просили о томъ, чтобы опредѣлили степень вины каждаго, п. ч. въ числѣ отданныхъ подъ судъ и подвергнувшихся взысканію были и такіе, которые были членами два мѣсяца. *Просьба эта куда-то пропала.* Прошло нѣсколько лѣтъ, о дѣлѣ ничего не слышно. Подсудимымъ наскучило платить и они самовольно прекратили взносъ денегъ. Тогда послѣдовалъ запросъ: почему прекратилась уплата? Подсудимые отвѣчали новою *(второю)* просьбою о раскладкѣ растраченныхъ канцеляріею денегъ соразмѣрно степени виновности каждаго и объ освобожденіи лицъ, невинно отданныхъ подъ судъ. Отвѣта не послѣдовало никакого. Прошло еще нѣсколько лѣтъ въ молчаніи; вышелъ и всемилостивый манифестъ. Подсудимые снова прибѣгаютъ съ просьбою *(третьей)* о рѣшеніи дѣла. Пошли обычные запросы, но такъ, что, о чемъ нужно было спрашивать въ здѣшней (псковской) к-ріи, отправляли въ другую (рижскую, тогда обѣ к-ріи находились подъ вѣдѣніемъ одного архіерея); та отвѣчала, что на такіе запросы она не можетъ отвѣчать; — а что нужно было узнать изъ тамошней к-ріи, о томъ спрашивали у здѣшней. Въ такомъ положеніи дѣло застали вышедшіе за севастопольскую кампанію кресты. Почти все д-во города было лишено

ихъ. Совѣстнымъ показался такой позоръ предъ цѣлой епархіей; снова *(въ четвертый разъ)* просили о рѣшеніи дѣла; — молчаніе. Вышелъ еще милостивѣйшій манифестъ; снова *(въ пятый разъ)* просили объ окончаніи дѣла, предлагая отдать не только все свое имущество, а даже и на будущее время закабалить себя въ работу, если того потребуется. Просили только объ одномъ — снять давно наложенное поношеніе, чтобы не съ нимъ сойти въ могилу. Снова молчаніе, которое продолжается и доселѣ. Теперь вопросъ: принимали ль участіе въ судьбѣ подсудимыхъ бывшіе архіереи? Одинъ изъ нихъ, при которомъ случилась растрата, теперь самъ присутствуетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ дѣло. А другой, поступившій на его мѣсто, постоянно говоритъ, указывая на нѣкоторыхъ; самъ бы свои ордена надѣлъ на ихъ шею, — но скончался, ничего не сдѣлавъ. Замѣчательно, что лица м-щія, виновныя въ растратѣ, получаютъ награды, какъ будто за ними никакого дѣла не было и не состоитъ (17 N. Дня 1863 г. стр. 11).» Что? г. ч.! Если вы принадлежите къ бѣлому д-ву и вамъ станутъ совѣтовать подать жалобу на епархіальныя власти въ синодъ; то не въ правѣ ли вы сказать вмѣстѣ съ авторомъ книги о с. д.: Охъ! Охъ! Охъ! Охъ! Охъ! и пр. . . . . Не скажете ли: «что за охота подавать жалобу туда, откуда священника, которому Государь Императоръ приказалъ возвратить прежнее мѣсто и вознаградить за убытки, ссылаютъ въ суздальскій монастырь, гдѣ онъ сидитъ, какъ преступникъ въ острогѣ, 12 лѣтъ и освобождается свѣтскими людьми, вступившимися за него по просьбѣ несчастной его жены? Что за охота жаловаться туда, откуда на пять прошеній нѣтъ ни одного отвѣта и гдѣ, конечно въ экстренныхъ случаяхъ находятъ лучшимъ сначала принять предварительныя строгія мѣры и уволить, безъ суда и слѣдствія, священника, а затѣмъ уже предоставить ему отправдываться, когда все дѣло точно разъяснится? Что за охота подавать жалобу когда берутъ низшіе, п. ч. требуютъ отъ нихъ средніе, а средніе берутъ, п. ч. требуютъ высшіе, а высшіе побуждаются къ тому еще болѣе высшими и такъ далѣе?» Скажите лучше опять: Охъ! Охъ! Охъ! Охъ! Охъ! . . . . . .

Отдѣлъ 31ый.

О благочинныхъ.

Въ берлинской апологіи напечатано (стр. 27): «власть и значеніе благочиннаго слишкомъ ограниченны, чтобы онъ могъ что либо сдѣлать въ пользу себя, или во вредъ другаго. Архіерей выслушиваетъ обвиняемаго лично, и всякій ложный доносъ обратится на голову доносчика.» Читая это, невольно изумляешься, какимъ образомъ люди или пишутъ о томъ, чего не знаютъ, или, зная, не хотятъ сказать правду. Читалъ ли апологистъ хоть разъ *инструкцію благочинному приходскихъ церквей?* Если читалъ, то пусть извинитъ меня если я скажу, что онъ, принявъ на себя обязанность воевать противъ книги: о. с. д., хотѣлъ ввести другихъ въ заблужденіе.

Часть первая.

О правахъ благочиннаго и объ отношеніяхъ его къ к-ріи.

Не стану говорить о первыхъ параграфахъ инструкціи, по которымъ благочинный въ церквахъ подвѣдомственныхъ ему селъ имѣетъ право въ каждый свой пріѣздъ осматривать священныя одежды, священные сосуды, свидѣтелествовать прочность церкви, колокольни, ограды, благонадежьость замковъ, цѣлость (§ 2) надгробныхъ памятниковъ. Возьмемъ только то, что касается духовныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи благочинный обязанъ наблюдать, чтобы (§ 7) «священники, дьяконы и церковники, а особенно священники жили честно, степенно, кротко, мирно и въ исправленіи своей должности были благоговѣйны (§ 22), въ дни праздниковъ по домамъ прихожанъ ночью не ходили, хмѣльнаго питья въ домахъ прихожанъ не употребляли, чтобы (§ 29) безъ зову въ гости ни къ кому не ходили, не занимались игрою картежною, не ходили на сходки крестьянъ, *не занимались*

чтеніемъ книгъ соблазнительныхъ, чтобы (§ 38) *носили рясы темнаго цвѣта.*» Благочинный (§ 8) даже наблюдаетъ за домами св-и-ц-сл-лей Замѣтивъ какія либо неисправности, онъ и самъ (§ 49) «имѣетъ власть штрафовать священника внушеніемъ при причтѣ, а дьякона и причетниковъ поклонами съ церкви.» Но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ по своему усмотрѣнію доносить обовсемъ архіерею и к-ріи, потомъ (§ 44) ежегодно въ клировыхъ вѣдомостяхъ «свидѣтельствовать объ исправности, поведеніи и благонадежности каждаго члена причта ...., даже о поведеніи женъ и дѣтей св-и-ц-сл-скихъ.» Чего при томъ благочинный не можетъ наговорить преосвященному при личномъ съ нимъ свиданіи о каждомъ своемъ подчиненномъ? Напрасно авторъ статьи, изъ которой взята нами выписка, говоритъ, что архіереи выслушиваютъ сами обвиняемыхъ; м. б. иногда случается, но слишкомъ рѣдко. Недоступность преосвященныхъ, довѣріе ихъ къ благочиннымъ, обыкновеніе сдавать все на разсмотрѣніе к-ріи отнимаютъ у духовныхъ лицъ возможность легко и дешево себя оправдывать, когда на нихъ благочинный сдѣлаетъ какой либо доносъ.

Взгляпемъ теперь *на другую сторону медали;* посмотримъ, какъ говоритъ о благочинныхъ авторъ книги: о с. д. Онъ священникъ, знаетъ положеніе д-ва получше берлинскаго защитника. Почтенный авторъ называетъ благочинныхъ *артистами зашибать копѣйку* (стр. 107), *мытарями* въ самомъ строгомъ, точномъ буквальномъ значеніе этого слова, людьми, имѣющими *созженную совѣсть* (стр. 108), *злочинными* (стр. 108), вполнѣ состоящими *изъ жажды денегъ* (стр. 100), *непримиримыми врагами* бѣдныхъ, по честныхъ духовныхъ лицъ (стр. 109—110), *золотымъ рудникомъ* для к-рій (стр. 110), старинными *закасчиками и десятильниками, артистами грабежа и покровителями всякой мерзости* (стр. 113), *язвою и позоромъ д-ва* (стр. 114). Не думаю, чтобы почтенный авторъ эти титулы находилъ нужнымъ прилагать ко всѣмъ благочиннымъ, разсѣяннымъ по Русской Имперіи. Вѣроятно, онъ не обидится, если я скажу, что есть благочинные, къ которымъ нейдутъ перечисленные титулы. Къ этому разряду принадлежатъ тѣ, которые по своему значенію предъ епархіальнымъ начальникомъ стоятъ выше придирокъ к-ріи, а по своимъ нравственнымъ качествамъ, или по своему богатству находятъ нужнымъ и возможнымъ удовлетворять консисторскимъ требованіямъ безъ обремененія своихъ подчиненныхъ. Что же касается до большинства благочинныхъ, то первоначально они могутъ быть людьми

очень хорошими, но по своей должности, для личной безопасности поставленные обстоятельствами въ необходимость раболѣпствовать предъ к-ріею удовлетворять корыстолюбивымъ ея требованіямъ, по какой-то злой судьбинѣ, мало по малу могутъ сдѣлаться и дѣлаются и *артистами грабежа, и покровителями всякой мерзости, и злочинными, язвою и позоромъ д-ва.*

Въ случаѣ открывшейся благочинической вакансіи преосвященный предлагаетъ к-ріи (§ 67) представить кандидатовъ для замѣщенія ея и утверждаетъ б. ч. того, кого она поставитъ на первомъ мѣстѣ. Поэтому всякій священникъ, который кончилъ курсъ семинаріи, особенно въ первомъ разрядѣ и съумѣетъ пріобрѣсти или купить благорасположеніе членовъ, секретаря и даже столоначальниковъ к-ріи, можетъ попасть въ благочинные. Напротивъ никогда не удостоится этой чести священникъ, который хотя принадлежитъ къ отличнымъ студентамъ семинаріи, даже поучился въ академіи, честенъ, исправенъ, но не пользуется благорасположеніемъ к-ріи, или не позаботится въ данную минуту о пріобрѣтеніи его. Избраннымъ благочиннымъ во время прохожденія своей должности опасно вооружать противъ себя к-рію. Имъ надобно представлять множество вѣдомостей, отчотовъ, срочныхъ донесеній, производить разнаго рода дознанія и слѣдствія притомъ не въ одномъ своемъ благочиніи. Какъ ни старайся быть исправнымъ, а нельзя обойтись хоть по временамъ безъ ошибокъ, пропусковъ, замедленій, даже просрочекъ. Честная, хотя бы строгая администрація съумѣетъ понять, отчего происходятъ подобные промахи, возвратитъ бумагу для исправленія, напомнитъ объ ускореніи, но безъ всякихъ непріятностей. Присутственныя же мѣста называемыя *мѣстами нечестія, срама и позора,* не отличаются снисходительностію къ тѣмъ, кто не съумѣлъ пріобрѣсти ихъ благосклонность. Замѣтилиль ошибку даже почти въ родѣ грамматической? — посылаютъ назадъ вѣдомость, или отчотъ для исправленія. Опоздало ли срочное донесеніе хотя бы на одинъ день и притомъ вовсе не отъ благочиннаго? — пишется замѣчаніе, или совѣтъ впередъ быть исправнѣе подъ опасеніемъ выговора и штрафа. Въ извѣстный срокъ не присланъ ли отвѣтъ на какой либо указъ, не сдѣлано какое либо распоряженіе, притомъ иногда отъ того, что намѣренно предписаніе послано не во время? — опять замѣчаніе и выговоръ. Нельзя произвести слѣдствія или по множеству дѣлъ, или за отсутствіемъ соприкосновенныхъ лицъ и по другимъ законнымъ причинамъ? — По-

сылаются постоянныя напоминанія объ ускореніи, затѣмъ замѣчанія на счотъ медленности и пр. О! да чего тутъ нельзя надѣлать нелюбимому к-ріею благочинному? Авторъ книги о с. д. говоритъ (стр. 107), что такой благочинный испытываетъ «гоненіе самое неутомимое, самое пошлое и самое мелочное. Придираются ко всему, заваливаютъ его выговорами и замѣчаніями, двадцать разъ заставляютъ передѣлать какую нибудь ничтожную вѣдомость, неуказывая, чего не достаетъ; словомъ: употребляютъ всѣ подъяческія продѣлки, чтобы заставить такого благочиннаго отказаться отъ должности. Оканчивается всегда тѣмъ, что онъ теряетъ терпѣніе и отказывается.» Но если бы по какому либо чуду благочинный былъ такъ исправенъ, что къ нему придраться нѣтъ никакой возможности даже для консисторскаго подъячества, то иначе можно заставить его быть внимательнымъ къ к-ріи. Однажды мой родственникъ спросилъ исправнаго благочиннаго: почему онъ даетъ взятки членамъ и секретарю к-ріи? — «Да какъ не давать? сказалъ онъ, меня замучатъ одними слѣдствіями подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что я человѣкъ, знающій дѣло; такъ даже представятъ и преосвященному; станутъ посылать въ другіе уѣзды за 70—100 верстъ. Развѣ это пріятно? Развѣ дешево обойдется?»

Независимо отъ всѣхъ прижимокъ и придирокъ благорасположеніе к-ріи нужно еще по одному не маловажному обстоятельству. Обыкновенно каждый годъ въ извѣстный срокъ она представляетъ преосвященному списокъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыхъ находитъ достойнѣйшими какой либо награды. Странно же было бы ей вносить въ него тѣхъ, которыхъ она не любитъ; странно даже каждому, имѣющему въ ней голосъ, не протестовать противъ того лица, которое ему не нравится, или не заступиться за того, кто успѣлъ пріобрѣсти расположеніе. Правда, иногда сами преосвященные приказываютъ представить то или другое извѣстное имъ духовное лицо. Но подобные случаи очень и очень не часты, а потомъ умные члены и секретарь к-ріи могутъ ихъ заранѣе предотвращать. Явившись ко владыкѣ, секретарь самъ какъ нибудь коснется какого либо слѣдствія; что же оно не оканчивается? спроситъ владыка и получитъ въ отвѣтъ: такой-то благочинный, которому оно поручено, не представляетъ его, хотя уже ему было напоминовеніе. А тамъ является опять секретарь и спрашиваетъ: что дѣлать съ такимъ то срочнымъ донесеніемъ? Оно остановилось за непредставленіемъ свѣдѣній отъ такого-то благочиннаго, хотя, м. б.,

остановка за цѣлымъ десяткомъ благочинныхъ. Отослалиль въ синодъ такіе-то отчоты? спрашиваетъ владыка. и получаетъ въ отвѣтъ: «еще не отослали, п. ч. задержка была за такимъ то благочиннымъ, хотя и другіе въ это время ничего еще не представляли. А тамъ и отцы члены при случаѣ *вернутъ словечко.* Помилуйте, да совершенно не замѣтнымъ образомъ к-рія даже вооружитъ архіерея противъ нелюбимаго ею благочиннаго. А ко времени составленія списка награждаемымъ можно сдѣлать выписочку, составить докладъ о мнимыхъ, или дѣйствительныхъ неисправностяхъ кого угодно. О. о. благочинные! если вы хотите наградъ и отличій, не пренебрегайте благорасположеніемъ к-ріи, т. е. всѣхъ ея членовъ, секретаря и столоначальниковъ; иначе ничего не получите, или получите вмѣсто скуфьи и камилавки, извините за простонародное слово, *нахлобучку.*

Какимъ же образомъ можно благочинному пріобрѣсти благорасположеніе того присутственнаго мѣста, которое по отношенію къ старинымъ земскимъ и уѣзднымъ судамъ тоже что злѣйшая холера въ сравненіи съ ничтожнымъ холериномъ? Здѣсь нравственныя, умственныя и должностныя качества, которыя нельзя оцѣнить рублями, ничего не значатъ. Здѣсь просятъ, — не надобно отказывать; здѣсь берутъ, надобно давать, и давать, и еще давать.. Давай больше, давай чаще, давай при всякомъ случаѣ, давай всѣмъ и членамъ, которые берутъ, и секретарю, и столоначальникамъ, и писцамъ, и сторожамъ, давай особенно деньгами, не жалѣй ихъ на угощеніе; — тогда благочинный можетъ быть увѣренъ въ милости к-ріи; тогда онъ пусть будетъ покоенъ, нечего бояться. Авторъ книги о с. д. справедливо (стр. 107) говоритъ: «благочинный будь онъ глупъ и безнравственнен, какъ только можно, но если щедро расплачивается съ .... к-ріей, онъ крѣпко держится на своемъ мѣстѣ; болѣе, — его хвалятъ, награждаютъ, ставятъ въ примѣръ другимъ. Онъ не въ состояніи соединить двухъ мыслей, написать толковито и понятно двухъ строкъ; — нѣтъ нужды, ... въ к-ріи за него напишутъ, сдѣлаютъ, все приведутъ въ порядокъ.» Опоздалъ онъ съ срочнымъ донесеніемъ? къ нему нарочно пошлютъ сторожа. Въ его отчотахъ встрѣтилась ошибка? ее исправятъ, при случаѣ даже передѣлаютъ весь отчотъ и вѣдомость, перепишутъ, а ему предложатъ только подписать. Бывали примѣры, что отчоты и вѣдомости сельскаго благочиннаго составлялись въ губернскомъ городѣ, гдѣ либо въ квартирѣ столоначальника и даже въ к-ріи. Не ладится у благочиннаго слѣдствіе? ему дадутъ наставленія, или при-

дадутъ на помощь дѣловаго священника, къ нему даже пріѣдутъ и слѣдствіе выйдетъ, по к. м. его выставятъ образцовымъ. Грозитъ какая либо опасность о. благочинному? его заранѣе предупредятъ и помогутъ ему выпутаться изъ нее.

Потомъ какое различіе замѣчается въ пріемахъ и физіогноміяхъ всѣхъ чиновъ к-ріи, когда въ нее является благочинный *дающій*, или *не дающій*. Приходитъ послѣдній? Конечно нельзя быть всегда съ нимъ оченъ грубыми; вѣдь, м. б., что нибудь еще дастъ, или даетъ по малости; но нѣтъ поводовъ къ нему быть очень привѣтливыми. Столоначальникъ поговоритъ немножко, не всегда даже встанетъ и извинится, что онъ занятъ; у секретаря еще болѣе дѣла; члены даже не привстанутъ. И хотя по 2 прим. къ § 51 своей инструкціи благочинный имѣетъ стулъ въ присутствіи к-ріи, когда находится тамъ по должности; но ему даже не всегда въ канцеляріи удастся присѣсть, развѣ на окно. Какое же различіе, когда входитъ въ к-рію щедродающій благочинный; вся канцелярія сейчасъ его замѣтитъ; столоначальники бросятъ свои перья и очки, почти бѣгутъ къ нему, принимаютъ у него благословеніе, даже цѣлуютъ руку; помощники и писцы раскланиваются издали; начинаются распросы о здоровьѣ; выражается множество благожеланій; незнаютъ, какъ лучше принять и усадить любимца. Идетъ онъ въ присутствіе? сторожъ съ улыбкою и поклономъ ему отворяетъ дверь; секретарь и даже члены (за исключеніемъ развѣ немногихъ) встаютъ; отыскивается лишнее кресло, на которомъ сидя, о. благочинный можетъ восхищаться доказательствами общей къ нему внимательности. Господи! Господи! какъ послѣ этого не поблагодарить и членовъ и секретаря приношеніями? Какъ столоначальниковъ и протоколиста не пригласить къ себѣ на квартиру и не доставить имъ удовольствія и *ясти*, особенно *пити* даже до тѣхъ поръ, пока уже ни тѣлу, ни душѣ не будетъ угодно.

Часть вторая.

О доходахъ и взяточничествѣ благочинныхъ.

Чтобы и угостить и ударѝть всю к-рію, а кстати и весь архіерейскій домъ, нужны деньги. А извѣстно, что благочинному почти нигдѣ не назначается никакого жалованья. М. т. у него, независимо отъ взятокъ своимъ милостивцамъ, есть немало расходовъ на разные предметы, напр. на бумагу, сургучъ, на разъѣзды въ уѣздный и губернскій городъ и по благочинію, причемъ бываютъ потери доходовъ по приходу. Откуда же теперь взять денегъ благочиннымъ на всѣ явные и тайные, вольные и невольные расходы? Смѣшно же былобы думать, что они, по к. м. всѣ изъ чести станутъ тратить на это свою трудовую копѣйку. Нѣтъ тутъ уже отвѣчай подчиненное д-во. Въ этомъ даже сознался одинъ изъ берлинскихъ защитниковъ. «Знаю, говоритъ онъ (стр. 27), что есть доходы и благочиннымъ,» по напрасно только прибавляетъ, что будтобы «они не *покрываютъ почти* расходовъ по объѣздамъ церквей и поѣздокъ къ архіерею, если благочинный живетъ далеко отъ мѣста жительства его.» Нѣтъ о. о. благочинные ведутъ дѣла лучше, нежели нынѣшнія европейскія государства; у нихъ расходъ далеко ниже прихода, какъ сейчасъ я докажу.

Доходныя статьи благочиннаго очень разнообразны. Едва ли почти не вездѣ *заведено* платить ему за визитъ или, какъ говорятъ, за *приѣзды* по должности въ каждое село. Иногда платятъ отдѣльно за каждый пріѣздъ; но такой способъ б. ч. признается неудобнымъ; расплачиваются обыкновенно за цѣлый годъ. Платимая сумма не вездѣ одинакова, но едвали гдѣ бываетъ ниже трехъ рублей въ годъ съ каждаго причта. Этотъ даходъ можетъ имѣтъ значеніе, если благочиніе состоитъ изъ 20—30 причтовъ; тогда еще общій итогъ что нибудь да значитъ. Болѣе выгодную статью составляютъ такъ называемыя *годовыя повинности*, подъ, которыми разумѣвается ежегодная сдача причтомъ каждой церкви отчотовъ по приходу и расходу ея суммъ, также представленія исповѣдныхъ росписей и метрическихъ книгъ о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ. Статья эта даже моглабы считаться очень важнымъ источникомъ благочинническихъ доходовъ, если бы выгоды отъ нее ненужно было дѣлить съ к-ріею и архіерейскимъ штатомъ.

Церковные отчоты издавна представляются каждою церковію благочинному, имъ пересматриваются, а потомъ отвозятся въ к-рію или духовное правленіе. Метрическія же книги прежде доставлялись изъ каждой церкви въ к-рію, или въ правленіе; но теперь пріемъ и первоначальная повѣрка этихъ документовъ едвали не вездѣ предоставлены благочиннымъ. Т. о. послѣднимъ въ концѣ, или въ началѣ года предстоитъ множество дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ ими собирается очень порядочное количество денежныхъ пожертвованій. Обойтись безъ этого невозможно при нынѣшнемъ плачевномъ состояніи д-ва. К-рія и духовное правленіе нисколько не хотѣли терять, да и не потеряли ничего отъ того, что метрическія книги и исповѣдныя росписи сначала представляются не въ нихъ, а къ благочиннымъ. Различіе только состоитъ въ томъ, что прежде столоначальникамъ и секретарямъ надобно было *возиться*, торговаться, а иногда и браниться съ представителемъ каждаго села, а теперь все заканчивается съ одними благочинными. Поэтому д-во должно доставлять своему ближайшему начальнику возможность мирнымъ образомъ раздѣлаться съ к-ріею и съ духовнымъ правленіемъ. Но и въ карманъ о. благочиннаго нельзя чего нибудъ не положить за хлопоты и труды его тѣмъ болѣе, что иногда дѣйствителѣно ему приходится трудиться; п. ч. весьма не рѣдко приходорасходныя книги привозятся въ концѣ года къ о. благочинному въ полной своей чистотѣ и невинности; страницы ихъ ничѣмъ не запятнаны; самому благочинному надобно уже по домашнимъ записямъ церковнаго старосты, или по собственнымъ соображеніямъ вписать приходъ и расходъ и затѣмъ составить отчотъ. Живя у благочинныхъ во время и послѣ святокъ, вы увидали бы разграфленные листы, подъ которыми находятся подписи: «къ сей вѣдомости такой-то священникъ, такой-то дьяконъ и пр. руку приложилъ,» а м. т. ни въ одной графѣ не стоитъ ни одной цыфры. При томъ во всѣхъ представляемыхъ вѣдомостяхъ, книгахъ и пр. могутъ встрѣчаться очень грубые недосмотры, ошибки, пропуски, послѣдніе особенно въ множествѣ рукоприкладствъ; благочинный все увидитъ, велитъ поправить, а иначе съ к-ріею дороже придется расплачиваться.

Цыфра всѣхъ собираемыхъ благочиннымъ денегъ при сдачѣ *повинностей* неоднобразна; иной очень исправный и гордый священникъ, пожалуй, даетъ не болѣе 5 руб., но это слишкомъ рѣдко, и 10 руб. едва ли принадлежатъ къ среднимъ числамъ, а тѣ, для которыхъ благочинный составляетъ отчоты, поплачиваются очень многонько. Впрочемъ, чтобы —

судить о томъ, какъ велики *повинности* д-ва въ концѣ или въ началѣ года, надобно опять обратиться къ к-ріи. Благочинные, собравши и пересмотрѣвши разные документы, книги, вѣдомости, во второй половинѣ января отправляются въ духовное правленіе, или к-рію; я займусь только послѣднею. Въ это время каждый благочинный входитъ въ нее съ 2—3 узлами, или связками бумагъ. Привѣтливо встрѣченный, онъ развязываетъ узлы и начинаетъ принесенныя имъ кипы раздавать столоначальникамъ; одному вручаетъ метрическія книги, другому церковные отчоты, тому клировыя вѣдомости, у этого проситъ вѣнчиковъ и отпустительныхъ молитвъ и пр. Благопопечительное начальство такъ раздѣляетъ дѣла между столами, что въ это время благочинному приходится обращаться ко всѣмъ столоначальникамъ, кромѣ развѣ того, который завѣдываетъ слѣдствіями. О. благочинный къ представляемымъ документамъ прилагаетъ приношенія. Тутъ происходятъ сцены отчасти похожія на тѣ, когда въ Петербургѣ, или въ Москвѣ сѣдокъ расплачивается съ извощикомъ. Сколько бы ни давали послѣднему, онъ рѣдко останется доволенъ, почешетъ затылокъ и попроситъ у васъ прибавочки, или на чаекъ. Точно также рѣдкій изъ столоначальниковъ удовлетворится предложеннымъ ему приношеніемъ; рѣдкій не попроситъ подобно извощику прибавочки. Если благочинный вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ, не забудетъ даже столоначальника слѣдственныхъ дѣлъ, то ему поклонъ и цѣлованіе руки. А если удовлетворенія не послѣдуетъ, то начинается оживленный разговоръ; одинъ жалуется на дурныя времена и стѣсненныя обстоятельства; другіе ссылаются на примѣры прежнихъ лѣтъ, на щедрость прочихъ болѣе щедрыхъ благочинныхъ; тутъ ужъ не бываетъ не только цѣлованія руки, но и поклона; покончивши съ столоначальниками, равно какъ и съ протоколистомъ, благочинный отправляется въ присутствіе и тамъ поканчиваетъ дѣло *дверемъ затвореннымъ;* но по выходѣ изъ присутствія вновь подвергается нападеніямъ тѣхъ чиновниковъ, которые остались не довольны первымъ надѣломъ. Тутъ разговоръ часто принимаетъ желчный характеръ; слышны упреки, угрозы, а иногда что-то похожее на брань. Впрочемъ всему бываетъ конецъ и благочинный вырывается изъ канцеляріи, но останавливается въ сѣняхъ сторожами; и для нихъ надобно вынимать рубли. Затѣмъ, или прежде того онъ долженъ одарить архіерейскій штатъ и штабъ, письмоводителя, податчика, даже лакеевъ, письмоводителя при попечительствѣ о бѣдныхъ духовнаго званія и пр.

Изъ предъидущаго очевидно, какъ *многорублевы* (извините за новое слово) должны быть пожертвованія благочинныхъ при сдачѣ годовыхъ повинностей; не безъ причины же к-рія считаетъ январь самымъ доходнымъ мѣсяцемъ и величаетъ его *сѣнокосомъ, родимымъ мѣсяцемъ*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще очевиднѣе, что расходы д-ва должны быть едвали не вдвое противъ того, что получитъ к-рія и духовное правленіе отъ благочинныхъ; вѣдь, послѣднихъ, какъ я выше сказалъ, надобно же отблагодарить за труды и хлопоты; да притомъ они должны много истратить на весь свой вояжъ въ губернскій, иди уѣздный городъ. Чтобы имѣть хоть сколько нибудь приблизительное понятіе о цыфрѣ этихъ расходовъ, я приведу прочитанный мною разсказъ въ одномъ рукописномъ сочиненіи; авторъ его жилъ въ январѣ мѣсяцѣ у благочиннаго, который по болѣзни самъ не могъ ѣхать для сдачи годовыхъ повинностей и отправлялъ ихъ съ однимъ своимъ родственникомъ. Благочиніе состояло только изъ 10 селъ, а м. т. благочинный послалъ для удовлетворенія к-ріи семьдесятъ рублей. Судя по этому примѣру имѣемъ право думать, что со всего благочинія повинностей сошло никакъ не менѣе 140 руб., т. е. среднимъ числомъ по 14 руб. съ села. Авторъ рукописи далѣе говоритъ, что въ епархіи, гдѣ происходило событіе, всѣхъ благочинныхъ до 50. Если положимъ, что каждый изъ нихъ доставилъ к-ріи 70 р., то въ одномъ январѣ она получила 3500 руб. Вѣдь, дѣйствительно этотъ мѣсяцъ можно назвать ей своимъ сѣнокосомъ. А для д-ва сумму эту нужно увеличить вдвое; это уже не сѣнокосъ, а или небольшой пожаръ, или не легкій помѣщичій оброкъ.

Исповѣдныя росписи, или такъ называемыя духовныя книги, представляемыя въ октябрѣ, требуютъ также со стороны д-ва расходовъ и доставляютъ благочиннымъ, духовнымъ правленіямъ и к-ріямъ доходы, но въ меньшемъ количествѣ, нежели сколько платится за годовыя повинности. Благочинные даже не всегда сами отвозятъ исповѣдныя росписи въ к-рію а, собравши ихъ и получивши съ д-ва, что́ слѣдуетъ, отсылаютъ ихъ при репортѣ, препроваждая впрочемъ въ тоже время запечатанную въ письмѣ денежную благостыню къ столоначальнику и секретарю, а въ правленіяхъ къ первому члену и письмоводителю. Благостыни эти конечно не очень обильны, но каждому причту не обойдется дешевле 3—5 руб. вмѣстѣ съ тѣмъ, что оставитъ у себя благочинный.

Описанные доходы благочинныхъ можно назвать *регу-*

лярными, ординарными, такъ какъ они собираются каждый годъ въ извѣстный срокъ. Но есть и экстра-ординарныя статьи. Къ нимъ надобно отнести 1) множество крупныхъ и мелкихъ ссоръ, такъ обычныхъ въ д-вѣ. Поссорились? — надобно помириться, а мировыя не обходятся не только безъ *магарыча*, но даже и безъ благодарности съ обѣихъ сторонъ. Началась кляуза? — надобно поскорѣе покончить ее при помощи благочиннаго; иначе когда дойдетъ до к-ріи, то дороже обойдется. Догадливые по части взятокъ благочинные въ этихъ случаяхъ любятъ покровительствовать слабой сторонѣ, т. е. причетникамъ и дьяконамъ. Да и законно. М. б., они мало дадутъ, но зато священникъ, на котораго пожалуются онъ, побогаче; съ него можно получить крупную взятку. Въ этомъ отношеніи очень сильно выражается авторъ книги о с. д. (стр. 109): «благочинный обыкновенно на сторонѣ причта; защищаетъ и поддерживаетъ его всѣми силами; для чего? — для того, чтобы причтъ, вполнѣ надѣясь на безнаказанность, чаще бунтовалъ противъ священника, чаще заводилъ съ нимъ ссоры, и являлся самъ и тащилъ священника въ судъ къ благочинному. А ужъ дѣло извѣстное: гдѣ судьбища, тамъ взятки, и чѣмъ грязнѣе, позорнѣе дѣло, тѣмъ взятки крупнѣе. Вотъ почему церковь, служители которой мирно живутъ между собою, или хоть и ссорятся, но прекращаютъ ссоры домашними средствами, у нерѣдкаго благочиннаго опальная церковь. Вотъ почему безчинства и безпорядки сельскаго д-ва достигли этой ужасающей крайности; каждый знаетъ, каждый увѣренъ, если онъ начудитъ и Богъ знаетъ что, но стащитъ благочинному десятка два-три руб., то его подѣтели (продѣлки?) будутъ скрыты всѣ и въ годичной отмѣткѣ о поведеніи онъ будетъ аттестованъ лучше всѣхъ.» Въ одномъ селѣ дьяконъ цѣлые тридцать лѣтъ отличался нетрезвостію, буйствомъ, вздорливостію, даже кощунствомъ. Рѣдкое хожденіе по приходу обходилось безъ ссоръ и дракъ съ мужиками, безъ нарушенія даже приличія при богослуженіи; священникъ крайне бывалъ доволенъ, когда его сотрудникъ напьется, какъ говорятъ, *до положенія ризъ;* тогда онъ заснетъ гдѣ нибудь и причтъ ходитъ по дворамъ безъ скандала. Рѣдкая служба въ церкви проходила безъ того, чтобы онъ не побранился съ священникомъ, не обругалъ кого нибудь; иногда случались исторіи, за которыя слѣдовало бы отдать его въ солдаты. О вѣчномъ пьянствѣ въ селѣ, о постоянныхъ ссорахъ съ священниками нечего и говорить; и чтоже? Благочинный ни разу не отмѣтилъ его: *дурнаго поведенія,* умѣлъ

оправдывать во всѣхъ случаяхъ, когда на него были донесенія; даже внушалъ архіерею, что священники притѣсняютъ *невиннаго* о. дьякона. На силу-то какъ то священники нашли случай сами прояснить все архіерею, упросили поручить произвести слѣдствіе не благочинному своему; и тогда кое какъ освободились отъ своего дьякона. 2) *Слѣдствія.* При слѣдствіяхъ относительно духовныхъ лицъ даютъ и правые и виноватые, — иначе нельзя, такъ заведено; — равно какъ и берутъ почти всѣ благочинные и безсовѣстные, и даже честные; опять тоже такъ заведено. 3) Благочинные не только имѣютъ надзоръ надъ церковными причтами, но и должны наблюдать за благолѣпіемъ храмовъ, цѣлостію ихъ имущества и пр. И если они берутъ съ причтовъ, то почему же .... почему же не получать благодарностей и отъ церквей, о которыхъ они такъ заботятся. Если священникъ и церковный староста люди догадливые, о. благочинный не очень притязателенъ и смѣлъ, то первые б. ч. въ концѣ года даютъ изъ церковной кружки 5—10 руб., а благочинный ихъ принимаетъ; м. б. иногда попроситъ прибавочки, но вообще дѣло происходитъ келейно. Но если благочинный смѣлъ и уже очень корыстолюбивъ, то, не надѣясь на догадливость старосты и причта, онъ самъ себя награждаетъ за труды по церкви; онъ иногда сосчитаетъ церковную сумму, но, сосчитавъ, или не сосчитавъ, отсчитываетъ себѣ столько, сколько сочтетъ нужнымъ для вознагражденія себя за труды. Въ дѣтствѣ своемъ я не слыхалъ о подобномъ святотатствѣ, но нынѣ оно слишкомъ усилилось; не смотря на безгласность д-ва, на простоту сельскихъ церковныхъ старостъ, жалобы на это проскользнули даже въ печати. «Спросите, говоритъ авторъ книги о с. д. (стр. 108), втихомолку любаго старосту церковнаго, сельскаго, или градскаго, онъ вамъ скажетъ, чего ему стоитъ въ годъ благочинный; — (стр. 109) благочинный самъ собственными руками отсчитываетъ изъ церковной кружки сколько хочетъ, а не рѣдко и безъ счоту беретъ, сколько захватилось.» Но это напечатано за границею. Извольте прочитать, что пишетъ День въ 17 No. 1863 г. (стр. 15 столб. 1й): «здѣсь есть благочинный, который ужъ болѣе десятка лѣтъ беретъ взятки, да еще какъ? Считаютъ напр. въ церкви деньги, благочинный одну кучку отберетъ, да въ свой карманъ и положетъ.» Авторъ статьи, откуда взяты эти слова, какъ будто думаетъ, что подобные поступки рѣдкость: — напрасно; въ окружающей меня мѣстности описываемое святотатство — дѣло обыкновенное; имъ обижаются, когда какой либо о. благочинный уже слишкомъ

большую кучку *отберетъ и положитъ въ карманъ*. Напр. иногда при ревизіяхъ церковныхъ суммъ бываютъ экстренные случаи. Очень многіе церковные причты и старосты, находя отяготительнымъ о каждомъ расходѣ выше 30 р. спрашивать к-рію рѣшаются не всѣ церковныя суммы вносить во приходорасходныя книги и сохраняютъ въ сундукѣ гдѣ либо подъ метриками *секретныя деньги*. Если подобный секретъ открылся, то причтъ и староста отдаются подъ судъ к-ріи. Теперь случайно, или по предворительному извѣщенію благочинный при ревизіи сундука находитъ секретныя деньги; *улика на лицо и запирается поздно;* причтъ и староста сконфужены. Честные благочинные, сдѣлавши выговоръ, приказываютъ при себѣ записать въ приходъ, что отъ неизвѣстнаго лица поступила на украшеніе храма такая-то сумма. Получестные побранятъ, даже побранятся но получатъ изъ секретной суммы болѣе, или менѣе значителуную долю. Но благочинные безсовѣстные (бывали примѣры) всю секретную сумму явно кладутъ въ свой карманъ и уходятъ довольные своею находкою.

Надобно бы полагать, что честные и добросовѣстные священники изъ опасенія илп запятнать себя поборами и взяточничествомъ, или тратить свои деньги на к-рію, станутъ всячески отклонять отъ себя благочинническую должность; одинъ изъ берлинскихъ авторовъ даже пишетъ (стр. 27) «въ московской губерніи не охотно принимаютъ на себя священники эту (благочинническую) почетную должность.» Но, сколько мнѣ извѣстно, быть благочиннымъ едвали не составляетъ любимой мечты всякаго священника. Причинъ на это очень достаточно. 1) Благочинный, особенно если онъ угоденъ к-ріи и архіерею, скоро получаетъ скуфью, камилавку, даже, пожалуй, наперсный крестъ и протоіерейство, — а нынѣ иногда выпадаетъ счастье на какой либо орденъ. А священникомъ можно прослужить 30—40 лѣтъ и не дадутъ даже набедренника при самой честной жизни, при самой лучшей исправности. 2) Получивъ благочиніе, священникъ надѣется, что его по к. м. не станетъ притѣснять благочинный; все таки одною властію надъ нимъ меньше, нежели надъ прочимъ д-вомъ. 3) Нравственность между д-вомъ, къ сожалѣнію надобно сказать, такъ упала, что взяточничество и поборъ благочинныхъ не считаются даже чѣмъ либо противозаконнымъ и укоризненнымъ. Архіереи знаютъ объ этомъ и даже иногда любятъ шутить на этотъ счотъ. Одинъ архіерей — человѣкъ умный и честный-любилъ благочиннаго, — сельскаго протоіерея, и приглашалъ его

иногда къ себѣ на чай. Въ одно время явился къ нему на вечеръ приглашенный благочинный въ очень богатой рясѣ. Архипастырь, посмотрѣвъ на нее, сказалъ: «а что о. благочинный, какая это ряса, — приходская, или благочинническая? Благочинный понялъ смыслъ вопроса и, не обинуясь, сказалъ: «благочинническая, В-е В-во.» — «Да понимаешь ли, о. протоіерей, вопросъ мой? *Благочинническая* ли эта ряса?» И когда благочинный повторилъ свой прежній отвѣтъ, преосвященный сказалъ: «что жь? вѣдь, вамъ даромъ служить нельзя же.» А что касается до самихъ благочинныхъ и д-ва, то первые принимаютъ, а второе даетъ *положенное*, какъ должное; это своего рода подать, оброкъ, безъ котораго обойтись нельзя. Даже въ знаменитѣйшемъ городѣ, м. б., не берутъ деньгами благочинные, но не откажутся, когда староста пришлетъ къ нимъ нѣсколько фунтовъ чаю, голову сахару, корзину винъ, кусокъ матеріи и пр. И потому самые лучшіе между священниками если не добиваются благочинической должности, *всѣми правдами и неправдами*, то и не отказываются отъ нее, когда предложатъ, — не разстаются съ нею, когда получатъ её.

Впрочемъ человѣкъ съ чѣстностію, хотя немного колеблющеюся, не станетъ покупать съ аукціона свою должность и притѣснять своихъ собратій для того, чтобы удовлетворить жадности к-ріи; на это рѣшаются люди съ податливою, *съ созженною совѣстію*. Эти господа, или отцы заранѣе стараются расположить къ себѣ к-рію; пріѣзжая въ губернскій городъ, угощаютъ столоначальниковъ, придумываютъ дѣло, чтобы подарить секретаря, или кого либо изъ членовъ. А когда откроется вакансія благочиннаго, то спѣшатъ въ городъ и ничего не жалѣютъ, чтобы ее получить. К-рія очень умѣетъ понять, что̀ для нее выгоднѣе. И потому можно согласиться во многомъ со словами автора книги о с. д. (стр. 105—106) благочинническая «должность .... весьма рѣдко поручается іерею отличному между собратами по уму, образованію и жизни. Такіе іереи никогда не бываютъ искательны, никакъ не захотятъ жертвовать деньгами, доставаемыми тяжкимъ трудомъ, на пріобрѣтеніе или сохраненіе какой бы то ни было должности. А должность благочиннаго всегда и неизбѣжно надобно купить, иногда и очень дорого! Поэтому она представляется б. ч. іерею жалкой посредственности во всемъ, но *артисту зашибать копѣйку*. Естественно, что, купивъ эту должность, онъ хочетъ выручить потраченныя деньги и съ барышомъ.

Такой благочинный (а такихъ большая часть) дѣйстви-

тельно составляетъ позоръ д-ва и наказаніе подчиненныхъ. Тотъ же авторъ справедливо говоритъ о немъ (стр. 108—109): «цѣль всѣхъ его дѣйствій, единственная цѣль обирать, на сколько хватитъ силъ и умѣнья, церковь и д-во .... Жажда денегъ у благочинныхъ ненасытимая; и къ какимъ средствамъ не прибѣгаютъ они для удовлетворенія этой жажды? Всѣ возможныя притѣсненія, несправедливости, оскорбленія тому, кто живетъ честно; всякое снисхожденіе тому, кто живетъ позорно; — вотъ обыкновенный образъ ихъ дѣйствія. Для чего и почему? А для того и по тому, что честный, или ведущій себя если не отлично, по к. м. на столько осторожно, что прицѣпиться, не къ чему, даетъ благочинному всегда умѣренно, къ церковной кружкѣ прикасаться не позволяетъ; а ведущій себя дурно — безмолвный и безотвѣтный данникъ благочиннаго, не рѣдко и плачетъ, а несетъ и везетъ къ благочинному все, чего только онъ ни потребуетъ отъ него; при непорядочномъ іереѣ благочинный самъ, (какъ выше сказано) собственными руками, отсчитываетъ изъ церковной кружки, сколько захочетъ, а не рѣдко и безъ счету беретъ, сколько захватилось .... Вся бѣда бѣднякамъ: пустой ничтожный случай, не намѣренная ошибка, явная, нелѣпѣйшая клевета — все это сейчасъ выставляется на видъ правительству съ прикрасами и дополненіями, п. ч. бѣднымъ, какъ и честнымъ такой благочинный непримиримый врагъ.»

Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, почему духовныя лица, не жалуются, не доносятъ на такихъ благочинныхъ? На это отвѣчаетъ авторъ книги: о с. д. (стр. 110): «жаловаться? а кому? — к-ріи? да такой благочинный золотой рудникъ для нее; чѣмъ безсовѣстнѣе онъ, тѣмъ крѣпче держится ими. Такому благочинному всѣ задушевные друзья — отъ секретаря, или члена к-ріи до послѣдняго .... сторожа. На собственныхъ плечахъ они вынесутъ его изъ всякой бѣды; такъ что же тутъ жалоба? — Архіерею? И тутъ письмоводители, келейники также стоятъ горой за него и вмѣстѣ съ к-ріей пользуются всякимъ случаемъ расхвалить его предъ архіереемъ, представить образцомъ всякой добродѣтели, что и тутъ жалоба? Она сдается на разсмотрѣніе тойже к-ріи, а предубѣжденный въ пользу благочиннаго вполнѣ утвердитъ рѣшеніе ея; и останется виноватымъ и накажется принесшій жалобу, да еще накажется въ примѣръ другимъ, чтобы другіе не осмѣливались помышлять о подобныхъ дерзостяхъ.» Притомъ издавня установилась между архіереемъ и к-ріею съ одной и между

благочиннымъ съ другой стороны солидарность и круговая порука. Благочинный есть представитель, органъ архіерейской и консисторской власти и б. ч. ихъ любимое чадо, даже ихъ кормилецъ. Какъ же имъ не вступаться за него? Какъ не воспользоваться всѣмъ тѣмъ оружіемъ, которое хранится въ арсеналѣ подъяческихъ кляузъ, прицѣпокъ противъ того, кто возстаетъ на благочиннаго? Будь послѣдній не очень щедръ, тогда, конечно, можно и его поприжать, ну а если онъ заслужилъ своими приношеніями наше благорасположеніе, какъ за него не вступиться? Притомъ пожаловавшійся на благочиннаго, пожалуется и на к-рію и на епархіальнаго архіерея; пожаръ надобно тушить въ началѣ и революціонныя движенія останавливать при самомъ ихъ зародышѣ. По всѣмъ этимъ причинамъ очень немногіе дерзаютъ въ епархіальныхъ властяхъ искать себѣ защиты противъ благочинныхъ; еще меньшее количество находятъ ее, особенно когда дѣло пойдетъ судебнымъ порядкомъ. Послѣднее возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда или благочинный не пользуется расположеніемъ к-ріи и владыки, или жалующійся имѣетъ какую либо сильную протекцію, или принадлежитъ къ числу юристовъ, знатоковъ всѣхъ подъяческихъ крючковъ. Большая же часть духовныхъ избѣгаетъ всякой жалобы на благочинныхъ, какъ одного изъ самовѣрнѣйшихъ способовъ разориться, заслужить неблаговоленіе всѣхъ епархіальныхъ властей и подвергнутья штрафамъ, взысканіямъ за гербовую бумагу и пр.

Другой способъ защищать себя отъ корыстолюбія и придирчивости благочиннаго состоитъ, повидимому, въ полной исправности. Вѣдь, когда я не сдѣлалъ ничего дурнаго, трудно выдумать поступокъ, за который можно-бы отдать меня подъ судъ! Конечно не легко, но и не невозможно особенно для ловкаго благочиннаго. Его инструкція даетъ ему столько власти надъ подчиненными, столько случаевъ къ нимъ придратья, что самому исправному священнику почти нѣтъ возможности оградить себя противъ нападковъ. Пріѣхавъ въ село, благочинный неожиданно пошолъ въ церковь? Развѣ нельзя чего нибудь отыскать? Вотъ напр. на антиминсѣ осталась едва замѣтная крошечка отъ просфоры, на немъ же одинъ уголокъ, или одна складка оказались протертыми, въ ризницѣ нѣсколько ризъ не починенными; вѣдь и это все можно принять за неисправности (§ 1 инструкціи). Пошолъ о. благочинный въ церковь беретъ платокъ, смачиваетъ его слюнёю и третъ иконостасъ и даже столбы около престола, платокъ дѣлался черноватымъ, значитъ, —

чистота въ церкви не соблюдается, да еще гдѣ? на иконостасѣ, у престола. Пріѣхали 2го числа какого либо мѣсяца и что же? въ приходорасходныхъ книгахъ, м. б., приходъ и расходъ записаны, но еще не выставлены итоги, нѣтъ подписей всего д-ва и старосты. А вотъ въ оградѣ упало одно прясло, на крышѣ замѣтны многія тѣсницы сгнившими; вѣдь, это признаки ветхости. Далѣе узнаетъ о. благочинный, что священникъ былъ безъ зову въ гостяхъ у кого либо, попалъ какъ нибудь на сходку, хотя бы на минуту для свиданія съ крестьяниномъ, читалъ какую либо *соблазнительную книгу*, напр. романъ, ходилъ въ какой нибудь праздникъ по проходу ночью; — вѣдь, это опять неисправности, которыя предвидѣны въ 29 и 22 пунктахъ инструкціи. А потомъ почему тоже опять на основаніи инструкціи не посмотрѣть (§ 8) за домомъ священника, не замѣтить, что его домашнее поведеніе не очень хорошо? Почему хоть на словахъ обо всемъ этомъ не сказать архіерею? Но еслибы вовсемъ этомъ не удалось найти какую либо неисправность, то развѣ нельзя обратиться къ пособію причта, не подстрекнуть его противъ своего предстоятеля; а у всякаго причта всегда есть много *копѣечныхъ* несогласій, которыя можно сдѣлать *рублевыми*. Дѣйствуя систематически, благочинный рано, или поздо самаго лучшаго священника можетъ подвергнуть и суду и наказанію. Необыкновенно рѣзкій случай въ этомъ отношеніи разсказанъ въ книгѣ о с. д. (стр. 100—101). «Въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ церквей былъ священникъ прекраснѣйшей жизни. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгъ къ дьякону и причетникамъ, т. е. требовалъ, чтобы они вели себя, какъ должно. Нестерпимымъ зато казался имъ священникъ, и всѣ средства они употребляли погубить его. Прямо и явно они однакоже сдѣлать ничего не могли; такъ онъ чисто держалъ себя. Они обратились съ самыми нелѣпыми клеветами къ благочинному. Благочинный былъ образецъ благочинныхъ, *весь состоявшій изъ жажды денегъ*. Священникъ и побѣдности прихода и по семейству, — у него дѣтей было девять человѣкъ, не могъ удовлетворять этой жаждѣ и страшно золъ былъ на него зато благочинный. Съ одной клеветой онъ однакоже не могъ возстать на священника. Правда, передавалъ ее всю, и съ собственными дополненіями, архіерею и успѣлъ жестоко вооружить его противъ священника; но все это были слова, но дѣлъ не было. Наконецъ онъ сказалъ причту, что лишь бы они нашли случай повѣрнѣе зацѣпить священника, а онъ уже сдѣлаетъ свое дѣло. И вотъ какую продѣлку придумали

дьяконъ и причетники. Въ самый Великій пятокъ священникъ пришолъ къ часамъ; дьяконъ и причетники стоятъ въ алтарѣ. Священникъ начинаетъ часы, — дьячокъ безгласенъ и неподвиженъ. Священникъ приказываетъ ему читать, — онъ отвѣчаетъ бранью. Священникъ проситъ его выйти вонъ, — онъ ругается сильнѣе и кричитъ на всю церковь. Священникъ идетъ и читаетъ самъ, — онъ заглушаетъ голосъ его ругательствами. Что оставалось дѣлать священнику? Встревоженный и разстроенный до послѣдней степени, онъ скидаетъ облаченіе и уходитъ изъ церкви. Горько плакалъ онъ во весь день и однакоже не рѣшился для такихъ страшныхъ дней завести дѣло. А дьячокъ тутъ же отправился съ доносомъ къ благочинному, что священникъ изругалъ и прибилъ его въ алтарѣ; среди службы сбросилъ съ себя ризы и ушолъ домой! Въ этотъ же день благочинный явился съ доносомъ къ архіерею. Какъ ни былъ архіерей вооруженъ противъ священника, однакоже уговариваетъ благочиннаго примирить священника съ причтомъ; тотъ не согласился и дѣло пошло въ ходъ. Священникъ, чистый въ душѣ и совѣсти, разсказалъ все, какъ было; подтвердить его слова было некому; въ церкви еще никого изъ прихожанъ не было; единственные свидѣтели, — дьяконъ и пономарь были вмѣстѣ съ дьячкомъ устроителями всей этой продѣлки и съ клятвой подтвердили доносъ. И вотъ рѣшеніе дѣла: «священникъ самъ сознался, что ушолъ изъ церкви, не кончивъ служенія; за это на основаніи NN статей его лишить мѣста и на шесть мѣсяцевъ послать въ дьячки. Главная же вина всего-дьячокъ не понесъ никакого наказанія.» Конечно, въ этомъ дѣлѣ многое принадлежитъ дьякону и причетнику, но главный дирижоръ всего — благочинный. Пріобрѣти прежде священникъ, или купи во время слѣдствія благосклонность его, все бы могло уладиться даже ничего и не начиналось бы. И такъ можно ли одною своею исправностію защитить себя отъ придирокъ и корыстолюбія благочиннаго?

И благочинные и д-во давно уже рѣшили этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ и дѣйствуютъ сообразно съ этимъ рѣшеніемъ. Благочинный, сознавая, что благосклонныя, къ нему епархіальныя власти покроютъ его поступки и проступки безнаказанностію, въ своихъ мерзостяхъ показываетъ даже какое-то величавое хвастовство. Вѣдъ, напр. взять самовольно деньги изъ церковной кружки и положить въ свой карманъ есть воровство и святотатство, за которое можно лишиться всѣхъ правъ состоянія. А посмотрите, какъ

спокойно и величественно отвѣчаютъ о. о. благочинные, когда ихъ спрашиваютъ о такихъ дѣлахъ. Когда, какъ разсказывается въ No. 17 Дня 1863 г. (стр. 13) благочинный, присвоивши себѣ деньги, вышелъ изъ церкви, то священникъ спрашиваетъ: «о благочинный! какъ прикажете записать деньги, взятыя вами?....» — А такъ и запиши, что благочинный въ карманъ взялъ,» отвѣчалъ благочинный. День справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ отвѣтѣ видна уже какая-то нравственная сила, мощь.

Часть третья.

Объ обращеніи благочинныхъ съ своими подчиненными.

Сознавая свою важность и безнаказанность благочинные не очень любятъ отличаться особою вѣжливостію и деликатностію въ обращеніи съ своими подчиненными. Да и къ чему производить дисгармонію въ епархіальномъ управленіи? Мы уже знаемъ, какъ и архіерей, и консисторская знать и незнать держитъ себя по отношенію къ бѣлому д-ву. Почему же и благочинному не подражать имъ? Въ этомъ отношеніи едвали не болѣе всего достается дьяконамъ и особенно причетникамъ. Рѣдкій благочинный не изумился бы, когда бы кто либо изъ нихъ осмѣлился предъ нимъ стоять съ покрытою головою на дождѣ и вѣтру, въ морозъ и жаръ. Еще болѣе изумится причетникъ и даже дьяконъ, когда благочинный пригласитъ его у себя присѣсть, а не покончитъ съ нимъ своего разговора въ прихожей. И священники не встрѣчаютъ особой ласковости у благочиннаго, особенно если тѣ живутъ въ селѣ, а послѣдній въ городѣ. Тутъ и священникъ у воротъ квартиры благочиннаго сниметъ свою шляпу, постоитъ смиренно въ прихожей и далѣе ея не часто будетъ допущенъ. Сельскому благочинному подобной методы не удобно держаться; тамъ къ нему, какъ къ священнику и мужикъ прямо иногда идетъ въ залу. Но важность свою можно выразить тономъ голоса, жестами, высокимъ слогомъ, отрывистыми періодами, поучительными наставленіями. Во многихъ мѣстахъ, замѣтивъ появленіе тщеславія и гордости въ какомъ либо священникѣ, близкіе

къ нему люди говорятъ: «что это съ тобой дѣлается? Вѣдь, ты еще не благочинный!»

Естественно ожидать, что духовныя лица, слишкомъ завися отъ благочинныхъ и опасаясь какъ нибудь оскорбить ихъ щекотливость, стараются выслуживаться и прислуживаться предъ ними, угождать ихъ капризамъ, тщеславію, привычкамъ. Чтобы все это видѣть, надобно побывать у какого либо сельскаго священника, когда къ нему пріѣзжаетъ о. благочинный. Въ романѣ г. Благовѣщенскаго: *Предъ разсвѣтомъ* (No. 1 Русс. Слова 1865 г. стр. 48) сказано, что даже дѣти изумляются явленіямъ, происходящимъ при пріѣздѣ благочинныхъ. «Маленькій Трепетовъ очень интересовался вопросомъ: почему всѣ жители погоста кажутся совсѣмъ другими людьми, когда пріѣзжаетъ на ревизію благочинный? Почему всѣ они кланяются ему, наперерывъ приглашаютъ къ себѣ; дѣлаются добрыми, даже злой о. Никита, который постоянно съ кѣмъ нибудь бранится, и тотъ въ это время вкрадчиво улыбается.» Но дѣти всего не видятъ; посмотримъ на всѣ глазами взрослыхъ людей.... «о. благочинный ѣдетъ! о. благочинный пріѣхалъ!» раздается по комнатамъ. Священникъ идетъ поскорѣе встрѣчать дорогаго гостя на крыльцѣ, или на дворѣ. Матушка попадья спѣшитъ прибрать комнаты; работница бѣжитъ за водою на самоваръ. Если благочинный пріѣхалъ на своей лошади, ее отпрягаютъ и ведутъ въ конюшню, даютъ лучшаго сѣна и овса; кучера зовутъ на кухню и тамъ ему готова рюмка водки. Объ угощеніи нечего и говорить. Рѣдкій священникъ не запасается въ городѣ тѣми напитками и закусками, которые особенно нравятся начальнику. Самоваръ готовъ, подчуютъ рюмочкою передъ чаемъ, угощаютъ имъ не въ прикуску, а въ накладку, ставятъ и бутылочки съ ромомъ, мадерою, краснымъ и пр. Къ обѣду приготовляется всѣ, чѣмъ богата деревенская кухня. За обѣдомъ и хозяинъ и хозяйка постоянно говорятъ: «сдѣлайте милость, выкушайте, или покушайте, о благочинный? Что это вы ничего не изволите кушать? Вотъ неугодно ли старой наливочки, свѣженькаго винца, недавно привезенной изъ города водочки; пожалуйста, выкушайте, сдѣлайте милость.» И оба просятъ, и оба кланяются. Чтобы не было скучно дорогому гостю, приглашаютъ другихъ священниковъ, если село не одноштатное; эти въ свою очередь помогаютъ хозяину въ упрашиваніи; потомъ приглашаютъ къ себѣ; тамъ опять новое угощеніе. Благочинный все принимаетъ съ достоинствомъ, съ сознаніемъ собственной важности, отказывается съ тѣмъ

чтобы поусерднѣе попросили; и если онъ не принадлежитъ къ совершенно не пьющимъ ничего, кромѣ воды и квасу, то скоро будетъ *на всемъ*, и *на хмѣлѣ* и *въ корень*. Дѣла пока въ сторону, да ихъ кончить можно въ часъ-два, а мы остаемся ночевать, въ иномъ селѣ проживемъ сутки двое; вѣдь такъ намъ рады, вѣдь такъ насъ угощаютъ; зачѣмъ же торопиться отъѣздомъ? Пріѣхалъ въ другое село, опять начинается тоже. Результаты отъ такихъ поѣздокъ очевидны. Между крестьянами есть мнѣніе, что кто изъ нихъ послужилъ долгонько соцкимъ, старостою и пр., тотъ непремѣнно сдѣлается пьяницею. Тоже самое, — едва ли даже не справедливѣе надобно приложить и къ благочиннымъ. Имъ надобно вовсе ничего не пить кромѣ воды, квасу и простаго чаю, чтобы у каждаго священника не сдѣлаться пьянымъ; нуженъ необыкновенно твердый характеръ, чтобы самому трезвому благочинному не уступить покорнѣйшимъ просьбамъ выкушать хоть что нибудь, хоть *красненькаго*, *церковнаго*, а потомъ пріучиться и *къ бѣленькому* и покончить тѣмъ, чѣмъ бываетъ соцкій и староста послѣ продолжительной службы.

Если благочинный самъ уже требуетъ угощенія, самъ *наливаетъ и выпиваетъ*, то онъ становится наказаніемъ для хозяевъ, у которыхъ останавливается. Тщеславіе и гордость въ этомъ случаѣ не уменьшаются, а принимаютъ болѣе огромные размѣры и проявляются въ уродливыхъ капризахъ. Объ издержкахъ священники не стали бы хлопотать; лишь бы дорогій гость остался доволенъ. Но на него трудно угодить. Тутъ и водка не хороша, и ромъ выдохся, и вино испортилось, и закуска не вкусна, и обѣдъ плохо приготовленъ. А потомъ для угожденія, для угощенія нужно сидѣть не часы, а цѣлыя ночи, не одному хозяину, но и хозяйкѣ, и всѣмъ священникамъ, если село не одноштатное. Кто самъ участвуетъ въ опоражниваніи бутылокъ и штофовъ, тому еще сносно попить съ своимъ начальникомъ. Но каково сидѣть цѣлую ночь, цѣлые сутки человѣку трезвому и особенно хозяйкѣ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ одного свѣтскаго лица, проживавшаго въ гостяхъ у предстоятеля церкви въ трехштатномъ селѣ. «Въ село утромъ пріѣхалъ благочинный для объявленія указа о томъ, что вскорѣ будетъ архіерейская ревизія. Хоть я и зналъ, что онъ не могъ быть членомъ общества трезвости, но полагалъ, что близость ревизіи заставитъ его заняться службою своею, а не жертвоприношеніями Бахусу. Часу въ 10мъ хозяинъ мой, возвратившись отъ благочиннаго, сказалъ, что онъ сейчасъ къ нему придетъ и началъ готовиться къ пріему

гостя. Чтобы никого не стѣснять, я ушолъ въ садъ; но вскорѣ явился посолъ съ докладомъ, что о. благочинному желательно со мною познакомиться. Прихожу, застаю за чаемъ; начался общій разговоръ; хозяинъ предложилъ пуншъ, но благочинный сухо и рѣшительно отвѣчалъ: *не пью.* Эге! подумалъ я, побаиваешься архіерея, отецъ святой! — Вскорѣ гость всталъ и какъ хозяинъ ни уговаривалъ его, не остался еще посидѣть, говоря, что ему надобно торопиться и приказалъ приготовить лошадь для выѣзда въ другое село. По уходѣ благочиннаго я выразилъ хозяину свое удивленіе на счотъ трезвости почтенной особы; хозяинъ мой какъ-то странно улыбнулся, и тотчасъ же пошолъ провожать о. благочиннаго. Вскорѣ мы увидали, что дьячокъ подъѣхалъ на своей клячѣ къ крыльцу квартиры благочиннической. Послѣ обѣда я пошолъ гулять въ лѣсъ и видѣлъ подводу и дьячка, сидѣвшаго на козлахъ. Въ лѣсу на прогулкѣ пробылъ часу до шестаго и, возаратившись въ село, я увидѣлъ подводу на старомъ мѣстѣ и дьячка, похаживающаго около нея; засидѣлся на козлахъ, *дѣлалъ моціонъ.* Напились мы чаю; я опять пошолъ гулять; дьячокъ и подвода оставались у крыльца; возвратился я съ прогулки часу въ десятомъ, но о. благочинный еще не уѣхалъ. Поужинали, легли спать и уже зоснули порядочно; я слышалъ, какъ хозяинъ возвратился. Долгонько же, подумалъ я, провожали начальника. Поутру, проснувшись часу въ седьмомъ, я не тревожилъ хозяевъ, пошолъ до чаю погулять по полямъ; и вышедши на улицу, къ величайшему удивленію увидалъ и подводу, и дьячка у того же самаго крыльца, гдѣ они стояли еще вчера цѣлые полсутки; только лошадь вяло жевала положенное ей сѣно, а дьячокъ сонливо зѣвилъ, сидя на крыльцѣ. Что? спросилъ я, неужели еще не уѣхалъ? — «Нѣтъ еще, отвѣчалъ горемыка, к-ся, весь день придется простоять.» Но предсказаніе дьячка не сбылось; когда часу въ девятомъ я возвратился, то ни его, ни подводы не было; только ставни дома священника, у котораго останавливался благочинный, оказались закрытыми; хозяинъ и хозяйка, не спавши цѣлую ночь, измученные легли наконецъ отдохнуть. Хозяинъ мой всталъ уже, самоваръ былъ готовъ, и когда я выразилъ удивленіе, что такъ долго продолжались проводы; то онъ отвѣчалъ: «что задолго? Это вы ускорили; у насъ случается, что провожаемъ по двое сутокъ; а нынѣ до сутокъ еще не достаетъ часовъ трехъ.» Замѣчательно, говорилъ разскащикъ, что благочинный не только пользуется благорасположеніемъ епархіальныхъ властей, но даже любимъ своими подчиненными.

Когда онъ чрезъ годъ послѣ описаннаго событія умеръ, то о немъ даже жалѣли.» Каковы же должны быть тѣ благочинные, о которыхъ не сожалѣютъ, которыхъ отставкѣ даже радуются? Судите сами, г. ч.

Непріятно имѣть дѣло съ спѣсивымъ и гордымъ человѣкомъ; к-ся, еще непріятнѣе услуживать пьяному; но каково тому хозяину, въ гостѣ котораго соединяются спѣсь и пьянство? У такого человѣка появляется какое-то неодолимое желаніе похвастатья своею особою, выказать свои познанія и умѣнье говорить и занимать слушателей. Но даже умная голова, отягченная винными парами, не способна къ здравому сужденію. Каковъ же долженъ быть пьяный семинаристъ въ рясѣ, *съ самолюбіемъ мелкимъ, пошлымъ, безсмысленнымъ?* Онъ только и можетъ выказать свой умъ или, лучше, свое безуміе пошлыми остротами, площадными каламбурами, мужицкими выходками и непечатными выраженіями; не говоритъ, а кричитъ, обижается, сердится. Будь онъ только пьянъ, или спѣсивъ, ему можно бы услужить или уступчивостію, или солидностію пріемовъ и разговора. Но вздумай противорѣчить спѣсивому пьяницѣ, попробуй быть не внимательнымъ къ нему, онъ выйдетъ изъ себя и захочетъ поставить на своемъ. Уступай ему во всемъ, удивляйся его пошлостямъ, онъ захочетъ еще болѣе отличиться ими. Представьте же, что этотъ пьяница есть начальникъ, о. благочинный! Чего отъ него не наслушается хозяинъ и его семья? И потому совершенно надобно повѣрить автору книги о с. д. (стр. 110), что «слишкомъ срамно, слишкомъ тяжело и горько говорить о томъ, какъ благочинные при обозрѣніи своихъ благочиній, — нѣкоторые пьяные безчинствуютъ въ домахъ священниковъ и даже въ самыхъ церквахъ, — какъ они осыпаютъ ругательствами тѣхъ, которыми недовольны, и такими ругательствами, которыя лишь можно слышать отъ коноводовъ и даже въ присутствіи женщинъ и дѣтей, и о прочемъ тому подобномъ.» Да, дѣйствительно, слишкомъ тяжело и горько говорить объ этомъ.

Часть четвертая.

О выборныхъ благочинныхъ, о духовныхъ правленіяхъ и протоіереяхъ уѣздныхъ городовъ.

Въ послѣдніе годы очень много было писано о введеніи выборнаго начала въ бѣломъ д-вѣ относительно благочинныхъ. Ограничусь здѣсь двумя выписками. Въ 31 N. Дня 1864 г. (стр. 9 столб. 1) говорится: «не лишнее было бы установить, чтобы благочинные непремѣнно избираемы были самимъ д-вомъ. Всѣ сословія пользуются правомъ свободнаго выбора своихъ представителей. Мы рѣшительно не понимаемъ, что̀ моглобы препятствовать опредѣленію выборныхъ благочинныхъ? Не ужели недовѣріе къ недостаточному развитію д-ва? Но вѣдь крестьяне выбираютъ же изъ среды себя выборныхъ представителей своего сословія; неужели уровень развитія нашего д-ва ниже развитія даже ихъ прихожанъ?» Писавшій это, зная, что ему придется имѣть дѣло съ цензурою, говоритъ очень снисходительно. Послушаемъ, какъ пишетъ о томъ же предметѣ авторъ книги о с. д. (стр. 111, 113). «Всѣмъ сословіямъ дано право свободнаго выбора изъ среды себя на служеніе судебное и администрадивное; мѣщанинъ, крестьянинъ — и тѣ выбираютъ себѣ головъ — кого хотятъ, кого находятъ лучшимъ; лишь православное д-во лишено этого права! Духовенство-то за что лишено этого права? Или оно въ самомъ дѣлѣ ничтожнѣе въ государственномъ быту самыхъ крестьянъ? Или оно такъ безсмысленно, — безсмысленнѣе всякаго мѣщанина — что не съумѣетъ себѣ выбрать дѣльнаго благочиннаго...? А м. т. ... дайте д-ву право выбирать изъ среды себя благочинныхъ и выбирать на три года не больше, и исчезнетъ нечестивое племя злочинныхъ; будутъ выбраны по к. м. нѣсколько, не артисты грабежа и покровители всякой мерзости, а наиболѣе добросовѣстные, честные и умные. Трехлѣтній срокъ будетъ надежнѣйшей уздой противъ всѣхъ попользованій увлечься самому благочинному къ чему либо, неодобряемому закономъ и совѣстію. Одна мысль, что чрезъ три года придется услышать или благодарность, или негодованіе отъ избравшихъ и притомъ въ присутствіи всего д-ва, — съ честью быть избраннымъ на новое трехлѣтіе, или со стыдомъ оставить свое служеніе, безъ надежды когда либо удостоиться этой чести, — одна эта мысль всегда будетъ держать его въ границахъ самой

строгой правды, полнаго безкорыстія, неусыпной ревности къ дѣлу. Кромѣ того, волей-неволей тогда одумается и перемѣнитъ себя каждый іерей неисправный. Кому не захочется быть отличеннымъ между собратами, и отличеннымъ достойно и праведно? Кому не захочется быть благочиннымъ? и пр.» Мнѣніе почтеннаго автора такъ основательно, проникнуто такимъ воодушевленіемъ, что даже одинъ изъ берлинскихъ апологистовъ сказалъ: «не осуждаю мысли о томъ, чтобы благочинные были избираемы д-вомъ и притомъ закрытою балотировкою.»

Не смотря на всю основательность доказательствъ, что благочинные должны быть избираемы д-вомъ, епархіальныя власти не очень охотно соглашаются, на такое ново введеніе. Правда, нѣкоторые архіереи (кіавскій, херсонскій, харьковскій, саратовскій и др.) ввели въ своихъ епархіяхъ выборное начало. Но большинство владыкъ не хотятъ разстаться съ своими прежними правами. Да и тамъ, гдѣ допущено право избранія благочинныхъ, оно стѣснено разными ограниченіями, не утверждено высшею законодательною властію, дано какъ даръ, какъ милость однимъ архіереемъ и можетъ быть отнято другимъ даже безъ всякихъ причинъ, по благоусмотрѣнію.

Едва ли впрочемъ не напрасно ожидаютъ многаго отъ выбора благочинныхъ д-вомъ. Съ этимъ нововведеніемъ, по всей вѣроятности, при архіереяхъ останутся прежніе письмоводители, податчики, лакеи, экономы и вся челядь, а въ к-ріи тоже ненасытимое полчище взяточниковъ, тѣже члены безъ жалованья и значенія, тотъ же бичъ д-ва, — секретарь. Чтоже при такомъ положеніи дѣла тывыборному благочинному? Удовлетворить всѣхъ взяточниковъ изъ своего кармана? — недостанетъ денегъ, придется разориться. Для избѣжанія этого начать брать съ однихъ и давать другимъ подобно нынѣшнимъ *злочинным?* — вооружишь противъ себя своихъ избирателей. А не расплачиваться съ к-ріею и архіерейскою челядью невозможно; — замучатъ придирками, оклевещутъ предъ владыкою, подвергнутъ суду. И выборному благочинному придется сдѣлаться или взяточникомъ, или мученикомъ. Благочинные дѣйствительно должны быть избираемы самимъ д-вомъ, но они составляютъ нижнюю ступеньку лѣстницы. Надобно въ одно время вычистить среднія и верхнія ступеньки. *Гдѣ же тотъ Геркулесъ, который бы для чести не только д-ва, но и всего человѣчества своею палицею уничтожилъ полчище взяточниковъ и получилъ за то Георгія 1й степени?* — Подождемъ.

Между к-ріей и благочинными есть еще промежуточная епархіальная власть; — это духовныя правленія, существующія въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. По своему *персонелю*, какъ говорятъ французы, они представляютъ *миніатюрную* к-рію и состоятъ изъ трехъ членовъ, письмоводителя и 2—3 писцовъ съ прибавкою сторожа. По своей административной дѣятельности, это этапное мѣсто, чрезъ которое консисторскіе указы пересылаются къ благочиннымъ, а репорты и другія бумаги благочинныхъ въ к-рію. Вотъ почему большая часть опредѣленій духовныхъ правленій выражаются слѣдующими словами: «слушали указъ к-ріи и приказали разослать его благочиннымъ», а въ самомъ указѣ прибавляется: «каковый указъ и посылается къ вамъ-благочинному.» Другой родъ опредѣленія: «слушали репортъ благочиннаго и приказали представить дѣло на усмотрѣніе к-ріи.» По части взяточничества духовныя правленія берутъ, — впрочемъ почти исключительно первый членъ ихъ — протоіерей городскаго собора — и письмоводитель, — берутъ со всѣхъ, съ кого можно и сколько можно взять. Только къ ихъ сожалѣнію к-ріи отбили у нихъ многія доходныя статьи, присвоивъ ихъ себѣ. Комѣ того ни одного дѣла правленіе само не заканчиваетъ, а представляетъ мнѣніе на усмотрѣніе к-ріи. Поэтому всякій дающій, зная, что послѣдняя по своему усмотрѣнію можетъ перенначить дѣло, бережетъ деньги для нее. Зато персонажи духовнаго правленія, когда имъ поддается какой либо простачокъ, берутъ съ него съ какимъ-то ожесточеніемъ; вѣдь надобно же хоть чѣмъ нибудь вознаградить то, что́ отбиваетъ к-рія. Одинъ благочинный увѣрялъ меня, что письмоводитель правленія ихъ уѣзда получаетъ въ годъ не менѣе 500 р. Число этихъ правленій давно уже сокращаютъ; ихъ было въ 1831 г. 291, а въ 1861 г. только 155. Слышно даже, что ихъ всѣ хотятъ закрыть окончательно.

Въ самомъ дѣлѣ, если к-ріи соотвѣтствуютъ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, то духовныя правленія должны бы быть для д-ва тѣмъ же, чѣмъ служатъ въ гражданской администраціи уѣздный судъ. Въ такомъ случаѣ благочинные и д-во всѣхъ уѣздовъ слѣдовало бы подчинить духовнымъ правленіямъ. М. т. не только нынѣ, но и до 1836 г. д-во очень многихъ уѣздовъ съ своими благочинными прямо подчинено было к-ріямъ безъ всякихъ промежуточныхъ правленій. Если такой порядокъ возможенъ для многихъ, то почему его не приложить ко всѣмъ? Да и притомъ, кругъ дѣятельности духовныхъ правленій слишкомъ ограниченъ;

для того, чтобы писать резолюціи: «слушали такой-то указъ и положили препроводить его по вѣдомству,» право, не стоитъ имѣть особенное присутственное мѣсто; можно и изъ к-ріи послать всѣ указы прямо ко всѣмъ благочиннымъ также, какъ и теперь посылается ко многимъ. А для д-ва это было бы не малымъ облегченіемъ. «Когда не будетъ правленій, говоритъ авторъ книги о с. д. (стр. 116), не будетъ лишнихъ трудовъ, не нужныхъ и безполезныхъ; однимъ грабежомъ будетъ меньше, и городъ, въ которомъ теперь есть правленіе, не будетъ казаться д-ву притономъ разбоя самаго безжалостнаго, самаго наглаго.

Закончу этотъ отдѣлъ описаніемъ расходовъ д-ва на соборныхъ протоіереевъ уѣздныхъ городовъ. Если въ резиденціи о. протоіерея нѣтъ ни духовнаго училища, то на д-во своего уѣзда онъ не имѣетъ никакого вліянія, исключая священниковъ. Послѣдніе обязаны ежегодно два раза сказать поученіе въ городскомъ соборѣ; наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія возлагается на соборнаго протіерея. И если онъ донесетъ епархіальному начальнику, что такой то іерей не поучаетъ городскихъ жителей слову божію, и даже *не прилагаетъ должнаго тщанія* къ составленію проповѣди (уст. конс. §. 12) то виновному придется получить и выговоръ, да еще и поизрасходоваться. Но писать новую проповѣдь для городскаго собора, говорить ее предъ городскою аристократіею, ѣхать для этого иногда за 50—100 верстъ, заплатить что нибудь (неменѣе рубля) о. протоіерею за процензированіе ея, — да тутъ столько труда умственнаго и физическаго, что лишь ближайшіе къ городу молодые священники, желающіе блеснуть своимъ ораторскимъ талантомъ предъ городскою публикою, рѣшаются проповѣдывать въ соборахъ; а б. ч. каждый священникъ посылаетъ ежегодно о. протоіерею по 2 или 3 руб. И резонно, — вѣдь, проѣзды и цензура обойдутся едвали дешевле; а о. о. протоіереи въ благодарность за приношеніе репортуютъ въ к-рію, что въ соборахъ ихъ слово божіе неопустительно проповѣдывалось во всѣ воскресные и праздничные дни.

Но если въ городѣ есть духовное училище, или правленіе, а соборный протоіерей состоитъ смотрителемъ перваго и старшимъ членомъ втораго (что почти всегда и бываетъ), то онъ для всего почти уѣзднаго д-ва важная особа. Я хочу воспользоваться здѣсь также рукописнымъ сочиненіемъ, изъ котораго выше взятъ мною небольшой отрывокъ. По словамъ автора «въ уѣздномъ городѣ одной подмосковной губерніи жили двѣ духовныя особы: тесть и зять. Тесть былъ

соборнымъ протоіереемъ, первымъ членомъ правленія и смотрителемъ духовнаго училища, а зять-священникомъ третьимъ членомъ правленія и инспекторомъ училища; въ послѣдствіи, послѣ смерти перваго, послѣдній занялъ всѣ его должности. Между этими двумя особами и всѣмъ уѣзднымъ д-вомъ были такія тѣсныя связи, какія могутъ существовать между родными и друзьями. Вздумаетъ ли которая изъ двухъ почтенныхъ особъ выдавать свою дочь, случится ли какое либо денежное несчастіе, найдутъ ли они свои доходы недостаточными для покрытія своихъ расходовъ; — а это, кстати сказать, случалось каждый годъ, — во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обращались къ возлюбленной о Христѣ братіи всего уѣзда. Иногда сами по одиначкѣ, или даже оба вмѣстѣ вояжировали изъ села въ село, лично излагали возлюбленной братіи свои нужды, лично просили о вспомоществованіи и, р-ся, лично получали его. Иногда вручали довѣренной особѣ письменное окружное посланіе, начинавшееся словами: *возлюбленная о Христѣ братія*, затѣмъ описывались стѣсненныя обстоятельства почтенныхъ особъ и все заканчивалось приглашеніемъ помочь имъ. Р-ся, никто изъ уѣзднаго д-ва не отказывался, даже боялся отказываться отъ пожертвованій; и тесть и зять всегда получали очень порядочное пособіе. Особенно въ ихъ жизни замѣчателенъ былъ одинъ случай. Правленіе семинаріи не разъ присылало учебныя книги для продажи ученикамъ. Тесть и зять, вѣроятно держась пословицы: *дорого да мило*, продавали книги ученикамъ иногда вдѣое и втрое дороже настоящей ихъ цѣны, но денегъ не высылали въ правленіе за нѣсколько лѣтъ. Наконецъ семинарское начальство настоятельно потребовало не доставленной суммы, простиравшейся до нѣсколькихъ сотъ руб. асс. Дѣлать нечего; надобно было платить. Тесть и зять въ этой крайности отправились вмѣстѣ ко возлюбленной братіи своей. Авторъ статьи слышалъ, какъ они излагали его отцу свое бѣдственное положеніе: «вообрази, любезнѣйшій, говорили они, мы безмездно раздавали ученикамъ книги; вѣдь, по чемъ же было учиться несчастнымъ? книги избиты, или вовсе не возвращены. Посуди самъ, развѣ мы виноваты? За-что же намъ страдать за нашу же благотворительность? Помогите намъ!» Р-ся, помогли. Т. о. отцы учениковъ сначала платили двойную и тройную цѣну за книги; а потомъ должны были дѣлать пожертвованія, что бы вновь составить сумму, которая уже давно истратилась тестемъ и зятемъ. Притомъ отъ сдѣланныхъ пожертвованій порядочная сумма осталась у почтенныхъ особъ, вѣроятно, изъ уваженія къ ихъ трудамъ.»

Никакъ не надобно думать, что бы нынѣ не было протоіереевъ подобныхъ уже покойнымъ тестю и зятю. Въ октябрѣ 1864 г., какъ мнѣ вполнѣ извѣстно, протоіерей одного уѣзднаго города, а вмѣстѣ первый членъ правленія и ректоръ духовнаго училища, ѣздилъ по своимъ владѣніямъ, т. е. по своему уѣзду. Въ экипажъ была запрягаема одна собственная лошадь почтенной особы; по прибытіи въ какое либо село особа отправлялась въ комнаты священника, а его конь со всею сельскою роскошью помѣщался въ конюшнѣ; когда уже надобно было переѣзжать въ другое село, то въ экипажъ припрягалась еще лошадь, которую давалъ причтъ. Т. о. почтенный о. протоіерей объѣхалъ весь уѣздъ и въ каждомъ селѣ не только пользовался угощеніемъ, но получалъ еще денежную благодарность за свой визитъ. Благодарности не могли быть одинаковы, но въ одномъ одноштатномъ селѣ о. протоіерею дали три руб. сер. Вояжировалъ онъ рѣшительно безъ всякаго оффиціальнаго дѣла; просто на просто, какъ выражается д-во, *побирался*, а по моему мнѣнію, *обиралъ* его только очень вѣжливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя достоинство приличное духовному сану. Такого рода поборы въ мѣстности, гдѣ я живу, бываютъ не въ одномъ уѣздѣ; если ихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ, то это зависитъ отъ доброй воли о. о. протоіереевъ. Поступи на ихъ мѣсто новый догадливый человѣкъ; онъ можетъ легко возобновить древній обычай.

Не безубыточны для бѣлаго д-ва объѣзды о. о. протоіереевъ уѣздныхъ городовъ по своимъ уѣздамъ; не безубыточны тоже разъѣзды хотя и рѣдкіе членовъ к-ріи, а также славленія секретаря и столоначальниковъ его. Но все это ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ объѣздами и пріѣздами архіерейскими, которые на оффиціальномъ языкѣ называются ревизіями; о нихъ побесѣдуемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Отдѣлъ 32ой.

О ревизіяхъ, производимыхъ епархіальными начальниками, и о различныхъ экзаменахъ, которымъ подвергаются духовныя лица.

Епископы едвали не всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій имѣютъ обыкновеніе обозрѣвать ввѣренныя ихъ управленію епархіи. У насъ это было въ древнія времена, а по духовному регламенту епископъ обязывается «въ годъ или въ два года единажды объити и посѣтить епархію свою» (17 пр. о еписк.). Это постановленіе при Императорѣ Николаѣ подтверждено; и архіереи должны доносить синоду, какіе именно уѣзды они осмотрѣли въ каждый годъ. Цѣль такихъ ревизій состоитъ вообще въ томъ, что бы преосвященные лично узнали состояніе подчиненнаго имъ д-ва всей паствы своей и на основаніи собранныхъ свѣдѣній позаботились о нравственномъ и религіозномъ улучшеніи и клира и мірянъ; или, какъ выражается духовный регламентъ въ 8 и 9 пр., чтобы «искусно провѣдывали о дѣлахъ и поступкахъ какъ священства, такъ и приходскихъ людей, спрашивали священство и прочихъ человѣкъ: не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія? Не обрѣтаются ли кликуши? Не проявляетъ ли кто для скверноприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладязяхъ, при источникахъ (стр. 41—42) и пр. и пр.» Чтобы судить, въ какой степени нынѣ достигается цѣль ревизій, постараюсь описать, какъ онѣ происходятъ на самомъ дѣлѣ.

Ревизія обыкновенно начинается отношеніемъ архіерея къ гражданскому начальству и предложеніемъ к-ріи. Въ томъ и другомъ подробно описывается маршрутъ съ означеніемъ, которые уѣзды предполагается обревизовать, котораго числа ревизоръ выѣдетъ изъ мѣста своего жительства, гдѣ будетъ въ извѣстные дни совершать богослуженіе, имѣть отдыхъ, или ночлегъ, ревизовать то, или другое благочиніе. Гражданское начальство предписываетъ земскимъ полиціямъ принять мѣры къ тому, чтобы путешествіе Его Пр-ва не встрѣчало препятствій. Для этого становые пристава высылаютъ въ извѣстныя мѣста потребное количество крестьянскихъ подводъ. Чтобы не только не произошло, но даже и не могло произойти никакой остановки, крестьяне съ своими подводами являются въ назначенныя имъ станціи за день

а иногда и ранѣе до пріѣзда веладыки. Такъ какъ не рѣдко сами они живутъ отъ станціи за 30, даже за 50 верстъ и такъ какъ тоже нерѣдко отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ путешествіе ревизора замедляется, то отсутствіе подводчиковъ съ своими лошадьми изъ дома продолжается частенько до трехъ и даже до пяти дней. Кромѣ того крестьяне въ то время высылаются на дороги, чтобы сдѣлать ихъ сносно-проѣзжими; и эта работа обходится не дешево земству.

К-ія, получивъ предложеніе епархіальнаго начальника, увѣдомляетъ о содержаніи его всѣхъ благочинныхъ, вѣдомства которыхъ будутъ ревизуемы. Благочинные немедленно извѣщаютъ о томъ своихъ подчиненныхъ б. ч. лично, переѣзжая изъ одного села въ другое на подводахъ, но уже не земства, а д-ва. Тутъ распространяется очень порядочная тревога; собираются и пересматриваются метрическія, обыскныя, приходо-расходныя книги и другіе церковные документы. Если же селеніе лежитъ на дорогѣ ревизора, или близъ нее, то чистятъ, метутъ, убираютъ церковь. Еще болѣе хлопотъ происходитъ тамъ, гдѣ назначены для высокой особы ночлегъ, или обѣдъ. Здѣсь нужно приготовить квартиру и приличный столъ не только для нее, но и для всей довольно многочисленной свиты, которая состоитъ изъ архимандрита, или протоіерея, протодьякона, двухъ иподьяконовъ, кучера, лакея, пѣвчихъ, которыхъ число не бываетъ почти никогда менѣе 12 или 16, но иногда простирается за 20 и пр., такъ что рѣдкая свита не превышаетъ 20, а иная состоитъ изъ 25 и 30 человѣкъ. Хлопоты и заботы увеличиваются еще болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ владыка станетъ совершать богослуженіе и производить ревизію. Описанные сейчасъ хлопоты касаются цѣлаго причта вообще, и потому тутъ принимаютъ участіе всѣ члены его, даже церковный староста и самъ о. благочинный. Но при архіерейскихъ ревизіяхъ есть одно обстоятельство, при которомъ каждое духовное лицо только въ себѣ самомъ ищетъ подпору и защиту. О немъ стоитъ сказать съ небольшою подробностію.

Пожилые русскіе люди, постоянно слѣдившіе за отечественною литературою въ то время, когда покойный отецъ Іакинѳъ издавалъ свои сочиненія о Китаѣ, вѣроятно помнятъ, какъ много занимательнаго и смѣшнаго тогда узнали о поднебесной Имперіи. Но едвали не болѣе всего удивили тѣ экзамены, которые тамъ должны каждогодно держать кандидаты на ученыя званія и гражданскія должности. Пріѣзжаетъ изъ Пекина, или главнаго города провинціи важная

особа; собираетъ кандидатовъ въ одно зданіе, даетъ имъ темы въ духѣ конфуціевой философіи, запираетъ каждаго въ особенную комнату. Сочиненія написаны; ихъ прочитываетъ высокій сановникъ, находитъ хорошими, или дурными; кандидаты ждутъ со страхомъ и трепетомъ своей участи. Наконецъ сентенція произнесена; счастливцы получили ученые дипломы, право на шарики всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ; — а не выдержавшіе экзамена должны опять цѣлый годъ приготовляться къ новому; кромѣ того высокая особа дѣлаетъ имъ назидательныя наставленія, выговоры, замѣчанія и увы! приказываетъ принести поболѣе бамбука и отечески вразумляетъ ихъ. Вразумленные, вставши съ полу и оправившись, дѣлаютъ вразумившему три земныхъ поклона и девять поклоненій и надѣются быть болѣе счастливыми къ слѣдующему году. Т. о. иному бѣдняку-китайцу приходится держать ежегодные экзамены въ буквальномъ смыслѣ до сѣдыхъ волосъ, м. б. вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и получать бамбуковыя наставленія въ одно время съ своимъ внукомъ.

Дѣйствительно смѣшно было читать о такихъ экзаменахъ, но не смѣшно ли узнать, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Поднебесной Имперіи есть люди, которые таже цѣлую жизнь экзаменуются съ тою впрочемъ разницею, что въ Китаѣ экзаменующіеся ищутъ еще ученыхъ степеней и получаютъ ихъ, а у насъ только повторяютъ, какъ говорится, *старыя зады*. Дѣло касается бѣлаго д-ва. Недавно существовало почти повсемѣстно, нынѣ кое-гдѣ прекратилось, но можетъ вновь возстановиться обыкновеніе, на основаніи котораго епархіальные архіереи вовремя своихъ ревизій позволяютъ себѣ произвидить всѣмъ с-в-и-ц-ел-лямъ испытаніе въ умѣньи читать по славянски, въ нотномъ пѣніи, въ знаніи пространнаго катехизиса, въ прочтеніи на память *ставленой* граматы, а иногда въ богословскихъ и церковно-историческихъ предметахъ. И хотя дурно отвѣтившія на этихъ экзаменахъ духовныя лица не подвергаются тѣмъ исправительнымъ наказаніямъ, которыя такъ обыкновенны въ Китаѣ, впрочемъ все-таки, какъ увидимъ, испытываютъ порядочныя непріятности.

Поэтому услышавъ грозное извѣстіе о предстоящей ревизіи, не только причетникъ, или дьяконъ, но и священникъ отыскиваетъ гдѣ либо въ углу пространный катехизисъ, или беретъ его у своего маленькаго сына и даже внука, начинаетъ твердить и затверживать вопросы и отвѣты, развертываетъ ставленую грамату, или стоитъ передъ нею, если она вдѣлана въ рамку и тоже въ полголоса, или

въ слухъ повторяетъ её. Жена изподтишка улыбается, а иногда и прямо поговариваетъ: «Ого! забылъ, тверди! Эй! Саша прослушайка папашу, или дѣдушку!» А Саша, Вася и даже Маша давно уже посмѣиваются. Почтенный отецъ семейства, сконфуженный, отправляется куда либо на чердакъ, сушило, въ амбаръ, или въ ригу; и тамъ по старой семинарской привычкѣ начинаетъ читать въ слухъ громко вопросы и отвѣты; тутъ уже и сосѣди, духовныя дѣти узнаютъ о затруднительномъ положеніи своего батюшки; мальчишки даже собираются кучками послушать, что такое попъ читаетъ; о дьяконѣ и причетникѣ нечего и говорить.

Наконецъ послѣ всѣхъ домашнихъ хлопотъ д-во все безъ исключенія выѣзжаетъ въ сборное мѣсто; остаются дома развѣ немощные; въ первомъ случаѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится ѣхать верстъ за 50 и даже за 100, прожить тамъ не одинъ день и потомъ возвращаться назадъ, такъ что для иного отлучка на ревизію продолжается дня четыре и даже недѣлю. О колокольной торжественности поѣздокъ архіерейскихъ при ревизіяхъ уже в. с-но (2 ч. 22 отд.). Пріѣхавъ куда либо владыка первоначально встрѣчается д-вомъ, входитъ въ церковь, или въ соборъ и, приложившись къ святымъ иконамъ, отправляется въ квартиру. Такъ какъ преосвященнымъ ревизорамъ слѣдуетъ подробно ознакамливаться съ домашнимъ бытомъ д-ва, то, к-ся, имъ приличнѣе всего было бы останавливаться для отдыховъ и ночлеговъ у священниковъ. Это конечно бываетъ въ городахъ, гдѣ соборные протоіереи имѣютъ дома хорошіе, и въ селахъ, гдѣ нѣтъ богатыхъ помѣщиковъ. Но надобно правду сказать что ревизующій архіерей, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ книги: о с. д. «не останавливается переночевать въ домѣ бѣднаго іерея, а заранѣе наводитъ справки, гдѣ есть помѣщики; такъ что чрезъ ихъ усадьбы и направляетъ свой путь въ надеждѣ переночевать у котораго либо (стр. 127—128).» Д-во съѣзжается въ назначенное ему сборное мѣсто еще прежде прибытія туда владыки. Пріѣдутъ, поселятся гдѣ либо на постоялыхъ дворахъ. Нѣкоторые, особенно старички и низшій клирсъ берутъ съ собою и катехизисъ. Утромъ, когда еще преосвященный изволитъ почивать, или кушать чай, около его квартиры, на дворѣ ея, или близъ церкви, въ которой должна происходить ревизія, толпится цѣлое благочиніе, а иногда д-во цѣлаго уѣзда; многіе стоятъ безъ шапокъ и безъ шляпъ, а иные, и притомъ въ немаломъ количествѣ, съ катехизисомъ въ рукахъ выступаютъ размѣреннымъ ша-

гомъ и съ полнымъ усердіемъ повторяютъ его. Туземные жители все это видятъ; крестьяне въ селахъ издали посматриваютъ и отпускаютъ свои остроты; горожане подходятъ поближе и очень не двусмысленно посмѣиваются; а лакеи, если ревизоръ остановился въ домѣ помѣщика, или купца съ полнымъ свойственнымъ этому сословію нахальствомъ смѣются и острятъ надъ тѣми, которые въ ожиданіи страшнаго часа ходятъ по двору, стоятъ на крыльцѣ, или, какъ говоритъ авторъ книги о с. д., ждутъ въ лакейской по нѣскольку часовъ, пока его пр-во изволитъ къ нимъ выйти.

Экзамены происходятъ и въ квартирѣ, и въ церкви; есть много экзаменаторовъ, которые требуютъ, чтобы имъ отвѣчали *по печатному*, ничего не опуская ничего не измѣняя, даже не употребляя, русскаго вмѣсто славянскаго слова. Не много удовольствія имѣетъ тотъ, кто экзаменуется наединѣ съ глазу на глазъ съ экзаменаторомъ; такіе экзамены въ шутку у духовныхъ называются *исповѣдью*. Послѣ этой исповѣди рѣдкій выходитъ не съ раскраснѣвшимися щеками, не съ потупленнымъ взоромъ; роль ребенка не нравится особенно благороднымъ и умнымъ людямъ. Что же теперь сказать, когда экзамены происходятъ не наединѣ, а въ присутствіи цѣлаго причта, д-ва цѣлаго благочинія, уѣзда и даже постороннихъ лицъ? Какъ не только священникъ, но и причетникъ станетъ смотрѣть на своихъ собратій, когда онъ, какъ мальчикъ, читаетъ отвѣты изъ катехизиса, ошибется, остановится, замнется и пр. Тутъ даже докторъ богословія не всегда можетъ поручиться сохранить спокойствіе душевное, безъ котораго не возможны ясные и отчотливые отвѣты. Сколько послѣ того разсказывается анекдотовъ по цѣлому уѣзду, по всей даже епархіи о неудачныхъ отвѣтахъ? Что бы они не остались въ одномъ кругу д-ва, сами экзаменаторы, не всѣ конечно, сообщаютъ ихъ знакомымъ помѣщикамъ. «И ждите, какъ говоритъ авторъ книги о с. д., послѣ этого, уваженія, не говорю отъ баръ, но даже отъ лакеевъ и мужиковъ — прихожанъ .... несчастные іереи!» Вмѣстѣ съ экзаменомъ, или отдѣльно отъ него пересматриваются метрическія, приходорасходныя и обыскныя книги, описи церковнаго имущества и пр. Сами преосвященные не вездѣ занимаются этими копотливыми дѣлами; они поручаютъ б. ч. ихъ архимандриту, протоіерею, письмоводителю, или какому либо другому лицу, ихъ сопровождающему; былъ случай, когда эту обязанность исполнялъ даже наставникъ семинаріи, который пользовался особымъ расположеніемъ архіерея и ѣзжалъ съ нимъ по епархіи въ ка-

чествѣ помощника. «Поди, Саша, говаривалъ ему преосвященный, живущій теперь на покоѣ, — посмотри книги и прочія документы.» Потомъ благочинный нерѣдко долженъ сказать свое мнѣніе о поведеніи каждаго св-и-ц-сл-ля, б. ч. при немъ самомъ.

Р-ся, ревизія касается и церквей; осматриваютъ, въ надлежащей ли онѣ чистотѣ содержатся, нѣтъ ли гдѣ паутины, пыли и пр. Особенное же вниманіе обращается на сосудъ, дискосъ и антиминсъ. Въ послѣднее время, когда были съ модѣ воскресныя и крестьянскія школы, тутъ же разспрашивалось, есть ли въ селѣ училище, сколько въ немъ учениковъ и учениць; взыскивалось, если ничего этого не было. Чтобы выразить свою готовность къ исправленію, или чтобы испросить прощеніе въ какихъ либо *содѣянныхъ* прегрѣшеніяхъ, или неисправностяхъ, не только причетники, но даже и священники, при многочисленномъ стеченіи прихожанъ, преклоняются, падаютъ ницъ, иногда плачутъ и пр.; — все случается. Но особенно непріятны и унизительны бываютъ для д-ва ревизіи въ томъ случаѣ, когда производятся въ домахъ помѣщиковъ Тутъ владыки не очень любятъ входить въ большія подробности, чтобы хлѣбосолыхъ хозяевъ не лишить удовольствія съ ними побесѣдовать; но вмѣсто того стараются выразить свои наставленія крѣпкими, энергическими словами. Вотъ какъ авторъ книги о с. д. говоритъ объ этомъ: «выйдетъ владыка къ духовнымъ лицамъ и озадачитъ ихъ милостивымъ словцомъ: «слышу я, что всѣ сельскіе попы — пьяницы, буяны, притѣсняютъ вовсемъ прихожанъ; смотрите, если и объ васъ дойдетъ до меня тоже, не ждите милости (стр. 128).» Да, правду сказать *жестоко слово сіе* тѣмъ болѣе, что оно, какъ надобно судить по контексту, произносится въ лакейской.

Какіе же результаты всѣхъ этихъ ревизій? Ихъ очень много; прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ, которые можно назвать *финансовыми*. На проѣздъ ревизоровъ со всею ихъ свитою выдаются прогоны среднимъ числомъ, какъ мнѣ сказывали, на 16—20 лошадей. Возьмемъ 16-меньшее количество; полагая по двѣ копѣйки за лошадь на версту, мы увидимъ, что каждая верста, которую проѣдетъ ревизоръ со всею его свитою, обойдется государственному казначейству не менѣе 32 коп. Вычислите сами, чего будутъ стоить всѣ версты, которыя проѣдутъ всѣ ревизоры. Такъ напр. въ 1849 г. по отчоту Об. Пр-ра шесть епархіальныхъ начальниковъ: варшавскій, томскій, кишеневскій, архангельскій, вологодскій и пр. вовремя ревизій проѣхали 11,574

версты. Это конечно было въ самыхъ обширныхъ по пространству епархіяхъ, но и въ другихъ мѣстахъ безъ 2—3 сотъ рѣдкая ревизія обойдется.

Десятокъ другой тысячъ рублей ежегоднаго расхода для русскаго государственнаго казначейства не, Богъ знаетъ, какая сумма. Посмотримъ лучше на наше земство, на подводчиковъ — на деревенскихъ жителей. Конечно имъ платятъ прогонныя деньги за то количество верстъ, которое они провезутъ ревизора, или его свиту. Если станцію положить въ 25 верстъ, то за лошадь получится 50 коп. Но они вовсе не имѣютъ никакого вознагражденія за то время, которое употребляютъ на проѣздъ изъ деревни на станцію, на стоянку въ послѣдней и на обратное возвращеніе домой. Положимъ, что на все это нужно три дня Такъ какъ поѣзды ревизоровъ бываютъ лѣтомъ въ рабочую пору, то каждый день для крестьянина съ лошадью нужно оцѣнить не дешевле 75 коп.; т. о. за вычетомъ прогоновъ три дня обойдутся въ 1 руб. 75 коп. На каждую станцію нужно положить всѣхъ лошадей до 20—25, со включеніемъ сюда особыхъ запасныхъ подводъ для соцкихъ и становыхъ и пр. Поэтому каждая станція будетъ стоить всѣмъ мужикамъ 40—50 руб. Уменьшите это число вдвое и тогда поѣздка одного ревизора обойдется вовсе не дешево для крестьянъ, а въ цѣлой Россіи всѣ ревизоры потребуютъ очень капитальной суммы.

Но, по пословицѣ: *мірская шея толста*, все вынесетъ; обратимся къ бѣдному д-ву и посмотримъ на его расходы при ревизіяхъ. Ему, какъ я недавно узналъ, приходится иногда платить прогонныя деньги мужикамъ за подводы ихъ для архіерея. Когда нужно расплачиваться, то лакей, или письмоводитель преосвященнаго, вынувши билетъ въ 10 или даже 25 руб., спрашиваетъ мужиковъ: естьли у васъ сдача? — Р-ся, ее нѣтъ. Тогда наперсникъ владыки, обратившись къ мѣстному священнику или благочинному, говоритъ: «сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ заплатить; а то у насъ нѣтъ мелочи.» Доброе и покорное д-во платитъ, а иногда кто подогадливѣе, тотъ это дѣлаетъ даже прежде, нежели показанъ билетъ въ 10 или 25 руб.; вѣдь знаетъ, все равно платить придется. Въ 1865 г. лакей одного архіерея одинъ и тотъ же кредитный билетъ не могъ размѣнять въ четырехъ уѣздахъ. — Потомъ всякому духовному лицу, занимающемуся земледѣліемъ потеря рабочаго дня стоитъ столько же, какъ и крестьянину. Кромѣ того надобно заплатить содержателю постоялаго двора, или ка-

кого нибудъ подворья, гостинницы за постой, чай, обѣды, ужины и пр. Прибавьте знакомыхъ, которыхъ нельзя не угостить чѣмъ нибудь. Сложите всѣ расходы и вы повѣрите, что священнику съ подводою день обойдется дороже рубля, а иногда и до двухъ рублей. Дьяконъ и особенно дьячокъ истратятъ м. б. и поменѣе священника. Но имъ всѣмъ, иногда нужно прожить три дня и болѣе. Сколько же всего истратится и сколько каждый потеряетъ чрезъ одно отсутствіе изъ дома? Извѣстно, что ревизіи въ этомъ отношеніи обходятся до 2—3 руб. причетнику и до 5—10 руб. священнику. Сколько же ревизуемые истратятъ? Но расходы этимъ не ограничиваются.

На проѣздъ архіерейской свиты конечно выдается сумма изъ казначейства, но на содержаніе не получается ни копѣйки. Чѣмъ же все это содержится? Случается, что въ городахъ богатые горожане, а въ деревняхъ помѣщики отводятъ въ своихъ домахъ квартиры, р-ся, уже и съ содержаніемъ, но только почти всегда для одного ревизора. Въ большинствѣ случаевъ и онъ останавливается въ домахъ д-ва, а свита его почти всегда довольствуется всѣмъ отъ духовныхъ лицъ. Принять и угостить высокаго гостя не дешево стоитъ. Чтобы не сдѣлать въ этомъ случаѣ промаха, осторожные благочинные разузнаютъ въ архіерейскомъ домѣ о томъ, какія вина и кушанья особенно жалуетъ преосвященный. Всѣ нужныя закуски, напитки и другіе запасы достаются изъ городовъ, покупаются за дорогую цѣну; тутъ ничего не жалѣютъ. Всего не скушаютъ, иного даже не прикушаютъ, а заготовить надабно непремѣнно. Принять преосвященнаго считается за честь; объ издержкахъ на это не жалѣютъ.

Другое дѣло свита. Двадцать человѣкъ продовольствовать въ теченіи сутокъ квартирою, обѣдомъ, ужиномъ, двукратнымъ чаепитіемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, а иногда особымъ завтракомъ; — все это не обойдется дешево. Но самое огромное большинство членовъ свиты не принадлежитъ къ очень скромнымъ и непритязательнымъ людямъ. По духовному регламенту (12 регула) «крѣпко заповѣдать епископъ долженъ служителямъ своимъ, чтобы въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали и не творили бъ соблазна; наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья и питья и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзали бъ грабить подъ виною жестокаго наказанія. Ибо *слуги архіерейскіе* обычно бываютъ *лакомыя скотины;* и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ

съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются.» Чтобы поменьше было обременепія по тому же регламенту «можетъ епископъ не далече отъ города на полѣ въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства и гражданъ квартирою, наипаче гдѣ городъ убогій (1 регула).» Конечно духовный регламентъ писанъ почти 150 лѣтъ назадъ, а во взятомъ здѣсь отрывкѣ говорится только о слугахъ архіерейскихъ. Но свита и нынѣшнихъ епархіальныхъ архіереевъ не слишкомъ различается отъ тѣхъ татаръ, отъ которыхъ Петръ Ваткій духовнымъ регламентомъ хотѣлъ защитить бѣлое д-во. Авторъ книги: о. с. д. описываетъ ихъ (стр. 53—54) слѣдующими словами: «А пѣвчіе (архіерейскіе), — это гнѣздо пьянства, разврата, буйства; это вѣчные грабители церквей, монастырей и всего д-ва, неимовѣрно безсовѣстные, ничѣмъ никогда недовольные. При объѣздахъ преосвященными епархій заѣзжающіе во всѣ села, неистовствующіе надъ священниками и старостою, нагло требующіе водки и денегъ, сквернословящіеся ненапоенные, и еще болѣе позволяющіе напоенные, все это совершающіе безъ малѣйшаго опасенія наказаній; п. ч. прикрываются мантіей владыки. Къ нимъ всегда примыкаетъ протодьяконъ и иподьяконы, которые отъ пѣвчихъ отличаются только одеждою, а во всемъ прочемъ-едино съ ними.» Вотъ эта-то, какъ справедливо ее называетъ почтенный авторъ, *сволочь*, зная власть и прикрываясь мантіей владыки, съ неистовствомъ, съ великою гордостію и безстудіемъ требуетъ себѣ угощенія. Чтобы предотвратить всякій ихъ жалобы, имъ доставляется всего въ волю, — и *ядомаго и піемаго;* такъ что они могутъ сказать своей душѣ: *яждь, пій и веселись.* Къ такому удовольствованію побуждаетъ хозяевъ и то еще обстоятельство, что нѣкоторые изъ патроновъ свиты спрашиваютъ у неё: «а что? хорошо ли вамъ тутъ было житье.» Само собою р-ся, хозяева всячески стараются; чтобы не было отрицательныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Т. о. содержаніе свиты для д-ва обходится очень дорого, особенно если, какъ случается иногда, ревизоръ пробудетъ въ одномъ мѣстѣ 2—3 сутокъ.

Наѣсться, напиться для членовъ свиты недостаточно. Они — обыватели губернскаго города принадлежатъ т. с-ть ко двору важной особы; поэтому жители сельскіе и уѣздныхъ городовъ должны быть благодарны, даже выразить чѣмъ либо вещественнымъ благодарность за ихъ посѣщеніе. На этомъ основаніи одинъ, или двое изъ пѣвчихъ, а прочіе члены,

каждый въ своей личности, не исключая и кучера, непремѣнно предъ отъѣздомъ своимъ повидаются или съ настоятелемъ церкви, или съ о. благочиннымъ, или съ о. протоіереемъ, или съ уполномоченными отъ нихъ лицами и б. ч. разстаются съ ними, унося съ собою какія либо доказательства благодарности за свое посѣщеніе. Доказательства эти удвояются, утрояются, даже умножаются на крупныя единицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было торжественное богослуженіе. Вѣдь, нельзя же не поблагодарить о. протодьякона и пѣвчихъ зато, что они какой либо скромный храмъ огласили своими голосами, а прочихъ членовъ за то, что они дольше обыкновеннаго по этому случаю пробыли въ одномъ мѣстѣ. Болѣе высшіе члены свиты, напр. письмоводитель и пр. много бесѣдуютъ съ благочинными и священниками при ревизіи книгъ и другихъ документовъ и потому въ особыхъ свиданіяхъ не имѣютъ нужды; для краткости и простоты благодарность или предпосылается, или вкладывается въ самые документы. Упомянутый выше профессоръ *Саша*, перелистывая церковные документы, останавливался всегда на той страницѣ, гдѣ находился вкладъ и потомъ докладывалъ Его Пр-ву, что все исправно. Ну, а если бы не было вклада, то непремѣнно отыскивались неисправности. Послѣ всего, что сказано, здѣсь, нельзя не согласится съ княземъ Петромъ Долгоруковымъ, который въ своей правдѣ о Россіи (стр. 347) весьма справедливо говоритъ, что поѣздки архіереевъ по ихъ епархіамъ въ сопровожденіи свиты часто обращаются для бѣднаго низшаго д-ва въ настоящія *razzias* (нашествія непріятельскія).

Слово razzias довольно жостко; я скажу по проще, что ревизіи обходятся дорогонько. Въ подтвержденіе своихъ словъ я прежде всего употреблю доказательства *a priori*. Поѣздки съ ревизоромъ не отличаются большимъ удобствомъ; членамъ свиты приходится сидѣть на деревенской телѣгѣ человѣка по четыре и болѣе, не рѣдко безъ кибитки, подъ дождемъ, или палящимъ лѣтнимъ солнцемъ, трястись по нашимъ невыносимымъ проселочнымъ дорогамъ, спать гдѣ либо на сѣновалахъ, или въ избѣ безъ кроватей, даже на полу. Никакъ нельзя полагать, чтобы въ нашъ положительный вѣкъ нашлось много охотниковъ изъ за какихъ либо идей переносить непріятности такихъ поѣздокъ, или по возвращеніи восхищаться ими. А члены свиты, напр. кучеръ и всѣ почти пѣвчіе, люди вовсе неидеальные, даже не способные понимать идеи и увлекаться, ими. И, не смотря на все это, они не только отправляются въ свои вояжи, но и

возвращаются изъ нихъ съ полнымъ удовольствіемъ; и если какой либо владыка вовсе не беретъ съ собою свиты, то подвергается сильному ея негодованію. Вѣдь, къ этому удовольствію и негодованію есть какія либо дѣйствительныя, а не идеальныя; положительныя, а не отвлеченныя побужденія. Кромѣ теоретическаго доказательства можно указать и на практическія. Напр. отъ священника я слышалъ, что только одинъ ночлегъ ревизора и его свиты въ ихъ селѣ обошолся болѣе, нежели въ 30 р. с. Потомъ отъ другаго священника я узналъ, что владыка служилъ у нихъ литургію и эта честь стоила имъ и церкви болѣе 150 р. Наконецъ пѣвчіе, возвратившись съ архіерейской ревизіи, хвалились, что они, проживши трое сутокъ въ одномъ уѣздномъ городѣ, получили тамъ отъ благочинныхъ, отъ тѣхъ церквей, гдѣ была архіерейская служба, до 200, а во всю поѣздку до 600 руб.; это случилось уже въ 1865 г. Особенно прибыльно быть помощникомъ, или главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при повѣркѣ церковныхъ документовъ; т. о. у одного сопутствовавшаго ревизору, протоіерея по возвращеніи домой оказалось излишнихъ 800 р. Такіе расходы духовному т. с-ть нашему земству, р-ся, не очень нравятся; на нихъ доходятъ жалобы иногда и до Петербурга. Когда во время Об.-Пр-ра графа Пратасова по случаю подобной жалобы изъ К-п-ой епархіи потребовали объясненій отъ епархіальнаго начальника, то онъ предобродушно отвѣчалъ, что дѣйствительно свита его получаетъ при ревизіяхъ доходы и не дешево обходится д-ву, но что это дѣлается вездѣ безъ исключенія, а въ его епархіи особенной тягости нѣтъ. Все это правда и самъ преосвященный былъ честный человѣкъ. Но за такую правду ему пришлось переѣхать съ Юга на Сѣверъ, съ Запада на Востокъ въ другую В-ю епархію.

Не смотря на множество расходовъ, которые падаютъ на долю д-ва во время архіерейскихъ ревизій, оо. благочинные и протоіереи уѣздныхъ городовъ, хотя бы владыки со всею своею свитою у нихъ останавливались, не только не бываютъ въ убыткѣ, но даже иногда имѣютъ порядочные выигрыши. Будь ночлегъ, или полная дневка въ какомъ либо селѣ, гдѣ не живетъ благочинный, тамъ всѣ расходы должно на себѣ нести д-во села, если ему не поможетъ богатый помѣщикъ, или купецъ, которые отведутъ у себя квартиру ревизору. Другое дѣло, когда послѣдній ночуетъ обѣдаетъ и особенно производитъ ревизію въ домѣ благочиннаго. Въ такихъ случаяхъ, вѣроятно, на основаніи запо-

вѣди: *другъ друга тяготы носите,* онъ приглашаетъ своихъ подчиненныхъ посильными, или категорически-опредѣленными приношеніями участвовать во всѣхъ расходахъ. Тутъ очень ясно доказывается, что ревизія касается цѣлаго благочинія, а не одного его благочиннаго и потому возложить на него одного всѣ издержки было бы и обременительно и даже противозаконно. Чтобы придать доказательствамъ еще больше силы о. благочинный ссылается и на *общее благо.* Вѣдь во время ревизій, какъ в. с-но, производится пересмотръ церковныхъ документовъ довѣренными у владыки лицами. Благосклонность и снисхожденіе этихъ особъ необходима; п. ч. они все могутъ замѣтить, или пропустить, или по к. м. выставить въ какомъ угодно свѣтѣ. Притомъ нельзя ихъ не поблагодарить и за труды и хлопоты. И вотъ о. о. благочинные, объѣзжая свое благочиніе съ извѣстіемъ о ревизіи, собираютъ съ своихъ подчиненныхъ приношенія на предстоящіе расходы. Суммы, въ этомъ случаѣ назначаемыя, не могутъ быть однообразными, но мнѣ не одинъ разъ случалось слышать, что съ каждаго отдѣльнаго причта требовалось не менѣе шести рублей. Отказываться отъ такихъ взносовъ было бы очень неблагоразумно; за это и о. благочинный осердится, да и производящіе пересмотръ документовъ могутъ выразить свое неудовольствіе. Вотъ напр. событіе, за вѣрность котораго я ручаюсь. У одного почтеннаго настоятеля трехштатной сельской церкви собралось человѣкъ шесть священниковъ, только что возвратившихся съ архіерейской ревизіи и, р-ся, о ней разговаривавшихъ. Всѣ были веселы, кромѣ одного священника. «Ну, что ты задумался? сказалъ ему кто-то изъ собесѣдниковъ. Зачѣмъ скупился? Вотъ теперь и разжевывай выговоръ владыки.» Дѣло состояло въ томъ, что этотъ священникъ не богатый, обремененный большимъ семействомъ и вмѣстѣ человѣкъ исправный и честный, нашолъ не нужнымъ участвовать въ приношеніяхъ, которыя собиралъ благочинный на *общее благо.* О. благочинный, предпосылая архимандриту и письмоводителю, пересматривавшимъ церковные документы, благодарность цѣлаго благочинія, тутъ же сказалъ, что въ ней отказался участвовать такой-то священникъ. Ревизія кончилась; и только у этого однаго священника оказались въ книгахъ двѣ самыхъ мелочныхъ неисправности, а у прочихъ все было какъ нельзя лучше; р ся, послѣдовала всѣмъ благодарность, а одному только выговоръ. Собесѣдники надъ этимъ-то и посмѣивались. Но сидѣвшему между ними свѣтскому человѣку жалко стало осмѣиваемаго священника. Зная, какъ

собирались благочиннымъ приношенія *на общее благо*, онъ сталъ доказывать насмѣшникамъ, что, если бы они не участвовали въ приношеніяхъ, то не избѣжали бы выговора; а получившему его была бы теперь высказана благодарность, если бы онъ не поскупился. Поднялся споръ, посыпались возраженія отъ затронутыхъ самолюбій. Тогда защитникъ священника принялся пересматривать церковные документы насмѣшниковъ и не болѣе, какъ въ полчаса нашолъ въ нихъ такое множество ошибокъ, пропусковъ, неисправностей, что святые отцы даже перепугались. — Такъ, г. ч. по неволѣ дашь о благочинному пожертвованіе, чтобы не получить выговора. А о. о. протоіереи уѣздныхъ городовъ или чрезъ благочинныхъ, или же окружнымъ посланіемъ приглашаютъ къ участію въ расходахъ по случаю ревизій д-ва всего уѣзда. Но собиратели приношеній люди умные и разсчотливые; изъ собранныхъ суммъ у нихъ почти всегда остается что нибудь на непредвидѣнные расходы, или на собственныя нужды.

Но архіерейскія ревизіи тяжелы для д-ва не только денежными расходами, но гораздо болѣе тѣмъ униженіемъ, которое ему во время ихъ приходится испытывать. Возьмемъ-те экзамены. Неужели духовныя лица, между которыми такъ много кончившихъ курсъ семинаріи и даже академіи со степенью кандидата и магистра богословія, — неужели до гробовой доски должны остаться дѣтьми и чрезъ каждые два-три года непремѣнно подвергаться экзаменамъ? Неужели св-и-ц-сл-скія должности отнимаютъ у нихъ возможность помнить то, чему они учились въ семинаріяхъ и академіяхъ, и что они, т. с-ть, повторяютъ въ совершаемыхъ ими таинствахъ и другихъ священно-дѣйствіяхъ, а также въ поученіяхъ, которыя говорятъ въ церквахъ? Къ чему особенно экзаменовать изъ пространнаго катехизиса? Конечно въ 24 пунктѣ инструкціи благочинному сказано: «священники, дьяконы и причетники должны знать наизусть, — первые пространный, а послѣдніе краткій катехизисъ.» Но, к-ся, пора уже вѣрить, что духовнымъ лицамъ, особенно священникамъ извѣстны тѣ истины, которыя знаютъ мальчики уѣздныхъ училищъ. Далѣе, къ чему еще заставлять читать по-славянски и пѣть по обиходу тѣхъ людей, которые чуть не каждый день читаютъ и поютъ? Вѣдь, если они при поступленіи на мѣсто знали эти мудреные, выспренніе предметы, особенно чтеніе по славянской печати; то неужели совершая богослуженіе по церковнымъ книгамъ, забываютъ даже читать? Тутъ я ровно ничего не понимаю.

Еще, неужели нужно непремѣнно, чтобы священникъ и даже протоіерей читалъ на память всю ставленую грамату слово въ слово, буква въ букву; напр. чтобы говорилъ *по дѣломъ*, а не *по дѣламъ*, *прочитывати*, а не *прочитывать*. Вѣдь и въ 24 пунктѣ инструкціи благочинному совѣтуется духовнымъ лицамъ «почасту только прочитывать ставленыя граматы и по нимъ устроять свою жизнь,» а не знать ихъ наизусть, какъ катехизисъ. Къ чему же букваристика? Неужели она сдѣлаетъ священника пастыремъ добрымъ, а безъ нее онъ будетъ похожъ на наемника?

Не думайте, чтобы эти экзамены были существенно необходимыми и основывались на не отмѣняемыхъ постановленіяхъ. Д-во военное и придворное о нихъ ничего и не слыхало. Многіе архіереи, притомъ образованные вовсе не дѣлаютъ экзаменовъ и отъ этого д-во ихъ епархій не хуже д-ва тѣхъ, гдѣ каждые два или три года зазубриваются пространный катехизисъ и ставленыя граматы и даже совершается оффиціальное чтеніе по славянской печати. Притомъ за неудовлетворительные отвѣты нельзя никого отставить; тѣхъ священниковъ, которые не кончили курса въ семинаріяхъ, даже и не спрашиваютъ по богословію. Нѣкоторые изъ престарѣлыхъ, или почотныхъ священниковъ прямымъ, или косвеннымъ образомъ высказываютъ экзаменаторомъ, что ихъ не слѣдуетъ экзаменовать. Я зналъ старика священника, который сказалъ епархіальному архіерею: «я ужъ старикъ, долго служилъ и могу быть уволенъ отъ ребяческихъ занятій.» Другой священникъ на вопросъ изъ церковнаго устава отвѣчалъ, что объ этомъ онъ, въ случаѣ надобности, справится въ книгѣ извѣстной подъ названіемъ устава; а заучивать её на память не имѣетъ нужды. Но протоіерей изъ академистовъ, отвѣтивъ на предложенный вопросъ, сказалъ: В-е П-во, у меня самаго есть нѣсколько очень трудныхъ вопросовъ, о которыхъ я хочу съ вами побесѣдовать. И тутъ онъ предложилъ экзаменатору вопросъ, на который тотъ ничего не отвѣчалъ и поскорѣе закончилъ экзаменъ. Р-ся, оба священника и протоіерей остались на своихъ мѣстахъ. Но не у всѣхъ достанетъ смѣлости такъ говорить съ епархіальнымъ начальникомъ; и не всѣ архіереи позволятъ безнаказанно такъ поступать.

Независимо отъ экзаменовъ на ревизіяхъ приходится д-ву имѣть много и другихъ непріятностей. *На всякій часъ не спасешься*, говоритъ пословица; во всемъ исправенъ не будешь. Поэтому и во время ревизіи въ церкви можно найти разныя неисправности. Ну, а приходорасходныя, ме-

трическія и другія книги; да чего въ нихъ не бываетъ, или чего нельзя отыскать? И вотъ начинаются выговоры, замѣчанія, поклоны земные, стоянія на колѣнахъ. О причетникахъ и дьяконѣ не говорю. Возьмемъ священника. Каково ему при своемъ причтѣ, иногда при цѣломъ благочиніи, а иногда при своихъ прохожанахъ вынести замѣчанія и выговоры и даже настоящую брань? Каково ему при своихъ духовныхъ дѣтяхъ дѣлать поклоны въ видѣ наказанія? Какъ станутъ смотрѣть пасомые на своего пастыря, когда послѣдній для умилостивленія важной особы при нихъ же распростертся на полу, станетъ на колѣни, а иногда со слезами вымаливать прощеніе? Тяжело, очень тяжело бываетъ духовнымъ лицамъ въ этомъ случаѣ. Не даромъ же крестьяне въ иныхъ мѣстностяхъ долго посмѣиваются между собою надъ ними и вспоминаютъ, какъ ихъ батюшкѣ досталось тогда-то. Не даромъ духовныя лица предъ наступленіемъ и во время ревизіи часто бываютъ въ лихорадочномъ какомъ-то напряженіи, хлопочутъ, бѣгаютъ, суетятся и пр., и даже здоровье свое разстроиваютъ. Въ 1863 г. въ одной изъ епархій въ глазахъ самаго ревизора съ однимъ священникомъ сдѣлался апоплексическій ударъ! Да, много бываетъ униженія, непріятностей и пр.! Я не говорю, что не нужно дѣлать никакихъ взысканій за замѣченныя неисправности. Но замѣчанія и выговоры должно дѣлать келейно, отечески, а не въ присутствіи другихъ, особенно прохожанъ. Стояніе же на колѣнахъ, поклоны земные и пр. надобно рѣшительно уничтожить. Они причисляются къ тѣлеснымъ наказаніямъ, назначаются для дѣтей; ну а св-и-ц-сл-ли уже не дѣти; сами имѣютъ дѣтей и внучатъ даже, и всѣ уволены отъ тѣлесныхъ наказаній по гражданскимъ законамъ. Не ужели лучше пробуждать въ нихъ и другихъ людяхъ мысль, что церковь менѣе снисходительна, нежели гражданскій законъ?

Но не всѣ міряне бываютъ свидѣтелями того униженія, которое испытываетъ д-во при экзаменахъ, при осмотрѣ церкви при повѣркѣ церковныхъ документовъ; все это производится иногда при однѣхъ духовныхъ особахъ; притомъ иные владыки даже не бранятся, или не дѣлаютъ собственно никакихъ ревизій; затѣмъ порядочные люди, какъ напр. помѣщики и почотные горожане даже и не захотятъ быть свидѣтелями описанныхъ мною въ этомъ отдѣлѣ сценъ унизительныхъ для д-ва. Но вѣдь надобно же непремѣнно какъ нибудь выразить то презрѣніе, или хоть пренебреженіе, которое ревизоры имѣютъ къ ревизуемымъ; выразить притомъ при избранномъ т. с-ть обществѣ.

Богатые люди и въ городахъ, и въ селахъ считаютъ за честъ пригласить пріѣзжающихъ въ ихъ мѣстность владыкъ откушать хлѣба-соли, или выпить чашку чаю. Владыки всегда почти, если есть время, снисходятъ на такія приглашенія. Само-собою р-ся, эти чаепитія, особенно же обѣды происходятъ, какъ можно великолѣпнѣе и торжественнѣе; къ нимъ приглашаются мѣстные почотные люди. Къ разряду ихъ непремѣнно бы слѣдовали пригласить священниковъ. Притомъ, к-ся, самимъ владыкамъ надобно бы позаботиться объ этомъ, и потомъ обращаться съ ними привѣтливо, ласково. Міряне, видя такое обращеніе, научались бы, что если архипастыри такъ внимательны къ пастырямъ, то имъ-овцамъ никакъ уже не слѣдуетъ т. с-ть *бодать послѣднихъ своими рогами, или ударять ногами.* Къ несчастію на дѣлѣ не то оказывается. Вотъ напр. одинъ уѣздный предводитель дворянства, — князь, приглашая къ себѣ владыку на обѣдъ, изъ вѣжливости пересчиталъ ему и прочихъ гостей, между которыми былъ мѣстный священникъ, любимый и уважаемый помѣщикомъ и, главное, достойный любви и уваженія. О прочихъ гостяхъ владыка не заботился, но когда дошло до священника, то онъ сказалъ: «ну это къ чему; мнѣ съ нимъ вмѣстѣ неприлично обѣдать.» Князь долженъ былъ исполнить желаніе владыки, котораго аппетитъ, вѣроятно, въ присутствіи священника разстроился бы; но вмѣстѣ съ тѣмъ обидѣлся такою невнимательностію къ почтенному пастырю и съ тѣхъ поръ никогда болѣе неприглашалъ къ себѣ архипастыря; даже не всегда являлся къ нему за благословеніемъ. Но немного выигрываютъ тѣ священники, которые удостоиваются чести кушать вмѣстѣ съ своимъ высокимъ начальникомъ. Сидятъ они б. ч. гдѣ нибудь на кончикѣ стола, не смѣютъ участвовать въ общей бесѣдѣ, молчатъ, или шопотомъ и минами между собою разговариваютъ; и если вдругъ по чему либо вздумается главному гостю обратиться къ нимъ съ вопросомъ, то отвѣчаютъ не иначе, какъ стоя, къ удивленію мірянъ. Но и вопросы не всегда имъ дѣлаются съ вѣжливостія. «Эй ты, попъ Илья, или протоповъ Захаровъ:» вдругъ заговоритъ вопрошатель. И «ждите уваженія, повторяю здѣсь слова автора книги о с. д. послѣ этого и отъ баръ, и отъ купцовъ, и отъ мужиковъ, и отъ лакеевъ .... несчастные іереи.»

На достигается ли цѣль, которую имѣютъ въ виду при ревизіяхъ и дѣйствительно ли онѣ такъ нужны и полезны, какъ утверждаютъ защитники ихъ? Исправно ли ведутся метрическія, обыскныя и приходорасходныя книги? Содер-

жатся ли въ чистотѣ и опрятности церковь и ея утварь? Не остаются ли частицы просфоръ на антиминсѣ? За всѣмъ этимъ и тому подобнымъ обязанъ смотрѣть благочинный во время каждаго своего пріѣзда въ село, въ городѣ же можетъ это дѣлать, когда захочетъ; чрезъ каждое полугодіе ему вмѣнено даже въ обязанность доносить епархіальному начальству чуть ли не о всѣхъ — предметахъ архіерейской ревизіи. Наконецъ по окончаніи года метрическія и духовныя книги, а также и отчотъ въ приходѣ и расходѣ суммъ представляются въ к-рію. Неужели всего этого недостаточно?

Притомъ здѣсь можно предложить другой вопросъ: стоютъ ли метрическія, духовныя и другія книги, равно какъ паутина и пыль, замѣчаемыя на стѣнахъ церковныхъ, — стоютъ ли того, чтобы для ревизіи первыхъ и для предохраненія храмовъ отъ послѣднихъ ѣздили сами епархіальные архіереи? Они принадлежатъ къ важнѣйшимъ особомъ въ государствѣ, занимаютъ высшую степень въ церковной іерархіи, болѣе, нежели на половину, пожилые люди за пятьдесятъ, шестьдесятъ, даже за семьдесятъ лѣтъ, съ слабымъ уже здоровьемъ, съ ослабѣвшими силами. Зачтоже этихъ столь почтенныхъ и престарѣлыхъ людей заставлять ѣздить не по шоссе, или чугункѣ, а по нашимъ проселочнымъ дорогамъ съ бревенчатыми мостами, гатями, колеями поступицу, грязью, иногда въ невыносимый зной, въ густой пыли, иногда въ дождливую погоду? Зачто, или по к. м. для чего? Для того, чтобы метрическія, духовныя и приходорасходныя книги были ведены исправно, или въ церкви соблюдалась чистота и опрятность! Право, все это можетъ быть исправляемо и осматриваемо лицами менѣе знаменитыми. Да и не странно ли видѣть, какъ самая почетнѣйшая особа въ епархіи посматриваетъ, нѣтъ ли гдѣ почистокъ въ книгахъ, сдѣланы ли о нихъ оговорки, вѣрно ли перенесены итоги и пр.? Подумайте, вѣдь, право, не только странно, но и смѣшно.

Притомъ, если бы ревизіи нужны были и полезны, то слѣдовало бы производить ихъ неожиданно, не по одному даже разу въ годъ и по всѣмъ церквамъ. А м. т. нынѣ о ревизіи узнаютъ всегда оффиціально за нѣсколько не только дней, а даже недѣль. Развѣ нельзя все приготовить? Замѣчаемыя неисправности какъ-то даже не понятны; ихъ можно объяснить или чрезъ чуръ сельскою простотою и небрежностію, или излишними требованіями ревизоровъ. Далѣе, ревизіи повторяются чрезъ два, или три года. Значитъ, проводивъ ревизора, можно, какъ говорится, жить долго, очень долго, *спустя рукава;* вѣдь, онъ не скоро опять пріѣ-

детъ; да и о пріѣздѣ его дадутъ знать заранѣе. Потомъ ревизуютъ по к. м. по части чистоты и опрятности только церкви, лежащія на дорогѣ ревизора, или очень близко къ ней. Не ужели причты этихъ однѣхъ церквей не заслуживаютъ довѣрія, а причты отдаленныхъ селъ все ведутъ прекрасно?

Все это вполнѣ извѣстно самимъ епархіальнымъ начальникамъ и потому большая часть ихъ проѣзжаетъ по однѣмъ большимъ дорогамъ, которыми соединяются города между собою; одни никого не экзаменуютъ; другіе не трогаютъ метрическихъ, приходорасходныхъ и прочихъ книгъ; нѣкоторые не приказываютъ собираться д-ву всего благочинія; ихъ встрѣчаетъ и проважаетъ благочинный и д-во тѣхъ селъ, чрезъ которыя они проѣзжаютъ. Словомъ сказать, они не ревизуютъ, а ѣздятъ, прогуливаются на казенныя прогоны, даже не всегда соблюдаютъ т. с-ть церемоніи приличныя ревизіямъ. Все это не есть ли ясное доказательство, что ревизіи въ глазахъ даже ревизоровъ начинаютъ становиться формальностями, а не чѣмъ либо существенно полезнымъ и нужнымъ?

Въ двухъ бы отношеніяхъ ревизіи принесли немаловажную пользу; именно ревизоры могли бы дѣйствовать назидательнымъ образомъ на паству и узнавъ вблизи бѣдственное положеніе д-ва позаботиться объ улучшеніи его. И по духовному регламенту ревизующій архіерей обязывается пріѣхавъ въ городъ «отслужить литургію, сказать къ священству и народу слово учительное о покояніи истинномъ и всякаго наипаче, священническаго чина должностяхъ. И тамъ же приложить увѣщаніе, чтобы ему предложилъ, кто имѣетъ нѣкія духовныя нужды и сумнительные падежи совѣсти; также и что гдѣ видится въ церковномъ причтѣ не исправлено и пр. (3 регула).» Но они конечно въ городахъ даже и въ селахъ служатъ литургіи, но поученій мало говорятъ, занимаются только ревизіей. Т. о. самая малѣйшая часть жителей всего уѣзда увидитъ только архіерейское богослуженіе, да и то въ городахъ; а въ селахъ въ рабочіе время, въ будничные дни населеніе не охотно идетъ слушать и это богослуженіе. Я самъ въ 1851 году былъ свидѣтелемъ тому въ одномъ селѣ, изъ прихожанъ котораго едвали можно было насчитать 100 человѣкъ въ храмѣ, хотя литургію совершалъ и поученіе говорилъ ревизовавшій епархію архіерей. У крестьянъ остается ревизія въ памяти не по назиданію, ими полученному, а по затрудненіямъ и расходамъ, которымъ они подвергались, поставляя подводы для

ревизора. Бываютъ воспоминанія еще хуже. Къ одному священнику пришолъ крестьянинъ изъ деревни, близъ которо йнедавно проѣзжалъ архіерей-ревизоръ. «Ну что видѣлъ ли ты владыку? спросилъ священникъ крестьянина. — «Какъ же, батюшка! видѣлъ; моя пара лошадей была въ его каретѣ.» — Ну что каковъ онъ тебѣ показался? предложили крестьянину новый вопросъ. — «Охъ, батюшка, грозенъ больно, да шибко очень бранится по-саромски.» Что ты? что ты? ему сказали, какую это ты чепуху городишь? — «Ну нѣтъ, батюшка, напрасно изволите сердиться; — я и самъ бы, пожалуй, не повѣрилъ, если бы кто нибудь другой мнѣ разсказывалъ. Но я вѣдь самъ слышалъ, вотъ этими своими ушами; за чтоже ты меня бранишь?» — По сдѣланнымъ распросамъ оказалось, что владыка немного погорячился. Ему нужно было переѣзжать чрезъ одну рѣку; въѣздъ на плотъ былъ не очень удобенъ, такъ что карета засѣла въ грязь и плохо подвигалась впередъ, особенно п. ч. въ ней оставалась запряженною только пара лошадей. Владыка м. т. торопился, да и безъ того не отличался терпѣливостію, и потому, встрѣтивъ неожиданную остановку, онъ точно побуждалъ мужиковъ къ дѣятельности энергическими словами; они м. б. не заслуживаютъ названія *вполнѣ саромскихъ*, но все-таки не употребляются въ порядочномъ обществѣ.

Чтоже касается до ближайшаго, непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ д-ва, до улучшенія его, то, к-ся, что еще ничего не улучшено, хотя каждый годъ во всѣхъ епархіяхъ бываютъ ревизіи; все остается въ прежнемъ видѣ; даже, какъ мы видѣли, финансовое положеніе духовныхъ лицъ при архіерейскихъ объѣздахъ нѣсколько страдаетъ. Кромѣ того, чтобы узнать бытъ д-ва, надобно бы посѣтить дома всѣхъ св-и-ц-сл-лей, всмотрѣться въ ихъ обыденную жизнь; а владыки наши любятъ останавливаться даже для ночлега, или обѣда у священниковъ, когда у нихъ хороши дома, значитъ, только у достаточныхъ, и когда вблизи нѣтъ ни купцовъ, ни помѣщиковъ богатыхъ. Авторъ книги: о с. д. даже представляетъ уважительныя причины на это: «при объѣздѣ епархіи преосвященный найдетъ у помѣщика и роскошный обѣдъ, и обильный ужинъ, и музыку и все; а что́ взять у бѣднаго священника, который въ душной и курной избѣ почти постоянно довольствуется самъ пустыми щами, рѣдькой и тому подобными анти-монашескими снадобьями? Не сѣсть же въ самомъ дѣлѣ за подобный столъ и не слушать оглушительную музыку ребятишекъ! Барыни

снабжаютъ преосвященныхъ подушками, коврами своей работы, вареньемъ и инымъ прочимъ довольствуютъ ихъ, — что́ такъ необходимо для аскетической жизни; а что даетъ попадья? Много, много, что холстину! (стр. 84)»

Впрочемъ едва ли бы много оставалось пріятныхъ воспоминаній, если бы владыки во время своихъ ревизій всегда останавливались въ домахъ священниковъ. Собранныя мною объ этомъ свѣдѣнія показываютъ, что по к. м. нерѣдко ревизоры вовсе не стараются произвести пріятное впечатлѣніе на духовныхъ домохозяевъ, у которыхъ они обѣдаютъ, ночуютъ и пр. 1) Въ 1865 г. у протоіерея одного уѣзднаго города ревизоръ-архіерей занималъ квартиру трое сутокъ. Когда протоіерея спросили: ну, что? каково съ вами обращался и о чемъ говорилъ владыка, то онъ отвѣчалъ: «да я его почти вовсе и не видалъ; онъ сидѣлъ въ своихъ комнатахъ запершись и со мною ни слова не говорилъ.» Но тутъ только знать не хотѣли хозяина, считали его недостойнымъ бесѣды съ собою; тутъ по к. м. положительныхъ непріятностей не было, но часто безъ нихъ не обходится. 2) Въ одной изъ западныхъ губерній грозный владыка, при входѣ въ домъ священника, былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ и солью женою и дочерью хозяина. Когда хлѣбъ былъ принятъ, то жена и дочь протянули руки для принятія благословенія. «Что же вы незнаете, вскрикнулъ владыка, какъ надобно принимать благословеніе у архіерея,» и мощными своими руками наклонилъ и мать и дочь до земли. Та и другая были воспитаны очень деликатно. Каково же имъ было при множествѣ народа растянуться по землѣ и выслушать хоть и отъ владыки, а все-таки брань, притомъ за то только, что не захотѣли быть пресмыкающимися животными? 3) Другой архипастырь, квартируя у сельскаго благочиннаго, за что-то вознегодовалъ на него и сталъ ему грозить удаленіемъ отъ должности. Священникъ никакъ не могъ умилостивить грознаго судію. Тогда жена его, будучи беременною, рѣшилась со своей стороны ходатайствовать за своего мужа. Раздосадованный этимъ владыка толкнулъ ее отъ себя очень неосторожно; несчастная разрѣшилась преждевременно отъ бремени. 4) Тотъ же самый ревизоръ-владыка сидѣлъ въ комнатѣ другаго сельскаго священника. Въ это время хозяева, занятые прислуживаніями дорогому гостю и разными хлопотами, не замѣтили, какъ малютка — ихъ сынъ вползъ въ комнату и, передвигаясь по полу, додвигался до Его Пр-ва. Тутъ ему вздумалось остановиться и приласкаться къ гостю. Но этотъ грубо оттолкнулъ его

своею ногою; малютка отлетѣлъ, закричалъ и вынесенъ былъ перепугавшимися родителями въ другую комнату. Спаситель нашъ такъ не поступалъ; онъ, какъ извѣстно изъ евангельской исторіи, особенно былъ ласковъ къ дѣтямъ. 5) Опять тотъ же самый владыка одному сельскому протоіерею обѣщался позволить мѣсто сдать дочери. Но другой протоіерей сказалъ, что невѣста зазорнаго поведенія. Тогда владыка сказалъ: «хорошо, я самъ посмотрю ее.» И дѣйствительно во время ревизіи, остановившись въ домѣ перваго протоіерея, онъ велѣлъ позвать къ себѣ дочь, а отцу и матери-выйти вонъ, и заперъ за ними дверь.... Чрезъ нѣсколько минутъ дѣвушка съ раскраснѣвшимся лицомъ вышла, — и медицинскій осмотръ былъ конченъ; попросили воды, чтобы умыть руки. Р-ся, тутъ ничего *далекаго* не было, но зачѣмъ входить въ такія неприличныя сану дознанія? — Эти примѣры показываютъ, что, к-ся, лучше будетъ, если ревизоры, по к. м. нѣкоторыя, станутъ останавливаться не у духовныхъ лицъ. Присоедините сюда трудность приготовить въ селѣ хорошій столъ для высокаго гостя и дороговизну необходимыхъ для этого припасовъ. Неудача въ этомъ случаѣ можетъ имѣть непріятныя послѣдствія. Вотъ напр.: французы уже вѣжливый народъ. А м. т. авторъ романа Le Maudit пишетъ (т. 2. стр. 79), что обозрѣвавшій свою епархію архіепископъ остался крайне недоволенъ деревенскимъ священникомъ за то, что этотъ не приготовилъ ему хорошаго обѣда; и потому, когда пришолъ въ церковь, то нашолъ множество неисправностей: «тамъ въ углу были паутина, тутъ окись на ножкѣ сосуда, одежда на престолѣ оказалась недостаточно бѣлою и пр.» Вѣдь, чего добраго и у насъ тоже можетъ случиться; *да и не случается ли?*

Если объѣзды архіереевъ по епархіямъ такъ отяготительны для д-ва въ моральномъ и финансовомъ отношеніяхъ и такъ безплодны по своимъ хорошимъ послѣдствіямъ; то почему ихъ не отмѣнить? Противъ этой мысли р-ся, посыплется множество возраженій, особенно со стороны архіерейской свиты. Разбирать ихъ не стану, но осмѣливаюсь сказать, почему этихъ ревизій не производить съ меньшимъ отягощеніемъ для д-ва. О публичныхъ выговорахъ и замѣчаніяхъ, объ унизительныхъ экзаменахъ, о наказаніяхъ въ видѣ поклоновъ и пр. нечего и говорить; это очень легко отмѣнить. Но почему бы не коснуться и свиты ревизора? Къ чему брать 15—20 и болѣе человѣкъ пѣвчихъ, костыльниковъ, чиновщиковъ и пр.? Для богослуженія, отвѣтятъ мнѣ. Но неужели изъ д-ва цѣлаго города, или цѣлаго благочинія, а

иногда и цѣлаго уѣзда нельзя найти человѣкъ десять съ порядочнымъ голосомъ, которые пропоютъ даже архіерейскую службу очень не дурно, особенно если они сдѣлаютъ двѣ-три спѣвки. Но вотъ бѣда: гдѣ же найти въ селахъ и уѣздныхъ городахъ красивенькихъ *исполатчиковъ*, которые бы своими нѣжными голосами пропѣли: *εἰς πολλὰ ἐτὴ δέσποτα*, или *κύριε ἐλέησον?* Но, к-ся, молитвы, выражаемыя въ этихъ греческихъ словахъ, дайдутъ до Творца вселенной, если онѣ пропоются не дискантами и альтами, а баритонами и тенорами. М. т. до 20 человѣкъ, которыхъ, сообразуясь съ регламентомъ Петра Великаго можно назвать *татарами*, лакомою *скотиною*, не обременяли бы д-ва своими притязаніями, назойливостію, даже нахальствомъ; отсутствіе ихъ значительно сократило бы расходы, соединенные съ ревизіями и для д-ва и даже для крестьянъ по части подводъ. Нельзя при этомъ случаѣ не вспомнить про камчатскаго преосвященнаго Иннокентія; онъ послѣ своей хиротоніи просилъ синодъ дозволить ему во время объѣздовъ по своей епархіи совершать богослуженіе даже одному. Отчего же прочимъ епископамъ и архіепископамъ въ какомъ либо городѣ, или селѣ не отслужить обѣдни безъ маленькихъ *исполатчиковъ*, безъ своихъ голосистыхъ протодьяконовъ и ловкихъ иподьяконовъ и пр.

Да, я и забылъ веселую т. с-тъ сторону ревизій. Вотъ наконецъ ревизоръ уѣзжаетъ изъ села, или города; колокольный звонъ въ это время бываетъ какъ-то особенно веселъ; проводили, поклонились б. ч. до земли; карета скрылась изъ виду; пономари слезли съ клоколенъ; почему же теперь не развернуться? Почему не вознаградить себя за всѣ хлопоты, расходы, униженія и пр.? Тутъ-то собираются вмѣстѣ, поздравляютъ другъ друга, цѣлуютъ, утѣшаютъ, начинаютъ веселиться, и для возбужденія веселости прибѣгаютъ къ возбудительнымъ средствамъ. Весело, чудо какъ весело! Все забыто, и поклоны, и стояніе на колѣнахъ, и выговоры, и расходы. Бѣдняки! Бѣдняки! Надобно быть слишкомъ суровымъ ригористомъ, чтобы васъ бранить за тѣ сцены, которыя тутъ бываютъ. «*Повеселитесь; надобно хотъ чѣмъ нибудь залить свое горе.*»

Духовнымъ лицамъ по выходѣ ихъ изъ школы, кромѣ тѣхъ экзаменовъ, которымъ ихъ подвергаютъ при ревизіяхъ, приходится выдерживать еще другіе. Особой главы о нихъ писать не стоитъ; но и молчать не слѣдуетъ; надобно знать всѣ, что дѣлается съ д-вомъ; вотъ почему здѣсь въ видѣ прибавленія скажу о нѣкоторыхъ экзаменахъ духовныхъ лицъ. Хотя въ настоящее время на всѣ св-и-ц-сл-скія мѣста

поступаютъ лица, обучавшіяся въ какихъ либо учебныхъ заведеніяхъ съ аттестатами и свидѣтельствами о своихъ познаніяхъ; однако во многихъ епархіяхъ дѣла идутъ такъ же, какъ будтобы кандидаты на іерархическія должности вовсе нигдѣ не учились, какъ будто у насъ нѣтъ не только академій и семинарій, но даже и низшихъ училищъ, или по к. м. свидѣтельства, выдаваемыя изъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній, не заслуживаютъ никакого довѣрія.

Извѣстно, что недавно всѣ почти архіереи находили, а многіе и теперь еще находятъ нужнымъ кандидатамъ на св-и-ц-сл-скія мѣста производить экзамены. Тѣмъ, которые ищутъ священническихъ должностей, б. ч. предлагаются вопросы изъ богословскихъ наукъ; въ однихъ мѣстахъ предоставляется право отвѣчать *своими*, какъ говорятъ въ школахъ, *словами;* а въ другихъ не позволяютъ выходить изъ предѣловъ учебныхъ руководствъ, принятыхъ въ семинаріяхъ, сюда особенно относится догматическое богословіе преосвящ Антонія и библейская исторія Богданова. Но этимъ экзаменъ рѣдко ограничивается. Есть еще ревнители старины, или по к. м. не большіе любители новыхъ идей, которые на основаніи узаконеній XVIII и даже XVII столѣтій прежде всего заставляютъ претендента на священство читать по славянски, хотя бы онъ былъ магистромъ богословія, затѣмъ пѣть по октаху, или обиходу. Потомъ спрашиваютъ изъ православнаго катехизиса, предлагая тѣже самые вопросы и требуя тѣхъже самыхъ отвѣтовъ, которые въ немъ помѣщены. Тутъ не рѣдко напоминается либераламъ, чтобы они не смѣли отступать отъ подлинника и читали слово въ слово, буква въ букву. По описанному священническому экзамену уже можно судить, что дѣлается съ будущими причетниками и дьяконами. Впрочемъ иногда замѣчается стремленіе къ полному равенству; и теперь еще живъ одинъ экзаменаторъ, который всѣхъ кандидатовъ на св-и-ц-сл-скія мѣста, — *всѣхъ безъ исключенія* заставлялъ только читать по славянски и пѣть по обиходу, не дѣлая ни одного вопроса не только изъ богословія, но и даже изъ катехизиса.

Зачѣмъ же до сихъ поръ существуютъ эти экзамены? Ну, если мальчикъ былъ исключенъ изъ училища за неуспѣшность, то еще есть поводы поэкзаменовать его. Но и тутъ обнаруживается странное недовѣріе къ училищному начальству; оно свидѣтельствуетъ по к. м. о томъ, что мальчикъ умѣетъ читать и писать; иногда даже приписываетъ порядочные успѣхи въ катехизисѣ и св. исторіи. Но странность еще болѣе увеличивается, когда дѣло касается учени-

ковъ, проучившихся сколько нибудь въ семинаріи. Вѣдь, экзаменаторомъ вполнѣ извѣстно, что для поступленія въ семинарію нужно умѣть читать не только по славянски, но и по русски, по латыни и по гречески, знать русскую грамматику, всю св. исторію, весь катехизисъ, имѣть порядочныя свѣдѣнія въ латинскомъ и греческомъ языкѣ. Къ чему же тутъ новый экзаменъ въ томъ, въ чемъ экзаменовало училищное начальство и семинарское правленіе? Неужели экзаменаторы полагаютъ, что обученіе въ семинаріи только назначено къ тому, что бы забыть преподанное въ училищахъ?

Но вотъ являются съ покорнѣйшими прошеніями ученики, кончившіе полный семинарскій курсъ съ выданными имъ свидѣтельствами и даже аттестатами. Ужъ, к-ся, можно допустить, что они, выслушавъ десятка два или три наукъ богословскихъ, философскихъ, историческихъ, риторическихъ и пр. и пр. умѣютъ читатъ по славянски, знаютъ катехизисъ и т. п. За нихъ ручается семинарское правленіе, ихъ многократно испытывалъ и самъ экзаменаторъ. А м. т. опять и тутъ нерѣдко отъ кандидатовъ требуютъ доказательствъ въ умѣньи читать по церковной печати, въ буквальномъ знаніи пространнаго катехизиса и богословскаго учебника пр. Антонія.

Что же теперь сказать о томъ случаѣ, когда ищутъ священническихъ мѣстъ профессоры семинарій и академій, кандидаты и магистры богословія, съ академическими аттестатами, съ магистерскими дипломами, полученными изъ академическихъ конференцій, съ дипломами, на которыхъ первая подпись есть подпись мѣстнаго митрополита? Нѣтъ, многіе епархіальные начальники не хотятъ вѣрить и этимъ свидѣтельствамъ, думаютъ, что академическія конференціи со всѣми ординарными и экстраординарными профессорами не заслуживаютъ довѣрія. Экзаменуютъ магистровъ и кандидатовъ, профессоровъ академій и семинарій; экзаменуютъ не только изъ богословскихъ наукъ, но даже изъ православнаго катехизиса, заставляютъ читать по славянски, пѣть изъ обихода и пр. Есть и теперь еще здраствующій архіерей, который всякаго кандидата на священническое мѣсто заставляетъ у себя въ крестовой прочитывать на утренѣ кафизму; однажды даже сдѣлалъ выговоръ правленію семинаріи за то, что одинъ учитель уѣзднаго духовнаго училища при чтеніи сдѣлалъ какую-то пустую ошибку. Право, не знаешь, что и сказать въ этомъ случаѣ. Магистра богословія, профессора испытывать въ умѣньи разбирать славянскую грамоту, въ буквальномъ чтеніи пространнаго катехизиса; подобнаго этому, к-ся, нѣтъ и въ Поднебесной Имперіи!

Не думайте, чтобы всѣ эти экзамены считались чѣмъ либо важнымъ и безусловно нужнымъ даже тѣми, которые ихъ производятъ. Извѣстно, что они же посвящаютъ въ священники пѣвчихъ своего хора, которые въ теченіи всего времени, какъ помѣщались въ семинарскихъ спискахъ, ровно ничему не учились и развѣ умѣютъ читать по славянски. Далѣе еслибы даже какой либо кончившій курсъ семинаристъ, или академистъ дурно отвѣчалъ, то его, конечно, побранятъ, но произведутъ не только въ дьяконы, но и въ священники; этого мало, смѣлые люди даже отказываются отъ экзаменовъ. Въ одной епархіи всякій кандидатъ на священство долженъ былъ самъ являться на экзаменъ. Одинъ изъ наставниковъ семинаріи получилъ священническое мѣсто, но на экзаменъ не приходилъ. Экзаменаторъ самъ изволилъ его пригласить къ себѣ. «Что же ты? Вѣдь, пора посвящаться.» — Я готовъ отвѣчалъ наставникъ. «Ну а про экзаменъ ты забылъ развѣ?» — «Экзаменовъ я уже много держалъ и новаго держать мнѣ нѣтъ необходимости,» отвѣчалъ будущій священникъ. Конечно, *мы* немножко посердились, недѣльку другую не посвящали, но затѣмъ произнесли: *аксіосъ*. Кромѣ того много уже есть епархіальныхъ начальниковъ, которые относительно священниковъ не исполняютъ описанной мною формальности. Такъ зачѣмъ же экзамены? Да *такъ заведено*, такъ *намъ угодно*, да, к-ся, не дурно на первыхъ же порахъ пріучить будущаго пастыря церкви къ смиренію.

Да, за экзамены будутъ горою стоять келейники и податчики многихъ изъ тѣхъ архіереевъ, которые сами экзаменуютъ причетниковъ въ чтеніи и пѣніи. Самимъ владыкамъ не всегда хочется браться за книгу, или обиходъ, чтобы заставитъ пропѣть, или прочитать что нибудь. Они обыкновенно говорятъ своему податчику, келейнику, или лакею, тутъ же стоящему: «разверни гдѣ нибудь книгу и укажи ему прочитать, или пропѣть.» Этимъ обстоятельствомъ пользуются плохіе читаки и пѣвцы еще со временъ Посошкова, который говоритъ: «служители архіерейскіе возьмутъ съ него (т. е. того, кого владыка хочетъ экзаменовать) деньги и дадутъ ему затвердить по псалтыри нѣкоторые псалмы и, заложа (т. е. замѣтивъ книгу) дадутъ при архіереѣ читать ставнику (ставленику?). Архіерей, видя, что онъ читаетъ твердо и полагая, что онъ все церковное то же читаетъ, благословляетъ его на пресвитерство (Отеч. З. 1862 г. N. 6 стр. 484).» Тоже самое дѣлается, или по к. м. весьма недавно дѣлалось и нынѣ, да еще въ такихъ формахъ, которые и Посошкову не были извѣстны. Напр. одинъ не давно умершій

архипастырь любилъ отыскивать слѣды Промысла тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Желая поэкзаменовать кандидата на дьячковство, онъ велѣлъ своему податчику раскрывать книгу и указывать мѣсто для чтенія. Будущему дьячку указали на молитву: *отче нашъ*. Ахъ! какой счастливецъ! сказалъ владыка и потомъ велѣлъ открыть другую страницу; но тутъ попался псаломъ: *помилуй мя, Боже*, р-ся, и его бойко зачитали. Тогда владыка больше не сталъ спрашивать; — *знать, такъ Богу угодно*, прибавилъ онъ. А м. т. экзаменуемый только и умѣлъ читать нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ псалмовъ и молитвъ и упросилъ податчика за взятку показать ихъ.

Не надобно забывать здѣсь отягчающихъ обстоятельствъ. Для облегченія своего даже въ очень недавнее время архіереи имѣли особыхъ лицъ, называвшихся *катихизаторами*, которые всѣхъ кандидатовъ на духовные должности должны были экзаменовать изъ катехизиса. Они часто были вовсе не умнѣйшіе люди въ епархіи. Въ Петербургѣ недавно еще умеръ катихизаторъ, который почасти своей учености слылъ чуть *не притчею во языцѣхъ*. Къ этому-то человѣку на экзаменъ явился академическій профессоръ философіи, человѣкъ съ глубокою ученостію, съ самымъ солиднымъ и твердымъ характеромъ, съ неукоризненною жизнію. Экзаменаторъ, не посадивши его, началъ *задавать* ему изъ катехизиса вопросъ за вопросомъ. Экзаменуемый, хотя и сѣлъ самъ безъ приглашенія хозяина, но все-таки долженъ былъ отвѣчать на предлагаемые вопросы. Неужели это легко было?

Далѣе иногда епархіальные архіереи по болѣзни, отлучки изъ епархій, или другимъ причинамъ поручаютъ производить экзамены какому либо довѣренному лицу. Конечно, такое лицо бываетъ очень довольно возлагаемымъ на него порученіемъ, вовсе не обременительнымъ, но довольно выгоднымъ. Нельзя же не поблагодарить экзаменатора. Впрочемъ не нужно забывать, что онъ хотя и почтенное лицо, но все таки съ меньшимъ авторитетомъ, нежели семинарскія правленія и академическія конференціи, а м. т. спрашиваетъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ богословія изъ учебнаго руководства пр. Антонія, или изъ св. исторіи Богданова. Съ дьячками, р-ся, еще менѣе церемонятся; ихъ, иногда поручаютъ экзаменовать экономамъ и даже такимъ лицамъ, которыя и сами остались бы дьячками, если бы имъ не поблагопріятствовали обстоятельства сдѣлаться чѣмъ нибудь повыше. Впрочемъ люди смиренные духомъ и кроткіе сердцемъ бываютъ даже довольны, если *имѣяй власть экзамено-*

вати отсылаетъ ихъ къ какому нибудь катехизатору, или довѣренному лицу. Тутъ, помнители г. ч.?... принимаются иногда во вниманіе всякаго рода доказательства учености даже съ подписью г. Халчинскаго, а въ давнопрошедшее время Гг. Хованскаго и Голохвастова.

Наконецъ въ одной епархіи производятся особые экзамены всему д-ву, но уже не архіереемъ, а благочинными. Владыка приказалъ особымъ указомъ изъ к-ріи, чтобы они, производя по 44 пункту своей инструкціи полугодичную ревизію своихъ церквей, кстати уже при *сей вѣрной оказіи* экзаменовали причтъ въ знаніи церковнаго устава, пространнаго катехизиса, нотнаго пѣнія и ставленой граматы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они же уполномочены штрафовать поклонами тѣхъ, кто даетъ неудовлетворительные отвѣты. Не имѣю достаточныхъ свѣдѣній о томъ, какъ благочинные экзаменуютъ священниковъ; к-ся, они поняли, что этого имъ не слѣдуетъ дѣлать, не смотря на указъ к-рій и благословеніе владыки. Но знаю навѣрно, что для причетниковъ и дьяконовъ двукратные экзамены съ годъ существуютъ со всѣми даже послѣдствіями неудовлетворительныхъ отвѣтовъ. Т. о. одинъ дьяконъ набожной жизни и пожилыхъ лѣтъ, въ іюлѣ 1863 г. долженъ былъ въ присутствіе всего причта, церковнаго старосты и сторожа сдѣлать въ видѣ наказанія на амвонѣ пятнадцать поклоновъ за то, что не удовлетворительно читалъ ставленую грамату и отвѣты изъ катехизиса. Не смотря на свою набожность, онъ съ душевною скорбью, съ внутреннимъ огорченіемъ говорилъ: «я и въ молодости не имѣлъ хорошей памяти, да тогда отъ насъ и не требовали того, чего теперь требуютъ. Гдѣ-же мнѣ-старику выучить слово въ слово весь катехизисъ и ставленическую грамату?» А я прибавлю: неужели почтенный о. дьяконъ безъ этой зубристики не можетъ быть достойнымъ помощникомъ служителя церкви божіей? И въ поднебесной Имперіи нѣтъ такихъ экзаменовъ, какіе у насъ происходятъ. Тамъ получившій ученую степень уже не экзаменуется, а у насъ не спасаетъ отъ дѣтскаго экзамена даже магистерская степень; тамъ экзаменъ повторяется однажды въ годъ, а у насъ, по к. м въ одной епархіи, два раза. У насъ, конечно не въ употребленіи бамбукъ, но человѣку, уволенному по общимъ государственнымъ постановленіямъ отъ тѣлеснаго наказанія, стоять на колѣнахъ, дѣлать въ видѣ наказанія земные поклоны, особенно въ присутствіи многихъ едвали легче, нежели китайцу, у котораго нѣтъ еще ни одного шарика, полежать подъ бамбукомъ.

Этимъ отдѣломъ я заканчиваю обзоръ бѣлаго д-ва относительно его матеріальнаго и семейнаго быта, административныхъ и судебныхъ властей имъ управляющихъ. Сообразно съ планомъ, начерченномъ мною въ 6мъ отдѣлѣ, теперь мнѣ нужно описать умственное и нравственное состояніе д-ва.

Отдѣлъ 33ій.

О трудности быть хорошимъ наставникомъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Умственное образованіе д-ва существеннымъ образомъ зависитъ отъ того настроенія, которое всѣ наши св-и-ц-сл-ли получаютъ при воспитаніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Конечно собственная самодѣятельность, жизнь, сближеніе съ прочими сословіями, знакомство съ свѣтскою литературою могутъ болѣе или менѣе измѣнять это настроеніе; но отъ школьныхъ впечатлѣній совсѣмъ освободиться слишкомъ трудно, даже почти невозможно для большинства. Еще Иринеи сказалъ; что «познанія дѣтскаго возроста, укрѣпляясь вмѣстѣ съ душою, укореняются въ ней (Сбор. М. Д. Акад. стр. 22).» Поэтому разсмотрѣвъ характеръ умственнаго образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, тѣмъ самымъ охарактеризуемъ и разъяснимъ достоинство и недостатки умственнаго образованія нашихъ духовныхъ лицъ. М. б. при предстоящей работѣ мнѣ придется говорить о явленіяхъ, которыя собственно относятся къ прежнимъ и не совсѣмъ прилагаются къ современнымъ духовнымъ училищамъ. Но пусть извинятъ меня; я долженъ описать образованность членовъ д-ва, получившихъ воспитаніе не только за 5—10, но за 20—30 лѣтъ. Нельзя же эту образованность объяснить фактами нынѣшней духовно-училищной жизни. Впрочемъ осмѣливаюсь сказать, что въ духовныя училища прогрессъ не очень далеко проникъ; появилось желаніе улучшить ихъ; но отъ желанія до исполненія еще далеко; въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ эти училища находятся еще въ худшемъ положеніи противъ прежняго. Старина, которую мнѣ придется, какъ говорятъ, *приподнять*, не стара, а даже современна намъ, и стариною

можетъ назваться только п. ч. *долонько ей пожилось;* пора *бы костямъ на мѣсто!*

Программа, по которой до сихъ поръ преподаются науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, получила свое начало при такъ называемомъ преобразованіи ихъ въ царствованіе императора Александра Iго, была то пополняема, то сокращаема, и имѣла самые широкіе размѣры въ сороковыхъ и отчасти пятидесятыхъ годахъ. Вотъ перечень всѣхъ наукъ, которыя въ то время преподавались въ низшихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Науки богословскія: краткая св. исторія и краткій катехизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе, пространный катехизисъ, пространная св. исторія, ученіе о богослуженіи православной церкви, объясненіе воскресныхъ евангелій и апостоловъ; катехизисъ Петра Могилы, герменевтика, св. писаніе, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, пасхалія, библейская исторія, церковная исторія, исторія русской церкви, патристика, ученіе о богослуженіи православной церкви, или церковная археологія, догматическое богословіе, пастырское богословіе, гомилетика, нравственное богословіе, обличительное богословіе, ученіе о раскольникахъ, каноническое право, литургика. Свѣтскія, или не богословскія науки: ариѳметика, алгебра, элементарная геометрія, геодезія, краткая русская исторія, и потомъ еще пространная русская исторія, математическая, физическая (обѣ въ краткомъ видѣ) и политическая географія; русская географія, физика съ метеорологіею, словесность, логика, психологія (а прежде преподавалась вся философія и исторія философскихъ системъ); всеобщая исторія, естественная исторія, сельское хозяйство и популярная медицина; затѣмъ еще языки: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и еврейскій. Чего въ этой программѣ нѣтъ? Кромѣ 26 наукъ богословскаго, или церковнаго содержанія, семинаристовъ учили классическимъ и новѣйшимъ языкамъ, даже одному изъ семитическихъ, — не только такъ называемымъ гуманнымъ, но и математическимъ, естественнымъ и физическимъ наукамъ, даже раціональному сельскому хозяйству и медицинѣ. И если положить, что эти 47 наукъ и языковъ преподавались хоть посредственно, хоть въ какомъ либо систематическомъ порядкѣ, то какое огромное количество свѣдѣній должно было сообщаться семинаристамъ? По неволѣ придетъ мысль ставить ихъ выше гимназистовъ, даже приравнивать почти къ студентамъ филологическаго, медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. По к. м. въ программѣ семинарской заключаются съ избыткомъ всѣ тѣ

науки, которыя считаются нужными для такъ называемаго обще-человѣческаго образованія, съ прибавкою многихъ чисто спеціальныхъ. А къ богословскимъ наукамъ, к-ся, нечего и прибавлять. Богословскіе факультеты германскихъ университетовъ по числу наукъ немногимъ превзойдутъ наши семинаріи.

Но программа состоитъ изъ мертвыхъ буквъ и сама собою не можетъ пробудить умственную дѣятелность въ ученникахъ. Что бы науки развивали способности ихъ и приготовляли изъ нихъ умныхъ людей, нужны хорошіе представители. Вообще въ учителяхъ недостатка не можетъ быть; стоитъ, по русской пословицѣ, *кликнуть кличъ*, или какъ говорится въ народныхъ сказкахъ, *топнуть ногою о землю;* охотниковъ учить найдется много. Но хорошіе наставники не весегда откликаются на кличъ и слушаются топанія ногами; они любятъ служить тамъ, гдѣ имъ можно жить хорошо въ матеріальномъ отношеніи и имѣть разныя другія житейскія и гражданскія выгоды. Въ противномъ случаѣ или ничего не дѣлаютъ, или держатся пословицы: *рыба ищетъ, гдѣ глубже; а человѣкъ, гдѣ лучше.* Посмотримъ теперь, есть ли наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній нужда придерживаться этой пословицы?

Пересматривая цыфры жалованья, ими получаемаго, увидимъ, что самый низкій окладъ состоитъ изъ 250 руб. асс.; потомъ идетъ постоянное увеличеніе, — прогрессъ; оклады другимъ учителямъ даже низкихъ училищъ поднимаются до 350—420—525 даже до 750 руб. асс. въ семинаріяхъ — до 900—1500 и наконецъ въ двухъ академіяхъ до 3000 руб. асс. Конечно были и есть учители, которые по жалованью ниже наставниковъ духовнаго юношества, напр. въ историко-статистическомъ описаніи рязанской семинаріи Архимандрита Макарія (стр. 21) сказано, что въ 1748 г. учителямъ тойже семинаріи, кончившимъ курсъ въ московской академіи, полагалось жалованія — Копорскому и Орлову по 50 руб. а Прокофьеву и Сафронову по 40 руб., да сверхъ того всѣмъ имъ вообще на покупку мясныхъ и рыбныхъ снѣдей въ годъ 50 руб. А въ No. 190 С. п. бургскихъ Вѣдомостей 1864 г. напечатано, что въ г. Плесѣ костромской губерніи учитель приходскаго училища получаетъ жалованья 51 руб. 64 коп., и сторожъ при томъ же училищѣ 42 руб. Но не смотря на оба эти примѣра, есть поводы соглашаться съ авторомъ книги: о у. д. у. (2е отд. 2 гл. 1 ч.) что по жалованью, ординарные профессоры даже петербургской духовной академіи могутъ равняться съ причетниками хорошихъ петер-

бургскихъ церквей, — что всѣ вообще доходы священниковъ даже въ бѣдныхъ сельскихъ приходахъ превышаютъ жалованье профессоровъ семинаріи, и что наконецъ учители низшихъ духовныхъ училищъ въ матеріальномъ отношеніи менѣе обезпечены, нежели исполнитель при экономѣ, поваръ при кухнѣ и фельдшеръ при больницѣ студентовъ с. п. духовной академіи, — нежели ученики, которые, исключаясь изъ училища за лѣность и безуспѣшность и поступая причетниками въ сельскіе приходы, получаютъ больше своихъ бывшихъ педагоговъ (стр. 75), — нежели даже рязанскіе и кростромскіе плотники, которые, содержась на счетъ подрядчиковъ, добываютъ себѣ даже до 500 рубл. асс. въ годъ.» Далѣе въ томъ же историко-статистическомъ описаніи рязанской семинаріи встрѣчается извѣстіе, что 15 Апр. 1746 г. при рязанскомъ архіепископѣ Алексѣѣ заключенъ былъ контрактъ, по которому учителю рязанскаго духовнаго училища Кондратію Григоровичу «за ученіе двухъ школъ и за надзираніе и за наставленіе надъ опредѣленными пятью человѣками учителями давалось изъ дома Его Пр-ва въ годъ денегъ двѣсти рублевъ, пива полтора вара, меда сырца пять пудъ, масла коровьяго три пуда, ветчины три пуда, а масла коноплянаго, свѣчъ сальныхъ, ситныхъ хлѣбовъ, соли, дровъ, сколько ему потребно будетъ безъ излишества, товаръ для варенья кушанья, также для ѣзды лошадь съ коляскою и конюхомъ безъ остановки.» Да помилуйте, воззопіютъ нынѣшніе учители духовныхъ училищъ: «Кондратій Григоровичъ въ 1748 г. получалъ вмѣстѣ съ пивомъ, медомъ, ветчиною и пр. и пр. болѣе, нежели мы теперешніе профессоры семинаріи.» Такая жалоба оправдывается рѣчью, которую говорилъ епископъ Леонидъ отъ лица московскаго митрополита на юбилеѣ московской духовной академіи, въ рѣчи благодарили наставниковъ академическихъ за то, что они, не смотря на недостаточное жалованье, продолжаютъ службу при академіи; значитъ это жалованье считается такъ малымъ, что удивляются, почему это получающіе его не оставляютъ неблагодарной службы. Потомъ Об. Пр-ръ въ отчотѣ за 1861 г. (стр. 88—89) къ чертамъ, составляющимъ грустное, но совершенно вѣрное изображеніе дѣйствительности, относитъ скудные оклады жалованья наставниковъ духовно-училищнаго вѣдомства. И потомъ прибавляетъ: «ни начальники, ни наставники духовно-учебныхъ заведеній, какимъ бы усердіемъ къ пользѣ ввѣренныхъ имъ заведеній они ни горѣли не могутъ вывесть дѣла изъ бѣдственнаго положенія и слѣдовательно не подлежатъ за него и отвѣтственности.» На-

конецъ члены комитета, составлявшіе новый уставъ выражаются на 68 ст. своихъ журналовъ еще сильнѣе: «содержаніе семинарскихъ наставниковъ, сравнительно съ ихъ правами по образованію и служебными трудами, *такъ скудно*, что даже одинокіе не могутъ содержать себя прилично своему званію а семейные терпятъ положительную нужду въ предметахъ насущныхъ: И такимъ бѣднымъ содержаніемъ они должны довольствоваться во всю свою жизнь безъ всякой надежды на лучшую будущность.» Но наставники духовныхъ училищъ безъ всякихъ печатныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ указаній благонамѣренныхъ или неблагонамѣренныхъ писателей сами многое знаютъ. Вѣдь имъ извѣстно, что надсмотрщикамъ на винныхъ заводахъ, б. ч. мѣщанамъ, отставнымъ солдадамъ, крестьянамъ и пр. полагается отъ казны по 15 руб. въ мѣсяцъ, да отъ заводчика квартира, что даже въ провинціальныхъ городахъ хорошіе лакей, поваръ, кучеръ получаютъ жалованья по 10 руб. въ мѣсяцъ, пользуются даровою квартирою и столомъ; кромѣ того первый, особенно третій имѣютъ иногда отъ барина одежду, а вторый и опять третій получаютъ доходцы — тотъ отъ сѣна и овса, а этотъ отъ провизіи, и слѣд. въ концѣ концовъ обезпечены лучше, нежели наставники низшихъ духовныхъ училищъ, чуть, чуть не равняются съ тѣми профессорами семинарій, которые получаютъ по 900 руб. асс., и должны нанимать квартиру, прислугу, шить платье, имѣть столъ на эти 900 руб. Даже иная Христина кухарка-чухонка въ Петербургѣ и горничная-вострyха едва ли не болѣе обезпечена, нежели ученое духовное соловіе.

Повѣрьте г. ч., что все это давно извѣстно наставникамъ и потому они давно уже начали даже оффиціально выражать жалобы на свое положеніе языкомъ довольно смѣлымъ. Еще въ сороковыхъ годахъ, когда казанская духовная академія помѣщалась въ наемномъ домѣ, академическіе профессоры и баккалавры просили себѣ квартирнаго пособія и описавъ съ математическою ясностію свое горькое житье-бытье, прибавили, что въ Россіи наставники духовно-учебныхъ заведеній составляютъ классъ пролетаріевъ. Покойный директоръ духовно-учебнаго управленія Карасевскій до такой степени возмущенъ и оскорбленъ былъ этою смѣлостію, что хотѣлъ отставить того профессора-математика, который сочинялъ прошеніе. «Помилуйте, говорилъ покойникъ, вѣдь Богъ знаетъ, что такое? Какъ можно въ оффиціальной бумагѣ называть себя пролетаріями? Это неслыханная дерзость!» Но вотъ уже новѣйшій фактъ. Въ 1864 г. въ правленіе одной изъ духовныхъ академій

поступило покорнѣйшее прошеніе отъ наставника С-ой семинаріи, который проситъ уволить себя отъ училищной службы и основательно доказываетъ, что въ настоящее время выгоднѣе быть качегаромъ на желѣзныхъ дорогахъ, нежели учителемъ духовнаго юношества. Т. о. жалованье, получаемое наставниками въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, слишкомъ недостаточно, никакъ не можетъ не только расположить къ усердному занятію науками, но даже и къ службѣ.

А м. т. начальство слишкомъ мало заботится объ улучшеніяхъ въ этомъ отношеніи; даже какъ будто намѣренно старается держать наставниковъ, особенно свѣтскихъ, въ *чорномъ*, какъ говорится, *тѣлѣ*. Вотъ что напр. напечатно въ 31 No. Дня за 1862 г. въ ст. очеркъ мѣстнаго городскаго православнаго д-ва изъ одного провинціалнаго города западной Россіи: «Не помню въ какомъ году, въ нашемъ городѣ всѣмъ чиновникамъ выдавалось пособіе даже съ окладами въ 600 въ 700 и б. руб. сер. Вотъ учители семинаріи вздумали было толкнуться къ своему начальству: «у меня дьякона столько не получаютъ жалованья» изволило отвѣтить на ихъ просьбу. Вотъ и учись въ академіи, старайся получить ученую степень, а послѣ учи будущихъ пастырей церкви; и за все это тебя поставятъ ниже дьяконовъ. Потомъ въ тойже статьѣ сообщается еще болѣе прискорбный фактъ. Въ духовно-училищномъ вѣдомствѣ всякій наставникъ, исправляя должность другаго болѣе четырехъ мѣсяцевъ, получаетъ прибавку къ своему жалованью; посмотримъ, какъ *изволитъ* дѣйствовать въ этомъ случаѣ тотъ, кто профессоровъ ставитъ ниже дьяконовъ: «нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ въ здѣшней семинаріи преподаватель словесности. Съ января по октябрь его мѣсто оставалось празднымъ. Словесность пришлось читать другимъ преподавателямъ. И когда они на *законномъ основаніи* попросили въ вознагражденіе за труды — раздѣлить между ими жалованье, ассигнованное учителю словесности, ихъ обсчитали, удержали часть изъ этой скудной суммы на томъ основаніи, чтобы *не пробудить чувства радости о смерти сотоварища.*» А что? нельзя ли продолжить эту выписку далѣе, нѣсколько измѣнивъ ее? «Есть лица съ окаменѣлымъ сердцемъ, для которыхъ недоступно чувство жалости, которые для своего принципа готовы пожертвовать и не такою мелочью, какъ наставники семинарій.»

Но и при недостаточномъ жалованьѣ можно еще утѣшить себя получаемыми отличіями, вниманіемъ начальства, значеніемъ въ училищѣ, надеждою занять болѣе высшія

должности и тѣмъ хоть къ старости обезпечить себя и проч. Къ несчастію въ духовно-училищной службѣ эти и многія другія поощренія какъ будто бы придуманы только для м-щихъ. Наставники, состоящіе въ бѣломъ д-вѣ получаютъ еще отличія, но незначительныя и съ большими ограниченіями: «пока, какъ говорится въ книгѣ о у. д. у. (1 т. 86 стр.), священникъ учитель или профессоръ ждетъ еще себѣ набедренника, товарищъ его иногда уже архимандритъ; пока первый мечтаетъ о камилавкѣ, или наперсномъ крестѣ, послѣдній имѣетъ Анну и даже Владиміра на шеѣ; пока тотъ сдѣлается протоіереемъ, этотъ уже носитъ панагію, Но движеніе собственно по учебному вѣдомству для наставниковъ священниковъ не существуетъ. Въ низшихъ училищахъ нѣкоторые еще дѣлаются смотрителями. Но въ семинаріяхъ сколько они ни служи, навсегда останутся только учителями.» Наконецъ такъ называемые свѣтскія наставники въ духовныхъ училищахъ только и могли находить утѣшеніе въ томъ, что бы имѣть чины. О другаго рода поощреніяхъ, особенно въ семинаріяхъ и низшихъ училищахъ не было и слышно; развѣ иногда дѣлали инспекторомъ, а потомъ, когда бы слѣдовало сдѣлать ректоромъ, придумывали причины, по которымъ можно было бы уволить его отъ инспекціи. Въ No. 6 Библ. для Чтенія 1862 г. въ статьѣ: наше педагогическое сословіе (стр. 191) пишутъ: «въ семинаріяхъ наставники, не принадлежащіе духовному званію, не имѣютъ никакой надежды на увеличеніе своего педагогическаго вліянія и вмѣстѣ съ тѣмъ содержанія. Инспекторы и ректора назначаются всегда изъ лицъ принадлежащихъ къ духовному (слѣдовало бы сказать къ м-щему) званію, такъ что свѣтскій представитель, сколько бы онъ ни служилъ, какую бы педагогическую опытность на пріобрѣталъ, всегда останется преподавателемъ при самомъ скудномъ содержаніи.» Смѣшно было слышать, что когда потребовали свѣдѣнія о томъ, сколько нужно выслать въ семинаріи и училища медалей за крымскую войну, то многія семинарскія правленія не включили въ списки тѣхъ наставниковъ, которые не поступивъ еще въ духовное званіе, не имѣли и гражданскихъ чиновъ; точно какъ будто бы они и не состоятъ въ государственной службѣ. Впрочемъ этотъ пропускъ былъ исправленъ высшимъ духовно-училищнымъ начальствомъ. Но чего на свѣтѣ не бываетъ? Куда прогрессъ нынѣ не проникаетъ? Въ послѣдніе 2—3 года началось что-то похожее на движеніе и на поощреніе даже въ семинаріяхъ; стали дѣлать инспекторами семинарій свѣтскихъ

пожилыхъ профессоровъ, но едва ли не п. ч. м-щихъ для этой должности нѣтъ, — и начали награждать орденами наставниковъ, не поступившихъ въ духовное званіе, напр. изъ нихъ въ 1864 году получило трое Анну 2 ст., девять тотъ же орденъ 3 ст., восемь Станислава 2 ст. и четверо 3 ст.; м. б. даже я нѣкоторыхъ пропустилъ. Здѣсь замѣчательно то обстоятельство, что ордена даны наставникамъ, не имѣющимъ гражданскихъ чиновъ. Но все это случилось слишкомъ недавно и въ ограниченныхъ размѣрахъ, притомъ вызвано литературою, которая давно уже вступается за свѣтскихъ наставниковъ.

Въ самыхъ училищахъ наставники по отеческимъ распоряженіямъ добраго ихъ начальства не имѣютъ почти никакого вліянія, ни на переводъ ученниковъ изъ одного класса въ другой, ни на составленіе общихъ списковъ, ни на выдачу аттестатовъ; все это предоставлено благому, или неблагому произволенію Ихъ В-бій и В-ній о. о. ректоровъ и смотрителей; они и оставить, и перевести, и исключить могутъ по своему единому усмотрѣнію, могутъ составить и составляютъ разрядные списки, какъ имъ заблагоразсудится, могутъ сочинить аттестаты изъ своей собственной головы. Правда въ послѣдніе два года начали поговаривать о чемъ то похожемъ на педагогическіе совѣты въ семинаріяхъ, о томъ, что нѣкоторые ректоры при составленіи списковъ только занимаютъ предсѣдательское мѣсто и предоставляютъ самимъ наставникамъ опредѣлять достоинство учениковъ. Но, г. ч., не выводите поспѣшныхъ и общихъ заключеній изъ того, что вы слышали и читали. Все это зависитъ только отъ произволенія ректора; *нынѣ ввелось, а завтра отмѣнится.* Конечно такія благородныя личности, какъ почтеннѣйшій о. ректоръ К-ой семинаріи А-тъ, не измѣнятъ своихъ убѣжденій; но примите къ свѣдѣнію, что этотъ благородный и честный человѣкъ былъ сначала священникомъ и уже овдовѣвши поступилъ въ академію и въ м-во; значитъ не принадлежитъ къ потомственнымъ монахамъ; такихъ людей немного найдете между ректорами. Но прочіе о. о. ректора и смотрители не скоро захотятъ разстаться съ присвоенными привилегіями. Года за два въ одной семинаріи было нѣчто въ родѣ педагогическаго совѣта при составленіи списковъ, но потомъ ректоръ опять началъ дѣйствовать, ни съ кѣмъ не совѣтуясь; у него скорѣе можно добиться чего нибудь чрезъ его келейника, нежели чрезъ инспектора. Поэтому й теперь относительно большей части семинарій справедливы слова, напечатанныя въ No. 12 Дня

1863 г. (стр. 6 столб. 1): «всѣмъ завѣдуетъ, все рѣшаетъ однолично ректоръ академіи, или семинаріи, безъ всякой аппелляціи, безъ всякихъ возраженій. Отъ этого одноличнаго рѣшенія происходитъ все разстройство педагогіи въ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ. Учитель учи учениковъ, подавай ректору списки, отвѣчай за ихъ (учениковъ) успѣхъ, или неуспѣхъ, — а общій списокъ составляетъ всегда одинъ ректоръ, переводитъ изъ класса въ классъ онъ одинъ; нерѣдко способныхъ увольняетъ, а бездарныхъ, лѣнтяевъ, негодяевъ, которые въ продолженіе всего двухгодоваго курса всѣми учителями аттестуются не оказавшими *никакихъ* успѣховъ, переводитъ въ вышее отдѣленіе; потомъ эти молодцы оканчиваютъ курсъ положимъ въ семинаріи; имъ выдаются аттестаты не на основаніи учительскихъ списковъ; а по соображеніямъ ректоровъ вмѣсто *худо, весьма худо* является *хорошо, удовлетворительно* . . . . Т. о. одноличная власть ректора парализуетъ строгій контроль за успѣхами учениковъ — учитель впадаетъ въ апатію, не обращаетъ вниманія на то, учится ли ученикъ или нѣтъ.»

Не смотря на жалкое свое положеніе наставники духовно-учебныхъ заведеній особенно свѣтскіе сначала принимаются за дѣло самымъ усерднымъ образомъ и только при помощи всемогущаго времени они разочаровываются во всемъ, обращаются въ людей, ходящихъ въ классъ слушающихъ и задающихъ уроки и подписывающихъ классическіе журналы. Эту метаморфору постараюсь описать почти подлинными словами, заимствованными изъ книги: о у. д. у (1 т. стр. 174—175) изъ педагогическихъ наблюденій, помѣщенныхъ въ No. 35 Духовной бесѣды за 1863 г. (стр. 687 ид.) и изъ очерка мѣстнаго городскаго православнаго д-ва . . . . къ No. 31 Дня за 1862 г.

Каждый изъ преподавателей семинаріи мірянъ выходитъ изъ академіи съ горячей любовію къ труду, съ полною готовностію служить развитію молодаго поколѣнія, и даже съ тайною надеждою удивить всѣхъ своимъ преподаваніемъ. Нельзя не полюбоваться, съ какою заботливостію студенты академіи, назначенные на должность, распрашиваютъ у академическихъ наставниковъ о руководствахъ, которымъ бы они могли слѣдовать, о методѣ преподаванія, просятъ совѣтовъ даже съ настойчивою неотвязчивостію; отъ нихъ нельзя отдѣлатся общими мѣстами; бѣдняки при скудныхъ своихъ средствахъ находятъ даже возможность покупать рекомендуемыя имъ книги. Но скоро дѣйствительность начинаетъ ихъ разочаровывать. Едва ли не прежде всего они встрѣ-

чаютъ препятствіе въ себѣ самихъ. Извѣстно, что духовные воспитанники не получаютъ ни малѣйшей педагогической подготовки. Наука воспитанія едва имъ извѣстна только по имени. О различныхъ методахъ обученія и воспитанія, выработанныхъ и повѣренныхъ наукою и опытомъ, они не имѣютъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Не удивительно послѣ этого, что новый педагогъ является въ самомъ странномъ, затруднительномъ и неопредѣленномъ положеніи. Предъ нимъ два пути: рутинный, традиціонный путь обычнаго семинарскаго долбленія, или болѣе свободный академическій способъ чтеній, или лекцій. Первый способъ представляетъ много неудобствъ для молодаго наставника; онъ человѣкъ новый, отъ него ждутъ чего-то; онъ это знаетъ, да къ тому и самъ въ себѣ предполагаетъ достаточный запасъ силъ съ которыми надѣется что нибудь сдѣлать. Стало быть, сразу пойти ему по старой дорогѣ невозможно. И вотъ развязываются связки академическихъ лекцій, вынимаются нужныя тетрадки, заучиваются въ размѣрахъ достаточныхъ для одного часа, и читаются предъ молодой, неразвитой аудиторіей. Ученики удивлены учоностію наставника, поражены его либерализмомъ — слушаютъ и тѣмъ радуютъ новаго педагога. Но къ удивленію и неудовольствію своему скоро онъ замѣчаетъ свою неопытность по части педагогіи. Его лекціи не приспособленныя къ степени умственнаго развитія слушателей, его чтеніе, не сопровождаемое никакими дидактическими пріемами, оказываются несостоятельными. Ученики начинаютъ скучать, а тамъ перестаютъ слушать; слова наставника улетаютъ на воздухъ. Иной, или будучи хорошо развитъ въ академіи, или имѣя въ рукахъ дѣльное руководство, умѣетъ даже на первый разъ приспособиться къ понятію своихъ слушателей и объясняетъ имъ уроки очень удовлетворительно и занимательно. Имъ довольны; о немъ даже пошла молва, какъ объ образцовомъ профессорѣ; и онъ точно могъ бы сдѣлаться такимъ, если бы не встрѣчалъ препятствій. Но въ этомъ случаѣ начальству слѣдовало бы ободрить, поддержать новаго педагога, имѣть снисхожденіе къ нѣкоторымъ его промохамъ и увлеченіямъ. М. т. въ семинаріяхъ есть изпоконъ вѣковъ установившійся порядокъ, установившіяся понятія о различныхъ предметахъ преподаванія; учителю нужно непремѣнно подайти подъ этотъ порядокъ, поддѣлаться подъ эти понятія; въ такомъ только случаѣ онъ станетъ пользоваться хорошей репутаціей у своего начальства; да и то не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что его публично не выругаютъ «образиной» или чѣмъ нибудь дру-

гимъ. Когда же онъ захочетъ быть не бездушной машиной, а дѣйствовать по совѣсти, какую ему Богъ далъ, то ему придется выдержать продолжительную, упорную борьбу. Придется бороться съ наставниками-аристократами, которые, видя его горячее усердіе къ наукѣ, давно уже подсмѣивались надъ нимъ, а иногда начинаютъ быть недовольными его усердіемъ, такъ какъ оно выставляетъ въ непривлекательномъ видѣ ихъ пустую дѣятельность; они ему давно уже говорили: «*къ чему ты хлопочешь и изнуряешь себя? Право не зачѣмъ; придется же тебѣ сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ мы.*» Придется бороться съ лѣнью семинаристовъ, которые сначала готовы послушать новаго профессора, но усидчивая дѣятельность, постоянная умственная работа и особенно повтореніе уроковъ имъ не очень нравятся. А тутъ являются матеріальныя нужды; жалованья не достаетъ даже на необходимѣйшія потребности. А тутъ мало по малу подкрадывается мысль: «*да стоитъ ли трудиться, читай хуже читай лучше, въ наградахъ разницы не будетъ, т. е. ровно ничего не получишь, кромѣ казеннаго скуднаго жалованья.*» А тутъ приходится столкнуться съ семинарскимъ начальствомъ: оно чрезвачайно любитъ чинопочитаніе; вы можете читать въ классѣ какъ угодно, даже вовсе ничего не читать, а только слушать уроки и подписывать журналъ, но если умѣете хорошо поклониться, съ благоговѣніемъ поцѣловать сунутую вамъ руку, постоять полчаса безъ шляпы предъ Его В-біемъ, во всемъ съ нимъ соглашаться, — вы прекрасный человѣкъ! Но Боже сохрани, если вы, понадѣявшись на свои хорошія лекціи, на свою ученую дѣятельность, не захотите быть пресмыкающимся животнымъ, или ползающимъ растеніемъ, а будете стоять праяо, имѣть свое сужденіе; тогда скоро услышите, что васъ считаютъ человѣкомъ вреднымъ, нравственно-испорченнымъ, съ мрачнымъ, злымъ взглядомъ на все; — даже постараются внушить вашимъ воспитанникамъ не слушать васъ, позаботятся всѣми силами подорвать ваше вліяніе. При первомъ экзаменѣ, при первомъ переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой наставникъ убѣждается въ смѣшной и ничтожной своей ролѣ. Когда онъ прежде, выведенный изъ терпѣнія лѣностію учениковъ, жаловался ректору или инспектору, то получалъ иногда въ отвѣтъ: «*вы очень горячитесь, нельзя ученикамъ исполнять всѣхъ вашихъ требованій;* — или: *что же за бѣда, что вашимъ предметомъ не занимаются? у нихъ есть дѣло поважнѣе вашихъ уроковъ*, или: *да что вамъ за охота по пустякамъ хлопотать? Вѣдь у нихъ и безъ того много*

дѣла; ходите въ классъ; жалованье вамъ будетъ выдаваться. А тутъ на экзаменѣ вдругъ дѣлаютъ грубый выговоръ: *«у васъ плохо отвѣчаютъ; вамъ надобно усилить свою дѣятельность.* Дѣятельность, пожалуй, и усилили; но только усилившій видитъ, что на его рекомендаціи мало обращаютъ вниманія; ученикъ, не ходившій вовсе въ классъ, или никогда не отвѣчавшій, переводится въ слѣдующее отдѣленіе человѣкъ съ слабыми успѣхоми пишется въ первомъ разрядѣ; — съ хорошими успѣхами помѣщается во второмъ разрядѣ. М. б. начальство имѣло на это свои причины; но съ новымъ педагогомъ оно и не думало посовѣтоваться. И онъ убѣждается въ своемъ ничтожествѣ. Если бы это ничтожество не лишало наставника уваженія учениковъ, котораго онъ въ правѣ требовать, если бы не уничтожало вліянія его на нихъ, безъ котораго не можетъ быть хорошихъ успѣховъ; то и при такихъ условіяхъ оно слишкомъ бы непріятно дѣйствовало на него: *сознаніе своего ничтожества, своего униженія убиваетъ дѣятельность въ сознающемъ.* Не проходитъ 2 — 3 года, какъ новый наставникъ вполнѣ уже убѣждается, что должность его принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя *не радуютъ въ настоящемъ, не оставляютъ пріятныхъ впечатлѣній отъ прошедшаго, не представляютъ ничего отраднаго въ будущемъ.* Представьте себѣ, что всѣ подобные факты извѣстны въ семинаріяхъ, всѣ подобныя мысли и чувства гнѣздятся въ головахъ наставниковъ ихъ не одно десятилѣтіе, а м. б. даже столѣтіе, что они передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ посѣдѣвшихъ стариковъ къ едва начинающей службу молодежи, что даже мальчикъ, обучаясь у такихъ наставниковъ, догадывается иногда объ этихъ чувствахъ, что онъ самъ, сдѣлавшись въ свою очередь наставникомъ, м. б. послѣ продолжительной борьбы освоился съ тѣми же чувствами. Неужели будете удивляться что студентческія мечты удивить всѣхъ своимъ преподаваніемъ разсѣятся. Нѣтъ, г. ч. есть обстоятельства, противъ которыхъ вооружаться и надъ которыми возвышаться нѣтъ никакой возможности. Вѣдь и расплавленный металлъ, не будучи подогрѣваемъ, мало по малу теряетъ свою температуру, простиравшуюся до нѣсколькихъ сотъ градусовъ, дѣлается тверже всякаго камня и остываетъ до такой степени, что къ нему въ зимнее время нельзя прикоснуться безъ опасности. Зачѣмъ же удивляться, что и воспитанники духовныхъ академій, съ такимъ жаромъ принимавшіеся за свои должности, охладѣваютъ потомъ постепенно, что ихъ усердіе, т. с-ть замерзаетъ?

Что же теперь дѣлать г. профессору? Не ходить въ классъ нельзя, форма требуетъ быть тамъ въ извѣстное время; и вотъ мы идемъ, какъ заведенные автоматы, исполняемъ дѣло, какъ обрядъ какой либо, какъ китайскую церемонію. Принимаемся за какія либо учебныя книги, или тетради, задаемъ уроки *отселѣ и доселѣ*, заставляемъ нѣсколькихъ человѣкъ прочитать прежній урокъ. Иногда для развлеченія сами сдѣлаемъ какой либо вопросъ; а то принесемъ книгу которая имѣетъ хоть какое нибудь отношеніе къ предмету, или принадлежитъ къ душеспасительнымъ книгамъ, прочитаемъ изъ нее что нибудь. Если это покажется труднымъ, то отдадимъ ее для чтенія ученику, а сами предадимся сладкимъ мечтамъ, или сидя на стулѣ, или похаживая, заложивъ руки за спину. Иногда чтобы ученики окончательно не заснули, или всѣ не ушли изъ класса, разскажемъ какой нибудь анекдотъ, потолкуемъ о текущихъ новостяхъ, пропоемъ, пожалуй, *всемірную славу*, поиграемъ на органѣ, дождемся звонка, помолимся Богу, что онъ помогъ намъ покончить такую трудную работу и идемъ домой, или въ сборное мѣсто, гдѣ съ сослуживцами посидимъ, да побалагуримъ. Завтра примемся за тоже, послѣ завтра опять за тоже; иди все заведеннымъ порядкомъ; это гораздо покойнѣе хлопотливыхъ лекцій. Въ доказательство этихъ отзывовъ, ссылаюсь на составителей новаго устава для семинарій (68 стр. журн.) которые пишутъ, что наставники падаютъ духомъ подъ гнетомъ житейскихъ нуждъ и *по притупленіи въ нихъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ*, ограничиваются обыкновенно безжизненнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Даже академическіе профессоры и баккалавры, какъ пишетъ Русс. Вѣст. (5 No. 1864 г. стр. 356) понимаютъ, что много добраго сдѣлать нельзя, п. ч. почва какъ то заплеснѣвала; немногіе изъ нихъ умѣютъ пойти своимъ путемъ по лучшей дорогѣ, а б. ч. слѣдуютъ рутинѣ, не выбиваясь изъ прежней колеи.» За всѣмъ тѣмъ страшно скучно и ученикамъ и намъ самимъ.

Да, тутъ дѣйствительно многіе наставники духовно-учебныхъ заведеній знакомятся съ тою болѣзнію, которая извѣстна подъ именемъ *апатіи*. Болѣзнь конечно спокойная, безъ головной боли, безъ спазмовъ въ желудкѣ, безъ разстройства печени; не все таки не выносима; душевной энергіи болѣе нѣтъ, голова какъ-то пустовата, совѣсть иногда что-то непріятное нашептываетъ: эхъ! надобно же себя и поутѣшить. И вотъ тутъ-то оказываются справедливыми слова, высказанныя въ 9 No. Библ. для Чтенія за 1863 г.

(стр. 50) по случаю библіографическаго разбора психологіи г. Глѣбова: «рѣдкіе изъ даровитыхъ людей остаются трезвыми наставниками при семинаріяхъ. Они бы и рады трудиться для своихъ воспитанниковъ, да имъ не даютъ ходу; — рады бы сообщить познанія, выработанныя послѣдними изслѣдованіями науки, да имъ толкуютъ самолюбиво, что умъ кичитъ, смѣшивая безтолково религію и науку, преслѣдуя съ ненавистію всякой самостоятельный трудъ, всякую живую мысль.» *Да будетъ лучше все мертво, хоть и пьяно!* Научившись утоплять свое горе или свою скуку въ винѣ, наставникъ можетъ находить даже счастливые часы и дни, только бы достало денегъ на поддержаніе этой веселости. Но къ самымъ счастливымъ людямъ принадлежатъ господа въ родѣ того профессора логики, у котораго учился покойный Добролюбовъ. Чистый разумъ этого господина ученики характеризовали силлогизмами, высказанными имъ самимъ: «когда дитя кричитъ, значитъ ему больно, п. ч. его бьютъ.... ахъ, нѣтъ, не такъ: когда дитя бьютъ, то ему больно, п. ч. оно крич.... ахъ, нѣтъ: когда дитя бьютъ, то оно кричитъ, п. ч. ему больно .... ну тамъ сами сдѣлаете послѣ....» Окончательный выводъ объ этомъ профессоръ выражалъ силлогизмомъ: въ углу палка стоитъ, слѣд. на дворѣ дождикъ идетъ. (см. No. 1 Совр. 1861 г. матеріалы для біографіи Добролюбова стр. 269.) Вотъ этотъ профессоръ былъ настоящій счастливецъ; его ни собственная совѣсть, ни начальство никогда не обезпокоивали своими требованіями; онъ даже былъ въ числѣ профессоровъ, претендовавшихъ на вниманіе.

Не думайте, г. ч. чтобы между наставниками духовноучебныхъ заведеній не было и нѣтъ людей весьма дѣльныхъ; академіями даже очень богаты. Многіе изъ нихъ пересчитаны въ 1 т. стр. 183 — 186 о у. д. у. и въ статьѣ Г. Тумаева стр. 182, напечатанной к-ся No. 5 Русс. Вѣст. за 1863 г. Къ такимъ наставникамъ принадлежатъ тѣ честные труженники, которые или не осмѣлились, или откладывали, но опаздали оставить духовно-училищную службу, или по воспоминаніямъ дѣтства, по воспитанію находятъ себя къ ней только способными. Они, не смотря на самую несчастную обстановку, продолжаютъ свою службу, трудятся даже иногда до нельзя; рады что могутъ воздѣлывать и неблагодарную почву. Не сердитесь вы на меня, благородные и честные труженники, за то, что я описываю педагогическіе недостатки вашихъ сослуживцевъ; слова мои къ вамъ не относятся, а выставляютъ васъ еще въ лучшемъ свѣтѣ.

Тѣ наставники, которымъ не хочется впасть въ апатію, сдѣлаться заведенными машинами, стараются (No. 6 Библ. для Чт. 1862 г. стр. 183), какъ можно скорѣе «уйти куда только можно, въ священники, а тѣ, которые не хотятъ въ духовное званіе, идутъ въ гражданскую службу, въ домашніе наставники, въ литературу, короче сказать куда только можно.» Такое бѣгство продолжается уже съ давнихъ временъ. Вотъ напр. въ 1765 г. изъ четырнадцати семинаристовъ, посланныхъ въ оксфордскій, геттингенскій и лейденскій университеты Розановъ, Клевецкій, Никитинъ, Суворовъ оставили духовное званіе (см. стр. 101 брошюры г. Предтеченскаго въ защиту русскаго д-ва). И Сперанскій, хотя чрезъ три года сдѣланъ былъ префектомъ александроневской семинаріи, согласился лучше быть домашнимъ учителемъ у Куракина. И Н. Н. Надеждинъ, прослуживши два года въ семинаріи, тоже сдѣлался домашнимъ учителемъ въ домѣ Самарина. Нынѣ такого рода бѣгство происходитъ массами, тамъ напр. см. No. 19 Дня 1864 г. стр. 16, столб. 1: «одинъ изъ лучшихъ педагоговъ (рязанской) семинаріи вышелъ на службу по министерству юстиціи, другой по министерству народнаго просвѣщенія, третій, 16 лѣтъ украшавшій собою кафедру Св. Писанія поступилъ въ акцизные надзиратели.» Въ No. 43 Дня 1862 г. писали, что въ Пермской семинаріи изъ наставниковъ остались только ректоръ и три священника, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой приходъ.... Отчего ученики, когда началось ученье стали сидѣтъ въ классахъ по два часа въ сутки вмѣсто законныхъ шести. Составители новаго устава для семинарій (стр. 68 журн.) пишутъ, что отъ скуднаго содержанія наставники семинаріи «смотрятъ на свои мѣста, какъ на переходныя и при первомъ удобномъ случаѣ переходятъ на болѣе выгодныя.» Въ 1864 году былъ слухъ, что изъ Смоленской семинаріи подали вдругъ просьбу объ увольненіи 8 профессоровъ. Вѣдь это уже похоже *на спасайся, кто какъ знаетъ.*

Въ недавнее время не очень дорожили подобными выходами; многіе даже приговаривали: *свято мѣсто не будетъ пусто,* или: *худая трава изъ поля вонъ.* Въ 1863 г. одна важная свѣтско-духовная особа, которой ректоръ Н-ой семинаріи объяснялъ, что нужно прибавить жалованье наставникамъ, иначе многіе изъ нихъ хотятъ оставить службу, сказала: «пусть идутъ, мы ими не дорожимъ; на ихъ мѣста найдутся другіе.» Но число праздныхъ вакансій при семинаріяхъ стало болѣе и болѣе увеличиваться; для замѣщенія

ихъ нѣтъ кандидатовъ. Вотъ почему теперь уже стали прибѣгать отчасти къ насильственнымъ, отчасти къ искуственнымъ средствамъ наполнять духовныя училища наставниками. Хотя въ уставѣ духовныхъ академій есть пунктъ, по которому воспитанникъ обязанъ прослужить въ училищной службы не менѣе четырехъ лѣтъ, но нынѣ находятъ еще нужнымъ при поступленіи студентовъ въ академію брать подписку въ томъ, что они обязываются по назначенію начальства прослужить требуемое число лѣтъ наставникомъ въ семинаріи, напрасно не берутъ еще присяги, какъ это было по слухамъ въ 1829 г. въ педагогическомъ институтѣ. Затѣмъ постановлено ученыя степени давать только тѣмъ которые хоть полгода прослужатъ по духовно-училищному вѣдомству. Потомъ изъ существующихъ наставниковъ иныхъ просто на просто не выпускаютъ. Такъ напр. (см. No. 43 Дня за 1862 г. статью о пермской духовной семинаріи) хотѣли было въ этой семинаріи силою задержать двухъ наставниковъ, которые просились на каникулы въ отпускъ. Начальство, подозрѣвая, что они назадъ не воротятся, отказало имъ въ увольненіи. Но одинъ отвѣчалъ просьбою объ отставкѣ, а другой заявилъ письменно, что такъ какъ ему не выдаютъ билета, не имѣя законныхъ причинъ къ задержанію его, а ѣхать ему надо, то онъ уѣзжаетъ безъ билета и уѣхалъ. Потомъ въ 1864 году одинъ наставникъ семинаріи просилъ объ увольненіи себя отъ училищной службы; ему отказали, п. ч. онъ прослужилъ только два года. Профессоръ объявилъ, что онъ готовъ внести сумму, которая истрачена на воспитаніе его въ теченіе двухъ лѣтъ въ академіи; ему сказали, что этого мало, что онъ долженъ заплатить за всѣ четыре года. Профессоръ добылъ денегъ и представилъ ихъ за всѣ четыре года, но ему отказали и велѣли дослуживать положенное число лѣтъ. М. т. нельзя не замѣтить, что въ томъ же 1864 г. кончившему курсъ въ одной изъ академій, родственнику знаменитаго архипастыря, безъ всякаго препятствія дозволили вовсе оставать духовное званіе и опредѣлиться столоначальникомъ М-ой духовной к-ріи, тутъ почему-то не нашли нужнымъ вспомнить о четырехъ обязательныхъ годахъ службы за воспитаніе.

Не берусь рѣшать, сколь много принесутъ пользы духовнымъ училищамъ эти способы удерживать наставниковъ; я лучше попрошу имѣющихъ власть въ духовномъ мірѣ обратить вниманіе на одинъ эпизодъ, случившійся во время празднованія юбилея въ м. д. академіи. Обѣдъ по этому

торжественному случаю происходилъ въ четырехъ комнатахъ и между прочимъ въ академической конференцъ-залѣ. Когда всѣ почти гости уже заняли здѣсь свои мѣста, — вошолъ въ залу свѣтскій человѣкъ солидныхъ лѣтъ, съ длинною бородою, въ которой проглядывали сѣдые волосы, и съ орденомъ Станислава въ петлицѣ. Это, какъ послѣ узнали, былъ профессоръ служившій съ отличіемъ въ одной семинаріи болѣе 17 лѣтъ, но ничего не получившій за свою педагогическую дѣятельность, кромѣ благословеній синода, и потому наконецъ рѣшившійся въ 1863 году поступить въ акцизные чиновники. Академическіе товарищи, увидавши его, начали говорить: «э! бѣглецъ! убѣжалъ отъ насъ! Зачѣмъ сдѣлалъ? Оставался бы на службѣ при семинаріи и пр.» Чиновникъ, сѣвши за столъ, очень ловко отшучивался отъ всѣхъ этихъ нападковъ. Тогда одинъ изъ нападавшихъ, обративъ вниманіе на орденъ Станислава, сказалъ: «а!.... это за что ты получилъ?» За бѣгство, отвѣчалъ чиновникъ. «Какъ за бѣгство?» его спросили. «Да именно за бѣгство, онъ повторилъ. Вотъ извольте видѣть: я въ семинаріи служилъ 17 лѣтъ при 900 рубляхъ асс. жалованья и не получилъ никакихъ наградъ. А вотъ послужилъ я только годъ акцизнымъ чиновникомъ при жалованьѣ во 1500 руб. и со двухпроцентными до 3000 руб., и мнѣ уже дали орденъ. Помилуйте, какъ же мнѣ не сказать, что я получилъ орденъ за бѣгство? Не убѣги изъ семинаріи, я бы и теперь и на будущее время оставался бы при 900 рубл. асс. и не получалъ никакой награды.» Разговоръ былъ веденъ громко; его слушали и слышали всѣ присутствовавшіе въ залѣ. Чиновникъ продолжалъ: «что́ тамъ у васъ читали въ залѣ? Вотъ бы надобно было поговорить, отчего это всѣ профессоры бѣгутъ изъ семинарій. А то что тамъ перебивать разный вздоръ.» Тогда одинъ протоіерей, сидѣвшій на другомъ столѣ, депутатъ отъ одного изъ университетовъ, сказалъ: «да что же дѣлать? это всѣ знаютъ, да средствъ нѣтъ.» «Полно-те, перебилъ его чиновникъ, — средства есть, а не хотятъ только употребить ихъ на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній. Одни священники отъ свѣчныхъ доходовъ много бы доставили.» Спасибо г. чиновнику за то, что онъ такъ смѣло на торжественномъ обѣдѣ высказалъ настоящую причину бѣгства профессоровъ и притомъ самыхъ дѣльныхъ изъ семинарій. Не репрессивными мѣрами, какъ это нынѣ дѣлаютъ, ихъ нужно удерживать; они останутся, но дурно станутъ преподавать. Улучши ихъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда

они сами употребятъ всѣ усилія, чтобы остаться въ семинаріяхъ и съ достоинствомъ занимать свои кафедры. Вотъ что нужно!

Отдѣлъ 34ый.

О преподаваніи свѣтскихъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Разъясненныя въ предъидущемъ отдѣлѣ обстоятельства достаточны для того, что бы учебная часть въ духовныхъ училищахъ находилась въ дурномъ положеніи. Но она ухудшается еще отъ того взгляда, который имѣютъ начальствующіе въ семинаріяхъ, академіяхъ и проч. на науки, особенно свѣтскія, — отъ того настроенія, которое насильственно хотятъ имъ дать, — даже отъ той заботливости, съ которою намѣренно стараются о томъ, что бы онѣ дурно преподавались, или что бы ими ученики не занимались. Какъ ни странными кажутся эти мысли, особенно послѣдняя, но я постараюсь въ этомъ отдѣлѣ разъяснить ихъ. Начну съ естественныхъ наукъ.

Часть первая.

О преподаваніи естественныхъ, математическихъ, физическихъ и историческихъ наукъ.

Естественныя науки были введены въ семинарскій курсъ въ 1840 году въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, приспособленныхъ преимущественно къ тому, что бы ученики могли познакомиться съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Въ зоологіи напр. говорилось преимущественно о домашнихъ животныхъ, въ ботаникѣ о нашихъ плодовитыхъ деревьяхъ, хлѣбныхъ растеніяхъ и проч. Учителя изъ семинаристовъ были приготовлены въ горыгорѣцкомъ институтѣ, вышли

оттуда съ обширными свѣдѣніями, съ замѣчательнымъ усердіемъ къ возложенному на нихъ дѣлу. Духовно-учебное управленіе обращало вниманіе на преподаваніе естественныхъ наукъ. Не одинъ разъ Об. Пр-ръ въ своихъ отчотахъ (напр. за 1850 и 1851 г.) упоминалъ отдѣльно о числѣ обучавшихся этимъ наукамъ. Во многихъ семинаріяхъ заведены даже кабинеты, напр. по отчоту Об. Пр-ра за 1850 г. (стр. 62) гербаріевъ было въ 27, собраній минераловъ въ 20, коллекцій насѣкомыхъ въ 7 семинаріяхъ. Сами почтенные начальники семинарій *на первыхъ порахъ* немножко было порастерялись и даже подъ вліяніемъ подтвержденій изъ духовно-учебнаго управленія внушали ученикамъ заниматься новыми науками. Но вскорѣ началась реакція. Учителя преподавали; но начальники выказали полное невниманіе и даже презрѣніе и къ нимъ, и къ ихъ предметамъ. Такъ когда одинъ изъ наставниковъ, желая поощрить учениковъ къ занятію по его наукѣ, сталъ просить ректора обратить вниманіе на тѣхъ, которые особенно хорошо ею занимались: то почтенный о ректоръ сказалъ: *вотъ еще важное дѣло — велика нужда заниматься вашимъ навозомъ и обращать на него вниманіе.* Ученики, р-ся, скоро замѣтили это и мало по малу перестали ходить въ классъ. Во многихъ семинаріяхъ наставники естественной исторіи и сельскаго хозяйства старались заводить очередь между своими слушателями; обязывая человѣка по два, или по три приходить въ классъ и хоть какъ нибудь приготовлять урокъ; но и очередные не всегда являлись, и еще рѣже приготовляли уроки. Потомъ высшее духовное начальство стало предписывать, чтобы естественныя науки преподавались какъ можно короче. Поводомъ къ этому, какъ говорили было опасеніе, чтобы эти науки, говоря о коровахъ, лошадяхъ, грѣчихѣ, просѣ, яблоняхъ, огурцахъ и т. п, не распространили въ семинаріяхъ матеріализма. Наконецъ новый уставъ семинарій предполагаетъ совершенно исключить изъ семинарской программы не только естественную исторію, но и сельское хозяйство, а кстати уже и народную медицину, которая тоже не пользовалась народностію въ семинаріяхъ; и если преподаватели ея не подвергались насмѣшкамъ и презрѣнію; то это п. ч. къ нимъ, какъ врачамъ, надобно было обращаться самимъ начальникамъ семинарій; человѣка, отъ котораго зависитъ жизнь, по неволѣ уважишь, хотя бы онъ преподавалъ медицину.

Математическія науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ пользуются едва ли не меньшимъ уваженіемъ, нежели есте-

ственныя, не смотря на то, что онѣ уже болѣе 50 лѣтъ въ нихъ преподаются. Конечно между нашими духовными лицами даже монашескаго чина, м. б., нѣтъ людей, которые согласны были бы съ знаменитымъ противникомъ Полагія-Агустиномъ, что *Mathematica est inventum diabolicum; ergo mathematici sunt spernendi* (математика есть изобрѣтеніе дьявола, поэтому математиковъ слѣдуетъ презирать). Но зато многіе изъ нихъ положительно убѣждены не только въ безполезности, но даже во вредѣ математическихъ наукъ для духовнаго юношества, для нашихъ пастырей и архипастырей. Когда покойный профессоръ С. п. бургской духовной академіи Райковскій въ 1827 представилъ свою элементарную геометрію архіепископу Филарету, бывшему послѣ Кіевскимъ митрополитомъ, то былъ принятъ имъ съ негодованіемъ. Знаменитый архипастырь даже прямо сказалъ, что математика вообще ведетъ къ безбожію, и потому просплъ Райковскаго, что бы онъ всячески старался преподавать ее, какъ можно хуже. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но немного измѣнилось мнѣніе духовныхъ особъ о математикѣ. И хотя они, говоря о премудрости Божіей доказываютъ, что въ устройствѣ міра вездѣ видны вѣсъ, число и мѣра, но м. т. б. ч. презираютъ единственную науку, которая учитъ исчисленію, а кстати уже и тѣхъ, которые преподаютъ ее. Такъ напр. въ 1860 году одинъ профессоръ П-ской семинаріи былъ аттестованъ неблагонадежнымъ въ послужныхъ спискахъ. На сдѣланный по этому случаю запросъ академическаго правленія о томъ, можно ли неблагонадежнаго наставника оставить на службѣ, семинарское начальство отвѣчало: *можно*, притомъ п. ч. *предметъ, имъ преподаваемый, не важенъ*, вслѣдствіе этого наставникъ былъ по прежнему оставленъ на должности, значитъ по мнѣнію и семинарскаго и академическаго начальства наставниками математики могутъ быть и неблагонадежные люди. А вотъ и еще примѣръ, какъ думаютъ о этихъ наставникахъ высшіе начальники семинарій. Одинъ изъ нихъ подъ именемъ Евгенія Бороды описанъ въ дневникѣ темнаго человѣкъ въ N. 5 Русс. Сл. 1864 г. (стр. 116). «Въ заведеніи его (Евгенія Бороды) математика подвигается плохо. Евгеній Борода науку эту почему-то сильно не одобряетъ. Поэтому постоянная смѣна учителей. Прислали одного. Пробылъ онъ нѣсколько времени, наконецъ случилась ему надобность отпускъ взять. Не пуститъ, думаетъ онъ, меня Борода. — Подаетъ впрочемъ просьбу. — А по какому онъ предмету? Справляется Евгеній Борода. — По математикѣ, — ему отвѣчаютъ. — А хоть бы его и совсѣмъ

не было! Пусть убирается, куда хочетъ, изрекъ Евгеній Борода.

При такомъ уваженіи духовно-училищнаго начальства къ математикѣ и къ преподавателямъ ея, не удивительно, что ученики ею вовсе не занимаются. Положительно извѣстно, что многіе оканчиваютъ курсъ семинаріи и поступаютъ въ академію, не зная хорошенько даже первой части ариѳметики; что многіе магистры и кандидаты академіи не имѣютъ яснаго понятія о простыхъ дробяхъ; что же касается до десятичныхъ и особенно періодическихъ дробей; до извлеченія квадратнаго и кубическаго корней, то это имъ вполнѣ *terra incognita*. Объ алгебрѣ и геометріи нечего и говорить. Ими занимаются б. ч. только тѣ ученики, которые или имѣютъ къ нимъ расположеніе, или думаютъ поступить въ свѣтскія высшія училища. Но и въ этомъ случаѣ часто рискуютъ Заслужить неблаговоленіе своего начальства. Бѣда, если оно казеннокоштнаго ученика застанетъ въ комнатѣ за алгеброю, или геометріею. «Что это ты дѣлаешь? скажутъ ему. Развѣ у тебя нѣтъ дѣла получше? Брось эту дрянь.» Въ 1864 г. инспекторъ одной семинаріи увидѣлъ, что ученикъ высшаго отдѣленія подъ библіею припряталъ алгебру, которою занимался. Ученикъ былъ отличный и притомъ старшій; бранить его при всѣхъ не нашли удобнымъ, но призвали къ себѣ въ комнату и тамъ порядкомъ попамылили голову. Ученикъ доказывалъ, что вѣдь алгебра преподается въ семинаріяхъ, такъ онъ не видитъ причинъ, по которымъ бы ему нельзя было ею заниматься; но его не только не простили, но донесли ректору. Этотъ уже, призвавъ къ себѣ ученика, разругалъ его, какъ нельзя хуже, и даже доказывалъ что онъ *негодный, погибшій человѣкъ*.

Презрѣніе свое къ математикѣ семинарскіе начальники не умѣютъ скрывать даже въ публичныхъ собраніяхъ. Экзамены по ней производятся самымъ небрежнымъ образомъ и б. ч. людьми, иногда не знающими различія между плюсомъ и минусомъ. Сановитые экзаменаторы смотрятъ или съ сожалѣніемъ, или съ саркастическою улыбкою на людей, пищущихъ на доскѣ латинскія буквы съ какими-то кабалистическими знаками; имъ к-ся страннымъ, какъ подобную, по ихъ мнѣнію, чепуху съ воодушевленіемъ писать; — вздоръ — все равно вздоръ, какъ ни пиши его; особенно посмѣиваются надъ профессоромъ, который вздумаетъ тутъ погорячиться, встанетъ съ мѣста, возьметъ самъ мѣлъ въ руку, стираетъ плюсъ, поставитъ минусъ и пр.; такъ и помираютъ со смѣху. Но иногда рѣшаются и сами пустить въ ходъ

свое собственное начальническое остроуміе «скажи ты пожалуйста, обращаются къ ученику съ вопросомъ: что ты намъ морочишь? Ну возможно ли, что бы $a + b$ равны были x? Ну попробуй самъ, какъ ты сдѣлаешь изъ первыхъ двухъ буквъ послѣднюю; — ха, ха, ха.» Или еще: «ну что ты говоришь, будто бы минусъ, умноженный на минусъ, даетъ плюсъ. Вѣдь ты самъ сказалъ, что минусомъ означаютъ долги, а плюсомъ дѣйствительное имѣніе; скажи же, какимъ образомъ долги, помноженные на долги, дадутъ имѣніе? Вѣдь если бы это было правда, тогда бы всѣмъ надобно только умножать свои долги; и всѣ бы сдѣлались богачами; — ха, ха, ха!» И р-ся найдется много вистующихъ этому смѣху.

Но съ другой стороны и ученики, зная, что почтенный экзаменаторъ ничего не смыслитъ въ математикѣ, нисколько не церемонятся.» Поэтому, какъ говоритъ авторъ книги: о у. д. у (т. 1 стр. 456) при отвѣтахъ «плюсы и минусы a, b, c, ab, abc, $ab + bc$ и проч., квадраты, корни, логариѳмы и проч. перемѣшиваются между собою въ такомъ порядкѣ, что ни Ньютонъ, ни Эйлеръ, ни Пуассонъ, ни Остроградскій никогда не изобрѣтали тѣхъ формулъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются математическія задачи на экзаменахъ семинарскихъ.» Тутъ иногда серьезно доказываютъ, что дважды два въ ариѳметикѣ равны четыремъ, а въ алгебрѣ шести; и почтенный экзаменаторъ киваетъ въ удивленіи своею головою, но въ споръ вступить не смѣетъ. Вѣдь кто знаетъ? М. б. и дѣйствительно въ алгебрѣ $2 \times 2 = 6$. Или вотъ другой примѣръ изъ Ливанова, — романа, напечатаннаго въ N. 5 Русс. Сл. за 1864 г. стр. 31—32. Ученику предлагается непзбѣжный на каждомъ экзаменѣ вопросъ: «какъ это, съ чего это умноженные минусъ да минусъ даютъ плюсъ? Ученикъ отвѣчаетъ; что два умноженныхъ минуса составляютъ плюсъ, мы это сейчасъ докажемъ примѣромъ. Онъ запоситъ руку съ мѣломъ, какъ можно выше, безъ милосердія стучитъ имъ по доскѣ, громогласно перекликаетъ всѣ буквы изъ латинской азбуки по очереди: a минусъ, b минусъ, c плюсъ, d плюсъ.... Что ты городишь, шепчетъ не привычный къ дѣлу учитель, стоя у доски возлѣ ученика. Но ученикъ невозмутимо продолжаетъ кричать и писать далѣе латинскія буквы, знаки умноженія, знаки дѣленія, пробуетъ ставить по одной буквѣ, по двѣ, по три, по пяти буквъ въ рядъ безъ всякихъ знаковъ, захватываетъ къ числу ихъ какъ-то невзначай на встрѣчу попавшійся русскій фертъ, становитъ въ заключеніе знакъ равенства, за нимъ двѣ точки восклицаетъ: *что и требовалось доказать;* кладетъ мѣлъ и заячью лапку на та-

буретъ и лѣзетъ въ карманъ за платкомъ, что бы обтереть забѣленныя руки.» Или (стр. 33): «что такое линія вертикальная? спрашиваетъ экзаменаторъ. Ученикъ въ затрудненіи, посматриваетъ то на экзаменатора, то на учителя, незнаетъ, что говорить, наконецъ поднимаетъ нѣсколько правую руку предъ собой, четыре пальца сжимаетъ въ кулакъ и пятымъ указательнымъ показывая на носокъ своего сапога, говоритъ: — вотъ. — Видно, что имѣетъ понятіе, говоритъ экзаменаторъ, а учитель, поклонившись экзаменатору въ знакъ согласія, велитъ ученику читать дальше.»

Не только въ концѣ прошедшаго, но и въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ семинаріяхъ почти ничего не знали о тѣхъ открытіяхъ, которыми постоянно обогащались физики. Имена не только Отто Герике, Румкорфа, Франклина, Симмера, но даже Галвани, Вольты, Деви и проч. были не извѣстны семинаристамъ. Не думайте, что бы физика не входила въ тогдашнюю программу семинарскаго образованія; ей обучали всѣхъ учениковъ философіи, но только по учебнику Баумейстера; — не посредствомъ опытовъ и наблюденій, а при помощи схоластическихъ дефиницій, позиціи, диспутовъ, чрезъ *affirmo, nego, distinguo, extrinsice, intrinscice* и проч. Въ этой физикѣ не было ни слова ни объ электрической машинѣ, ни о воздушномъ насосѣ, ни о вольтовомъ столбѣ. Но во вновь открытой въ 1809 году С. п. бургской духовной академіи о физикѣ Баумейстера нельзя было думать; понадобилось ознакомить студентовъ съ физикою эмпирическою. Съ окончаніемъ перваго курса С. п. бургской духовной академіи физику отчислили отъ философіи и отдали профессору математики. К-ся, это обстоятельство должно было бы благопріятствовать ей, но вышло напротивъ. Пока она преподавалась по Баумейстеру, ея позиціи и дефиниціи считались необходимыми для семинарскаго образованія. Но когда она поставлена была на настоящую дорогу, то подпала остракизму семинарскихъ властей, отъ котораго и до сихъ поръ еще не можетъ освободиться по мѣстамъ. Главное ея несчастіе состоитъ въ томъ, что ее соединили съ математическими науками. Вѣдь если математика безполезна и даже есть *inventum diabolicum*, то чего ожидать и отъ физики, которую преподаетъ профессоръ математики? Математика принадлежитъ къ третьестепеннымъ предметамъ; ею не зачѣмъ заниматься; зачѣмъ же давать привилегіи физикѣ наукѣ съ нею соединенной? Пусть и ей учатъ какъ нибудь для вида; пусть и ею не занимаются. Потомъ настоящіе семинарскіе ученые, пропитанные схоластическими бреднями, ло-

гическими отвлеченностями, до сихъ поръ еще не могутъ понять, что міръ Божій открываетъ свои тайны только тѣмъ, которые изучаютъ его при помощи опытовъ, наблюденій, индукціи, аналогіи, математическихъ формулъ и вычисленій; коренной, т. с., *правовѣрный* семинаристъ увѣренъ и нынѣ, что законы природы отыскиваются *a priori, per conclusionem et seriem conclusionum*, что, лежа на диванѣ, можно додуматься до электро-магнитныхъ и магнито-электрическихъ явленій, до законовъ тяготѣнія и пр. И потому онъ смотритъ съ пренебреженіемъ на профессора физики, который въ своемъ кабинетѣ у инструментовъ добивается разрѣшенія задачъ, относящихся къ естествовѣдѣнію; для кореннаго семинариста опыты, даже тѣ, которые объясняютъ амперову теорію электромагнитныхъ явленій и поляризацію свѣта, не что иное, какъ игрушки, придуманныя для забавы дѣтей. Жалко бываетъ смотрѣть, когда къ публичному испытанію, на которомъ предсѣдательствуетъ какой либо коренной, но магнатный семинаристъ, приготовлены физическіе опыты. Профессоръ долго думалъ, какъ бы ученымъ семинарскимъ *не только головамъ, но и главамъ* показать, что физика даетъ возможность проникать въ тайны природы; для этого выбираетъ лучшій и болѣе современный отдѣлъ ея, долго и самъ готовится и воспитанниковъ приготовляетъ къ экзамену. Вотъ онъ и начался; профессоръ и ученики ведутъ дѣло хорошо, опыты удаются; ну, к-ся, удивили. А м. т. какая либо сѣдая борода съ презрѣніемъ смотритъ на эти, по его мнѣнію, дѣтскія игрушки; и иногда въ знакъ своего благоволенія, проговоритъ: «ну, спасибо, позабавилъ ты насъ, славныя у тебя штуки.» Но верхомъ наслажденія для магнатныхъ и немагнатныхъ коренныхъ семинаристовъ бываетъ тотъ экзаменъ, когда по чему либо опыты не удадутся, тутъ безъ всякой деликатности, безъ всякаго знанія дѣла смѣются и надъ профессоромъ, и надъ наукою; и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищаются своимъ невѣжествомъ. Наконецъ далеко еще не во всѣхъ семинаріяхъ есть физическіе кабинеты; и профессоръ физики знакомитъ учениковъ съ инструментами и опытами посредствомъ черченія первыхъ мѣломъ на доскѣ и указаніемъ при помощи пальцевъ, какъ изъ той или другой части рисунка должна выскочить искра, вылиться жидкость и т. п. А частенько гг. профессоры не умѣютъ, или не хотятъ пользоваться инструментами, они ихъ берегутъ въ кабинетѣ и показываютъ ученикамъ развѣ издали, а иногда сообщаютъ только къ свѣдѣнію, что у нихъ есть такой то инструментъ.

При такомъ положеніи дѣлъ преподаваніе физики въ семинаріяхъ очень неудовлетворительно. Ученики почти ничего не выносятъ изъ школы, чѣмъ бы они могли руководствоваться при объясненіи даже обыкновенныхъ метеорологическихъ явленій; повѣрьте, что и нынѣ въ д-вѣ встрѣтите еще не старыхъ людей, которые пожалуй, повѣрятъ Ефрему Сирину что «бисеръ происходитъ отъ сраствореніа молніи и воды (14 т. твор. Св. Отц. стр. 61),» и непремѣнно улыбнутся, когда вы станете объяснять громъ и молнію экелтричествомъ. Но съ другой стороны нельзя не сказать, что *новшества* проникли въ семинаріи. Такія новшества начались едва ли не съ кіевской академіи, куда еще во время ректорства Иннокентія въ началѣ тридцатыхъ годовъ выписанъ былъ богатый физическій кабинетъ; этому примѣру послѣдовали послѣ петербургская, а затѣмъ московская и казанская академіи. Во всѣхъ академіяхъ уже давно читаютъ хорошо и физику и математику; между студентами есть много охотниковъ ими заниматься. И такъ какъ около 20 лѣтъ физико-математическія науки были преподаваемы всѣмъ безъ исключенія студентамъ академіи, то теперь есть и ректора и архіереи, которые знаютъ эти науки и даже покровительствуютъ имъ; только такихъ очень еще немного; а для большинства духовно-училищныхъ властей эти науки составляютъ нелюбимый, даже достойный презрѣнія и гоненія предметъ, и огромная масса семинаристовъ старыхъ и нынѣшнихъ временъ съ ними вовсе незнакомы.

Хотя исторію ни одинъ изъ Отцовъ Церкви не назвалъ подобно математикѣ дьявольскимъ изобрѣтеніемъ, впрочемъ справедливо говорится въ N. 7 От. Зап. 1862 г. (стр. 258), что въ семинаріяхъ «учебные годы (идутъ) на изученіе подробной исторіи церковной утвари и облаченій; исторія же человѣчества постоянно (остается) на второмъ планѣ,» и не пользуется уваженіемъ семинарскаго начальства; учись ей мальчикъ, или не учись — это на его учебную карьеру не будетъ имѣть большаго вліянія. Если семинаристы больше занимаются исторіею, нежели математикою, то единственно п. ч. учить уроки изъ первой легче, нежели изъ послѣдней. Различны причины такой невнимательности къ интересной и вмѣстѣ очень простой наукѣ. Прежде всего она преподается въ низшемъ отдѣленіи; профессоръ ея занимаетъ, к-ся, въ семинарской табели о рангахъ, послѣднее мѣсто. Зачѣмъ же заниматься самымъ послѣднимъ предметомъ? Потомъ на преподаваніе исторіи отдѣляется въ низшемъ отдѣленіи только два класса въ недѣлю; при такомъ условіи дѣльно прочитать

всю всемірную исторію въ два учебныхъ года невозможно. Поэтому профессоръ задаетъ, а ученики заучиваютъ одни уроки. На лекціяхъ прибавокъ къ учебнику не бываетъ, книгъ историческихъ нѣтъ. Вотъ и ограничивается дѣло только однимъ зазубриваніемъ учебника. Зазубрили его, и то не всегда хорошо, къ экзамену, потомъ тотчасъ же забыли и выходятъ изъ семинаріи рѣшительно почти безъ всякихъ свѣдѣній въ исторіи.

Дурному преподаванію исторіи, математики и физики много способствовалъ обычай раздѣлять студентовъ академіи низшаго отдѣленія на двѣ партіи, одна изъ нихъ учится исторіи, а другая математикѣ. Обычай этотъ прекратился было въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, но теперь вновь возстановленъ съ немногими измѣненіями. Отъ него происходитъ, что еще въ академіи существуютъ именно двѣ партіи: историковъ и математиковъ; и каждая, р-ся, считаетъ обязанностію ставить себя выше другой и питать презрѣніе къ той наукѣ, которою не занимается. Это предубѣжденіе во многихъ головахъ остается и по окончаніи академическаго курса; по, к. м., одна часть студентовъ выходитъ безъ знанія исторіи, а другая безъ знанія математики. Лица той и другой партіи дѣлаются ректорами. Каждое изъ нихъ не можетъ даже на экзаменахъ слѣдить за успѣхами той или другой науки; и потомъ не прочь и выразить презрѣніе къ той, которою оно не занималось въ академіи. Впрочемъ надобно правду сказать, что начальники семинарій, знающіе математику, м. б. ставятъ иногда ее выше, исторіи, но почти никогда не унижаютъ послѣдней, не считаютъ занятіе ею не нужнымъ. Тогда какъ историки почти вездѣ безъ исключенія съ гордымъ презрѣніемъ относятся къ математикѣ.

Наконецъ нужно прибавить, что французскій и нѣмецкій языки въ семинаріяхъ нынѣ въ совершенномъ упадкѣ послѣ того, какъ съ 1840 года сдѣлали ихъ предметами произвольнаго выбора; ученики ими вовсе не занимаются.

Часть вторая.

О преподаваніи философіи и словесности.

Между науками не богословскаго содержанія есть двѣ, къ которымъ духовно-училищное начальство выказываетъ

свое расположеніе, и которыя оно поставило на первое мѣсто въ среднемъ и низшемъ отдѣленіяхъ семинаріи. Первая изъ нихъ есть философія.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы соминарскія философы, воспользовавшись всѣми свѣдѣніями, которыя доставляетъ современная наука о вселенной, о человѣкѣ и исторіи его, изложили тотъ взглядъ, который въ настоящее время можно имѣть на все вообще мірозданіе; если бы они указали на то, въ чѣмъ научныя изслѣдованія расходятся съ принятыми религіозными требованіями, — и на способы примирить это несогласіе, если бы съ одной стороны сдѣлали бы уступку наукѣ тамъ, гдѣ она неопровержима, а съ другой обнаружили излишнюю ея притязательность, когда онъ забываетъ нравственно-религіозныя потребности наши; если бы они во всемъ этомъ высказывали умѣренность, уваженіе къ уму, безпритязательность на собственную непогрѣшимость, снисходительность къ мнѣніямъ другихъ, — тогда бы ихъ философія заслужила общее уваженіе. Но семинарская философія началась во времени схоластики, когда умъ, стѣсняемый всемогущимъ католицизмомъ, принужденъ былъ во всемъ подчиняться богословскимъ тенденціямъ, подслуживаться къ нимъ своимъ остроуміемъ и діалектическими тонкостями, или желая высказать какія либо новыя мысли, несогласныя съ оффиціальными богословскими мнѣніями, — прикрывать ихъ темными словами, что бы философы не попадали въ инквизицію, подобно Галилею, или на костеръ, подобно Бруно. Это была философія отвлеченностей, раздѣленій, логическихъ тонкостей, схоластическихъ формъ и пр. Подъ вліяніемъ іезуитовъ она являлась даже въ видѣ системы довольно благоприличнаго вида; главная ея цѣль была доказать, какъ говорили тогда и говорятъ нынѣ, отъ ума то, что доказывается въ богословіи текстами. Система эта съ запада перешла къ намъ чрезъ Кіевъ и явилась преимущественно въ духѣ и формѣ волфіевой школы, послѣдователи которой Баумейстеръ и Винклеръ были оффиціальными учебниками въ семинаріяхъ до сороковыхъ годовъ. Не говорю, что бы нашимъ семинарскимъ философамъ были неизвѣстны Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель и пр.; многіе изъ нихъ читали ихъ сочиненія, усвоивали мысли, на словахъ въ классѣ, особенно въ академіяхъ даже высказывали, но въ лекціи вносили только то, что могло служить дополненіемъ, или разъясненіемъ казенной т. с-ть, философіи. Т. о. всѣ вновь выходящія логики, психологіи и пр. были видоизмѣненныя копіи какой-то общей семинарской философіи, которой

автора и не отыщешь; а она, подобна народнымъ легендамъ, составлялась цѣлымъ рядомъ философствовавшихъ поколѣній. Вотъ какъ современникъ въ N. 8 за 1861 г. говоритъ на 300 и 305 стр.: «интересно бы знать, по какому праву г. Корощевъ присвоилъ себѣ руководство къ логикѣ, и что чувствовала его совѣсть, когда онъ выставлялъ на немъ свое имя? Вѣдь это все равно, что если бы г. Буслаевъ напр. повѣсти о Горѣ-злосчастіи назвалъ своимъ произведеніемъ. Руководство г. Коропцева это буквально перепечатанныя семинарскія записки, существующія съ незапамятныхъ временъ.... Оно во многихъ мѣстахъ буквально сагласно съ логикой г. Гошкевича; и послѣдній напечаталъ логику не свою, а заимствованную тоже. Г. Поморцевъ свидѣтельствуетъ, что на г. Гошкевича обращать вниманія не слѣдуетъ, п. ч. онъ почти буквально выписываетъ изъ записокъ, существующихъ въ Кіевской духовной академіи. Самъ г. Поморцевъ выписывалъ изъ этихъ записокъ и совершенно, хотя и не буквально, сходится съ г. Коропцевымъ. Записки кіевской академіи выписывали изъ другихъ записокъ; эти еще изъ какихъ нибудь и т. д.; такъ что добраться до первоначальнаго источника нѣтъ никакой возможности, такого источника и не было; творецъ семинарской логики не существовалъ никогда, какъ лицо; она не имѣетъ отца, не знаетъ и не помнитъ родства; она составилась коллективно, сложилась такъ, какъ слагаются народныя сказки, пѣсни, думы, поговорки и пр. Гг. Гошкевичъ, Копорцевъ, Поморцевъ (и прочіе философы семинарій) тутъ ничего не значитъ; они просто только собиратели и издатели логическихъ сказокъ и думъ, сложившихся въ семинаріяхъ.»

Самое содержаніе частей философіи не можетъ завлечь учениковъ. «Что касается до психологіи, говорится въ N. 3 Совр. 1862 г. (стр. 285), то она безполезна, или вредна въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ теперь въ семинаріяхъ. Кто не знаетъ напр., что у человѣка есть дума, мысль, память, воображеніе, характеръ, страсть, возрастъ, темпераментъ?... А м. т. психологія семинарская въ томъ только и заключается, что исчисляетъ способности и качества души. Вы думаете, она даетъ познанія о томъ, что такое *душа* и ея *жизнь?* Нѣтъ, она даетъ одни только формальныя и голословныя опредѣленія души и особенно ея безсмертія. Зачѣмъ писать науку о томъ, что знать нельзя и во что можно только вѣрить? Или и образъ мыслей долженъ быть заученнымъ, взятымъ на прокатъ въ школѣ?»

Не слишкомъ лестный отзывъ дѣлаютъ и о всей вообще

философіи, преподававшейся и преподаваемой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. «Возьмемъ, говоритъ авторъ книги о. с. д., философію. Смѣшно и горько видѣть, что́ и какъ преподается въ семинаріяхъ подъ этимъ громкимъ названіемъ. Не заставляютъ учениковъ путемъ собственнаго мышленія искать истину; нѣтъ, а заставляютъ учить какую нибудь нелѣпѣйшую компиляцію изъ *quasi* философовъ 17 и 18 в. в., компиляцію, сдѣланную безъ толку, безъ смысла, изъ десяти разныхъ авторовъ, безконечно различныхъ между собою, какимъ нибудь самодѣльнымъ философомъ профессоромъ. И бьются несчастные ученики надъ изученіемъ этой безтолковой и безцѣльной мудрости; заучивъ бойко, отвѣчаютъ и на экзаменахъ; а въ существѣ дѣла не въ состояніи дать себѣ отчота, что́ это они дѣлаютъ и для чего. Не вдумывался онъ (ученикъ) самъ ни во что; п. ч. его заставляли учить и учить; учить букву, а не смыслъ, до того, что если онъ въ отвѣтѣ одну букву замѣнялъ другою равносильною, то профессоръ съ тетрадкою въ рукѣ сейчасъже останавливалъ его и приказывалъ отвѣчать какъ написано. И ничто не оставалось въ головѣ его; и на всю эту науку, даже среди самого курса ея онъ смотрѣлъ, какъ на что-то темное, непроницаемое, гдѣ нѣтъ божьяго свѣта (стр. 34—35).»

Въ подтвержденіе этой темноты и непроницаемости я разскажу событіе, происходившее не очень давно въ одной изъ духовныхъ академій. Въ ней сдѣлалось вакантнымъ мѣсто ординарнаго профессора философіи; достойнымъ претендантомъ на него былъ баккалавръ, уже нѣсколько лѣтъ преподававшій систему философіи. Но ректору почему-то хотѣлось предоставить мѣсто другому кандидату; началась молчаливая тяжба между начальникомъ и подчиненнымъ. Баккалавръ философіи къ публичному экзамену изъ всей своей системы выбралъ самый лучшій по его понятію отрывокъ, который бы показалъ публикѣ и начальству, какъ его философія ведетъ прямо къ религіи. На экзаменѣ присутствовали два іерарха, одинъ начальникъ академіи, а другой знаменитѣйшій архипастырь. Дошла очередь до философіи; оба іерарха знали о профессорской вакансіи и естественно обратили вниманіе на философствованіе претенданта-профессора. Отвѣтилъ студентъ, другой, третій; — лекціи еще къ бѣдѣ были на латинскомъ языкѣ: изъ всего выходила *темна вода во облацѣхъ воздушныхъ*. Тогда іерархъ-начальникъ не вытерпѣлъ и, обратившись къ сосѣду своему-другому іерарху, сказалъ; «*у насъ въ Смоленскѣ это называли въ старину-*

ермолафіей.» Но послѣдній іерархъ рѣшился выручить изъ бѣды философа; началъ ему дѣлать вопросы, получать отвѣты, хотя и не очень ясные, но въ которыхъ разсыпались слова религія, вѣра, Творецъ и пр. Послушавши нѣсколько, іерархъ сказалъ: «а, значитъ ваша философія ведетъ все къ религіи.» Такъ точно, отвѣчалъ профессоръ. «Прекрасно, заговорилъ вновь іерархъ; вотъ этого-то и ожидаемъ мы отъ философіи.» Р-ся, философъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Ректоръ хоть и слышалъ *ермолафію*, но не посмѣлъ возставать противъ философіи, ведущей къ религіи. Вы, свѣтскіе философы и люди, не смѣйтесь надъ тѣми профессорами семинарій и даже академій, которыхъ системы называются *ермолафіями.* Что имъ дѣлать, когда они не могутъ ничего другаго читать, кромѣ *ермолафій?* Въ противномъ случаѣ имъ грозитъ неизбѣжная отставка, или другая какая либо чувствительная непріятность.

Вторая изъ не богословскихъ наукъ, которой предоставлены въ семинаріяхъ права главныхъ предметовъ, есть словесность. Это вполнѣ справедливо. Священнику нужно быть учителемъ не только простаго народа, но и высшихъ образованныхъ классовъ, объяснять не одни правила для обыденной жизни, но и возвышенныя истины религіи и нравственности, говорить не одному кому нибудь, а предъ собраніемъ изъ сотенъ, а иногда изъ тысячъ людей, сражаться словомъ съ неправомыслящими врагами не только православія, но и христіанства и даже вообще религіи, разрѣшать недоумѣнія, побѣждать упорство, смягчать жестокосердіе; — однимъ словомъ ему надобно пріобрѣсть способность излагать свои мысли самымъ яснымъ, отчотливымъ и увлекательнымъ образомъ. Въ этомъ случаѣ священники должны бы брать себѣ образцами пророковъ, Іисуса Христа, апостоловъ Его и св. отцовъ. Всѣ эти лица употребляли языкъ своихъ слушателей, говоря съ ними и никогда не изобрѣтали чего нибудь въ родѣ языка священнаго, назначеннаго исключительно для Слова божія. Пророки писали на еврейскомъ языкѣ, І. Христосъ, какъ полагаютъ, бесѣдовалъ на господствовавшемъ въ его время идіомѣ, апостолы проповѣдывали на туземныхъ языкахъ, для чего, по ученію богослововъ, и получили *даръ языковъ;* Златоустъ произносилъ свои громовыя проповѣди, приводилъ константинопольскій народъ въ восторгъ, а дворъ въ негодованіе, употребляя тогдашній греческій языкъ. Но наше духовно-училищное начальство никакъ не хочетъ разстаться съ тѣмъ искуственнымъ языкомъ, который выдуманъ и поддерживается отъ превратнаго пони-

манія и религіи, и филологіи, и народной жизни. Что же это за языкъ?

Въ старое время на западѣ Европы латинскій языкъ былъ господствующимъ въ школахъ, въ образованныхъ классахъ, при богослуженіи и при королевскихъ дворахъ. Тогда по неволѣ почти всѣ ученые учили и писали на латинскомъ языкѣ. Это обыкновеніе перешло чрезъ Кіевъ и въ наши духовно-учебныя заведенія, но едва ли и тогда не въ утрированномъ видѣ. Лекціи не только по философіи, но и по Православному Богословію и даже по словесности были писаны на латинскомъ языкѣ; и дѣти русскаго д-ва, будущіе наставники русскаго народа, учили эти лекціи и излагали свои мысли на классическомъ языкѣ. Когда въ началѣ двадцатыхъ годовъ многіе профессоры семинаріи рѣшились было составлять свои записки по словесности на русскомъ языкѣ, то въ 1825 году бывшая Коммиссія духовныхъ училищъ строжайше предписала читать словесность по знаменитому своею пустотою руководству Бургія, написанному на латинскомъ языкѣ и это продолжалось почти до сороковыхъ годовъ. При такомъ господствѣ латинства не удивительно, что наше д-во нѣсколькихъ поколѣній пріучалось въ классѣ читать, а иногда и слушать лекціи на латинскомъ языкѣ, писать сочиненія и даже почти думать на немъ же, усвоило себѣ его обороты и нашло нужнымъ перенести ихъ въ русскій языкъ, когда надобно было что либо написать на немъ, особенно что нибудь ученое, дѣловое, религіозное.

Но съ народомъ нельзя же бесѣдовать по латыни. Тутъ нуженъ русскій языкъ, или что нибудь въ родѣ его. Къ нашему несчастію при Владимірѣ не позаботились перевести библейскія и церковные книги на чистый русскій тогдашній языкъ, а воспользовались тѣмъ переводомъ ихъ, который сдѣланъ былъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, одни говорятъ, на болгарскій, другіе на сербскій, третіи на какойто первобытный славянскій языкъ. И. Тургеневъ во 2 т. на стр. 24 справедливо говоритъ объ этомъ переводѣ: «греческіе миссіонеры, переводчики Св. Писанія насиловали (contraignirent) славянскій языкъ по необходимости бѣдный, для того, чтобы передать — хорошо, или худо, выраженія, періоды и смыслъ подлинника. Они, если можно такъ выразиться, насильственно заставили варварскій языкъ подчиниться формамъ языка греческаго, не заботясь о томъ, получится ли чрезъ это правильный и точный переводъ. Отсюда произошли обороты и выраженія совершенно неизвѣстныя, которыхъ часто нельзя понять, не справляясь съ подлинниками.» Не смотря на это,

библейскія и церковныя книги, какъ первыя, т. е-ть, литературныя, или книжныя произведенія, послужили образцами для всѣхъ нашихъ старинныхъ книжниковъ и писателей. Къ этому особенно способствовало появившееся убѣжденіе что нашъ такъ называемый славянскій языкъ, на которомъ читаемъ библію, слушаемъ богослуженіе и молимся, есть въ нѣкоторомъ родѣ языкъ священный, или по к. м. самый пріятный для Бога. Напр. одинъ монахъ говоритъ: «по дьявольскому навожденію славянскій языкъ обмерзѣлъ многимъ; его не любятъ и хулятъ, но онъ есть *плодоноснѣйшій и любимѣйшій Богомъ языкъ человѣческій*.... Этотъ языкъ приводитъ къ Богу простымъ прилѣжнымъ чтеніемъ безъ всякихъ ухищреній; онъ созидаетъ въ насъ простоту и смиреніе (N. 1 или 2 Библ. для Чт. 1865 г. стр. 23. Отрыв. изъ Ист. Южн. Каз-ва). Такъ говорить старинному неучоному монаху простительно еще; но вотъ въ сороковыхъ уже годахъ нынѣшняго столѣтія ректоръ одной изъ духовныхъ академій хотѣлъ было дать студентамъ предложеніе о томъ, что самый переводъ библіи и церковныхъ книгъ на славянскій языкъ есть богодвдохновенный, и былъ удержанъ отъ этого нѣкоторыми наставниками. При такомъ вѣрованіи появилось и до сихъ поръ господствуетъ убѣжденіе у многихъ духовныхъ лицъ, что говорить и писать о божественныхъ предметахъ прилично только на церковно-славянскомъ языкѣ. И вотъ въ литературныя и ученыя произведенія нашихъ духовныхъ писателей, кромѣ латинскихъ оборотовъ, гуртомъ вошли славянскія выраженія и слова въ родѣ: *убо, абіе, сице, дондеже и проч.* и т. о. появился на свѣтъ языкъ, который можно назвать *латино-славяно-церковно-русскимъ*. Имъ никто не говоритъ объ общественныхъ предметахъ, но зато многіе зилоты считаютъ профанаціею не употреблять его въ проповѣдяхъ, и подобно профессору покойнаго Добролюбова сдѣлаютъ ученику суровый выговоръ за то, что въ сочиненіяхъ его языкъ слишкомъ чистъ и напоминаетъ журнальные обороты (N. 1 Совр. 1862 г. стр. 269).

Не скажу, что бы приверженцы этого искуственнаго идіома не усвоивали литературнаго языка образованнаго общества. Они бываютъ тоже дѣтьми, говорятъ подобно всѣмъ намъ, читаютъ тоже тайкомъ, или явно нѣкоторыя сочиненія современныхъ писателей и по необходимости подчиняются неизбѣжному въ такихъ случаяхъ вліянію. Напр. языкъ Симеона Полоцкаго, Дмитрія Ростовскаго, Гедеона Криновскаго, Анастасія Братановскаго и пр. нельзя же сравнивать съ языкомъ Преосвященнаго Маракія. Прогрессъ есть; но

этотъ прогрессъ идетъ, какъ говорятъ, *заднимъ числомъ*. Когда напр. сталъ писать Карамзинъ, то его языкъ не понравился духовнымъ особамъ; читать сочиненія его было запрещено семинаристамъ. Но эти же особы, въ дѣтствѣ своемъ читавшія Хераскова, Державина и пр., р-ся, рекомендовали ихъ своимъ питомцамъ. Затѣмъ питомцы, украдкою познакомившіеся съ Лизою, Марьиною Рощею, Марфою Посадницею и пр. Карамзина, сдѣлавшись начальниками духовныхъ училищъ во время Пушкина, инквизиторски преслѣдовали учениковъ за чтеніе его сочиненій, но уже настойчиво предлагали читать Карамзина, и подсмѣивались надъ Херасковымъ. Но и новые питомцы Пушкина знали и выучили на память многіе его стихи; сдѣлавшись начальниками въ періодъ Гоголя и Бѣлинскаго, ненавидѣли послѣднихъ, но съ первымъ многіе стали мириться. Повѣрьте, г. ч., что лѣтъ чрезъ 20 семинаристамъ само начальство ихъ будетъ рекомендовать читать сочиненія Бѣлинскаго и Гоголя и запрещать читать сочиненія тѣхъ писателей, которые тогда будутъ передовыми. Т. о. въ семинаріяхъ и прежде хлопотали и теперь бьются изъ всѣхъ силъ поддержать латино-славяно-церковно-русскій языкъ, передѣлываемый отчасти по литературнымъ образцамъ предъидущей, или предпредъидущей эпохи, но никогда не современной.

Составивъ особый языкъ для духовныхъ воспитанниковъ, начальство ихъ не хочетъ имъ давать просторъ относительно формъ сочиненій. «Мало ли кому какъ захочется излагать свои мысли? Вѣдь тогда не будетъ никакого единства въ сочиненіяхъ, нельзя значитъ ихъ сравнивать между собою и подводить подъ одну мѣрку, какъ это бываетъ относительно рекрутовъ въ рекрутскомъ присутствіи.» Формы — существенное дѣло, *forma data esse rei*, говаривали схоластики. Они же отъ нечего дѣлать, или отъ желаніе хоть что нибудь дѣлать, когда имъ препятствовали заниматься настоящимъ дѣломъ, придумали формы на все: на понятія, сужденія, умозаключенія; у нихъ явились формы для предложеній и періодовъ простыхъ и сложныхъ; для большихъ сочиненій предложены хріи порядочныя и превращенныя, ораторскіе силлогизмы, разсужденія и рѣчи судебныя, хвалебныя, обличительныя; даже рекомендовались способы *изобрѣтать* доказательства и мысли для нихъ; все это въ совокупности составляло неистощимое богатство для пустословія, многоглаголанія и пр., деспотически господствовало въ духовныхъ училищахъ въ самое недавнее время; лучшіе, умнѣйшіе люди изъ семинаристовъ не могли и себя и другихъ освободить

отъ этихъ оковъ. Н. Н. Надеждинъ въ своихъ запискахъ по словесности, которыя онъ читалъ въ рязанской семинаріи, держался всѣхъ риторическихъ формъ не хуже Толмачева и Рижскаго. Многіе духовно-училищные начальники смотрѣли на нихъ, какъ на нѣчто неизмѣняемое, непогрѣшимое, какъ *на догматы по части словесности.* Нѣтъ еще 20 лѣтъ, когда одинъ знаменитый іерархъ хотѣлъ выгнать изъ семинаріи профессора словесности зато, что этотъ нашолъ возможность обойтись безъ періодовъ и хрій.

Искуственные языкъ и риторическія формы должны были придать особый характеръ сочиненіямъ семинаристовъ. Но духовноу-училищному начальству показалось это недостаточнымъ. Оно постаралось изъ воспитанниковъ духовныхъ сдѣлать словесниковъ *sui generis*, не похожихъ на другую пишущую братію. Р-ся главная зобота состояла въ томъ, что бы они были проповѣдниками Слова божія, ораторами церковными. На основаніи педагогическихъ идей и здраваго смысла для этого нужно бы образовать умственныя способности дѣтей, развить въ нихъ религіозно-нравственныя убѣжденія, пріучить ясно и просто выражать мысли и чувства, притомъ свои, а не взятыя откуда бы то ни было на прокатъ. Надобно бы начать обученіе словесности съ описанія самыхъ простыхъ обыденныхъ предметовъ и потомъ съ развитіемъ способностей, съ разширеніемъ свѣдѣній восходить къ болѣе и болѣе возвышеннымъ и труднымъ предметамъ. Р-ся, не вышли бы изъ такъ воспитанныхъ дѣтей только Златоусты и Массильоны, но почти никто бы не научался искуству разгонять своихъ слушателей пустыми, безжизненными разглагольствованіями. Но въ семинаріяхъ прежде почти вездѣ считали, да и нынѣ еще считаютъ ненужнымъ, пустымъ, даже вреднымъ занятіемъ — сочиненія о какихъ либо недуховныхъ предметахъ. Мальчикъ, поступившій въ риторику, не умѣлъ и неумѣетъ еще написать толково и безъ грамматическихъ ошибокъ письмо о присылкѣ ему денегъ, а ему профессоръ словесности даетъ предложеніе о какомъ либо нравственномъ или религіозномъ предметѣ, напр. *добродѣтель ведетъ къ счастію въ сей и къ блаженству въ будущей жизни; должно усовершать свою нравственность; надобно быть милосердымъ* и пр.; или отыскиваетъ затѣйливыя пословицы изреченія въ родѣ *семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ* и пр. Перешолъ мальчикъ въ среднее отдѣленіе; тутъ его учатъ философствовать о томъ, чего ни онъ, а иногда и профессоръ не понимаетъ; тутъ нѣтъ пощады ни матеріалистамъ, ни политико-экономамъ, ни древнимъ мудре-

цамъ; всѣхъ разберемъ и разругаемъ даже, хотя ровно ничего не знаемъ ни физики, ни химіи, ни физіологіи, ни политической экономіи, ни географіи; хотя не читали ниодного сочиненія древнихъ философовъ. Когда же поступитъ ученикъ въ высшее отдѣленіе, тутъ уже его поднимаютъ надъ вещественнымъ міромъ и погружаютъ въ неисповѣдимыя тайны загробной жизни сверхъестественнаго міра; тутъ пишутъ о томъ: «*an spiritus existunt? Безгрѣшны ли дѣти? Какъ бы размножался родъ человѣческій, если бы Адамъ и Ева не пали? Какимъ образомъ благодать въ насъ дѣйствуетъ? Вещественные, или невещественные были тѣ языки, которые низошли на апостоловъ въ день пятидесятницы?* и пр.» Сами составители новаго устава семинаріи на 49 стр. своихъ журналовъ пишутъ: «предложенія для ученическихъ сочиненій даются б. ч. отвлеченныя, о предметахъ не извѣстныхъ, по к. м. не довольно знакомыхъ ученикамъ.» Легко понять, можно ли при такихъ условіяхъ семинаристамъ написать хорошія сочиненія. Что бы пустота ихъ не такъ была замѣтна, подражаютъ тѣмъ домохозяевамъ, которые гнилыя стѣны стараго дома закрываютъ штукатуркою, и при помощи обоевъ даютъ комнатамъ очень приличный видъ. Такою щекоткою и окраскою въ семинарскихъ задачахъ служатъ тѣ риторическія прикрасы, которыя извѣстны подъ названіемъ троповъ и фигуръ. Ими то семинаристы пріучаются украшать свои школьныя литературныя произведенія; этому особенно помогаетъ церковнославянскій языкъ. Пустыя мысли, выраженныя простымъ языкомъ, слишкомъ бы скоро показались пустыми для всякаго. Но вотъ теперь берутся полупонятныя слова и обороты славянскіе, употребляются въ прямомъ, или переносномъ значеніи, сплетаются изъ нихъ цѣлыя предложенія. Разобравши хорошенько, немного найдешь въ нихъ смысла. Но подобный разборъ не всякому возможенъ, а иной побоится дѣлать его изъ опасенія сказать что либо богопротивное, вѣдь слова-то взяты изъ священныхъ книгъ. Въ среднемъ отдѣленіи можно присоединить и философскіе термины, а въ высшемъ не скупиться на библейскіе тексты, на изреченія св. отцовъ и пр. Изъ всего этого вышелъ тотъ надутый, темный, тяжелый, высокопарный, цвѣтистый языкъ, или слогъ, которымъ любятъ блеснуть наши духовные ораторы и писатели, и который называется *семинарскимъ*.

Не думайте, г. ч., что высказанныя замѣчанія о преподаваніи словесности въ семинаріяхъ относятся къ прежнимъ временамъ. Знаю, что нынѣ есть много наставниковъ,

которые отступаютъ отъ старыхъ риторическихъ формъ и учатъ будущихъ нашихъ пастырей выражаться языкомъ образованнаго общества. Но даже въ 1864 и 1865 году многіе профессоры словесности въ семинаріяхъ не оставили ни троповъ ни фигуръ, ни риторики, ни схоластики; многіе начальники съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ свѣтскій журнальный слогъ и съ отчаянною настойчивостію отстаиваютъ старинный латино - славяно - церковно - русскій семинарскій языкъ. Если же случаются между ними отступники отъ заведеннаго порядка, то боятся и за самихъ себя, и за профессора, рѣшающагося на нововведенія. На 25 стр. No. 8 Библ. для Чт. за 1864 г. пишутъ изъ одной семинаріи: «по окончаніи академическаго курса къ намъ присланъ былъ молодой профессоръ — читать словесность. Первымъ его дѣломъ было осуществить на опытѣ тотъ взглядъ на словесное искуство, какой онъ выносъ изъ академіи. Экспромтированная библіотека лучшихъ свѣтскихъ писателей, наскоро составленная на добровольныя пожертвованія самихъ учениковъ, чтеніе и разборъ въ классѣ лучшихъ авторовъ, темы для сочиненій о простыхъ и обыкновенныхъ предметахъ, изгнаніе тяжеловатыхъ примѣровъ на періоды и хріи, изученіе наизусть лучшихъ мѣстъ изъ Пушкина, Гоголя и другихъ — быстро принесли желаемые имъ плоды. Къ его великому удивленію мальчики стали развиваться на его глазахъ и набивать руку въ литературномъ дѣлѣ.» Вѣдь, к-ся, за это нужно бы и ближайшему и высшему начальству благодарить и ободрять молодаго наставника. А м. т. послушайте, что пишется далѣе: «о. ректоръ — благородный и просвѣщенный человѣкъ — не мѣшалъ профессору дѣлать это дѣло; однакожъ и онъ счелъ нужнымъ предостеречь его, что бы онъ не означалъ въ конспектѣ своихъ уроковъ тѣ сочиненія и свѣтскіе образцы, которые выучивались воспитанниками, а совѣтовалъ лучше вести дѣло домашнимъ образомъ.» Такая предосторожность вовсе не лишняя; напр. «Евреій-Борода (въ своей семинаріи) и заикаться не велитъ о Лермонтовѣ, Гоголѣ и Пушкинѣ. Одного наставника на экзаменѣ распушилъ за то, что онъ Бѣлинскаго назвалъ первымъ критикомъ; самаго г. Аскоченскаго заподозрилъ въ нигилизмѣ (No. 5) Русс. Сл. 1864 дневникъ тем. ч-ка стр. 115).» А въ другой семинаріи, за Пушкина грозятъ пушкою; Гоголя и Тургенева оглашаютъ еретиками, развращающими юношество (No. 8 Библ. для Чт. 1864 г. стр. 24).

Прочитавши мое описаніе о преподаваніи въ семинаріяхъ небогословскихъ наукъ, какъ не любимыхъ, такъ и

любимыхъ начальствомъ, всякій согласится, что онѣ не могутъ быть тамъ въ блистательномъ положеніи. Только трудно рѣшить, что вреднѣе дѣйствуетъ на науки, — любовь или нелюбовь начальниковъ. Ученикъ, не занимавшійся презираемыми науками, конечно ничего не знаетъ изъ ихъ содержанія; но и не имѣетъ никакихъ превратныхъ понятій о нихъ; онъ только не занимался ими, п. ч. такъ заведено по семинарскимъ обычаямъ. Вступивши въ жизнь и узнавши какимъ либо образомъ о достоинствахъ ихъ, онъ еще можетъ заняться ими и пріобрѣсти дѣльныя, а не превратныя понятія; его можно сравнить съ почвою, на которой не посѣяно никакихъ хлѣбныхъ полезныхъ растеній, но зато нѣтъ и сорныхъ травъ. Другое дѣло — любимицы-науки. Ими занимались, считаютъ себя даже знатоками ихъ, но вышли изъ школы съ превратными понятіями о нихъ. Возьмемъ для примѣра словесность. Не учившійся ей по семинарской методѣ, м. б. вышелъ бы безъ умѣнья излагать свои мысли хорошимъ литературнымъ языкомъ, но зато онъ не привыкъ бы и къ латино-славяно-церковно-русскому языку; и потому ознакомившись съ литературными современными произведеніями, усвоилъ бы себѣ ихъ слогъ. Но теперь шесть лѣтъ онъ писалъ задачи по семинарской методѣ; его пріучили къ семинарскому языку; изъ желанія понравиться начальству онъ настроивалъ себя на этотъ ладъ, получалъ одобренія, по самому обыкновенному самолюбію любилъ восхищаться своими школьно-литературными произведеніями. И языкъ семинарскій, и риторическіе пріемы писать, усвоенные имъ, вошли, т. с-ть, въ кровь его; съ ними онъ не можетъ разстаться, и будетъ походить на почву, которая мало засѣяна хлѣбными растеніями; но за то заросла репейникомъ и полынью. Поэтому о свѣтскихъ наукахъ, преподаваемыхъ въ семинаріахъ можно сказать, что для нихъ *барская любовь хуже, чѣмъ барскій гнѣвъ.*

Часть третья.

О чтеніи книгъ въ семинаріяхъ и академіяхъ.

Независимо отъ школы можно чрезъ чтеніе книгъ пріобрѣсти хорошія свѣдѣнія въ дурно преподаваемыхъ наукахъ. Нынѣ это для семинаристовъ тѣмъ удобнѣе, что много выходитъ сочиненій по исторіи, физическимъ и естественнымъ наукамъ, написанныхъ популярнымъ образомъ, много журналовъ, разсуждающихъ о разнообразныхъ предметахъ, которые интересуютъ любознательность. Но доброе духовно-училищное начальство давно уже принимаетъ противъ этого весьма енергическія мѣры.

1. На библіотеку въ семинаріяхъ отпускается самая ничтожная сумма съ небольшимъ 100 руб.; тутъ много книгъ не накупишь. Но и эта сумма б. ч. истрачивается или на книги, присылаемыя изъ духовно-учебнаго управленія, или на покупку богословскихъ, философскихъ и т. п., сочиненій, какъ говорятъ *солиднаго содержанія*, которыя ученики впрочемъ не очень охотно читаютъ. Журналы же свѣтскіе выписывать на казенныя денги *положительно запрещено;* только академіи отъ этого *табу* свободны.

2. Но если иногда и остаются деньги, ассигнуемыя на библіотеку, то ректора слишкомъ не охотно соглашаются на покупку книгъ не богословскаго содержанія. Въ 1864 г. наставникъ исторіи въ одной изъ семинарій просилъ выписать вновь вышедшіе томы исторіи Вебера и Шлоссера. Ректоръ, до котораго были пріобрѣтены первые томы, рѣшительно отказалъ профессору, притомъ п. ч. это книги безбожныя. Когда наставникъ сказалъ, что ни у него, ни у учениковъ нѣтъ никакихъ руководствъ, кромѣ Роллея; то ректоръ отвѣчалъ: «что жъ? руководствуйтесь Роллеемъ, его исторія хороша, а въ классѣ читайте учебникъ; для учениковъ больше его ничего и не нужно.» Тотъ же самый ректоръ отказалъ профессору логики и психологіи въ покупкѣ исторіи философскихъ системъ Купо Фишера. Одинъ наставникъ семинаріи въ No. 3 Совр. за 1862 г. стр. 281 говоритъ: «мы были свидѣтелями, какъ одинъ ректоръ выписывалъ книгъ разомъ на 60 руб. для семинаріи. И что же? Тамъ были пропилеи, чтенія московскаго общества древностей, сочиненія Кленке, Кикодзе, Коропцева, Райковскаго, Гугеля

и пр.; но ниодного тома сочиненій Бѣлинскаго, ни Гоголя, ни Пушкина.

3. Но и тѣми книгами, которыя находятся въ семинарской библіотекѣ, ученикамъ мало приходится пользоваться. Во многихъ семинаріяхъ изъ такъ называемой фундаментальной библіотеки имъ не даютъ ниодной книги изъ опасенія, что они ее измарaютъ, изорвутъ, или потеряютъ; равнымъ образомъ читалень при библіотекѣ нигдѣ не существуетъ. Но если и выдаютъ, то съ самыми смѣшными предосторожностями; напр. въ петербургской даже академіи въ сороковыхъ годахъ студенты первоначально заявляли наставнику о своемъ желаніи прочитать ту, или другую книгу; наставникъ представлялъ записку ректору, а этотъ уже передавалъ библіотекарю. Сколько хлопотъ изъ за пустяковъ? Неужели ни библіотекарь, ни профессоръ не заслуживаютъ довѣрія въ такомъ даже дѣлѣ, какъ выдача книгъ студентамъ? Почему бы не сказать библіотекарю, какія книги онъ имѣетъ право выдавать, или не выдавать?

4. Въ полѣдніе 20 — 30 лѣтъ во многихъ семинаріяхъ стали выписывать книги на деньги, собираемыя съ семинаристовъ и составлять особыя ученическія библіотеки, которыя по мѣстамъ имѣютъ уже болѣе тысячи экземпляровъ. Но и тутъ благопопечительное начальство не могложе не придумать разнаго рода затрудненія и стѣсненія. Одинъ начальникъ основываетъ библіотеку и наполняетъ ее хорошими книгами, а его преемникъ закроетъ ее вовсе, или половину книгъ отнесетъ къ разряду: *libri vetiti*, и даже готовъ на всесожженіе ихъ. Другой согласенъ устроить ученическую библіотеку, но отказываетъ въ покупкѣ самыхъ хорошихъ и нужныхъ книгъ, считая ихъ или безбожными, или какъ выражается (§ 119) новый уставъ семинарскій, *распаляющими юное воображеніе и преждевременно развивающими страсти*. Третій выпишетъ книги, но или не дастъ ихъ вовсе ученикамъ, или вырѣжетъ изъ нихъ лучшія страницы. Вотъ вамъ и факты въ подтвержденіе этихъ замѣчаній. «Ученики заведенія его (Евгенія Бороды) снесли послѣдніе гроши, что бы выписать нѣсколько журналовъ. Узналъ онъ объ этомъ. Отобрать у нихъ книги, — книги отобрали. Между прочими была выписана исторія Шлоссера. Борода раскричался. Зачѣмъ допустили выписать такую ересь? Не давать этого сочиненія молокососамъ. Въ замѣнъ Шлоссера выписалъ онъ имъ Русскій Вѣстникъ, да и то съ правомъ получить на свое имя. Посмотритъ и отдастъ. Попадается тамъ ему однажды статья о современномъ воспитаніи — и баста!

послѣднихъ номеровъ не выдалъ. Но, должно быть, сообразилъ, что не у него, такъ въ другомъ мѣстѣ достанутъ журналъ; ну чрезъ пять мѣсяцевъ и выдалъ книжки. И зато спасибо. Задумалъ онъ самъ завести библіотеку по своему вкусу. Велѣлъ составить списокъ книгамъ. Каталогъ былъ сдѣланъ и въ него вошло нѣсколько дѣльныхъ книгъ, «пока только цѣна ихъ не извѣстна,» заявили ему. — Ну и отлично; мы кстати и вычеркнемъ эти книги изъ каталога, что бы меньше хлопотъ было. Дѣльныя книги были исключены; а на мѣсто ихъ поставлены книги въ родѣ Аввы Дорофея.» Въ 1864 одинъ профессоръ уговорилъ учениковъ сдѣлать складчину и выписать нѣсколко духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ. На выписку первыхъ дано было согласіе, но когда дошло до вторыхъ, то инспекторъ семинаріи сказалъ, что онъ *лучше согласенъ дать руку свою на отсѣченіе, нежели дозволить ученикамъ выписывать свѣтскіе журналы.* Дѣло разстроилось; ученики не дали денегъ и на духовные журналы. Въ пермской семинаріи (No. 43 Дня 1862 г.) «выписали книги, разрѣшенныя начальствомъ. И что же? Смѣнился начальникъ, насталъ другой и сталъ преслѣдовать за тѣ самыя книги, которыя разрѣшены были первымъ; книги же частію задержалъ у себя, частію обрѣзалъ и исправилъ такъ, что въ нѣкоторыхъ остались только приложенія. Ученики поторопились захватить немногія уцѣлѣвшія книги, разобрали по рукамъ и библіотека болѣе не существуетъ.» Къ такому же концу стремится ученическая библіотека рязанской семинаріи. «О неотложной нуждѣ преобразовать эту библіотеку (No. 19 Дня 1864 г. стр. 16) писалъ одинъ изъ преподавателей; голосъ его остался безъ всякаго дѣйствія. Нынѣ библіотека эта упала до послѣдней степени, не смотря на свое 25 лѣтнее существованіе, и опять, благодаря святому обычаю, доселѣ не принято никакихъ мѣръ къ ея поддержанію, — даже и впереди ничего не предвидится.» А не помните ли еще статьи г. Границкаго, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сынѣ Отечества о томъ, что нѣкто въ родѣ Макара-Гасильника рѣшался даже сжечь книги ученической библіотеки; это вполнѣ напоминаетъ проэктъ Фамусова: *что бы все зло пресѣчь, нужно всѣ книги сжечь.*

5. Къ величайшему горю семинарскаго начальства нынѣ стали заводить публичныя библіотеки. Гдѣ можетъ, оно и здѣсь даетъ свой *Index* въ руководство библіотекарю. Такъ Евгеній-Борода проникъ съ своимъ гасильникомъ даже въ скудную городскую библіотеку гдѣ «библіотекаремъ (былъ)

его подчиненный и наставилъ его, что бы онъ сочиненія классиковъ и другія непотребныя книги птенцамъ его не давалъ.» Но въ другихъ мѣстахъ библіотекари не подчинены Бородамъ и Гасильникамъ. Въ этомъ случаѣ иначе распоряжаются. Въ одной семинаріи отдавалось и повторялось нѣсколько разъ приказаніе ни подъ какимъ видомъ не ходить въ публичную библіотеку; даже старшимъ и помощникамъ инспектора поручалось слѣдить за такими богопротивными хожденіями. Когда же молодое поколѣніе продолжало посѣщать библіотеку и брать оттуда книги на квартиры, даже въ казенный семинарскій корпусъ, то начальники убѣждали упрямцевъ, что бы они всѣ получаемыя книги напередъ представляли на ихъ усмотрѣніе. Въ пермской семинаріи (No. 43 Дня 1862 г.) ревнители духовнаго просвѣщенія посѣщеніе публичной библіотеки считали до такой степени вреднымъ; что учениковъ, ходившихъ туда, *отмѣчали съ дурной стороны по поведенію.*

6. Если же *мы* такъ строго смотримъ, что бы ученики ничего не читали противнаго нашимъ правиламъ даже въ публучныхъ библіотекахъ, то, р-ся, у себя дома не бываемъ снисходительны. Въ сороковыхъ годахъ въ одной изъ академій ректоръ, инспекторъ, помощники послѣдняго съ ожесточеніемъ преслѣдовали студентовъ, у которыхъ замѣчали въ рукахъ русскіе свѣтскіе журналы; хотя самъ ректоръ любилъ хвастатся знакомствомъ съ книгою Штрауса: *Das Leben Jesu Christi.* Въ семинаріяхъ же попасться ученику въ прежнее время съ какою либо свѣтскою книгою значило рисковать своею репутаціею, а иногда и будущностію. «Мы слышали, напечатано въ No. 7 От. Зап. 1862 г. (стр. 257), что еще недавно малѣйшее отступленіе отъ богословской колеи навлекало на семинариста строгія наказанія. Воспитаннику даже съ астрономіей въ рукахъ было опасно попадаться на глаза начальству; уличенный въ чтеніи историческихъ романовъ рисковалъ быть исключеннымъ.» Г. Благовѣщенскій въ своемъ романѣ: *Предъ разсвѣтомъ* назвавъ популярныя книги и журналы лучшими друзьями въ закрытыхъ училищахъ, говоритъ (No. 1 Русс. Сл. 1865 году стр. 56), что въ семинаріи, гдѣ обучался Трепетовъ подобные «друзья строго были запрещены. Тамъ воспитаніе было искуственное, составленное по напередъ написанной и утвержденной программѣ; потому и было назначено къ чтенію только то, что возбуждало и укрѣпляло мысли, назначенныя программой и строго запрещалось все то, что наводило на мысли несогласныя съ программой.»

Но достигается ли, по к. м., цѣль, о которой такъ хлопочетъ семинарское начальство? Дѣйствительно ли семинаристы по премудрымъ распоряженіямъ своихъ отцовъ-начальниковъ не читаютъ никакихъ другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, на которыя имъ укажутъ? Въ томъ-то и дѣло, что этого на дѣлѣ не бываетъ. Ученики все читаютъ и особенно то, что, пожалуй, и не слѣдовало бы читать. «Предъ учениками, говоритъ авторъ книги о у. д. у. (1 т. 257—258 стр.) въ комнатахъ б. ч. лежатъ по двѣ книги; одна для собственнаго ихъ употребленія и удовольствія а другая для того, что бы порадовать начальника, если онъ войдетъ; первая читается съ полнымъ вниманіемъ, а изъ второй уже иногда издавна заготовлены странички двѣ или три. Идетъ начальникъ; — первая отправляется подъ столъ, подъ халатъ, сертукъ и пр. и на авансценѣ остается только вторая. Уходитъ начальникъ; — первая опять является, а вторая отодвигается, какъ ни къ чему уже не нужная, какъ вещь, исполнившая назначеніе. Далѣе, при строгой комнатной полиціи, подобной перемѣны декораціи нельзя сдѣлать; въ такомъ случаѣ уходятъ куда либо на чердакъ, на дворъ, въ садъ, и тамъ предаются чтенію тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ, что запрещенный плодъ всегда болѣе нравится. Очень часто такія книги приносятъ въ классъ и въ то время, какъ наставникъ читаетъ свои лекціи, половина учениковъ, а иногда гораздо болѣе сидитъ со скромно опущенными внизъ глазами, какъ будто они сочувствуютъ словамъ оратора, м. т. дѣло состоитъ въ томъ только, что каждая пара глазъ устремлена на запрещенную книгу; а слова профессора рѣшительно не доходятъ по назначенію.» Запрещенія, стѣсненія, гоненія и т. п. дѣйствуютъ вреднѣе, нежели прямое дозволеніе, п. ч. они дѣйствительно *распаляютъ юное воображеніе*, развиваютъ если не всѣ страсти; то страсть самую опасную, любопытство, — *распаляютъ* не чтеніемъ книги, а запрещеніемъ читать ихъ. Юное воображеніе, Богъ знаетъ, что въ ней предполагаетъ и доставши ее старается, т. с-ть, *проглотить все ея содержаніе*. Въ былое время когда начальники семинарій запрещали, какъ уголовное преступленіе, чтеніе сочиненій Пушкина, ученики имѣли огромные ихъ списки и знали наизусть Бакчисарайскій Фонтанъ, Полтаву и проч.; особенно же Первую Ночь, Гавріліаду и. т. п. . . . Когда начальники съ ужасомъ произносили имя Полежаева, ученики опять тоже списывали и знали наизусть его *Сашку*. И въ послѣднее время, не смотря на всѣ предосторожности, строгости и запрещенія семинаристы читали, читаютъ лито-

графированные Бюхнера Kraft und Stoff, Фейрбаха о христіанствѣ, отрывки изъ Колокола, Полярной Звѣзды и пр. и пр.

Если духовно-училищное начальство съ инквизиторскимъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ свѣтскую литературу въ училищныхъ домахъ; то нельзя ожидать, чтобы оно было благосклонно ко всему вообще свѣтскому образованію. Тутъ встрѣчаются дикія явленія. Почти во всѣхъ семинаріяхъ неумолимо преслѣдуютъ тѣхъ учениковъ, которые хотятъ учиться въ университетѣ. Уже въ 1864 г. начальники одной семинаріи, предъ посвященіемъ учениковъ богословія во стихарь всячески старались убѣдить ихъ, что бы они сказали, кто изъ нихъ думаетъ поступить въ университетъ; имъ-де это нужно для того, что бы даромъ не пропало посвященіе. Но *умыселъ тутъ другой былъ;* начальству поскорѣе хотѣлось узнать тѣхъ отщепенцевъ, которые названіе семинариста намѣрены промѣнять на имя студента университета; тогда бы ихъ, *яко козлищъ* тотчасъ отдѣлили отъ овецъ, приготовляющихся превратиться въ пастырей. Корреспондентъ Дня (стр. 43 No. 1862 г.) прямо пишетъ о пермской семинаріи: «я знаю примѣръ, что ученику, постоянно бывшему въ первомъ разрядѣ и подавшему прошѣніе объ увольненіи изъ семинаріи для поступленія въ университетъ, выдали аттестатъ, что онъ увольняется по собственному желанію и по неспособности къ продолженію ученія! Вообще плохо бываетъ тѣмъ ученикамъ, которые хотятъ учиться мимо семинаріи.» Но иногда хоть на словахъ, достается не однимъ ученикамъ. Есть много духовныхъ особъ, которыя лучшихъ воспитанниковъ семинарій или академій, оставляющихъ духовное званіе, честятъ, какъ я уже говорилъ, названіемъ *христопродавцевъ* и думаютъ въ Россіи и вездѣ видѣть два царства: царство свѣта и царство тьмы, — поклонниковъ Ормузда и чтителей Аримана. Т. о. «въ одной изъ западныхъ губерній No. 31 Дня 1862 г. семинаристы аристократы внушаютъ, что министерство просвѣщенія есть министерство тьмы, что все зло въ обществѣ происходитъ отъ наукъ.»

Отдѣлъ 35ый.

О томъ, почему въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не любятъ свѣтскихъ наукъ.

Большая часть тѣхъ духовныхъ особъ, которыя непосредственно, или издали обнаруживаютъ вліяніе на духовно-учебныя заведенія, непремѣнно обучались и въ семинаріи и въ академіи, имѣютъ ученыя степени не только кандидата, но и магистра богословія, по своимъ аттестатамъ оказали не только хорошіе, но иногда отличные успѣхи во многихъ свѣтскихъ наукахъ. Въ магистерскомъ же дипломѣ конференція торжественно заявляетъ, что она даетъ такому-то г. N. магистерскую степень за блистательные успѣхи не только въ священныхъ (sacris), но и въ солидныхъ и гуманнѣйшихъ (solidioribus ac humanioribus) наукахъ, неоднократно подтвержденные на частныхъ и публичныхъ экзаменахъ. Послѣ этого никакъ нельзя ожидать, чтобы эти люди стали не только преслѣдовать, но и презирать тѣ науки, въ которыхъ они оказали столь блистательные успѣхи. А м. т. предъидущій отдѣлъ показалъ, до какой степени подобное предположеніе несправедливо. И потому я нахожу нужнымъ разъяснить такое противорѣчіе.

Духовныя особы любятъ оправдывать свое нерасположеніе къ свѣтскимъ наукамъ тѣмъ, что будто бы воспитанники, увлекаясь занимательностію историческихъ, физическихъ и пр. наукъ, могутъ пристраститься къ нимъ и не станутъ охотно заниматься богословіемъ. Потомъ привыкши въ свѣтскихъ наукахъ основывать все на фактахъ, опытахъ, наблюденіи, подтверждать въ извѣстныхъ случаяхъ математическимъ анализомъ, пожалуй, перенесутъ эту привычку и на богословскія науки; чрезъ это сдѣлаются холодными не только къ нимъ, но и къ религіи. Говорящіе т. о. забываютъ, или не знаютъ, что религіозныя наши чувствованія основываются не на логическихъ построеніяхъ, не на силлогизмахъ, не на разсудочныхъ выводахъ. Религія утверждена въ насъ на томъ стремленіи къ безконечному, которое, если не враждено намъ, то по к. м. быстро къ намъ прививается при нормальномъ развитіе нашихъ способностей, — на томъ неумолкаемомъ внутреннемъ голосѣ, который говоритъ, что

есть кто-то, кто управляетъ судьбами міра и человѣчества, — на той пріятной мысли, что къ этому существу мы смѣло можемъ прибѣгать въ своихъ несчастіяхъ, изливать предъ нимъ свои скорбныя чувствованія и ожидать отъ него защиты. «Есть въ сердцѣ человѣческомъ, говоритъ *Revue des deux mondes*, не побѣдимая потребность вѣрить въ сверхъестественную силу, довѣряться провидѣнію, которое бодрствуетъ надъ нами и слышитъ наши молитвы (1 кн. Апр. 1864 г. стр. 537).» И если наши душевныя способности развиваются не насильственно, какъ это дѣлается въ духовныхъ училищахъ, то религіозныя потребности сами выступятъ съ своими требованіями и заставятъ удовлетворять себѣ. Тутъ надобно бояться не логики, не математики, не физики, а безнравственныхъ примѣровъ воспитателей. Науки же историческія и физическія даже могутъ оказать большое пособіе религіозному чувству. Въ тѣхъ и другихъ много есть необяснимаго, или объясняемаго отдаленными причинами; эти причины въ свою очередь должны зависѣть отъ другихъ болѣе отдаленныхъ причинъ и т. д., такъ что или слѣдуетъ остановиться на причинѣ всѣхъ причинъ, или продолжить причины до безконечности во времени.

Потомъ безъ пособія свѣтскихъ наукъ само богословіе не можетъ быть преподано полнымъ и основательнымъ образомъ. Главный предметъ всѣхъ богословскихъ наукъ есть богопознаніе. Конечно источниками богословскихъ познаній служатъ Священное Писаніе, исторія еврейскаго народа и христіанства, п. ч., какъ утверждаютъ богословы, въ первомъ Богъ проявилъ свою волю въ отношеніи къ человѣку, а во второмъ открывается особенное промышленіе божіе о человѣческомъ родѣ. Но все міросозданіе вообще и каждая отдѣльная часть его, весь родъ человѣческій и каждый отдѣльный его индивидуумъ, по ученію самихъ богослововъ, создано и поддерживаются Богомъ и слѣд. проявляютъ тѣже отдѣльныя его божественныя качества, которыхъ подтвержденія ищутъ въ судьбахъ еврейскаго народа и христіанской церкви. Поэтому матеріальный міръ есть своего рода книга, библія, такъ думалъ даже основатель м-ва Антоній Великій. Когда одинъ языческій ученый шутилъ надъ его незнаніемъ грамоты, то Антоній отвѣчалъ: «здравый духъ не имѣетъ нужды въ буквахъ. Моя книга есть цѣлое твореніе, эта книга лежитъ открытою предо мною и я могу въ ней читать, когда захочу, слово божіе (см. 1 т. исторіи Неандера стр. 540, столб. 2 или истор. Сократа 1. IV. 23).» Эта книга, эта библія великонька, но зато ея страницъ нельзя

ни вырвать, ни замарать, ни какимъ либо образомъ испортить; силлурійской, или пермской формаціи не вынешь изъ коры земнаго шара и не бросишь куда либо, гдѣ бы ее никто не увидалъ; звѣздной группы не снимешь съ неба и не припрячешь въ какомъ либо тайникѣ. Но вѣдь свѣтскія науки занимаются тѣми фактами и явленіями, которые происходили и происходятъ во всемъ человѣческомъ родѣ, въ каждомъ отдѣльно человѣкѣ, во всемъ мірозданіи, въ той или другой его части, — или объясненіемъ тѣхъ законовъ и силъ, которымъ подчинены эти факты и явленія. Поэтому богословы наши должны бы благодарить свѣтскія науки за каждое открытіе, какъ за новый фактъ, въ которомъ проявляется премудрость, благость, всемогущество Промыслителя. За-что тутъ не любить свѣтскую науку? Если она выдумаетъ фактъ и имъ станетъ подрывать христіанство, то обличи ее. Если она на основаніи недостаточнаго числа, или ложнаго пониманія фактовъ составила теорію и ею хочетъ подорвать откровеніе, то опять логическимъ порядкомъ, другими фактами постарайся опровергнуть теорію. Если же новые научные вывода опираются на дѣйствительныхъ фактахъ и м. т. не согласны съ принятыми богословскими мнѣніями, то разсмотри по лучше послѣднія, сдѣлай уступку наукѣ; вѣдь ея факты и выводы взяты тоже изъ болѣе огромной, болѣе надежной и болѣе древней библіи, нежели та, которая въ рукахъ богослововъ. Подобные примѣры уже бывали, съ коперниковою системою помирили остановку солнца Іисусомъ Навиномъ; дни творнія уже начали признавать продолжительнѣйшими періодими времени.

Замѣчательно, что знаменитѣйшіе отцы церкви не только не пренебрегали, но очень усердно занимались свѣтскою, внѣшнею учоностію, которая при нихъ была языческою. Такъ напр. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ Василію Великому (см. 4 т. твореній св. отцовъ стр. 63 и 64) говоритъ: «полагаю, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ *учоность*, и не только нашу благороднѣйшую учоность .... *но и учоность внѣшнюю*, которою многіе изъ христіанъ, *по худому разумѣнію*, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога .... Не должно унижать учоность, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые, и напротивъ *надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась того мнѣнія, желали бы видѣть всѣхъ подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ*. Василій Великій въ словѣ своемъ къ юно-

шамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями (8 т. твореній св. отцевъ стр. 346 — 357) говоритъ: «чтобы добрая наша слава навсегда оставалась неизгладимою, посвятимъ себя *предворительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей*, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ наконецъ взоры къ самому свѣту. Славный Моисей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма велико, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію *Сущаго*. А подобно ему и въ позднѣйшія времена о премудромъ Даніилѣ повѣствуютъ, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость и тогда уже коснулся божественныхъ уроковъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ совѣтовъ Великій Святитель въ томъ самомъ словѣ упоминаетъ имена, или приводитъ мысли болѣе, нежели двадцати языческихъ знаменитостей. Вотъ эти имена (нѣкоторыя я еще, м. б., пропустилъ): Александръ, Аргафоній, Віасъ, Гезіодъ, Діогенъ, Евклидъ, Ираклъ, Клиній, Милонъ, Омиръ, Периклъ, Питтакъ, Пифагоръ, Платонъ, Полидатъ, Поликлетъ, Продикъ, Солонъ, Сократъ, Тимофей, Тифонъ, Феогнидъ, Фидій. Кого нѣтъ между поименованными лицами? Тутъ поэты, математики, философы, политическіе дѣятели, скульпторы, мудрецы и пр. Святитель знаетъ не только мѣста ихъ рожденія, но и изреченія, мнѣнія ихъ, анекдоты, къ нимъ относящіеся. Потомъ съ какимъ уваженіемъ говоритъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ; напр. *возвратимъ слово къ примѣрамъ доблестныхъ* мужей (стр. 354) или: *прекрасное изреченіе Сократа* (стр. 363). Наконецъ по мнѣнію Иринея: для разсужденія съ язычникомъ нужно ознакомиться съ основаніями его вѣры, съ литературою, которою онъ гордился, съ философіею, которая думаетъ стать выше простой евангельской вѣры.» (Сбор. м. д. ак. стр. 24.)

И у насъ можно найти очень хорошіе отзывы о знаніи и наукахъ вообще и о томъ, что отъ нихъ не слѣдуетъ опасаться ересей. На 11ой стр. No. 11 Совр. Лѣт. 1865 г. Н. Г. пишетъ: «несчастный предразсудокъ заставляетъ насъ полагать, что знаніе несовмѣстимо съ вѣрою. Нѣтъ, всякое чистое, безкорыстное стремленіе къ знанію и истинѣ можетъ только укрѣпить вѣру и любовь. Полузнаніе, сказалъ Баконъ, удаляетъ отъ Бога, истинное знаніе приближаетъ къ нему.» Но Н. Г. едвали духовное лицо; его голосъ не можетъ считаться важнымъ въ разсматриваемомъ дѣлѣ. Обратимся къ церковному авторитету. Въ нашемъ духовномъ регламентѣ въ ст. училищные домы есть весьма замѣчатель-

ное мѣсто, сюда относящееся. «Дурно, многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Манихеовъ, Кафаровъ, Евхитовъ, Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Ириней, Епифаній, Августинъ, Феодоритъ и иные, наши же Русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцые иные: но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго Священныхъ Писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилась отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ перемѣнить дурное о нихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они силу сочинять софисмы, сіесть коварные мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло восписовалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачь опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И есть ли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, *увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ.* Не спесивились такъ Епископи до четыресотнаго лѣта, какъ послѣ возгорѣлися, наипаче Константинопольскій и Римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло.» Но вотъ еще нѣтъ года, какъ м. духовная академія торжествовала пятидесятилѣтній свой юбилей. По этому случаю произнесена была въ лаврскомъ соборѣ инспекторомъ Михаиломъ проповѣдь, въ которой достоуважаемый о. архимандритъ въ храмѣ божіемъ, т. е-ть предъ лицомъ Бога, при многочисленномъ стеченіи духовныхъ учоностей и знаменитостей говоритъ: «виновна ли наука? Виновно ли какое либо прекрасное орудіе, когда оно при неправильномъ употребленіи его причиняетъ зло вмѣсто добра? Винить ли напр. прекрасный даръ божій человѣку слово человѣческое, п. ч. имъ злоупотребляютъ? Нѣтъ, не унизимъ достоинства науки изъ-за того, что неправильнымъ употребленіемъ и злоупотребленіемъ ея вмѣсто блага приносится зло. Лучше позаботиться правильно пользоваться этимъ прекраснымъ средствомъ къ преуспѣянію человѣка, поставить науку подъ руководство религіи и вѣры (Сборн. стр. 9).» Не надобно забывать, что проповѣдь о. Михаила была первоначально прочитана митрополитомъ, поэтому выписанныя изъ нее слова можно считать мыслями самого владыки.

Но не всѣ между древними христіанами думали о свѣтскихъ наукахъ такъ, какъ великіе святители Церкви; въ христіанствѣ была всегда партія враждебная *внѣшней учености*. Въ первомъ столѣтіи многіе изъ христіанъ дѣйствительно ожидали втораго пришествія Спасителя; поэтому вся ихъ дѣятельность была направлена къ тому только, чтобы исполненіемъ нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей сдѣлать себя достойными имѣющаго наступить царства божія на землѣ. Но и тѣ, которые не вѣрили столь быстрому второму пришествію Спасителя, жили больше сердцемъ, а не умомъ, не любили теорій, а посвящали жизнь свою христіанской практикѣ. Въ этомъ случаѣ они находили опору для своихъ мыслей въ новомъ завѣтѣ. Ни одинъ евангелистъ, ни одинъ апостолъ не говоритъ, что можно спасти себя чрезъ развитіе умственныхъ способностей, чрезъ изученіе человѣческой мудрости; — рекомендуемыя средства для этой цѣли — вѣра, любовь, добрыя дѣла. Потомъ суровый приговоръ Ап. Павла (1 Кор. 1 гл.) мудрости вѣка сего, которую онъ называетъ *буйствомъ предъ Богомъ*, не могъ поощрить христіанъ первыхъ вѣковъ къ занятію внѣшними науками. Да и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они могли получить свѣдѣнія, къ этимъ наукамъ относившіяся? У современныхъ язычниковъ? Но это были или сами гонители, или единовѣрцы съ гонителями ихъ. Въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей? Но и эти писатели были тоже идолопоклонники, многобожники; стоило ли ими заниматься, когда у нихъ не было ни слова ни объ Іисусѣ Христѣ, ни объ Его ученіи, когда въ ихъ сочиненіяхъ можно было услышать похвалы Юпитеру, Венерѣ, Марсу и другимъ божествамъ, столь ненавистнымъ для христіанъ? Появившееся вскорѣ м во не могло считаться явленіемъ благопріятнымъ для внѣшней учености. Люди, которые давали обѣтъ проводить всю жизнь въ молитвѣ, въ уединеніи, изможлать свою плоть постомъ, обуздывать всѣ мірскія страсти и мысли, не могли же въ свободное времл заниматься чтеніемъ языческихъ писателей, или бесѣдовать съ языческими мудрецами. Они презирали божій міръ, — такъ могли ли имъ нравиться тѣ мнѣнія, которыя назывались языческими суемудріями. Лоранъ справедливо говоритъ, что на западѣ Европы монастыри были убѣжищемъ знанія и философіи; тогда какъ египетскіе пустынно-жители отвергали умственное развитіе (т. 4 стр. 215). Конечно вскорѣ оказалась нужда вступить въ ученую борьбу противъ этихъ суемудрій и ихъ защитниковъ; за это и взялись тогдашніе пере-

довые люди въ христіанствѣ. Они проводили по нѣскольку лѣтъ въ аѳинскихъ и александрійскихъ школахъ, слушали тогдашнихъ знаменитыхъ языческихъ ученыхъ, риторовъ, философовъ, историковъ, и сами изучали сочиненія греческихъ и римскихъ писателей. Впрочемъ такихъ людей и во время борьбы было немного. Но потомъ христіанство одержало верхъ надъ язычествомъ; идолы разбиты, храмы разрушены, или обращены въ христіанскія церкви; борцы, воины, вооруженные внѣшнею учоностію, сдѣлались болѣе ненужными. Да и трудно стало ей учиться; александрійскіе и аѳинскіе ученые разогнаны, языческія училища закрыты, библіотеки разрушены, книги сожжены, или чтеніе ихъ сдѣлалось недоступнымъ и даже не безопаснымъ. М-во, захвативъ въ свои руки управленіе христіанскою церковію, на епископскихъ кафедрахъ не оставило своего отшельническаго взгляда на внѣшнюю учоность и, р-ся, попрежнему ей не благопріятствовало.

Христіанство перешло въ Россію въ то время, когда Византія не отличалась учоностію; слѣд. оно не могло къ намъ привить расположенія къ занятію свѣтскими науками; такъ продолжалось дѣло долго, очень долго. Нашимъ предкамъ монахи говорили: «соблюдайте, соблюдайте дѣтей вашихъ отъ яда (т. е. отъ литературы и науки) . . . . Говорили тоже: «не лучше ли изучать часословецъ, псалтирь, октоихъ, апостолъ и евангеліе и другія церковныя книги и быть простымъ богоугодникомъ и пріобрѣсть вѣчную жизнь, чѣмъ постигнуть Аристотеля, Платона — этихъ поганыхъ учителей, машкарниковъ и комедійниковъ — и прослыть въ сей жизни мудрымъ философомъ, а потомъ отойти въ геенну. (Отр. изъ Истор. южн. Казач. Библ. для чт. 1865 г. стран. 23 и 24).» Развѣ очень немногіе были знакомы съ богословскими науками. Даже въ позднійперіодъ лица, которыя могли обнаруживать притязанія на богословскую учоность были не очень счастливы въ Россіи. Сильвестръ Медвѣдевъ, *иеукъ* сей, какъ его величаютъ лѣтописи, былъ разстриженъ и сталъ Сенька Медвѣдь. Симеонъ Полоцкій при жизни спасся отъ бѣды, только п. ч. былъ силенъ и уважаемъ при дворѣ; но зато, по смерти патріархъ Іоакимъ призналъ его іезуитомъ. Гавріилъ Домецкій, другъ новгородскаго митрополита Іоны и архимандритъ Симонова монастыря, долженъ былъ искать безопасности въ Кіевѣ (No. 1 Эпоха 1865 г. ст. кіевскіе ученые въ Россіи). Братьевъ Лихудовъ уже при Петрѣ Великомъ сослали въ ипатіевскій монастырь

Наконецъ не только правительство, но и духовное начальство увидало нужду въ школахъ, въ наукѣ; и въ слѣдствіе этого появилась кіевская братская и московская славяно-греко-латинская академіи. Къ нашему несчастію это случилось въ то время, когда на западѣ іезуитѣ устроили католическія духовныя училища сообразно съ своими цѣлями. Они, какъ сказано въ 2 No. От. Зап. 1864 г. (въ ст. представители кіевской учености, стр. 556), не обращали вниманія на развитіе въ молодыхъ людяхъ мышленія и памяти — «не обогащали памяти познаніями, пригодными ко жизни, но зато забивали ее запутанными правилами изъ всего огромнаго Альвара, риторическими правилами изъ Суареса, силлогизмами на разныхъ языкахъ, или голымъ перечнемъ міровыхъ событій. У нихъ богословіе обратилось въ схоластику; философія состояла изъ множества опредѣленій, пустыхъ отвлеченностей, въ которыхъ иногда или нельзя было, или не стоило доискиваться смысла; краснорѣчіе обратилось въ риторику; въ исторіи сообщали имена царей, полководцевъ, пересчитывали битвы и выдающіяся событія и надъ всѣмъ поставили латинскій, впрочемъ не цицероновскій языкъ. О наукахъ, относящихся къ естествовѣдѣнію и математикѣ, не было почти и помину, кромѣ ариѳметики, да географіи, и то въ ограниченныхъ размѣрахъ.» По образцу этихъ школъ были первоначально съ немногими измѣненіями устроены и наши духовныя училища. Питомцы кіевской и московской академій въ первыя времена могли себя считать и называть если не учоными, то достаточно поучившимися и ставить выше прочихъ. Потомъ мало по малу наши духовныя училища начали улучшаться чрезъ усовершенствованіе методовъ преподаванія, чрезъ разширеніе программы, чрезъ ознакомленіе съ иностранными литературами Отчего въ прошедшемъ столѣтіи, особенно къ концу его изъ нихъ начали выходить уже люди учоные, пріобрѣтшіе извѣстность и даже имѣвшіе право на нее. Но все-таки они были учоны преимущественно въ томъ спеціальномъ духѣ, который къ намъ перешолъ изъ западныхъ католическихъ школъ. Судите же теперь о томъ изумленіи, даже, м. б., о той досадѣ, которыя они почувствовали, услышавъ, что ихъ учоность неудовлетворительна, что науки, которыхъ знатоками они считали себя, вовсе не такъ должны быть преподаваемы, что кромѣ нихъ еще есть науки, которыхъ знаніе необходимо не только для образованнаго вообще человѣка, но и для богослова. Заговорили о математикѣ, о наукахъ, относящихся къ естествовѣдѣнію, измѣнили взглядъ на исторію человѣчества и

нашли нужнымъ увеличить программу семинарскую и академическую новыми предметами, о которыхъ старые духовные ученые б. ч. не имѣли никакого понятія. Чтоже теперь оставалось дѣлать? Не сознаться же имъ, какъ говорится въ книгѣ: «о у. д. у. (т. 1, 307 стр.) предъ наставниками и учениками, что они не знаютъ нужной, хотя и свѣтской науки. Гораздо лучше и на словахъ и на дѣлѣ выражать, что имъ, какъ духовнымъ лицамъ, нѣтъ надобности заниматься ею и что по этому самому ученикамъ, какъ будущимъ пастырямъ Церкви, можно обойтись безъ нея. А, м. б., они похожи были на профессоровъ Добролюбова, которымъ (No. 1 Совром. 1862 г. стр. 269) какъ-то неловко было смотрѣть, какъ ученикъ въ вашихъ глазахъ и за вашими часами какъ разъ узнаетъ больше васъ самихъ.»

Если бы духовно-училищные начальники не были богословами, лицами духовными и особенно м-щими, то ихъ расположеніе къ новымъ свѣтскимъ наукамъ, или къ новому направленію прежнихъ наукъ могло бы скоро смягчиться и уничтожиться; прикрывать его не духовнымъ людямъ благовидными предлогами нелегко, а духовнымъ особамъ очень нетрудно.

1) Богословы никакъ не могутъ оставить ту мысль, что ихъ наука есть самая важнѣйшая, что знаніемъ ея одной можно вознаградить незнаніе всѣхъ прочихъ, и потому они «съ какимъ-то гордымъ презрѣніемъ смотрятъ на грѣшныхъ людей которые съ микроскопомъ и термометромъ въ рукахъ, съ аспидною доскою и грифелемъ, съ математическими формулами смиренно ходятъ по землѣ, съ трудомъ добиваются у природы мелкихъ въ глазахъ богослова результатовъ. Для нихъ Ньютонъ, Гершель, Лапласъ, Араго, самъ Гумбольдъ кажутся жалкими тружениками, а какой-нибудь Фареде, Фуко даже вовсе неизвѣстны, а имена Фохта, Молешотта, Фолгера, Уле, Бюхнера произносятся съ ужасомъ и негодованіемъ (т. 1, стр. 413 о у. д. у.)» Другіе, м. б., и не такъ суровы къ внѣшней учености даже видятъ въ ней нужду, но не имѣютъ смѣлости вступиться за нее противъ массы своихъ собратій.

2) Большая часть богослововъ считаютъ свою науку законченною, новаго въ ней ничего не только не ожидаютъ, но и не желаютъ. Преосвященный Антоній въ своей Догматикѣ (§ 3 Введ.) говоритъ: «поелику догматы вѣры суть истины откровенныя, опредѣленныя и изъясненныя вселенскою Церковью, то никто не имѣетъ права ни составить новыхъ догматовъ, ни измѣнить древнихъ, *предлагая ихъ*

какъ-либо иначе и изъясняя произвольно.» Ректоръ с. п. бургской духовной академіи въ проповѣди, говоренной во время юбилея, прямо заявилъ, что академія гордится своею неподвижностію. При такихъ убѣжденіяхъ всякій, изучившій, или заучившій богословіе по учебнику, имѣетъ право думать, что онъ все нужное для него знаетъ. Если и явятся какіе-либо новые факты и выводы изъ другихъ наукъ, то онъ постарается или вставить ихъ въ любимыя свои рамки, или счесть еретическими, или сказать, что въ природѣ много непостижимыхъ тайнъ, къ которымъ и отнесетъ то, что не подходитъ подъ богословскій уровень. Этотъ взглядъ особенно утвердился съ тѣхъ поръ, какъ изъ духовныхъ академій въ м-во, а слѣд. и на духовно-училищныя начальническія должности стали поступать не лучшіе студенты, а *посредственность, надѣющаяся себя сдѣлать золотою подъ чорною рясой.* Ей пріятно для своего мышленія, для своей учености построить разъ — навсегда домишко, по временамъ подновлять въ немъ обои, или мебель, но самое зданіе оставлять неприкосновеннымъ. Поэтому могутъ ли ей понравиться свѣтскія человѣческія науки, которыя нынѣ вступили подъ команду прогресса? Въ нихъ постоянно дѣлаются новыя открытія, которыми опровергаются вѣковые тысячелѣтніе взгляды на мірозданіе и человѣчество. Въ нихъ вѣчное движеніе впередъ, постоянное столкновеніе противоположныхъ мнѣній и борьба между ними; тутъ точно какъ въ Вѣчномъ Жидѣ, раздается крикъ: *впередъ, впередъ!* Можетъ ли это треволненіе понравиться людямъ, которые построили себѣ уютный домишко и въ немъ пріютили всѣ свои мыслительныя способности и умственныя потребности?

3) Но свѣтскія науки не только кричатъ: *впередъ, впередъ,* но еще какъ будто расшатываютъ старое зданіе. Извѣстно, что въ послѣднее время и историки, и антропологи, и естество-испытатели открыли множество фактовъ и явленій, которые не очень ладятъ съ нѣкоторыми изъ богословскихъ мнѣній. Р-ся, богословамъ слѣдовало бы какъ совѣтуетъ Ириней самимъ взяться за исторію и естествовѣдѣніе и, изучивъ ихъ, вступить въ борьбу съ противниками, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлать имъ даже уступки. Но корпораціи богослововъ, особенно м-щихъ, почти никогда не дѣлаютъ уступокъ и крѣпко держатся за свое спокойствіе и систему, на которой оно утверждается. Науки же не молчатъ о своихъ открытіяхъ и стараются пробивать бреши въ богословскихъ зданіяхъ. Старое поколѣніе богослововъ утвердившихся на догматической непогрѣшимости, надѣется

еще устоять противъ этихъ нападковъ, но очень хорошо видитъ, что новое поколѣніе можетъ сразу увлечься открытіями науки. Опасность эту думаютъ предотвратить, препятствуя ученикамъ заниматься свѣтскими науками и утѣшая себя тѣмъ, что новыя идеи долго не коснутся д-ва. Но идей «нельзя остановить ни китайскою стѣною, ни таможенными заставами, ни пикетами Кроатовъ и Пандуровъ, ни цензурами, ни индексами; онѣ какъ будто находятся въ атмосферѣ земной, распространяются и переносятся во всѣ части земнаго шара посредствомъ вѣтра, вдыхаются нами посредствомъ воздуха и постепенно, но неизбѣжно усвояются нашимъ, т. е-ть, умственнымъ организмомъ (т. 2, стр. 399, кн. о у. д. у.).»

Отдѣлъ 36ой.

О дурномъ преподаваніи богословскихъ наукъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Судя по тому расположенію къ богословскимъ наукамъ, которое выставляется на видъ духовно-училищнымъ начальствомъ, когда оно оправдываетъ себя въ нерасположеніи къ свѣтскому образованію, надобно было бы полагать, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ богословскія науки преподаются самымъ лучшимъ образомъ; воспитанники пріобрѣтаютъ самыя основательныя и обширныя свѣдѣнія въ нихъ и потомъ уносятъ въ жизнь охоту продолжать изученіе ихъ. Вѣдь 12ть лѣтъ училищной и семинарской жизни нужно же на что нибудъ употребить. Но на самомъ дѣлѣ богословскія науки преподаются за не многими исключеніями едвали не хуже, нежели свѣтскія; познанія учениковъ въ нихъ далеко не глубоки, и, главное, слишкомъ мало пробуждаютъ любознательность. Причины этого существеннымъ образомъ заключаются въ преподавателяхъ и преподаваемомъ предметѣ.

Наставники по главнымъ богословскимъ наукамъ бываютъ почти всегда м-щія лица, а преподаваніе догматики исключительно поручается ректору, п. ч., какъ пишетъ О Пр-ръ въ отчотѣ за 1854 г. (стр. 56) «сія важная наука въ кругу духовнаго образованія усвоится учениками лучше и

единообразнѣе, когда ее будетъ сообщать имъ одинъ и притомъ опытный наставникъ.» Эти именно распоряженія имѣютъ не благопріятное вліяніе на преподаваніе богословія. Свѣтскій наставникъ, особенно по свѣтской наукѣ, рѣшившійся посвятить себя духовно-училищной службѣ, очень хорошо знаетъ, что ему придется ею заниматься всю жизнь и потому, долго ею занимаясь, даже пристращивается къ ней. Отъ этого и происходитъ, что въ семинаріяхъ, особенно въ академіяхъ, лучшіе наставники б. ч. свѣтскіе и по свѣтскимъ наукамъ. Равнымъ образомъ многіе и священники-наставники, хотя и имѣютъ обезпеченіе въ своихъ священническихъ должностяхъ, часто усердно занимаются своими науками или по любознательной къ нимъ привязанности, или изъ опасенія подать поводъ къ увольненію себя отъ училищной службы. Но ученые монахи находятся совершенно въ другомъ положеніи, нежели наставники свѣтскіе и изъ бѣлаго д-ва. Они во первыхъ рѣдко занимаютъ одну и туже кафедру. Сначала по окончаніи курса ихъ посылаютъ иногда даже на свѣтскія, или полусвѣтскія науки, потомъ переведутъ на богословскій предметъ и наконецъ заставятъ читать догматику. Далѣе для монаха педагогическія должности служатъ, т. с-ть, временными станціями, ступеньками для достиженія архіерейскаго сана, къ которому и устремлены всѣ ихъ сердечныя желанія. Будь монахъ отличнымъ преподавателемъ, но не будь хорошимъ ректоромъ, не будь знатокомъ тѣхъ способовъ, которыми заискивается благосклонность начальства, не умѣй выказать иноческія добродѣтели: смиреніе, послушаніе, благочестіе и пр., ему не быть архіереемъ, или оно достанется ему съ большимъ трудомъ и послѣ продолжительнаго испытанія. Но если онъ не только посредственный, но и плохой преподаватель, зато ладитъ съ епархіальнымъ архіереемъ, то достигнетъ епископства. Случалось даже, что зная малую ученость ректора, ему не давали никакой кафедры, и онъ все-таки дѣлался архіереемъ. Такъ скажите, за что же слишкомъ корпѣть надъ приготовленіемъ лекцій, говорить ихъ съ воодушевленіемъ? Конечно, это можетъ доставить извѣстность, но не очень необходимо для достиженія будущей епископской кафедры. А на экзаменахъ и въ классахъ ученики будутъ хорошо отвѣчать по учебникамъ. Вѣдь *мы* ректоръ, или инспекторъ; въ *нашихъ* рукахъ списки, а слѣдовательно и участь учениковъ; такъ нечего заботиться, они будутъ знать ко экзамену учебникъ и сами найдутъ возможность отличиться предъ главнымъ экзаменаторомъ. Далѣе у ректора бываетъ слишкомъ много должностей; онъ и членъ

к-рій, и цензоръ проповѣдей, занятъ, по к. м., долженъ быть занятъ многосложнымъ управленіемъ семинаріи; а тамъ надобно служить со владыкою, принимать свѣтскихъ людей и платить имъ визиты; сколько тутъ дѣла? До профессіи ли? И если къ этому присоединить, что въ м-во поступаютъ не лучшіе студенты академіи, то будетъ понятно, почему главныя богословскія науки, которыхъ кафедры имѣютъ честь быть занимаемы высокостепенными о. о. ректорами и инспекторами, преподаются, кромѣ немногихъ исключеній, неудовлетворительно, — заучиваются по учебникамъ. Прочія не главныя богословскія науки, преподаваемыя наставниками-не магнатами, не правлекаютъ къ себѣ семинаристовъ, которые любятъ отличаться только на классѣ ректора и инспектора, зная, что чрезъ это одно будутъ занимать высокое мѣсто во спискахъ. Р-ся, вполнѣ не учиться нельзя, — все таки богословскіе предметы; но достаточно кое-какъ приготовиться къ экзамену.

За тѣмъ самыя богословскія науки, особенно при дурномъ преподаваніи, не могутъ привлечь къ себѣ молодыхъ людей. Въ исторической запискѣ о м. дух. академіи по случаю ея пятидесятилѣтія (см. стр. 4—6 сборника, изданнаго академіею по этому случаю) говорится, что «въ старой (славяно-греко-латинской) академіи образованіе носило чисто школьный характеръ и въ ходѣ богословскаго образованія оставались еще пріемы схоластическіе. Но потомъ будто бы въ новой академіи старыя учебныя книги вмѣстѣ съ схоластикою пали окончательно.... Наука (богословская) явилась совершенно въ новой формѣ; открытъ доступъ къ болѣе широкому и самостоятельному воззрѣнію на предметъ и къ выраженію этого воззрѣнія въ формѣ свободной рѣчи. Школьное выучиваніе истертыхъ фразъ уступило мѣсто *свободному (?)*, сознательному разсужденію о предметѣ.» Судя по этому отрывку, подумаешь, что у насъ въ преподаваніи богословскихъ наукъ нѣтъ и слѣдовъ схоластики, а напротивъ господствуетъ *свободная рѣчь, самостоятельное воззрѣніе, сознательное разсужденіе.* Но это не справедливо; конечно, диспуты уже не существуютъ, богословіе Фальковскаго и книга *de credendis et agendis* теперь уже не учебники въ семинаріяхъ; но въ нашемъ богословіи схоластика еще сильно преобладаетъ, или, какъ говоритъ митрополитъ Платонъ, разныя системы богословскія, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою. Чтобы подтвердить свою мысль, я обращусь къ конспектамъ, которые написаны предсѣдателемъ (Отч. Об. Пр-ра за 1861 г. стр. 75) и приняты членами комитета, составлявъ-

шаго новый семинарскій уставъ. Не забудьте, что́ это за лица въ д-вѣ? «Конспектъ по нравственному богословію въ нашей духовной жизни находитъ нужнымъ разсмотрѣть: а) главную силу жизни во Христѣ — благодать божію и отношеніе ея къ естественнымъ силамъ человѣка, б) главное условіе новой жизни — покаяніе и самоотверженіе, в) главное основаніе новой жизни — живую вѣру во Іисуса Христа, г) главное начало новой жизни — любовь, д) главное побужденіе къ преспѣянію въ новой жизни — живое упованіе благоволенія и помощи до смерти и вѣчной жизни со Христомъ по смерти, е) главный законъ новой жизни — волю божію, являющуюся намъ въ словѣ божіемъ и велѣніяхъ власти церковной (особенно духовнаго отца), ж) главный характеръ новаго человѣка во Христѣ — смиреніе, послушаніе, преданность волѣ божіей и страхъ божій; з) главное свойство новаго человѣка — кротость, благость, милосердіе, долготерпѣніе и пр., которыя апостолъ называетъ плодами Духа; и) главный образецъ новой жизни — земную жизнь Господа Іисуса Христа; і) главное направленіе ея — послѣдованіе Христу.» Этотъ отрывокъ не можетъ ли назваться образчикомъ схоластическаго дробленія предметовъ науки? Ему бы могли позавидовать Альбертъ Великій, *Cornelius a lapide*, *Hunnius* и нашъ Феофанъ Прокоповичъ. А м. т. все это сцѣпленіе *главныхъ* началъ, свойствъ и пр. само по себѣ даже не выдержитъ критики. Напр. по моему мнѣнію между смиреніемъ и кротостію нѣтъ никакого различія. Почему же теперь первое попало въ свойства, а послѣдняя въ характеръ новаго человѣка? Далѣе характеръ есть совокупность нашихъ свойствъ. Почему же не отнести послушанія и смиренія къ свойствамъ новаго человѣка? Потомъ живая вѣра въ Іисуса Христа и преданность волѣ божіей не могутъ быть одна безъ другой. Почему же первая названа основаніемъ новой жизни, а вторая вошла въ характеръ новаго человѣка? Не ужели мы погрѣшимъ, если вѣру въ Іисуса Христа назовемъ главнымъ условіемъ, или началомъ, а не основаніемъ новой жизни? Что такое значитъ; *пониманіе о ветхой грѣховной жизни* или: *упованіе благоволенія и помощи божіей до смерти и вѣчной жизни со Христомъ по смерти?* По грамматикѣ пониманіе сочиняется съ родительнымъ падежемъ и потому слѣдовалобы сказать: *пониманіе ветхой жизни;* тутъ слѣдовало бы употребить слово: *понятіе*, а не *пониманіе;* тогда бы годился и предлогъ: *о.* Потомъ мы уповаемъ *не чего*, а *на что*, и потому слѣдовало бы сказать: упованіе на благоволеніе и помощь божію. А упованіе благоволеніе и помощи тоже значитъ, что благоволеніе и по-

мощь на что-то сами уповаютъ. Притомъ родительный падежъ словъ: *вѣчной жизни* отчего зависитъ? Отъ предлога ли *до*, или отъ слова *упованіе*.

По сдѣланной выпискѣ изъ конспекта уже можно видѣть, какъ наше богословіе еще родственно съ схоластикою и не очень знакомо съ грамматикою. Но скажутъ, что въ конспектѣ желаніе выразиться кратко заставляетъ прибѣгать къ схоластикѣ; по немъ еще нельзя судить о характерѣ учебника. Дѣлать нечего, возьмемъ нынѣшній учебникъ догматики и станемъ судить о немъ, основываясь на немъ же самомъ. По § 28 схоластицизмъ состоитъ между прочимъ въ сухости, отвлеченности, однообразной, школьной терминологіи и діалектическихъ тонкостяхъ.» Но въ § 140 при перечнѣ разнаго рода нашихъ грѣховъ употребляются (конечно въ скобкахъ) слова: *peccatum in actu, actuale, peccatum in statu, statuale, peccatum in habitu, habituale, peccatum naturae.* Потомъ по § 187 соединеніе божества и человѣчества въ Іисусѣ Христѣ есть *нераздѣльное, не слѣянное, не преложное, не измѣнное, не прерывное, не разлучное* (доказательства на эти роды соединеній занимаютъ почти три страницы). Далѣе по § 167 страданіе и крестная смерть Іисуса Христа имѣютъ силы *жертвы умилостивительной, удовлетворительной, преизбыточествующей и очистительной.* Кто не знаетъ, что всѣ эти напечатанныя курсивомъ слова, выдуманы схоластикою? Развѣ онѣ не принадлежатъ къ школьной терминологіи? Развѣ въ различеніи ихъ между собою не видна діалектическая тонкость? Кромѣ того при объясненіи каждаго таинства есть параграфъ о видимой, или чувствамъ подлежащей принадлежности, и здѣсь непремѣнно стоятъ три отдѣленія 1) вещество, 2) слова и 3) видимое, или наружное дѣйствіе. Развѣ все это не пріобрѣтеніе схоластики? Ну, а какъ угодно, схоластика не можетъ пробудить любви къ себѣ, особенно въ здравомъ, не испорченномъ умѣ, доискивающимся живой истины, а не мертвой буквалистики. Схоластика, будетъ ли она въ философіи или въ богословіи, — «способна, какъ говоритъ Пр. Антоній, скорѣе приходить ко лжи, нежели отыскивать истину.» (Русс. Вѣст. 1864 г. статья о грекоуніатской церкви Арх. Антонія стр. 307).

Никакъ нельзя сказать, что богословскія истины у насъ излагаются живымъ, увлекательнымъ образомъ, какъ это замѣчаемъ въ свѣтскихъ наукахъ. Въ послѣднихъ много жизни и даже какого-то очарованія придаютъ изложенію разсказы о событіяхъ, описанія величественныхъ явленій природы, занимательные опыты и наблюденія, просторъ, пре-

доставленный уму, свободно дѣлать свои выводы, не стѣсняясь прежними истинами, новыя не ожиданныя открытія и идеи, примѣненія ихъ къ жизни. Ну, а въ большей части богословскихъ наукъ, точно также какъ и въ догматикѣ, все уже опредѣлено, никто не имѣетъ права изобрѣтать что либо новое, измѣнять старое, предлагать что либо иначе, нежели имъ предлагалось прежде, и изъяснять произвольно (Догм. Пр. Антонія стр. 35 § 3). Затѣмъ ни опытовъ, ни наблюденій, ни картинныхъ описаній, ничего этого почти не бываетъ. Выскажутъ неизмѣняемое положеніе, приведутъ въ подтвержденіе его тоже неизмѣнный текстъ, потомъ опять мысль, а иногда два, три слова и опять текстъ. Вотъ примѣръ изъ Догматики Пр. Антонія 1) въ § 41 менѣе, нежели на страницѣ, приведено 15 текстовъ; 2) въ § 121 на 15 строкахъ 10 текстовъ, которые занимаютъ около $^2/_3$ параграфа; 3) въ § 176 на десяти строкахъ указано десять ссылокъ на Св. Писаніе; притомъ нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ изъ 5 и даже 7 стиховъ. Положимъ даже, что уже тексты напередъ въ учебникѣ напечатаны; и тогда постоянный переходъ отъ русскихъ словъ къ славянскимъ и обратно двоитъ мысль. А если еще тексты не напечатаны, то ищи ихъ въ библіи, запиши, или упомни, сообрази, какимъ словомъ они подтверждаютъ доказываемую истину. Но мы касались догматики, — самой главной науки, которая можетъ еще понравиться своею систематическою стороною. Что же сказать о другихъ наукахъ богословскихъ, гдѣ напр. принимаются доказывать, что надобно любить родителей, жену, дѣтей, разбираются виды этой любви и пр., какъ будто бы дѣло шло о какомъ либо вновь открытомъ въ Африкѣ близъ Чадскаго озера видѣ растеній, — или излагаютъ длинные ряды правилъ о томъ, какъ учить народъ слову божію, какъ избирать темы для этого, сколько родовъ и видовъ этихъ темъ и пр. — или отыскиваютъ таинственный смыслъ въ такихъ вещахъ, которыя вовсе не имѣютъ ничего таинственнаго. Прибавьте къ этому нужду пускаться иногда въ тонкіе филологическіе разборы словъ еврейскихъ и греческихъ, натяжки, которыя въ этихъ случаяхъ неизбѣжны, и тогда поймете, что для молодаго человѣка богословскія лекціи и книги не очень увлекательны; тутъ только даровитый наставникъ, воодушевленный истинами откровенными, можетъ вдохнуть въ другихъ любовь къ занятію ими сердечною своею къ нимъ привязанностію и увлекательнымъ даромъ слова, иначе..... извините-молодому человѣку будетъ скучно и читать, и слушать, и особенно учить богословскія лекціи.

Неужели же нѣтъ ни одной науки богословской, которая могла бы быть изложена на лекціяхъ, или въ книгахъ увлекательно? Есть, напр. библейская и церковная исторіи, полемическое богословіе и др. Но и тутъ иногда наставники, особенно м-щіе, находятъ возможность пробуждать скуку въ своихъ обязательныхъ слушателяхъ. Особенно это идетъ къ церковной исторіи. Болѣе сухаго и схоластическаго учебника по наукѣ, которою Неандеръ увлекалъ въ берлинскомъ университетѣ даже либераловъ, придумать почти невозможно. Каждый періодъ раздѣляется на семь отдѣленій; въ каждомъ періодѣ повторяются тѣже подъ-отдѣлы; за недостаткомъ дѣйствительно стоющихъ вниманія лицъ, событій и другихъ предметовъ, которыми нужно наполнить отдѣленія и подъ отдѣлы, указываютъ на то, о чемъ нѣтъ никакой надобности говорить. Напр. въ каждомъ вѣкѣ непремѣнно надобно отыскать наказанія, понесенныя гонителями церкви, небесныя и земныя знаменія, напоминавшія людямъ объ обращеніи къ Богу; надобно говорить о писателяхъ, которыхъ не стоитъ читать, о новыхъ какихъ либо установленіяхъ и обычаяхъ въ церкви, о достопамятныхъ лицахъ, которые не заслуживаютъ памяти, о ересяхъ, которыя и въ современникахъ не находили много приверженцовъ, а теперь совсѣмъ забыты. Далѣе есть извѣстныя формы даже для частныхъ предметовъ какого либо подъ-отдѣла. Вотъ напр. форма для жизнеописанія: «Іоаннъ (писатель VI вѣка) по должности схоластикъ, по мѣстопребыванію Синаитъ, по сочиненіямъ Лѣствичникъ, по волѣ наставника Мартирія пустынникъ. Іоаннъ (достопамятное лицо VII вѣка) по происхожденію кипрскій, по щедрости милостивый, по должности александрійскій патріархъ, по жизни святой. Іоаннъ (VIII вѣка) по отечеству Дамаскинъ, по краснорѣчію златая струна, по должности — тайный совѣтникъ при магометанскомъ дворѣ, по ревности къ славѣ божіей исповѣдникъ.» Странно, что такъ описывается жизнь трехъ Іоанновъ. Вѣдь такой учебникъ ужасно скученъ!

Но отъ него не хотятъ отставать и другіе (не всѣ впрочемъ) учебники богословскіе. Вообще надо сказать, что наши богословы б. ч. пренебрегаютъ литературнымъ языкомъ; имъ такъ и хочется хоть по мѣстамъ отличить себя отъ свѣтскихъ писателей латино-славяно-церковно-русскимъ языкомъ; они какъ будто нарочно излагаютъ недоступныя разуму истины не очень понятными словами и періодами. И здѣсь сначала хочу сдѣлать выписку изъ того конспекта богословскихъ наукъ, изъ котораго взятъ мною образчикъ схоластики. Конспектъ по догматическому богословію начинается слѣдующими

словами: «Господь Іисусъ Христосъ, Собою сотворивъ искупленіе наше, да приведетъ ны Богу и Отцу, основалъ на землѣ Церковь свою къ совершенію святыхъ, къ созиданію тѣла Христова, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Для достиженія сей высочайшей цѣли, онъ даровалъ ей и благопотребныя средства: свое божественное ученіе для просвѣщенія разума человѣческаго свѣтомъ вѣры и познанія, свои божественныя заповѣди для руководства воли ихъ (кого?) къ богоугодной и богоподобной жизни, свои божественныя священнодѣйствія для освященія ихъ (кого?) и соединенія съ собою и съ Богомъ Отцомъ. Посему въ Церкви Православной есть вѣроученіе, или система догматовъ; есть нравоученіе, или система правилъ жизни христіанской; есть богослуженіе, или система священнодѣйствій и молитвословій, которыя (т. е. молитвословія!!! п. ч. мѣстоименіе: *который* всегда указываетъ на ближайшее существительное имя, стоящее впереди его за запятою) и составляютъ предметъ трехъ богословскихъ наукъ: а) догматики, б) нравственнаго богословія и в) литургики.» Ну тутъ къ чему славянщина и темнота? Это не молитва, въ церквахъ читаться не будетъ. Къ чему же тутъ говорить не русскимъ языкомъ? М. т. я читалъ отрывокъ доктору медицины и хирургіи и инспектору врачебной управы, который учился въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, послѣ слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ и знаетъ очень хорошо русскій языкъ. Выслушавши и потомъ самъ прочитавши всю эту выписку, онъ сказалъ: «ну, какъ угодно, а понимать подобныя вещи слишкомъ трудно. Неужели о богословскихъ предметахъ нельзя говорить ясно и просто?» я совершенно согласенъ съ докторомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ приведенномъ отрывкѣ заключается та мысль, что Іисусъ Христосъ, установилъ на землѣ свою церковь, далъ и средства, необходимыя для нашего спасенія, именно вѣроученіе, разныя заповѣди и священнодѣйствія. По этому богословіе раздѣляется на догматику нравственное ученіе и на литургику. Почему бы конспекту такъ не выразиться? Вѣдь это былобы всѣмъ понятно. А то къ чему при сей вѣрной оказіи высказывать свое знаніе библейскихъ текстовъ? Къ чему отрывками изъ нихъ, соединенными въ одинъ періодъ, затемнять его такъ, что и доктора затрудняются понимать его? Почему бы еще не поучиться такому употребленію мѣстоименій *ихъ* и *который*, чтобы видно было, на кого они указываютъ?

Беру еще начало ученія о внутренней жизни христіанина: «жизнь есть проявленіе силъ, а жизнь духовная есть проявленіе силъ духовныхъ. Господь Богъ, создавъ человѣка, вдохнулъ ему духъ жизни, который проявляется въ дѣятельности разума, воли и чувства и другихъ силъ души человѣческой, сопряженной съ тѣломъ. Эта жизнь въ началѣ чистая и святая съ грѣхопаденіемъ человѣка сдѣлалось грѣховною и не чистою и потому отверженною Богомъ и осужденною на вѣчную погибель. Но Господь Іисусъ Христосъ, искупивъ насъ своими страданіями и смертію отъ осужденія смерти, даровалъ божественную благодать Всесвятаго Духа Божія, которою духовная жизнь наша обновляется, очищается, освящается, содѣлывается паки богоугодною и возводится къ причастію вѣчной жизни Божіей.» Чего нѣтъ въ этомъ отрывкѣ? Тутъ и новѣйшіе философскіе термины и библейскія выраженія, славянскія и русскія слова и обороты, блаженной памяти риторика. Вотъ образчики всего этого: *жизнь есть проявленіе силъ; духъ жизни проявляется въ дѣятельности разума, воли и чувства; вдохнулъ ему* (не лучше ли въ него?) *духъ жизни искупивъ..... смертію отъ осужденія смерти.* Къ чему вмѣстѣ съ чисто-русскими употреблять слова: *сопряженной, содѣлалась, содѣлывается, паки, ко, возводится?* Неужели какая либо жизнь (не существо ли живущее?) можетъ содѣлаться осужденною на вѣчную погибель? Для чего слово: *Божій* склоняется то по славянски (Духа Божія), то по русски (жизни божіей)? Къ чему употреблено пять синонимовъ въ слѣдующихъ словахъ: *духовная наша жизнь обновляется, очищается, освящается, содѣлывается паки богоугодною и возводится ко причастію вѣчной жизни божіей?* Если эта жизнь сдѣлалась опять, — нѣтъ, извините, *содѣлалась паки* богоугодною, то очевидно, что она и обновилась и очистилась и освятилась и даже возвелась ко причастію жизни вѣчной.

Теперь представляю нѣсколько отрывковъ изъ богословскихъ нынѣшнихъ учебниковъ, находящихся у меня подъ рукою, но... чтобы никого не обижать — безъ указанія, откуда взяты цитаты 1) Чудеса суть дѣла, которыя не могутъ быть сдѣланы ни силою, ни искуствомъ человѣческимъ, но токмо всемогущею силою божіею. Напр. воскресить мертваго. Отчего здѣсь зависитъ неокончательное *воскресить?* 2) «Вѣровать въ Бога значитъ имѣть живую увѣренность о его бытіи и пр.» — порусски говорится увѣренность не о чемъ, а въ чемъ. 3) Молитва есть прошеніе предъ Богомъ (не у Бога ли?), произносимое отъ горячей вѣры съ надеждою по-

лучить просимое по Его волѣ. Или такъ: молитва есть возвышеніе ума и воли нашея къ Богу, въ которомъ (въ Богѣ?) мы хвалимъ и просимъ Бога и пр. 4) Бракъ есть таинство, въ которомъ при свободномъ предъ священникомъ и Церковію обѣщаніи женихомъ и невѣстою взаимной супружеской вѣрности благословляется ихъ супружескій союзъ въ образъ духовнаго союза Христа съ Церковью, и испрашивается имъ благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію. Понятно ли это будетъ для дѣтей? 5) Надежда христіанская есть успокоеніе сердца въ Богѣ съ увѣреніемъ, что онъ непрестанно печется о нашемъ спасеніи и пр.» Кто же здѣсь даетъ увѣреніе? тутъ слѣдуетъ употребить слово увѣренность. 6) Любить себя должно для Бога и частію для ближнихъ, любить ближнихъ должно для Бога, а любить Бога должно для Него Самаго, и больше всего. Любовь къ себѣ должно приносить въ жертву любви къ ближнимъ, а любовь къ себѣ и ближнимъ должно приносить въ жертву любви къ Богу?» Конечно тутъ каждая мысль отдѣльно понятна. Но въ отрывкѣ повторены слова: *любить, любовь* и *должно* по пяти, *Богъ* и *ближній* по четыре, *должны приносить въ жертву любви* два раза. Вообразите, что это учитъ мальчикъ слово въ слово, вѣдь запутается онъ въ этихъ многоповторяемыхъ словахъ. 7) Къ внутреннему почитанію относится: вѣровать въ Бога, ходить предъ Богомъ, бояться Бога, надѣятся на Бога, любить Бога, повиноваться Богу, поклоняться Богу, прославлять Бога, благодарить Бога, призывать Бога.» А говорятъ еще, что нынѣ нѣтъ схоластики! 8) «Грѣхи противъ первой заповѣди: безбожіе, многобожіе, невѣріе, ересь, расколъ, богоотступленіе, отчаяніе, волшебство, суевѣріе, лѣность, любленіе твари паче Бога, человѣкоугодіе и человѣконадѣяніе.» Заучите-ка, г. ч., послѣднія два цитата, да еще съ опредѣленіемъ почти каждой обязанности, или грѣха! А все это учатъ дѣти. 9) Вотъ, по словамъ одного изъ учебниковъ, самое ясное опредѣленіе ученія о Пресвятой Троицѣ, принадлежащее Аѳанасію Александрійскому: «Вѣра каѳолическая сіея есть, да единаго Бога въ Троицѣ и Троицу во единицѣ почитаемъ, ниже сливающе упостаси, ниже существо раздѣляюще. Ина бо есть упостась Отча, ина Сыновня, ина Св. Духа. Но отчее и сыновнее и Св. Духа едино есть божество, равна слава, соприсносущно величество. Яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый. Тако Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый, обаче не три бози, но единъ Богъ. Равнѣ: Господь Отецъ, Господь Сынъ, Господь и Духъ Святый, обаче не три гос-

подіе, но единъ есть Господь. Отецъ ни отъ кого есть сотворенъ, ни созданъ, ни рожденъ. Сынъ отъ Отца Самаго есть не сотворенъ, ни созданъ, но рожденъ; Духъ Святый отъ Отца ни сотворенъ, ни созданъ, ни рожденъ, но исходящъ. И въ сей Троицѣ ничто же первое, или послѣднее, ничто же болѣе, или менѣе, но цѣлы три ѵпостаси, соприсущны суть себѣ и равны. Хотяй убо спастися, тако о Святой Троицѣ да мудрствуетъ.» Замѣтьте, что это самое ясное опредѣленіе ученія Святыя Троицы. Что же сказать о тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя помудренѣе его? 10) Лице Отца не есть лице Сына, ибо Отецъ не рожденъ ни отъ кого, а Сынъ рожденъ отъ Отца, по естеству, прежде вѣковъ, какъ говоритъ Св. Писаніе: изъ чрева прежде денницы родихъ тя (Псал. 109, 3). И такъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Свяый не рожденное, рожденное и исходящее, различаютъ въ божествѣ лица, а не существо, которое не раздѣльно само въ себѣ, а отдѣляется только отъ твари, рожденное же и не рожденное не можетъ быть однимъ лицемъ. Равнымъ образомъ надлежитъ мыслить и о Духѣ Святомъ. Онъ исходитъ отъ существа и естества отчаго безначалыно, т. е. вѣчно и есть единосущенъ Отцу и Сыну. Но различается отъ Отца личнымъ свойствомъ, п. ч. отъ Него исходитъ, различается также и отъ Сына, п. ч. имѣетъ бытіе отъ Отца не рожденіемъ, какъ Сынъ, но исхожденіемъ отъ того же Отца. Сынъ и Духъ Святый имѣютъ одно существо, п. ч. оба сіи лица отъ одного отчаго естества. Они единосущны Отцу, п. ч. отъ Его существа.» 11) Церковная Исторія есть основанное на твердыхъ свидѣтельствахъ, отъ частныхъ повѣствованій къ общимъ соображеніямъ возведенное и къ дѣятельному наставленію направленное (уѳъ?) изложеніе происхожденія на земли Церкви Божіей и пр»

Извините, г. ч., что я такъ много сдѣлалъ выписокъ. Если бы я ограничился 2—3 и взялъ ихъ изъ одной книги, то мнѣ могли бы сказать, что непонятность ихъ, употребленіе авторами оборотовъ, противныхъ духу русскаго языка — случайны и не принадлежатъ большинству; мнѣ надобно было сдѣлать много выписокъ изъ разныхъ книгъ. Потомъ еще выскажу мысль въ свою защиту. Я выписывалъ всѣ эти цитаты не съ тѣмъ, что бы указать и представить въ смѣшномъ видѣ истины, ими выраженныя. Критикую я не истины, которыя недоступны критикѣ, а неумѣнье авторовъ выражаться чистымъ русскимъ языкомъ, — ихъ предразсудокъ, что будто бы для божественныхъ истинъ нуженъ особый идіомъ, которымъ не говорятъ люди о житейскихъ дѣлахъ,

и котораго не употребляетъ свѣтская литература. Не люди подобные мнѣ, а господа и отцы, которыхъ слова мною выписаны, унижаютъ божественныя истины, облекая ихъ въ туманный какой-то покровъ, сквозь который не распознаешъ и простаго предмета. Повторяю, *не я, а они кощунствуютъ, или подаютъ поводъ къ кощунству.*

Почтенные наставники богословскихъ предметовъ и еще болѣе почтенные начальники семинарій, по небрежности ли, по незнанію ли свѣтскихъ наукъ, по привязанности ли къ тому, что было кѣмъ-то напечатано и выдано за непререкаемую истину, или, просто сказать, по невѣжеству умѣютъ во многихъ воспитанникахъ духовныхъ пробудить даже презрѣніе къ богословскимъ наукамъ. Вы, свѣтскій, г. ч., не повѣрите, что бы въ учебникахъ богословскихъ и церковныхъ наукъ встрѣчались курьёзы, которые по неволѣ озадачиваютъ своею странностію. Вы напр. знаете изъ астрономіи, что солнечныя затмѣнія происходятъ по непреложнымъ законамъ движенія небесныхъ тѣлъ солнечной системы, — законамъ,которые установлены Самимъ Творцомъ природы, что эти явленія съ математическою точностію вычисляются за сотни, тысячи лѣтъ впередъ. Потомъ знаете также, что и кометы вошли нынѣ въ разрядъ небесныхъ тѣлъ, которыхъ движеніе можетъ быть вычисляемо, а иногда и появленіе предсказываемо. Но наши богословы знать не хотятъ объ этихъ открытіяхъ науки. Въ учебникахъ по церковной исторіи *власянистыя кометы*, солнечныя затмѣнія доселѣ считаются предвѣстниками бѣдствій, которыми Творецъ грозитъ людямъ за ихъ беззаконія Къ томуже разряду относятся кровавыя солнца, кровавые дожди, землетрясенія, изсушенія рѣкъ отъ жаровъ, опустошительные грады, *сильные мразы* наводненія и пр.; — все это тоже причисляется къ особеннымъ сверхъ-естественнымъ событіямъ, которыя способствовали успѣхамъ вѣры *не только на сѣверѣ, но и на востокѣ, югѣ и западѣ* (Церк. Истор. Иннокентія т. 2 стр. 7, 58, 102—103, 164—166, 229 и пр.) Можно еще встрѣтить замѣчательныя прибавленія. Напр. на 164 стр. одна изъ кометъ «по восхожденіи, казалась всегда возвращающеюся, *другая свѣтила* только въ продолженіи четыредесятницы, третья свѣтила нѣсколько дней и множествомъ свѣта образовала *полную луну*. На стр. 7 власянистыя кометы измѣнялись во многіе виды и чаще въ человѣка безъ главы. На стр. 58 кровавое солнце съ лучами, падающими отъ него въ видѣ кровавыхъ каплей (это явленіе неопровержимо опровергаетъ *теорію волненія*). На стр. 103 *кровавый*

дождь, который, упавши на человѣческое тѣло, или камень, не измывался.»

Далѣе вы, г. ч., на основаніи физики, полагаете, что облака ничто иное, какъ туманы, носящіеся вдали отъ поверхности земли и потому никого не могутъ придавить. Но вотъ тотъ же учебникъ (на стр. 103 т. 2) увѣряетъ, что въ XI вѣкѣ во Фландріи *паденіемъ съ неба облаковъ задушено нѣсколько тысячъ человѣкъ*. Потомъ вольнодумцы не только сами убѣдились, но и другихъ убѣдили, что нѣтъ возможности человѣку, даже колдуну знакомому со всѣми кіевскими вѣдьмами обращать другихъ людей въ волковъ, свиней и пр. Но это несправедливо. Въ 54 вопросѣ 3 части учебника, который подъ названіемъ православнаго исповѣданія заучиваютъ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, говорится, что противъ второй заповѣди Моисеева десятословія грѣшатъ и тѣ, которые «превращаютъ людей въ овецъ и другихъ животныхъ.» Значитъ, такіе грѣшники и слѣд. и превращенія людей въ овецъ существуютъ. Наконецъ въ такъ называемыхъ уродахъ, рождающихся отъ животныхъ, или отъ людей, нынѣ видятъ не болѣе, какъ уродовъ, а не какъ предзнаменованія бѣдствій для цѣлой страны, или цѣлаго народа; и Юлія Пастрана, и ацтеки служили только предметомъ любопытства. Но учебники семинарскіе иначе судятъ объ уродахъ. Напр. въ учебникѣ по библейской исторіи (526—527) говорится, что паденію Іерусалима при Веспасіанѣ предшествовали многія чудесныя знаменія, между которыми занимаетъ не послѣднее мѣсто «рожденіе агнца отъ кравы, веденной къ жертвеннику въ праздникъ опрѣсноковъ.» Думала ли почтенная корова, или, извините, *крава*, поспѣшившая предъ своею смертію разрѣшиться отъ бремени, попасть въ библейскую исторію!

Представьте же теперь, г. ч., что ученикъ, выслушавшій, или, лучше заучившій на память разсказы о такихъ чудодѣйствіяхъ, узнаетъ всю ихъ пошлость и отсталость отъ науки. Будетъ ли онъ имѣть уваженіе къ тѣмъ учебникамъ, въ которыхъ помѣщены эти разсказы, — къ тѣмъ наукамъ, которыя преподавать находятъ необходимымъ по такимъ учебникамъ? Судите сами. Да кстати еще примите къ свѣдѣнію, что изъ всѣхъ здѣсь приведенныхъ мною чудесныхъ знаменій и предзнаменованій ни одно не заимствовано изъ библіи.

Неужели всѣ богословскія науки такъ дурно и по такимъ дурнымъ учебникамъ преподаются, какъ мною описано? Р-ся, общаго правила въ этомъ случаѣ постановить нельзя.

Если не учебники, то нѣкоторыя богословскія вновь выходящія сочиненія пишутся уже литературнымъ хорошимъ языкомъ, таковы напр. огромное богословіе Пр. Макарія, новозавѣтная исторія г. Чельцова и пр. Даже есть учебники богословскіе, въ которыхъ почти забытъ славяно-латино-церковно-русскій языкъ, напр. православное нравственное богословіе Платона и др. Хорошихъ наставниковъ по богословскимъ наукамъ есть довольно въ академіяхъ, но они встрѣчаются и въ семинаріяхъ; къ несчастію не только на ихъ труды не обращаютъ вниманія, но часто и преслѣдуютъ, или ругаютъ ихъ. Вотъ напр. что Русское Слово (5 No. 1864 г. стр. 116) пишетъ о Евгеніѣ-Бородѣ. Одинъ наставникъ, читая въ классѣ допотопную книгу Петра Могилы (откуда я выписалъ цитаты о томъ, что можно обращать людей въ овецъ и др. животныхъ) захотѣлъ подсластить немножко эту *мертвячину*. Фискалы нашептали объ этомъ Бородѣ. Тотъ и сдѣлалъ въ формулярѣ педагога такую дипломатическую отмѣтку: *поведенія неблагонадежнаго*. Такая оттестація преградила послѣднему ходъ на службѣ и онъ съ 21 руб. остался, какъ ракъ на мели.» Еще въ нѣкоей епархіи другой Бородѣ купецъ-полураскольникъ, полуправославный донесъ, что одинъ свѣтскій наставникъ семинаріи не въ классѣ, а въ гостяхъ сказалъ, что въ постный день можно ѣсть скоромное. И за это наставникъ либералъ отмѣченъ неблагонадежнымъ.

Отдѣлъ 37ой.

Общій взглядъ на умственное образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Ознакомившіеся съ учебною участію духовныхъ училищъ легко увидятъ множество противорѣчій въ устройствѣ и ходѣ ея. Обученіе въ низшихъ училищахъ и семинаріи продолжается 12 лѣтъ, тогда какъ въ 11 лѣтъ можно кончить курсъ въ гимназіи и университетѣ, кромѣ медицинскаго факультета; — и не смотря на то, даже лучшему семинаристу для поступленія въ университетъ нужна усиленная годичная работа. — Заботятся какъ будто бы объ ум-

ственномъ образованіи воспитанниковъ, печатаютъ даже, что священнику и, значитъ, семинаристу нужно быть человѣкомъ образованнымъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, что богословскому спеціалному образованію должно предшествовать общечеловѣческое; а м. т. въ семинаріяхъ дѣльное преподаваніе необходимыхъ для этого наукъ встрѣчаетъ чрезвычайно серьёзныя препятствія; м. т. по словамъ многихъ начальниковъ и нѣкоторыхъ наставниковъ все зло происходитъ отъ свѣтской науки, а *Министерство Народнаго Просвѣщенія*, покровительствующее имъ, *есть министерство тьмы*.— Программа семинарскаго образованія заключаетъ въ себѣ множество свѣтскихъ предметовъ, знаніе которыхъ дѣйствительно могло бы развить умственныя способности воспитанниковъ и сдѣлать ихъ людьми умными и образованными въ общепринятомъ смыслѣ слова, а м. т. не только начальники, но и наставники проповѣдуютъ и учениковъ пріучаютъ проповѣдывать, что *умъ кичитъ*, что это нашъ врагъ, котораго слѣдуетъ обуздывать, «плотоядный, какъ говоритъ Св. Іоаннъ Лѣственичъ, и привыкшій по пустому лаятъ песъ» (Лѣствица Іоанна стр. 6). — Готовятъ семинаристовъ къ тому, чтобы они въ званіи священниковъ своими поученіями съ церковной кафедры учили русскій православный народъ всѣхъ сословій добру и отклоняли отъ зла; — к-ся, для этого нужно чисто и ясно и даже увлекательно выражаться по русски, а м. т. семинаристамъ запрещаютъ писать литературнымъ языкомъ, считая его недостойнымъ органомъ высокихъ истинъ и, навязывая особый, нигдѣ не существующій, искуственный латино-славано-церковно-русскій языкъ.— Богословскія науки ставятъ выше прочихъ, считаютъ ихъ безусловно необходимыми для священниковъ, назначаютъ на преподаваніе ихъ огромное количество классовъ, а м. т. преподаютъ и изучаютъ ихъ крайне не удовлетворительно. — Много бы еще противорѣчій слѣдовало выставить на видъ, но довольно и перечисленныхъ для того, чтобы дойти до вопроса; чѣмъ же должны выходить въ умственномъ отношеніи тѣ воспитанники, которые учатся по системѣ, заключающій въ себѣ столько противорѣчій?

Часть первая.

О противоестественномъ и насильственномъ характерѣ умственнаго семинарскаго образованія.

Такъ какъ всѣ науки историческія, математическія, естественныя и пр., которыя обогащаютъ насъ основательными свѣдѣніями о природѣ и человѣкѣ, пріучаютъ къ мышленію, доступны даже дѣтскому уму; всѣ они въ духовныхъ училищахъ находятся, какъ в. с.-но (1 ч. 34 отд.), въ пренебреженіи и преподаются только почти для вида, для формы; то развитіе умственныхъ способностей семинаристовъ должно зависѣть отъ изученія однихъ богословскихъ наукъ и тѣхъ, которыя со временъ схоластическихъ поставлены съ ними въ тѣсную связь, т. е. отъ латинскаго и греческаго языковъ, риторики и чего-то въ родѣ Философіи.

Смѣшно было бы говорить, что богословіе мало сообщаетъ свѣдѣній; съ этимъ я не согласенъ. Конечно церковный уставъ, перечень церковной утвари, церковныхъ одеждъ, гомилетика, пастырское и нравственное богословіе своимъ содержаніемъ немного заинтересуютъ, а иногда самаго терпѣливаго человѣка заставятъ зѣвать. Но въ догматикѣ, полемикѣ, библейской и церковной исторіи заключается богатый запасъ фактовъ, идей, умозаключеній, которые могутъ заинтересовать, если не дѣтей, то мыслящаго, взрослаго человѣка, желающаго слѣдить за развитіемъ религіозныхъ вѣрованій въ человѣчествѣ. Только въ этомъ отношеніи богословы должны помнить, что, по ихъ собственнымъ словамъ, истины, ими излагаемыя, однѣ вовсе недоступны нашему разсудку, другія могутъ быть понимаемы, развѣ послѣ большихъ усилій; самыя доказательства, которыми подтверждаются онѣ, не могутъ назваться очень понятными, а для человѣка, не привыкшаго къ схоластикѣ, школьнымъ терминамъ, къ филологическимъ тонкостямъ, слишкомъ даже затруднительны. Во всякомъ по к. м. случаѣ пониманіе, или усвоеніе ихъ легкимъ назвать невозможно. Кто желаетъ достигнуть верхней ступеньки высокой лѣстницы, долженъ перешагнуть одну за другою ступеньки. Конечно, можно разбѣжаться и прыгнить довольно высоко, даже на верхнюю ступеньку, или ухватиться за нее рукою, и потомъ какъ нибудь при помощи другихъ и свой гимна-

стической ловкости и сильныхъ мускуловъ стать на нее. Зато при этомъ можно изломать себѣ и ногу; не всякій имѣетъ сильные мускулы и выученъ гимнастикѣ; не всегда найдешь людей, которые бы насъ подсаживали на верхъ и принимали оттуда. Придерживаясь этого сравненія, духовно-училищное начальство, которое богословскія науки ставитъ выше прочихъ, должно бы воспитанниковъ пріучать самихъ ходить по всѣмъ ступенькамъ лѣстницы, на верху которой находится богословіе. А теперь оно, пренебрегая изученіемъ свѣтскихъ наукъ въ семинаріяхъ, поставляетъ учениковъ въ необходимость или дѣлать прыжки, или влѣзать, при помощи другихъ, на верхнюю ступеньку.

Допустимъ, что наставники богословскихъ наукъ какъ нибудь ухитрятся подсадить своихъ питомцевъ прямо на нее, или всадить въ нихъ свѣдѣніе, относящіяся къ богословскимъ наукамъ. Но эти подсаживанія; эти насажденія не очень развиваютъ умственныя способности, немного пріучаютъ къ мышленію. Богословскія истины, особонно тѣ, которыя служатъ основаніемъ для прочихъ, не пріобрѣтаются и не повѣряются опытомъ и наблюденіемъ. Онѣ, разсматриваемыя съ общенаучной точки зрѣнія, очень отвлеченны и могутъ усвоятся, хотъ сколько нибудъ раціональнымъ образомъ чрезъ длинные ряды умозаключеній. Конечно человѣку, обогатившему себя множествомъ энциклопедическихъ свѣдѣній, пріучившему себя къ составленію общихъ и отвлеченныхъ выводовъ, результаты, получаемые чрезъ умозаключенія, не страшны, даже иногда нравятся. Но въ молодости, въ дѣтствѣ подобнаго рода свѣдѣнія въ головѣ не находятъ себѣ товарищей, составляютъ отдѣльное какъ бы общество, ни съ чѣмъ не связанное. Такія свѣдѣнія или входятъ къ намъ, какъ говорятъ, не пережованными, или передаются въ томъ видѣ, какъ ихъ найдутъ нужнымъ пережевать для насъ другіе. Въ первомъ случаѣ, подобно не пережеванной пищѣ, они не рѣдко производятъ головокруженіе. Не даромъ же въ духовныхъ академіяхъ, когда отъ лѣтъ и сторонникъ вліяній пробудится мыслимость въ студентахъ, такъ не рѣдки умопомѣшательства и притомъ б. ч. религіознаго характера; ясное дѣло, что никакъ не могутъ переварить принятой умственной пищи. Съ другой же стороны у взрослыхъ дѣтей не всегда же будутъ матери въ видѣ наставниковъ, которые все имъ станутъ пережевывать; имъ въ качествѣ пастырей и учителей понадобится самимъ тоже дѣлать для другихъ; надобно и относительно самихъ себя мыслить самостоятельно, — своимъ умомъ.

Къ этой самостоятельности въ мысляхъ богословскія науки менѣе всего приготовляютъ. Вѣдь способность свободно и здраво разсуждать развивается и укрѣпляется практикою. Въ богословскія же истины вѣруй, а не критикуй ихъ; принимай, какъ нѣчто неопровержимое, но бойся изъявлять даже научное сомнѣніе въ нихъ, — пожалуй, разсуждай о нихъ, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, придерживаясь извѣстныхъ принциповъ, которыхъ частенько не поймешь, — доказывай и объяснай чужими словами. М. б., все это необходимо для пользы вѣрующаго, но я говорю о томъ, что этимъ путемъ не научишься мыслить. Чтоже теперь дѣлать ученикамъ? Для рѣшенія этого вопроса примите къ свѣдѣнію, что нѣкоторые выписанные мною въ предъидущемъ отдѣлѣ отрывки изъ учебниковъ предлагаются для заучиванія дѣтямъ 12—15 лѣтъ. Вспомните, что м-щіе преподаватели богословскихъ предметовъ, особенно главныхъ, не имѣютъ ни охоты, ни нужды, ни времени хорошо приготовлятся къ лекціямъ. Далѣе узнайте, что зубристика въ семинаріяхъ издавна господствовала; не думайте, чтобы она и теперь оставлена, особенно важными богословами. Конечно, есть между нимъ своего рода Юліаны-отступники, но прочіе требуютъ буквальнаго заучиванія уроковъ. Вотъ напр. случай, бывшій въ сентябрѣ 1864 г. Одинъ ректоръ семинаріи и профессоръ богословія приходитъ на первую лекцію новаго курса и обращается къ ученикамъ съ рѣчью, которой главныя мысли я кратко излагаю: «семинаріямъ ставятъ въ упрекъ, что въ нихъ слишкомъ держатся букваристики. Упрекъ справедливый, п. ч. буквальное заучиваніе вредно во многихъ отношеніяхъ. И такъ надобно и вамъ стараться выражать мысли, заключающіяся въ урокахъ, свободною рѣчью. Но, р-ся, нѣтъ правила безъ исключенія, напр. тексты Св. Писанія непремѣнно нужно высказывать буквально. Потомъ есть истины до такой степени высокія, что ихъ не всякій съумѣетъ высказать своими словами. Притомъ искаженіе, даже не намѣренное этихъ истинъ не только не позволительно, но и преступно. Таковы, р-ся, истины откровенныя, изложенныя въ богословскихъ наукахъ, особенно въ догматикѣ. И потому, заключилъ почтенный ораторъ, врагъ букваристики, вы должны учить нашъ учебникъ слово въ слово.»

Чтоже теперь дѣлать ученикамъ? повторяю я. Богословскіе предметы, особенно преподаваемые ректоромъ и инспекторомъ, считаются главными; за незнаніе ихъ, или, лучше сказать, за непрочтеніе уроковъ изъ нихъ не только не запи-

шутъ въ первый разрядъ, не переведутъ въ другой классъ, но даже исключатъ изъ семинаріи, или училища. И такъ учи, учи, учи и учи твердо, слово въ слово; понимаешь ли, или нѣтъ, все равно, — впрочемъ, если поймешь самъ, или чрезъ другихъ, то доброе начальство на это не осердится; оно только само не любитъ много объяснять. Далѣе эта же метода прилагается очень не рѣдко и къ не богословскимъ наукамъ. Да и странно было бы, если бы букваристика свирѣпствовала въ одномъ богословіи, а по прочимъ второстепеннымъ предметамъ господствовало свободное изложеніе И точно воспитанники все учатъ, твердятъ и заучиваютъ, и вытверживаютъ, даже перетверживаютъ; подвиги дѣйствительно замѣчательныя, которые показываютъ необыкновенно сильную волю и здоровую память. Но не требуйте, чтобы свѣдѣнія, которыя т. о. переходятъ въ голову, долго въ ней оставались. Вѣдь уроки не понятные, не разъясненные, написанные варварскимъ полурусскимъ языкомъ, наполненные непонятными мыслями, испещренные разными цитатами, никакъ не могутъ назваться пріятнымъ занятіемъ. За него возмешься, когда или самъ по какимъ либо разсчотамъ приневолишь себя, или другіе приневолятъ къ нему. Такое ученіе мажно сравнить съ работою поденщика, или арестанта, съ старинною барщиною, или нынѣшнею издѣльною повинностію. Но и арестантъ, и поденщикъ, и крестьянинъ развѣ не хотятъ, какъ можно скорѣе, освободиться отъ принудительной работы и, сдѣлавшись свободными, уже опять не пойдутъ добровольно въ кабалу. И къ классу, или экзамену уроки приготовятъ; но экзамены кончились, въ классъ ходить не нужно; улетай все изъ головы на свободу; дорожить не станемъ. Т. о. проучившіеся 12 — 16 лѣтъ скоро забываютъ всю почти семинарскую премудрость. Съ большею частію изложенныхъ сейчасъ мыслей согласенъ комитетъ, которымъ составленъ новый уставъ семинарій. На 49 стр. своихъ журналовъ члены его пишутъ: «при требованіи отчотовъ отъ ученниковъ въ преподанныхъ урокахъ едвали не большая часть наставниковъ удовлетворяется буквальнымъ повтореніемъ оныхъ по учебникамъ или записками, *нимало не заботясь* о томъ, понимаетъ ли ученикъ какъ должно, что заучалъ на память. Такое изученіе уроковъ положительно препятствуетъ развитію умственныхъ способностей и дара слова въ ученикахъ; сверхъ того память недолго удерживаетъ то, что она воспринимаетъ безъ пособія разсудка.

Нормальному развитію умственныхъ нашихъ способ-

постей весьма много помогаетъ письменное изложеніе мыслей. Въ этомъ случаѣ мы по неволѣ принуждены бываемъ привести ихъ въ порядокъ, выразить мысли словами и потомъ видя предъ собою все, т. с-ть, свое произведеніе, обсудить недостатки и совершенства его и т. о. пріобрѣтаемъ навыкъ избѣгать первыхъ, усвоять и улучшать послѣднія. Но прежде, нежели школьная рутина, или желаніе подражать кокому либо образцу покорять насъ, мы имѣемъ уже даръ выражать свои мысли и чувствованія, описывать впечатлѣнія, которыя въ насъ производятся внѣшними предметами. Даръ этотъ пріобрѣтается и развивается въ насъ сообразно природнымъ нашимъ способностямъ и той обстановкѣ, при которой мы воспитываемся, — пріобрѣтается и развивается почти безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, *самымъ*, какъ говорятъ, *естественнымъ порядкомъ*. Этимъ-то естественнымъ литературнымъ даромъ, какъ готовою уже силою, слѣдовало бы пользоваться, когда пріучаютъ молодыхъ людей письменно излагать свои мысли. Конечно, его подобно усовершить и очистить отъ привившихся воспитаніемъ къ нему недостатковъ, но никакъ не слѣдуетъ насильственно замѣнять другимъ родомъ изложенія, если желаютъ, чтобы развитіе умственныхъ способностей было не уродливымъ, а нормальнымъ. Семинарская педогогія, дѣйствуя, какъ в. с-но (2 ч. 34 Отд.), противъ этого правила, дѣлаетъ весьма много вреда воспитанникамъ.

1. Не только дѣти, но и взрослые люди кромѣ развѣ записныхъ педантовъ думаютъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ на томъ же языкѣ, на которомъ привыкли говорить объ обыкновенныхъ своихъ житейскихъ нуждахъ. Языкъ этотъ можетъ имѣть много недостатковъ извѣстныхъ подъ именемъ *барбаризмовъ* и *солецизмовъ*; ихъ исправлять необходимо, но за всѣмъ тѣмъ на немъ-то и нужно пріучать дѣтей излагать свои мысли; выдумывать вмѣсто него новый, притомъ очень темный, трудный языкъ не только излишне, но даже вредно во многихъ отношеніяхъ. Этому-то здравому требованію педагогіи противорѣчитъ тотъ искуственный латино-славяно-церковно-русскій языкъ, который до сихъ поръ хотятъ въ семинаріяхъ поддержать м-щіе и вмѣстѣ съ тѣмъ гонятъ изъ нихъ нашъ родной литературной языкъ. «Исключителоное употребленіе, говоритъ Н. Тургеневъ (3 т. 159—160) языка славянскаго не только при богослуженіи, но и при частныхъ молитвахъ и въ проповѣдяхъ должно сопровождаться важными несообразностями. Сердечныя чувствованія требуютъ для себя не принужденнаго выраженія;

молитва, съ которою обращаются къ Богу, всегда любитъ выражаться свободно, а слѣд. на обыкновенномъ языкѣ молящагося. Принуждать его въ этомъ случаѣ употреблять болѣе, или менѣе иностранный языкъ значитъ стѣснять эти душевныя изліянія, это святое общеніе твари съ Творцемъ.» Не съ гораздо ли большею справедливостію эти замѣчанія идутъ къ семинаристамъ, которыхъ принуждаютъ даже въ своихъ задачкахъ выражаться на не бываломъ искуственномъ языкѣ? Въ самомъ дѣлѣ мальчику, которому велѣно что либо написать, предстоитъ двойная работа; сначала обдумать содержаніе сочиненія на русскомъ языкѣ, а потомъ заняться пріисканіемъ словъ и выраженій изъ того искуственнаго языка, къ которому его пріучаютъ. Составляя свое сочиненіе на родномъ языкѣ, мальчикъ выражалъ бы только тѣ мысли, которыя относятся къ предмету сочиненія. Но теперь онъ знаетъ, что наставникамъ и преподавателямъ очень нравятся тѣ или другія слова и выраженія искуственнаго языка и, р-ся, старается угодить вкусу своихъ патроновъ. Но изъ придуманныхъ мыслей ниодна иногда не нуждается въ такихъ выраженіяхъ и словахъ. И вотъ молодой авторъ собственно для нихъ начинаетъ придумывать мысли. Съ другой стороны иныя мысли никакъ не хотятъ сроднится съ церковно-славянскимъ языкомъ. Поэтому ихъ часто и опускаютъ, чтобы литературнымъ языкомъ, на которомъ онѣ могутъ быть выражены, не разобидѣть враговъ этого языка.

2. Не казалось ли бы страннымъ, если бы кто настойчиво сталъ требовать, чтобы всѣ люди непремѣнно выражали свои мысли, описывали впечатлѣнія по извѣстнымъ только болѣе, или менѣе краткимъ формамъ? Подобное требованіе сочли бы не только нелѣпымъ, но и усомнились бы во здравомъ умѣ того, кто его предложилъ бы. Но чтоже теперь дѣлаетъ духовно-семинарское начальство, которое обязываетъ воспитанниковъ для выраженія мыслей употреблять непремѣнно тѣ нелѣпыя, вездѣ кромѣ семинарій, нынѣ оставленныя формы, которыя достались намъ въ наслѣдство отъ схоластиковъ? Не будь этихъ формъ, мальчикъ изложилъ бы тѣ мысли, которыя есть въ его головѣ относительно даннаго предмета и изложилъ бы такъ, какъ покажется ему удобнѣе. Р-ся, тутъ могутъ встрѣчаться недостатки, но пусть наставникъ укажетъ на нихъ; мальчикъ оставитъ ихъ, но не испытавъ того насилія, которому теперь его подвергаютъ. Ему дано предложеніе и велѣно непремѣнно объяснить, или доказать его по извѣстной формѣ.

У мальчика есть дѣльныя мысли, относящіяся къ предложенію, но онѣ не идутъ къ той формѣ, которой ему нужно держаться; остается или бросить ихъ, или какъ нибудь перепачивъ, даже изуродовавъ, втиснуть въ извѣстную рамку. У него мыслей много, а рамка дана тѣсная; надобно ихъ урѣзывать. У него ихъ мало, а рамка широкая, — остается теперь или растягивать то, что можетъ быть выражено коротко, или приниматься за то, что очень мало относится къ предложенію, а иногда и вовсе не относится. Т. о. изложеніе мыслей, которое непремѣнно должно быть свободнымъ, обращается почти въ механическую работу.

3) Мы можемъ разсуждать, а слѣд. и писать о тѣхъ только предметахъ, которые намъ извѣстны уже. Приниматься же за собраніе свѣдѣній въ то время, когда надобно, на основаніи ихъ высказать свое сужденіе, значитъ итти противъ русской пословицы: *собравшись на охоту поздо кормитъ собакъ*. И если бы кто, имѣя власть сталъ моральными, или физическими насильственными мѣрами принуждать другаго говорить и разсуждать о томъ, что послѣднему не извѣстно, или очень мало извѣстно, то м. б. сами семинарскіе начальники и наставники заговорили бы: да что вы мучите человѣка? Какъ же ему судить о предметѣ, когда онъ его не знаетъ? М. б. и они засмѣялись бы когда бы принуждающій сказалъ, что онъ этимъ хочетъ заставить мальчика *мыслить*. А м. т. въ семинаріяхъ относительно предметовъ, избираемыхъ мальчикамъ для сочиненій, дѣйствуютъ именно поэтому способу, надъ которымъ слѣдуетъ смѣяться. Духовно-училищное начальство, какъ в. с-но (2 ч. 34 отд.) любитъ заставлять дѣтей писать о высокихъ непонятныхъ предметахъ въ томъ преимущественно предположеніи, что *чрезъ такое бумагомараніе* они непремѣнно сдѣлаются людьми не только умными, но нравственными и религіозными при помощи хрій, энтилемъ, рогатыхъ силлогизмовъ и пр.

Чтоже теперь дѣлать молодымъ сочинителямъ, когда имъ приходится писать на предложенія, для которыхъ въ ихъ головахъ нѣтъ мыслей? Главнымъ пособіемъ въ этомъ случаѣ служатъ сочиненія предшественниковъ. Даютъ напр. ритору предложеніе; онъ беретъ кипы сочиненій, которыя написаны были въ риторикѣ теперешними богословами и философами; въ этихъ кипахъ онъ находитъ не только нужныя мысли, но и обязательный языкъ и формы. Философы тоже не пренебрегаютъ произведеніями своихъ предшественниковъ, но какъ люди болѣе смѣтливые сами отыскиваютъ источники, изъ которыхъ можно сдѣлать выписки; а иногда

въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ по указанію наставниковъ. Богословы, садясь за пропювѣдь, окладываютъ себя множествомъ проповѣдей, давно уже написанныхъ и даже напечатанныхъ. Всѣ вообще выбираютъ, выписываютъ, или подбираютъ, поддѣлываютъ. Особенно же въ семинарскихъ сочиненіяхъ въ ходу тѣ мысли, которыя въ книгѣ о у. д. у. названы *казенными* (1 т. 284—285 стр.) Сами составители новаго устава говорятъ, что ученики «при недостаткѣ запаса свѣдѣній въ головѣ, вмѣсто надлежащаго раскрытія обсуживаемыхъ предметовъ, прибѣгаютъ къ избитымъ выраженіямъ къ общимъ мѣстамъ и т. п. (Журн. стр. 9). Т. о. семинаристу, по распоряженію добраго его начальства, приходится на одномъ-родномъ языкѣ думать, а на другомъ-искуственномъ, тяжеломъ писать, пріискивать къ словамъ мысли, вставлять послѣднія въ извѣстныя формы, добывается ихъ изъ неисчерпаемаго источника казенныхъ мыслей, слѣд. имѣть для своихъ сочиненій и оффиціальный языкъ, и формы, и содержаніе. Подобное насиліе, испытываемое въ теченіи 6—10 лѣтъ, не можетъ остаться безъ гибельнаго вліянія на развитіе умственныхъ способностей. «Ученики, говорится въ книгѣ о у. д. у. (1 т. 290 стр.) принужденные писать о томъ, чего не понимаютъ, поставленные почти въ необходимость не дѣйствовать своимъ разсудкомъ, а отыскивать нужныя для себя сужденія въ печатныхъ книгахъ, или прибѣгать къ казеннымъ мыслямъ, къ логическимъ и діалектическимъ тонкостямъ, очевидно не, могутъ своимъ сочиненіямъ придать естественность. Они не излагаютъ своихъ чувствъ, а отыскиваютъ ихъ подъ свои мысли, или, на оборотъ, мысли свои къ нимъ приспособляютъ; они не судятъ, а или резонируютъ, или списываютъ сужденія другихъ, придумывая какую либо для нихъ связь.» Къ несчастію сочиненій въ семинаріяхъ дается многое множество; на нихъ приходится употреблять ученикамъ значительную часть свободнаго отъ классовъ времени. Послѣ этого нельзя не согласиться съ Современникомъ (3 No. 1862 г. стр. 287), что «семинарскія задачки положительно вредны для развитія молодыхъ людей, п. ч. онѣ мѣшаютъ заниматься изученіемъ наукъ, чтеніемъ книгъ и пр., отнимая только время собою. Семинаристу внѣ классовъ приходится вѣчно думать только о задачкахъ, да о зазубриваніи уроковъ. Не успѣваетъ семинаристъ написать одну задачку, какъ задана уже и лежитъ на шеѣ другая. Почему не сократить числа этихъ задачекъ, если уже нельзя ихъ совершенно уничтожить? Или почему бы не предоставить полной свободы писать то, кто что зна-

етъ, или что хочетъ? Развѣ не могла бы пробудиться потребность у семинариста записать иногда замѣчательную лекцію наставника, или собственную счастливую мысль, или что нибудь вычитанное и заинтересовавшее его собою? Это былъ бы по к. м. естественный способъ научиться писать. Кто учился бы по нему, тотъ въ состояніи былъ бы написать хорошо и что нибудь заказное, въ родѣ напр. проповѣди. Грамматическая правильность и такъ называемой въ риторикѣ слогъ не можетъ быть усвоенъ вполнѣ посредствомъ однихъ искуственныхъ мѣръ; и тому и другому можно только напрактиковаться чтеніемъ и свободнымъ изложеніемъ мыслей и знаній на бумагу. Чтоже касается до стремленія научить посредствомъ задачекъ размышлять, то ничего нѣтъ вреднѣе этого въ періодъ воспитанія; дитя можетъ размышлять только тогда, когда пріобрѣтетъ знанія и вступаетъ въ жизнь. Освободите семинаристовъ отъ задачекъ и предоставьте ихъ жизни, — будьте увѣрены, что мысли ихъ разовьются здоровымъ и нисколько не поврежденнымъ теоріями и рефлексами образомъ.»

Изъ всего, сказаннаго въ послѣднихъ четырехъ отдѣлахъ о системѣ семинарскаго воспитанія, видно, что ее можно назвать опытомъ не развивать умственныя способности по правиламъ педагогіи и психологіи, а насильственно давать имъ то настроеніе, которое считается нужнымъ по какимъ либо соображеніямъ. *Гни, ломай, принуждай, требуй, вотъ, к-ся девизъ семинарскаго образованія.* Дѣтей отдали въ школу? Надобно бы расположить ихъ къ новой жизни чрезъ сообщеніе свѣдѣній понятныхъ, занимательныхъ и увлекательныхъ; надобно бы сколько возможно, не обременять познаніями сухими, отвлеченными, безжизненными, не доступными, или по к. м. скучными для взрослыхъ людей. А м. т. и въ низшихъ училищахъ и въ семинаріяхъ дѣтямъ прямо приходится браться за статьи трудныя и возвышенныя истины, прыгать, или карабкаться какъ нибудь прямо на верхнюю ступеньку лѣстницы, или ждать, чтобы кто нибудь туда подсадилъ ихъ. — Скуку и трудность школьныхъ занятій, особенно относительно отвлеченныхъ истинъ можно бы много облегчить объясненіями уроковъ, или учебниками, написанными простымъ языкомъ. Но въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, какъ мы видѣли, на объясненія удивительно какъ скупы, а учебники, особенно по богословскимъ наукамъ, нисколько не думаютъ отличаться ясностію изложенія. *Ломай мальчикъ свою голову* надъ ними, втискивай въ нее непонятныя уроки, какъ знаетъ, утѣшаясь развѣ только тою мыс-

лію, что Богъ труды любитъ и за нихъ рано или поздно наградитъ. — Начали мальчика учить сочинять? Вмѣстѣ съ тѣмъ опять начинается ломка и насиліе. Онъ уже начинаетъ хорошо говорить на своемъ родномъ, сильномъ и звучномъ языкѣ; — но ему позволяется только думать на этомъ языкѣ, а для сочиненій дается ему искуственный и притомъ трудный языкъ. — Природа настаиваетъ выражать наши мысли, какъ намъ к-ся легче и удобнѣе; а семинаристу приказываютъ вставлять свои мысли въ извѣстныя формы. — Онъ мало имѣетъ даже эмпирическихъ свѣдѣній, затруднился бы и объ нихъ высказать свое сужденіе, а ему приказываютъ писать о предметахъ отвлеченныхъ, трудныхъ для пониманія, о которыхъ онъ часто почти ничего не знаетъ. *Ломай голову, какъ знаешь, выжимай изъ нея, что хочешь*, или ищи мыслей въ другихъ мѣстахъ, вставляй въ извѣстныя рамки, поддѣлывай къ нимъ свои чувства. Развѣ это не насилія, не ломка? Наконецъ эта ломка распространяется и на науки свѣтскія. Богословскія истины считаются выше всякой критики, имъ только вѣрь; къ нимъ боклевское сомнѣніе не приложимо; притомъ эта непогрѣшимость распространяется не только на важнѣйшія, но и на побочныя, неважныя положенія. Но съ другой стороны и исторія и естествознаніе постоянно открываютъ новыя истины, бывшія неизвѣстными даже естествоиспытателямъ, истины ясныя, т. е-ть до осязательности, но не очень согласныя съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, принятымъ въ богословіи. Ломай тутъ и голову свою и новую истину. Съ Колумбомъ, съ Коперникомъ открыто спорить сдѣлалось невозможнымъ; дѣлать нечего, приходится молчать, когда говорятъ, что земля кругла, обращается около солнца и пр. Но геологи пусть осязательно доказываютъ, что для объясненія перемѣнъ, происходившихъ въ корѣ земнаго шара недостаточно милліона лѣтъ. Не вѣрь имъ, втискивай всѣ эти перемѣны въ нѣсколько тысячъ лѣтъ, а геологовъ за сдѣланныя ими открытія называй еретиками, безбожниками, нехристями, и кстати уже злонамѣренными людьми. Какъ угодно, г. ч., а семинарское умственное образованіе по неволѣ приходится назвать постояннымъ почти насиліемъ надъ умственными способностями, ломкою не только ихъ, но и истинъ, открываемыхъ свѣтскими науками.

Часть вторая.

О различіи въ умственномъ настроеніи, которое получаютъ воспитанники въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Какія же послѣдствія оказываются надъ тѣми субъектами, которыхъ ломаютъ и подвергаютъ насилію въ духовныхъ училищахъ? Субъектовъ этихъ я раздѣляю на четыре разряда.

1) Къ первому разряду относятся едва ли не всѣ причетники и дьяконы, не достигшіе до конца семинарскаго курса, и огромное множество священниковъ, въ нихъ во всѣхъ семинарское умственное развитіе не оставило глубокихъ слѣдовъ. Наши духовно-училищные воспитатели не имѣютъ того педагогическаго такта, которымъ владѣетъ ассоціація послѣдователей Лойолы. Мы способны вбивать, вколачивать, гнуть, ломать, даже и сломать; и въ этихъ впрочемъ случаяхъ не дѣйствуемъ постоянно, а урывками, наѣздами. У насъ нѣтъ той глубоко обдуманной и настойчиво, неуклонно исполняемой системы воспитанія, по которой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ покоряютъ разсудокъ, оковываютъ волю, даютъ душѣ извѣстное настроеніе на всю жизнь, сдѣлаютъ изъ человѣка, какъ выражаются, трупъ, дѣйствующей тѣмъ или другимъ членомъ по волѣ того, кто его галванизируетъ. М. т. ни преподаваніе наукъ, ни составленіе сочиненій не затрогивали сердца семинариста, не интересовали его ума. Въ сочиненіяхъ онъ ломалъ свой языкъ, подбиралъ чужія слова и мысли, вставлялъ ихъ въ данныя рамки, дѣйствовалъ почти нестолько умственно, сколько механически. Уроки заучивалъ съ такимъ же принужденіемъ и даже отвращеніемъ, съ какимъ крестьянинъ работалъ на барщинѣ, или арестантъ исполняетъ казенное дѣло. Чтоже удивительнаго, если вся семинарщина не оставляетъ глубокаго впечатлѣнія въ ученикѣ, если онъ вдается въ реакцію, какъ скоро позволятъ ему обстоятельства. Реакція эта начинается часто даже въ самой семинаріи. Въ 31 No. Дня за 1862 г. (въ статьѣ очеркъ мѣстнаго православнаго и пр. . . .) объ этомъ хорошо говорится: «воспитанники вовсе не работаютъ разсудкомъ, долбятъ въ училищѣ и въ низшемъ отдѣленіи се-

минаріи, *а въ среднемъ уже начинаютъ бросать надоѣдавшія имъ хуже горькой рѣдьки занятія, въ богословскомъ окончательно ложатся на лавры, такъ что два года проходятъ почти безъ пользы для ихъ умственнаго развитія* — .... Положительно можно сказать, что этотъ порядокъ останавливаетъ ихъ умственное развитіе.» Въ статьѣ г. Рѣшетникова: *Макся* (No. 10 Соврем. 1864 г.) пишется, что «Макся (Максимъ) сынъ дьячка шесть лѣтъ ѣлъ казенную пищу, шесть лѣтъ носилъ казенную одежду, а выучился только читать, да писать, да кое-какъ пѣть. *Онъ въ эти года сдѣлался еще тупѣе, сонливѣе, плаксивѣе и ничего не могъ осмыслить правильно.*» Чтоже теперь будетъ, когда семинаристъ освободится отъ школьной ферулы, получитъ мѣсто, заживетъ хозяиномъ и семьяниномъ? Познанія ему сообщенныя, какъ в. с-но, не усвоены или неприви̇ты къ нему, *не вошли въ его*, т. с-ть, *плоть и кровь*, а только втиснуты, вдолблены, зазубрены. А извѣстно, что желѣзные гвозди, вколоченные въ твердыя тѣла, послѣ отъ вліянія неравномѣрной температуры очень легко вынимаются, даже сами выпадаютъ. Познанія же, насильственно намъ навязанныя, еще слабѣе удерживаются; нашъ мозгъ, испытавъ отъ нихъ насиліе, какъ будто хлопочетъ ихъ выжить изъ себя. И вотъ огромное большинство кончившихъ курсъ семинаристовъ, поступившихъ въ духовное званіе, бросаетъ и свѣтскую и духовную науку: развѣ только предъ архіерейскою ревизіею прочитаетъ катехизисъ, или какое либо богословіе, развѣ похлопочетъ написать, или списать поученіе, развѣ увлечется какою либо книгою или отъ скуки, или отъ того, что ее слишкомъ расхвалили. Вотъ одинъ изъ примѣровъ; у одного профессора семинаріи есть братъ — сельскій священникъ, который въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ обезпеченъ, живетъ не только достаточно, но съ комфортомъ, даже пышно, играетъ по своему богатству роль не большаго магната между сосѣдними крестьянами и помѣщиками. Профессоръ, увидившись съ нимъ въ 1865 г., узнаетъ, что братецъ не только невыписываетъ никакихъ книгъ и духовныхъ журналовъ, но не читаетъ и тѣхъ, которыя онъ посылалъ ему въ подарокъ. Что это ты не занимаешься литературою спросилъ профессоръ брата, вѣдь у тебя есть и время и средства для этого. «Ну, полно, отвѣчалъ священникъ, все это — *фанаберія*. Къ чему тутъ заниматься?» Теперь не угодно ли видѣть печатное свидѣтельство? Въ романѣ г. Благовѣщенскаго *Предъ разсвѣтомъ* (No. 2 Русс. Слов. 1865 г. стр. 247) Маевскій (студентъ семинаріи) говоритъ Трепетову: «Богъ съ ними

съ этими высшими идеями и потребностями; онѣ только и могутъ появляться въ городѣ съ духоты да съ голода. Пусть ихъ тамъ думаютъ за насъ, какъ хотятъ, имъ на это дана и власть отъ Бога, и жалованье они за свои идеи получаютъ, а мы съ тобою братъ, и здѣсь прожить съумѣемъ отлично.»

Не смотря на то что семинаристы такъ мало выносятъ изъ семинаріи, такъ скоро теряютъ вынесенное, едва ли кто либо считаетъ себя такъ умнымъ, какъ они. Въ этомъ случаѣ я могу опереться на отзывы священника, котораго уже никакъ нельзя подозрѣвать въ непріязненныхъ чувствованіяхъ къ семинаристамъ. Авторъ книги о с. д. (стр. 47) говоритъ: «нужно отдать честь семинаріи; если мало добраго посѣваетъ и развиваетъ она, такъ зато прекрасно умѣетъ дурное развить въ человѣкѣ. Семинаристъ безъ претензіи — явленіе едва ли виданное когда нибудь. Самолюбіе мелкое, пошлое, безсмысленное и, не смотря на то, обнаруживающееся слишкомъ рѣзко и угловато, — вотъ чѣмъ набитъ ученикъ и особенно кончившій курсъ съ головы до пятокъ. Какъ умѣетъ семинарія развить въ такихъ страшныхъ размѣрахъ такой гибельный порокъ, — это ея тайна, которой намъ нѣтъ ни желанія, ни нужды розгадывать. Скажемъ только, что это семинарское самолюбіе, если ученикъ пойдетъ выше, переходитъ въ дьявольскую гордость, въ невыносимѣйшій педантизмъ, въ эгоизмъ безъ предѣловъ и мѣры; если онъ сдѣлается іереемъ и особенно въ селѣ, то преображаетъ его въ какое-то жалкое и смѣшное существо, отъ всѣхъ требующее себѣ почоту и уваженія безъ всякихъ правъ на то и другое .... существо раздражительное, не уступчивое, не уживчивое .... Вообще семинариста сейчасъ можно замѣтить и въ рясѣ и въ мундирѣ, и при крестахъ, и при звѣздахъ; ужъ такой неизгладимой типъ.» Благодарю почтеннаго автора за то, что онъ избавилъ меня отъ труда составлять такую характеристику, но не думаю, что бы трудно было объяснить спѣсь и самолюбіе семинариста. Причина этихъ недостатковъ заключается во внушаемой мысли, что богословскія науки, занимаясь самыми важными для человѣка истинами, касающимися вѣчнаго его спасенія и временнаго благосостоянія, выше всѣхъ прочихъ наукъ. Къ большей своей бѣдѣ семинаристы слушали клочокъ философіи, которая тоже обнаруживаетъ претензіи разрѣшить мировыя задачи при помощи разума. Т. о. они, опираясь и на откровеніи и на разумѣ (впрочемъ своемъ), считаютъ себя необыкновенно умными людьми. Свѣтскія науки, обогащаясь постоянно новыми открытіями, указывающими на болѣе и болѣе возрас-

тающее число неразрѣшимыхъ еще вопросовъ, скоро усмиряютъ кичливую нашу ученость; тутъ чѣмъ больше пріобрѣтаешь знаній, тѣмъ больше чувствуешь свое незнаніе. Но богословіе уже давно закончено; его истины давно опредѣлены и заключены въ учебники, а зауча послѣдніе, почему не воображать, что все важнѣйшее уже знаемъ. Ну и свѣтскія науки? имя не стоитъ заниматься; онѣ или удовлетворяютъ только пустому любопытству, или даже пробуждаютъ кичливость ума. — Спи и почивай въ блаженной увѣренности, что все уже знаешь.

2) Между семинаристами есть люди съумомъ особаго какого-то склада, какъ будто бы судобою рожденные и приспособленные къ полному воспріятію семинарскаго образованія. Они не тяготятся ни мистицизмомъ, ни непонятными истинами, ни темнымъ высокопарнымъ слогомъ; выказываютъ равнодушіе, а иногда даже и удовольствіе, когда имъ приходится отставать отъ природнаго языка, подбирать старинныя и вышедшія изъ употребленія слова, довольствоваться только казенными мыслями, укладывать все въ извѣстныя рамки. Эти люди, по особому складу ума, или въ слѣдствіе испытанной ими ломки, получивъ исключительно богословское настроеніе, дѣлаются похожими на того реверендиссимуса, который описанъ въ книгѣ о у. д. у. (1 т. 421—422). Они считаютъ себя для своихъ подчиненныхъ чѣмъ-то въ родѣ дельфійскаго оракула, говорятъ всегда догматико-автократическимъ, рѣшительнымъ тономъ, не допускающимъ никакого возраженія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей премудрости и съ презрительнымъ сожалѣніемъ къ другимъ людямъ, особенно разномыслящимъ съ ихъ милостями. Ихъ гордость представляется даже величаваю; ихъ самые дикіе парадоксы запечатлѣны глубокимъ убѣжденіемъ. Только эти не человѣческія существа вовсе не похожи на того Богочеловѣка, который кротко бесѣдовалъ съ мытарями и грѣшниками, былъ ласковъ ко всѣмъ, кромѣ фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ, былъ неподражаемымъ образцомъ любви и снисхожденія къ людямъ. Нѣтъ, наши полубожества скорѣе походятъ на того олимпійскаго Юпитера, отъ нахмуренныхъ бровей котораго потрясались небо и земля, приходили въ трепетъ всѣ племена земныя.»

3) Изъ духовныхъ воспитанниковъ выходятъ спеціалисты по богословію, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть названы также образованными людьми въ общепринятомъ, въ общечеловѣческомъ смыслѣ слова. Они смотрятъ на міръ, не какъ на произведеніе Аримана, а какъ на твореніе Бога

и потому сочувствуютъ всѣмъ истинамъ свѣтскихъ наукъ, зная, что эти истины, подвигая человѣчество впередъ въ умственномъ отношеніи, способствуютъ и моральному его улучшенію. Въ исторіи просвѣщенія они считаютъ великими не однихъ богослововъ, но и знаменитыхъ философовъ, историковъ и естествоиспытателей. Слѣдятъ даже съ участіемъ за новыми открытіями; м. б. съ огорченіемъ прочитаютъ сочиненіе Бюхнера, Ренана, Штрауса и пр. но не станутъ проклинать наукъ, ни желать возстановленія среднихъ вѣковъ; они умѣютъ, не измѣняя откровенію, отдавать честь и разуму. Къ такимъ людямъ принадлежали у насъ Платонъ Митрополитъ Московскій, удивлявшій даже иностранцевъ своею многостороннею образованностію, преемникъ его Августинъ, съ которымъ только однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ въ Москвѣ Н. Тургеневъ находилъ возможнымъ бесѣдовать съ открытымъ сердцемъ (т. 2, стр. 33), Иннокентій, умершій одесскимъ архіепископомъ, о бесѣдахъ котораго съ учеными профессорами я говорилъ. Такихъ людей особенно много въ бѣломъ и столичномъ и провинціальномъ д-вѣ, а также между свѣтскими наставниками духовныхъ академій и семинарій. Мнѣ извѣстны священники, которые могутъ назваться гелертерами, пріобрѣтаютъ на свои деньги большія библіотеки, и при благопріятной обстановкѣ были бы Притчардами и Букландами; — извѣстны наставники, которые изучаютъ свою науку на французскомъ, нѣмецкомъ и даже англійскомъ языкахъ; извѣстны и пастыри и архипастыри, которые слѣдятъ за движеніемъ свѣтской литературы, занимаются современными вопросами наукъ, искуствъ, администраціи и политики, богословскія истины высказываютъ безъ фанатизма, уважаютъ умъ, сочувствуютъ прогрессивнымъ идеямъ.

4) Наконецъ между духовными воспитанниками встрѣчается не мало людей съ сильнымъ умомъ, съ неутомимою энергіею; они умѣютъ или пріобрѣсть, или удержать полученную отъ природы упругость ума; гни ихъ, — они выпрямятся; ломай ихъ, — они не поддадутся, или скорѣе надломятся, нежели согнутся; умъ ихъ похожъ бываетъ на сталь, которую долгое время и много разъ закаливали; она иногда дѣлается хрупкою и теряетъ крѣпость и упругость, но зато часто отлично закаляется и употребляется на лучшія издѣлія. Семинаристы, о которыхъ идетъ рѣчь, получаютъ какой-то особый закалъ, который не извѣстенъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Закалъ этотъ состоитъ въ умѣньѣ найти на все доказательство, комбинировать въ одно цѣлое какіе угодно факты и явленія. Объяснить подобныя явленія

не трудно. Семинаристамъ приходится слишкомъ много думать о томъ, что знаютъ и чего не знаютъ, усвоивать то, чего не понимаютъ; дѣло, р-ся, трудное; но кто вышелъ изъ этой борьбы цѣлъ и невредимъ, тотъ не утомится въ трудахъ; его не испугаетъ никакая головоломная работа. Потомъ онъ способенъ все привести въ систему; этому слишкомъ хорошо помогаютъ діалектика и схоластика, съ которыми семинаристы неизбѣжно знакомятся не только въ богословіи и философіи, но даже въ риторикѣ. Не даромъ въ 5 No. Библіот. для чт. 1862 г. (въ статьѣ реформаторъ безъ реформы стр. 3) говорится, что «духовныя училища дали Сперанскому привычку на трудъ и способствовали къ развитію діалектики.» Не даромъ самъ (стр. 4) Сперанскій говорилъ, что «онъ берется опровергать какую угодно мысль, хотя бы она была высказана имъ самимъ.» Къ этимъ закаленнымъ людямъ почти вполнѣ можно приложить слова, высказанныя въ статьѣ: мои литературныя и нравственныя скитальчества (12 No. Времени 1862 г. стр. 378). «Они т. е. ученики) помнятъ твердо, что *gutta cavat lapidem* и бьютъ мѣтко въ одно мѣсто, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другія, не увлекаясь ничѣмъ, кромѣ поставленнаго ими вопроса, даже намѣренно становятся глухи на всѣ возраженія мысли и жизни. Разъ извѣстный взглядъ улегся у нихъ въ извѣстную схему, — будетъ ли эта схема хрія инверса, административная централизація по французскому образцу, какъ у Сперанскаго, или фаланстера, какъ у многихъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Что имъ за дѣло, что жизнь кричитъ на прокрустовомъ ложѣ этой самой хріи инверсы, этого самаго административнаго, или соціальнаго идеальчика? Ихъ же вѣдь ломали въ бурсѣ, гнули въ академіи; отчего же и жизнь-то не ломать?» Люди съ подобными качествами не годятся для духовнаго званія; тутъ они должны погибнуть и потому большая часть ихъ бѣжитъ въ гражданскую службу. Къ нимъ принадлежитъ множество другихъ не такъ закаленныхъ людей, которые впрочемъ, вынесши всю тягость семинарскаго образованія, не почувствовали расположенія ни къ богословскимъ наукамъ, ни къ поступленію въ духовное званіе; имъ полюбились свѣтскія науки, или свѣтская служба. Перечислять ихъ не зачѣмъ, замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были упомянуты въ рѣчахъ, которыя говорены были во время празднованія юбилеевъ въ петербургской и московской академіяхъ. Но въ этихъ случаяхъ меня удивляетъ всегда одно обстоятельство. Почему ставятъ въ честь духовнымъ училищамъ то, что изъ нихъ

вышло такъ много воспитанниковъ, которые пріобрѣли извѣстность и оказали услуги въ свѣтской гражданской и ученой службѣ? По моему мнѣнію эти бѣглецы служатъ живымъ протестомъ противъ тяготы и духоты, которая гнетомъ лежитъ на духовныхъ воспитанникахъ и на всемъ вообще д-вѣ. Вѣдь если эти бѣглецы сдѣлались умными людьми въ свѣтскихъ училищахъ и на гражданской службѣ, то семинаріямъ въ этомъ нѣтъ никакой чести. А если они были отличными людьми въ семинаріяхъ, то зачѣмъ не остались въ духовномъ званіи? Пусть панегиристы отвѣтятъ еще на слѣдующіе вопросы. Чѣмъ бы эти люди, которыми теперь хвастаются духовныя училища, чѣмъ бы они были, оставшись въ д-вѣ? Г. Баршевъ теперь ректоромъ московскаго университета; ну а былъ ли бы онъ ректоромъ и даже инспекторомъ московской академіи, не надѣвая клабука, и даже облекшись въ рясу? Вѣдь покойные Голубинскій и Делицынъ, служили долго, очень долго въ тойже академіи и все-таки ихъ не дѣлали начальниками ея. Да и Сперанскій далеко ли бы ушолъ и пріобрѣлъ ли бы извѣстность, если бы оставался на всегда въ духовно-училищной службѣ и сдѣлался даже священникомъ? А Николай Надеждинъ не перейди домашнимъ учителемъ къ Самарину, а оставайся на службѣ въ семинаріи, развѣ не погубилъ бы своихъ талантовъ, какъ и другіе ему подобные? Ему едва ли бы удалось выбраться даже въ академію. Такъ, право, хвалиться этими бѣглецами не сдѣловало бы. Лучше бы спросить, почему такъ много умныхъ семинаристовъ и академистовъ бѣгутъ изъ д-ва и изъ духовныхъ училищъ. Но безпристрастіе требуетъ сказать, что и на этихъ выходцахъ остаются слѣды семинарскаго воспитанія. Многіе, почувствовавъ отвращеніе къ семинарщинѣ, съ какимъ-то почти ожесточеніемъ берутся за свѣтскую науку, не жалѣютъ своего здоровья но не всѣ до конца удерживаютъ такую горячность; апатія, которая такъ развивается въ семинаріяхъ, и на нихъ въ старости нападаетъ. Притомъ конечно изъ семинаристовъ и академистовъ было много ученыхъ и профессоровъ въ университетахъ. Но произвелъ ли кто нибудь изъ нихъ переворотъ въ литературѣ и наукѣ? Далъ ли кто изъ нихъ той и другой новое направленіе? Вѣдь, к-ся, нѣтъ ни одного. Самъ Николай Надеждинъ при всѣхъ своихъ геніальныхъ способностяхъ какіе слѣды оставилъ ученой своей дѣятельности? Да, *кто побывалъ въ рукахъ семинарщины, тому трудно сдѣлаться оригинальнымъ мыслителемъ и передовымъ дѣятелемъ!*

Часть третья.

О слабомъ развитіи ученой и о недостаткахъ литературной дѣятельности воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній.

Противъ моихъ замѣчаній объ учебной части духовныхъ училищъ, р-ся будутъ сдѣланы возраженія, возстанетъ даже не малое количество противниковъ; это вполнѣ естественно, такъ какъ замѣчанія мои затрогиваютъ самолюбіе многихъ и желаніе еще большаго количества людей скрыть господствующіе въ семинаріяхъ недостатки. Главныя возраженія, по моему мнѣнію, должны состоять въ томъ, что д-во въ послѣднія особенно пятьдесятъ лѣтъ доказало сочиненіями свою многостороннюю ученую дѣятельность, что въ семинаріяхъ схоластика и деалектика оставляются, или уже оставлены, что риторика замѣнена словесностію, что теперь много и новыхъ и старыхъ профессоровъ, которые понимаютъ свое дѣло не хуже учителей свѣтскихъ училищъ, и потому преподаваніе наукъ приняло характеръ если не вполнѣ современный, то близкій къ современному, что семинаристы богаты уже разносторонними свѣдѣніями, уже *не списываютъ, а пишутъ сочиненія*, что бѣлое д-во и образованно и много занимается если не всѣми науками, то по к. м. богословіемъ, что духовныя особы, духовные журналы пишутъ нынѣ чистымъ литературнымъ русскимъ языкомъ и пр. и пр. Противъ этихъ возраженій мною по мѣстамъ были уже высказываемы замѣчанія и выставляемы факты, но принимая во вниманіе важность предмета, я представлю еще нѣсколько доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія объ учености семинарской.

Возьмемъ ученую дѣятельность д-ва. Въ исторической запискѣ, составленной по случаю празднованія пятидесятилѣтія московской духовной академіи, авторъ страницахъ на двадцати старается выставить на видъ ученые труды, которыми отличились начальники, наставники и воспитанники академіи; по всей вѣроятности онъ не скрывалъ тутъ ни лицъ, ни произведеній, замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи. Итакъ чѣмъ же ознаменовала себя московская духовная академія въ теченіи 50 лѣтъ? Если исключить курсовыя студентческія разсужденія, которыя прежде печатались, переводы

разныхъ отеческихъ сочиненій, преимущественно помѣщавшіеся въ журналѣ: Творенія Св. Отцовъ, и разныя статьи, напечатанныя въ прибавленіяхъ къ томуже журналу, то ученая дѣятельность окажется очень не плодовитою. По исторической запискѣ она въ первыхъ трехъ ректорахъ академіи ограничивалась только чтеніемъ и составленіемъ лекцій, которыя нигдѣ не напечатаны. Изъ остальныхъ ректоровъ только двое выставлены какъ писатели, — изъ нихъ особенно извѣстенъ теперешній черниговскій архіепископъ Филаретъ. Говоря о самыхъ замѣчательныхъ профессорахъ академіи Голубинскомъ и Делицынѣ, историческая записка указываетъ только на ихъ лекціи, переводы, или на сочиненія въ рукописяхъ. Наконецъ авторъ записки ученую дѣятельность академіи доказываетъ составленными программами и конспектами для нѣкоторыхъ наукъ, указываетъ на пасхалію Тяжелова; латинскую христоматію ректора Поликарпа, патристику Преосв. Филарета Черниговскаго, учебникъ г. Казанцева по всеобщей исторіи, разсужденіе студента Руднева о русскихъ ересяхъ и расколахъ, исторію флорентійскаго собора, сочиненія о Дмитріѣ митрополитѣ Ростовскомъ и о литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Вотъ и все, что авторъ записки нашолъ нужнымъ и возможнымъ сказать объ ученой дѣятельности начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ академіи; а послѣднихъ было въ 50 лѣтъ 1164 человѣкъ! Вѣдь маловато. Во время самаго юбилея почтенные гости — воспитанники академіи, выслушавъ всю историческую записку, съ улыбкою другъ другу говорили: *не много же сдѣлала академія для учености;* а другіе прямѣе выражались: *и видно, что ничего почти не сдѣлала.*

Отъ московской академіи перейдемъ вообще ко всему д-ву. Уже 50 лѣтъ какъ преобразованы духовно-учебныя заведенія; изъ однихъ академій вышло болѣе 3000 воспитанниковъ. И м. т. въ эти 50 лѣтъ издано только четыре, к-ся, догматическихъ богословій: Терновскаго, пр-хъ Антонія, Филарета и Макарія; притомъ два изъ нихъ учебники. А догматическое богословіе есть самая важная наука для д-ва, и по ней-то только два собственно ученыхъ, а не учебныхъ полныхъ сочиненій. Далѣе учебники по библейской и церковной исторіи существуютъ въ семинаріяхъ почти 50 лѣтъ безъ всякаго измѣненія. Неужели же наука нисколько не двинулась впередъ и 50 лѣтъ не имѣли на нее никакого вліянія? Притомъ въ это время даже и не въ видѣ учебника не издано ни одной полной Церковной Исторіи. Вѣдь это страшный застой! Священныхъ исторій, руководствъ и от-

дѣльныхъ сочиненій по нравственному богословію и другимъ второстепеннымъ наукамъ богословскимъ, особенно брошюръ и проповѣдей вышло дѣйствительно много. Но доказываютъ ли они учоную дѣятельность? — Очень сомнительно; капитальнаго, вѣковаго въ нихъ нѣтъ ничего. Въ послѣднее время къ счастію пробудилась духовная журналистика; въ Православномъ Обозрѣніи, Духѣ Христіанина, трудахъ Кіевской Академіи встрѣчается много хорошихъ статей; но журналистика одна не составляетъ литературы.

Обращаюсь теперь къ разрѣшенію прочихъ сейчасъ предложенныхъ вопросовъ относительно семинарскихъ схоластики, діалектики, риторики, греко-латино-церковно-русскаго языка, семинаристовъ, профессоровъ, учоныхъ занятій и трудовъ д-ва и пр.

1) Въ одной семинаріи въ 1864 г. начальство рѣшилось изъ низшихъ духовныхъ училищъ перевести въ риторику болѣе положеннаго по штату количества учениковъ, р-ся на томъ основаніи, что иначе много учениковъ вполнѣ успѣшныхъ и достойныхъ перевода въ семинарію должно было оставлять въ училищѣ еще на два года. Дѣло доброе! Но опасаясь, что бы не стали проситься на казенное содержаніе слишкомъ многіе риторы, начальство рѣшилось обязать нѣкоторыхъ изъ нихъ подпискою, въ теченіи двухъ лѣтъ, содержаться на свой счотъ. Вотъ эти то подписки и показали, какъ и въ 1864 году ученики, проучившіеся не менѣе шести лѣтъ, — чуть не столько же, сколько нужно на окончаніе гимназическаго курса, — ученики, которые такъ хороши показались семинарскому правленію, что оно изъ уваженія къ нимъ рѣшилось отступить отъ закона, — какъ, повторю, эти ученики знаютъ хорошо русскую грамматику. Одинъ изъ нихъ въ поданной въ Правленіе своей подпискѣ написалъ: *прошлые ученика высшаго одиленія* (т. е. высшаго отдѣленія); подобныхъ этому учениковъ было очень много. 2) Но можно надѣяться, что профессоры словесности, придерживаясь современныхъ понятій о ней, научатъ бывшихъ учениковъ *высшаго одиленія* не только правописанію, но и литературному языку. М. б. и правда, только бы имъ для этого не худо было оставить риторику, или по к. м. хоть ея содержаніе объяснять ученикамъ. А то вотъ теперешній ректоръ К-ой академіи бывши въ Е-ой семинаріи ревизоромъ и слушая мальчика-ритора, толковавшаго о раздѣленіи слога, на высокій, средній и низкій, просилъ его объяснить своими словами: что такое каждый изъ этихъ слоговъ? Мальчикъ, подумавши, отвѣчалъ, что высокимъ слогомъ говорятъ съ

высокими, среднимъ съ средними, а низкимъ съ низкими людьми. Тутъ не только господствуетъ не риторика, но даже зазубриваютъ уроки ея, не понимая ихъ. 3) Дѣло шло пока о мальчонкахъ-риторахъ, коснемся теперь богослововъ, кончалыхъ. Одинъ изъ нихъ кончивъ курсъ въ 1864 году въ числѣ самыхъ первыхъ студентовъ, рѣшился поступить въ университетъ и началъ приготовляться къ этому. Вскорѣ онъ увидалъ, что его семинарскія свѣдѣнія рѣшительно никуда не годятся, и потому въ письмѣ къ своему другу написалъ: «страшно мнѣ взглянуть на свое двадцатилѣтнее ученье; — двадцать лѣтъ надобно отбросить, остольное время къ нему годится приложить.» И такъ какъ за вычитомъ 20 лѣтъ изъ 20 же лѣтъ ничего не остается, то значитъ молодой человѣкъ призналъ свое ученье до 20 лѣтъ совершенно равнымъ нолю. 4) Предъидущій примѣръ основывается на частномъ письмѣ. Хочу ознакомить васъ съ печатнымъ извѣстіемъ. Въ N. 31 Дня 1862 г. въ ст. Очеркъ мѣст. д-ва напечатано: «представьте себѣ, — шестнадцать лѣтъ провелъ ученикъ въ духовномъ училищѣ, и не смотря на это..... не совсѣмъ то хорошо читаетъ по славянски! Здѣшній кафедральный протоіерей всякаго ставленника подвергаетъ у себя испытанію, когда ему нужно отправляться на мѣсто.» А я еще въ первомъ примѣрѣ дивился, что ученикъ, поступившій въ риторику писалъ: *прошѣніе, одиленія, вышаго.* А вотъ и 16ть лѣтъ учились, значитъ кончили курсъ въ семинаріи, и все-таки читаютъ плохо по славянски. 5) Объ ученикахъ довольно, пора о профессорахъ. Тотъ же ректоръ академіи, который получилъ въ Е-ой семинаріи оригинальный отвѣтъ относительно высокаго, средняго и низкаго слоговъ, далъ предложеніе г. г. богословамъ для сочиненія. Одинъ изъ нихъ списалъ все свое сочиненіе съ проповѣди какого-то старинаго проповѣдника. Когда ревизоръ сталъ въ собраніи наставниковъ говорить объ этомъ, то между ними нашолся защитникъ, именно профессоръ гомилетики, который сказалъ: «за что же ученика считать дурнымъ? вѣдь проповѣдникъ, у котораго онъ списалъ, есть знаменитый человѣкъ; я и самъ тоже списываю.» Тутъ уже считаютъ не нужнымъ дѣлать даже компиляціи; тутъ ставятъ въ достоинство, когда всю задачку списываютъ, — только нужно выписывать изъ сочиненій знаменитаго человѣка. 6) Въ концѣ 1864 г. въ Петербургѣ одинъ академистъ получилъ письмо, въ немъ его товарищъ описывалъ одну семинарію, въ которой онъ служилъ болѣе года. Профессоровъ онъ раздѣлилъ на три разряда: однихъ назвалъ *ничего не дѣлающими*, другихъ

лезущими изъ кожи и выбившимися изъ силъ, но ничего не добившимися, а третьихъ-просто-*спившимися*. К-ся при такихъ педагогахъ нельзя ожидать процвѣтанія учености и даже нравственности въ семинаріяхъ; пожалѣть только нужно о тѣхъ, которые лезутъ изъ кожи, да ничего не добьются. Бѣдные труженники и мученики! 7) А вотъ отзывъ, напечатанный уже въ С.п.б. Вѣдомстяхъ 17 Іюля 1865 г. о всѣхъ вообще семинаріяхъ и въ часности о новгородской семинаріи. «Уже много толковали о худомъ положеніи нашихъ семинарій, о необходимости такъ или иначе преобразовывать ихъ, много написано проэктовъ и составлено комитетовъ по этому предмету; но семинаріи и теперь прозябаютъ на тѣхъ же основаніяхъ. Теперь даже и перестали толковать о семинарскихъ преобразованіяхъ, — вѣрно п. ч. сколько ни толкуй, а толку все-таки не будетъ. Это очень прискорбно не только для православнаго, который любитъ духовную науку и ждетъ отъ нее отвѣта на разные вопросы, сомнѣнія и недоумѣнія, предлагаемые современностью; но даже и не для православнаго человѣка, которому жалко видѣть тысячи духовныхъ воспитанниковъ, часто очень талантливыхъ осужденными на многолѣтнее и малоплодное семинарское обученіе. Новгородскіе семинаристы, подобно всѣмъ извѣстнымъ мнѣ теперешнимъ семинаристамъ, обнаруживаютъ полное отсутствіе внутренняго живаго интереса къ семинарскимъ наукамъ, даже *главнымъ*. Если они учатъ что нибудь и какъ нибудь, то единственно п. ч. нужно же въ классѣ и на экзаменѣ давать кой-какіе отвѣты. Еще лѣтъ десять тому назадъ одинъ начальникъ н-ской семинаріи говорилъ, что семинаристъ, окончившій въ ней полный курсъ ученія, въ сущности оказывается не готовымъ ни для духовной, ни для свѣтской службы. Теперь дѣло стало еще хуже, — если только это возможно. Тогда тверже заучивались разные тезисы богословскіе, философскіе, риторическіе, длиннѣе писались задачки, которыя почти всегда представляли болѣе или менѣе удачную компиляцію, механическій подборъ чужихъ мыслей и словъ. Не интересуясь своей духовной наукой, н-скіе семинаристы не интересуются и науками свѣтскими. Даже наша свѣтская литература неизвѣстна воспитанникамъ н-ой семинаріи. Самъ Помяловскій, впервые познакомившій съ семинарскими типами наше общество, до него довольствовавшееся понятіемъ о семинаристѣ, какъ существѣ неуклюжемъ, въ длинномъ сюртукѣ и съ полуславянской рѣчью, — даже и Помяловскій имъ почти не извѣстенъ. Есть въ семинаріи собственно ученическая библіотека, но она, по при-

казанію свыше, вся составляется изъ книгъ и журналовъ духовныхъ, которыхъ семинаристы не читаютъ, или читаютъ только тогда, когда предстоитъ надобность выбрать оттуда подходящія мысли и фразы для задачекъ.

Теперь пора поговорить и о д-вѣ. 1) Въ N. 2 Прав. Об. 1865 г. на (стр. 75 замѣч.) одинъ священникъ пишетъ, что д-во «желало бы, что бы дѣтямъ его давалось въ семинаріяхъ такое образованіе, послѣ котораго ихъ никто не называлъ бы, какъ теперь, *недоучками*. Значитъ по сознанію сельскаго священника нынѣшніе кончалые считаются *недоучками*. 2) А вотъ и примѣръ одного такого недоучки. Въ N. 81 С. п. б. Вѣдомостей напечатано, что въ собраніи статистическаго отдѣленія русскаго географическаго общества членъ Артемьевъ, которому поручено было разсмотрѣть метрическія исчисленія, составленныя протоіереемъ Гиляровскимъ по боровицкому уѣзду, сказалъ, что работа, на него возложенная, оказалась очень тяжкою, п. ч. изложена языкомъ непонятнымъ, особенно п. ч. *знаки препинанія поставлены не на своихъ мѣстахъ*, а смыслъ затемненъ вводными и придаточными предложеніями.» Вотъ уже и протоіереи-литераторы не знаютъ, гдѣ ставить запятую и точку съ запятой. 3) По одному духовному лицу, даже протоіерею еще нельзя, скажутъ, составлять понятіе о всемъ д-вѣ. И потому я васъ познакомлю съ отзывомъ объ учености цѣлой епархіи. Въ N. 3 Прав. Об. 1865 (стр. 131 замѣтки) пишутъ изъ Пензы: «почтенные отцы (т. е. священники), съ которыми мнѣ привелось говорить, незнакомы были ни съ однимъ періодическимъ изданіемъ — ни духовнымъ, ни свѣтскимъ и не столько потому, что бы у нихъ не было средствъ выписывать для себя тотъ или другой журналъ, или газету, сколько по какой то апатіи, по непонятному равнодушію ко всему, что выходитъ изъ узкаго круга ихъ приходской жизни, мѣшающей имъ возвышаться даже до интересовъ общеепархіальныхъ. Какъ ни грустно сознаться, а надобно сказать, что таково положеніе почти всего д-ва пензенской епархіи. М. т. какъ въ другихъ епархіяхъ *сельское д-во начинаетъ замѣтно пробуждаться отъ долгаго сна*, отзываясь хоть изрѣдка на разнообразные запросы современной жизни, наше д-во продолжаетъ еще спать въ своихъ маленькихъ владѣніяхъ, называемыхъ приходами, мало интересуясь тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, что говорятъ, пишутъ и дѣлаютъ добрые люди, хотя бы это касалось ихъ самихъ, ихъ собственной участи. Пройдите всю пензенскую епархію, вы не насчитаете и десяти сельскихъ священниковъ (а ихъ было въ

1861 г. 697), которые бы слѣдили за современною литературой и знакомы были хоть отчасти съ многочисленными вопросами, вызванными современною жизнію.» Въ этомъ отрывкѣ описывается дѣйствительно грустное явленіе, но корреспондентъ напрасно равнодушіе д-ва къ литературѣ и всему современному называетъ непонятнымъ; послушаемъ, какъ г. Благовѣщенскій хорошо его объясняетъ, и вмѣстѣ описываетъ умственное состояніе сельскаго д-ва вообще (N. 1 Русс. Сл. 1865 г. романъ *Предъ разсвѣтомъ* стр. 67—69). 4) «И живетъ этотъ мизерный кружокъ (причтъ погоста Емельяновскаго, гдѣ родился Трепетовъ) своею особенною, изолированною жизнію, и всѣ ихъ жизненные интересы сосредоточены только на небольшомъ пространствѣ холма. Каждый дѣлаетъ свое дѣло и благодушествуетъ по своему; покойники гніютъ себѣ по немногу и замѣтно удобряютъ почву, которою питаются живые обитатели ея; деревья густо разрослись по холму и обильно цвѣтутъ весною; люди справляютъ потребности своей плоти: пьютъ и ѣдятъ, ссорятся и мирятся, помогаютъ другъ другу убивать время, и нѣтъ имъ никакого дѣла до жизни и интересовъ остальнаго міра. Кругомъ ихъ міръ вырабатываетъ общечеловѣческій прогрессъ, геройствуютъ Наполеоны и Гарибальди, а они, сердечные вовсе не подозрѣваютъ такихъ диковинокъ; да если бы впрочемъ и узнали о нихъ, то и тогда нисколько не удивились бы и не отозвались бы сочувствіемъ къ общему дѣлу. И это происходитъ вовсе не потому, что они очень невѣжественны, а п. ч. вполнѣ довольны своею жизнію и другъ другомъ и отвыкли думать и заботиться о чемъ нибудь, кромѣ того, что касается ихъ лично. Если бы вдругъ ни съ того ни съ сего провалилось куда нибудь полсвѣта, то это и здѣсь, вѣроятно, менѣе произвело бы впечатлѣнія, чѣмъ паденіе штукатурки съ карниза ихъ домашней Церкви. Съ малолѣтства они сроднились со всѣми принадлежностями погоста и тамъ привыкли видѣть предъ глазами эти принадлежности, что пропади изъ нихъ что нибудь и жизнь становится не полна, чего-то для него уже не достало. Дико и неловко имъ кажется въ постороннемъ обществѣ и всѣми силами торопятся они вырваться оттуда и добиться скорѣе до роднаго погоста. А было время, когда и они что-то знали, о чемъ-то думали, чего-то желали. Священники то-же вызубрили множество мудренныхъ книгъ и въ молодости мечтали о какой-то лучшей жизни, хотѣли вліять на мѣстные нравы, и даже запасались на первое время книгами, но какъ поженились, да обжились съ мѣстомъ, желанія куда то незамѣтно

изчезли; науки ни къ чему не пригодившіяся, остались неподвижно въ головномъ архивѣ и скоро заросли новымъ слоемъ мозга, книги до сихъ поръ лежатъ по полкамъ и все еще не прочитаны; вліять не на кого; лучшей жизни не добьешься; а кругомъ нужда бьетъ, землю обработывать надо. Тутъ даже совершалось нѣкое превращеніе, которое за частую у насъ совершается при подобныхъ обстоятельствахъ. Вмѣсто того что бы вліять на мужиковъ-сосѣдей, съ которыми они казались учоными людьми, вмѣсто того, что бы вносить въ ихъ бытъ начала лучшей жизни, они, поѣздивъ по приходамъ, сами стали заимствоваться отъ нихъ мудростію и опытомъ житейскимъ. И вотъ стали вкрадываться въ ихъ семейства сначала разныя присловья и примѣты, а потомъ предразсудки и суевѣрья. Дѣло началось съ женскаго пола, который особенно любитъ все загадочное, мистическое, а отъ нихъ оно перешло и къ главамъ семейства и ихъ малымъ дѣтямъ.»

Перечисленныя въ этой главѣ примѣры показываютъ, что и д-во и семинаріи еще не далеко ушли по пути прогресса. Для окончательнаго рѣшенія предложенныхъ выше вопросовъ нужно еще указать на духовную литературу и особенно журналистику, какъ представительницу умственной образованности. Конечно въ Христіанскомъ Чтеніи, Православномъ Обозрѣніи, Духѣ Христіанина и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ журналахъ употребляется слогъ, съ которымъ не стыдно появиться въ свѣтскихъ изданіяхъ; — все это правда, но правда и то, что эти нововведенія поддерживаются молодымъ поколѣніемъ и преимущественно профессорами свѣтскими и лицами изъ бѣлаго д-ва и только весьма немногими изъ м-щихъ. Прочія же особы особенно духовно-училищные начальники крѣпко стоятъ за старину и переданный ею языкъ. На все это я уже представилъ по мѣстамъ много примѣровъ. Прибавляя теперь еще новые, буду ихъ брать изъ статей, напечатанныхъ не ранѣе 1861 г.

Для молебна по случаю юбилея М. Д. академіи на *эктеніяхъ были произнесены нарочито составленныя прошенія, одно на великой, и два на сугубой эктеніяхъ*; вотъ прошеніе на великой эктеніи: «о еже милостивно призрѣти на приносящія нынѣ благодарственное моленіе братій и сыновъ обители духовныхъ ученій, яко благопромыслительнѣ даровано бысть ей поприще пятидесятилѣтія въ мирѣ и благоустроеніи совершити, руководственная къ божественнѣй и естественнѣй мудрости ученія многимъ вкупѣ и другъ другопріимательнѣ преподати, и тѣми священному служенію православныя Церкви

плодъ нѣкій принести, Господу помолимся (Сборникъ стр. 12—13).» Скажите, пожалуйста, неужели русскимъ, хотя и духовно-ученымъ людямъ нельзя было помолиться о благоденствіи академіи, гдѣ они воспитывались, на русскомъ же языкѣ, или по к. м. не на столь мудреномъ славянскомъ? Вѣдь это прошеніе можно понять только прочитавши его не одинъ разъ. Ну, издавна уже составленныя эктеніи измѣнять м. б. и нельзя по чему либо, — вновь же составляемыя прошенія зачѣмъ писать еще непонятнѣе, нежели прежнія? Нѣтъ, здѣсь выражается принципъ, отъ котораго не хотятъ отступить въ д-вѣ, — принципъ, состоящій въ томъ, что *намъ русскимъ и молиться Богу позволяется только на славянскомъ языкѣ.* Такъ какъ же не заставлять семинаристовъ держаться его въ своихъ сочиненіяхъ? Этотъ примѣръ можно назвать экстреннымъ; лучше обратимся къ настоящей обыденной т. с-ть духовной литературѣ. Для этого избираю журналъ: Творенія Св. Отцовъ. Составитель исторической записки о М. Д. академіи, восхваляя покойнаго профессора Делицына, бывшаго редакторомъ этого журнала, самъ, какъ к-ся, сознавалъ, что слогъ въ переводахъ сочиненій Св. Отцовъ не соотвѣтствуетъ времени, и потому всячески усиливается (25 и 26 стр.) оправдать редактора, доказывая, что онъ старался «передавать рѣчь Отцовъ словами и оборотами, вполнѣ соотвѣтствовавшими строю греческаго языка, что онъ составилъ для этого свою терминологію, что у Отцовъ есть свои условные термины, свои любимые обороты, своя особая конструкція рѣчи, что всѣ эти тонкости нужно будто было передавать такъ, что бы слово одного лица не было похоже на слово другаго.» Не стану спорить съ панегиристомъ, но скажу, что переводъ Св. Отцовъ переданъ чрезвычайно тяжело, даже часто непонятнымъ языкомъ. Для этого избираю переводы сочиненій Григорія Нисскаго, помѣщенные въ 1861 и 1862 г. въ 37 и 39 томахъ.

1) Пятое слово о молитвѣ т. 37 стр. 458 и 459. «Такъ какъ живетъ въ насъ Адамъ, и каждый изъ насъ — человѣкъ; то, пока видимъ на естествѣ своемъ кожаные эти хитоны, и скоро увядающіе листья вещественной этой жизни, которыя, обнажившись отъ вѣчныхъ и свѣтлыхъ ризъ, сшили мы себѣ ко вреду своему, вмѣсто божественныхъ одеждъ облекши себя въ забавы, славу, однодневныя почести, убійственныя услажденія плоти, — и пока взираемъ на это плотское мѣстопребываніе, на которомъ осуждены мы обитать; какъ скоро обращаемся къ востоку (не потому только, что тамъ видимъ для насъ Богъ, Который, какъ вездѣсущій не объемлется

никакимъ исключительно мѣстомъ, но все равно содержитъ, а потому, что на востокѣ первоначальное наше отечество, разумѣю же пребываніе въ раю, изъ котораго мы изгнаны *(насади Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ* (Быт. 2. 8.)*)*; посему, какъ скоро обращаемъ взоръ на востоки, и мысленно приводимъ себѣ на память изгнаніе изъ свѣтлыхъ и восточныхъ странъ блаженства, справедливо тогда присовокупляемъ сіи реченія и мы, отѣняемые недоброю смоковницею жизни, отверженные отъ очей божіихъ, самовольно предавшіеся змію, который ѣстъ землю, и по землѣ ползаетъ, ходитъ на персяхъ и на чревѣ своемъ, и намъ совѣтуетъ дѣлать тоже, — предаваться земнымъ наслажденіямъ, по землѣ прѣсмыкающимся и влачащимися мыслями занимать свое сердце и ходить на чревѣ, то есть, заботится о жизни сластолюбивой; посему въ этомъ находясь состояніи, подобно оному блудному сыну, послѣ долгаго бѣдствованія, въ какомъ пребывалъ, пася свиней, какъ скоро приходимъ, какъ и онъ, въ себя, и приводимъ себѣ на мысль небеснаго Отца, тогда прекрасно пользуемся таковыми реченіями: *остави намъ долги наша.*» Вотъ такъ періодъ, или лучше вторая часть его, п. ч. въ первой нѣтъ даже двухъ строкъ! Что предъ нимъ Ломоносовскій періодъ, начинавшійся въ похвальной рѣчи Петру Великому словами. «Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели и пр. Надобно только сказать, что Ломоносовъ говорилъ ясно и хорошимъ по времени языкомъ, а прочитавши приведенный здѣсь періодъ, невольно спросишь: неужели такъ пишутъ по русски въ 1861 году въ журналѣ одной изъ духовныхъ академій, издаваемомъ подъ редакціею знаменитѣйшаго ея профессора? Право не вѣрится. Не гораздо лучше было бы этотъ длиннѣйшій періодъ раздѣлить на четыре, на пять и *внесть въ переводы элементы легкаго языка, употребительнаго въ области мірскихъ сочиненій* (Сбор. стр. 26)? Но посмотримъ, какъ выражается журналъ московской академіи и въ не очень большихъ періодахъ.

2. Стр. 23. «Кто не знаетъ, что все твердое сгущается по какому-то непремѣнно упорству; а сгущенное и упорное не свободно отъ качества тяжести; тяжелое же по естеству не можетъ быть стремящимся вверхъ. Напротивъ того твердь выше всей чувственной твари; потому сообразность съ разумомъ требуетъ не представлять о тверди чего-то грубаго и тѣлеснаго, но, какъ сказано, по сравненію съ умопредставляемымъ и безплотнымъ, все, что принадлежитъ къ чувственному, хотя по естественной тонкости избѣгаетъ нашего наблюденія, называется твердію.» Итакъ что же такое твердь?

все твердое сущается по упорству, — упорное не свободно отъ качества тяжести, тяжелое не можетъ быть стремящимся выспрь и пр.

3. Стр. 26 и 27. «Научаемый же Писаніемъ, что твердію произведено разлученіе водъ, думаю, не вопреки справедливости и значенію слова поступить, разлученіе водъ понимая такъ, что должно разумѣть подъ онымъ различное естество разлучаемыхъ водъ, убѣдиться, что однѣ воды стремятся выспрь легко, даже превосходятъ легкостію огонь; а посему, пребывая выше теплой сущности, не увлекаются движеніемъ того, что ниже ихъ, и теплотою не приводятся въ противоположный порядокъ, но пребываютъ тѣмъ же не умаляясь, и круговращающемуся подъ ними огню не даютъ сквозь себя никакого прохода. Ибо какъ невещественному сдѣлаться вмѣстилищемъ вещественнаго? Другія же воды суть тѣ самыя, которыхъ естество познаемъ и глазомъ, и осязаніемъ и вкусомъ. Онѣ стремятся внизъ представляются прозрачными, различаются вкусомъ по вложенному въ нихъ качеству; и воды сіи подводить подъ какое либо другое понятіе не понуждаетъ естество познаваемаго. А то, что названо также водами, но невидимо, не имѣетъ текучести, не объемлется вовсе ничѣмъ такимъ, чѣмъ обыкновенно сдерживается влажное естество, но какъ само внѣ мѣста, такъ и въ себя не даетъ доступа всякому чувствомъ познаваемому качеству, п. ч. Духъ Божія носится надъ этимъ и п. ч. признается это превысшимъ неба, и п. ч. пребываетъ внѣ всего познаваемаго чувствомъ, думаю, всякій изъ способныхъ судить, уносясь въ предположеніяхъ къ умопредставляемой сущности, представитъ себѣ чѣмъ то инымъ, а не водою обыкновенною.»

4. Стр. 64 и 65. «Поелику же въ естествѣ цѣлой вселенной, относительно къ большей и меньшей мѣрѣ тонкости и удободвижимости усматривалась великая нѣкая разность; то достаточно было трехдневнаго продолженія времени, что бы ясно и не слитно произойти взаимному отдѣленію каждой вещи въ мірѣ одной отъ другой, такъ чтобы самое тонкое и легкое, чисто невещественное, въ огненной сущности заняло самый крайній предѣлъ чувственной твари, за которымъ слѣдуетъ умопредставляемое и безплотное естество, а все менѣе дѣятельное и болѣе оцѣпенѣлое составилось внутри пространства, окружаемаго тѣмъ тонкимъ и легкимъ естествомъ; да и сіе опять, по разности вложеннаго въ это свойства, раздѣлилось седмичастно, по взаимномъ между собою по сродству соединеніи всѣхъ, одна другой соотвѣт-

ственныхъ и близкихъ, частицъ свѣта и по отдѣленіи тѣхъ, въ которыхъ есть нѣчто инородное.»

5. Стр. 66. Явно, что непремѣнно есть нѣкая причина, хотя и недоступная нашему взору, по которой мѣра сего времени къ отдѣленію свѣтоносной сущности служила и опредѣленнымъ своимъ теченіемъ, и количествомъ дѣятельности огня въ его движеніи, при чемъ удѣлы свѣта распредѣлены по свойству свѣтилъ, такъ что сіи безпредѣльныя разности свѣтовъ поставили себя каждая въ свойственномъ положеніи, какое естественнымъ свойствомъ указано тамъ, куда каждую привела вложенная въ нее естественная сила, и не произошло при семъ никакого безпорядка, или смѣшенія; п. ч. Божественною премудростію по естественному свойству, какое дано каждому свѣтилу, установленъ у нихъ непреложный порядокъ, такъ что самую высшую страну занимаютъ тѣ, которыя восходятъ вверхъ удободвижнѣе всякой выспрь стремящейся сущности.»

6. Т. 39 стр. 39 изъ второй бесѣды *на пѣснь пѣсней Соломона Григорія Нисскаго.* Послѣ того, какъ сказано, что пѣснь пѣсней Соломона есть истинная скинія свидѣнія, въ которой покровами, завѣсами и опонами служатъ нѣкія слова и реченія, выражающія любовь и пр., далѣе пишется: «А что внутри, то въ подлинномъ смыслѣ есть нѣкій пресвѣтлый свѣтильникъ, и кивотъ, исполненный таинъ и благоухающая кадильница, и очищеніе грѣха, оное всезлатое кадило благочестія, эта красота завѣсъ — благообразное истканіе изъ доброцвѣтности добродѣтелей, эти незыблимые столпы помысловъ, неподвижныя стояла догматовъ, и красота верховъ, которыми истолковывается благодать во владычественномъ души, и омывальницы душъ; и все, что относится къ небесному и безплотному житію, что законъ предписываетъ, выражаясь загадочно, можно находить въ сокрытыхъ подъ буквою понятіяхъ, если только, въ купели слова омывъ всю скверну гнусной мысли, попеченіемъ о жизни содѣлаемъ себя способными къ вступленію во святая святыхъ, а не останемся не узрѣвшими чудесъ внутри скиніи, подвергшись смерти за то, что, вопреки предписанію закона, касались мертваго понятія, или какого либо нечистаго помышленія.»

7. Бесѣда третія стр. 78 и 79. «Поелику искуственная и соразмѣрная нѣкая смѣсь изъ многихъ и различныхъ, но не разнаго качества имѣющихъ запахъ, ароматовъ составляетъ таковое муро, одно же нѣкое вложенное въ него благовонное произрастеніе, которому имя нардъ, именованіе сіе

даетъ цѣлому составу; и сіе, изъ всѣхъ ароматическихъ качествъ слагаемое въ одно благоуханіе, достигшее чистоты чувство принимаетъ за самое благовоніе Жениха: то, какъ думаемъ, Слово научаетъ насъ сказаннымъ, что, хотя составляющее самую сущность-то, что выше произведенія существъ и управленія ими, неприступно, неприкосновенно, и непостижимо; однако же замѣняется это для насъ тѣмъ благовоніемъ, которое, подобно муру, пріуготовляется въ насъ чистотою добродѣтелей, и уподобляется чистотою своею — чистѣйшему по естеству, благостію — благому, нерастлѣніемъ — нетлѣнному, неизмѣнностію — неизмѣняемому, и всѣми добродѣтельными въ насъ преуспѣяніями — истинной добродѣтели, о которой говоритъ Пророкъ Аввакумъ, что *занимаетъ весь небеса* (Авв. 3, 3.)

Я никакихъ не дѣлалъ замѣчаній о послѣднихъ пяти цитатахъ. Если вы, г. ч., имѣли терпѣніе ихъ прочитать, то хорошо уже умѣете оцѣнить достоинство русскаго языка, которымъ они высказаны. Но я не думаю, что бы у каждаго изъ васъ достало терпѣнія, на такой подвигъ и потому я хочу самъ сказать что нибудь о нихъ. — Что за метафоры, особенно въ шестомъ отрывкѣ? *всеслатое кадило благочестія; — благообразное истканіе изъ добронравности добродѣтелей — незыблимые столпы помысловъ, — неподвижныя стояла догматовъ — въ купели Слова омыть скверну мысли.* И замѣтьте, что всѣ онѣ помѣщены въ одномъ періодѣ, который, не шутя, можно назвать *благообразнымъ, или безобразнымъ истканіемъ изъ добронравности метафоръ.* Потомъ развѣ вы не позадумаетесь, не покачаете головою, прочитавши слѣдующія очень краткія выраженія, въ половинѣ которыхъ играютъ роль разныя сущности?» *Пребывать выше теплой сущности; — воды пребываютъ тѣмъ же, не умаляясь; уноситься въ предположеніяхъ къ умопредставляемой сущности; въ огненной сущности занять крайній предѣлъ чувственной твари; — красоты верховъ; — владычественное души?* Но если эти выраженія вамъ покажутся ясными, то не угодно ли поломать свою голову надъ слѣдующими уже не столь краткими. «*То что названо также водами, но невидимо . . . . какъ само внѣ мѣста, такъ и въ себя не даетъ доступу всякому чувствомъ познаваемому качеству; — безпредѣльныя разности свѣтовъ поставили себя каждая въ свойственномъ положеніи, какое естественнымъ свойствомъ указано тамъ, куда каждую привела вложенная въ нее естественная сила; — искуственная и соразмѣрная нѣкая смѣсь изъ многихъ и различныхъ, но не разнаго качества*

имѣющихъ запахъ ароматовъ составляетъ мiро; — сіе изъ всѣхъ ароматическихъ качествъ слагаемое въ одно благоуханіе, достигшее чистоты чувство принимаетъ за самое благовоніе Жениха.» Но, если вы находите не труднымъ для себя понимать эти выраженія, то прочитайте уже отдѣльно каждый, мною выписанный отрывокъ, особенно же первый, читайте со вниманіемъ, не прерывая чтенія, и потомъ спросите себя, о чемъ говорится. Лучше всего сдѣлайте сами въ первомъ отрывкѣ такъ называемый грамматическій порядокъ, тогда авось оцѣните и тотъ языкъ, которымъ пишутъ въ духовномъ журналѣ, издаваемомъ при одной изъ духовныхъ академій подъ редакціею знаменитѣйшаго профессора.

Языкъ этотъ пробуждаетъ печальныя мысли о литературной образованности въ духовныхъ училищахъ и объ умѣньѣ нашемъ расположить православныхъ христіанъ къ чтенію отеческихъ сочиненій. Григорій Нисскій принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ отцамъ церкви, если не касаться нѣкоторыхъ его ошибочныхъ мнѣній; то онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Златоустомъ и Василіемъ Великимъ, котораго онъ постоянно называетъ своимъ отцомъ и учителемъ (приб. къ твор. Св. Отцовъ т. 20 стр. 2). Перевести сочиненія его на русскій языкъ и расположить духовныхъ и мірянъ къ чтенію ихъ дѣло прекрасное. Но если бы кто злонамѣренно захотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ знаменитаго отца Церкви, то онъ скорѣе всего достигъ бы этого, передавъ сочиненія его въ такомъ же безобразномъ и почти каррикатурномъ переводѣ, какой помѣщенъ въ Твореніяхъ Св. Отцовъ. Я, не шутя, это говорю. Начни кто нибудь прямо осмѣивать Григорія Нисскаго, ему тотчасъ *зажмутъ ротъ*. Но скажи, что онъ, желая приблизиться къ духу отца, старается въ переводѣ передать рѣчь его словами и оборотами, вполнѣ соотвѣтствующими строю греческаго языка; составь свою дикую терминологію и пр., тогда никто не посмѣетъ назвать его каррикатуристомъ, а на какомъ либо торжественномъ актѣ прочитаютъ ему даже панегирикъ. А м. т. переводчикъ дѣйствительно представилъ въ смѣшномъ видѣ автора. Вѣдь заучить на память хоть напр. первый отрывокъ нисколько не будетъ легче, нежели тоже самое сдѣлать съ отрывкомъ ровнаго объема изъ телемахиды. А читатель недостатки перевода припишетъ и оригиналу. Къ нашему переводчику можно приложить письмо Исидора Пелусіота къ схоластику Прону, измѣнивъ нѣкоторыя слова: «замѣняющіе истину

искуственностію словъ, говоритъ Исидоръ, гораздо болѣе жалки, нежели вовсе ее не постигающіе. Послѣдніе не уловляютъ истинъ по медленности мысли и потому м. б. достойны извиненія. А первые по быстротѣ мысли уловляютъ истину, но злонамѣренно дѣлаютъ ее непримѣтною и потому грѣшатъ непростительно (35 т. Твор. Св. Отцовъ стр. 244).» И нашъ переводчикъ развѣ не затемнилъ мысли искуственностію словъ? Развѣ не сдѣлалъ ее непримѣтною? И развѣ по к. м. предъ литературою не согрѣшилъ непростительно. И что же? Противъ варварскаго искаженія сочиненій отцовъ Церкви никто никогда въ печати не заикнулся, никто не посовѣтовалъ позаботиться о ясности перевода. Напротивъ за него расхвалили переводчика на торжественномъ собраніи и напечатали панегирикъ.

Духовныя лица любятъ жаловаться на то, что міряне мало читаютъ творенія отцовъ Церкви и другія духовныя сочиненія, предпочитая имъ повѣсти, разсказы и проч. А духовно-училищное начальство и указами, и словесными распоряженіями, и даже насильственными мѣрами старается семинаристовъ отучить отъ свѣтской литературы и заставить ихъ читать духвную и особенно Святыхъ Отцовъ. Да, Бога ради, скажите, какъ же можно читать ихъ въ такихъ безобразныхъ переводахъ, какъ тотъ единственный почти, о которомъ говоримъ? Вѣдь Екатерина 2я заставляла заучивать отрывки изъ Телемахиды въ наказаніе, а не для назиданія. Вѣдь безбожно заставлять мальчика ломать голову надъ *благообразными истканіями изъ добропщътности добродѣтелей*, надъ тѣмъ, въ чемъ не добьется смысла взрослый человѣкъ. Не лучше ли наконецъ разстаться съ старымъ латино-славяно-церковно-русскимъ языкомъ? Не лучше ли признать необходимымъ внести въ переводъ Св. Отцовъ и во всю духовную литературу элементы легкаго языка, употребительнаго въ области мірскихъ сочиненій? Право, онъ не унизитъ ни Св. Отцовъ, ни духовной литературы, а напротивъ облегчитъ и сдѣлаетъ пріятнымъ чтеніе ихъ. А если сами вы уже не въ состояніи передѣлать себя, то не мѣшайте по к. м. другимъ знакомить семинаристовъ съ нынѣшнимъ литературнымъ языкомъ.

Много я выставилъ примѣровъ и цитатовъ для доказательства господствующихъ еще въ д-вѣ схоластики, діалектики, риторики, краснорѣчія, пустословія, незнанія русскаго языка и пр., много также прибавилъ своихъ замѣчаній. Но ограничиваться въ этомъ случаѣ кое-чѣмъ нельзя; иначе сказали бы: «вотъ вырвалъ 10—20 строкъ;

вотъ нашолъ какихъ-то два примѣра, и по нимъ хочетъ составить понятіе объ учености семинарій и д-ва и о томъ, какъ пишутъ духовныя особы.» Нѣтъ, надобно было такъ объясниться, чтобы предупредить возраженія. Не думайте, чтобы и въ сочиненіяхъ многихъ другихъ авторовъ нѣтъ уже недостатковъ, о которыхъ я говорю. Повѣрьте, г. ч., лѣтъ чрезъ 20—25 удивятся, какъ это многіе наши современники такъ дурно писали о духовныхъ предметахъ. Повѣрьте, что многіе изъ нынѣшнихъ и недавно умершихъ духовно-литературныхъ знаменитостей свержены будутъ съ пьедесталовъ, на которые помогли имъ взойти лесть и безгласность.

Отдѣлъ 38ой.

Общій взглядъ на нравственность д-ва въ прежнія и нынѣшнія времена.

Къ искреннему сожалѣнію нужно сказать, что наше д-во за многими впрочемъ почотными исключеніями, и въ былое и въ настоящее время не любило въ своей массѣ отличаться нравственными качествами. На это можно много свидѣтельствъ представить изъ литературы и даже изъ статистическихъ данныхъ. «Въ жизни большей части д-ва XVI столѣтія, говорится въ No. 1 Севрем. 1862 г. въ ст. по поводу изданій о расколѣ (стр. 74), главной стихіей были лѣнь, пьянство, скряжничество, ложныя показанія за нѣсколько копѣекъ, постоянныя, безобразныя ссоры причетниковъ между собою, ихъ судьбища и кляузы; брань съ прихожанами изъза нѣсколько грошей, презрѣніе народныхъ нуждъ, лесть предъ высшими, особенно чиновниками и помѣщиками.» Г. Соловьевъ въ XII т. своей исторіи приводитъ (стр. 145) слова одного изъ архіереевъ: «особенно же и въ духовныхъ чинахъ укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія; и такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога.» Послѣ лѣтъ чрезъ 20 новогородскій митрополитъ въ своей грамотѣ «велитъ сдѣлать заказъ крѣп-

кій, чтобы игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы и старцы и черпецы на кабакъ пить не ходили и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы. «Самъ Соборъ, бывшій при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ отвѣтѣ своемъ на третье предложеніе царя говоритъ, что «многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные.» (XIII т. ист. г. Соловьева стр. 313). Самъ знаменитый нашъ ересіархъ протопопъ Аввакумъ добродушно сознается, что «отецъ (его) прилежаше питья хмѣльнаго (стр. 207).» Наконецъ въ указѣ Синодскомъ отъ 19 Ноября 1772 года (т. XIX Собр. Зак. стр. 613, No. 13908) пишется: «изъ дѣлъ въ Синодѣ усматривается, что нѣкоторые священно-служители ведутъ себя непорядочно, а особливо піанствуя, во многія впадаютъ безчинія и тѣмъ на чинъ духовный наводятъ нареканіе и паствѣ своей бываютъ не примѣромъ добрымъ, а однимъ соблазномъ.»

При императорѣ Александрѣ Iмъ по настоянію тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія два раза были разсылаемы по всѣмъ епархіямъ указы съ описаніемъ разныхъ неблагочинныхъ и скандальёзныхъ поступковъ д-ва, преимущественно въ церквахъ. Я могъ достать только одинъ послѣдній, т. е-ть, дополнительный указъ, въ которомъ помѣщены четыре случая, м. т. какъ въ первомъ пересчитано нѣсколько десятковъ ихъ. Странное и грустное впечатлѣніе чувствуешь при чтеніи и втораго указа. Тутъ св. Спиридовъ *испустилъ урину* близъ престола въ алтарѣ; тамъ св. Рыкуновъ найденъ въ алтарѣ *лежащимъ и облевавшимся;* здѣсь нужно было призвать полицейскаго десятскаго, чтобы дьякона Покровскаго вывести изъ церкви. Покойный императоръ Александръ 1й назвалъ всѣ эти происшествія *постыдными* для д-ва; самъ синодъ счолъ нужнымъ внушить духовнымъ лицамъ, чтобы «постарались изгладить изъ мнѣнія государя неблагопріятное о нихъ замѣчаніе (Собр. Зак. т. XXXVII стр. 406 No. 28373). Въ самомъ дѣлѣ неблагочинные поступки духовныхъ лицъ были такъ возмутительны, что изданъ былъ новый указъ, запрещавшій обнародывать ихъ.

Въ новѣйшее время и въ печати, особенно заграничной, и въ частныхъ письмахъ и разсказахъ нравственные недостатки д-ва описываются очень яркими красками. Бѣлинскій въ своемъ *письмѣ* къ Гоголю говоритъ: «не есть ли п-ъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? .... большинство нашего

д-ва всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педанствомъ, да дикимъ невѣжествомъ.» Покойный Бѣлинскій тутъ очень жолченъ; онъ забываетъ, что въ д-вѣ много людей достойныхъ уваженія. Но я его слова привелъ, чтобы видѣть, какъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ критиковъ нашего времени, не имѣвшій никакихъ личныхъ враждебныхъ отношеній къ д-ву, смотрѣлъ на него. Отъ Бѣлинскаго обращаюсь къ свидѣтельству г. министра внутреннихъ дѣлъ. Въ первомъ выпускѣ сборника Кельсіева о раскольникахъ (стр. 194) напечатано «въ синодѣ разсматривался составленный по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ отчотъ о состояніи раскола въ нижегородской губерніи, въ которомъ между прочимъ изложено, что причиною развитія и усиленія раскола само д-во, обратившее служеніе Богу въ доходное для себя ремесло и алтари въ оброчныя статьи; и епархіальныя начальства, руководимыя не регламентами, а кумовствомъ и взятками, истребляющія въ д-вѣ послѣдніе остатки правды, отдающія Церкви Божіи въ приданое за поповскими дочерьми.» Синодъ, не опровергая этого отзыва г. министра, предписалъ нижегородскому архіерею наблюдать, что бы приходскіе причты повсюду нелѣпостно и богобоязненно отправляли богослуженіе по уставу церкви .... и примѣромъ благочестивой жизни содѣйствовали, если не къ сближенію съ св. вѣрою раскольниковъ, то по к. м. къ ослабленію ихъ глумленія надъ церковію и ея пастырями.» Это было въ 1857 году. Авторъ книги о с. д. говоритъ (стр. 93): «что сельскій и городской причтъ, безъ малѣйшаго преувеличенія, срамъ и позоръ — не званія, а человѣчества. Онъ ниже, отвратительнѣе, всего, что только есть въ людяхъ. Всякій крестьянинъ выше его: тотъ бываетъ грубъ, жестокъ, упрямъ; но трудолюбивъ, почтителенъ къ высшимъ себя, по своему честенъ, имѣетъ понятіе о стыдѣ и совѣсти; предается грубымъ порокамъ, но сознаетъ, что дѣлаетъ дурно и рѣдко падаетъ до того, чтобы, потерявъ все человѣческое въ себѣ, низойти до степени животныхъ. Въ причтѣ же обыкновенно ни тѣни ничего подобнаго! Онъ невообразимо лѣнивъ, безсовѣстенъ, дерзокъ и — безъ малѣйшаго сознанія своей дурноты! Короче: это животное, вѣчно алчное, прожорливое, хищное, хитрое на самыя злыя и пагубныя продѣлки, радующееся погибели другихъ, и особенно высшихъ себя.» Надобно впрочемъ сказать, что почтенный авторъ это описаніе прилагаетъ только къ дьяконамъ и причетникамъ, но изъ другаго его мѣста видно, что и у священниковъ въ семействахъ идутъ дѣла не очень

нравственнымъ порядкомъ. «Хуже всего, говоритъ онъ (стр. 59), что дѣти съизмаленька привыкаютъ презирать своихъ родителей и не питать къ нимъ никакихъ дѣтскихъ чувствъ. Кое-какъ воспитанные и устроившись сами, они въ мысли не держатъ-успокоить своихъ родителей подъ конецъ дней ихъ. Сынъ, отказывающій въ кускѣ хлѣба своимъ отцу и матери, не думающій посѣтить ихъ, не говоримъ уже съ пособіемъ, а и съ словомъ ласковымъ среди самой тяжкой болѣзни; сынъ, осыпающій своихъ родителей самою площадною бранью, съ позоромъ выгоняющій ихъ изъ своего дома въ какой нибудь праздникъ и пр. и пр. — явленія нерѣдкія. Ждать ли отъ взросшихъ въ такомъ семействѣ любви братской, той чистой и святой любви, которая заставляетъ душу свою полагать за брата своего? Ее нѣтъ, — этой святой любви. Братья видятся между собой нерѣдка, но не иначе, какъ въ праздники, и не для того, чтобы сотѣшиться, или совозрадоваться духомъ, а что бы въ пенсовой оргіи перессориться между собою .... И не здѣсь ли основаніе того глубокаго разъединенія между лицами духовнаго званія, изъ-за котораго каждый іерей видитъ въ своемъ собратѣ если не врага, то по к. м. недоброжелателя, завистника и т. под.? Да, дурной братъ, никогда не будетъ хорошимъ сосѣдомъ, добрымъ сотоварищемъ, надежнымъ сослужителемъ. Изъ сердца, не согрѣваемаго любовію къ близкимъ, всегда вытекаетъ зло, одно только зло, къ чужимъ.»

Приведенныя мною свидѣтельства защитники д-ва назовутъ запоздалыми припишутъ обыкновенной ненависти мірскихъ людей къ духовнымъ лицамъ или преувеличеніямъ. Вотъ я почему здѣсь и хочу опереться на свидѣтельства или защитниковъ д-ва, или на такіе оффиціальные документы, которыхъ заподозрить въ клеветѣ нѣтъ никакой возможности. Самъ Г. Предтеченскій, написавшій цѣлую книгу въ защиту д-ва, удивляется его равнодушію къ интересамъ Вѣры: «откуда это равнодушіе въ отечественномъ д-вѣ къ интересамъ вѣры? восклицаетъ онъ (стр. 30).» Составители новаго устава для семинарій на 2 стр. своихъ журналовъ говорятъ, «что въ самой жизни духовныхъ, особенно необразованныхъ и загрубѣвшихъ подъ гнетомъ нищеты, причетниковъ, много грубаго, неприличнаго и даже безнравственнаго видятъ ихъ дѣти (11).» Сказавши потомъ, что изъ учениковъ, сдѣлавшихся дурными еще у родительскаго очага, составляются шайки которыя увлекаютъ и прочихъ невинныхъ мальчиковъ и что училищное начальство не можетъ даже искоренить зла, которое отъ того происходитъ, составители устава

прибавляютъ, что это зло поддерживается постоянно родительскимъ домомъ, куда ученики увольняются въ свободное отъ ученія время. Училищныя начальства послѣ каждаго отпуска учениковъ въ дома родителей принуждены бываютъ отучать ихъ отъ дурныхъ наклонностей, съ какими въ особенности дѣти причетниковъ каждый разъ возвращаются изъ домовъ своихъ родителей.» К-ся ясно, что по отзыву составителей устава семинаристы въ домахъ родительскихъ пріобрѣтаютъ много грубаго, неприличнаго и безнравственнаго, что тамъ же зараждаются и поддерживаются дурныя наклонности и пр. Конечно тутъ сваливаютъ вину болѣе всего на причетниковъ, на бѣдность; однако все-таки видно, что и у всѣхъ св-и-ц-сл-ей домашній бытъ не отличается примѣрною нравственностію. Наконецъ Об. Пр-ръ въ отчотѣ за 1859 г. (стр. 19) пишетъ: «съ нѣкотораго времени произносится очень строгій судъ надъ д-вомъ, преимущественно же надъ приходскими св-и-ц-сл-ями, которыхъ упрекаютъ въ необразованности, корыстолюбіи и въ нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ . . . . Но для справедливаго заключенія о нравственности д-ва нельзя основываться на нашихъ отзывахъ, которые часто бываютъ ничѣмъ не подкрѣплены, а иногда подтверждаются только частными примѣрами, хотя и весьма печальными, но составляющими не болѣе, какъ исключенія.» Р-ся, Об. Пр-ру, который, при составленіи отчота, является органомъ синода, нельзя о д-вѣ отзываться также, какъ это сдѣлали новогородскій митрополитъ, Бѣлинскій и пр. Но странно, что онъ писалъ апологію чрезъ два года послѣ приведеннаго выше отзыва г. министра о нижегородской епархіи и почти въ тоже время, какъ составители новаго устава оффиціально признались, что дурныя наклонности семинаристовъ выносятся изъ отцовскихъ домовъ. Притомъ въ отчотахъ своихъ предшественниковъ Об. Пр-ръ могъ найти, можно сказать, неопровержимыя доказательства, что религіозное и нравственное состояніе д-ва находится въ весьма неудовлетворительномъ положеніи, и что строгій судъ надъ д-вомъ подтверждается статистическими данными. Ими-то я и займусь теперь.

Неблагопристойные поступки въ храмахъ особенно нарушеніе благочинія при богослуженіи едвали не болѣе всего доказываютъ въ человѣкѣ неуваженіе къ святынѣ и религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ неудовлетворительное состояніе нравственности. И то сословіе, которое отличается такими поступками никакъ уже не можетъ считаться по к. м. нравственнѣе другихъ сословій. Посмотримъ теперь на д-во съ этой

стороны. Въ отчотахъ Об. Пр-ра синода говорится всегда о числѣ случаевъ нарушенія благочинія при богослуженіи. Съ 1850 г. случаи эти вносятся общимъ итогомъ, а до того времени, начиная съ 1836 г., показывалось (кромѣ 1837, 1845—48 годовъ), сколько изъ тѣхъ поступковъ принадлежало д-ву и сколько прочимъ сословіямъ. Т. о. въ теченіе 9 лѣтъ (т. е. въ 1836, 1838—44 и 1849 гг.) производились въ синодѣ дѣла о 832 неблагопристойныхъ поступкахъ, нарушившихъ благочиніе въ церкви при богослуженіи; изъ нихъ 610 принадлежитъ д-ву, а лицамъ прочихъ сословій только 222, или среднимъ числомъ въ годъ первому 67, а послѣднимъ 24 (дроби опущены и здѣсь, и при слѣдующихъ разсчотахъ). Еслибы въ д-вѣ было столько же лицъ, сколько и въ прочихъ сословіяхъ, то и тогда бы на его долю доставалось разсматриваемыхъ поступковъ почти втрое болѣе, нежели на долю всѣхъ другихъ православныхъ христіанъ. Но духовныхъ лицъ мужескаго пола (дѣтей сюда не включаю) среднимъ числомъ на каждый изъ 9 годовъ приходится по 129118. Раздѣливъ это число на 67 — ежегодное число проступковъ, получимъ частное = 1927, т. е. изъ 1927 духовныхъ лицъ одинъ ежегодно нарушаетъ благочиніе въ церкви. На каждый изъ тѣхъ же 9 годовъ православное народонаселеніе мужескаго полу за исключеніемъ чиновъ армейскаго и флотскаго вѣдомствъ, среднимъ числомъ состояло изъ 21,484,125 человѣкъ; изъ нихъ, положимъ, взрослыхъ мущинъ-мірянъ 10-милліоновъ. По раздѣленіи этого числа на 24 — среднее число ежегодныхъ проступковъ, получимъ частное = 416,666; т. е. въ мірянахъ нарушается благочиніе въ церкви только однимъ изъ 416,666 человѣкъ. А раздѣливъ 416,666 на 1927, будемъ имѣть частное = 216, т. е. при равномъ количествѣ мірянъ или духовныхъ послѣдніе въ 216 разъ чаще нарушаютъ благочиніе въ церкви при богослуженіи, нежели первые. Конечно станутъ говорить, что духовныя лица бываютъ чаще въ церкви, нежели міряне, но при всемъ томъ отношеніи между единицею и 216 такъ велико, что его ничѣмъ нельзя объяснить, какъ недостаткомъ уваженія ко святынѣ и къ религіи. — Неужели это частный примѣръ, составляющій исключеніе, какъ говоритъ Об. Пр-ръ въ отчотѣ за 1859 г.? Не для того ли съ 1850 г. перестали уже показывать, сколько нарушеній благочинія въ церквахъ принадлежитъ д-ву и прочимъ сословіямъ, чтобы не видно было той страшной цифры, которая мною выведена на счотъ религіозности духовныхъ лицъ?

2) Въ каждомъ изъ отчотовъ Об. Пр-ра показывается

итогъ дѣлъ, производившихся по всѣмъ мѣстамъ епархіальнаго управленія о предосудительныхъ поступкахъ лицъ духовнаго званія. По пересмотрѣ мною отчотовъ съ 1836 г. по 1861 г. включительно, оказалось, что среднимъ числомъ на каждый изъ этихъ 26 годовъ приходится по 5279 дѣлъ о такихъ поступкахъ. Но за тоже время среднимъ числомъ въ каждомъ году было духовныхъ лицъ, кромѣ монахинь и послушницъ, 133,472. Раздѣливъ это число на 5279, получимъ частное = 26 (здѣсь, чтобы не сочли меня придирчивымъ, дроби я обращаю въ единицы, напр. вмѣсто настоящаго средняго числа $25^2/_5$ взято 26); т. е. ежегодно изъ 26 духовныхъ лицъ кто либо судится за предосудительные поступки, если даже положить, что въ каждомъ изъ подобныхъ дѣлъ замѣшано только одно лицо. Но извѣстно, что по многимъ дѣламъ соприкосновенны бываютъ по два, даже по четыре человѣка, напр. при повѣнчаніи незаконнаго брака виновнымъ бываетъ б. ч. весь причтъ: священникъ, дьяконъ, дьячокъ и пономарь. Кромѣ того я изъ общаго числа духовныхъ лицъ не исключилъ членовъ придворнаго, гвардейскаго и армейскаго вѣдомствъ, о предосудительныхъ поступкахъ которыхъ не производится дѣлъ въ к-ріяхъ Поэтому ежегодно судимыхъ лицъ по епархіальному управленію окажется еще болѣе, нежели выведенная мною цифра. Теперь если взятые мною 26 лѣтъ (съ 1836—1861 г.) раздѣлить на отдѣльныя группы и въ каждой изъ нихъ сдѣлаемъ такое же вычисленіе, какое сдѣлано относительно всѣхъ ихъ, то окажется, что ежегодно судимыхъ въ д-вѣ за предосудительные поступки было А) за первыя 13 лѣтъ (1836—1848 г.) одинъ на 39 человѣкъ, а въ послѣднія 13 лѣтъ (1849—1861 г.) одинъ на 23; Б) въ первыя 6 лѣтъ (1836—1841 г.) одинъ на 33, а въ послѣдніе 6 лѣтъ (1856—1861 г.) одинъ на 23; — В) въ первые 3 года (1836—1838 г.) одинъ на 39, а въ послѣдніе 3 года (1859—1861 г.) одинъ на 21; — Г) въ 1839—1841 г. одинъ на 29, а въ 1856—1858 одинъ на 21. Т. о. цифры неумолимо говорятъ, что число подсудимыхъ лицъ въ д-вѣ ужасно увеличилось въ 26 лѣтъ; и если это будетъ продолжаться еще десятка два годовъ, то, право, по неволѣ задумаешься, чѣмъ же все это кончится? Неужели ежегодно станетъ судиться одинъ изъ 10 и даже изъ 9 человѣкъ?

Чтобы еще нагляднѣе были сдѣланные здѣсь статистическіе выводы, представляю читателямъ другое вычисленіе. По отчотамъ Об. Пр-ра въ каждый изъ 13 годовъ (1849—1861 г.) было по 136324 д-ва со включеніемъ сюда монаховъ,

а вновь въ каждый изъ тѣхъ же годовъ поступило въ д-во 4040 человѣкъ. Раздѣливъ 136324 на 4040, получимъ частное почти = 34, т. е. въ 34 года духовныя лица замѣняются новыми. Но сейчасъ было доказано, что въ тѣже 13 лѣтъ ежегодно судились за свои предосудительные поступки одно изъ 23хъ духовныхъ лицъ. Поэтому если въ 34 года предосудительные поступки раздѣлить поровну на все д-во, то окажется, что каждый членъ его въ теченіе своей службы долженъ судиться, т. е-ть, по полтора раза. Вѣдь что ни говорите, а подобный выводъ крайне не утѣшителенъ. Притомъ помните, что я къ каждому дѣлу полагаю по одному только соприкосновенному человѣку.

Защитники д-ва могутъ еще что нибудь возразить противъ выше приведенныхъ мною отзывовъ разныхъ лицъ о д-вѣ, могутъ называть все клеветою, невѣжественными, а иногда возмутительными нападеніями, какъ говоритъ Предтеченскій (стр. 3). Но что же они скажутъ противъ цифръ, которыя мною со всею моею снисходительностію къ д-ву выведены изъ оффиціальныхъ отчотовъ Об. Пр-ра синода. Какъ угодно, а эти цифры неопровержимо доказываютъ, что нравственное и религіозное состояніе д-ва крайне неудовлетворительно, не удовлитворительнѣе (по к. м. относительно нарушенія благочинія въ церквахъ), нежели въ прочихъ сословіяхъ и притомъ становится хуже и хуже. Это математически вѣрно!

Такое печальное явленіе объясняется многими разнообразными причинами. На это имѣютъ вліяніе: зависимость духовныхъ лицъ отъ прихожанъ, поборы за требы, моральный гнетъ, который испытываетъ д-во отъ своихъ властей и приближенныхъ ихъ, кастовое ихъ состояніе, пренебреженіе къ нему прочихъ сословій, матеріальныя нужды и пр. и пр. О нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ было уже говорено, другія будутъ прояснены ниже. Но, по моему мнѣнію, первое мѣсто здѣсь нужно уступить едва ли не семинарскому воспитанію; едва ли оно не есть корень всего зла. Поэтому я нахожу нужнымъ подробно разъяснить вліяніе его на нравственность и религіозность семинаристовъ. —

Отдѣлъ 39ый.

О воспитаніи семинаристовъ въ духѣ монастырскомъ и католическомъ.

Европа съ негодованіемъ всегда слышитъ, что на востокѣ въ иныхъ мѣстахъ приготовляютъ евнуховъ для гаремовъ, а м. т. она не хочетъ замѣтить, что въ ней самой есть нѣчто похоже на это. Высшая католическая іерархія находитъ выгоднымъ для себя, что бы всѣ безъ исключенія духовныя особы непремѣнно вели безбрачную жизнь. Но природа не слушается ни католическихъ догматовъ, ни папскихъ буллъ; она независимо отъ нихъ издаетъ законы, отъ которыхъ отступать человѣку можно развѣ послѣ упорной борьбы съ ними, или послѣ искуственнаго писильственнаго подготовленія, или даже уродованія. Къ числу этихъ-то законовъ принадлежитъ наклонность къ семейной жизни. Что бы попрепятствовать развитію этой наклонности въ будущихъ пастыряхъ, католичество имѣетъ свои духовныя училища, въ которыя и набираютъ дѣтей въ нѣжномъ ихъ возрастѣ. Для приготовленія ихъ къ безбрачному состоянію употребляется множество искуственныхъ и насильственныхъ мѣръ. Такъ какъ природа сильно влечетъ насъ къ семейной и общественной жизни, то дѣтямъ внушаются самыя превратныя и дикія понятія о мірѣ вообще, объ обществѣ человѣческомъ и особенно о женщинахъ. «Мнѣ, говоритъ главный герой романа Le Maudit (1 т. стр. 33) не переставали описывать міръ, какъ ненавистное чудовище, отъ котораго надобно убѣгать, — сердечныя движенія, какъ порывы, достойные осужденія, которыя нужно заглушать подъ страхомъ наказанія, — женщину, какъ роковый плодъ; подумать о ней, взглянуть на нее, прикоснуться къ ней есть смерть; — соціальныя отношенія, какъ постоянную опасность для души и случай ежечасно подвергать добродѣтель кораблекрушенію.» Всѣ эти понятія, р-ся, никакъ не привились бы, если бы воспитанники почаще имѣли сношенія съ міранами. Вотъ почему первыхъ отдѣляютъ отъ грѣшнаго міра въ буквальномъ смыслѣ каменными стѣнами, отдаютъ подъ надзоръ начальниковъ и наставниковъ, принадлежащихъ къ м-ву, или готовящихся къ нему, помѣщаютъ въ дома, куда ближайшіе родственники воспитанни-

ковъ вводятся съ мелочными предосторожностями, позволяютъ отцу говорить съ сыномъ только при свидѣтеляхъ, женщинъ почти вовсе не впускаютъ туда; это чистые монастыри во всѣхъ отношеніяхъ; имъ даже и даютъ названія близкія къ этому по названію напр. *конвикты*. И потому справедливо можно сказать, что конечно въ католическихъ духовныхъ училищахъ не дѣлаютъ операцій, такъ необходимыхъ для евнуховъ, но зато даютъ уродливое, противоестественное настроеніе, и разными искуственными и насильственными средствами стараются сдѣлать изъ нихъ, т. е-ть, *моральныхъ евнуховъ*.

Такъ какъ въ монахи у насъ по законамъ идетъ тотъ, кто хочетъ, притомъ не ранѣе 25—30 лѣтняго возраста и такъ какъ бѣлое д-во наше даже обязано вести брачную жизнь, то, к-ся въ воспитательныхъ питомникахъ, похожихъ на католическія духовныя училища, у насъ нѣтъ никакой надобности. Но къ несчастію духовныя школы, отъ которыхъ ведутъ свое начало нынѣшнія духовно-учебныя заведенія, устроены лицами, воспитывавшимися въ католическихъ монашескихъ школахъ. Р-ся нельзя же было не перенести къ намъ тѣхъ порядковъ, которые тамъ господствовали. Народъ нашъ, къ чести его сказать, инстинктивно, или сознательно тотчасъ понялъ, что латинскія семинаріи нейдутъ къ нашему православію, и потому выражалъ негодованіе противъ новыхъ школъ. «Когда Петръ Могила, говоритъ г. Образцовъ въ своей статьи: кіевскіе ученые въ Великороссіи (стр. 3—4), завелъ свою школу (въ Кіевѣ) и началось въ ней образованіе на новыхъ началахъ, по новымъ методамъ, новыми образованными за границею учителями, и когда объ этомъ узнали православные кіевляне; — они сошлись и едва не разобрали всей школы, едва не убили и тѣхъ, которые преподавали въ ней, и того, кто учредилъ ее. Какіе перуны, какіе громы и молніи посыпались на насъ, и выразить не возможно, — писалъ одинъ изъ новыхъ ученыхъ Сильвестръ Коссовъ; — это было такое время, когда мы, неповѣдовавшись, только ожидали, пока дворяне вздумаютъ начинить нами днѣпровскихъ осетровъ, или когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ.» — «Въ то время, пишетъ другой ученый, также вышедшій изъ школы Могилы и жаркій защитникъ кіевскихъ ученыхъ въ великороссіи — Гавріилъ Домецкій, — веліе было негодованіе на што латинскія и польскія заводите училища, чего у насъ дотуду не бывало. Было-хотѣли самаго Петра Могилу и учителей до смерти побити, едва уговорили.» Но народное негодованіе

замолкло, кіевскіе ученые сдѣлали уступки, не измѣняя впрочемъ духа школы. Московская славяно-греко-латинская академія долго не хотѣла имѣть дѣло съ католическимъ западомъ; изъ нее по настоятельному требованію іерусалимскаго патріарха изгнанъ былъ даже латинскій языкъ. Но съ начала 18го столѣтія произошла въ ней важная перемѣна. На 40 стр. тойже статьи пишется: «Стефанъ Иворскій (воспитанникъ кіевской школы Петра Могилы) получивъ званіе протектора московской академіи, и даже еще особымъ указомъ уполномоченъ *завести въ академіи ученія латинскія* (7 іюля 1701 г.) — сдѣлалъ московскую академію точной копіей съ кіевской со всѣми тамошними порядками: съ тѣмъ же числомъ классовъ, съ тѣми же науками, съ тѣмъ же схоластическимъ методомъ преподаванія ихъ, съ тѣми же начальственными должностями, съ тѣми же средствами для возбужденія прилежанія въ учащихся, съ тѣми же развлеченіями (рекреаціями и представленіями драмъ и комедій) съ тѣмъ же наконецъ способомъ дѣйствованія школы на общество, — катихизаторства и вообще проповѣдничества. Порядки московской академіи были приняты за образцы для всѣхъ русскихъ училищъ и распространились по всей Россіи вмѣстѣ съ епископами, которые получили латинское образованіе. Кіевская академія въ свою очередь непосредственно отъ себя разсылала по всѣмъ краямъ земли русской ученыхъ, которые всюду приносили *свои кіевскіе школьные порядки*, не принимая во вниманіе никакихъ мѣстныхъ особенностей; Астрахань и Архангельскъ; Иркутскъ и Смоленскъ нивеллировались общимъ кіевскимъ нивеллиромъ.»

Немножко католическій духъ, занесенный къ намъ чрезъ Кіевъ, и нынѣ въ семинаріяхъ отстаиваютъ, какъ какую-то святыню, даже стараются по разнымъ побужденіямъ *tacito modo* еще болѣе если не окатоличить, или *обмалынить*, то по к. м. *омонашить* семинаристовъ (извините за новыя слова). Высшая іерархія знаетъ, какъ могущественны католическіе епископы, въ какой безотчетной зависимости находится у нихъ подчиненное д-во. Какъ же не пожелать, что бы и наше бѣлое д-во было воспитано въ томъ же духѣ покорности, который такъ благопріятствуетъ величію католическихъ духовныхъ сановниковъ? Потомъ высшія мѣста въ нашей церковной іерархіи принадлежатъ м-щимъ; преемниками ихъ быть приготовляются тоже м-щіе. А уже издавно извѣстно, что члены всѣхъ монашескихъ орденовъ, не имѣя возможности усиливать себя потомственнымъ образомъ, стараются пріобрѣсти какъ можно болѣе прозелитовъ и если

не могутъ оторвать ихъ отъ семейной жизни, то, по к. м., внушаютъ имъ благоговѣніе къ иночеству. Такое благоговѣніе особенно нужно поддерживать въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ воспитанники преимущественно поступаютъ въ бѣлое д-во. Это сословіе, какъ в. с-но (21 Отд.), давно стремится къ само-управленію и имѣетъ справедливыя притязанія на него. Всѣхъ нашихъ духовныхъ лицъ обратить въ м-во нельзя, да и не позволятъ. Такъ почему же не давать семинаристамъ такого умственнаго и нравственнаго настроенія, которое бы ихъ, по поступленіи въ духовное званіе, дѣлало покорнѣйшими, безотвѣтными слугами м-ва? Почему въ школахъ не подчинить ихъ, *елико* возможно, монашескому уставу? Монахами всѣ они не будутъ, но авось либо дисциплина, которой подчинялись 10—16 лѣтъ, возметъ свое.

Руководствовались ли и руководствуются ли наши іерархи только этими одними побужденіями? Не было ли и нѣтъ ли у нихъ другихъ болѣе высокихъ и безкорыстныхъ цѣлей? — говорить не буду. Но несомнѣнно, что мысль о монастырскомъ устройствѣ духовныхъ училищъ существуетъ и приводилась въ исполненіе издавна; съ нею не могли разстаться даже Петръ Великій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Духовный регламентъ въ статьѣ объ училищныхъ домахъ въ 22 пунктѣ (стр. 59 изд.) предписываетъ для духовныхъ академій и *семинаріумовъ* строить дома *образомъ монастыря* съ различными *избами*, опредѣлять въ каждую избу префекта не *вельми свирѣпаго* и не меланхолика лѣтъ въ 30—50, безъ благословенія котораго никакой семинаристъ изъ избы не выходилъ бы, не отпускать изъ семинаріумъ въ городы, или куды ни есть, къ своимъ въ гости, пока семинаристъ не обыкнетъ, пребывая въ семинаріумъ, и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія; а именно до трехъ лѣтъ по приходѣ всякаго въ семинаріумъ, не непускать никуды; а и по третьемъ году не больши дважды въ годъ позволить выдтить въ гости къ родителемъ или сродникамъ, и то не далече отстоящимъ, такъ что бы не больше седьми дней прошло отъ изшествія до возвращенія въ самый домъ семинарійскій.» Самъ регламентъ «таковое молодыхъ человѣкъ житіе называетъ стужительнымъ и заключенію плѣническому подобнымъ.» Само собою, сколько позволили обстоятельства, наши архипастыри въ этомъ случаѣ не отступали отъ регламента; и въ XVIII столѣтіи всѣ почти духовныя училища устроивались или въ монастыряхъ, или въ архіерейскихъ домахъ, — причисляемыхъ тоже къ монастырямъ. Даже и нынѣ еще много ихъ помѣщено въ монастырскихъ оградахъ, напр.

московская и кіевская академіи, новгородская семинарія и пр. Въ 1817 г. когда нужно было строить домъ для С-п-бургской духовной академіи, то нѣкоторыя особы предлагали перевести ее въ валаамскій монастырь на островѣ ладожскаго озера. Да и въ 1864 г. костромскій епископъ, *яко бы по желанію д-ва*, хлопочетъ о томъ, что бы семинарія была помѣщена въ монастырѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Костромы.

Впрочемъ монастырскіе порядки какъ-то плохо прививались *къ русскому юношеству*. Читая Тараса Бульбу Гоголя, пана Халявскаго Трицко Основьяненко, и особено Бурсака Нарѣжнаго видишь въ воспитанникахъ старинныхъ духовныхъ школъ не монастырскихъ послушниковъ-смиренниковъ, а удалыхъ парубковъ всегда готовыхъ не только опустошить сосѣдніе огороды, но и поволочиться за *дивчатами* и отличаться разными похожденіями; да и начальство, к-ся, смотрѣло иногда на многое *сквозь пальцы*. Священникъ Лукьяновъ на пути своемъ въ св. землю въ 1711 году, бывши въ Кіевѣ, не очень хорошо отзывается о тогдашнемъ благовоспитанномъ духовномъ юношествѣ: «въ Кіевѣ, говоритъ онъ, школьниковъ очень много, да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита (N. 13 Дня 1863 г. стр. 18 столб. 3).» Великороссійскіе школьники тоже не отличались *благонравственностію* и иноческимъ житіемъ. М. б. тогдашніе архипастыри понимали, что людей, которымъ нельзя не жениться, нельзя и воспитывать чисто по-монастырски, по-католически. Но въ царствованіе императоровъ Александра и Николая многіе зилоты-начальники духовныхъ училищъ всячески старались утвердить между воспитанниками монашескіе порядки; и если семинарій и академій не могли сдѣлать монастырями, то, по к. м. успѣвались, что бы въ нихъ какъ можно болѣе было монастырскаго, и какъ можно менѣе не монастырскаго.

Опишемъ съ нѣкоторою подробностію эту систему воспитанія. Издавна духовно-училищное начальство старалось учениковъ, особенно жившихъ на такъ называемомъ казенномъ, держать по-монастырски, по к. м. не по-мірски. Имъ всячески затрудняли выходъ за училищные ворота и даже въ праздники позволяли отлучаться по особымъ уважительнымъ обстоятельствамъ. Въ петербургской академіи бывали времена, когда инспекторъ отпускалъ въ городъ или половину, или треть только студентовъ; въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ можно было за ворота выйти развѣ въ мѣсяцъ разъ. Вотъ именно вчера мнѣ пришлось одного священника въ 30 лѣтъ распрашивать о губернскомъ городѣ, въ которомъ онъ воспи-

тывался; оказалось, что почтенный пастырь очень мало его зналъ и когда я выразилъ ему свое удивленіе на счотъ такого невѣдѣнія, то онъ сказалъ: «что же вы удивляетесь? я, живя на казенномъ въ семинаріи, выходилъ въ городъ развѣ одинъ разъ въ шесть недѣль.» Притомъ когда уже нельзя было насильно держать учениковъ совершенно въ *запертіи*, старались ихъ удерживать дома моральными средствами. Кто часто, т. е. каждый праздникъ выходилъ изъ корпуса даже къ самымъ близкимъ роднымъ; тотъ хотя бы и возвращался назадъ всегда исправнымъ, уже не числился въ разрядѣ образцово-нравственныхъ учениковъ; это титло принадлежало тѣмъ, кто за ворота не выхаживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ. «Вотъ такъ ученикъ, говаривалъ инспекторъ, вовсе никуда не ходитъ.» Его ради поощренія и отмѣчали въ спискахъ по поведенію отличавшимся *наклонностію къ уединенію*. И если бы онъ дома забылъ правила трезвости, его все-таки ставили выше того, — кто часто ходилъ въ гости, и оттуда всегда возвращался трезвымъ. Даже на квартирѣ ученики, отлучаясь, должны были записываться въ заведенную тетрадь, которая пересматривалась инспекторомъ, или помощникомъ его.

Нельзя же духовно-училищному начальству не слѣдить и затѣмъ, къ кому ходятъ воспитанники, которые поэтому, испрашивая разрѣшеніе отлучаться, должны были написать, куда они намѣрены отправиться. Высшая степень нравственности приписывалась тому, кто ходилъ къ какому либо монаху, особенно архимандриту, затѣмъ слѣдовали священники, дьяконы и причетники; не считалось дурнымъ сдѣлать визитъ мѣщанину, солдату и т. п. Но въ глазахъ многихъ начальниковъ-ригористовъ погибшимъ былъ тотъ, кто ходилъ къ чиновникамъ, дворянамъ и вообще къ людямъ, живущимъ, какъ говорятъ, на *свѣтскую ногу*. Чтобы быть въ глазахъ своихъ отцовъ-начальниковъ хорошими людьми, воспитанники, особенно въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ *записывались* преимущественно къ духовнымъ особамъ, у которыхъ впрочемъ никогда даже не бывали. Однажды по случаю какого-то слѣдствія объ одномъ студентѣ петербургской духовной академіи нужно было спросить тѣхъ духовныхъ лицъ, къ которымъ онъ по *отпускной книгѣ* ходилъ: бывалъ ли онъ у нихъ, оказалось, что всѣ они и не знавали его. Другіе же господа, не умѣя изобрѣсти имена и фамиліи лицъ, къ которымъ имъ можно бы пойти, писывали просто, что они идутъ прогуляться часовъ на 5—8; и доброе начальство считало такія продолжительныя прогулки

болѣе нравственными, нежели визитъ какому либо свѣтскому человѣку. Чтобы воспитанники или вовсе не ходили никуда, или ходили только къ неважнымъ лицамъ въ родѣ дьячковъ, мѣщанъ, солдатъ, принимались экстраординарныя мѣры. Казенное платье шили такого покроя, изъ такихъ матеріаловъ, что дѣйствительно внемъ стыдно было появиться въ домѣ даже порядочнаго священника. На тѣхъ же, которые имѣли свое платье, смотрѣли, какъ на либераловъ. Въ семинаріяхъ учениковъ, одѣвавшихся близко къ господствующей модѣ, считали чуть чуть не преступниками. Бывали примѣры, что начальники семинарій отрывали своими руками кисточки у фуражекъ учениковъ, ломали трости, которыя замѣчали въ рукахъ мальчиковъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовали и словомъ и дѣломъ тѣхъ, кто смачивалъ платокъ духами, приглаживалъ волосы помадою, имѣлъ сертукъ выше колѣна и проч.; длиннополый сертукъ, котораго подолъ доставалъ бы до пятокъ и сшитъ изъ сѣраго сукна, галстукъ, изъ-за котораго виднѣлся воротникъ чорной рубахи, — вотъ былъ идеалъ благовоспитаннаго юноши.

Не смотря на то, что наши семинаристы, поступивъ въ духовное званіе, должны непремѣнно жениться, благочестивые иноки начальники имъ прямо и косвенно давали разумѣть, что женщина, если не смертельный, то опасный нашъ врагъ. Иначе какъ объяснить, что даже нынѣ въ казенныхъ училищныхъ домахъ, находящихся внѣ монастырей, не всегда позволяютъ жить женатымъ наставникамъ, напр. въ петербургской академіи всякій женившійся баккалавръ и профессоръ долженъ тотчасъ отыскать себѣ квартиру въ городѣ. Въ псковской семинаріи хотя, какъ в. с-по (5 ч. 7го Отд.), и дали квартиры семейнымъ профессорамъ, но заботливо распрашиваютъ, не дѣлается ли уже какихъ либо соблазновъ. Бывали примѣры, что прачкамъ запрещали разносить бѣлье по комнатамъ воспитанниковъ; онѣ должны были отдать его служителямъ, а эти уже передавали ученикамъ. Случалось, что даже подумывали, нельзя ли запретить женщинамъ входъ въ семинарскія и академическія церкви. Прежде на публичные экзамены и въ семинаріяхъ и въ академіяхъ ни подъ какимъ видомъ не пускали самыхъ почотныхъ дамъ и даже матерей учениковъ, а петербургская академія и семинарія до сихъ поръ не разстаются съ этимъ обычаемъ. Однажды мнѣ ректоръ семинаріи, желавшій выставить себя прогрессистомъ, хвалился тѣмъ, что у него на публичныхъ испытаніяхъ присутствуютъ посѣтители обоихъ половъ. Не болѣе 4—5 лѣтъ назадъ семинарское начальство пришло въ ужасъ,

когда на публичныя лекціи, читанныя въ семинарскомъ классѣ, явилось нѣсколько дамъ. Т. о. семинаристы хоть и не отлевываются подобно синайскимъ и аѳонскимъ молодымъ монахамъ при словѣ: женщина, однако по милости предусмотрительнаго начальства пріучаются смотрѣть на нее, какъ на опаснаго врага. Ригоризмъ начальниковъ въ разсматриваемомъ случаѣ тѣмъ смѣшнѣе, что всѣ ученики мѣсяца три въ году живутъ въ домахъ своихъ родителей и на улицѣ играютъ, какъ говорятъ хохлы, съ *дивчатами* въ горѣлки, поютъ пѣсни, а квартирные живутъ у мѣщанокъ, солдатокъ и пр. Къ чему тутъ своими выходками противъ женщинъ, т. е-ть, пробуждать въ молодомъ человѣкѣ мысль: «а что чѣмъ же опасны женщины?» Еще смѣшнѣе, что разговоръ съ какою либо Фетиньей, или Аксиньей работницею и хозяйкою не считаютъ проступкомъ, но украдкой даже брошенный взглядъ на дѣвицу, или даму изъ хорошаго, образованнаго общества есть уже преступленіе.

Желая пробудить въ воспитанникахъ не благорасположеніе, по к. м., теоретическое къ прекрасной половинѣ рода человѣческаго, духовно-училищное начальство не можетъ же показывать себя, опять въ теоріи, благосклоннымъ *къ грѣшному міру*. Въ семинаріяхъ давно уже проповѣдуется, что міръ лежитъ во злѣ, безпрестанно соблазняетъ монастырскихъ отшельниковъ; его удовольствій надобно избѣгать; не нужно имѣть съ нимъ никакой связи; его мудрость есть буйство; а то, что считаетъ онъ глупостью, есть мудрость; спасеніе души въ немъ почти не возможно, или крайне затруднительно и пр. Не пора ли бы уже перестать угощать этими фразами не только мірянъ; но даже и семинаристовъ, вѣдь имъ почти никто, кромѣ присяжныхъ воздыхателей о грѣхахъ своихъ, или чужихъ, не вѣритъ, не исключая даже самихъ начальниковъ надъ семинаріями и монастырями. Вѣдь если міряне такіе уже злодѣи, какими они представляются въ *казенныхъ* семинарскихъ мысляхъ, то почему сами отцы начальники такъ внимательны къ этимъ злодѣямъ, особенно чиновнымъ и богатымъ? Къ кому они обращаются, когда надобно построить Церковь, поправить и украсить святую обитель, устроить богатый иконостасъ, доставить о. о. настоятелямъ возможность ѣздить въ каретахъ, имѣть рясы изъ богатыхъ матерій, оставлять наслѣдникамъ десятки и сотни тысячъ рублей, — къ кому? Къ міряномъ, а не къ возлюбленной своей братіи. Кто въ 1861 году пожертвовалъ въ одни епархіальныя церкви, кромѣ монастырей, до девяти почти милліоновъ? Вѣдь не святыя обители, которыя, получая

тоже милліоны отъ тѣхъ же распутныхъ мірянъ, скромно помалчиваютъ о своихъ огромныхъ доходахъ. Право, о. о. ректора и инспектора перестаньте предъ семинаристами бранить міръ и мірянъ, которые такъ вамъ много жертвуютъ, и которыхъ вы такъ охотно заискиваете расположеніе.

Къ казеннымъ фразамъ мы давно привыкли, они нами заучены, замѣнить ихъ чѣмъ либо другимъ не умѣемъ и потому продолжаемъ не только вбивать ихъ въ головы семинаристовъ, но и препятствуемъ послѣднимъ, сколько возможно, знакомиться съ тѣми невинными развлеченіями и занятіями, которыя развиваютъ тѣлесныя силы, поддерживаютъ здоровье, научаютъ насъ ловкости и умѣнью держать предъ образованными людьми, помогаютъ прогонять скуку и не позволяютъ утоплять ее *въ чарѣ зеленаго вина.*

И здравая педагогія и гигіена давно уже доказали, что тѣлесныя упражненія, будутъ ли они состоять въ видѣ игръ, гимнастики, танцевъ очень полезны для здоровья особенно дѣтей; а гимнастика и танцы кромѣ того дѣлаютъ человѣка ловкимъ. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ есть ригористы-начальники, которымъ хотѣлось бы все это, не исключая даже дѣтскихъ игръ, запретить; иногда даже и приводятъ въ исполненіе свои идеи. Но имъ слишкомъ трудно устоять противъ существующихъ мнѣній; и они принуждены б. ч. бываютъ дозволить мальчикамъ поиграть. Только въ число дозволенныхъ игръ включаются *жгуты, горѣлки, бабки,* даже *градки* и *чехарда.* О гимнастикѣ въ духовныхъ училищахъ въ послѣднее время стали было поговаривать; нѣкоторые изъ начальниковъ епархій и семинарій въ донесеніяхъ своихъ синоду указывали на необходимость ея. Но члены Комитета, составлявшаго новый уставъ семинарій, въ одномъ изъ своихъ журналовъ (стр. 24 и д.) нашли нужнымъ не *стѣснять* въ этомъ отношеніи *распоряженій мѣстнаго начальства.* Танцы преслѣдуются съ инквизиторскимъ ожесточеніемъ; ихъ считаютъ какимъ-то богопротивнымъ занятіемъ. Вотъ напр. въ 1865 г. кулачные бои въ ходу въ духовныхъ училищахъ, еще и нынѣ при этой вѣрной оказіи ученики *ставятъ* другъ другу *фонари,* вышибаютъ глаза развиваютъ кулаками чахотку въ легкихъ, забиваютъ одинъ другаго чуть не до полусмерти, такъ что иного увозятъ уже на квартиру на лошади. Начальство знаетъ объ этомъ, конечно желало бы прекратить, но не рѣшается, жалѣя дровъ на отопленіе классовъ. Но все таки кулачный боецъ вовсе въ его глазахъ не безнравственный человѣкъ. Танцоръ другое дѣло, — *это отпѣтый, погибшій человѣкъ.* Право, тутъ

не ноймешь: неужели въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію велемудрыхъ начальниковъ заключается болѣе нравственности, или по к. м. менѣе безнравственности въ кулачномъ боѣ, чехардѣ, бабкахъ и проч.: нежели въ танцахъ? «Почему, какъ говорится въ книгѣ о у. д. у. (т. 2 стр. 118—119), правильныя и приличныя движенія послѣднихъ, принятыя образованными и высшими классами, заклеймены въ глазахъ начальниковъ духовныхъ училищъ печатію безнравственности, а прыжки, кувырканья, возня и даже *Faustrecht*-кулачное право не опасны для благонравія?» Вопросъ этотъ тѣмъ труднѣе разрѣшить, что тѣже самые начальники, если имѣютъ дѣтей, племянниковъ и другихъ родственниковъ на своей опекѣ, то они даже даютъ имъ часто свои деньги на обученіе танцамъ, позволяютъ танцовать въ своемъ присутствіи. Только чужимъ для нихъ ученикамъ танцы запрещенный плодъ. А м. т. недостатокъ гимнастики, проклятіе на танцы дѣлаютъ изъ семинаристовъ какихъ-то *увальней, мѣшковъ*, которые въ хорошемъ обществѣ не умѣютъ ступить, поклониться, сидятъ гдѣ либо въ углу, или дѣлаютъ тѣлодвиженія какъ будто бы рѣшаясь на прыжокъ аршина въ два, или желая захватить въ свои объятія сороковую бочку. Здѣсь нельзя не сказать, что подобная поддѣльная ненависть къ танцамъ обнаруживается только въ тѣхъ изъ м-щихъ, которые воспитались въ нашихъ семинаріяхъ и академіяхъ. Напротивъ, принявшіе православіе изъ уніятовъ епископы смотрятъ на это очень снисходительно. Вотъ напр. бывшій минскій архіепископъ Антоній, воспитывавшійся въ семинаріи при виленскомъ университетѣ, говоритъ, что въ семинаріи въ Жировицахъ по вечерамъ бывали танцы; не умѣвшіе танцамъ, ходили по к. м. во полонезѣ, не исключая меня и старика Тупальскаго (Русс. Вѣс. N. 1864 году стр. 311).» Впрочемъ и наше благовоспитанное духовное юношество конечно при начальникахъ своихъ не танцуетъ, но за глазами его даже въ казенномъ домѣ, на казенныхъ паркетахъ, нынѣ уже многіе особенно въ академіяхъ не только ходятъ въ полонезѣ, но выдѣлываютъ па въ кадрилѣ, полькѣ, мазуркѣ, даже вальсируютъ съ миленькими барышнями. Начальство знаетъ объ этой ереси, но помалчиваетъ, какъ будто не догадывается.

Танцы впрочемъ хлопотливы, для кадрили напр. нужно не менѣе четырехъ человѣкъ, да еще пятый, который, бы хоть языкомъ своимъ замѣнялъ оркестръ. Но есть домашнія развлеченія совершенно невинныя, я разумѣю пѣніе и

музыку; духовно-училищное начальство и на эти развлеченія имѣетъ монастырскій взглядъ.

Начнемъ-те съ пѣнія. По монастырскимъ уставамъ, какъ мы уже видѣли, жизнь монаха должна проходить въ постоянной молитвѣ; которая преимущественно состоитъ или въ слезныхъ прошеніяхъ о прощеніи грѣховъ, или въ благодареніи Бога за Его неизрѣченную милость и долготерпѣніе къ молящемуся грѣшнику. М. б. для монаха та и другая молитва вполнѣ естественна; я не спорю объ этомъ; согласенъ и на то, что иночествующей братіи кромѣ духовнаго церковнаго пѣснопѣнія ничего не нужно. Пусть и въ келліи во время грусти поетъ онъ: *о всепѣтая мати*, или *Оле, окаянная душе*, или *плачу и рыдаю, сіда помышляю смерть* и пр. Но къ несчастію этому обычаю подчиняютъ и семинаристовъ; имъ позволяется пѣть, но тоже, какъ и монахамъ, только церковные гимны, или наши народныя легенды и стихотворенія въ родѣ распѣваемыхъ нищими пѣсней о Лазарѣ богатомъ, объ Алексѣѣ божьемъ человѣкѣ и пр. Но, Боже сохрани, если начальство услышитъ свѣтское пѣніе, или народныя наши пѣсни; тутъ безъ бѣды не обйдешься. Я вовсе не намеренъ хвалить похабныя и цинническія пѣсни, согласенъ, что дѣтямъ не слѣдуетъ позволять общимъ хоромъ пѣть вакхическія и слишкомъ анакреоническія пѣсни. Но зато же гнать изъ семинаріи всѣ безъ исключенія народныя пѣсни, или составленные нашими поэтами въ нынѣшнемъ столѣтіи? Неужели, гг. ригористы, вы, слушая заунывную пѣсню русскаго крестьянина, никогда ею не трогались? Не ужели при пѣніи ея не ныло ваше сердцѣ, не задумывались вы, не роняли иногда и слезы? Не русскій вы народъ! Не мѣшайте по к. м. намъ всѣмъ и вашимъ питомцамъ испытывать тѣ ощущенія, которыя невольно пробуждаются въ русской думѣ отъ хорошихъ русскихъ народныхъ пѣсень. Знайте, что въ нихъ выражена наша былая жизнь; онѣ находятъ въ нашемъ сердцѣ живой отголосокъ. Право, отъ нихъ иногда пробуждаются такія благородныя и добрыя чувствованія, какія не всегда испытываешь отъ другихъ родовъ пѣнія, даже отъ вашихъ, гг. ригористы, поученій. А потомъ почему иногда не пропѣть живой, игривой и веселой пѣсенки? Почему душѣ не встрепѣнуться отъ нее? Почему въ ней не выразить своей радости, или ею же не прогнать своей скуки? Вѣдь Богъ создалъ насъ не для одного горя. Вѣдь если бы намъ нужно было только плакать, да плакать, то не зачѣмъ бы помѣщать насъ въ прекрасномъ Божьемъ мірѣ, не зачѣмъ бы давать намъ сердце, которое неудержимо

ищетъ удовлетвій; тогда бы насъ слѣдовало отправить куда либо на Шпицбергенъ, или на ту сторону луны, гдѣ солнце никогда не свѣтитъ; тамъ бы уже мы по неволѣ заплакали. А м. т., г. ч., начальники-ригористы все-таки считаютъ преступленіемъ, если семинаристы запоютъ: не *плачу и рыдаю*, не *оле, окаянная душе;* а *не бѣлы-то снѣжки*, или *ахъ сѣни мои* и пр. Впрочемъ семинаристы все-таки поютъ пѣсни, у рѣдкихъ изъ нихъ нѣтъ, или не было не большой тетрадки, особеннымъ образомъ связанной, въ которой списано нѣсколько десятковъ пѣсень самыхъ народныхъ и употребительныхъ: рѣдкій не знаетъ наизусть тоже нѣсколькихъ десятковъ ихъ. Да и сами отцы начальники слушаютъ частенько эти пѣсни съ удовольствіемъ, если только увѣрены, что этого никто не замѣчаетъ.

Гораздо страннѣе представляется гоненіе въ духовныхъ училищахъ на музыку. Еще въ регламентѣ духовномъ сказано: «добрѣ въ великіе праздники быть при столѣ семинаристовъ гласомъ мусикійскихъ инструментовъ (стр. 63).» Въ уставахъ семинарій и академій дозволяется музыка семинаристамъ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, напр. въ свободное только время отъ занятій и пр. Къ чести немногихъ начальниковъ надобно сказать, что они не нарушаютъ устава въ этомъ отношеніи. Есть одинъ образованный и м. б. благороднѣйшій ректоръ, который самъ прекрасно играетъ на фортопіяно и находитъ въ немъ утѣшеніе отъ гнетущихъ его обстоятельствъ. Иногда кое-гдѣ изъ воспитанниковъ составляется даже нѣчто въ родѣ оркестра. Въ 1864 г. въ одной изъ академій, помѣщающейся въ монастырѣ, въ праздники давалось даже нѣчто въ родѣ музыкальныхъ концертовъ, для слушанія которыхъ приходили семейства наставниковъ и другія лица въ садъ, находящійся предъ академическимъ корпусомъ. Но все это исключенія. Большинство начальниковъ иначе думаетъ о музыкѣ. Воспитаннику, пожалуй, позволятъ играть на скрипкѣ, гитарѣ, флейтѣ, но съ обязательствомъ избѣгать свѣтскихъ пѣсень; и тутъ акомпанируй поющему *всемірную славу*, или *о тебѣ радуется* и т. п. Впрочемъ все-таки музыканты кромѣ регента семинарскаго, или архіерейскаго хора, вообще считаются народомъ подозрительнымъ. Но много есть начальниковъ, даже едва ли не большинство, которые стражайше запрещаютъ всякій инструментъ. Иные изъ нихъ Макары-гасильники собственными руками разбиваютъ скрипку и гитару чуть не о голову самаго музыканта; имъ такъ и представляется, что на всѣхъ музыкальныхъ инструментахъ должно лежать

въ семинаріяхъ проклятіе. Неужели они никогда не испытывали того выскаго наслажденія, тѣхъ сладостныхъ ощущеній, которыя пробуждаются при музыкальной игрѣ? Развѣ они не знаютъ, что лучшее средство прогнать скуку, облагородить душу, погрузиться въ пріятную меланхолію, растрогать самую черствую душу — есть музыка. Нѣтъ! есть вѣроятно еще болѣе черствыя души, которыя не доступны для человѣческихъ ощущеній. Богъ бы съ ними самими! Но зачѣмъ они хлопочутъ, что бы и изъ дѣтей духовнаго званія выходили со временемъ такія же черствыя существа, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ?

Остается сказать о театрѣ. Противъ него возстаетъ помѣстный карфагенскій соборъ, заповѣдуя «дѣтямъ священниковъ не представляти мірскихъ позорищъ и не зрѣти оныхъ (18 прив.) Но, не смотря на это въ кіево-братской академіи и въ великорусскихъ семинаріяхъ, устроивавшихся по ея образцу сценическія представленія не только дозволялись, но даже считались необходимою принадлежностію. Равнымъ образомъ и по Регламенту духовному можно дважды въ годъ, или болѣе дѣлать нѣкія акціи (и между прочимъ) комедіи;» тутъ же и замѣчаніе помѣщено: «веселую перемешку дѣлаютъ таковыя акціи» (стр. 63).

Судя поэтому, надобно было бы ожидать, что наши и семинаріи и даже семинаріумы разовьютъ и усовершатъ наше драмматическое искуство. Но извѣстно уже издавна враждебное отношеніе къ нему духовно-училищныхъ и даже епархіальныхъ начальниковъ и прочихъ м-щихъ. Всѣмъ этимъ отцамъ театръ представляется мѣстомъ разврата, актеры — погибшими людьми. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Калугѣ устроенъ былъ театръ; строители захотѣли первоначально отслужить въ немъ молебенъ, что и было исполнено однимъ священникомъ. Епархіальный архіерей, бывшій потомъ митрополитомъ, пришолъ въ крайнее негодованіе на священника за то, какъ онъ осмѣлился служить молебенъ въ такомъ нечестивомъ мѣстѣ, какъ театръ; — позвалъ къ себѣ кафедральнаго протоіерея, что бы поручить разслѣдовать дѣло. «Слышалъ о. протоіерей, что надѣлалъ N священникъ? Вѣдь служилъ молебенъ въ театрѣ?» — Слышалъ, отвѣчалъ протоіерей; не хорошо, не хорошо онъ поступилъ, тутъ бы слѣдовало отслужить молебенъ намъ соборнымъ, а не ему.» — Владыка уважалъ протоіерея и послушался его не затѣвать дѣла изъ за молебна. Но, вотъ уже въ 1864 г. одинъ ректоръ семинаріи и вмѣстѣ настоятель монастыря долго не соглашался позволить похоронить

на кладбищѣ монастырскомъ покойницу, п. ч. она была актриса. Это даже напоминаетъ случай, бывшій при бурбонахъ во Франціи при погребеніи Тальмы. Только нашъ о. ректоръ былъ менѣе устойчивъ, нежели парижскій архіепископъ; когда ему предложена была очень крупная цифра за могилу; то и актриса нашла себѣ вѣчное успокоеніе на кладбищѣ святой обители. Въ старину говаривали: смерть все прикрываетъ; а нынѣ можно сказать: *деньги все покрываютъ*. Наконецъ составители новаго семинарскаго устава говорятъ (стр. 25 журн.) «что же касается до сценическихъ упражненій; то въ прежнее время они были возможны и приличны; ибо тогда было немало въ драмматической формѣ написанныхъ сочиненій, которыя весьма искусно были принаровлены къ условіямъ духовно-учебнаго быта и исполнены веселаго остроумія. Для нашего времени прежнія сочиненія уже устарѣли, а новыхъ сочиненій такого рода нѣтъ; предлагаемыя же на публичныхъ зрѣлищахъ драмматическія произведенія по направленію своему вообще чужды того духа, который долженъ господствовать въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.»

Почему же именно всѣ новыя драмматическія произведенія кажутся м-щимъ чуждыми духу семинарій? Позвольте мнѣ объяснить это. Въ кіевской академіи и въ великорусскихъ старинныхъ *семинаріумахъ* разыгрывали піэсы въ родѣ того, *какъ Юдифь отрубила голову Олоферну*. Эти піэсы, м. б. и очень нравственныя произведенія монашеской, или семинарской драмматургіи; но очень скучноваты; семинаристы не находили въ нихъ *веселой перемѣшки;* надобно уже было браться за комедіи, или трагедіи, начавшія появляться въ русской литературѣ. Но какъ ихъ допустить въ духовныя училища? Вѣдь въ нихъ всегда есть любовная завязка, или интрижка и дѣйствуютъ женщины, или дѣвушки. Какъ же теперь позволить, что бы какой нибудь хорошенькій мальчикъ надѣлъ ситцевое платье своей сестрицы, и въ этомъ соблазнительномъ костюмѣ явился на сцену предъ своими товарищами? Вѣдь, пожалуй, кто нибудь и влюбится въ него. Но отчего бы ни происходила въ начальникахъ ненависть къ сценическимъ представленіямъ въ семинарскихъ домахъ, только эта ненависть неумолима; самый либеральнѣйшій ректоръ или инспекторъ ни за что въ свѣтѣ не позволитъ, какъ говорятъ, *разыграть театръ*. И если какъ нибудь откроются преступники по этой части, то они преслѣдуются всею строгостію семинарскихъ уголовныхъ наказаній. М. т. семинаристы хоть украдкою, а все таки *разыгрываютъ театръ*, и, оле окаянные грѣшники!

выбираютъ водевили съ куплетами, наряжаются въ женское платье, даже съ кринолинами, покрываютъ головки свои премиленькимъ чепчикомъ. Р-ся *вся эта ерсь* происходитъ почью часу въ 12мъ и далѣе. Благочестивое начальство въ это время почиваетъ, мечтая о митрѣ, или панагіи; а проказники разыгрываютъ какую либо пресмѣшную піэсу. Начальство и не думай застать ихъ въ расплохъ; у нихъ все разсчитано; вездѣ разставлены ведеты и пикеты; розданы роли, кому въ случаѣ тревоги прибирать какую вещь къ мѣсту. Покойный инспекторъ П-ской семинаріи М-нъ однажды хотѣлъ было застать преступниковъ на мѣстѣ преступленія, затушилъ у себя огонь, тихонько одѣлся и быстро пошолъ въ спальню, гдѣ разыгрывался театръ, но нашолъ всѣхъ спящими; ушолъ, а чрезъ полчаса опять началась комедія и была покончена. А м. т. нѣсколько піэсокъ, разыгранныхъ семинаристами, какъ бы ихъ заняли, освѣжили, сколько бы имъ доставили невиннаго удовольствія, сдѣлали бы веселую *перемѣшку* въ ихъ схоластическихъ занятіяхъ, отъ сколькихъ бы даже глупостей и пошлостей удержали?.

Но пусть, пожалуй, начальники семинарскіе и академическіе не позволяютъ театральныхъ представленій у себя въ казенныхъ домахъ. Пусть только не мѣшаютъ ходить семинаристамъ въ театры, гдѣ они есть. «Вѣдь, скажу словами Библ. для Чт. (8 No. 1864 г. стр. 26 о семинарскомъ образованіи), преподается же въ семинаріи словесность? Вѣдь трактуютъ же въ классахъ о. . . . драмматической поэзіи? Вѣдь предлагаются же понятія о драммѣ, комедіи, водевилѣ и пр. Что жъ за грѣхъ ученику, хоть бы и духовной семинаріи, поглядѣть, какъ напр. идетъ въ театрѣ какая нибудь комедія Островскаго и драмма Гоголя, о которыхъ толковалъ ему учитель въ классѣ; что вообще за драмматическая поэзія и что это за театръ такой?» А м. т. Боже сохрани (стр. 36), если кто изъ учениковъ въ театръ сходитъ! Театръ у насъ въ семинаріахъ представляется чуть не самымъ грязнымъ мѣстомъ. Скорѣе простятъ семинаристу какой нибудь большой проступокъ, чѣмъ посѣщеніе театра.» Если вы не вѣрите этому автору, то послушайте какъ въ ст. посѣщеніе театра ректоръ семинаріи выражаетъ свое негодованіе ученикамъ, бывшимъ въ театрѣ: «не достойны вы моего благословенія? — И это духовные воспитанники! Это будущіе пастыри! Да подумалиль вы, безумцы, какое это нечестіе ходить въ театръ, какое это скверное мѣсто и какъ оно неприлично намъ духовнымъ?

Вотъ думалъ, думалъ дьяволъ, что бы такое придумать для развращенія общества, вотъ и выдумалъ театръ.» Этотъ дикой взглядъ на одно изъ самыхъ благородныхъ, самыхъ даже поучительныхъ развлеченій свѣтскаго общества, нерѣдко семинарское начальство умѣетъ передать хоть не на всегда и не всѣмъ ученикамъ. Въ тойже статьѣ «ученикъ Предтеченскій театръ воображалъ въ родѣ самаго развратнаго вертепа, хотя не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Для него достаточно было, что тамъ пляшутъ женщины и разыгрываютъ всякія любовныя сцены.» Не полагаясь на одну назидательность своихъ словесныхъ поученій о гибельномъ вліяніи театра на общество, иные семинарскіе начальники избираютъ особенныхъ шпіоновъ изъ учениковъ, даютъ имъ свои деньги для того, что бы, ходя въ театръ, смотрѣли и доносили, кто тамъ изъ семинаристовъ бываетъ. Ректоръ, котораго рацея сейчасъ была приведена, имѣлъ такого шпіона въ лицѣ ученика Грандицкаго. Бѣдняжка ученикъ Предтеченскій, соблазненный своими старшими сотоварищами, пошолъ таки въ театръ и увидавши въ первый разъ въ жизни всю сценическую обстановку, увлекся ею и былъ чуть не на седьмомъ небѣ. Къ несчастію Грандицкій подмѣтилъ всѣхъ семинаристовъ, бывшихъ въ театрѣ, донесъ на нихъ ректору. А сей велемудрый мужъ послѣ своей выше приведенной реплики, обидѣвшись словами одного изъ оправдывавшихся преступниковъ, рѣшилъ, того неключить изъ семинаріи, другихъ подвергнуть инымъ наказаніямъ; Предтеченскаго же, какъ ученика риторики, высѣкли розгами очень и очень больно. Не смотря впрочемъ на всѣ мѣры, предпринимаемыя начальствомъ, семинаристы послѣщали и посѣщаютъ театръ, даже иногда учавствовали въ разыгрываніи піесъ. Что дѣлать? дьяволъ, по словамъ почтеннаго о. ректора, не даромъ думалъ долго и придумалъ театръ для развращенія рода человѣческаго; онъ завлекаетъ туда и семинаристовъ толпами. И даже, вѣроятно, по его же внушенію, они любятъ говорить, что тамъ они узнаютъ жизнь и оттуда гораздо болѣе выносятъ полезнаго для своей нравственности, нежели изъ всѣхъ поученій о. ректора, инспектора и помощниковъ послѣдняго. Потомъ утверждаютъ, что тамъ можно научиться говорить проповѣди съ лучшимъ успѣхомъ, нежели изъ правилъ Гомилетики и подъ руководствомъ своихъ профессоровъ. Въ этомъ случаѣ плуты разсказываютъ, что будто бы митрополитъ Платонъ, бывши еще придворнымъ проповѣдникомъ, отъ Великой Екатерны получилъ совѣтъ познакомиться съ тогдашнимъ знаменитымъ актеромъ Дмит-

ревскомъ, и что, по словамъ самаго Платона, онъ своимъ ораторскимъ талантомъ былъ одолженъ гораздо болѣе Дмитревскому, нежели риторикѣ.

Изъ замѣчаній моихъ, помѣщенныхъ въ этомъ отдѣлѣ, можно уже догадываться, какое настроеніе хотятъ давать семинаристамъ. Имъ внушается, что женщины принадлежатъ къ самымъ опаснымъ врагамъ и хитрымъ соблазнительницамъ-мущинъ, что міръ только и думаетъ о томъ, какъ бы совратить семинарскихъ праведниковъ съ истиннаго пути, и потому надобно всячески убѣгать не только мірянокъ, но и мірянъ. Ученикъ сиди дома, иди знакомься только съ людьми духовными и нищими духомъ и карманомъ, особенно страшись людей образованныхъ, не пой ниодной русской даже нисколько не соблазнительной пѣсни, или вовсе не играй ни на какомъ инструментѣ, или разыгрывай на немъ и распѣвай только церковныя пѣсни, на театръ смотри, какъ на разбойничій вертепъ, какъ на училище разврата. Если сюда еще прибавить, что начальники семинаристовъ монахи, что нѣкоторыя семинаріи, академіи и училища помѣщаются даже въ монастыряхъ, то, какъ угодно, духовно-учебныя заведенія м. б. и нельзя еще вполнѣ счесть обителью, управляемою по правиламъ Іоанна Лѣственнича, но уже безъ ошибки можно назвать приготовительною школою для м-ва, — заведеніями очень похожими на тѣ католическіе конвикты, въ которыхъ приготовляются *моральные евнухи.*

Отдѣлъ 40ой.

О томъ, какъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ пробуждаютъ холодность и даже отвращеніе къ молитвѣ и богослуженію.

Отвращеніе отъ женскаго пола, нерасположеніе къ міру, удерживаніе отъ игръ, развлеченій и невинныхъ удовольствій могутъ конечно прокладывать дорогу къ монашеской жизни. Но все это слѣдуетъ назвать только *внѣшними,*

отрицательными способами; при помощи ихъ разрываются связи съ свѣтомъ,. но человѣкъ остается еще человѣкомъ. Что бы сдѣлаться монахомъ, нужны т. с-ть *внутренніе, положительные* способы, которые пріучали бы исполнять самыя обязанности, налагаемыя м-вомъ. Духовно-училищное начальство старается примѣнять и эти средства къ воспитанникамъ, надѣясь, вѣроятно, сдѣлать изъ нихъ не только отрицательныхъ, но и положительныхъ монаховъ. Описаніемъ этихъ-то средствъ я и займусь въ этомъ отдѣлѣ. И такъ какъ молитва составляетъ главную обязанность монаха, то съ нее я и начинаю.

Почти не бываетъ ни одного мальчика изъ дѣтей духовныхъ лицъ, особенно сельскихъ, который до поступленія въ училище не считалъ своею непременною обязанностію помолиться утромъ и вечеромъ. М. б. въ этихъ молитвахъ иногда замѣчается кое что механическое, суевѣрное; иное дѣлается по подражанію, безъ полнаго сердечнаго участія, безъ отчотливаго сознанія; но зато много тутъ скрывается хорошаго, истинно набожнаго; начальство должно бы постараться, что бы мальчикъ все осмыслилъ, исполнялъ по убѣжденію, по сердечному влеченію. Тогда бы развѣ немногіе до самаго оканчанія курса оставляли благочестивый обычай молиться утромъ и вечеромъ; онъ бы для самой большей части ихъ сдѣлался сознательною потребностію, что впрочемъ и бываетъ, если ученики живутъ на квартирахъ, или если на *казенномъ* начальство предоставляетъ каждому помолиться по своему усмотрѣнію и влеченію.

Но едвали не во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ есть такъ называемыя *общія молитвы*, т. е. утромъ и вечеромъ читаютъ въ общемъ собраніи учениковъ такъ называемыя утреннія и вечернія молитвы, и этимъ б. ч. заглушаютъ добрые зародыши, вынесенные дѣтьми изъ радительскихъ домовъ. Когда каждый молится отдѣльно, то онъ выбираетъ для этого болѣе удобное время, приступаетъ къ молитвѣ безъ принужденія; молится, сколько достаетъ чувства, сколько позволяютъ другія занятія, — молится, о чѣмъ находитъ нужнымъ помолиться; м. б., иногда и забудетъ, или не успѣетъ это сдѣлать, и если молится, то почти всегда съ болѣе или менѣе глубокимъ чувствомъ; вѣдь, его никто къ тому не принуждаетъ. Но при общихъ молитвахъ ударилъ звонокъ — ступай и молись; иной только что успѣлъ еще встать и не успѣлъ порядочно проснуться и собрался съ мыслями; другому надобно было бы минутъ 5—10, чтобы покончить свой урокъ; третій началъ было

обдумывать свою задачку, мысли стали было развиваться, а тутъ все прерывай; четвертому надобно освѣжиться и дать отдыхъ утомленной головѣ; у пятаго вовсе не молитвенное расположеніе; онъ сейчасъ слушалъ забавный разсказъ и никакъ не можетъ удержаться отъ смѣха при, мысли о немъ, — а мысль ни за что не хочетъ выйти изъ памяти. Но звонокъ пробилъ, ступай всѣ безъ различія, становись и молись, точно такъ, какъ въ полку всѣ солдаты бѣги и стройся, какъ скоро барабанъ забьетъ тревогу. Потомъ у каждаго бываютъ свои собственные грѣхи, въ которыхъ особенно надобно бы ему раскаяться; каждаго волнуютъ особыя чувствованія, которыя ему хотѣлось бы высказать въ молитвѣ; притомъ и грѣхи и чувствованія измѣняются, не могутъ быть одни и тѣже во всѣ дни. Но въ казенныхъ, положенныхъ разъ навсегда молитвахъ перечисляются одни и тѣже грѣхи, повторяются одни и тѣже чувствованія; есть ли они въ тебѣ, или нѣтъ, — все-таки молись о грѣхахъ, и выражай чувствованія. Притомъ въ положенныхъ молитвахъ перечисленные грѣхи такъ многообразны, что развѣ только взрослый и пожилой человѣкъ всѣ ихъ отыщетъ въ цѣлой своей жизни. Но и ему слѣдуетъ читать утреннія и вечернія молитвы одному отдѣльно отъ другихъ. Тутъ надъ однимъ онъ могъ бы пріостановиться и по задуматься, другое повторить, третье вовсе опустить; въ иномъ мѣстѣ самъ что нибудь прибавилъ бы. Но при общихъ молитвахъ все дѣлается по одной мѣркѣ, по ранжиру, по командѣ; точно такъ, какъ когда командуютъ солдатамъ: *на плечо*, они всѣ поднимаютъ ружья и потомъ идутъ въ линію, нога въ ногу; это хорошо въ строю солдатскомъ, но вовсе не имѣетъ смысла въ келейной, ежедневной молитвѣ, какъ свободномъ изліяніи своихъ собственныхъ чувствованій. Т. о. по моему мнѣнію общія утреннія и вечернія молитвы вовсе не удобны для дѣтей; — это не молитвы, а парадныя ученья, т. е-ть *молитвенные разводы*, *экзерциціи*. Далѣе, монаху конечно можно по цѣлому часу молиться и утромъ и вечеромъ, — ему больше дѣлать нечего. Но у дѣтей и другихъ людей есть занятія, отъ которыхъ нельзя никакъ отказаться. Держать ихъ долго на молитвѣ неслѣдуетъ, п. ч. какъ физическія, такъ и душевныя силы отъ продолжительнаго, неумѣреннаго упражненія утомляются, слабѣютъ, изнуряются. Въ крайности мы можемъ выносить напряженную дѣятельность, но при первой возможности стремимся освободиться отъ нея. И если насъ какое либо занятіе утомляетъ и притомъ навязывается насильственно, то мы

чувствуемъ къ нему отвращеніе и избѣгаемъ его; оно намъ опротивѣетъ.

Но духовно-училищные начальники не обращаютъ вниманія на описанныя неудобства общихъ молитвъ и на утомленіе, отъ продолжительнаго ихъ чтенія; они какъ будто нарочно стараются увеличить непріятное отъ нихъ впечатлѣніе на дѣтей. Развѣ въ не-многихъ мѣстахъ отдѣльно въ каждой комнатѣ читаются утреннія и вечернія молитвы подъ надзоромъ старшаго. Тутъ ученики себя очень много не изнуряютъ, выбирая нѣкоторыя только молитвы. Развѣ придетъ когда либо ректоръ, инспекторъ, помощникъ его, или старшій захочетъ прослыть набожнымъ человѣкомъ на счотъ своихъ подчиненныхъ; — ну тогда приходится стоять долгонько, переминаться съ ноги на ногу, позѣвывать и пр. Но все-таки при чтеніи молитвъ въ каждой особо комнатѣ онѣ не очень отяготительны для дѣтей, хотя въ тоже время нельзя ихъ считать и полезными.

Но б. ч. всѣхъ казенныхъ духовныхъ воспитанниковъ на утреннія и вечернія молитвы любятъ собирать въ одно мѣсто, напр. въ столовую, залу и очень часто даже въ церковь. Бьетъ звонокъ; и вотъ какъ по командѣ 100—200 человѣкъ бросаютъ свои занятія и веренницами тянутся къ сборному мѣсту. Если они всѣ предъ тѣмъ временемъ были въ комнатѣ, то и тутъ не обходится безъ шуму; 200—400 сапожныхъ каблуковъ на каменныхъ, или деревянныхъ полахъ произведутъ порядочный стукъ; притомъ нельзя же кому бы то ни было не вскрикнуть, не толкнуть сосѣда, не подставить иногда и ноги, не сказать о новости, не повозиться, даже не побраниться; по гулу, топоту, шуму во всемъ этомъ видишь не приготовленіе къ молитвѣ, а предвѣстіе, или результатъ какой либо тревоги. Но иногда, особенно лѣтомъ ученики въ разбродѣ, учатъ уроки, или гуляютъ въ разныхъ мѣстахъ двора и сада. Бьетъ звонокъ; при строгой дисциплинѣ надобно непремѣнно поспѣть къ началу молитвы; и вотъ теперь иной скорымъ шагомъ, другой рысцой, третій въ запуски спѣшатъ; тутъ ужъ безъ преувеличенія подумаешь, вѣрно, какая нибудь тревога случилась, что всѣ бѣгутъ и торопятся. Пришли, встали по мѣстамъ, иногда густыми колоннами, а иногда и стройными рядами, какъ на парадѣ. Каждый, р-ся, съ своимъ впечатлѣніемъ; тотъ продолжаетъ поталкивать сосѣда, или перемигиваться съ кѣмъ либо издали; другой, какъ видно по насупленнымъ бровямъ, продолжаетъ прерванную думу о задачкѣ; третій, запыхавшись, едва переводитъ духъ и пр. Благоразумные

начальники позволяютъ ученикамъ тотчасъ же по приходѣ начинать чтеніе молитвъ. Но тѣ, которые любятъ церемоніи и желаютъ выказать свое усердіе и набожность, приказываютъ себя дожидаться. Иногда *мы* скоро придемъ, но иногда нельзя же не показать своей важности; пусть подождутъ. И дѣйствительно ждутъ. Пришолъ начальникъ, но видитъ, что народу мало, или хочетъ дать *острастку* на будущее время, — вынимаетъ списокъ и начинаетъ перекликать всѣхъ; чтобы 100—200 прекликать, — не мало понадобится времени. Случается, что самъ ректоръ желаетъ быть на молитвѣ; тогда инспекторъ, пришедши уже напередъ и успѣвши перекликать, долженъ ожидать, прихода Его В-бія; молитва не начинается; ученики стоятъ; у иного еще урокъ не выученъ, но терпи. Наконецъ всѣ собрались. Для торжественности отдаютъ приказъ читать всѣ молитвы къ ряду медленно, иныя какъ напр. *царю небесный, помилуй насъ Господи, взбранной воеводѣ* и пр. поютъ общимъ хоромъ; такъ что каждая утренняя и вечерняя молитва безъ жданья начальниковъ продолжается 20—30 минутъ, а иногда при жданьѣ до цѣлаго часу. Не обходится также и безъ эпизодовъ; въ низшихъ училищахъ при сей оказіи въ общемъ собраніи находили всего болѣе приличнымъ наказать какихъ либо преступниковъ, и вотъ вмѣсто голоса чтеца, или пѣнія молитвъ раздаются визгливыя умаливанія лежащаго подъ лозою о прощеніи своихъ грѣховъ; этотъ по к. м. искренно и усердно ужъ проситъ о прощеніи. Въ семинаріи экзекуціи случались очень рѣдко; но отчего одного не поставить на колѣна, другаго не потаскать за волосы, третьему не дать пощочины, или подзатыльника. Одинъ ректоръ даже академіи любилъ разыгрывать не очень приличныя его сану сцены при общихъ молитвахъ, совершавшихся въ церкви. Онъ обыкновенно выслушивалъ ихъ, оставаясь невидимымъ для студентовъ. Чтецъ, полагая, что изъ начальства никого нѣтъ, опускалъ нѣкоторыя молитвы, а другія прочитывалъ не на распѣвъ. Но едва онъ окапчивалъ все молитвословіе, какъ ректоръ выходилъ изъ засады, бранилъ чтеца, заставлялъ его или другаго кого нибудь вновь съ начала до конца прочитать какъ можно рѣже всѣ положенныя молитвы.

Смѣшно смотрѣть на колонны, или ряды молодыхъ людей, особенно академистовъ, собравшихся для общей молитвы. Одинъ подперъ собою стѣнку; другой сложилъ обѣ руки на груди, чтобы правая какъ нибудь не вздумала перекреститься; третій переваливается то на право, то на лѣво, то

смотритъ на потолокъ, ожидая оттуда вдохновенія; этотъ пересчитываетъ лѣпныя украшенія на карнизѣ. Еще к-ся смѣшнѣе, когда дисциплина строга; все вытянулось; руки опущены *по швамъ;* всѣ стоятъ, какъ одеревянѣлые; только въ извѣстныхъ случаяхъ какъ по командѣ кланяются. Подобное время препровожденіе, повторяющееся ежедневно по два раза, можетъ прискучить. Нѣкоторые изъ учениковъ по-смѣлѣе вовсе не приходятъ на молитву, надѣясь на то, что не каждый же разъ будетъ перекличка, другіе упрашиваютъ своего товарища въ случаѣ переклички откликнуться за себя и за своего довѣрителя. Одинъ заберется въ середину толпы, вынетъ тетрадку и читаетъ ее, а для удобства даже присядетъ на полъ. Тотъ посылаетъ къ всѣмъ святымъ и о. инспектора, и о. ректора, а кстати и чтеца за то, что приходится стоять на молитвѣ, когда надобно было бы учить урокъ. Этотъ молча на зло настроиваетъ свои мысли вовсе не на молитвенный ладъ. Но зато есть и избранники, которые составляютъ радость и утѣшеніе начальниковъ. Эти утѣшители становятся въ виду начальства, кладутъ безпрестанно то поясные, то земные поклоны, становятся даже на колѣни. Начальство видитъ и въ мѣсячной вѣдомости отмѣчаетъ утѣшителя: *отличается особеннымъ усердіемъ къ молитвѣ.* Являются и подражатели, и иногда цѣлый ближайшій къ начальству рядъ состоитъ изъ такихъ догадливыхъ людей. Эти лицемѣріе и ханжество для учениковъ понятны и извѣстны; надъ ними они смѣются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительно набожные люди приходятъ въ затрудненіе; начни они молиться, — и ихъ набожность припишутъ желанію выказать себя предъ начальствомъ. Дѣло не останавливается и на этомъ, большинство пріучается довольствоваться казенною молитвою. Другіе воспитанники понабожнѣе не удовлетворяются ею; они или прежде, или послѣ нее помолятся, какъ научила ихъ мать и выразятъ свои чувства не по печатной книгѣ. Но мало по малу отучаются отъ нее; нынѣ прождали о. ректора лишнихъ полчаса, вчера такъ долго читали и такъ сильно озябли въ не отопленной залѣ что надобно было поскорѣе убраться на постелю подъ теплое одѣяло, или тулупъ; а наконецъ молиться въ комнатѣ отдѣльно бываетъ уже не въ модѣ. И вотъ тѣ люди, которые даже и не воображали, что они когда либо захотятъ пропускать утреннюю и вечернюю домашнюю молитву, остаются при одной казенной. Отправляются домой, тамъ казенной молитвы нѣтъ, отъ частной мы отвыкли; и мать съ удивленіемъ видитъ, что Ванюша, или Саша, не перекрестясь, по-

валился спать. А потомъ Ванюша и Саша, сдѣлавшись Иваномъ и Александромъ, остаются съ пріобрѣтенными уже привычками. Тѣмъ, которымъ такъ наскучили казенныя молитвы, уже не нравятся и свои собственныя; молитвенное расположеніе исчезаетъ.

Отъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ переходимъ къ богослуженію въ праздничные и воскресные дни. Есть немногіе умные и вмѣстѣ благочестивые начальники, которые благоразумно въ этомъ случаѣ распоряжаются. Квартирнымъ ученикамъ они приказываютъ ходить въ ближайшія церкви и составлять тамъ пѣвческіе хоры; это и семинаристовъ не утомляетъ, да и горожанамъ внушаетъ хорошее о нихъ мнѣніе. Въ казенной церкви богослуженіе совершается приличнымъ образомъ, но не продолжительно, безъ намѣренныхъ проволочекъ, безъ тщеславныхъ растягиваній. Хорошій пѣвческій хоръ еще болѣе т. е-ть, сокращаетъ богослуженіе; и многіе квартирные ученики даже просятъ у начальства позволеніе ходить въ семинарскую церковь. Большинство же духовно-училищныхъ начальствъ требуетъ, что бы не только казенные, но и всѣ квартирные ученики ходили къ богослуженію въ одну семинарскую церковь. Въ 1864 г. ректоръ одной академіи потребовалъ, чтобы даже наставники непремѣнно являлись въ академическую церковь. Но улицы губернскихъ и уѣздныхъ городовъ б. ч. бываютъ покрыты грязью; климатъ нашъ не скупится на дожди, мятели, слякоть, морозы и въ праздничные дни. Т. о. ученику иногда приходится шагать по грязи, мокнуть подъ дождемъ и слякотью, дрожать отъ мороза и вѣтра версту и даже двѣ, тогда какъ отъ его квартиры есть церковь въ нѣсколькихъ саженяхъ. Непріятно описываемое пилигримство и при свѣтѣ дневномъ, но отъ всенощной осенью, зимою и отчасти весною приходится возвращаться въ совершенной темнотѣ, или при слабомъ свѣтѣ фонарнаго огня, тутъ можно оставить въ грязи не только калоши, но и сапоги, даже всѣмъ корпусомъ искупаться въ какой либо лужѣ. Пришедши въ училищный домъ, наши богомольцы отправляются не прямо въ церковь, а въ классы, или общую залу. Тутъ сначала старшій перекличетъ всѣхъ, составитъ репортъ о не пришедшихъ, донесетъ инспектору; послѣдній изъ усердія иногда и самъ, или чрезъ своихъ помощниковъ постарается повѣрить репортъ старшаго. Потомъ, если перекличка происходила по классамъ, всѣмъ приказываютъ перебраться въ залу; при этой переправѣ догадливые ребята какъ нибудь хлопочутъ скрыться; поэтому усердное начальство не находитъ излиш-

нимъ въ залѣ сдѣлать еще новую перекличку; тутъ уже бываетъ не 100 — 200, а 400 и болѣе человѣкъ. Перекликали, является б. ч. и ректоръ; зала зимою не отапливается; двумъ третьямъ надобно стоять на ногахъ; но благовѣста еще нѣтъ; надобно чѣмъ нибудь позаняться. Если есть на очереди ученикъ-проповѣдникъ, то выслушивается его поученіе, которое потомъ опять прочитывается въ церкви. Въ остающееся за-тѣмъ время начинаютъ пѣть то *вѣрую во единаго*, то *отче нашъ* и другія пѣснопѣнія для того, чтобы чѣмъ нибудь да занять ребятъ. Но или начальникамъ иногда наскучитъ каждый разъ такое время препровожденіе, или почему либо нельзя притти въ общее собраніе, въ такомъ случаѣ ученики уже должны просто стоять, или сидѣть въ ожиданіи, пока имъ позволятъ итти въ церковь; развѣ только, если есть возможность, поборются между собою, побьются на кулачки, пошумятъ; — все это такія занятія, которыя, вѣроятно, считаются способными давать молитвенное настроеніе. Всѣ описанныя проходы, переклички, распѣванія, разглагольствія и пр. нельзя покончить въ нѣсколько минутъ; ученикамъ приказывается быть въ собраніи за полчаса или даже за часъ до начала службы, а съ квартиръ, особенно изъ отдаленныхъ частей города приходится отправляться даже часа за полтора и болѣе. Т. о. отъ ходьбы и стоянія и пр. ученикъ уже ранѣе службы скучаетъ, утомляется и бываетъ въ досадѣ на безтолковыя распоряженія начальства.

Вотъ наконецъ ударили въ колоколъ; отворяются двери въ залѣ; начинается торжественное шествіе по два въ рядъ; начальство стоитъ и при усердіи иногда пересчитаетъ, сколько паръ пройдетъ, чтобы рѣшить, не скрылся ли кто нибудь и куда нибудь. Пришли и въ церковь, установились, смотря по мѣстнымъ обычаямъ и величинѣ храма то густыми колоннами, то стройными рядами. Не думайте, чтобы тотчасъже начиналось богослуженіе, даже чтеніе часовъ. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напр. въ калужской, ученики ходятъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ совершаетъ литургію самъ преосвященный. Но извѣстно, что при архіерейской службѣ благовѣстъ долженъ продолжаться полчаса, или часъ; того-де требуетъ торжественность имѣющаго быть богослуженія и особенно важность особы, имѣющей совершать его. А ученики, р-ся, отправляются съ первымъ ударомъ въ колоколъ. Въ прочихъ же семинаріяхъ причина заключается преимущественно въ ректорѣ, который какъ сказано въ 1ой ч. 22 отд. заставляетъ ждать себя даже почасу.

Не очень много можно найти ректоровъ, которые бы соглашались не утомлять воспитанниковъ продолжительнымъ богослуженіемъ большая часть особенно тѣхъ, которые находятъ нужнымъ зарекомендовать себя ревностію *по Бозѣ*, не только заставляютъ долго ждать своего пришествія въ церковь, но приказываютъ читать и распѣвать, какъ можно медленнѣе, по монастырски иногда чуть не по-афонски. Регентъ, желая угодить своему начальнику, выбираетъ такіе концерты, *жерувимскія, милость міра* и пр., которыя поются самымъ медленнымъ образомъ. Иногда распѣваютъ *по партесному* такія слова, которыя обыкновенно или прочитываются или поются безъ растяженія; напр. *нынѣ отпущаеши раба твоего; сподоби, Господи, въ день сей; величитъ душа моя Господа;* даже два начальныхъ стиха шестопсалмія, изъ которыхъ одинъ повторяется три, а другой два раза и пр. При такихъ распоряженіяхъ всенощныя и литургіи продолжаются чрезвычайно долго, — первыя не только два, но даже четыре часа, вторыя до трехъ часовъ. Особенно страшны для учениковъ первая и послѣдняя недѣли Великаго поста. На вечернѣ ректоръ самъ считаетъ нужнымъ чуть не на распѣвъ читать стихи, изъ которыхъ составленъ канонъ Андрея Критскаго; за утренней, часами и вечерней отдѣльныя молитвы, множество кафизмъ прочитываются медленно; преждеосвященныя обѣдни совершаются съ торжественностію; отъ того и происходитъ, что вечерня продолжается болѣе двухъ, а обѣдня болѣе четырехъ часовъ; бывали случаи, что вся дневная служба при говѣньѣ учениковъ занимали 7—9 часовъ. Я знаю примѣры, что напр. въ первые три дня страстной недѣли благовѣстъ къ литургіи преждеосвященныхъ даровъ начинается въ 9 или 10 час., но самое богослуженіе оканчивается въ 2—3 часа. Такъ называемыя вечернее и утреннее правила, которыя вычитываются для желающихъ пріобщаться, продолжаются у многихъ ректоровъ по нѣсколько часовъ, и т. о. въ день пріобщенія мальчики, вставши въ 5 час, утра, почти безъ промежутка должны простоять за утренней, правиломъ и литургіей до 11 и 12 часовъ. Но и послѣ обѣдни, или всенощной, какъ в. с-но, (1 ч. 22 отд.) ректора часто заставляютъ учениковъ еще долго стоять ожидая, пока начальство напередъ уйдетъ. Наконецъ все кончилось; и тутъ въ иныхъ мѣстахъ учениковъ принуждаютъ итти попарно и опять послѣднимъ приходится ждать долгонько.

Сочтите теперь время, которое нужно для того, чтобы ученикъ отправился съ квартиры въ классъ, или залу за

1½ и 2 часа до начала богослуженія, переклички, стоянія въ холодной залѣ, распѣванія, ожиданія ректора въ церкви, продолжительное богослуженіе, остановку по окончаніи его, возвращеніе на квартиру; — сложите все вмѣстѣ; вѣдь получится такая сумма, которая устрашитъ самаго богомольнаго и терпѣливаго человѣка. Вѣдь, когда отъ усталости ноги едва поддерживаютъ туловище, голова отупѣла, дыханіе стѣсняется; право, тутъ не до молитвы; — право, и въ святомъ мѣстѣ полезутъ въ голову самыя грѣшныя мысли. А тутъ иные ректора какъ будто нарочно стараются не нужными формальностями и даже, извините за выраженіе, выходками ослабить и безъ того ослабѣвшее благоговѣніе. Напр. во время всенощной приказываютъ прикладываться къ евангелію по-парно; въ этомъ случаѣ пара учениковъ, ставъ предъ налоемъ, въ тактъ дѣлаютъ два поклона, потомъ одинъ выступаетъ, прикладывается и возвращается на мѣсто, за нимъ также поступаетъ другой; потомъ оба опять въ тактъ дѣлаютъ одинъ поклонъ и сходятъ со сцены; ихъ мѣсто занимаетъ новая пора и т. д. Чтобы увеличить торжественность этой сцены или удовлетворить своему тщеславію, нѣкоторые ректора (именно бывали такіе) становились не въ алтарѣ, а гдѣ либо въ церкви не далеко отъ налоя; каждая пара учениковъ, совершивъ всю церемонію у налоя, отправлялась къ о. ректору, выстроивалась въ линію предъ нимъ, дѣлала ему поясный поклонъ въ тактъ и потомъ, повернувъ на право или на лѣво, отправлялась на свое мѣсто. Конечно, все это не удлиняетъ службы, но къ чему не нужныя формальности? Въ одной изъ академій произошла даже довольно непріятная сцена отъ соблюденія ихъ. По распоряженію ректора прикладываться къ евангелію должны были сначала пѣвчіе праваго, потомъ лѣваго клироса, а за ними уже и прочіе студенты и сторонніе лица. Однажды лѣвый клиросъ не могъ приложиться въ положенную для него очередь, занятый какимъ-то пѣснопѣніемъ. Ректоръ замѣтилъ это отступленіе отъ установленной церемоніи, но молчалъ, пока не приложились всѣ и студенты, и сторонніе богомольцы. Тогда-то уже онъ вышелъ изъ алтаря съ разгнѣваннымъ лицомъ и, обратившись къ лѣвому клиросу, громкимъ голосомъ сказалъ: «чтоже вы? *Въ евангеліе не вѣруете?* Ступайте.» Студенты пошли попарно прикладываться; ректоръ стоялъ, смотрѣлъ и удалился въ алтарь уже тогда, когда всѣ паръ пять окончили церемонію. Во все это время богослуженіе прекратилось и сохранялась мертвая тишина. Неужели ректоръ полагалъ, что эта грубая

выходка поддержитъ благоговѣніе въ предстоящихъ и молящихся? А онъ м. т. считаетъ себя чрезвычайно набожнымъ!

Не трудно предвидѣть, какіе результаты должны происходить отъ совокупности всѣхъ описанныхъ мною начальственныхъ распоряженій касательно богослуженія. Если оно продолжается не долго, не болѣе 1—$1^1/_2$ час., если ученики не собираются до начала ея за часъ, или полчаса, если ректоръ не заставляетъ ждать себя; то слишкомъ мало бываетъ примѣровъ, чтобы воспитанникъ не пошолъ въ церковь къ всенощной и литургіи въ праздничный и воскресный день; и если не всѣ отличаются благоговѣніемъ, то не оскорбляютъ святыни неблаговоговѣніемъ; религіозныя чувствованія пробужденныя и отчасти укрѣпившіяся при домашнемъ воспитаніи, еще бываютъ сильны, пока не истребятся не благоразумными, даже нелѣпыми распоряженіями начальства. Совсѣмъ другое бываетъ, когда богослуженіе продолжается до двухъ и болѣе часовъ; физическое утомленіе почти всегда беретъ верхъ надъ нравственными потребностями, особенно въ молодыхъ людяхъ; а если еще къ этому присоединится моральное насиліе, если дѣти замѣтятъ, что ихъ изнуряютъ другіе безъ всякой нужды, изъ удовлетворенія мелкому собственному тщеславію, то появляется въ душѣ реакція, которая заставляетъ человѣка нарочно дѣйствовать не такъ, какъ требуетъ начальство. Утомленіе даже до изнуренія, скука отъ ожиданія ректора, безполезная трата времени на собранія, переклички, торжественныя шествія рядами, перспектива итти по колѣни въ грязи, подъ дождемъ, при мятели въ темную ночь и пр. заставляютъ смотрѣть на богослуженіе, какъ на тяжолое бремя. Стараются какъ нибудь не прійти въ залу; для этого задабриваютъ старшаго угодливостію, небольшими подарками, или угощеніями въ трактирахъ, чтобы онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ отсутствіе, упрашиваютъ также, какъ и при общихъ ежедневныхъ молитвахъ, товарища откликнуться, если инспекторъ самъ будетъ дѣлать перекличку. Нельзя этого сдѣлать? Придумываютъ обстоятельства, по которымъ якобы имъ нужно во время литургіи гдѣ нибудь быть, только не въ церкви и отпрашиваются у инспектора, *навравши* ему, какъ говорятъ, *цѣлый коробъ лжи и хитросплетеній*. Нельзя и этого дѣлать, особенно часто? Тогда надобно какъ нибудь уйти. Одинъ остается въ классѣ, проситъ старшаго запереть его, другой присядетъ гдѣ нибудь въ классѣ за партою, за печкою. Не успѣлъ въ этомъ? Надобно спасаться во время перехода изъ залы въ церковь. Начальство знаетъ уже, что при этомъ случаѣ многіе, какъ

говорятъ, *емлются бьіству*, разставляетъ повсюду часовыхъ; важнѣйшіе и опаснѣйшіе посты само занимаетъ; но ученики все-таки находятъ возможность куда либо и какъ нибудь ускользнуть изъ рядовъ, бѣгутъ въ коридоры, на чердаки, въ темные закоулки, подъ лѣстницы, въ садъ, въ подвалы, даже *во всякое рьіпительно мьісто*, гдѣ бы только можно укрьіться на нѣсколько минутъ, пока *всевидящее око* инспектора не скроется тоже въ церкви; тогда всѣ начинаютъ выбираться изъ засадъ своихъ. Не считайте ихъ по к. м. всѣхъ дурными, не набожными людьми; нѣкоторые сами по доброй волѣ отстояли уже рашнюю обѣдню въ приходской какой либо церкви; другіе, убѣжавши изъ семинаріи, уйдутъ тоже въ другую церковь и тамъ пропоютъ на клиросѣ всю обѣдню; они, какъ сказано въ N. 12 Дня 1863 г. (стр. 5 столб. 3) *не хотятъ бьіть у казенной церковной службьі*; она-то имъ надоѣла; отъ нее-то они только бѣгаютъ.

Немногимъ удается убѣжать отъ богослуженія прежде, нежели войдутъ въ церковь. Но и изъ нее можно уйти; начальство знаетъ это и потому предпринимаетъ разныя мѣры; напр. становится само въ видѣ инспектора, или его помощниковъ сзади всѣхъ учениковъ, поближе къ выходной двери; иногда ставитъ учениковъ за какую либо перегородку, или на хоры и опять караулитъ. Но угнетаемая природа умѣетъ себѣ находить средства для выхода. Въ этихъ случаяхъ для учениковъ находка — богомольный надзиратель ихъ. Не богомольный стоитъ, вытянувшись, да посматриваетъ; трудно проскользнуть, что бы не увидалъ онъ бѣглеца. А богомольный сдѣлалъ поясный медленный поклонъ, анъ кто нибудь стоитъ ужъ сзади его; — вздумалъ поклониться въ землю, тогда и полдюжины молодцовъ успѣетъ отретироваться. Ученики особенно бываютъ довольны алтаремъ, если изъ него есть выходъ наружу; — идутъ въ него съ просфорою, чтобы подать на проскомидію, а иногда и безъ просфоры. Сторонній, не знающій закулисныхъ тайнъ, человѣкъ подивится тому, какъ семинаристы любятъ поминать себя и родителей за здравіе. Но *мальчикъ просто открьівается*, большая часть этихъ благочестивыхъ людей чрезъ алтарную дверь убираются вонъ изъ церкви. Но и загородки не удерживаютъ, кто перелезетъ чрезъ барьеръ, кто выметъ одну изъ стоекъ и согнувшись вылезетъ въ отверстіе. Сторонніе люди все это видятъ и посмѣиваются. Вообще любопытно стоять вблизи семинарской церкви во время богослуженія; изъ нее чуть не во всю службу выбѣгаютъ семинаристы, то поодиначкѣ, то кучками и съ поспѣшностію отправляются куда нибудь. И

если надзоръ бываетъ слабъ, то къ концу обѣдни, или всенощной не остается иногда и половины.

Изъ не успѣвшихъ, или не хотѣвшихъ убѣжать изъ церкви есть ничтожное, едва замѣтное меньшинство, которое стоитъ съ должнымъ благоговѣніемъ, но огромное большинство, утомленное, раздосадованное скучаетъ. Хорошо еще, если кто нибудь въ это время предастся сладкимъ, или горькимъ мечтамъ, обдумываетъ задачку, посматриваетъ на верхъ и по сторонамъ, разговариваетъ шопотомъ съ своимъ сосѣдомъ, улыбнется и пр.; тутъ мало благочестія, за то мало и соблазна для другихъ. Но нетерпѣливые, слишкомъ уже раздраженные насиліемъ, рѣшаются на положительно дурные и соблазнительные поступки. Иной принесетъ тетрадку, или книжку и, ставши подалѣе отъ начальства, читаетъ ихъ. Въ одной академіи нѣкоторые студенты находили самымъ удобнымъ для себя занятіемъ учить во время богослуженія слова какого либо, даже татарскаго языка. Въ одной тоже семинаріи стоявшія на хорахъ ученики въ густой массѣ, если сзади ихъ не было грознаго начальства, усаживались на полъ, разговаривали, читали что нибудь; одинъ молодецъ грозилъ даже принести карты и будто приносилъ, но за послѣднее не ручаюсь. Въ этой же семинаріи, когда въ Великій четвертокъ ректоръ растянулъ обѣдню съ 9 до 3 часовъ, многіе ученики-причастники, усѣвшись на полу, вмѣсто молитвы такія высказывали слова и мысли на счотъ о. начальника, которыя не хорошо слушатъ и на торговой площади. Въ одной академіи вышло даже чуть не слѣдственное дѣло года три тому назадъ. Во время такъ называемаго говѣнья на первой недѣли Великаго поста студенты, утомляемые продолжительною службою, не всѣ приходили въ церковь. Ректоръ, узнавши о томъ, въ среду объявилъ чрезъ дежурнаго старшаго, что онъ не только не позволитъ начать службу, но и не пойдетъ въ церковь прежде, нежели студенты всѣ соберутся. Студенты собрались; ректоръ явился; служба началась и не смотря на то, что инспекторъ и помощники стояли сзади студентовъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ успѣли уйти изъ церкви. Ректоръ рѣшился на экстренную мѣру; въ церкви между колоннами была рѣшотка, за которую проходить можно было только чрезъ одну дверь. Такъ какъ студенты обязаны были стоять за рѣшоткою ближе къ алтарю, то одному послушнику и поручено было запереть замкомъ рѣшотку, когда за нее соберутся студенты. Эти пришедши въ церковь и замѣтивъ послушника съ готовымъ замкомъ въ рукахъ, не пошли за рѣшотку.

Ректоръ, увидѣвъ, что планъ его разстроенъ, спросилъ: «почему студенты стоятъ не на своемъ мѣстѣ? Тѣ отвѣчали: и. ч. тамъ ихъ хотятъ запирать. — «Ступайте на свое мѣсто,» имъ сказали. Но они не послушались. Въ слѣдующую обѣдню (19го февр.) повторилась таже самая процедура. На другой день открылось засѣданіе въ правленіи; студентамъ предложено было семь запросныхъ, пунктовъ; напр. когда ты пришолъ? гдѣ стоялъ? Кто былъ впереди, кто сзади, кто съ боку тебя? Говорилъ ли дежурный, что бы всѣ стояли за рѣшоткою? Почему не послушался ты? и пр. Р-ся, тутъ были увертливые и курьезные отвѣты. Одинъ напр. писалъ: я видѣлъ, что дежурный говорилъ что то, но не разслышалъ его словъ. Другой отвѣчалъ: предо мною стоялъ сундукъ, съ одного бока подсвѣчникъ, а съ другого стѣна. Правленіе послѣ потребовало дополнительныхъ отвѣтовъ. Ректоръ клялся, что онъ приказанія запирать студентовъ за рѣшоткой не давалъ послушнику. Послушникъ, котораго грозили выгнать изъ монастыря, если въ чемъ либо онъ проговорится, тоже отпирался. Его уличили студенты на очной ставкѣ; тогда бѣднякъ сказалъ: «у меня дѣйствительно былъ въ рукахъ замокъ; мнѣ дали его запереть что-то, да я забылъ.» Студентамъ приказано было просить извиненіе у обиженнаго начальства; они подали гуртовое извиненіе за общимъ подписомъ; но его возвратили, такъ какъ будто бы запрещено принимать бумаги за подписомъ всѣхъ студентовъ. Наконецъ ограничились замѣчаніемъ четыремъ студентамъ, которыхъ считали болѣе виноватыми въ бунтѣ, какъ назвали все происшествіе. Я нарочно разсказалъ подробно его, чтобы показать, на какія глупыя распоряженія по части приневоливанія къ продолжительному и утомительному богослуженію рѣшаются даже ректора академіи. Пусть будетъ также извѣстно, какъ для студентовъ подобныя приневоливанія невыносимы, когда они открыто противъ нихъ возстаютъ!

И при богослуженіи также, какъ при утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, начальство находитъ утѣшителей. Нѣкоторые изъ учениковъ низкими своими поклонами стараются обратить на себя вниманіе начальства, обманываютъ его своимъ лицемѣріемъ и ханжествомъ; начальство впрочемъ радо бываетъ хоть чему нибудь, любитъ подобныхъ фокусниковъ и фигляровъ и чрезъ это заставляетъ благородныхъ и набожныхъ воспитанниковъ оставлять благочестивыя занятія, чтобы и ихъ не заподозрили въ ханжествѣ и желаніи отличиться своею набожностію.

Долго ли продолжатся такіе порядки, или лучше безпорядки? Неужели самые рутинные люди не поймутъ наконецъ, что всякая барщина не только вооружаетъ противъ того, кто къ ней приневоливаетъ, но пробуждаетъ отвращеніе къ тому дѣлу, которое надобно исполнять по неволѣ? Не ужели не догадаются, что утомляемый богослуженіемъ воспитанникъ бѣгаетъ сначала отъ продолжительной обѣдни, или всенощной, и потомъ по немногу получаетъ нерасположеніе вообще ходить въ церковь? Неужели не знаютъ, что съ увеличеніемъ такого рода недовольныхъ является множество подражателей имъ, что обращается, т. с-ть, въ моду бѣгать отъ богослуженія, что въ этомъ уже полагаютъ молодечество, геройство? Неужели изъ воспитанниковъ, для которыхъ въ послѣдствіи на ихъ должностяхъ такъ нужно искреннее благочестіе, станутъ по старой модѣ дѣлать ханжей, лицемѣровъ? Почему бы начальникамъ не прочитать слова Іоанна Лѣственичника о лжи, гдѣ онъ напр. говоритъ: «лицемѣріе часто бываетъ матерью и основаніемъ лжи..... лицемѣріе есть упражненіе во лжи и изобрѣтеніе въ оной съ ложью соединенное (стр. 155)?» Зачѣмъ же своими распоряженіями, одобреніями пріучать ко лжи хоть подъ видомъ набожности? Но всѣ эти вопросы останутся не замѣченными. Рутинные люди не любятъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, измѣнять свой образъ дѣйствій, особенно отказываться отъ своихъ тщеславныхъ притязаній.

Отдѣлъ 41ый.

О семинарскомъ послушаніи.

Одинъ изъ берлинскихъ апологистовъ говоритъ (стр. 10): «что касается до нравственнаго воспитанія въ духовныхъ училищахъ, то его нельзя называть вполнѣ удовлетворительнымъ. У насъ болѣе учатъ, чѣмъ воспитываютъ. Воспитаніе ограничивается почти только отрицательными мѣрами. Стараются не допускать воспитанника до шалостей и проступковъ, но мало заботятся о возбужденіи его къ самодѣятельности; о развитіи живаго сознанія будущихъ своихъ обязанностей и стремленій дѣйствовать неуклонно и неутомимо

въ званіи учителя, руководителя, духовнаго отца народа.» Конечно тутъ еще не бранятъ семинарскую нравственность, но и не даютъ поводовъ высоко думать о ней. Далѣе тотъ же самый авторъ показываетъ, къ чему въ семинаріяхъ болѣе всего стараются пріучить воспитатели. «Безпрекословное повиновеніе даже одному капризу начальника, вотъ что считается обязанностью ученика.»

Такой взглядъ духовно-училищныхъ начальниковъ на воспитаніе довольно понятенъ. Они, особенно главные изъ нихъ, прежде нежели достигли власти, принуждены были много вынести униженія, много разъ выказывать покорность предъ высшими; потомъ б. ч. управляютъ монастырями, которыхъ братія по пустынножительскому уставу во всемъ должна повиноваться настоятелю. Такъ какъ же имъ не пожелать находить въ покорности другихъ какъ бы вознагражденіе за свое былое униженіе? Какъ не оскорбляться малѣйшимъ притязаніемъ дѣтей на самостоятельныя сужденія и поступки, когда сѣдые старики имъ обязаны покоряться? Какъ же не требовать, чтобы послушаніе ихъ подчиненныхъ было монашескимъ послушаніемъ т. е. совершеннымъ какъ говоритъ Іоаннъ Лѣствичъ (стр. 33), отреченіемъ ихъ собственной души, умерщвленіемъ членовъ произвольною смертью, путешествіемъ спящаго, гробомъ воли,» чтобы оно «не разсуждало, не противорѣчило, было какъ бы мертво и въ добромъ и въ томъ, что повидимому худо.» Педагоги семинарскіе въ этомъ отношеніи какъ бодто хотятъ подражать тому знаменитому изреченію Моисея: *рече и бысть*, которое великій критикъ древности Лонгинъ находитъ образцомъ *высокаго*. И начальники духовно-училищные говорятъ своимъ подчиненнымъ: «сказано вамъ и должно быть сдѣлано, приказано и должно быть исполнено. Не ваше дѣло разсуждать, а ваше дѣло слушаться; начальство лучше васъ знаетъ, что полезно, или вредно.» Даже если бы ученика морили на казенномъ и голодомъ и холодомъ, онъ и тутъ не долженъ разсуждать; и тутъ онъ ѣшь, что дадутъ, хотя бы кусокъ, по пословицѣ, *въ ротъ не лезъ*, не только не жалуйся на то, что говядина протухла, капуста съ червями, каша прогоркла и т. п.; — а даже ѣшь непремѣнно; а если не станешь ѣсть, то сочтутъ за возмущеніе.

Руководствуясь подобною теоріею повиновенія, иногда нарочно отдаются приказанія не исполнимыя и рѣшительно не нужныя, чтобы только видѣть, какъ воспитанники покорятся имъ. Напр. покойный Иннокентій архіепископъ Одесскій, будучи инспекторомъ академіи, любилъ вновь поступа-

ющихъ студентовъ не пускать всѣхъ въ городъ въ праздничные дни подъ какимъ либо самымъ пустымъ предлогомъ въ родѣ напр. того, что нынѣ будетъ дождь и что новые студенты, не привыкши къ мѣстному климату, могутъ простудиться. И это дѣлалось только для пріученія къ послушанію. Я нарочно выбралъ этотъ примѣръ. Если такой человѣкъ, какъ Иннокентій увлекался семинарскою теоріею безпрекословнаго послушанія, то что уже сказать объ обыкновенныхъ рутинерахъ? Эти находятъ нужнымъ сурово наказывать учениковъ за такіе поступки, которые заслуживаютъ даже похвалу. Одинъ ректоръ, желая, по его словамъ, очистить семинарію, т. е. уменьшить число учениковъ, во время экзаменовъ придирался ко всѣмъ возможнымъ мелочамъ, чтобы найти предлогъ исключить кого нибудь. Спросивши ученика и находя отвѣтъ его удовлетворительнымъ, онъ обращался къ инспектору съ вопросомъ, нѣтъ ли за отвѣтчикомъ какихъ либо проступковъ. При одномъ изъ такихъ вопросовъ инспекторъ долго рылся въ своихъ запискахъ и когда всѣ въ ожиданіи его отвѣта, особенно судія и подсудимый примолкли, онъ вдругъ вскрикнулъ: *есть*. Чтоже такое? спросилъ ректоръ. «Да онъ (т е ученикъ) ходитъ къ обѣднѣ и ко всенощной въ крестовую.» Бывшіе тутъ профессоры, самъ ректоръ и многіе изъ учениковъ не могли удержаться отъ смѣха, даже отъ хохота при обвиненіи въ такомъ безнравственномъ преступленіи, какъ хожденіе къ обѣднѣ и всенощной въ крестовую. Но не смѣйтесь, г. ч., тутъ было дѣйствительно преступленіе по семинарской теоріи послушанія. Мѣстному архіерею не нравилось, что семинаристы ходятъ въ его крестовую и, стѣсняя богатыхъ ея посѣтителей, уменьшаютъ церковные доходы. Онъ и намекнулъ объ этомъ семинарскому начальству. Услужливый инспекторъ отдалъ тотчасъ же приказаніе, чтобы никто не смѣлъ молиться въ крестовой. Какъ же тепрь не счесть преступникомъ того либерала, который, не смотря на такое благочестивое и раціональное приказаніе, продолжалъ ходить туда къ обѣднѣ и всенощной. Впрочемъ ректоръ, удерживая порывъ къ смѣху, саркастически — серьёзнымъ тономъ сказалъ. Ученику, поблѣднѣвшему отъ страха, чтобы его не исключили: «ахъ, ты, братецъ ты мой! какъ же это можно? въ крестовую ходить? Нѣтъ, надобно ходить въ приходскія церкви? смотри, исправься.» Другой случай напоминаетъ (въ каррикатурѣ) событіе изъ исторіи суровыхъ римлянъ, разсказанное Титомъ Ливіемъ. Во время войны римлянъ съ латинянами и тускуланцами консулы

Манлій Торкватъ и Децій для поддержанія дисциплины отдали приказъ, что бы никто не смѣлъ сражаться съ непріятелемъ безъ приказанія ихъ. Посланный для рекогносцировки отрядъ, въ которомъ находился Манлій, сынъ консула, подъѣхалъ близко къ кавалерійскому непріятельскому пикету. Начальникъ его, знаменитый тускуланецъ Геминій Мецій, увидавши Манлія, отъѣхалъ немного отъ своихъ и сказалъ: «выйдемъ на единоборство, чтобы доказать превосходство латинскаго всадника предъ римскимъ.» Тогда молодой Манлій, желая отомстить Мецію за оскорбленіе военной чести римлянъ, вступилъ съ нимъ въ сраженіе и убилъ его. Но Манлій консулъ наказалъ сына смертію за неисполненіе отданнаго приказанія не сражется съ непріятелемъ. Въ одной семинаріи случилось происшествіе довольно похожее на сейчасъ описанное. Начальство ея почемуто отдало приказъ, чтобы никто изъ учениковъ не смѣлъ купаться въ рѣкѣ, протекавшей мимо города. Одинъ ученикъ нарушилъ это приказаніе, но во время своего купанья, замѣтивъ утопавшаго купца, спасъ его отъ неминуемой смерти. Семинаристъ, сдѣлавши доброе дѣло, скрылся изъ опасенія, чтобы начальство не стало преслѣдовать его за ослушаніе. М. т. купецъ, узнавъ о томъ, кто спасъ его отъ смерти, просилъ губернатора представить семинариста къ награжденію за человѣколюбивый подвигъ. Губернаторъ тотчасъ стѣлалъ запросъ объ ученикѣ въ правленіе семинаріи, котораго члены еще не слыхали о томъ, что купецъ спасенъ ихъ подчиненнымъ. Прочитавши запросъ губернатора, инспекторъ почти вбѣжалъ въ классъ, крикнулъ громовымъ голосомъ ученика и когда этотъ вышелъ на средину, задалъ ему отличную таску за то, какъ онъ осмѣлился купаться въ противность отданнаго приказа. Губернаторъ все-таки сдѣлалъ представленіе; изъ Петербурга пришло предписаніе семинарскому начальству обратить вниманіе на ученика, который впрочемъ не только получилъ таску, но и былъ исключенъ изъ семинаріи, какъ непослушный человѣкъ.

Изъ сказаннаго мною о семинарскомъ послушаніи видно что главнымъ образомъ здѣсь идетъ дѣло не о развитіи этой мнимой, или дѣйствительной добродѣтели, а о внушеніи ученикамъ благоговѣнія къ особамъ начальниковъ, о томъ, чтобы (извините за откровенность) удовлетворить гордости, тщеславію послѣднихъ. Конечно и въ другихъ вѣдомствахъ превосходительныя и даже высокоблагородные и благородныя особы любятъ, чтобы подчиненные предъ ними преклонялись, но духовно-училищный кружокъ издавна въ этомъ отно-

шеніи отличался и развѣ уступалъ только духовно-епархіальному. Впрочемъ по семинарской логикѣ такъ и слѣдуетъ быть. Вѣдь начальники духовно-учебныхъ заведеній-архимандриты, — игумены; а ученики, значитъ, не болѣе, какъ послушники; первые — особы духовныя, болѣе, нежели пастыри, а послѣдніе — смиренное стадо, т. е-ть агницы, или по русски бараны. Тѣ надѣются быть архіерями, предъ которыми преклоняются и благоговѣютъ священники и протоіереи, такъ какъ не требовать имъ уваженія отъ мальчишекъ? И дѣйствительно въ слишкомъ недавнее время начальники духовно-учебныхъ заведеній не отличались гуманностію и привѣтливостію къ воспитанникамъ, любили держать себя предъ ними не простыми смертными, о какими-то существами высшого разряда, какими-то языческими полубогами, которые принимаютъ одни только поклоненія, а сами низпосылаютъ одни грозные перуны. Во многихъ низшихъ училищахъ приказывалось, чтобы мальчики, не смотря ни на какую погоду, снимали свои фуражки и шли съ обнаженными головами предъ окнами своихъ начальниковъ и даже учителей. При встрѣчахъ съ начальствомъ ученику нужно было обнажать голову за сажень и болѣе, а потомъ отвѣсить поясный поклонъ. Даже на улицѣ, какъ бы она ни была широка, ученики, идущіе по обѣимъ сторонамъ ея, должны раскланиваться съ начальниками, ѣдущими въ каретахъ даже съ поднятыми боковыми стеклами. Одинъ ректоръ, замѣтивъ, что ученикъ не сдѣлалъ этого, велѣлъ инспектору наказать его. И когда преступникъ началъ объяснять, что онъ въ каретѣ сквозь стекла не могъ видѣть о. ректора, тогда ему было сказано: «что тебѣ смотрѣть, сидитъ ли кто въ каретѣ, или нѣтъ? Карета ѣдетъ, ты и кланяйся, хотя бы тамъ никого и не было.» Явившись предъ свѣтлыя очи начальника въ его квартирѣ, ученикъ, р-ся, не только кланяется въ поясъ, но и долженъ поцѣловать руку, которая вовсе не благословляетъ его, а только немного протягивается поклонившемуся для лобзанія. Одинъ ректоръ академіи требовалъ, чтобы всѣ студенты подходили къ его рукѣ, когда онъ посѣщалъ комнаты ихъ. Большинство не слушалось этого приказа и приводило въ бѣшенство и отчаяніе высокопреподобнаго начальника, но плуты и подлипалы пользовались его слабостію и, приложившись къ десницѣ, заслуживали милостивую улыбку. Я знаю ректоровъ, которымъ очень пріятно, если ученикъ, явившійся къ нимъ, во время своей бесѣды, догадается нѣсколько разъ приложиться къ рукѣ, какъ будто увлекаясь неотразимымъ желаніемъ выра-

зить свое благоговѣніе. Потомъ, Боже сохрани ученика, если онъ, объясняясь съ ректоромъ, или инспекторомъ, употребитъ слово: вы, или о. ректоръ, или о. инспекторъ; вмѣсто нихъ всегда должно употреблять титулъ ваше в-біе, хотя бы титулуемый былъ простымъ іеромонахомъ. Въ классѣ, или на экзаменѣ, когда вызовутъ ученика для отвѣта, онъ непремѣнно долженъ поклониться въ началѣ и концѣ его. На экзаменахъ впрочемъ бываютъ особенности. Обыкновенно вызываютъ заразъ человѣкъ трехъ; порядокъ требуетъ, чтобы они, подошедши къ экзаменаторскому столу, сдѣлали первоначально въ поясъ общій поклонъ, потомъ каждый долженъ кланяться въ началѣ и концѣ своего отвѣта и наконецъ, когда всѣхъ спросятъ, они должны опять въ поясъ поклониться. Что бы все это совершалось по предписанію, догадливые начальники дѣлаютъ даже репетиціи. Отъ поклоновъ на публичныхъ экзаменахъ не уволены и студенты академій; кромѣ того академическимъ свѣтскимъ наставникамъ — не любителямъ поклоновъ не малаго стоитъ труда отучить вновъ прибывшихъ въ академію студентовъ подходить для отвѣта къ каѳедрѣ и уходить отъ нее безъ поклоновъ. Кого во всѣхъ описанныхъ мною церемоніяхъ надобно назвать дѣтьми? Тѣхъ ли, которые кланяются? Тѣхъ ли, которые велятъ кланяться? Или тѣхъ, въ честь которыхъ совершаются поклоненія? *Дѣти! дѣти!*

Чтобы не было никому изъ учениковъ ни обидно, ни завидно, многіе изъ поклоняемыхъ держали себя со всѣми одинаково. «Призывалиль они виновнаго, такъ говорится въ книгѣ: о у. д. у. (т. 2. стр. 74 и 75), пришолъ ли за какою нуждою совершенно невинный — обращеніе для всѣхъ одинаково; — тотъ же суровый тонъ, та же юпитеровская громоносная рѣчь, тѣже привѣтствія въ родѣ слѣдующихъ: *дуракъ, мерзавецъ, негодяй, убирайся, зазнался* и пр. Житье подъ такимъ начальствомъ есть постоянное наказаніе безъ карцера, голоднаго стола, розогъ. Наказанія, которому подвергаются за проступки, легко избѣгнуть; стоитъ только ничего дурнаго не дѣлать. Но чѣмъ можно смягчить систематически — суровый и угрюмый взглядъ, методически — гордое обращеніе? Правъ, или виноватъ ученикъ, не разсчитывай на ласку, или привѣтливость. Не наказаніе ли въ самомъ дѣлѣ такая жизнь?» И прежде, особенно же нынѣ многіе изъ наставниковъ находятъ нужнымъ вѣжливо обращаться съ учениками семинаріи, напр. говорятъ имъ: *вы*. Но м-щее начальство не одобряетъ такихъ новшествъ. Въ одной (п-ой) семинаріи архіерей на публичномъ экзаменѣ

сдѣлалъ профессору выговоръ за то, что онъ сказалъ ученику: *вы;* а потомъ по распоряженію владыки правленіе семинаріи обязало говорить каждому ученику, даже богослову: *ты*, а не *вы*.

Послѣ этого понятны будутъ слова автора книги: о с. д. «отъ архіерея, говоритъ онъ, и до послѣдняго инспектора семинаріи — у всѣхъ забота одна, чтобы ученики трепетали предъ ними; а чтобы пріобрѣсти ихъ довѣренность, любовь, дѣтскую покорность, чтобы ученики съ полною откровенностію открывали свою душу предъ ними, какъ предъ любимыми родителями — о томъ ни у кого никогда не бываетъ помысла. Вслѣдствіе этого каждый поступокъ ученика неизбѣжно влечетъ за собою казнь, если онъ обнаруженъ; а чтобы разобрать, взвѣсить значеніе этого поступка, чтобы опредѣлить намѣренный ли онъ, или нѣтъ, развращенное ли сердце, или увлеченіе неопытной молодости — причина его, и сообразно съ этимъ одному назначить физическое наказаніе, для другаго удовольствоваться строгимъ выговоромъ передъ товарищами, или отеческимъ совѣтомъ въ кабинетѣ, — это дѣло не бывалое въ семинаріяхъ. *Казни всѣхъ безпощадно; лучше будутъ бояться* Вотъ въ чемъ заключается система семинарскаго воспитанія.» Къ несчастія эта система отчасти проникаетъ и въ академіи. Здѣсь конечно бить нельзя, но сурово наказывать можно. Напр. одинъ ректоръ посадилъ студента на хлѣбъ и на воду за то, что этотъ не застегнулъ пуговицы серетука, явившись къ его В-бію; студенту оставалось до окончанія курса только съ недѣлю. Послѣ ректоръ одумался, призвалъ наказаннаго къ себѣ и напоилъ чаемъ. Подробнымъ описаніемъ всѣхъ послѣдствій семинарскаго воспитанія по части послушанія и смиренія заниматься я здѣсь не буду, п. ч. объ этомъ много сказано въ 1 и 2 отд. 3ей гл. 2 т. книги: о у. д. у. Но нахожу нужнымъ обратить вниманіе на тотъ результатъ, которой тамъ недостаточно разъясненъ.

Давно уже замѣчено, что люди, съ малолѣтства и долго испытывавшіе угнетеніе, рѣдко не дѣлаются угнетателями, получивши власть надъ другими. Извѣстно, что офицеры въ русской арміи, выслуживавшіеся изъ такъ называемыхъ *бурбоновъ*, особенно любили поддерживать дисциплину щедрыми палочными ударами, — что надзиратели изъ негровъ особенно бываютъ жестокими съ чернокожей своей братіей, — что даже дикихъ слоновъ обыкновенно усмиряютъ своими хоботами выдисциплинированные домашніе слоны. Вотъ почему и замѣчаютъ, что большинство воспитывавшихся въ

духовно-учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлавшись администраторами или педагогами, слѣдуютъ почти всегда тѣмъ пріемамъ, посредствомъ которыхъ и ими управляли. Даже въ людяхъ, которые выносятъ ненависть къ семинарской дисциплинѣ и желаніе противодѣйствовать ей, — и въ нихъ проявляется иногда семинарщина. Что дѣлать? въ минуты сильныхъ, или неожиданныхъ душевныхъ движеній разсудокъ нашъ не успѣваетъ принять команду надъ нашими дѣйствіями и мы обыкновенно почти механически поступаемъ сообразно съ тѣми примѣрами, которые привыкли видѣть въ дѣтствѣ. Одинъ изъ берлинскихъ апологистовъ (стр. 13) справедливо говоритъ: «безропотно послушные приказаніямъ (или лучше капризамъ начельниковъ) въ жизни семейной и общественной сами становятся деспотами.»

Для доказательства высказанныхъ мыслей пока ограничусь фактами, замѣчаемыми въ самыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Начальники ихъ по порядку, заведенному еще, когда учился въ Кіевѣ Бурсакъ Нарѣжнаго избираютъ между воспитанниками огромное множество помощниковъ себѣ. Тутъ вы можете найти авдиторовъ, старшихъ надъ цѣлымъ классомъ, или надъ одною партою, старшихъ на каждой квартирѣ, старшаго надъ нѣсколькими квартирами; бывали даже главные старшіе надъ всѣми квартирами, надъ всѣми казенными учениками, даже надъ цѣлою семинаріею; нынѣ эти важныя должностныя лица замѣнены по примѣру академій дежурными старшими. Но этимъ не довольствуются. Вѣроятно, на основаніи пространно разъясненной пятой моисеевой заповѣди ученики низшихъ классовъ должны отдавать почотъ и уваженіе ученикамъ всѣхъ высшихъ надъ ними классовъ, а эти въ свою очередь быть если не начальниками, то по к. м. мониторами всѣхъ, которые обучаются въ пройденныхъ ими уже классахъ. Такъ напр. г. г. богословы дирижируютъ учениками и средняго, и низшаго отдѣленій семинаріи и всѣми училищными мальчиками; ученикъ средняго отдѣленія командуетъ риторомъ и пр. Даже въ низшихъ училищахъ ученики высшаго отдѣленія бываютъ командирами прочихъ отдѣленій. При такомъ обширномъ развитіи чиновничества неизбѣжно являются и узурпаторы, самозванцы. Кто силенъ или своимъ кулакомъ, или своею близостію къ начальству, тѣ и безъ оффиціальнаго титула пользуются правами, усвоенными училищнымъ властямъ.

Всѣ эти оффиціальные и неоффиціальные чиновники стараются копировать настоящихъ — высшихъ своихъ начальниковъ и подражая имъ ведутъ себя по отношенію къ своимъ

подчиненнымъ съ приличною важностію; а въ былыя — недавнія времена въ низшихъ училищахъ классическіе старшіе получали право даже собственноручно расправляться съ учениками за ихъ мелкіе проступки. Для этого и избирался дѣтина здоровый, рослый, онъ иногда съ лозою въ рукѣ грозно расхаживалъ по-классу, подходилъ къ нарушителямъ порядка и смотря по винѣ или пересчитывалъ его волосы, или лозою отсчитывалъ ему нѣсколько ударовъ по спинѣ. Но старшіе надъ товарищами рѣдко бывали недоступными существами; зато любили пользоваться маленькими взятками; булка, яблоко, кусокъ пирога и пр. успокоивали раздраженное правосудіе и дѣлали надолго снисходительнымъ. Совсѣмъ другое дѣло старшіе надъ квартирами, или надъ казенными учениками — ученики богословія. Это уже важныя особы; инспекторъ избираетъ, правленіе утверждаетъ, ихъ по журналу; они снабжаются инструкціями. Это уже не просто ученики, а намѣстники, представители власти. Въ семинаріи, говоритъ День (No. 31 1862 г.) есть своего рода аристократы, это воспитанники богословскаго отдѣленія. Первое мѣсто между ними занимаютъ старшіе, числомъ 12, избранные въ соотвѣтствіе двѣнадцати апостоламъ. *Мы васъ избрали двѣнадцать человѣкъ*, сказалъ имъ воспитатель при назначеніи ихъ въ должности старшихъ, *подобно тому, какъ Спаситель избралъ двѣнадцать апостоловъ, чтобы вы смотрѣли за порядкомъ и нравственностію воспитанниковъ.* Такимъ апостоламъ нельзя же вести себя побратски съ своими подчиненными. Вотъ напр. какъ въ Библіотекѣ для Чтенія за Іюнь или Іюль 1864 г. въ статьѣ Мерзлякова описывается посѣщеніе квартиры старшимъ, который тамъ называется *довѣреннымъ*. Вошедши въ квартиру (стр. 15) онъ сѣлъ, подалъ руку только одному-лучшему изъ своихъ товорищей и посадилъ его вмѣстѣ съ собою; другому товарищу только слегка поклонился и чрезъ нѣсколько времени, какъ будто вспомнивъ, позволилъ, ему присѣсть; ученики же прочихъ классовъ въ все время визита стояли. На каждой квартирѣ ведется особенная тетрадка, въ которую записываются дневные уроки; старшій прослушиваетъ ихъ, записываетъ свои замѣчанія въ тетрадку; дѣлаетъ и другія отмѣтки, напр. *«скромность и прилежаніе учениковъ замѣтилъ: все было благополучно; утреннія и вечернія молитвы были читаны, а свѣтскихъ пѣсень не пѣли,* — въ чемъ и свидѣтельствую такой-то довѣренный! Столь важнымъ людямъ нельзя не позаимствовать важности у своихъ начальниковъ, а отъ нихъ не можетъ не удѣлиться частичка ея и прочимъ това-

рищамъ богословамъ; этого требуетъ правило товарищества. Вотъ почему въ упомянутой сейчасъ статьѣ Дня всѣ вообще богословы названы аристократами семинаріи; каждый изъ нихъ «можетъ опочить на лаврахъ, не ходить въ классъ, уходить въ городъ, спать *ad libitum*, угощать себя въ столовой лучшей порціей блюдъ. Остальныя отдѣленія — среднее и низшее образуютъ *plebs* чернь. Воспитанникъ низшаго отдѣленія — существо безгласное.» Къ нему авторъ статьи обращается съ слѣдующими словами: «*quod licet iovi, non licet bovi*. И потому пака ты въ низшемъ отдѣленіи, помни, что ты принадлежишь къ разряду быковъ, имѣй телячье терпѣнье, зато въ высшемъ отдѣленіи ты ни съ того ни съ сего можешь сдѣлаться семинарскимъ юпитеромъ, ну тогда дѣлай что угодно .... Воспитанники высшаго отдѣленія обнаруживаютъ сравнительно съ низшимъ больше независимости въ своихъ дѣйствіяхъ; оттого у нихъ постоянная борьба съ богословами, которая затихаетъ только къ концу курса. Съ переходомъ въ высшее отдѣленіе они вдругъ совершенно измѣняются. Въ среднемъ отдѣленіи были поборниками мысли о братствѣ и равенствѣ между отдѣленіями семинаріи, внушали богословамъ, что они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ отдѣленій, только раньше ихъ поступили въ богословіе; — что какъ между ними есть умные и бездарные, такъ и въ другихъ классахъ, — что если изъ нихъ класса отправляются въ духовную академію, зато изъ средняго поступаютъ въ университеты и медико-хирургическую академію.. По переходѣ въ богословскій классъ только нѣсколько простачковъ остаются вѣрными своимъ понятіямъ, это отчасти вредитъ имъ въ мнѣніи о нихъ начальства. Большинство бываетъ болѣе здравомыслящимъ, оно бросаетъ въ сторону мечтательныя, неприложимыя къ дѣлу понятія о братствѣ, которыя имъ прежде внушались.»

«Спустимся еще ниже — въ духовное училище. Здѣсь грубый произволъ высшихъ и овечья покорность низшихъ выказывается еще рѣзче вслѣдствіе малой развитости воспитанниковъ. Они дѣлятся на высшее, среднее и низшее отдѣленіе. Воспитанникъ высшаго отдѣленія можетъ свободно войти въ классную комнату воспитанниковъ средняго и низшаго отдѣленій и дѣлать тутъ, что ему вздумается. Воспитанникъ средняго отдѣленія пользуется такими же правами въ отношеніи къ низшему отдѣленію. Напротивъ залъ, гдѣ помѣщается высшее отдѣленіе, составляетъ недоступное святилище для низшаго и средняго отдѣленій; залъ средняго отдѣленія — недоступенъ для низшаго. Какъ отверженному

парію, воспитаннику низшаго отдѣленія не позволяется переступить порогъ комнаты высшаго класса; *не прикасаются жидове самарянамъ*, — иначе за смѣлость онъ рискуетъ хохломъ, спиной и боками. Воспитанникъ высшаго отдѣленія позволяетъ себѣ возмутительныя жестокости съ воспитанниками низшихъ классовъ. Въ сердцахъ — побои, брань неудобопечатными словами сыплются на беззащитнаго мальчика, который не смѣетъ и рукой двинуть для обороны своей личности; просить защиты у начальниковъ и недумай; тогда высше-отдѣленцы заключютъ и вооружатъ противъ бѣдняка самихъ начальниковъ. Остается втихомолку поплакать. Бранью, толчками, пинками, щелчками очень чувствительными высше-отделѣнецъ выражаетъ часто свое благоволеніе къ воспитаннику низшаго отдѣленія. Не смотря на боль, послѣдній улыбается сквозь слезы; онъ уже не гоняется за формой; цѣнитъ одно содержаніе; а вѣдь такое счастіе не всякому воспадаетъ! Эта грубость нравовъ, эта раздѣленность оказываютъ сильное вліяніе и на родственныя чувства. Воспитанникъ высшаго отдѣленія держитъ себя въ почтительномъ отдаленіи отъ роднаго брата нижне — или средне — отдѣленца. Онъ не защититъ его отъ жестокостей товарища, но еще приметъ сторону послѣдняго.»

Я нарочно сдѣлалъ столь длинную выписку изъ статьи Дня, чтобы не подумали, будто бы я отъ себя выдумываю обвиненія въ безпорядкахъ, происходящихъ въ духовныхъ училищахъ. Изъ нее вы, г. ч., легко можете видѣть, до какой степени въ духовныхъ воспитанникахъ развивается спѣсь, тщеславіе, желаніе поприжать своего даже брата. Р-ся, все это не ими самими придумывается; они только подражаютъ болѣе или менѣе высокостепеннымъ начальникамъ своимъ, дѣйствуютъ по общепринятой системѣ. Что дѣлать, если они по своей неопытности не умѣютъ прикрыть своихъ замашекъ и притязаній благовидными причинами, благочестивыми изреченіями и пр.? Не думайте впрочемъ, чтобы начальство не знало о всѣхъ описанныхъ и неописанныхъ безпорядкахъ; они ему извѣстны очень хорошо, но оно ихъ терпитъ, п. ч. по его понятіямъ надобно поддерживать принципъ, отъ котораго они происходятъ. Въ той же самой статьѣ Дня представлены на это весьма хорошія доказательства. «Разъ посѣщая комнаты, въ одномъ N ректоръ нашолъ богослововъ и философовъ за общимъ разговоромъ, счелъ долгомъ тотчасъ вооружиться противъ подобныхъ признаковъ сближенія, напомнилъ богословамъ о томъ, какъ

солидно, степенно, истинно по-начальнически ведутъ себя богословы симбирской семинаріи, представилъ наглядно, съ какою важностью расхаживаютъ они по семинарскимъ коридорамъ съ библіей подъ мышкой и съ какимъ благоговѣніемъ относятся къ нимъ воспитанники средняго и низшаго отдѣленій; предъ богословомъ они стоятъ безъ фуражки» Тутъ впрочемъ все ограничилось только словеснымъ замѣчаніемъ; въ другой разъ дѣло приняло криминальный характеръ. «Одинъ изъ свѣтскихъ преподавателей тойже семинаріи захотѣлъ внушить воспитанникамъ мысль о братствѣ и товариществѣ всѣхъ отдѣленій ... И воспитанники съ сочувствіемъ отозвались на его голосъ. Но тутъ возстало начальство съ девизомъ: *да хранятся древніе обычаи!* Воспитанниковъ таскали къ допросу, какъ будто они совершили какое нибудь преступленіе; и чѣмъ искреннѣе кто писалъ, тѣмъ было для него хуже. Воспитатели стараются всѣми силами поддержать раздѣленность между воспитанниками (divide et impera) и при всякомъ удобномъ случаѣ подрываютъ возникающія между ими товарищескія отношенія.» Не знающіе принциповъ, которыхъ держутся б. ч. начальники духовно — учебныхъ заведеній, не поймутъ, почему допускаются такіе безпорядки. Авторъ статьи No. 32 Дня весьма хорошо объясняетъ это «такой порядокъ, не смотря на свою нелѣпость, поддерживается семинаристами-аристократами (т. е. начальниками), твердо стоящими на почвѣ устава. Въ самомъ дѣлѣ онъ освобождаетъ ихъ отъ работы головой, отъ необходимости отыскивать средства, какъ лучше дѣйствовать на воспитанниковъ и вообще на лицъ подчиненныхъ, чтобы отъ этого дѣйствительно выигрывало общее дѣло, — благопріятствуетъ блаженной безпечности . . . Такой порядокъ для аристократовъ — геркулесовскіе столбы; дальше его они ничего не хотятъ знать.» Тутъ бы почтенному автору слѣдовало еще прибавить, что начальникамъ вооружаться противъ злоупотребленій богослововъ, старшихъ, высше-отдѣленцевъ и пр. значитъ вооружаться противъ самихъ себя. Вѣдь низшая учащаяся аристократія конируетъ по своему благоусмотрѣнію высшую начальствующую аристократію. Скажи хоть богословамъ: *обходитесь вы съ философами и риторами по братски, но человѣчески*, тогда и ей самой нужно отказаться отъ пріученія подчиненныхъ къ казенному смиренію и послушанію, отъ спѣси и высокомѣрія, которыми оно отличается отъ прочихъ смертныхъ. Вотъ гдѣ главная причина, почему и держатся и будутъ держаться описываемые здѣсь безпорядки.

Отдѣлъ 42ой.

О вредномъ вліяніи семинарскаго воспитанія ни нравственность учениковъ.

Въ предъидущихъ двухъ отдѣлахъ я показалъ, что многіе духовно-училищные, особенно м-щіе начальники препятствуютъ религіозному и нравственному настроенію воспитанниковъ, поселяютъ въ нихъ равнодушіе и даже нерасположеніе къ молитвѣ и богослуженію, вмѣсто послушанія и смиренія пробуждаютъ спѣсь по отношенію къ своимъ сверстникамъ и пр. Такое воспитаніе не можетъ же быть ручательствомъ за нравственность семинаристовъ. Къ сожалѣнію зло этимъ не ограничивается. Въ духовно-училищной жизни встрѣчается слишкомъ много случаевъ, которые, говорю прямо, развращаютъ воспитанниковъ. «Что вы? что вы? по всей вѣроятности скажутъ мнѣ. Неужели въ духовныхъ училищахъ намѣренно учатъ дѣтей безнравственности?» Я вовсе такъ не думаю. Но зло можно дѣлать другимъ на основаніи собственныхъ предразсудковъ и любимыхъ идей, слѣпой привязанности къ старинѣ и заведенному порядку, по неумѣстному примѣненію какихъ либо принциповъ тамъ гдѣ бы этого не слѣдовало дѣлать и пр. и пр.; — можно дѣлать зло или т. с-ть съ доброю цѣлью, или въ надеждѣ, что оно не утвердится въ воспитываемыхъ дѣтяхъ и останется для нихъ непзвѣстнымъ. Я не стану никого обвинять въ намѣренномъ желаніи развратить духовное юношество, а буду излагать факты, встрѣчающіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и показывать, какое настроеніе должны получить дѣти подъ вліяніемъ этихъ фактовъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже много высказаны и разъяснены; объ нихъ только нужно будетъ дѣлать напоминанія; другіе же факты, съ которыми еще не ознакомился читатель, нужно будетъ излагать. Но такое ихъ множество, такое въ нихъ разнообразіе, что полное и систематическое ихъ изложеніе съ подробнымъ изъясненіемъ вліянія ихъ на воспитываемыхъ дѣтей затруднительно; надобно было бы написать особую о томъ книгу; поэтому избранные мною факты я раздѣлилъ на нѣсколько видовъ и каждый видъ стану излагать почти независимо отъ его сосѣдей. Извините за недостатокъ системы и неполноту, или за повтореніе того, что было прежде сказано.

1.

Въ No. 7 Совр. 1864 г. въ ст. С. Петербургъ (стр. 2—3) говорится: «нигдѣ такъ полно и самовластно не господствуетъ внѣшняя обрядовая сторона человѣческой дѣятельности, какъ въ той сферѣ ея, которая зовется свѣтомъ. Тамъ духъ человѣческій вполнѣ закованъ наслѣдственными латами. Тамъ учатъ ихъ носить съ дѣтства, учатъ имъ, какъ гимнастическимъ штукамъ, будущихъ акробатовъ; тамъ иначе какъ въ установленныхъ формахъ не выражаютъ никакого человѣческаго отношенія и всякая мысль, каждое чувство имѣетъ для себя свое патентованное выраженіе. Есть такой-то и такой-то способъ для приличнаго выраженія вниманія, нерасположенія и пр. Отступить отъ нихъ будетъ дерзостію, безсмысленностію, глупостію и пр.» Хотя, какъ в. с-но (39 отд.), духовнымъ воспитанникамъ внушается презрѣніе къ такъ называемому свѣту, м. т. воспитаніе ихъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніи ведется такъ, что выписанныя изъ Современника слова очень легко прилагаются и къ духовнымъ училищамъ вообще. Въ нихъ тоже обрядовая сторона, внѣшность, форма играютъ важную роль, составляютъ сущность всего; есть таже наслѣдственные латы, которыя на всѣхъ надѣваютъ, — гимнастическія штуки, которымъ учатъ, есть патентованныя формы для выраженія разныхъ чувствованій, для доказательства своей исправности и пр. Стану излагать одинъ за другимъ факты, сюда относящіеся съ большею частію которыхъ мы уже знакомы.

А.

а) Съ учебниками, съ уроками изъ нихъ ученикамъ надобно знакомиться, но, р-ся, для того, чтобы усвоить свѣдѣнія, въ нихъ заключающіяся; а для этого необходимо понять содержаніе каждаго урока. Но мы видѣли, какъ въ духовныхъ училищахъ на это смотрятъ. Конечно не мѣшаютъ понимать заучиваемое, при случаѣ похвалятъ за пониманіе, но существенное дѣло состоитъ въ заучиваніи хотя бы и непонятнаго. — Потомъ понятую мысль можно и даже должно выразить и своими словами, но букваристика и зубристика полагаютъ, что для этого только есть одна форма, т. е. слова автора: *умнье-де его не будешь;* отступленіе здѣсь отъ данной формы считается уже признакомъ вольнодумства и незнанія урока. Далѣе о нѣкоторыхъ предметахъ прямо говорятъ, что ихъ не поймешь, да и не слѣ-

дуетъ понимать разсудкомъ; мысли которыя къ нимъ относятся, ты только заучи, да вѣрь имъ непремѣнно, а на желаніе понять ихъ смотри, какъ на соблазнъ, котораго надобно избѣгать. б) Въ классъ ученику конечно надобно ходить, но не для того, чтобы тамъ сидѣть, самому прочитать или послушать, какъ другой прочитаетъ учителю урокъ, — сидѣть можно и дома, да еще что нибудь и подѣлать, а отчотъ въ урокахъ можно сдать за разъ въ мѣсяцъ, или даже въ треть. Въ классъ ходить нужно преимущественно для того, чтобы усвоить какія либо тамъ свѣдѣнія. Но мы уже знаемъ, что очень часто въ классѣ только что сидятъ, да слушаютъ, или не слушаютъ, какъ читаются уроки. М. т. занимайся ученикъ въ квартирѣ ежедневно всѣ казенные шасть часовъ самымъ усерднымъ образомъ притомъ классическими предметами, но не пойди въ классъ, его все-таки поставятъ ниже того, который сидитъ за классическимъ столомъ, хотя бы только что сидѣлъ; этому вмѣнится въ заслугу его процессъ сидѣнія, а тому поставится въ вину даже и прогрессъ въ наукѣ; сиди, хотя бы и не зачѣмъ было сидѣть, слушай, хотя и ничего дѣльнаго не услышишь; — порядокъ того требуетъ. в) Пришло положенное по уставу время излагать свои мысли и чувствованія на бумагѣ. Тутъ уже можно было позволить всякому излагать ихъ своимъ языкомъ; наставники сообщай только свѣдѣнія, заботься объ исправленіи недостатковъ въ слогѣ, пріучай излагать мысли въ логической послѣдовательности; — тутъ нелѣпо даже предписывать казенныя формы. А м. т. мы уже видѣли, что тутъ-то онѣ и преобладаютъ въ духовныхъ училищахъ. Есть формы для сочиненій всѣхъ родовъ, есть казенныя для нихъ мысли, есть казенный и языкъ; думай и пиши только по заведенному порядку, по установленному разъ на всегда образцу. Но это скажутъ не къ нравственной и религіозной сторонѣ, а къ учебной, хотя привычка и методъ, усвоенные въ послѣдней, легко переносятся и къ первымъ.

Б.

Посмотримъ на нравственность и религію. а) Давно уже извѣстно, что въ многоглаголаніи нѣтъ спасенія, что краткая, но сердечная молитва угоднѣе Богу, нежели сухо прочитанные цѣлые десятки листовъ давнымъ давно сочиненныхъ молитвъ. Притомъ молиться утромъ и вечеромъ одному гораздо удобнѣе, нежели гдѣ либо простоять въ кучѣ. Но въ духовныхъ училищахъ слушай, или не слушай, а

все-таки ступай на молитву куда либо въ холодную залу; самъ можешь молиться, но частная молитва идетъ не въ зачотъ; нужно, чтобы она совершалась подъ надзоромъ начальства, въ извѣстномъ мѣстѣ, по извѣстной формѣ; — и все это такъ усердно исполняется, что и набожные ученики перестаютъ молиться. б) И въ церкви одно стояніе при продолжительной службѣ не принесетъ пользы, можно прійти и въ *единодесятый* часъ и помолиться лучше, нежели пришедши *изъ за утра;* потомъ можно бы и прямо прійти въ церковь, а не мерзнуть гдѣ либо въ холодной залѣ, не драться на кулачки, чтобы согрѣться и пр. Но въ духовныхъ училищахъ только казенная служба считается полезною для воспитанника; приди ты къ ней за полчаса, или за часъ, стой во время ея, хотя бы отъ утомленія тебя ноги не держали; что въ душѣ твоей, начальству до того дѣла нѣтъ; оно требуетъ только, чтобы ты и относительно общественнаго богослуженія поступалъ по заведенному порядку, по казеннымъ образцемъ и пр. в) Нельзя же не подчинить учениковъ формамъ и внѣ церкви, когда дѣло касается *благоприличія, благоповеденія, благосмиренія, благопослушанія* и пр. Тутъ уже рѣшительно есть чуть не на все патентованныя формы; тутъ почти хотятъ сдѣлать нравственными людьми точно также, какъ приготовляютъ акробатовъ при помощи гимнастическихъ упражненій. Въ корридорѣ 20° холода; ругай ты про себя и даже не про себя ректора, который заставляетъ тебя скидать фуражку, п. ч. въ этомъ корридорѣ онъ живетъ гдѣ-то, — ругай, но если ты съ непокрытой головой, тебя сочтутъ человѣкомъ хорошимъ, а другаго который и уважаетъ и любитъ ректора, но надѣлъ фуражку, чтобы не простудить головы, — дурной человѣкъ. Надѣвай ты платье старомодное, носи волосы по казенной мѣркѣ, кланяйся подъ извѣстнымъ угломъ, — будешь человѣкомъ хорошимъ; ну а вздумай одѣться, какъ одѣваются порядочные люди, поклонись только вѣжливо, а не униженно, надѣнь фуражку на бокъ, а не на глаза и пр., тогда отъ тебя нечего ждать хорошаго.

В.

Р-ся и почтенному начальству нельзя же не показать своимъ собственнымъ примѣромъ, какъ нужно исполнять все по формѣ. а) Профессорамъ въ классъ нужно ходить не для того, чтобъ походить, помечтать, когда мальчикъ читаетъ скороговоркой урокъ, посидѣть спокойно на стулѣ, подписать журналъ, а чтобы прояснить урокъ и позаботиться о раз-

витіи умственныхъ способностей чрезъ сообщеніе свѣдѣній. Но вѣдь это уже не форма, тутъ слишкомъ много нужно содержанія и запаса. И потому лучше дѣлать такъ, чтобы нельзя было сказать, будто не былъ въ классѣ; — приди, пожалуй, и попозже, просиди положенное время, подпиши журналъ, заставляй мальчиковъ все забалтывать, повторять по 5—10 разъ уроки и пр., да умѣй прислужиться къ ректору, будешь считаться славнымъ педагогомъ. б) Экзамены, к-ся, придуманы для того, чтобы узнать успѣхи учениковъ по каждой наукѣ. Но къ чему держаться этого стараго мнѣнія? Былъ бы только экзаменъ и довольно; отвѣтилъ по одному предмету, значитъ знаетъ и другіе два, которые съ ними были соединены; спросилъ одинъ параграфъ, значитъ все знаетъ. Развѣ это не пустѣйшая форма? в) Экзаменатору, к-ся, тоже не худо знать предметъ, изъ котораго онъ экзаменуетъ; но и это, старое мнѣніе. Я ректоръ, — значитъ, я все знаю, и потому экзаменую по татардки. и почуважски, какъ это дѣлается въ Казанской академіи и семинаріи, хотя татарскія и чуважскія слова для меня вовсе не понятны; экзаменую по математикѣ, хотя не умѣю отличить плюсъ отъ минуса. г) Отецъ ректоръ долженъ бы смотрѣть и за преподованіемъ наукъ профессорами, и самъ подавать примѣръ имъ. Ну, а мы развѣ въ годъ разъ куда либо заглянемъ въ классъ, да и такъ Богъ знаетъ за-чѣмъ; а на свой классъ или не ходимъ, или пошлемъ помощника, или и придемъ, да еще менѣе сдѣлаемъ, нежели помощникъ.

Сообразите, г. ч все, сказанное здѣсь о формахъ; вѣдь почему семинаристу на основаніи даже логики не дойти до слѣдующихъ основательныхъ заключеній. «Если ректоръ и профессоры нерадиво исполняютъ свои обязанности, если они стараются быть исправными только по формѣ, соблюдаютъ только одну внѣшнюю сторону, если и меня они пріучаютъ къ формальному исполненію даже нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей, если и въ урокахъ, и въ сочиненіяхъ обязываютъ меня дѣйствовать только по извѣстнымъ формамъ, такъ не должна ли и вся дѣятельность моя быть чисто формальною? Исполнилъ я казенныя обязанности, по казенному обряду, соблюлъ всѣ казенныя условія, и довольно.» Вѣдь, право, заключеніе будетъ самое логичное. Да и безъ разсужденія душевная дѣятельность сама приметъ такой характеръ отъ той обстановки, въ которой мальчикъ находится. *Кого заковываютъ въ формы, тому не трудно сдѣлаться формалистомъ.* Отъ такого-то воспитанія, какъ говоритъ одинъ изъ авторовъ берлинской апологіи (стр. 10)

въ семинаристахъ «нѣтъ жажды свободной дѣятельности, стремленія простереть свое вліяніе далѣе казенной формы; нѣтъ желанія и ревности стать чѣмъ нибудь болѣе, чѣмъ однимъ совершителемъ таинствъ и обрядовъ для народа.»

2.

Формы не всегда хорошо прикрываютъ внутреннее содержаніе, вотъ почему тамъ, гдѣ дѣятельность ограничивается преимущественно формализмомъ, надобно людей пріучать въ случаѣ нужды черное дѣлать бѣлымъ для того, чтобы отличиться, выставить себя предъ кѣмъ либо, или по к. м. не подпасть выговорамъ и отвѣтственности. И въ этомъ отношеніи благопопечительное духовно-училищное начальство не оставляетъ своихъ питомцевъ безъ назидательныхъ примѣровъ. а) Извѣстно, что и нынѣ семинаріи не отличаются чистотою и опрятностію, ну а про близкую къ намъ старину нечего и говорить. Въ No. 20 Дня 1863 г. (стр. 18) справедливо про семинаріи говорится: «надъ всѣмъ царила страшная экономическая грязь, привычка къ которой составили до такой степени существенную черту д-ва, что съ открытіемъ средствъ капиталъ скоплялся, а грязь оставалась прежняя, — предварительное обваливаніе человѣка въ ней считилось плодотворнѣйшею педагогическою мѣрою, вліяніе которой на самихъ представителей д-ва было, какъ имъ казалось; крайне плодотворно.» М. т. не смотря на плодотворность грязи, если о желаніи какого либо замѣчательнаго человѣка осмотрѣть семинарію, узнаетъ напередъ начальство; то все явится въ сносномъ, а иногда и въ порядочномъ видѣ. Начинается чищеніе, метенье и вытираніе всего; не только экономъ и инспекторъ чуть не лично принимаютъ во всемъ участіе; но и ректоръ снизойдетъ посмотрѣть или на хлопоты, или на результаты ихъ. Все это повторяется ежегодно по нѣсколько разъ предъ экзаменами, предъ храмовыми праздниками семинарской церкви, когда особенно ожидаютъ посѣщенія мѣстнаго епископа. б) Ну а если получится извѣстіе о пріѣздѣ Об. Пр-ра Синода, или другой важной особы, о назначеніи ревизора; то на семинарію, или училище нападаетъ демонъ чищенія и мытья. Тутъ даже выкрасятъ внутри и снаружи стѣны училищнаго дома, сошьютъ казеннымъ ученикамъ новую одежду, справятся, не ходитъ ли кто изъ нихъ босоногимъ, или въ сапогахъ безъ подошвъ. «Тутъ, какъ выражается авторъ книги о у. д. у. (т. 1.

486 стр.) появляются въ зданіи семинарскомъ столяры, плотники, моляры, печники, штукатуры, портные, кто стучитъ, кто скоблитъ, кто мажетъ, или забѣливаетъ, кто примѣриваетъ.» в) Не забываютъ тутъ и столовой воспитанниковъ, не только столъ покроютъ скатерьтями, положатъ салфетки, поставятъ тарелки, но и приготовятъ хорошее кушанье въ небываломъ обиліи; ученики — *пшь не хочу*, вознаграждай себя за мѣсяцы голода. Въ одной изъ важнѣйшихъ семинарій случилось однажды по этому случаю такое событіе, которое и въ Русскомъ царствѣ можетъ назваться рѣдкостію. Пріѣзжаетъ важный посѣтитель въ семинарію, когда ученики только что кончили обѣдъ и онъ на кухнѣ и въ столовой могъ бы дознаться и самъ попробовать, чѣмъ кормятъ ихъ. На его вопросъ: обѣдалиль? отвѣчали, что еще нѣтъ. Посѣтитель сказалъ, что онъ будетъ дожидаться обѣда въ комнатахъ ректора. Въ этотъ критическій моментъ экономa осѣнила геніальная идея. Городъ былъ большой, трактировъ множество и притомъ близъ семинаріи. Экономъ быстро распорядился, что бы оттуда доставили въ достаточномъ количествѣ два кушанья. Къ обѣду пригласили посѣтителя, онъ попробовалъ кушанья и остался крайне доволенъ. г) Иногда вмѣсто двухъ дурныхъ приготовятъ въ подобныхъ случаяхъ три, даже четыре блюда. И когда посѣтитель спроситъ: неужели такъ всегда кормятъ? то при ученикахъ же съ безстыдствомъ отвѣчаютъ: *всегда такъ; нынѣ ничего особеннаго не готовили.* д) Бывали примѣры, что даже хлѣбъ приготовлялся двухъ, или трехъ качествъ, одинъ подавался за обѣдомъ, когда можно ожидать посѣтителей; а другой за ужиномъ, когда никто не заглянетъ въ столовую. е) Уроки по части надувательства бывали почти вездѣ, да и нынѣ еще продолжаются предъ экзаменами. Рѣдкій профессоръ тутъ не выпуститъ тѣхъ статей, которыя по чему либо затруднительны; многіе обѣщаются даже *украсть* изъ кучи билетовъ тѣ, которые не нравятся ученикамъ; многіе также отдаютъ все на волю учениковъ, чтобы они сами уже всѣмъ распорядились по своему благоусмотрѣнію. Относительно публичнаго экзамена каждому ученику за нѣсколько дней сказывается, изъ чего спросятъ его. Нѣкоторые догадливые ректора приказываютъ отмѣтить на приготовляемомъ для нихъ конспектѣ предметовъ, назначенныхъ для экзамена, кому изъ учениковъ принадлежитъ тотъ, или другой вопросъ. Въ одной семинаріи отъ этого произошелъ довольно смѣшной случай. Въ торопяхъ ректоръ приготовленный для себя конспектъ положилъ предъ лицо преосвященнаго и т. о.

самъ остался безъ руководства. Замѣчательно, что главный экзаменаторъ и не догадался, для чего это на лежащемъ предъ нимъ конспектѣ, въ который онъ часто заглядывалъ, написана противъ каждаго вопроса фамилія ученика. А м. б. подумалъ: вѣдь если все уже обращено въ форму, то почему и его самаго не обманывать формальнымъ образомъ? е) Съ искуствомъ начальства прикрывать разные грѣшки и выставлять ихъ дѣлами если не праведными, то вполнѣ безгрѣшными особенно бываютъ знакомы воспитанники и вмѣстѣ письмоводители училищныхъ правленій. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ есть много секретныхъ расходовъ, которые не вносятся въ расходную книгу; напр. деньги, употребляемыя на угощеніе посѣтителей во время публичныхъ экзаменовъ, особенно же ревизоровъ и пр. Но такіе расходы, по канцелярскому выраженію, *разбрасываются, раскидываются* на разные законные расходы; тамъ прибавятъ пудовъ 200 ржаной муки, тутъ четвертей пять грѣчневыхъ крупъ и пр. Эти операціи, р-ся, извѣстны письмоводителямъ, особенно тому изъ нихъ, который состоитъ при экономѣ, а иногда ими же производятся по порученію самаго начальства, извѣстны и прочимъ семинаристамъ, принимаются ими *къ свѣдѣнію и къ должному въ потребныхъ случаяхъ соображенію.* Надобно отдать честь семинаристамъ, что они очень хорошо усвояютъ всѣ эти назидательные примѣры и принимаютъ къ дѣлу еще въ семинаріи, р-ся, сколько возможно по ихъ положенію. Особенно они усовершились по части экзаменовъ. Такъ называемые экзаменскіе билеты они приготовляютъ съ замѣчательнымъ искуствомъ; смѣтливый парень, ставши предъ столомъ, на которомъ они разбросаны, выберетъ изъ нихъ тотъ, который ему извѣстенъ; и потому многіе, зная какія либо 5—6 вопросовъ изъ цѣлой науки, удивляютъ экзаменатора своими свѣдѣніями. Объ академіяхъ и семинаріяхъ нечего уже говорить; даже училищные мальченки и тѣ обманываютъ сановныхъ ревизоровъ какъ нельзя лучше. Въ 1864 г. ученика поступившаго въ риторику, одинъ профессоръ семинаріи распрашивалъ о бывшей у нихъ ревизіи. Мальчикъ не имѣлъ никакихъ поводовъ скрытничать предъ профессоромъ и потому съ откровенностію сказалъ: «вѣроятно, къ намъ прислали ревизора, чтобы мы видѣли, какіе у васъ здѣсь простаки; мы его обманывали во всемъ: изъ географіи знали по одному билету, и устроили дѣло такъ, что каждый читалъ приготовленный имъ билетъ, а ревизоръ сидѣлъ, да поглаживая бороду, приговаривая: *хорошо, хорошо,* мы въ присутствіи его едва сдерживались

отъ смѣха, за-то уже послѣ посмѣялись.» О томъ, какое вліяніе уроки по части раскидки секретныхъ расходовъ производятъ на нравственность учениковъ, поговорю въ послѣдствіи.

3.

Выше уже было сказано, что духовно-училищное начальство, пріучая учениковъ къ смиренію, послушанію, вмѣстѣ съ тѣмъ самаго себя ставитъ на недосязаемой отъ нихъ высотѣ, окружаетъ себя недоступнымъ величіемъ, требуетъ себѣ чуть не благоговѣйнаго поклоненія. Мальчикъ м. б. аналитически и не разберетъ всего этого, но въ теченіи 12—16 лѣтъ своей ученической жизни онъ видитъ, какъ предъ его начальниками скидаютъ фуражки за нѣсколько саженей, дѣлаютъ ему поясные, а иногда и земные поклоны, не смѣютъ накрывать голову даже въ томъ коридорѣ, на одномъ концѣ котораго за пятью дверями и стѣнами живетъ Его В-біе; онъ также видитъ, что съ другой стороны начальство гордо ведетъ себя по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, не находитъ нужнымъ быть вѣжливымъ даже не грубымъ, не отвѣчаетъ на совершаемые предъ нимъ поклоны, даже глазомъ не выразитъ своего вниманія. Мальчикъ, все это видя, естественнымъ образомъ доходитъ до убѣжденія, что и ему, когда сдѣлается чѣмъ нибудь, нельзя себѣ отказать въ удовольствіи поважничать, потщеславиться. Вѣдь дѣти чрезвычайно *любятъ играть во власть;* даже въ деревняхъ они, собравшись вмѣстѣ, одному йзъ себя позволяютъ быть генераломъ, офицеромъ, управляющимъ, старостою, помѣщикомъ, исправникомъ, попомъ и пр., а прочіе слушаются отдаваемыхъ имъ приказаній. Показывай начальство снисхожденіе къ своимъ подчиненнымъ, тогда бы и дѣти стали думать, что это качество составляетъ необходимую принадлежность всякаго, возвышающагося надъ другимъ человѣка. Но если видятъ въ начальникахъ б. ч. примѣры гордости и тщеславія, то почти всегда имъ подражаютъ. И мы уже видѣли, какъ спѣсивится старшій предъ подчиненными, богословъ и философъ предъ риторами; училищный высшеклассный мальчишка предъ низшекласснымъ. Когда эти спѣсивцы кончатъ курсъ въ семинаріи, ихъ гордость не уменьшится, а еще болѣе поддержится убѣжденіемъ въ своей учености, въ своемъ умственномъ превосходствѣ предъ прочими, которое, какъ в. с-но, семинаристы выносятъ съ собою

изъ школы. Убѣжденіе это какъ бы уполномочиваетъ ихъ смотрѣть свысока на другихъ, зависящихъ отъ нихъ людей. А благопопечительное начальство не оставляетъ ихъ назидательными примѣрами и въ другихъ отношеніяхъ. Вотъ о. ректоръ пришолъ въ классъ и помолился, свою трость могъ бы поставить и самъ у двери, или отдать ее безъ особыхъ церемоній, но такъ поступаютъ простые смертные, а люди, давшіе обѣтъ смиренія, какъ мы уже видѣли (1 ч. 22 Отд.), требуютъ, что бы не лакеи ихъ, а ученики взрослые, чуть, чуть не священники, облобызали ихъ десницу или шуйцу за то, что она отдаетъ имъ трость. Потомъ 300—500 человѣкъ собрались въ церковь предъ богослуженіемъ утомленные уже стояніемъ гдѣ нибудь въ холодной залѣ; къ чему бы ихъ утомлять еще безъ нужды? Простые смертные скоро бы прошли въ церковь, или не велѣли бы себя ожидать. Но люди, *превознесенные*, или *превозносящіеся паче другихъ*, такъ не поступятъ; они велятъ долго, полчаса, часъ благовѣстить на колоколнѣ, сами сидятъ спокойно у себя въ комнатѣ, ничего не дѣлая, даже заснутъ немного, а тамъ все-таки ждутъ 300—500 человѣкъ. Двинулись наконецъ; идя въ храмъ Божій, могли бы бросить суетность; нельзя — и тутъ велятъ дѣлать въ честь своего шествія *трезвонъ во вся тяжкія кампаны*, позволяютъ, или лучше требуютъ, чтобы ихъ встрѣчали и провожали, какъ епископовъ и пр. Господа и отцы! Вѣдь, дѣти все это видятъ; умныя между ними понимаютъ вашу спѣсь и тщеславіе, смѣются надъ ними и не увлекаются ими; но масса, всегда подражающая высшимъ, пойдетъ по вашимъ слѣдамъ и каждый изъ нее въ своемъ кругу постарается по вашему примѣру окружить себя своего рода величіемъ, даже потрировать его.

Судя по тому, чѣмъ изъ подражанія начальству и даже по его поощренію дѣлаются семинаристы, находясь даже подъ школьной ферулой, можно уже понять ту спѣсь и тщеславіе, то высокомѣріе и гордость, которыя обнаруживаютъ, когда они сдѣлаются людьми оффиціальными, получатъ по церковнымъ и гражданскимъ законамъ власть надъ другими. Я увѣренъ, что если бы начальники семинарскіе, академическіе и училищные, особенно м-щіе не превозносились предъ своими подчиненными, не показывали имъ соблазнительныхъ примѣровъ, какъ подниматься, т. е-ть, *на ходуляхъ своей власти*, то у насъ чрезвычайно бы уменьшилось количество спѣсивыхъ и гордыхъ священниковъ, которые на своихъ прихожанъ смотрятъ какъ на своихъ чуть не крѣпостныхъ, даже

подначальственныхъ людей. Но спѣсь и тщеславіе священниковъ распространяется не на однихъ прихожанъ; значительная часть ихъ перепадаетъ и на причтъ. Извѣстно, что священники вообще, если только есть возможность, не очень ласковы къ дьячку и пономарю, любятъ даже употреблять ихъ иногда въ качествѣ кучеровъ и пр. Если же не дѣлаютъ этого, то по к. м. за униженіе ставятъ себѣ имѣть съ ними какія либо интимныя связи. Любопытный фактъ, сюда относящійся, напечатанъ въ N. 5 Дня 1865 г. «На съѣздѣ землевладѣльцевъ въ пошехонскомъ уѣздѣ возникъ вопросъ о томъ, допускать ли причетниковъ къ участію въ выборахъ, такъ какъ въ положеніи упоминаются только священно-служители.» К-ся, священникамъ надобно бы всячески хлопотать о томъ, что бы вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; тогда число голосовъ отъ д-ва на съѣздѣ увеличилось бы. Но м. т. «одинъ священникъ выразилъ такую мысль, что если допустить дьячковъ и пономарей, то уже имъ — священникамъ лучше не пріѣзжать на выборы вовсе.» Г. Аполлонъ Майковъ, сообщившій это извѣстіе, не прибавляетъ, чтобы отвращеніе почтеннаго іерея отъ причетниковъ кѣмъ либо изъ его собратій было отвергнуто; значитъ всѣмъ имъ казалось и стыдно и унизительно вмѣстѣ съ дьячками выбирать гласныхъ.

Надобно подняться въ болѣе высокія сферы. Въ городахъ, особенно губернскихъ, гдѣ такъ много бываетъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному званію, протоіереямъ, священникамъ нельзя уже оставаться въ равномъ достоинствѣ. Почему тутъ однимъ не *построить для себя повыше подмостокъ*, съ которыхъ можно бы глядѣть на возлюбленныхъ своихъ собратій. Печальное доказательство такой спѣси напечатано въ N. 31 Дня 1862 г. въ ст. очеркъ мѣстнаго городскаго..... д-ва и пр. «Д-во, говоритъ корреспондентъ про свой городъ, рѣзко дѣлится на двѣ партіи — семинаристовъ-аристократовъ и плебеевъ. Странно видѣть это раздѣленіе въ духовномъ сословіи: вѣдь оно взяло на себя обязанность религіозно воспитать общество въ духѣ братской любви и равенства о Христѣ, проповѣдуетъ другимъ, что предъ голосомъ христіанства, предъ величіемъ крестной смерти Спасителя должны смолкнуть, разсыпаться какъ прахъ, всѣ національныя, сословныя и другія различія, всѣ преимущества, которыми мы такъ любимъ гордиться другъ предъ другомъ, что въ христіанствѣ нѣтъ Еллиновъ и Евреевъ, варваровъ и Скифовъ, рабовъ и свободныхъ; но всѣ составляютъ одно тѣло; всѣ дѣти одного Отца небеснаго, Который равно всѣхъ

любитъ, братья І. Христа, братья между собою и ничѣмъ не обязаны въ отношеніи другъ къ другу, кромѣ любви. Странно, говоримъ, слышать одно, а на дѣлѣ видѣть совершенно другое. На сколько мы знакомы съ разными сословіями, не обинуясь, можемъ сказать, нигдѣ такъ раздѣленность глубоко не въѣлась, какъ въ д-вѣ; она вошла въ его плоть и кровь, сдѣлалась его характеристической чертой; въ д-вѣ личность человѣка совершенно отодвинута не на второй, а на послѣдній планъ; въ немъ больше всего цѣнится покрой, цвѣтъ платья, отличіе на груди, мірскія связи и т. д. Пойдемъ же со мною, читатель, на оффиціальный обѣдъ, или чай, гдѣ собрано все мѣстное д-во. Гости расположились въ двухъ комнатахъ, гостиной и залѣ. Въ гостиной засѣдаютъ семинаристы-аристократы: отъ инспектора семинаріи, смотрителя училища до кафедральнаго протоіерея; въ залѣ помѣстились семинаристы-плебеи — дьякона, священники не члены консисторіи, консисторскіе чиновники, учителя училища и семинаріи. Съ перваго же раза васъ непріятно поразитъ эта вялость, монотонность, отсутствіе разговорчивости въ гостяхъ, дѣленіе ихъ на кружки: вотъ дьякона, вотъ чиновники к-рій, вотъ учителя училища и семинаріи, а вотъ и наша аристократія. Каждый, по большей части, держится своего кружка; разговоръ, если гдѣ и есть, ведется тихо; всѣ смотрятъ какъ-то недовѣрчиво, какъ будто собрались не для дружеской бесѣды, а съ цѣлію слѣдить другъ за другомъ. Разговоръ никогда не бываетъ общимъ, п. ч. не прикасаются Жидове Самарянамъ; онъ имѣетъ характеръ, главнымъ образомъ, анекдотическій; чѣмъ богаче кто анекдотами, тѣмъ онъ милѣй; наше общество не брезгливо. Даже въ кругу аристократовъ пробавляются анекдотами. Разсужденій не полагается; тутъ можно высказывать свое мнѣніе; но у насъ имѣть собственное мнѣніе равняется преступленью; на другой день можете разсчитывать на полученіе выговора, если ваше мнѣніе не понравится сильному аристократу. Аристократъ-семинаристъ не позволитъ себѣ разсуждать предъ высшими; но и самъ не терпитъ выслушивать разсужденія отъ низшихъ; онъ съ презрѣніемъ относится къ семинаристамъ-плебеямъ.

4.

Извѣстно, что люди, которыхъ гордость основывается не на сознаніи своихъ дѣйствительно высокихъ качествъ, не на аристократическомъ происхожденіи, не на огромномъ

вліяніи, которое они своею дѣятельностію обнаруживаютъ на другихъ; — что эти люди, удерживая спѣсь и предъ низшими или равными, любятъ всячески заискивать благоволеніе и милость у всякаго, кто выше ихъ, или отъ кого они въ чемъ либо зависятъ. Въ духовныхъ воспитанникахъ очень много задатковъ къ такому *благоповеденію*. Конечно они отъ своихъ почтенныхъ начальниковъ понаучились, какъ слѣдуетъ держать себя съ важностію предъ подчиненными, но вмѣстѣ съ тѣмъ привыкли быть и остаются, т. с-ть, навсегда настроенными благоговѣть и изгибаться предъ всѣмъ, что выше ихъ, такъ или иначе можетъ вліять на нихъ. Кромѣ этого благопопечительное начальство не оставляетъ назидать ихъ и собственнымъ примѣромъ. Вѣдь воспитанники видятъ, какъ ихъ гордые и неприступные начальники униженно встрѣчаютъ высшее начальство, въ какомъ безпокойствѣ бываютъ, ожидая его, въ какое замѣшательство приходятъ, когда оно выразитъ имъ свое неудовольствіе, или даже только не покажетъ своего благоволенія; — видятъ и слышатъ также, какъ не только услуживаютъ, но даже прислуживаютъ архіереямъ, какъ на публичномъ экзаменѣ при многочисленной публикѣ припадаютъ къ стопамъ ихъ. Потомъ тѣже воспитанники видятъ и знаютъ какъ ихъ начальники, гордые предъ ихъ отцами, очень привѣтливы къ свѣтскимъ лицамъ, къ важнымъ чинамъ, къ богатымъ купцамъ, къ вліятельнымъ всѣмъ вообще особамъ; все это знаютъ и принимаютъ къ свѣдѣнію. И потому-то встрѣчаемъ мы въ семинаристахъ и вообще въ д-вѣ людей, которые ведутъ себя гордо предъ подчиненными своими и потомъ какъ будто вдругъ перерождаются, когда встрѣтятся съ своими начальниками, или съ лицами по чему либо важными для нихъ; тогда эти гордецы дѣлаются такими смиренниками, что, право, становится совѣстно за нихъ.

5.

О дурномъ содержаніи казеннокоштныхъ семинаристовъ такъ уже много писано, что входить въ подробности, касательно этого предмета нѣтъ надобности; можно ограничиться только общими выводами. Казеннокоштному ученику приходится довольствоваться частенько тухлою говядиною, прокваснившеюся капустою, затхлою крупою, прогорклымъ масломъ, недопеченымъ, или сляглымъ хлѣбомъ съ прибавкою даже мелкихъ существъ изъ животнаго царства, прокислымъ

квасомъ, отъ котораго, по русской поговоркѣ, *глазъ вырветъ*. При такомъ положеніи семинариста казеннокоштнаго въ жизни уже не удивитъ никакая дурная пища; ему приходилось испытать все въ школѣ еще. Если даже отпускаются на все свѣжіе запасы, то иногда въ такомъ количествѣ, что остатковъ никакихъ не можетъ быть, а жалобы о недостаткахъ не принимаются, или наказываются, какъ либерализмъ, чревоугодіе, неповиновеніе власти. Пріучая къ голоду, не хотятъ отучить и отъ холода; жилыя ученическія комнаты не отапливаютъ не только до октября, а даже до ноября; а столовую и классы вовсе не находятъ нужнымъ нагрѣвать. Отъ этого, какъ пишетъ авторъ книги о. с. д. (стр. 8) въ одномъ духовномъ училищѣ въ декабрѣ до 30 учениковъ умерло и двѣ трети получили цынгу. Самыхъ больныхъ оставляютъ слишкомъ часто на попеченіе благодѣтельной природы, которая, произведши на свѣтъ семинаристовъ, должна сама принимать мѣры къ поддержанію и поправленію ихъ здоровья. Всѣ эти поступки начальство благочестиво прикрываетъ разными сентенціями и назидательными наставленіями. Нынѣ скажетъ жалующимся на дурную пищу: «ахъ вы, неблагодарные! да развѣ казна обязана кормить васъ по-барски? довольно и того, что она призираетъ васъ; будьте ей благодарны и за кусокъ хлѣба.» Завтра восклицаютъ: «вамъ бы только ѣсть, а не заниматься. Развѣ не знаете, что, по словамъ Спасителя, не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ? Подите, лучше помолитесь, да ложитесь спать.» Инымъ скажутъ, что чревоугодіе есть чуть не смертный грѣхъ, что умерщвленіе плоти принадлежитъ къ важнѣйшимъ обязанностямъ христіанина, что древніе пустынники довольствовались какимъ либо кускомъ черстваго хлѣба. Иныхъ, слишкомъ назойливыхъ даже и прищугнутъ порядочно; бывали примѣры, что посѣкали розгами за чревоугодіе.. Все это было. Но теперь вопросъ состоитъ въ томъ, продолжается ли такое содержаніе и нынѣ, когда гласность наша обнаружила эти вопіющія, безчеловѣчныя злоупотребленія? Не безпокойтесь, г. ч. Начальники духовно-учебныхъ заведеній принадлежатъ по самому своему сану къ ультра-консервативной партіи и не скоро разстаются съ преданіями, съ заведенными и утвердившимися порядками и безпорядками. Между ими и теперь есть еще многіе, которые считаютъ нужнымъ пріучать своихъ питомцевъ и къ холоду, и къ голоду, и къ благодушному перенесенію всѣхъ непріятностей казенной жизни. Постараюсь подтвердить вамъ это новѣйшими фактами.

1) Въ 1864 г. о. ректоръ, который, по видимому, только и думаетъ о спасеніи своей души, приказалъ въ ученической столовой отпускать на каждаго въ день не болѣе одной четверти фунта говядины, и на 150 человѣкъ только восемь фунтовъ масла. Кромѣ того говядина, особенно солонина были доставляемы самыя дурныя, такъ что щи семинаристы не отваживались ихъ ѣсть; а въ котлѣ, гдѣ варились щи изъ этой говядины, столько набиралось накипи изъ пѣны, что ее снимали цѣлыми ковшами. Ученики нѣсколько разъ обращались къ самому ректору. Почтенный мужъ поступалъ въ этихъ случаяхъ различно. Однажды дежурный старшій, еще не потерявшій свѣжаго цвѣта лица, жаловался отъ имени всѣхъ на невыносимо-скверную пищу. О. ректоръ, подошедши къ нему и слегка ударивши его карандашемъ по щекѣ, сказалъ: «подика, посмотрика на себя лучше въ зеркало.» Въ другой разъ ученики принесли къ нему щи, отъ которыхъ по причинѣ дурной говядины, несло отвратительнымъ запахомъ, и просили его попробовать ихъ. «Развѣ вы не знаете, отвѣчалъ благочестивый о. ректоръ, что я, какъ монахъ, не ѣмъ скоромной пищи?» Тогда его просили хотя понюхать щи. Но о. ректоръ замѣтилъ, что ему грѣшно даже понюхать скоромное. Ученики пошли было съ инспектору; этотъ сказалъ имъ, что у него давно потеряно обоняніе. Чревоугодники явились и къ эконому-монаху. И этотъ узнавши, что о. ректоръ счолъ за грѣхъ даже понюхать щи, въ которыхъ варилась протухлая солонина, не захотѣлъ тоже, какъ монахъ, губить своей души и отказался нюхать. Когда же жалобы слишкомъ уже усилились, то начальство поручило доктору повѣрить показанія учениковъ на счотъ говядины. Подрядчикъ, узнавши объ этомъ, прислалъ одну половину хорошей, а другую, дурной говядины. Докторъ послѣднюю забраковалъ, но этимъ дѣло не окончилось; ученики голодаютъ до сего дня. Многіе изъ нихъ рѣшаются сходить на квартиру; другіе бѣдные просятъ, чтобы имъ дали хоть 25 руб.; тогда они тоже ушлибы съ казеннаго, но начальство находитъ болѣе выгоднымъ оставлять ихъ въ корпусѣ; пускай-де голодаютъ. 2) Въ статьѣ: земскія силы г. Боробыкина N. 2 Библ. для Чт. 1865 года стр. 99) «Машенька говоритъ Анночкѣ: ты бы, Анночка, когда у васъ губернаторъ бываетъ и напѣвала ему: какъ вамъ не стыдно, что у васъ благоугодныя заведенія въ такомъ отвратительномъ видѣ? Что это, Прасковья Ивановна, куда, ни посмотришь, вездѣ-то тащатъ.» — «На это отвѣтила: нынче еще меньше прежняго.» Но Машенька опять загово-

рила: «помилуйте, и *семинаристовъ то на бурсѣ сырымъ хлѣбомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ кормятъ*. И пикнуть не смѣютъ. О. ректоръ еще нравоученіе скажетъ, что вы, молъ дескать, духовной пищей должны питаться и *за то будьте благодарны, что васъ на казенный счотъ отправляютъ*.» 3) Въ 1864 г. одному ректору семинаріи доложено было, что для больнаго ученика, по свойству его болѣзни нужно покупать молоко и бѣлый хлѣбъ. Почтенный начальникъ, узнавши, что больной принадлежитъ ко второму разряду, не захотѣлъ тратить казенныхъ денегъ на него. Вскорѣ послѣ того поступило въ больницу до 10 учениковъ уѣзднаго училища, заболѣвшихъ горячкою. Его В-біе, соблюдая казенный интересъ запретилъ выписывать для нихъ лекарства изъ аптеки и приказалъ только смачивать головы уксусомъ, да и то, съ соблюденіемъ экономіи. А горячки появились отъ очень простой причины. Блюститель казеннаго интереса запретилъ зимою отапливать классы; ему сталъ подражать смотритель уѣзднаго училища. При такомъ взаимномъ согласіи двухъ начальниковъ появилось множество больныхъ простудою, отъ которой при дурной пищѣ развилась тифозная горячка. Наконецъ 4) къ сожалѣнію надобно сказать, что даже въ одной духовной академіи если пища и не была м. б. дурною, то приготавлялась съ крайнею набрежностію; отчего однажды въ столовой изъ миски студентъ вынулъ крысенка, по этому случаю назначена была даже коммиссія изъ трехъ членовъ конференціи; пришедши въ кухню, они поражены были нечистотою въ ней и зловоніемъ отъ ямы въ коридорѣ, куда сливались помои.

Но защитники духовно-училищныхъ начальниковъ скажутъ, что на содержаніе учениковъ отпускаются ничтожныя суммы, о чемъ тоже много писано. Я и самъ съ этимъ согласенъ, только, по моему мнѣнію, ничтожныя суммы, назначаемыя на казенныхъ воспитанниковъ, не надобно начальникамъ дѣлать еще болѣе недостаточными, употребляя ихъ на свои собственныя нужды. М. т. наибольшая часть отцовъ и господъ начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній любили и продолжаютъ любить содержать себя на счотъ же учениковъ. О прошедшемъ времени не зачѣмъ говорить; объ этомъ въ книгѣ: о у. д. у. написано нѣсколько главъ со многими возмутительными подробностями. Коснемся самыхъ послѣднихъ лѣтъ. И нынѣшніе начальники продолжаютъ *чиствовать по стопамъ* своихъ предшественниковъ. Они и теперь слишкомъ во многихъ мѣстахъ берутъ для себя припасы изъ кладовой, а для прислуги пищу изъ столовой вос-

питанниковъ, нанимаютъ *tacito modo* прислугу для себя на казенный счотъ, даже содержатъ монастырскихъ лошадей на училищныя суммы. Вотъ напр. поваръ тогоже самаго ректора, который на 150 человѣкъ велитъ отпускать восемь фунтовъ масла въ день, беретъ изъ кладовой семинарской всѣ хранящіеся тамъ запасы въ такомъ количествѣ, въ какомъ ему заблагоразсудится; ученики посмѣиваются, что будто бы въ иной день для кухни о. ректора столько же отпускается масла, сколько для всѣхъ нихъ. А вотъ еще событіе, бывшее въ 1864 г. въ одной даже духовной академіи, гдѣ бы начальникамъ можно уже и себя и прислугу содержать на свой собственный счотъ. Въ слѣдствіе жалобъ на то, что служители и повара много воруютъ изъ съѣстныхъ припасовъ, поручено было самимъ студентамъ устроить изъ своей среды дежурства для того, чтобы наблюдать за цѣлостію припасовъ. Дежурные вступили въ должность, и тотчасъ же замѣтили, что прислуга всѣхъ членовъ Правленія въ обѣдъ и ужинъ беретъ болѣе, нежели въ достаточномъ количествѣ всякую пищу, которая готовится для студентовъ. Составленъ былъ митингъ и на немъ рѣшено доложить членамъ Правленія, на законномъ ли основаніи ихъ прислуга продовольствуется студентческимъ столомъ. Дежурный прежде всего явился къ ректору и предложилъ вопросъ. Ректоръ, застигнутый въ расплохъ, не нашолся, что отвѣчать, отозвался невѣдѣніемъ и обѣщался поговорить съ инспекторомъ, который тоже далъ уклончивый отвѣтъ. Наконецъ дѣло дошло и до экономa; этотъ почему то захотѣлъ быть откровеннымъ и сказалъ, что служители ректора и инспектора должны содержаться своими господами. Студенты, опираясь на этомъ, рѣшили не давать пищи начальнической прислугѣ. Не знаю, привелили они свое намѣреніе въ исполненіе.

6.

Духовные воспитанники могутъ учиться корыстолюбію у своихъ воспитателей не въ однихъ распоряженіяхъ, которыя касаются ихъ содержанія. Почтенные начальники имѣютъ издавна уже установившіяся, или выдумываютъ новыя статьи секретныхъ доходовъ, впрочемъ всѣмъ извѣстныхъ. Начнемъ дѣло съ низшихъ училищъ; здѣсь дѣла ведутся попроще и поясніе для всѣхъ, нежели въ среднихъ и высшихъ. Года два тому назадъ одинъ священникъ, сдавши свое мѣсто кому-то изъ своихъ родныхъ, рѣшился обучаться медицинскимъ наукамъ въ одномъ изъ университе-

товъ съ тѣмъ, что бы оказать пользу бѣднымъ поселянамъ во званіи врача не душъ уже, а тѣлесъ. М. т. захотѣлъ помочь прежней своей возлюбленной о Христѣ братіи косвеннымъ путемъ. Въ епархію поступилъ новый архипастырь. Заштатный священникъ послалъ къ нему письмо о злоупотребленіяхъ, которыя дѣлаются въ новой его паствѣ должностными лицами. Особенно онъ хорошо описалъ, какъ смотритель одного изъ низшихъ духовныхъ училищъ принимаетъ новыхъ учениковъ. По нынѣшнимъ постановленіямъ онъ обязанъ приведеннаго мальчика поэкзаменовать въ чтеніи по славянской и гражданской печати, въ знаніи нѣкоторыхъ молитвъ и еще (по чему-то) въ знаніи таблицы умноженія. Кромѣ того многіе особенно достаточные священники приготовляютъ своихъ дѣтей къ среднему, даже высшему отдѣленіямъ; въ этомъ случаѣ уже надобно новичка испытать во многихъ предметахъ. Р-ся, это дѣло слѣдовало бы поручить учителямъ подъ предсѣдательствомъ смотрителя. Но почтенныя особы принимаютъ б. ч. весь трудъ на себя. Тотъ, о которомъ я началъ рѣчь, поступаетъ въ этомъ случаѣ очень искусно. Велитъ приводить мальчика къ вечеру и даетъ ему библію, придерется къ чему нибудь, прикрикнетъ и притопнитъ на него. Мальчикъ отъ темноты, мелкой печати, испуга читаетъ, р-ся, дурно. Нѣтъ не годится, восклицаетъ смотритель. Отецъ замѣчаетъ опасность, вынимаетъ изъ кармана какой либо кредитный билетъ. Гнѣвъ школьнаго юпитера немного смягчается; и мальчику даютъ для чтенія книгу съ болѣе крупною печатію; но все еще хорошаго умѣнья читать не замѣчаютъ. Рубли прибавляются, начинаютъ экзаменовать въ молитвахъ и пр. И когда появится на столѣ удовлетворительная сумма, то оказавшійся сначала негоднымъ мальчикъ перерождается и какъ благопадежный кандидатъ принимается въ тотъ классъ, куда желаетъ отдать его отецъ; только для соблюденія приличія говорятъ просителю: «хорошо, я посмотрю, приди завтра.» Завтра приносятъ иногда и новую небольшую взяточку. Догадливыя особы напередъ уже предпосылаютъ обычную благостыню; тогда дѣло скоро улаживается даже безъ крика и топота; тутъ не зачѣмъ порохъ тратить; непріятель и безъ того изъявилъ совершенную покорность. Если вы, г. ч., не довѣряете разсказу моему, то прочитайте въ No. 6 Совр. 1863 г. ст. кое что изъ жизни заскамейной г. Новицкаго. Въ ней на стр. 249 описано, какъ тоже другой смотритель принималъ героя разсказа. Этотъ воспитатель еще грознѣе поступалъ, нежели описанный мною. Онъ даже закричалъ:

розогъ, что бы побольше настращать мальчика и сдѣлать отца поподатливѣе. И этотъ юпитеръ переставъ ниспосылать свои перуны, какъ скоро увидѣлъ достаточное жертвоприношеніе изъ рублей. Взяточничество при пріемѣ учениковъ сдѣлалось чѣмъ-то почти законнымъ. Ниодинъ отецъ, отдавая сына въ училище, не рѣшится записать его, не поблагодаривши смотрителя посильнымъ приношеніемъ. «Приводятъ, говоритъ авторъ книги: о. с. д. (стр. 11) мальчика въ училище; отецъ долженъ явить его смотрителю и пятерымъ учителямъ. Явить — значитъ принести денегъ. При этомъ отъ бѣднѣйшаго требуется неменѣе двухъ рублей смотрителю, и не менѣе рубля на каждаго учителя. Священникъ долженъ представить вчетверо или по к. м. вдвое.» И потому если училище довольно многолюдно, то пріемный годъ доставляетъ смотрителю по этой одной статьѣ до 500 руб. сер.; вѣдь право хорошо, когда все жалованье смотрительское б. ч. состоитъ почти только изъ 500 руб. асс.

Но у смотрителей есть и другія доходныя статьи. Одна изъ нихъ заслуживаетъ особенное вниманіе. По нынѣшнимъ постановленіямъ въ семинаріяхъ можетъ обучаться только опредѣленное число воспитанниковъ. Поэтому при переводѣ учениковъ въ низшее отдѣленіе семинаріи, правленіе ея назначаетъ приблизительно напередъ, сколько ему можно принять мальчиковъ изъ того, или другаго училища; и часто приказываетъ выслать требуемое число съ ничтожнымъ прибавленіемъ на экзаменъ. Вотъ тутъ о. смотритель умѣетъ запасти лишніе рубли. Есть училища, гдѣ ученика, за немногими исключеніями, не иначе назначатъ кандидатомъ на поступленіе въ риторику, какъ взявши съ отца его 25—30 р. Для этого даже мальчиковъ отпускаютъ домой, чтобы они своихъ папашъ увѣдомили о количествѣ требуемой жертвы. Равнымъ образомъ переводъ изъ одного класса въ другой не для всѣхъ обходится безъ издержекъ; и тутъ смотрители получаютъ недурные доходы. Въ семинаріяхъ подобныя событія или рѣдки, или *покрываются мракомъ неизвѣстности*. Объ академіяхъ и вовсе помалчиваютъ. Но м. т. начальниковъ тѣхъ и другихъ заведеній нельзя всѣхъ назвать Киромъ и Іоанномъ — безсребренниками.

До сихъ поръ еще къ несчастію ревизіи училищамъ и семинаріямъ дешево не обходятся. Не говоря уже о великолѣпнѣйшемъ угощеніи ревизора семинарскаго въ теченіи иногда недѣль двухъ, не забываютъ его поблагодарить чѣмъ либо и за пріѣздъ. Въ 1863 году на пріѣзжавшаго въ одну семинарію ревизора истрачено всего около 400 р. Не ду-

майте, чтобы эти деньги начальники брали изъ своего кармана; за все отвѣчай семинарскіе желудки; изъ нихъ выжимаютъ послѣ суммы, нужныя на покрытіе расходовъ ко пріѣзду ревизора. Въ низшихъ училищахъ расходы бываютъ поменьше, но зато ихъ труднѣе прикрывать по причинѣ необширной экономіи. Въ 1864 г. на одного смотрителя было донесено инспекторомъ ревизіонному комитету по годовымъ отчотамъ, что онъ показываетъ такіе расходы, которыхъ вовсе не дѣлаетъ, напр. пишетъ, что будто бы покупаетъ дрова для отопленія классовъ, которые впрочемъ вовсе не отапливаются. Смотритель долго увертывался разными отговорками. Но наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ: «Да что же дѣлать! Откуда мнѣ взять деньги для ревизоровъ? Вѣдь кромѣ расходовъ на ихъ содержаніе въ теченіи дней трехъ, или пяти, я каждый разъ даю по 60 р. Такъ надобно же мнѣ откуда нибудь брать ихъ, не свои же собственные давать.» О. смотрителю дѣйствительно и надобно было *давать* ревизорамъ, п. ч. онъ велъ экономію *по старинѣ;* напр. у него въ расходной книгѣ въ 1864 г. еще росписывались знаменитыми словами: *оныя деньги получилъ* и пр. Впрочемъ къ начальникамъ низшихъ училищъ можно быть нѣсколько снисходительнымъ. Они получаютъ ничтожное жалованье, б. ч. люди семейные, казенныхъ суммъ въ ихъ распоряженіе даютъ немного. Поэтому принужденные брать взятки по немногу со всѣхъ учениковъ и ихъ отцовъ, они и пріобрѣли въ д-вѣ довольно большую извѣстность по части взяточничества. Начальники семинарій и особенно академій обезпечены хорошимъ жалованьемъ, или доходами съ монастырей, почти всѣ принадлежатъ къ людямъ безсемейнымъ; имъ бы можно быть честными и не отнимать куска хлѣба у казеннокоштныхъ воспитанниковъ, или не присвоивать какимъ то нибыло образомъ казенныхъ денегъ. А м. т. бываютъ между ними такія лица, которыя рѣшаются на очень скандальёзныя исторіи. Припомните г. ч. описанную мною исторію о чаѣ въ одной изъ академій. Такихъ исторій и въ семинаріяхъ, особенно въ училищахъ не бываетъ; на нихъ могутъ рѣшиться только люди сильные, увѣренные въ своей безнаказанности.

Описанное мною экономическое управленіе духовныхъ училищъ и замѣчаемыя въ начальникахъ ихъ наклонность къ корыстолюбію, взяточничеству и пр. не могутъ оставатся безъ сильнаго вліянія на воспитанниковъ не только въ школѣ, но и въ общественной жизни. Вѣдь они все знаютъ и о всемъ разсуждаютъ. Послушайте, какъ товарищи покойнаго Добро-

любова объясняли поступленіе его прямо въ четвертый классъ, т. е. въ высшее отдѣленіе уѣзднаго училища. «Прямо въ четвертый классъ! говорили ученики, удивлялись и завидовали ему. Объясняли наиболѣе практическіе и опытные съ досадою: у него отецъ-то никольскій священникъ, богатый; домъ какой! каменный. А нашъ Лебедковъ (смотритель училища) поросенка приметъ и сдѣлаетъ что угодно. — Семь копѣекъ принялъ отъ матери Скородумова, поясняетъ другой съ азартомъ. — Три гроша отъ моей тетки принялъ и къ Рождеству за недѣлю отпустилъ меня домой, ядовито откровенничаетъ третій (No. 1 Совр. 1862 г. стр. 266). Неужели эти разговоры и факты, служащіе основою ихъ, остаются безъ всякаго вліянія на нравственное настроеніе будущихъ пастырей.

7.

Ученики, которыхъ духовно-училищное начальство избираетъ своими помощниками подъ названіемъ старшихъ, довѣренныхъ, апостоловъ и пр. не всѣ отличаются вѣрностію и преданностію избравшихъ ихъ. Главная ихъ задача чуть ли состоитъ не въ томъ, какимъ образомъ прикрывать шалости своихъ подчиненныхъ, или хоть представлять ихъ не въ слишкомъ неблагопріятныхъ чертахъ; тогда они пользуются любовію и уваженіемъ ихъ и не остаются безъ вознагражденія; нынѣ ихъ напоятъ чаемъ, завтра угостятъ чѣмъ либо болѣе наркотическимъ, а то иногда покормятъ даже трактирнымъ обѣдомъ. Притомъ и сами старшіе тоже люди со слабостями; вздумай быть очень строгимъ къ подчиненнымъ, эти найдутъ возможность и ихъ самихъ очернить въ глазахъ начальства. Поэтому послѣднее и заводитъ у себя тайную полицію. Необходомость ея обусловливается еще однимъ обстоятельствомъ. Духовно-училищное начальство почему то особенно не любитъ, чтобы ихъ подчиненные смѣли дѣлать не благопріятные отзывы о немъ и жестоко преслѣдуютъ тѣхъ, которые преступаютъ эту заповѣдь. Тутъ, р-ся, тайная полиція считается всегда способнѣе явной. Впрочемъ воспитанники и старшихъ своихъ, которые бываютъ слишкомъ откровенны предъ начальствомъ, считаютъ тоже шпіонами, называя ихъ обыкновенно *мутьянами, мутьянишками.* Шпіонство существуетъ во всѣхъ духовныхъ училищахъ. Въ низшихъ училищахъ оно еще въ зародышѣ, не развитое. У малыхъ дѣтей не достаетъ еще пронырливости, хитрости, скрытности, изворотливости и другихъ ка-

честъ нужныхъ для шпіона; притомъ дѣтская простота и не пріобрѣтенная еще опытность скрывать свои проступки даютъ начальству возможность узнавать о нихъ безъ тайной даже полиціи. За всѣмъ тѣмъ бываютъ примѣры что и въ малыхъ дѣтяхъ уже развивается подъ надзоромъ начальства наклонность къ шпіонству. Въ семинаріяхъ разсматриваемая профессія уже въ полной силѣ. Вотъ напр. что въ No 43 Дня 1862 г. говорится о пермской семинаріи: «тѣ ученики, которые, не гоняясь слишкомъ за наукой, желали получить лучшій аттестатъ и потомъ выгодное мѣсто, нашли способъ достигнуть своей цѣли не научными путями. Они увидѣли, что очень выгодно смотрятъ на тѣхъ изъ нихъ, которые разсказываютъ о недоброкачественныхъ поступкахъ своихъ товарищей, — и постарались записаться поскорѣе въ штатъ семинарской тайной полиціи.» Къ сожалѣнію надобно сказать, что въ академіяхъ, по к. м. въ недавнее время едва ли не болѣе, нежели въ семинаріяхъ господствовало шпіонство (не господствуетъ ли и нынѣ?) Причинъ на это много. Что бы начальство могло навербовать побольше молодцовъ въ м-во; для этого надобно знать не только тѣхъ, кто къ этому былъ бы болѣе способенъ, но особенно тѣхъ либераловъ, которые дурно говорятъ объ ангельскомъ чинѣ и тѣмъ разстроиваютъ нерѣдко нерѣшительныхъ людей. Потомъ въ академіяхъ народъ уже взрослый, развитой, уже опытный, поэтому избранный шпіонъ искуснѣе отправляетъ свою должность, нежели какой либо бурсакъ. Наконецъ въ семинаріяхъ шпіонами рѣдко бываютъ хорошіе воспитанники. Они знаютъ, что и безъ того займутъ высшія мѣста въ спискахъ; вѣдь дѣльныхъ, даровитыхъ учениковъ въ каждомъ классѣ немного; а глупые не могутъ быть очень искусными шпіонами. Напротивъ въ академіяхъ съѣзжается много людей даровитыхъ; различіе между ними бываетъ очень незначительно; и начальство имѣетъ множество способныхъ кандидатовъ на первыя мѣста. Тутъ у людей съ шаткою совѣстію, съ большимъ запасомъ самолюбія раждается желаніе повысить себя во мнѣніи начальства и въ спискѣ услужливостію готовностію быть откровеннымъ предъ начальствомъ, илиною ревностію къ нарушителямъ академическихъ порядковъ и распространителямъ либеральныхъ, особенно антимонашескихъ идей. Начальство этимъ пользуется, и повторяю, шпіонство въ академіяхъ бываетъ нерѣдко доведено до артистическаго искуства; такъ, или иначе всѣ даже мелкія дрязги, сплетни, разговоры дѣлаются извѣстными инспектору. Иногда даже ректоръ и инспекторъ имѣютъ каждый своихъ

наушниковъ, между которыми не обходится безъ соперничества. Сами начальники очень часто показываютъ сильную наклонность поддерживать шпіонство; въ этомъ можно обвинять даже многія духовныя знаменитости. Что дѣлать? вѣрно уже такое настроеніе у нихъ!

Что бы тайная полиція дѣйствовала съ надлежащимъ усердіемъ преданностію, нельзя же оставить ее безъ поощреній и награды. Въ низшихъ училищахъ достаточно бываетъ погладить шпіона по головкѣ, поприласкать, иногда попристращать, въ одномъ случаѣ избавить отъ розги, въ другомъ употребить ее въ качествѣ мотива; вообще тутъ нетрудно усыпить щекотливую, купить продажную и вообще развратить всякую почти совѣсть. Въ семинаріяхъ уже не довольствуются одними поглаживаніями по головкѣ и пр.; ихъ нужно иначе поощрять; обыкновенно имъ предоставляютъ въ спискахъ болѣе высокія мѣста, переводя ихъ изъ класса въ классъ, хотя бы они очень плохо обучались. Въ академіяхъ не всегда шпіонамъ удаются ихъ честолюбивые планы; въ составленіи списковъ участвуютъ профессоры и другіе члены конференціи; поэтому инспектору трудненько вывести въ люди своего любимца — шпіона, онъ всегда почти встрѣтитъ сильную оппозицію. Вотъ почему иногда шпіоны рѣшаются даже прикрывать свои прежніе грѣхи чорною рясою; ну тогда уже пойдутъ впередъ и сами станутъ устроивать тайную полицію.

Хотя, какъ сказано, должность шпіоновъ поручается б. ч. ученикамъ; но нельзя не дѣлать исключеній. У многихъ ректоровъ и инсекторовъ она ввѣряется келейникамъ и разнаго рода служителямъ. Но есть много примѣровъ, что даже г. г. наставники, заискивающіе благосклонность начальства по расчату или по привычкѣ тоже вступаютъ въ штатъ тайной полиціи; отъ такихъ господъ не свободны даже академіи. Потомъ этимъ чиновнымъ шпіонамъ нельзя же не имѣть своихъ собственныхъ агентовъ. Имъ подражаютъ и воспитанники-шпіоны, которые пользуются особою довѣренностію начальства. Многіе ученики, не смѣя приблизиться къ самому инспектору, или ректору, довольствуются второстепенною ролею, дѣлаясь шпіонами-шпіоновъ. Можно уже судить, что бываетъ въ тѣхъ училищахъ, гдѣ начальники очень много заботятся объ усиленіи штата тайной полиціи, гдѣ есть шпіоны ученики, шпіоны профессоры, шпіоны-шпіоновъ, шпіоны-келейники, шпіоны-служители и пр. и пр. Воспитанники, застращенные доносами часто несправедливыми и взысканіями, которыя за тѣмъ слѣдуютъ, скры-

ваютъ въ глубинѣ души непримиримую вражду къ шпіонамъ и изъ-подъ руки мстятъ имъ. Кромѣ того усиливается взаимное недовѣріе; боятся сказать откровенно другъ другу слово; или нашептываютъ только на ухо. Это будетъ не училище для приготовленіе пастырей нашей Православной Церкви, а іезуитскій коллегіумъ, гдѣ воспитанниковъ со всѣхъ сторонъ опутываютъ такъ, что ниодинъ ихъ шагъ не остается неизвѣстнымъ начальству.

Отдѣлъ 43ій.

О вліяніи семинарскаго воспитанія на религіозное настроеніе учениковъ.

Давно уже говорятъ, что будто бы изъ духовныхъ семинарій и особенно академій выходятъ люди, отличающіеся не только либеральнымъ, но даже чуть не атеистическимъ образомъ мыслей. Въ послѣднее время это мнѣніе, по видимому, подтвердилось тѣмъ, что многіе изъ литераторовъ-семинаристовъ, или академистовъ извѣстными сдѣлались свѣтской публикѣ по своему свободномыслію. Года два, или три назадъ былъ секретный циркуляръ по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, въ которомъ предписывалось принять благоразумныя мѣры противъ распространившагося вольнодумства въ семинаріяхъ и академіяхъ. Циркуляръ этотъ въ свое время надѣлалъ много волненія въ семинаріяхъ; нѣкоторые епархіальные начальники, призвавъ наставниковъ, въ жесткихъ словахъ совѣтовали поскорѣе убраться тѣмъ изъ нихъ, кто зараженъ вольнодумствомъ; иначе при малѣйшемъ поползновеніи къ нему грозили изгнаніемъ изъ службы. Впрочемъ знакомые съ внутреннею жизніи академій давно тоже знаютъ, что здѣсь записки, по которымъ приготовляются уроки къ экзаменамъ, не всегда бываютъ схожи съ лекціями, говоренными въ классѣ, что наставники иногда совѣтуютъ *не выносить сора* изъ классной котнамы; въ противномъ случаѣ грозятъ *кормить мякиною, да отрубями*, что въ рѣдкой академіи небыло нѣсколькихъ настав-

никовъ, которые принуждены были выйти въ отставку за свои будто бы либеральныя идеи. Но тутъ важнѣе всего студентческіе разговоры. Молодые люди, съѣхавшіеся иногда изъ болѣе, нежели 20 семинарій, заинтересованые академическими лекціями, знакомясь съ иностранною литературою, съ идеями, которыя, не боясь ни таможенъ, ни цензуры, проникаютъ всюду; молодые люди въ комнатахъ часто ведутъ оживленныя бесѣды. При этомъ дѣйствительно высказываются такія мысли, которыя не услышишь и въ либеральномъ университетѣ. Случаются также и событія, которыя показываютъ не очень благочестивое настроеніе въ академистахъ. Теперь еще много живыхъ людей, которые помнятъ, какъ студенты одной академіи въ понедѣльникъ страстной недѣли, когда всѣ должны были приготовляться къ исповѣди и св. причистію, подгульнули и рѣшились на такое кощунство, что прочіе трезвые товарищи въ испугѣ открытою силою заставили вольнодумцевъ оставить свою затѣю; она была извѣстна подъ названіемъ; *погребеніе плащаницы.*

Въ семинаріяхъ либерализмъ прежде очень мало былъ замѣтенъ въ массѣ, хотя въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ обнаруживался. Но послѣднее время показало, что и семинаристы не прочь полиберальничать. Разшевелили ль ихъ разныя заграничныя изданія, прочитанныя ими тайкомъ отъ начальства; — подѣйствовалъ ли общій духъ, въ которомъ недавно обвиняли университетскую молодежь; — поторопилось ли вдругъ зародиться свободномысліе отъ налитографированныхъ переводовъ Бюхнера, Фейербаха, которые не только съ жадностію читали, но и списывали въ семинаріяхъ; — или выразимся семинарскимъ языкомъ: *давно уже посѣянныя сѣмена дали свои отрыски?* — Только либерализмъ семинарскій подалъ даже поводъ къ репрессивнымъ и криминальнымъ мѣрамъ. Въ этомъ случаѣ я укажу на оффиціально извѣстные факты касательно пермской и вологодской семинарій. О событіяхъ въ первой Об. Пр-ръ синода въ своемъ отчотѣ выражается слѣдующимъ образомъ: «*важные безпорядки,* происшедшіе въ пермской семинаріи (слухи о которыхъ доходили до Государя Императора), побудили духовное начальство со всевозможнымъ тщаніемъ изслѣдовать причины *нравственнаго разстройства заведенія*, считавшагося однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и изыскивать средства къ водворенію потрясеннаго до основанія порядка. Смѣна начальствующихъ лицъ и удаленіе болѣе виновныхъ въ ослабленіи дисциплины наставниковъ были

первыми мѣрами, которыя св. синодъ поспѣшилъ употребить *для спасенія семинаріи.* Но считая эти мѣры достаточными только на первый разъ, св. синодъ призналъ за нужное глубже изслѣдовать состояніе пермской семинаріи и на этомъ, особенно выдающемся случаѣ изучить по возможности признаки *нравственнаго недуга,* которымъ въ послѣднее время *заразились* по мѣстамъ духовно-учебныя заведенія (Отч. 1861 г. стр. 89—90).» Изъ словъ г. Об. Пр-ра не видно, въ чемъ именно состояли эти безпорядки; народная молва увеличивала ихъ до необыкновенныхъ размѣровъ, или представляла въ смѣшномъ и ничтожномъ видѣ. Но по нѣкоторымъ словамъ Об. Пр-ра можно догадываться, что имъ приписанъ былъ опасный характеръ. Ихъ называютъ *важными;* такъ что нашли нужнымъ *изслѣдовать причины нравственнаго разстройства заведенія,* поспѣшить принять мѣры *для спасенія семинаріи;* подобныхъ выраженій не употребляютъ предъ Высочайшими особами, если бы событія считались ничтожными. Потомъ Об. Пр-ръ сознается, что *духовно-учебныя заведенія* конечно *по мѣстамъ заразились въ послѣднее время* какимъ то *нравственнымъ недугомъ;* событія пермской семинаріи признаются не единственнымъ, а только особенно *выдающимся случаемъ.* Послѣ того въ 1864 г. было въ газетахъ напечатано, что въ вологодской семинаріи нѣсколько учениковъ за вольнодумство подверглось суду уголовной палаты.

Т. о. духовно-учебныя заведенія заподозрѣны въ вольнодумствѣ не только религіозномъ, но и политическомъ. Но мнѣ к-ся, что напрасно обвиняютъ семинаристовъ въ демократическихъ, антимонархическихъ тенденціяхъ; конечно, кто нибудь изъ нихъ читалъ Колоколъ, Полярную Звѣзду, Голоса съ того берега и пр., но, право, это происходило отъ большаго любопытства, отъ моды, отъ особаго вкуса, который мы находимъ въ запрещенныхъ плодахъ и пр. Притомъ такое чтеніе не оставило глубокаго впечатлѣнія; прочитали, подивились, полюбовались, да и забыли. Д-ву и его дѣтямъ не естественно быть демократами; они по рожденію, воспитанію, настроенію монархисты; ихъ опасаться правительству нѣтъ надобности. Если же и встрѣчались исключенія изъ этого правила, то они были очень немногочисленны. Поэтому я здѣсь стану объяснять религіозное вольнодумство семинаристовъ.

Главная ошибка семинарскаго воспитанія въ научномъ отношеніи состоитъ въ пренебреженіи умственнаго развитія посредствомъ свѣдѣній о природѣ и человѣкѣ, заимствуемыхъ

изъ свѣтскихъ наукъ, въ ограниченіи свойственной каждому мыслящему человѣку любознательности, въ мысли, что научныя свѣдѣнія не благопріятствуютъ религіознымъ вѣрованіямъ и что въ религіи все должно быть подчинено вѣрѣ. Думающіе такъ жестоко ошибаются. Конечно, люди, умъ которыхъ остается почти вполнѣ не развитымъ, или находится въ совершенномъ подчиненіи религіознымъ понятіямъ, внушеннымъ родителями въ дѣтствѣ и никогда не выходитъ изъ этого завѣтнаго круга, — такіе люди проживаютъ цѣлую жизнь съ пріобрѣтеннымъ настроеніемъ. На всѣ возраженія противъ ихъ религіозныхъ вѣрованій они станутъ отвѣчать: «нѣтъ, батюшка, оставь меня въ покоѣ; мои отцы такъ вѣрили.» А иногда при нѣкоторомъ своеобразномъ развитіи умѣютъ даже подбирать своего рода доказательства въ подтвержденіе принятыхъ ими вѣрованій, дѣйствуя въ этомъ случаѣ на основаніи не общечеловѣческой, а своей логики, въ которой неопровержимыми началами мышленія служатъ доставшіяся имъ отъ предковъ понятія. Образчикъ такихъ людей мы встрѣчаемъ въ нашемъ простонародьѣ и особенно въ раскольникахъ. Но при воспитаніи людей, которымъ и въ дѣтствѣ, и въ теченіи всей жизни придется думать по принципамъ общечеловѣческой логики, надобно держаться той мысли, что самая вѣра тогда только въ нихъ бываетъ крѣпка, когда она утверждается на разумномъ убѣжденіи въ ея необходимости. Для пріобрѣтенія такого убѣжденія надобно непремѣнно ознакомиться съ тѣми познаніями о природѣ и человѣкѣ, которыя излагаются въ антропологическихъ, естественныхъ и физическихъ наукахъ. Конечно, эти науки не доставляютъ математическихъ формулъ для доказательства религіозныхъ истинъ. Но нельзя не сказать, что умъ нашъ не удовлетворяется вполнѣ познаніемъ одного матеріальнаго міра, онъ почти невольно побуждается къ допущенію чего-то не матеріальнаго, сверхъестественнаго; безконечное во времени, безконечное въ пространствѣ требуютъ вполнѣ безконечнаго существа. Антропологія же показываетъ, что въ человѣкѣ кромѣ умственныхъ есть еще потребности нравственныя, потребности нашего внутренняго религіознаго чувства; они также неотразимы, какъ и стремленіе къ истинѣ; имъ также непремѣнно нужно удовлетворять, какъ и нашей жаждѣ познаній. Этимъ то путемъ можно всего лучше довести человѣка до убѣжденія въ необходимости Вѣры. Если онъ сознаетъ, что ее неотразимо требуетъ сердце, что самое знаніе не только ей не противорѣчитъ, но въ ней даже находитъ успокоеніе и опору, то

онъ и безъ математическихъ формулъ покорится религіознымъ убѣжденіямъ, но и приметъ ихъ разумно, по сознанію потребности въ нихъ; изъ такихъ людей не выйдутъ уже атеисты. Вотъ какъ бы, по моему мнѣнію, слѣдовало развивать религіозныя убѣжденія въ людяхъ, которымъ надобно будетъ мыслить, которые столкнутся съ мыслящими людьми.

Но выше уже было очень подробно объяснено, въ какомъ пренебреженіи находится въ семинаріяхъ такъ называемое общечеловѣческое образованіе; преподаваніе свѣтскихъ наукъ не только не поощряется, но и стѣсняется разными мѣрами; на обогащеніе ума свѣдѣніями смотрятъ, какъ на дѣло опасное, или не нужное для религіи; не только запрещается чтеніе произведеній современной изящной литературы и ученыхъ сочиненій, но и самый языкъ ихъ признается не годнымъ для семинаристовъ. Отъ этого коренной семинаристъ, ничѣмъ не занимавшійся кромѣ семинарщины, имѣетъ весьма недостаточныя, не соотвѣтствующія современному состоянію наукъ, свѣдѣнія о природѣ и человѣкѣ. Человѣкъ ему извѣстенъ по семинарской философіи и нравственному богословію; но первая повторяетъ почти до сихъ поръ схоластическія тонкости, перемѣшивая съ кое-какими нынѣшними открытіями, а послѣдняя только и говоритъ, что самъ по себѣ человѣкъ — погибшее существо и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, не-способное ни узнать истину, ни сдѣлать что либо доброе. Еще ограниченнѣе свѣдѣнія семинаристовъ о матеріальномъ мірѣ. Повѣрьте, г. ч., что множество найдется кончившихъ курсъ и старыхъ и новыхъ семинаристовъ, которые не только не понимаютъ Коперниковой системы, но даже не вѣрятъ ей; *земля для нихъ еще не двинулась.* О Лапласовой же теоріи мірозданія, объ открытіяхъ Гершелей и другихъ новѣйшихъ астрономовъ въ звѣздномъ мірѣ, о геологическихъ планетахъ земнаго шара, о химическихъ свойствахъ матеріи, объ электромагнитизмѣ, магнито-электричествѣ почти не имѣютъ никакихъ свѣдѣній; много найдется изъ нихъ, которые не объяснятъ основныхъ, давно извѣстныхъ свойствъ электричества, магнетизма, свѣта и пр., не скажутъ какимъ образомъ происходитъ дождь, снѣгъ, откуда берутся облака; припомните, что по одному изъ семинарскихъ учебниковъ облака еще могутъ разрушать города. И чтобы утѣшить семинаристовъ въ такомъ невѣжествѣ о мірѣ о человѣкѣ, имъ внушается, что умъ только кичитъ, что его слушать не нужно что для спасенія въ будущей, для благоденствія въ настоящей жизни нужна слѣпая, безотвѣтная вѣра. Одно

только забываютъ мудрецы семинарскіе, что при недостаткѣ познаній о матеріальномъ мірѣ, вообще при неразвитомъ умѣ, недостаетъ главнаго основанія Вѣры, именно: разумнаго убѣжденія въ ея необходимости.

Зло еще могло бы сколько нибудь исправиться, еслибы преподаваніе богословскихъ наукъ было хорошо. Но выше (36 отд.) тоже было объяснено, какъ оно не достаточно, не раціонально. Въ учебникахъ множество положеній трудныхъ для пониманія и усвоенія; вѣроятно для большей темноты они написаны языкомъ тяжелымъ; наставники на объясненія скупы; требуется буквальное заучиваніе; зубристика становится чѣмъ-то обязательнымъ изъ уваженія къ зазубриваемымъ истинамъ, которыя якобы и могутъ выражаться только словами учебники. Прибавьте къ этому, что наше школьное богословіе, также какъ и семинарская философія, еще никакъ не могутъ разстаться съ схоластикою. Послѣ всего этого очевидно, что преподаваніе богословскихъ наукъ въ томъ видѣ, какъ оно производится въ семинаріяхъ, не заинтересовываетъ человѣка, утомляетъ его, прискучиваетъ ему и даже пробуждаетъ нерасположеніе, и часто отвращеніе къ богословію.

Отъ пренебреженія къ свѣтскимъ наукамъ въ семинаріяхъ, отъ не полнаго, или не нормальнаго развитія умственныхъ способностей, отъ недостатка общечеловѣческаго, образованія, отъ дурнаго преподаванія богословскихъ наукъ у коренныхъ семинаристовъ нѣтъ обширнаго кругозора, глубокихъ убѣжденій. Конечно въ теченіи 12 лѣтъ много свѣдѣній имъ сообщается и ими заучивается, но все это не обращается, т. с-ть, въ плоть и кровь, не составляетъ одного стройнаго органическаго цѣлаго; одно заучено, другое прицѣплено, то навязано, это почти вбито, втискано. Такого рода свѣдѣнія можно лучше всего сравнить или съ зданіемъ, построеннымъ не на прочномъ фундаментѣ, даже чуть не на воздухѣ, безъ плана, безъ симметрическаго расположенія частей, безъ приспособленія къ будущимъ жильцамъ, — или съ осадками твердыхъ тѣлъ, которыя вода оставляетъ на днѣ рѣкъ, морей и пр., ложатся тутъ къ ряду и другъ на друга разнородныя частицы, механически соединяются между собою; одни уносятся вѣтромъ и водою, на мѣсто ихъ новыя прибавляются. Это почти тоже, что называется конгломератомъ. Конечно, подобнымъ образомъ составлялись пласты земнаго шара; они окрѣпли, представляютъ даже какъ будто бы иногда однообразную массу. Но надобно помнить, что для каждаго пласта нужны были м. б. сотни тысячъ, даже

милліоны лѣтъ, нужно было взаимное сцѣпленіе частицъ и огромное давленіе верхнихъ слоевъ; нужно было, чтобы вода не размывала, вѣтеръ не разнесъ собирающихся въ одно мѣсто частицъ; въ противномъ случаѣ безъ давленія, безъ продолжительнаго времени развѣ составится болото а при размываньѣ, при вѣтрѣ все унесется куда нибудь.

Воспитателямъ семинаристовъ надобно было бы знать, что всѣхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы изъ наносовъ составить твердые пласты, не достаетъ въ семинаріяхъ. Правда, курсъ продолжается 12, а иной господинъ проучится и 20 лѣтъ, но все это поменьше самаго краткаго геологическаго періода. Правда, что семинаристы живутъ подъ порядочнымъ давленіемъ, но все таки оно не-достаточно изъ всего конгломерата свѣдѣній, нанесенныхъ въ ихъ голову, составить прочную массу. М. т. (позвольте продолжать сравненіе) много протекаетъ воды, много дуетъ вѣтровъ, — первая размываетъ и увлекаетъ съ собою, а вторые уносятъ то, что еще не успѣло въ головѣ семинариста составить твердаго плоста. Какъ ни стараются отдѣлить духовныхъ воспитанниковъ отъ грѣшнаго міра, внушить имъ презрѣніе къ свѣтскому образованію, но идеи научныя и современныя перелезутъ чрезъ всѣ семинарскія ограды и сдѣлаются болѣе, или менѣе извѣстными затворникамъ бурсъ. Чтеніе книгъ, относящихся къ свѣтской литературѣ, сближеніе съ лицами образованныхъ сословій самодѣятельность собственнаго разсудка, который часто логическимъ путемъ доходитъ до истины и угадываетъ свои заблужденія, — все это открываетъ семинаристамъ глаза. Въ такихъ-то случаяхъ мыслямъ, принятымъ слѣпою вѣрою безъ разумнаго убѣжденія, въ ней трудно устоять противъ новыхъ противоположныхъ имъ мыслей. Зданіе, построенное безъ прочнаго фундамента, начинаетъ мало по малу разрушаться; наносы, изъ которыхъ хотѣли составить плотный конгломератъ, размываются и разносятся. Въ душѣ семинариста раждается борьба между насильственно навязанными ему понятіями и между познаніями, которыя доставляютъ ему свѣтскія науки и собственный разсудокъ, начинающій дѣйствовать самостоятельно.

Это разрушеніе и размываніе, эта борьба часто происходятъ еще на школьныхъ скамьяхъ, но особенно обнаруживаются когда семинаристъ оставитъ духовное званіе и поступитъ въ университетъ, медицинскую академію, или вообще въ гражданскую службу. Въ былое время м. б. только въ духовныхъ академіяхъ студенты знали, а нынѣ уже извѣстно чуть не всѣмъ семинаристамъ, что свѣтская наука вовсе не

вздоръ, а сообщаетъ возвышенныя понятія о мірѣ и человѣкѣ, облагораживаетъ насъ, — что умъ, ею руководимый, доходитъ до такихъ истинъ, о которыхъ богословы и не мечтали, — что одна слѣпая вѣра не прочна, да и не очень современна, — что обогащать себя свѣдѣніями, выработанными наукою, не грѣхъ, хотя бы они и не согласовались съ принятыми слѣпою вѣрою понятіями. Притомъ эти свѣдѣнія въ глазахъ мыслящаго семинариста много выигрываютъ отъ сравненія съ тѣми, которыя навязывали ему педагоги-богословы вовсе не педагогическими способами. Послѣдніе такъ сухи, такъ непонятны, такъ далеки отъ жизни; — а первые такъ поражаютъ своею новостію, увлекаютъ своею ясностію, открываютъ такой широкой горизонтъ для умственной дѣятельности, что человѣкъ, наскучившій зубристикою, утомленный схоластикою, съ жаромъ бросается на новый, открывшійся ему міръ, и чѣмъ понятія рѣшительнѣе противорѣчатъ прежнимъ его убѣжденіямъ, тѣмъ болѣе ими увлекается и восхищается, тѣмъ безвозвратнѣе имъ предается. Вотъ тутъ-то съ неодолимою жаждою мы читаемъ старыхъ либераловъ: Вольтера, Руссо, Вегшейдера, Деветте, Мархейнекке и пр., и новыхъ: Штрауса, Фейербаха, Лорана, Ренана и матеріалистовъ: Фохта, Бюхнера, Молешотта и пр.; все намъ подавай; мы и прочитаемъ и, пожалуй, спишемъ, а уже непремѣнно усвоимъ и, надобно правду сказать, частенько съ тою же слѣпою вѣрою, къ которой насъ прежде пріучали. Тутъ къ несчастію не рѣдко примѣшивается и самолюбіе и тщеславіе. И сами собою, и отъ другихъ узнаемъ пустоту семинарщины, слышимъ насмѣшки надъ нею, сознаемъ ихъ справедливость; какъ же теперь не показать, что мы уже не семинаристы, а обновленные, преобразованные люди. Хорошо, если бы это побудило семинариста заняться только расширеніемъ своихъ познаній, но это не всегда бываетъ. Такъ какъ религіозныя истины, по принятому мнѣнію, считаются основою всего семинарскаго образованія, то съ нихъ б. ч. и начинается разрушеніе зданія. Семинаристу хочется съ ними именно разстаться для доказательства, что онъ уже не семинаристъ по образу мыслей. Что дѣлать? Бываетъ и это.

Въ описываемой борьбѣ большимъ пособіемъ могли бы послужить убѣжденіе въ нравственномъ значеніи и сознаніе въ необходимости различныхъ дѣйствій, относящихся къ внутреннему и внѣшнему благочестію и къ христіанскимъ обязанностямъ. Но мы уже видѣли, какъ и въ этомъ отношеніи воспитатели духовнаго юношества не раціонально по-

ступаютъ. Насильственное и почти механическое пріучиваніе воспитанниковъ къ молитвѣ, продолжительныя и утомительныя стоянія при церковномъ богослуженіи заставляютъ смотрѣть на все это, какъ почти на барщину и пробуждаютъ въ человѣкѣ желаніе при первомъ случаѣ освободиться отъ обязательнаго труда. Насильственное тоже пріучиваніе къ казенному смиренію и послушанію со всѣми нелѣпыми формами, въ которыя принуждаютъ облекать ихъ, производятъ тоже самое. Освободившемуся отъ этихъ гнетеній человѣку очень нравится показать, что онъ уже не ханжа, не лицемѣръ; онъ нерѣдко старается подавдить тоже насильственно тѣ религіозныя чувствованія, которыя пробуждаются въ его душѣ. Наконецъ нравственные, или лучше безнравственные уроки, которые онъ видитъ въ примѣрахъ начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній, доканчиваютъ разрушеніе. Не говорю уже о прямомъ, непосредственномъ вредномъ вліяніи этихъ уроковъ на нравственное настроеніе семинаристовъ, пока они въ школѣ; развѣ послѣдніе, эмансипировавшись, въ свое оправданіе не могутъ говорить: «что за нужда въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя мнѣ вбили въ семинаріи? Посмотрите на поступки тѣхъ, которые такъ хлопочутъ объ этомъ. Развѣ истинныя религіозныя понятія могутъ вести къ такимъ безнравственнымъ поступкамъ, которыми они себя пятнаютъ? Нѣтъ ужъ позвольте мнѣ сбросить все и руководствоваться своею собственною религіею.» Вотъ, г. ч. какимъ образомъ семинарское, по видимому, благочестивое воспитаніе можетъ вести не только къ вольнодумству, но и къ атеизму. Не сердитесь на меня и тѣ, которые такъ воспитываютъ, и тѣ, которыхъ такъ воспитывали! Я говорилъ правду; мысли мои основываются на собственномъ опытѣ, на наблюденіяхъ и моихъ и другихъ людей. Потомъ примите къ свѣдѣнію, что и по моему мнѣнію не всѣ идутъ по той дорогѣ, которая мною описана. Семинарское образованіе, какъ сейчасъ скажу, разнообразно проявляется.

Между духовными воспитанниками встрѣчаются немало такихъ, которые либеральнымъ путемъ дѣлаются истинно-религіозными и нравственными людьми, пользуясь правами ума на свободное мышленіе. Только въ этомъ случаѣ они обязаны бываютъ своимъ настроеніемъ не воспитателямъ, а самимъ себѣ, или лицамъ, съ которыми ихъ свелъ счастливый случай. Съ пробудившимся свободнымъ мышленіемъ, поняви недостатки семинарскаго преподаванія богословія, тяготясь и скучая имъ, равно какъ и насильственными бла-

гочестивыми экзерциціями, они колеблются въ своихъ вѣрованіяхъ. Но или въ нихъ глубоко укоренились религіозныя и нравственныя убѣжденія при домашнемъ воспитаніи, или свѣтлый умъ скоро имъ покажетъ, что истина не теряетъ своей силы отъ злоупотребленій, которыя изъ нее дѣлаютъ не дальновидные, или злонамѣренные люди; только они путемъ изслѣдованія и размышленія рѣшаются повѣрить свои убѣжденія и для этого читаютъ книги и *pro* и *contra*, знакомятся съ прочими науками, особенно съ естествознаніемъ и антропологіею. Р-ся семинарщины не полюбятъ, но увидятъ, что религіозныя и нравственныя истины утверждаются не на школьномъ богословіи, а на неотразимой потребности религіозныхъ и нравственныхъ нашихъ чувствъ, которыя непремѣнно требуютъ удовлетворенія себѣ. Схоластика отбрасывается въ сторону; къ ханжеству и лицемѣрію получаютъ отвращеніе; но зато существенныя истины религіи представляются въ полной ихъ ясности. Этихъ людей м. б. и не очень много, но они отличаются глубокою религіозностію и чистою нравственностію. Они какъ будто бы нарочно стараются вести жизнь безупречную; имъ хочется показать, что безъ навязанныхъ схоластическихъ понятій, безъ школьнаго богословія, безъ исполненія оффиціальныхъ благочестивыхъ экзерцицій можно быть истинно религіознымъ и нравственнымъ человѣкомъ. Спасибо по к. м. семинарщинѣ за то, что конечно противъ ея направленія, но по милости ея образуются такія люди.

Но въ старое и очень даже недавнее время мышленіе, особенно самостоятельное было не очень сильно въ семинаріяхъ; большинство не имѣло къ нему наклонности. Поэтому и до либерализма немногіе духовные воспитанники доходили; да и доходившіе б. ч. разставались съ духовнымъ званіемъ; а оставшіеся мало по малу возвращались, какъ говорятъ, на издавна пробитый *истинный путь* и забывали о своихъ прогрессивныхъ идеяхъ. Масса же семинаристовъ покоряется обстоятельствамъ учитъ уроки, зазубриваетъ ихъ, когда безъ этого нельзя обойтись, опускаетъ вовсе, если не боится взысканія, принимаетъ на вѣру заучиваемыя положенія, даже является защитникомъ ихъ изъ желанія показать свое умѣнье поспорить, или изъ самолюбиваго нежеланія показать, что учитъ то, чему не слишкомъ вѣритъ; и т. о. образуется въ теоретическомъ отношеніи на извѣстный ладъ. Свѣдѣнія, запавшія этимъ путемъ въ голову, не составляютъ чего либо органическаго и стройнаго цѣлаго, или прочнаго зданія; утвержденнаго на твердомъ основаніи; это, какъ

выше замѣчено, нѣчто въ родѣ наслоеній, въ которыхъ разные предметы, не размытые водою и не развѣянные вѣтромъ, отъ времени, отъ давленія сплачиваются въ одну болѣе, или менѣе плотную массу. Механически передаваясь, механически усвоиваясь, механически группируясь, они въ общемъ своемъ составѣ представляютъ нѣчто механическое; тутъ нѣтъ раціональнаго и живаго убѣжденія. И въ нравственно-религіозномъ отношеніи масса семинаристовъ привыкла дѣйствовать механически; велятъ ей молиться и стоять 3—4 часа, — молится и стоитъ, если убѣжать нельзя, — разыгрываетъ роль смиренниковъ и послушныхъ людей на основаніи казенныхъ понятій о смиреніи и послушаніи. Но въ этой массѣ не скоро отыщешь глубокія убѣжденія, не развито сознаніе долга. Ихъ учили внѣшнимъ обрядамъ, они и исполняютъ и другихъ тому же учатъ; ихъ заставляли заучить извѣстныя понятія, — они ихъ удерживаютъ и передаютъ другимъ въ той же почти формѣ и тѣмъ языкомъ, какъ приняли ихъ. Изъ нихъ, какъ говорится въ статьѣ: очеркъ мѣстнаго..... д-ва, помѣщенной въ N. 31 Дня 1862 г., выходятъ *холодные исполнители церковной обрядности, существа безъ живыхъ убѣжденій и живаго слова.* Но этимъ людямъ пришлось въ теченіи школьной жизни много страдать отъ матеріальныхъ лишеній; приходилось терпѣть и голодъ и холодъ; и потому они, какъ говоритъ г. Щербины въ N. 6 Русск. Вѣсти. 1863 г. стр. 844 въ статьѣ о народной грамотности, «невольно даютъ преимущественное значеніе матеріальнымъ потребностямъ жизни и внѣшнимъ узкокорыстнымъ видамъ, ибо они постоянно и настоятельно убѣждались въ ихъ первостепенной, необходимой важности въ жизни.»

Вѣроятно на основаніи французской пословицы: *les extrêmes se touchent* (крайности сходятся) выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же семинарій не только холодные исполнители требъ, но и люди, выказывающіе сильный мнимый, или дѣйствительный фанатизмъ. Для объясненія этого факта предварительно разскажу, что лѣтъ 20 тому назадъ надъ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ преемственно начальствовали два командира. Предшественникъ былъ суровый, даже жестокій человѣкъ, разсыпалъ щедро сотни ударовъ палками и розгами, не жалѣлъ ни своего языка на крѣпкія слова, ни кулаковъ, чтобы вразумлять неисправныхъ солдатъ. Другой не любилъ жестокими мѣрами поддерживать дисциплину и въ случаяхъ нарушенія ея принимался уговаривать солдата, напоминая ему, что онъ принадлежитъ къ гвардіи, унижаетъ

ее своими поступками, что это стыдно и пр. и пр. Перваго назову Кохнуль, а втораго Танцевичъ. Однажды кучка солдатъ разсуждала о достоинствѣ новаго командира и общимъ голосомъ рѣшили что онъ рѣшительно не можетъ итти въ сравненіе съ прежнимъ. «Ну, что за командиръ Танцевичъ? Мямля, баба, эка начнетъ толковать: какъ же это ты, батюшка, это дѣлаешь? стыдно тебѣ, ты гвардейскій солдатъ. То ли дѣло былъ Кохнуль! Какъ, бывало, заѣдетъ въ морду (извините за солдатскій языкъ), такъ искры изъ глазъ посыплются; какъ велитъ отпороть розгами, такъ небо съ овчинку покажется. Вотъ такъ командиръ былъ!» И между семинаристами встрѣчается много людей, для которыхъ какъ будто приходится по натурѣ, если имъ не передаютъ разныя науки, а вбиваютъ, втискиваютъ въ нихъ, если ихъ насильственно и механически стараются сдѣлать благочестивыми, смиренными и пр. И вбитое въ нихъ, навязанное имъ, они принимаютъ и никакъ ни за что не хотятъ съ нимъ разстаться. Эти люди, встрѣчаясь съ разномыслящими и не думаютъ, да и неспособны дѣйствовать раціональными средствами; въ нихъ вбивали убѣжденія, почему же и къ другимъ не приложить этого радикальнаго средства? Къ этому даже ихъ побуждаетъ чувство самосохраненія. Они инстинктивно сознаютъ, что вбитыя въ нихъ вѣрованія держатся не крѣпко, и легко могуть быть опровергнуты раціональнымъ путемъ. Переучиваться вновь поздо. Какъ же теперь грудью не стоять за свой, т. с-ть, домишко, въ которомъ ихъ умъ нашолъ себѣ пріютъ; разрушься онъ, тогда останешься безъ крова. Другая часть тогоже разряда состоитъ изъ людей, которые, находясь долго подъ школьнымъ деспотизмомъ, получили убѣжденіе, что съ не правомыслящими, или разномыслящими не иначе надобно дѣйствовать, какъ насильственными мѣрами. Бѣда, если кто либо изъ такихъ людей долго былъ начальникомъ духовныхъ училищъ, или лицъ, тутъ воспитывавшихся. Снàчала онъ держится деспотическаго управленія м. б., п. ч. такъ и имъ управляли; оно ему понравилось и обратилось въ принципъ, въ систему. Такого рода люди когда нибудь и увидятъ свои ошибки, даже скажутъ: дѣйствительно мы, к-ся, не такъ дѣйствовали, но не измѣнятъ системы. Измѣнить, значитъ сознаться, что цѣлую жизнь ошибались; а это для гордыхъ людей невыносимо. И вотъ они-то по пріобрѣтенной привычкѣ, по холодному разсчоту, по эгоистической системѣ готовы употреблять насильственныя мѣры со всѣми, кто не по ихъ манеру думаетъ. Того и другаго рода фанатиковъ

есть многонько въ д-вѣ — и въ селахъ, и въ училищахъ, и въ городахъ, и въ столицахъ, на нижнихъ и верхнихъ ступенькахъ іерархіи. Имъ не достаетъ только фундамента, на которомъ они могли бы утвердиться, а то изъ нихъ вышли бы примѣненные къ нынѣшнимъ временамъ и нашимъ нравамъ Торквемады и Рибейры. Въ настоящее время они особенно желали бы приложить свою систему и къ либераламъ, и къ раскольникамъ. Въ 1864 г. одинъ протоіерей съ восторгомъ разсказывалъ о пріемѣ, который ему сдѣлалъ архипастырь сосѣдней епархіи и между прочимъ прибавилъ: «ахъ! какъ хорошо онъ разсуждалъ о раскольникахъ. По моему мнѣнію, говорилъ онъ, съ ними нечего церемониться; кроткія мѣры на нихъ не подѣйствуютъ; надобно сажать ихъ въ остроги, ссылать на поселеніе и пр. и пр.» Наматывайте себѣ на усы и вы, гг. либералы! Вѣдь и протоіерей, и архипастырь не нашли бы нужнымъ очень деликатиться и съ вами, если бы васъ отдали въ ихъ руки. Повѣрьте мнѣ, семинаріи наши и общій строй административной системы д-ва умѣетъ еще приготовлять и горячихъ, и холодныхъ фанатиковъ, которые ждутъ, но авось не дождутся времени дѣйствовать по своему *благому* усмотрѣнію.

Какъ бы для контрбаланса съ описанными мною господами и отцами въ бѣломъ и чорномъ д-вѣ есть лица, которыя хоть и прошли семинарщину, но отличаются терпимостію, примѣрною жизнію и христіанскою ревностію *къ дѣлу божію*. Это не атеисты, не фанатики, не холодные и корыстные исполнители церковныхъ требъ и присяжные совершители обрядовъ и таинствъ, а истинные пастыри душъ. Они по моему мнѣнію бываютъ двухъ родовъ. 1) Есть, можно сказать, ангельскія души, которыя какъ будто рождены для того, чтобы даже въ скромныхъ должностяхъ быть утѣшителями своихъ собратій. Хорошее воспитаніе, конечно, могло-бы усовершить и возвысить ихъ нравственныя чувства, развить и облагородить умственныя способности: но зато и дурная школа не собьетъ ихъ съ толку; схоластика не изсушитъ ихъ души; бурса не ожесточитъ и не сдѣлаетъ грубымъ ихъ характера; насильственное принужденіе къ благочестивымъ экзерциціямъ, къ казенному смиренію и послушанію не обратитъ ихъ въ ханжей и лицемѣровъ. 2) Другіе хотя и не одарены столь счастливыми наклонностями, какъ предъидущіе, и даже бываютъ нѣсколько испорчены отъ семинарской дисциплины, но поступивши въ духовное званіе, они или сами своимъ здравымъ смысломъ, или подъ вліяніемъ другихъ благонамѣренныхъ людей поняли,

что христіанскимъ пастыремъ и архипастыремъ нельзя быть, придерживаясь схоластическихъ преданій и бурсацкихъ понятій, что для этого нужно вести самимъ примѣрную жизнь, а къ другимъ быть снисходительнымъ, имѣть образованный умъ, знать жизнь, или недостатки образованія и знанія пополнять сердечною теплотою. Такихъ людей не мало въ нашемъ д-вѣ, повѣрьте мнѣ, г. ч.; вы уже знаете, что я не льстецъ его. Ими нельзя не любоваться, даже не восхищаться, когда они занимаютъ невысокія должности, напр. бываютъ священниками, наставниками, или инспекторами семинарій; но къ несчастію на болѣе высокихъ мѣстахъ они особенно первые изъ нихъ не могутъ быть благодѣтелями своихъ подчиненныхъ. При прекрасныхъ своихъ душевныхъ качествахъ, при искреннемъ усердіи сдѣлать добро, они слишкомъ бываютъ довѣрчивы и дѣлаются орудіями хитрыхъ, пронырливыхъ, корыстолюбивыхъ и безсовѣстныхъ людей, которые мнимою своею преданностію, мнимыми добродѣтелями пріобрѣтаютъ ихъ довѣренность. Вѣроятно, *ангеламъ трудно управлять людьми;* въ этомъ дѣлѣ нужны тоже люди и даже немножко грѣшные; этихъ труднѣе обмануть.

Отдѣлъ 44ый.

О нерасположеніи духовныхъ воспитанниковъ къ ихъ училищамъ, и о начавшейся борьбѣ между ими и начальниками.

Не смотря на разнообразные характеры духовныхъ воспитанниковъ, они сходятся между собою въ томъ, что, пока учатся, почти всѣ не любятъ школы. Послѣ въ жизни съ нею примиряются, даже иногда дѣлаются защитниками ея, но въ бурсѣ развѣ немногіе восхищаются своимъ житьемъ-бытьемъ и своими воспитателями. Въ послѣднее время даже въ печати проскользнула ненависть семинаристовъ къ бывшему мѣсту своего воспитанія. Такъ напр. въ N. 41 Дня 1863 г. (стр. 6, столб. 2) описывается, какъ въ нѣкоторой семинаріи на общемъ совѣщаніи наставниковъ одинъ ораторъ съ пафосомъ отстаивалъ неизмѣняемость бурсы и потомъ воскликнулъ: «вѣдь, что такое бурса?» Тогда какой-то наставникъ

скороговоркой, какъ школьники отвѣчаютъ уроки въ классѣ, прочиталъ: бурса есть «мѣсто, т. е. состояніе духовъ, отпадшихъ отъ жизни божіей и лишенныхъ соединеннаго съ нею свѣта и блаженства,» такъ опредѣляется адъ въ одномъ семинарскомъ учебникѣ. Г. Новицкій въ ст. кое-что изъ жизни заскамейной (N. 6 Совр. 1863 г. стр. 257) говоритъ: «главными отличительными чертами въ характерѣ школяровъ (духовнаго училища) были: безсознательная недовѣрчивость, затаенная нелюбовь ко властямъ, особенноже къ низшему чиновничеству и такое же безсознательное, инстинктивное стремленіе къ оппозиціи. Руководимые такими инстинктами, школяры употребляли разныя средства: предостереженія, укрывательства, запирательства, и всякія мелкія хитрости и увертки, какія только могли придумать дѣтскія головы, — чтобы спасти, не выдать кого либо изъ своихъ, что нибудь сбедокурившаго противъ инструкціи начальства, но по суду дѣтей, еще не напитавшихся воззрѣніями своихъ взрослыхъ руководителей, вовсе невиннаго и не заслуживающаго никакого наказанія.» Наконецъ г. Благовѣщенскій, самъ семинаристъ, выражается о бурсѣ, описанной покойнымъ Помяловскимъ (N. 1 Русск. Сл. 1865 г. стр. 51): «*основной, соціальный принципъ бурсы* состоитъ въ томъ, что *нагадить начальству считается подвигомъ.*» Читая подобные отрывки, по неволѣ представляешь, что каждое духовно-учебное заведеніе заключаетъ въ себѣ двѣ неумолимо-враждебныя между собою партіи; одна изъ нихъ — начальство, захватило въ свои руки власть, безъ милости угнетаетъ другую; а эта въ свою очередь, не имѣя возможности освободиться изъ подъ гнета, платитъ по к. м. своимъ врагамъ полною ненавистію и считаетъ, какъ говоритъ г. Благовѣщенскій, подвигомъ *изподтишка нагадить ей.*

Причина нерасположенія семинаристовъ къ мѣсту своего воспитанія понятна Тяжело ихъ житье въ бурсѣ; конечно, они терпятъ и живутъ, даже подъ часъ повеселятся, а по выходѣ нѣкоторые вспоминаютъ не безъ хвастовства о своей школьной жизни; но почти всѣ, особенно энергическіе, съ живымъ характеромъ, съ возвышенными и благородными стремленіями рвутся на чистый воздухъ. Едвали изъ какихъ либо училищъ въ такомъ множествѣ бѣгутъ воспитанники, какъ изъ духовныхъ и это бѣгство началось съ незапамятныхъ временъ и продолжается донынѣ. Въ исторіи славяно-греко-латинской академіи говорится: «наборъ въ школы былъ въ глазахъ родителей похожъ на рекрутскій наборъ.... Отцы не хотѣли отдавать своихъ дѣтей въ школы,

а если отдавали, то легко смотрѣли на побѣги ихъ изъ академіи. Потомъ въ отвѣтахъ епископовъ на указъ синода въ 1727 г. о состояніи школъ указывается на множество учениковъ, бѣжавшихъ изъ школъ. «Такъ въ казанской школѣ въ 1723 г. было 52 ученика, кончили ученье только 6, а другіе или померли, или испрошены отцами изъ школы, или тупоумные оказались, а 14 человѣкъ убѣжали. Въ рязанской школѣ было 96 учениковъ, изъ нихъ 4 обучены, а прочіе или умерли, или въ солдаты ушли, а 59 человѣкъ *отлучились отъ школы самовольно.* (N. 1 Эпохи 1865; ст. Кіевскіе ученые въ Великороссіи. Ив. Образцова; стр. 48—49). И нынѣ продолжаютъ бѣгать духовные воспитанники изъ своихъ школъ; только бѣгство это проявляется въ другихъ формахъ, нежели какъ было въ XVIII столѣтіи. Нынѣ уже нельзя уйти просто изъ училища и числиться въ бѣгахъ; сами отцы возвратятъ своихъ дѣтей въ школу. Но зато изъ поступившихъ въ извѣстный годъ мальчиковъ едвали третья часть дойтетъ до окончанія курса. Одни оказываются тупоумными, лѣнивыми, шаловливыми и потому или сами исключаются, или бываютъ исключаемы изъ училища. Множество также изъ тѣхъ, которые и не тупоумны, и не лѣнивы, и не шаловливы, изъ философскаго и богословскаго классовъ, даже изъ академіи идутъ въ медицинскую академію, университеты, лицеи, въ другія свѣтскія училища, въ гражданскую службу; — значитъ, бѣгутъ бѣгутъ какъ въ XVIII столѣтіи, только другими способами.

Отчего же бѣжали и бѣгутъ воспитанники духово-учебныхъ заведеній? Авторъ исторіи славяно-греко-латинской академіи объясняетъ эти факты относительно начала XVIII стол. тѣмъ, что (стр. 140) «мысль о необходимости образованія, которую старался утвердить въ своихъ подданныхъ великій преобразователь Россіи, не скоро могла быть принята всѣми съ убѣжденіемъ и усвоена съ любовію; — что старая привязанность къ праздному невѣжеству еще нравилась многимъ.» Какъ ни краснорѣчивъ этотъ отрывокъ, однако я согласенъ съ г. Ив. Образцовымъ, что бѣгство старинныхъ школяровъ нельзя объяснить одною неразвитостію народа, однимъ только капризнымъ нежеланіемъ учить дѣтей (N. 1 Эпохи 1865 г.). Вѣдь, были же у насъ школы и прежде XVIII столѣтія, но мы не знаемъ, чтобы ученики изъ нихъ бѣгали такъ, какъ бѣгали изъ школъ XVIII столѣтія.

Относительно XIX и конца XVIII столѣтій слишкомъ часто все сваливаютъ на жестокость употреблявшихся въ духовныхъ училищахъ тѣлесныхъ наказаній. Но этой одной

причиной нельзя все объяснять. 1) «Отчего же, какъ говоритъ г. Новицкій въ N. 6 Совр. 1863 г. стр. 263, не бѣжали дѣти изъ другихъ училищъ не нашихъ (т. е. не духовныхъ), хотя тамъ м. б. существовали лѣнь, розга и пр.?» А я съ своей стороны прибавлю, что уже во второй четверти нынѣшняго столѣтія тѣлесныя наказанія въ нѣкоторыхъ гражданскихъ и особенно военныхъ училищахъ были даже болѣе жестоки, нежели во многихъ духовныхъ; и все таки изъ послѣднихъ бѣглецовъ подъ разными формами было гораздо больше, нежели изъ первыхъ. 2) Хорошіе и особенно отличные ученики въ училищахъ наказывались менѣе, нежели посредственные и лѣнивые, — въ семинаріяхъ давно уже рѣдко употреблялись тѣлесныя наказанія; въ академіяхъ они вовсе не извѣстны. Отчего же лучшіе-то именно воспитанники изъ семинарій и академій стараются переходить въ другія училища? «Отчего, скажу словами г. Новицкаго на той же 263 стр., тотъ же заскамейный питомецъ, въ теченіи 12 лѣтъ, измученный, измуштрованный разными инструкціями аскетическаго свойства, напитанный и совершенно сбитый съ тольку разною книжною чепухою и соломоновскою мудростію древнихъ отцовъ, по окончаніи семинарскаго курса, за которымъ убиты лучшіе годы молодости, еще лезетъ учиться въ какое либо другое учебное заведеніе, напр. въ университеты?» Вѣдь, прибавлю съ своей стороны, не изъ опасенія наказаній; по окончаніи курса семинарскаго никого не сѣкутъ розгами. А м. т. 3) нынѣ не только въ семинаріяхъ, а даже и въ низшихъ училищахъ перестали наказывать розгами, но недовольство воспитанниковъ школьною своею жизнію нисколько не уменьшилось, а постоянно болѣе и болѣе увеличивается. Т. о. не отъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній бѣжали и бѣгутъ семинеристы изъ семинарій и училищъ.

Отчего же? — Буду отвѣчать на этотъ вопросъ не своими словами: «бѣжали, говоритъ г. Щаповъ, въ N. 10 Времени 1862 г. стр. 351, горемычныя церковническія дѣти, п. ч. больно-тяжело было ихъ, по выраженію духовнаго регламента, *жестокостное, инокамъ подобное житіе.*» Обратите вниманіе на эти курсивомъ напечатанныя слова. «Бѣжали, по словамъ г. Ив. Образцова въ N. 1 Эпохи 1865 г. стр. 49, дѣти изъ школъ, п. ч. въ этихъ школахъ, какъ выражено въ отчотѣ Казанскаго епископа (въ отвѣтъ на выше упомянутый указъ синода 1727 г.) учили діалекта латинскаго, вокабулы, сентенцій, деклинацій и регулъ съ экспликаціями и писанія того же діалекта, гратуляцій, и привѣтствій различныхъ, комедійныхъ акцій, также интермедій,

ариѳметическихъ частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи и прочаго обхожденія политическаго, къ семинаріи принадлежащаго.» Словомъ: бѣжали отъ преподаванія предметовъ, которые не интересовали, не затрогивали любознательности мальчиковъ, бѣжали, п. ч. все было преподаваемо схоластически, м. б. такимъ языкомъ, которымъ написанъ репортъ Казанскаго епископа. Бѣжали и бѣгаютъ, скажемъ словами г. Новицкаго (стр. 263) п. ч. «наши каспальные питомники образованія страдали (и страдаютъ) самымъ большимъ и существеннымъ недостаткомъ естественнаго чистаго воздуха и свѣта (разумѣя то и другое въ нравственномъ смыслѣ), необходимыхъ для молодыхъ натуръ, — что этотъ недостатокъ воздуха и свѣта душилъ (и душитъ) питомцевъ и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ природа надѣлила натурами чуткими, разборчивыми, болѣе живучими и потому болѣе требовательными. Этимъ-то болѣе живымъ и способнымъ ребятамъ, р-ся, скорѣе и больше, чѣмъ другимъ становилось (и становится) жутко, невыносимо въ школьной атмосферѣ, всегда разившей какою-то ветхозавѣтной, придирчивою строгостію и книжною гнилью былыхъ блаженныхъ временъ, когда человѣчество чрезъ чуръ настойчиво лезло кудато въ облака, въ какой-то за небесный міръ.» Г. ч.! я буквально привелъ слова трехъ нашихъ писателей и только въ послѣдней выпискѣ вставилъ три глагола въ настоящемъ времени. Но, какъ угодно, объясненія этихъ трехъ писателей смѣло можно приложить къ нынѣшнимъ духовнымъ школамъ. Духовнымъ воспитанникамъ не нравится учиться въ своихъ питомникахъ и нынѣ отъ того, что *больно-тяжело жестокостное, инокамъ подобное житіе ихъ*, что имъ не нравится *обхожденіе политическое, къ семинаріи принадлежащее.* что ихъ набиваютъ *разною книжною чепухою и соломоновскою мудростію св. отцовъ*, что *не достаетъ воздуха и вѣтра душамъ* ихъ, что имъ *жутко, не выносимо въ школьной атмосферѣ*, что имъ опротивѣли *вѣтхозавѣтная, придирчивая строгость и книжная гниль былыхъ блаженныхъ временъ*, что ихъ продолжаютъ *тащить куда-то въ облака, въ какой-то занебесный міръ*, тогда какъ они чувствуютъ потребность жить на землѣ между людьми. Имъ хочется вырваться *изъ міра* (по словамъ Добролюбова) *затасканной, тихо вздыхающей скорби, изъ міра тупой, ноющей боли, изъ міра тюремнаго гробоваго безмолвія, изъ темной и тѣсной тюрьмы*, гдѣ *вѣетъ сыростью и гнилью.* Вотъ причины, почему духовные воспитанники, особенно тѣ, которыхъ *надѣлила природа натурами чуткими, разборчивыми,*

долье живучими и потому болье требовательными, бѣгутъ изъ своихъ питомниковъ!

За исключеніемъ бѣглецовъ слишкомъ еще много народу оставалось и остается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ недавнее время всѣ почти они подчинялись дисциплинѣ; все было тихо, безмолвно даже; являлся какой либо либералъ-воспитанникъ? съ нимъ управлялись домашнимъ образомъ, или исключали. Хотѣлъ ли кто описать жалкое состояніе семинарскаго образованія? — статью отсылали въ духовную цензуру, которая умѣла уже справиться съ нею; а если что либо проскользало въ печати, то автора причисляли къ клеветникамъ и неблагонамѣреннымъ людямъ. Теперь времена измѣнились; и семинаристы и академисты, и даже училищные мальчонки чуть не цѣлою массою стали протестовать противъ школьнаго Домостроя. «Въ настоящую особенно пору, говорится въ No. 8 Библ. для Чт. 1864 г. въ ст. о семинарскомъ образованіи (стр. 23), по какому-то, можно сказать, чутью, семинаристы, по. к. м. лучшіе изъ нихъ, стали чувствовать, что латынь и долбленіе ни къ чему существенно полезному не ведутъ, что теперь требуется что-то большее, что-то разумнѣе и разностороннѣе.» Въ одной изъ академій въ шестидесятыхъ уже годахъ было замѣчательное въ этомъ отношеніи событіе. Начальство ея, встревоженное появившимся въ духовныхъ училищахъ либерализмомъ, дало студентамъ для разсужденія предложеніе: почему въ семинаріяхъ такъ сильно развился нигилизмъ? Одинъ изъ студентовъ, человѣкъ весьма умный, пользовавшійся и въ училищѣ, и въ семинаріи, и въ академіи казеннымъ содержаніемъ, и слѣд. испытавшій всю тяжесть бурсацкой жизни, въ своемъ сочиненіи листовъ до 15 все описалъ съ такими возмутительными подробностями, такими яркими красками, *съ такимъ воодушевленіемъ, что начальство изумилось*, даже испугалось. Ректоръ, призвавши студента, спросилъ: «неужели у васъ не осталось ни какого пріятнаго воспоминанія изъ училищной и семинарской жизни.» — «Да, отвѣчалъ студентъ рѣшительно никакого пріятнаго впечатлѣнія не осталось.» Ректоръ совѣтовалъ передѣлать разсужденіе, но студентъ не согласился и, какъ я слышалъ, подвергся негодованію начальства. Если и академіи не хотятъ слышать правду, то семинарское начальство по заведенному издавна обычаю, вовсе необращаетъ. вниманія на проявившійся новый духъ въ воспитанникахъ. Оно, какъ говорится въ той же статьѣ Библ. для Чт. «вмѣсто того, что бы пользоваться чутьемъ (семинаристовъ) и искусно направ-

лять его къ цѣли духовнаго образованія, подъ часъ и даже б. ч. ограничивается только тѣмъ, что насильно разными страхами и угрозами заставляетъ семинаристовъ усугублять свою ревность собственно къ семинарскимъ наукамъ и кромѣ того почти никуда не позволяетъ обращать имъ своего вниманія. Результатъ б. ч. выходитъ обратный. Семинаристы къ семинарскимъ-то именно наукамъ и хладѣютъ, занимаются или *ex officio*, а м. т. съ жаромъ хватаются за то, что со временемъ можетъ дать имъ какой нибудь вѣсъ въ обществѣ, или просто облегчить выходъ изъ семинаріи въ другія заведенія. Гдѣ давленіе, тамъ и сопротивленіе, — это ужъ всегда такъ.» Тутъ говорится объ однихъ наукахъ, но недовольство воспитанниковъ духовныхъ выражается и относительно распоряженій по нравственной и экономической частямъ, а начальство, оставивши только розги, ни за что не хочетъ разстаться съ тѣмъ регламентомъ, по которому оно такъ привыкло управлять. При такомъ положеніи дѣла борьба между новыми потребностями и старою рутиною неизбѣжны. Борьба эта, или почти война въ послѣдніе пять лѣтъ выразилась въ очень многихъ событіяхъ, которыя показываютъ очень сильный разладъ между духовными воспитанниками и ихъ начальствомъ. Опишу нѣсколько такихъ событій и начну съ академій.

1. Студенты старшаго курса одной изъ академій, наскучивъ неудовлетворительными лекціями многихъ наставниковъ, тяготясь дисциплиною и страдая отъ дурнаго содержанія, послали отъ лица всѣхъ прошеніе въ Петербургъ. Въ прошеніи всѣ недостатки академіи были описаны съ поразительною ясностію и подробностію; особенно впрочемъ досталось профессорамъ старикамъ; одного, такъ называемаго заслуженнаго человѣка, назвали рыбою за его рыбное безгласіе во время лекцій, другаго описали, какъ человѣка бездарнаго. Но послѣ нѣкоторые изъ просителей струсили и безъ общаго согласія телеграфировали въ петербургскій почтамтъ возвратить назадъ прошеніе. Р-ся, оно возвратилось, но попалось въ руки секретаря академическаго правленія, который, распечатавъ и прочитавъ его, призвалъ для объясненій того студента И-а который отдавалъ прошеніе на почту. Студентъ объяснилъ г. секретарю незаконность его дѣйствій и не взялъ отъ него прошенія. Прочіе студенты, узнавши объ этомъ, сильно обидѣлись и на секретаря и на тѣхъ своихъ товарищей, которые телеграфировали о возвращеніи назадъ жалобы. Нѣкоторые впрочемъ нашли возможность переслать прошеніе за границу, гдѣ оно и было напе-

чатано въ Колоколѣ. Тогда его прочитали и въ Россіи весьма важныя особы; приказано было дѣло разслѣдовать. Назначенный ревизоромъ чиновникъ по обычаю постарался доказать, что жалобы студентовъ совершенно не справедливы. Просидѣвши напр. на классѣ у того профессора, на бездарность котораго особенно жаловались студенты, ревизоръ сказалъ, что онъ такого профессора по Г-ѣ не слыхивалъ даже за границею. Въ столовой, отобѣдавъ вмѣстѣ съ студентами, прибавилъ, что точно такой же обѣдъ приходилось ему встрѣчать у одного изъ митрополитовъ. Впрочемъ удивляться такому отзыву не нужно. Начальство и профессоры р-ся, употребили все возможныя средства отличиться. Вслѣдствіе этого донесено было, что въ академіи все обстоитъ благополучно; о ревизіи даже упомянуто и въ отчотѣ Об. Пр-ра. Студентовъ подвергли разнымъ наказаніямъ. На время пріостановлено было назначеніе ученыхъ степеней всему курсу. Одного И-а исключили безъ степени, другой Б-въ, къ счастію, успѣлъ прежде самъ выйти изъ академіи, третьему В-му хотя и дали мѣсто въ семинаріи, но не на радость. Ему пришлось жить въ комнатѣ почти не отапливаемой, съ разбитыми стеклами; здоровье его и прежде слабое еще болѣе разстроивается. Профессоръ одного изъ университетовъ, знавшій В-аго, предложилъ совѣту университета послать его за границу для приготовленія къ преподаванію философіи. И совѣтъ и Министерство согласились на это, но духовное начальство не уволило его на томъ-де основаніи, что ему нужны такіе люди при имѣющемъ быть улучшеніи духовныхъ училищъ. Другой (Б-въ) имѣлъ замѣчательныя способности, напр. прочитавши страницы двѣ или три англійскихъ словъ, ему не извѣстныхъ, онъ могъ повторять ихъ къ ряду. Не удивительно, что по выходѣ изъ академіи, опредѣлившись преподавателемъ исторіи въ свѣтское училище, онъ успѣлъ себя зарекомендовать съ отличной стороны. Новый епархіальный начальникъ, бывшій на экзаменѣ въ этомъ училищѣ, удивленъ былъ успѣхами учениковъ и спросилъ: какимъ образомъ достигли такихъ результатовъ? И когда узналъ, что все это сдѣлалъ спасшійся изъ академіи студентъ, то чрезъ викарія предложилъ ему мѣсто въ академіи съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ написалъ разсужденіе на степень магистра и обязался не выходить изъ духовнаго званія. Но бывшій студентъ отказался, прибавивъ: *обманете.* Слышалъ я, что онъ посланъ однимъ изъ университетовъ за границу для приготовленія къ исторической кафедрѣ.

Но предпринимаемыя академическимъ начальствомъ мѣры какъ то плохо вылечиваютъ студентовъ. Года черезъ три послѣ описаннаго мною событія, значитъ уже очень не давно,— студенты тойже академіи, въ отмщеніе своимъ воспитателямъ за дурныя лекціи и дурное содержаніе согласились не ходить въ классъ. Къ сожалѣнію, вѣроятно, въ избѣжаніе скуки, стали искать утѣшеній у Бахуса. Начальство въ первый день не нашлось и не приняло никакихъ мѣръ. Но въ слѣдующій день ректоръ пошолъ по жилымъ студенческимъ камнатамъ. Въ первой еще встрѣтилъ трезвыхъ людей, которые на вопросъ, почему нейдутъ въ классъ, отозвались головною болью, — м. б. и правда, съ похмѣлья дѣйствительно болитъ голова. Но въ другой комнатѣ ректоръ нашолъ молодцовъ, запасшихся уже смѣлостію безъ затрудненія отвѣчать на самые щекотливые вопросы. Тутъ ректору пришлось выслушать очень непріятныя объясненія, почему студенты не находятъ нужнымъ итти слушать лекціи. Обиженный начальникъ велѣлъ имъ подать просьбу объ увольненіи изъ академіи; они послушались, но въ просьбѣ описали всѣ предшествовавшія обстоятельства. Пустить такое прошеніе въ ходъ начальство не нашло приличнымъ. Студенты повторили его и прибавили, что они подавали уже другое; опять и новое прошеніе остановлено. Чѣмъ дѣло кончилось, я еще не могъ узнать.

2. Въ другой академіи студенты не могли жаловаться на свое содержаніе; оно было очень не дурно, но зато имъ не нравились нѣкоторые наставники, особенно инспекторъ. Послѣдній, управляя прежде одною изъ семинарій, захотѣлъ дисциплину семинарскую приложить и къ академіи, началъ обращаться съ студентами, какъ съ мальчиками, особенно любилъ шпіоновъ, но, какъ наставникъ, онъ даже и въ семинаріи не могъ считаться хорошимъ. Студенты дѣиствовали довольно скрытно и осторожно; ими предводительствовалъ одинъ, чрезвычайно даровитый, воспріимчивый, способный и самъ увлекаться и другихъ увлекать студентъ. Собранія происходили въ спальняхъ по ночамъ; и наконецъ на общемъ митингѣ подписали почти всѣ прошеніе, въ которомъ выставили недостатки учебной части и нравственнаго управленія, и настойчиво требовали увольненія нѣкоторыхъ наставниковъ, особенно инспектора. Ректоръ, получивши прошеніе, собралъ профессоровъ для совѣщанія; нѣкоторые изъ нихъ предлагали обратить вниманіе на то, что есть справедливаго въ жалобѣ, но большинство рѣшило принять мѣры къ укрощенію студентовъ. Призывали ихъ поодиначкѣ, стращали,

усовѣщевали, но дѣло какъ-то не улаживалось; въ немъ приняли участіе даже высшіе начальники. Возстаніе усмирено; наказаніе непосредственно не послѣдовало; но послѣ при окончаніи курса студентамъ все-таки заплатили за нихъ, какъ говорили, *возмущеніе;* иподного изъ нихъ не оставили при академіи; зачинщиковъ понизили въ спискѣ, главнаго предводителя выпустили младшимъ кандидатомъ. Слышно, что онъ впрочемъ теперь ужъ посланъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для приготовленія къ университетской кафедрѣ. Но принятыя мѣры для подавленія студентческаго неудовольствія вскорѣ оказались недостаточными. Студентамъ высшаго отдѣленія наскучило ходить на классъ греческаго языка, который имъ также преподавался, какъ и въ семинаріяхъ. Тутъ академическое начальство дѣйствовало рѣшительнѣе прежняго. Ректоръ самъ осмѣлился прійти на классъ и, р-ся, нашолъ и старался убѣдить студентовъ, что греческій языкъ преподается имъ очень хорошо. Студенты сдались на капитуляцію, или лучше на полную волю побѣдителей; нѣсколькихъ изъ нихъ или главныхъ виновниковъ возстанія, или не желавшихъ сдаться заставили выйти изъ академіи; изъ нихъ тоже нѣкоторые теперь приготовляются, какъ слышно, за границею къ университетскимъ кафедрамъ.

3. Въ третьей академіи по случаю назначенія прежняго ректора на епископскую кафедру, студенты, узнавши, что новымъ начальникомъ ихъ будетъ одинъ изъ фаворитовъ, или даже родственниковъ важной особы, были крайне недовольны, да и справедливо. Предполагавшійся кандидатъ не отличался ни умственными, ни нравственными качествами. Вотъ нѣсколько свѣдѣній объ этой особѣ. Главная ея страсть состоитъ въ томъ, что бы копировать своего начальника, а вмѣстѣ восхищаться и хвастаться получаемыми отъ него подарками. Однажды начальникъ жилъ почти въ семинаріи. Близъ нее находилась дача одного богача, на которой съ 10 час. вечера игралъ оркестръ. Главный начальникъ, что бы не слыхать музыки, началъ ложиться въ 8 и вставать въ 2 часа утра. Родственникъ и подчиненный сталъ ему подражать. И когда его спросили: почему такъ поступаетъ, то онъ отвѣчалъ: «да какъ же иначе? Вѣдь, самъ Пр-ный такъ дѣлаетъ.» — Получивши въ подарокъ отъ своего начальника и родственника подрясникъ, онъ цѣлый годъ, надѣвая его, говаривалъ почти всякому, даже ученикамъ: «посмотрите, вѣдь этотъ подрясникъ мнѣ подарилъ самъ Пр-ный.» Въ другой разъ ему точно также

подарена была митра. Старшій изъ учениковъ получилъ отъ него приказаніе, которое по разсчоту нельзя было скоро исполнить. О. ректоръ этимъ временемъ захотѣлъ воспользоваться, чтобы полюбоваться собою; надѣлъ мантію и митру и началъ похаживать по своей залѣ, останавливаясь предъ зеркаломъ. Но старшій слишкомъ скоро явился и засталъ его В-біе во всемъ великолѣпіи. Студенты академіи знали эти и многіе другія анекдоты о будущемъ своемъ начальникѣ, и не могли ожидать отъ него ничего хорошаго. Подумавши между собою, студенты написали просительное письмо къ Об. Пр-ру синода о томъ, чтобы имъ дали какого либо другаго начальника. Всѣхъ подписавшихся было болѣе 80 человѣкъ; препебрегать подобною просьбою неслѣдовало и потому она была переслана на разсмотрѣніе начальника епархіи и вмѣстѣ академіи. Тутъ поступлено было очень ловко; кандидатами на ректорство были представлены три человѣка, въ числѣ ихъ находился и нелюбимый студентами кандидатъ, — значитъ, начальство какъ будто и не обратило вниманія на притязанія мальчиковъ въ 20—25 лѣтъ; — но утвержденъ былъ, р-ся, другой кандидатъ, — значитъ, и студентамъ нечего было обижаться. Какъ не вспомнить при этомъ русской пословицы: *и волки сыты, и овцы цѣлы!*

Чрезъ нѣсколько времени уже слишкомъ недавно студенты тойже академіи выразили свое неудовольствіе на преподаваніе лекцій. Въ академіяхъ, какъ и въ семинаріяхъ есть классическіе журналы, въ которыхъ отмѣчается, кто изъ студентовъ не былъ въ классѣ, и чѣмъ наставникъ занимался; журналы эти б. ч. ведутся студентами по очереди и каждый день представляются ректору. Студенты той академіи, о которой идетъ рѣчь, оставляли безъ перемѣны записи на тѣхъ одной, или двухъ страницахъ, которыя ректоръ находитъ нужнымъ ежедневно разсматривать. Зато на предъидущихъ, т. с-ть старыхъ станицахъ они рѣшились выказать свое и остроуміе и недовольство, дѣлая рекомендаціи наставникамъ. Одного называли *рыбою* за его нѣмотствованіе на лекціяхъ, другаго *водолеемъ*, п. ч. онъ, какъ гласила рекомендація, вливаетъ воду студентамъ въ голову, третьяго *экзальтатникомъ*. Но особенно одна отмѣтка была очень остроумна. Вычистивши слова о содержаніи лекціи въ извѣстный день, студенты написали: «говорено было о цѣлесообразности; рѣшался вопросъ: для чего Богъ создалъ ословъ? Рѣшено: — для того, что бы профессоры N академіи имѣли существа, на которыя они были бы похожи.» Когда начальство узнало о подобной контрфакціи, то по

почерку поправокъ и аттестацій заподозрило сочинителей ихъ. Просили ихъ сознаться и обѣщались простить; но только одинъ сознался и начальство, къ чести его сказать, простило сознавшагося преступника. Прочихъ грозили исключить; велѣли подать имъ просьбы объ увольненіи изъ академіи, но упрямцы не сознались. Впрочемъ въ ходъ не пустила прошенія; начальство этой академіи отличается благоразуміемъ и осторожностію, *не ломать и не гнуть*, только оставили прошеніе того студента, котораго считали главнымъ виновникомъ и объявили что если кто бы то ни было сдѣлаетъ на журналахъ подобныя аттестаціи, то предполагаемый зачинщикъ будетъ исключенъ. Тутъ осторожное и благоразумное начальство не совсѣмъ право. Зачто же исключать человѣка за поступокъ, который будетъ сдѣланъ другимъ? Вѣроятно, начальство разсчитываетъ на то, что ни одинъ студентъ своею шалостію не захочетъ губить своего товарища. Здѣсь считаю нужнымъ прибавить, что наставникъ, получившій аттестацію за лекцію о цѣлесообразности, человѣкъ весьма ученый и знаетъ свой предметъ. Но чтоже ему дѣлать? Безъ цѣлесообразности философія въ академіи не мыслима; молчать о ней нельзя. А говоря о ней нынѣ, дѣйствительно сразу попадешь въ число ословъ; тутъ виноватъ не профессоръ, который, повторяю, умный и дѣльный человѣкъ, а *ермолафія*, которую надобно читать вмѣсто философіи.

4) И четвертая академія заявила тоже свое недовольство, впрочемъ въ довольно частномъ случаѣ. Академисты, какъ невольные, обязательные слушатели всѣхъ лекцій, которыми найдутъ *за благо* ихъ угощать, приносятъ съ собою въ классъ книги и, держа ихъ въ партѣ, или на колѣнахъ, читаютъ для прогнанія скуки. На лекцію м-щаго баккалавра принесенъ былъ какой-то карикатурный журналъ. Одна изъ карикатуръ была очень занимательна и два студента, разсматривая ее, улыбнулись. Но отецъ-лекторантъ принялъ этотъ смѣхъ на счетъ своего профессорскаго таланта и назвалъ смѣявшихся студентовъ *кутьею*. Тутъ ужъ всѣ студенты взволновались и выразили свое неудовольствіе невѣжливому профессору, а этотъ пожаловался ректору. Ректоръ узнавши все дѣло, велѣлъ двумъ студентамъ просить извиненія у баккалавра; но они возразили, что не имъ, а отцу-баккалавру слѣдуетъ извиниться. Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было, чтобы два студента извинились предъ баккалавромъ, а этотъ предъ всѣми студентами. Нельзя не сказать, что по моему мнѣнію, это рѣшеніе едвали не

умнѣе каждаго изъ тѣхъ распоряженій, которыми хотѣли подавлять описанныя мною возстанія въ другихъ академіяхъ.

Чтобы предотвратить подобныя демонстраціи, одна академія рѣшилась на странную мѣру. Полагая, что съ умными и даровитыми воспитанниками, высылаемыми изъ семинарій, нельзя ужъ управляться по прежней системѣ, но и не желая съ нею разстаться, начальство академическое при составленіи новаго курса писало ко всѣмъ ректорамъ семинарій, откуда должны были поступить новобранцы, что бы при выборѣ ихъ уже не очень много обращали вниманія на успѣхи и способности, но чтобы отправляли въ академію людей нравственныхъ, покорныхъ и пр. Но и прежде вѣдь не посылали безнравственныхъ и буяновъ, которымъ въ семинаріяхъ тогда еще труднѣе было достигать первыхъ мѣстъ, нежели въ описываемое время. Если академическое начальство желало имѣть какихъ-то особаго рода нравственныхъ людей, то этимъ высказало только противъ своей воли, что не только въ академіяхъ, но и въ семинаріяхъ воспитанники особенно даровитые стали недовольны своимъ положеніемъ. Давайте же намъ поглупѣе людей; авось они еще покорятся старымъ порядкамъ. Слышно было, что потомъ подобныя распоряженія разосланы были и другими академіями.

Отъ академій не хотятъ отстать семинаріи, только недовольство послѣднихъ выражается иначе, нежели первыхъ. Студенты академій, какъ люди болѣе взрослые и развитые умѣютъ лучше выразить свое недовольство, благоразумнѣе поддержать свои требованія и легче могутъ противодѣйствовать напору начальства; съ ними нельзя также расправиться, какъ съ семинаристами. Этимъ же трудно дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ академисты; у нихъ недостанетъ на то ни ума, ни смѣлости, ни сознанія своихъ правъ. И потому они и нынѣ сдѣлавшись, т. с-ть, прогрессистами, дѣйствуютъ по преданіямъ бурсы. Въ одномъ мѣстѣ пустятъ нѣсколько камней въ окна того наставника, который имъ не нравится, въ другомъ встрѣтятъ и проводятъ его въ корридорѣ даннымъ ему прозвищемъ, произнося его, какъ говорятъ, *во все горло общимъ хоромъ*, и заканчивая дружнымъ хохотомъ не одной сотни молодцовъ. Тамъ раздается свистъ и шиканье при входѣ какого либо не любимаго наставника и даже во время его лекціи, а здѣсь не пожалѣютъ своихъ сапоговъ, чтобы потопать и пошаркать ногами и выпроводить вонъ своего скучнаго преподавателя. Въ столовой высыпаютъ соль въ супъ, который ѣсть нельзя и если благопріятствуютъ обстоятельства, или слишкомъ сильно раздраженіе, то пу-

стятъ въ экономa, или комисара ломтикъ хлѣба и даже что либо болѣе твердое. Собирались даже и поколотить тѣхъ, кто ими командуетъ; въ одномъ мѣстѣ только отважность и распорядительность инспектора спасли ректора отъ произнесеннаго надъ нимъ приговора на основаніи линчева суда; почтенный начальникъ такъ впрочемъ струсилъ, что поспѣшилъ убраться въ свой монастырь и являлся нѣсколько недѣль только въ церковь семинарскую, гдѣ уже не боялся быть поколоченнымъ. Потомъ вздумаютъ семинаристы въ иномъ мѣстѣ отмстить своему профессору, котораго лекціи имъ не нравятся, затащивъ въ классъ козла; поставятъ эту особу задними ногами на кресло, а передними на столикъ наставниковъ и общимъ голосомъ кричать: «ну, васька, читай намъ лекціи по археологіи, или расколу и если васька вздумаетъ въ это время заблеять, то всѣ бываютъ въ восторгѣ.»

Наконецъ и въ низшія духовныя училища проникъ революціонный духъ. Въ 1864 г. бывши въ одной изъ нашихъ столицъ, я на вечерѣ у духовной особы слышалъ разсказъ о небываломъ прежде событіи. Въ духовномъ училищѣ одной изъ западныхъ (м-ой) губерній содержаніе учениковъ было дурно до нельзя. Бѣдняги, узнавши, что Начальникъ западнаго края принимаетъ участіе во всѣхъ угнетаемыхъ, послали ежу жалобу, въ которой описали свое бѣдственное положеніе, но, опасаясь розысковъ начальственныхъ, они выставили на жалобѣ не фамиліи, а одни имена свои. Безпристрастный и справедливый Начальникъ края передалъ бумагу епархіальному архіерею. Не получая долго никакого отвѣта, онъ велѣлъ сдѣлать запросъ архіерею о мѣрахъ, которыя приняты по случаю жалобы; ему отвѣтили, что еще отыскиваютъ тѣхъ виновныхъ учениковъ, которые дерзнули на такой небывалый поступокъ. Послѣ этого епархіальному начальству было объяснено, что дѣло должно итти не объ отысканіи виновныхъ между учениками, а о томъ, чтобы дѣйствительно виновные начальники училища улучшили содержаніе учениковъ и не морили ихъ голодомъ.

Несмотря на всеобщее т. с-ть возстаніе въ духовныхъ училищахъ, начальство всюду старается отстаивать свои права и воюетъ противъ врывающагося подъ его покровъ не прогресса (я не хочу унижать это слово), а противъ своеволія. Но отстаивая какой либо важный пунктъ въ своей позиціи, принуждено сквозь пальцы смотрѣть на то, какъ молодое поколѣніе захватываетъ второстепенные, т. с-ть, крѣпости и блокгаузы и разрушаетъ ихъ. А потомъ въ слѣд-

ствіе стратегическихъ соображеній, чтобы не подвергнуться нападенію съ фланговъ и даже съ тыла, оставляетъ и главные пункты. Т. о. молодежь по немногу распространяетъ свои завоеванія; но, по совѣсти признаться, не умѣетъ ими пользоваться. Какъ и всѣ люди, бывшіе долго подъ гнетомъ и потомъ освободившіеся отъ него, они какъ будто съ хвастовствомъ стараются показать, что мы-де теперь не то, чѣмъ прежде были, что мы теперь позволяемъ себѣ то, о чемъ наши предшественники и не помышляли. Въ этомъ отношеніи даже и студенты академіи не показали большаго благоразумія, не показали способности къ самоуправленію. Въ академіяхъ и въ семинаріяхъ, даже въ низшихъ училищахъ прогрессъ обнаруживался едвали не болѣе всего куреніемъ папиросъ и сигаръ. Въ иномъ учебномъ заведеніи куда ни поди, въ садъ, на дворъ, въ корридоръ, кухню и пр., вездѣ увидишь брошенные окурки. Затѣмъ особенно полюбилось эмансипировать себя отъ классовъ. Напередъ скажу, что сколько мнѣ извѣстно, по к. м. въ академіяхъ къ отличнымъ профессорамъ на лекціи ходятъ почти всѣ студенты, даже приходятъ иногда изъ высшаго въ низшее отдѣленіе. Зато къ другимъ не отличнымъ, а м. т. все таки хорошимъ не всегда заглядываетъ и половина; слишкомъ часто случается, что даже ректоръ и инспекторъ не досчитываются многихъ у себя на лекціи и *o tempora!* какъ будто не замѣчаютъ этого. Въ 1863 г. мнѣ нужно было видѣться съ однимъ студентомъ, сидѣвшимъ въ классѣ на лекціи. Когда онъ вышелъ ко мнѣ, то я сталъ извиняться предъ нимъ, что его отвлекъ м. б. отъ занимательной лекціи. — «Нѣтъ, не безпокойтесь, отвѣчалъ мнѣ студентъ, я уже самъ хотѣлъ уйти, а то не хорошо, насъ сидѣло тамъ чотное число.» Тогда я ему сказалъ: «а вѣрно вы со вниманіемъ слушали наставника, когда сосчитали всѣхъ, сидѣвшихъ съ вами.» — «Сосчитать-то было не трудно, отвѣчалъ мнѣ студентъ, — насъ было только шесть человѣкъ.» «Не много же изъ васъ охотниковъ слушать лекціи,» сказалъ я. — «Какъ не много? перебилъ меня студентъ, да у насъ иногда сидитъ только одинъ дежурный студентъ съ классическимъ журналомъ.» И тутъ же мнѣ разсказалъ, какъ одинъ баккалавръ читалъ лекцію предъ одними столами и стѣнами. Когда онъ пришолъ въ классъ, то тамъ не было никого, кромѣ дежурнаго студента. Баккалавръ по обычаю прежде всего подписалъ журналъ, и дежурный, тоже по обычаю, долженъ былъ отправить его къ ректору. Наставникъ былъ подслѣповатъ, не замѣтилъ, что кромѣ его никого нѣтъ въ классѣ и началъ

читать лекцію. Дежурный студентъ, идя къ ректору, зашолъ къ товарищамъ и упросилъ, чтобы кто нибудь посидѣлъ въ классѣ. Два, три добрыхъ человѣка согласились на это и, пришедши въ классъ, нашли въ немъ одного только баккалавра, который впрочемъ громогласно читалъ свою лекцію.

Въ семинаріяхъ тоже классы бываютъ не рѣдко на половину пусты; а иногда изъ 50—70 человѣкъ едва наберется 5—10 любителей просвѣщенія. Но семинаристы менѣе разборчивы, нежели академисты; ихъ не скоро расшевелитъ и хорошая лекція; они почти одинаково готовы не ходить ко всякому. Наконецъ нехожденіе въ классъ дошло и до низшихъ училищъ; въ высшемъ ихъ отдѣленіи, въ этой какъ говорятъ мальчики, *краткой богословіи*, иногда наставникъ не увидитъ половины своихъ учениковъ.

На что же духовные воспитанники, освобождая себя отъ классовъ, употребляютъ свободное время? Общаго приговора въ этомъ случаѣ произнести нельзя. М. б. иные дѣлаютъ что нибудь полезное, другіе по к. м. не дѣлаютъ ничего дурнаго, ну а прочіе? Случалось мнѣ слыхать даже отъ профессоровъ академіи, что, когда они изъ городскихъ квартиръ спѣшатъ на лекціи, то на встрѣчу имъ тоже спѣшатъ обязательные ихъ слушатели вонъ изъ академіи и, какъ должно полагать, не съ тѣмъ, чтобы слушать лекціи въ университетѣ, или заняться чѣмъ либо въ какой либо библіотекѣ. О многихъ семинаристахъ, бѣгающихъ отъ классовъ, сдавали не самыя вѣрныя свѣдѣнія можно получить отъ сосѣднихъ трактировъ и даже отъ питейныхъ домовъ. Дешовка не осталась безъ вліянія и на духовное юношество; пьянство, которымъ издавна пятнало себя д-во, усиливается въ молодомъ поколѣніи будущихъ пастырей. Повѣрьте, г. ч., что нынѣ даже въ низшихъ духовныхъ училищахъ очень многіе ученики въ полномъ смыслѣ пьянствуютъ. По моему мнѣнію, академіи все еще стоятъ впереди и стоятъ на хорошей дорогѣ. М. б. и тутъ иногда погуливаютъ, или ничего не дѣлаютъ, но все-таки сюда проникло сознаніе, что нужно что нибудь дѣлать; иначе не выйдешь въ люди. Отсюда въ самое послѣднее время выходятъ очень дѣльные люди; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, что изъ нихъ многіе посланы отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за границу для приготовленія къ университетскимъ каѳедрамъ. Но и объ ученыхъ занятіяхъ студентовъ академіи распространены не очень благопріятные слухи. Вотъ напр. какъ отзываются о нихъ въ No. 5 1864 г. Русск. Вѣстн. въ ст. нѣсколько словъ о семи-

царскомъ образованіи (стр. 355—356): «направленіе студентовъ академіи — практическое. Нигдѣ не сыщете такихъ практиковъ, какъ въ академіи. Языкомъ нѣмецкимъ, французскимъ занимаются, чтобы переводить въ журналъ, или газету и зато получать хорошія деньги, — алгеброю, чтобы давать уроки гимназисту. Вся академія помѣшана на томъ, чтобы достать сторонней хлѣбной работы, будто своей мало! Если нѣтъ уроковъ, или переводовъ, то переписываютъ по 25 к. съ листа; многіе промышляютъ литературою, пишутъ замѣтки о разныхъ пустякахъ, фельетоны и пр. Академическія занятія считаютъ постороннимъ дѣломъ; за эти дѣла берутся, когда нѣтъ другаго дѣла; въ противномъ случаѣ всѣ сочиненія кропаются въ недѣлю; всѣ лекціи къ экзамену выдалбливаются въ 2—3 дня. Впрочемъ практицизмъ выручаетъ и на экзаменахъ; каждымъ изъ студентовъ подмѣчены билеты и не рѣдко происходитъ комедія; изъ подъ самаго носа профессоровъ похищаются девятки, десятки вмѣсто нулей и единицъ. Почтенные мужи только хлопаютъ глазами, удивляясь блестящимъ отвѣтамъ ловкихъ студентовъ. Т. о. проходитъ три года; послѣдній посвящается компилированію курсоваго сочиненія на степень; при чемъ пускаютъ въ ходъ всевозможныя уловки. Вотъ вамъ высшее образованіе!» Конечно, не утѣшительно слышать такой отзывъ о высшемъ духовномъ образованіи, высказанный человѣкомъ, какъ к-ся, вполнѣ знакомымъ съ академіями. Но все-таки тутъ чѣмъ нибудь да занимаются; только отъ переписки по 25 к. съ листа не сдѣлаешься умнѣе; а занятіе языками, алгеброю, составленіе статеекъ все-таки способствуютъ умственному развитію. Въ семинаріяхъ же и это рѣдко встрѣчается; тутъ эмансипація послужила преимущественно къ тому, чтобы ничего не дѣлать. Даже и это было бы еще сносно, а то кромѣ Бахуса вводится еще поклоненіе Меркурію и Венерѣ. Вы удивитесь, г. ч. услыхавши, что въ иномъ духовномъ питомникѣ питомцу не надобно почти выпускать изъ рукъ свои книжонки и фуражку, особенно предъ роспускомъ; иначе придется итти домой съ открытою головою и покупать новыя книги. На такъ называемомъ казенномъ исчезаютъ тулупы, сертуки, фуражки, а если не запертъ сундукъ, то изъ него унесутъ что нибудь получше. Былъ примѣръ, что въ одномъ питомникѣ двукратно образовывалось даже нѣчто въ родѣ компаніи для взаимнаго вспомоществованія для удобнѣйшаго пріобрѣтенія и сбыта краденныхъ вещей. Вѣдь, ужасно гадко! Но еще отвратительнѣе были бы разсказы о жертвоприношеніяхъ выше упомянутой богинѣ.

Знаю многое и въ этомъ отношеніи, но увольняю и себя, и читателей отъ этихъ разсказовъ; право объ иныхъ вещахъ нѣтъ возможности говорить.

Вмѣсто этого позвольте лучше спуститься изъ семинаріи въ низшія духовныя училища и посмотрѣть, какъ тамъ проявляетъ себя нынѣшній семинарскій прогрессъ. Къ нимъ, к-ся, справедливо можно приложить слова Спасителя: *не вливаютъ вина молодаго въ мѣхи старые; иначе прорвутся мѣхи и вино вытечетъ и мѣхи пропадутъ* (Мат. IX. 17). Дѣйствительно въ низшихъ училищахъ жестокія наказанія отмѣнены; старая дисциплина ослабѣла; большія и малыя дѣти стали чувствовать, что съ нихъ узда снята, что на нихъ не сидитъ всадникъ съ ногайкою и шпорами. Но нововводители забыли о томъ, что бы собственнымъ примѣромъ и развитіемъ благородныхъ инстинктовъ смягчить старыя наклонности этихъ звѣрковъ, выпущенныхъ изъ западни, или изъ клѣтовъ. И новое поколѣніе начинаетъ пользоваться своею свободою не очень благоразумно и благородно. Оно или попадается въ руки своихъ, т. с-ть, демагоговъ въ родѣ школьныхъ Клодіевъ, которые, имѣя крѣпкій кулакъ и окружая себя кліентами, господствуютъ и даже тиранствуютъ надъ цѣлымъ классомъ; или всѣмъ міромъ-соборомъ составляютъ карикатуры своевольной демократіи, которая поражаетъ своего рода остракизмами своихъ нелюбимцевъ. Вотъ вамъ факты, случившіеся въ 1863—1865 годахъ. 1) Въ одно изъ низшихъ духовныхъ училищъ, для котораго выстроенъ огромный, великолѣпный домъ пришла одна мать и въ комнатѣ увидала нѣчто въ родѣ линчева американскаго суда. Въ углу стоялъ мальчикъ ни живъ, ни мертвъ; къ нему подходили одинъ за другимъ товарищи и каждый давалъ ему по звонкой пощочинѣ. Дѣло состояло въ томъ, что молодые демократы сговорились за день не учить урока одному учителю, но наказываемый не исполнилъ этого *народнаго* постановленія, не только выучилъ, но и прочиталъ урокъ учителю; за что́ по опредѣленію *училищна Вѣча* и былъ преданъ позорной казни. 2) Другой мальчикъ по какому то случаю такъ избитъ былъ своими товарищами, что его нужно было взять въ домъ родительскій, но онъ, не доѣхавъ, умеръ; такъ по к. м. мнѣ разсказывалъ весьма умный, почтенный и заслуженный священникъ той епархіи, въ которой происходило это ужасное событіе. 3) Одинъ священникъ съ деликатнѣйшимъ характеромъ и съ достаточными средствами воспитывалъ своего сына дома вовсе не побурсацки. Мальчика отдали наконецъ въ училище, но онъ не могъ тамъ

прожить болѣе недѣли и бѣжалъ, притомъ не отъ притѣсненій учителей, и отъ мерзостей и побоевъ товарищей. Отецъ опять привезъ бѣглеца, а этотъ вновь убѣжалъ. По несчастію священнику хочется сдѣлать священника изъ своего сына; поэтому онъ кое-какъ вновь уговорилъ его отправиться въ училище, терпѣть тамъ все и уже не бѣгать. А знакомымъ своимъ говоритъ: «что дѣлать? надобно нести крестъ и мнѣ и моему сыну.» 4) Въ одномъ училищѣ заставляютъ учениковъ всѣхъ жить въ казенномъ домѣ и за извѣстную плату пользоваться тамъ столомъ. Но нѣкоторые отцы, живущіе не далеко отъ училища, соглашаются платить деньги, назначаемыя на содержаніе каждаго мальчика и кромѣ того даютъ большія взятки начальству, но только просятъ, чтобы оно позволило держать дѣтей въ своихъ домахъ. 5) Въ другомъ училищѣ казеннокоштный ученикъ заснулъ во время комнатныхъ занятій. Старшій захотѣлъ потѣшить и себя и своихъ подчиненныхъ, запустивъ въ носъ спящаго такъ называемый гусаръ. Сдѣлавъ изъ бумаги нѣчто въ родѣ конуса, засыпалъ туда табаку, смѣшавъ его съ свѣчнымъ саломъ для того, чтобы табачныя крупинки прилипли къ внутренней полости ноздрей и подолѣе производили чиханіе. Потомъ одинъ конецъ бумажнаго свертка положилъ въ ноздрю спящаго, и въ другой всѣми своими легкими (парень былъ лѣтъ семнадцати) дунулъ туда весь табакъ. Спящій тотчасъ проснулся, у него открылось сильное кровотеченіе, чрезъ нѣсколько часовъ онъ началъ пухнуть и чрезъ двое сутокъ умеръ. 6) Одинъ высшеклассникъ растянулся на полу у двери и никого не пропускалъ мимо себя. Другой мальчикъ захотѣлъ перешагнуть черезъ живой оплотъ; завязалась борьба, которая кончилась тѣмъ, что мальчика съ синяками на лицѣ, бокахъ и груди привезли едва живаго къ отцу, которому много нужно было времени, чтобы поправить своего сына. А что же сдѣлало начальство, до котораго дошло извѣстіе о всѣхъ такихъ мерзостяхъ? Вотъ два примѣра. Когда мать сына, умершаго отъ гусара, начала жаловаться и грозила подать просьбу епископальному Об. Пр-ру, то получила въ отвѣтъ: «вѣдь, ты сына не воротишь; что же тебѣ хлопотать?» и она точно уже не хлопотала; убійца, хотя и не намѣренный остался не наказанъ. А отцу избитаго мальчика ректоръ, не посадившій даже его у себя, сказалъ: «хорошо, если сынъ вашъ умретъ, то мы исключимъ того, кто его избилъ.» Г. Помяловскій! Тебѣ бы надобно было жить и видѣть, какъ твоя деспотическая бурса перераждается въ демократическую.

Мнѣ и самому не хочется оставаться, и читателей оставлять подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, которое должно произойти отъ описанія проявленій прогресса въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Не одобряю я воспитанниковъ, но думаю, что тутъ виновно существеннымъ образомъ начальство. Оно не въ состояніи поддержать во всей силѣ старинную дисциплину, но не хочетъ отъ нее и отказаться, не умѣетъ управлять новымъ направленіемъ семинаристовъ. Послѣдніе м. б. и желали бы стать на хорошую дорогу, но незнаютъ, какъ найти ее, да и хотятъ попользоваться по старымъ понятіямъ завоеванною свободою. Въ этомъ-то и заключается причина описанныхъ мною событій. М. т. есть факты, которые показываютъ, что семинаристы желаютъ и способны быть образованными людьми; укажу на нѣкоторые изъ нихъ. 1) Въ 1864 или 1863 г., к-ся, было напечатано, что одинъ ученикъ Ярославской семинаріи, услыхавши похвалы Боклю, рѣшился прочитать его знаменитое твореніе, которое тогда еще не было переведено на русскій языкъ. Онъ досталъ у кого-то сочиненіе Бокля на нѣмецкомъ языкѣ, котораго онъ не зналъ. Но молодецъ не унывалъ, взялся за нѣмецкій языкъ, выучился ему и прочиталъ Бокля. Чего бы нельзя сдѣлать изъ этой настойчивости? А вѣдь подобныхъ людей много въ каждой семинаріи. 2) Въ губернскихъ городахъ, гдѣ есть публичная библіотека, самыми усердными ея посѣтителями являются б. ч. семинаристы. 3) По предложенію дѣльныхъ молодыхъ профессоровъ тѣже самые семинаристы жертвуютъ очень порядочныя для ихъ кармана деньги, чтобы на нихъ выписывать литературные журналы и книги. Вѣдь какъ угодно, а имъ хочется учиться. 4) Недавно одинъ профессоръ семинаріи разсказывалъ, что изъ кончившихъ съ нимъ въ академіи товарищей около 20 человѣкъ хоть что нибудь да напечатали. М. б. иные напечатали какіе нибудь пустяки; а все-таки изъ одного курса академіи 20 человѣкъ, желавшихъ заявить свою дѣятельность въ литературѣ — явленіе очень отрадное. 5) Наконецъ самое отрадное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ владимірская семинарія. Вотъ что пишутъ о ней изъ Владиміра (въ февральской книжкѣ Библіот. для Чтенія 1865 г.)

«Въ одной семинаріи ученики, желая пріобрѣсть основательныя свѣденія въ тѣхъ наукахъ, которыя обыкновенно проходятся во всѣхъ духовныхъ заведеніяхъ въ самомъ сжатомъ и ограниченномъ объемѣ и притомъ съ грѣхомъ пополамъ, именно въ математикѣ, физикѣ, естественной и гражданской исторіяхъ, придумали вотъ какую

мѣру. Они составили изъ себя общество и рѣшились собрать капиталъ, чтобы пригласить нѣкоторыхъ изъ своихъ же наставниковъ по выбору для частнаго и, т. с-ть, домашняго преподаванія вышеозначенныхъ предметовъ, въ свободное отъ, оффиціальныхъ семинарскихъ уроковъ время, съ платою по рублю серебра за урокъ каждому наставнику. Нужно было пріискать и нанять удобное для предположенной цѣли помѣщеніе въ городѣ, нужно было свое освѣщеніе, требовалось запастись разными книгами и руководствами и пр., — и всѣ эти трудности молодые люди рѣшились преодолѣть и побѣдить своими собственными скудными средствами. Надобно къ этому прибавить, что временемъ для предполагаемыхъ уроковъ возможно было назначить тѣ единственные часы, когда по семинарской инструкціи дозволяется ученику семинаріи погулять и отдохнуть немного, именно: отъ трехъ съ половиною до пяти часовъ вечера. Но ревностные юноши не хотѣли знать никакой усталости. Послѣ пяти часовъ они еще рѣшились урвать немного времени, чтобы самимъ уже, безъ руководства наставниковъ, а единственно посредствомъ взаимнаго вспомоществованія заняться сколько нибудь и какъ нибудь новѣйшими языками. Надобно вспомнить при этомъ всю многочисленность и разнообразность оффиціальныхъ предметовъ и всю строгость, съ какою семинарское начальство требуетъ отъ своихъ воспитанниковъ прилежнаго изученія этихъ предметовъ, что бы понять все самоотверженіе молодыхъ людей. Имъ просто приходилось безъ устали и не переводя духа, трудиться цѣлые сутки. Не правда ли, что разсказанный нами фактъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ?

А вотъ и другой не менѣе перваго замѣчательный и знаменательный фактъ. Въ туже семинарію недавно явился одинъ молодой наставникъ, не болѣе какъ годъ только окончившій курсъ въ одной изъ нашихъ духовныхъ академій. Молодой человѣкъ съ благороднымъ рвеніемъ принялся за свой предметъ и отбросивъ всякую рутину и старинный школьный схоластицизмъ семинарій, заговорилъ живымъ и толковымъ образомъ съ своими слушателями. Семинаристы такъ были обрадованы появленіемъ необыкновеннаго наставника въ ихъ средѣ, съ такимъ усердіемъ внимали его рѣчамъ, такъ коротко сблизились съ нимъ и такъ горячо полюбили его, что рѣшились непремѣнно заявить ему свою признательность какимъ нибудь торжественнымъ образомъ. Для сего они выбрали день его именинъ. Сдѣлавши общую складчину, они накупили ему довольно цѣнныхъ для семи-

нарскаго кармана подарковъ отъ всѣхъ трехъ отдѣленій, въ которыхъ онъ преподавалъ, и въ заключеніе всего они поднесли ему на серебряномъ подносѣ благодарственный адресъ.»

Не показываютъ ли, г. ч., всѣ описанные мною въ этой главѣ факты, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ началась борьба между старою схоластическою и монастырскою рутиною и между новыми идеями, между начальствомъ и воспитанниками? Чѣмъ кончится эта борьба? Въ воспитанникахъ усердія м. б. много, но мало опытности и знанія, да еще многонько наслѣдственныхъ бурсацкихъ понятій. Начальство сильно и опытностію, и корпоративнымъ, кастальнымъ устройствомъ, и своею властію и пр. А оно по к. м. большинство его, какъ в. с—но, рѣшительно отстаиваетъ старину. М. б., успѣхи его не рѣшительны пока, но рано или поздо оно возметъ верхъ надъ воспитанниками; *сила соломку ломитъ*, говоритъ русская пословица. Одна надежда на общество, на литературу, на свѣтское правительство. Безъ пособія съ этихъ сторонъ семинаристы опять обратятся въ бурсаковъ. *Имѣющіе уши слышати да слышатъ.*

Отдѣлъ 45ый.

О кастовомъ устройствѣ нашего бѣлаго д-ва.

На востокѣ, напр. въ Египтѣ, Индіи и пр. съ доисторическихъ еще временъ существовало раздѣленіе народа на касты, на особыя, не смѣшивающіяся между собою группы, или сословія. Важнѣйшею и сильнѣйшею была почти вездѣ каста жрецовъ, затѣмъ слѣдовали каста воиновъ, каста купцовъ, каста ремесленниковъ и пр. По законамъ, или лучше по религіознымъ вѣрованіямъ переходъ изъ одной касты въ другую вполнѣ запрещенъ, даже при женидьбѣ нужно брать невѣсту изъ своей только касты. Нарушившій эти правила извергается изъ касты и причисляется къ паріямъ, — къ оскверненнымъ, отверженнымъ существамъ. И потому, смотря на нынѣшняго какого либо горшечника въ Индіи, можете быть увѣрены, что всѣ его предки по мужескому и женскому колѣну за цѣлыя тысячи лѣтъ

были непременно горшечниками. Все это съ такою силою укоренилось, что, не смотря на усилія филантроповъ и владычество англичанъ, касты въ Индіи продолжаютъ существовать чуть не во всей ихъ первобытной силѣ; и даже несчастный какой либо парія, при всей невыгодѣ своего положенія, все-таки не переходитъ въ христіанство, не разстается съ тою религіею, которая такъ его угнетаетъ.

Въ Еврейскомъ народѣ для цѣлаго государства не существовало кастъ, но зато въ составъ тамошняго д-ва входило все колѣно Левіи и больше никто. А первосвященникомъ могъ быть только кто либо изъ прямыхъ потомковъ Аарона.

Къ величайшему счастію рода человѣческаго христіанство съ перваго раза не допустило у себя чего либо подобнаго даже колѣну левіину. Спаситель избралъ своихъ апостоловъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ простому народу, а не изъ тогдашняго д-ва. Апостолы подражали своему учителю, и когда нужно было замѣнить Іуду предателя и избрать семь дьяконовъ, то дѣло рѣшено было жребіемъ безъ всякаго отношенія къ какимъ либо кастовымъ привилегіямъ. Впрочемъ сначала нѣкоторые изъ христіанъ думали принимать въ свое общество только евреевъ и т. о. предоставить одному избранному народу Божію право пользоваться ученіемъ Спасителя, но послѣ апостолы Петръ и особенно Павелъ открыли входъ въ церковь Божію всѣмъ язычникамъ, изъ которыхъ вскорѣ появились пресвитеры и епископы. Это продолжалось въ первый и слѣдующіе за тѣмъ вѣка, когда уже христіанство сдѣлалось господствующею религіею, когда д-во по своей численности и громадному вліянію могло бы присвоить своимъ потомкамъ право быть пастырями Христова стада. А если гдѣ и встрѣчались подобныя попытки, то противъ нихъ принимались серьезныя мѣры. „Понеже, говоритъ 83 прав. 6го вселенскаго собора, мы увидали, что въ армянской странѣ пріемлются въ клиръ только тѣ, кто суть изъ священническаго рода, въ чемъ іудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ тако творити предпринимающіе . . . . то полагаемъ, да не будетъ отнынѣ позволено желающимъ возвести нѣкоторыхъ въ клиръ впредь взирать на родъ производимаго. Аще же кто усмотрѣлъ будетъ творящимъ вопреки предписанному, да будетъ отлученъ.» Т. о. соборъ рѣшительно отвергаетъ потомственное д-во.

И у насъ долго не думали о немъ. Конечно въ составъ причта поступали дѣти св-и-ц-сл-лей, но это не было ихъ исключительною привилегіею; прихожане, или помѣщики

выбирали сами, кого желали и предлагали архіереямъ въ священники, дьяконы и пр. Но въ прошедшемъ столѣтіи уже встрѣчается много фактовъ и даже узаконеній, изъ которыхъ видно стремленіе обратить д-во во что-то довольно похожее на касту, или на отдѣльную корпорацію; въ настоящемъ столѣтіи стремленіе это увѣнчалось, к-ся, полнымъ успѣхомъ. Поводомъ, попавшимъ даже въ оффиціальные документы, къ кастовому устройству д-ва послужили едвали не дома св-н-ц-сл-лей, устроившіеся на церковной землѣ. Дома эти, покупаемые, или вновь устроиваемые самими духовными лицами, въ случаѣ смерти послѣднихъ, доставались въ одно время и наслѣдникамъ и преемникамъ ихъ. Наслѣдникамъ принадлежали зданія, а земля поступала въ пользованіе преемника, нужно было улаживать дѣло взаимнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ. Но наслѣдники старались увеличить, а преемники уменьшить плату за зданія. Чтобы какъ нибудь уладить происходившія при этомъ столкновенія интересовъ, жалобы и безпорядки, изданы были приведенные мною въ 3 ч. 16го отдѣла указы 18 февр. 1718 г. 29 окт. 1722 г. и 22 янв. 1768 г. Послѣдній особенно указъ, дозволявшій давать мѣсто жениху родственницы и закрѣплять мѣсто за мальчикомъ — сыномъ умершаго духовнаго лица — положили твердое основаніе для учрежденія потомственнаго д-ва. Освобожденіе св-и-ц-сл-лей отъ тѣлеснаго наказанія при императорѣ Павлѣ и возложенная на прихожанъ обязанность обработывать землю для священниковъ, сдѣлали половину д-ва привилегированнымъ сословіемъ, а привилегированныя сословія очень любятъ передавать дѣтямъ свои привилегіи. По указу 27 мая 1800 г. для увольненія семинаристовъ изъ духовнаго званія нужно было испрашивать высочайшее позволѣніе, а по указу 30 мая 1801 года согласіе синода, впрочемъ только для студентовъ философіи и богословія. Наконецъ 27 мая 1813 г. даже дѣтей тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которыя пользовались дворянскими правами, разрѣшено принимать въ государственную службу не иначе, какъ по сдѣланномъ сношеніи съ духовнымъ начальствомъ.

Но изолированію д-ва отъ прочихъ сословій едвали не болѣе перечисленныхъ указовъ способствовали духовныя училища. Хотя они съ перваго уже раза назначались собственно для приготовленія достойныхъ пастырей церкви, м. т., наполнялись далеко не одними дѣтьми изъ духовнаго званія. По исторіи московской славяно-греко-латинской академіи (см. 11 томъ прибавленія къ твор. св. Отцовъ) въ первую духовную школу въ Россіи, открытую въ Москвѣ въ

1679 и отданную подъ управленіе братьямъ Лихудамъ, — «на первый разъ перевели изъ типографской школы пятерыхъ учениковъ Барсова, Семенова-Головина, Поликарпова, Аггѣева и Афанасьева, о которыхъ не сказано, чтобы они были изъ духовнаго званія; къ нимъ добровольно присоединились монахъ Іовъ и іеродьяконъ Палладій Роговъ.» Когда же въ 1689 г. школа переведена была во вновь выстроенный домъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ, то «туда же переведены и всѣ ученики изъ типографской школы; къ нимъ по указу Царей присоединены до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ (стр. 72).» А въ 1736 г. поступили въ академію за одинъ разъ 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе и пр. (стр. 142). Равнымъ образомъ и въ троицкой семинаріи (въ сергіевской лаврѣ), въ которой началось ученіе 2го окт. 1742 г.; учениковъ изъ духовнаго званія было только 12, а изъ прочихъ сословій 92, притомъ «между послѣдними 2 дѣтей приказныхъ троицкой лавры, 25 подъяческихъ, 11 пѣшихъ служекъ, 5 монастырскихъ служителей, 3 конюховъ, 9 монастырскихъ ремесленниковъ, 11 солдатскихъ, затѣмъ дѣти поручиковъ, подпоручиковъ, прапорщика, боцмана, даже новокрещенный башкиръ. Между подъяческими дѣтьми встрѣчаются фамиліи Гагарина, Княжнина и пр. (20 томъ прибавленій къ твор. св. отцовъ стр. 522). Т. о. первыя изъ духовныхъ училищъ открыты были для лицъ всѣхъ сословій. Но также издавна духовное начальство помышляло въ училища допускать преимущественно дѣтей духовныхъ лицъ. Напр. по указу св. синода (13 сент. 1721 г.) объявлено было причтамъ всѣхъ церквей московскихъ и уѣздныхъ, чтобы они отсылали дѣтей въ заиконоспасскую академію. «Если же кто, гласитъ указъ, дѣтей своихъ въ школы для наукъ не объявитъ, или по отдачѣ въ оныя школы, не окончивъ, паки отлучитъ, или изъ оныхъ ихъ дѣтей который сбѣжитъ, а отцы ихъ будутъ у себя держать и иные отцы не точію каждый отъ своей церкви отлученъ будетъ, но никогда служить допущенъ не будетъ.» А въ 1723 г. Синодъ предписалъ: «набирать въ школы всѣхъ поповскихъ и дьяконскихъ дѣтей, а которыя въ ученіи быть не похотятъ, *тѣхъ имать въ школы и неволею.* Послѣ подобныя иманія, или захваты подтверждались и производились по всѣмъ епархіямъ въ теченіи всего 18го столѣтія. Я помню стариковъ, по разсказамъ которыхъ, пойманныхъ церковниковъ подъ карауломъ и даже скованныхъ отправляли въ семинаріи. Наконецъ

указомъ 26 Іюня 1808 г. и 27 августа 1814 г. приказано зачислять въ духовно-училищное вѣдомство всѣхъ дѣтей клириковъ по достиженіи 6 и 8 лѣтъ. Т. о. можно сказать, что всѣ дѣти д-ва признаны какъ бы *духовными кантонистами* и должны были приготовляться къ св-и-ц-сл-скимъ должностямъ.

Конечно во всѣхъ перечисленныхъ мною указахъ и распоряженіяхъ нигдѣ не упомянуты слова: *потомственное д-во*, тѣмъ не менѣе они сильно содѣйствовали къ организованію его. Въ No. 10 Русс. Вѣст. 1863 г. стр. 464—465 справедливо говоритъ: «ограниченія эти (т. е. тѣ, которые высказаны въ большей части сейчасъ перечисленныхъ мною указовъ) и бѣдственное состояніе духовныхъ училищъ по недостатку средствъ, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе, отвлекали лицъ свѣтскихъ сословій отъ желанія отдавать своихъ сыновей въ духовныя училища. Съ другой стороны доступъ къ священнослуженію для благочестивыхъ людей зрѣлыхъ лѣтъ, изъ необучавшихся въ семинаріяхъ, былъ закрытъ..... Этого требовало быстрое размноженіе числа окончившихъ курсъ семинаристовъ, которое росло не соразмѣрно числу ваканцій на приходскія мѣста; а однажды принудивъ всѣхъ клириковъ отдавать ихъ сыновей на служеніе церкви, нельзя же было не принять мѣръ къ размѣщенію этихъ послѣднихъ. Воспитанные и опредѣленные на мѣста такимъ дешовымъ и легкимъ способомъ священнослужители не имѣвшіе никакого собственнаго состоянія, охотно воспользовались тѣмъ же удобнымъ и выгоднымъ средствомъ для обезпеченія существованія своихъ дѣтей. Со времени введенія этихъ порядковъ прошло только полстолѣтіе, срокъ времени весьма короткій; но его было достаточно, чтобы создать и укоренить отдѣльное сословіе потомственнаго д-ва; теперь начинаетъ служить только третье его поколѣніе, а уже лица всѣхъ прочихъ сословій окончательно перестали поступать на служеніе церкви. Дѣло сдѣлано.»

Чтобы довершить совершенное изолированіе д-ва отъ прочихъ сословій, намѣренно, или ненамѣренно употреблены были многія мѣры, о которыхъ болѣе, или менѣе я уже выше говорилъ. Въ духовныхъ училищахъ почти всѣ наставники по своему происхожденію, по воспитанію, а потому и по настроенію принадлежатъ къ д-ву. А начальники кромѣ того въ семинаріяхъ и академіяхъ всѣ почти и по сану духовныя лица, преимущественно даже м-щія. М. б. иной свѣтскій наставникъ и желалъ бы противодѣйствовать кастовому

настроенію воспитанниковъ, но онъ себѣ встрѣтитъ сильныхъ противниковъ въ большинствѣ своихъ сослуживцевъ и остановленъ будетъ начальствомъ. Затѣмъ духовные педагоги, будучи пропитаны кастовыми идеями, стараются и учениковъ воспитывать сообразно съ ними, не обращая вниманія на наклонности, приготовляютъ только къ духовному званію, дисциплинируютъ, т. с-ть и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ житейскомъ отношеніяхъ по регименту даже монастырскому. Отъ этого «ребенокъ (No. 7 Отеч. Зап. 1862 г. стр. 25[illegible]) духовнаго званія съ самаго дѣтства чувствуетъ себя невольникомъ, котораго хотятъ отлить въ извѣстную форму, для извѣстныхъ цѣлей.» Чтобы отъ сторонняго вліянія форма какъ нибудь не измѣнилась, чтобы не явилось какое либо препятствіе къ достиженію задуманной цѣли, въ духовныхъ училищахъ, какъ в. с-но (39 отд.) стараются препятствовать знакомству семинаристовъ съ мірянами, особенно высшими классами и съ свѣтскою литературою, и съ современными идеями и пр. такъ что нельзя не согласиться (No. 5 Отеч. Зап. 1864 г. стр. 162) что «семинаріи развиваютъ въ воспитанникахъ духъ касты.

Наскучивъ изолированностью своего сословія, многія рѣшительныя духовныя лица могли бы сбросить рясу и поступить куда либо на службу. Чтобы предотвратить это, выходъ изъ духовнаго званія особенно для священниковъ чрезвычайно стѣснили; потомъ и по выходѣ невозможность поступить на службу ранѣе десяти лѣтъ, жить въ столицахъ и своей губерніи, право, напоминаетъ что-то похоже на состояніе паріевъ. Далѣе много свѣжихъ элементовъ въ жизнь особенно молодаго поколѣнія могли-бы внести жены духовныхъ лицъ изъ другихъ сословій. И тутъ опять взяты мѣры; сказано уже было (16 отд.), что нынѣ слишкомъ трудно кому бы то ни было изъ причта имѣть жену не изъ духовнаго званія; *сами мужья — поповичи, и жены пусть будутъ только поповны.* Но поповны могутъ сдѣлаться образованными не по попадейски, гдѣ либо въ пансіонахъ, женскихъ гимназіяхъ, даже отъ гувернанокъ. Опять опасность для касты, опять надобно предотвратить ее. И вотъ и прежде хлопотали, а нынѣ чуть не каждый епархіальный архіерей хочетъ въ своей епархіи заводить непремѣнно училище для дѣвицъ духовнаго званія и приготовить въ нихъ *семинаристокъ* для семинаристовъ. Мнѣ к-ся, духовное начальство не обратило еще вниманіе на одно обстоятельство, опасное для кастоваго настроенія д-ва. Извѣстно, что прислуга можетъ имѣть вліяніе на дѣтей своихъ хозяевъ, раз-

сказывая имъ свои сказки, пяча ихъ на своихъ рукахъ и пр. И въ этомъ случаѣ полнота системы требуетъ устроить институтъ, гдѣ бы приготовлялась прислуга, приличная для д-ва. Да ужь не худо бы кстати какъ нибудь настроивать на духовный ладъ Ванюхъ, Алексахъ, Митюхъ, Николахъ и пр., которые должны поступать въ работники къ духовнымъ особамъ. Ну тогда уже кастовое настроеніе будетъ оберегаться рѣшительно со всѣхъ сторонъ; останутся не настроенными, какъ требуетъ система, однѣ дворняшки. Впрочемъ и безъ предлагаемыхъ мною учрежденій получены уже блистательные результаты, особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи. Конечно наше д-во еще нельзя назвать вполнѣ такою кастою, какъ напр. каста браминовъ въ Индіи; но характеръ и образованность его членовъ носятъ очень ясные признаки кастоваго учрежденія. У всѣхъ почти духовныхъ лицъ своя походка, свои пріемы, свой слогъ, своя манера мыслить, свои замашки. Не даромъ же часто приходится слышать: «уменъ, хорошъ, а все-таки пахнетъ кутьей.»

Кастовое состояніе влечетъ за собою много вредныхъ послѣдствій для д-ва. Издавна сдѣлано наблюденіе, что особы растительнаго и животнаго царствъ, не на свободѣ растущія, а, т. е-ть, воспитывающіяся подъ надзоромъ человѣка (куда относятся огородныя, полевыя и садовыя растенія и домашнія животныя) улучшаются особенно чрезъ такъ называемое *скрещиванье* съ другими породами *одного вида*; въ противномъ случаѣ обыкновенно, какъ говорятъ, *вырождаются*. Тотъ же самый законъ прилагаютъ и къ человѣческому роду; говорятъ, что сословія, поколѣнія и даже народы улучшаются въ физическомъ отношеніи, смѣшиваясь чрезъ браки между собою, и напротивъ выраждаются, даже вымираютъ совершенно, если брачные союзы ограничены небольшимъ кружкомъ. Въ доказательство послѣдняго указываютъ на аристократіи почти всѣхъ странъ; фамиліи ихъ, роднясь только между собою, быстро изчезаютъ; — на еврейскій народъ, которому по обыкновеннымъ законамъ размноженія, надобно бы теперь занимать чуть не весь земной шаръ; — на многія изчезающія, или даже вовсе изчезнувшія племена и народы, которые не смѣшивались съ другими. На этомъ основаніи д-ву грозятъ тѣми же самыми послѣдствіями, утверждая, что оно выраждается уже въ физическомъ отношеніи, или по к. м. должно современемъ выродиться. Но это заключеніе пока еще не подтверждается достаточными фактами; племя Левіино, какъ извѣстно, доселѣ у насъ даже отличается плодовитостію и въ немъ еще не очень много

слабыхъ, изнуренныхъ, выраждающихся особъ. М. б. это зависитъ отъ недавности каставаго его положенія и отъ того, что цѣлая губернія, по которой должны расходиться дѣти д-во мужескаго, а иногда и женскаго пола даетъ возможность быть бракамъ между очень разнородными семействами, даже чуть не поколѣніями. Но если нѣтъ физическаго, за то есть другое не менѣе опасное вырожденіе, которое рано или поздо должно имѣть гибельныя послѣдствія и теперь уже имѣетъ ихъ. «Наше бѣлое д-во, говорятъ От. Зап. (No. 7 1862 г. стр. 274), какъ сословіе закрытое, лишено всякаго обновленія. Оно стоитъ, не соприкасаясь съ другими классами. Въ этомъ ложномъ положеніи его нравственныя силы выраждаются все болѣе и болѣе. Таковъ физіологическій законъ всѣхъ закрытыхъ сословій.» Объяснить это легко.

Извѣстно, что у всякаго народа, поколѣнія, сословія, даже у большинства отдѣльныхъ лицъ есть свои, передаваемыя отъ предковъ къ потомкамъ, предразсудки, любимыя, но ложныя идеи, суевѣрія, не всегда одобрительныя наклонности и пр. Для того, чтобы и народъ, и сословія, и поколѣнія усовершались постоянно въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ необходимо освобождаться отъ наслѣдственныхъ предразсудковъ, привычекъ и пр. и затѣмъ замѣщать ихъ новыми идеями и потребностями, которыя постоянно развиваются человѣчествомъ въ слѣдствіе прогрессивнаго стремленія его къ усовершенствованію себя. Но въ этомъ случаѣ собственное размышленіе можетъ помочь только немногимъ самостоятельнымъ людямъ; большинство же всегда идетъ по проложенной дорогѣ. Все это съ большою справедливостію относится къ сословіямъ, или корпораціямъ, особенно имѣющимъ религіозный оттѣнокъ; тутъ преданія часто почти обращаются въ вѣрованія; тутъ любятъ даже хвастаться, что остаемся тѣмъ, чѣмъ были наши предшественники за 100, за 1000 лѣтъ; тутъ и слышать не хотятъ о какихъ-то новыхъ идеяхъ и потребностяхъ; тутъ личности, отливаясь долгое время въ одну и туже форму, какъ будто каменѣютъ.

У нашего д-ва тоже есть много своихъ недостатковъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже едвали не болѣе, нежели у прочихъ сословій; оно, будучи въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ простымъ народомъ, усвоиваетъ его плебейскія привычки и мнѣнія; изъ желанія показать свою близость по правамъ къ аристократіи, перенимаетъ многое у ней; а затѣмъ богато и своими собственными сословными пріобрѣтеніями. Все это не вдругъ конечно, а постепенно могло бы искореняться и исправляться,

если бы д-во обновлялось лицами изъ другихъ сословій. Вотъ напр. сколько уже было указовъ и подписокъ, чтобы по приходу вмѣстѣ съ причтомъ не ходили его жены и дѣти? Еслибы духовное званіе не имѣло кастоваго учрежденія, то это побирошничество прекратилось бы безъ указовъ и подписокъ. Дочь дворянина, чиновника, даже купца не стала бы ходить изъ двора во дворъ вмѣстѣ съ нищею братіей, протягивать руку къ бородатымъ хозяевамъ за грошемъ или копѣйкою; не стала бы въ видахъ заискиванія благосклонности не отказываться отъ рюмочки. Она бы и дѣтямъ своимъ внушила отвращеніе къ такимъ хожденіямъ и даже настояла, чтобы мужъ не таскалъ за собою своихъ сыновей. А теперь дѣти съ малолѣтства видятъ, какъ отцы ихъ и матери *побираются*, а иногда почти и обираютъ кое-кого: мальчики даже сами достаточно практикуются по этой части. И когда одни въ качествѣ мужей, а другіе въ качествѣ женъ войдутъ въ составъ д-ва, тогда развѣ немногимъ изъ нихъ побирошничество покажется не хорошимъ дѣломъ; вѣдь они къ нему уже привыкли, присмотрѣлись; отъ него не отъучатъ его синодскіе и консисторскіе указы. Мнѣ к-ся, что если бы наше д-во не имѣло кастоваго характера, то и такъ называемые поборы, которые унижаютъ его, прекратились бы и замѣнились бы чѣмъ либо болѣе раціональнымъ. Сынъ дворянина, чиновника, купца и даже мужика, еще въ домѣ отца наслушался бы насмѣшекъ и брани на счотъ поборовъ. И еслибы онъ послѣ по внутреннему расположенію, а не по наслѣдственнымъ привычкамъ сдѣлался священникомъ, дьякономъ и пр., то постарался бы какъ нибудь поставить себя въ такое положеніе къ прихожанамъ, что безъ вымогательствъ и прижимокъ получалъ бы отъ нихъ нужное для своего содержанія. Ну, а теперь зачѣмъ думать о такой постановкѣ, когда онъ еще съ дѣтства знакомъ съ пріемами, какъ добывать себѣ за каждую требу извѣстный доходъ. Заведенный дѣдами, полученный отъ отцовъ порядокъ считаютъ чѣмъ-то въ родѣ неизмѣняемаго гражданскаго закона. Извѣстно, что причтъ называетъ *бунтомъ*, когда прихожане, наскучивши вымогательствами и прижимками его при исправленіи церковныхъ требъ, устанавливаютъ таксу за каждую изъ нихъ. И вотъ дѣла шли и будутъ итти по преданіямъ отцовъ и дѣдовъ.

Сказанное о хожденіяхъ по приходу женскаго пола и о побирошничествѣ въ большей или меньшей степени надобно приложить и къ прочимъ недостаткамъ д-ва. Въ этомъ отношеніи оно находится въ менѣе благопріятномъ положеніи,

нежели даже католическое д-во Послѣднее конечно усвоиваетъ себѣ кастовой духъ отъ своего монашескаго характера, отъ насильственнаго настроенія въ училищахъ, отъ неумолимаго деспотизма епископовъ. Но все-таки каждое духовное лицо было сыномъ прихожанина, и все-таки онъ удержитъ въ себѣ что нибудь изъ прежняго своего семейнаго быта и принесетъ въ новое свое званіе. Я уже не говорю о томъ, что многіе вполнѣ взрослые, даже пожилые католики по религіознымъ, или другимъ побужденіямъ поступаютъ нерѣдко въ духовное званіе. И если, не смотря не все это, католическое д-во усвоило себѣ духъ касты, то чтоже должно у насъ выйти изъ потомственнаго наслѣдственнаго д-ва? Эта потомственность и наслѣдственность существуетъ съ недавняго времени, какихъ нибудь три — четыре поколѣнія. Что же должно произойти, когда кастовое изолированіе духовныхъ лицъ продолжится еще десятки и особенно сотни лѣтъ? Не скажетъ ли наконецъ общество: «они дѣйствительно когда-то *отъ насъ изгдоша*, но теперь они уже *не отъ насъ*, не наши?»

Впрочемъ, не касаясь темнаго будущаго, взглянемъ на настоящее. Разъединеніе д-ва со всѣми сословіями очень ясно для всякаго. Начнемъ съ умственнаго образованія, которое должно бы служить однимъ изъ самыхъ могущественныхъ пособій пріобрѣсти вліяніе. Чрезъ него д-во сблизилось бы съ высшимъ, ученымъ и образованнымъ классомъ и заслужило бы у нихъ уваженіе. Но уже извѣстно какъ презрительно смотритъ русское образованное общество и литература на семинарскую образованность. Конечно изъ семинаристовъ и академистовъ выходитъ много ученыхъ людей и дѣльныхъ писателей. Но вѣдь ихъ считаютъ, т. с-ть, выродками семинарій; большая часть ихъ бѣгутъ изъ духовнаго званія и сознаются, что они сдѣлались умными не отъ семинарской науки, а даже въ противность ей и вовсе не хотятъ благодарить ее. Свѣтское же ученое и образованное общество думаетъ, что люди, настроенные вполнѣ на семинарско-богословскій ладъ, даже враждебны тому, что оно признаетъ настоящимъ просвѣщеніемъ. Образованные и ученые люди ищутъ просвѣщенія въ умственныхъ пріобрѣтеніяхъ, а семинаріи кричатъ, что разумъ только кичитъ и заблуждается; — тѣ вѣрятъ въ прогрессъ, въ новыя открытія, а эти велятъ довольствоваться стариною, по к. м. считаютъ не важнымъ для человѣка все, что новая наука открыла; — тѣ въ восторгѣ отъ настоящаго и еще больше ожидаютъ отъ будущаго, а эти отодвигаютъ насъ къ про-

шедшему и въ немъ велять искать своего спасенія и даже опоры для внѣшняго благосостоянія. Разладъ полный и притомъ въ главныхъ пунктахъ. Но семинарская образованность разъединила д-во и съ низшими такъ называемыми необразованными классами, которые никакъ не поймутъ прелестей схоластической, сухой и безжизненной семинарской науки. Эта наука вполнѣ оказалась недостаточною для предохраненія православнаго народонаселенія отъ раскола: изъ всѣхъ к-рій въ прошедшее особенно царствованіе ежегодно было множество раскольниковъ отсылаемо для увѣщанія къ лучшимъ священникамъ и, не смотря на всѣ усилія послѣднихъ, не только почти вовсе никто не обращался къ православію, но расколъ еще болѣе и болѣе увеличивался и увеличивается. Обыкновенно все сваливаютъ на невѣжество обращаемыхъ и совращаемыхъ. Да скажите, пожалуйста, отчего же вы, ученые и переученые богословы, написавшіе и говорившіе десятки, даже пожалуй, сотни проповѣдей, не можете передать своихъ убѣжденій простому русскому человѣку, а м. т. какой нибудь раскольническій большакъ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ умѣетъ увлекать за собою своими словами этихъ невѣждъ. Право, подобныя явленія зависятъ не отъ одного невѣжества низшаго класса. Но здѣсь дѣло идетъ о раскольникахъ. Посмотримъ теперь, какія отношенія установились между д-омъ и тою частію народа, которая еще не обратилась въ расколъ; въ этомъ случаѣ буду говорить словами священника Белюстина. «По внѣшности (No. 12 Дня 1864 г. стр. 8 ст. 3) тутъ нѣтъ разлада; православный народъ обращается въ своихъ нуждахъ христіанскихъ къ православнымъ пастырямъ; тѣ удовлетворяютъ этимъ нуждамъ и т. д. Но всмотритесь поглубже внѣшнихъ отношеній и сношеній, — что вы увидите? Съ одной стороны нѣчто замкнутое, стоящее въ сторонѣ и особнякомъ отъ народа, сосредоточенное въ своихъ исключительныхъ интересахъ, отдѣленное отъ народа всѣмъ своимъ воспитаніемъ, всѣмъ своимъ управленіемъ, всей своей внѣшней обстановкой и относящееся къ нему по стольку, по скольку того требуютъ личныя, матеріальныя нужды. Съ другой стороны, — какъ неизбѣжной результатъ такого аномальнаго положенія д-ва, отчужденіе отъ него народа, убѣжденіе, что все, что ни дѣлаетъ д-во, все дѣлаетъ изъ личныхъ видовъ, изъ — за корыстныхъ разсчотовъ; отсюда отсутствіе довѣрія и, какъ прямое послѣдствіе этого, недостатокъ нравственнаго вліянія д-ва на народъ и т. д. Посмотрите, къ чему весь этотъ разладъ ведетъ? Народъ ли-

шонъ духовно-нравственнаго воспитанія и образованія. Въ своемъ вѣрованіи, въ своихъ религіозныхъ обязанностяхъ онъ иногда доходитъ до самыхъ уродливыхъ крайностей — всѣ ихъ сосредоточивая въ одной внѣшности, въ безжизненной и безплодной обрядности.»

Не меньше замѣчается разъединенія между д-омъ и прочими сословіями относительно такъ называемаго общежитія. По моему мнѣнію духовнымъ лицамъ вовсе нѣтъ надобности принимать участіе во всѣхъ безъ исключенія свѣтскихъ забавахъ, но к-ся вовсе нѣтъ грѣха, даже нужно умѣть держать себя въ свѣтскомъ обществѣ съ должнымъ приличіемъ; умѣть поговорить, поздороваться, поклониться, встрѣтить, проводить и пр. Но уже извѣстно, какъ насмѣшливо смотритъ образованное общество на семинарскую ловкость, или лучше мѣшковатость, неразвязность, или *ухорскіе и размашистые пріемы.* Р-ся, жизнь преобразовываетъ нѣкоторыхъ семинаристовъ, но школа имъ очень мало помогаетъ въ этомъ отношеніи. Не обижайтесь, г. г. начальники духовно-учебныхъ заведеній! Для васъ, особенно лѣтъ за десять ученикъ въ длинноломъ сертукѣ, съ непричесанными, или примоченными квасомъ волосами, съ глазами, выглядывающими изъ подлобья, съ угловатыми пріемами — былъ идеаломъ; вы восхищались подобными особами; нынѣ конечно времена перемѣнились и вы уже немогли устоять противъ требованій моды, но зато вздыхаете о старыхъ временахъ и очень подумываете, нельзя ли всѣхъ семинаристовъ облечь въ подрясники съ *усменнымъ поясомъ на чресахъ,* съ распущенными волосами по плечамъ и пр. Не очень много ладовъ у д-ва въ этомъ отношеніи и съ низшими классами. Семинаристы, наполнивъ себя схоластикою, заучивши множество учебниковъ, въ которыхъ многонько коечего и непонимали, но видя, что мужики ничего этого не знаютъ, возымѣли очень высокое мнѣніе о своей учености относительно даже и не мужиковъ однихъ. И потому особенно до эмансипаціи крестьянъ д-во вело себя горденько относительно плебеевъ — прихожанъ, любило въ обращеніи съ ними подражать помѣщикамъ, старостамъ и чиновникамъ; — что дѣлать? чего не бывало. Мужикъ, конечно, молчалъ, хотя и невсегда, но *на усы свои наматывалъ* и далеконько разъединился съ своими отцами духовными.

Такъ какъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и необходимость въ этомъ случаѣ разсуждать и совѣтоваться о нихъ въ собраніяхъ, сближаетъ между собою даже разнохарактерныхъ людей, то желающіе изолировать д-во и дать

ему кастовое настроеніе и устройство невольно должны были дойти и до той мысли, чтобы духовныя лица не имѣли общихъ интересовъ съ прочими сословіями, не несли общихъ съ ними тягостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ былъ и другой разсчотъ. Д-во, получивши разныя льготы и привилегіи, стало ими дорожить и тщеславиться и потому съ терпѣніемъ переноситъ непріятности своего изолированнаго положенія, утѣшая себя въ горѣ тѣмъ, что конечно его житье во многихъ отношеніяхъ невыносимо, но зато у него есть такія-то и такія-то выгоды: *мы все-таки существа особаго рода*. Привилегіи конечно нравятся тѣмъ, кому онѣ даются, но зато въ прочихъ лицахъ и сословіяхъ онѣ пробуждаютъ и зависть, и злобу къ привилегированнымъ, даже въ высшей степени, нежели какъ того заслуживаютъ. Непріязненныя эти чувства усиливаются, когда привилегіи, избавляя кого либо отъ нѣкоторыхъ тягостей, позволяютъ ему пользоваться всѣми выгодами, наравнѣ съ прочими, или когда привилегіи несправедливы, даются не по личнымъ заслугамъ, а валовымъ, гуртовымъ образомъ, — всѣмъ извѣстнаго разряда людямъ. Такія-то привилегіи, м. б. нѣсколько и облегчали д-во въ матеріальномъ отношеніи, но зато пріобрѣли ему сильную непріязнь со стороны другихъ, особенно низшихъ сословій. Возьмемъ напр. привилегію, освобождающую д-во отъ городскихъ повинностей, на которые содержится между прочимъ городская полиція, пожарная команда, устроиваются мосты и пр. Вѣдь д-во не откажется отъ выгодъ, которыя со всѣмъ этимъ соединены, — обидится, если полиція не станетъ преслѣдовать воровъ, его обкрадывающихъ, усмирять безчинства, производимыя какими либо буянами въ его домахъ, защищать эти дома отъ пожаровъ и пр. А м. т. всякій городскій домохозяинъ очень легко дойдетъ до мысли: «отчего же д-во, пользуясь выгодами города, не несетъ одинаковыхъ повинностей вмѣстѣ со всѣми горожанами? Отчего оно не даетъ ни копѣйки ни на городское управленіе, ни на пожарную команду и пр? — Вотъ идетъ армія чрезъ городъ и спѣшитъ для защиты отечества; солдатами наполнены всѣ дома; отчего же только духовныя лица уволены отъ обязанности нести квартирную повинность; вѣдь храбрые наши воины станутъ и ихъ защищать отъ непріятеля? Тутъ горожанинъ начнетъ далѣе разсуждать: вѣдь дома д-ва не принадлежатъ часто церкви, а сотавляютъ частную собственность не самихъ даже духовныхъ лицъ, а жонъ ихъ, приносятъ имъ большія выгоды. Въ деревняхъ повторяется тоже самое, что и въ городахъ. Мнѣ самому случалось

видать размѣщеніе проходящихъ чрезъ село войскъ. «Ну, а сюда сколько поставить человѣкъ? — спрашиваетъ квартирмейстеръ, указывая на хорошій домъ и получаетъ отвѣтъ отъ сотскаго, или десятскаго, иногда сосѣда и духовнаго сына домохозяина: «никого», а м. т. въ полголоса прибавятъ: «тутъ живетъ кутья».

Д-во будетъ на меня крайне негодовать за эти замѣчанія. Оно дорожитъ свободою своею отъ разныхъ повинностей и жестоко ошибается. Правда, что у него останется въ карманѣ нѣсколько рублей, но эти рубли, употребленные на общественные нужды и повинности, его бы нисколько не разорили; — кр-ія съ него беретъ вдвое, иногда впятеро болѣе, — но зато примирили бы съ нимъ прочія сословія, а теперь тѣже рубли, оставаясь въ карманѣ, навлекаютъ на него ненависть и зависть, которыя дѣлаютъ ему убытокъ не на единицы, а на десятки рублей. И странное дѣло! само д-во (р-ся съ исключеніями) негодуетъ на попытки правительства, которое старается сблизить его съ прочими сословіями, предоставляя ему принять участіе въ общественныхъ интересахъ и повинностяхъ. Когда съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ лежавшихъ на нихъ несправедливыхъ податей найдено было нужнымъ разложить послѣднія на всѣхъ городскихъ домовладѣльцевъ, то почти всѣ духовныя лица были въ крайнемъ негодованіи, считали это какимъ-то гоненіемъ на вѣру православную; одинъ членъ к-ріи ни за что не хотѣлъ имѣть дѣло съ приходившими къ нему членами оцѣночной коммиссіи. Въ другомъ городѣ гласнымъ избрали дьякона, который и согласился на это. Но епархіальный архіерей далъ ему сильный *нагоняй* за такое униженіе духовнаго сана, и дьяконъ долженъ былъ отказаться отъ званія гласнаго. Въ третьемъ мѣстѣ протоіерей съ горестію разсуждалъ о томъ, что вовсе не заботятся объ улучшеніи быта духовныхъ лицъ, а м. т. высказалъ крайнее негодованіе на то, что ихъ приглашаютъ участвовать въ земскихъ собраніяхъ: «вѣдь вотъ посудите сами, говорилъ онъ другому возлюбленному брату о Христѣ, какое униженіе для д-ва? Изволь оно разсуждать, сидя рядомъ съ мужикомъ, о томъ, гдѣ построить мостъ или гать, проложить или исправить дорогу. Пусть бы они положили намъ жалованье, а о дорогахъ и мостахъ пусть сами разсуждаютъ.» Почтенная особа напрасно забыла, что по этимъ дорогамъ, мостамъ и гатямъ придется ѣздить всѣмъ членамъ д-ва и ей даже самой и что въ земскихъ думахъ станутъ заниматься разсужденіями объ устройствѣ училищъ, даже церквей; право, судить о такихъ пред-

метахъ не униженіе для духовнаго сана. Все это показываетъ, что кастовое настроеніе стало входить уже въ плоть и кровь д-ва, которое и само отчуждается чрезъ это отъ прочихъ сословій, да и эти сословія платятъ ему тоюже монетою.

Вредныя послѣдствія отъ привилегій, предоставленныхъ д-ву, и вообще отъ его кастоваго устройства, значительно могли бы уменьшится, если бы члены его происходили изъ всѣхъ сословій, если бы не было потомственнаго д-ва. Тогда бы всякое духовное лицо имѣло многихъ самыхъ близкихъ родныхъ въ томъ или другомъ сословіи, даже въ своемъ приходѣ и нахадило въ нихъ усердныхъ защитниковъ; съ другой стороны узнавало отъ нихъ безпристрастное мнѣніе о своихъ собственныхъ недостаткахъ, о причинахъ неудовольствій на него. Замѣчательно, что до учрежденія потомственности и наслѣдственности въ д-вѣ духовныя лица, хотя были ниже нынѣшнихъ и въ умственномъ и, вѣроятно, въ нравственномъ отношеніяхъ, м. т. пользовались большимъ значеніямъ у мірянъ. И очень естественно, они были набираемы отвсюду; въ нихъ находили родныхъ и бояре, и горожане, и крестьяне. А нынѣ все родство д-ва съ прочими сословіями состоитъ премущественно изъ тѣхъ семинаристовъ и академистовъ, которые оставили духовное званіе; но на нихъ самихъ смотрятъ, какъ на кутейниковъ; имъ мудрено защищать своихъ родныхъ; да правду сказать, многіе изъ нихъ даже скрываютъ свое происхожденіе и не съ удовольствіемъ вспоминаютъ о принадлежности къ духовному званію по рожденію и воспитанію. Другія родственныя связи когда напр. или дѣти духовныхъ лицъ берутъ изъ прочихъ сословій, не довольно сильны для того, чтобы уничтожить кастовый характеръ д-ва. «Вотъ еслибы нашъ братъ, урожденный дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ поступилъ въ д-во, ну, тогда бы мы дворяне, купцы, мѣщане и крестьяне стали стоять горою и за него и за все вообще д-во; оно уже было бы намъ не чуждо.» Наконецъ воспитаніе въ однихъ и тѣхъже училищахъ общихъ для всѣхъ могло бы сблизить молодое д-во съ прочими сословіями; школьныя связи иногда не уступаютъ въ крѣпости родственнымъ. Но мы уже знаемъ, какъ духовно-училищное начальство свои учебныя заведенія изолировало совершенно; имъ приданъ совершенно кастовый характеръ.

Но кастовая исключительность д-ва и соединенное съ нею кастовое воспитаніе едвали не вреднѣе всего тѣмъ, что св-и-ц-сл-скія мѣста предоставляются такимъ лицамъ, которыя имѣютъ мало способностей и расположенія къ исполне-

нію обязанностей своего званія. «Въ настоящее время, пишется въ 2 т. 446 стр. о у. д. у. въ священники поступаютъ какъ будто бы по сцѣпленію разнаго рода *роковыхъ необходимостей*. Священникъ, или причетникъ везетъ своего сына въ духовное училище, п. ч. нѣтъ почти возможности воспитать его въ другихъ мѣстахъ. Начальники и учители воспитываютъ мальчика такъ, чтобы онъ годенъ былъ только для поступленія въ духовное званіе; и въ этомъ случаѣ не обращаютъ вниманія на то, имѣетъ ли онъ способности и охоту быть священникомъ, или причетникомъ. Мальчикъ выросъ и кончилъ курсъ въ семинаріи; м. б. ему духовное званіе очень не нравится, но куда дѣваться, когда онъ такъ воспитанъ и въ такихъ находится обстоятельствахъ, что выгодная служба по другимъ вѣдомствамъ для него почти невозможна? Наконецъ епархіальное начальство только изъ воспитанниковъ семинарій должно выбирать св-и-ц-сл-лей. Вѣдь, какъ угодно, а всѣ эти обстоятельства по неволѣ назовешь *сцѣпленіемъ роковыхъ необходимостей*. Не споримъ, что и нынѣ между нашими пастырями есть очень много лицъ достойныхъ полнаго уваженія, но сколько найдется такихъ, которыя не заслуживаютъ его, не принадлежали бы къ духовному вѣдомству при иномъ порядкѣ дѣлъ?» Въ этихъ словахъ, сказанныхъ человѣкомъ, не принадлежащимъ къ д-ву, могутъ заподозрить преувеличеніе. Обратимся къ статьѣ, которая напечатана въ No. 6 Православнаго Собесѣдника въ 1863 (стр. 320—323) и которая по достовѣрнымъ слухамъ приписывается архимандриту, а нынѣ уже епископу, человѣку весьма замѣчательному въ м-щемъ д-вѣ. «При сословной исключительности д-ва, при родовой наслѣдственности его званія служеніе Богу и Церкви исполняется не тѣми по преимуществу (а должно бы быть исключительно), кто сознаетъ и обнаруживаетъ въ своемъ духѣ въ своей жизни особенное къ тому расположеніе, живую преданность вѣрѣ, способность къ жизни духовной, словомъ то, что называется призваніемъ, а только тѣми, кто родился въ духовномъ званіи. И вотъ отцы съ первыхъ же лѣтъ своихъ дѣтей, еще прежде надлежащаго развитія ихъ смысла, понятій, способностей, свойствъ душевныхъ, сдаютъ ихъ въ духовныя училища. Представимъ себѣ, что воспитанникъ по природѣ не имѣетъ расположенія къ духовному званію, что онъ вовсе неспособенъ къ нему, что онъ имѣетъ склонности и свойства, даже не соотвѣтствующія ему; вступивъ въ училище, онъ скоро почувствуетъ, сперва инстинктивно, а потомъ сознательно, а наконецъ нетерпѣливо, что духов-

ное назначеніе ему вовсе несродно. Каковы должны быть мысли и чувства этого воспитанника? Каково все нравственное состояніе? Онъ скоро начнетъ всѣмъ тяготиться; духовныя науки, чѣмъ дальше онъ въ нихъ идетъ, тѣмъ болѣе ему кажутся тяжолы, непонятны, скучны, неудовлетворительны для ума, а наконецъ это переходитъ въ неодолимое къ нимъ отвращеніе; въ душѣ его возникаетъ жестокая борьба склонностей и обязанностей; духовная дисциплина к-ся ему нестерпимою, училищное содержаніе несноснымъ, наставники отсталыми исключая тѣхъ, въ которыхъ онъ угадываетъ духъ не очень духовный, начальство враждебнымъ, страннымъ и ненавистнымъ. Холодный и невнимательный къ священнымъ предметамъ своего званія, къ самой вѣрѣ и церкви, онъ съ болѣзненной жаждой бросается къ свѣтской литературѣ, и слѣпо безъ разбора вливаетъ въ себя мутныя *(почему же именно мутныя?!!)* идеи. Долго онъ скрываетъ это совершенное нерасположеніе къ своему званію по страху и свойственной духовному сословію нерѣшительности, хотя и не долго лицемѣритъ въ своихъ занятіяхъ и въ нравственномъ поведеніи и наконецъ раскрываетъ свою душу со всѣми ужасами легкомыслія, нравственной порчи *(нельзя ли обойтись безъ легкомыслія и нравственной порчи?)*, раздраженія тогда, когда уже зашолъ далеко на пути своего самовоспитанія, когда его уже нельзя перевоспитать. Тогда взоръ его обращается къ будущему, тамъ представляется ему жизнь священника-служителя со всѣми трудами, лишеніями, скорбями, представляется игомъ невыносимымъ, которое судьба какъ будто насильно хочетъ наложить на него, угрожая подавить имъ его и сдѣлать навсегда несчастнымъ; онъ пугается и отвращается и едва докончивъ курсъ наукъ, а часто и недокончивъ, спѣшитъ на свѣтскіе пути; т. о. онъ бросаетъ свое званіе (да развѣ онъ уже священникъ?), совершенно понапрасну потерявъ время, разстроивъ душу, издержавъ способы содержанія въ духовномъ училищѣ. Этого мало; онъ является открытымъ врагомъ всѣхъ духовныхъ порядковъ, а иногда и церкви и вѣры. И онъ не стыдится даже хвалиться своею враждою. Но не рѣдко не приготовленность къ свѣтскому званію по воспитанію, скудость матеріальныхъ средствъ, недостатокъ нужной помощи на свѣтскомъ поприщѣ и разныя другія причины удерживаютъ его въ духовномъ званіи; и онъ оканчиваетъ здѣсь полный курсъ ученія и не ужасно ли это? такой человѣкъ дѣлается служителемъ церкви! Тогда онъ въ душѣ остается тайнымъ врагомъ духовнаго управленія, а въ жизни явно представ-

ляетъ зрѣлище тѣхъ несчастій въ д-вѣ, которыя вызываютъ въ мірѣ не сожалѣніе, а укоризны и отвращеніе.» Согласитесь, г. ч., что этотъ отрывокъ представляетъ ужасную и даже отвратительную картину гибельныхъ послѣдствій кастовой исключительности, — картину, нарисованную художническимъ перомъ духовной особы, которую подозрѣвать въ нерасположеніи къ д-ву, въ преувеличеніяхъ невозможно. Тутъ говоритъ истина языкомъ человѣка, глубоко ею проникнутаго. Вотъ теперь и знайте, какія пастыри приготовляются для мірянъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ!!!

Какъ ни страннымъ покажется, а м. т. справедливо, что кастовое устройство, не смотря на всѣ вредныя его послѣдствія, находитъ многихъ защитниковъ въ самомъ бѣломъ д-вѣ. Вотъ напр. св-и-ц-сл-ль долженъ за слабостью здоровья отказаться отъ своей должности; пенсія ему не полагается; нажитыхъ денегъ немного; а есть домъ, усадьба и пр.; все это на церковной землѣ, откажись отъ мѣста, отдавай все за низкую цѣну своему преемнику. Толи дѣло, если передастъ свое мѣсто и нажитое недвижимое имѣніе сыну, дочери у которыхъ онъ найдетъ себѣ пріютъ? Р-ся, онъ во весь свой голосъ станетъ кричать, если теперь вздумаютъ мѣста раздавать не по наслѣдству, а по достоинству. Даже при обезпеченномъ своемъ состояніи ему выгоднѣе, чтобы на его мѣстѣ былъ сынъ, или зять, нежели, Богъ знаетъ, явившійся откуда семинаристъ. Вотъ у другаго есть дочери-невѣсты; надобно ихъ пристроить за мужъ. И онъ очень будетъ недоволенъ, когда вдругъ дозволено будетъ новому поколѣнію д-ва жениться на дѣвицахъ изъ всѣхъ сословій; онъ тоже не слабѣе, какъ и предъидущій, закричитъ: «что это такое? Начали брать женъ гдѣ вздумается! Куда же намъ своихъ дочерей отдавать? Не за мужиковъ же, не за мѣщанъ, не за приказныхъ?» — Вотъ теперь семинаріи наполнены *нашими* только дѣтьми; мѣста въ д-вѣ достанутся только *нашимъ* дѣтямъ. Конечно, тѣсненько наше житье, но чтоже? все таки лучше, нежели шататься безъ мѣста.» Разсуждающіе такъ, а ихъ много въ д-вѣ, развѣ довольны будутъ, узнавши, что въ семинаріи открытъ входъ всѣмъ сословіямъ? Развѣ тоже не закричатъ: «а намъ куда же своихъ сыновей дѣвать? Не въ работники же ихъ отдавать? Не въ мѣщанъ же и крестьянъ всѣхъ записывать? Мѣста наши; мы — колѣно левіино.» Вотъ нынѣ начали очень сильно бранить семинарское образованіе. Но, помидуйте, вѣдь мы тоже учились въ семинаріяхъ, вышли тоже въ люди, сдѣлались почотными особами, даже м. б. были начальниками и

наставниками училищъ. Опять такъ разсуждающіе люди развѣ станутъ равнодушно слушать справедливыя обвиненія противъ семинарій? Нѣтъ, пусть онѣ остаются тѣмъ, чѣмъ были при насъ; иначе вѣдь надобно сознаться, что мы плоховато воспитаны въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ! Особенно любятъ защищать существующій порядокъ пожилыя духовныя лица. Они въ началѣ службы перенесли много гнета и непріятностей и пр.; не вполнѣ свободны отъ нихъ и теперь, но все-таки уже люди на виду у епархіальнаго начальства, — благочинные, члены к-ріи, или надѣятся быть ими. Какъ же не пожелать поддержать существующій порядокъ. Ну какъ при новомъ устройствѣ насъ стариковъ отодвинутъ назадъ за неспособностію? Ну какъ не выберутъ насъ ни въ благочинные, ни въ члены к-ріи? По случаю толковъ объ улучшеніи быта д-ва и семинарій мнѣ случалось говорить съ д-омъ обѣихъ столицъ и многихъ провинціальныхъ городовъ, также съ наставниками академій и семинарій; и слишкомъ часто приходилось слышать, что врагами нововведеній и либеральныхъ улучшеній, защитниками *status quo* бываютъ старые протоіереи и именитые священники еще болѣе, нежели м-щія лица.

Но самыхъ жаркихъ приверженцевъ кастовыхъ учрежденій въ д-вѣ можно встрѣтить въ такъ называемомъ ученомъ м-ствѣ, въ м щихъ начальникахъ семинарій, академій и епархій, въ тѣхъ, которые въ болѣе или менѣе близкій срокъ надѣются быть ихъ преемниками. Причину этой приверженности авторъ исторіи славяно-греко-латинской академіи совершенно ненамѣренно высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: «немалымъ затрудненіемъ для единообразнаго управленія академіею было и то, что ученики были не одного званія. Петръ дозволилъ, чтобы и градскіе приказные люди и дворяне отдавали дѣтей въ академію.» Потомъ сказавши, что, какъ уже выше замѣчено, въ ней были даже князья Долгорукіе, Мещерскіе и пр. авторъ продолжаетъ: «при такомъ составѣ академіи нельзя было руководствоваться одними началами управленія: высшее сословіе требовало не столь строгаго обхожденія, какъ низшее, и могло подавать примѣръ свободнаго уклоненія отъ обязанностей ученія.» Этою-то причиною съ нѣкоторыми прибавленіями и я думаю объяснить приверженность перечисленныхъ мною лицъ къ кастовымъ учрежденіямъ д-ва. Выше уже было объяснено, въ какомъ незавидномъ положеніи находится бѣлое д-во по отношенію къ своимъ властямъ, — сколько ему приходится выносить униженій, оскорбленій, даже притѣсненій, — какъ

неудовлетворительно содержаніе духовныхъ воспитанниковъ, какъ ихъ плохо учатъ, пріучаютъ и къ холоду и голоду и пр. Теперь все сходитъ съ рукъ. Сынъ потомственнаго духовнаго лица еще съ дѣтства началъ знакомиться съ непріятностями духовнаго званія, вытерпѣлъ семинарскую жизнь, привыкъ и пріученъ къ казенному смиренію и послушанію, къ безпрекословному сгибанію своей спины, къ *ты* и *твой*, даже къ поборамъ и обирательствамъ консисторскимъ; все это конечно не очень нравится, но вѣдь такъ уже заведено издавна; и отецъ и дѣдъ также жили, — молчи и терпи. А еслибы какой либо дерзновенный и вздумалъ жаловаться, то съ этою единицею можно легко управиться; вѣдь за нее не вступятся вліятельныя лица другихъ сословій. Но пусть теперь сначала въ семинаріи и академіи, а потомъ въ священники дьяконы и пр. поступитъ множество лицъ изъ всѣхъ прочихъ сословій! Потробуйте-ка съ ними обращаться на основаніи старинныхъ преданій. Положимъ, что они сами предъ вами и промолчатъ, но уже не станутъ скрываться предъ своими родными. Тутъ того и гляди пріѣдутъ и дворянинъ, и знатный чиновникъ, и богатый купецъ, и именитый крестьянинъ и станутъ говорить: «за что же такъ обращаться съ моимъ сыномъ, за что притѣснять такъ моего зятя или племянника?» А выше было (27 отд.) тоже замѣчено, какъ епархіальныя лица дорожатъ мнѣніемъ всѣхъ вліятельныхъ мірянъ въ своей епархіи; на ихъ заступничество нельзя не обратить вниманія.

Положимъ, что и не обратятъ. Тогда міряне станутъ иначе дѣйствовать. Они и теперь знаютъ о дурномъ положеніи духовныхъ училищъ и д-ва; м. б. иногда и вступятся за кого нибудь, но горячиться много не станутъ, а частенько даже и посмѣются, разсказывая, или слушая разсказы о томъ, какъ досталось тому, или другому духовному лицу отъ его властей; — *вѣдь это все кутейники; стоитъ ли ими заниматься? они не наши.* Но эти равнодушные, насмѣшливые, или не очень горячіе міряне совсѣмъ иначе заговорятъ и начнутъ дѣйствовать, когда ихъ сына, племянника, внука, зятя и пр. станутъ морить голодомъ, или держать до того въ неотопленномъ классѣ, или ходитъ безъ фуражки по корридору, въ которомъ за 40 саж. живетъ ректоръ, или дурно учить и обращаться или когда тѣхъ же самыхъ родныхъ принявшихъ уже духовный санъ, начнутъ притѣснять, угнетать поборами, разорять ревизіями и пр. и пр. Ну, нѣтъ, тогда мы смѣяться перестанемъ, заговоримъ иначе, напишемъ въ Петербургъ, а то и сами поѣдемъ туда. Что ни

говорите, а при такомъ всеобщемъ возстаніи не только папашъ, дяденекъ, но и кузинъ, тетенекъ, бабушекъ придется совершенно отказаться отъ той системы, которой такъ настойчиво, не смотря на всѣ ея недостатки, держимся въ управленіи семинаріями и епархіями.

И безъ того впрочемъ лица, поступающія въ духовное званіе изъ прочихъ сословій, сами собою постепенно и даже очень скоро заставили бы самаго горячаго любителя старинныхъ іерархическихъ преданій разстаться съ ними. Есть анекдотъ про одного семинариста, который по окончаніи курса долго жилъ у умнаго и богатаго помѣщика, обучалъ его дѣтей и усвоилъ себѣ ловкость и развязность свѣтскаго благовоспитаннаго человѣка. Ему надобно было явиться къ своему владыкѣ, который, сидя на диванѣ въ своей подачѣ, принималъ одного просителя за другимъ. Вдругъ видитъ вошедшаго къ нимъ молодаго, конечно, немного присмирѣвшаго, но все-таки ловкаго, развязнаго человѣка, прилично одѣтаго, съ свѣтскими пріемами. Сочтя его за какого либо молодаго помѣщика, или чиновника, владыка не позволилъ ему положить свою просьбу стоя, а попросилъ сначала сѣсть на кресло, стоявшее у дивана. Потомъ самымъ вѣжливымъ образомъ спросилъ: что вамъ угодно? И когда наконецъ разъяснилось происхожденіе просителя, то владыка въ негодованіи воскликнулъ: «такъ ты семинаристъ? Да какъ ты смѣлъ сѣсть у меня? Вонъ... и пр. и пр.» Не стану судить ни о томъ, ни о другомъ дѣйствующемъ лицѣ въ анекдотѣ. Но онъ показываетъ, какъ внѣшніе пріемы, какъ свѣтская образованность заставляетъ быть вѣжливыми даже приверженцевъ іерархическаго абсолютизма. Чтоже будетъ, когда уже къ нимъ станутъ являться не семинаристы, случайно облагородившіе себя гдѣ либо у помѣщика, а настоящіе свѣтскіе люди, поступившіе въ духовное званіе. Вѣдь всѣхъ ихъ выгонять, какъ выгнали семинариста, нельзя. Но нельзя же и обращаться съ ними, какъ съ бурсаками; какъ-то поневолѣ затруднится сказать каждому изъ нихъ *ты*, прикрикнуть и притопнуть на него, когда онъ съ аристократическимъ спокойствіемъ и съ свѣтскою ловкостью дѣлаетъ возраженія. А начни съ нимъ обращаться по заведенному изстари порядку, опять бѣда. Образованные, благовоспитанные люди какъ-то умѣютъ даже невольно заставить обращаться съ собою вѣжливо. Ихъ спокойная, твердая, исполненная достоинства рѣчь, ихъ смѣлый взглядъ, ихъ благородные внѣшніе пріемы, ихъ малозамѣтная улыбка, и самое даже презрительное молчаніе остановятъ и укротятъ

самаго вспыльчиваго и заносчиваго человѣка. При множествѣ такихъ подчиненныхъ, подкрѣпляемыхъ цѣлыми т. с-ть, отрядами папашъ, дяденекъ, мамашъ, тетенекъ, кузинъ, бабушекъ неизбѣжно опять придется разстаться съ преданіями старины. Не даромъ же нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ дворянинъ, успѣшно кончившій курсъ въ в-ой семинаріи, никакъ не могъ найти священническаго мѣста; епархіальные архіереи, къ которымъ онъ обращался съ покорнѣйшими просьбами, съ удовольствіемъ и любезно съ нимъ бесѣдовали, но когда доходило дѣло до желанія получить у нихъ мѣсто въ епархіи, отказывали на отрѣзъ. «Да, сказалъ при этомъ случаѣ одинъ іерархъ, сдѣлай-ка его священникомъ, имъ нельзя будетъ повертывать, какъ семинаристомъ.» Вотъ, г. ч., чѣмъ и кѣмъ и для чего поддерживается кастовое устройство духовнаго званія! Не вѣрьте, чтобы оно нужно было для поддержанія православія. Лица, добровольно, по внутренному призванію поступающія въ духовное, званіе, будутъ непремѣнно благочестивѣе, нежели тѣ, которые поступаютъ въ него *по стеченію различнаго рода роковыхъ необходимостей* и которые такъ превосходно описаны въ помѣщенномъ здѣсь отрывкѣ изъ No. 6 Православнаго Собесѣдника 1863 г.

Отдѣлъ 46ой.

О неуваженіи всѣхъ сословій къ д-ву.

К-ся, надобно признать справедливою мысль, что въ древней Руси д-во вообще пользовалось гораздо большимъ уваженіемъ и любовію у православнаго народа, нежели нынѣ. Монахи, особенно епископы, имѣли даже политическое значеніе; съ ними очень часто совѣтовались. Великіе князья и даже Цари не рѣдко обращались къ нимъ, когда нужно было помирить двѣ враждующія стороны, укротить негодованіе какого либо князя, принимали отъ нихъ благословеніе, даже искали въ нихъ моральной подпоры, когда рѣшались на отважной какой либо подвигъ и пр. Для этого стоитъ только припомнить имена Сергія преподобнаго, Алексѣя, Филиппа,

Никона и пр. Бѣлое д-во не пользовалось такимъ же уваженіемъ, какъ чорное, но не было впрочемъ и въ пренебреженіи, даже, какъ к-ся, имѣло сильное моральное вліяніе на мірянъ. Конечно, доказательствъ на это приходится искать въ событіяхъ достойныхъ сожалѣнія, именно въ волненіяхъ, происшедшихъ по случаю появленія раскольниковъ. Тутъ двигателями и предводителями являются духовныя лица напр. протопопъ Аввакумъ, священникъ Никита, называемый пустосвятъ дьяконъ Александръ, основатель Дьяконовщины, Корнилій пономарь, основавшій Выговское общежитіе и пр. Я нисколько не хвалю этихъ предводителей, но скажу, что увлекать за собою массы и поддерживать борьбу противъ сильной церковной и гражданской власти можно тѣмъ только людямъ, которые пользуются уваженіемъ и любовію увлекаемыхъ.

Напротивъ нынѣ очень уже извѣстно, что д-во, особенно бѣлое потеряло уваженіе и любовь чуть не во всѣхъ сословіяхъ. Отдѣльныхъ изъ него лицъ любятъ и уважаютъ, да и нельзя не полюбить и не уважать; многіе стоютъ этого; но цѣлое сословіе находится въ презрѣніи. Вмѣсто того, чтобы, разслѣдовавъ безпристрастно причины этого печальнаго явленія, принять дѣятельныя рѣшительныя мѣры къ примиренію пастырей съ паствою, авторитетные дѣятели въ д-вѣ не хотятъ признать даже существованіе самаго факта. Или не догадливые на столько, чтобы замѣтить, или намѣренно закрывая себѣ глаза, или видя, но показывая себя не видящими, они говорятъ, что паства по прежнему благоговѣетъ предъ своими пастырями, что у священника продолжаютъ цѣловать руку, открывать предъ нимъ свою совѣсть, прибѣгаютъ къ нему за утѣшеніемъ въ грозный предсмертный часъ и пр. Дѣлать нечего, надобно раскрыть печальный фактъ и притомъ такъ, чтобы въ его существованіи не было сомнѣнія. При этомъ случаѣ придется мнѣ говорить и отъ своего лица, но главнымъ образомъ я постараюсь опереться на разныя печатныя свидѣтельства, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія высказаны или защитниками д-ва, или въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Часть первая.

Доказательства той мысли, что д-во не пользуется уваженіемъ всѣхъ сословій.

Начинаю съ того, какъ наша аристократія чиновная и потомственная, наше благородное дворянство смотритъ на бѣлое д-во. Николай Тургеневъ въ своемъ сочиненіи: la Russie et les Russes (т. 3 стр. 69 и 157) говоритъ коротко, но очень ясно: «аристократическій классъ питаетъ одно только гордое презрѣніе къ д-ву..... священники въ Россіи не пользуются никакимъ уваженіемъ.» Конечно авторъ писалъ такой отзывъ на основаніи тѣхъ фактовъ, которые ему извѣстны были въ царствованіе покойнаго Императора Александра 1го, но не надобно думать, чтобы его слова были не приложимы къ нынѣшнему времени. Г. Предтеченскій въ своемъ апалогическомъ сочиненіи (стр. 126), сказавши о томъ, что священники, дьяконы и причетники, *оттолкнутые и презираемые помѣщиками*, охотно знакомятся съ дворецкими, съ лакеями ихъ, уважая въ нихъ большую выдержку внѣшнихъ манеръ и болѣе чистые костюмы, далѣе продолжаетъ: «иногда эти связи съ полуобразованными лицами ведутъ къ большему огрубѣнію д-ва, но чтоже дѣлать, когда лица, стоящія болѣе высоко во отношеніи усвоенія плодовъ цивилизаціи, или живутъ далеко, или, хотя и близко, *но держатъ себя далеко отъ д-ва.*» Тутъ авторъ выражается довольно коротко, но на слѣдующей страницѣ высказался уже подробнѣе. «Городничій, исправникъ, десятокъ чиновниковъ, два-три инвалидныхъ офицера, десятка два купцовъ; вотъ весь составъ общества уѣзднаго города для 5—20 священниковъ; да еще развѣ смотрители и учители уѣздныхъ и духовныхъ училищъ. Но лица начальствующія, лица болѣе, или менѣе достаточныя, точно также, какъ въ деревняхъ помѣщики, держатъ себя и въ уѣздныхъ городахъ на благородной дистанціи отъ д-ва и допускаютъ до себя раза два, три въ годъ, въ большіе праздники, для служенія молебновъ и по поводу семейныхъ событій — для крестинъ, похоронъ и т. п.» Другой апологистъ и притомъ священникъ Грековъ еще яснѣе г. Предтечинскаго выражается: «неуваженіе къ священному сану такъ развито у свѣтскихъ людей, что каждый даже мелкій чиновникъ, одинъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ кто то изъ поэтовъ написалъ: *коллежскій регистраторъ* —

почтовой станціи диктаторъ, — считаетъ себя не только выше священника, но и прямо требуетъ отъ него подобострастнаго уваженія, а господа познатнѣе, особенно помѣщики, играютъ нами (священниками), какъ шашками. Иной на своемъ вѣку только тѣмъ и занимается, что перемѣняетъ въ своей деревнѣ священниковъ..... (и поговариваетъ) моя деревня, *моя церковь, мой попъ*.» Вотъ какое уваженіе имѣютъ образованные люди къ д-ву, по словамъ даже защитниковъ послѣдняго!

Перейдемъ теперь къ нашему бюргерству, къ нашей буржуазіи, къ купцамъ и мѣщанамъ. Тутъ можно согласиться съ г. Предтеченскимъ (стр. 127), что «и купцы и мѣщане (охотнѣе чиновниковъ и дворянъ) поддерживаютъ сношенія съ священниками и охотнѣе вступаютъ въ болѣе, или менѣе частныя сношенія съ своимъ д-вомъ. Но надобно сказать, что этотъ классъ уважаетъ священника, какъ служителя алтаря, какъ совершителя таинствъ, — уважаетъ своего приходскаго священника, своего духовника, а не все вообще духовное сословіе. А у богатыхъ именитыхъ гражданъ и свой священникъ иногда подождетъ у воротъ позволенія войти съ крестомъ, или святою водою. Вообще наши купцы въ своихъ сношеніяхъ съ д-вомъ похожи на раскольниковъ. Эти оказываютъ своимъ священникамъ всѣ знаки внѣшняго уваженія, цѣлуютъ ихъ благословляющія руки, кланяются имъ въ поясъ, даже въ ноги, щедро надѣляютъ деньгами, но держатъ ихъ въ рукахъ, любятъ, чтобы и священники съ своей стороны еще больше ихъ уважали. Тоже самое почти должно сказать и о православныхъ купцахъ. Ихъ вниманіе и благотворительность къ д-ву часто бываютъ очень тяжелы послѣднему. Много разъ мнѣ случалось слыхать жалобы почотныхъ священниковъ на невыносимую спѣсь, капризъ и причуды нашихъ купцовъ. Но лучше всего любовь и уваженіе послѣднихъ къ священному сану можно оцѣнить по мѣщанамъ и по ихъ прикащикамъ; купцы поумнѣе, повыдержаннѣе, умѣютъ еще прикрывать свои чувства, а у мѣщанъ, что́ на душѣ, то скорѣе является и на языкѣ. А извѣстно, что языкъ мѣщанъ, купеческихъ сидѣльцевъ, мелкихъ торговцовъ и ихъ дѣтей очень колко язвитъ д-во. Слишкомъ недавно было трудно, да и нынѣ еще не всегда удается семинаристу, или дьячку пройти безъ того, чтобы ему не услыхать чего нибудь въ родѣ: *кутья, ми-го-го* и т. п. А вотъ что пишетъ самарскій корреспондентъ въ No. 8 С-п-бургскихъ Вѣтомостей 1865 г. про тѣ случаи, когда духовныя лица привозятъ хлѣбъ на самарскую

пристань для продажи собирающимся туда изъ многихъ городовъ прикащикамъ купцовъ. «Бѣда продавцу изъ духовныхъ отцовъ! несчастнаго заметаютъ словами и насмѣшками. Какой бы ни былъ хлѣбъ отличной доброты, ему говорятъ: Отецъ! Отецъ! вѣдь она сборная пшеница-то! По міру набралъ! уступи! дорого ли она стоитъ? *Господи помилуй* сорокъ разъ сказалъ безъ отдыху, вотъ и куль; вѣдь вы и съ живаго и съ мертваго..... Пріѣдешь, наберешь, опять деньги..... мужикъ горбомъ, а вы, знамо дѣло, горломъ.» Неужели эта нахальнѣйшая брань, произносимая на пристани богатаго и торговаго нашего города, при многочисленномъ стеченіи народа, ни кѣмъ не останавливаемая и подающая поводъ къ взрывамъ всеобщаго хохота, неужели она доказываетъ уваженіе и любовь купцовъ и мѣщанъ, да еще коекого къ д-ву?

Спустимся пониже, къ простому русскому народу. Тутъ уже любятъ угощать священника, готовы его зазвать къ себѣ, да и сами зайти къ нему въ гости, и на славу угостить и угоститься. Тутъ, русскую пословицу: *пей, да дѣло разумѣй* можно даже измѣнить въ обратномъ смыслѣ: *хоть и вовсе ничего не разумѣй, да только пей, а мы тебя полюбимъ.* Но и здѣсь любятъ и уважаютъ священника, какъ совершителя таинствъ, какъ служителя алтаря господня, какъ отца духовнаго, — а иногда, увы, какъ человѣка съ которымъ можно воспить и попить; притомъ б. ч. все уваженіе и любовь относятся только почти къ одному своему приходскому священнику и притомъ, когда онъ *съ глазу на глазъ*, а не ко всему вообще духовному сану. Еще Бѣлинскій въ своемъ письмѣ къ Гоголю пишетъ: «неужели вы не знаете, что наше д во находится во всеобщемъ презрѣніе у..... русскаго народа. Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь, попова работника.» «Отчего (2 т. 45 стр. книги: о. у. д. у.) не напечатанный еще лексиконъ словъ русскаго народа такъ богатъ злыми поговорками и язвительными прозвищами относительно д-ва? Отчего нерѣдко въ деревняхъ толпа народа, поклонившись своему священнику, послѣ въ слѣдъ за нимъ посылаетъ выставленные языки и другіе жесты, въ которыхъ нельзя видѣть уваженія?... Отчего даже священниковъ въ чужомъ приходѣ, на перевозахъ, у дворниковъ, при встрѣчѣ на дорогѣ честятъ нелестными названіями?... Какъ бы на эти вопросы ни ухитрялись отвѣчать, отвѣты никогда не докажутъ, что д-во *in corpore* пользуется уваженіемъ у русскаго народа.» Замѣчательно, что эти оба отзыва во мно-

гомъ схожи съ однимъ оффиціальнымъ документомъ. Въ прошлое царствованіе Министерство Внутреннихъ Дѣлъ дѣятельно занималось собраніемъ свѣдѣній о раскольникахъ во всѣхъ отношеніяхъ и о результатахъ своей дѣятельности представляло отчоты Государю Императору. Въ одномъ изъ такихъ отчотовъ, переданномъ на разсмотрѣніе Синода, находимъ едва ли не самый вѣрный, но вмѣстѣ и самый жосткій отзывъ о неуваженіи народа къ д-ву нижгородской епархіи: — отзывъ этотъ впрочемъ идетъ къ д-ву всѣхъ епархій. «Народъ не уважаетъ д-во, преслѣдуетъ его насмѣшками и укоризнами и тяготится имъ. Въ рѣдкомъ разсказѣ забавнаго содержанія народъ не глумится надъ попомъ, попадьей и поповымъ батракомъ; во всѣхъ народныхъ пословицахъ, присказкахъ, во всѣхъ народныхъ поговоркахъ и присловіяхъ, если только говорится о д-вѣ, говорится съ насмѣшкою. Народъ чуждается д-ва и прибѣгаетъ къ нему не по внутреннему внушенію совѣсти, а по неволѣ. Преслѣдуя насмѣшкою поповъ своихъ, онъ преслѣдуетъ ею и весь родъ ихъ; никакіе подвиги, никакія заслуги не избавятъ поповскаго сына отъ браннаго прозванія; *кутейникъ;* онъ умретъ съ этимъ прозваніемъ и передастъ его дѣтямъ. Въ этомъ прозваніи высказывается нелюбовь народа къ своему д-ву. По видимому, все это мелочи, но такъ какъ эти мелочи выражаютъ понятіе народа о д-вѣ, то онѣ и перестаютъ быть мелочами. Скорѣе злобныя насмѣшки раскольниковъ надъ нашимъ д-вомъ можно назвать мелочами, чѣмъ эти незлобныя насмѣшки надъ нимъ православныхъ, доказывающія, что пастыри наши народомъ не уважаются. Эту слабую сторону знаетъ расколъ и, къ несчастію, давно уже ею пользуется.» (Выпускъ первый Сборника Келосіева стр. 188 и дал.)

Спустимся еще пониже, заглянемъ въ арестанскія роты, куда заключены осужденные на каторгу преступники. Этимъ господамъ, к-ся, уже можно бы уважать духовный санъ; но к. м. нечѣмъ превозноситься предъ нимъ. А м. т. неуваженіе къ д-ву проникло и на каторгу. Въ прекрасной статьѣ г. Достоевскаго — подъ названіемъ Мертвый Домъ — описано между прочимъ, какъ каторжники устроили въ святки, или Пасху — не припомню — спектакль, на которомъ между прочимъ разыгрывалась пантомимная піэса. Дѣйствующими въ ней лицами были мельникъ и жена его, которую почтенный супругъ подозрѣвалъ въ невѣрности. Чтобы уличить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлаться со соблазнителями, онъ ушолъ вонъ изъ дома за какимъ-то дѣломъ. Тотчасъ начали являться къ мельничихѣ ея почитатели, —

сначала другой мельникъ, но прежде окончанія интимныхъ объясненій послышался стукъ; мельничиха, припрятавъ возлюбленнаго, отворила дверь,— явился писарь, но и этому пришлось укрыться, п. ч. послышался новый стукъ и взошолъ браминъ, конечно не индѣйскій, а русскій. К-ся, особеннаго ничего нѣтъ; дѣло житейское. Но мельника и писаря каторжная публика встрѣтила безъ особеннаго движенія, и хохотала только, когда мельничиха ихъ укрывала по разнымъ мѣстамъ. Если бы публика имѣла уваженіе къ *браминамъ* вообще, то она и появившагося на сцену встрѣтила бы также, какъ и прочихъ дѣйствующихъ лицъ, даже выразила бы негодованіе за униженіе браминскаго сана. А м. т. послушайте, какъ описываетъ эту сцену г. Достоевскій (Ч. I, 266—267 стр.): «На этотъ разъ является гость особенный..... Это *браминъ* и даже *въ костюмѣ*. Не удержимый хохотъ раздается между зрителями..... Алей татаринъ, сосланный тоже въ каторгу) теребитъ сосѣда за руку и кричитъ: смотри, браминъ! браминъ! и самъ устоять не можетъ отъ смѣха.» Господи, Господи, и каторжники даже смѣются!

Ниже каторжниковъ спуститься уже не куда; поэтому надобно приподняться и заглянуть въ самое д-во. Замѣчательно, что неуваженіе, нелюбовь къ нему, развивается часто даже въ дѣтяхъ его. Въ предъидущемъ отдѣлѣ на это есть ясное указаніе въ отрывкѣ, заимствованномъ изъ Православнаго Собесѣдника. Но вотъ еще другое доказательство. Г. Предтеченскій въ своей апологіи прямо говоритъ (стр. 130) что въ послѣднее время вражда и презрѣніе къ д-ву изъ свѣтскихъ образованныхъ кружковъ проникла въ самое духовное сословіе, въ молодыхъ наставниковъ и молодыхъ учениковъ. Наконецъ прибавлю къ всему этому, что, по словамъ тогоже г. Предтеченскаго, все «современное поколѣніе признало полную законность подобныхъ (т. е. не благопріятныхъ) воззрѣній на д-во; число недоброжелателей его расло въ быстрой прогрессіи; школьникъ, едва выучившійся читать, признакомъ своей неотсталости считалъ..... ругнуть попа и пр. (стр. 130).

Послѣ всего, сказаннаго въ этомъ отдѣлѣ, к-ся, уже не можетъ быть сомнѣнія, что д-во не пользуется уваженіемъ всѣхъ сословій русскаго народа, не исключая многихъ лицъ, происходящихъ изъ него самого. Фактъ существуетъ, отрицать его былобы нелѣпо; нужно только объяснить, отчего происходитъ это прискорбное и даже страшное явленіе. Въ этомъ случаѣ присяжные защитники д-ва не хотятъ указать

на настоящія причины разсматриваемаго нами явленія; не ищутъ ихъ въ самомъ д-вѣ, а сваливаютъ всю вину на грѣшный міръ. Развратные-де міряне не любятъ свѣтильниковъ, которые дѣлаютъ видимыми ихъ недостатки; либералы и вольнодумцы злонамѣренно стараются унизить д-во, чтобы чрезъ это подорвать самую религію, прочіе или по легкомыслію, или по навѣжеству вѣрятъ имъ и пр. Апологисты не щадятъ и литературы. Г. Предтеченскій неблагопріятные отзывы о д-вѣ, появлявшіеся въ журналахъ и газетахъ, называетъ *невѣжественными, а иногда возмутительно злобными нападеніями*, а самое д-во *не справедливо обвиняемымъ и оскорбляемымъ сословіемъ* (стр. 3). Затѣмъ (стр. 7) объясняетъ, что въ современной русской литературѣ господствуетъ обычай *всѣхъ и все ругать такъ или иначе... насмѣхаться надъ всѣми, придавать любому дѣлу возможно худшее толкованіе, читать каждаго человѣка на выворотъ*. Такое «направленіе современныхъ умовъ карикатурить личности и положеніе дѣлъ въ сущности дѣла одолжено своимъ появленіемъ желанію пишущей братіи безъ труда прослыть за людей, особенно проницательныхъ видящихъ дальше, нежели другіе, и потому имѣющихъ право смѣяться надъ всѣми и все представлять навыворотъ — по своему. Чѣмъ чище опачканный грязью образъ историческаго, или современнаго дѣятеля, чѣмъ громче его имя, чѣмъ многочисленнѣе то, или другое обруганное сословіе, чѣмъ важнѣе опошленное вѣрованіе, или учрежденіе, тѣмъ большая слава достается смѣлому литератору. Блескъ литературной извѣстности усиливается въ прямой пропорціи съ крайностію, односторонностію и недобросовѣстностію взглядовъ и сужденій.» Этимъ-то обычаемъ, этимъ направленіемъ современныхъ умовъ и объясняетъ г. Предтеченскій невѣжественныя и возмутительно злобныя нападенія на д-во.

Зачѣмъ такъ писать и притомъ профессору высшаго учебнаго заведенія, человѣку, который въ своемъ сочиненіи обнаруживаетъ обширныя свѣдѣнія въ исторіи русскаго д-ва, большое знакомство съ иностранною, даже англійскою литературою, литературный талантъ и сердечное сочувствіе къ д-ву? Онъ, какъ человѣкъ по рожденію, воспитанію и службѣ принадлежащій къ духовному званію, долженъ очень хорошо знать, что неблагопріятные отзывы современной литературы о д-вѣ далеко не всѣ могутъ назваться *невѣжественными и возмутительно-злобными нападеніями* и происходятъ не отъ одного желанія *все карикатурить, все представлять на выворотъ*, а что многое въ этихъ отзывахъ дышетъ чистою

истиною, высказывается съ искренною любовію къ униженному, загнанному и часто унижающемуся сословію, съ сердечнымъ желаніемъ помочь ему раскрытіемъ горькаго его положенія. Конечно человѣку, состоящему въ духовно-училищной службѣ, трудновато и не безопасно безпристрастно разъяснять это положеніе. Но въ такомъ случаѣ лучше уже молчать. А теперь какъ-то по неволѣ къ оффиціальнымъ и присяжнымъ апологистамъ хочется приложить слѣдующее сравненіе. Представимъ, что до какого бы то ни было начальства дошли не оффиціально, а отъ сторонннхъ лицъ дурные слухи о поведеніи и бѣдственномъ положеніи его подчиненныхъ. По порученію ли начальства, или по доброй своей волѣ нѣкоторые люди рѣшились разобрать и повѣрить эти слухи и составить, т. е-ть, докладныя записки. Если бы они открыли начальству всю истину, хотя горькую и даже очень непріятную, то оно, м. б., рѣшилось бы позаботиться объ улучшеніи своихъ подчиненныхъ. Ну, а когда всѣ составители докладныхъ записокъ донесутъ, что неблагопріятные слухи не вѣрны; доказываютъ только невѣжество и возмутительную злобу распространителей ихъ; тогда начальству естественно успокоиться, и дѣла останутся въ прежнемъ положеніи. Вѣдь, какъ угодно, а такія докладныя записки не хороши. *Или молчи, когда не слушаютъ правды, и грозитъ опасность за нее, или, если уже сталъ говорить, то говори правду, даже горькую для другихъ и опасную для себя.*

Кастовое устройство должно считаться едвали не главною причиною, которою объясняется неуваженіе всѣхъ сословій къ д-ву. Но такъ какъ оно уже очень подробно было объяснено въ предъидущемъ отдѣлѣ, то я здѣсь не нахожу нужнымъ прибавлять еще что нибудь о немъ. Обращаюсь къ другимъ причинамъ, избирая изъ нихъ впрочемъ тѣ, которыя, по моему мнѣнію, имѣютъ наибольшую важность. Къ счастію и въ этомъ случаѣ мнѣ можно будетъ опереться на разные и оффиціальные документы.

Часть вторая.

О причинахъ ненависти раскольниковъ къ д-ву и о вліяніи ихъ на крестьянъ по отношенію къ д-ву.

Начинаю съ нашего простаго народа, съ мѣщанъ и купцовъ. Относительно неуваженія нелюбви его къ д-ву важную роль играетъ расколъ. Раскольники не любятъ и не уважаютъ всей вообще православной іерархіи, м. б. даже имѣютъ на то основательныя причины, разсматривая все съ своей точки зрѣнія. Въ теченіе болѣе нежели 200 лѣтъ, имъ пришлось много вытерпѣть за свою приверженность къ старой вѣрѣ. Вотъ напр. какъ описываетъ протопопъ Аввакумъ свой арестъ: «меня на патріарховомъ дворѣ на цѣпь посадили. Егдаже розсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку, — ушла въ землю, — и сиде три дня, не ѣлъ, не пилъ, въ тьмѣ сидя .... Сняли большую цѣпь, да малую положили, отдали чернецу подъ началъ: велѣно волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ и подъ бока толкаютъ и въ глаза плюютъ.» Точно также на «Логина муромскаго протопопа возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до богоявленскаго монастыря и кинули въ палатку (No. 3 Библ. для чтен. 2 1862 г. о русскомъ расколѣ стр. 22—23).» Но Аввакуму и Логину еще немного пришлось терпѣть. А вотъ по разсказамъ изъ исторіи старообрядства г. Максимова (No. 1 Времени 1862 г. по поводу новыхъ изданій о расколѣ стр. 94) «изъ учениковъ Корнилія (основателя Выговскаго общежитія) еще при его жизни были уже нѣкоторые страдальцами за вѣру; такъ въ Каргополѣ на морозѣ стояли Андрей Семиголовъ и другой Андрей съ братомъ и потомъ сожжены, да и Афанасій купецъ въ Озерецѣ пострадалъ на Чарыды, въ трехъ застѣнкахъ былъ битъ, потомъ клещами ребра ломали и пупъ тянули, потомъ въ зимнее время въ нестерпимые морозы обнаженъ стояше, и студеную воду со льдомъ на главу поливаху на многіе часы, донележе отъ брады его до земли соски смерзли, аки поросшіе; послѣди же огнемъ сожженъ бысть; тако скончася.» Присоединимъ сюда крово-

пролитную и продолжительную осаду, которую раскольники выдержали въ соловецкомъ монастырѣ, множество ихъ, рѣшавшихся скорѣе сгорѣть въ какой либо избѣ, нежели сдаться никоновцамъ. Скажутъ, что на раскольниковъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ослѣпленныхъ изувѣровъ, сумазбродныхъ фанатиковъ, жалкихъ невѣждъ, что ихъ не мучили за вѣру, а наказывали, какъ преступниковъ за упрямство за непокорность церковнымъ и гражданскимъ властямъ и пр. Все это для многихъ не раскольниковъ покажется справедливымъ, хотя, правду сказать, не для всѣхъ; многіе тоже скажутъ, что не нужно бы въ лицо плевать, подъ бока толкать, особенно нагаго ставить на морозъ и поливать водою, пока сосульки не достанутъ отъ бороды до земли, не жечь, не тянуть за пупъ, не ломать клещами ребра и пр. Притомъ не нужно забывать, что старовѣры свою вѣру считаютъ истинною, страдавшихъ за нее — настоящими мучениками. Какъ же имъ любить тѣхъ, кого они называютъ гонителями своей вѣры?

Но даже нынѣшніе раскольники, если бы до нихъ не дошло никакихъ разсказовъ о былыхъ временахъ, найдутъ много причинъ къ жалобамъ на притѣсненія, испытанныя ими самими. Вотъ запечатали молельню, въ которой только одной молясь по своему, они считаютъ свои молитвы доступными до Бога, — отобрали старыя ихъ иконы, складные мѣдные образа, предъ которыми только одними они изливаютъ свои набожныя чувства; — заперли и отобрали, — но, получивъ взятку, опять отпираютъ и возвращаютъ до слѣдующаго раза. Но вотъ уже налетѣлъ строгій становой, исправникъ, даже чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, заперъ и запечаталъ молельню, передалъ иконы и книги въ сосѣднюю церковь, или повезъ ихъ въ губернскій городъ, а кстати захватилъ нѣсколько большаковъ, которыхъ раскольники особенно уважаютъ. Иногда и послѣ уже крупной взятки отпустятъ всѣхъ и позволятъ возстановить все въ прежнемъ видѣ, но часто большакамъ и другимъ почетнымъ лицамъ деревни приходится пріѣхать въ губернскій городъ, даже подъ конвоемъ, какъ преступникамъ. Тутъ приводятъ ихъ въ к-рію, допрашиваютъ, увѣщеваютъ, осмѣиваютъ, зовутъ дураками, а не забываютъ при случаѣ и обирать. Случалось или изъ к-ріи, или прямо изъ деревни отправляться въ земскій судъ, оттуда въ острогъ, сидѣть тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ, а иногда попробовать кнута, полежать подъ плетьми, покушать, какъ говорятъ семинаристы, *березовой каши*, только очень горячей, такъ что вку-

шающаго надо придерживать четыремъ человѣкамъ, а иногда и привязать къ доскѣ; — и послѣ разныхъ мытарствъ и угощеній отправляться въ отдаленныя губерніи, за Кавказъ, въ Сибирь, даже въ каторжную работу. Припомните, г. ч., описаннаго г. Достоевскимъ въ Мертвомъ Домѣ старика-раскольника, осужденнаго даже въ особое отдѣленіе каторжниковъ. Всѣ подобныя событія были слишкомъ недавно. Скажутъ нельзя же было обойтись безъ строгихъ мѣръ, не слѣдовало щадить упрямыхъ и злыхъ отщепенцевъ, которые распространяли свои заблужденія между православными и могли многихъ погубить. — Пусть будетъ такъ, — да дѣло въ томъ, что раскольники всѣ эти преслѣдованія считаютъ опять мученничествомъ за истинную вѣру и по своимъ воззрѣніямъ не могутъ питать расположенія къ тѣмъ, кого они признаютъ виновниками испытываемыхъ ими притѣсненій и гоненій.

Этими виновниками раскольники считаютъ преимущественно духовныхъ лицъ. Они знаютъ, что религія должна принадлежать къ кругу дѣятельности д-ва, отсюда естественно имъ заключать, что оно-то особенно и не любитъ вѣроотступничества и считаетъ обязанностію преслѣдовать отщепенцевъ. Къ несчастію на подмогу тутъ является исторія. Вѣдь въ первыя времена раскола главнымъ и не умолимымъ его врагомъ и даже виновникомъ былъ патріархъ Никонъ; къ нему въ домъ, какъ сейчасъ замѣчено, привезли Аввакума и на его дворѣ посадили на цѣпь и потомъ, по его распоряженію, подвергли разнымъ истязаніямъ. И съ Логина при Никонѣ въ соборной церкви «остригши, содрали однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся (такою) ревностію божественнаго огня, что скинутую съ себя рубаху бросилъ не въ царя, тутъ же присутствовавшаго, а въ Никона,» котораго, значитъ, считалъ главнымъ виновникомъ нанесеннаго себя оскорбленія. И нынѣ съ становымъ, исправникомъ и пр. пріѣзжаетъ б. ч. священникъ для опечатанія молельни, для отобранія книгъ и иконъ: по представленіи въ к-рію, а часто и въ своей деревнѣ раскольникъ сначала отдается на увѣщаніе священнику, о потомъ уже какъ будто, по рѣшенію послѣдняго, и к-ріи отсылается къ свѣтской власти. Да правду сказать и священники не безъ грѣховъ по отношенію къ раскольникамъ. Не всѣ они пропускали случай поприжать старообрядцевъ при похоронахъ, при рожденіи, при свадьбахъ, при совершеніи и несовершеніи другихъ церковныхъ требъ. Особенно перепадало въ ихъ карманъ многонько, когда раскольнику нужно было ежегодно брать сви-

дѣтельство въ своемъ небываломъ православіи для того чтобы записаться въ торговую гильдію. Не даромъ же г. Мельниковъ въ своей запискѣ (стр. 189) о раскольникахъ говоритъ: «сельскому причту несравненно выгоднѣе, если у него въ приходѣ раскольниковъ болѣе, чѣмъ православныхъ; за то, чтобы не исправлять у нихъ требы, онъ получаетъ несравненно больше, чѣмъ отъ православныхъ за исправленіе требъ. При опредѣленіи большей, или меньшей выгодности прихода, всегда принимаются въ соображеніе раскольники, чѣмъ больше ихъ въ приходѣ, тѣмъ приходъ считается выгоднѣе.» М. б., этотъ отзывъ не къ всякому мѣсту и времени приложимъ, но справедливъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ подтвержденіе большей части высказанныхъ сейчасъ мыслей послушаемъ, какъ по запискѣ г. Мельникова (194) разсуждаютъ объ этомъ раскольники. Когда ихъ уговариваютъ обратиться къ Православію, они говорятъ: «да вы исправьте же церковь-то прежде, такъ и уговаривать насъ нечего будетъ, сами пойдемъ. — А на вопросъ: какъ же ее устроить? отвѣчали: по Христову ученію. Только Христосъ-то кротостію народъ привлекалъ, а великороссійскіе попы допросами насъ хотятъ обратать: тотъ мать на раскольничьемъ кладбищѣ похоронилъ, тотъ сына не при церкви окрестилъ, этотъ вѣнчался не у приходскаго попа, — вотъ и вся ихъ проповѣдь. — И по этой-то *проповѣди евангельской* судъ наѣдетъ; допросы, да очныя ставки начнутся. Правду станешь говорить, въ острогъ посадятъ; для того и беремъ на душу грѣхъ, — о правдѣ помолчиваемъ. Судъ же скоро не дѣлается; отъ дѣлъ торговыхъ, отъ промысловъ отвлекутъ тебя года на четыре, п. ч. подсудимому паспортъ нельзя дать, и кончится все дѣло тѣмъ, что коли неправду на судѣ скажешь, такъ пошлютъ тебя три раза въ к-рію на увѣщаніе, выгонятъ, извѣстно, въ рабочую пору и за каждое увѣщаніе возьмутъ цѣлковыхъ по два, а коли правду скажешь, въ острогѣ насидишься, плетей отвѣдаешь и въ закавказскій край угодишь. Чтоже это за Церковь, что только боится, чтобы не ушли отъ нея чада ея? Доброю жизнію священниковъ и христіанскою проповѣдію защитить церкви не могутъ, такъ и напускаютъ на насъ то и дѣло гражданское правительство. А вѣдь плоха та Церковь, которая хочетъ свою крѣпость плетьми, да ссылкой утвердить. Христосъ не такъ училъ.»

Подвергаясь столь многимъ взысканіямъ за свое отступленіе отъ православія и по своимъ воззрѣніямъ приписывая

ихъ д-ву, раскольники не могли же не питать сильнѣйшей ненависти къ нему. И точно, не любятъ же они все вообще д-во; тутъ достается всѣмъ. Въ запискѣ г. Мельникова есть въ высшей степени злой ихъ отзывъ объ архіереяхъ (стр. 193). «Упоминаемые въ Кирилловой книгѣ о лжеучителяхъ и въ другихъ книгахъ волки хищные и разбойницы суть великороссійскіе архіереи, которые не въ дверь входятъ, а въ дыру, поставляя поповъ изъ семинаристовъ за деньги, или по сродству.» Но такъ какъ съ этими высокими сановниками ближайшія сношенія рѣдки и трудны, тогда какъ съ священниками приходскими приходится сталкиваться чуть не на каждомъ шагу, то на нихъ-то раскольники и изливаютъ всю свою ненависть и все свое презрѣніе. Для нихъ не поговорить, а даже встрѣтиться съ священникомъ считается чуть не осквернѣніемъ; фанатики любятъ въ этомъ случаѣ *отплевываться*. Даже тѣ священники, которыхъ они сманивали къ себѣ за большія деньги, и которымъ давали богатое содержаніе; живутъ у нихъ, конечно въ довольствѣ, пользуются внѣшними знаками уваженія; но въ сущности презираются; они дороги раскольникамъ не какъ пастыри, а какъ совершители богослужебныхъ дѣйствій.

Но надобно сказать, что раскольники имѣютъ весьма сильное вліяніе въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ по отношенію къ торговлѣ. Они, какъ всѣ вообще сектанты, отличаются ригоризмомъ въ жизни, и честнымъ соблюденіемъ даннаго слова; потомъ, стѣсняемые съ разныхъ сторонъ, они составляютъ между собою плотную корпорацію; выручаютъ другъ друга изъ нужды и готовы помочь православнымъ особенно, если надѣются пробудить, или увидятъ уже наклонность къ переходу въ ихъ секту. Обезопасивая себя б. ч. посредствомъ денегъ, они понимаютъ цѣну имъ и умѣютъ наживать ихъ. При такихъ качествахъ въ торговыхъ классахъ вліяніе и значеніе ихъ огромно. Конечно раскольникъ не съ первой минуты своего знакомства съ православными начнетъ ругать духовныхъ лицъ, но сблизившись, непремѣнно заведетъ о томъ рѣчь, которая происходитъ отъ глубокаго убѣжденія и подъ вліяніемъ давно накопившагося негодованія бываетъ довольно сильною. М. б. не всякій православный поддастся внушеніямъ раскольника и отступитъ отъ православія, но рѣдкій не заразится неуваженіемъ и нелюбовію къ д-ву, и. ч. для этого, т. е-ть, почва давно приготовлена и удобрена.

М. б. посѣянныя на этой почвѣ сѣмена и не выросли бы, если бы само д-во, т. е-ть, не оплодотворяло ихъ. Жизнь

его издавна была далека отъ идеала. Въ XVI вѣкѣ, по словимъ Феодора дьякона «учители настоящаго вѣка — кони сатанины, ихъ же видѣ Св. Іоаннъ Богословъ. И каковы сами преступники отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ и въ причтъ поставляютъ не искусныхъ въ писаніи простяковъ, воровъ и пьяницъ и гнусное житіе отъ юности проходящихъ (No. 1 Времени 1862 г. стр. 79 и дат.)» Еще болѣе рѣзкій отзывъ дѣлаетъ авторъ статьи по поводу новыхъ изданій о расколѣ, изъ которой взятъ этотъ отрывокъ. «Тогдашнее д-во б. ч. погрузилось въ матеріальные интересы, не понимало стремленій — народныхъ, дѣйствовало формально, по внѣшности, не имѣя жизни и духа; на свою обязанность смотрѣло, какъ на оброчную статью; холодно, механически, небрежно относилось къ дѣлу вѣры и надъ внѣшностію религіи подъ пьяную руку не боялось кощунствовать предъ народомъ. Въ жизни большей части д-ва того времени главной стихіей была лѣнь, пьянство, скряжничество, ложныя показанія за нѣсколько копѣекъ, постоянныя, безобразныя ссоры причетниковъ между собою, ихъ судьбища и кляузы, презрѣніе народныхъ нуждъ, лесть предъ высшими, особенно чиновниками и помѣщиками?» Да вѣдь это было въ XVI вѣкѣ; къ чему толковать о томъ? Прежде всего мнѣ хочется нынѣшнее состояніе дѣлъ сблизить съ прошедшимъ и имъ объяснять. А потомъ, г. ч., прочитайте еще этотъ отрывокъ, представьте, что онъ говоритъ не о XVI вѣкѣ, а о нашемъ времени. Вѣдь развѣ самую малость нужно изъ него выпустить, чтобы вполнѣ приложить къ послѣднему; то, что было за 300 почти лѣтъ, какъ будто и теперь предъ нами происходитъ въ д-вѣ.

Впрочемъ, если приведенный отрывокъ кому либо покажется устарѣлымъ, то послушаемъ, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ описываетъ упадокъ нравственности и религіозности въ нашемъ д-вѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно рѣшаетъ вопросъ о томъ, почему народъ такъ не уважителенъ къ духовнымъ особамъ. «Отъ того д-во наше не уважается, что слишкомъ отрѣшено отъ общества, отъ того оно не уважается, что, получивши превратное воспитаніе, не вноситъ въ жизнь народную живаго участія духа а остается при однихъ мертвыхъ формахъ внѣшняго служенія, и тѣми пренебрегаетъ до кощунства. Отъ того д-во не уважается народомъ, что само оно представляетъ безпрерывные примѣры неуваженія къ вѣрѣ; отъ того оно не уважается народомъ, что служеніе Богу оно превратило въ доходное для себя ремесло. Можетъ ли народъ смотрѣтъ съ уваженіемъ на

д-во, когда то и дѣло слышитъ, какъ одинъ попъ, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ подъ-подушки деньги, какъ другаго вытащилъ народъ изъ непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго во время пасхальнаго богослуженія дьяконъ вытащилъ изъ царскихъ дверей? Можетъ ли народъ уважать поповъ, которые не выходятъ изъ кабака пищутъ кляузныя просьбы, дерутся крестами, бранятся скверными словами въ алтарѣ? (Нѣсколько страницъ можно написать такого рода примѣрами, означая мѣсто и время каждаго случая и не выходя притомъ изъ предѣловъ нижегородской губерніи.) Можетъ ли народъ уважать д-во, когда повсюду въ домахъ его видитъ святокупство, небрежность къ служенію, безчинія при совершеніи таинственныхъ обрядовъ? Можетъ ли народъ уважать д-во, когда видитъ, что правда совсѣмъ исчезла въ немъ и потворство к-рій, руководимыхъ не регламентами, а кумовствомъ и взятками истребляетъ въ немъ и послѣдніе остатки правды. Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками въ исповѣдныя росписи и метрическія книги, оброки, собираемые священниками съ раскольниковъ, превращеніе алтарей въ оброчныя статьи, отдачу за поповскими дочерьми въ приданое церквей божіихъ и пр., то вопросъ о томъ, можетъ ли народъ уважать наше д-во, рѣшится самъ собою.» Такъ смѣло и рельефно выставить на видъ нравственные и религіозныя недостатки цѣлаго сословія, считающагося неприкосновеннымъ, можетъ только министръ, а простому смертному не позволятъ такъ говорить.

Часть третья.

О разныхъ причинахъ неуваженія особенно образованныхъ классовъ и литературы къ д-ву.

Факты, сообщенные въ предъидущемъ отрывкѣ, изъ отчота г. министра и сами по себѣ пробудятъ и поддержатъ неуваженіе и нелюбовь къ д-ву не въ однихъ низшихъ, или среднихъ сословіяхъ, но и въ высшемъ, аристократическомъ, въ образованномъ обществѣ и также въ литературѣ. Образованные люди не менѣе, если не болѣе, нежели малообразованные, грешатся тѣми поступками, въ которыхъ выражается циническое пренебрежніе обязанностей своего званія, лицемѣрное исполненіе богослужебныхъ дѣйствій,

переходящее иногда *подъ пьяную руку въ кощунство* и пр. Но у образованнаго класса и литературы есть свои особые, т. с-ть, *счоты* съ д-вомъ, особенныя причины питать къ нему неуваженіе и даже враждебныя чувства. Выше уже было объяснено, какъ образованіе, получаемое семинаристами въ умственномъ, нравственномъ и соціальномъ отношеніяхъ, находится въ разладѣ съ понятіями, господствующими у образованныхъ людей. Семинаріи прививаютъ къ своимъ воспитанникамъ особый взглядъ на міръ, на жизнь, на свѣтское общество, пріучаютъ къ особому роду мышленія, къ особому слогу, къ особымъ внѣшнимъ пріемамъ; все это многимъ образованнымъ свѣтскимъ людямъ к-ся то дикимъ, то нелѣпымъ, то страшнымъ. Конечно, ненавидѣть за это не слѣдуетъ, но надобно сказать, что трудно полюбить и уважать человѣка, который на вашъ взглядъ к-ся отсталымъ, фанатикомъ, неловкимъ, смѣшнымъ; и если подобный человѣкъ какъ нибудь обнаружитъ на васъ какія либо претензіи, то, пожалуй, и вовсе его не полюбите. А къ этому бываютъ поводы. Извѣстно, что изъ духовныхъ воспитанниковъ множество поступаетъ въ гражданскую службу и, правду сказать, не всегда освободившись отъ того умственнаго и нравственнаго настроенія, которое получили въ школѣ. Пока они въ званіи подчиненнаго, надъ ними только посмѣиваются, но сдѣлавшись начальниками и дѣйствуя нѣсколько посеминарски, они уже становятся тяжолыми, невыносимыми для подчиненныхъ. Въ прошедшее царствованіе служилъ одинъ академистъ-магистръ начальникомъ отдѣленія и директоромъ департамента, былъ самымъ дѣловымъ и неутомимымъ чиновникомъ, но своимъ грубымъ обхожденіемъ приводилъ въ отчаяніе даже тѣхъ, которые принадлежали по происхожденію къ одному съ нимъ сословію. Чѣмъ же онъ и ему подобные должны казаться для лицъ изъ другихъ, особенно образованныхъ сословій? Но вина сваливается не на лицо, а на сословіе, ругаютъ тутъ и семинаріи, и академіи, и д-во и заканчиваютъ все *кутьей*. Несправедливо такъ дѣйствовать, но часто такъ дѣйствуютъ и говорятъ. Но возьмемъ духовныхъ воспитанниковъ, которые на гражданской службѣ пріобрѣли умѣнье обходиться вѣжливо. Многіе изъ нихъ, привыкши къ труду, скоро нравятся начальникамъ, повышаются иногда быстрѣе своихъ сослуживцевъ. У насъ сословные предразсудки, сословное разъединеніе еще сильны. Выходецъ, или, какъ древніе римляне говаривали, *homo novus*, не нравится тѣмъ, которымъ всѣ гражданскія значительныя должности желательно бы удержать за своимъ

сословіемъ. Р-ся, противъ такихъ выходцевъ поднимутся и зависть, и ненависть и пр. Сперанскій былъ, по сознанію своихъ враговъ, вѣжливѣйшій человѣкъ и, к-ся, уже усерденъ къ службѣ, а все-таки пришлось ему выѣхать изъ Петербурга съ полицейскимъ чиновникомъ и прожить въ изгнаніи нѣсколько лѣтъ. А сословная зависть и ненависть къ лицамъ изъ духовнаго званія, занявшимъ даже по достоинству болѣе или менѣе видныя должности, опять переносится на все духовное сословіе.

Не всѣ причины, по которымъ образованное общество не расположено къ д-ву, прилагаются въ равной степени къ литературѣ. Напр. послѣдняя не будетъ слишкомъ взыскательною, если семинаристъ не развязенъ въ обращеніи, не умѣетъ ловко раскланяться, не мастеръ высказывать комплименты; равнымъ образомъ ей нѣтъ большаго дѣла и до служебныхъ отношеній выходцевъ — семинаристовъ; будь только они умны, честны и благородны. Но къ несчасію умственное настроеніе, о которомъ такъ заботливо хлопочетъ духовно-училищное начальство, давно уже въ разладѣ съ литературою; ей давно уже не нравятся ни семинарскія воззрѣнія, ни семинарскія задачки, ни семинарскій слогъ, ни презрѣніе, которое теологи имѣютъ сами и внушаютъ другимъ къ свѣтской наукѣ. Да правду сказать, странно возлагать на литераторовъ обязанность любить тѣ училища, гдѣ всякій почти свѣтскій журналъ запрещается читать, гдѣ сочиненія даже лучшихъ свѣтскихъ литераторовъ подвергаются неумолимому остроцизму, гдѣ за *Пушкина грозятъ пушкою* и пр. Нерасположеніе къ семинаріямъ, р-ся, переносится и на все вообще д-во, состоящее изъ воспитанниковъ ихъ. Тутъ много значатъ тѣ семинаристы и академисты, которые, оставивъ духовное званіе, поступили въ гражданскую службу и особенно стали принимать участіе въ литературѣ. Держась семинарскаго воззрѣнія, они не понравятся и будутъ, т. с-ть, служить подручнымъ доказательствомъ неудовлетворительности семинарскаго образованія. Но они б. ч. и сами имѣютъ къ нему отвращеніе, оставляютъ духовное званіе почти всегда послѣ жестокой борьбы съ идеями, господствующими въ д-вѣ и его училищахъ, и выносятъ съ собою большой запасъ анекдотовъ, въ которыхъ выражается узкій и даже непріязненный взглядъ семинарскихъ духовныхъ начальствъ на жизнь, на людей, на міръ, на образованность. Р-ся, объ этомъ не молчатъ не только на словахъ въ разговорѣ съ знакомыми, но и въ литературныхъ статьяхъ. Энергическіе ратуютъ противъ тѣхъ порядковъ вслѣдствіе которыхъ они,

не смотря на свои умственныя и нравственныя достоинства, или даже изъ желанія поддержать эти достоинства, оставили духовное званіе. Эти-то люди часто съ замѣчательными способностями, съ непереломимою энергіею, испытавши умственный и дисциплинарный гнетъ въ семинаріяхъ, расплачиваются за нихъ на просторѣ щедрою рукою. Они-то знакомятъ и литературу и свѣтское общество съ закулисными подробностями жизни семинарій и д-ва.

Но вотъ еще одно обстоятельство, которое сильно вооружаетъ литературу противъ д-ва. Для литераторовъ естественно желать, если не полной, то уже не очень стѣсненной свободы отъ цензурныхъ тисковъ, по к. м. въ статьяхъ, относящихся къ сочиненіямъ ученымъ и произведеніямъ изящной литературы; недостатокъ такой свободы отнимаетъ у нихъ, т. е-ть, насущный хлѣбъ. И потому они не могутъ же любить тѣхъ людей и тѣ идеи, въ которыхъ постоянно встрѣчаютъ неумолимое, тупое и постоянное препятствіе къ свободному выраженію мыслей объ ученыхъ и литературныхъ предметахъ. Но почему-то утвердилось мнѣніе, что д-во принадлежитъ къ самымъ суровымъ противникамъ хоть какой либо свободы книгопечатанія. Мнѣніе это подтверждается и частными примѣрами. По существующимъ постановленіямъ и цѣлыя сочиненія, и даже небольшіе отрывки изъ нихъ, относящіеся къ богословію и д-ву, нужно представить на разсмотрѣніе комитетовъ духовной цензуры. А еще во 2мъ отдѣлѣ я доказалъ, сколько мытарствъ, проволочекъ и разныхъ другихъ непріятностей приходится испытывать авторамъ въ этихъ случаяхъ. И свѣтская цензура, конечно, не очень благопріятствуетъ полной свободѣ книгопечатанія, но она зорко слѣдитъ больше всего за политикою; на ученыя же, научныя изслѣдованія часто смотритъ очень снисходительно, тогда какъ духовная преимущественно преслѣдуетъ научныя идеи. Неудовольствіе, которое отъ такихъ преслѣдованій раждается въ литературѣ, легко оправдывается во имя дорогихъ для человѣчества интересовъ, во имя науки, ума, прогресса. Къ врагамъ просвѣщенія, къ противникамъ прогресса, къ стѣснителямъ ума пробудить ненависть въ образованномъ человѣкѣ дѣло нетрудное.

Но есть еще обстоятельство, которымъ враги д-ва имѣютъ полное право оправдывать свое неуваженіе къ нему. Извѣстно, что наши епархіальные начальники еще пользуются большимъ значеніемъ не только въ народныхъ массахъ, но и въ среднихъ и высшихъ классахъ, конечно съ исключеніями. Еслибы они были внимательны, привѣтливы

и дружелюбны къ нашимъ пастырямъ, если бы поступали съ ними не какъ съ *рабами неключимыми*, а какъ съ своими сотрудниками, съ своими сослужителями предъ престоломъ Всевышняго, какъ съ возлюбленною о Христѣ братіею, то и паствѣ могли бы внушить уваженіе къ своимъ подчиненнымъ, по к. м. не подавали бы ей повода оправдывать свое неуваженіе къ нимъ.

Примѣръ владыки, который дружелюбно бесѣдуетъ съ священниками, а къ заслуженнымъ изъ нихъ относится даже съ почотомъ, подѣйствовалъ бы на помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и особенно крестьянъ. Но въ нѣсколькихъ изъ предъидущихъ отдѣловъ я уже объяснилъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся всѣ св-и-ц-сл-ли къ архіереямъ. Позвольте только кое-что напомнить. Вотъ напр. мірянинъ заглянулъ въ архіерейскій домъ, когда тамъ собираются духовныя лица. Тутъ онъ видитъ, какъ они въ грязной, нетопленной передней, или въ сѣняхъ на лѣстницѣ, даже подъ открытымъ воздухомъ на дворѣ стоятъ, прислонившись къ стѣнѣ, или присѣвши на полъ, на окно, на приступокъ лѣстницы, на какой либо столбикъ; стульевъ, даже скамейки для нихъ не полагается. Тутъ онъ видитъ, какъ архіерейская сволочь грубо поталкиваетъ даже священниковъ, или не думаетъ быть вѣжливою предъ ними; съ какимъ подобострастіемъ и униженіемъ многія духовныя еще заискиваютъ милость этой подлой сволочи четвертаками, цѣлковыми, или, за недостаткомъ ихъ, поклонами. Но вотъ является дворянинъ, чиновникъ, купецъ, даже богатый извѣстный домохозяину крестьянинъ; ихъ примутъ тотчасъ въ залу, побесѣдуютъ съ ними часъ и болѣе, тогда какъ ихъ отецъ духовный стоитъ тамъ въ подачѣ, или въ сѣняхъ, уже часа два, да еще, м. б. простоитъ столько же. Но вотъ дошла очередь и до д-ва; дается аудіенція или всѣмъ, или каждому порознь. Любопытные міряне и тутъ увидятъ, какъ ихъ пастырей угощаютъ не очень почотными привѣтствіями, встрѣчаютъ неласково, выслушиваютъ неблагосклонно, какъ духовныя лица, подавляемыя гордостію начальства своего, застращенныя, униженныя, еще болѣе унижаются своею лестію, прислужничествомъ, поклонами. Мірянинъ можетъ также увидать, какъ, конечно не вездѣ, а по мѣстамъ, не дьячка, а даже священника осуждали, м. б. и за вину на чорную работу, заставляли чистить дорожки, мести дворъ, возить щебень, землю и пр.; и какъ тоже вовсе безъ вины хоть не вездѣ, но и не въ одномъ мѣстѣ, причетники, вѣроятно, уже изъ милости, по нѣскольку

мѣсяцовъ въ архіерейскомъ дому, прежде своего посвященія въ стихарь, отправляютъ должность дворниковъ, истопниковъ, носятъ воду, колютъ дрова, собираютъ навозъ въ кучи и пр. Все это дѣлается извѣстнымъ не только тѣмъ, которые сами видятъ, но и тѣмъ, которые отъ нихъ услышатъ. Впрочемъ, чтобы міряне, не имѣющіе возможности заглядывать въ архіерейскіе дома и видѣть, въ какомъ почотѣ находится тамъ д-во, чтобы они не усомнились въ дѣйствительности разсказовъ, для этого, вѣроятно, между прочимъ учреждены архіерейскіе объѣзды по епархіямъ. Тутъ уже міряне не въ одиночку, а цѣлымъ городомъ, цѣлымъ приходомъ, цѣлымъ міромъ могутъ подслушать, какъ ихъ батюшекъ, на подобіе ребятишекъ, экзаменуютъ въ знаніи катехизиса, а иногда въ умѣньѣ пѣть и даже читать, какъ въ ожиданіи этого экзамена д-во цѣлаго уѣзда, или цѣлаго благочинія въ городѣ близъ квартиры владыки, на дворѣ ея, по улицѣ, — а въ деревнѣ по двору помѣщичьяго дома, въ передней, безъ шапокъ похаживаетъ, а иногда почитываетъ, т. е. зазубриваетъ катехизисъ; какъ тутъ частенько при помѣщикѣ, при лакеяхъ валомъ повалятся и священники, и дьяконы, и весь причтъ церковный при выходѣ къ нимъ важной особы, а она обойдется съ ними, какъ съ лакеями, разбранитъ, настращаетъ; какъ для умилостивленія разгнѣванной особы кто нибудь одинъ, или всѣ міромъ-соборомъ еще повалятся въ ноги, станутъ на колѣни и пр. и пр. Какъ угодно, г. ч., когда міряне узнаютъ о всѣхъ подробностяхъ обращенія епархіальныхъ властей съ д-омъ, развѣ станутъ уважать его? Развѣ не поведутъ между собою такой рѣчи; «если такъ честитъ поповъ нашихъ самъ владыка, то вѣрно они не стоютъ уваженія вѣдь онъ ужь лучше нашего ихъ знаетъ.» Эта-то причина, по моему мнѣнію, даже одна можетъ внушить паствѣ неуваженіе и презрѣніе къ своимъ пастырямъ, если бы даже не было и другихъ къ тому побужденій. Присоедините сюда ненависть и злобу раскольниковъ, недовольство прихожанъ отъ поборовъ, нравственные и умственные недостатки самаго д-ва, презрѣніе къ нему образованнаго класса, неблагопріятные отзывы литературы о немъ, тогда еще подивитесь не тому, что оно б. ч. не уважается, а тому, что еще встрѣчаемъ примѣры заслуженнаго и искренняго уваженія къ отдѣльнымъ лицамъ изъ него. Тогда невольно еще подумаешь: «пѣтъ, вѣроятно, много еще есть въ д-вѣ людей, которые, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, на устарѣлое и безполезное ихъ школьное образованіе, на печаль-

ную обстановку ихъ жизни, на административный гнетъ, который надъ ними тяготѣетъ, на униженіе, которому подвергаетъ его само начальство, — не смотря на все это, есть люди съ высокими нравственными качествами съ свѣтлымъ умомъ, съ благородною душою, которые внушаютъ и поддерживаютъ уваженіе къ себѣ и не даютъ еще цѣлому сословію своему подпасть окончательному презрѣнію.» — Да, дѣйствительно есть еще такіе люди.

Часть четвертая.

О вредномъ вліяніи общаго неуваженія къ д-ву на религіозность народа и прочихъ сословій.

Число такихъ людей достаточно ли для поддержанія религіозности во всемъ русскомъ народѣ. Не уменьшится ли оно со временемъ, не потеряетъ ли совершенно русскій народъ того уваженія, которое онъ еще имѣетъ къ нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ? Не нужно ли серьезно подумать о средствахъ поставить д-во въ такое положеніе, чтобы народъ уважалъ и любилъ его. Если бы русскій народъ дѣйствительно былъ и надолго остался вѣрнымъ православію, то можно бы еще смотрѣть сквозь пальцы на теперешнія его отношенія къ д-ву. Но точно ли русскій народъ непоколебимо преданъ православію? Не способенъ ли и онъ уклониться отъ него и даже вообще отъ религіозности, даже не поуклонился ли уже? Въ недавнее еще время положительно отвѣчать на этотъ вопросъ невозможно было. Вслухъ, если не по убѣжденію, то по заданному тону громко говорили, что русскіе всѣхъ сословій непоколебимы въ православіи, отличаются и набожностію, и благочестіемъ, и усердіемъ къ храмамъ божіимъ и пр.; все это было никѣмъ не опровергаемою истиною; но нынѣ противъ этой истины появилось много сомнѣній и даже опроверженій. На словахъ Бѣлинскаго въ письмѣ къ Гоголю, что «русскій народъ по натурѣ глубоко — атеистическій, что въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности, что мистическая экзальтація далеко не въ его натурѣ, — на этихъ словахъ въ настоящемъ случаѣ опираться не слѣдуетъ тѣмъ болѣе, что съ ними нельзя даже согласиться. Мистической экзальтаціи

въ русскомъ народѣ конечно маловато, но и къ атеизму онъ не имѣетъ склонности. Я нашолъ лучшимъ сослаться на свидѣтельства священника и Об. Пр-ра синода. «Что есть зло, пишетъ о. Беллюстинъ въ No. 12 Дня 1864 г., развѣ этого слѣпой можетъ не видѣть. Анормальныя отношенія въ нѣкоторой части высшихъ слоевъ общества къ православію, цѣлое поколѣніе во имя науки постановленное чуть не во враждебное отношеніе къ нему, быстро развивающаяся безнравственность въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества, какъ неотклонимый результатъ непониманія, или превратнаго пониманія духа вѣры, — кто хоть сколько нибудь знакомый съ жизнью скажетъ, что этого нѣтъ? Скажутъ развѣ тѣ господа съ сожженною совѣстію, которые находятъ выгоднымъ для себя ублажать нѣкоторыя стороны существующаго зла, которые, надрываясь въ проклятіяхъ напр. наукѣ (понимая или не понимая, все равно, — что наука, какъ и все въ дѣлахъ человѣческихъ, источникъ добра и зла, что и православіе для фонарѣтовъ — средство для несовсѣмъ чистыхъ цѣлей) бьютъ лишь на то, чтобы потѣшить этимъ огрубѣвшее и самодовольное невѣжество и за это фиглярство имѣть средства существованія, — которые самозванно, взявъ на себя защиту православія, лишь безнаказанно гаэрствуютъ подъ этимъ покровомъ и внутренно хохочутъ надъ легковѣріемъ общества, — что эти господа для правильнаго развитія общественной жизни? говорить, к-ся, нѣтъ нужды. Никакой нигилизмъ (слушайте, слушайте г. г. присяжные защитники *status quo* д-ва) не можетъ быть до такой степени гибельнымъ, какъ ихъ ложь подъ покровомъ православія! Нигилизмъ никогда не привьется къ нашему обществу, п. ч. онъ совершенно противоположенъ нашему духу; но ихъ ложь подъ покровомъ, предъ чѣмъ все благоговѣетъ, что не успѣло испортиться, — это такая отрава, противъ которой едвали найдется антидотъ.» Отчоты Об. Пр-ра конечно не такъ рѣшительны, какъ этотъ отрывокъ. Въ одномъ изъ нихъ (за 1847 г.) пишется (стр. 96): «древнія преданія церкви, древнее пѣніе, крестные ходы, чудотворныя иконы, святыя обители и нетлѣнныя мощи іерарховъ, мучениковъ, пустынножителей и благовѣрныхъ князей ... проповѣдуютъ сердцамъ русскимъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ; сюда именно *нѣтъ доступа никакимъ тщетнымъ лжеучителямъ;* здѣсь источники той живой вѣры, которую тщетно желали бы возбудить увлекаемые человѣческими мудрованіями; здѣсь народъ и сердцемъ и думою внемлетъ несущемуся изъ глубокой древности завѣту предковъ: благо-

говѣть предъ уставами православія.» Съ 1847 г. древнія преданія, древнее пѣніе, крестные ходы, чудотворныя иконы, святыя обители съ нетлѣнными мощами не упразднились. А поэтому надобно было бы полагать, что въ русскія сердца по прежнему нѣтъ доступа иноземнымъ лжеучителямъ. Но отчотъ за 1857 г. уже сознается (стр. 124), что вѣковое вліяніе запада, хотя и упредившаго насъ въ человѣческихъ знаніяхъ и изобрѣтеніяхъ (но будто бы), давно утратившаго чистоту догмата и отчасти самую вѣру въ божественное откровеніе, — сіе вліяніе (уже) коснулось русскаго народа, (только) по благости божіей не поколебало его въ завѣтныхъ чувствахъ приверженности къ вѣрѣ отцовъ. Однако же оно, по словамъ отчота, проникаетъ въ сословія, принимающія европейское образованіе и вмѣстѣ съ плодами истинно изящныхъ наукъ распространяетъ противный вѣрѣ образъ мыслей и равнодушіе къ ея догматамъ; но и тамъ, гдѣ иноземное вліяніе не чуждо христіанскихъ убѣжденій, оно угрожаетъ неопытныхъ увлечь въ невѣріе, сдѣлать ихъ жертвами латинской пропаганды, или протестантскихъ мнѣній. Чѣмъ болѣе отечество наше сближается съ западными странами, тѣмъ упомянутыя опасности неизбѣжнѣе, особенно для воспріимчиваго юношества, довѣрчиваго ко всему, что приходитъ отъ Европы, почитаемой средоточіемъ всемірнаго образованія, но тѣмъ сильнѣе ожесточается въ тоже время внутри отечества расколъ, который въ соблазнъ православному народу хвалится своею мнимою вѣрностью старинѣ.» Тутъ уже западъ распространяетъ противный вѣрѣ образъ мыслей и равнодушіе къ ея догматамъ, грозитъ опасность отъ католичества и протестантства и даже ожесточающійся расколъ соблазняетъ православныхъ. Но отчотъ за 1861 г. даже неожиданно откровененъ; онъ уже говоритъ (стр. 43) «въ поколѣніи высшихъ и среднихъ общественныхъ круговъ, по согласному свидѣтельству многихъ епархіальныхъ начальниковъ, замѣчается не только охлажденіе къ вѣрѣ, но даже *рѣшительное противленіе* ея внушеніямъ. Отъ нихъ невѣріе и вольномысліе разнообразными путями проникаетъ въ села, деревни и небольшіе города, которые чрезъ то подвергаются крайней нравственной опасности и требуютъ немедленной защиты отъ искушенія ложной образованности.»

Прочитавши три эти отрывка изъ отчотовъ Об. Пр-ра и положивши, что каждый изъ нихъ вѣрно описывалъ религіозное состояніе народа за тотъ, или другой годъ, не только удивишься быстрой перемѣнѣ, происшедшей въ 15 лѣтъ, но и сочтешь ее какимъ-то чудомъ въ своемъ

родѣ. Вѣдь въ 1847 г. не было еще въ нашемъ народѣ доступа иноземнымъ лжученіямъ; вѣдь онъ тогда *и сердцемъ и душою внималъ несущемуся изъ глубокой древности завѣту предковъ: благоговѣть предъ уставами православія.* Но въ 1857 г. вліяніе запада уже коснулось насъ, появился противный вѣрѣ образъ мыслей, наклонность къ католичеству и протестанству, а расколъ даже ожесточился. А въ 1861 г. распространилось охлажденіе къ вѣрѣ, рѣшительное противленіе ея внушеніямъ, невѣріе и вольномысліе и уже не въ высшемъ только и другихъ кругахъ, но проникло въ села, деревни, грозитъ страшною опасностью нравственности. О расколѣ слѣдовало бы еще прибавить, что онъ приверженцевъ своихъ насчитываетъ до 10 милліоновъ, почти половина его уже имѣетъ свою іерархію митрополита, епископовъ, множество священниковъ своихъ и уже не боится и не терпитъ гоненій. И все это сдѣлалось въ 15 лѣтъ. Какъ не задуматься надъ этимъ? Въ самомъ дѣлѣ перемѣстимъ между собою отрывки изъ отчотовъ 1847 и 1861 годовъ и немножко измѣнимъ ихъ. Положимъ напр., что въ 1847 г. по причинѣ развившихся невѣрія, вольномыслія, сопротивленія вѣрѣ сочтено было за нужное принять рѣшительныя мѣры къ огражденію религіи отъ нихъ. Что, если бы въ 1861 г. не было уже *доступа къ намъ никакимъ иноземнымъ лжученіямъ* и народъ благоговѣлъ предъ уставами православія? Не заговорилиль бы тогда противники запада: «вѣдь это истинное чудо! въ 15 лѣтъ все невѣріе, и вольномысліе, и противленіе вѣрѣ, и наклонность къ католицизму и протестанству — *все какъ не бывало.*» Какъ же теперь не назвать чудомъ въ своемъ только родѣ и той перемѣны въ религіозномъ настроеніи русскаго общества, которая по отчотамъ Об. Пр-ра произошла съ 1847 по 1861 годъ?

Но чуда ни въ истинномъ смыслѣ слова, ни въ своемъ родѣ не было; дѣла шли естественнымъ порядкомъ. Только въ 1847 г. составители отчота не хотѣли, или не могли сказать настоящую правду или не знали ее. И въ 1847 г. и даже гораздо ранѣе, хорошенько присмотрѣвшись и прислушавшись, они бы увидѣли броженіе въ умахъ, охлажденіе къ вѣрѣ вверху и внизу, распространеніе либеральныхъ идей въ образованномъ классѣ, и расколъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ; еще тогда, даже и ранѣе можно было бы *бить тревогу.* Въ самомъ дѣлѣ давно уже пропаганда католическая находила сочувствіе у насъ въ аристократическихъ семействахъ: Свѣчина, Гагаринъ, Голицынъ, Печоринъ, Джунковскій и пр. и пр. еще до 1847 г. перешли

въ католицизмъ. Вѣрованія протестантовъ, особенно позволяемая ими свобода критически относиться къ догматамъ, давно уже нравились ученому и образованному классу и даже проникли въ самыя духовно-учебныя заведенія. Индифферентизмомъ въ религіи многіе давно уже страдали, или отличались; еще большее количество всю свою религію ограничивало исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ, или безжизненнымъ, м. б. только лицемѣрнымъ признаніемъ догматовъ православія. Самый матеріализмъ ученый, сознательный, догматическій тоже имѣлъ своихъ поклонниковъ; о матеріализмѣ въ жизни нечего и говорить; въ этомъ смыслѣ матеріалистовъ давнымъ давно было множество. Наконецъ расколъ и въ 1847 г. охватилъ уже своими сѣтями все русское царство. Словомъ все, чего такъ испугался отчотъ въ 1861 г., было и въ 1847 г., иное, м. б., въ зородышѣ, но многое въ цвѣтущемъ состояніи, во всей почти крѣпости силъ; только этого не видали, не хотѣли видѣть, а главное помалчивали объ этомъ и не принимали раціональныхъ мѣръ противъ распространявшагося зла. Но помогли ли предпринимавшіяся палліативныя, или черезъ чуръ крутыя мѣры? Остановила ли игра въ молчанку распространеніе вольномыслія, невѣрія, раскольническихъ заблужденій? Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ приведенный выше отрывокъ изъ отчота Об. Пр-ра за 1861 г.

Чтоже теперь дѣлать тѣмъ лицамъ, которыя принимаютъ, или должны принимать живое участіе въ судьбахъ религіи вообще и православія въ частности. *Играть въ молчанку* теперь уже не возможно. Расколъ *сталъ* на ноги и заявляетъ свое существованіе депутаціями къ правительству. Матеріализмъ поддерживается и распространяется многими статьями и переводными сочиненіями, весьма умно написанными. О католическихъ и протестантскихъ идеяхъ нечего и говорить. Неужели послѣ всего этого надобно держаться французской пословицы *laissez aller*, которую я хочу выразить въ вольномъ переводѣ: *пусть будетъ, что будетъ, а что будетъ, то Богъ дастъ*. Держаться этой пословицы въ настоящемъ случаѣ не только смѣшно, а даже грѣшно. дѣйствовать съ энергіею, но раціональнымъ образомъ, — не репрессивными мѣрами, а развитіемъ убѣжденій. О всѣхъ благоразумныхъ мѣрахъ для этого здѣсь говорить не мѣсто: я останавливаюсь на томъ, что составляетъ содержаніе этого отдѣла, т. е. на неуваженіи и нерасположеніи всѣхъ сословій къ д-ву; то и другое имѣетъ слишкомъ вредное и сильное вліяніе на ослабленіе религіозныхъ вѣрованій въ народѣ, и

потому серьезно нужно подумать о томъ, какимъ бы образомъ поставить д-во въ такое положеніе, чтобы оно пріобрѣло уваженіе и любовь народа, сдѣлалось бы руководителемъ и наставникомъ его. Но для этого рѣшительно не годятся ни репрессивныя мѣры относительно пастырей и паствы, ни административныя распоряженія въ родѣ проповѣди о томъ, не стыдно ли, что мы *соль земли и свѣтильники міру*, сами осолились и погасли. Нужно устранить всѣ тѣ причины, которыя довели и доводятъ д-во до того печальнаго состоянія, въ которомъ оно подвергается неуваженію и нелюбви народа. Тутъ прежде всего нужно архипастырямъ показать паствѣ примѣръ уваженія, которое должна имѣть она къ своимъ пастырямъ. Высокіе сановники не унизятъ ни себя, ни православія, если перестанутъ видѣть въ духовныхъ лицахъ — только почти рабовъ своихъ и поклонниковъ, а не сослужителей, не сопресвитеровъ, какъ выразился Кипріанъ Карѳагенскій. Пусть покажутъ примѣръ! Затѣмъ нужно поставить духовныя лица въ такое положеніе, чтобы имъ не было, т. с-ть, нужды унижать свое званіе тѣми поступками, которыми они пятнаютъ себя нынѣ и значительная часть которыхъ такъ рельефно выставлена наружу въ помѣщенномъ выше отрывкѣ отчота Министра Внутреннихъ Дѣлъ и въ показаніяхъ раскольниковъ. Многіе м. б. изъ наличнаго теперь д-ва не исправятся вполнѣ отъ этого; дѣлать нечего; зло, распространявшееся въ теченіе многихъ десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, не прекращается мгновенно. Но зато всячески нужно постараться о томъ, чтобы будущіе наши пастыри надлежащимъ образомъ были приготовлены къ своему званію. Для этого духовно-училищному начальству нужно оставить теперешнюю систему воспитанія семинаристовъ: времена бурсы и схоластицизма миновались; нужно не насильственно навязывать догматическія вѣрованія, не іезуитски пріучать къ внѣшнимъ религіознымъ дѣйствіямъ, а надобно развивать раціональнымъ путемъ религіозныя и нравственныя убѣжденія; и едвали не самое главное дѣло, нужно будущее д-во сдѣлать образованнымъ въ обще принятомъ смыслѣ слова, какъ выражается новый уставъ семинарій. Здѣсь къ концу отдѣла кстати привести слова двухъ писателей, изъ которыхъ одинъ описывалъ недостатки духовнаго воспитанія, а другой защищалъ д-во, якобы отъ невѣжественныхъ и возмутительно-злобныхъ нападеній. «Поставьте, говорится (въ 2 т. 406 стр. о у. д. у.) духовнымъ лицамъ, своею образованностью не односторонпею, поставьте себя въ такое поло-

женіе, чтобы мы, прихожане, васъ уважали, чтобы вашими посѣщеніями дорожили, и вы увидите, какъ отъ этого выиграетъ дѣло религіи. *Образованіе, р-ся, вмѣстѣ съ нравственностью*, или пожалуй, *нравственность вмѣстѣ съ образованіемъ, вотъ вамъ ваши архимедовъ рычагъ.*» А г. Предтеченскій въ своей апологіи (стр. 30) высказываетъ какъ будто нарочно доказательства на эту мысль. «Въ какой бы формѣ не проявлялось пренебреженіе къ д-ву, говоритъ онъ въ формѣ ли обиднаго сожалѣнія, или въ холодномъ пренебреженіи ко всѣмъ произведеніямъ духовной литературы, или въ намѣренномъ искаженіи всѣхъ дѣлъ д-ва, или по меньшей мѣрѣ въ пораженіи ихъ, ихъ свѣтскою литературою молчаніемъ, источникъ его между прочимъ скрывается въ убѣжденіи свѣтскаго образованнаго сословія, что д-во мало знаетъ, что оно мало цивилизовано, что оно неспособно въ слѣдствіе недостатка своего образованія идти на ряду съ вѣкомъ.» *Итакъ надобно же поставить хоть будущее д-во наряду съ вѣкомъ!*

Отдѣлъ 47ой.

О женскихъ духовныхъ училищахъ.

Въ послѣднее время такъ много писали о духовныхъ женскихъ училищахъ, такъ усердно ихъ заводятъ повсѣмъ епархіямъ, потомъ учредители ихъ такъ тщеславятся, а между д-вомъ такъ мало лицъ, восхищающихся ими, что я нашолъ нужнымъ поговорить о нихъ въ особомъ отдѣлѣ.

Часть первая.

О томъ, на какія деньги устроиваются и содержатся женскія духовныя училища.

Духовныя женскія училища, или, по оффиціальному ихъ названію, *училища для дѣвицъ духовнаго званія* раздѣляются на два рода. Одни устроиваются и содержатся на счотъ духовно-учебныхъ капиталовъ, или на суммы, пожертвованныя богатыми благотворителями. Токовы напр. училища въ царскомъ Селѣ, Казани, Иркутскѣ, Ярославлѣ, Вильнѣ и пр. Первое открыто было въ 1843 г. по указу Государя Императора отъ 18 августа; на него положено было отпускать ежегодно 10,169 р. На основаніе Иркутскаго училища пожертвованъ капиталъ въ 44,000 р. Кузнецовымъ, а — Казанскаго 100,000 р. Графинею Орловою, но недостающія суммы заимствуются изъ духовно-училищныхъ капиталовъ. Эти и другія женскія духовныя училища, получающія пособіе отъ правительства, состоятъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы; начальницами имѣютъ образованныхъ дамъ изъ свѣтскаго круга и вмѣстѣ съ тѣмъ зависятъ отъ духовно-учебнаго управленія и синода. Онѣ для д-ва тѣхъ епархій, гдѣ существуютъ, не отяготительны, по к. м. въ финансовомъ отношеніи.

Другія напротивъ училища устроены и поддерживаются только на счотъ епархіальныхъ средствъ, которыя измѣняются въ мелкихъ частностяхъ по мѣстнымъ условіямъ, характеру епартіальныхъ властей и пр. Эти училища состоятъ уже въ полной зависимости отъ епархіальной власти; ими-то я преимущественно стану заниматься въ этомъ отдѣлѣ. Начну съ того, какъ они основываются и поддерживаются.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ почти вездѣ епархіальный архіерей. Обыкновенно онъ самъ жертвуетъ болѣе, или менѣе значительную сумму и предлагаетъ мѣстнымъ богатымъ жителямъ тоже дѣлать. Чтобы порасшевелить филантропическія чувства маленькимъ тщеславіемъ, — жертвователи иногда получаютъ право называться *благодѣтельями*, *благотворителями* училища, и сверхъ того ихъ портретами должны украшаться стѣны училищной залы, если они внесутъ первоначально не менѣе напр. 1000 рубл. Не смотря на столь заманчивыя обѣщанія, обыкновенно немного

находится охотниковъ на вѣчную память о себѣ; осматривая одно училище, я нашолъ не болѣе пяти портретовъ благодѣтелей. Да кстати сказать, благодарному училищу не мѣшало бы быть нѣсколько повѣжливѣе къ своимъ благотворителямъ; а то портреты ихъ до такой степени потускнѣли и почернѣли отъ копоти и пыли, что сами благодѣтели едва ли бы теперь себя узнали.

Собранная т. о. сумма бываетъ слишкомъ недостаточна даже для первоначальнаго устройства и обзаведенія училища, а м. т. надобно въ тоже время подумать о томъ, какъ бы обезпечить существованіе его на будущее время посредствомъ капитала и ежегодныхъ доходовъ. Прежде всего, р-ея, обращаются *къ возлюбленной о Христѣ братіи.* Въ этомъ случаѣ благочиннымъ внушается употребить всевозможныя усилія, чтобы пожертвованія были самыя щедрыя; не скупятся на обѣщанія благоволеній, благословеній, благодарностей, признательностей со внесеніемъ ихъ въ послужной списокъ и даже положительныхъ наградъ, какъ отцамъ благочиннымъ за ихъ успѣшныя дѣйствія, такъ и прочимъ духовнымъ лицамъ за большія пожертвованія. По мѣстамъ сумма не менѣе 100 руб. позволяла жертвователю разсчитывать на полученіе набедренника. Мнѣ извѣстно нѣсколько священниковъ, удостоенныхъ этой награды: одинъ изъ нихъ внесъ 100 руб., а другой нашолъ лучшимъ взять сборную книжку, поѣхалъ въ Москву и, тамъ собравши нѣсколько сотъ рублей, представилъ ихъ, какъ доказательство своего усердія.

Наконецъ училище устроивается, не истраченная часть изъ собранныхъ денегъ входитъ въ составъ неприкосновеннаго капитала. Но откуда же брать деньги на ежегодное содержаніе училища, въ которомъ съ самаго начала рѣдко бываетъ менѣе 30, а иногда помѣщается 50—60, и въ послѣдствіи доходитъ даже до 100 воспитанницъ; изъ нихъ только малая часть вноситъ плату за себя, а прочія, какъ сироты, получаютъ даровое содержаніе. Опять поручается о. благочиннымъ, чтобы они въ концѣ года, или полугодія предлагали каждому духовному лицу дѣлать болѣе, или менѣе посильное приношеніе на училище.

Но этимъ способомъ, при всемъ усердіи о. благочинныхъ, не могутъ прикрываться ежегодные расходы училища, а м. т. надобно еще спѣшить составленіемъ капитала. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ духовное начальство оказывается очень находчивымъ и по финансовой части. Догадливыя особы знаютъ, что въ гражданской и военной

службахъ всякій, кому дается чинъ, или орденъ, вноситъ въ государственное казначейство закономъ опредѣленную плату. Почему же не подражать этому обыкновенію? Письменнаго, оффиціальнаго распоряженія конечно дѣлать нельзя, но зато такъ все устроивается и ведется, что всякое духовное лицо, получивъ набедренникъ, скуфью, камилавку, какой либо орденъ и пр., дѣлаетъ пожертвованіе въ пользу училища. Съ этою цѣлію каждый награжденный вызывается въ губернскій городъ; награду на него возлагаютъ во время богослуженія съ произнесеніемъ и пѣніемъ слова: *аксіосъ*; затѣмъ ему выдается свидѣтельство въ томъ, что онъ дѣйствительно получилъ награду и тутъ-то, а иногда и прежде *аксіоса* ему предлагаютъ сдѣлать пожертвованіе. Отказываться невозможно; вѣдь всякому хочется получить еще другую награду, по к. м. не хочется заслужить негодованіе епархіальнаго начальника. Вотъ почему эти и имъ подобныя издержки можно назвать *невольно добровольными*, *или добровольно-невольными* расходами. Пожертвованія, р-ся, бываютъ разнообразны. Но одинъ священникъ, пожертвовавшій при полученіи камилавки только пять рубл., возбудилъ сильнѣйшее негодованіе въ епархіальномъ начальникѣ на себя за такую скупость. Усердные и услужливые люди вносятъ десятками рублей даже за скуфью.

Въ одной епархіи туже систему употребили при раздачѣ крестовъ, которыми украсили всѣхъ священниковъ, по случаю окончанія крымской войны. Подобные кресты не новость; ихъ выдавали всѣмъ духовнымъ лицамъ, начиная съ священника до митрополита по окончаніи отечественной войны 1812 года. Только въ то время раздача крестовъ происходила очень просто; они отсылались благочиннымъ, которыми и передавались тѣмъ, кто имѣлъ право возлагать ихъ на себя. Но въ одной епархіи выдача крестовъ за крымскую войну происходила болѣе сложнымъ и торжественнымъ порядкомъ. Всякій священникъ получалъ чрезъ благочиннаго извѣстіе, что онъ долженъ явиться въ губернскій городъ за крестомъ; иной долженъ былъ проѣхать 100, даже 200 верстъ. Здѣсь онъ представлялся одному *страшному* господину, который, поздравивъ его съ наградою, предлагалъ ему книгу для записи *невольно-добровольнаго* взноса на училище; по окончаніи этой церемоніи, награжденный являлся уже къ другой особѣ, которая и возлагала на него крестъ, р-ся, послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, такъ обычныхъ между духовными лицами. Наконецъ награжденный вновь возвращался къ *страшному* господину, который давалъ ему свидѣтель-

ство о наградѣ и посылалъ въ сосѣднюю комнату къ другому господину для написанія номера на свидѣтельствѣ. Р-ся, нельзя было не пожертвовать чего либо обонмъ этимъ господамъ за ихъ хлопоты; только это пожертвованіе не записывалось въ книгу.

Оффиціальныя пожертвованія на училище за кресты были различны. Выше было уже сказано, какъ духовныя лица любятъ украшать себя отличіями. Сельское д-во тѣмъ болѣе дорожитъ ими, что оно слишкомъ рѣдко ихъ удостоивается. Въ мѣстности, о которой идетъ рѣчь, сначала получено очень небольшое количество крестовъ, поэтому ихъ выдали только замѣчательнѣйшимъ лицамъ. Потомъ случайно, или намѣренно новые кресты опять появлялись только десятками. Послѣ этого понятно, сколько было желающихъ получить крестъ прежде своихъ собратій и какъ были благодарны тѣ, которыхъ желанія исполнялись. Вотъ почему сначала пожертвованія были очень значительны, доходили до 15—20 руб., затѣмъ, мало по малу, понижались, но не были ниже трехъ рублей. К-ся ясно, что всѣ такія пожертвованія, сдѣланныя священниками одной изъ многолюдныхъ губерній, должны простираться до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Даже *страшный* господинъ, выдававшій свидѣтельства и другой господинъ, выставлявшій на нихъ нумеръ исходящей, получили первый поболѣе, а второй поменѣе 1000 рублей.

Если пожертвованія требуются при полученіи даже такихъ наградъ, какъ набедренники и кресты за крымскую войну, то безъ нихъ нельзя обойтись въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо опредѣляется на св-н-ц-сл-ское мѣсто, или переводится на другое по своему желанію и разсчоту. Въ этомъ случаѣ, также какъ при покорнѣйшихъ прошеніяхъ о пристроеніи сыновей и дочерей (1 ч. 16 отд.) поступаютъ двоякимъ образомъ. Или являются къ тому лицу, которое, пользуясь особымъ довѣріемъ преосвященнаго, получаетъ привилегію собирать всѣ приношенія и пожертвованія; объясняютъ ей свою нужду и изъявляютъ готовность пожертвовать столько-то рублей на училище; несмѣлые и недогадливые просятъ назначить ту сумму, которую нужно внести. Здѣсь не всегда скоро дѣло оканчивается; бываютъ торги, даже и переторжки; свиданія прекращаются и возобновляются. Когда же установится согласіе между обѣими сторонами, то просящій отсчитываетъ надлежащую сумму довѣренной особѣ, которая кромѣ того требуетъ и себѣ что нибудь за труды и хлопоты. Тутъ скупиться никакъ не слѣдуетъ; иначе или сумма не дойдетъ по назначенію, или

во время своего путешествія уменьшится, или покорнѣйшая просьба не обстоятельно будетъ изложена. Впрочемъ для соблюденія приличія, или, какъ говорятъ, *для видимости* бываетъ у принимателя книга, въ которую вписываются пожертвованія; только не всегда извѣстно, контролируется ли она кѣмъ либо по к. м. никогда не принадлежитъ къ актовымъ книгамъ. — Въ другихъ мѣстахъ дѣло ведется прямѣе. Проситель является къ *Самому*, предпосылаетъ, смотря по собственному соображенію и существующему порядку, словесно или письменно свою покорнѣйшую просьбу и свое пожертвованіе на училище. Иногда и молча подается прошеніе съ приношеніемъ потребнаго количества кредитныхъ билетовъ. Бываютъ даже при этомъ довольно конфузные случаи. Одинъ, неопытный по части подачи подобныхъ прошеній, подалъ неловко листъ; *Самъ* принявшій его, тоже не догадался взять поосторожнѣе, отчего кредитные билеты полетѣли на полъ. Это что такое? спросилъ *Самъ*. Пожертвованіе на училище, поторопился отвѣтить проситель. — А! такъ собери и подай мнѣ, отвѣчалъ *Самъ*.

Какимъ бы образомъ ни были представлены и особенно приняты пожертвованія, — просьба просителя будетъ исполнена, но не всегда въ опредѣленный срокъ. Если проситель указываетъ прямо, чѣмъ слѣдуетъ его поощрить за пожертвованіе и если нѣтъ какихъ либо особыхъ препятствій, то дѣло улаживается. Если же проситель не имѣетъ въ виду никакого мѣста, къ которому желалъ бы, пристроить себя, *или единаго, или единую отъ своихъ присныхъ*, то ему обѣщаютъ исполнить прособу въ непродолжительномъ времени, и просьба непремѣнно исполняется; тутъ надобно *поддерживать кредитъ*, иначе появившееся отънеудачъ недовѣріе *подорветъ операцію*. Суммы пожертвованій не могутъ быть одинаковы, а приспособляются къ тому, о причетническомъ ли, дьяконскомъ ли, или священническомъ мѣстѣ идетъ рѣчь, въ богатомъ ли, или бѣдномъ селѣ оно находится, есть ли за просителя слабое, или сильное ходатайство, — всѣ взвѣшивается, все принимается въ расчотъ. Вотъ почему иногда за причетническое мѣсто придется пожертвовать не 50, а 150—200 руб., а иногда за священническое только 200 руб. Одинъ священникъ за переведеніе себя въ другое село на мѣсто тестя внесъ 150 руб., но при этомъ должно знать, что его мѣсто предоставлено было за дочерью священника, пожертвовавшаго 300 руб. Другой священникъ, сдавшій мѣсто сыну, отсчиталъ 500 руб., изъ которыхъ 100 руб. отдалъ впрочемъ низшему принимателю. Впрочемъ большая часть жертвователей не бываетъ въ

убыткѣ. Если напр. батюшка выхлопочетъ мѣстечко *своей возлюбленной дщери*, то къ нему обыкновенно присылается будущій его зять съ обязательствомъ непремѣнно породниться съ нимъ; тогда тесть, р-ся, сдѣлаетъ вычетъ изъ приданаго, которое слѣдовало бы дать за дочерью: даже извѣстно, что въ этомъ случаѣ для тестя обходится свадьба дешевле, нежели когда бы ему пришлось отдать дочь за жениха, пріѣхавшаго къ нему по своей волѣ. А если пристроенъ къ мѣсту сынъ, то онъ при женитьбѣ не только возвратитъ всѣ отцовскія протори и убытки, но еще у себя оставитъ кое-что про черной день. Повѣрьте, проигрыша не будетъ: духовные люди, хоть и плохо знаютъ математику и политическую экономію, но тутъ умѣютъ разсчитывать.

Но иногда училища для дѣвицъ духовнаго званія въ епархіи нѣтъ, а желающихъ пристроить себя, своихъ дѣтей и пр. и за исполненіе своихъ желаній готовыхъ на всякое пожертвованіе — вездѣ много. Тутъ часто играли роль попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; надобно и ихъ не забывать; впрочемъ нынѣ какъ-то рѣдко ими прикрываются. Они такъ давно существуютъ, не очень расширили свою дѣятельность, по этому потеряли кредитъ. Въ настоящее время въ ходу пожертвованія на имѣющія быть училища для дѣвицъ д-ва. Въ концѣ 1864 и началѣ 1865 въ одной изъ степныхъ епархій происходило очень занимательное событіе, сюда относящееся. Старику-священнику надобно было сдать мѣсто своему сыну, кончившему курсъ семинаріи и имѣвшему право быть преемникомъ отца. Только сыну понравилась невѣста въ сосѣдней епархіи. Имѣющій право раздавать духовныя мѣста, велѣлъ сыну искать себѣ невѣсту-сироту, тотъ отказался и представилъ на это очень убѣдительныя доказательство. Ему приказано жениться на дѣвицѣ изъ своей епархіи, но молодцу не хотѣлось измѣнить своей невѣстѣ. Начались проволочки, *отказывать-не отказывали*, но и *не приказывали*. Наконецъ отецъ и сынъ какъ-то догадались, въ чемъ состоитъ *самая суть*, сказали довѣренному лицу, что они готовы пожертвовать 300 руб. на будущее женское духовное училище; довѣренное лицо назначило 500 руб. Избрано было среднее число 400 руб., и то послѣ того, какъ просители сказали, что они станутъ жаловаться синоду, что тогда не дадутъ и 300 руб., а въ синодѣ дѣйствительно была у нихъ небольшая поддержка. Тогда *Самъ* пригласилъ сына-просителя, объяснилъ ему, въ какомъ смыслѣ онъ долженъ подать новое прошеніе; сынъ написалъ

прошеніе, внесъ пожертвованіе безъ письменнаго документа, женился на своей невѣстѣ изъ другой епархіи и теперь священствуетъ.

Часть вторая.

О внутреннихъ порядкахъ женскихъ духовныхъ училищъ.

Отъ финансовой перехожу къ прочимъ частямъ устроеныхъ и содержимыхъ на епархіальныя средства женскихъ духовныхъ училищъ. Разсматривая администрацію, учителей, методу преподаванія и пр. въ этихъ училищахъ, замѣчаешь въ нихъ большое сходство съ духовно-учебными заведеніями, конечно не съ академіями, даже не столько съ семинаріями, сколько съ низшими училищами.

1) Подобну тому, какъ всѣ духовно-учебныя заведенія для мальчиковъ находятся подъ непосредственнымъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, — и училища для дѣвицъ духовнаго званія, содержимыя на епархіальныя средства, состоятъ въ полной зависимости отъ архіерея, даже болѣе, нежели семинаріи и академіи. Въ послѣднихъ начальники опредѣляются и увольняются синодомъ; правленія могутъ не соглашаться съ архіерейскими мнѣніями и предложеніями, имѣютъ опору въ духовно-учебномъ управленіи, Об. Пр-рѣ и синодѣ, а семинаріи кромѣ того въ академическихъ правленіяхъ. Но въ женскихъ училищахъ епархіальный архіерей есть полновластный, можно сказать, ничѣмъ не ограниченный распорядитель; увольняетъ самъ собою начальствующихъ и учащихъ; — приходъ и расходъ суммъ, административныя, учебныя и экономическія распоряженія, отчотливость, — все зависитъ или отъ него самого, или отъ тѣхъ, кому онъ довѣритъ. М. б. поэтому епархіальные архіереи болѣе расположены къ женскимъ, нежели къ мужескимъ семинаріямъ. Въ послѣднихъ они бываютъ б. ч. разъ въ годъ на экзаменахъ, или еще служатъ въ храмовой семинарскій праздникъ, а въ женскія-рѣдкій архіерей не заглянетъ по нѣскольку разъ въ годъ. Тамъ владыки всегда какъ-то суровы, недоступны, взыскательны, а здѣсь ласковы, обходительны, даже присылаютъ гостинцы въ праздничные дни, или деньги на покупку конфектъ и пр.

2) Мужескія духовно-учебныя заведенія управляются б. ч. духовными лицами и даже м-щими, а семинарскія и академическія правленія часто состоятъ только изъ однихъ монаховъ. Тоже замѣчаемъ и въ женскихъ духовныхъ училищахъ. Въ комитетахъ, или правленіяхъ, которыя ими завѣдываютъ, кромѣ духовныхъ особъ, никто не засѣдаетъ, развѣ только экономская должность кое-гдѣ поручается фрачнику. Какъ бы въ вознагражденіе за этотъ маленькій либерализмъ въ тѣхъ же комитетахъ встрѣтите и архимандритовъ и іеромонаховъ даже. Затѣмъ ближайшій, домашній надзоръ за воспитанницами вѣряется, р-ся женщинамъ и притомъ почти всегда изъ духовнаго званія. Начальницею, т. е-ть, директрисою бываетъ б. ч. вдовая попадья, а между ея помощницама можно встрѣчать дьяконицъ и даже причетницъ-вдовъ.

3) Въ мужскихъ семинаріяхъ и училищахъ преподаватели почти всѣ принадлежатъ къ духовному званію по происхожденію, воспитанію, отчасти и по сану. Въ женскихъ училищахъ это правило соблюдается еще строже; въ иномъ изъ нихъ между наставниками никого почти не увидишь, кромѣ священниковъ и дьяконовъ. На это есть впрочемъ особая причина. Женскія семинаріи подражаютъ мужескимъ и въ томъ отношеніи, что даютъ преподавателямъ очень скудное жалованье, даже часто приглашаютъ ихъ учить безмездно. Р-ся, труды надобно чѣмъ нибудь вознаградить. Фрачникъ-наставникъ, сколько ни служи, ничего не получитъ, кромѣ благословенія; до ордена ему тутъ никакъ не дослужиться. Священники же преподаватели будутъ скоро получать, одно за другимъ, набедренникъ, скуфью, камилавку и пр. Какъ же теперь не поучить безмездно изъ-за отличій, до которыхъ, оставшись только священникомъ при какой либо церкви, не скоро дойдешь?

4) Въ женскія духовныя училища также, какъ и въ мужескія, принимаются только дѣти св-и-ц-сл-лей.

5) Главное назначеніе мужескихъ духовныхъ училищъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовить людей, которымъ можно было бы предоставлять должности св-и-ц-сл-лей. Нельзя отъ этого отставать и женскимъ училищамъ. Покойный графъ Пратасовъ, говоря о Царскосельскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія, въ отчотѣ за 1843 г. (стр. 61) выразился слѣдующими словами: «первою заботою училищному начальству поставлено укоренять въ воспитанницахъ чистое православное ученіе, благонравіе, любовь къ порядку и готовность ихъ къ состоянію супругъ и матерей преимущественно въ про-

стомъ сельскомъ быту духовнаго званія.» А потомъ онъ въ отчотѣ за 1849 (стр. 44) пишетъ, что изъ 18 воспитанницъ, кончившихъ курсъ въ Царскосельскомъ училищѣ, — 15-выданы были (не болѣе, какъ чрезъ полгода) за священниковъ. Епархіальные же архіереи, устроивъ училища на мѣстныя средства, держатся, к. в. с-но (1 ч. 16 отд.), этой же цѣли самымъ строгимъ, даже неумолимымъ образомъ, заставляя воспитанниковъ семинарій, поступающихъ въ духовное званіе, но неволѣ жениться на дѣвицахъ-семинаристкахъ. Т. о. женскія духовныя училища спеціальнѣе мужескихъ; изъ послѣднихъ, по разнымъ обстоятельствамъ, множество воспитанниковъ поступаетъ въ другія сословія, тогда какъ изъ первыхъ всѣ отдаются въ замужество за духовныхъ лицъ.

6) Женскія духовныя училища, имѣя начальниковъ, распорядителей, наставниковъ и воспитанницъ изъ д-ва, приготовляя послѣднихъ къ духовному также званію, естественно должны были устроить и учебную часть по образцу мужескихъ духовныхъ училищъ. Только программа преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ неоднообразна, какъ въ семинаріяхъ. Покойный графъ Пратасовъ въ отчотѣ за 1843 г. (стр. 61) выражается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «въ учебный курсъ (Царскосельскаго училища) включены только тѣ предметы, знаніе коихъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей: законъ божій, церковное пѣніе, русская грамматика, отечественныя исторія и географія и въ краткомъ видѣ всеобщая, ариѳметика, чистописаніе.» Епархіальные архіереи дѣлаютъ разныя прибавленія къ царскосельской программѣ по собственному усмотрѣнію. Такъ напр. одному архіерею представилось, что расколъ въ его епархіи весьма ослабѣетъ, какъ скоро жены священниковъ изучатъ его. И вотъ отдается приказъ ввести въ женское училище ученіе о расколѣ, или, какъ его семинаристы мужескіе называютъ, *расколистику*; добываются тетрадки изъ семинарій, списываются дѣвочками, заучиваются страницы о поповщинѣ и безпоповщинѣ, о треперстномъ сложеніи, о хожденіи по солону, т. е. по солнцу и пр. Къ счастію пріѣхалъ на епархію новый архіерей и не могъ даже удержаться отъ гомерическаго смѣха, узнавши, что дѣвочекъ обучаютъ расколистикѣ, и велѣлъ тотчасъ же прекратить ея преподаваніе. — Но по части учебной особенно отличалась Вятка. Въ пятомъ классѣ тамошняго духовнаго училища преподаются слѣдующіе предметы: 1) церковное пѣніе по партеснымъ нотамъ, 2) рисованіе и церковная живопись, 3) русская словесность и историческое изученіе

литературы преимущественно духовной съ практическими упражненіями въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія (проповѣдяхъ?!?!...) 4) Физика и химія съ опытами. 5) Ученіе вѣры и нравственности по катихизису. 6) Изложеніе обязанностей пастыря церкви и церковно-гражданскихъ законовъ; 7) о праздникахъ церковныхъ и постахъ; 8) краткая гигіена и свѣдѣнія о питательныхъ веществахъ и о степени ихъ питательности, о распознаваніи ихъ добротности, о сбереженіи ихъ, о наилучшемъ способѣ приготовленія разныхъ видовъ пищи здоровой; 9) патологія и терапія; 10) краткая опытная психологія и логика; 11) краткая фармакологія и уходъ за больными; 12) краткія свѣдѣнія изъ астрономіи и геологіи; 13) огородничество и садоводство (№. 99 Моск. Вѣд. 1865 г.) Т. о. въ одномъ только классѣ преподаются предметы, относящіеся къ факультетамъ: богословскому, филологическому, физикоматематическому, медицинскому и агрономическому; что же теперь — въ прочихъ остальныхъ классахъ?

7) Мущины-семинаристы, сдѣлавшись начальниками и наставниками женскихъ училищъ, перенесли туда учебники, методу преподаванія и способы изученія ихъ. При этомъ перенесеніи нѣкоторыя руководства остались безъ всякаго измѣненія. Но мы уже знаемъ, что рукописные и печатные учебники духовныхъ семинарій и низшихъ училищъ, особенно катихизисы, написаны тяжелымъ и непонятнымъ слогомъ не только для дѣтей, но и для взрослыхъ людей. Съ другой стороны учителя въ женскихъ духовныхъ училищахъ за немногими исключеніями, по привычкѣ, пріобрѣтенной въ семинаріи, по сознанію, что они или получаютъ ничтожное жалованье, или учатъ даже безмездно, — не очень много заботятся о разъясненіи уроковъ. Если и для будущихъ пастырей лекціи частенько ограничиваются словами: *отсель и досель* и еще прослушиваніемъ заданныхъ уроковъ и какими либо при этомъ случаѣ вопросами, — то къ чему же отступить отъ этой методы при обученіи будущихъ женъ священниковъ, дьяконовъ и пр.; вѣдь каждому изъ послѣднихъ все-таки нужно быть болѣе умнымъ и свѣдущимъ, нежели его супругѣ. А по этимъ обстоятельствамъ воспитанницамъ остается подражать своимъ братцамъ при изученіи уроковъ. Возьми книжку, сядь съ нею въ уголокъ, учи, учи, за пониманьемъ не гонись, вызубри, выдолби и дѣло съ концомъ. Непріятное производятъ впечатлѣніе экзамены въ женскихъ духовныхъ училищахъ. Выходятъ дѣвочки къ экзаменаторскому столу; глаза многихъ изъ нихъ искрятся и умомъ, и чувствомъ, и живостію; дѣвочки становятся въ

оффиціальную семинарскую позу, начинаютъ своими нѣжными голосами читать скороговоркою отвѣты изъ катихизиса, географіи, ариѳметики. Ну уже зубрила-семинаристъ — дѣло привычное, а тутъ, право, жалко смотрѣть на будущую мать, что и ее пріучили къ зубренію. Вообще надобно сказать, что въ женскихъ духовныхъ училищахъ заботятся не о развитіи умственныхъ способностей, не о пріученіи воспитанницъ къ правильному мышленію и хорошему изложенію мыслей, не о сообщеніи свѣдѣній, которыя или были бы ей полезны къ жизни, или доставили возможность сдѣлаться образованною дамою. Нѣтъ, ихъ также, какъ и ихъ братцевъ и будущихъ супруговъ пріучаютъ буквально учить и заучивать, да получше прочитать предъ главнымъ экзаменаторомъ; а послѣ позволяется совершенно забыть все. Впрочемъ женская натура беретъ верхъ надъ мужескою; между воспитанницами духовныхъ училищъ почти трудно встрѣтить настоящихъ, закоренѣлыхъ зубрилъ и читакъ-семинаристовъ. Особенно, если исторію преподавали имъ устно и не приказывали держаться учебника буквально, то многія отвѣчаютъ изъ нее очень хорошо.

8) Доброе начальство, сблизивъ по учебной части женскія духовныя училища съ семинаріями, старалось по мѣстамъ м. б. и не намѣренно ознакомить воспитанницъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ пріятностей, которыми такъ обильна жизнь бурсаковъ. Послѣднимъ очень часто приходится учиться въ неотопленномъ классѣ, выходить изъ столовой съ желудкомъ пустымъ, или наполненнымъ непитательною и неудобоваримою пищею, быть одѣтымъ въ чорное бѣлье и лохмотья, жить въ грязныхъ, душныхъ комнатахъ и, извините г. ч., непремѣнно пострадать отъ той накожной болѣзни, которую семинаристы называютъ *бисеромъ, жемчугомъ* (Scabies) и пр. Къ чести добраго начальства духовныхъ женскихъ училищъ надобно сказать, что оно не держитъ въ зимнее время воспитанницъ въ совершенно неотопленныхъ комнатахъ, м. б. и п. ч. дѣвочки сидятъ обыкновенно въ однихъ платьицахъ, тогда какъ бурсаки и въ классахъ и въ комнатахъ надѣваютъ не только суконные сертуки, но и пальто наватѣ и тулупы, да еще могутъ погрѣться, *побившись на кулачки;* эти господа отогрѣютъ себя; ну, а ихъ сестрицамъ въ однихъ платьицахъ можно, пожалуй, отморозить и носъ, и уши, и вовсе замерзнуть. На счотъ же пищи безпристрастіе требуетъ сказать, что тамъ, гдѣ сами преосвященные зорко слѣдятъ за экономическою частію, и часто, — неожиданно посѣщаютъ училища, тамъ воспитанницы б. ч. бываютъ сыты,

хотя не безъ исключеній. Но гдѣ владыки бываютъ въ училищномъ домѣ только во время экзаменовъ и гдѣ внутренній распорядокъ поручаютъ комитету, или правленію, тамъ, за немногими тоже исключеніями, дѣвушки знакомятся съ голодомъ. Да и резонно; вѣдь онѣ должны быть женами бурсаковъ; что же будетъ за пара, изъ которой одинъ пріученъ въ школѣ къ посту и голоду, а другая жила въ довольствѣ? По части одежды въ женскихъ училищахъ большой роскоши не замѣчается. Конечно у нихъ нельзя увидать разорванныя платья, и. ч. каждая изъ нихъ, будучи знакома съ иголкою, тотчасъ зачинитъ ихъ. Но зато для гардероба и бѣлья нѣтъ надобности строить много шкафовъ и комодовъ. Въ одномъ женскомъ училищѣ каждой воспитанницѣ ежегодно даже до 1865 года выдавалась только одна сорочка. «Какъ такъ? съ недовѣрчивостію вы спросите. Неужели же дѣвушки носили бѣлье круглый годъ безъ перемѣны? Неужели, когда нужно было вымыть единственную сорочку, онѣ...?» О! нѣтъ, такъ недумайте. Комитетъ очень хорошо зналъ, что каждую дѣвочку, какъ бы она ни была бѣдна, изъ дома привезутъ въ сорочкѣ, которая останется на ней и въ училищѣ. Вотъ уже и есть возможность одну сорочку мыть, а другую носить. Чрезъ годъ обѣ онѣ конечно поизносятся, но дѣвочки должны умѣть и иголкою и ниткою сдѣлать ихъ удобными къ носкѣ, а кромѣ того тутъ выдается еще новая сорочка и т. д. Да, вѣрьте, не вѣрьте, а дѣйствительно выдавали по одной сорочкѣ. Потомъ въ томъ же училищѣ верхняго платья, которымъ можно было бы прикрыться при выходѣ на чистый воздухъ, шилось едва ли не вчетверо менѣе противъ числа воспитанницъ. Отъ этого, когда имъ нужно было итти напр. въ Церковь, которой въ училищѣ не было, то ихъ отправляли, т. е-ть, партіями. Первая партія, пришедшая въ церковь, скидала верхнее платье, которое собиралось и возвращалось въ училище для второй партіи и т. д. Наконецъ бывали случаи, что у дѣвочекъ не бывало крѣпкихъ башмаковъ.

9) Грязи въ женскихъ духовныхъ училищахъ много не можетъ быть, и. ч. воспитанницамъ почти никуда не позволяется выходить, развѣ только въ сухое время онѣ погуляютъ по саду. Но помѣщеніе бываетъ по мѣстамъ также тѣсно, какъ и въ бурсахъ; отъ этого воздухъ послѣ того, какъ вставлены зимнія рамы, дѣлается очень спертымъ и не очень благорастворенымъ. Такъ какъ дѣвушки при двухъ сорочкахъ не могутъ часто мѣнять бѣлье, — въ холодное время почти безвыходно сидятъ въ комнатахъ, принуждены

дышать не слишкомъ здоровымъ воздухомъ, — то у нихъ, еще извините г. ч., не на пальцахъ ручныхъ, а между пальцами видѣнъ бываетъ тотъ бисеръ и жемчугъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Еще хуже, иногда появляются и повальныя болѣзни, такъ напр.: въ осень 1862 г. было больныхъ горячкою около половины воспитанницъ одного училища. Но и безъ повальной болѣзни, безъ бисера или съ бисеромъ здоровье ихъ частенько разстроивается; къ счастію лѣта и жизнь въ домахъ родныхъ во время каникулъ и особенно молодость спасаютъ отъ совершеннаго разстройства.

Вы, г. ч., м. б. невѣрите; что же дѣлать? Вы, вѣроятно, знаете женскія училища, гдѣ воспитанницы содержатся иначе, нежели какъ я описалъ. Слава Богу! я очень радъ этому, да и знаю, что такія училища есть; но есть и такія, къ которымъ идетъ мое описаніе, какъ это увидите сейчасъ изъ моего разсказа. Въ то время, какъ я случайно сидѣлъ у начальницы одного женскаго духовнаго училища, — ей доложили, что пріѣхалъ самъ преосвященный. Увидѣвши меня, онъ спросилъ: понравилось ли вамъ мое училище? Я отвѣчалъ, что почти нисколько его не видалъ, и. ч. пришелъ прямо въ комнаты начальницы. Тогда преосвященный очень милостиво предложилъ мнѣ съ нимъ пойти въ столовую, гдѣ воспитанницы сейчасъ должны были обѣдать. Вошли, остановились въ концѣ одного стала, за которымъ сидѣло до 20 дѣвочекъ и тѣмъ самымъ нарушили порядокъ, существовавшій въ училищѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, обыкновенно сидѣла надзирательница, которая должна была разливать щи, или супъ на тарелки воспитанницамъ. При насъ дѣвочки сами занялись этимъ дѣломъ. Миска со щами мнѣ съ перваго раза показалась небольшою для 20 воспитанницъ; а дѣвочки м. т. наливали полныя тарелки, хотя на другихъ столахъ разливавшія надзирательницы, сколько я могъ видѣть, не очень были щедры. Тамъ достало щей на всѣхъ, а у нашего стола миска опустѣла, — пока успѣла налить себѣ щей только половина воспитанницъ. Налившія кушали, а прочія около десятка сидѣли, да кусочки хлѣба клали въ ротъ. Владыка, замѣтивъ это, съ неудовольствіемъ сказалъ: «подайте щей еще, развѣ не видите, что ихъ недостало?» Побѣжали за щами, потомъ принесли миску, но наполненную менѣе, нежели на половину, щей опять недостало; опять послали. Владыка сказалъ мнѣ: «что это мы стоимъ около одного стола? пойдемъ-те къ другому» Но новая бѣда. Дѣвочки тутъ начали уже кушать кашу. Смотря на ихъ руки, я увидѣлъ ту проказу у многихъ, которая такъ обык-

новенна въ семинаріяхъ и, признаюсь, не могъ не удивиться; глаза мои стали переходить отъ одной руки къ другой, отъ одного ряда къ другому. Владыка замѣтилъ мою рекогносцировку, немножко сконфузился, отозвалъ меня отъ стола, но въ тоже время далъ мнѣ возможность взглянуть на первый столъ, гдѣ всѣ уже ѣли кашу, только нѣсколькимъ дѣвочкамъ пришлось остаться безъ щей. Вѣдь, какъ хотите, г. ч., а изъ моего разсказа видно, что надобно бы готовить щей побольше, — наливать каждой воспитанницѣ не по полутарелкѣ, а столько, сколько требуетъ ея аппетитъ. Я уже не говорю о бисерѣ и жемчугѣ семинарскихъ.

10) Съ бурсаками не любятъ деликатно обращаться и для исправленія ихъ употребляютъ крѣпкія слова и энергическія мѣры. Сдѣлать женскія духовныя училища похожими на бурсу въ этомъ отношеніи очень трудно. Чтобы сложиться бурсацкой жизни такъ, какъ ее описываетъ покойный Помяловскій, нужны были не десятки, а сотни лѣтъ; нужна была мужеская натура, которая все выноситъ. Но женскія духовныя училища такъ еще недавно появились, притомъ близъ такого времени, когда изъ курса педагогіи стали исключать крѣпкія слова и энергическія мѣры; да и съ дѣвочками нельзя во всемъ поступать такъ, какъ съ мальчиками; по этимъ-то особеннымъ причинамъ изъ женскихъ училищъ не успѣли еще сдѣлать бурсы. Впрочемъ попытки на бурсацкое обращеніе появились и появляются. Нѣкоторые господа, или отцы учителя, привыкши безцеремонно дѣйствовать и говорить съ бурсаками, не могутъ отстать отъ этой привычки при обученіи дѣвочекъ. Особенно я слышалъ не очень хорошія извѣстія объ одномъ такомъ господинѣ или отцѣ. Вы уже знаете, что весь мужескій поповскій родъ насмѣшники называютъ *архіерейскими жеребчиками;* почтенный учитель и самъ, вѣроятно, слыхалъ, какъ мѣщанскіе ребятишки величали его этимъ прозвищемъ. И вотъ онъ своихъ ученицъ величаетъ тѣмъ же прозвищемъ, опуская имя прилагательное, а существительное измѣняя изъ мужескаго въ женскій родъ; о словахъ: дуры, уроды, болванки и пр. нечего и говорить; ихъ щедро можно раздавать. Впрочемъ надобно правду сказать, что такіе учителя рѣдко встрѣчаются. Зато недавно былъ самый главный начальникъ, который *въ пылу,* вовремя вспышекъ любилъ энергическія мѣры. Однажды онъ пріѣхалъ въ женское училище въ то время, какъ у дѣвочекъ было какое-то забавное событіе; онѣ предъ пріѣздомъ своего благодѣтеля и попечителя развеселились и помирали со смѣху. Вдругъ сдѣлалась тревога, дѣвочки встре-

пенулись; большая часть ихъ успѣла принять приличную казенную физіогномію; но одна все еще никакъ не могла отогнать отъ вселости и очень ясно усмѣхнулась. Грозный посѣтитель, увидѣвъ такое нарушеніе дисциплины, закричалъ: «это что такое? При мнѣ смѣяться? На кухню её, да влепить ей горячихъ, чтобы она знала, какъ себя вести прилично.» Дѣвушка уже была взрослою, невѣстою. Въ другой разъ тотъ же грозный попечитель увидалъ, что воспитанница лѣтъ тринадцати нарушила чѣмъ-то дисциплину. Тогда онъ не сдержалъ себя; рука расходилась и нѣсколько ударовъ чотками легли на плечи и спину нарушительницы порядка. Плечи и спина были прикрыты легкою пелериною, или платьемъ; чотки плотно прилегали. А что, г. ч.? Если бы женскія духовныя училища, содержимыя на епархіальныя средства, существовали хоть напр. съ 1801 г. и состояли подъ исключительнымъ попеченіемъ епархіальныхъ властей, то, к-ся, изъ воспитанницъ ихъ выходили бы порядочныя *бурсачихи*, — достойныя невѣсты бусаковъ. Къ счастію новыя времена, новые нравы остановятъ ризвитіе бурсачества. Да и повторяю, что примѣры подобные тѣмъ, которые сейчасъ описаны, рѣдко встрѣчаются. Слава Богу и за это!

Находя сходство между духовными мужесками и женскими училищами, я не сказалъ еще о существенномъ различіи ихъ между собою. Воспитанницы женскихъ училищъ обучаются шитью и вышиванью и разнымъ другимъ рукодѣльямъ, чему неучатъ семинаристовъ. Противъ этого вообще нельзя возражать. Но нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя странности, бросающіяся въ глаза. Выше уже было сказано, что, по словамъ покойнаго Графа Пратасова, въ учебный курсъ образцоваго женскаго училища включены только тѣ предметы, *знаніе коихъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей*, затѣмъ поставлено двоточіе и за нимъ перечисляются предметы, знаніе коихъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей. На первомъ мѣстѣ, р-ся, стоитъ законъ божій и церковное пѣніе, а къ концу присоединено *рисованіе узоровъ для шитья и разныя рукодѣлія* (отчотъ за 1843 г. стр. 61) мнѣ по к. м. въ первый разъ приходится читать, что рисованье узоровъ для шитья и разныя рукодѣлья необходимы для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей.

Другое обстоятельство, на которое хочу обратить вниманіе, состоитъ въ томъ, что, по тому же отчоту, воспитан-

ницы должны быть приготовляемы *къ состоянію супругъ и матерей преимущественно въ простомъ сельскомъ быту духовнаго званія.* Отъ этого женскія духовныя училища, содержимыя на епархіальныя средства, не отступаютъ, гдѣ дѣло касается такъ называемаго научнаго образованія; вышедшую изъ нихъ воспитанницу никакъ нельзя назвать уже очень ученою. Но въ разсужденіи шитья и вышиванья почему-то сдѣлано большое отступленіе. Въ простомъ сельскомъ быту духовныхъ лицъ хозяйкѣ дома надобно умѣть прясть, ткать, шить и, пожалуй, вышивать не очень сложные и вычурные узоры. М. т. въ женскихъ духовныхъ-училищахъ учатъ такимъ работамъ по этой части, что получаемыя произведенія годятся для самаго элегантнаго міра. Тутъ вы найдете богатые ковры, надъ которыми цѣлый пятокъ, или десятокъ воспитанницъ просидѣлъ мѣсяцевъ шесть и болѣе, шитыя шерстями картины, или жемчугомъ — подушки, которыя могутъ украсить самую бонтонную гостиную, носовые бѣлые платки съ самымъ изящнымъ шитьемъ по краямъ, — цѣною въ 5—10 рубл. за каждый и пр. Конечно во время экзаменовъ можно похвастаться этими работами предъ свѣтскими дамами, но, скажите Бога ради, неужели такія вещи нужны *въ простомъ сельскомъ быту духовнаго званія?* Неужели сельскому священнику и даже дьячку понадобятся подушки, унизанныя жемчугомъ, когда б. ч. въ комнатахъ ихъ нѣтъ и дивана? не ужели понадобятся носовые бѣлые платки въ 5—10 рубл., когда довольствуются платочкомъ въ 15—20 коп., — или ковры въ 10—15 рубл. за аршинъ, когда для обтиранія грязныхъ ногъ не всегда бываетъ подстилка! А, вѣроятно, нужно. И потомъ сколько на эти работы употребляется времени? сколько портится глазъ? сколько пропадаетъ здоровья? Извѣстно, что первая воспитанница перваго выпуска изъ царскосельскаго училища, которая досавила своему мужу законоучительство въ училищѣ, — умерла отъ чахотки, начавшейся во время ея ученья отъ изнурительныхъ работъ по части вышиванія, приготовлявшихся къ окончательному экзамену. И затѣмъ еще страннѣе то, что дѣйствительно нужнымъ въ сельскомъ быту рукодѣльямъ не всегда учатъ въ женскихъ училищахъ, напр. умѣнью прясть и ткать и пр.

Часть третья.

О неудовлетворительномъ воспитаніи въ женскихъ духовныхъ училищахъ, и о томъ, почему онѣ не нравятся всему почти д-ву.

Изъ предъидущихъ двухъ частей этого отдѣла можно замѣтить, что я не принадлежу къ особенно жаркимъ почитателямъ женскихъ духовныхъ-училищъ въ томъ преимущественно видѣ, въ какомъ они нынѣ существуютъ по епархіямъ и содержатся на епархіальныя средства. Позвольте мнѣ оправдаться въ такомъ неуваженіи.

1) Нынѣ всѣ уже согласны въ томъ, что можно быть очень свѣдущимъ и годнымъ человѣкомъ въ одномъ какомъ либо родѣ администраціи и м. т. вовсе неспособнымъ въ другомъ. Поэтому вся м-щая братія и особенно архипастыри не должны обижаться слѣдующимъ моимъ замѣчаніемъ. Они могутъ и должны быть образцами аскетической жизни, примѣрами для умерщвленія плоти, для нестяжательности, для отреченія отъ міра и его удовольствій; а архипастыри — управлять епархіями и *право-править слово истины;* все это-такъ, — это ихъ спеціальность. Къ какой же теперь стати монахи стали дѣлать себя главными начальниками женскихъ духовныхъ училищъ? Къ какой стати они засѣдаютъ въ тѣхъ комитетахъ, или правленіяхъ, которыя непосредственно завѣдываютъ дѣлами этихъ училищъ? По 112 правилу помоканона, какъ уже я говорилъ, монахъ имѣетъ право уйти изъ того монастыря, куда ходятъ женщины *(аще есть путь женамъ).* Какъ же теперь м-щія лица въ качествѣ начальниковъ будутъ входить въ женскія училища? Какъ угодно, а на это трудно найти извиненія.

2) Дурное состояніе духовно-учебныхъ заведеній весьма много между прочимъ зависитъ отъ того, что онѣ изолированы отъ всего прочаго грѣшнаго міра. Мало обновляемыя, рѣдко освѣжаемыя, они остаются, т. с-ть, въ той атмосферѣ, въ которую ихъ когда-то помѣстили; а извѣстно, что люди своими испареніями и дыханіемъ испортятъ хоть какой воздухъ, если его не очищать и не освѣжать вентиляціею. Посмотрите теперь и на женскія духовныя-училища, содержимыя на епархіальныя средства; онѣ, к-ся, всѣ заведенія закрытыя; и воспитанницы, и начальствующіе, и учащіе —

всѣ изъ духовго званія, готовятъ воспитанницъ не къ тому, чтобы онѣ были образованными вообще женщинами, а къ тому, чтобы быть имъ попадьями, дьяконицами и дьячихами; вотъ почему имъ и преподаются только тѣ предметы, *знаніе коихъ необходимо для благочестивой жизни* и то не во всякомъ положеніи, а только *въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей*. Припомните то, что выше говорено о сходствѣ между духовными мужескими и женскими училищами и тогда согласитесь со мною, что изъ послѣднихъ хотятъ сдѣлать тоже новаго рода семинаріи. Т. о. въ одной семьѣ могутъ соединяться двѣ *семинарщины* мужеская и женская. Которая изъ нихъ будетъ хуже, незнаю; к-ся впрочемъ пока надобно отдать предпочтеніе мужеской. Но если и при одной мужеской семинарщинѣ не очень счастливы бываютъ семейныя отношенія, то чего ожидать, когда столкнутся двѣ? Господа и отцы! Пока еще семинаріи не перестанутъ быть бурсами во всѣхъ отношеніяхъ, надобно стараться о томъ, чтобы жены семинаристовъ были образованы и притомъ не на манеръ семинарскій, а на обще-человѣческій? Такія жены съумѣютъ сгладить бурсацкія угловатости своихъ дражайшихъ супруговъ.

3) К-ся, нигдѣ еще не печатано, что нужно давать спеціальное образованіе дѣвушкамъ, сообразное съ тѣмъ сословіемъ, къ которому онѣ принадлежатъ, или будутъ въ замужествѣ принадлежать, и на этомъ основаніи завести особыя спеціальныя училища для будущихъ чиновницъ, офицершъ, купчихъ и пр. Въ настоящее же время подобныя мысли смѣшны и нелѣпы. Во этомъ случаѣ можно сослаться на очень важный авторитетъ. Августѣйшая покровительница женскихъ гимназій въ Россіи, руководясь своимъ умомъ и нѣжнымъ материнскимъ сердцемъ, указала, какъ надобно воспитывать дѣвицъ, чтобы онѣ были образованными женами лицъ всѣхъ сословій. Въ женскія гимназіи принимаются дочери всякого званія; тутъ мѣщанская дочь можетъ сидѣть между генеральскими — къ величайшему неудовольствію превосходительныхъ маменекъ; всѣмъ преподаютъ одинаковыя науки, кромѣ нѣкоторыхъ языковъ и искусствъ, за обученіе которымъ назначается особая плата. Т. о. по мысли августѣйшей покровительницы женскихъ гимназій, образованныя жены во всѣхъ сословіяхъ должны быть одинаково воспитаны, а не какъ спеціалистки какія либо на манеръ ихъ мужей-архитекторовъ, офицеровъ и пр. Почему этой превосходно-даровитой мысли не приложить и къ духовнымъ училищамъ. Не гораздо ли лучше, если жены духовныхъ лицъ будутъ обра-

зованы общечеловѣчески, по программѣ женскихъ гимназій, а не приготовляться только *къ состоянію супругъ и матерей въ простомъ сельскомъ быту духовнаго званія;* — еслибы учились всему тому, чему можетъ выучиться всякая мѣщанская дочь въ женской гимназіи, а не тѣмъ только предметамъ, *знаніе коихъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей.* А если уже должны по чему либо существовать отдѣльныя духовныя женскія училища, то надобно подчинить ихъ свѣтскимъ или духовнымъ, но только образованнымъ дамамъ, ввести въ нихъ всѣ науки женскихъ гимназій, освободить ихъ отъ семинарскаго регимента и монашеской протекціи. Повѣрьте, что монахи, священники, сельскія попадьи и пр. не могутъ быть хорошими воспитателями дѣвицъ, которыя должны быть образованными матерями и супругами. Священнику нужна не спеціалистка по части исправленія церковныхъ требъ, обращенія раскольниковъ въ православіе и пр., а умная образованная въ общечеловѣческомъ смыслѣ женщина. А если непзмѣнять теперешнихъ духовныхъ женскихъ училищъ, то лучше бы ихъ закрыть и большія суммы, на нихъ собираемыя, истрачивать на пособія бѣднымъ духовнаго званія. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ согласится огромное большинство сельскаго д-ва, только по другимъ причинамъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ.

Въ бѣломъ д-вѣ женскія училища болѣе всего не нравятся молодому поколѣнію, — тѣмъ св-и-ц-сл-лямъ, семейное счастіе которыхъ думаютъ насильно упрочить учеными, образованными невѣстами. Семинаристъ, послѣ 10—15 лѣтней школьной жизни освободившись отъ тяготѣвшаго надъ нимъ деспотизма, имѣетъ полное право желать воспользоваться свободою при выборѣ себѣ будущей своей подруги на цѣлую жизнь; — желаніе тѣмъ болѣе извинительное, что нынѣ обязательный бракъ по указанію помѣщиковъ и въ крестьянскомъ быту сдѣлался уже преданіемъ старины. Но выше уже объяснено (1 ч. 16 отд.), что епархіальные архіереи особенно *любятъ пристроивать не невѣстъ къ женихамъ*, а лучше, *жениховъ къ невѣстамъ.* Конечно этотъ обычай, напоминающій крѣпостное право, существуетъ и существовалъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ женскихъ училищъ, но гдѣ уже онѣ устроены, тамъ воспитанницы ихъ или, какъ ихъ называютъ, *пріютантки* должны быть непремѣнно выданы за кого нибудь изъ духовныхъ лицъ. Въ другихъ мѣстахъ сынъ, наслѣдуя своему отцу, бываетъ почти всегда свободенъ при выборѣ невѣсты, а при существованіи женскаго

училища ему-то особенно и навязываютъ пріютантку; — бери ее, иначе мѣста не получишь. М. т. иногда у него была на примѣтѣ дѣвушка даже гораздо болѣе образованная, нежели та, отъ которой ему нельзя отказаться. Кромѣ того пріютантки въ приданое съ собою почти ничего не приносятъ, исключая своей сомнительной учености. А семинаристъ, въ теченіе своей школьной жизни, ознакомившись и съ голодомъ, и съ холодомъ, и съ другими нуждами, очень желалъ вы женитьбою сколько нибудь обезпечить себя, по к. м. на первые годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ иногда и помочь своимъ бѣднымъ родителямъ, братьямъ и сестрамъ. А тутъ велятъ ему взять за себя одну *безденежную ученость*. Т. о. супружеская жизнь начинается принужденіемъ, неудовольствіемъ.

Дѣйствительно-образованная и добрая жена могла бы изгладить первое непріятное впечатлѣніе, испытанное ея супругомъ отъ невольнаго брака. Но къ этому встрѣчается много препятствій въ характерѣ и привычкахъ, пріобрѣтаемыхъ воспитанницами женскихъ духовныхъ училищъ. Женскія духовныя училища, какъ мы видѣли (въ 1 ч. этого отд.), особенно по научному образованію — тѣ же семинаріи, только еще съ меньшимъ количествомъ свѣдѣній, еще съ болѣе ограниченнымъ развитіемъ умственныхъ способностей. Поэтому въ воспитанницахъ этихъ училищъ еще болѣе есть поводовъ развиться тому мелкому самолюбію, той спѣси, которыя такъ обыкновенны въ семинаристахъ. Спросите каждую изъ нихъ кто-она? И рѣдкая изъ нихъ не отвѣтитъ: *я пріютантка, кончившая курсъ, я воспитанница такого-то училища.* И въ звукахъ голоса и въ физіономіи даетъ вамъ знать, что она не простая дѣвушка-поповна, а кончившая курсъ. Развитію этихъ качествъ даже въ большей степени, нежели какъ замѣчается въ семинаристахъ, способствуютъ многія обстоятельства. Я уже сказалъ, что владыки оказываютъ къ женскимъ училищамъ больше вниманія, нежели къ семинаріямъ. Дѣвочки это знаютъ и по своему истолковываютъ. Владыка къ нимъ такъ милостивъ, знаетъ ихъ по фамиліямъ; о. ректоръ, о. инспекторъ семинаріи такъ съ ними вѣжливы, говорятъ имъ: *вы*, тогда какъ ихъ братцамъ начальство семикарское — недоступно; прислуга называетъ ихъ барышнями; свѣтскія дамы во время экзаменовъ хвалятъ ихъ работы, восхищаются ихъ скромностію и пр. Какъ дѣвочкамъ не вообразить, что онѣ очень умны и образованнѣе своихъ будущихъ мужей. Эти — просто семинаристы-бурсаки, а мы-де барышни ум-

ныя, скромныя и пр. Наконецъ слишкомъ часто случается, что этимъ неучамъ-бурсакамъ и мѣста даютъ не иначе, какъ когда они женятся на пріютанткахъ, которыя т. о. могутъ вообразить себя даже благодѣтельницами своихъ супруговъ. И вотъ теперь сводятся два самолюбія, одно, — основанное на моральныхъ убѣжденіяхъ въ личномъ своемъ превосходствѣ, — другое на томъ, что мы исчерпали всю человѣческую мудрость даже на латинскомъ и греческомъ діалектахъ, — сводятся въ одну семью; мудрено имъ ужиться между собою; никто незахочетъ уступить другому.

Непріятна ученая и притомъ не доучившаяся спѣсь, несносно мелкое тщеславіе своими небывалыми достоинствами въ женѣ. Но что же будетъ, если спѣсивая и тщеславная жена — еще плохая хозяйка. Что романисты ни толкуй объ идеальной женщинѣ, о симпатіи душъ, а все-таки, особенно въ небогатыхъ семействахъ жена должна не только имѣть надзоръ за домашнимъ хозяйствомъ, но и сама заниматься даже мелочными его подробностями. А въ хозяйствѣ особенно сельского духовнаго лица сколько встрѣчается дѣлъ вовсе не элегантныхъ. Надобно подмести полъ не щеткою даже, а вѣникомъ, сходить иногда съ ведромъ, или ушатомъ за водою на колодезь, выстирать дома и вымыть на рѣчкѣ бѣлье, почистить на кухнѣ картофель, свеклу, промыть капусту, понотѣть, погрѣться и даже покоптѣть у печи, слазить на чердакъ, спуститься въ погребъ и пр., — сколько разъ придется взяться за настоящія чорныя работы? Но пріютантки въ училищѣ не даромъ же назывались *барышнями*. Онѣ хаживали по очереди, и то невсегда, на кухню, но больше смотрѣли, какъ кухарки готовили имъ щи и кашу, нежели сами занимались этимъ; о носкѣ дровъ, воды, стиркѣ бѣлья, метеньѣ комнаты и пр. онѣ и не думали; *какъ же можно заниматься такими вещами барышнямъ?* Ихъ дѣло было вышивать пушистые и узорчатые ковры, богатые платки, пояса, подушки и пр. Захочется ли теперь такимъ барышнямъ, по к. м. многимъ изъ нихъ, взятся за дрязги домашняго хозяйства?

Священникъ въ богатомъ приходѣ можетъ для облегченія своей жены по хозяйству нанять не только кухарку, но даже горничную и нянку. Ну, а что дѣлать священнику съ небогатомъ, особенно бѣдномъ приходѣ? Что дѣлать всѣмъ почти дьякопамъ и даже безъ исключенія всѣмъ причетникамъ? А пріютантокъ берутъ по неволѣ въ замужество и священники, и дьяконы, и причетники, опредѣленные въ богатые и бѣдные приходы. У бѣдныхъ св-и-ц-ел-лей

жена должна быть главною и часто единственною помощницею мужа по хозяйству. Ей нужно зимою сходить съ веревкою за соломою къ ригѣ, или овину, ознакомиться не только съ граблями, цѣпомъ, но и съ нептуновымъ трезубцемъ, которымъ въ русскомъ хозяйствѣ накладываютъ навозъ на телѣгу и разбрасываютъ послѣдній по нивамъ, — работа, какъ видите, чорная, грязная. А тамъ подростаютъ дѣти, доходы не прибавляются, а расходы умножаются. Дѣтямъ и мужу надобно приготовить, напрясть, выткать и сшить бѣлье и пр. и пр.; достало бы только времени, а въ работахъ недостатка уже не будетъ. Что же тутъ дѣлать *барышнямъ-пріютанткамъ?* Умныя изъ нихъ скоро поймутъ новое свое положеніе и, привыкнувъ къ нему, дѣлаются хорошими хозяйками. Но..... но..... чего не бываетъ? Развѣ не случается, что какой либо причетникъ не только принесетъ дровъ и воды въ избу, но и пойдетъ съ бѣльемъ на рѣчку и дѣйствуетъ тамъ валькомъ не хуже самой лучшей прачки? А жена его говоритъ: «я не могу этого сдѣлать; насъ въ пріютѣ этому не учили.» Мужъ идетъ въ поле работать, а жена остается дома; денегъ на покупку шерсти и бумажной пряжи для разнаго рукодѣлья — нѣтъ, хозяйствомъ заниматься не хотимъ, ну и сидимъ у открытаго окошечка, или на лавочкѣ у воротъ, да и смотримъ на пустую улицу, п. ч. въ это время всѣ бываютъ на работѣ въ полѣ. О причетникѣ нечего говорить. А не случается ли даже и священнику не только потужить, но и всплакнуть, когда онъ убѣдится, что ученая его жена не умѣетъ, или не хочетъ заняться хозяйствомъ, а м. т. попрекаетъ тѣмъ, что она ему доставила мѣсто. М. б. и свободно-избранная жена была бы не лучше, но тогда бы мужъ все переносилъ равнодушно, — вѣдь самъ избралъ ее; никто не неволилъ. А теперь отвѣчай за все пріютъ, брани его; не будь его, — у меня была бы жена другая. — Повѣрьте, г. ч., мужьямъ пріютантокъ многое достанется отъ своихъ ученыхъ дражайшихъ половинъ; тутъ даже не всегда имѣетъ приложеніе русская пословица: *все мука, перемелится;* иногда никакъ перемолоть нельзя. Можно бы еще поговорить и о нравственности, но..... нужно быть скромнымъ, когда дѣло касается дамской нравственности. Да и безъ нее видно, что молодому поколѣнію св и-ц-сл-лей нѣтъ особыхъ поводовъ очень благодарить женскія духовныя училища за то, что тамъ воспитываются для него невѣсты. —

Но женскія духовныя училища не нравятся не однимъ мужьямъ воспитанницъ ихъ; ихъ не любитъ почти все бѣлое

д-во, да и не безъ основательныхъ причинъ. Не понравилась жена мужу, не понравится тѣмъ самымъ свекору, свекрови и другимъ роднымъ его. А старики-отцы готовили было своему Ванѣ, или Сашѣ славную невѣсту, не барышню, а дѣвицу, по ихъ понятію, умную, добрую, хорошую хозяйку. Они давно уже вели хлѣбъ-соль съ будущимъ своимъ сватомъ, даже не только поговаривали о томъ, какъ бы имъ породниться, но заключили между собою договоръ, конечно не письменный. Ваня, или Саша кончили курсъ, открылось праздное мѣсто; *честнымъ бы пиркомъ да за свадебку.* Анъ нѣтъ! Бери Ваня пріютантку; иначе мѣста не даютъ. Взяли ее, съ прежнимъ сватомъ разошлись, даже поссорились. М. б. дочь предполагавшагося свата нисколько не была лучше пріютантки, но эта все-таки не нравится; ее навязали, а не по доброй волѣ взяли. Какъ же не бранить и ее, а кстати и училище, въ которомъ она воспитывалась. А тутъ еще старикъ припомнитъ, или жена ему подскажетъ: «а вотъ вѣдь сколько мы переплатили денегъ въ этотъ пріютъ, и вотъ оттуда спасибо за наши деньги!» Но сердись-не сердись, а платить и послѣ этого надобно; вноси каждый годъ что нибудь да не очень маленькое; иначе и благочинный, и владыка осердятся. Потомъ прислалось благословеніе, дали набедренникъ, а, Боже сохрани, скуфью, или камилавку и пр., ступай за ними, *подпишись* и дай что нибудь, но не маленькое въ пріютъ. А тутъ захотѣлось перебраться въ село получше прежняго, много было хлопотъ и издержекъ, но кое-какъ получили новое мѣстечко; — получай, но уже заплати крупную сумму и потомъ все-таки не забывай ежегоднаго вноса. Вѣдь, право, надоѣстъ даже по гривнамъ вносить. —

Пока отецъ вносилъ и платилъ, — дочь его повыросла; не отдать ли ее въ пріютъ? вѣдь туда уже много денегъ переплатили. Можно,— вези ее, но, р-ся, попроси, а главное дѣло ежегодно вноси за нее 40—50 руб., п. ч. за воспитаніе и содержаніе ничего не берутъ только съ сиротъ. Такъ вноси 40—50 руб.; — сумму очень значительную для сельскаго даже священника, а м. т. обыкновенные ежегодные вносы идутъ своимъ чередомъ. Но дочь при свиданіяхъ жалуется на свое пріютское житье; п. ч. тамъ бываетъ и голодненько, и не очень свѣжій воздухъ и не очень вѣжливое обращеніе; да отецъ и мать сами видятъ, что ихъ Маша, или Лиза похудѣли; а нѣтъ, все-таки плати 40—50 руб. за ея содержаніе. Дочь не вынесла наконецъ, ее взяли домой, узнали отъ нее подробно, что такое Пріютъ. Брани его,

сколько душѣ угодно, впрочемъ такъ, чтобы не доходилъ, слухъ объ этомъ до епархіальнаго архіерея, а плати всѣ ординарные и экстраординарные вносы.

Пожалуй, дочь не отдавай на свой счотъ въ женское училище, какъ б. ч. и дѣлаютъ. Но она сдѣлалась уже невѣстою; надобно выдать за мужъ притомъ за духовнаго. Нашолся было и сватъ, который сдаетъ мѣсто своему сыну; женихъ славный, мѣсто хорошее, приданое небольшое, да и большаго не жалко. Поѣхали ко владыкѣ просить о сдачѣ, владыка согласился, но съ тѣмъ, чтобы женихъ взялъ непремѣнно пріютантку. Спорить нельзя, сватовство не удалось. Теперь остается покупать гдѣ либо мѣсто и навязываться въ мнимые родственники какому либо старику. Если найдется такое мѣсто, то сколько нужно заплатить за него? Сколько нужно дать еще разныхъ взятокъ? Не удалось это? Лови женіховъ, которымъ дозволено взять жену гдѣ угодно, но приготовляй денегъ, какъ говорятъ, *тьму тьмущую;* эти господа не дешевы. Не нашолъ иподного изъ такихъ женіховъ? тогда оставляй дочь *вѣковѣчною дѣвицею,* или отдай за мѣщанина, мужика, приказнаго, вообще за того, съ кѣмъ бы не хотѣлось породниться. Впрочемъ, не смотря на все это, ординарные и экстраординарные вносы на пріютъ дѣлай; отъ нихъ не уволятъ.

Такіе *вносчики,* по одиначкѣ, или въ разговорѣ между собою, начинаютъ разсчитывать: а что? сколько денегъ собрано съ нихъ и собирается на женское училище? Считаютъ, — считаютъ; суммы выходятъ бо́льшія. М. б. ихъ и преувеличиваютъ; но лица, раздосадованныя поборами и другими непріятностями, охотно вѣрятъ всякому преувеличиванію. Тутъ начинаютъ предлагать вопросы: куда же это деньги идутъ? Да всѣ ли онѣ попадаютъ въ пріютъ? Не остаются ли въ чьихъ либо рукахъ? Не взятки ли это просто съ нихъ собираются? Опять и тутъ всему вѣрится легко. Добряки того незнаютъ, что взятки съ нихъ стали бы брать и безъ женскаго училища подъ видомъ пожертвованій на попечительство, на будущій пріютъ, на постройку дачи, на украшеніе какого либо храма; — а то даже просто, какъ взятки; значитъ легче нисколько не было бы. Но они въ этомъ случаѣ похожи на школьниковъ, которыхъ сѣкутъ розгами, срѣзываемыми съ извѣстной имъ березы. Не будь этой березы, школьники думаютъ, что не откуда бы взять розогъ. И вотъ они клянутъ ее и бросаютъ въ нее каменьями, а м. т. и безъ нее розогъ достали бы изъ дугаго мѣста, или еще бы хуже, пустили бы въ ходъ ременныя плетки.

Наконецъ и тѣ даже, которые, сдѣлавши пожертвованія на Пріютъ, получили какую либо архипастырскую милость, пристроили себя, или сына, или дочь и пр., и эти въ свою очередь не всѣ и не всегда бываютъ довольны. Почему имъ не думать, что они заслужили милость и безъ пожертвованій? Кромѣ того, сколько разъ м. б. пришлось при этомъ покланяться, выслушать кое-что непріятное, дать иному господину уже простую взятку? Да и самое пожертвованіе было такъ трудно, что долго его не забудешь.

Неужели всѣ эти непріятности приходится испытывать всякому духовному лицу? Боже сохрани! ни у кого не достанетъ терпѣнія все это вынести. Зато ни одно лицо не найдется, которое бы въ теченіе своей даже непродолжительной службы не ознакомилось съ нѣсколькими изъ описанныхъ непріятностей. Но если бы даже кому нибудь и не было поводовъ сердиться на Пріютъ, то чего онъ не наслушается между своими родными и знакомыми. И потому не удивляйтесь, что все почти д-во не любитъ тѣхъ женскихъ училищъ, которыя устраиваются и содержатся на какія то епархіальныя средства; все оно крайне было бы довольно, еслибы закрыли эти училища.

Неужели въ самомъ дѣлѣ всѣ недовольны? Р-ся, есть исключенія. Матери, которыхъ дочери-сироты взяты въ училище и послѣ выдаются безъ приданаго за мужъ, очень довольны; да и то..... Впрочемъ позвольте здѣсь сослаться на No. 2 Прав. Обозр. 1865 г. (зам. стр. 73—74). «Д-во, по многимъ весьма основательнымъ причинамъ, не желало бы для воспитанія своихъ дѣтей отрывать ихъ отъ себя до болѣе зрѣлаго возраста, по к. м. лѣтъ до 15, а дѣвочекъ и вовсе никогда бы не желало выпускать изъ-подъ своего родительскаго надзора и смѣемъ увѣрить, что какихъ бы училищъ для дѣвицъ духовнаго званія не заводили по губернскимъ и другимъ городамъ; — они всегда будутъ существовать, какъ и нынѣ существуютъ, — только для дѣвицъ городскаго д-ва и для дѣвицъ сиротъ, которыя поступаютъ туда по необходимости. Что же касается до сельскаго д-ва, то оно не отдавало и едва ли будетъ отдавать своихъ дѣвицъ въ эти училища, какъ потому, чтобы не удалить ихъ изъ-подъ своего надзора, лучшаго изъ всѣхъ и необходимаго для ихъ нравственности, такъ и потому, что бы не лишить ихъ практическаго, домашняго воспитанія. Д-ву сельскому нужны не такія жены, которыя умѣли бы сочинять только стихи и письма всякаго рода, но не умѣли бы испечь хлѣба и сварить пустыхъ щей; или же умѣли бы шить и вышивать

шелками и бисеромъ, но не умѣлибы сшить и скроить простой сорочки, выбѣлить холста и присмотрѣть за домашнимъ хозяйствомъ; тогда какъ знать все это необходимо въ нашемъ сельскомъ быту.»

Надобно сказать что нибудь и о тѣхъ женскихъ духовныхъ училищахъ, которыя содержатся на счотъ духовно-учебныхъ капиталовъ. Въ нихъ много есть благопріятныхъ обстоятельствъ, неизвѣстныхъ въ тѣхъ пріютахъ, которыя я преимущественно описывалъ. Для примѣра возьмемъ царскосельское училище. Оно состоитъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни-Императрицы, удостоивается посѣщенія и ея и другихъ членовъ императорской фамиліи; имѣетъ ближайшею начальницею не сельскую попадью, а дому образованную; помощницы ея не дьяконицы и причетницы; въ училище пріѣзжаютъ члены синода, Об. Пр-ръ и многія важныя особы. Тутъ, значитъ, воспитанницы незнаютъ ни холода, ни голода, ни невѣжливаго обращенія, ни безплатныхъ учителей; находятъ настоящій материнскій пріютъ, и потому выходятъ благовоспитанными дѣвицами, а не *семинаристами въ кринолинахъ*. Затѣмъ онѣ для епархіи нисколько не обременительны. М. б. иной семинаристъ получитъ священническое мѣсто, п. ч. возьметъ воспитанницу этого училища, но она, по всей вѣроятности, не заставитъ его жалѣть о такомъ маленькомъ униженіи. Притомъ здѣсь воспитываются не изъ одной петербургской епархіи; поэтому и невольныхъ и полу-невольныхъ браковъ здѣсь бываетъ немного. Находящіяся въ губернскихъ городахъ такія же училища, м. б., немножко потяжелѣе для епархіальнаго д-ва, но все таки не требуютъ большихъ пожертвованій.

М. т. нельзя не сказать, что желательно было бы преобразованіе и казенныхъ женскихъ духовныхъ учмлищъ. Если нынѣ найдено нужнымъ и возможнымъ, чтобы даже мѣщанскія дочери получали воспитаніе въ женскихъ гимназіяхъ, то странно какъ-то видѣть, что дочерямъ духовныхъ лицъ находятъ нужнымъ преподавать только тѣ предметы, *знаніе коихъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейныхъ обязанностей*. Не пора ли что нибудь прибавить къ этому? Не пора ли думать о томъ, чтобы дочери священниковъ были образованными дѣвицами, и не *готовились быть только матерями и супругами въ простомъ сельскомъ быту духовнаго званія?* По моему мнѣнію въ этомъ случаѣ всего лучше было бы соединить женскія духовныя училища съ губернскими женскими гимназіями, и т. о. сблизить дѣвицъ духовнаго званія съ дѣвицами другихъ сословій. Но

если по прежнему будутъ находить нужнымъ такъ называемое левшино племя воспитывать отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ сословій, то училища надобно обратить въ женскія гимназіи и сдѣлать тамъ начальницею не сельскую попадью, а образованную даму, которая бы понимала свои педагогическія обязанности. Въ прошедшемъ 1864 г. была даже попытка въ этомъ родѣ. Въ одномъ знаменитомъ городѣ епархіальный начальникъ доставилъ огромную сумму на устройство дома для помѣщенія въ немъ бѣдныхъ, престарѣлыхъ и сиротствующихъ лицъ духовнаго званія. Домъ отстроенъ; архіерею захотѣлось устроить въ немъ училище для дѣвочекъ. Онъ поручилъ составить уставъ рутиннымъ людямъ; уставъ вышелъ слишкомъ не современенъ. Преосвященный приказалъ этимъ дѣломъ заняться почтенному протоіерею и двумъ отлично-образованнымъ священникамъ; фамилія одного извѣстна даже во всей Россіи. Уставъ составили совершенно сообразно съ нынѣшними понятіями. Положили, чтобы дѣвицы въ училищѣ получали образованіе гимназическое, чтобы туда были допускаемы пенсіонерки и приходящія. За особую плату предполагалось учить французскому и нѣмецкому языкамъ, музыкѣ, живописи и пр. Для управленія училищемъ депутаты отъ всего епархіальнаго д-ва должны были избрать членовъ комитета, а эти въ свою очередь начальницу и вмѣстѣ съ нею управлять училищемъ. Предположено было давать ежегодно подробные отчоты какъ о расходѣ и приходѣ суммъ, такъ и о ходѣ воспитанія. Уставъ былъ представленъ, куда слѣдуетъ, но к-ся, остается еще до селѣ мертвою буквою. А какъ бы хорошо было, если бы кто либо далъ ему жизнь. Не бойтесь, господа и отцы, широкаго, общечеловѣческаго образованія. Дѣвица, получивши его, не погибнетъ. Она и къ бѣдному быту скорѣе привыкнетъ, нежели *барышни теперешнихъ духовныхъ пріютовъ*. Она не постыдится помыть бѣлье, пойти съ ведромъ, поможетъ мужу своимъ образованнымъ умомъ переносить бѣдность, а не прибавитъ къ ней еще болѣе горечи, какъ теперь бываетъ отъ пріютантокъ. Ну и если ее никто не возьметъ? Не безпокойтесь и объ этомъ; воспитайте ее по человѣчески, а не по семинарски, сдѣлайте ее образованною; она сама найдетъ себѣ хлѣбъ; и напр.: въ званіи гувернантки или учительницы кокай либо въ деревнѣ школы будетъ счастливѣе, нежели въ замужествѣ за дьячкомъ, или дьякономъ. —

Примѣчаніе: когда не только этотъ отдѣлъ, но и все уже сочиненіе было окончено, переписано и приготовлено къ

печати, я къ величайшему моему изумленію услышалъ объ одномъ печальномъ фактѣ, относящемся къ женскимъ духовнымъ училищамъ. Въ 58 отдѣлѣ, я довольно подробно буду говорить о томъ, что слишкомъ странно и даже почти неестественно ввѣрять воспитаніе семинаристовъ, — людей, которымъ при поступленіи на св-и-ц-сл-скія должности нельзя не жениться, — ввѣрять м-щимъ, которые по своимъ правиламъ никакъ не могутъ жениться и даже почти обязаны смотрѣть на женщинъ, какъ на соблазнительницъ, какъ на огонь, къ которому нельзя прикоснуться безъ опасности обжечься. Подражать этому несчастному обыкновенію въ женскихъ духовныхъ училищахъ будетъ, извините за крѣпкое слово, *верхомъ нельпости.* Изъ семинаристовъ, особенно академистовъ все-таки непремѣнно поступаетъ нѣсколько человѣкъ въ м-во? этого даже почти требуетъ господствующая нынѣ система въ церковной администраціи; притомъ священникъ и монахъ принадлежатъ къ духовному званію и по отношенію къ священнодѣйствію ничѣмъ почти между собою не различаются. Поэтому еще можно найти какія либо благовидныя причины, которыми извиняютъ порученіе монахамъ всѣхъ начальническихъ должностей въ духовныхъ училищахъ. Но женскія училища, какъ выразился покойный Об. Пр-ръ Гр. Пратасовъ въ своемъ отчотѣ, устроены съ тою единственною цѣлію, чтобы въ нихъ воспитанницы приготовлялись къ *состоянію супругъ и матерей* преимущественно для сельскаго д-ва; о томъ, что бы изъ нихъ со временемъ выходили монахини и игумены рѣшительно смѣшно даже не только заботиться, но и думать. И потому поручать управленіе женскими духовными училищами монахинямъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени нелѣпо. Въ самомъ дѣлѣ *какъ монахинь, которая отказалась отъ мысли о брачной жизни, приготовлять дѣвицъ именно только къ состоянію супругъ и матерей?* А. м. т. въ нынѣшній день короткій мой знакомый разсказалъ, что въ С-комъ женскомъ духовномъ училищѣ начальницею сдѣлана монахиня!!! Судите сами г. ч, *монахиня есть воспитательница и начальница тѣхъ дѣвицъ, которыя назначаются непремѣнно быть супругами и матерями.* Къ большему еще моему сожалѣнію это допущено такимъ архипастыремъ, къ которому я имѣю искреннее уваженіе за его заботливость о духовно-учебныхъ заведеніяхъ его епархіи; но *amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Отдѣлъ 48ый.

О томъ, что время уже приступить къ принятію серьезныхъ, а не палліативныхъ мѣръ для улучшенія д-ва и духовныхъ училищъ.

Въ предъидущихъ отдѣлахъ моего сочиненія я подробно описалъ и бѣлое и чорное д-во во многихъ отношеніяхъ. Конечно еще не всѣ стороны предмета разсмотрѣны; его можно назвать неистощимымъ. Но и сказанное достаточно можетъ убѣдить человѣка безпристрастнаго, что состояніе духовныхъ училищъ и бѣлаго д-ва крайне неудовлетворительны, что тутъ есть множество страшныхъ, вопіющихъ злоупотребленій, недостатковъ, несправедливостей; есть уже глубоко укоренившееся зло. Но извѣстно, что моральное зло не любитъ держаться консервативныхъ началъ, а имѣетъ своего рода прогрессъ, постоянно распространяясь и усиливаясь; его довольно удачно можно сравнивать съ хроническими болѣзнями. Человѣкъ, страждущій ими, по видимому, часто к-ся здоровымъ; въ организмѣ его всѣ жизненныя отправленія совершаются какъ будто нормальнымъ порядкомъ. Но рано, или поздо наступаетъ періодъ когда для спасенія жизни больнаго нужно употребить радикальное леченіе, прибѣгнуть къ операціи, а частенько иногда смерть все заканчиваетъ. Точно такія же послѣдствія бываютъ отъ моральнаго зла, которымъ напр. страдаетъ цѣлое сословіе. Въ этомъ случаѣ консерваторы отвращеніе свое къ реформамъ любятъ оправдывать тѣмъ, что какъ цѣлительная сила природы вылечиваетъ иногда организмъ отъ хроническихъ болѣзней, такъ и моральное зло мало по малу само можетъ прекратиться. Относительно же православной церкви и нашего д-ва намекаютъ на всесильную десницу Того, кто сказалъ, «что врата адова не одолѣютъ основанной имъ Церкви.» Но было бы слишкомъ неблагоразумно, даже нерелигіозно разсчитывать на чудеса тамъ, гдѣ можно все поправить человѣческими средствами; потомъ извѣстно, что христіанство конечно до сихъ поръ болѣе, или менѣе выходило побѣдителемъ изъ борьбы, которую ему пришлось имѣть со своими врагами, но случалось ему также терпѣть и пораженія. Наконецъ на цѣлебную силу природы можно надѣяться; только

для этого нужне устранить всѣ обстоятельства, поддерживающія и развивающія болѣзнь; нужно, чтобы организмъ не дошолъ до того періода, послѣ котораго никакая діэта, никакая цѣлебная сила не помогутъ, когда грозитъ уже неизбѣжная смерть.

Итакъ чтоже теперь дѣлать? Нужно ли подумать объ улучшеніи и духовныхъ училищъ и всего вообще д-ва? Или все возложить на *русское авось*, *Богъ милостивъ*, *видь отцы и предки наши жили и умны были* и пр. и пр.? Поищемъ отвѣтовъ на эти вопросы въ литературѣ. Оставлять духовныя училища въ настоящемъ ихъ положеніи, не заботиться объ ихъ преобразованіи и улучшеніи, или преобразовывать въ смыслѣ ретроградномъ недобросовѣстно, безчеловѣчно, безбожно, противно интересамъ православія *не православно!!!* Тотъ, кто открыто словомъ и сочиненіями нападаетъ на православіе менѣе к-ся опаснымъ, нежели тѣ, которыя препятствуютъ улучшить духовныя училища и сблизить образованіе воспитанниковъ съ современными потребностями и идеями. Перваго можно опровергать съ большимъ успѣхомъ при помощи св. Писанія, отеческихъ сочиненій, здраваго смысла и пр., а послѣдніе намѣренно, или не намѣренно своимъ противодѣйствіемъ и обскурантизмомъ отказываютъ и нашимъ потомкамъ, и намъ самимъ въ возможности имѣть такихъ духовныхъ пастырей и учителей, которые бы съ умѣли руководить людей въ дѣлѣ спасенія и защитить православіе отъ его враговъ. (2 т. 564—565 стр. книги о у. д. у.) Какъ бы въ подтвержденіе мыслей этого отрывка День (No. 12 1863 г. стр. 5) говоритъ: «тяжело, невыносимо тяжело въ настоящее время положеніе учителей большей части семинарій и духовныхъ училищъ. Отсутствіе всякихъ педагогическихъ правъ, положительный недостатокъ вліянія на учениковъ, неимѣніе средствъ къ самоличному развитію, казенный путь казенной науки, прессъ ближайшаго рутиннаго и формалистическаго начальства, совершенно бѣдное матеріальное содержаніе, все это хуже самаго лютаго кошемара давитъ педагога духовнаго вѣдомства. Лучшіе наставники бѣгутъ вонъ изъ семинарій въ гражданскую службу или въ священники, если только епархіальное начальство соглашается давать имъ мѣста и не предпочитетъ имъ второразряднаго семинариста. Лучшіе воспитанники уклоняются отъ педагогической службы. Старые педагоги часто ничѣмъ не отличаются отъ машинъ, заведенныхъ тому назадъ нѣсколько пятковъ лѣтъ; новые послѣ неудачныхъ попытковъ къ улучшенію существующаго порядка въ занятіяхъ, вда-

ются въ апатію и бездѣйствуютъ. *Безвыходное положеніе и совершенный нравственный и умственный застой довели нѣкоторыхъ учителей до сумасшествія*, многихъ до пьянства. Безотрадная картина! Немногимъ развѣ лучше положеніе воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Плохое преподаваніе учебныхъ предметовъ, недостатокъ хорошихъ руководителей и книгъ, нерѣдко отсутствіе честнаго и нравственнаго надзора, совершенная неправда въ составленіи ученическихъ списковъ и въ переводѣ изъ одного класса въ другой, иногда неправильное распредѣленіе священно-служительскихъ мѣстъ между окончившими курсъ ученія, — парализуютъ свѣжія силы молодаго духовнаго поколѣнія, не даютъ имъ прямаго нормальнаго развитія. Оттого и хорошіе ученики съ особой жаждой уклоняются отъ классовъ, и нравственные не хотятъ быть у каждой церковной службы, хотя съ искреннею любовію ходятъ къ ранней обѣднѣ въ разныя приходскія церкви. Своимъ поведеніемъ, своею лѣностію воспитанники протестуютъ противъ устарѣвшаго и износившагося порядка учебной жизни и требуютъ новой обстановки, новыхъ правилъ и формъ.»

Выписанные мною отрывки изъ сочиненій относятся къ училищамъ; послушаемъ, что говорятъ о д-вѣ. «Русское правительство для интересовъ православія и своихъ собственныхъ должно серьезно подумать о томъ, чтобы возвысить соціальное положеніе православнаго д-ва . . . Оставлять его въ униженномъ положеніи значитъ желать продолжить то неуваженіе, въ которомъ оно теперь находится, а это неизбѣжно отражается на самой религіи. Лишать уваженія религію значитъ дѣлать безнравственною націю и чрезъ это подкапываться подъ основанія соціальнаго порядка. Пусть подумаетъ объ этомъ русское правительство! (La vérité sur la Russie par P. Dolgorukow p. 351.) Но авторъ этого отрывка напрасно какъ будто упрекаетъ русское свѣтское правительство и совѣтуетъ ему озаботиться улучшеніемъ д-ва. Русское свѣтское правительство давно озабочено и многократно предлагало духовному начальству заняться этимъ улучшеніемъ. Когда въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія въ 1838 г. учрежденъ былъ подъ главнымъ руководствомъ синода и его Об. Пр-ра совѣщательный комитетъ для отысканія средствъ къ обезпеченію состоянія сельскаго д-ва (Отч. Об. Пр-ра за 1838 г. стр. 17), то какъ видно изъ отчета за 1839 г. (стр. 48) комитетъ этотъ нашолъ, что *правительство нѣсколько разъ уже приступало къ сему важному дѣлу*, и если, ничего еще не сдѣлано, то, по моему мнѣнію

вина лежитъ на духовномъ начальствѣ. М. т. ему бы не излишнее дѣло въ этомъ случаѣ обратиться къ исторіи нашего отечества и въ ней поискать уроковъ на счотъ того, какъ бы надобно дѣйствовать нынѣ. Читая XIII т. исторіи г. Соловьева, я съ удивленіемъ нашолъ, что нынѣшнее положеніе д-ва, взаимныя отношенія между имъ и начальствующимъ надъ нимъ м-омъ, между имъ и обществомъ имѣетъ замѣчательное сходство съ тѣмъ, что было у насъ въ XVII столѣтіи. «Духовныя стремленія Никона, говоритъ г. Соловьевъ (стр. 152) были особенно вредны въ то время, когда, въ виду страшнаго переворота, нужно было собрать нравственныя силы д-ва и дать ему достойное вооруженіе для разнаго рода опасныхъ встрѣчъ. Чтобы поддержать значеніе д-ва, нужно было встать въ челѣ движенія, совершавшагося безъ спросу кого бы то ни было; нужно было начать преобразованія въ церкви, но эти преобразованія нельзя было ограничить требованіями большаго порядка во внѣшнемъ богослуженіи, разсылкою нѣсколькихъ благонамѣренныхъ указовъ; при чемъ посылались указы и о томъ, чтобы перекрещивать православныхъ бѣлоруссовъ; церковь требовала преобразованій другаго рода. Нужно было соединять д-во, раздѣлявшееся на *черное-властвующее и бѣлое-подчиненное*, соединить любовными, благодушными отношеніями властвующаго къ подчиненному; нужно было всѣми силами противодѣйствовать утвержденію въ духовномъ управленіи системы *кормленія*, чтобы на подчиненное д-во не смотрѣли, какъ только на тяглое, обязанное кормить начальствующихъ, — чтобъ эти начальствующіе не заражались властелинскимъ, воеводскимъ духомъ и чтобъ подъячіе ихъ не были похожи на воеводскихъ подъячихъ. Къ несчастію, не только мелочный Іосифъ патріархъ) но и преемникъ его Никонъ, по характеру своему не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высокость пастырскаго сана и поднимать ихъ этимъ самымъ уваженіемъ.» Прочитайте, Бога ради, этотъ отрывокъ по внимательнѣе и приложите его къ нынѣшнему времени. Не увидите ли и нынѣ движенія въ мысляхъ, которое приготовляетъ м. б. страшный переворотъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ? Не нужно ли д-ву запастись достойнымъ оружіемъ для разнаго рода опасныхъ встрѣчъ, неизбѣжныхъ при угрожающемъ переворотѣ? Не нужно ли и нынѣ начать преобразованіе не въ церкви, конечно, а въ церковной администраціи, и преобразованія эти не ограничивать болѣе строгими требованіями пріучать будущихъ пастырей къ внѣшнему богослуженія и введеніемъ

большаго порядка въ немъ? Не пора ли перестать думать, что угрожающую бѣду можно предотвратить разсылкою нѣсколькихъ благонамѣренныхъ указовъ въ родѣ того, чтобы напр. семинаристы въ каникулы ходили съ священниками по проходу, или присутствовали по средамъ и пятницамъ великаго поста у преждеосвященной литургіи, или получали аттестацію отъ священниковъ о томъ, что они во время каникулъ у отцовъ своихъ жили хорошо? Не раздѣляется ли и нынѣ д-во на чорное-властвующее и бѣлое-подчиненное? Не надобно ли ихъ соединить любовными, благодушными отношеніями властвующаго къ подчиненному? Нѣтъ ли и нынѣ системы кормленія? Не смотрятъ ли и нынѣ на бѣлое д-во почти, какъ на тяглое? Нынѣшніе консисторскіе подъячіе не сдѣлались ли даже хуже воеводскихъ? *Не заражен ли кое-кто властелинскимъ, воеводскимъ духомъ? Нѣтъ ли и нынѣ мелочныхъ Іосифовъ и упрямыхъ Никоновъ, которые неспособны мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ?*

Неправда ли, г. ч., что г. Соловьевъ въ приведенномъ мною отрывкѣ описалъ двѣ эпохи, раздѣленныя между собою двухъ-сотъ-лѣтнимъ пространствомъ? Въ XVII столѣтіи не обратили должнаго вниманіе *на знаменія времень*, ограничились мелочными преобразованіями или, лучше, не сдѣлали никакихъ преобразованій; и страшный переворотъ совершился и досѣ еще совершается. Долго ли онъ еще станетъ продолжаться, не знаю; но и десять милліоновъ нынѣшнихъ раскольниковъ, результатъ этого переворота, показываетъ его грозное значеніе. Богъ милостивъ! нынѣ, по всей вѣроятности, *мелочные Іосифы и упрямые Никоны* не попрепятствуютъ приступить къ тѣмъ преобразованіямъ въ д-вѣ, которыя предотвратятъ угрожающую намъ и нашимъ потомкамъ опасность. Карамзинъ въ началѣ предисловія къ своей исторіи Россіи справедливо говоритъ, что исторія есть «скрижаль откровеній и правилъ, завѣтъ предковъ къ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.» Не надобно же въ XIX столѣтіи пренебрегать завѣтомъ, который ему оставило XVII столѣтіе; пусть тогдашнія неудачи научатъ, какъ нынѣ надобно дѣйствовать.

Итакъ въ настоящее время для улучшенія д-ва и его училищъ въ нравственномъ умственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ нужно не употреблять какихъ либо палліативныхъ мѣръ, а слѣдуетъ отважиться на радикальное леченіе больнаго; нужно заняться не наложеніемъ перевязки на наружныя раны съ тѣмъ, чтобы только ихъ не было видно, а

поправленіемъ всего разстроеннаго организма, — нужны такія преобразованія, которыя бы не имѣли своимъ результатомъ, какъ было въ XVII столѣтіи, переворотъ въ родѣ раскола, — которыя бы, не касаясь религіозныхъ основныхъ догматовъ, уничтожили недостатки и злоупотребленія, господствующія въ д-вѣ, дали бы ему такую организацію, поставили его на такую степень образованности и матеріальнаго довольства, чтобы члены его могли быть дѣйсвительными пастырями Христова стада, а не исполнителями церковныхъ требъ; были настоящими руководителями въ нравственно-религіозной жизни, а не собирателями благостынныхъ приношеній; были дѣятелями полезными въ современномъ обществѣ, его образованными и благочестивыми согражданами, а не лицами, принадлежащими къ XVII столѣтію и людьми *не отъ міра сего и негодными для него.*

О мѣрахъ, посредствомъ которыхъ надѣятся улучшить д-во и его училища, такъ много было писано въ послѣдніе годы, что новаго тутъ ничего почти сказать нельзя. Главный трудъ будетъ состоять въ перечнѣ и въ обсужденіи тѣхъ изъ этихъ мѣръ, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Ихъ я нахожу возможнымъ раздѣлить на два разряда. Къ первому относятся тѣ, которыя по к. м. по моему мнѣнію, не улучшатъ положенія духовныхъ особъ и училищъ, а едвали не сдѣлаютъ его еще хуже прежняго, хотя многія изъ нихъ имѣютъ жаркихъ защитниковъ преимущественно въ тѣхъ лицахъ, которымъ хочется удержать старый, порядокъ подъ новыми, нѣсколько измѣненными формами. Ко второму разряду отнесутся тѣ мѣры, отъ которыхъ, по моему мнѣнію, можно ожидать пользы. Выяснить недостаточность первыхъ и доказать необходимость послѣднихъ мѣръ надобно не какъ нибудь, а основательно тѣмъ болѣе, что между защитниками тѣхъ и противниками этихъ встрѣчаются б. ч. духовныя авторитетныя особы, обязательное уваженіе къ которымъ требуетъ, чтобы мнѣнія, противныя ихъ убѣжденіямъ, высказывались съ объясненіемъ причинъ несогласія съ ними.

Сначала займемся мѣрами перваго разряда. Онѣ преимущественно относятся къ духовно-учебнымъ заведеніямъ и изложены въ томъ новомъ уставѣ семинарій, на который я уже указывалъ. Это почти единственный оффиціальный и вмѣстѣ очень замѣчательный документъ, гдѣ высказались тенденціи лицъ, которыя дѣлаютъ по видимому уступку современнымъ требованіямъ и жалобамъ, м. б. желаютъ улучшить матеріальный бытъ духовныхъ училищъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ стараются оставить ихъ въ прежнемъ умственномъ застоѣ и нравственномъ оцѣпенѣніи. Тутъ встрѣчаемъ великолѣпныя фразы, за которыми скрываются самыя отсталыя понятія, отжившія свой вѣкъ теоріи, И хотя о новомъ уставѣ семинаріи при его появленіи было много писано, но м. т. нахожу не излишнимъ разобрать нѣкоторыя его распоряженія, которыхъ литература касалась слегка, или вовсе не трогала. Кромѣ того разборъ этотъ покажетъ, чего д-во можетъ ожидать, если улучшеніе его быта предоставлено будетъ его же м-щему начальству.

Отдѣлъ 49ый.

О внѣшней отдѣлкѣ новаго устава духовныхъ семинарій.

Литература такъ безпощадно разобнажила неудовлетворительное состояніе духовно-учебныхъ заведеній въ нравственномъ отношеніи, что спорить противъ того сдѣлалось невозможнымъ. Поэтому новый уставъ старался показать, что онъ съ особенною любовью занялся изысканіемъ мѣръ къ улучшенію нравственности семинаристовъ. Для надлежащей оцѣнки его дѣятельности въ этомъ отношеніи, я разсмотрю сначала внѣшнюю, т. с-ть, сторону, а потомъ внутреннее содержаніе его нравственной части. Къ ней новый уставъ оказываетъ особенное вниманіе, отдѣливши на нее до 130 параграфовъ, тогда какъ всей администраціи, правленію, педагогическому совѣту, даже ректору съ епархіальнымъ начальникомъ уступлено 60 параграфовъ, ученостѣи — съ небольшимъ сотня, а экономіи — еще менѣе. Кромѣ того, у нравственной части внѣ, т. с-ть, отмежеваннаго ей пространства оказалось много владѣній въ другихъ мѣстахъ, напр. инструкція комнатному надзирателю можетъ вся считаться ея отдѣльною колоніей, богатой почислу строкъ. Затѣмъ въ другихъ частяхъ устава встрѣчаются многіе пункты, которые ясно относятся къ нравственности и поставлены тамъ какъ будто бы для того, чтобы они присматривали за поведеніемъ своихъ сосѣдей; таковы напр. тѣ параграфы, которые, помѣщаясь въ учебной части, излагаютъ правила о преподаваніи наукъ, чтеніи книгъ и пр. Т. о. всѣ владенія

нравственной части устава по пространству, ими занимаемому, сдавали уступять вмѣстѣ взятымъ владѣніямъ прочихъ его частей.

Но давно уже извѣстно, что въ много глаголаніи нѣтъ спасенія; поэтому семинаристы нисколько не сдѣлаются образцово-нравственными людьми, если для управленія ими внесется въ уставъ множество параграфовъ, хотя бы они и были приправлены нравственными сентенціями, а также словами и выраженіями, употребляемыми въ проповѣдяхъ и богословской литературѣ. Потомъ не излишне припомнить другое изреченіе *гдѣ много законовъ, тамъ много преступленій*. И потому многоглаголаніе устава по нравственной части не ручается за полезность рекомендуемыхъ имъ средствъ къ улучшенію семинарій въ нравственномъ отношеніи.

Затѣмъ новый уставъ захотѣлъ нравственную часть свою отличить отъ прочихъ частей-приличнымъ *одѣяніемъ*. Въ самомъ дѣлѣ въ уставѣ и присоединенныхъ къ нему приложеніяхъ замѣчается какъ бы двѣ редакціи. Одни параграфы и части написаны тѣмъ слогомъ, который употребляется образованными людьми въ дѣловыхъ бумагахъ и кодексахъ законовъ, — слогомъ простымъ, отчетливымъ, чисто русскимъ, гдѣ не встрѣчается ни пафоса, ни прикрасъ; тутъ стараются только о томъ, чтобы не было никакой двусмысленности и недоразумѣній? Такъ написаны почти всѣ учебная, экономическая части, отдѣльныя мнѣнія г. г. Гаевскаго и Филиппова. Напротивъ на прочихъ параграфахъ устава, особенно на тѣхъ, которые прямо, или косвенно касаются нравственныхъ и религіозныхъ предметовъ, описанія качествъ начальниковъ, наставниковъ, воспитанниковъ и пр., равнымъ образомъ на инструкціи комнатному надзирателю и на богословскихъ конспектахъ лежитъ особый отпечатокъ. Редакція нашла нужнымъ облечь ихъ въ пышную, великолѣпную одежду, сшитую по той модѣ, которую предписываютъ для сочиненій старинныя семинарскія логика и риторика. Она тутъ выражается такимъ слогомъ, котораго образчиковъ нельзя встрѣтить въ нынѣшней литературной и живой разговорной рѣчи. Славянская и полулатинская конструкціи, церковно библейскія слова и выраженія, множество украшеній, которыми такъ богата старинная риторика, троны, фигуры, синонимы, эпитеты, схоластическіе термины и обороты, — все это соединено вмѣстѣ. Если присовокупить сюда порядочное количество встрѣчающихся библейскихъ текстовъ и какой-то пафосъ, который надѣется воодушевить, и растрогать читателя, частое напо-

мнѣніе о молитвѣ, благочестіи, церкви, словѣ божіемъ, намеки на развратъ міра, на неправомысліе, замѣчаемое въ свѣтской литературѣ, на неспособность мірскихъ людей благотворно дѣйствовать на духовныхъ воспитанниковъ, то невольно почти доходишь до мысли: да это полно уставъ ли какого либо училища? Не есть ли это нѣчто похожее на проповѣдь? По к. м. тутъ встрѣчается такое множество проповѣдническихъ выраженій, что изъ нихъ однихъ можно составить порядочной величины поученіе, которое заразъ прослушать нелегко. Это мое мнѣніе о литературномъ достоинствѣ новаго устава нужно подтвердить примѣрами.

1) Многіе параграфы устава могутъ быть названы образчиками тѣхъ небольшихъ сочиненій, которыя пишутся учениками низшаго отдѣленія семинарій. Высказанную въ этихъ параграфахъ мысль авторы усиливаются доказать самымъ усердным образомъ и, вѣроятно, полагая, что имъ самимъ читатели не повѣрятъ, по мѣстамъ опираются на авторитетъ св. писанія. Вотъ напр. такіе образчики. А) § 2. «существенная цѣль семинарскаго образованія есть обученіе ко благочестію (1 Т. 4, 7), *да совершенъ будетъ человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ, да доволенъ будетъ и иныхъ научити* (2 Тим. 3, 17; 2, 2).» Затѣмъ авторы этого періода думая, вѣроятно, что онъ, не смотря на три библейскихъ текста, которыхъ отрывки въ немъ совмѣщены, останется не очень понятнымъ, — прибавляютъ въ видѣ объясненія слѣдующія слова: «т. е. духовный воспитанникъ долженъ быть не только благоискусенъ въ вѣрѣ и утвержденъ въ правилахъ благочестія, чтобы могъ быть руководителемъ другихъ, какъ учитель вѣры и пастырь душъ христіанскихъ; то и воодушевленъ святою вѣрою въ сердцѣ своемъ до той степени и ревности о Богѣ, чтобы готовъ былъ положить свою душу за славу божію, за цѣлость вѣры и церкви христовой и за спасеніе братій своихъ во Христѣ.» Б) § 180. «Само собою извѣстно, что св-и-ц-сл-ли, обязанные охранять истинное благочестіе христіанское въ народѣ и подавать собою во всѣхъ отношеніяхъ добрый примѣръ прихожанамъ своимъ, первѣе всего обязаны содержать собственныя семейства свои въ страхѣ божіемъ, воспитывать дѣтей своихъ въ духѣ благочестія. Этого требуетъ отъ нихъ само званіе ихъ; ибо одно изъ главныхъ качествъ добраго служителя церкви божіей, по указанію св. апостола Павла, есть воспитаніе дѣтей своихъ *въ послушаніи во всякой чистотѣ* (1 Тим. 111, 4—5). Къ этому обязываетъ ихъ любовь родительская, которая первѣе всего заботится о духовномъ благѣ и счастіи дѣтей. Этого

требуетъ ближайшее назначеніе дѣтей ихъ, ибо они безъ сомнѣнія желаютъ видѣть ихъ служителями церкви Христовой.» В) Распорядившись, въ § 148. чтобы ученики семинарій, какъ можно, болѣе и чаще занимались дѣлами внѣшняго благочестія, уставъ въ подстрочномъ примѣчаніи преубѣдительно, даже съ пафосомъ доказываетъ, что хотя многіе семинаристы не поступаютъ въ духовное званіе, но это не препятствуетъ тому, чтобы воспитаніе во всѣхъ классахъ (семинаріи) было въ духѣ благочестія: а) п. ч. большая часть воспитанниковъ останутся въ духовномъ заведеніи, б) п. ч. благочестіе христіанское, по слову апостола, на все полезно есть, полезно слѣдовательно и во всякомъ званіи и состояніи. И можно ли не желать, что бы въ обществѣ православномъ и всѣ члены его воспитаны были въ правилахъ православной вѣры и благочестія (вѣроятно благочестіе не принадлежитъ къ привиламъ православной вѣры)? И не будетъ ли это самою м. б. драгоцѣнною заслугою семинарій предъ обществомъ, что онѣ не только дадутъ ему добрыхъ и благочестивыхъ пастырей, но столь же добрыхъ и благочестивыхъ членовъ въ различныхъ состояніяхъ и званіяхъ? Не того надобно желать, особенно при нынѣшнемъ уклоненіи свѣтскаго образованія отъ духа церкви православной, чтобы въ семинаріи вводить свѣтское образованіе, а того, чтобы питомцы семинаріи во всю жизнь свою, въ какомъ бы то ни было званіи, оставались вѣрными и преданными сынами церкви православной, чтобы церковь давшая имъ первоначальное воспитаніе, своими скудными средствами, не вынуждена была съ глубокою скорбію говорить о нихъ: *отъ насъ изодоша, но не бяша отъ насъ.*»

Ограничимся этими тремя выписками. Что сказать о нихъ и имъ подобныхъ? Конечно, если бы особенно въ былое время эти отрывки явились въ формѣ смѣшанныхъ періодовъ, написанныхъ въ риторическомъ классѣ на предложенія: *какая цѣль воспитанія семинаристовъ?* или: *духовныя лица должны заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей* и пр., то учениковъ, которые составили такіе періоды, пожалуй, можно бы похвалить; только слѣдовало бы имъ посовѣтовать избѣгать высокопарности и писать болѣе частимъ русскимъ языкомъ. Но вѣдь новый уставъ есть собраніе законовъ, которыми надобно руководствоваться при управленіи семинаріями. Въ этомъ отношеніи и доказательства, и пафосъ, и краснорѣчіе неумѣстны, даже вредны. Когда нужно издать законъ, то, конечно, необходимо много судить и обсуживать, но, признавши извѣстное положеніе закономъ, слѣдуетъ его

высказать безъ доказательствъ, какъ аксіому; вотъ почему и законы называются *положительными*. Доказательства въ этомъ случаѣ не только не подтвердятъ, но даже могутъ подорвать, ослабить авторитетъ закона. Если именемъ закона скажутъ: поступай въ извѣстномъ случаѣ такъ-то, то я, хотя бы невидѣлъ полной необходимости его, могу еще думать, что онъ введенъ по какимъ либо соображеніямъ, мнѣ неизвѣстнымъ. Но если дадутъ мнѣ законъ съ доказательствами, которыя я найду недостаточными, то имѣю право считать и его самого также недстаточнымъ и несправедливымъ. Къ чему же доказательства?

Излагая нѣкоторые изъ своихъ параграфовъ въ формѣ риторическихъ періодовъ, новый уставъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи блеснуть тѣми прикрасами, на которыя такъ щедры были старинные семинарскія риторика и логика. Онъ свое расположеніе къ риторическому красноглаголанію и къ баумейстерскимъ, логическимъ дефиниціямъ выразилъ особенно въ описаніи качествъ, которыя желательно было бы имѣть въ семинарскихъ начальникахъ, наставникахъ и пр. Для образчика я избираю дефиницію инспектора. Онъ (§ 64) долженъ быть испытанно-извѣстенъ искреннимъ сердечнымъ благочестіемъ (вѣроятно есть искреннее, но не сердечное, или сердечное, но не искренное благочестіе), теплою отеческою любовію къ воспитанникамъ, терпѣливостію, милосердіемъ, а также даромъ убѣдительнаго и благодатію раствореннаго слова.» Конечно законъ, говоря о должностныхъ лицахъ, долженъ сказать и о качествахъ, которыя имъ надобно имѣть. Поэтому и уставъ семинарій могъ указать на качества ректора, наставниковъ и надзирателей. Но въ этомъ случаѣ благоразуміе требуетъ, что бы возможно и удобно было отыскивать и повѣрять эти качества; иначе все описаніе ихъ будетъ существовать только для *краснаго слова*, или для того, чтобы сказать: «вотъ какъ мы краснорѣчиво выражаемся, вотъ какъ основательно знаемъ славянскій текстъ св. писанія и взятыя оттуда слова мастерски вносимъ въ законы; вотъ какіе у насъ будутъ инспекторы, или надзиратели!» Теперь приложимъ это замѣчаніе къ дефиниціи инспектора. Какимъ образомъ убѣдиться, что кандидатъ на инспекцію испытанно-извѣстенъ искреннимъ сердечнымъ благочестіемъ, характеромъ твердымъ въ правилахъ честности и добродѣтели, теплою отеческою любовію къ воспитанникамъ, терпѣливостію, милосердіемъ, а также даромъ убѣдительнаго, назидательнаго и благодатію растворенаго слова? Даже встрѣчаются ли всѣ эти качества въ одномъ лицѣ?

Ну, а если одного изъ нихъ не достанетъ, то можно ли владѣльца прочихъ качествъ сдѣлать инспекторомъ? Или если онъ будетъ имѣть даръ слова назидательнаго, но не убѣдительнаго, — или благодатію растворенаго, но не, назидательнаго; если у него только просто любовь къ воспитанникамъ, а не отеческая, особенно не теплая; тогда что дѣлать? Да и гдѣ найти термометръ, которымъ опредѣлялась бы эта теплота? Скажутъ, что я насмѣхаюсь надъ очень серьёзнымъ предметомъ. Нѣтъ, я только хочу показать, какъ неумѣстно въ законахъ руководствоваться риторикою, подбирать тропическія выраженія, синонимы и эпитеты, выставлять на показъ свою церковно-богословскую ученость и пр.

Но и по другимъ параграфамъ устава разсыпано множество красныхъ словъ. Особенно онъ, вѣроятно, для того, чтобы показать свою заботливость о благѣ духовныхъ училищъ, чрезвычайно любитъ употреблять слово: *благій*, соединяя впрочемъ его съ русскими словами. Плодомъ этой любви явились слова: *благоискусный, благоопытанный, благопотребный, благоповеденіе, благопопечительный, благоуспѣшный, благоплодный* и пр. и пр. Вотъ кромѣ того нѣсколько замѣчательныхъ словъ и выраженій, въ которыхъ благо уже не играетъ роли: *«духовно-надзирательный, учительный, испытанно-извѣстенъ, перлье, благодатію растворенное слово, обученіе ко благочестію, благочестиво-зоркое око, уготовляемый въ сосудъ благодати священства воспитанникъ, споспѣшествовать духовному преспѣянію, воспитанникъ чистый духомъ и тѣломъ; пріученный къ духовному бодрствованію надъ собою, къ мысленной брани, къ тому, чтобы на все взирать окомъ вѣры, все обсуживать по правиламъ вѣры, о всемъ любомудрствовать по мѣрѣ вѣры»* и пр.

Хотя и по выписаннымъ сейчасъ отрывкамъ изъ новаго устава и по моимъ на нихъ замѣчаніямъ можно составить понятіе о внѣшней литературной сторонѣ этого духовно-юридическаго и духовно-административнаго произведенія, впрочемъ я хочу здѣсь прибавить отзывъ о немъ одного стараго профессора. Когда въ присутствіе послѣдняго стали шутить надъ новымъ уставомъ семинарій, то онъ сказалъ: «что вы господа? Какъ же можно смѣяться надъ такимъ произведеніемъ? А я просто отъ него въ восторгѣ.» Собесѣдники, озадаченные этими словами, спросили профессора: «позвольте узнать, чѣмъ же вы такъ восхищаетесь въ новомъ уставѣ?» — «Эхъ, господа! отвѣчалъ профессоръ, и видно, что вы молодые люди. Вы привыкли къ новому литературному языку,

который незнаетъ ни троповъ, ни фигуръ, ни красныхъ словъ, ни великолѣпныхъ выраженій. Вы одинаковымъ языкомъ пишете и о томъ, чтобы вамъ прислали денегъ и о *матеріяхъ самыхъ важныхъ* — философскихъ и богословскихъ. — Нѣтъ, насъ такъ не учили; намъ внушали, что на одномъ языкѣ надобно говорить о житейскихъ дѣлахъ, на другомъ писать о невысокихъ предметахъ свѣтскихъ наукъ, а третій употреблять тамъ, гдѣ коснется дѣло богословія, философіи и т. п. Но времена измѣнились; я уже мало встрѣчаю въ литературѣ нашъ старый языкъ, — какъ же мнѣ теперь не восхищаться новымъ уставомъ семинарій? Многія его страницы написаны именно такъ, какъ мы писали, обучаясь въ риторикѣ въ царствованіе императора Александра Iго. А вы знаете, какъ для стариковъ пріятно бываетъ все, что напоминаетъ имъ ихъ молодость!»

Отдѣлъ 50ый.

О предлагаемыхъ новымъ уставомъ семинарій мѣрахъ для пріученія воспитанниковъ къ внѣшнему благочестію.

По внѣшней отдѣлкѣ сочиненія можно иногда заключать и о внутреннемъ его достоинствѣ. По к. м. извѣстно, что люди, выражающіеся высокопарнымъ, стариннымъ, тяжолымъ языкомъ, любятъ держаться отжившихъ свой вѣкъ идей и слишкомъ рѣдко бываютъ приверженцами прогресса. Замѣчаніе это очень хорошо прилагается къ новому уставу семинарій. Выше уже было объяснено, что въ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ слишкомъ много заботятся почти насильственно пріучить воспитанниковъ къ внѣшнему благочестію, разъединить ихъ съ обществомъ, *омонашить*, какъ я выразился, не оказывать вниманія къ свѣтскимъ наставникамъ и пр. и пр. Также было показано вредное вліяніе всѣхъ такихъ распоряженій на нравственность семинаристовъ. Но *благопопечительные* составители новаго устава предлагаютъ *благоискусныя и благоиспытанныя* мѣры для того,

чтобы *благопотребнымъ, благоуспѣшнымъ* образомъ *содѣлать благоповеденіе* учениковъ *благоплоднымъ*, еще болѣе усиливая ту систему семинарскаго воспитанія, которая довела духовныя-училища до нынѣшняго несчастнаго положенія. Начнемъ-те съ внѣшняго благочестія.

По § 123 устава ежедневно прочитываемыя для воспитанниковъ «утреннія и вечернія молитвы начинаются и заключаются пѣніемъ. Въ началѣ поются: *царю небесный, отче нашъ и тропари:* вечеромъ — *помилуй насъ Господи*, утромъ — *возставше отъ сна*; а въ концѣ *взбранной воеводѣ*, или *достойно есть*. Оканчиваются тѣ и другія молитвы пѣніемъ стиха: *сподоби насъ Господи въ нощь сію* (или: *въ день сей*) *безъ грѣха сохранитися намъ*. Такъ какъ эти молитвы должны (§ 122) совершаться *неопустительно, какъ дѣло самое важное и необходимое — благоговѣйно и безъ поспѣшности, какъ дѣйствіе священное*, то ихъ нужно будетъ читать не подьячковски, скороговоркою, а безъ поспѣшности, съ благоговѣніемъ. Въ святцахъ, которыя у меня въ рукахъ, утреннія молитвы занимаютъ 20, а вечернія 22 страницы небольшаго формата, но очень убористой печати. Для того, чтобы прочитать тѣ, или другія молитвы благоговѣйно и раздѣльно и еще пропѣть, р-ся, тоже безъ поспѣшности всѣ выше перечисленные стихи, нужно, по моему опыту, не менѣе 40—50 минутъ, слѣдовательно въ день около $1^1/_2$ часовъ. Но здѣсь не нужно упускать изъ вида отягчающія обстоятельства. Въ примѣчаніи къ § 123 говорится: «это указывается только для примѣра; начальству предоставляется устроить это святое дѣло къ лучшему, благообразно и по чину. Напр. живущіе въ корпусѣ могутъ собираться на общую молитву въ церковь.» Р-ся, зилоты, которые любятъ доказывать свое благочестіе, насильно заставляя другихъ быть благочестивыми, или, лучше, исполнять тѣ обряды, которые считаются признаками набожности и благочестія, — не преминутъ воспользоваться этимъ примѣчаніемъ и сдѣлаютъ утреннія и вечернія молитвы еще продолжительнѣе. Т. о. *святое дѣло*, устроенное *къ лучшему, благообразно и по чину*, сразу займетъ $2 — 2^1/_2$ часа. Но ежедневныя благочестивыя занятія этимъ не ограничиваются. Я не говорю уже о молитвахъ *предъ столомъ и послѣ стола, предъ начатіемъ домашнихъ упражненій и по окончаніи ихъ предъ началомъ и по окончаніи уроковъ въ классѣ*. Кромѣ того ежедневно воспитанникамъ должно прочитывать (§§ 132—135) что нибудь изъ слова Божія, — лучше всего дневное евангеліе послѣ утренней, — и дневный апостолъ послѣ вечерней молитвы. При

чтеніи комнатный надзиратель обязывается кратко пояснять что́ покажется непонятнымъ для учениковъ и указать, какое наставленіе для жизни христіанской заключается въ прочитанномъ. На такія чтенія, разъясненія, указанія, если все дѣло вести *по чину и благоговѣйно;* понадобится чуть ли не цѣлый часъ въ сутки. И вотъ благочестивыя ежедневныя упражненія семинаристовъ отнимутъ у нихъ не менѣе 2—$2^1/_2$ а при усердіи зилотовъ до 3—$3^1/_2$ часовъ.

Рѣшившись улучшить нравственность семинаристовъ посредствомъ внѣшняго благочестія, наши духовные реформаторы не могли допустить послабленія относительно воскресныхъ и праздничныхъ дней. «Богослуженіе въ семинарской церкви должно (§ 129) быть совершаемо съ возможнымъ благолѣпіемъ и съ точнымъ соблюденіемъ церковнаго устава, чтобы воспитанники привыкли къ ясному, раздѣльному и благоговѣйному чтенію, согласному и пріятному пѣнію церковному.» Если даже и не очень буквально соблюдать это правило, то понадобится на литургію 2—$2^1/_2$ часа, на всенощную $2^1/_2$—3 часа и на вечерню не менѣе одного часа. Т. о. если въ одинъ и тотъ же день будетъ всенощное бдѣніе и обѣдня, — или вечерня, утреня и обѣдня, то ученику при возможномъ благоговѣніи, при ясномъ, раздѣльномъ и благоговѣйномъ чтеніи, при согласномъ и пріятномъ пѣніи, при точномъ соблюденіи церковнаго устава придется простоять въ церкви $4^1/_2$—$6^1/_2$ час., а вмѣстѣ съ утренними и вечерними молитвами, съ чтеніями и объясненіями дневныхъ евангелій и апостоловъ употребить на благочестивыя занятія до $6^1/_2$—$7^1/_2$ часовъ.

К-ся, всего многолько набирается. Но наши *благоискусные* реформаторы не хотятъ на этомъ останавливаться. Воспитанники еще до начала богослуженія должны гдѣ нибудь собраться, чтобы инспекторъ (§ 127) могъ осмотрѣть ихъ и потомъ сопровождать въ церковь, куда они идутъ въ порядкѣ, по отдѣленіямъ и квартирамъ. Значитъ воспитанникамъ придется задолго до службы выходить изъ своихъ комнатъ, особенно изъ квартиръ, стоять гдѣ нибудь въ залѣ, ожидать инспектора и потомъ уже порядочно утомленнымъ итти по ротомъ и взводомъ т. е. по отдѣленіямъ и квартирамъ въ церковь. Р-ся, почтенные начальники, особенно оо. ректоры, не преминутъ для увеличенія возможнаго великолѣпія и торжественности не вдругъ являться къ богослуженію, не поторопятся уходить по окончаніи его и чрезъ то увеличатъ стояніе учениковъ еще получасомъ и даже поболѣе, какъ и нынѣ дѣлается. Со всѣми описанными прово-

лочками, со всѣми проходами, переходами и церемоніями только на одинъ обѣдню и всенощную придется употребить не менѣе 6—7 часовъ. По возвращеніи домой воспитанникамъ не тотчасъ же дадутъ отдохнуть и подкрѣпиться. «Время (§ 131) между богослуженіемъ и обѣдомъ, или ужиномъ, если оно длится около получаса и болѣе, проводиться въ комнатахъ — въ общемъ чтеніи какой либо назидательной книги, напр. повѣствованія о празднуемомъ событіи, или житіи святыхъ.» Этого уже, к-ся, нѣтъ и въ монастыряхъ.

Далѣе всѣ семинаристы должны (§ 125) сверхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней слушать въ каждую середу и пятницу раннюю литургію, которая оканчивается до 8 часовъ, т. е. до начала классовъ. Если она станетъ совершаться уже безъ возможнаго великолѣпія, то воспитанникамъ особенно въ квартирѣ придется отправляться не позже $5\frac{1}{2}$—6 часовъ утра и потомъ по окончаніи обѣдни итти прямо въ классъ. Кромѣ того нигдѣ не сказано, чтобы утреннія и вечернія молитвы, чтенія душеспасительныхъ книгъ и пр. отмѣнялись въ среду и пятницу, и потому въ эти дни мальчикамъ придется вставать часовъ въ пять и все-таки не имѣть времени для повторенія уроковъ. Но ученики (§ 125) въ послѣдніе четыре года семинарскаго курса для утвержденія себя въ навыкахъ духовной жизни присутствуютъ ежедневно при всѣхъ богослуженіяхъ: вечернѣ, утренѣ и обѣднѣ. Для сужденія объ этомъ замѣчу, что 1) вечерня, утреня и обѣдня, совершаемыя безъ праздничнаго великолѣпія, но и безъ дьячковской поспѣшности потребуютъ не менѣе 3—4 часовъ, что 2) если къ этому времени присоединить время, которое нужно употребить на утреннія и вечернія молитвы, на обязательное чтеніе, или выслушиваніе дневнаго апостола и евангелія, на разъясненіе ихъ надзирателемъ, на назидательныя его наставленія при этомъ; то окажется, что семинаристы въ послѣдніе четыре года своего ученья на ежедневныя благочестивыя занятія должны употреблять часовъ по 5—7. Да вѣдь это годится для большей части монастырей! Чтобы поощрить воспитанниковъ къ точному исполненію благочестивыхъ занятій, комнатныя надзиратели (§§ 127—128) въ церкви стоятъ каждый при своихъ воспитанникахъ, потомъ во время богослуженія и они и инспекторъ, и его помощники наблюдаютъ, чтобы воспитанники стояли благоговѣйно, творили крестное знаменіе и поклоны по установленію церковному. Само собою р-ся, что каждому изъ этихъ наблюдателей предоставлено право обо дрять тѣхъ, которые все исполняютъ *по чину*, дѣлать замѣ

чанія и выговоры тѣмъ, которые не показываютъ усердія въ этомъ случаѣ и на основаніи своихъ наблюденій ставить низшій и высшій балъ по поведенію.

Допустивши, что чѣмъ продолжительнѣе богослуженіе и чѣмъ чаще при немъ присутствуютъ воспитанники, тѣмъ они дѣлаются набожнѣе и нравственнѣе, реформаторы должны были неизбѣжно дойти до той мысли, что для развитія нравственности и религіозности семинаристовъ нужно увеличить число праздничныхъ дней. На этомъ основаніи въ семинаріяхъ къ праздникамъ причисляются: а) 30 Янв. — трехъ святителей, б) 9) Марта — 40 мучениковъ, в) четвергъ и суббота пятой недѣли великаго поста, г) 8 Мая — Іоанна Богослова, д) преполовеніе Господне, е) отданіе пасхи, ж) 24 Іюня — рождество Іоанна Крестителя, з) 30 Іюня — соборъ 12 апостоловъ, и) 8 Іюля — казанской божіей Матери, і) 15 Іюля — князя Владиміра, к) 8 Ноября — архистратига Михаила, л) 13 Ноября — Іоанна Златоустаго, м) 31 Ноября — Андрея Первозваннаго, н) субботы предъ пятидесятницей и предъ мясопустной недѣлей, — всего 16 праздниковъ. Кромѣ того по § 125 во всѣ такъ называемые торжественные дни, на которые падаютъ рожденія и тезоименитства членовъ императорской фамиліи, семинаристы будутъ увольняемы отъ классовъ.

Наконецъ новому уставу продолжительныя утреннія и вечернія молитвы, торжественное и медленное богослуженіе, множество старыхъ и новыхъ праздниковъ все еще казалось недостаточными для того, чтобы семинаристы были благочестивыми людьми. Поэтому онъ находитъ (§ 124) нужнымъ *пріучить* воспитанниковъ къ постоянно-молитвенному настроенію ума и сердца, научая ихъ при каждомъ случаѣ напр. входя въ комнату и выходя изъ нее, принимаясь за изученіе урока, или за другое какое либо дѣло, особенно за чтеніе св. писанія, благоговѣйно ограждать себя крестнымъ знаменіемъ съ краткою молитвою, напр. *Господи благослови, Господи помоги мнѣ* и под.» А по § 147 «духовнымъ воспитанникамъ надобно соблюдать свято всѣ благочестивые обычаи, которые и предписываются церковію, и соблюдаются въ народѣ, напр. (между прочимъ) творить крестное знаменіе и молитву при входѣ въ чей либо домъ, или въ свою квартиру и при выходѣ изъ нихъ, а также когда проходитъ (кто?) мимо храма божія и часовни, оказывать почтеніе лицамъ священнаго сана и вообще старшимъ себя и пр.» Вотъ сколько, г. ч., благочестивыхъ занятій, или лучше, экзерцицій новый уставъ хочетъ наложить на будущихъ

семинаристовъ. О послѣдствіяхъ такихъ распоряженій нечего много распространяться. Если, какъ в. с-но, и нынѣ продолжительныя молитвы и богослуженіе пробуждаютъ въ дѣтяхъ не только холодность къ нимъ, но даже отвращеніе, то понятно, что будетъ, когда они сдѣлаются еще продолжительнѣе и утомительнѣе. Новые 30—35 праздничныхъ и торжественныхъ дней увеличатъ въ семинаристахъ наклонность не къ благочестію, а къ празднованіямъ и праздности. Но позвольте высказать нѣсколько замѣчаній о пріученіи воспитанниковъ *къ постоянно молитвенному настроенію при всякомъ случаѣ.*

Здѣсь предварительно надобно вспомнить объ одной изъ заповѣдей моисеева десятословія: *не возмеши имени Господа Бога твоего всуе* т. е. не произноси имени божія напрасно. Но къ случаямъ, когда оно произносится *всуе*, должно отнести и тѣ, когда мы повторяемъ молитву, или произносимъ ее безъ сердечнаго участія, безъ душевной потребности, а механически, по привычкѣ только, по приказу, изъ угожденія другимъ, или изъ страха заслужить отъ кого либо выговоръ и пр.; во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ мы *пріемлемъ имя божіе всуе.* И потому реформаторы, предписывая креститься и молиться, должны были бы спросить: возможно ли, чтобы во всѣхъ перечисленныхъ (§§ 124 и 147) случаяхъ семинаристы и крестились и молились искренно, отъ души, а не механически. Вѣдь кому неизвѣстно, что и пожилые, набожные люди съ сознаніемъ обращаются къ Творцу вселенной, кромѣ богослуженія, утреннихъ и вечернихъ молитвъ, только въ особыхъ чѣмъ либо поразительныхъ случаяхъ? Но скажите: что за важное, за поразительное событіе, заставляющее прибѣгать къ помощи божіей, — входъ въ комнату и выходъ изъ нее, изученіе того напр., какъ склоняются *снопъ, верея,* или спрягаются *живу и бѣгаю?* Сколько разъ мальчикъ въ теченіе дня войдетъ въ комнату и выйдетъ изъ нее, прекратитъ ученіе урока и вновь примется за него. Сколько разныхъ дѣлъ онъ передѣластъ въ теченіи сутокъ? И при каждомъ изъ этихъ случаевъ онъ крестись, молись, говори: *Господи помилуй, Господи сподоби, Господи помоги мнѣ* и пр. Ну возможно ли, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ и молился и крестился съ сердечнымъ участіемъ съ душевнымъ умиленіемъ. Далѣе: неужели и мальчикъ и взрослый человѣкъ непремѣнно долженъ обнажить свою голову и дѣлать поклоны предъ каждою церковію и часовнею во время мороза, дождя, снѣга, порывистаго вѣтра, когда такъ легко простудиться? Неужели нельзя выразить свое уваженіе къ

храму божію, не скидая фуражки? Р-ся, при строгой дисциплинѣ, при неумолимомъ надзорѣ семинаристы станутъ всегда креститься и молиться, скидать фуражки и говорить: *Господи помилуй*, *Господи помоги мнѣ* и пр. Но развѣ это будетъ настоящая молитва? Тутъ въ самой большей части случаевъ имя Божіе станетъ призываться *всуе*, — молитва станетъ повторяться, какъ заученный урокъ, — крестное знаменіе станутъ дѣлать съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ солдатъ нынѣ при встрѣчѣ съ офицеромъ прикладываетъ руку къ козырьку *кепи*, а прежде снималъ фуражку. И подобными экзерциціями думаютъ исправить нравственность семинаристовъ!

Наши реформаторы пусть не думаютъ, что бы предлагаемыя ими мѣры *обученія по благочестію* были новостію. Еще задолго до нихъ и за границею и у насъ старались въ учебныхъ заведеніяхъ утвердить внѣшнее благочестіе еще болѣе обширными способами, нежели какіе встрѣчаются въ новомъ уставѣ семинарій. Знаменитый Магницкій, бывшій попечитель казанскаго университета въ концѣ царствованія императора Александра Iго, предписалъ, чтобы студенты имѣли непремѣнно библіи, предъ завтракомъ и ужиномъ читали молитвы по каноннику, чтобы во время самыхъ завтраковъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ читалъ что нибудь изъ библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ, чтобы проступившіеся воспитанники назывались *грѣшниками*, отдавались на руки духовнику, который ихъ увѣщевалъ, исповѣдывалъ и пріобщалъ, что бы во время этого исправленія возсылались общія молитвы товарищами и начальствомъ объ обращеніи грѣшниковъ, чтобы въ карцерѣ были рѣшотки, распятіе и изображеніе страшнаго суда и пр. пр. — Такъ не угодноли нашимъ реформаторамъ сдѣлать еще сколько нибудь прибавочекъ? Но пусть они послушаютъ какъ генералъ Желтухинъ, ревизовавшій по порученію императора Николая казанскій университетъ, отзывается (No. 8 Ртсс. Вѣстн. 1864 г. стр. 437 и 438) о тамошнихъ благочестивыхъ порядкахъ. «Если всѣ эти правила, пишетъ онъ въ своемъ оффиціальномъ донесеніи, приличныя самымъ строгимъ монастырскимъ обителямъ, исполняются въ точности, то можно справедливо опасаться, чтобы въ молодыхъ людяхъ не укоренилось лицемѣріе столь пагубное, подъ личиною благочестія скрывающее многіе пороки, вредные для благосостоянія гражданскихъ обществъ . . . Не справедливо ли, что *подобный порядокъ можетъ истребить послѣднюю нравственность.*» Этими словами и я заканчиваю отдѣлъ.

Отдѣлъ 51-ый.

О духовникѣ семинаристовъ и о пріобщеніи Св. Таинъ.

Обязывая воспитанниковъ ежедневно выслушивать часа 2—3 утреннія и вечернія молитвы, разныя назидательныя чтенія, разъясненія и наставленія, присутствовать при продолжительныхъ богослуженіяхъ въ церкви, однихъ по три раза въ недѣлю, а другихъ каждый день, а для постояннаго молитвеннаго настроенія при каждомъ дѣлѣ креститься и молиться, говорить: *Господи, способи меня, Господи, помоги мнѣ* и пр и пр. реформаторы понимали, что въ такомъ случаѣ нельзя ограничиваться однимъ инспекторскимъ надзоромъ, который довольно похожъ на польцейскій; надобно было подумать о томъ, какъ бы подѣйствовать на совѣсть, подчинить ее какому либо сильному авторитету. Въ католическихъ духовныхъ училищахъ существуетъ для этого особенный духовникъ, котораго единственная обязанность посредствомъ исповѣди и собесѣдованія съ воспитанниками проникать въ ихъ душу, управлять ихъ совѣстію, вызнавать слабыя стороны и пр. и . . . увы! свои наблюденія секретно сообщать начальнику училища. По слухамъ лѣтъ за пять появлялся будто и у насъ проэктъ ввести въ духовныя училища почти такого же духовника. Ему предоставлялся рѣшительный голосъ по отношенію къ воспитанникамъ; стоило ему только сказать при составленіи ученическихъ списковъ, что такой-то ученикъ дурной нравственности, — противъ этого приговора никто не смѣлъ возражать, ни даже самъ ректоръ; ученика непремѣнно понижали. Нынѣшніе реформаторы поостереглись подобныхъ крайностей, но воспользовались все-таки примѣромъ католическихъ училищъ. По § 142 «духовникъ (для семинарій) избирается и опредѣляется епархіальнымъ начальникомъ, по его личному усмотрѣнію, изъ опытнѣйшихъ, отличающихся пастырскою ревностію и благоразуміемъ, пожилыхъ лѣтами, священнослужителей епархіи, который съ просвѣщеніемъ науками соединялъ бы просвѣщеніе духовное, пріобрѣтаемое чистою, благоговѣйною и богобоязненною жизнію и непрестаннымъ молитвеннымъ общеніемъ съ просвѣщающимъ всѣхъ Духомъ божіимъ.» Этому-то идеальному пастырю предоставляется § 145—146 во время исповѣди

«возбуждать въ воспитанникахъ духъ истиннаго покаянія, посѣщать ихъ квартиры, давать имъ отеческія наставленія и совѣты, споспѣшествовать ихъ духовному преспѣянію, призывать къ себѣ для уединенныхъ бесѣдъ и наставленій, пріучать ихъ наблюдать не только за своими поступками, но и за помыслами и для того приходить къ нему во всякое время, открывать предъ нимъ состояніе души своей и научаться духовному бодрствованію, мысленной брани и умной молитвѣ, и пр.»

Чтобы управлять совѣстію людей, особенно въ цѣломъ многолюдномъ училищѣ, чтобы расположить воспитанниковъ открывать состояніе своей души, духовнику нужно имѣть необыкновенно сильное нравственное вліяніе на нихъ, пріобрѣсти ихъ полное довѣріе, зарекомендовать себя во всѣхъ отношеніяхъ. Для этого не достаточно одного усердія, одной богобоязненной жизни; нужно глубокое знаніе сердца человѣческаго и вовсе немалыя свѣдѣнія въ наукахъ. Воспитанниковъ семинаріи могутъ колебать религіозныя сомнѣнія въ догматическихъ истинахъ; чтобы разсѣять такія сомнѣнія, понадобится даже вступать въ пренія съ сомнѣвающимися. Чтоже будетъ, если побѣда останется на сторонѣ послѣднихъ? — Гдѣ же найти такихъ священнослужителей, которые бы, по словамъ устава, просвѣщеніе духовное соединяли съ просвѣщеніемъ науками? Между бѣлымъ д-вомъ? но священникамъ, какъ семейнымъ людямъ, нужно положить хорошее жалованье, а гдѣ его взять? Притомъ такіе люди нужны для занятія протоіерейскихъ, законоучительскихъ, наставническихъ, благочинническихъ и пр. мѣстъ. Въ м-вѣ? напрасна и эта надежда. Благочестивыхъ монаховъ, которые бы соединяли въ себѣ просвѣщеніе духовное съ просвѣщеніемъ науками — въ званіи іеромонаховъ почти вовсе нѣтъ; такіе люди или уже занимаютъ, или надѣются скоро занять мѣста монастырскихъ настоятелей, начальниковъ семинарій и пр., думаютъ о чемъ либо повыше; имъ не захочется быть духовниками. И потому идеалъ останется въ идеѣ, а на дѣлѣ духовникъ будетъ человѣкъ или съ просвѣщеніемъ духовнымъ, но безъ просвѣщенія науками, или на оборотъ, или безъ обоихъ даже просвѣщеній; будетъ только лишній духовный чиновникъ въ семинаріяхъ и р-ся уже старецъ-монахъ. Гдѣ ему управиться съ совѣстію нѣсколькихъ сотъ молодыхъ, живыхъ, ученыхъ, мыслящихъ людей?

Съ назначеніемъ особенной должности духовника для семинаріи найдено нужнымъ измѣнить существовавшій въ нихъ порядокъ относительно исповѣди и Св. Причастія. До

сихъ поръ духовныхъ воспитанниковъ заставляли приступать къ этимъ таинствамъ два раза въ годъ; — въ первую и послѣднюю недѣли великаго поста. На самомъ дѣлѣ большая ихъ часть *исполняла*, какъ говорятъ, *христіанскій долгъ* однажды, т. е. въ первую недѣлю поста. Извѣстно, что всѣ почти ученики на Пасху отправляются къ своимъ отцамъ и по причинѣ дурной погоды и разлива рѣкъ пріѣзжаютъ къ нимъ иногда въ понедѣльникъ, и даже во вторникъ страстной недѣли. Съ дороги надобно отдохнуть; когда же теперь приготовляться достойнымъ образомъ къ принятію тѣла и крови Христова? Другіе же и рано пріѣдутъ, да по чему либо не находятъ удобнымъ пріобщаться. И вотъ, послѣ Пасхи отправляясь въ училища, являются къ мѣстному священнику съ покорнѣйшею просьбою о выдачѣ свидѣтельства въ томъ, что были у исповѣди и св. Причастія. Свидѣтельства выдаются, п. ч. и самъ священникъ въ былыя времена такимъ же образомъ получалъ ихъ; да у насъ по привычкѣ считается ни по чемъ солгать и дать фальшивое удостовѣреніе. Т. о. требованіе двукратной исповѣди подаетъ поводъ къ обману и лжи. Но реформаторы духовные не захотѣли на этомъ остановиться, положивъ (§ 137), чтобы семинаристы пріобщались св. таинъ четыре раза въ годъ, именно въ первую и послѣднюю седмицу четыредесятницы, въ рождественскій и успенскій посты. Впрочемъ самъ уставъ (§ 137) сглашается, что въ успенскій постъ не всѣмъ семинаристамъ удобно будетъ пріобщаться и потому предоставляетъ это дѣло какъ будто усердію воспитанниковъ и попеченію родителей. Это усердіе и попеченіе на самомъ дѣлѣ нигдѣ не проявятся, но непремѣнно будутъ засвидѣтельствованы подписью священника съ приложеніемъ церковной печати. Дѣло состоитъ въ томъ, что по уставу причащавшіеся должны будутъ представлять свидѣтельства о своемъ усердіи. Кому же изъ семинаристовъ захочется прослыть въ глазахъ начальства неусернымъ? Они не сдѣлаютъ такого промаха; — люди догадливые! Да и отцы ихъ не захотятъ показать, что они не пекутся о дѣтяхъ. А если кто либо уже и пріобщится, то безъ надлежащаго приготовленія. Во время успенскаго поста сельскія работы находятся въ самомъ разгарѣ; тогда кромѣ особенныхъ какихъ либо случаевъ служба божественная совершается только въ воскресенье и праздничные дни, и то не вездѣ. Что же будетъ за пріобщеніе? И такъ нынѣ однажды берутъ фальшивое свидѣтельство о исповѣди и пр., да и то не всѣ, а тогда два раза, и притомъ въ успенскій постъ едва ли уже не всѣ; спасеніе души

останется въ сторонѣ, а по части лжи и обмана станетъ ежегодно повторятся практика.

Но нѣтъ поводовъ ожидать, чтобы пріобщеніе святыхъ таинъ и въ семинарской церкви благодѣтельно подѣйствовало на воспитанниковъ. Правила, которыя новый уставъ (§§ 138—149) предписываетъ соблюдать во время приготовленія къ исповѣди, слишкомъ отзываются ригоризмомъ; м. б. они хороши въ Саровской Пустыни, или на Аѳонской горѣ для старцевъ, отказавшихся отъ міра и постоянно оплакивающихъ старыя и новыя свои прегрѣшенія, но вовсе не удобны въ семинаріяхъ и неумѣстны относительно грѣшниковъ въ 9—20 лѣтъ. Служба, р-ся, будетъ совершаться для говѣющихъ самая продолжительная, утреннія и вечернія молитвы не только не отмѣняются, но еще увеличиваются прибавочнымъ чтеніемъ; къ нимъ, особенно вечеромъ, присоединяются нѣкоторыя умилительныя моленія, напр. «акафистъ І. Христу, страстямъ Христовымъ, или поклоненіе Господу І. Христу и Божіей Матери (въ сочиненіяхъ Дмитрія Ростовскаго).» Во время говѣнія классическія занятія прекращаются, не дозволяется читать книги, которыми могло бы развлечься вниманіе воспитанниковъ. Читать должно только душеспасительныя сочиненія; всякія игры, даже дѣтскія, всякія развлеченія отмѣняются; всякому нужно только углубиться въ себя самаго и молиться о прощеніи грѣховъ. А въ день пріобщенія *кромѣ богомысленнаго чтенія слова Божія и писанія Св. Отцовъ всякое другое занятіе* (замѣтьте всякое занятіе) *отмѣняется;* значитъ ни походить, ни поговорить, ни поготовить урокъ, ничего нельзя дѣлать. Читайте только богомысленно слово Божіе и писанія Св. Отцовъ. «Прекрасно! скажутъ ригористы; такъ и должно быть.» Напрасно только они забываютъ, что излишній ригоризмъ, невыносимыя правила, имъ предписываемыя, производятъ печальныя послѣдствія; что природа имѣетъ свои законы, которые устаиваютъ противъ всѣхъ аскетикъ, что наклонности можно насиліемъ сдерживать; но за то онѣ, освободившись отъ него, тѣмъ съ большею настойчивостію потребуютъ себѣ удовлетворенія. Воспитанники станутъ стоять въ церкви, если нельзя убѣжать, будутъ слушать ежедневно акафисты, если за ними смотритъ надзиратель, даже станутъ дѣлать земные поклоны и показывать, что они *богомыслятъ*, если этого потребуютъ. Но утомленіе возметъ свое; насиліе пробудитъ скуку и отвращеніе; молитвы станутъ читаться, но не будутъ услышаны. Знайте, что если говѣнье станетъ совершаться такъ, какъ уставъ желаетъ, то исповѣдь и причастіе

даже одинъ разъ въ годъ сдѣлаются для учениковъ *не насущною потребностію*, какъ желаетъ (§ 139 уставъ, а *оффиціальнымъ урочнымъ дѣломъ* и невыносимою тяжестію.

Отдѣлъ 52ой.

О монастырскомъ устройствѣ квартиръ для семинаристовъ по новому уставу.

Продолжительныя молитвы сближаютъ семинаріи съ монастырями, а особые для нихъ духовники хоть отчасти съ католическими духовными училищами. Но наши духовно-учебныя заведенія имѣютъ многія черты, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ тѣхъ и другихъ. Отличіе это состоитъ въ томъ, что на учениковъ, живущихъ по квартирамъ, вмѣстѣ съ мірянами и даже мірянками, вовсе нельзя смотрѣть ни какъ на монаховъ, ни какъ на послушниковъ; и потому новые реформаторы сдѣлали рѣшительный шагъ для того, чтобы нашимъ семинаріямъ, а затѣмъ, р-ся, и академіямъ дать, сколько возможно это при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, монастырскую администрацію, отдѣлить ихъ отъ прочаго грѣшнаго міра, посадить въ такіе питомники, гдѣ бы они дѣлались людьми не *отъ міра сего*.

Къ такому рѣшительному шагу училищное м-щее начальство побуждается личными интересами. Не имѣя возможности опровергнуть не благопріятные отзывы о нравственности семинаристовъ, оно приписываетъ упадокъ ея не дурному своему управленію, несогласному ни съ современной педагогіей, ни съ здравымъ смысломъ, но тому, что теперь болѣе половины учениковъ живетъ на вольныхъ квартирахъ, увлекается тамъ мірскими соблазнами и заражаетъ казенно-коштныхъ учениковъ. Но это несправедливо.

Есть семинаріи (напр. новгородская, петербурская и др.) гдѣ уже всѣ ученики за ничтожными исключеніями живутъ въ казенныхъ корпусахъ, даже иногда въ монастыряхъ, а м. т. онѣ въ нравственномъ отношеніи нисколько не лучше семинаристовъ другихъ епархій. Потомъ въ духовныхъ академіяхъ всѣ студенты, по к. м. до шестидесятыхъ годовъ

были казеннокоштными, и все-таки въ нихъ проявлялись недостатки, общіе всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. А наконецъ, если монастырская жизнь такъ благодѣтельно дѣйствуетъ на нравственность, то отчего студенты кіевской и московской академій, помѣщающіеся въ знаменитыхъ монастыряхъ, не нравственнѣе студентовъ петербургской академіи, живущихъ только съ *боку лавры?* А кто подробно знаетъ жизнь квартирныхъ и казеннокоштныхъ учениковъ и не имѣетъ поводавъ при отзывахъ о ней увлекаться личными, или сословными интересами, тотъ скажетъ, что первые ученики лучше живутъ, нежели вторые. Конечно начальство семинарское имѣетъ возможность ежедневно по нѣскольку разъ видѣть учениковъ, живущихъ въ казенномъ домѣ, не выпускать ихъ за ворота, слѣдить за ихъ занятіями и пр. Но чрезъ это дурныя привычки и наклонности не уничтожаются, страсти не облагораживаются, а тѣ и другія сдерживаются на время, придавливаются, таятся въ не большой даже глубинѣ души. Владѣлецъ ихъ не исправляется; онъ силится вырваться изъ подъ пресса и хоть тайкомъ удовлетворить своимъ страстямъ и привычкамъ. И если найдетъ удобный случай и время, то предается имъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, съ безумнымъ упоеніемъ, съ дикимъ разгуломъ. Къ этому онъ побуждается, т. с-ть, мщеніемъ за то, что его такъ сдерживали и кромѣ того мыслію, что другой случай погулять еще не скоро представится. Повторившіяся нѣсколько разъ такія событія, товарищеское увлеченіе окрѣпляютъ, обращаютъ во вторую природу привычки и наклонности. Близость начальства не очень безпокоитъ учениковъ; у нихъ почти математически разсчитано, когда къ нимъ придетъ ректоръ, инспекторъ и пр.; у нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ разставляются пикеты и ведеты, разсылаются гонцы, подкупаются шпіоны; все есть. А потомъ лучшій ихъ союзникъ-это родимая ночь. И въ то время, какъ начальники, получивши репортъ и сами даже убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, предаются въ объятія Морфея, ихъ питомцы предаются тоже, но не Морфею, а дикимъ оргіямъ вакханаліямъ и въ самомъ корпусѣ, и внѣ его.

На квартирахъ живутъ не ангелы, а тоже семинаристы; и они очень не прочь пошалить и даже покутить. Но они могутъ съ небольшими предосторожностями удовлетворять своимъ желаніемъ почти во всякое время, свободное отъ классовъ. И потому въ нихъ нѣтъ того раздраженія, того разгула, того, опьянѣнія, съ которымъ казеннокоштные предаются утовлетворенію своихъ долго сдерживаемыхъ страстей

и наклонностей. Извѣстно, что въ общихъ семинарскихъ попойкахъ и другихъ запрещенныхъ дѣлахъ казеннокоштные ученики б. ч. далеко опереживаютъ квартирныхъ и изумляютъ ихъ своею удалью и разгуломъ. Отъ всѣхъ описанныхъ мною обстоятельствъ происходитъ, что днемъ казеннокоштные ученики бываютъ дома и степенничаютъ, а квартирные дѣйствительно нерѣдко уходятъ изъ квартиръ и погуливаютъ. Но ночью послѣдніе почти всегда дома и спятъ, развѣ вздумаютъ поиграть въ картишки, тогда какъ первые..... ну да не все же высказывать.

Здѣсь взять изъ жизни квартирныхъ учениковъ тотъ случай, когда старшій квартиры не отличается нравственностію. Но если онъ степенный, дѣльный ученикъ и человѣкъ, то его квартиранты рѣшительно живутъ лучше казеннокоштныхъ; особенно за малыми учениками надзираютъ очень хорошо; имъ никакъ не позволятъ столько шалостей и глупостей, сколько бываетъ ихъ на *казенномъ*. Даже нѣкоторые почтенные начальники семинарій сознавались мнѣ, что квартирные ученики лучше казенныхъ. Въ первыхъ было бы еще менѣе дурныхъ качествъ, если бы отцы ихъ не стѣснялись въ своихъ финансовыхъ и соціальныхъ обстоятельствахъ. Улучшите ихъ бытъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда бы они нашли и лучшія квартиры и болѣе нравственныхъ хозяевъ, устроили и дѣльный надзоръ за дѣтьми.

Изъ сказаннаго о квартирныхъ и казеннокоштныхъ духовныхъ воспитанникахъ очевидно, что первые въ нравственномъ отношеніи стоятъ не только не ниже, но даже выше послѣднихъ и потому нѣтъ надобности всѣхъ вообще семинаристовъ запирать въ казенные дома. Едва ли бы не лучше было, если бы и казеннокоштнымъ ученикамъ позволено было жить на вольныхъ квартирахъ съ полученіемъ стипендій. Но такъ станетъ думать человѣкъ безпристрастный, ничѣмъ не заинтересованный въ поддержаніи того порядка, который стараются сохранять въ духовныхъ училищахъ ихъ м-щіе начальники. Согласиться послѣднимъ съ тѣмъ, что семинаріи разстроились въ нравственномъ отношеніи не отъ квартирныхъ учениковъ, не отъ міра и мірянъ, а отъ дурнаго управленія — согласиться съ этимъ препятствуютъ и личное самолюбіе, и сословные интересы, и утвердившіяся въ ихъ головахъ мысли, дошедшія до нихъ по преданію. И потому новый уставъ задумалъ устроить семинаріи почти какъ монастыри. Мысли о такомъ устройствѣ составляли издавна *pium desiderium* многихъ м-щихъ. Составители устава только печатно высказали эти мысли, при-

вели въ систему и, главное, для доказательства ихъ воспользовались всѣми благопріятствующими ихъ взглядамъ донесеніями ректоровъ и архіереевъ, всѣми оборотами рѣчи, которыми такъ щедро научаютъ своихъ почитателей діалектика и схоластика и особенно всѣми прикрасами риторическаго красноглаголанія и многоглаголанія.

Прежде всего нужно было сдѣлать безсильнымъ голосъ родителей, изъ которыхъ многимъ, особенно священникамъ, не очень понравится, что ихъ дѣтей станутъ на ихъ же, р-ся, деньги содержать въ бурсѣ, устроенной на монастырскій ладъ. Для этого составители устава приняли за истину, что бѣлое д-во неспособно само смотрѣть за воспитаніемъ своихъ дѣтей и даже портитъ ихъ въ своихъ домахъ въ нравственномъ отношеніи; поэтому и рѣшились на небывалый еще поступокъ. До сихъ поръ нравственная часть училищныхъ уставовъ содержала въ себѣ только правила, касавшіяся воспитанниковъ; и, к-ся еще ни-одинъ училищный уставъ не считалъ нужнымъ распространять свое вліяніе на отцовъ учениковъ. Но новый уставъ семинарій отступилъ отъ этого, помѣстивъ у себя цѣлую главу *о нравственномъ содѣйствіи доброму воспитанію учениковъ семинарій со стороны ихъ родителей.* Въ § 180 уставъ, какъ мы уже видѣли (49 Отд.), широко вѣщательно и красноглаголиво доказываетъ духовнымъ лицамъ необходимость заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, очевидно въ той увѣренности, что они не умѣютъ, или не хотятъ этого дѣлать. Потомъ (§ 184) преподавши разныя правила, какъ обращаться съ учениками, пришедшими на каникулы, уставъ уже не довѣряетъ всѣмъ отцамъ и (§ 185) приказываетъ наблюдать за семинаристами священникамъ, притомъ не всѣмъ даже, а преимущественно старшимъ, и отмѣчать на отпускномъ билетѣ, какъ велъ себя семинаристъ у отца своего. И священническій надзоръ показался недостаточнымъ; благочинные должны отмѣчать поведеніе учениковъ за каникулярное время въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Наконецъ уставъ нашолъ необходимымъ устроить и за отцами надзоръ, обязывая (§ 187) благочинныхъ наблюдать за домашнимъ воспитаніемъ дѣтей ввѣряемаго ихъ надзору д-ва, въ благочестіи и страхѣ божіемъ, благопопечительныхъ аттестовать въ клировыхъ вѣдомостяхъ съ похвалою, а не радящихъ побуждать къ тому совѣтами, или даже доносить о томъ епархіальному архіерею. Судя по этимъ распоряженіямъ, всякій по неволѣ подумаетъ, что бѣлое д-во воспитываетъ дѣтей своихъ самымъ дурнымъ образомъ. Въ опроверженіе этого грубаго и неосновательнаго

обвиненія укажу я на извѣстное въ новѣйшей исторіи событіе, случившееся въ 1793 г. Несчастная Марія Антуанетта, жена Людовика XVI, будучи обвиняема Гебером въ нерадѣніи о воспитаніи сына своего, сказала въ оправданіе: «я думаю, что природа освобождаетъ меня отъ обязанности отвѣчать на такое обвиненіе, но я апеллирую къ сердцамъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь матерей,» и болѣе ничего не говорила. Тьеръ замѣчаетъ, что этотъ отвѣтъ тронулъ всѣхъ, слышавшихъ его. И вы отцы и матери, принадлежащіе къ бѣлому д-ву сошлитесь на отцовъ и матерей всѣхъ сословій въ томъ, что родители, хоть сколько нибудь образованные и несовершенно безнравственные лучше умѣютъ заботиться о нравственности своихъ дѣтей, нежели всѣ управляющіи бурсами семинарскія начальства и что для поддержанія этой заботливости не нужны ни отмѣтки въ клировыхъ вѣдомостяхъ съ похвалами, ни аттестація на отпускныхъ билетахъ, ни донесенія епархіальному начальству. А я съ своей стороны прибавлю, что духовныя лица по своей должности находятся и безъ того въ рукахъ благочиннаго. За чѣмъ же теперь вводить его даже въ семейныя распоряженія? Семейство есть въ своемъ родѣ независимое государство отца и матери; сосѣди и власть имѣютъ право входить въ дѣла его въ извѣстныхъ случаяхъ, ясно закономъ опредѣленныхъ, и притомъ когда этого требуетъ доказанное злоупотребленіе родителей. Наши духовные реформаторы забыли объ этомъ семейномъ правѣ, которое не нарушается даже въ Турціи. Если дѣйствительно есть духовныя лица не радивыя о воспитаніи своихъ дѣтей, то надобно брать мѣры только противъ нихъ, напередъ убѣдившись въ истинѣ обвиненія, а не подвергать цѣлое сословіе начальническому надзору изъ за проступковъ только нѣкоторыхъ его членовъ, — или п. ч. ректорамъ семинарій нужно было для защиты себя дурное состояніе нравственности семинаристовъ приписать нерадѣнію отцовъ и матерей.

Тѣмъ, по мнѣнію которыхъ родители въ д-вѣ подаютъ соблазнъ своимъ дѣтямъ, а своекоштные ученики, для которыхъ отцы не умѣютъ найти *нравственныхъ квартиръ*, хуже казенноконтныхъ, легко дойти до мысли, что надобно, во что бы-то ни стало, отдѣлить семинаристовъ отъ отцовъ и отъ горожанъ. Наши духовные реформаторы такъ и поступили. По ихъ словамъ (§ 92) семинаристъ или «уготовляемый въ сосудъ благодати священства воспитанникъ долженъ быть чистъ духомъ и тѣломъ; посему необходимость требуетъ охранить его всячески отъ соблазновъ и

растлѣнія духовнаго, доколѣ не образуется его харктеръ и не укрѣпится умъ и сердце его въ благочестіи, вѣрѣ и жизни. Лучшее средство къ тому есть совершенное удаленіе воспитанниковъ изъ той среды, гдѣ они могли бы и видѣть и слышать многое такое, что зловредно можетъ дѣйствовать на ихъ душу.» Для этого слѣдуетъ поскорѣе забрать всѣхъ уготовляемыхъ въ сосудъ благодати священства въ бурсу. Но семинарскіе дома съ трудомъ вмѣщаютъ и казеннокоштныхъ учениковъ. Новыя зданія можно бы устроить; за это взялись бы каменьщики, штукатуры и пр. мастеровые; только бы имъ заплатили за работы. Къ несчастію нужные для этого десятки милліоновъ рублей не имѣются въ наличности. По этимъ причинамъ новый уставъ придумалъ другое средство. По его распоряженіемъ благопопечительное и, р-ся, благонравственное семинарское начальство не станетъ болѣе позволять самимъ отцамъ отыскивать и нанимать помѣщенія для семинаристовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ какъ можно это позволять? Если отцы, по новому уставу, такъ мало радѣютъ о нравственности своихъ дѣтей, что за ними и въ этомъ отношеніи нуженъ надзоръ благочиннаго съ отмѣтками въ клировыхъ вѣдомостяхъ, съ похвалами, съ донесеніями епархіальному начальству, то гдѣ имъ самимъ отыскивать хорошую благонравственную квартиру въ городѣ? Благопопечительное начальство семинарій само найдетъ домъ не менѣе, какъ на 25—30 человѣкъ. Если бы отецъ мальчика имѣлъ самаго близкаго родственника, напр. брата, сына и пр. въ городѣ, гдѣ семинарія, если бы эти люди ничѣмъ не были запятнаны; то начальство семинарій все-таки не позволитъ помѣстить мальчика у нихъ. Если даже ему покажется, что живущее въ городѣ духовное лицо, хотя бы близъ самаго семинарскаго дома — плохо смотритъ за своимъ сыномъ, то оно *запрещаетъ* послѣдняго въ нанятую имъ квартиру. Въ самыхъ квартирахъ будетъ особаго рода размѣщеніе; вмѣстѣ позволятъ жить только равно возрастнымъ воспитанникамъ. Т. о. если у отца обучается въ одно время четыре сына въ разныхъ классахъ, то они помѣстятся въ разныхъ квартирахъ и отецъ для свиданія съ ними долженъ будетъ, чего добраго, обойти чуть не весь городъ. Для такихъ помѣщеній необходимы и названіе, и уставъ, и начальники. Въ этомъ случаѣ помогъ составителямъ устава Смоленскъ.

Тамъ еще въ одномъ изъ сороковыхъ годовъ на 26 или 27 — лѣтняго семинариста подана была жалоба въ томъ, что онъ имѣлъ любовную интригу съ дѣвушкою, или женщиною,

не упомню. Семинаристъ въ объясненіе своего проступка указалъ на свои 26—27 лѣтъ; но духовноучилищное начальство нашло нужнымъ предписать правленію семинаріи помѣстить всѣхъ квартирныхъ учениковъ въ особые, нанятые у обывателей, дома, гдѣ бы надъ ними имѣли надзоръ наставники. Дома эти названы *общими квартирами*. Послѣ того одинъ изъ инспекторовъ смоленской семинаріи издалъ, т. е-ть, кодексъ законовъ; которыми управляются эти квартиры; книга названа *истиннымъ другомъ духовнаго юношества;* въ ней самые обыкновенные поступки учениковъ подведены педантически подъ особыя правила. Предсѣдатель комитета для составленія новаго устава семинарій спрашивалъ у смоленскаго епископа мнѣніе объ общихъ квартирахъ. Преосвѣщенный отвѣчалъ, что онѣ, *не смотря на многіе недостатки*, очень хороши. Но комитету и предсѣдателю слѣдовало бы знать, что отзывъ преосвященнаго не могъ быть не благопріятнымъ. Преосвященный не могъ ни самъ войти во всѣ подробности, ни разспрашивать о томъ семинаристовъ, и ихъ отцовъ; онъ получилъ свѣдѣнія отъ семинарскаго начальства, которое имѣетъ поводы не вооружаться противъ общихъ квартиръ. Наставники имѣютъ въ нихъ даровое помѣщеніе, чтобы надзирать за учениками; инспекторъ доволенъ тѣмъ, что ему не нужно посѣщать квартиры, разбросанныя по цѣлому городу. О ректорѣ нечего и говорить; ему нельзя назвать дурнымъ то, что инспекторъ и наставники признаютъ хорошимъ.

Но комитетъ не хотѣлъ войти въ столь простыя соображенія и нашолъ возможнымъ устроить всѣ семинаріи по примѣру смоленской. Только названіе: *общія квартиры* показалось ему, вѣроятно, очень свѣтскимъ; употребить названіе *дѣтскаго монастыря* тоже не хотѣлось; избрали средній путь. Въ Россіи есть, какъ в. с-но (10 отд.), особый разрядъ монастырей, называемыхъ *общежительными;* и вотъ членамъ комитета общія смоленскія квартиры захотѣлось для всѣхъ семинарій окрестить въ *общежитія*. Въ этихъ-то общежитіяхъ, какъ въ монастыряхъ, наши реформаторы предлагаютъ воспитывать семинаристовъ по монастырскимъ уставамъ. Тутъ-то людямъ 9—20 лѣтъ ежедневно станутъ читать часа по о 2—3 утреннія и вечернія молитвы съ прибавленіемъ дневныхъ апостола и евангелія, съ разъясненіями послѣдныхъ и назидательными приложеніями къ жизни; тутъ крѣпко станутъ смотрѣть, чтобы они крестились и говорили: *Господи благослови, Господи помоги* при началѣ и послѣ всякаго дѣла, при выходѣ изъ квартиры и при входѣ въ нее и пр.

Если прибавимъ, что всѣ эти 9—20 лѣтніе аскеты будутъ ходить въ церковь одни три дня въ недѣлю, а другіе каждый день, стоять за богослуженіемъ, совершаемымъ медленно и пр., что даже отстоявши 2—3 часа въ церкви и возвртившись въ квартиру усталыми до нельзя, они принуждены будутъ до обѣда и ужина слушать чтеніе чего либо душеспасительнаго, то какъ не назвать общежитія *нѣкіими обителями?* Впрочемъ, спасибо уставу, онъ и не скрываетъ этого. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ § 145 говоритъ: «страннымъ, м. б. покажется, что въ уставъ семинарскій вводится часть устава монастырскаго. Но если и для монаха, который печется о спасеніи *своей только души* (вотъ это откровенно! скажи бы я, что монахи о спасеніи другихъ не думаютъ, на меня бы посыпалось и Богъ знаетъ, что такое; ну а теперь говоритъ комитетъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ знаменитѣйшій архипастырь и два ректора академіи и семинаріи, — говоритъ, что *монахъ печется о спасеніи только своей души;* — благодаримъ покорно!) Такъ если и для монаха «нужно строгое подвижничество, то можетъ ли оно быть не нужно для того, кто на свою душу принимаетъ отвѣтственность за тысячи душъ. Монаха отъ многаго ограждаютъ стѣны монастыря; но священникъ долженъ не только бороться самъ со всѣми искушеніями и соблазнами среди самаго міра, но и спасать другихъ отъ искушеній и соблазновъ міра. Неужели и для этого ему не нужно самое строгое и высокое подвижничество. Нѣтъ сомнѣнія, что величайшая была бы польза для церкви, если бы готовящіеся къ священству, по окончаніи школьнаго воспитанія, воспитывали себя въ извѣстныхъ строгостію устава общежительныхъ монастыряхъ подъ руководствомъ опытныхъ старцевъ (вѣроятно для того, что бы будущіе наши пастыри научались у монаховъ заботитсья о спасеніи толко своей души). Православное общество безъ сомнѣнія желаетъ видѣть въ священникахъ прежде всего истинно духовныхъ пастырей; а величайшіе изъ пастырей были воспитанниками монастырей. Это говоритъ вся исторія церкви»

К-ся въ томъ вѣроисповѣданіи, гдѣ священники должны быть непремѣнно женатыми людьми, не приличенъ былъ бы болѣе ясный намекъ на то, что бы ихъ воспитывать помонастырски. Въ послѣдствіи объ этомъ предметѣ придется говорить мнѣ подробнѣе, а теперь обращаю вниманіе ваше г. ч. на софизмъ, ловко скрытый въ фразѣ: *величайшіе изъ пастырей были воспитанники монастырей.* Вѣдь по прямому смыслу этихъ словъ человѣкъ не знакомый съ исто-

ріею, пожалуй, выведетъ заключеніе, что величайшіе изъ пастырей воспитывались съ дѣтства, съ 9—10 лѣтъ въ какихъ либо училищахъ, по монастырскому уставу, а поэтому-де и нашими семинаріями надобно управлять помонастырски. М. т. сущность дѣла состоитъ только въ томъ, что многіе епископы были изъ монаховъ; но самое огромное количество ихъ поступало въ м-во уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и слѣдовательно въ дѣтствѣ жило и воспитывалось между мірскими людьми, а не въ такихъ монастырскихъ общежитіяхъ, въ которыя хотятъ запереть всѣхъ семинаристовъ.

Но и нашимъ реформаторамъ не очень нужна историческая истина; имъ въ §§ 92 и 145 надобно было провести мысль, что семинаристы должны не только учиться, но и жить въ закрытыхъ домахъ, куда бы не проникало вліяніе ни общества, ни даже родителей. Но монастырями управляютъ настоятели-игумены и пр. Кому же теперь поручить надзоръ въ предполагаемыхъ общежитіяхъ? Монахамъ? — прямо сказать это не осмѣлились; на семинарскихъ свѣтскихъ профессоровъ, особенно академистовъ, новый уставъ смотритъ, какъ ниже увидимъ, неблагосклонно. Вотъ почему и придуманы особаго рода игумны, подъ именемъ *комнатныхъ надзирателей*, надзору которыхъ и вѣвряется до 2000 семинарскихъ общежитій.

Только нельзя не замѣтить, что названіе комнатный надзиратель вовсе не гармонируетъ съ качествами, обязанностями, и другими принадлежностями, которыя къ нему относятся. По § 79 комнатный надзиратель есть «старшій братъ и другъ, всегдашній руководитель и собесѣдникъ воспитанника.» А по § 180 «свѣтлый истинно православный образъ мыслей, горящее истиннымъ благочестіемъ и любовію сердце, твердая въ добрыхъ навыкахъ и правилахъ воля, нѣжный и снисходительный, но вмѣстѣ твердый и строгій (первѣе всего къ себѣ самому) характеръ, усердіе къ богослуженію, молитвенное настроеніе,» вотъ качества комнатнаго надзирателя. Когда я, прочитавши одному изъ своихъ знакомыхъ эту дефиницію, спросилъ: кому помѣщенныя въ ней качества слѣдуетъ приписать, онъ, подумавши, сказалъ: «развѣ только архіерею, или святымъ не земнымъ жителямъ.» Р-ся на людей съ такими качествами можно налагать самыя неисполнимыя обязанности. И дѣйствительно комнатный надзиратель по своей инструкціи и по нѣкоторымъ параграфамъ устава долженъ слѣдить за развитіемъ способностей воспитанниковъ, давать имъ правильное, благочестивое направленіе, охранять умъ и сердца

ихъ отъ всякаго уклоненія съ пути Господня, отъ увлеченій и соблазновъ, отъ неполезныхъ, тѣмъ паче вредныхъ привычекъ, пріучать къ чтенію назидательныхъ и полезныхъ книгъ, утверждать волю въ добрыхъ навыкахъ, пріучать къ прямодушію, честности и добросовѣстности, къ выполненію даннаго обѣщанія, къ искреннему, откровенному, дружелюбному, кроткому, снисходительному, доброжелательному обращенію другъ съ другомъ, оберегать отъ скрытности, лукавства, обмана, лицемѣрія, насмѣшливости, недоброжелательства, обидъ, зависти, мстительности, особенно отъ осужденія и осмѣянія другъ друга, укрѣплять сердце въ любви къ Богу и ближнимъ, утверждать его въ страхѣ Божіемъ, который впрочемъ долженъ быть не боязнію раба неключимаго, а благоговѣніемъ любящаго сына предъ отцомъ, наблюдать за характеромъ и склонностями воспитанниковъ. Для сего онъ не долженъ употреблять никакихъ наказаній, а обязанъ пріобрѣсти полное довѣріе и любовь къ себѣ воспитанниковъ, заботливостію объ ихъ нуждахъ, готовностію помогать имъ всегда и во всемъ, ласковымъ откровеннымъ и дружелюбнымъ обращеніемъ съ ними, вообще искреннею, нелицемѣрною любовію къ нимъ и пр. и пр. Кромѣ того онъ долженъ помогать ученикамъ въ приготовленіи уроковъ, объяснять непонятое въ классѣ, наблюдать, что бы воспитанники приготовляли урокъ съ надлежащимъ разумѣніемъ и отчотливостію, быть съ ними постоянно въ комнатахъ, провожать ихъ въ классъ и во время прогулокъ, стоять съ ними въ церкви и наблюдать за ними; смотрѣть, что бы они не опустительно исполняли всѣ обряды внѣшняго благочестія, читать съ ними назидательныя книги и пр. и пр.» Что бы исполнить эти и другія многія еще не перечисленныя обязанности, к-ся, мало быть архіереемъ, не земнымъ жителемъ, для этого требуется какое-то идеальное, небывалое существо; только творческая фантазія какого либо ритора могла составить такой идеалъ воспитанія.

Откуда же брать этихъ идеальныхъ существъ. Изъ кончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи и академіи и, увы, еще изъ исключенныхъ за что либо семинаристовъ. Послѣдняго впрочемъ уставъ прямо не высказываетъ, но по § 84 надзиратели пользуются правами священнослужителей, если они кончили курсъ семинаріи и академіи; кромѣ того въ § 81 академистовъ и кончившихъ курсъ семинаристовъ уставъ называетъ только ближайшими кандидатами на должности надзирателей; слѣдовательно уставъ предполагаетъ еще отдаленныхъ кандидатовъ, не кончившихъ курса ни въ ака-

деміи, ни въ семинаріи. Кто же это, какъ не исключенные семинаристы? О вознагражденіи комнатныхъ надзирателей уставъ не очень заботился, да и за-чѣмъ? Вѣдь идеальные люди не нуждаются въ реальныхъ наградахъ. Онъ предоставляетъ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ сейчасъ сказано, права священниковъ и дьяконовъ, всѣмъ вообще казенный столъ, казенную квартиру, т. е. комнату въ ученической квартирѣ, освѣщеніе, отопленіе и .... *сто рублей* жалованья, какъ пишетъ г. Филипповъ въ отдѣльной своей запискѣ. *Сто рублей* человѣку, котораго обязанности чуть не равняются суммѣ обязанностей ректора, инспектора и наставниковъ, по к. м. въ нѣсколько разъ тяжелѣе обязанностей каждаго изъ нихъ? *Сто* рублей человѣку, который въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ не долженъ еще женится, п. ч. въ общежитіяхъ жена, нянька и пр. страшная контрабанда! *Сто* рублей человѣку, который послѣ всего получитъ гдѣ либо священническое, или дьяконское мѣсто. *Сто рублей! Сто рублей!* Сначала эти сто рублей я считалъ самою злою насмѣшкою надъ человѣческимъ терпѣніемъ, но послѣ у меня явилась мысль, не готовятъ ли изъподтишка мѣста комнатныхъ надзирателей для иноческой братіи? Конечно, уставъ нигдѣ этого не выражаетъ, но у составителей его много задними мыслей. По к. м. не только академистъ, но и семинаристъ развѣ въ крайности согласится занять столь тяжолую и неблагодарную должность и при первомъ благопріятномъ случаѣ оставитъ ее. А иноки, къ которымъ нашъ уставъ благоволитъ, будутъ довольны и ста рублями; о нравственныхъ качествахъ ихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; умственныя качества можно отодвинуть на задній планъ. Иноки пробудутъ долго на мѣстѣ; значитъ у нихъ явится и опытность. Да, правду сказать, имъ и прилично быть игумнами въ новоустрояемыхъ монастыряхъ, или общежитіяхъ. Охъ! право, нѣтъ ли этой задней мысли. Въ Парижской малой семинаріи все начальство изъ священниковъ и монаховъ, а новый семинарскій уставъ во многомъ копируетъ уставъ ея. Скажи теперь прямо, что общежитія должны быть управляемы монахами, поднимется страшный говоръ, польются со всѣхъ сторонъ насмѣшки; планъ не удастся. Да правду сказать, въ настоящее время мудренько достать вдругъ 2000 игуменовъ-монаховъ для семинарскихъ общежитій, когда въ 1861 г. всѣхъ м-щихъ безъ послушниковъ было только 5648. А потомъ, когда утвердится положеніе, то въ видѣ исправляющихъ должности, въ видѣ временныхъ назначеній, постепенно, незамѣтно,

отдѣльными предписаніями, разъясненіями можно и окончательно всюду пасажать монаховъ.

Впрочемъ и безъ того будущія общежитія слишкомъ похожи на монастыри. Т. о. каждый городъ, гдѣ находится семинарія, будетъ напоминать Москву, или Новгородъ въ старинныя времена, когда въ нихъ было многое множество монастырей. Различіе будетъ состоять только въ томъ, что эти оба города не имѣли лавръ въ своихъ, стѣнахъ, а въ каждомъ городѣ съ семинаріею, даже въ мѣстечкѣ Аннополѣ волынской губерніи семинарскій корпусъ съ казеннокоштными воспитанниками, съ ректоромъ и инспекторомъ будетъ чѣмъ-то въ родѣ лавры, а общежитія въ родѣ киновій, отъ нея зависящихъ. М. т. отъ этихъ лавръ и киновій добраго ожидать ничего нельзя. Я уже выше показалъ, что и нынѣ казеннокоштные ученики ниже квартирныхъ въ нравственномъ отношеніи. Въ будущихъ общежитіяхъ дѣла пойдутъ хуже, нежели теперь идутъ на казенномъ. Дѣльные люди только въ крайности будутъ занимать должность комнатныхъ надзирателей; долго на ней будутъ оставаться тѣ, которые въ другомъ мѣстѣ не въ состояніи получить даже сто рублей и которыхъ не слѣдуетъ опредѣлять на самый короткій срокъ. А при такихъ надзирателяхъ общежитія сдѣлаются положительно вредными, вполнѣ гибельными для семинаристовъ. Время, когда они устроятся, можно сравнить со временемъ, когда свирѣпствуютъ заразительныя болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ болѣзни всегда менѣе распространяются, если люди не живутъ большими обществами въ однихъ комнатахъ, и если каждая семья имѣетъ, какъ можно менѣе сношеній съ другими, особенно зараженными семьями. Точно также, хотя нынѣ на вольныхъ квартирахъ бываютъ дурные ученики, но отъ нихъ заражаются немногіе; напротивъ въ общежитіяхъ при недостаточномъ надзорѣ одна удалая голова увлечетъ съ собою множество товарищей. Къ этому особенно будетъ содѣйствовать невыносимый ригоризмъ, которому подчинятъ семинаристовъ. Онъ пробудитъ въ нихъ глубокое неудовольствіе, досаду на гнетъ, даже ожесточеніе. При такомъ душевномъ настроеніи, куда нельзя увлечься собственными своими страстями, куда не пойдешь за разгульнымъ отважнымъ предводителемъ? Дурны нынѣ семинаріи, не за что хвалить всѣхъ безъ исключенія семинаристовъ, хотя между ними есть благородные, умные и нравственные люди. Ну а при общежитіяхъ семинаріи окончательно разстроятся въ нравственномъ отношеніи.

На общежитіяхъ новаго устава я долго останавливался,

желая доказать, что духовно-училищное начальство желаетъ дать семинаристамъ совершенно монастырское воспитаніе. Новый уставъ выразилъ только то, о чемъ думали, что давно уже дѣлали очень многіе, чуть ли не всѣ начальники академій и семинарій.

Отдѣлъ 53ій.

Объ огромной власти архіереевъ и ректоровъ въ семинаріяхъ по новому уставу.

Искуситель рода человѣческаго такъ золъ и коваренъ, увлеченія страстей такъ заманчивы, мірскія развлеченія такъ пріятны, что, не смотря на всѣ усилія духовно-училищнаго начальства, мірскіе соблазны, особенно современныя свѣтскія, даже антимонашескія идеи проникаютъ и нынѣ въ духовныя-училища. Естественно ожидать, что уготовляемые въ сосудъ благодати священства воспитанники, живя въ общежитіяхъ по правиламъ Аввы Дорофея, Іоанна Лѣствинича и нашего Истиннаго Друга духовнаго юношества, не избѣгнутъ вліянія свѣта и современной науки, поймутъ скоро гнетъ монашескаго воспитанія и несообразность его съ будущими своими обязанностями, если оставить администрацію и составъ наставниковъ на нынѣшнихъ основаніяхъ; надобно непремѣнно предотвратить всѣ антимонашескія тенденціи, или по к. м. устроить дѣло такъ, чтобы ихъ можно было уничтожить въ самомъ зародышѣ. За неимѣніемъ своихъ собственныхъ осталось въ этомъ случаѣ руководствоваться католическими духовными-училищами. Тамъ начальникъ училища есть, можно сказать, полный властелинъ всѣхъ наставниковъ. Послушайте, какъ объ этомъ выражается *уставъ малой Парижской семинаріи* (стр. 71) «*суперьеръ*, т. е. начальникъ училища, *одинъ* можетъ дѣлать выборъ наставниковъ и представлять на утвержденіе епископу; — *онъ одинъ* можетъ назначать каждому должность, къ которой считаетъ его способнымъ; *онъ одинъ* знаетъ нужды и внутреннія потребности заведенія; *онъ одинъ* можетъ предчувствовать родъ людей, кои могутъ соглашаться съ нимъ; *онъ одинъ* можетъ выби-

рать новыхъ сотрудниковъ; *одинъ онъ* можетъ вполнѣ оцѣнить способности и различныя достоинства трудящихся; *одинъ онъ* можетъ поставить каждаго на свой постъ.» Наставникамъ же (стр. 83) внушается «помнить, что суперьеръ занимаетъ мѣсто Бога для нихъ и что противиться ему значитъ противиться самому Богу (Римл. XII, 1—2). Но и суперьеръ вполнѣ зависитъ отъ епархіальнаго архіерея.»

Наставники должны быть, всѣ или преимущественно духовныя лица. Пока римско-католическая академія въ Петербургѣ зависѣла по учебной части отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то въ ней еще преподавателями философіи, исторіи и другихъ не богословскахъ предметовъ были свѣтскіе люди. Но когда по новому конкордату, заключенному графамъ Блудовымъ съ папскимъ правительствомъ, академія была подчинена митрополиту, то всѣ свѣтскіе наставники немедленно замѣнены были духовными лицами. Во Парижской малой семинаріи, хотя она занимается воспитаніемъ и тѣхъ мальчиковъ, которые предназначаются для службы на разныхъ поприщахъ оной (стр. 1), наставниками главныхъ предметовъ могутъ быть только священники, или по к. м. лица, которыя вступили въ духовное званіе и съ наклонностію къ духовному воспитанію юношества соединаютъ намѣреніе посвятить ему нѣсколько лѣтъ (стр. 69); и только при недостаткѣ священниковъ можно допустить свѣтскихъ наставниковъ извѣстнаго возраста и добрыхъ христіанъ (стр. 70). Но для всѣхъ нихъ начальникъ замѣняетъ самаго Бога.

Наши нынѣшнія духовно-учебныя заведенія не совсѣмъ еще подходятъ подъ этотъ католическій идеалъ. Большинство и притомъ огромное академическихъ и семинарскихъ наставниковъ принадлежитъ не къ духовнымъ лицамъ, по к. м. по одеждѣ; многіе между ними, особенно въ академіяхъ, имѣютъ свѣтскіе чины, а м. т. преподаютъ не только философію, славѣнность, причисляемыя къ главнымъ наукамъ, но даже и богословскіе предметы. Назначеніе и увольненіе ихъ нигдѣ не зависитъ отъ непосредственныхъ начальниковъ. Въ низшихъ училищахъ учители опредѣляются и увольняются правленіями семинарій съ утвержденія архіерея; объ инспекторѣ же и смотрителѣ дѣлаютъ представленіе въ академическое правленіе. Каждый семинарскій, или академическій наставникъ не только опредѣляется и увольняется Об. Пр-ромъ и Синодомъ, но и можетъ самъ собою просить ихъ о переводѣ его въ другую мѣстность, не спрашиваясь ни своего архіерея, ни того, куда намѣренъ перейти; эти прошенія при достаточныхъ причинахъ б. ч. уважаются.

Семинаріи и академіи управляются, по к. м. по формѣ, не ректоромъ, а правленіемъ, гдѣ есть члены и секретарь, составляются журналы и дозволяется каждому члену и секретарю подавать свой голосъ. Конечно, власть ректора велика, но все-таки онъ не есть суперьеръ семинаріи, или академіи. Правленіе журналы своихъ засѣданій представляетъ на усмотрѣніе архіерея, но послѣдній не можетъ ихъ задержать болѣе трехъ дней; въ противномъ случаѣ опредѣленія приводятся въ исполненіе безъ его резолюціи. За тѣмъ правленія семинарій подчинены во многомъ академическимъ правленіямъ, да и вообще вовсѣхъ дѣлахъ не могутъ прикрываться словами: *мы исполнили волю Его Преосвященства.* По этому и семинаріямъ и академіямъ предоставлено право не соглашаться съ мнѣніемъ архіерея и въ такомъ случаѣ входить представленіемъ въ академическое правленіе. Ректора академій и семинарій даже не аттестуютъ наставниковъ. Это предоставлено епархіальнымъ архіереямъ. Съ другой стороны въ случаѣ дурной аттестаціи послѣднихъ высшее начальство спрашиваетъ у правленія, можно ли наставника оставить на службѣ. Высшій же надзоръ за всѣми духовно-учебными заведеніями принадлежитъ Синоду и Об. Пр-ру. Но и они ни старыя узаконенія отмѣнять, ни новыя вводить не имѣютъ права безъ Высочайшаго разрѣшенія и государственнаго совѣта. Т. о. наши духовныя училища управляются не одними духовными лицами, но и свѣтскими; въ нихъ нѣтъ никого, кто бы, какъ въ Парижской малой семинаріи, для наставниковъ *замѣнялъ Бога;* на всѣхъ позволено смотрѣть, какъ на простыхъ смертныхъ.

Такое устройство духовныхъ-училищъ давно уже не нравилось многимъ нашимъ м-щимъ лицамъ. Еще въ предшествовавшее царствованіе на большомъ обѣдѣ у одного изъ петербургскихъ митрополитовъ зашла рѣчь объ управленіи духовными-училищами. Митрополитъ, разсуждая объ узаконеніяхъ, сюда относящихся, сказалъ почти съ негодованіемъ. «Вѣдь въ Россіи правленіе монархическое, самодержавное; сообразно съ этимъ для единства системы необходимо, чтобы монархія и самодержавіе проведены были по всѣмъ степенямъ администраціи. А у насъ вмѣсто этого, когда на верху и монархія и самодержавіе, въ средини и внизу республиканскія учрежденія. Вотъ напр. я въ к-ріи еще могу приказать сдѣлать, что найду необходимымъ, могу держать у себя протоколы ея, какъ нахожу нужнымъ; могу измѣнить ея опредѣленіе, и она не имѣетъ права протестовать противъ меня. А вотъ теперь правленія семинарій

и академій — совсѣмъ было другое; если я не успѣю утвердить ихъ журналы въ три дня то они приводятъ свои опредѣленія безъ моего согласія? На что это похоже? На что еще похоже, что они могутъ не соглашаться со мною и представлять о томъ семинарское — въ академическое правленіе, а это въ духовно-учебное управленіе? На что похоже, что я самъ не могу ни опредѣлить, ни уволить ниодного профессора? Вѣдь тутъ и слѣда нѣтъ монархіи; тутъ республика; чуть не анархія.» Отъ одного изъ сидѣвшихъ за обѣдомъ узналъ объ этой филиппикѣ тогдашній Об. Пр-ръ синода. Преосвященному предложили составить новый уставъ академій и семинарій; онъ это важное дѣло поручилъ одному ректору семинаріи, который состоялъ при немъ чѣмъ-то въ родѣ чиновника особыхъ порученій. Уставъ былъ написанъ и его разсматривать домашнимъ образомъ поручено было между прочимъ покойному тайному совѣтнику Карасевскому и самому автору. Остановились на двухъ пунктахъ, по которымъ ректоръ и всѣ наставники обязывались исполнять безотвѣтно всякое порученіе, какое угодно будетъ возложить на нихъ епархіальному архіерею, — замѣтьте, *всякое — безъ всякаго ограниченія;* точно такія же права предоставлялись и ректору относительно наставниковъ. Карасевскій никакъ не соглашался оставить эти пункты во всей силѣ, а авторъ не уступалъ изъ нихъ ниодной іоты. Тѣмъ дѣло и покончилось.

Наконецъ реформаторы, составлявшіе новый уставъ, рѣшились перемѣнить нынѣшній административной духовно-училищный порядокъ на новый болѣе близкій къ духу католическихъ училищъ. Только надобно сказать, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ не очень открыто, и старались католическія идеи поприкрыть либеральными, повидимому, постановленіями и даже нововведеніями.

По новому уставу при каждой семинаріи будутъ правленіе и педагогическій совѣтъ, въ которыхъ дѣла должны рѣшаться по большинству голосовъ. Кромѣ того приглашается къ управленію семинаріями и д-во только не всей епархіи, а того города, гдѣ находится семинарія; ему поручается избирать экономa *для* распоряженія хозяйственною частію семинаріи и 3—4 членовъ въ педагогическій совѣтъ *изъ почетнѣйшихъ и наиболѣе ревнующихъ о благѣ духовнаго просвѣщенія лицъ городскаго д-ва.* Но зато епархіальный архіерей становится полнымъ распорядителемъ семинарій. Онъ (по § 7), *какъ главный начальникъ епархіи,* есть главный начальникъ и семинарскаго управленія; ему подчинены *не-*

посредственно правленіе, педагогическій совѣтъ, всѣ начальствующіе, учащіе и учащіеся, *какъ учрежденія и лица, входящія въ составъ епархіальнаго вѣдомства;* онъ дѣйствуетъ или *по личному усмотрѣнію и словесными распоряженіями,* или *письменными предложеніями.* Т. о. семинаріи, ихъ наставники и начальники ставятся въ такое же отношеніе къ архіереямъ, въ какомъ находятся к-рія и д-во. Впрочемъ правленіямъ семинарій предоставлено еще менѣе самостоятельности, нежели к-ріямъ. Члены послѣднихъ по § 333 консисторскаго устава въ такомъ случаѣ, когда архіерей предлагаетъ пересмотрѣть дѣло, или дополнить оное нужными, по замѣчаніямъ его, обстоятельствами и затѣмъ постановить рѣшеніе, не стѣсняются при указанныхъ преосвященнымъ обстоятельствахъ, въ своихъ сужденіяхъ и могутъ остаться при прежнемъ мнѣніи. Тогда какъ и этой свободы не дано правленію семинаріи и п. совѣту. Въ к-ріи секретарь опредѣляется Об. Пр-ромъ и имѣетъ право извѣщать самъ собою послѣдняго о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся хода дѣлъ, тогда какъ секретарь правленія и п. совѣта утверждается по представленію семинарскаго начальства епархіальнымъ архіереемъ и къ Об. Пр-ру не имѣетъ никакого отношенія. Страннѣе всего читать, что архіерей дѣйствуетъ въ семинаріи *по личному усмотрѣнію и словесными распоряженіями;* подобныхъ правъ не только не предоставляется ему въ к-ріи, но и не одному начальнику относительно подчиненнаго ему присутственнаго мѣста. Только въ недавнюю старину помѣщики въ своихъ вотчинныхъ конторахъ дѣйствовали по личному усмотрѣнію и словеснымъ приказаніями; начальники же присутственныхъ мѣстъ все таки обязаны дѣлать письменныя предложенія. При такихъ личныхъ усмотрѣніяхъ и словесныхъ распоряженіяхъ у семинарскихъ правленій отнято право приводить въ исполненіе опредѣленія свои, если журналъ не утвержденъ архіереемъ въ теченіи трехъ сутокъ; послѣдній можетъ продержать дѣла, доколѣ ему угодно, и это тѣмъ удобнѣе, что въ к-ріи секретарь ежемѣсячно представляетъ Об. Пр-ру вѣдомость о перѣшенныхъ дѣлахъ, а въ семинаріяхъ и этого нѣтъ О правѣ правленій протестовать противъ архіерея и помину нѣтъ; самыя окружныя академическія правленія, куда эти протесты поступали, уничтожаются. Слѣд. архіерея можно назвать непосредственнымъ начальникомъ семинаріи, настоящимъ суперьеромъ.

Служащіе при семинаріяхъ будутъ имѣть другаго очень грознаго начальника въ лицѣ ректора. «Ему (§ 21) ввѣряется полная власть распорядительная, по которой всѣ служащіе

въ семинаріи: инспекторъ, наставники и надзиратели подчинены ему, какъ начальнику, и дѣйствуютъ, каждый въ кругѣ своихъ обязанностей, по его указаніямъ и наставленіямъ. По этому (§ 22) ректоръ имѣетъ право лично наблюдать за дѣйствіями всѣхъ служащихъ при семинаріи, словесно требовать отчота, дѣлать распоряженія, наставленія, увѣщанія, замѣчанія и выговоры, давать публичное одобреніе усердію, дѣятельности и опытности служащихъ лицъ въ исполненіи ихъ обязанностей.» Конечно тутъ ректора не ставятъ, какъ въ парижской семинаріи для наставниковъ Богомъ, не говорятъ, что противится ректору значитъ противиться самому Богу; но обязанность наставниковъ дѣйствовать *по указаніямъ и наставленіямъ* ректора, право послѣдняго *словесно требовать отчота дѣлать распоряженія, увѣщанія* и пр. даютъ ректору слишкомъ большую власть надъ своими подчиненными, которые, не имѣя даже права, какъ позволено въ парижской семинаріи, считать (стр. 84) его *собратомъ*; у насъ только слушайся; даже не сказано, можетъ ли наставникъ кому либо протестовать и жаловаться, если ректоръ станетъ ему отдавать нелѣпыя или неудобоисполнимыя предписанія.

Относительно опредѣленія и увольненія всѣхъ вообще служащихъ при семинаріи лицъ кое-что оставлено изъ прежняго устава, но предполагается ввести много новаго. Наставникамъ и даже начальникамъ не очень позволено мечтать о своей хоть малой независимости отъ произвола архіерейскаго. По 3 примѣч. къ § 13 «если обстоятельства требуютъ немедленнаго удаленія отъ должности кого либо изъ начальствующихъ лицъ, или наставниковъ семинаріи, архіерей устраняетъ ихъ отъ должности и доноситъ синоду для окончательнаго исключенія изъ службы.» Въ уставѣ, какъ говоритъ г. Тумаевъ (No. 5 Русс. Вѣст. стр. 169) нигдѣ не объяснены обстоятельства, которыя бы давали право самому архіерею безъ слѣдствія, безъ синода устранять начальниковъ и наставниковъ семинарій отъ должностей. Тутъ, очевидно, не разумѣются какія либо уголовныя преступленія, п. ч. такіе случаи предусмотрѣны общими государственными постановленіями. Устранивъ отъ должности лицо, которые считаемъ неблагонадежнымъ, архіерей для окончательнаго исключенія устраняемаго отъ службы доноситъ только синоду. Впрочемъ изъ такого кажущагося ограниченія власти архіерея, начальникамъ и наставникамъ семинарій большаго утѣшенія почерпать нельзя. Уставъ не обязываетъ епархіальнаго начальника произво-

дить и представлять слѣдствіе, или даже дѣлать дознаніе, не сказано также нигдѣ, что синодъ поручитъ кому либо, р-ся, не принадлежащему къ епархіи, гдѣ случится такое происшествіе — удостовѣриться въ законности причинъ устраненія или даже хоть потребовать письменнаго объясненія отъ устраняемаго. Притомъ, если бы послѣдній и сталъ какъ либо оправдываться, то захотятъ ли ослабить авторитетъ важнаго сановника, признавъ неуважительными причины устраненія? А если бы онъ и оправдался даже, то легко ли ему будетъ оставаться на службѣ подъ прежнимъ начальствомъ? Да правду сказать, 3о примѣчаніе къ § 13 для служащихъ при семинаріи будетъ столь же грознымъ, какъ и знаменитыя слова: *увольняется по 2му пункту.*

Независимо отъ разсмотрѣннаго сейчасъ обстоятельства положеніе наставниковъ семинаріи не очень будетъ завидно. Они, по опредѣленіи ихъ на свои мѣста, состоятъ (§ 196) въ той епархіи и въ вѣденіи того епархіальнаго начальства, которому подчинена семинарія. Въ случаѣ желанія кого либо изъ нихъ перемѣститься изъ одной семинаріи въ другую, они перемѣщаются по сношенію между собою епархіальныхъ архіереевъ, къ которымъ обращаются о семъ съ прошеніемъ, подобно какъ перемѣщаются всѣ св-и-ц-сл-ли изъ одной епархіи въ другую.» Подобныя постановленія напоминаютъ покойное крѣпостное право, когда крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ и могъ перейти отъ одного помѣщика къ другому не иначе, какъ по обоюдному ихъ согласію между собою. Вѣдь, право, немножко поздновато вводить нѣчто похожее на крѣпостное право въ духовныя семинаріи, когда оно уничтожено въ крестьянскомъ быту. Вѣдь перемѣщеніе наставниковъ по министерству народнаго просвѣщенія зависитъ не отъ губернаторовъ, или директоровъ гимназій, а отъ попечителей учебныхъ округовъ, или отъ самаго министерства.

Отдѣлъ 54-ый.

О томъ распоряженіи, чтобы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не было наставниковъ съ гражданскими чинами.

Устроивая будущія семинаріи на католическій ладъ, придавая имъ іерархическій характеръ, дѣлая изъ нихъ не учебныя заведенія, а *епархіальныя учрежденія*, ставя начальниковъ, наставниковъ и учениковъ ихъ въ положеніе св-и-ц-сл-лей, новые реформаторы должны были выжить все, что хоть сколько нибудь имѣетъ оттѣнокъ свѣтскій, словомъ: выгнать и болѣе не впускать учителей чиновныхъ, хотя бы они по происхожденію и воспитанію принадлежали къ д-ву, но не захотѣли надѣть рясу. Такъ и сдѣлано. Чтобы доказать это, надобно сблизить между собою мысли, высказанныя въ разныхъ мѣстахъ устава и журналовъ комитета. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь помѣщенная въ журналахъ (стр. 90) выписка изъ замѣчаній начальниковъ епархій и ректоровъ семинарій слѣдующаго содержанія: «немало невыгодъ заключаетъ въ себѣ допущеніе къ начальническимъ и къ инспекторскимъ въ семинаріяхъ и въ училищахъ, и къ смотрительскимъ должностямъ лицъ, состоящихъ въ свѣтскихъ чинахъ, добровольнымъ удаленіемъ изъ духовнаго званія, доказавшихъ свое къ нему нерасположеніе. Образуясь подъ руководствомъ такихъ наставниковъ воспитанники невольно получаютъ то вредное убѣжденіе, что все равно, чѣмъ ни быть въ жизни, священникомъ ли, чиновникомъ ли, лишь было бы выгодно.» Въ слѣдствіе этого комитетъ положилъ (стр. 91): «образованіе духовнаго юношества предоставлять на будущее время по преимуществу наставникамъ духовнаго сана. А для того, чтобы обязанности по приходу не отвлекали наставниковъ отъ училищныхъ обязанностей, разрѣшить поставлять ихъ священниками къ семинарскимъ церквамъ, не ограничиваясь никакимъ штатомъ и полагая имъ по должности священника особое вознагражденіе.» Тутъ, какъ видите, высказано только желаніе, чтобы наставниками были преимущественно священники. Затѣмъ въ § 199 устава говорится: «всѣ наставники семинарій, не имѣющіе священническаго сана пользуются правами и преимуществами священно-служительскаго званія, почему и дѣти ихъ пользуются правами дѣтей священно-служительскихъ.» Самъ по себѣ

этотъ пунктъ еще не могъ бы назваться приговоромъ наставникамъ, имѣющимъ гражданскіе чины, если бы въ уставѣ гдѣ нибудь о ихъ правахъ, или существованіи было заявлено. Но этого нигдѣ нѣтъ; значитъ, предполагаются два рода наставниковъ: *имѣющихъ священный санъ* и не имѣющихъ его, но уже пользующихся правами не людей съ гражданскими чинами, и священно-служителей, т. е. священниковъ и дьяконовъ.

Ну а если кто либо изъ наставниковъ не священнаго сана вздумаетъ получить гражданскій чинъ, тогда что съ нимъ дѣлать? Выгнать ли его вонъ изъ семинаріи, какъ *раба неключимаго?* Или по прежнему дозволятъ наставлять духовное юношество? Р-ся выгнать; только прямо этого не сказали, а поприкрыли свое рѣшеніе нѣсколько обоюдными словами. Въ § 198 говорится: «наставникъ не правомыслящій, или обнаруживающій нерасположеніе къ церкви и званію священно-служительскому, не можетъ быть терпимъ въ духовной семинаріи.» Здѣсь существенный вопросъ состоитъ въ томъ, въ какихъ поступкахъ наставники семинаріи будутъ видѣть доказательство его нерасположенія къ церкви и званію священно-служительскому? По всей вѣроятности такихъ поступковъ будетъ подобрано достаточное количество. Но одинъ изъ нихъ высказанъ въ слѣдующихъ словахъ сейчасъ приведеннаго отзыва архіереевъ и ректоровъ изъ журналовъ комитета: «немало невыгодъ заключаетъ въ себѣ допущеніе къ наставническимъ и пр. должностямъ лицъ, состоящихъ въ свѣтскихъ чинахъ, добровольнымъ удаленіемъ изъ духовнаго званія доказавшихъ свое къ нему нерасположеніе.» Т. о. не ясно ли, что наставникъ, получивъ гражданскій чинъ, тѣмъ самымъ уже доказалъ свое нерасположеніе къ священному званію и слѣд. по § 198 долженъ быть, подобно Григорію Кондакову, удаленъ изъ семинаріи, какъ человѣкъ обнаруживающій нерасположеніе къ священному званію и, значитъ, уже и къ церкви.

Почти въ одно время съ новымъ уставомъ семинаріи Православный Собесѣдникъ (Іюль 1863 г. стр. 329) еще грознѣе вооружился противъ свѣтскихъ наставниковъ. Онъ говоритъ: «въ самой жизни духовныхъ училищъ есть элементъ совершенно свѣтскій. Наставникамъ ихъ даны гражданскія права (лишить бы ихъ гражданскихъ правъ!); служба ихъ считается государственною (экая бѣда, подумаешь!) поэтому многіе изъ нихъ, не намѣреваясь въ послѣдствіи занимать мѣста священно-служителей, оставляютъ свое духовное званіе, облекаются въ гражданскіе чины (точно какъ

будто въ мантіи!!!) и однакожъ остаются на службѣ при духовныхъ училищахъ (экой ужасъ!) Это очень полезно для такихъ лицъ, но полезно ли и нужно ли для духовнаго воспитанія? Это другой вопросъ. Какимъ образомъ эти люди по нерасположенію, или по неспособности отрекающіеся отъ служенія церкви, могутъ руководить къ сему служенію другихъ . . . .? Какія идеи и начала будутъ проводить они, когда они въ собственныхъ лицахъ показали духъ уже не церковный, а свѣтскій? Не будетъ ли ихъ вліяніе, такъ или иначе, намѣренно, или ненамѣренно, парализовать вліяніе духовное, принадлежащее и по обязанности, и по праву, и по сану лицамъ начальствующимъ, т. е. м-щимъ? Безспорно, что свѣтскіе наставники могутъ быть люди очень почтенные по образу мыслей и жизни и вполнѣ благонамѣренные; но говоря вообщѣ, они уже вышли изъ сферы духовной, уже измѣнили своему назначенію; они уже принадлежатъ обществу свѣтскому съ его принципами, а не клиру церкви. Воспитанникамъ они не могутъ, не должны быть образцами въ духовномъ назначеніи; а м. т. они примѣры въ глазахъ.» Итакъ вонъ всѣхъ свѣтскихъ наставниковъ, какъ не принадлежащихъ *клиру, измѣнившихъ своему назначенію, хотя бы вполнѣ благонамѣренныхъ, почтенныхъ по образу мыслей и жизни,* вонъ! вонъ!

Не знакомые съ бытомъ духовныхъ училищъ, пожалуй, могутъ подумать: не вредны ли въ самомъ дѣлѣ свѣтскіе наставники? Не подаютъ ли они дурныхъ примѣровъ воспитанникамъ? Не пробуждаютъ ли въ нихъ неуваженія къ церкви и отвращенія къ д-ву? и пр. Дѣло стоитъ подробнаго разсмотрѣнія.

Прежде всего здѣсь нужно опредѣлить значеніе словъ: *обнаружить,* или *доказать нерасположеніе къ церкви и священно-служительскому званію.* Слова эти могутъ имѣть два смысла. 1) Они прилагаются къ тѣмъ людямъ, которые не уважаютъ церкви и духовнаго сана, имѣютъ относительно ихъ враждебныя, непріязненныя чувства, выражаютъ это и словами и дѣлами. Такіе люди, р-ся, не могутъ быть терпимы въ званіи наставниковъ духовныхъ училищъ. 2) Обнаружить и доказать нерасположеніе къ священно-служительскому званію можетъ означать тоже, что не имѣть желанія и расположенія поступить въ д-во. Такимъ людямъ приписывать неуваженіе, непріязненныя чувства къ священно-служительскому званію и потомъ къ церкви, право, смѣшно. Вѣдь, сколько людей, которые, имѣя полную возможность поступить въ д-во, не сдѣлали этого и м. т. сердечно и

вполнѣ преданы церкви и чуть не благоговѣютъ предъ духовными особами? Значитъ теперь слѣдуетъ спросить: въ какомъ значеніи надобно принимать слово: *обнаруживать и доказать нерасположеніе къ церкви и священному званію* въ приложеніи ихъ къ наставникамъ духовныхъ училищъ, имѣющимъ гражданскіе чины? Новый уставъ семинарій и Православный Собесѣдникъ хотятъ принимать разсматриваемыя слова въ первомъ значеніи. Но это несправедливо. Причины, почему многіе наставники духовныхъ училищъ берутъ гражданскіе чины, различны. «Наставникъ, напечатано въ No. 5 Русск. Вѣсти. 1863 г. (стр. 180), прежде поступленія во священника, успѣлъ жениться и даже овдовѣть. У него остались дѣти, или онъ чувствуетъ невозможность цѣломудренно вести безбрачную жизнь и потому, не могши поступить въ монахи, женился въ другой разъ. Есть люди умные, дѣльные и нравственные, но съ такими физическими недостатками, которые, нисколько не препятствуя имъ быть отличными наставниками, не позволяютъ быть священниками, напр. если одна рука не можетъ подняться вверхъ, чтобы держать дискосъ на головѣ и пр. Есть люди, нерасположенные и даже неспособные къ брачной жизни, а м. т. чувствующіе, что не могутъ исполнять всѣхъ обѣтовъ, даваемыхъ мірскими. Неужели всѣхъ этихъ сортовъ людей, которые не могутъ по каноническимъ, или физіологическимъ, или моральнымъ причинамъ быть священниками и монахами, надобно считать врагами священнаго сословія, которые, добровольно удалившись изъ него, тѣмъ самымъ доказали къ нему свое нерасположеніе? Но есть еще наставники, которые, будучи религіозными и нравственными людьми, не поступаютъ въ духовное званіе, не чувствуя въ себѣ силъ исполнить всѣ пастырскія обязанности, возлагаемыя на священника, а м. т. исполнять ихъ какъ нибудь нехотятъ, — которые никакъ не могутъ помириться съ тою мыслію, что имъ въ званіи священника надобно будетъ ходить по дворамъ прихожанъ и подъ прикрытіемъ исполненія духовныхъ требъ почти вымагивать, а иногда вымогать себѣ пособіе, — которые поэтому желаютъ остаться въ скромной ролѣ наставника и быть въ ней полезными, отказываясь отъ возможности занимать очень богатые приходы и довольствуясь бѣднымъ жалованьемъ учителя. Эти люди съ высокою нравственностію, съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ! Не гораздо ли они лучше тѣхъ, которые принимаютъ на себя священное званіе или м-во съ тѣмъ, чтобы пользоваться соединенными съ тѣмъ житейскими выгодами, чтобы возвыситься надъ

своими сверстниками посредствомъ своей одежды, разбогатѣть въ богатыхъ пребендахъ и пр.»

Будьте, г. ч., безпристрастнымъ судьею и скажите: можно ли всѣмъ людямъ, которые, по перечисленнымъ сейчасъ причинамъ, не желаютъ поступить въ духовное званіе, — можно ли имъ приписывать, единственно по этому обстоятельству, нерасположеніе и даже вражду къ священному званію и къ церкви. Вѣдь обвинять ихъ въ такихъ непріязненныхъ чувствахъ, право, неблагонамѣренно, даже безсовѣстно. Неблагонамѣренность и безсовѣстность еще лучше обнаруживаются въ томъ, что непоступленіе свѣтскихъ наставниковъ въ духовное званіе обвинителями ихъ приписывается даже какимъ-то выгодамъ. Ректора и архіереи пишутъ (журн. Засѣд. Комит. стр. 90), что воспитанники, воспитываясь подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, получаютъ то вредное убѣжденіе, что все равно, чѣмъ бы ни быть, священникомъ ли, чиновникомъ ли, лишь было бы выгодно. А Православный Собесѣдникъ сказавши, что наставники, *облекшись въ гражданскіе чины*, остаются на духовно-училищной службѣ, прибавляетъ: «*это очень полезно для такихъ лицъ.*» Т. о. можно подумать, что гражданскій чинъ доставляетъ семинарскому профессору и выгоду и пользу. Посмотримъ-те, въ чемъ состоятъ эти выгоды.

Каждый изъ наставниковъ семинаріи, или академіи, получивъ гражданскій чинъ, долженъ, отказаться отъ всякой надежды быть ректоромъ и даже инспекторомъ; сколько и какъ онъ ни служи, оставайся на вѣки вѣчныя наставникомъ и пользуйся тою выгодою, что имъ командовать станутъ его же ученики, часто хуже его во всѣхъ отношеніяхъ, а облекшіеся только въ чорныя рясы. Матеріальныхъ выгодъ тоже не перечтешь. Ему-женатому почти никогда не дадутъ казенной квартиры съ отопленіемъ, а предоставятъ разгуливать по цѣлому городу. Потомъ у него отнимаютъ такъ называемый классный окладъ, предоставляя довольствоваться однимъ жалованьемъ учителя Далѣе слишкомъ уже извѣстны выгоды, которыя непосредственно проистекаютъ изъ чиновъ. Прежде всего нужно разстаться съ мѣсячнымъ жалованьемъ и заплатить еще порядочную сумму за патенты, напечатаніе въ газетахъ и пр. Прибавки жалованія или повышенія по должности чинъ не доставлятъ въ духовныхъ училищахъ. Ну, конечно называйся коллежскимъ ассессоромъ, статскимъ совѣтникомъ, даже дѣйствительнымъ, пожалуй, восхищайся титуломъ: Ваше Высокоблагородіе, Ваше Высокородіе, Ваше Превосходительство. Но кто нынѣ этимъ

восхищается? Притомъ вѣдь тутъ удовлетворяется тщеславіе, а не получаются выгоды.

Ну, а теперь, какія же были бы невыгоды, еслибы тотъ же наставникъ не получалъ гражданскихъ чиновъ, а поступилъ въ м-во? Ну, тогда польются на него всѣ блага земныя, ему и казенная квартира, и казенное отопленіе, и даже казенные экипажи съ лошадьми, постоянныя почти награды, повышенія по службѣ, возможность безъ большихъ умственныхъ и другихъ напряженій достигнуть высокихъ степеней іерархіи, или получить подъ настоятельство монастырь, украшаться орденами, наслаждаться внѣшнимъ почетомъ и отъ сторонникъ и отъ подчиненныхъ и пр. и пр. Тьфу: какая пропасть невыгодъ? не перечтешь. Недаромъ же м-щіе считаютъ себя подвижниками. — Теперь пусть наставникъ поступитъ въ бѣлое д-во: Конечно тутъ нѣтъ такихъ выгодъ, какъ въ м-вѣ, но все-таки классный окладъ не отнимается, даются нерѣдко отличія, предоставляются приходы рано или поздо богатые. Даже наставникъ, который не объявитъ своего желанія получить гражданскій чинъ и не поступитъ въ духовное званіе, а будетъ числиться *церковникомъ* и тотъ все-таки имѣетъ матеріальную выгоду; ему даютъ классный окладъ. Кромѣ того предполагаютъ, что онъ еще не обнаружилъ, не доказалъ своего нерасположенія къ церкви и священному званію. Скажите, пожалуйста, гдѣ болѣе выгодъ? Дѣло слишкомъ ясное. *И небезсовѣстно* ли послѣ этого проповѣдовать, что наставнику семинаріи, или академіи гражданскіе чины доставляютъ выгоды и пользу? Вѣдь *такъ говорить значитъ чисто лгать въ надеждѣ, что повѣрятъ.*

Но не подаютъ ли свѣтскіе наставники соблазна благовоспитываемому духовному юношеству своими какими либо поступками, если выходомъ изъ духовнаго званія не доказываютъ своего къ нему нерасположенія? Послушаемъ ихъ обвинителей.

Начальники епархій и семинарій, какъ пишется въ журналахъ комитета (стр. 90), выражаются объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «можно ли еще говорить о томъ, какой примѣръ подаютъ воспитанникамъ такіе наставники (т. е. наставники съ гражданскими чинами) своимъ образомъ жизни и привычками, усвояемыми отъ мірскихъ людей, будущему же пастырю вовсе неприличными? Таковы: куреніе табаку, картежная игра, танцы, посѣщеніе театра и т. п. Притомъ они рѣдко посѣщаютъ церковь, изображаютъ на себѣ знаменіе креста съ соблазнительною небрежностію и,

что всего хуже, въ преступленіи церковныхъ постановленій (напр. постовъ) подражаютъ такъ называемому образованному обществу.»

Ахъ вы, развратники, безнравственные и безрелигіозные люди, — вы, свѣтскіе наставники семинарій! Какія странныя преступленія вы дѣлаете? Вонъ, вонъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, вонъ соблазнители! Впрочемъ утѣшьтесь! Не однимъ вамъ достается, а и всѣмъ мірскимъ людямъ и всему образованному обществу и даже правительствамъ чуть ли не всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ турецкаго, но не исключая папскаго! *Всѣмъ сестрамъ досталось*, какъ говоритъ пословица, *по серьгамъ!* Впрочемъ не смотря на опасность заслужить негодованіе лицъ, которымъ принадлежитъ сдѣланная мною выписка, рѣшаюсь вступиться за васъ бѣдные, угнетенные свѣтскіе наставники, и за васъ, мірскіе люди и за тебя, образованное общество и даже за всѣ европейскія правительства со включеніемъ папскаго! Что дѣлать? Эхъ! *была не была бѣда*, по русской пословицѣ.

Есть проступки, которые не терпимы не только въ учителѣ, но и во всякомъ лицѣ. Но эти проступки, *разсматриваемые съ церковной точки зрѣнія* должны принадлежать къ *важнѣйшимъ грѣхамъ*. Посмотримъ теперь, что за грѣхи, тѣ проступки или, лучше, поступки, въ которыхъ обвиняютъ свѣтскихъ наставниковъ семинаріи? На свой одинъ авторитетъ при рѣшеніи столь важнаго вопроса опираться не стану. Лучше всего здѣсь руководствоваться церковными и библейскими авторитетами, именно десятословіемъ Моисея, послѣдованіемъ о исповѣданіи, гдѣ дается наставленіе, о какихъ грѣхахъ долженъ спрашивать священникъ кающагося грѣшника, православнымъ катихизисомъ, который, по благословенію синода, служитъ руководствомъ во всѣхъ училищахъ и составленъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ архипастырей. К-ся, выбранные авторитеты-очень вѣрны и важны. Какъ же они теперь смотрятъ на перечисленные выше поступки? Въ десятословіи ни одинъ изъ этихъ поступковъ даже не поименованъ. Въ послѣдованіи о исповѣданіи въ числѣ многихъ перечисленныхъ тамъ грѣховъ стоитъ нарушеніе постовъ и притомъ относительно великаго поста, среды и пятницы; вотъ буквально взятыя слова: «*не осквернялся ли въ святую четыредесятницу, или въ среду и пятокъ отъ мяса, или сыра?*» Больше этого нѣтъ ни слова. Далѣе въ православномъ катихизисѣ говорится о всѣхъ вообще постахъ и притомъ еще изъ предпослѣдняго вопроса съ отвѣтомъ на него въ четвертой заповѣди видно, что *ос-*

корбляютъ святость праздниковъ тѣ люди, которые въ праздники позволяютъ себѣ нескромныя игры и зрѣлища и пр. Т. о. самые важные авторитеты нашей церкви смотрятъ, какъ на грѣхъ, только на нарушеніе постовъ, и то преимущественно въ великій постъ, среду и пятницу, а одинъ осуждаетъ театры въ праздники (если только подъ нескромными зрѣлищами надобно разумѣть всякія театральныя представленія). А куреніе табаку, картежная игра, танцы, посѣщеніе театровъ не въ праздничны дни и небрежно совершаемое знаменіе креста даже нигдѣ не поставлены въ числѣ грѣховъ. Зачѣмъ же за эти поступки, притомъ именно за нихъ считаютъ свѣтскихъ наставниковъ недостойными служить въ семинаріяхъ? Скажутъ: «при составленіи чина о исповѣди не были извѣстны эти грѣхи.» Конечно это правда относительно табаку и картъ, но театры, танцы, нарушеніе постовъ и небрежность въ знаменіи креста давно извѣстны. Притомъ, если все это-дѣйствительно страшные грѣхи, то они внесены были бы въ православный катихизисъ.

Взглянемъ теперь на приписываемые свѣтскимъ наставникамъ поступки съ другихъ сторонъ. За что куреніе табаку считать проступкомъ, грѣхомъ, помѣхою для званія наставника? Если куреніе — великій грѣхъ, то и нюханье табаку надобно туда же причислить, какъ и дѣлаютъ наши раскольники. Но кто незнаетъ, что къ нюхающимъ принадлежатъ не только многія лица, но даже и *особы* духовнаго званія? Не случалось ли вамъ, г. ч., видѣть, какъ даже въ церкви въ алтарѣ раскрываются серебряныя и золотыя *tabatières* и какъ оттуда берется истертая въ порошокъ *трава, выспрь прозябающая*, берется перстами той руки, которая васъ благословляетъ и даже сообщаетъ право другихъ благословлять? Да что и говорить? Развѣ ужъ никто изъ лицъ и особъ духовнаго званія не куритъ? Знаю я много... И всѣмъ имъ это не ставится ни въ проступокъ, ни въ грѣхъ, никого изъ нихъ не лишаютъ за это священнаго сана!

Карты! карты! картежная игра! Тутъ сейчасъ представляется *va banque*, ландскнехтъ, штоссъ, палки, цѣлыя ночи, проведенныя за зеленымъ столомъ, цѣлыя сотни тысячъ проигранныхъ денегъ и пр. и пр. Это точно и проступки, и преступленія, и грѣхи. Но что за бѣда поиграть отъ скуки, для компаніи, для того, чтобы отъ нечего дѣлать не предаться въ объятія Бахуса, — что за бѣда поиграть въ дурачки, мельники, въ преферансъ, въ ералашъ, въ табельку по денежкѣ или по $^1/_{10}$ части копѣйки? Вѣдь запретить лю-

дямъ вмѣстѣ проводить вечера, нельзя, даже не слѣдуетъ. Но не лучше ли въ этомъ случаѣ проиграть, или выиграть рубль, нежели опорожнить не одинъ стаканъ пуншу, не одну рюмку водки, — нежели просплетничать, пересудить всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ? Да и оставшись дома, сидя даже одинокимъ, развѣ свято всегда проведешь время? Развѣ и тутъ не опоражниваются бутылки и пр.? За что же опять спросимъ, гнать свѣтскихъ наставниковъ? Притомъ позвольте сообщить вамъ по секрету, что я не одинъ разъ въ жизни видалъ карты въ рукахъ, чьихъ бы? какъ бы вы думали? Страшно сказать . . . , ну а, право, видалъ.

Танцы, театры!!! — Враги ваши тотчасъ указываютъ на Иродіаду, пляшущую предъ Иродомъ, на главу Крестителя, на константинопольскіе цирки временъ Златоуста, на его громовыя проповѣди противъ нихъ и пр. И я подобныхъ забавъ не одобряю. Но неужели страшный развратъ заключается въ правильныхъ движеніяхъ, въ пошаркиваніяхъ и постукованіяхъ ногою, въ передвижкѣ съ одной стороны комнаты на другую, словомъ въ нашихъ танцахъ? Что за развратъ въ театральныхъ представленіяхъ, особенно нашихъ русскихъ, многократно и разнообразно процензированныхъ, укороченныхъ и пр.? Если все это-развратъ, то почему же всѣ европейскія правительства, кромѣ турецкаго не только не запрещаютъ театральныхъ представленій, но даже едва ли не всѣ жертвуютъ большія суммы на поддерживаніе театровъ? Какъ угодно, а или вы. г. г. ригористы, имѣете неправильное мнѣніе о театрахъ, надѣваете на себя личину ненависти къ нимъ, или весь православный и нѣмецкій людъ со всѣми правительствами любитъ и поддерживаетъ развратъ. Притомъ опять по секрету скажемъ, что многіе враги танцовъ и театровъ, даже болѣе половины тѣхъ, которые подписали выписанныя мною слова изъ 90 стр. журналовъ, сами бывали въ театрахъ, а нѣкоторые даже танцовали и дѣтямъ своимъ позволяютъ танцовать и ходить въ театры. За что же они такъ преслѣдуютъ свѣтскихъ наставниковъ?

Ну, небрежно творить крестное знаменіе не слѣдуетъ, соблюдать посты повелѣваетъ церковь. И если кто этого не дѣлаетъ, тотъ-грѣшникъ. Но такіе ли это грѣхи, чтобы за нихъ выгонять наставниковъ изъ духовныхъ училищъ? Нѣтъ ли грѣховъ гораздо поважнѣе, изъ-за которыхъ не преслѣдуютъ даже лицъ священнаго сана? Вотъ напр. церковь называетъ *смертными грѣхами* гордость, лихоимство, блудъ, зависть, чревобѣсіе, гнѣвъ, лѣнивство. Много ли найдется духовныхъ лицъ и особъ, которыя были бы непри-

частны хоть одному изъ этихъ грѣховъ? А вѣдь еще никто не говорилъ, что за гордость, зависть, гнѣвъ, лѣность и пр. надобно исключать изъ духовнаго званія, по к. м. не допускать въ него тѣхъ, въ которыхъ замѣчаются эти недостатки. Неужели куреніе табаку, танцы и пр. ужаснѣе даже смертныхъ грѣховъ? — Вотъ еще пьянство лежитъ слишкомъ темнымъ пятномъ на д-вѣ; оно помѣщено и въ послѣдованіи о исповѣданіи; оно справедливо считается матерью всѣхъ пороковъ. Отчего же ни начальства семинарскія, ни журналы комитета, ни уставъ, ни даже инструкція комнатному надзирателю не только не принимаютъ надлежащихъ мѣръ противъ этого губительнаго, унижающаго д-во порока? Отчего въ новомъ уставѣ ни единаго слова не сказано о немъ? Это даже и странно; *тутъ что нибудь да не такъ*. Я знаю, что ученики одной семинаріи, прочитавши инструкцію комнатному надзирателю, сами изумились тому, что о пьянствѣ ничего въ ней не сказано; значитъ: *гуляй*, *ребята*, провозгласили они общимъ хоромъ. Да, что-то слишкомъ странно смотрятъ люди на поступки своихъ ближнихъ!

Наконецъ комитетъ обвиняетъ всѣхъ безъ исключенія свѣтскихъ наставниковъ въ шести грѣхахъ, признанныхъ имъ болѣе важными, нежели грѣхи смертные. Но сколько есть свѣтскихъ наставниковъ, которые не курятъ табаку не играютъ въ карты и особенно не танцуютъ? Сколько есть такихъ, которые творятъ крестное знаменіе по чину и ненарушимо соблюдаютъ посты?

Для многихъ покажется смѣшною эта моя апологія за свѣтскихъ наставниковъ; обвиненія противъ нихъ такъ пусты, ничтожны и неосновательны, что не заслуживаютъ даже опроверженія. Но я нашолъ нужнымъ говорить о нихъ, желая показать, на основаніи какихъ мелочныхъ причинъ, или, лучше придирокъ предлагаютъ вытѣснить самый дѣльный разрядъ наставниковъ изъ духовныхъ училищъ. Лучше, г. ч., посмѣйтесь надъ обвинителями; они больше, нежели я, пріобрѣли правъ на это. Вѣдь указывать на куреніе табаку, или на посѣщеніе театра, какъ на соблазнительные поступки за которые слѣдуетъ выгонять изъ духовно-училищной службы, извинительно только раскольникамъ, по ихъ невѣжеству и изувѣрству; они уже и вѣруютъ, что табакъ есть трава проклятая, насаждается діаволомъ, а театръ есть навожденіе нечистой силы. Но журналу комитета спасибо за то, что онъ формулировалъ свои обвиненія и тѣмъ доставилъ возможность легко ихъ опровергнуть.

Иначе поступаетъ Православной Собесѣдникъ. Онъ ста-

рается поражать вопросительными знаками, словами, общими мыслями, а не фактами. Говоритъ: «какимъ образомъ эти люди (свѣтскіе наставники) по нерасположенію или по неспособности отрекающіеся отъ служенія Церкви, могутъ руководить къ сему служенію другихъ? Какія идеи и начала будутъ проводить они, когда сами въ собственныхъ лицахъ показали духъ уже не церковный, а свѣтскій? Не будетъ ли ихъ вліяніе, такъ или иначе, намѣренно или ненамѣренно парализовать вліяніе духовное, принадлежащее и по обязанности, и по праву и по сану лицамъ начальствующимъ, т. е. м-щимъ? Безспорно, что свѣтскіе наставники могутъ быть люди очень почтенные по образу мыслей и жизни и вполнѣ благонамѣренные; но говоря вообще, они уже вышли изъ сферы церковной, уже измѣнили своему назначенію; они уже принадлежатъ обществу свѣтскому съ его принципами, а не клиру церкви. Воспитанникамъ они не могутъ, не должны быть образцами въ духовномъ назначеніи, а м. т. они примѣры въ глазахъ.» Въ чемъ же обвиняются свѣтскіе наставники? Въ первыхъ трехъ періодахъ съ знаками вопроса авторъ выражаетъ только свое незнаніе или сомнѣніе въ томъ, *какимъ образомъ свѣтскіе наставники могутъ руководить?... какія идеи и начала станутъ внушать...? Не будетъ ли вліяніе парализовать* и пр...? Вѣдь тутъ вовсе не доказано, что ихъ руководство, идеи, начала, вліяніе чѣмъ либо положительно вредны. А обвиненія, заключающіяся въ выраженіяхъ: «*отрекающіеся отъ церкви, показывать духъ не церковный, а свѣтскій. — парализовать вліяніе духовное, — вышли изъ сферы духовной, — принадлежать обществу свѣтскому съ его принципами, а не клиру церкви,*» — вѣдь еще не улика, — не преступленіе, — не обвиненіе, а наборъ словъ, которыми хотятъ отдѣлаться, не имѣя въ запасѣ фактовъ. Не говорю уже о томъ, что не сдѣлаться священникомъ по уважительнымъ причинамъ вовсе не значитъ отречься отъ служенія церкви, или показать духъ не церковный что и въ сертукѣ можно провести самыя возвышенныя христіанскія идеи и начала и имѣть благодѣтельное вліяніе духовное которое почему-то авторъ присвоиваетъ однимъ монахамъ; — что принадлежать не клиру, а свѣтскому обществу еще незначитъ выйти изъ сферы духовной.

Другое совсѣмъ было бы дѣло, еслибы свѣтскіе наставники въ свою защиту безъ препятствія могли высказать все, что они знаютъ относительно своихъ обвинителей. Тогда бы послѣдніе услышали не одинъ наборъ словъ, не одни періоды съ знаками вопроса. Тутъ явилась бы истина горькая, не-

чальная съ поразительными фактами, съ убѣдительными доказательствами. Свѣтскіе наставники имѣли бы полное право сказать, что духовныя училища доведены до нынѣшняго жалкаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія отъ *тѣхъ людей*, которые даютъ какіе угодно обѣты не по внутреннему призванію, не по душевному влеченію, или сердечному расположенію, а по вниманію къ матеріальнымъ выгодамъ, изливающимся на дающихъ такіе обѣты, — имъ все равно; дадутъ какіе угодно обѣты, лишь бы было выгодно; — *отъ тѣхъ людей*, которые, отказавшись, по видимому, отъ всѣхъ благъ земныхъ, м. т. ими пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, имѣютъ даровую квартиру, даровые экипажи, совершенно незнакомы съ матеріальными нуждами, наживаютъ большіе капиталы, обогощаютъ ими своихъ родственниковъ и пр., *отъ тѣхъ людей*, которые, тоже отказавшись, по видимому, отъ всякихъ почестей, м. т. постоянно получаютъ отличія, повышенія, составили монополію для себя изъ должностей, вовсе неприличныхъ ихъ сану; *отъ тѣхъ людей*, которые, не имѣя своихъ семействъ, получая богатые оклады, доходы отъ разныхъ своихъ должностей, вполнѣ обезпеченные и въ настоящемъ и будущемъ, м. т. содержатъ и себя, и свою прислугу, и даже лошадей и .... и .... на счотъ самыхъ мизерныхъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе бѣдняковъ-дѣтей; *отъ тѣхъ людей*, которые морятъ этихъ бѣдняковъ голодомъ, или дурною пищею въ столовой, холодомъ въ классахъ, не позволяютъ отапливать послѣдніе даже въ жестокіе морозы, держатъ учениковъ въ отвратительной нечистотѣ въ комнатахъ, отказываютъ имъ въ надзорѣ и лекарствахъ въ больницѣ; *отъ тѣхъ людей*, которые на учебную свою службу смотрятъ, какъ на временную свою станцію, какъ на ступеньку, ни которой надобно остановиться, чтобы шагнуть повыше и потому исполняютъ свои обязанности кое-какъ; *отъ тѣхъ людей*, которые, давши обѣтъ смиренія, м. т. тяготятъ всѣхъ своею невыносимою гордостію, которые поклявшись не выходить въ цѣлую жизнь изъ монастырей, почти никогда въ нихъ не почуютъ; *отъ тѣхъ людей*, которые перечисленными поступками и множествомъ другихъ показываютъ своимъ питомцамъ, какъ черное дѣлать бѣлымъ, жить на чужой счотъ, извлекать выгоды изъ тощихъ желудковъ и пр. и пр.?

Свѣтскіе наставники могли-бы также въ свое оправданіе указать на многія обстоятельства. «Конечно между нами, они стали-бы говорить, есть очень большое количество людей, которые не отличаются ни педагогическими способностями,

ни усердіемъ къ службѣ, ни обширными свѣдѣніями. Но не вы ли, наши обвинители, поставили насъ въ такое положеніе что педагогическая служба не радуетъ насъ въ настоящемъ, не оставляетъ пріятнаго впечатлѣнія отъ прошедшаго, отнимаетъ всякую надежду на улучшеніе въ будущемъ? Жалованье наше ничтожно, поощреній мало, или никакихъ; повышеній нѣтъ, въ обществѣ значенія мы не имѣемъ, начальники съ нами обращаются гордо, хотя они моложе и не умнѣе насъ и были даже нашими учениками. Женись мы, — намъ и нашимъ семействамъ угрожаетъ бѣдность и даже безвыходное положеніе; останься холостяками, — придется прожить весь вѣкъ бобылями и считать себя счастливыми, если предъ смертію какая либо кухарка Марья, или Фекла дастъ напиться, да повернетъ съ боку на бокъ. Будешь ли хорошимъ наставникомъ при такомъ жалкомъ положеніи? А если мы и дурны, то не вы ли, наши обвинители и начальники, не лица ли вашего сословія, дали намъ такое настроеніе? Вѣдь вы насъ воспитываете, нами и нашими отцами управляете; вѣдь *мы ваше произведеніе.* При всемъ томъ между нами много есть людей, которые всю жизнь свою посвятили учебнымъ занятіямъ и педагогической службѣ. Между нами-то надобно искать лучшихъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Тогда какъ вы, обвинители, учите хуже насъ. И если еще въ духовныхъ училищахъ есть много хорошаго, если онѣ еще не отодвинулись въ XVII столѣтіе, если изъ нихъ выходятъ люди съ свѣжими головами, съ здравымъ смысломъ, съ обширными свѣдѣніями, съ наклонностію къ трудамъ съ современными понятіями, то это происходитъ отъ насъ и священниковъ-наставниковъ и только отъ немногихъ изъ васъ, м-щіе. Въ безнравственномъ настроеніи семинаристовъ насъ не обвиняйте. Не мы ихъ обучаемъ хапжеству и лицемѣрію; не мы въ нихъ пробуждаемъ холодность къ богослуженію и молитвѣ продолжительными и насильственными, т. с-ть, экзерциціями; не мы ихъ моримъ голодомъ и холодомъ и научаемъ такимъ же образомъ поступать съ другими; — у насъ нѣтъ въ распоряженіи казенныхъ денегъ, значитъ мы не можетъ присвоивать ихъ себѣ и своимъ примѣромъ показывать, какъ обкрадывать казну.» О Господи! Господи! да если бы наставникамъ свѣтскимъ позволено было всю *подноготную* разсказать о духовныхъ училищахъ, то общество ужаснулось бы отъ открытыхъ ими тайнъ; оно бы узнало, кто виною умственнаго, нравственнаго и религіознаго упадка семинаристовъ и д-ва и наконецъ м. б. потребовало бы отъ виновниковъ, чтобы они занялись

дѣлами собственнаго только спасенія, а заботу о воспитаніи и благодействіи другихъ предоставили людямъ семейнымъ.

Обстоятельства, которыми могутъ оправдывать себя свѣтскіе наставники, — и секреты духовно-училищной жизни, открытіемъ которыхъ они могли бы изумить общество, — эти обстоятельства и секреты объяснятъ намъ, почему свѣтскихъ наставниковъ желаютъ выгнать окончательно изъ духовно-учебныхъ заведеній, — притомъ собственно за гражданскій чинъ, а не за то, что они не надѣваютъ рясы. Въ доказательство этого указываю на тѣхъ наставниковъ, которыхъ я выше назвалъ свѣтскими церковниками. Они не поступаютъ въ священники, даже и не думаютъ поступить: даже и начальство знаетъ, что они не поступятъ, и т. о. ихъ служба безъ рясы продолжается 25 и болѣе лѣтъ. Во все это время академисты между ними получаютъ классные оклады, точно какъ будто они принадлежатъ къ духовному званію. И этотъ обманъ, вынужденный впрочемъ ничтожествомъ получаемаго жалованія, не ставится имъ въ вину. Ихъ не гонятъ и не станутъ гнать, только бы они чиновъ не брали, а причислились бы (§ 7) къ прочимъ епархіальнымъ лицамъ, извѣстнымъ подъ широкимъ названіемъ св-и-ц-ск-лей.

Для чего же находятъ нужнымъ выгнать только тѣхъ, которые получатъ чины? — Для того, чтобы никто не смѣлъ въ свое оправданіе приводить обстоятельства, частичку которыхъ я выше перечислилъ, чтобы никто не смѣлъ открывать завѣтныхъ тайнъ духовно-учебныхъ заведеній. Но для этого нужна дисциплина, основанная на теоріи безусловнаго повиновенія въ подчиненныхъ, самой обширной начальнической власти надъ ними. Подъ эту теорію хорошо подходятъ монахи и священники; имъ не куда дѣваться, терпи, чтобы ни дѣлали съ тобою, разстричься нельзя, перейти изъ одной семинаріи въ другую тоже почти, что попасть, по русской пословицѣ, *изъ огня въ полымя;* по неволѣ смолчишь и даже поклонишься; а вмѣстѣ съ тѣмъ и языку своему прикажешь быть воскромнѣе, и глазамъ не позволишь быть очень любопытными; и *сидя не увидишь, и слыша не разслышишь или, не упомнишь, а* если и увидишь и упомнишь, то не проговоришься; никто себѣ врагомъ не захочетъ быть. Иное дѣло — фрачники-наставники. Конечно ихъ положеніе вообще въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не завидно, но они не прикрѣплены къ нимъ, могутъ, прослуживъ четыре года, выйти куда угодно, не разстригаясь, не подвергаясь шестимѣсячнымъ увѣщаніямъ въ к-ріи; могутъ по выходѣ поступать на службу; тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ гражданскій

чинъ, чрезъ это самое пріобрѣли хоть какіе либо права, принадлежатъ къ извѣстному сословію. Какъ же, добрые люди, послѣ этого не подумать, что въ головахъ ихъ могутъ зарождаться мысли о независимости и самостоятельности, такъ противныя теоріи безпрекословнаго монастырскаго послушанія? Притомъ съ ними не всегда же можно и не у всякаго достанетъ совѣсти поступать безъ церемоній; вѣдь статскаго, или дѣйствительнаго статскаго совѣтника трактовать, какъ попа, неловко; ему нужно даже сказать: *Вы*. Потомъ, какъ еще не подумать, что эти господа, оставивъ духовно-училищную службу, не разгласятъ даже въ печати секретовъ ея? И потому какъ не принять мѣръ къ тому, чтобы хоть на будущее время не было въ духовныхъ училищахъ элемента, который можетъ породить мысль о чемъ-то, похожемъ на независимость. И такъ да не будетъ въ нихъ наставниковъ съ гражданскими чинами! А тѣмъ, которые не хотятъ облечься въ рясу, можно позволить служить, но съ тѣмъ, чтобы они были не болѣе, какъ церковниками, съ правами священниковъ, дьяконовъ, принадлежали, подобно имъ, къ епархіи, а не къ учебному вѣдомству, прикрѣплены были къ извѣстной мѣстности и безъ воли своего начальника, безъ сношенія его съ другимъ начальникомъ никуда не могли перейти.

Но такъ какъ неловко сказать просто, что всѣхъ, не облекающихся въ рясы, слѣдуетъ выгнать изъ духовныхъ училищъ, или выставить въ доказательство этого тѣ секретныя причины, о которыхъ я говорилъ, — то надобно же было все обставить приличными резонами. А за резонами ходить далеко не нужно. Вѣдь эти наставники взяли гражданскіе чины, значитъ они своимъ добровольнымъ удаленіемъ изъ священнаго званія доказали свое нерасположеніе къ нему. Они-де *отрекшись отъ служенія церкви, вышли изъ сферы духовной, принадлежатъ свѣтскому обществу съ его принципами*, значитъ уже не расположены къ церкви. — Они-де свѣтскіе уже люди, не принадлежатъ къ клиру; ну, а свѣтъ, р-ся, погрязъ въ беззаконіяхъ: куритъ табакъ, играетъ въ карты, танцуетъ, ходитъ въ театръ и пр. Очевидно, что и наставники — свѣтскіе съ гражданскими чинами предаются всѣмъ этимъ мерзостямъ. И такъ убирайся они вонъ изъ тѣхъ училищъ, *которыя не хотятъ имѣть дѣло со свѣтомъ!*

Отдѣлъ 55ый.

Объ іезуитскихъ тенденціяхъ новаго устава семинарій.

Въ западныхъ католическихъ государствахъ, особенно въ Белгіи, Франціи и Испаніи есть многочисленная партія, извѣстная подъ именемъ *ультрамонтанской*. Такъ какъ въ настоящее время она находится подъ вліяніемъ іезуитовъ, то ее справедливо можно назвать *іезуитскою*. Партія эта, не умѣя, или нежелая примирить съ католическимъ догматомъ новѣйшія открытія наукъ, новѣйшія соціальныя идеи и государственныя учрежденія, силится все это опрокинуть, или по возможности ослабить. Не только свобода совѣсти и книгопечатанія, свобода политическая, даже желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы ей не нравятся. Ей хочется возстановить средніе вѣка со всѣми ихъ учрежденіями, не исключая даже святой инквизиціи; по к. м. въ клерикальныхъ журналахъ, къ которымъ принадлежалъ L'univers, не разъ воспѣвались хвалебныя пѣснопѣнія и среднимъ вѣкамъ вообще, и инквизиціи въ частности. Но зная, что подобныя идеи и учрежденія находили прежде и теперь могутъ найти защитниковъ и приверженцевъ преимущественно въ д-вѣ или лучше, въ м-вѣ, — партія старается возвратить духовнымъ лицамъ ту политическую силу, которую они имѣли въ средніе вѣка; ей хочется, чтобы все въ государствѣ покорилось церкви, но, надобно сказать, не той, которой *иго благо и бремя легко есть*, а церкви представительной, клиру, или, короче, Папѣ, епископамъ и пр.; вотъ почему, партію называютъ еще *клерикальною*. Самые огромные успѣхи эта партія имѣла, р-ся, въ Церковной Области. Но гдѣ ей нельзя всего достигнуть, тамъ она *до поры-до времени* старается проводить только нѣкоторые изъ своихъ принциповъ. Зная, что отъ воспитанія молодаго поколѣнія зависитъ будущность государства, что съ настроеніемъ, полученнымъ въ дѣтствѣ, не всегда разстаются даже въ старости, партія старается все образованіе, всѣ школы подчинить д-ву и ждать, пока клерикальные питомцы сдѣлаются взрослыми, займутъ государственныя должности, — тогда чрезъ нихъ можно будетъ провести ультрамонтанскія идеи и въ учрежденія; этого достигла партія въ Белгіи и Франціи; въ послѣдней самъ Наполеонъ III чувствуетъ отъ нее свою зависимость и не

рѣшается открыто съ нею враждовать. Но если, гдѣ нельзя прибрать къ своимъ рукамъ народное воспитаніе, партія старается по к. м. изъ д-ва сдѣлать совершенно особое сословіе, отдѣлить его, сколько возможно, отъ мірянъ воспитаніемъ, идеями, интересами и пр., пропитать всѣхъ его членовъ своимъ духомъ, сдѣлать изъ нихъ безотвѣтныя орудія предводителей; словомъ, какъ говорятъ, устроить *status in statu* — государство въ государствѣ.

Нельзя еще сказать, что у насъ такая партія уже организовалась, открыто себя заявила и дѣйствуетъ подъ особымъ знаменемъ; русская почва не благопріятствуетъ такимъ чужеземнымъ и чужеяднымъ растеніямъ. Но многіе принципы этой партіи какимъ-то образомъ попали въ новый уставъ семинарій; ихъ держатся наши духовные реформаторы. Слова мои для многихъ, по всей вѣроятности, покажутся странными и страшными. Вотъ почему нужно прежде всего сказать, что мысли о іезуитскихъ тенденціяхъ новаго устава семинарій еще въ 1863 году заявлены въ русской печати, въ статьяхъ, которыя разсматривались цензурою. Напр. г. Крупениковъ въ статьѣ о преобразованіи семинарій, помѣщенной въ No. 19 Дня 1863 г. (стр. 13), объяснивши, какъ іезуитизмъ дѣйствуетъ въ школѣ и жизни, прибавляетъ слѣдующія слова: «дай Богъ, чтобы наши духовно-учебныя заведенія избѣжали указанныхъ пропастей, — чтобы они даже издали не видали ихъ окраинъ! *Но опасность-велика* (слушайте!). Въ началахъ, какія, по новому уставу семинарій, поставлены для нѣкоторыхъ отдѣловъ дѣятельности этихъ училищъ, намъ слышатся опасности довольно близкія къ тѣмъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили.» Хоть авторъ, правду сказать, выражается нѣсколько темновато, но за то очень ясно высказываетъ, что въ новый уставъ пробрались нѣкоторыя чисто іезуитскія начала. Потомъ въ No. 41 Дня 1863 года въ статьѣ о новомъ уставѣ для духовныхъ семинарій .....кова (стр. 6, столб. 3) пишется, что въ немъ «проглядываютъ *тенденціи іезуитскія;* не даромъ же разослано было къ епархіальнымъ начальствамъ описаніе одной іезуитской (малой парижской) семинаріи и нѣкоторыя части новаго устава, какъ намъ передавали, цѣликомъ взяты изъ этого описанія. Правда ни у начальниковъ новыхъ коллегіумовъ не достанетъ столько энергіи, ни у общества столько податливости, что бы изъ духовнаго юношества образовать орденъ іезуитовъ. Въ сущности наши семинаріи останутся тѣмъ же самородкомъ Россійской почвы, — бурсою; и мы рѣшительно не ожидаемъ, подобно г. Крупенникову, возраж-

денія на нашей почвѣ ордна іезуитовъ а видимъ въ новомъ уставѣ попытку возвести старую бурсу въ перлъ созданія. Но что хуже? вотъ вопросъ.» Т. о. и г. ....ковъ хоть и думаетъ, что іезуитство не привьется въ нашихъ семинаріяхъ, а только возвысится бурса *въ перлъ созданія*, однако и онъ говоритъ, что въ уставѣ проглядываютъ іезуитскія тенденціи. Пусть же на меня не сердятся реформаторы за то, что я ихъ обвиняю въ тѣхъ тенденціяхъ, о которыхъ напечатано было еще въ 1863 г. съ дозволенія цензуры. Теперь мнѣ остается высказанныя мысли подтвердить доказательствами.

Въ этомъ случаѣ нахожу нужнымъ не только напомнить сдѣланную мною характеристику ультрамонтанской партіи, но и указать еще на нѣкоторыя правила, которыхъ она держится, особенно по отношенію къ духовнымъ училищамъ. Руководствомъ здѣсь могутъ служить мои свѣдѣнія объ образѣ дѣйствія ультрамонтанской партіи, *уставъ малой парижской семинаріи* и помѣщенная въ No. 2 Отеч. Зап. 1864 г. статья подъ названіемъ: *представители кіевской учености*. Послѣдняя статья можетъ показаться неумѣстною, п. ч. она говоритъ о іезуитскихъ училищахъ и нашей кіевской могилянской академіи, какъ она существовала за 200 лѣтъ. Но въ этомъ случаѣ надобно помнить, что основныя правила іезуитизма не измѣняемы. Извѣстныя слова іезуитскаго генерала, котораго просили измѣнить хоть сколько нибудь уставъ іезуитовъ: *sint, ut sunt, aut non sint* (пускай остаются при теперешнемъ положеніи, или пусть ихъ вовсе не будетъ); — эти слова нѣсколько можно измѣнить намъ въ настоящемъ случаѣ. *Jesuitae sunt, ut fuerunt, — et erunt, ut sunt*, т. е. іезуиты дѣйствуютъ теперь также, какъ дѣйствовали прежде, — и послѣ станутъ дѣйствовать также, какъ нынѣ дѣйствуютъ. Значитъ, мнѣ можно ссылаться на упомянутую статью: *представители кіевской учености*.

Любимая мысль ультрамонтановъ, іезуитовъ, клерикаловъ (выбирайте любимое изъ этихъ словъ; — все равно) состоитъ въ томъ, что нынѣшній міръ лежитъ во злѣ. Эту мысль они находятъ справедливою относительно всего рода человѣческаго, христіанскихъ обществъ, частныхъ людей и даже наукъ. По ихъ словамъ, свѣтскія науки и свѣтскіе ихъ преподаватели заражены вольнодумствомъ, только и думаютъ, какъ бы подорвать религіозныя истины; общество занято только матеріальными интересами, а не нравственными, религіозными потребностями; люди, смотря по состояніямъ и степени образованности, преданы грубымъ, или утонченнымъ

порокамъ. Избранниковъ божіихъ, ревнителей истины и христіанскихъ добродѣтелей только и можно найти въ д-вѣ, или въ тѣхъ лицахъ, которыя ему покорны, — вообще въ однихъ приверженцахъ ультрамонтанства и іезуитизма; противники же ихъ, кто бы они ни были, даже и духовныя особы, — причисляются къ людямъ погибшимъ, ко врагамъ Бога и пр.

При антирелигіозномъ, безнравственномъ положеніи мірянъ, — необходимо уже отдѣлить совершенно отъ грѣшнаго міра и грѣшныхъ людей — духовныя училища, учениками которыхъ должна пополняться, и со временемъ поддерживаться и управляться партія. Главный и единственный высшій надзоръ за ними слѣдуетъ ввѣрить епископамъ, а ближайшій непосредственный-ректору, суперьеру и пр., — р-ся, будущему епископу. Суперьеръ есть полный распорядитель въ училищѣ; онъ, какъ мы уже видѣли относительно малой Парижской семинаріи, есть Богъ даже для наставниковъ. Въ этомъ отношеніи старыя іезуитскія школы, современныя Петру Могилѣ, были вполнѣ похожи на нынѣшнія. На стр. 582 или 583 статьи: *представители кіевской учености*, говорится: «повиновеніе (въ іезуитскихъ школахъ) внушалось и начальникамъ, и ученикамъ; *воля каждаго должна была изчезать въ волѣ одного старшаго;* а она почиталась и исполнялась, какъ воля самого Христа. Какого ради повиновеніе требовалось въ этомъ случаѣ, — видно изъ того, что напр. попытка ученика писать не цицероновскимъ слогомъ считалась уже нарушеніемъ ревности къ повиновенію. Вообще повсюду требовалось слѣпое, рабское послушаніе; всѣ и каждый наставники и ученики имѣли поступать такъ, какъ будто были колеса огромной машины, которой *primum movens* была глава учрежденія.»

Чтобы начальники училищъ встрѣчали, какъ можно, менѣе препятствій, весь училищный начальствующій составъ или, какъ говорятъ французы, *personnel*, состоитъ изъ духовныхъ лицъ, или изъ тѣхъ, которые изъявили желаніе ими сдѣлаться. Лицы не духовныя на должность учителя даже математики допускаются только въ крайнихъ случаяхъ. При производствѣ уголовнаго слѣдствія въ 1848 г. по случаю изнасилованія и убійства дѣвушки въ католическомъ тулузскомъ конвиктѣ оказалось, что тутъ даже докторъ и прислуга были, т. с-ть, міряне ультрамонтаны и іезуиты. Для предохраненія воспитанниковъ отъ вліянія общества, — ихъ запираютъ въ монастыри, или въ зданія, устроенныя и управляемыя по монастырскимъ правиламъ; стараются даже ослабить связи родственныя.

Людямъ, которые пріучаются къ слѣпому и безпрекословному повиновенію, предназначаются быть *колесами огромной машины*, управляемой начальниками, обязаны смотрѣть на послѣднихъ, какъ на Бога, какъ на І. Христа, — такимъ людямъ нѣтъ нужды глубоко изучать всѣ современныя науки, обогощать себя основательными и обширными познаніями о человѣкѣ и природѣ, имѣть твердый и проницательный разсудокъ, который бы самъ собою могъ доходить до истины и видѣть заблужденія. Иначе человѣкъ сдѣлается самостоятельнымъ и въ образѣ мыслей и въ поступкахъ, и не захочетъ быть безотвѣтнымъ чьимъ бы то ни было орудіемъ. Но съ другой стороны цѣлой партіи нужны умные начальники, а для исполненія приказаній ихъ и умные подчиненные, въ противномъ случаѣ партія погибнетъ въ борьбѣ съ противниками. А ультрамонтанская, іезуитская партія имѣетъ своими противниками всѣхъ, кто дорожитъ успѣхами цивилизаціи, интересами человѣчества, прогрессивнымъ движеніемъ его къ большему и большему усовершенствованію; тутъ партія встрѣчаетъ врагами своими людей умныхъ. Какимъ же образомъ удовлетворить двумъ противоположнымъ между собою потребностямъ?

Затрудняться въ этихъ случаяхъ нѣтъ надобности. Вѣдь римляне въ послѣдніе годы республики и во время имперіи имѣли рабовъ, которые учили дѣтей ихъ краснорѣчію, философіи и пр., не смотря на то, что многіе изъ этихъ ученыхъ рабовъ принадлежали къ неугомоннымъ гражданамъ греческихъ республикъ. И если изъ этихъ горячихъ республиканцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ зрѣломъ возрастѣ, можно было образовать плетью и цѣпями послушныхъ рабовъ, то неужели нельзя изъ малыхъ дѣтей чрезъ воспитаніе и систематическую дисциплину сдѣлать умныхъ и послушныхъ подчиненныхъ, которые будутъ душою преданы партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣютъ бороться съ противниками ея? Новѣйшая наука опасна для іезуитовъ, когда человѣкъ увлечется ею и составитъ при помощи ея самостоятельный взглядъ на мірозданіе и человѣческую дѣятельность, не подходящій подъ взглядъ партіи. А ознакомить съ общими основаніями науки, не пробудивъ къ ней привязанности, съ ея недостатками и слабыми сторонами, не только не опасно, а и полезно; ученый этого рода можетъ быть очень хорошимъ памфлетистомъ, а его-то и надобно въ чернильной борьбѣ съ корифеями науки. Тутъ нуженъ умъ не Лапласа, Ньютона, Араго, Гумбольта и пр. способный дѣлать открытія въ наукахъ, а умъ хитрый, пронырливый, тонкій, умъ полеми-

ческій, который ловко умѣетъ дѣйствовать не столько силлогизмами, сколько софизмами и схоластическими хитросплетеніями. Образовать и, т. е-ть, выдѣлать такой умъ — дѣло не хитрое. Вѣдь и умъ можно подчинить механическимъ пріемамъ и, сообщивъ ему даже множество свѣдѣній, пріучить его дѣйствовать по извѣстнымъ только формамъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Для лучшаго успѣха надобно главнымъ образомъ занимать дѣтей тѣми науками, которыя или тѣсно связаны съ схоластикою, или не разрушаютъ ея, подобно естественнымъ и физическимъ наукамъ. Выдрессированный, т. о. умъ будетъ умъ послушный, дѣйствующій только въ извѣстномъ кругу, идущій по одной только дорогѣ, напередъ ему указанной. Въ этомъ отношеніи іезуиты-великіе мастера.

Главнымъ и даже главнѣйшимъ предметомъ въ іезуитскихъ школахъ, р-ся, бываютъ богословскія науки. Но это не то богословіе, при помощи котораго мы могли бы усвоить себѣ въ чистѣйшемъ видѣ безъ примѣси человѣческихъ мудрованій ученіе Спасителя, близкое къ сердцу и выраженное въ притчахъ и бесѣдахъ съ учениками и народомъ, — не изученіе того живаго и дѣйственнаго слова Божія, которое проникаетъ до костей, членовъ и мозговъ; а совокупность сухихъ, отвлеченныхъ, безжизненныхъ и схоластическихъ положеній, которыми такъ изобилуютъ курсусы, катихизисы и символическія книги католиковъ. Притомъ и въ этомъ случаѣ находятъ нужнымъ механическое, а не разумное усвоеніе. По правиламъ *малой парижской семинаріи* (стр. 19) относительно чтенія всѣхъ вообще уроковъ «нужно требовать чтенія буквальнаго.» Болѣе всего стараются богословское образованіе развить пріученіемъ къ исполненію дѣйствій внѣшняго благочестія, къ занятіямъ обрядовой стороною религіи. *Въ представителяхъ кіевской учености* стр. 557, 558 и 556 говорится: «въ преподаваніи богословія іезуиты всего болѣе старались не объ утвержденіи молодыхъ людей въ истинахъ и обязанностяхъ христіанина, но о пріученіи учениковъ къ ханжеству, внѣшнимъ обрядамъ и суевѣрію; учащимся только давали читать аскетическія сочиненія въ родѣ: примѣры мукъ адскихъ и др. т. п.; кромѣ того занимали ихъ безпрестанно и многочасно обрядною стороною религіи..... По правиламъ (іезуитскихъ школъ) юноши приготовлялись къ покорности, любви къ Богу и добродѣтели строгимъ исполненіемъ обрядовой стороны религіи. На развитіе же въ молодыхъ людяхъ мышленія и понятій въ іезуитскихъ школахъ не обращалось вниманія..... не учили мыслить и вдумываться въ прочитанное, но останавливались

на внѣшностяхъ, на формѣ, — не обогащали памяти познаніями, пригодными въ жизни, но за то забивали ее запутанными правилами изъ всего огромнаго Альвара, риторическими правилами изъ Суареса, силлогизмами на разныхъ языкахъ и голымъ перечнемъ міровыхъ событій.»

Охарактеризовавши іезуитскія католическія училища, мы теперь легко можемъ рѣшить вопросъ: въ какой степени справедливо мнѣніе, что наши духовные реформаторы хотятъ дать семинаріямъ іезуитское настроеніе. Для этого мнѣ немного новаго нужно будетъ прибавлять; стану только припоминать и сгруппировывать кое-что изъ сказаннаго прежде. Р-ся, нельзя было реформаторамъ не намекнуть и даже прямо не сказать, что міряне, приношеніями которыхъ живутъ и наживаются духовныя особы, есть развратные люди; такъ напр. въ § 92 говорится, что «общежитія семинарскія устраиваются съ тою единственною цѣлію, чтобы уготовляемыхъ въ сосудъ благодати священства воспитанниковъ охранить отъ соблазновъ и растлѣнія духовнаго, удалить изъ той среды, гдѣ они могутъ видѣть и слышать многое такое, что можетъ зловредно дѣйствовать на ихъ душу.» Кто же это соблазнители, растлѣвающіе духовное юношество и зловредно дѣйствующіе на ихъ душу? Очевидное дѣло — міряне, у которыхъ теперь семинаристы нанимаютъ себѣ квартиры. Но это вѣдь низкій классъ общества. Впрочемъ достается отъ реформаторовъ и образованнымъ классамъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ § 148 говорится (стр. 30), что нынѣшнее р-ся, свѣтское образованіе уклонилось отъ духа Церкви. Не пощадили, какъ выше было объяснено, и бѣлаго д-ва; оказалось, что семинаристы, живя у отцовъ, получаютъ безнравственное настроеніе, которое не можетъ исправиться даже въ бурсѣ семинарской, что по этому сочли за необходимое обязать благочинныхъ смотрѣть за тѣмъ, какъ духовные воспитываютъ своихъ дѣтей, дѣлать о томъ отмѣтки въ послужныхъ спискахъ, ободрять, награждать, штрафовать и пр. Этого не встрѣтишь даже въ католическихъ государствахъ; тамъ духовныя особы другъ друга рекомендуютъ, какъ отличныхъ, чуть не единственныхъ педагоговъ. Но, г. ч., не забывайте, что тамъ всѣ духовные — не женатый, безсемейный народъ, — монахи. А у насъ бѣлое д-во живетъ семейнымъ порядкомъ; его-то и побраниваютъ реформаторы. Напротивъ м-во выставляется образцомъ для подражанія; уставу, какъ замѣчено выше, очень нравится мысль, чтобы каждый священникъ, даже по окончаніи курса семинарскаго, пожилъ въ монастырѣ подъ надзоромъ какого либо

старца. А Православный Собесѣдникъ (No. 6. 1863 г. стр. 330) даетъ не двусмысленный намекъ, что и вліяніе духовное, и начальство въ духовныхъ-училищахъ принадлежитъ по обязанности, по праву, по сану м-щимъ. На стр. же 325 проповѣдуется: «м-во вноситъ и въ училище и во все духовное управленіе свой духъ: но какой это духъ? Это-строгій духъ Церкви въ идеяхъ, правилахъ жизни, порядкахъ управленія; это, духъ, которой не даетъ хода матеріальнымъ идеямъ (значитъ идеи раздѣляются на матеріальныя и не матеріальныя?), не терпитъ современнаго направленія литературы, утверждаетъ въ духовномъ кругу начала евангелія, а не міра, требованія Церкви, а не свѣтскаго общества, который проповѣдуетъ служителю вѣры борьбу съ міромъ, а не дружество, налагаетъ на него крестъ, требуемый Спасителемъ, а не сокровища міра, которыхъ и самая церковь не имѣетъ; внушаетъ и поддерживаетъ строгую дисциплину, а не вольность, сказать коротко: противится всякому либерализму въ церкви.» Вотъ такъ м-во наше; вѣдь едва ли восхваляли себя такъ даже іезуиты!

Если низшіе классы общества соблазняютъ, растлѣваютъ духовное юношество и зловредно дѣйствуютъ на его души, если свѣтское образованіе уклонилось отъ духа Церкви, если отцы изъ бѣлаго д-ва не радятъ о воспитаніи своихъ дѣтей и портятъ ихъ нравственность и наконецъ, если только одно м-во чисто отъ всѣхъ этихъ обвиненій, какъ увѣряетъ Православный Собесѣдникъ, то кому же поручить надзоръ за воспитаніемъ семинаристовъ, какъ не м-ву? И вотъ, какъ мы уже знаемъ, архіерей есть полный властелинъ подчиненной ему семинаріи, — «ему все подчинено въ ней, онъ дѣйствуетъ тутъ по личному усмотрѣнію словесными приказаніями, даже, если потребуютъ обстоятельства, не опредѣленныя никакими постановленіями, можетъ удалять начальниковъ отъ должности и только доносить синоду объ окончательномъ исключеніи отставляемаго изъ службы. Другимъ, ближайшимъ къ училищу могущественнымъ распорядителемъ является ректоръ. Его, какъ въ іезуитскихъ школахъ, конечно не ставятъ на равнѣ съ Богомъ, съ Іисус. Христомъ, да этого напечатать не дозволитъ цензура; однако ему ввѣряется въ семинаріяхъ полная власть распорядительная и всѣмъ приказано дѣйствовать по его указаніямъ и наставленіямъ. Различіе отъ католическихъ ректоровъ состоитъ только въ томъ, что эти одни за все отвѣчаютъ, а нашимъ будущимъ отцамъ ректорамъ приданы члены правленія, которые въ случаѣ растраты суммъ будутъ ихъ выплачивать

вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ; и въ этомъ случаѣ отъ нихъ, какъ и теперь случается, не принято будетъ въ оправданіе, что они дѣйствовали по его указаніямъ и наставленіямъ. Свѣтскихъ наставниковъ съ гражданскими чинами предполагается выгнать непременно. Конечно лучше всего былобы оставить однихъ монаховъ, но на русской почвѣ ихъ мало производится, особенно способныхъ занимать педагогическія должности. Рѣшились допустить священниковъ и даже людей въ фракахъ и сертукахъ, но безъ чиновъ, на правахъ дьяконовъ и священниковъ. Ослабляя до возможности свѣтскій элементъ между наставниками, реформаторы не очень позаботились и о свѣтскихъ наукахъ. Въ этомъ отношеніи католическія, іезуитскія училища уже положительно даютъ болѣе обширное образованіе, нежели какое станутъ получать наши семинаристы. По уставу *малой парижской семинаріи* (стр. 23) «главный интересъ учащихся воспитанниковъ, элементъ всей ежедневной дѣятельности ихъ есть классъ и ничто не можетъ восполнить недостатка класса. Доставьте ученикамъ въ заведеніи всѣ возможныя развлеченія, но если классъ устроенъ худо, — они не будутъ довольны, и. ч. чувствуютъ, что они въ заведеніи — за тѣмъ, чтобы учиться, и потому ничто не можетъ вознаградить для нихъ недостатки этого ученія. Т. о. профессоръ держитъ въ своихъ рукахъ настоящее и будущее малой семинаріи, т. е. самый возвышенный интересъ епархіи и надежду религіи.» Но по стр. 17, первое условіе, чтобы хорошо учить, состоитъ въ томъ, чтобы *хорошо знать* .... Чтобы (стр. 18) основательно знать, для сего одинъ путь — изучать основательно, т. е. предаться труду прилежному методически постоянному, слѣдуя древней аксіомѣ, *multus labor, multa in labore methodus multa in methodo constantia.* Это значитъ не довольствоваться знаніемъ поверхностымъ, не оставлять ниодного затрудненія безъ того, чтобы вполнѣ не одолѣть его. Въ этомъ-то и состоятъ истинныя завоеванія разума, которыя въ одно и тоже время и укрѣпляютъ и обогощаютъ его: *perfecta intellecta perficiunt intellectum.*» Какъ угодно, а у насъ въ духовныхъ-училищахъ такого изученія наукъ, такого преподаванія отъ наставниковъ не требуютъ.

Наконецъ самихъ учениковъ, для предохраненія отъ соблазновъ, растлѣнія духовнаго, отъ свѣтскихъ образованыхъ людей, уклонявшихся отъ духа Церкви, отъ нравственной порчи въ домахъ отцовскихъ, соберутъ въ особые монастыри подъ названіемъ общежитій; тамъ уже *свѣтъ не коснется* ни своими лучами, ни своимъ тлетворнымъ дыханіемъ

уготовляемыхъ въ сосудъ благодати священства. Тамъ-то дѣтей подчинятъ монастырскому образу жизни, заставятъ въ день употреблять на молитвы и богослуженіе болѣе времени, нежели сколько употребляютъ наши монахи. А съ католическими, іезуитскими училищами нечего и сравнивать. Месса, которую тамъ выслушиваютъ воспитанники, много короче нашей обѣдни, и кромѣ того, не бываетъ ни утренней, ни вечерней службы; отдѣльныхъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ не читается, а предоставляется каждому самому помолиться. И потому у насъ утреннія и вечернія молитвы съ чтеніемъ апостоловъ и евангелій, съ разъясненіями ихъ и назидательными наставленіями займутъ больше времени, нежели сколько употребляется въ іезуитскихъ школахъ на всѣ виды молитвословія. Что же сказать теперь о тѣхъ семинаристахъ, которые въ послѣднихъ четырехъ классахъ будутъ ежедневно присутствовать при вечернѣ, обѣднѣ и утренѣ. Да гдѣ тутъ іезуитамъ съ нами сравняться? Кромѣ того не забывайте, сколько разъ воспитаннику придется сотворить крестныхъ знаменій и прочитать краткія молитвы: *Господи помилуй*, *Господи благослови*, *Господи помоги* при началѣ и по окончаніи каждаго дѣла, при входѣ въ комнату и по выходѣ изъ нее и пр. и пр. Т. о. на внѣшнія дѣла благочестія употребится времени уже рѣшительно больше, нежели, въ іезуитскихъ колегіумахъ.

Да, г. ч., будущія наши семинаріи, если онѣ только устроятся по идеямъ духовныхъ нашихъ реформаторовъ, будутъ близкою роднею іезуитскимъ католическимъ школамъ! Но между перечисленными признаками этой родственной связи не видно главнаго изъ нихъ, именно того, чтобы семинаристовъ и вообще все д-во сдѣлать людьми не только не *отъ міра сего*, но и *не отъ сего государства и не отъ правительства русскаго*, чтобы они составляли отдѣльное государство въ государствѣ на подобіе католическаго д-ва. Правда, высказывать подобныя мысли въ печати и въ постановленіяхъ даже о духовныхъ-училищахъ хоть бы духовнымъ особамъ неудобно, не позволятъ. Но странно, что въ новомъ уставѣ обнаруживаются и эти даже тенденціи, какъ это видно изъ слѣдующаго нехитраго соображенія. Вътакъ называемой нравственной части устава и особенно въ инструкціи комнатному надзирателю — этому игумену будущихъ семинарскихъ общежительныхъ монастырей — такъ много перечислено добродѣтелей, къ которымъ надобно пріучить, — и пороковъ, отъ которыхъ отучать нужно семинаристовъ, что изъ однихъ названій тѣхъ и другихъ можно составить *по-*

рядочное писаніе, и по присоединеніи къ нимъ указанныхъ уставомъ и инструкціею средствъ для всего этого, получимъ не маленькій компендіумъ нравственнаго богословія. Послѣ этого по неволѣ изумишься, отчего въ число добрыхъ дѣлъ, къ которымъ наши реформаторы хотятъ настроить семинаристовъ, отчего не попали ни любовь къ отечеству, ни преданность Русскому Царю и вообще правительству? Отчего даже самыя слова: Отечество и Государь почти, какъ к-ся, нигдѣ не встрѣчаются во всемъ уставѣ и въ инструкціи комнатному надзирателю? Скажутъ, что это-пустая, неблагонамѣренная придирка, — извѣстно-де, что всѣ подданные царя Русскаго обязаны любить своего Царя и отечество: зачѣмъ же разглагольствовать объ этомъ въ уставѣ для семинарій? Пусть будетъ такъ. Но я полагаю, что и каждое духохное лицо и каждый, значитъ, семинаристъ долженъ быть преданъ православной Церкви не менѣе, какъ отечеству и государю; к-ся, что-такъ. Но почему же объ этой столь извѣстной для всякаго истинѣ уставъ *многочастно и многообразно глаголетъ*, а о любви къ отечеству и о преданности къ государю *нѣмотствуетъ*. Вѣдь вотъ если бы при перечисленіи всѣхъ добродѣтелей, которыя сочтено было бы нужнымъ внушать какому либо классу людей русскихъ, ни слова не было сказано о преданности Церкви, о благочестіи и вѣрѣ и т. п., то не заговорило ли бы тогда м-во, зачѣмъ же опустили столь важныя обязанности для христіанина? И поступило бы резонно. Позвольте же и намъ теперь спросить васъ, г. г. реформаторы, какъ же это вы, палагая на семинаристовъ многое множество нравственныхъ обязанностей, ни слова не сказали ни о любви къ отечеству, ни о преданности Русскому Царю и Правительству? Помилуйте, вѣдь семинаристы, да и вы сами — русскіе люди, живете въ Россіи и притомъ на счотъ государства, какъ же вы и намека не сдѣлали на тѣ отношенія, которыя должны имѣть къ нему всѣ русскіе? Развѣ вы считаете себя людми уже *не отъ государства сего*? А у васъ вѣдь и эта мысль въ одномъ мѣстѣ проглянула, по к. м. обстоятельство, о которомъ сейчасъ буду говорить, показываетъ желаніе внушить семинаристамъ, что они государству не одолжены многимъ, даже ничѣмъ.

Извѣстно, что семинаристы, пользующіеся пособіемъ называются *казенными, казенно-коштными* воспитанниками, хотя деньги на нихъ и вообще на всѣ духовно-учебныя заведенія заимствуются не изъ общихъ государственныхъ суммъ, не изъ государственнаго казначейства, а изъ такъ называемыхъ нынѣ ду-

ховно-учебныхъ капиталовъ, которые составились и поддерживаются доходами отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ. Подобныя названія можно встрѣчать и въ другихъ случаяхъ. Напр. воспитанники бывшихъ училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, или воспитанницы въ такъ называемыхъ домахъ трудолюбія содержались и содержатся на доходы, принадлежащіе Приказамъ Общественнаго Призрѣнія или лучше Земству каждой губерніи, и м. т. все-таки воспитанники и воспитанницы назывались казенными, казеннокоштными; тоже самое можно встрѣтить и въ благородныхъ пансіонахъ и училищахъ для дворянства: хоть всѣ они содержатся не казною въ частномъ значеніи слова, а пожертвованіями нѣкоторыхъ благодѣтелей, или деньгами, собиравшимися съ крестьянъ, однако бѣдные воспитанники, получающіе здѣсь все содержаніе, называются обыкновенно въ разговорѣ, казенными. Причина такого названія основывается на томъ убѣжденіи, вполнѣ основательномъ, что всѣ деньги, которыя доставляются русскимъ народомъ на общественныя дѣла въ видѣ податей, или добровольными приношеніями, всѣ принадлежать русскому народу, русскому царству, русской казнѣ въ обширномъ смыслѣ слова и должны быть въ распоряженіи, или подъ контролемъ русскаго Правительства, русскаго Царя; — такъ непремѣнно можетъ и даже должно быть, лежатъ ли деньги въ сундукахъ государственнаго казначейства, опекунскаго совѣта, приказовъ общественнаго призрѣнія, духовно-учебнаго управленія. Значитъ и въ названіи семинариста казеннокоштнымъ ученикомъ нѣтъ ничего дурнаго и опаснаго. Но послушайте, что говорятъ наши духовные реформаторы на 78 стр. журналовъ своихъ засѣданій.

«Ложное названіе казеннаго жалованія, казеннаго содержанія казеннокоштныхъ воспитанниковъ и пр. въ массѣ д-ва укоренило мысль, что духовно-учебныя заведенія содержатся дѣйствительно казною. *Какъ ни безразсудно такое мнѣніе*, но оно существуетъ и *сопровождается неблагопріятными послѣдствіями.* Съ одной стороны упрекаютъ синодъ въ безпечности, въ невниманіи къ нуждамъ семинарій, воображая, что онъ только не хочетъ, по какимъ-то побужденіямъ, выпросить изъ казны достаточнаго содержанія ихъ. Съ другой, по тому же *заблужденію*, смотрятъ на собираемую свѣчную сумму, какъ на подать, которая неизвѣстно куда и какъ употребляется. Пусть же и сборъ и употребленіе этихъ денегъ будутъ открыты и видимы для всѣхъ; тогда забота о собственныхъ дѣтяхъ побудитъ д-во не съ ропо-

томъ, а съ охотою стараться объ увеличеніи средствъ къ содержанію училищъ. При семъ очевидно, что *нужно истребить названіе казенными суммъ*, которыя на дѣлѣ церковныя а воспитывающіеся на счетъ ихъ — церковные воспитанники.»

Читая этотъ отрывокъ встрѣчая слова: *какъ ни безразсудно такое мнѣніе, — сопровождается неблагопріятными послѣдствіями, — по тому же заблужденію, — нужно истребить названіе,* — невольно начинаешь думать, что тутъ дѣло идетъ о какомъ-то страшномъ заблужденіи, которое грозитъ гибелью, если не государству, то Церкви и д-ву. Подобныя мысли были бы дѣйствительно справедливы, если бы семинаристы назывались почему либо напр. лютеранскими, магометанскими, англійскими и т. п. Тогда, пожалуй, будущимъ нашимъ пастырямъ запала бы въ голову мысль, что мы-де одолжены всѣмъ своимъ воспитаніемъ лютеранамъ, магометанамъ, англичанамъ и пр.; такое убѣжденіе дѣйствительно не подъ-стать русскому православному священнику. Но я никакъ не пойму опасенія гибельныхъ послѣдствій отъ того, если у семинаристовъ явится убѣжденіе, что они своимъ воспитаніемъ одолжены своему отечеству, казнѣ, государю. Неужели полезнѣе и нужнѣе внушать, что они ничѣмъ не одолжены ни государству, ни царю?

Комитетъ говоритъ о какомъ-то нареканіи на синодъ за его невниманіе къ нуждамъ семинарій, о неохотѣ и ропотѣ, съ которыми д-во доставляетъ свѣчные доходы, и это приписываютъ названію: *казенное жалованье, казенное содержаніе, казенные воспитанники.* Полно-те господа! О томъ, внимателенъ ли синодъ къ нуждамъ д-ва, говорено много и еще кое-что скажется. Но куреневомъ напечатанныя слова внушатъ скорѣе мысль, что не синодъ, а казна невнимательна къ нуждамъ д-ва; вѣдь, судя по названію суммъ, онѣ отъ нея идутъ. Значитъ, въ случаѣ ихъ недостаточности станутъ обвинять не синодъ, а казну. — Потомъ д-во скрываетъ свѣчные доходы по утвердившемуся въ немъ убѣжденію, что распорядители ихъ не употребятъ на нужды училищъ. Вотъ напр. д-во смоленской епархіи, когда оно повѣрило честному слову своего архипастыря, что всѣ представляемые свѣчные доходы станутъ употребляться на улучшеніе семинарій и получило право слѣдить за употребленіемъ денегъ, то тотчасъ же согласилось на неутайку свѣчныхъ доходовъ.

А ужъ если дѣло пошло на правду и нужно прінскать самое приличное названіе духовно-училищнымъ капиталамъ,

то ихъ слѣдуетъ назвать *народными, мужицкими*, а вовсе *не церковными*. Вѣдь всѣ свѣчныя деньги доставляются, всѣ безъ исключенія добрымъ, православнымъ русскимъ народомъ, особенно мужиками; вѣдь у Церкви своихъ доходовъ, которые бы она получила не отъ народа, — нѣтъ вовсе. Православный Собесѣдникъ какъ в. с-но даже говоритъ (No. 6. 1863 г. стр. 325), что м-во налагаетъ на служителя вѣры «крестъ, требуемый Спасителемъ, а не сокровища міра, *которыхъ и сама церковь не имѣетъ*.» Значитъ у церкви и денегъ нѣтъ.

Но если нѣтъ опасности въ названіи духовно-училищныхъ суммъ казенными, то вовсе нельзя назвать благонамѣреннымъ и хорошимъ истребить, какъ желаютъ наши реформаторы, это названіе. Въ самомъ дѣлѣ хорошо ли внушать будущимъ пастырямъ, что они ничѣмъ не одолжены государству, что *они только церковные воспитанники?* И при теперешнемъ положеніи и воспитаніи бѣлаго д-ва, оно составляетъ какъ бы *отдѣлъ людей не отъ міра сего*, почти особую касту. Что же произойдетъ, когда оно будетъ состоять изъ тѣхъ только лицъ, которыя воспитаются въ семинарскихъ общежитіяхъ по теоріямъ новаго устава и подъ руководствомъ Истиннаго Друга духовнаго юношества, — когда ихъ убѣдятъ, что они только церковные воспитанники, что безразсудно думать, будто бы казна, государство, общество имъ въ чемъ либо помогаютъ и пр.? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Извѣстно, что *кастовое состояніе, поддерживаемое кастовымъ воспитаніемъ подъ непосредственнымъ и исключительнымъ начальствомъ лицъ той же касты, мало по малу совершенно изолируетъ воспитанниковъ отъ государства.* По этому при глубоко-обдуманной системѣ воспитанія семинаристовъ въ духѣ клерикальномъ, монашескомъ, при энергической настойчивости держаться ея, при совершенномъ устраненіи свѣтскаго и даже полусвѣтскаго элемента изъ духовныхъ-училищъ, у насъ со временемъ появится *status in statu* также, какъ теперь въ католическихъ государствахъ; и составители новаго устава будутъ имѣть право приписывать себѣ честь или безславіе, что они своимъ произведеніемъ, разными распоряженіями, въ немъ помѣщенными: способствовали этому вовсе *неблагому дѣлу*.

Неужели въ самомъ дѣлѣ намѣренно у насъ думаютъ въ духовныя-училища ввести ультрамонтанство, іезуитство, и потомъ почти неизбѣжно — католичество? Не думаю по к. м. относительно лицъ, составлявшихъ новый уставъ семинарій. Разъединеніе между православіемъ и католичествомъ со вре-

менъ патріарха Фетія и папы Николая постоянно увеличивается; о сближеніи между обоими вѣроисповѣданіями, пока Папы остаются Папами, нечего и думать. Нашему и народу и едва ли еще не болѣе нашему бѣлому д-ву папизмъ не по душѣ приходится. Но въ разсматриваемомъ предметѣ есть другая сторона. Гнилой Западъ мы конечно любимъ побранить, но охотно пользуемся плодами его дѣятельности и образованности. Сами наши духовныя особы, начиная съ Феофана Прокоповича и *до сего дне*, когда бываетъ нужно написать сочиненіе о какомъ либо богословскомъ, церковно-историческомъ и т. п. предметѣ, обращаются къ пособіямъ протестантскихъ и католическихъ богослововъ. Это подтверждаетъ Православный Собесѣдникъ (Іюль 1863 стр. 317): «духовное просвѣщеніе, говоритъ онъ, вынуждено .... прибѣгать къ пособіямъ иностраннымъ и слѣдовательно иновѣрнымъ, въ которыхъ вѣетъ уже не тотъ духъ, который намъ нуженъ.»

Такое же замѣчаніе нужно приложить и къ духовнымъ училищамъ. Когда касается дѣло ихъ улучшенія, то не мыслятъ самостоятельно, справляются не съ Константинополемъ, а опять съ тѣмъ же гнилымъ Западомъ. Въ послѣднее время даже нарочно были посылаемы люди для ознакомленія съ устройствомъ тамошнихъ училищъ; однимъ изъ плодовъ этого знакомства и явилось описаніе малой Парижской семинаріи. Но на западѣ два рода духовныхъ училищъ: католическія и протестантскія. Протестантское д-во ведетъ также семейную жизнь, какъ и наше бѣлое, значитъ и нашихъ семинаристовъ надобно бы также воспитывать, какъ и протестантскихъ пасторовъ. Здѣсь я говорю, р-ся, не о религіозныхъ догматахъ, а о томъ, какъ приготовлять учениковъ къ предстоящей имъ пастырской и вмѣстѣ семейной жизни. Католическія же, особенно іезуитскія духовныя училища, сообразно съ духомъ католицизма, приготовляя будущихъ пастырей къ безбрачной жизни, естественно должны ихъ воспитывать по монашески; и потому ихъ уставы пропитаны монастырскимъ духомъ, хотя къ нашему бѣлому д-ву, обязанному вести семейную жизнь, монастырское воспитаніе вовсе нейдетъ; но надобно припомнить, что вся власть надъ духовными училищами и д-вомъ сосредоточена въ рукахъ м-ва. М-во же, какъ я уже говорилъ выше, вездѣ во всѣхъ народахъ и вѣроисповѣданіяхъ старается, какъ можно, болѣе имѣть прозелитовъ и приверженцевъ и проводитъ идеи, благопріятствующія его сословію; для этого воспитаніе особенно духовныхъ особъ есть наивѣрнѣйшее средство. И

потому понятно, что лицамъ, завѣдывающимъ нашими духовными училищами, вообще весьма могутъ понравиться тѣ порядки іезуитскихъ школъ, которые благопріятствуютъ развитію и успленію м-ва. Этою-то дорогою переносятся въ наши семинаріи постановленія католическихъ іезуитскихъ школъ и, какъ мнѣ думается, не п. ч. они носятъ характеръ ультрамонтанства, іезуитизма, что оба эти настроенія нравятся переносителямъ, а потому собственно, что они, какъ к-ся, поддерживаютъ и укрѣпляютъ м-во. Т. о. *ультрамонтанскія іезуитскія тенденціи врываются въ наши духовныя училища, прикрываясь монашескою мантіею.* И потому нельзя ли сказать здѣсь: *не вѣдятъ бо, что творятъ?* За настроеніе одного какого либо лица ручаться конечно нельзя, но я никакъ не думаю, чтобы многія духовныя особы намѣренно, съ сознаніемъ желали нашимъ духовнымъ училищамъ дать іезуитское настроеніе. А если встрѣчаются явленія, противорѣчущія этому, то .... *не вѣдятъ бо, что творятъ.*

Вѣдаютъ ли, или не вѣдаютъ, а слѣдовало бы вѣдать, что вводимыя къ намъ, положимъ, безъ всякаго злаго намѣренія, ультрамонтанскія, іезуитскія тенденціи и принципы рано или поздо произведутъ печальныя послѣдствія. Надобно помнить, что идеи не умираютъ, что посѣянное ими сѣмя такъ или иначе приноситъ плоды. Потомъ религіозныя убѣжденія, будутъ ли онѣ католическими, протестантскими и т. п., прививаются не вездѣ, а тамъ, гдѣ есть для нихъ пригодная, такъ с-ть, почва. Т. о. тамъ гдѣ умы не настроены на ультрамонтанскій и іезуитскій тонъ, тамъ нечего бояться ни ультрамонтанизма, ни іезуитизма. Напротивъ гдѣ воспитаніемъ, или учрежденіями люди получили настроеніе, свойственное іезуитизму, тамъ оно и безъ проповѣдниковъ, а само собою, по логической послѣдовательности въ мысляхъ и событіяхъ разовьется. М. т. нельзя не сказать что предлагаемое духовными реформаторами преобразованіе въ духовныхъ училищахъ, если приведется въ исполненіе, то послужитъ хоть не желѣзною дорогою для ультрамонтанства, но по к. м. порядочнымъ шоссе. Разъединеніе семинаристовъ съ обществомъ заключеніе ихъ въ отдѣльныя общежитія, поверхностное знакомство съ современнымъ состояніемъ науки не дадутъ имъ возможности узнать, въ чемъ состоятъ дѣйствительно жизнь и наука. Потомъ постоянно поддерживаемое внушеніе, что міръ во злѣ лежитъ, что просвѣщеніе свѣтское уклонилось отъ Церкви, что стремленія образованныхъ классовъ враждебны религіи, что истинное

просвѣщеніе состоитъ въ одномъ богословіи и истинная нравственность скрывается только въ д-вѣ и особенно въ м-вѣ; все это внушитъ мало по малу и семинаристамъ и затѣмъ всему д-ву, слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ, недовѣріе и скрытное пренебреженіе къ прочимъ сословіямъ. Р-ся, и міряне не захотятъ оставаться въ долгу; взаимная вражда, которая и нынѣ замѣтна, тогда еще болѣе усилится. Отсюда не далеко и до той мысли, что д-ву, какъ избранному сословію, лучше всего столпиться потѣснѣе въ одну массу и составить отдѣльное государство въ государствѣ; особенно, когда внушать станутъ въ дѣтствѣ, что государство ни въ чемъ не помогаетъ духовнымъ воспитанникамъ, что о нихъ заботиться только одна Церковь, что они не казенные, а церковные воспитанники. Насильственное принужденіе къ частнымъ и продолжительнымъ молитвословіямъ и богослужебнымъ дѣйствіямъ, обязанность держать себя *въ постоянно-молитвенномъ настроеніи* уничтожатъ или ослабятъ настоящее религіозное чувство и пріучатъ къ ханжеству, лицемѣрію, къ исполненію только внѣшнихъ обрядовъ благочестія. Съ этимъ почти всегда соединяется равнодушіе къ вѣрѣ и готовность переходить въ тотъ лагерь, гдѣ представляется болѣе выгодъ. Такимъ переходамъ поможетъ воспитаніе, при которомъ только и думали объ уничтоженіи всякой самостоятельности въ мысляхъ и поступкахъ, пріучали къ безусловному, слѣпому повиновенію; такихъ людей увлечь можно, куда угодно, стоитъ только отдать приказъ. Да, дорога къ распространенію іезуитизма можетъ устроиться очень не дурная. *Имѣющіе уши слышати, да слышатъ; имѣющіе очи видѣти, да видятъ и уразумѣютъ.* Русскій народъ желаетъ имѣть у себя хорошихъ пастырей, по русскихъ и по вѣрѣ и по душѣ, а не іезуитовъ; священникъ нашъ долженъ быть не отшельникъ, и не монахъ, а такой же гражданинъ, подданный Царя русскаго, вѣрный сынъ Отечества, какъ и прочіе русскіе люди. Закончу латинскимъ изреченіемъ: *caveant consules, ne quid reipublicae detrimentum fiat.*

Отдѣлъ 56ой.

О томъ проэктѣ, чтобы всѣ кандидаты священства первоначально служили причетниками и дьяконами.

До сихъ поръ говорено было о тѣхъ только улучшеніяхъ, посредствомъ которыхъ духовные наши реформаторы надѣются въ школѣ приготовить достойныхъ пастырей церкви. Но семинаристы и академисты не вдругъ поступаютъ въ священники. Какъ же теперь оставить ихъ безъ новыхъ подготовленій? Въ 1840 г. предложено было «учредить при семинаріяхъ приготовительный классъ для кандидатовъ священства, что бы воспитанники, по окончаніи курса готовящіеся къ столь важному званію, имѣли возможность ближе ознакомиться съ обязанностями онаго подъ руководствомъ просвѣщеннаго и опытнаго наставника и подъ особеннымъ надзоромъ мѣстнаго архіерея. (Отч. Об. Пр-ра за 1840 г. стр. 59.) Предложеніе это пробовали привести въ исполненіе едва ли не въ одной московской епархіи, гдѣ будущіе священники не очень охотно собирались по нѣскольку разъ въ недѣлю въ одну изъ комнатъ Чудова Монастыря и тамъ должны были что-то выслушивать въ видѣ лекцій, говоренныхъ священниками, которые впрочемъ не получали никакого за то жалованья. Но и этотъ слабый опытъ вскорѣ прекратился. Въ новомъ уставѣ, какъ выше уже замѣчено, проскользнула мысль, чтобы «готовящіеся къ священству, по окончаніи школьнаго воспитанія, довоспитывали себя въ извѣстныхъ строгостію устава общежительныхъ монастыряхъ, подъ руководствомъ духовныхъ старцевъ.» Но нынѣ у многихъ на готовѣ другое средство довоспитывать семинаристовъ къ священству.

Въ этомъ случаѣ рѣшились подражать военнымъ и гражданскимъ постановленіямъ. Извѣстно, что рекрутъ первоначально долженъ побыть солдатомъ, потомъ ефрейторомъ, унтеръ-офицеромъ» и развѣ лѣтъ чрезъ 12 и болѣе получить офицерскій чинъ. Точно также и въ гражданской службѣ иному, особенно не кончившему курса въ высшихъ, или среднихъ училищахъ, приходится быть писцомъ всѣхъ трехъ разрядовъ, потомъ младшимъ и старшимъ помощникомъ столоначальника, столоначальникомъ и пр. Почему же не за-

вести подобныхъ порядковъ и въ д-вѣ, заставивъ всякаго семинариста, или академиста послужить сначала причетникомъ, послѣ дьякономъ а потомъ уже священникомъ, притомъ получить дьяконство не ранѣе 25, а священство въ 30 лѣтъ своего возраста.

Часть первая.

О каноническихъ и не каноническихъ обязанностяхъ причетниковъ.

Основаніемъ къ такому распоряженію служитъ 11-е правило помѣстнаго Неокесарійскаго и 14-е прав. Трульскаго соборовъ: Въ первомъ говорится: «въ пресвитеры прежде тридесяти лѣтъ, аще и по всему достойный человѣкъ да не поставляется; но да оставится въ ожиданіи. Ибо Господь Іисусъ Христосъ въ тридесятое лѣто крестился и началъ учити.» А во второмъ: «иже бываетъ священникъ прежде 30 лѣтъ, дьяконъ прежде 25, — извержени да будутъ, аще и вельми достославніи суть.» Въ какой степени соблюдалось это соборное правило во всѣ времена, — не знаю. Но у насъ въ Россіи по к. м. послѣ учрежденія семинарій въ каждой епархіи утвердился почти повсемѣстный обычай оканчившихъ курсъ семинаріи, или академіи производить во священники гораздо ранѣе 30 лѣтняго возраста; а чтобы всякій первоначально послужилъ причетникомъ и дьякономъ, мало и рѣчи было. Владимірская епархія едва ли не первая вспомнила объ 11-мъ правилѣ Неокесарійскаго собора. Архіепископъ Парфеній, видя огромное количество кончившихъ курсъ семинаристовъ, долго остающихся безъ мѣста, потребовалъ, что бы каждый изъ нихъ первоначально служилъ причетникомъ, а потомъ или дьякономъ, или прямо священникомъ, о 30-и же годахъ большой заботливости не было, посвящали часто гораздо ранѣе этого времени; только нужно было побыть причетникомъ. Подобные примѣры въ другихъ епархіяхъ сначала были слишкомъ рѣдки, но нынѣ болѣе и болѣе число ихъ увеличивается; напр. было изъ кончившихъ курсъ въ семинаріи причетниками 258 въ 1860 г. и 247 въ 1861 г.

По слухамъ, впрочемъ очень достовѣрнымъ, лѣтъ за 6—8 назадъ былъ на разсмотрѣніи одного знаменитаго нашего архипастыря проэктъ, по которому между прочимъ требовалось, что бы всѣ, желающіе быть священниками, не-

премѣнно первоначально послужили причетниками и дьяконами; магистрамъ оказано было то снисхожденіе, что они могли и въ званіи дьячка ходить не въ одномъ подрясникѣ, а и въ рясѣ. Но этотъ проэктъ остался на бумагѣ только; слышно было также, что знаменитый архипастырь отозвался о немъ вообще не очень снисходительно. М. т. мысль о постепенномъ переходѣ чрезъ всѣ іерархическія степени многимъ понравилась; нѣкоторые и свѣтскіе и духовные журналы усердно доказывали, что наше д-во непремѣнно улучшится, какъ скоро кандидаты на священническія мѣста первоначально послужатъ причетниками, дьяконами и даже не ранѣе, какъ въ 30 лѣтъ сдѣлаются священниками.

Для оцѣнки этого способа улучшить нравственное состояніе д-ва нужно разсмотрѣть, что такое причетникъ у насъ, и притомъ не по однимъ каноническимъ правиламъ и церковнымъ постановленіямъ, а по обычаямъ, утвердившимся въ д-вѣ по общественному мнѣнію. Тогда легко уже будетъ увидать, много ли задатковъ въ этой должности для того, чтобы кандидаты священства, исполняя ее, достойнымъ образомъ *довоспитались* до священнаго званія.

Причетники у насъ двухъ сортовъ; одинъ называется дьячкомъ, другой пономаремъ. Первый въ іерархической лѣстницѣ стоитъ выше втораго. Въ спеціальныхъ т. с-ть обязанностяхъ того и другаго по Церкви, есть нѣкоторое различіе. Но каждый изъ нихъ въ случаѣ отсутствія и болѣзни другаго исполняетъ, даже обязанъ исполнять должность его во всѣхъ подробностяхъ. Притомъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ правительство назначаетъ отъ себя жалованье, б. ч. полагается на каждый штатъ только одинъ причетникъ; тоже самое давно уже существуетъ въ неодноштатныхъ церквахъ Петербурга и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Поэтому и я здѣсь стану описывать не дьячка, или пономаря отдѣльно, а причетника вообще.

По каноническимъ правиламъ главная обязанность причетника состоитъ въ томъ, чтобы во время богослуженія пѣть и читать, поэтому онъ даже и называется *чтецомъ*. Но кромѣ этой канонической, на чтецахъ и пѣвцахъ лежатъ другія полуканоническія или вовсе уже не каноническія обязанности. Одинъ изъ причетниковъ — пономарь въ селахъ вездѣ, да и въ большей части городовъ предъ началомъ каждаго богослуженія приходитъ къ священнику, получивъ дозволеніе, отправляется на колокольню, и выразимся церковнымъ языкомъ, *ударяетъ въ большое било* и послѣ *клеплетъ* (звонитъ) *довольно во вся тяжкія кампаны*. Конечно

есть много людей, которые находятъ большое удовольствіе не только слушать, но и производить колокольный звонъ; Казимодо въ знаменитомъ романѣ Виктора Гюга, не смотря даже на свою глухоту, принадлежалъ къ подобнымъ аматёрамъ. Но отправлять должность Казимодо на колокольнѣ русской, приходской-сельской, или городской даже соборной Церкви, право, вовсе нѣтъ особеннаго наслажденія. Въ темныя, осеннія и зимнія ночи пробираться ощупью, или съ тусклымъ фонаремъ по лѣстницамъ колокольни, въ которыхъ на основаніи русскаго: *ничего, бѣда не велика*, не достаетъ по нѣсколько ступеней, будить своимъ стукомъ, или фонаремъ галокъ и воронъ, восхищаться ихъ гармоническимъ карканьемъ, а иногда отмахиваться даже рукою, когда онѣ съ просонья налетаютъ прямо на виновника ихъ пробужденія, шагать чрезъ кучи снѣга, которыя частенько наносятся внутри колоколенъ, затѣмъ звонить и въ большое било, и во вся тяжкія кампаны на вѣтру, при дождѣ, или снѣгѣ не, Богъ знаетъ, какъ пріятно. Даже безъ описанныхъ аппендиксовъ въ самомъ процессѣ звоненья есть свои непріятности, особенно когда приходится имѣть дѣло съ большими колоколами и возвѣщать напр. въ праздники міру о началѣ, или концѣ богослуженія. Попробуйте минутъ 20—30, а иногда и часъ поворочать изъ одной стороны въ другую нѣсколько-пудовый языкъ большаго била, потомъ взять въ правую руку веревки отъ маленькихъ колокольчиковъ, въ лѣвую отъ тѣхъ, которые побольше, накинуть на себя веревку отъ будничнаго, вырабатывать ногою на доскѣ, къ которой проведена веревка отъ полиелейнаго колокола и пр.; попробуйте; тогда окончивши процессъ колокольнаго звона, почувствуете, что ваша спина отъ поту взмокла, въ головѣ шумъ, въ рукахъ усталость и боль и пр. Прибавьте теперь тѣ случаи, когда епархіальные начальники отправляются на ревизію, или для служенія въ Церкви, и когда по случаю этихъ всерадостныхъ событій нужно бываетъ пономарямъ просидѣть на колокольнѣ по нѣсколько часовъ, продрогнуть отъ холода, и потомъ нагрѣть себя до поту, *ударяя въ большое било* и звоня *во вся тяжкія кампаны;* право не найдете поводовъ восхищаться *колокольною* обязанностію причетника, хотя онъ при исполненіи ея въ буквальномъ смыслѣ по положенію своему бываетъ выше всѣхъ, кромѣ развѣ воронъ и галокъ, которыя по чему либо не улетаютъ съ верхней части колокольни.

Въ самой Церкви во время богослуженія причетникъ имѣетъ занятіе правда не столько *громкое*, какъ на коло-

кольнѣ, но не менѣе *жаркое*. У насъ, особенно по селамъ есть еще много холодныхъ церквей; поэтому въ зимнее и осеннее время находятъ нужнымъ въ алтарѣ даже близъ престола ставить большую жаровню съ раскаленными углями, чтобы ихъ жаромъ можно было нагрѣвать коченѣющія отъ холода руки священника и дьякона. Независимо отъ этого раскаленные угли нужны во время всякаго богослуженія для кадила, а во время обѣдни для приготовленія такъ называемой *теплоты* т. е. теплой воды для вливанія въ сосудъ съ святыми дарами. И вы, г. ч. вѣроятно, подходя къ Церкви, не разъ видали вблизи на паперти ея, особенно предъ обѣднею жаровню на треножникѣ, наполненную раскаляющимися и дымящимися углями, — видали тоже, какъ причетникъ пробирался съ нею потомъ въ алтарь, поговаривая: *позвольте, позвольте.* Если удавалось вамъ бывать во время богослуженія въ алтарѣ, то, вѣроятно, тоже видали съ какою заботливостію причетникъ не даетъ углямъ тухнуть. Конечно посидѣть въ покойномъ креслѣ у камина, или голландской печки, когда въ нихъ горятъ дрова, поворачивать щипцами, или кочергою полѣнья — можно даже съ удовольствіемъ, особенно когда нечего дѣлать, и хочется помечтать, или съ пріятелемъ поболтать. Но причетникъ знакомъ съ удовольствіями другаго рода. Не во всѣхъ церквахъ особенно сельскихъ вы найдете раздувальный мѣхъ и какія либо щипцы; поэтому причетнику приходится употреблять вмѣсто мѣха свои собственныя легкія, вмѣсто щипцовъ руки, а въ кадилѣ даже и при щипцахъ бываетъ нужно поддерживать жаръ своимъ собственнымъ дуновеніемъ. По этимъ обстоятельствамъ во время богослуженія, особенно обѣдни, вы частенько увидите причетника у кадила, или жаровни съ раскаспѣвшимися отъ жару щеками, съ глазами, покраспѣвшими тоже отъ жару и отъ дыму, а иногда и съ зачернѣвшимъ отъ копоти лицомъ, съ обожженными даже пальцами. Пріятная обязанность! Впрочемъ зато очень часто приходится получать и награду, конечно особаго тоже рода, за исполненіе этой обязанности. По принятому обычаю, причетникъ, подавая священнику кадило, и принимая отъ него назадъ, обязанъ непремѣнно поцѣловать десницу, которая беретъ, или отдаетъ кадило. Для чего это дѣлается? Вѣрно полагаютъ въ самомъ дѣлѣ, что принять, или подать кадило большая честь.

Описанныя мною колокольныя и угольныя обязанности составляютъ собственно принадлежность пономаря, но въ случаѣ его отсутствія онѣ исполняются и дьячкомъ, даже

нерѣдко отцомъ дьякономъ, особенно если онъ состоитъ на вакансіи причетнической. Но вотъ уже обязанности, которыя нераздѣльно принадлежатъ всѣмъ причетникамъ безъ различія.

Улицы не только селъ, но и городовъ русскихъ не отличаются большою чистотою; поэтому православный народъ приноситъ въ храмъ, и оставляетъ въ немъ очень порядочный запасъ такъ называемаго сора, который иногда въ буквальномъ смыслѣ покрываетъ весь полъ Церкви. Обязанность мести ее, особенно въ селахъ лежитъ прямо на причетникахъ. Конечно подмести щеткою, или даже вѣникомъ свою комнату еще не, Богъ знаетъ, какая непріятность. Но въ Церкви послѣ праздничнаго особенно дня причетники, выметающіе соръ изъ нее, находятся въ незавидномъ положеніи. Если не холодно, то, скинувши съ себя полукафтанья, они въ однихъ рубашкахъ длинными метлами (щетки рѣдко въ селахъ употребляются) помахиваютъ по полу, конечно собираютъ въ кучку соръ, но зато неизбѣжно поднимаютъ и *пыль столбомъ*, которая лѣзетъ и въ ротъ и въ носъ и въ глаза; отчего приходится и кашлять, и чихать, и жмуриться. Потомъ по окончаніи черновой работы надобно еще счищать осѣвшую пыль и пр. Все это особенно бываетъ хлопотливо, когда ожидаютъ о. благочиннаго, или другаго какого либо ревизора; тутъ влезаютъ даже на иконостасъ, что бы и тамъ все вычистить. Церковь конечно мѣсто священное; держать ее въ опрятности надобно; но соръ, приносимый туда ногами православныхъ, вовсе вещь не священная; выметать его и вмѣстѣ съ тѣмъ чихать, кашлять и жмуриться право, не очень почотная обязанность. Самъ новый уставъ семинарскій, страшный любитель всякой церковности, обязывая въ § 150 семинаристовъ прибирать и очищать — не сказалъ: *всю церковь;* а употребилъ слова: *особенно св. алтарь*, и потомъ въ подстрочномъ примѣчаніи счелъ нужнымъ т. е-ть, подсластить эту обязанность, сказавши, что будто бы привыкшій съ дѣтства наблюдать опрятность, чистоту и благолѣпіе Церкви не потерпитъ не опрятности и въ приходской своей Церкви, когда будетъ священникомъ.

Всѣ три пересмотрѣнныя мною занятія причетниковъ можно безъ всякаго преувеличенія назвать *чорными работами*, поэтому во многихъ городскихъ, особенно столичныхъ церквахъ, исполняютъ ихъ наемные сторожа, крестьяне и отставные солдаты.

Посмотримъ теперь на отношенія причетниковъ къ свя-

щенику и благочинному. По существующимъ постановленіямъ священникъ имѣетъ право брать съ собою въ дома прихожанъ при исправленіи церковныхъ требъ хоть одного изъ причетниковъ. Вы, жители Петербурга и Москвы да и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, вѣроятно, видали, какъ священникъ важно и торжественно идетъ по тротуару, и за нимъ въ приличномъ разстояніи слѣдуетъ причетникъ съ требникомъ и эпитрахилью подъ плечомъ; идущими рядомъ рѣдко ихъ увидите. Потомъ едва ли уже не вездѣ когда священникъ войдетъ въ домъ, то сопровождающій его причетникъ поспѣшитъ принять отъ него трость, впрочемъ безъ цѣлованья руки, скинуть рясу, прибрать калоши, а потомъ при выходѣ изъ дома подастъ трость и рясу и подставитъ калоши. Тоже самое часто бываетъ и въ церквахъ, особенно городскихъ. Конечно формальнаго, канонического постановленія на счотъ этихъ лакейскихъ обязанностей не существуетъ, но дѣла такъ уже устроились, что причетникъ считаетъ обязанностію своею все это дѣлать; а многіе священники обидѣлись бы, если бы онъ не оказывалъ этихъ услугъ. Въ Москвѣ мнѣ разсказывали, что тамъ не очень давно одинъ семинаристъ, кончившій курсъ, поступивъ на причетническую должность, не сталъ лакействовать продъ священникомъ. Послѣдній счолъ нужнымъ даже пожаловаться на такой либерализмъ. Къ счастію тотъ, кому пожаловались, объяснилъ жаловавшемуся, что кончившаго курсъ студента можно уволить отъ лакейства.

Объ о. благочинномъ нечего и говорить; въ иныхъ мѣстахъ и о. дьяконъ похлопочетъ прислужиться къ нему. Между причетниками и благочинными дистанція огромнаго размѣра. Благочинные имѣютъ право подвергать ихъ наказаніямъ напр. поклонамъ въ Церкви при богослуженіи, и, стоянію на колѣнахъ. Причинъ къ этому м. б. не мало. *На всякій часъ не спасешься*, говоритъ русская пословица; и причетникъ, даже исправный можетъ быть уличенъ въ неисправности; напр. какъ вы въ сельской приходской церкви ухитритесь, что бы всегда было чисто и опрятно, нигдѣ не замѣчалось ни пыли, ни паутины; а благочинный, замѣтивъ это, имѣетъ право наказать причетниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже священникъ это дѣлаетъ, или по к. м. можетъ пожаловаться благочинному. Послѣ этого какъ не скинуть верхняго платья, не принять трости, не подставить колошъ, и пр.? Конечно это унизительно, обидно для самолюбія, но хуже будетъ, когда поставятъ въ Церкви на колѣна, или заставятъ дѣлать земные поклоны въ присутствіи

прихожанъ. И благочинный, и священникъ, и причетники все это понимаютъ; поэтому послѣдніе лакействуютъ безъ прекословія. Священники сельскіе поважнѣе, отправляясь куда либо вдаль, берутъ ихъ даже съ собою въ должности кучеровъ.

Почотъ, которымъ пользуются причетники въ обществѣ слишкомъ хорошо извѣстенъ. Пришедши съ священникомъ для исправленія какой либо церковной требы въ такъ называемыя порядочныя квартиры, и снявши съ него верхнюю рясу, они вмѣстѣ съ нею, тростью и калошами остаются въ передней; даже въ пасху, святки и храмовые праздники распѣваютъ пѣснопѣнія иногда изъ нее же. А если и бываютъ вмѣстѣ съ священникомъ въ гостиной, или залѣ, напр. во время крещенія, то по окончаніи обряда опять убираются въ свою переднюю. Когда хлѣбосольный хозяинъ вздумаетъ попотчивать священно-служителей, то церковнослужителямъ выносятъ туда графинъ водки и по куску пирога. Только во время похоронныхъ обѣдовъ, при которыхъ поютъ *вѣчную память*, причетнику приходится за общимъ столомъ сидѣть гдѣ нибудь на кончикѣ. А то иногда оставайся въ передней, жди пока кончится угощеніе батюшкѣ, или ступай на кухню и тамъ попользуйся чѣмъ нибудь отъ повара. Съ кухнею впрочемъ и безъ того приходится знакомиться по части углей для кадила; въ чистыхъ комнатахъ ими не запасаются, принести въ сѣни не догадаются; ну и бѣжи дьячокъ на кухню, проси у повора горячихъ угольковъ, раздувай ихъ дорогою и въ прихожей, подай батюшкѣ кадило, да не забудь поцѣловать его ручку.

Въ деревняхъ конечно принимаются въ одной комнатѣ и священникъ и причетники, п. ч. комната — одна и есть. Впрочемъ и тутъ богатые и спѣсивые мужики зазываютъ священника съ дьякономъ въ особую горницу и тамъ подчуютъ ихъ, а причетниковъ кормятъ въ чорной избѣ. Но и прочіе крестьяне конечно поятъ и насыщаютъ весь причтъ одинаково; за всѣмъ тѣмъ дьячокъ и пономарь для мужика вовсе не важные люди; они только услужливостію и панибратствомъ могутъ пріобрѣсть благосклонность прихожанъ. Въ святки за славленье причетникъ особенно его сынъ получаетъ чуть не столько же, сколько нищій; только послѣднему милостыня вручается съ крестомъ, молитвою, съ словами: *прими Христа ради;* а тѣмъ даютъ копѣйку, или грошъ мѣди иногда, чуть не съ бранью, а частенько съ словами: *Эка васъ принесло! эка васъ набралось!* Вообще надобно сказать, что къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ причетникамъ

есть еще въ прихожанахъ если не уваженіе, то снисхожденіе, полу-обидное благоволеніе, но все вообще причетничество не пользуется почотомъ у народа и образованныхъ классовъ, или лучше находиться въ презрѣніи у нихъ.

Часть вторая.

О причинахъ, почему кандидатамъ священства неудобно и вредно быть сначала причетниками и дьяконами.

Въ этомъ-то званіи, *яко въ нѣкоей школѣ*, уготованные въ сосудъ благодати священства должны *доуготовляться*, довоспитоваться, что бы сдѣлаться достойными пастырями Христова стада. Я не хочу останавливаться на кандидатахъ и магистрахъ академіи, м. б., не будетъ ли къ нимъ какого либо снисхожденія, хотя проэктирующіе желаютъ подчинить своей реформѣ всѣхъ безъ исключенія поступающихъ въ священники; а 11е правило Неокесарійскаго и 14 Трульскаго соборовъ никого не исключаютъ; слова перваго: *да не поставляется*, не допускаютъ никакой привилегіи. Возьмемъ во вниманіе кончившихъ курсъ наукъ семинаристовъ. Каждый изъ нихъ учился не менѣе 12 лѣтъ, и если дѣйствительно учился, то порядочно надсадилъ свою грудь, поразстроилъ здоровье, но во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ людямъ, получившимъ полное образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. При матеріальныхъ средствахъ онъ можетъ поступить въ университетъ, медицинскую академію и другія высшія учебныя заведенія, чрезъ 4—5 лѣтъ кончитъ тамъ курсъ и имѣть открытую дорогу по учебному вѣдомству, или гражданской службѣ. Даже съ семинарскимъ аттестатомъ 1го разряда онъ, по выходѣ въ свѣтское званіе, тотчасъ переименовывается въ коллежскаго регистратора; прослуживъ года 3—4, почти навѣрнякъ будетъ имѣть штатное, даже иногда тепленькое мѣстечко, или надежду на скорое полученіе его. Можетъ сдѣлаться домашнимъ учителемъ, иногда назначается даже наставникомъ и въ низшія духовныя; а по экзамену не очень многосложному и въ свѣтскія уѣздныя училища.

Этимъ-то людямъ надобно будетъ нѣсколько, даже 5—10

лѣтъ для достиженія до священства и даже дьяконства пробыть въ званіи причетника. Съ пѣніемъ и чтеніемъ въ Церкви при богослуженіи можно помириться, даже можно находить въ нихъ удовольствіе. Вѣдь у насъ стояли и пѣли на клиросѣ Сперанскій, Суворовъ, Петръ Великій и пр. Но въ этомъ случаѣ обязательному пѣвцу-причетнику надобно имѣть по к. м. недурной голосъ, чтобы понравиться прихожанамъ; въ селахъ же для этого нужна очень широкая грудь, здоровыя легкія, что бы густымъ басомъ, или звонкимъ теноромъ расположить къ себѣ прихожанъ. Безъ голоса же дьячокъ, или пономарь, будь онъ хоть докторъ богословія, никому не понравится. Но природа не всякому даетъ хорошій голосъ для пѣнія. Кромѣ того многіе семинаристы, притомъ лучшіе, въ 12 лѣтъ сильно изнуряютъ свою грудь, и уже не въ состояніи, безъ опасенія получить чахотку, громко на всю Церковь пѣть. Тогда какъ въ званіи священника дѣлать возгласы, читать молитвы, даже говорить проповѣди и вообще быть отличными пастырями могутъ безъ опаснаго напряженія своихъ легкихъ.

Но положимъ, что у каждаго семинариста по окончаніи курса прекрасный голосъ, посредствомъ котораго онъ пріобрѣтетъ благосклонность цѣлаго прихода. И при такомъ голосѣ въ то время, какъ его товарищи, избравшіе для себя другія занятія, станутъ слушать лекціи профессоровъ университета, даже сами преподавать уроки, занимать должности не безъ значенія, а иногда и съ порядочнымъ значеніемъ, нашъ кандидатъ священства ступай на колокольню почью по лѣстницамъ иногда съ изломанными приступками, пугай галокъ и воронъ, отмахивайся отъ нихъ, ворочай языкъ большаго била, звони во вся тяжкія кампаны, часто на вѣтру съ дождемъ и снѣгомъ, приди въ алтарь, раздувай уголья въ кадилѣ и жаровнѣ, подавай первое священнику и цѣлуй за это руку; — потомъ по к. м. разъ въ недѣлю помети Церковь, поглотай пыль, покашляй, почихай отъ нее; — ступай за священникомъ въ домъ прихожанина, — ступай сзади съ книжкою въ рукѣ, въ видѣ прислужника, сними въ передней рясу, не забудь ее послѣ подать вмѣстѣ съ трость и калошами, оставайся въ передней, или воротись въ нее, когда церковный обрядъ конченъ, а батюшку пригласятъ посидѣть, — сбѣгай при случаѣ въ кухню за углями для кадила, выпей рюмку водки и съѣшь кусокъ пирога въ тойже передней; — помни, что тебя, какъ мальчика и священникъ и особенно благочинный могутъ поставить на колѣна, или заставятъ дѣлать земные поклоны въ церкви въ видѣ наказанія, даже въ при-

сутствіи прихожанъ, и пр. и пр. Будьте безпристрастны г. ч. Не правда ли, что всѣ почти причетническія каноническія, полуканоническія и не каноническія обязанности, кромѣ, р-ся, пѣнія и чтенія при богослуженіи, — всѣ почти приличны не человѣку образованному, не будущему пастырю душъ, а чернорабочему, отставному солдату, исключенному за лѣность, бездарность и дурное поведеніе семинаристу и т. п.? Неужели думаютъ, что подобными занятіями можно облагородить человѣка, поднять его достоинство, пробудить и укрѣпить его нравственное и религіозное чувства, образовать умъ, словомъ достойнымъ образомъ подготовить къ священническимъ обязанностямъ? Вѣдь наконецъ и смѣшно такъ думать.

М. б. подъ этимъ искусомъ многимъ кончившимъ курсъ семинаристамъ придется пробыть очень долго. Нынѣ даровитые, прилѣжные и слѣд. лучшіе семинаристы оканчиваютъ курсъ въ 20 и даже менѣе лѣтъ. Т. о. имъ до 25 лѣтъ, когда можно уже будетъ сдѣлаться дьякономъ, придется прослужить не менѣе пяти лѣтъ. Но вѣдь не тотчасъ же откроется праздная дьяконская вакансія, не одинъ явится претендентъ на занятіе ея; года 2—3 и не увидишь, какъ пройдутъ въ пріисканіи дьяконскаго мѣста. Потомъ долго ли не понравиться священнику, или благочинному? Какъ легко имъ, особенно послѣднему, позачернить человѣка въ глазахъ епархіальнаго начальства? Лѣтъ семь тому назадъ одинъ перворазрядный семинаристъ-причетникъ владимірской епархіи говорилъ, что онъ отчаявается быть когда либо священникомъ, п. ч. благочинный его не полюбилъ, м. т., сколько могъ тогда я разузнать, семинаристъ причетникъ былъ дѣльный, степенный и умный человѣкъ. Получивши дьяконство даже въ 25 лѣтъ, надобно еще ждать 5 лѣтъ до священства, но и тутъ не всегда откроется вакансія, не всегда будешь единственнымъ кандидатомъ для занятія ея. Сообразите все, здѣсь сказанное, и вы повѣрите, что перворазрядный студентъ семинаріи можетъ легко пробыть причетникомъ 5—10, а священникомъ сдѣлаться чрезъ 10—15 лѣтъ. Вѣдь это уже будетъ напоминать дѣйствительно военную службу, гдѣ званіе офицера для солдата доступно было не ранѣе, какъ послѣ 12 лѣтней службы въ Унтерофицерствѣ. Только такой солдатъ былъ изъ крестьянъ мѣщанъ, не учился въ училищахъ даже и низшихъ, вѣдь это не то, что студентъ семинаріи; послѣдній все таки долженъ много, много стоять выше перваго.

Притомъ позвольте обратить вниманіе на одно обстоятельство. И нынѣ нерѣдко оканчиваютъ курсъ въ семина-

ріяхъ лѣтъ въ 25 и даже много старѣе. Это б. ч. люди лѣнивые, съ плохими способностями, не всегда съ хорошимъ поведеніемъ; поэтому-то они и шли по классамъ съ остановками. М. т. на основаніи разсматриваемой нами реформы ихъ можно будетъ производить и въ дьяконы и въ священники несравненно скорѣе товарищей, которые лучше ихъ во всѣхъ совершенно отношеніяхъ и умѣли хорошо сдѣлать во 20 лѣтъ то, чего другіе кое-какъ достигали въ 25—30 лѣтъ. Вѣдь такія награды однимъ за прилежаніе и способности, а другимъ за устарѣлую лѣнь и бездарность чрезвычайно и несправедливы и смѣшны.

Разговаривая о разбираемой здѣсь реформѣ съ защитниками ея, я слыхалъ отъ нихъ, что если причетническія мѣста будутъ занимаемы кончившими курсъ семинаристами и даже академистами, то положеніе ихъ совсѣмъ измѣнится. Тогда для чорныхъ служительскихъ работъ напр. для звона, раздуванья углей, метенья половъ станутъ нанимать сторожей; образованныхъ причетниковъ не будутъ уже назначать разсыльными къ благочиннымъ, не потребуютъ отъ нихъ лакейскихъ услугъ, постыдятся ставить на колѣна и пр. Потомъ тѣже образованные причетники внушатъ и прихожанамъ уваженіе, найдутъ доступъ въ гостинную прихожанъ и не останутся въ передней и пр. — Трудно предсказать, что будетъ, но легко видѣть то, что есть, и на этомъ основаніи догатываться о томъ, чего можно ожидать. Въ владимирской губерніи дьячковствуютъ и пономарствуютъ уже лѣтъ 30, если не болѣе, кончившіе курсъ семинаристы; смѣнилось уже поколѣніе, а м. т. причетники по прежнему и звонятъ и раздуваютъ угли, и метутъ церковь, и прислуживаютъ священникамъ, и дежурятъ у благочиннаго. И въ будущности нельзя ожидать большихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи. Для найма сторожей при каждой церкви, для тѣхъ занятій, которыя теперь поручаются причетникамъ для доставленія возможности благочиннымъ обойтись безъ разсыльныхъ изъ низшаго клира, нужно деньги и деньги; а гдѣ ихъ взять?

Причетниковъ изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ станутъ уважать и прихожане и священники съ благочинными? Полно правда ли? Въ тойже владимірской губерніи пока не видно ничего подобнаго. Да и захотятъ ли напр. священникъ и благочинный, привыкшіе смотрѣть свысока на дьячковъ и пономарей, требовать отъ нихъ услугъ почти лакейскихъ, захотятъ ли вдругъ отстать отъ столь пріятной для ихъ самолюбія привычки? А для мужика причетники и,

Богъ знаетъ, на сколько времени останутся дьячками и пономарями; — ему ученость ихъ будетъ неизвѣстна, да и непонятна. Впрочемъ о мужикахъ нечего говорить, поищемъ примѣръ въ благородныхъ сословіяхъ. При нашихъ посольствахъ есть тоже причетники, но подъ названіемъ псаломщиковъ; они только поютъ и читаютъ и уволены отъ колокольныхъ, угольныхъ и другихъ чорныхъ и лакейскихъ занятій. Съ давняго уже времени они избираются изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ; а нынѣ между ними есть и академисты. Потомъ прихожанами церквей при посольствахъ состоятъ наши путешественники, люди образованные, благородные, которые съумѣютъ отыскать золото и въ грязи. Конечно отсюда трудненько видѣть, какимъ уваженіемъ пользуются псаломщики у своихъ временныхъ прихожанъ. Но вотъ между прочимъ фактъ, сюда относящійся. Въ No. 10 не упомню какого журнала 1863 г. въ статьѣ г. Степницкаго: Русское общество въ Парижѣ довольно подробно описано отношеніе живущихъ тамъ русскихъ къ двумъ православнымъ священникамъ гг. Васильеву и Полетаеву; но тамъ же сказано, что *поющихъ и вопіющихъ*, т. е. псаломщиковъ, *не знаютъ вовсе.* Вотъ и жди уваженія причетники изъ семинаристовъ отъ нашихъ крестьянъ. — Что было прежде, то останется надолго.

Новый уставъ семинарій, рекомендуя, какъ в. с-но, кандидатовъ священства отсылать первоначально въ строгіе общежительные монастыри, предлагаетъ такую мѣру между прочимъ для того, что бы будущій пастырь чрезъ подвижничество приготовилъ себя къ служенію Церкви подъ руководствомъ какого либо старца-монаха. Не знаю, въ чемъ должны состоять тѣ подвиги, которые старцы — руководители предпишутъ кандидатамъ священства. Но мнѣ приходитъ мысль, не хотятъ ли службу въ званіи причетника причислить къ своего рода подвижничеству, чрезъ которое семинаристы будутъ достигать до званія священника? И дѣйсвительно такая служба будетъ непрерывнымъ рядомъ подвиговъ, которые немного легче стариннаго искуса для поступавшихъ въ м-во и очень похожи на то, какимъ образомъ приготовляются къ иноческому званію нынѣ исключенные семинаристы, сдѣлавшіеся монастырскими послушниками, или служками. Эти джентлмены обыкновенно исполняютъ всѣ причетническія должности въ обителяхъ и на колокольнѣ, и въ алтарѣ, и въ церкви, даже и прислуживаютъ конечно не благочиннымъ и священникамъ, а своимъ ближайшимъ властямъ почему же не подвергнуть такимъ же

подвигамъ кончившихъ курсъ семинаристовъ, даже кандидатовъ и магистровъ академій, что бы испытать ихъ смиреніе и поставить въ одно положеніе съ бывшими нѣкогда лѣнивыми, бѣздарными и даже безнравственными товарищами? Только тѣ, которые придумали подобные подвиги и искусъ, должны бы обратить вниманіе на различіе между монастырскими послушниками и кандидатами священства, именно на то, что первые, поступая въ м-во, не должны думать о женитьбѣ, а послѣдніе не иначе могутъ сдѣлаться дьяконами и священниками, какъ непремѣнно женившись напередъ. Теперь реформаторы должны бы разрѣшить вопросъ, когда кончившимъ курсъ семинаристамъ, поступившимъ на причетническія должности для приготовленія къ священнослужительству, — когда жениться? Тогда ли, какъ они служатъ причетниками, или когда уже представится имъ возможность быть священниками, или дьяконами?

Если принять послѣднее условіе, то молодому человѣку придется вести безбрачную жизнь не только до 25, но даже до 30 и болѣе лѣтъ. Конечно въ среднемъ и въ высшемъ кружкахъ общества находится много людей, которые отлагаютъ бракъ до 40—50 лѣтъ. Но много ли изъ нихъ найдется такихъ, которые бы на исповѣди предъ духовникомъ не признавали себя грѣшными противъ седьмой заповѣди моисеева десятословія? А надобно сказать, что по каноническимъ правиламъ многіе грѣхи противъ нее считаются непреодолимыми препятствіями къ священству. Что же будетъ съ молодымъ человѣкомъ въ 20—30 лѣтъ, занимающимъ причетническую должность и притомъ б. ч. заброшеннымъ куда либо въ село? Должность, какъ мы уже видѣли, не имѣетъ ничего въ себѣ ни привлекательнаго, ни утѣшительнаго, должность скучная, мелочно хлопотливая, соединенная съ униженіемъ. Умственной работы, которая бы заняла сколько нибудь голову, нѣтъ, или слишкомъ мало, а соблазновъ много; физіологическія потребности организма неумолимы и требуютъ удовлетворенія себѣ. Какое подвижничество устоитъ въ этомъ случаѣ противъ искушеній? Не указывайте на древнихъ анахоретовъ. Они боролись съ плотію, побѣждали ее, хоть и не всегда. Но зато они скрывались въ пустынныя мѣста, избѣгали свиданія съ матерями, сестрами и даже мальчиками, изнуряли свою плоть, чуть не умерщвляли себя; и все-таки иногда падали. Требовать такихъ подвиговъ отъ причетника, право, невозможно, даже не безчеловѣчно ли? Тутъ могутъ быть и другія опасности. *Сразу у него глаза сдѣлаются мутными, появится*

подъ ними синева, осунутся щеки, покроется лицо особымъ матовымъ цвѣтомъ, почувствуется разстройство спиннаго мозга и пр.... Развѣ это хорошо? А потомъ проводя жизнь на скучной и унизительной должности, безъ умственныхъ развлеченій, страдая морально, развѣ не захочешь поискать утѣшенія въ бахусовыхъ наслажденіяхъ? А къ этому кстати будутъ представляться почти постоянные случаи; тамъ крестины, тутъ поминъ, свадьба; тамъ именины, а тутъ цѣлую недѣлю изъ двора во дворъ ходить; хозяева скупы на деньги, но угощаютъ отлично, даже обижаются, если кто либо обнаружитъ желаніе принадлежать къ обществу трезвости; да и самъ батюшка и о. дьяконъ, освоившіеся уже съ своими мѣстами, не оставятъ новичка безъ примѣра, не только проложатъ ему дорожку, но и постараются увлечь его вмѣстѣ съ собою. Надобно быть безстрастнымъ стоикомъ, христіанином первыхъ вѣковъ, жаркимъ послѣдователемъ патера Метью, что бы устоять противъ всѣхъ соблазновъ и искушеній. Такихъ людей, если только они имѣютъ хорошее умственное образованіе, слѣдовало бы посылать апостолами для обращенія иновѣрцевъ, или возводить прямо на епископскую и даже митрополичью кафедры. Осмѣливаюсь сказать, что безумно было бы принуждать молодыхъ людей на причетническихъ должностяхъ оставаться холостыми по нѣсколько лѣтъ, пока они не будутъ имѣть возможности быть дьяконами, или священниками.

Посмотримъ, что будетъ, если кандидаты на священство станутъ жениться, оставаясь еще на причетническихъ должностяхъ? Какъ людямъ образованнымъ, имъ не захочется брать за себя особу мало образованную, способную быть только кухаркою, поломойкой и судомойкой. Правда, воспитаніе женскаго пола во всемъ вообще д-вѣ находится въ незавидномъ положеніи, но все-таки священническія дочери образованнѣе и умнѣе дьячковскихъ и пономарскихъ. Значитъ и кандидату на священство всего лучше родниться съ священниками. Но дочери послѣднихъ все-таки попривыкли къ нѣкоторому, а иногда и къ порядочному довольству; не благоразумно же и даже безчеловѣчно ихъ отдавать за такихъ жениховъ, у которыхъ придется ѣсть сухари, пустые щи и кашу безъ масла. Но доходы причетниковъ равняются при полномъ штатѣ одной четвертой части доходовъ священническихъ. И если, какъ нынѣ уже доказано, большая часть священниковъ живутъ очень незавидно и испытываютъ особенно при многолюдныхъ семействахъ и не въ богатыхъ приходахъ много матеріальныхъ лишеній, то что-же будетъ

съ причетникомъ, хотя бы и кончившимъ курсъ семинарскихъ наукъ? Жену нельзя же водить въ холщевыхъ однихъ платьяхъ, нельзя же не пожелать, что бы и столъ былъ не скуденъ. А тутъ пойдутъ дѣти; ихъ нужно одѣвать и кормить, а пожалуй придется даже и отдавать въ училище. Вѣдь горе! Къ большой бѣдѣ женившійся причетникъ не можетъ надѣяться скорѣе получить дьяконское, или священническое мѣсто, нежели его собратъ холостякъ. Въ д-вѣ еще долго не прекратится обыкновеніе оказывать семействамъ умершихъ священно-служителей пособіе чрезъ закрѣпленіе за дочерьми ихъ вакантныхъ мѣстъ. Р-ся, при такомъ положеніи холостякъ скорѣе сдѣлается дьякономъ, или священникомъ, нежели женатый. Послѣдній т. о. живи, да терпи горе. Придется не хуже всякаго мужика взяться за земледѣліе; конечно кусокъ хлѣба м. б. и будетъ, хоть не очень богатый и сытый, но прощай уже всѣ умственныя занятія; работай только, да и женѣ не давай покоя. Но и тутъ встрѣтятся препятствія. Нынѣ священникъ, или дьяконъ, поступившій на мѣсто, и зная, что имъ тутъ придется оставаться надолго, даже часто на всю жизнь, обзаводятся домомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями, которыя такъ необходимы для хозяина-земледѣльца. Но при разсматриваемой реформѣ причетникъ кандидатъ на священство, первоначальную свою должность долженъ считать только временною. Будущая же священно-служительская должность, Богъ знаетъ, гдѣ достанется. Мудрено при такомъ положеніи строить домъ и заводить земледѣльческое хозяйство; вѣдь все это придется бросить, или продать за безцѣнокъ, когда получится желанная должность. Тутъ почти лучше жить гдѣ либо на квартирѣ и устроить себѣ лачужку; а при такомъ положеніи какого же ожидать сельскаго хозяйства?

Итакъ будутъ ли причетники-кандидаты на священство холостыми, или женатыми людьми, а въ послѣднемъ случаѣ станутъ ли заниматься селькимъ хозяйствомъ, или нѣтъ, — положеніе ихъ представляется крайне дурнымъ и жалкимъ. Конечно нынѣшніе причетники живутъ же. Но при этомъ надобно помнить, что они по своему воспитанію, умственнымъ и даже нравственнымъ качествамъ высшихъ мѣстъ и не заслуживаютъ, и сами себя не считаютъ достойными. При такомъ сознаніи сживается съ своимъ горькимъ положеніемъ. Впрочемъ и нынѣшніе причетники, какъ извѣстно, не представляютъ утѣшительной картины. Растрепанные, или завязанные въ безобразный пучокъ волосы, засаленная одежда, разгулъ, которому они б. ч. предаются и пр., все это пока-

зываетъ, что ихъ положеніе бѣдственно, а иногда и безвыходно. Не жестоко ли же осуждать на это людей, получившихъ полное семинарское образованіе? Вѣдь перенося всѣ непріятности причетническаго званія, они припомнятъ и 12 лѣтъ своей школьной жизни, и то, чѣмъ они могли быть на другихъ родахъ службы, тутъ кстати явятся къ нимъ слухи, какъ ихъ бывшіе таварищи кто столоначальникомъ, кто профессоромъ, докторомъ и пр. и пр. А тутъ продолжай звонить, раздувай угли, подавай рясу и колоши, ходи на дежурство къ благочинному, оставайся бобылемъ холостякомъ, или голодай съ женою и дѣтьми, страдай отъ ихъ бѣдности, работай не хуже мужика и все-таки не имѣй довольства, брось всѣ умственныя занятія. Вѣдь, право, очерствѣешь, оглупѣешь, или начнешь вести самую разгульную жизнь. А тутъ еще умираетъ жена. Ни вдовецъ, ни двоеженецъ уже не можетъ быть посвященъ ни во дьякона, ни во священника. Куда же дѣваться нашему вдовцу иногда съ кучею дѣтей? Продолжать быть причетникомъ до гробовой доски, — вѣдь ужасно! Къ чему же было учиться, надсаживать грудь, ломать голову? Выйти въ другое вѣдомство? И нынѣ кончившимъ курсъ семинаристамъ не всегда легко достаются мѣста на гражданской службѣ. На что же теперь можетъ надѣяться тотъ же семинаристъ, пробывшій 5 — 10 лѣтъ причетникомъ? Да ему не захотятъ даже дать и писарскаго мѣста. Ему скажутъ: «уже если ты, дружокъ въ 5 — 10 лѣтъ не дослужился до дьяконства, то, вѣроятно, есть за тобою грѣшки; нѣтъ ступай съ Богомъ, мы найдемъ себѣ людей изъ гимназистовъ и другихъ училищъ.» Итакъ оставайся дьячкомъ, или запишись въ мѣщане.

Все это будетъ въ свое время извѣстно и, какъ говорятъ въ д-вѣ, *въ очію совершится*. И если нынѣ, когда по окончаніи курса въ семинаріи можно сдѣлаться священникомъ, даровитые и умные семинаристы оставляютъ духовное званіе, нисколько не увлекаясь даже священническою жизнію, то захотятъ ли такіе же семинаристы и притомъ именно лучшіе, кончившіе курсъ при помощи своихъ способностей и прилѣжанія въ 20 лѣтъ, — захотятъ ли они 5—10 лѣтъ бѣдствовать и унижаться на причетнической должности и имѣть надежду какъ нибудь получить дьяконство, или священство? Лучше уже начать службу съ званія писаря. Оно при 10 рубл. мѣсячнаго жалованья спокойнѣе и благороднѣе пономарства. А умный, кончившій курсъ семинаріи, ученикъ имѣетъ основательныя надежды дослужиться до

помощника столоначальника, до столоначальника, и такъ, или иначе подниматься. Въ причетникахъ же надобно будетъ лѣтъ по 5 — 10 оставаться, а въ случаѣ смерти жены и на вѣкъ, или тогда-то уже начинать гражданскую службу.

Реформаторы наши напрасно не припомнили, что ихъ затѣя была уже нѣкогда закономъ, имѣла печальныя послѣдствія и оставлена. «Бѣжали въ прошедшемъ столѣтіи, говоритъ г. Щаповъ (No. 10 От. Зап. 1862. стр. 351), горемычныя церковническія дѣти, и. ч. безвыходно было положеніе ихъ и по окончаніи курса; напр. горемычные студенты александроневской семинаріи въ 1747 г. такъ вопіяли о своемъ безвыходномъ положеніи по выходѣ изъ бурсы, по случаю вышедшаго въ то время указа о поставленіи во священники никакъ не ранѣе 30 лѣтъ: «Гдѣ намъ нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей и сродниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣетъ. Рукодѣліемъ кормиться? Но тому не обучались. Куплями ли промышлять? Но и на двѣ ленты почти у всѣхъ насъ не наберется. Итакъ мы нижайше вмѣсто чаянаго за труды двападесятилѣтніе награжденія, Богъ вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго изъятія по тридесяти лѣтъ требуется, въ дьяконы желаемаго прихожены голоса не достаетъ: *въ дьячки же и пономари стыдно и весьма обидно* и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ и напаче отъ тѣхъ, которые за тупостію къ ученію и другимъ коимъ недостаткомъ отставлены отъ семинаріи и давно по мѣстамъ опредѣлены, и живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житія станѣ, больше нѣтъ чего надѣяться.»

Не смотря на то, что послѣ этого прошенія прошло болѣе ста лѣтъ, большая часть содержанія его очень хорошо можетъ быть приложена и къ нынѣшнимъ семинаристамъ. Нахожу нужнымъ обратить особенное вниманіе на послѣднія слова прошенія. Еще въ 1747 году семинаристы находили, что имъ по окончаніи курса *стыдно и весьма обидно поступать во дьячки и пономари*, что надъ этимъ станутъ смѣяться всѣ а особенно ихъ товарищи, давно исключенные изъ семинаріи за тупостію къ ученію и другіе недостатки. Но въ 1747 г. образованіе учениковъ александроневской семинаріи было гораздо ниже образованія нынѣшнихъ семинаристовъ во всѣхъ отношеніяхъ. И если тѣ находили для себя постыднымъ и обиднымъ званіе причетника, то Бога ради, какъ же нынѣ осуждать въ это званіе людей съ болѣе развитыми умственными и нравственными требованіями?

Вникните, г. г. реформаторы, въ мои слова: Право, безчеловѣчна, унизительна и въ высшей степени вредна и отсталая ваша реформа.

По моему мнѣнію нѣтъ также никакой нужды настаивать на то, чтобы каждый священникъ напередъ прослужилъ сколько нибудь лѣтъ дьякономъ. Если даже въ званіи причетника хорошій голосъ необходимъ для того, чтобы нравиться прихожанамъ, то въ дьяконѣ онъ составляетъ существенное и чуть не единственное достоинство; будь онъ и глупъ и безнравственъ, но если скажетъ многолѣтіе, или вѣчную память, прочитаетъ евангеліе, или апостолъ, такъ что стекла въ рамахъ задражатъ, онъ будетъ любимцемъ и своего и другихъ приходовъ. Безъ голоса же дьяконъ никуда не годится. Но уже выше было замѣчено, что кончившіе курсъ семинаристы не очень часто владѣютъ хорошими голосами даже для причетнической должности. Замѣчено, что люди съ хорошими баритонами слишкомъ рѣдко оканчиваютъ курсъ особенно успѣшно; такіе господа по какому-то физіологическому закону любятъ служить лучше Бахусу, нежели Минервѣ; и только званіе пѣвчаго въ архіерейскомъ, или семинарскомъ хорѣ позволяетъ баритонамъ доходить хоть по спискамъ до конца семинарскаго курса; да и тутъ почти про каждаго изъ нихъ едва ли нельзя сказать, что это точно *кон(ъ)-чалый*. Потомъ дьяконы составляютъ какой-то промежутокъ, межеумокъ между священниками и причетниками, надъ послѣдними они выше по своей рясѣ, но любятъ проводить съ ними время повеселѣе; первымъ все-таки подчинены, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ себя чуть не равными; отъ этого какъ межеумки, какъ всѣ лица въ переходномъ состояніи, усвоиваютъ недостатки какъ причетниковъ, такъ и священниковъ. Вотъ почему сословіе дьяконовъ въ д-вѣ едвали не болѣе всего отличается страстію къ тяжбамъ, ссорамъ и даже къ важнымъ проступкамъ. Напр. въ четыре года (1842 — 1845) исключено изъ духовнаго званія священниковъ 14, а дьяконовъ 23; разстрижено въ теченіи 8 лѣтъ (1838 — 1845 г.) священниковъ 132, а дьяконовъ 97. Если раздѣлить бывшее въ тѣ годы число священниковъ и дьяконовъ на число исключенныхъ, или разстриженныхъ изъ нихъ, то окажется, что разстриженный священникъ приходится одинъ на 2129, а дьяконъ одинъ на 1317, исключенный изъ духовнаго званія священникъ одинъ на 10287, а дьяконъ одинъ на 2809 (свѣдѣнія необходимыя для всѣхъ этихъ вычисленій взяты изъ отчотовъ Об. Пр-ра Синода). Наконецъ нельзя не упомя-

нуть объ одномъ очень стѣснительномъ обстоятельствѣ. По существующимъ каноническимъ постановленіямъ овдовѣвшій дьяконъ не можетъ быть произведенъ въ священники. Это съ одной стороны станетъ удерживать многихъ мнительныхъ и осторожныхъ людей отъ поступленія въ духовное званіе, хотя бы даже пришлось начинать службу съ дьяконства; вѣдь магистру, кандидату и даже лучшему студенту, право, не захочется цѣлую жизнь говорить только: *благослови владыко*, а не благословлять другихъ. Съ другой стороны особенно если придется дьяконами служить довольно долго, лучшіе люди, овдовѣвши, принуждены будутъ оставаться безъ всякой своей вины въ дьяконствѣ, хотя они по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ очень достойны были бы священства.

Въ заключеніе этого отдѣла сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній касательно тѣхъ причинъ, на основаніи которыхъ хотятъ, чтобы желающіе быть священниками напередъ прослужили по нѣскольку лѣтъ въ должности причетника и дьякона. Здѣсь преимущественно указываютъ на приведенныя выше 11е правило Неокесарійскаго и 14ое Трульскаго соборовъ о томъ, чтобы ранѣе 30 лѣтъ никто не былъ посвящаемъ во священники и ранѣе 25 лѣтъ въ дьякона, какія бы онъ не имѣлъ достоинства. Относительно этого осмѣливаюсь замѣтить, что не всѣ постановленія церковныя и даже правила вселенскихъ соборовъ имѣютъ догматическій, неотмѣняемый характеръ. Можно указать на многія изъ нихъ, объ исполненіи которыхъ почему-то вовсе не заботятся наши реформаторы, хотя они имѣютъ гораздо болѣе важное вліяніе на благосостояніе д-ва, нежели 11е правило Неокесарійскаго и 14е Трульскаго соборовъ. Укажу на нѣсколько такихъ правилъ. Въ 17 прав. Константинопольскаго помѣстнаго собора (см. въ кормчей книгѣ стр. 245) *постановлено* что бы «впредь никто изъ мірянъ, или *монаховъ* не былъ внезапно возводимъ на высоту епископства, но чтобы каждый по испытаніи прежде въ церковныхъ степеняхъ, воспріималъ рукоположеніе въ епископа. Ибо хотя до нынѣ нѣкоторые изъ м-щихъ или мірскихъ по требованію нужды и были вскорѣ удостоиваемы епископскія чести, и превзошли другихъ добродѣтелію, и возвысили порученныя имъ Церкви; однако рѣдко бывающаго не поставляя въ законъ церкви, опредѣляемъ: отнынѣ сему уже не быти; но правильно рукополагаемый *да пройдетъ чрезъ всѣ степени священства, исполняя въ каждомъ положенное закономъ время.*» Въ этомъ правилѣ очень ясно предписывается, что бы монахъ, руко-

полагаемый во епископа, напередъ прослужилъ не малое, закономъ положенное время во всѣхъ степеняхъ церковныхъ, т. е. чтобы былъ не только пресвитеромъ, но и дьякономъ, и причетникомъ, или примѣнительно къ м-ву, послушникомъ, іеродьякономъ, іеромонахомъ и пр. Но уже слишкомъ извѣстно, что нынѣ, такъ называемые, ученые монахи б. ч. чтецами, т. е. причетниками и послушниками никогда не служатъ, дьяконами бываютъ часто не болѣе 1—2 лѣтъ, а преимущественно почти прямо посвящаются въ іеромонахи. И. м. т. никто не напоминаетъ о приведеніи въ силу вышеприведеннаго соборнаго постановленія, хотя званіе епископа требуетъ гораздо болшей подготовки, нежели священство. При этомъ также нельзя не замѣтить, что съ 1814 г. очень многіе изъ учонаго м-ва возводимы были въ санъ архимандрита и въ званіе ректора ранѣе 30 лѣтъ. Конечно я не нашолъ нигдѣ постановленій о лѣтахъ архимандрита. Но должность его стоить выше священнической, особенно когда архимандриту поручается управленіе семинаріею. Почему же теперь требовать, чтобы священникъ непремѣнно имѣлъ 30 лѣтъ и пробылъ сначала причетникомъ и дьякономъ, когда его м. б. товарищъ тѣхъ же лѣтъ, какъ и онъ дѣлается архимандритомъ и ректоромъ семинаріи, и когда самая большая частъ архіереевъ получили епископскія кафедры, хотя и не были ни чтецами, ни дьяконами? Почему такъ строго желаютъ исполнить соборныя правила только относительно священниковъ.

Предъидущія мои слова преимущественно направлены противъ м-щихъ защитниковъ разсматриваемой реформы. Но къ сожалѣнію есть такіе же защитники и въ бѣломъ д-вѣ; надобно и имъ что нибудь сказать. Имъ бы слѣдовало, по моему мнѣнію, подражать Петру Великому, который, назначая такъ называемый салдатскій паёкъ, рѣшился собственнымъ опытомъ узнать, достанетъ ли его на ежемѣсячное содержаніе, и для этого цѣлый мѣсяцъ кормился только тѣмъ количествомъ муки и крупы, которое предполагалось назначить солдатамъ. И нашимъ духовнымъ лицамъ, р-ся, священникамъ и протоіереямъ не худо бы собственнымъ тоже опытомъ узнать, каково прослужить лѣтъ 5 — 10 въ званіи причетника и дьякона, и потомъ уже сдѣлаться священниками. Пусть они хоть годокъ попробуютъ звонить на колокольнѣ, раздувать угли въ алтарѣ, мести церковь, отправлять должность разсыльнаго при благочинномъ, прислуживать какому либо священнику; къ которому ихъ прикомандируютъ и пр. и пр. Если они и послѣ этого опыта

станутъ думать по прежнему, ну тогда предъ ними преклоняюсь. «Да вѣдь мы уже священники и протоіереи,» скажутъ мнѣ. Правда, но и Петръ Великій, бывши русскимъ царемъ, жилъ цѣлый мѣсяцъ на солдатскомъ пайкѣ. А то можно проповѣдывать о томъ что всякій семинаристъ и академистъ, желающій священства, долженъ пройти по всѣмъ степенямъ церковнымъ, когда сами не испытали непріятностей, соединенныхъ съ званіемъ причетника и дьякона.

Наконецъ не нужно ли въ самомъ дѣлѣ пробыть нѣсколько лѣтъ причетникомъ и дьякономъ, что бы постепенно пріучиться къ совершенію богослужебныхъ дѣйствій или, какъ нынѣ иные выражаются, къ Церковной практикѣ. Относительно этого замѣчу, что всѣ богослужебныя дѣйствія самымъ подробнымъ образомъ описаны въ особыхъ книгахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ требниковъ, служебниковъ и пр., такъ что умѣющій читать и хоть немного образованный можетъ по этимъ книгамъ совершить какое угодно богослужебное дѣйствіе, исполнить какую угодно церковную требу. Потомъ нѣтъ никакихъ постановленій, обязывающихъ священника совершать требы, обѣдню и пр., какъ говорятъ, наизусть, напротивъ относительно молитвъ, какъ я слышалъ, даже требуется, что бы они были прочитываемы по книгѣ. Послѣ этого какая же нужна церковная практика, когда съ книгою въ рукѣ можно все исполнить чуть не съ перваго раза? Есть, правда, нѣкоторыя дѣйствія и требы, гдѣ нужно предварительное ознакомленіе, даже подготовленіе, сюда напр. принадлежитъ во время литургіи совершеніе проскомидіи и освященіе святыхъ даровъ. Но для пріученія къ этому всякій новопоставленный священникъ оставляется въ крестовой церкви на недѣлю и больше, или посылается въ приходскую городскую церковь; и здѣсь опытный уже священникъ помогаетъ ему научиться совершать проскомидію и освящать св. Дары. Изъ церковныхъ требъ довольно затруднительно крещеніе младенцевъ, именно погруженіе ихъ въ купель; тутъ точно надобно получить наставленіе. Но этому также помочь могутъ тѣ священники, которымъ поручается новопосвященнаго обучить богослуженію; притомъ, будучи причетникомъ, или дьякономъ можно только видѣть, какъ священникъ погружаетъ младенца въ купель, а не самому учиться это дѣлать. Если бы даже за всѣмъ тѣмъ оказывалась нужда въ пріученіи къ церковной практикѣ, то нужно, только новопосвященнаго вмѣсто недѣли въ какой либо городской церкви продержать мѣсяцъ или болѣе. А по моимъ наблюденіямъ различіе между молодымъ и послужившимъ свя-

щенникомъ въ томъ только состоитъ, что первый совершаетъ богослуженіе не торопливо, благоговѣйно, а большая часть послѣднихъ, *научившись церковной практикѣ*, читаютъ все на память, скороговоркою, какъ заученный урокъ; — есть исключенія, но замѣчаніе мое прилагается къ большинству.

Разсмотрѣнныя въ послѣднихъ осьми отдѣлахъ реформы, посредствомъ которыхъ думаютъ улучшить духовныя училища и бытъ д-ва, предлагаются преимущественно м-щими, особенно такъ называемыми прогрессистами и тѣми лицами изъ бѣлаго д-ва, которыя повнутреннему ли убѣжденію, или по какимъ либо разсчотамъ желаютъ оставить неприкосновенными главныя черты нынѣшей духовной администраціи, и ограничиться частными улучшеніями. Всѣ эти люди по происхожденію, воспитанію и образу мыслей принадлежа къ д-ву, должны бы знать его несчастное положеніе и благопріятствовать улучшенію его. И потому очень странымъ покажется, отчего они-то именно предлагаютъ такія неудачныя мѣры, которыя, если будутъ приняты, поставятъ д-во въ положеніе, худшее нынѣшняго. Для объясненія этого факта возьмемъ какихъ бы то ни было два отдѣла, или класса людей, какъ бы они ни назывались, кастою ли, корпораціей, сословіемъ и т. п. Положимъ, что одинъ изъ нихъ, составляя меньшинство, господствуетъ надъ другимъ гораздо болѣе многочисленнымъ классомъ, что интересы обоихъ классовъ не только не согласны, но даже противоположны между собою. Въ такомъ случаѣ въ меньшинствѣ конечно могутъ встрѣчаться благородныя, дальновидныя и безкорыстныя личности, которыя съумѣютъ возвыситься надъ сословными, или кастовыми интересами. Но ихъ не охотно слушаютъ, даже они сами рѣдко высказываютъ свои мысли и настаиваютъ на ихъ исполненіе, зная, что ихъ ожидаетъ неудача. Масса же меньшинства никогда почти сама по себѣ, по собственной своей волѣ не разстается съ своими привилегіями. И потому меньшинство, вынужденное какими либо обстоятельствами выразить свою заботливость объ улучшеніи подчиненнаго ему большинства ограничивается такъ называемыми палліативными мѣрами. Въ частныхъ случаяхъ введутъ какія либо реформы, но системы ни за что не оставятъ. Да и вводимыми реформами постараются поставить угнѣтаемое большинство въ такое положеніе, что бы оно потеряло возможность, не владѣло смѣлостью, даже не умѣло понимать вполнѣ свое жалкое положеніе, и особенно обнаруживать желаніе освободиться отъ гнета.

М-во и бѣлое д-во очень похожи на то меньшинство и

то большинство, о которыхъ сейчасъ было говорено. Интересы того и другаго сословія сталкиваются между собою; во многихъ случаяхъ улучшеніе бѣлаго д-ва зависитъ отъ ограниченія привилегій, которыя усвоили себѣ м-щіе. Поэтому послѣдніе будучи приглашаемы или вынуждаемы подумать о томъ, чтобы улучшить положеніе перваго, б. ч. ограничиваются или краснорѣчивыми совѣтами, или такими распоряженіями, которыя касаются только внѣшней стороны, даже не стоютъ названія палліативныхъ мѣръ. Это повторялось уже не разъ даже въ нынѣшнемъ столѣтіи. 1) Когда, какъ в. с-но, по случаю многихъ постыдныхъ поступковъ духовныхъ лицъ въ Церквахъ Императоръ Александръ Iй въ 1820 г. выразилъ свое неудовольствіе, тогда духовное начальство ограничилось почти тѣмъ только, что, назвавъ благочинныхъ *окомъ архіереевъ*, совѣтовало при выборахъ ихъ наблюдать величайшую осторожность; а св-и-ц-сл-лямъ внушало, что бы они ... «старались поведеніе свое при всякомъ случаѣ и времени сохранять въ трезвости, чистотѣ и благонравіи, оказывали старшимъ уваженіе, послушаніе и подчиненность, гнушались пороковъ и въ особенности пьянства, яко главнаго источника всѣхъ предосудительныхъ происшествій и таковыми средствами, сколько возможно изгладили изъ мнѣнія Государя Императора неблагопріятное о себѣ замѣчаніе (Собр. Зак. Т. XXXVII стр. 406. No. 28373).» 2) Точно также, когда при Императорѣ Николаѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, какъ в. с-но приписывалъ распространеніе раскола въ нижегородской губерніи самому д-ву и особенно епархіальному начальству, *истребляющему въ д-вѣ послѣдніе остатки правды* и пр.; опять духовное начальство строго подтвердило нижегородскому преосвященному, чтобы приходскіе причты «повсюду нелѣпостно и богобоязненно отправляли богослуженіе по уставу церкви ... и примѣромъ благочестивой жизни содѣйствовали если не къ сближенію раскольниковъ съ святою вѣрою, то по к. м. къ ослабленію глумленія надъ Церковію и ея пастырями.» А относительно епархіальнаго начальства, которое истребляло послѣдніе остатки правды, даже ни сказали ни слова (сборникъ Кельсіева, вып. первый стр. 194). Наконецъ 3) въ 1859 г., когда уже въ печати ясно высказали, какъ наше бѣлое д-во не соотвѣтствуетъ своему идеалу, какое множество злоупотребленій и недостатковъ въ организаціи его, духовное начальство, какъ пишетъ Об. Пр-ръ въ отчетѣ стр. 35, для приготовленія воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній къ пастырскому служенію поручилъ семинарскимъ правленіямъ озаботиться,

чтобы 1) изученіе Церковнаго устава въ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ было преумущественно практическое, и ученики пріобрѣтали полное знакомство со всѣми богослужебными книгами. 2) въ семинаріяхъ чтенія о богослуженіи, обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ православной Церкви были соединяемы съ повтореніемъ церковнаго устава. 3) Воспитанники духовно-учебныхъ заведеній пріучаемы были ясно и внятно читать по славянски и во время богослуженія читали и пѣли на клиросахъ. 4) Чтобы въ каникулярное время у родителей воспитанники въ воскресные и праздничные дни бывали въ Церкви при всѣхъ богослуженіяхъ.» Поэтому нисколько не удивительно, что и въ разсмотрѣнныхъ мною реформахъ ограничились только внѣшними, или палліативными мѣрами; но вмѣстѣ съ тѣмъ позаботилось еще на болѣе прочномъ фундаментѣ утвердить прежную административную монашескую систему.

Члены бѣлаго д-ва, или такъ свыклись съ господствующею системою, такъ ей подчинились, что отступленіе отъ нея сдѣлалось для нихъ немыслимымъ, или они чувствуютъ, что протестъ ихъ не можетъ имѣть силъ, даже навлечетъ на нихъ большія непріятности. Съ другой стороны есть мысль, что и бѣлое д-во, если бы ему дозволено было откровенно высказать свои требованія и указать на средства удовлетворить ихъ, не сдѣлаетъ этого надлежащимъ образомъ, какъ п. ч., долгое время находясь подъ опекою, не обнаруживаетъ умѣнья дѣйствовать самостоятельно, а во всѣхъ случаяхъ ожидаетъ консисторскаго указа, который далъ бы ему направленіе; такъ и п. ч. его требованія будутъ слишкомъ ограмны. Извѣстно, что корпораціи или сословія, находившіяся подъ продолжительнымъ гнетомъ господствовавшей надъ ними касты, слишкомъ стараются разорвать связь съ прошедшимъ и обезопасить себя радикальными мѣрами отъ надоѣвшей имъ подчиненности. Тогда какъ полный разрывъ между чорнымъ и бѣлымъ д-вомъ какъ будтобы отзывается точно религіозною реформою, которой м. б. не безъ причины стараются избѣгать. Но это опасеніе неумѣстно; п. ч. надъ бѣлымъ и чернымъ д-омъ возвышается верховная законодательная власть, которая съумѣетъ поставить въ границы излишнія требованія нашихъ пасырей.

Теперь на основаніи замѣчанія, высказаннаго въ 48 отдѣлѣ, нужно мнѣ говорить о второмъ разрядѣ реформъ, т. е. тѣхъ, которыя по моему по к. м. мнѣнію могутъ помочь улучшенію и духовныхъ училищъ и бѣлаго д-ва; — ими то я займусь въ слѣдующихъ отдѣлахъ.

Отдѣлъ 57ой.

Объ уничтоженіи кастоваго состоянія д-ва.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, которыя довели д-во и его училища до нынѣшняго плачевнаго состоянія, есть, по моему мнѣнію, кастовый его характеръ, замкнутость въ себѣ самомъ и почти совершенная изолированность отъ всего общества, и по происхожденію, и по воспитанію, и по образу мыслей и жизни. И потому прежде всего необходимо постараться о томъ, чтобы бѣлое д-во перестало существовать, какъ каста. Эти мои мысли есть возможность подтвердить мнѣніями многихъ писателей. 1) «Въ видахъ лучшаго матеріальнаго состоянія д-ва, пишетъ г. Н. М-въ въ No. 8 Дня 1863 г. (стр. 5), необходимо, какъ к-ся, совершенно уничтожить условія, содѣйствовавшія образованію совершенно замкнутой среды изъ духовнаго сословія. Въ самомъ принципѣ православнаго д-ва нѣтъ такого начала, — зачѣмъ же оно существуетъ *de facto*? Зачѣмъ такія затруднительныя условія для поступленія въ священство, по призванію внутреннему, изъ всѣхъ другихъ сословій? Мы увѣрены, что изъ дворянства, купечества, зажиточнаго крестьянства, получившаго первоначальное образованіе, найдется много людей съ истиннымъ призваніемъ и стремленіемъ къ священному служенію Церкви. Вѣдь поступаютъ очень многіе въ м-во изъ этихъ сословій. Въ такомъ случаѣ матеріальное положеніе этихъ людей уже обезпеченнѣе само по себѣ, нежели лицъ духовнаго званія, при теперешнемъ замкнутомъ его положеніи составляющаго чистый (въ нерѣдкихъ случаяхъ) пролетаріатъ.» 2) Современная хроника Россіи (въ 8 No. Отеч. Зап. 1862 г. стр. 63) не только вооружается противъ кастоваго устройства д-ва, но даже какъ будто бы подготовила нѣкоторыя доказательства въ подтвержденіе мыслей, изложенныхъ въ предъидущемъ отрывкѣ. «Мы удивляемся, пишется въ хроникѣ, что этотъ журналъ (Творенія Св. Отцовъ, издаваемыя при Моск. дух. акад.), исчисляя неблагопріятныя вліянія на сельское д-во, забываетъ упомянуть о кастовомъ устройствѣ и схоластическомъ воспитаніи его, т. е. о двухъ самыхъ главныхъ причинахъ, препятствующихъ просвѣтительному вліянію его на народъ... Народъ также, какъ и мы всѣ грѣшные, понимаетъ, что

святость не сообщается ни по наслѣдству, ни по назначенію начальства, ни посредствомъ передачи приходовъ въ приданое . . . . Народъ видитъ воспитанниковъ (семинаріи), когда они пріѣзжаютъ домой играть въ бабки и не замѣчаетъ въ нихъ ничего отъ природы священнаго; дѣти, какъ и всѣ дѣти — одни хорошія, другія дурныя. Не можетъ же кому нибудь не прійти въ голову при взглядѣ на такихъ дѣтей такой напр. вопросъ: отчего же вотъ этотъ парень, надѣвши завтра рясу, непремѣнно станетъ лучшимъ, чѣмъ я христіаниномъ? Какимъ чудомъ въ одну минуту явится у него духъ смиренномудрія, кротости, терпѣнія и любви, если до сихъ поръ ниодно изъ этихъ качествъ не проявлялось въ его сердцѣ? Словомъ несостоятельность кастовой наслѣдственности духовныхъ правъ не можетъ не броситься въ глаза каждому, даже не бывшему въ семинаріи.» 3) «Все общество и мы, говоритъ г-ковъ въ No. 41 Дня 1863 г. (стр. 5), думали, что самый большой недостатокъ семинарій въ ихъ замкнутости, исключительности, въ совершенной отчужденности отъ живаго общества, — отсюда отъ недостатка прилива свѣжей жизни, свѣжаго воздуха и теплоты — въ нихъ застой, нечистота, мертвенность. Слѣд. коренная реформа этихъ заведеній — сдѣлать ихъ возможно открытыми, сблизить съ живыми силами общества.» 4) Въ 12 No. Русс. Вѣстн. 1863 г. стр. 517 пишутъ: «по нашему мнѣнію, улучшеніе д-ва прежде всего требуетъ, чтобы оно не было замкнутою кастой и допускало въ свою среду людей изъ всѣхъ сословій, такъ чтобы въ священники вступали по призванію; это нисколько не противорѣчитъ каноническимъ правиламъ. Развѣ мы не привыкли видѣть іеромонаховъ изъ всѣхъ сословій и притомъ людей не только въ семинаріи, но и нигдѣ не учившихся? А вѣдь санъ священства одинъ и тотъ же и въ бѣломъ и въ чорномъ д-вѣ. Допуская въ свою среду другія сословія, д-во и само должно будетъ приготовлять своихъ дѣтей по всѣмъ родамъ службы, смотря по способностямъ и призванію, такъ чтобы служенію церкви посвящало себя только извѣстное число людей соразмѣрное потребностямъ епархіи. Справедливо было замѣчено въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ слѣдующее: — до тѣхъ поръ, пока умноженіе числа членовъ духовнаго сословія будетъ итти не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями церкви, а единственно будетъ зависѣть отъ естественнаго закона нарожденія, до тѣхъ поръ, говоримъ, никакія матеріальныя средства, получаемыя извнѣ, не будутъ достаточны для надлежащаго обезпеченія.» Наконецъ

5) само духовное начальство находитъ полезнымъ, чтобы въ семинаріи и въ д-во поступали лица изъ всѣхъ сословій. Об. Пр-ръ синода въ своемъ отчотѣ за 1861 г. (стр. 80) говоритъ что въ томскую семинарію разрѣшено принимать воспитанниковъ свѣтскихъ заведеній и что эта мѣра вынуждена невозможностію замѣщать праздныя св-и-ц-сл-скія мѣста воспитанниками изъ духовнаго званія по причинѣ малаго ихъ количества. Но затѣмъ прибавляетъ: «впрочемъ къ такого рода распоряженіямъ, способствующимъ сближенію д-ва съ обществомъ и ослабляющимъ сословную исключительность служителей Церкви, духовное вѣдомство склоняется не только по побужденію крайности, но и *по сознанію очевидной и многообразной пользы для Церкви и народа.*»

Т. о. осмѣливаюсь повторить, что первый шагъ къ улучшенію д-ва состоитъ въ уничтоженіи замкнутости, изолированности и кастоваго состоянія его. Какія же средства нужно употребить для этого?

Кастовую отрѣшенность бѣлаго д-ва особенно поддерживаютъ слѣдующія обстоятельства: 1) дозволеніе св-и-ц-сл-лямъ жениться только на дѣвицахъ изъ духовнаго званія, 2) прикрѣпленіе, т. е-ть, и жены и сыновей духовныхъ лицъ къ духовному же сословію, такъ что вдовая напр. попадья до самой своей смерти подчинена к-ріи, а сыновья всѣхъ св-и-ц-сл-лей не иначе могутъ оставить духовное званіе, какъ съ разрѣшенія епархіальнаго начальства. 3) Обыкновеніе, чтобы дѣти д-ва обучались почти только въ однихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, по к. м. низшихъ и среднихъ, и чтобы кромѣ того изъ другихъ сословій ни сюда, ни въ д-во никто не поступалъ. 4) Особаго рода воспитаніе и настроеніе, получаемое въ духовныхъ училищахъ, въ слѣдствіе чего для семинаристовъ поступленіе въ гражданскую службу бываетъ затруднительно. Чтобы духовное сословіе перестало быть изолированнымъ, очевидно, нужно отмѣнить всѣ эти обычаи и порядки. Первыя два обстоятельства легко могутъ быть устранены; стоитъ только издать указъ о томъ, что всякій св-и-ц-сл-лъ имѣетъ право вступить въ бракъ по своему усмотрѣнію съ дѣвицею изъ какого угодно сословія, что епархіальному начальству подчинены только сами св-и-ц-слли, а не жены и сыновья ихъ и поэтому послѣднія могутъ выходить въ какое угодно сословіе безъ всякихъ увольненій со стороны духовнаго начальства.

Отъ другихъ обстоятельствъ такъ легко нельзя отдѣлаться. Тутъ одними указами и приказами ничего не сдѣ-

лаешь. Вѣдь и по существующимъ нынѣ постановленіямъ дѣти изъ такъ называемыхъ свободныхъ сословій могутъ обучаться въ семинаріяхъ и потомъ занимать не только причетническія, но и священно-служительскія мѣста. М. т. все-таки духовно-учебныя заведенія наполняются и св-и-ц-сл-скія мѣста замѣщаются только исключительно дѣтьми духовнаго званія. *И нынѣ* всякое духовное лицо можетъ отдать своего сына въ гимназію и въ другія свѣтскія училища, испросивъ конечно напередъ дозволеніе у епархіальнаго начальства; а м. т. весьма немногія духовныя особы это дѣлаютъ. *И нынѣ* въ семинаріяхъ преподается много свѣтскихъ наукъ и потому какъ будто семинаристы могли бы быть подготовленными не къ одному духовному званію; а м. т. все-таки они не знали и не знаютъ свѣтскихъ наукъ и не занимаются ими. Значитъ есть что-то въ организаціи д-ва и семинарій, почему духовныя лица отдаютъ своихъ дѣтей только въ духовныя училища, — отчего другія сословія не поступаютъ ни сюда, ни въ духовное званіе и отчего семинаристы такъ воспитываются, что имъ почти по неволѣ приходится надѣвать только подрясникъ и рясу. Что же это такое?

Здѣсь прежде всего надобно обратить вниманіе на то, что получаемое воспитаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не нравится нашему образованному обществу, страдаетъ множествомъ нетерпимыхъ недостатковъ и чрезвычайно благопріятствуетъ поддержанію того настроенія, которымъ наше д-во отчуждается отъ прочихъ сословій и обращается въ замкнутую касту. И потому если духовныя училища останутся при нынѣшнемъ своемъ устройствѣ, то пускай, какъ говорятъ, будутъ *настежъ отворены двери* для входа въ нихъ всѣмъ сословіямъ; немногіе родители, особенно изъ образованныхъ классовъ отдадутъ своихъ дѣтей туда для воспитанія; бурса даже преобразованная по теоріи новаго устава семинарій, всякаго будетъ страшить; и бурсакомъ, хотя бы воспитаннымъ въ семинарскихъ общежитіяхъ по теоріи Истиннаго Друга духовнаго-юношества не захочется почти никому видѣть своего сына. Слѣд. дѣло нужно начать съ такого преобразованія учебныхъ заведеній, при которомъ бы они не только улучшились въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, но и способствовали уничтоженію кастовой отрѣшенности д-ва.

Богословы и всѣ вообще духовныя лица, разсматриваемыя съ человѣческой точки зрѣнія, представляются не болѣе и конечно не менѣе, какъ спеціалистами подобными юристамъ, медикамъ, инженерамъ и пр. Поэтому педагогическое при-

готовленіе людей къ духовному званію, особенно въ умственномъ отношеніи, должно происходить по тѣмъ же самымъ началамъ, по которымъ слѣдуетъ воспитывать всѣхъ вообще спеціалистовъ.

Но на всякомъ спеціалистѣ, кромѣ обязанностей, свойственныхъ его спеціальнымъ занятіямъ, лежатъ еще другія болѣе важныя. Ихъ можно раздѣлить на два рода. Къ первому относятся тѣ, которыя налагаются на насъ самымъ нашимъ названіемъ человѣка и которыя каждый изъ насъ обязанъ исполнять, родится ли кто въ топкихъ тундрахъ Сибири, или на благословенныхъ островахъ восточнаго океана, въ неприступныхъ ли ущельяхъ кордильерскихъ горъ, или въ плодоносныхъ долинахъ Нила, въ суровомъ ли скандинавскомъ климатѣ, или подъ жгучимъ тропическимъ солнцемъ. Другой родъ обнимаетъ тѣ обязанности, которыя каждый долженъ исполнять, какъ сынъ той страны, гдѣ онъ родился, какъ членъ того гражданскаго общества, въ которомъ онъ живетъ. И такъ какъ каждый человѣкъ первоначально бываетъ и долженъ быть собственно человѣкомъ и гражданиномъ того государства, къ которому принадлежитъ, а потомъ уже спеціалистомъ, то при воспитаніи дѣтей напр. у насъ нужно прежде всего позаботиться о томъ, чтобы изъ нихъ образовать *людей*, притомъ *русскихъ людей*, а потомъ уже, смотря по ихъ способностямъ, позволить имъ сдѣлаться архитекторами, юристами, медиками и пр. Далѣе прежде полагали, да и нынѣ еще кое-кто думаетъ, что спеціалистамъ нужно заниматься только тѣми предметами, которые имѣютъ прямое отношеніе къ ихъ спеціальнымъ занятіямъ и за-тѣмъ на все прочее не обращать вниманія. Но нынѣ правительство и образованное большинство убѣдилось, что есть много наукъ, называемыхъ *общеобразовательными*, изученіе которыхъ необходимо для всякаго, кто хочетъ быть образованнымъ человѣкомъ; что никто не можетъ быть спеціалистомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, не изучивши этихъ наукъ, не получивши, какъ говорятъ, *общечеловѣческаго образованія*. Даже самъ новый уставъ семинарій (§ 3) говоритъ, что «добрый служитель церкви православный долженъ быть человѣкомъ образованнымъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, чтобы быть .... (между прочимъ) полезнымъ членомъ общества, которому онъ долженъ служить во благо всѣми зависящими отъ него средствами.» И потому тѣхъ дѣтей, изъ которыхъ хотятъ приготовить будущихъ пастырей, нужно воспитывать такъ, чтобы они прежде сдѣлались *людьми, людьми русскими, образованными русскими людьми;*

тогда уже слѣдуетъ приступить къ образованію изъ нихъ богослововъ.

Сообразно съ потребностями общечеловѣческаго и спеціальнаго образованія всѣ училища раздѣляются на три рода. Къ первому роду нужно отнести тѣ, гдѣ воспитанники не предназначаются исключительно къ какому либо опредѣленному званію, или сословію, а должны принадлежать ко всѣмъ слоямъ общества; эти заведенія можно называть *общечеловѣческими*, *общеобразовательными*, къ нимъ принадлежатъ наши гимназіи. Въ училищахъ втораго рода воспитаніе имѣетъ спеціальный характеръ, чтобы приготовить воспитанниковъ къ извѣстному роду службы, или занятій; такія училища называются *спеціальными*, какъ напр. медицинская, артиллерейская академія и пр. Наконецъ есть третій родъ училищъ, которымъ прилично названіе *смѣшанныхъ*. Въ нихъ стараются въ одно и тоже время приготовить изъ воспитанниковъ и спеціалистовъ извѣстнаго сорта и образованныхъ людей въ общепринятомъ смыслѣ слова; ведутъ по двумъ дорогамъ; сюда относятся училище правовѣденія и особенно всѣ духовно-учебныя заведенія.

По теоріи, по идеѣ, к-ся, и въ смѣшанныхъ училищахъ можно воспитывать отличныхъ спеціалистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образованныхъ людей въ общепринятомъ смыслѣ слова: стоитъ только имѣть хорошихъ преподавателей по спеціальнымъ и общеобразовательнымъ наукамъ, требовать отъ учениковъ, чтобы они занимались тѣми и другими по предписанной мѣркѣ. Но опытъ говоритъ совсѣмъ другое; сущность здѣсь состоитъ въ начальникахъ. Они, р-ся, избираются вездѣ изъ спеціалистовъ и по неизбѣжной привязанности къ спеціальному кругу своей дѣятельности отдаютъ почти всегда предпочтеніе спеціальнымъ предметамъ. Отъ этого происходитъ, что воспитанники при самыхъ лучшихъ и опытныхъ преподавателяхъ слабо занимаются предметами общечеловѣческаго образованія и выходятъ б. ч. не образованными, а односторонними спеціалистами. Не безъ причины же военное начальство такъ настойчиво старается у кадетскихъ корпусовъ отнять прежній ихъ характеръ смѣшанныхъ училищъ. Замѣчаніе это еще справедливѣе прилагается къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. М-щіе ихъ начальники даже по своимъ принципамъ б. ч. не только холодно, но иногда враждебно относятся ко всѣмъ свѣтскимъ наукамъ. И потому останься семинаріи смѣшанными училищами по прежнему, общечеловѣческое образованіе будетъ въ нихъ стоять тоже по прежнему на низкой степени, и по прежнему будутъ изъ

нихъ выходить плохіе даже богословы. Притомъ надобно помнить, что каждое училище помимо всѣхъ современныхъ идей и начальственныхъ распоряженій живетъ и дѣйствуетъ по утвердившимся въ немъ преданіямъ, по заведеннымъ порядкамъ и съ ними слишкомъ неохотно разстается; особенно же сильно защищаются противъ всѣхъ нововведеній тѣ недостатки и злоупотребленія, которыя соединены съ сословными притязаніями и предразсудками или благопріятствуютъ безпечности и бездѣятельности. На этомъ основаніи безъ большой проницательности можно предсказать, что, если въ семинаріяхъ оставить теперешній административный порядокъ, все пойдетъ по старому, хотя бы и много было сдѣлано улучшеній по разнымъ частямъ; старая рутина все убьетъ, или не дастъ ничему новому развиться. Развѣ напр. м-щій ректоръ согласится смотрѣть на семинарію, не какъ на монастырь, — на семинаристовъ, не какъ на послушниковъ и пр.? Развѣ онъ не зная свѣтскихъ наукъ, станетъ благопріятствовать ихъ преподаванію? Развѣ откажется отъ своего обыкновенія занимать учениковъ благочестивыми экзерциціями и изученіемъ однихъ теологическихъ наукъ, а умственное развитіе считать дѣломъ второстепеннымъ и даже опаснымъ? Далѣе, развѣ наставники, получая даже огромное жалованье тотчасъ бросятъ свою апатію, къ которой такъ привыкли? Нѣтъ давно уже сказано, что пришитые къ старому платью новые лоскутья не дѣлаютъ его новымъ, даже не обезображиваютъ ли? Если дѣйствительно пожелаютъ, чтобы семинаристы были не теперешними бурсаками и школьными богословами, а людьми образованными въ общепринятомъ смыслѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ умными спеціалистами-богословами, то, какъ угодно, а слѣдуетъ разстаться съ старою системою воспитанія, отнять прежде всего у духовно-учебныхъ заведеній характеръ смѣшанныхъ училищъ?

Разставшись съ семинаріями въ нынѣшнемъ ихъ устройствѣ, надобно отказаться отъ мысли, что дѣти колѣна левіина принадлежатъ къ урожденнымъ, привилегированнымъ наслѣдникамъ не только имѣній, но и должностей своихъ отцовъ и что поэтому ихъ съ самыхъ пеленокъ нужно уже *уготовлять въ сосудъ благодати священства.* Пора уже думать, что между ними столько же есть способныхъ и неспособныхъ служить церкви, сколько можно встрѣтить въ равномъ количествѣ дѣтей прочихъ сословій. Съ другой стороны духовнымъ лицамъ, особенно священнослужителямъ надобно предоставить возможность давать своимъ сыновьямъ воспитаніе, приличное образованнымъ классамъ; вѣдь они служатъ

Церкви и отечеству, которое слишкомъ часто даже нуждается въ нихъ. Итакъ пусть лица духовныя воспитываютъ своихъ сыновей въ народныхъ училищахъ, прогимназіяхъ и гимназіяхъ, воспитываютъ не для того, чтобы изъ нихъ непремѣнно вышли только священники, дьяконы, или причетники, а для того, чтобы они получили общечеловѣческое образованіе и сообразно своимъ наклонностямъ и способностямъ могли занять приличное мѣсто въ обществѣ. Противъ этого плана прежде всего выставится возраженіемъ бѣдность большинства д-ва, которая не позволяетъ ему воспитывать своихъ дѣтей въ гимназіяхъ, гдѣ за право обучаться берется не маленькая сумма и гдѣ будто бы самое содержаніе обходится дороже, нежели въ семинаріяхъ. Еслибы дѣйствительно это было справедливо относительно каждаго года порознь, то слѣдуетъ помнить, что гимназическій курсъ продолжается семь, а семинарскій вмѣстѣ съ училищнымъ двѣнадцать лѣтъ, слѣд. въ общемъ итогѣ гимназическое воспитаніе даже съ платою за право обученія обойдется много дешевле семинарскаго. Потомъ, почему не воспользоваться тѣми средствами, которыя нынѣ состоятъ въ рукахъ д-ва? На содержаніе нынѣшнихъ семинарій и училищъ тратится огромная сумма; напр. по смѣстѣ на 1865 г. 1708539 руб. 82 к.; значительная часть ея, м. б. болѣе половины останется свободною, если всѣ дѣти д-ва станутъ воспитываться въ гимназіяхъ. Скажутъ: какъ же тратить духовныя, церковныя суммы на людей, которые б. м. не поступятъ въ духовное званіе? Такъ въ такомъ случаѣ положи хорошее жалованье отцамъ, чтобы они могли воспитывать дѣтей сами собою. Кромѣ того развѣ нынѣ изъ получающихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ пособіе всѣ поступаютъ въ духовное званіе? Пусть посчитаютъ; сразу окажется, что цѣлая половина учениковъ, воспитывавшихся на церковныя деньги не надѣваетъ ни рясы, ни подрясника. А еще неужели будетъ униженіе и обида для Церкви и духовнаго начальства, если они помогутъ бѣднымъ служителямъ алтаря дать дѣтямъ ихъ хорошее образованіе. Церковь и прежде сама помогала и нынѣ рекомендуетъ помогать нуждающимся; неужели изъ этого слѣдуетъ исключить д-во. Неужели она захочетъ быть похожею на тѣ богатые монастыри, которые на свой счотъ ежедневно кормятъ множество нищихъ и богомольцевъ, но не даютъ ни копѣйки на духовныя училища и на бѣдное д-во? Со временемъ, когда оно освободится отъ тяготѣющей надъ нимъ опеки, получитъ самостоятельность, когда улучшатъ его матеріальный бытъ, тогда оно и само съумѣ-

етъ составить свои капиталы для вспомоществованія бѣднымъ и сирымъ своего сословія. Впрочемъ съ бѣдностью можно еще справиться; надобно существеннымъ образомъ позаботиться объ уничтоженіи бурсы и кастоваго характера д-ва.

Обратимся опять къ гимназіямъ. Пусть дѣти духовныхъ лицъ оканчиваютъ въ нихъ курсъ, или не оканчиваютъ; это дѣло ихъ самихъ и отцовъ ихъ. И нынѣ изъ поступившихъ въ низшія духовныя училища едва одна пятая и даже шестая часть доходитъ до богословскаго класса. Но кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, р-ся не могутъ быть тотчасъ же опредѣляемы не священническія мѣста; они сдѣлались только образованными людьми въ общепринятомъ смыслѣ слова; для священства имъ еще нужно пріобрѣсть обширныя свѣдѣнія въ богословскихъ и церковныхъ наукахъ. Для этого потребуется устроить особыя училища, въ родѣ богословскихъ факультетовъ, въ которыхъ лица, получившія полное гимназическое образованіе, изучали бы богословскія науки точно такъ, какъ теперь обучаются медицинѣ въ медико-хирургической академіи. Мысль эта высказана Долгоруковымъ въ его Правдѣ о Россіи (стр. 351): «нужно уничтожить семинаріи и открыть богословскіе курсы при университетахъ и гимназіяхъ, предоставивъ всякому изъ монаховъ, или священниковъ, имѣющему университетскій дипломъ, — право достигать епископства.» Пріемъ въ богословскіе факультеты пусть нисколько не зависитъ отъ того, въ какомъ сословіи кто родился; пусть обучается въ нихъ и дѣлается потомъ священникомъ всякій, кто чувствуетъ призваніе, или расположеніе служить Церкви и обществу въ званіи пастыря, кто надлежащимъ образомъ подготовленъ къ тому и имѣетъ нравственныя христіанскія качества. Для полнаго изученія богословія достаточно будетъ четырехъ и даже трехъ лѣтъ. Нынѣ курсъ въ духовныхъ академіяхъ продолжается только четыре года, и м. т. кромѣ всѣхъ богословскихъ и церковныхъ наукъ тамъ преподается множество свѣтскихъ предметовъ, съ которыми люди, получившіе гимназическое образованіе, уже успѣютъ достаточно ознакомиться.

Самые факультеты лучше бы всего устроить при каждомъ изъ университетовъ. Но этому воспрепятствуютъ огромныя разстоянія между многими губерніями и университетскими городами, что крайне затруднитъ многихъ не богатыхъ молодыхъ людей, которые не въ состояніи будутъ предпринимать далекія путешествія. Съ другой стороны сдвали въ нынѣшнихъ русскихъ университетахъ можетъ

обучаться то количество богослововъ, которое нужно для занятія священническихъ мѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ отчетовъ Об. Пр-ра синода за пять лѣтъ (1857—1861) видно, что среднимъ числомъ ежегодно опредѣляется новыхъ священниковъ 1347 человѣкъ. Такъ какъ многіе, выслушавъ полный курсъ наукъ въ богословскомъ факультетѣ, не въ состояніи будутъ поступать въ духовное званіе по болѣзни и другимъ причинамъ, то ежегодно нужно до 1400, даже до 1500 кандидатовъ на священство. Число русскихъ университетовъ въ нашемъ отечествѣ шесть (с. петербургскій, московскій, казанскій, харьковскій, кіевскій и одесскій); поэтому каждому изъ нихъ круглымъ числомъ въ годъ придется доставить до 250 кандидатовъ на священническія должности, а при четырехъ-годичномъ курсѣ въ богословскомъ факультетѣ имѣть въ немъ одномъ болѣе 1000 человѣкъ. Это почти цѣлый университетъ. Т. о. богословскіе факультеты нужно устроить или въ каждой епархіи, или по одному на двѣ и на три.

Число воспитанниковъ въ каждомъ изъ этихъ факультетовъ должно соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ. Но его не слѣдуетъ ограничивать такъ, какъ теперь ограничено количество обучающихся во многихъ семинаріяхъ. Сверхъ штатнаго числа воспитанниковъ можно допустить и другихъ на правахъ вольнослушателей. Многимъ изъ людей, не имѣющихъ возможности быть священниками захочется основательно изучить богословіе. Зачѣмъ же полагать неодолимыя препятствія этому желанію въ самыхъ училищахъ? По моему мнѣнію нѣтъ также надобности всѣхъ безъ исключенія, обучающихся въ богословскомъ факультетѣ, содержать на казенный счотъ; многія дѣти богатыхъ отцовъ, по всей вѣроятности, пожелаютъ быть священниками, они не будутъ нуждаться въ пособіи; казеннокоштныхъ воспитанниковъ должно быть немного болѣе половины, или около двухъ третей.

Факультеты богословскіе должны приготовлять только кандидатовъ на священство; смѣшно же было бы кончить полный курсъ въ гимназіи, обучаться потомъ еще 3—4 года въ спеціальномъ факультетѣ и послѣ столькихъ трудовъ съ такимъ разнообразнымъ запасомъ свѣдѣній занять должность дьячка, или пономаря. Откуда же брать послѣднихъ? Прямыя обязанности причетника по церковной службѣ слишкомъ не многосложны. Надобно умѣть читать по-русски и по-славянски, писать, пѣть, — ну, право, больше этого ничего не нужно; т. о всякій, обучавшійся въ народныхъ школахъ,

особенно въ нѣсколькихъ классахъ гимназіи, или прогимназіи, можетъ быть достойнымъ кандидатомъ на причетническую должность. Чтобы научиться церковному пѣнію, для этого взрослому человѣку предостаточно годъ, или много два, въ теченіе которыхъ, пожалуй, еще можно ознакомиться съ уставомъ церковнымъ и пріобрѣсти еще кое-какія свѣдѣнія. И потому причетническія школы могутъ быть устроены въ каждой епархіи, но не иначе, какъ для людей не моложе 17—20 лѣтъ. А мнѣ к-ся даже и такихъ школъ не нужно. Не лучше ли каждому приходу и священнику самимъ озабочиваться пріисканіемъ лицъ годныхъ на причетническія должности? Молодой и даже взрослый парень, получившій уже первоначальное образованіе, въ 2—3 года, находясь постоянно при богослуженіи, можетъ сдѣлаться отличнымъ дьячкомъ и пономаремъ. Сколько и нынѣ есть чиновниковъ, мѣщанъ и даже крестьянъ, которые добровольно участвуя въ пѣніи на клиросѣ, знаютъ уставъ церковный и поютъ нисколько не хуже дьячковъ? Само собою р-ся, что и на причетническія мѣста точно также, какъ и на священническія, могутъ быть опредѣляемы лица всѣхъ сословій.

Приготовленіе къ занятію дьяконскихъ мѣстъ должно зависѣть отъ того, положено ли будетъ, чтобы каждый священникъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ дьякономъ. Въ такомъ случаѣ въ богословскихъ факультетахъ число обучающихся должно увеличиться. Но, к-ся, не слѣдовало бы вводить такую постепенность. Человѣкъ образованный, спеціалистъ-богословъ, кончившій курсъ и въ среднемъ и высшемъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ всякаго сомнѣнія можетъ быть священникомъ. Его и нравственныя и умственныя качества не возвысятся отъ того, что онъ нѣсколько лѣтъ покричитъ: *паки, паки,* или *міромъ Господу помолимся;* прошу припомнить, г. ч., то, что въ предъидущемъ отдѣлѣ сказано о дьяконствѣ, какъ необходимой ступени къ священству. По моему мнѣнію лучше бы всего было, еслибы на дьяконскія мѣста возводились прослужившіе извѣстное число лѣтъ причетники; право, чтобы быть дьякономъ безъ притязаній на священство, не нужно спеціальнаго, высшаго образованія.

Предлагаемая мною реформа въ примѣненіи своемъ можетъ встрѣтить разныя возраженія, но зато устранитъ многія не только затрудненія, но даже недостатки и злоупотребленія, отъ которыхъ нынѣ такъ дурно положеніе д-ва. 1) На св-и-ц-сл-скія должности станутъ поступать не тѣ, которые, какъ в. с-но, увлекаются *стечніемъ разныхъ роко-*

ныхъ необходимостей, а тѣ, которые, получивши полное образованіе въ гимназіяхъ, сами увидятъ, къ какому сословію они способны; вмѣстѣ съ тѣмъ и родители, и начальства, какъ училищное, такъ и духовное будутъ уже имѣть много данныхъ, чтобы рѣшить, можетъ ли тотъ или другой ученикъ исполнять обязанности пастырскаго служенія. Какъ ни судите, а люди при такихъ условіяхъ рѣшающіеся посвятить себя служенію Церкви, гораздо надежнѣе тѣхъ, которыхъ отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были духовными лицами, но которыя идутъ въ д-во не по призванію, не по внутреннему расположенію, а п. ч. довели ихъ до того роковыя необходимости. 2) При теперешнемъ устройствѣ семинарій поступаютъ въ священники разные архіерейскіе и семинарскіе пѣвчіе, племянники и разные протеже ректора и другихъ знаменитостей; затѣмъ второразрядные ученики, которыхъ умственныя достоинства состоятъ не рѣдко въ томъ только, что они прошли всѣ классы, вызубрили и потомъ забыли разные учебники, да и самые перворазрядные студенты уже не Богъ знаетъ, какъ образованы и въ общечеловѣческомъ и въ богословскомъ смыслѣ; нравственныхъ качествъ я не касаюсь. Что ни говорите, а всѣ эти джентлмены не могутъ же въ умственномъ отношеніи сравниться съ тѣми, которые получатъ полное гимназическое образованіе и послѣ въ зрѣломъ возрастѣ, съ развитыми уже способностями выслушаютъ богословскій курсъ, притомъ по доброй волѣ. Тутъ мы будемъ имѣть въ своихъ пастыряхъ людей, не только рѣшившихся служить Церкви по внутреннему расположенію, но образованныхъ въ общепринятомъ смыслѣ слова и настоящихъ спеціалистовъ богослововъ. 3) Самые причетники не будутъ уже состоять изъ тѣхъ только семинаристовъ, которые за дурное поведеніе, лѣность, или положительную тупость не могли быть терпимы даже въ бурсѣ. 4) Духовно-училищное начальство освободится отъ заботы о томъ множествѣ учениковъ, которые нынѣ воспитываются во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Для богословскаго факультета достаточно будетъ 6—7 тысячъ, или $4^1/_2$—5 т. учениковъ, смотря потому, 4 или 3 года въ немъ будетъ продолжаться курсъ. Еслибы даже для причетниковъ понадобилось установить двухгодичный курсъ, то и въ такомъ случаѣ въ духовно-училищномъ вѣдомствѣ состояло бы не болѣе 10—12 тысячъ воспитанниковъ. Это много меньше тѣхъ 54000, которые теперь воспитываются во всѣхъ духовныхъ училищахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ р-ся и расходы сократятся на содержаніе будущихъ кандидатовъ священства

тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ сами въ состояніи будутъ содержать себя. 5) Съ епархіальныхъ начальниковъ снимется обязанность заботиться о пристроеніи и дочерей и сыновей всѣхъ духовныхъ лицъ. Они станутъ управлять и заниматься однимъ клиромъ, а не семействомъ членовъ его, — устроеніемъ церковныхъ дѣлъ, а не пристроеніемъ невѣстъ къ мѣстамъ, — выборомъ достойныхъ кандидатовъ, а не разборомъ наслѣдственныхъ правъ по должности, или какихъ либо семейныхъ дрязгъ. Епископу много хлопотъ съ священниками, дьяконами и причетниками. Не пора ли его освободить отъ попеченій объ ихъ семействахъ? 6) Самая главная польза предлагаемой реформы состоитъ едвали не въ томъ, что съ введеніемъ ея постепенно, незамѣтно падутъ кастовыя особенности д-ва и тѣ почти враждебныя отношенія, въ которыхъ оно находится къ прочимъ сословіямъ. Привилегія дѣтей колѣна левіина на полученіе всѣхъ св-и-ц-сл-скихъ должностей прекратится, когда люди изъ всѣхъ сословій по внутреннему призванію, по умственному образованію будутъ имѣть возможность быть въ духовномъ званіи. Съ этимъ вмѣстѣ міряне мало-по-малу перестанутъ видѣть въ д-вѣ какое-то отрѣшенное отъ нихъ сословіе, относиться къ нему съ презрѣніемъ, враждою по кр. м съ насмѣшками, самое слово кутейникъ выйдетъ изъ употребленія. Будутъ конечно духовныя лица по прежнему, но это не потомственные и наслѣдственные кутейники: странно же ихъ клеймить такимъ прозвищемъ, когда между міранами будутъ ихъ дѣти, братья, отцы и многое множество родныхъ, товарищей по школѣ, друзей, по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Потомъ забудутъ о семинарскомъ образованіи, перестанутъ попрекать имъ св-и-ц-сл-лей, когда они будутъ имѣть не только гимназическое, но и высшее факультетское образованіе. Это уже не семинаристы, а университанты; считать ихъ всѣхъ людьми, получившими воспитаніе по допотопной системѣ, отсталыми несовременными, сдѣлается смѣшнымъ. Да и къ нимъ уже не станетъ такъ прививаться схоластика и діалектика, какъ это видимъ въ теперешнихъ семинаріяхъ; дитя въ теченіе 12 лѣтъ настроить можно на какой угодно ладъ, а сбить съ толку человѣка, получившаго гимназическое образованіе, — не легко. Богословіе онъ узнаетъ, религіозныя истины усвоитъ и разсудкомъ и вѣрою, но въ его образѣ мыслей не будетъ недостатковъ семинарскаго образованія. О нравственныхъ качествахъ трудно что нибудь сказать. Но вѣрно то, что къ будущимъ нашимъ св-и-ц-сл-лямъ не откуда будетъ привиться недостаткамъ бурсы, которая останется из-

вѣстною по преданіямъ. Наконецъ многія слабости, пороки и злоупотребленія, которыя теперь пятнаютъ д-во, мало по мало уничтожатся. Сюда особенно относятся поборы за требы, хожденіе по приходу въ праздники безъ зову, участіе въ этомъ и женъ и дѣтей.

Въ томъ, что для священниковъ нужно имѣть полное гимназическое, общечеловѣческое образованіе, а потомъ еще въ особомъ факультетѣ выслушать богословскій курсъ, согласны очень многія духовныя лица; мысль о такой реформѣ высказывалась даже въ духовныхъ журналахъ, издаваемыхъ подъ надзоромъ монашеской цензуры. Но духовныя особы никакъ не могутъ повѣрить, чтобы дѣти, воспитывавшіяся въ чисто свѣтскихъ училищахъ подъ надзоромъ и руководствомъ свѣтскихъ же людей, даже нѣмцевъ, могли получить настроеніе необходимое для священно-служительскаго званія; имъ такъ и представляется, что въ гимназіяхъ непремѣнно всѣ наклонны къ матеріализму, нигилизму, вольнодумству и пр. И потому, по ихъ мнѣнію, нужно устроить особыя духовныя, т. с-ть, гимназіи, которыя бы относительно учебной программы ничѣмъ не отличались отъ свѣтскихъ, но только состояли подъ надзоромъ и руководствомъ духовныхъ начальниковъ и наставниковъ. Такое опасеніе неосновательно. Выше, въ 43 отдѣлѣ объяснено, что семинарское воспитаніе едвали не болѣе пробуждаетъ холодность къ вѣрѣ и наклонность къ либеральнымъ идеямъ, нежели гимназіи, по к. м. не меньше ихъ. А если бы еще въ свѣтскихъ училищахъ всѣ законоучители были свѣдущими богословами и дѣльными преподавателями, то тамъ вольномысліе было бы еще слабѣе. Притомъ духовному начальству предоставлено будетъ право выбирать въ богословскій факультетъ гимназистовъ, которые достойны того по своему религіозному настроенію, да и человѣкъ не религіозный развѣ согласится поступить въ священники? Его по окончаніи гимназическаго курса и насильно не заставишь учиться богословію. М. т. есть опасность и очень вѣроятная, что дѣти д-ва, обучаясь по гимназической программѣ, но въ училищахъ, состоящихъ подъ начальствомъ духовныхъ лицъ, не сдѣлаются образованными въ общепринятомъ смыслѣ слова. Долго еще ждать, пока духовныя особенно вліятельныя особы убѣдятся, что свѣтское образованіе должно предшествовать богословскому и что поэтому не надобно препятствовать воспитанникамъ съ полнымъ усердіемъ заниматься человѣческими науками. Если же какіе либо разсчоты напр. экономическіе заставятъ устроить собственно духовныя гимназіи, то нужно, чтобы

онѣ состояли подобно свѣтскимъ, въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Для успокоенія же отцовъ воспитанниковъ, для убѣжденія въ правильномъ употребленіи суммъ, если онѣ станутъ получатся отъ духовнаго вѣдомства, нужно имѣть при каждой духовной гимназіи попечительный совѣтъ изъ духовныхъ лицъ, которыя своимъ вліяніемъ и участіемъ въ управленіи могутъ предотвращать злоупотребленія. Подобное этому видимъ въ коммерческихъ академіи и училищѣ, гдѣ попечительный совѣтъ изъ купцовъ вліяетъ на управленіе, но не стѣсняетъ учебной части. Въ случаѣ же несправедливаго впрочемъ недовѣрія къ свѣтскому элементу начальниками и наставниками въ духовныхъ гимназіяхъ лучше всего дѣлать тѣхъ магистровъ и кандидатовъ академій, которые не надѣваютъ рясы, или по к. м. принадлежатъ къ бѣлому д-ву; они не будутъ ожесточенными преслѣдователями свѣтскихъ наукъ. Но и при этихъ ограниченіяхъ духовныя отдѣльныя гимназіи вредны тѣмъ, что по сословнымъ предубѣжденіямъ изъ нихъ преимущественно станутъ принимать воспитанниковъ въ богословскій факультетъ и т. о. прочимъ сословіямъ почти также, какъ нынѣ, прегражденъ будетъ путь въ духовное званіе; д-во по прежнему останется кастою, а этого-то особенно надобно избѣгнуть во чтобы то ни стало при предстоящей реформѣ духовныхъ училищъ.

Отдѣлъ 58ой.

О томъ, что монахамъ не слѣдуетъ быть начальниками духовно-учебныхъ заведеній.

Чѣмъ бы на будущее время ни были духовно-учебныя заведенія, останутся ли они по прежнему смѣшанными училищами, введутся ли въ нихъ какія либо улучшенія, или все пойдетъ по старому порядку, закроютъ ли совсѣмъ семинаріи и низшія училища и вмѣсто нихъ станутъ обучать дѣтей д-ва по гимназической программѣ; а потомъ уже въ особыхъ богословскихъ факультетахъ приготовлять для священства достойныхъ людей изъ лицъ всѣхъ сословій, — устро-

ятъ ли особыя гимназіи для д-ва, или ему предложатъ отдавать своихъ сыновей въ общія гимназіи, — чтобы, повторю, ни было, во всякомъ случаѣ нужно непремѣнно отмѣнить несправедливую привилегію, по которой въ семинаріяхъ и академіяхъ занимаютъ мѣста начальниковъ одни монахи. Этимъ я не выражаю того, чтобы никто изъ нихъ не имѣлъ вліянія на духовно-учебныя заведенія. Р-ся духовное образованіе должно находиться подъ высшимъ контролемъ и дирекціей синода, какъ главнаго центра духовнаго управленія; отвергать это также было бы смѣшно, какъ доказывать, что военное министерство не имѣетъ права распоряжаться въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Я говорю только о несчастномъ обычаѣ ввѣрять исключительно однимъ м-щимъ непосредственный, ближайшій надзоръ за воспитаніемъ дѣтей въ духовныхъ училищахъ. Этотъ-то обычай надобно оставить. М. т. онъ имѣетъ сильныхъ защитниковъ, которые не всегда охотно обращаютъ вниманіе на основательныя даже мысли, несогласныя съ ихъ убѣжденіями. Поколебать эти убѣжденія едвали возможно, п. ч. они поддерживаются не логикою, а сословными интересами. Но я нахожу нужнымъ подробно поговорить объ этомъ несчастномъ обычаѣ съ тѣмъ, чтобы по к. м. люди безпристрастные могли видѣть его не основательность и вредныя послѣдствія.

Начинаю свои разсужденія съ каноническихъ правилъ и сочиненій одного знаменитѣйшаго отца церкви, на котораго обыкновенно любятъ ссылаться м-щіе, когда имъ нужно защищать свои интересы. Въ этихъ правилахъ и сочиненіяхъ встрѣчается очень много мыслей, которыя показываютъ, что педагогическія должности, особенно въ примѣненіи ихъ къ нашимъ духовнымъ училищамъ, противорѣчатъ различнымъ монашескимъ обязанностямъ, или по к. м. препятствуютъ исполнять ихъ такъ какъ предписываетъ монастырскій уставъ.

1) Однимъ изъ главныхъ побужденій къ учрежденію и поддержанію м-ва, одною изъ важнѣйшихъ т. с-ть оправдательныхъ статей его выставляютъ то обстоятельство, что будто бы, *живя въ мірѣ*, мы не можемъ вполнѣ предаться молитвѣ, аскетическимъ подвигамъ и спасенію своей души, что въ немъ отъ этихъ занятій насъ безпрестанно отвлекаютъ житейскія заботы, общественныя обязанности, соблазнительные примѣры окружающей среды. Чтобы избѣжать всѣхъ такихъ искушеній, что бы, какъ говоритъ Василій Великій въ 6мъ вопросѣ изъ своихъ пространно изложенныхъ правилъ «ни очами ни ушами не принимать намъ ничего, раздража-

ющаго на грѣхъ, и нечувствительно не привыкнуть къ нему, чтобы въ душѣ къ вреду и пагубѣ ея не оставалось какъ бы образовъ какихъ и отпечатковъ видимаго и слышимаго, и чтобы намъ прійти въ возможность пребывать въ молитвѣ, для этого прежде всего уединимся по мѣсту жительства. Т. о. можемъ преодолѣть прежній обычай, по которому жили мы вопреки заповѣдямъ божіимъ ... и также въ состояніи будемъ стереть съ себя грѣховныя пятна люботрудною молитвою, и постояннымъ изученіемъ божіей воли. А въ молитвѣ и въ семъ изученіи невозможно успѣть среди многихъ людей, развлекающихъ душу и занимающихъ ее дѣлами житейскими. (9 т. Тв. Св. Отцовъ стр. 112).» И потому монастырскія правила настоятельно требуютъ, чтобы монахи жили безвыходно въ монастыряхъ и укрывались за ихъ стѣнами отъ соблазновъ и соблазнителей мірскихъ. При самомъ постриженіи въ м-во, какъ в. с-но, постригаемый на 5ый вопросъ постригающаго обѣщается *пребывать въ монастырѣ до послѣдняго* своего *издыханія*. По 4 правилу Халкидонскаго вселенскаго собора «м-щіе въ каждомъ градѣ и странѣ .... да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежатъ токмо посту и молитвѣ, *безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ*, въ которыхъ отреклись отъ міра, да не вмѣшиваются ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла, и да не пріемлютъ въ нихъ участія, оставляя свои монастыри; развѣ токмо когда будетъ сіе позволено отъ епископа града по необходимой подобности.» По 115 правилу номоканона горе монаху, оставляющему обитель, въ которой онъ постриженъ, даже если бы преогорчилъ его отецъ игуменъ или кто либо изъ братій; и въ такомъ случаѣ бѣглеца Василій Великій уподобляетъ «Іудѣ Предателю, разлучившемуся отъ Христа и учениковъ его.» Нашъ духовный регламентъ въ 21 пр. о монахахъ «позволяетъ монаху не болѣе четырехъ разъ въ годъ выходить за ограду монастыря въ гости, а больше *развѣ крайнихъ нуждъ*. А пресѣченія ради всякаго подозрительства въ мірскіе домы, паче же въ дѣвичьи монастыри манахомъ, безъ благословной вины, которой уже по самой безпорочной потребѣ преминуть не возможно, отнюдь не ходить подъ жестокимъ наказаніемъ.» К-ся слишкомъ ясно, что м-щіе обязываются жить въ монастыряхъ и именно *только въ монастыряхъ*.

При постриженіи такъ называемыхъ ученыхъ монаховъ не дѣлается никакихъ исключеній и оговорокъ, которыя давали бы имъ право отступать отъ этой обязанности; значитъ и они сообразно съ каноническими правилами должны помѣщаться въ монастыряхъ. Но большинство нашихъ семи-

наріи находится не внутри монастырскихъ оградъ, а въ обыкновенныхъ домахъ, таже въ такихъ городахъ, какъ напр. въ Самарѣ, гдѣ нѣтъ ни одного мужескаго монастыря. Отъ этого и происходитъ, что многіе начальники семинарій развѣ только изрѣдка почуютъ въ монастырѣ и проводятъ всю свою жизнь въ немонастырскихъ семинарскихъ домахъ; есть теперь архіепископы и епископы, которые въ теченіи всей своей учебной службы только по одному году жили въ монастырскихъ стѣнахъ. Замѣчанія мои, пожалуй, назовутъ придиркою, скажутъ, что монашескую жизнь можно вести и въ семинарскихъ корпусахъ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же съ постригающагося ученаго монаха брать обѣщаніе предъ Богомъ жить въ монастырѣ. Такъ и скажи ему: хотя ты *облекаешься въ ризу радованія, препоясуешь чресла своя силою истинны и покрываешь главу шлемомъ спасенія;* хоть ты дѣлаешься настоящимъ монахомъ, но можешь жить не въ монастырѣ, а въ семинаріи. А если обѣты при постриженіи въ малую схиму даются для формы, п. ч. они внесены въ старинный чинъ постриженія, то по неволѣ появятся въ головѣ неблагопріятныя мысли о людяхъ, которые въ Церкви, предъ Богомъ, торжественно берутъ и даютъ обѣщанія, сознавая, что это есть только форма. Если обѣты монашескіе не шутка, не форма, если ихъ принимать въ буквальномъ смыслѣ; то и ученые монахи живи въ монастыряхъ и слѣдовательно откажись отъ непосредственнаго начальствованія хоть въ тѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, которыя помѣщаются не внутри монастырей.

2) Къ числу едвали не самыхъ соблазнительныхъ предметовъ для монаха относятся по монашескимъ же идеямъ и правиламъ женщины. Василій Великій въ 3й главѣ подвижническихъ уставовъ говоритъ: «надобно всего больше избѣгать бесѣдъ и свиданій съ женщинами, если не принуждаетъ къ свиданію неминуемая какая нибудь необходимость. Да и при встрѣтившейся необходимости надобно беречься женщинъ, какъ огня и какъ можно скорѣе и поспѣшнѣе расходиться съ ними: вникни же, что о семъ говоритъ премудрость (Притч. 6, 27. 28.) ввяжетъ ли кто огнь въ пѣдра, ризъже не сожжетъ ли. *Или ходити кто будетъ на углѣхъ огненныхъ, ноги же не сожжетъ ли?* (9т. Твор. Св. Отцовъ стр. 394—395).» Вотъ почему духовный регламентъ въ 34 пр. о монахахъ приказываетъ настоятелю и братіи никогда же по пускать женщинъ въ келліи, развѣ гостиной келліи и то не наединѣ; но при благоговѣйныхъ монахахъ.» По 101 правилу номоканона монахъ, поцѣло-

вавшій женщину лишается на 40 дней права пріобщаться Св. Таинъ; даже ему, ни на святое воскресеніе Господне достоитъ лобызати ниже свою мать.» А по 112 правилу всякому монаху дается право оставлять даже монастырь, если въ него ходятъ женщины *(аще есть путь женамъ)*. Но м-щіе начальники семинарій по самымъ своимъ должностямъ, можно сказать, обязаны имѣть частыя свиданія съ женщинами. Къ нимъ ходятъ матери воспитанниковъ съ просьбами, хозяйки своекоштныхъ учениковъ съ жалобами и особенно свѣтскія дамы; послѣднія конечно не имѣютъ ни дѣтей, ни родныхъ въ семинаріи; но дѣла уже такъ устроились, что онѣ не только посѣщаютъ часто м-щихъ начальниковъ семинарій, но имѣютъ съ ними продолжительныя бесѣды, притомъ не въ присутствіи благоговѣйныхъ монаховъ, какъ требуетъ регламентъ. Скажутъ, что для почтенныхъ начальниковъ, уже утвердившихся въ иноческихъ добродѣтеляхъ, такое сближеніе не опасно. На это отвѣчаю словами Василія Великаго (тамъ же стр. 395 — 396). «А если кто говоритъ, что отъ свиданія .... съ женщинами не терпитъ вреда, то онъ или не имѣетъ въ себѣ мужской природы, и есть что-то весьма странное, составляетъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ поломъ (какъ это говоритъ о скопцахъ отъ рожденія, если только и имъ можно пристроить безстрастіе и нечувствительность къ женскому полу: ибо *желаніе скопче растлитъ ли дѣвицу?* говоритъ премудрый Сир. 20. 4), или если имѣетъ, то будучи погруженъ въ страсти, не чувствуетъ сего по подобію *упившихся и съумасшедшихъ*, которые въ самыхъ тяжкихъ страданіяхъ почитаютъ себя не страждущими ... Если самъ и не подлежитъ уязвленію, то не легко ему увѣрить другихъ, что точно не уязвимъ ... Кто самъ не уязвляется, тотъ часто уязвляетъ, хотя и не знаетъ того. Женщина часто, приходя къ подвижнику подъ видомъ духовной любви, начинаетъ *вливать въ себѣ грѣхъ посредствомъ очей*, похотливыми глазами пожирать наружность ближняго и нечистыми помыслами растлѣвать внутреннюю дѣву, которую всего болѣе любитъ Женихъ.» Помните г. ч., что такъ говоритъ не вашъ покорнѣйшій слуга, а Василій Великій, по имени котораго наше м-во называется на западѣ Базиліанскимъ орденомъ. Слова святителя тѣмъ болѣе имѣютъ приложеніе къ нашему предмету, что между начальствующими монахами въ семинаріяхъ встрѣчаются б. ч. люди не старые 40 лѣтъ, бывали даже 22 и т. д. Какъ не подумать, что для такихъ молодыхъ людей женщина есть точно огонь, а съ другой

стороны и женщина сразу не станетъ ли *похотливыми глазами пожирить наружность ихъ, впивать въ себя ядъ посредствомъ очей и нечистыми помыслами растлѣвать внутреннюю дѣву?* И потому осмѣливаюсь сказать: или совѣты Василія Великаго и каноническія правила о томъ, чтобы монахи избѣгали свиданія съ женщинами, несправедливы, не заслуживаютъ вниманія; или если всякому монаху необходимо имъ слѣдовать; то не надобно поручать даже ученымъ монахамъ, особенно въ періодъ 22 — 40 лѣтъ такихъ должностей, при которыхъ неизбѣжны частыя свиданія и даже продолжительныя бесѣды съ женщинами.

3) На равнѣ съ женщинами считаются для м-щихъ опасными молодые люди и особенно дѣти. «Если ты,» говоритъ монаху Василій Великій, въ подвижническомъ и увѣщательномъ словѣ объ отреченіи отъ міра, «юнъ по плоти, или по разуму, удаляйся короткаго обращенія съ сверстными (сверстниками) *и бѣгай отъ нихъ, какъ отъ пламени.* Ибо врагъ, воспаливъ чрезъ нихъ, многихъ предалъ вѣчному огню, духовною конечно любовію низринувъ ихъ въ гнусную пропасть этихъ обитателей пятиградія (т. е. Содома, Гоморы и пр.) и тѣхъ, которые спаслись среди моря при всѣхъ вѣтрахъ и буряхъ, когда ни о чемъ не безпокоились внутри пристани, погрузилъ въ глубину съ ладьей и пловцами. Когда садиться, садись гораздо дальше отъ сверстнаго съ тобою; когда ложиться спать, одѣяніе твое да не сближается съ его одѣяніемъ; но лучше пусть будетъ между вами старецъ. А когда онъ говоритъ съ тобою, или поетъ, стоя напротивъ тебя; отвѣчай ему, поникши взоромъ долу, чтобы тебѣ, останавливая взоръ свой на лицахъ не принять въ себя сѣмени похотѣнія, ввергаемаго сѣятелемъ врагомъ, и не пожать рукоятей растлѣнія и погибели. Въ домѣ или на всякомъ мѣстѣ, гдѣ никто не видитъ дѣлъ вашихъ, не оставайся съ нимъ подъ предлогомъ разсужденія о словѣ Божіемъ, или другой какой нибудь даже самой необходимой потребности; ибо всего нужнѣе душа, за которую умеръ Христосъ. *Не внуръ обманчивому помыслу, который подсказываетъ тебѣ, что это нимало не соблазнительно,* несомнѣнно зная, что сіе самое и есть соблазнъ, какъ ясно тебѣ доказано многократнымъ опытомъ падшихъ. *Повѣръ словамъ моимъ, происходящимъ отъ братолюбиваго сердца.* (Т. 9 Твор. Св. Отцовъ стр. 54).» Р-ся, что врагъ м-щихъ, который называется сверстнымъ, есть не всякій вообще человѣкъ, а только молодой, иначе бы святитель не совѣтовалъ, что бы между ними былъ старецъ, когда они ложатся

спать; притомъ взоръ, остановленный на лицѣ пожилыхъ людей, *не посметъ съмени похотьнія.* Равнымъ образомъ монастырскія правила очень суровы относительно сближенія съ дѣтьми. По 101 правилу Номоканона монаху, поцѣловавшему отроча, запрещается, также какъ за поцѣлуй женщины, причащаться 40 дней. А въ 112 правилѣ дозволяется иноку уйти изъ монастыря, если тамъ *учатся мірскіе дѣти.* Неловко здѣсь говорить о тѣхъ искушеніяхъ, которымъ подвергаются м-щія лица, сближаясь съ дѣтьми; они неизвѣстны, или лучше *не нужны женатымъ людямъ.* Василій Великій характеризуетъ ихъ намекомъ на жителей Содома и Гоморы; гражданскіе законы преслѣдуютъ ихъ какъ преступленье; а въ 186 правилѣ Номоканона описываются такія отвратительныя подробности этихъ искушеній, что по неволѣ нужно прибѣгать къ славянскимъ словамъ . . . . Яснѣе выражаться нахожу неприличнымъ. Остается сказать, что если Василій Великій и Номоканонъ должны составлять важнѣйшіе авторитеты для м-ва, если они такъ энергически и настойчиво запрещаютъ инокамъ сближаться съ дѣтьми, даже дозволяютъ оставлять монастырь, гдѣ только учатся мірскія дѣти, если и нынѣ люди имѣютъ тѣже страсти, которыя свойственны были имъ въ 4 — 5 вѣкѣ, то непонятно даже, какимъ образомъ наши ученые м-щіе осмѣливаются выставлять себя единственными почти, привилегированными воспитателями духовнаго юношества? Какъ даже смѣлъ сказать авторъ статьи о м-вѣ епископовъ (No. 6 Прав. Собес. 1863 г. стр. 331), что м-щимъ принадлежитъ воспитаніе семинаристовъ по обязанности, по праву, по сану? Не гораздо ли сообразнѣе съ каноническими правилами слѣдуетъ имъ отказаться отъ всѣхъ педагогическихъ обязанностей, если они не хотятъ выказать наглаго пренебреженія къ совѣтамъ и приказаніямъ важнѣйшихъ для нихъ авторитетовъ? Начальники семинарій отъ женщинъ могутъ еще оберегать себя, могутъ съ ними не сближаться; но отъ дѣтей, состоящихъ подъ ихъ надзоромъ, не укроешься, развѣ предоставивъ имъ волю жить какъ хотятъ.

Отъ святителя Василія и монашескихъ правилъ перейдемъ теперь къ условіямъ и подробностямъ духовныхъ училищъ и посмотримъ, въ какой степени обязанности начальниковъ ихъ гармонируютъ съ обѣтами монашескими.

А) Представимъ себѣ, что сверхъ всякаго ожиданія обнародовано было бы постановленіе, по которому всѣ лица, желающія поступить въ м-во, должны непременно находиться подъ начальственнымъ надзоромъ и руководствомъ людей

женатыхъ. Въ какое бы негодованіе пришли всѣ благочестивые иноки, услышавъ о такомъ постановленіи? «Не явная ли несообразность, сказали бы они, поручать будущаго инока женатому человѣку для того, чтобы послѣдній приготовлялъ его къ иноческой жизни?» Негодованіе еще бы болѣе усилилось и о несообразности еще громче заговорили бы, если бы у насъ существовали, какъ это видится въ католической Церкви, особыя училища, гдѣ изъ дѣтей чуть не съ 10, по к. м. съ 15 лѣтъ воспитываютъ патеровъ, обязанныхъ вести безбрачную жизнь, и если бы эти училища отданы были подъ управленіе опять людей женатыхъ? Не стану разсматривать, благоразумны ли были бы такія распоряженія и имѣютъ ли право негодовать за это иноки, но для успокоенія негодующихъ скажу, что у насъ давно существуютъ подобныя несообразности, только т. с-ть, съ противной стороны. М-щіе начальники духовно-учебныхъ заведеній при своемъ постриженіи даютъ обѣтъ дѣвства и цѣломудрія, обязываются вести и ведутъ безбрачную жизнь. Нельзя же ожидать, чтобы они по этому самому и по принципамъ м-ва могли быть открытыми защитниками необходимости семейной жизни. Съ другой стороны духовно-учебныя заведенія главною цѣлію имѣютъ приготовлять людей для занятія св-и-ц-сл-скихъ должностей, на которыхъ уже нельзя быть не женатымъ. Теперь я спрошу: не ужели поручать воспитаніе дѣтей, которыхъ огромное большинство приготовляется къ должностямъ, гдѣ бракъ обязателенъ, — поручать людямъ, которые поклялись вести непремѣнно безбрачную жизнь, неуже ли въ этомъ менѣе несообразности, нежели въ томъ предполагаемомъ постановленіи, по которому бы кандидатовъ м-ва отдали подъ начальство человѣка женатаго? Посудите г. ч. безпристрастно.

Б) Священникъ и прочія лица бѣлаго д-ва, какъ люди семейные, принадлежатъ обществу и не могутъ не принимать участія въ дѣлахъ его. «Священникъ,» говорится въ No. 7 От. Зап. 1862 стр. 264 ст. о нѣкоторыхъ улучш. въ дух. вѣдомствѣ «всю жизнь занятъ своимъ приходомъ. Онъ нашъ согражданинъ, онъ не можетъ и не долженъ жить въ отдѣльности отъ народа . . . Священнику дорогъ прогрессъ человѣческаго общества, п. ч. онъ самъ гражданинъ, дѣятель этого грѣшнаго міра. Онъ любитъ міръ и потому мірское горе — его горе; прогрессъ общества не минетъ и его семейства. Когда измѣняется характеръ народной жизни, измѣненіе его проникаетъ и въ дѣятельность священника.» Но «монахъ совершенно иначе смотритъ на міръ и человѣчество. Земля

для него только злое начало, которое онъ отвергнулъ. Отсюда отреченіе отъ міра и аскетизмъ. Самый принципъ м-ва не допускаетъ никакихъ измѣненій и улучшеній, п. ч. м-во есть отрицаніе общественной жизни, матеріальныхъ удобствъ и всякаго прогресса. Монахъ добровольно мѣняетъ все это на тѣсную келью, суровый постъ и изнурительную молитву. Отдѣливъ себя отъ міра, онъ поставляетъ цѣлью своей дѣятельности собственное спасеніе.»

Изъ, этой характеристики бѣлаго и чернаго д-ва очевидно, что послѣднее, если только станетъ держаться своихъ принциповъ, не можетъ внушать тѣхъ понятій, которыми первое должно руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ обществу. Для м-щихъ, по ихъ принципамъ, міръ есть источникъ соблазновъ, злое начало; — занятіе мірскими дѣлами; — препятствіе къ спасенію души; — отреченіе отъ нихъ и отъ міра — вѣрнѣйшее средсво къ достиженію царствія небеснаго. На опытѣ конечно м-щіе относительно самихъ себя не разрываютъ связей съ міромъ, любятъ даже вмѣшиваться въ дѣла его и извлекать изъ того матеріальныя для себя выгоды. Но въ теоріи, на лекціяхъ, въ проповѣдяхъ, классическихъ задачахъ, въ учебникахъ заставляютъ семинаристовъ смотрѣть на міръ съ монашеской точки зрѣнія. Многія изъ этихъ внушеній проходятъ чрезъ голову, не останавливаясь на-долго въ ней, другія повторяются на словахъ въ качествѣ казенныхъ мыслей, но все таки болѣе, или менѣе оставляютъ впечатлѣніе. И потому нельзя не согласиться съ слѣдующими словами заимствованными изъ No. 46 Дня 1863 (стр. 4 ст. 3) «какъ помирить то противорѣчіе, что въ главѣ просвѣщенія (духовнаго) юношества, въ заведеніяхъ учебныхъ поставляются исключительно люди, добровольно отказавшіеся отъ общественной жизни и ея волненій? Вполнѣ ли раціональна исключительная привилегія этого сана предъ саномъ священника, или лицомъ, могущимъ принять его на себя? По простому взгляду на вещи — на оборотъ человѣкъ, отрекшійся отъ общества и волнующихъ его жизненныхъ интересовъ, по своимъ принципамъ и убѣжденіямъ не можетъ быть, к-ся, руководителемъ и воспитателемъ юношества, которое въ послѣдствіи должно быть живымъ и руководящимъ членомъ живаго общества. Мы говоримъ — не можетъ, и это оправдывается самымъ дѣломъ. Подъ преобладающимъ исключительнымъ вліяніемъ на семинаріи монашескаго элемента, — по необходимости отвлеченнаго, отрицательнаго воззрѣнія на общественную жизнь, — наши духовныя семинаріи выпускали изъ своихъ нѣдръ

пастырей, которыхъ мало трогаетъ жизненный интересъ общественной народной жизни, людей апатичныхъ ко всякаго рода перемѣнамъ, образованію и развитію общества. Вникните глубже въ текущую духовную литературу, которая конечно представляетъ собою цвѣтъ духовнаго просвѣщенія. Подняла ли она, даже отозвалась ли полнымъ сочувствіемъ хоть на одинъ вопросъ, затрогивающій всю жизнь общества? Мимо нея прошолъ и проходитъ величайшій вопросъ *крестьянскій* — т. е. въ полномъ смыслѣ христіанскій. Поднятъ и разрѣшается глубоко-нравственный вопросъ о преобразованіи *суда*, возбуждается вопросъ нравственно-духовной свободы *совѣсти* и *религіознаго убѣжденія*, *свободы мысли и слова*, вопросы, во всей широтѣ касающіеся христіанско-нравственной области, и изъ нея непосредственно истекающіе: что то скажутъ объ этомъ представители религіозныхъ и нравственныхъ интересовъ общества? Увы! обществу приходится повторять знаменитое выраженіе: *въ духовной литературѣ я слышу молчаніе*, которое здѣсь уже вовсе некраснорѣчиво. И нельзя требовать строго отъ д-ва сочувствія обществу, когда оно обязано воспитываться въ духѣ отвлеченнаго, отрицательнаго, аскетическаго воззрѣнія на жизнь, которое всасываетъ въ плоть и кровь подъ исключительнымъ монашескимъ вліяніемъ въ семинаріяхъ.»

В) Въ первые вѣка христіанства отъ гражданскихъ нестройствъ, отъ гоненій со стороны язычниковъ, еретиковъ и пр.; отъ упадка нравственныхъ и религіозныхъ идей, отъ распространившагося въ народѣ распутства и отъ множества другихъ причинъ, многіе м. б. лучшіе люди стали смотрѣть съ мрачной стороны на жизнь, на міръ, на свое тѣло, на свои отношенія къ обществу и пр. Не находя во всемъ этомъ ничего привлекательнаго, они со всею энергіею обратились къ тому, чтобы сообразно съ своими понятіями сдѣлать себя достойными наслѣдниками всѣхъ благъ въ будущей жизни посредствомъ какихъ либо необыкновенныхъ подвиговъ. Въ это-то время составился идеалъ монашеской жизни, на основаніи котораго человѣкъ долженъ отказаться не только отъ міра, его удовольствій, своихъ родственниковъ, но и отъ своей собственной воли, отъ права мыслить и желать по своему, долженъ бросить всѣ мірскія и общественныя занятія; проводить все время въ молитвѣ, изнурять свое тѣло не только постомъ, а даже бичеваніями и другими экстраординарными средствами, умерщвлять не только свои страсти, но и благородныя даже стремленія, если только они не относятся прямо къ спасенію души. Этотъ идеалъ, при-

мѣняемый ко всему обществу, окажется не только невозможнымъ, но даже нелѣпымъ; въ самомъ дѣлѣ что сдѣлалось бы съ людьми, если бы всѣ они были монахами и бросили всѣ мірскія дѣла? Но зато отдѣльныя личности, живущія по этому идеалу, поражаютъ наше воображеніе, пробуждаютъ къ себѣ удивленіе; какъ и все вообще, выходящее изъ обыкновеннаго рода явленій, или лицъ. Нынѣ идеалъ этотъ не очень усердно осуществляется даже въ монастыряхъ, но тамъ все-таки ему можно найти себѣ приложеніе. Распространять же его на мірянъ даже взрослыхъ было бы нелѣпостію; обществу мы должны помогать своею умственною, или матеріальною дѣятельностію, а не жить на его счотъ, предаваясь одному созерцанію. Что же сказать теперь о томъ случаѣ, когда по монастырскому идеалу хотятъ настроивать дѣтей, приготовляемыхъ къ общественной жизни? А м. т. м-щіе начальники духовно-учебныхъ заведеній очень, какъ извѣстно, любятъ зарекомендовывать себя усиліями заставить даже мальчиковъ въ 10—17 лѣтъ жить по правиламъ Аввы Дорофея и Іоанна Лѣственича. «Сосредоточенный вниманіемъ,» пишется въ No. 3 Соврем. 1862 г. (стр. 281), «на своихъ неземныхъ обязанностяхъ, монахъ-педагогъ хотѣлъ бы видѣть подобныхъ себѣ людей и въ воспитанникахъ. Онъ пишетъ послѣднимъ *инструкцію* поведенія, по которой могла бы развиться самая прекрасная и художественная нравственность, — нравственность аскета. И когда же? Въ періодъ воспитанія. Спрашивается, можетъ ли питомецъ, дитя или юноша, понять прелесть нравственности отшельника? Способенъ ли онъ слѣдовать ея образу, въ инструкціи начертанному, безъ того, чтобы начертавшій не вынужденъ былъ прибѣгать къ ферулѣ и усложнять ее по мѣрѣ неспособности воспитанника выполнить инструкцію. Но все-таки на основаніи такихъ инструкцій семинаристъ долженъ оказывать безпредѣльное повиновеніе, ни о чемъ не разсуждающее, безропотное смиреніе, молиться и стоять при богослуженіи до изнуренія и физическаго и душевнаго и пр.» Мы уже выше подробно ознакомились съ начальными послѣдствіями всѣхъ подобныхъ распоряженій; видѣли, что отъ нихъ ученики дѣлаются апатичными, не имѣютъ послѣ никакой самостмоятельности, получаютъ отвращеніе къ богослуженію и молитвѣ и пр. Повторять это не стану, а скажу, что всѣ эти вредныя послѣдствія не прекратятся, пока м-щіе станутъ управлять духовными-училищами.

Г) Разъясненныя въ этомъ отдѣлѣ обстоятельства показываютъ, что монаху трудно и почти невозможно совмѣстить

въ своемъ лицѣ обязанности, налагаемыя на него и монастырскимъ уставомъ и званіемъ педагога-начальника, и что отъ этого немало вреда происходило бы, если бы даже по особеннымъ уважительнымъ обстоятельствамъ изрѣдка поручались монахамъ начальническія должности въ духовныхъ училищахъ. Что же теперь сказать о томъ случаѣ, когда иноческому сословію предоставлена исключительная привилегія управлять ими? Въ католичествѣ подобная привилегія еще не такъ вредна, какъ у насъ, особенно въ научно-богословскомъ отношеніи. Тамъ очень много есть лицъ, которыя рѣшаются на безбрачную жизнь и поступаютъ въ д-во вообще и даже въ монашескіе ордена; слѣд. тамъ есть возможность дѣлать строгій выборъ людей, которые по своимъ нравственнымъ и даже умственнымъ качествамъ съ достоинствомъ могутъ занимать педагогическія должности при училищахъ. Наша русская почва не очень благопріятна м-ву вообще, особенно ученому. И потому, придерживаясь системы поручать всѣ начальническія должности въ семинаріяхъ и академіяхъ только м-щимъ, вынуждаются быть не очень разборчивыми при выборѣ лицъ для этого. Вотъ почему, какъ мы уже видѣли (5 ч. 7 отд.), посрѣдственный студентъ академіи, поступивши въ м-во, вдругъ ни *за что, ни про что* поднимается въ спискѣ и получаетъ степень магистра; вотъ почему едва только вышедшій изъ за парты студентъ монахъ дѣлался инспекторомъ, тогда какъ наставники опытные, пожилые, исправные во вѣхъ отношеніяхъ, никогда не добьются этого, единственно п. ч. не облекаются въ чорную рясу, почему часто многіе инспекторы и ректоры при весьма ограниченныхъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, при слабой и безплодной дѣятельности долго удерживаются на педагогическихъ должностяхъ. Притомъ всѣ они сознаютъ, что эти должности для нихъ только временныя станціи, ступенки на лѣстницѣ, средства для достиженія высшихъ степеней въ іерархіи, и что они сами — перелетныя птицы, которымъ на извѣстное время надобно пріютиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, — знаютъ также, что за недостаткомъ людей, къ нимъ будутъ снисходительны и они рано или поздо, такъ или иначе достигнутъ епископіи, или получатъ богатый монастырь въ управленіе, долетятъ до тѣхъ блаженныхъ странъ, о которыхъ мечтаютъ; къ чему же изнурять себя трудами? Къ чему подобно труженикамъ-учителямъ корпѣть надъ приготовленіемъ лекцій?

Ученое м-во видитъ это и, закрывая отъ себя и отъ другихъ настоящую причину зла, придумываетъ смѣшныя

объясненія. Такъ напр. въ нольской книжкѣ Православнаго Собесѣдника за 1863 (стр. 329) говорится, что «свѣтскія науки парализуютъ въ духовномъ (семинарскомъ) образованіи науки собственно духовныя.» Преподаватели свѣтскихъ наукъ въ семинаріяхъ и академіяхъ должны сказать спасибо Прав. Собесѣднику за то, что онъ ихъ хоть косвенно похвалилъ; вѣдь надобно основательно преподавать свѣтскія науки, что бы парализовать духовныя; похвала эта тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что она высказывается человѣкомъ, который не расположенъ къ свѣтскимъ и наукамъ и преподавателямъ. Но съ другой стороны онъ, какъ надобно полагать, долгое время служивши при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, напрасно *прикидывается* не знающимъ, отчего въ нихъ въ упадкѣ богословскія науки. Не отъ свѣтскихъ наукъ зависитъ ихъ парализація; убиваютъ ихъ, какъ в. с-но (36 отд.), или лучше не находятъ времени, умѣнья, или охоты вдохнуть въ нихъ жизнь сами наставники богословія, особенно м-щіе, для которыхъ мечты о митрѣ, о панагіи съ саккосомъ гораздо интереснѣе, нежели приготовленіе одушевленныхъ лекцій.

Въ той же статьѣ и книжкѣ Провосл. Собесѣдника авторъ старается оправдывать м-во въ недостаткахъ, которые существуютъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, — оправдываетъ, надобно сказать съ замѣчательною ловкостію, такъ что люди не знакомые съ духовно-учебными дѣлами могутъ повѣрить апологіи; поэтому она и заслуживаетъ опроверженія. По мнѣнію автора недостатки духовныхъ училищъ зависятъ не отъ лицъ, ими управляющихъ, а отъ системы духовно-учебнаго воспитанія. «Системы же ученія и управленія (стр. 328) созидаются вѣками, исторіею, стеченіемъ обстоятельствъ, связію причинъ, которымъ невольно подчиняются и самые составители системъ.» Поэтому «*въ системѣ едва ли можно прямо винить кого нибудь.*» Потомъ доказывается, что не одна духовная власть управляетъ д-вомъ и его училищами; весьма обширное и сильное участіе тутъ принимаетъ власть свѣтская въ лицѣ Об. Пр-ра, и въ устройствѣ духовно-учебнаго управленія. Но почтенный авторъ долженъ бы знать, что синодальный Об. Пр-ръ не есть ни министръ духовныхъ дѣлъ, ни президентъ синода, не можетъ дѣлать никакихъ нововведеній по духовному вѣдомству самъ собою. Если онъ имѣетъ право особыми предложеніями возражать противъ опредѣленій синода, то и синодъ можетъ также остаться при своемъ мнѣніи и тогда дѣло поступаетъ на Высочайшее усмотрѣніе; значитъ, тутъ возь-

метъ верхъ тотъ, чье мнѣніе справедливо. Притомъ Об. Пр-ръ одинъ и не изъ самыхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ, м. т. членовъ синода никакакъ не менѣе шести и между ими состоятъ самые высшіе сановники Церкви. Поэтому если они станутъ дѣйствовать согласно между собою, съ законами государства и съ постановленіями Церкви, то всегда возьмутъ верхъ надъ «Об. Пр-ромъ. Нельзя не смѣяться тому, что авторъ приписываетъ важное значеніе праву Об. Пр-ра увольнять и переводить съ мѣста на мѣсто свѣтскихъ наставниковъ; праву, которымъ онъ почти никогда не пользуется. А главное неужели отъ этого права власть высшаго м-ва относительно управленія училищами дѣлается ограниченною до такой степени, что отвѣтственность за недостатки ихъ оно можетъ съ себя сваливать на другихъ? Вѣдь наставники свѣтскіе, можно сказать, ни имѣютъ почти никакого значенія въ управленіи училищами. Наконецъ самъ же авторъ говоритъ (стр. 331) что «Об. Пр-ръ не вноситъ въ духовное образованіе и управленіе никакихъ свѣтскихъ идей и началъ, — онъ самъ строго охраняетъ начала и идеи духовныя; самъ служитъ Церкви только со стороны государства.» Слѣдовательно Об. Пр-ръ вовсе не можетъ служить препятствіемъ м-ву, если бы оно захотѣло содѣйствовать улучшенію духовныхъ-училищъ. Такъ зачѣмъ недостатки въ нихъ объяснять его вліяніемъ? О духовно-учебномъ управленіи нечего и говорить; оно исполняетъ только распоряженія и приводитъ въ исполненіе журналы и протоколы Синода, относящіеся къ духовно-учебнымъ заведеніямъ.

Что же касается до роковаго характера, который приписывается авторомъ духовно-учебной системѣ, то тутъ прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ, кто основалъ, утвердилъ и поддерживаетъ эту систему. Первое вліятельное духовное-училище открыто у насъ, какъ извѣстно Петромъ Могилою въ Кіевѣ совершенно независимо отъ русскаго правительства и долго находилось вполнѣ подъ начальствомъ и руководствомъ Кіевскихъ митрополитовъ. Великорусско-славяно-греко-латинская академія конечно открыта по желанію и съ содѣйствіемъ правительства, но все ея управленіе находилось вполнѣ въ рукахъ Патріарха. Когда при Петрѣ Великомъ нашли нужнымъ улучшить эту академію, то дѣло поручено было питомцу кіевской академіи Стефану Яворскому, конечно уже ни либералу и не свѣтскому лицу. Устроенная имъ академія служила въ теченіи всего XVIII столѣтія образцомъ для всѣхъ семинарій, которыя постепенно

учреждались въ епархіяхъ. Правительство въ то время вовсе почти не входило въ управленіе духовными-училищами; оно только многократно подтверждало заводить и поддерживать ихъ; вся администрація, весь внутренній, учебный и нравственный порядокъ зависѣлъ отъ духовной власти. Въ началѣ XIX столѣтія дѣйствительно правительство настойчивѣе стало требовать улучшенія духовныхъ училищъ и способствовать ихъ преобразованію; тутъ много дѣйствовало и свѣтское лицо, если впрочемъ Сперанскаго можно называть вполнѣ этимъ именемъ. Но онъ то и помогъ улучшиться духовнымъ училищамъ какъ въ учебномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Министръ духовныхъ дѣлъ Голицынъ безъ сомнѣнія могъ бы имѣть сильное вліяніе на духовное образованіе; но онъ весьма мало его касался. Коммиссія духовныхъ училищъ почти всѣмъ распоряжалась по своему усмотрѣнію. Вліяніе ея со времени паденія министерства духовныхъ дѣлъ еще болѣе увеличилось. При Графѣ Пратасовѣ сдѣлано нѣкоторое преобразованіе духовныхъ училищъ, напр. запрещено имѣть учебники на латинскомъ языкѣ, введены нѣкоторыя богословскія и свѣтскія науки, напр. Патрологія, археологія, естественная исторія, медицина и пр. Но духовно-училищная система не измѣнилась. До Пратасова еще было нѣсколько протоіереевъ ректорами, а при немъ вездѣ уже ректорствовали монахи. Т. о. система теперешняго духовно-училищнаго управленія основана, развита и утверждена м-щими лицами, поддерживалась и поддерживается ими, по к. м. въ пользу ихъ. И потому, соглашаясь съ Православнымъ Собесѣдникомъ въ томъ, что системы ученія и управленія созидаются вѣками, исторіею и пр., я думаю, что въ созданной нашей духовно-учебной системѣ главными дѣйствующими лицами были м-щіе, и что если она имѣетъ такъ много недостатковъ, то въ этомъ виноваты не свѣтское правительство, не Об. Пр-ры, а духовно-монашескія власти, какъ зиждители и поддерживатели системы.

Но если наши духовныя училища, болѣе 150 лѣтъ находясь подъ исключительнымъ общимъ и частнымъ управленіемъ м-щихъ, доведены до нынѣшняго жалкаго положенія; то слѣдуетъ ли рѣшиться на повтореніе тогоже опыта? Не лучше ли, оставивъ ихъ подъ высшимъ надзоромъ синода, непосредственное управленіе ими вручить уже не м-щей братіи? Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что не только у насъ, но и за границею стали вооружаться противъ преобладанія монашескихъ идей при воспитаніи. Авторъ романа

Le Maudit, самъ духовное лицо во 2 т. стр. 219 прямо говоритъ, что католическія духовныя училища, въ которыхъ воспитываются будущіе пастыри, надобно не преобрзовать, а закрыть, п. ч. въ нихъ м-во всѣмъ завладѣло. «Синагога тамъ царствуетъ съ формализмомъ докторовъ закона.» Затѣмъ въ No. 2 Отеч. Зап. 1865 г. въ ст. интересы литературы и науки на западѣ помѣщенъ краткій отчетъ о международномъ конгрессѣ въ Амстердамѣ; тутъ (стр. 103) между прочимъ напечатано: «когда во 2мъ отдѣленіи конгресса зашла рѣчь о воспитаніи, слышались восклицанія: *не надо воспитательныхъ монастырей! Не надо религіозныхъ корпорацій, которыя выдѣлываютъ молоды умы для своихъ цѣлей!*» У насъ конечно такъ еще не пишутъ; но если теперешняя духовно-училищная система еще продолжится и станетъ утрироваться; то, пожалуй, тоже можно будетъ услышать.

Даже въ богословскихъ факультетахъ, если бы они были устроены въ качествѣ самостоятельныхъ заведеній не слѣдуетъ подчинять воспитанниковъ монашескому регименту. Факультеты назначаются для приготовленія не монаховъ, а священниковъ. Въ нихъ, какъ и нынѣ въ семинаріи, станутъ обучаться люди, начиная съ 16 или 17 лѣтъ, — въ такомъ возрастѣ, къ которому монастырскіе уставы неприложимы Если этихъ воспитанниковъ подобно нынѣшнимъ семинаристамъ станутъ изнурять продалжительными стояніями на молитвѣ и при богослуженіи, какъ какихъ либо отшельниковъ, пріучать къ монашескому отреченію отъ своей воли, безпрекословному во всемъ повиновенію безъ всякаго разсужденія, къ выраженію своего смиренія и благоговѣнія предъ начальствомъ тѣми же метаніями и поклоненіями, на которыя такъ расточителенъ монашескій уставъ, то и послѣдствія будутъ тѣже самыя, какія и нынѣ замѣчаются. Т. о. воспитанники, разыгрывая роль смиренниковъ, пріучатся къ лицемѣрію; изнуряясь и тяготясь продолжительными молитвословіями, станутъ ими скучать и отъ нихъ бѣгать; другіе, желая зарекомендовать себя начальникамъ своею набожностію, сдѣлаются ханжами и пр.; — все пойдетъ по нынѣшнему, если останутся нынѣшніе порядки. Но уже напередъ можно предсказать, что м-щіе начальники въ факультеты богословскіе постараются вводить монашескіе обычаи съ большею настойчивостію, нежели въ нынѣшнія семинаріи. Тогда уже они станутъ говорить, что воспитанники, сами по окончаніи гимназическаго курса изъявивъ желаніе поступить въ д-во, должны, т. с-ть, выдержать монашескій искусъ, и потому, по всей вѣроятности, подчинять

будущихъ пастырей тому регименту, который предполагаетъ ввести новый уставъ семинарій, и кромѣ того постараются усилить еще многими прибавленіями. И потому непосредственный, ближайшій надзоръ за воспитаніемъ молодыхъ людей въ богословскихъ факультетахъ нужно будетъ поручить не монахамъ, а священникамъ. Послѣдніе, будучи на опытѣ знакомы со всѣми трудностями, непріятностями, подробностями пастырскаго служенія, лучше съумѣютъ воспитать своихъ преемниковъ, нежели м-щіе; которымъ священническія обязанности извѣстны б. ч. по наслышкѣ, по теоріи и которымъ притомъ, по духу свойственному всѣмъ монашескимъ орденамъ, захочется, какъ это дѣлается нынѣ въ духовныхъ академіяхъ, склонять лучшихъ людей къ поступленію въ м-во, употребляя для этого тѣже самыя средства, которыя, какъ выше было объяснено (7—8 ч. 7го отд.), приносятъ столько вреда въ академіяхъ. Осмѣливаюсь повторить вмѣстѣ съ членами 2го отдѣленія амстердамскаго конгресса: *не надо воспитательныхъ монастырей! не нужно религіозныхъ корпорацій, которыя выдѣлываютъ молодыхъ людей для своихъ цѣлей.* Даже и въ томъ случаѣ когда факультеты будутъ состоять подъ начальствомъ лицъ изъ бѣлаго д-ва, воспитанниковъ не слѣдуетъ помѣщать въ казенныхъ домахъ; иначе сразу появятся опять *бурсы, но не семинарскія, а факультетскія.* Пора привыкнуть къ той мысли, что взрослому человѣку, кончившему курсъ въ гимназіи, можно позволить пріучаться жить своимъ собственнымъ умомъ-разумомъ безъ постояннаго контроля. И потому бѣднымъ воспитанникамъ надобно будетъ выдавать только стипендіи; это обойдется дешевле для казны, а нравственности нисколько не повредитъ. Здѣсь весьма хорошо могутъ быть приведены слова Паррота изъ письма его къ Императору Александру Iму. «Надобно предоставить юношѣ свободу подъ надзоромъ, который не стѣснялъ бы и главное не представлялъ бы нечего унизительнаго. Пусть иногда онъ злоупотребляетъ этою свободой; пусть дѣлаетъ шалости и даже проступки; въ такомъ случаѣ должна обрушиться на него законная кара; и онъ самъ придетъ къ убѣжденію, что наказаніе слѣдуетъ за виною. Воспитаніе такого рода имѣетъ то преимущество, что рано развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ опытность, а слѣд. онъ не пріобрѣтаетъ ее въ ущербъ себѣ и обществу. Водить же молодаго человѣка отъ 18—25 лѣтняго возраста на помочахъ, значитъ развивать въ немъ лицемѣріе, ханжество; значитъ систематически приготовлять одного изъ тѣхъ негодяевъ, которые скрываютъ настоящія свои чув-

ства подъ покровомъ скромности, а потомъ вознаграждаютъ себя за это рабство неуваженіемъ къ обществу и открыто ненавидятъ власть, которой приходится клеймить ихъ. Неужели можно надѣяться, что изъ такихъ людей выйдутъ ревностные слуги отечества, вѣрные подданные монарха. (No. 7 Русс. Вѣст. 1864 г. стр. 52).» Впрочемъ я и забылъ было, что новый уставъ для семинаристовъ не находитъ нужными преданность Царю и вѣрность отечеству.

Отдѣлъ 59ый.

О преобразованіяхъ въ епархіальномъ управленіи.

Духовныя училища, какъ бы отлично ни были преобразованы, принесутъ пользу только будущему поколѣнію св-и-ц-сл-лей; тогда какъ непремѣнно надобно принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ улучшенію служащаго теперь д-ва. Притомъ если изъ преобразованныхъ училищъ выйдутъ люди, самымъ лучшимъ образомъ приготовленные къ служенію Церкви, и м. т. будутъ поставлены въ тѣже самыя административныя и жизненныя условія, отъ которыхъ такъ страдаетъ и портится нынѣшнее д-во, то они чрезъ нѣсколько времени также сдѣлаются не пастырями Христова стада, а, извините за выраженіе, *попами*. Съ улучшеніемъ духовныхъ училищъ, съ поднятіемъ въ нихъ умственнаго и нравственнаго образованія надобно улучшить положеніе духовныхъ лицъ, возвысить ихъ и въ собственныхъ ихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ; иначе къ будущимъ семинаристамъ сразу приложится латинское изреченіе: *tolluntur in altum, ut lapsu graviori ruant* (возвышаются для того, чтобы паденіе было тяжелѣе). Во многихъ предъидущихъ отдѣлахъ, при описаніи несчастнаго положенія д-ва въ разныхъ отношеніяхъ, были по мѣстамъ предлагаемы средства къ улучшенію его; а иногда эти средства и сами собою были ясны. Но этимъ ограничиваться не слѣдуетъ въ такомъ большомъ сочиненіи, какъ мое; надобно пошире разъяснить то, о чемъ было сказано кратко, — дополнить то, что опущено.

На первомъ планѣ здѣсь должно стоять устраненіе главныхъ причинъ тѣхъ недостатковъ, злоупотребленій, неуст-

ройствъ, отъ которыхъ такъ страдаетъ д-во. Въ ряду ихъ наравнѣ съ кастовымъ устройствомъ д-ва стоитъ то безотвѣтное положеніе, въ которомъ оно находится относительно епархіальной власти, тотъ гнетъ, который оно выноситъ и отъ ней самой и отъ агентовъ ея, то униженіе, въ которомъ оно поставлено предъ м-вомъ, то отсутствіе самостоятельности, та административная опека, та апатія, которыя изъ д-ва дѣлаютъ довольно безхарактерное сословіе, не способное къ самоуправленію, ожидающее указа даже для того, чтобы подумать объ улучшеніи своего быта. Вотъ эти-то всѣ обстоятельства надобно прежде всего, сколько возможно, устранить. Почотное самое мѣсто въ этомъ случаѣ слѣдуетъ предоставить м-щей епархіальной власти и ея агентамъ. Придерживаясь своей методы, покорно прошу позволить мнѣ и здѣсь опереться на разныхъ писателей.

Часть первая.

О необходимости ослабить слишкомъ большую зависимость бѣлаго д-ва отъ монашествующихъ архіереевъ.

Авторъ романа Le Maudit (т. 2 стр. 200) говоритъ, что въ настоящее время въ рабствѣ находятся только священники католическіе. Но и наше бѣлое д-во не можетъ похвалиться своею свободою. «Когда въ собраніи (сказано въ 2 т. 548 стр. книги о у. д. у.) съ восторгомъ говорили о Царѣ, освободившемъ болѣе, нежели 20 милліоновъ душъ христіанскихъ отъ рабства, и прибавляли, что теперь въ Россіи нѣтъ болѣе невольниковъ, то (одинъ шутникъ) сказалъ: «ошибаетесь, господа, нѣтъ въ Россіи остался еще очень многочисленный классъ въ полной крѣпостной зависимости отъ другаго класса.» Изумленные этими словами собесѣдники спросили, что́ же это за классъ, котораго рабство еще не уничтожено, шутникъ уже серьёзно отвѣчалъ: наше бѣлое д-во.» Изъ контекста видно, что, т. е-ть, помѣщиками, въ крѣпостной зависимости отъ которыхъ находится д-во, авторъ считаетъ епархіальныхъ начальниковъ. Доказательствъ у него на это много разсѣяно по всему сочиненію. Не собирая ихъ *во едино*, я здѣсь въ подтвержденіе мысли автора укажу на отзывъ Петра Долгорукова о д-вѣ

въ его *правдѣ о Россіи* (стр. 346, 348, 349). «Русскіе епископы вполнѣ отмщаютъ (свою зависимость отъ правительства) надъ д-вомъ своихъ епархій, обязывая его во всякомъ случаѣ держать себя предъ ними не такъ, какъ относятся дѣти къ отцамъ, *а какъ рабы* къ своимъ всемогущимъ господамъ. Спѣсь, высокомѣріе епископовъ относительно д-ва, особенно сельскаго, нельзя выразить словами .... Съ низшимъ д-вомъ, которое безъ всякаго ограниченія и исключенія, безъ всякихъ гарантій подчинено произволу епископовъ; послѣдніе *обращаются какъ съ рабами;* бѣдный священникъ, часто обремененный многочисленнымъ семействомъ и поддерживающій свою жизнь скромными доходами, подверженъ опасности, по малѣйшему капризу епископа, лишиться своего мѣста.... Не имѣя подпоры и ресурсовъ, онъ принужденъ съ трепетомъ распростираться предъ своимъ всемогущимъ начальникомъ и лобызать руку того, который обращается съ нимъ съ самымъ презрительнымъ высокомѣріемъ. Можно ли обвинять этихъ несчастливцевъ? Справедлово ли, законно ли укорять и оскорблять ихъ? Нѣтъ, должно сожалѣть о нихъ. Одна изъ причинъ взаимнаго отвращенія епископовъ и д-ва (бѣлого) ихъ епархій состоитъ въ томъ, что священники и дьяконы должны быть женаты, тогда какъ епископы исключительно избираются изъ монаховъ. Епископъ, весьма часто не бывши женатымъ прежде постриженія въ м-во, не пойметъ нуждъ и потребностей женатаго священника, часто обремененнаго многочисленнымъ семействомъ. Сверхъ того, такъ какъ священникъ, не сдѣлавшись вдовцомъ и монахомъ, не можетъ быть епископомъ, то послѣдній, какъ всемогущій начальникъ, смотритъ на него, какъ на существо низшей природы и трактуетъ его съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ.» Въ другомъ своемъ сочиненіи, Des reformes en Russie тотъ же Долгоруковъ (стр. 199—206) говоритъ: «недостатки русскаго д-ва единственно зависятъ отъ *совершеннаго рабства*, въ которомъ оно находится .... Нынѣ низшее д-во состоитъ *въ совершенномъ рабствѣ* подъ игомъ епископовъ.» Но заграничныя изданія могутъ быть заподозрѣны въ предубѣжденіяхъ, въ преувеличеніяхъ; поищемъ для себя опоры въ русской цензированной литературѣ. Конечно тутъ не встрѣтишь слово: *рабство*, но найдешь описанія униженнаго состоянія д-ва и ясно высказанное желаніе освободить его отъ гнетущей его монашеской и епископской власти.

Въ ст. о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ, помѣщенной въ No. 7 Отеч. Зап. 1862 г. (стр. 263,

264, 268 и 269), напечатано: «м. б. многіе упрекнутъ нашего священника въ недостаткѣ независимости характера. Но что же дѣлать при томъ не самостоятельномъ положеніи, въ которомъ находится наше сельское д-во? Оно вполнѣ зависитъ отъ личнаго расположенія архіерея и тѣхъ, кто имѣетъ вліянія на его мнѣніе .... По неволѣ оно должно стараться угодить всѣмъ видамъ начальства, начиная отъ к-ріи до благочиннаго .... Эта крайняя несамостоятельность и зависимость отъ случая и личнаго расположенія какого нибудь члена к-ріи чрезвычайно вредно дѣйствуютъ на нравственное достоинство нашего свѣтскаго д-ва. Священникъ по неволѣ забываетъ свое высокое назначеніе, п. ч. на дѣлѣ ему приходится только унижаться и чувствовать угнетеніе. До тѣхъ поръ, пока не измѣнятся отношенія нашего свѣтскаго д-ва къ начальству, — всѣ другія перемѣны ни къ чему не поведутъ. Получивъ хорошее образованіе, нашъ сельскій священникъ только сильнѣе почувствуетъ тяжесть своего креста и м. б. станетъ неохотнѣе нести его .... Чтобы поднять наше бѣлое д-во изъ того апатическаго состоянія, въ которомъ оно находится, нужно прежде всего *освободить его отъ чрезчуръ-подчиненныхъ отношеній м-щему классу.* Прошло уже то время, когда аскетизмъ замѣнялъ собою всѣ добродѣтели и считался самымъ лучшимъ ручательствомъ опытности и здраваго смысла. *Люди должны быть управляемы людьми.* До сихъ поръ нашъ священникъ по необходимости держится на старой рутинной дорогѣ, п. ч. его зависимое положеніе не позволяло ему осуществить иногдной дѣльной мысли. Но дайте ему почувствовать свою самостоятельность, откройте предъ нимъ перспективу и, повѣрьте, сословіе священниковъ сейчасъ же пойметъ свое значеніе въ обществѣ и будетъ съ достоинствомъ нести обязанности своего званія.»

Съ неменьшею настойчивостію День (8 No. 1863 г. стр. 4, столб. 3 и стр. 5 столб. 2), высказываетъ мысль объ освобожденіе д-ва изъ угнетеннаго положенія. «Необходимо для него (д-ва) нравственное самовозрожденіе .... Улучшеніе быта приходскаго д-ва, по нашему мнѣнію (которое едва ли не есть общее мнѣніе бѣлаго д-ва) состоитъ не столько въ расширеніи средствъ его матеріальнаго обезпеченія, или увеличенія его гражданскихъ правъ и преимуществъ, сколько въ предоставленіи ему правъ внутренняго самоуправленія епархіальнаго, въ освобожденіи его отъ начальственнаго произвола, чиновничьяго управленія и нерѣдко случающихся придирокъ к-рій духовныхъ, отъ притязаній разныхъ прав-

леній, благочинныхъ и тому подобныхъ властей духовнаго вѣдомства. Трудно ожидать дѣйствительнаго улучшенія, если не призовется къ жизни основное начало въ православной Церкви — *начало соборности.*»

Припомнивъ всѣ, сообщенные мною, факты касательно отношеній между бѣлымъ и чернымъ д-вомъ, между клиромъ и епископомъ, взявъ во вниманіе приведенныя здѣсь выдержки изъ разныхъ сочиненій, я могу сказать, что для улучшенія д-ва нужно непремѣнно освободить его отъ того гнета епархіальныхъ властей и м-ва, который такъ тяготѣетъ надъ нимъ и возвратить ему самостоятельность и самоуправленіе, которымъ оно и прежде пользовалось, да и теперь, подобно прочимъ сословіямъ, имѣетъ право пользоваться. Этимъ впрочемъ я не выражаю той мысли, чтобы власть епископская была уничтожена и замѣнена пресвитеріанствомъ. Наша церковь — епископальная, вводить въ нее пресвитеріанство нельзя и не слѣдуетъ. Епископы пусть попрежнему стоятъ во главѣ управленія ею, но желательно, чтобы бѣлое д-во управлялось по каноническимъ и государственнымъ законамъ, а не подчинено было капризамъ, произволу и деспотизму епархіальныхъ властей и всѣхъ ея агентовъ, чтобы оно не состояло почти въ крѣпостной зависимости отъ кого-бы то ни было. Пусть епископы завѣдываютъ дѣлами чисто церковными, смотрятъ за сохраненіемъ догматовъ въ чистотѣ и неприкосновенности, заботятся объ утвержденіи христіанской нравственности въ своей паствѣ; но самому бѣлому д-ву слѣдуетъ предоставить управленіе своими семейными дѣлами, сословными интересами и пр. Такъ примите къ свѣдѣнію, что я не думаю о пресвитеріанствѣ.

Однимъ изъ средствъ для освобожденія бѣлаго д-ва отъ гнетущей его епархіальной и монашеской власти считаютъ устраненіе монаховъ отъ епископской кафедры и предоставленіи ея лицамъ изъ бѣлаго д-ва. Въ послѣднее время явилось даже въ свѣтской литературѣ, особенно во Днѣ, нѣсколько статей въ подтвержденіе, или опроверженіе этой мысли; но Творенія Св. Отцовъ и Православный Собесѣдникъ напечатали довольно обширныя изслѣдованія и разсужденія объ томъ же предметѣ. Помѣщенное въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцовъ за 1862 г. (стр. 321-375) историческое обозрѣніе о санѣ епископовъ въ отношеніи къ м-ву въ церкви восточной составлено, какъ видно, человѣкомъ коротко знакомымъ съ исторіею Церкви и содержитъ множество любопытныхъ фактовъ. Авторъ р-ся, защитникъ м-ва епископовъ, впрочемъ и не рѣшительный противникъ бѣлаго д-ва.

Напечатанная въ книжкахъ Православнаго Собесѣдника за Апрѣль, Май и Іюнь 1863 г. статья о м-вѣ епископовъ немного содержитъ новыхъ какихъ либо изслѣдованій. Авторъ ея воспользовался преимущественно фактами, сообщенными въ историческомъ обозрѣніи о санѣ епископовъ и пр., но зато является жаркимъ защитникомъ м-ва и неумолимымъ противникомъ бѣлаго д-ва. Всѣ постановленія соборныя, всѣ историческія факты, сколько нибудь благопріятствующіе послѣднему, обращаются, при посредствѣ діалектики автора, въ пользу м-ва. Разбирать обѣ эти статьи здѣсь не мѣсто; я рѣшился изъ нихъ же самихъ заимствовать доказательства въ подтвержденіе того, что епископами могутъ быть священники, или вдовые, или тѣ, которыхъ жены по добровольному согласію съ ними откажутся отъ сожительства и помѣстятся гдѣ либо вдали отъ нихъ въ монастырѣ.

Часть вторая.

О томъ, справедливо ли, и необходимо ли, чтобы епископы были только изъ монаховъ, а не изъ лицъ бѣлаго д-ва и мірянъ.

Въ 21мъ отд. доказано, что въ первые три вѣка христіанской эры большая часть епископовъ были люди женатые, многіе имѣли дѣтей и вели семейную жизнь даже въ епископскомъ домѣ. Но оба автора упомянутыхъ сейчасъ статей говорятъ, что тогда уже мысль о безбрачіи епископовъ стала укореняться въ христіанствѣ. Потомъ съ развитіемъ м-ва съ болѣе и болѣе усилившимся вліяніемъ его на церковную администрацію, — м-щіе явились уже соперниками бѣлаго д-ва относительно епископскихъ кафедръ. Трульскій вселенскій соборъ въ 12 правилѣ положилъ, чтобы епископы ни въ какомъ случаѣ не были въ супружествѣ; впрочемъ не сказалъ, чтобы были непремѣнно монахи. Несмотря на это какъ сказано въ Твореніяхъ Св. Отцовъ стр. 353, — «до начала иконоборства, т. е. до осьмаго вѣка на престолъ константинопольскій возводились преимущественно изъ клира константинопольскаго; рѣдко были призываемы посторонніе.» Хотя авторъ затѣмъ и говоритъ, что многіе изъ клира были монахи, или люди неженатые,

но за всѣмъ тѣмъ очевидно, что константинопольскіе патріархи слишкомъ часто бывали изъ бѣлаго д-ва. Относительно патріарховъ, избранныхъ изъ монаховъ, авторъ выражается (стр. 354) «м. т. и въ эти три (5й, 6й и 7й) вѣка встрѣчаются примѣры избранія на патріаршій престолъ изъ подвижниковъ, или м-щихъ;» такихъ лицъ авторъ насчитываетъ шесть. М. т. пересмотрѣвши (стр. 345—348 списокъ константинопольскихъ патріарховъ съ начала 5го и до конца 8го, найдемъ, что между ними было 25 пресвитеровъ, не постригавшихся въ монахи, одинъ, постригшійся предъ патріаршествомъ, семь дьяконовъ, одинъ чтецъ, или дьяконъ, два мірянина. Правда, авторъ старается посократить эти числа разными замѣчаніями; объ одномъ изъ пресвитеровъ, сдѣлавшемся патріархомъ, говоритъ, что онъ (Аттикъ 406 г.) съ юныхъ лѣтъ воспитывался въ монастырѣ, о двухъ (Максиміанъ 431 г. Македоній 496 г.) что первый изъ нихъ, пообразу жизни, подвижникъ, а второй — изъ подвижниковъ, пятеро синкеллы, которые будто бы были люди безбрачные и пр.; за всѣми исключеніями этихъ, т. с-ть, полумонаховъ и полупресвитеровъ въ четырехъ вѣкахъ (5—8) патріаршій престолъ занимали въ Константинополѣ 25 настоящихъ пресвитеровъ, дьяконовъ, чтецовъ и мірянъ.

Но и послѣ VIII вѣка избраніе константинопольскихъ патріарховъ и другихъ епископовъ изъ бѣлаго д-ва даже изъ мірянъ повторялось и не считалось законопротивнымъ. Доказательствъ на это много опять въ тѣхъ же двухъ статьяхъ, на которыхъ я здѣсь основываюсь. — 1) На константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ при Фотіѣ во второй половинѣ IX вѣка постановлено: «аще который епископъ, или кто иный архіерейскаго сана восхощетъ снити въ монашеское житіе и стати на мѣсто покоянія, таковый впредь уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства.» Значитъ въ это время было много епископовъ, которые вовсе не принадлежали къ м-ву. 2) По списку константинопольскихъ патріарховъ (стр. 352 прибавл. къ Твор. Св. Отц.) поименовывается Іоаннъ XIV Апренъ 1333 года изъ пресвитеровъ придворныхъ. 3) Потомъ (на стр. 358) приводятся слова Симеона солунскаго въ первой половинѣ XV вѣка: «Христова церковь нынѣ *большую часть* возводимыхъ на епископство напередъ украшаетъ симъ божественнымъ образомъ, т. е. м-вомъ, и потомъ ставитъ въ епископовъ.» Значитъ оставались еще епископы, которые не поступали въ м-во; иначе бы Симеонъ солунскій сказалъ: *не большую часть, а всѣхъ*. 4) Такое заключеніе подтверждается (359) отрыв-

комъ изъ книги о таинствахъ, которая написана Іоанномъ Нафанаиломъ, жившимъ послѣ Симеона солунскаго; въ ней говорится: «схима монашеская есть особная покоянію, запечищаетъ грѣхи прегрѣшившаго вѣрнаго и возноситъ его добродѣтелію, не совершаетъ монаха, во священника. Сего ради и безъ монашскія схимы могутъ быть епископы.» Къ этому въ статьѣ прибавлено, что здѣсь идетъ рѣчь не о великой только схимѣ, но вообще объ образѣ иноческомъ. 5) По Православному Собесѣднику (Май 1843 г. стр. 127) въ званіе константинопольскихъ патріарховъ съ IV вѣка до половины XVIII вѣка возведено 73 изъ монаховъ, 31 изъ пресвитеровъ, 20 изъ дьяконовъ, 1 изъ чтецовъ, 10 изъ свѣтскихъ званій, 39 не извѣстнаго происхожденія. Если послѣднихъ не принимать въ разсчотъ, то окажется, что м-щихъ патріарховъ было немного болѣе половины. Но 39 лицъ неизвѣстнаго происхожденія, р-ся, были, по всей вѣроятности, изъ мірянъ, или бѣлаго д-ва; — иначе Православный Собесѣдникъ непремѣнно бы указалъ на тѣхъ изъ 39, которыхъ можно бы причислить къ монахамъ.

Касательно того, кѣмъ вообще занимались другія епископскія и патріаршескія кафедры на востокѣ, я не могъ найти столь подробныхъ изслѣдованій, какія помѣщены въ Твореніяхъ Св. Отцовъ о константинопольской патріархіи. Но м. т. можно вполнѣ достовѣрно полагать, что въ восточной Церкви монахи не были единственными, исключительно-привилегированными лицами для епископскихъ должностей. Въ этомъ случаѣ ссылаюсь на Православный Собесѣдникъ (Апр. 1863 г. стр. 470—471). «При строгомъ, неизмѣнномъ требованіи безбрачія для епископовъ, при томъ особенномъ уваженіи, какимъ пользовалось въ древней Церкви м-во, было ли положительное правило избирать и поставлять во епископы *исключительно* монаховъ? Нѣтъ. Ни въ первые вѣка, ни въ позднѣйшее время не было положено такого правила.» — Затѣмъ авторъ ниже объясняетъ: «Церковь не хотѣла и не могла узаконить такого порядка навсегда и это объяснить не трудно; во 1хъ м-во во всякомъ случаѣ есть дѣло доброй воли, дѣло личнаго совершенно свободнаго выбора; поэтому, какъ дѣло необязательное ни для кого, оно можетъ подвергаться разнымъ случайностямъ, можетъ и умножаться въ Церкви и сокращаться, можетъ и совсѣмъ прекращаться на болѣе, или менѣе продолжительное время. Но епископство должно быть въ Церкви всегда и неизмѣнно до скончанія вѣка; какъ же можно было бы основать его на такой нетвердой, т. е. непостоянной почвѣ, каково м-во? Это

значило бы и самое епископство подвергать тѣмъ же случайностямъ, какъ м-во. Въ 2хъ Церковь никакъ не допускала въ порядокъ своего управленія — сословности; она не терпѣла ея даже въ низшихъ степеняхъ клира и положительными правилами предупредила ея развитіе, постановивъ при посвященіи въ клиръ смотрѣть не *на родъ*, а на личное достоинтво, и выборъ епископовъ ограничивать по закону м-вомъ значило также вносить въ это званіе характеръ сословности со всѣми неизбѣжными, неблагопріятными для Церкви послѣдствіями. Но чѣмъ высшаго достоинство всегда требовала Церковь отъ избираемыхъ въ епископы, тѣмъ менѣе могла связывать себя въ выборѣ ихъ.»

Т. о. пользуясь изслѣдованіями двухъ авторовъ, изъ которыхъ одинъ м. б. и не врагъ бѣлаго д-ва, но не смѣетъ стать открыто на его сторонѣ и больше, по видимому, благопріятствуетъ м-ву, а другой-горячій поборникъ интересовъ монашескихъ, — пользуясь изслѣдованіями ихъ, мы имѣли возможность убѣдиться, что 1) въ первые вѣка христіанства пресвитеры, дьяконы и міряне были единственными кандидатами на должности епископскія; потомъ уже м-во мало по малу начало присвоивать ихъ себѣ, а число епископовъ изъ бѣлаго д-ва по разнымъ неблагопріятнымъ для него обстоятельствамъ стало уменьшаться; что 2) на одну изъ самыхъ важнѣйшихъ епископскихъ кафедръ съ IV до половины XVIII вѣка возводимо было болѣе не монаховъ, нежели монаховъ; 3) писатели 15го столѣтія монашескую схиму не считали необходимымъ условіемъ для полученія епископства и въ другихъ епархіяхъ; 4) Православная Церковь до м-ва и во время борьбы между имъ и бѣлымъ д-вомъ относительно епископства, и даже послѣ того, какъ м-во заняло всѣ высшія мѣста въ церковной іерархіи и бѣлое д-во обратило *въ низшій клиръ*, во всѣ эти времена Церковь *не хотѣла и не могла* постановить закономъ, чтобы епископы были непремѣнно только монахи. 5) Поэтому замѣчаемое нынѣ устраненіе священниковъ отъ епископства и исключительная возможность достичь его только чрезъ постриженіе въ м-во есть не законъ, а обычай, я хочу даже назвать временнымъ завоеваніемъ, посредствомъ котораго м-во присвоило себѣ власть въ Церкви и особенно надъ бѣлымъ д-вомъ. Но то, что поддерживается не закономъ, а обычаемъ, можетъ уничтожиться появленіемъ новыхъ, или возобновленіемъ старинныхъ, забытыхъ обычаевъ. Если разныя обстоятельства помогли м-ву одному занять у насъ всѣ епископскія кафедры, то не появилось ли новыхъ обстоятельствъ и нуждъ,

которыя требуютъ, чтобы и священники, хоть на ровнѣ съ монахами, могли быть епископами? — Завоеватели тогда только могутъ надѣяться и имѣютъ право удержать за собою власть надъ завоеваннымъ народомъ, когда или совершенно съ нимъ сольются, составятъ одинъ народъ, или позволятъ разнымъ лицамъ изъ него участвовать въ управленіи, какъ напр. манджуры поступаютъ въ Китаѣ. Но м-щее и не м-щее д-во никогда не сольются, не составятъ одного сословія, — они навсегда останутся *чорнымъ и бѣлымъ*. Поэтому не наступило ли время для побѣдителей пригласить побѣжденныхъ къ участію въ правленіи?

Если и исторія не очень благопріятствуетъ исключительному преобладанію м-ва въ епископствѣ, то и другія причины, которыя приводятся въ Православномъ Собесѣдникѣ въ защиту этого преобладанія, не отличаются не опровержимостію; нѣкоторыя изъ нихъ пробуждаютъ даже улыбку. Такъ напр. въ Іюньской книжкѣ за 1865 г. (стр. 194—197) очень серьезно доказывается необходимость безбрачія, а потому и м-ва для епископа — тѣмъ, что «Церковь изображается въ словѣ Божіемъ невѣстою Христовою, святою и чистою дѣвою въ таинственномъ союзѣ со Христомъ,» что епископъ въ церковномъ ученіи изображается хранителемъ духовнаго дѣвства Церкви и *обрученнымъ* съ нею, что Церковь, остающаяся безъ епископа, называется обыкновенно въ церковныхъ книгахъ *вдовствующею*, что по этимъ причинамъ отъ епископа нужно требовать безбрачія и, р-ся м-ва, для того, чтобы «союзъ его съ церковію былъ совершенно чистъ, духовенъ и независимъ отъ міра и плоти, какъ прилично обрученнику Церкви, — дѣвы Христовой!» Подобныя мистико-аллегорическія доказательства имѣли силу въ то время, когда *Ной упившійся считался преобразованіемъ Іисуса Христа, испившаго чашу горести до дна.* Въ нынѣшнія времена критики и анализа самыя богословскія истины должны быть основываемы не на аллегоріяхъ. Притомъ если доказательство Православнаго Собесѣдникъ вѣрно, то надобно будетъ согласиться, что въ тѣ времена и въ тѣхъ епархіяхъ, когда и гдѣ епископами были люди женатые, — союзъ ихъ съ церковію уже не былъ *чистъ, духовенъ, свободенъ и независимъ отъ міра и плоти*, что для такихъ епископовъ *званіе обрученника Церкви — дѣвы Христовой неприлично.* Далѣе автору статьи о м-вѣ епископовъ слѣдовало бы знать, что обрученникомъ пренепорочной Дѣвы Маріи избранъ былъ вдовецъ, имѣвшій многочисленное семейство. И если епископъ есть обрученникъ Церкви, какъ дѣвы Христовой, то

имъ, на основаніи этого примѣра, лучше всего бы быть пожилому-женатому человѣку, а не монаху. Это заключеніе основательнѣе того, что целибаты будто бы надежнѣйшіе хранители дѣвственницъ! И свѣтская исторія представляетъ намъ замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи. Венеціанскій Дожъ при вступленіи въ должность обручался съ адріатическимъ моремъ и въ знакъ этого съ особенной торжественной церемоніей бросалъ въ него кольцо; а м. т. никто и не думалъ требовать безбрачія отъ него по этому обстоятельству.

Другія причины не мистико-аллегорическаго свойства, которыми доказывается необходимость безбрачія епископскаго, — довольно разнообразны по Іюньскій книжкѣ Православнаго Собесѣдника за 1865 г. Онѣ напр. между прочимъ состоятъ въ томъ, что «м-во въ самой сущности своей и въ самомъ назначеніи своемъ есть исключительное, безусловное, вседушевное посвященіе человѣка и всей его жизни Богу (стр. 197), что для епископа «необходимо восходить до высшаго созерцанія предметовъ божественныхъ, до глубочайшихъ тайнъ евангелія (стр. 205),» что «только высшее развитіе внутренней духовной жизни человѣка можетъ вознести его въ премірную область и сдѣлать способнымъ къ созерцанію тамъ свѣта божественнаго, къ усвоенію его себѣ и потомъ къ сообщенію (стр. 206) другимъ,» р-ся, такое посвященіе, восхожденіе и развитіе возможно только для монаховъ; — что «иночество въ архіерейскомъ санѣ, — это по намѣренію Церкви, узда самолюбію и честолюбію; это грань между церковію и міромъ, между духовнымъ пастырствомъ и мірскимъ владычествомъ; это дверь, за которою духъ міра долженъ оставаться, чтобы проникать въ Церковь (стр. 217); что епископы не должны имѣть дружескихъ связей, хотя бы благовидныхъ, съ непріятелемъ Церкви — міромъ; они должны быть полны дѣятельнаго самоотреченія во всемъ, всегда готовы отдать за Церковь все и самую жизнь свою .... Все это очень легко осуществить и соблюсти въ м-вѣ. Что можетъ призывать монаха къ міру? Что ему самая жизнь временная? Къ чему для него какіе бы то ни было интересы земные, хотя бы самые благовидные, напр. благоволеніе сильныхъ земли, государственныя почести, выгоды вещественныя и пр. (стр. 218 и 219). Далѣе (стр. 285) если многосложность дѣлъ правительственныхъ противна уединенію м-ва, то можно съ другой стороны сказать, что она неудобосовмѣстима и съ семейною жизнію правителя. А особенно можетъ ли быть семейный архіерей такимъ самоотвержен-

нымъ, отрекшимся отъ всѣхъ видовъ жизни, всего себя предавшимъ исключительно дѣламъ другихъ и общему дѣлу Церкви, какимъ долженъ быть высшей пастырь Церкви? Это признать трудно;» но для монаха, р-ся, все это возможно. — Наконецъ авторъ почему-то не коснулся по к. м. ясно двухъ пунктовъ, которыми приверженцы м-ва защищаютъ его особенную способность къ архіерейству. Сдѣлайся священникъ епископомъ, ему надобно содержать не себя одного, а жену и дѣтей, пристроивать сыновей къ мѣстамъ, заготовлять приданое дочерямъ. Потомъ явится къ нему множество другихъ родныхъ, которымъ придется помогать деньгами, или предоставленіемъ мѣстъ св-и-ц-сл-скихъ, или ходатайствомъ о томъ у другихъ епархіальныхъ начальниковъ. Какъ тутъ не позаботиться объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ средствъ, о накопленіи богатства? Сколько отъ этого произойдетъ пристрастныхъ назначеній на мѣста, обидъ для достойныхъ людей и пр.? Ну а монахъ-архіерей, р-ся, не имѣетъ семьи, отъ родныхъ отказался при постриженіи; значитъ ему придется заботится только о своей паствѣ; богатства также не нужны; зачѣмъ они тому, кто далъ обѣтъ произвольной нищеты и всегда найдетъ себѣ пристанище въ какой либо святой обители?

Читающій въ Православномъ Собесѣдникѣ подробное изложеніе вкратцѣ выписанныхъ мною и другихъ доказательствъ необходимости м-ва для епископовъ, легко можетъ увлечься живостію мыслей, воодушевленіемъ, которое часто выказываетъ авторъ, умѣньемъ его пользоваться въ свою пользу фактами и теоріями, ловкимъ подборомъ не только мыслей, но и выраженій, постояннымъ почти напоминовеніемъ о пользѣ Церкви и пр. и пр. Такое увлеченіе особенно возможно для тѣхъ, кто не очень знакомъ съ авторскими пріемами нашихъ богослововъ, *съ казенными* мыслями, которымъ они придаютъ характеръ непререкаемыхъ истинъ, и съ настоящимъ положеніемъ бѣлаго и чорнаго д-ва. Сущность и кажущаяся сила доказательствъ автора состоятъ въ томъ, что онъ разсматриваетъ м-во съ идеальной точки зрѣнія, — тѣмъ, чѣмъ бы оно должно быть и чѣмъ оно давно уже было; и вовсе не хочетъ заняться вопросомъ, на сколько онъ подходитъ нынѣ подъ свой идеалъ. А когда ему нужно бываютъ примѣры, то почти вездѣ указываетъ не только на прошедшія, но даже на давнопрошедшія времена. Тогда какъ въ разсматриваемомъ нами случаѣ сущность состоитъ не въ идеалахъ, а въ осуществленіи ихъ, въ дѣйствительной жизни, — притомъ нынѣшней, — въ томъ, чѣмъ теперь является

намъ м-во. Посмотря съ этихъ точекъ на свой предметъ, авторъ долженъ бы прійти совсѣмъ къ другимъ заключеніямъ.

И въ самомъ дѣлѣ точно ли нынѣшнее м-во соотвѣтствуетъ идеалу его, составленному по образцамъ давномипувшихъ лѣтъ, взятымъ изъ степей Фиванскихъ, изъ кіевскихъ пещеръ и съ горы афонской? Здѣсь мнѣ нѣтъ надобности касаться всего вообще русскаго м-ва; дѣло идетъ только о тѣхъ, кому доступно архіерейство, значитъ объ ученомъ м-вѣ, о прогрессистахъ. М. б. почти всѣ они были благодарны автору статьи о м-вѣ епископовъ за ловкую апологію ихъ исключительныхъ правъ на епископскій санъ; апологіи и панегирики кому не нравятся? Но многіе изъ гг. прогрессистовъ, безпристрастные къ самимъ себѣ, по всей вѣроятности, не безъ улыбки читали мистико-аллегорическіе дифирамбы себѣ въ родѣ напр. того, что они пошли въ м-ство съ желаніемъ *исключительно, безусловно, вседушевно посвятить себя Богу*, и потомъ — *восходятъ до высшихъ степеней созерцанія предметовъ божественныхъ, до глубочайшихъ тайнъ евангелія, возносятся въ премірную область и тамъ созерцаютъ и усвояютъ себѣ свѣтъ божественный.*» Мы уже видѣли, что, всѣ почти гг. прогрессисты, при поступленіи своемъ въ м-во, увлекаются желаніемъ повыше кончить курсъ въ академіи, убѣжденіемъ, что они въ званіи ученаго инока будутъ лучше обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, нежели въ званіи священника, или свѣтскаго наставника, мечтами о возможности чрезъ постепенное и слишкомъ достовѣрное возвышеніе достигнуть до верхней ступени въ іерархіи. Знаемъ также, что наибольшая часть гг. прогрессистовъ даже и не живутъ въ монастыряхъ не ходятъ ежедневно къ божественной службѣ, а присутствуютъ при ней въ праздничные и воскресные дни, развлечены административными, педагогическими, житейскими не только заботами, но даже и дрязгами. Какое же тутъ исключительное, безусловно-вседушевное посвященіе всей жизни Богу въ монашескомъ смыслѣ? Когда тутъ возноситься въ премірныя области и созерцать тамъ божественные свѣты? Живутъ, какъ и прочіе люди, только въ большомъ довольствѣ. О томъ, на сколько справедлива мысль Православнаго Собесѣдника, что иночество въ архіерействѣ есть «узда самолюбію и честолюбію, — есть дверь, чрезъ которую не можетъ уже проникнуть духъ міра, — что инока не интересуютъ благоволенія сильныхъ земли и государственныя почести,» объ этомъ очень легко судить; стоитъ только припомнить

все, что в. с-но объ обращеніи высшихъ гг. прогрессистовъ съ подчиненнымъ д-вомъ, о готовности быть внимательными къ ходатайствамъ сильныхъ и вліятельныхъ мірянъ, не только чиновниковъ, дворянъ, но купцовъ, даже иногда крестьянъ, о множествѣ отличій, которыми чуть не каждый годъ они награждаются. Странно же думать, что нѣтъ ни самолюбія, ни честолюбія, ни желанія почестей въ тѣхъ людяхъ, которыхъ не безъ причины называютъ *трехбунчужными пашами и сатрапами въ рясахъ, проконсулами въ митрѣ*, которые достигаютъ высшихъ степеней, украшаются звѣздами, тогда какъ ихъ сверстники, люди даже болѣе умные, болѣе нравственные и дѣятельные, нежели они, задерживаются ими въ угнетенномъ положеніи. Ужъ если нужно что нибудь назвать уздою честолюбія и самолюбія, такъ это-должности *свѣтскихъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній и св-и-ц-сл-лей*, вотъ тутъ уже, какъ мы видѣли, не часто можно встрѣтиться съ почестями міра сего; вотъ тутъ чуть не вся жизнь-почти постоянные удары и самолюбію и честолюбію. Потомъ странно же говорить о дѣятельномъ самоотреченіи во всемъ, о готовности все отдать за церковь, даже жизнь, объ отреченіи отъ всѣхъ частныхъ видовъ, о всецѣломъ, т. с-ть, *предавніи* себя дѣламъ другихъ и общему дѣлу Церкви, о нестяжательности, и забвеніи родственныхъ связей, о всѣхъ такихъ качествахъ-когоже? кого-же? А именно тѣхъ людей, которые, какъ выше было прояснено, вовсе нерѣдко позволяютъ своимъ письмоводителямъ, своей свитѣ, своей сволочи, своей к-ріи дѣлать слишкомъ отяготительные поборы съ д-ва, которые частенько окружаютъ себя цѣлымъ сонмомъ своихъ родныхъ, а если и не окружаютъ, то пристроиваютъ ихъ къ лучшимъ мѣстамъ, — которые имѣютъ въ своемъ управленіи богатые монастыри, получаютъ значительные доходы отъ разныхъ статей, не только никогда не знаютъ нищеты, но часто наживаютъ, или лучше *благопріобрѣтаютъ* громадныя состоянія, оставляютъ десятки, сотни тысячъ рубл. своимъ наслѣдникамъ, даютъ богатыя приданыя за своими племянницами, сами живутъ магнатами, чуть не сибаритами. А м. т. многіе изъ тѣхъ же самыхъ людей содержать и себя, и свою прислугу, и своихъ племянниковъ, даже своихъ лошадей на счетъ бѣдныхъ казенно-коштныхъ семинаристовъ. И въ то время, какъ бѣлое д-во бѣдствуетъ, училища духовныя обнищали, каждая приходская церковь даетъ что либо на содержаніе ихъ, — а они всѣмъ своимъ сословіемъ не хотятъ ввести законъ, на основаніи котораго бы отдѣлилась часть богатыхъ монастырскихъ

доходовъ на вспоможеніе св-и-ц-сл-лямъ, или на воспитаніе будущихъ пастырей, а всѣ ихъ обращаютъ въ пользу только иночествующей братіи. Не хочу больше говорить, — дѣло ясное; прошу васъ, г. ч. припомнить, что мною в. с-но и о м вѣ вообще, и о прогрессистахъ, и объ управленіи ихъ семинаріями и бѣлымъ д-вомъ, — вспомнить и повѣрить идеалъ, предлагаемой авторомъ статьи о м-вѣ епископовъ; тогда вы поймете, на сколько этотъ идеалъ сходствуетъ съ дѣйствительностію и можно ли созидать что либо на этомъ идеалѣ. А вы, благородные, честные, образованные, безкорыстные изъ прогрессистовъ, истинные архипастыри, сочувствующіе всему доброму, высокому, прекрасному и нравственному, извините меня, не оскорбляйтесь за мою правду о вашихъ собратіяхъ, которыхъ вы же сами не станете одобрять, — это я знаю. У васъ, — не только изъ уваженія къ вашему сану, но еще болѣе къ вашимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, всѣ честные люди готовы лобызать руку. Но не *заграждайте уста другимъ*, когда эти обнаруживаютъ недостатки недостойныхъ вашихъ собратій; по к. м. не принимайте этого на свой счетъ; вы чисты отъ упрековъ, значитъ вамъ обижаться бы моими словами и фактами, мною сообщенными, не слѣдовало. *А факты* вѣдь *не выдуманы; а факты останутся фактами.*

Окончивъ дѣло съ доказательствами Православнаго Собесѣдника касательно исключительныхъ правъ монаховъ на епископство, поищемъ въ немъ же доказательствъ и на то, не слѣдуетъ ли дѣлать архіереями священниковъ, по к. м., вдовыхъ или тѣхъ, которые найдутъ возможнымъ жить отдѣльно отъ своей жены.

Въ одномъ изъ отрывковъ, взятыхъ мною выше изъ Православнаго Собесѣдника (Апр. 1863 г. стр. 470—471) сказано, что «древняя церковь никакъ не допускала сословности въ порядкѣ своего управленія,» что поэтому между прочимъ она не утвердила положительнымъ закономъ исключительнаго права монаховъ на епископство. А м. т. у насъ нынѣ при назначеніи епископами только однихъ монаховъ развѣ не господствуетъ *de facto* сословность? Развѣ есть хоть одинъ архіерей не монахъ? Неужели это не сословность, которой «древняя церковь никакъ не допускала въ порядкѣ своего управленія?» Потомъ если иночество такъ необходимо для епископства какъ утверждаетъ Православный Собесѣдникъ, то конечно не п. ч. инокъ облеченъ въ чорную рясу и прикрытъ клобукомъ и крепою, а п. ч. онъ своимъ продолжительнымъ подвижничествомъ, строгимъ исполненіемъ

монастырскаго устава и постепеннымъ переходомъ чрезъ всѣ степени монашескаго послушанія доказалъ на опытѣ свою способность занять высшую іерархическую степень. Въ такомъ случаѣ нашимъ священникамъ, которыхъ по постриженіи производятъ въ епископа, первоначально слѣдовало бы нѣсколько лѣтъ провести въ иноческой келліи, иначе возведеніе ихъ въ санъ епископскій непосредственно за постриженіемъ въ монахи доказываетъ, что не иноческая жизнь, а иноческая только одежда дѣлаетъ священника достойнымъ епископіи. А у насъ именно это и происходитъ; и прежде были, и теперь есть архіереи, которые, послѣ постриженія въ м-во, получили хиротонію чрезъ нѣсколько не лѣтъ, а дней, каковы напр. Михаилъ, покойный митрополитъ Петербургскій; нынѣшніе: Иннокентій — архіепископъ Камчатскій и Павелъ — епископъ Якутскій. Не служитъ ли это новымъ доказательствомъ того, что у насъ относительно епископства введена чистая, исключительная сословность? Священникъ, или протоіерей нынѣ никакъ не будетъ хиротонизованъ; но завтра постригись въ монахи, — онъ послѣ завтра посвятится въ архіереи. Тутъ уже отдается почотъ не только сословности, но даже одеждѣ; которая принадлежитъ сословію.

Православный Собесѣдникъ доставляетъ доказательства и на то, что даже для блага Церкви нужно возводить священниковъ въ епископы. По мнѣнію автора статьи о м-вѣ епископовъ (Апр. 1863 г. стр. 471) церковь не постановила закономъ, чтобы всѣ они были непремѣнно изъ монаховъ между прочимъ, п. ч. м-во, какъ дѣло необязательное, можетъ сокращаться и совсѣмъ прекращаться на время, а епископство неизмѣнно до скончанія вѣковъ и потому не слѣдуетъ основывать его на такой нетвердой почвѣ и подвергать тѣмъ же случайностямъ, какъ м-во.» Слѣд. епископство, опираясь на одно м-во, стоитъ на нетвердой почвѣ. Вѣдь прекрасно! Прочитавши страницу 471, я изумился, какимъ образомъ написалъ ее горячій защитникъ м-ва. Если онъ хотѣлъ показать свое безпристрастіе, то должно бы и заключеніе вывести безпристрастное. Не касаясь законности и даже благоприличія исключительнаго назначенія епископовъ по вниманію къ монашескому ихъ званію, скажу, что зданія, построенныя на нетвердой почвѣ, ненадежны. Но священство точно также, какъ и епископство, по ученію Церкви, неизмѣнно и пребудетъ до скончанія вѣковъ. Такъ не нужно ли епископству опереться на священство?

Этотъ фундаментъ будетъ прочнѣе, нежели м-во, которое

самъ горячій его защитникъ назвалъ нетвердою почвою. Я уже говорилъ, что въ былое время въ Россіи м-во м. б. представляло гораздо болѣе людей способныхъ къ занятію епископскихъ мѣстъ, нежели бѣлое д-во; въ послѣднемъ особенно лѣтъ за сто м. б. очень немного было достойныхъ для того кандидатовъ. Но теперь времена измѣнились. Надобно принять за положительную истину, что людей, заслуживающихъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ быть епископами, гораздо меньше нынѣ въ м-вѣ, нежели въ бѣломъ д-вѣ, если даже въ послѣднемъ взять только вдовыхъ священниковъ, протоіереевъ, или еще тѣхъ, которые, по причинѣ пожилыхъ лѣтъ, найдутъ возможнымъ разстаться съ своими супругами. Нынѣ духовное начальство затрудняется въ пріисканіи достойныхъ людей изъ м-ва не только на епископскія, но даже на ректорскія и инспекторскія мѣста. Не служитъ ли это знаменіемъ того, что число не всего вообще, а ученаго м-ва начало сокращаться. Оно еще болѣе сократится, даже почти прекратится, если станутъ предоставлять ректорскія и инспекторскія мѣста въ семинаріяхъ не ему, возводить въ санъ епископа людей изъ бѣлаго д-ва, даже никого не постригать въ монахи ранѣе 25—30 лѣтъ. Пора, к-ся, поразслѣдовать, не колеблется ли та нетвердая почва, на которой теперь основано епископство? Не время ли допустить на епископскія кафедры священниковъ и протоіереевъ, не обязывая ихъ предварительно дѣлаться монахами. Въ способностяхъ отдѣльныхъ лицъ изъ бѣлаго д-ва исполнять обязанности епископовъ сомнѣваться нѣтъ никакихъ поводовъ. Доказательствомъ служатъ тѣ архіереи, напр. Михаилъ, Иннокентій Камчатскій которые посвящены изъ протоіереевъ; управленіе ихъ, какъ извѣстно, нисколько не хуже монашескаго. Потомъ д-во придворное и военное состоитъ подъ начальствомъ лицъ изъ бѣлаго д-ва. Неужели даже м-ціе станутъ утверждать, что напр. Озерицковскій, Массвѣтовъ, Бажановъ недоказали своихъ административныхъ способностей? Епархіи считали бы себя стастливыми, еслибы у нихъ начальниками были лица, подобныя тѣмъ, которыхъ я перечислилъ; а такихъ лица въ бѣломъ д-вѣ очень много. И такъ почему бы имъ не управлять епархіями точно также, какъ теперь управляютъ главные священники военнымъ д-вомъ? Я не говорю и томъ, чтобы только имъ однимъ было предоставлено архіерейство также, какъ нынѣ предоставлено одному м-ву; привилегіи даются только на время, а монополіи почти всегда вредны. Пусть епископами будутъ достойные люди, ктобы они ни были: монахи, или священ-

ники, протоіереи, даже дьяконы и міряне, какъ было въ константинопольской патріархіи.

М. т. чрезъ допущеніе лицъ бѣлаго д-ва до епископскаго сана въ духовномъ управленіи, въ бытѣ св-и-ц-сл-лей, въ училищахъ духовныхъ уничтожилось бы незамѣтно много недостатковъ и злоупотребленій, излечилось бы много золъ и нравственныхъ недуговъ. Архіереи изъ священниковъ, собственнымъ опытомъ испытавши нужды и потребности своихъ сопресвитеровъ и духовныхъ училищъ, скорѣе бы взялись за улучшенія; семейные люди лучше сочувствуютъ семейнымъ людямъ, нежели монахи. Потомъ каждый священникъ, вступивъ въ д-во, не можетъ думать, что ему посчастливится быть епископомъ; вѣдь всѣхъ іереевъ и протоіереевъ въ Россіи до 38000, а архіерейскихъ мѣстъ не болѣе 75; тутъ по теоріи вѣроятности, возможность быть архіереемъ равняется менѣе, нежели одной пяти сотой части. Притомъ возвышеніе въ архіерейскій санъ будетъ зависѣть отъ вдовства, отъ количества дѣтей, отъ согласія жены. И потому въ священникахъ, которые сдѣлаются епископами, труднѣе зародиться и развиться тому духу властолюбія, честолюбія, преобладанія, который, по мнѣнію даже автора статьи о м-вѣ (Іюнь стр. 217) легко можетъ пробуждаться отъ величія, блеска и власти архіерейскаго сана. А проведши почти цвѣтущіе годы жизни въ скромной долѣ священника, не вдругъ и на епископствѣ замечтаешся. Пок. м. положительно можно надѣяться, что тѣ почти рабскія отношенія, которыя теперь находятся между епархіальными начальниками и бѣлымъ д-вомъ, прекратятся; бывшему священнику не захочется, будетъ и стыдно и даже непривычно разыгрывать роль трехбунчужнаго паши въ рясѣ. Архіереямъ изъ священниковъ по неволѣ станутъ подражать архіереи и изъ монаховъ. Наконецъ, по всей вѣроятности, прекратится, или приметъ меньшіе размѣры та вражда, которая теперь господствуетъ между чорнымъ и бѣлымъ д-вомъ. Она въ настоящее время главнымъ образомъ основывается на томъ предпочтеніи, которое во всемъ отдаютъ первому предъ вторымъ, на антагонизмѣ ихъ интересовъ. Съ уничтоженіемъ привилегій и монополій, р-ся, должны изчезнуть и результаты ихъ.

Часть третья.

О преобразованіяхъ въ судопроизводствѣ и дѣлопроизводствѣ относительно бѣлаго д-ва.

При самомъ лучшемъ архіереѣ даже изъ священниковъ, бѣлое д-во еще не будетъ обезпечено отъ того произвола, неправосудія, подъяческой придирчивости, медленности, которыя оно встрѣчаетъ теперь во всѣхъ своихъ судебныхъ, тяжебныхъ и вообще письменныхъ дѣлахъ; и никогда не обезпечится, доколѣ духовныя к-ріи не измѣнятся. Говоря о нихъ, я подробно описалъ множество злоупотребленій, господствующихъ въ нихъ; изъ этого описанія можно отчасти видѣть, какимъ образомъ улучшить ихъ. Здѣсь укажу только на главныя реформы, которыя нужно вывести въ этихъ мѣстахъ духовнаго правосудія, а едва ли не лучше, — неправосудія и подъячества.

Прежде всего к-ріи нужно поставить относительно епархіальнаго архіерея и синода въ такое же положеніе, въ какомъ находятся теперешнія гражданскія и уголовныя палаты относительно губернаторовъ и министерства юстиціи. Пусть к-ріи будутъ непосредственно подчинены синоду, также какъ палаты министру юстиціи; но свои журналы и протоколы пусть они представляютъ на утвержденіе епархіальнаго архіерея, также какъ представляютъ палаты губернаторамъ. И если мнѣнія архіерея и к-ріи будутъ несогласны, тогда дѣло должно восходить на усмотрѣніе синода. Потомъ непремѣнно въ к-ріяхъ долженъ быть прокуроръ; даже нельзя не дивиться, почему онѣ до сихъ поръ остаются свободными отъ прокурорскаго надзора. Во всѣхъ безъ исключенія судебныхъ и многихъ административныхъ присутствіяхъ, начиная съ земскихъ и уѣздныхъ судовъ и до сената и синода, есть *око Государя* въ видѣ стряпчихъ, прокуроровъ и Об. Пр-ровъ; только однѣ к-ріи какъ-то умѣли укрыться отъ этого надзора столь необходимаго и столь благодѣтельнаго. Напрасно говорятъ, что секретарь к-рій замѣняетъ прокурора; онъ-то и есть едва ли не главная причина господствующихъ въ к-ріяхъ злоупотребленій; — какое же онъ Око Государя? Напрасно также опасаются униженія для архіерейскаго сана отъ вмѣшательства Прокурора въ епархіальныя дѣла. Странно такое опасеніе; вѣдь синодъ уже около 150 лѣтъ въ своей присутственной залѣ видитъ Об. Пр-ра и выслушиваетъ его предложенія, — а синодъ выше

каждаго епархіальнаго архіерея. Почему послѣднему унизительно будетъ, когда журналы и протоколы к-ріи первоначально будутъ просмотрѣны прокуроромъ и потомъ уже представлены ему на утвержденіе? Тутъ нѣтъ вмѣшательства въ духовныя дѣла, а есть гарантія противъ злоупотребленій духовной власти. Эту гарантію ввести правительство тѣмъ болѣе имѣетъ право, что въ к-ріи производится множество дѣлъ, касающихся мірянъ. А м. т. при прокурорѣ быстро бы уничтожились многія злоупотребленія к-ріи, не стали бы иныя дѣла лежать безъ всякаго движенія по нѣскольку недѣль, мѣсяцевъ и лѣтъ; по неволѣ бы пришлось справляться съ законами и примѣнять ихъ къ рѣшенію дѣлъ; притѣсняемый нашолъ бы себѣ защиту и не въ одномъ Петербургѣ, до котораго очень далеко и пр. и пр. *Нуженъ прокуроръ въ к-ріяхъ, крайне нуженъ.*

Предсѣдателемъ к-ріи долженъ быть каѳедральный протоіерей, или другое лицо по избранію бѣлаго д-ва. Но правительству слѣдовало бы назначить туда, также какъ теперь въ палаты — гражданскую и уголовную, товарища предсѣдателя; затѣмъ прочіе члены должны непремѣнно избираться самимъ бѣлымъ д-вомъ всей епархіи. Этой чести удостоиваться могутъ не одни священники и протоіереи; напр. неужели заслуженный наставникъ семинаріи, или академіи, — на службѣ, или въ отставкѣ — неужели менѣе способенъ судить о духовныхъ дѣлахъ, нежели священникъ и протоіерей? А такъ какъ въ к-ріи производится множество дѣлъ, которыя касаются мірянъ, то не грѣшно было бы имѣть тамъ свѣтскаго члена, выборъ котораго, при устанавливающихся новыхъ порядкахъ, правительство можетъ поручить собранію гласныхъ губернской земской думы; они, какъ представители цѣлой губерніи, лучше всего съумѣютъ посадить въ к-рію человѣка, который бы въ извѣстныхъ случаяхъ вступался за мірянъ и въ духовномъ судѣ. Но такое предложеніи какъ бы не показалось кому либо революціоннымъ. Наконецъ время подумать объ изданіи свода духовныхъ законовъ; кормчая книга и уставъ к-рій далеко не вмѣщаютъ въ себѣ всѣхъ постановленій, которыми управляется д-во. К-ся, большой бѣды не будетъ, если всякій даже и дьячокъ станетъ знать эти постановленія, или по к. м. обращаться къ нимъ въ случаѣ нужды.

Независимо отъ состава к-ріи, д-во получило бы значительное облегченіе, еслибы количество дѣлъ, въ ней производящихся, поуменьшилось. Въ настоящее время чуть не все, касающееся духовныхъ лицъ, доходитъ до к-ріи, доста-

вляетъ ей возможность собирать благостыню, а на истцовъ, отвѣтчиковъ, просителей возлагаетъ обязанность ѣздить изъ селъ въ губернскій городъ иногда, какъ говорится, изъ-за *грошоваго дѣла*, и м. т. терять время и тратить деньги на проѣзды, не считая акциденцій. К-рія есть собственно духовное присутственное мѣсто и потому въ ней относительно духовныхъ лицъ должны производиться тѣ дѣла, которыя касаются ихъ, какъ св-и-ц-сл-лей, обсуживаться тѣ поступки и проступки, въ которыхъ они оказываются виновными по исполненію своихъ духовныхъ и церковныхъ обязанностей. М. т. поссорился ли причтъ при раздѣлѣ доходовъ, не умѣлъ ли раздѣлить безобидно для всѣхъ блины и караваи, побранилась ли попадья съ дьячихою, ходя по приходу, или въ другомъ мѣстѣ, оказались ли поповскія нивы въ полѣ слишкомъ широкими, а пономарскія — узкими, замѣтили ль неравномѣрное распредѣленіе усадьбы и пр. и пр. все, все можетъ восходить и часто восходитъ до к-ріи, которой канцелярія чрезвычайно рада бываетъ такому восхожденію и даже частенько поможетъ ему написаніемъ покорнѣйшаго прошенія. И потому непремѣнно слѣдуетъ ограничить число дѣлъ, которыя должны поступать на разсмотрѣніе и к-рій, и самихъ архіереевъ. Напр. всѣ возникающіе между духовными лицами относительно церковной земли и усадьбы споры пусть рѣшаются гражданскими судами; чорноземная, или песчаная почва, поступивъ во владѣніе церковныхъ причтовъ, не сдѣлалась чрезъ это, т. с-ть, духовною и совершенно похожа на ту, которая воздѣлывается лицами другихъ сословій и о которой спорныя дѣла производятся въ уѣздномъ судѣ, или въ гражданской палатѣ; къ чему тутъ духовное судилище? Потомъ ссоры, т. с-ть, нецерковныя между членами д-ва, особенно же между ими и лицами изъ другихъ сословій должны быть переданы будущимъ мировымъ судамъ. Сюда также слѣдуетъ отнести гражданскіе проступки д-ва, напр. неплатежъ долговъ, неисполненіе принятыхъ на себя обязательствъ, вредъ причиненный собственности другаго и пр. Вѣдь нынѣ же мировые посредники по 31 и 32 пунктахъ положеній о нихъ обязаны разбирать дѣла, возникающія между крестьянами и лицами другихъ сословій, напр. по потравамъ полей, по отдачѣ въ наемъ земель, по найму людей въ услуженіе и пр., если искъ не превышаетъ 30 р., и въ этихъ случаяхъ они присуждаютъ лицъ всѣхъ сословій, значитъ и дворянъ и духовныхъ къ имущественному вознагражденію, или къ денежному взысканію до 5 руб. А по 96—98 пунктамъ введенія положенія о крестьянахъ,

вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, волостному суду предоставлено рѣшать споры и тяжбы до 100 руб. между крестьянами и лицами другихъ сословій, если послѣднія согласятся предоставить дѣло на ихъ разрѣшеніе. Неужели послѣ этого считаться будетъ униженіемъ для д-ва, если со введеніемъ новаго судебнаго порядка духовныя лица предоставятъ рѣшенію мировыхъ посредниковъ, а не к-ріи многія свои дѣла и проступки, не касающіеся собственно церковныхъ обязанностей. Отцы святые! Повѣрьте, мировые судьи для васъ будутъ лучше и къ вамъ снисходительнѣе, особенно безубыточнѣе и безпристрастнѣе, нежели к-ріи. Притомъ всѣ уголовныя преступленія, касающіеся духовныхъ лицъ, рѣшаются свѣтскими лицами съ участіемъ депутата со стороны д-ва; и отъ этого ни религія, ни честь служителей алтаря не пострадали. Почему бы не предоставить свѣтскимъ судамъ и судьямъ дѣла, т. с-ть, полууголовныя, дѣла житейскія и пр.? Впрочемъ для постепеннаго пріученія д-ва къ свѣтской юстиціи, — на первый разъ можно бы при мировыхъ судахъ и судьяхъ имѣть нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ депутатовъ отъ д-ва въ уголовной палатѣ.

Но если сословные предразсудки и сословная щепетильность возстанутъ противъ такого нововведенія то нужно устроить мировыхъ судей и мировые суды въ каждомъ благочиніи, или уѣздѣ изъ духовныхъ лицъ, р-ся, по выбору д-ва. Только, по моему мнѣнію, это судопроизводство едва ли будетъ безпристрастнѣе свѣтскаго. Въ мировые духовные судьи, р-ся, положатъ выбирать священниковъ; а они, по всей вѣроятности, станутъ въ большей части случаевъ наклонять вѣсы правосудія на сторону возлюбленныхъ о Христѣ своихъ собратій; дьяконамъ, особенно причетникамъ подобное судопроизводство будетъ тяжелѣе консисторскаго.

Духовныя лица испытываютъ много притѣсненій и несправедливостей отъ епархіальныхъ властей не только при производствѣ судныхъ, тяжебныхъ и другихъ дѣлъ, но и при первоначальномъ опредѣленіи своемъ на должности, а также при перемѣщеніяхъ изъ одного прихода въ другой. Гарантировать ихъ въ этомъ случаѣ надобно какими либо постановленіями, но, по правдѣ сказать, нелегко. И по католическимъ правиламъ и по общемъ государственнымъ законамъ епархіальнымъ начальникамъ должно быть дано право опредѣлять на св-и-ц-сл-скія должности тѣхъ лицъ, которыхъ они найдутъ достойными, равно какъ и перемѣщать ихъ изъ одного прихода въ другой. Но также нельзя не обратить вниманія и на тѣ злоупотребленія, которыя нынѣ суще-

ствуютъ въ этихъ случаяхъ; нужно что нибудь сдѣлать въ предотвращеніе ихъ. Осмѣливаюсь въ видѣ опыта представить на усмотрѣніе краткія свои соображенія.

Прежде всего нужно непремѣнно уничтожить наслѣдственную передачу, покупку и продажу св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ, такъ нагло и открыто нынѣ происходящія, о чемъ уже выше мною весьма подробно было говорено (Отд. 16). Это истинно-смердящая язва въ д-вѣ, прямое униженіе священнаго званія, источникъ множества разныхъ золъ и злоупотребленій. Надобно прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ, даже крутымъ мѣрамъ, чтобы уничтожить такую вопіющую несправедливость и нелѣпость. Потомъ надобно издать и заставить соблюдать ясные законы, кого именно можно производить на св-и-ц-сл-скія должности; и если какая либо нужда заставляетъ отступать отъ такихъ законовъ, то епархіальный архіерей обязанъ представить удовлетворительныя для этого причины, которыя можно бы повѣрить. Затѣмъ и теперь по § 77 своего устава «к-рія всегда имѣетъ списокъ вакансій при церквахъ, который долженъ быть открытъ для кандидатовъ.» Этимъ пунктомъ думали предотвращать существующія злоупотребленія и доставить кандидатамъ возможность и время изъявлять свое желаніе поступить на то, или другое мѣсто. Но онъ остается доселѣ мертвою буквою. Поэтому нужно постановить, чтобы никодно вакантное св-и-ц-сл-ское мѣсто не было замѣщаемо въ теченіе извѣстнаго немалаго срока, чтобы списокъ вакантныхъ мѣстъ дѣйствительно былъ выставленъ въ канцеляріи консисторской и доступъ къ нему никому не возбранялся, м. б. даже не излишне былобы извѣщеніе чрезъ епархіальныя вѣдомости о каждой вновь открывшейся вакансіи, но не тогда, когда она уже замѣщена, какъ это дѣлается нынѣ кое-гдѣ. Всѣ поданныя прошенія на основаніи § 74 устава консисторскаго должны быть сданы въ к-рію «какъ для составленія справокъ и собранія свѣдѣній о мѣстѣ и лицѣ, ищущемъ занять оное, такъ и для прочаго, по существу и обстоятельствамъ сихъ дѣлъ, производства.» Отъ к-ріи можно требовать и не требовать мнѣнія о томъ, кого изъ просителей надобно предпочесть другимъ; но во всякомъ случаѣ окончательное рѣшеніе предоставляется епархіальному архіерею; только необходимо ясное изложеніе причинъ, почему прошеніе одного удовлетворяется, а прочіе получаютъ отказъ. При такомъ порядкѣ не сталибы, какъ нынѣ дѣлается, опредѣлять кого либо на мѣста, прежде нежели разнесется молва о немъ, ни непринимать просьбъ на томъ основаніи, что будто бы мѣсто

уже замѣщено, хотя этого на самомъ дѣлѣ и нѣтъ, ни пускать въ ходъ одно или два-три прошенія, а прочія уничтожать. Тогда легко можно было бы доказывать несправедливости при распредѣленіе мѣстъ, а теперь все это часто бываетъ покрыто канцелярскою тайною, или жалующійся ничѣмъ не можетъ даже доказать, подано ли имъ было уничтоженное прошеніе. Если бы въ к-ріи были прокуроры, то всѣ прошенія объ опредѣленіи на вновь открывшіяся вакансіи лучше бы подавать въ к-рію и потомъ изъ нее уже препровождать съ мнѣніемъ, или безъ мнѣнія на окончательное рѣшеніе архіерею. Впрочемъ признаюсь, что относительно этой реформы нужно подать голосъ людямъ, болѣе меня знающимъ ходъ духовныхъ дѣлъ.

Необходимость всѣхъ преобразованій, о которыхъ я въ этомъ стдѣлѣ говорилъ, слишкомъ ясна для всякаго безпристрастнаго человѣка. Но само духовное м-щее начальство едва ли когда на нихъ рѣшится по к. м. во всей полнотѣ. Причина этого заключается въ томъ, что преобразованія, дѣлая бѣлое д-во болѣе или менѣе самостоятельнымъ, тѣмъ самымъ ослабляютъ тотъ начальственный деспотизмъ, подъ гнетомъ котораго оно теперь находится. Если вы г. ч. поживете еще нѣсколько лѣтъ, если бѣлое д-во останется въ тѣхъ административныхъ отношеніяхъ къ своимъ властямъ, въ какихъ находится нынѣ и если бы вамъ вздумалось тогда спросить себя: отчего это предлагаемыя въ этомъ отдѣлѣ преобразованія не введены въ духовное вѣдомство; то отвѣчайти словами почтеннаго автора книги о с. д., которые онъ стр. 111—113 высказалъ касательно того, почему епархіальные архіереи не предоставляютъ выбора благочинныхъ самому д-ву, отвѣчайте: все это произошло «отъ неумѣренной жажды власти нашихъ архипастырей; власти, не терпящей ни малѣйшаго ограниченія, ни малѣйшаго послабленія, такой деспотической власти, которая, никогда не рѣшится допустить не только свободнаго выбора кого-нибудь, или чего-нибудь; но еслибъ только было возможно, не позволяла-бъ и дышать и думать свободно. — *Percat ecclesia — fiat nostra voluntas!* Вотъ девизъ всей ихъ дѣятельности, самой ревнивой заботливости; вотъ причина этого страшнаго, погибельнаго для Церкви, застоя Русскаго д-ва. Во что бы то ни стало, еслибъ для этого нужно было сгубить всю Церковь, — они стараются сохранить ту же силу, то же значеніе, какое архіерейство имѣло въ XV—XVII вѣкахъ; другія сословія ушли для нихъ отъ этого, и далеко ушли; на д-ва пока въ ихъ рукахъ, — такъ хоть надъ нимъ, елико возможно до-

лѣе, сохранить свою страшную силу!! . . . «И вотъ гдѣ разгадка ихъ жесточайшихъ преслѣдованій всякой новой мысли, новаго требованія, малѣйшаго поползновенія выйти изъ этого невыносимаго положенія; вотъ объясненіе ихъ несогласія на то, чтобы сельскимъ священникамъ дали жалованье. — «Доколѣ оно (т. е. болѣе д-во) — таковая ихъ задушевная мысль выражаемая каждымъ дѣйствіемъ, — до колѣ убито нуждами, все погружено въ грязь, доведено до такого безвыходнаго положенія, что и думать ни о чемъ лучшемъ не въ состояніи, дотолѣ мы (т. е. архіереи) можемъ его унижать, гнать, давить, какъ только намъ угодно; дотолѣ всякій священникъ предъ нами — негръ американскихъ колоній (именно таковы отношенія между священникомъ и архіереемъ, какъ между негромъ и плантаторомъ), котораго мы можемъ казнить и миловать на всей нашей волѣ; а улучшится его положеніе, выйдетъ онъ изъ этой отвратительно-чорной кожи, онъ, пожалуй, заговоритъ о правахъ своихъ, какъ члена одной и той же Церкви; чего добраго, — будетъ еще требовать, чтобы съ нимъ поступали какъ съ человѣкомъ, какъ съ служителемъ Бога Вышняго; чтобы МЫ, — даже МЫ!!! обходились съ нимъ съ уваженіемъ! Гибни бѣлое д-во, лишь бы наше самовластіе сохранилось цѣлымъ и не измѣннымъ!»

Отдѣлъ 60ый.

О безбрачіи и единоженствѣ священно-служителей.

Въ недавнее время, не шутя, стали поговаривать о томъ, чтобы бракъ не считался обязательнымъ для священника, или дьякона, чтобы на эти должности и у насъ точно также, какъ у католиковъ, могли поступать люди неженатые. Такія мысли не слѣдуетъ считать новыми, или неожиданными; онѣ очень естественно вытекаютъ изъ того понятія, которое имѣютъ многіе, особенно м-щіе, о брачной жизни. У насъ существуетъ на нее двоякій взглядъ; одинъ изъ нихъ я назову *догматическимъ*. По этому взгляду бракъ принадлежитъ къ семи таинствамъ, стоитъ въ ряду ихъ за священствомъ, впереди елеосвященія; ему въ церковно-обрядовомъ отношеніи надобно приписать высшее значеніе, нежели м-ву, въ кото-

рое *не посвящаются, а постригаются, вступаютъ не чрезъ таинство, а чрезъ обрядъ.* По тому же взгляду, лишь бы *бракъ былъ честенъ и ложе не скверно,* рожденіе дѣтей называется благословеніемъ божіимъ.

Но есть другой взглядъ на брачную жизнь; его можно назвать *монашескимъ.* Тутъ превозносится дѣвство; бракъ считается уже уступкою человѣческой слабости и прихоти, не результатомъ нашихъ нравственныхъ стремленій, а снисхожденіемъ къ физіологическимъ потребностямъ плоти, — средствомъ не для спасенія нашей души, для таинственнаго приближенія къ Богу, но для предотвращенія разврата и, т. е-ть, большаго зла. Такъ напр. во второй изъ молитвъ, которыя читаются: *по внегда роди женѣ отроча,* намекается, что актомъ рожденія женщина осквернилась, поэтому священникъ и молитъ Бога очистить ее «отъ тѣлесныя скверны и различныхъ ей находящихъ утробныхъ стуженій (и потомъ извести ее) въ смиренномъ ея тѣлѣ во исправленіе.» Въ третьей молитвѣ мысль объ осквернении отъ рожденія дитяти еще сильнѣе выражена. Сказавшее о томъ что самъ Богъ благословилъ первыхъ людей *растится и множится и наполняти землю,* священникъ все таки молится, о прощеніи и родильницы, и всего дома, и всѣхъ прикоснувшихся къ ней, и кстати всѣхъ, тутъ стоящихъ. Вотъ подлинныя слова: «Ты бо реклъ еси Господи: раститеся, и умножитеся, и наполните землю, и обладайте ею; сего ради и мы раби твои молимся, дерзающе незлобивымъ твоимъ человѣколюбіемъ, со страхомъ вопіемъ къ царствія твоего святому имени; призри съ небесе и виждь немощь насъ осужденныхъ и прости рабѣ твоей сей, и всему дому, въ немъ же родися отроча и прикоснувшимся ей, и здѣ обрѣтающимся всѣмъ.» Скажутъ, что такая молитва относится къ прощенію грѣховъ. Неправда; тутъ пѣтъ и словъ: *прегрѣшеніе,* или *грѣхъ.* Тутъ сначала, т. е-ть, напоминается, что самъ ты, Господи, благословилъ растится и множится; такъ поэтому уже и прости и рабу твою, домъ и прикоснувшихся ей, — а рабѣ и дому и прикоснувшимся, — а что простить? очевидно ту скверну, о которой говоритъ вторая молитва.

Если такъ отзываются о рожденіи дѣтей отъ перваго брака, то ко второму еще менѣе можно ожидать снисходительности. Церковный обрядъ для двоебрачныхъ уже другой, нежели для первобрачныхъ; для первыхъ онъ вмѣстѣ съ обрученіемъ не заключаетъ въ себѣ 12 страницъ того большаго требника, въ который я теперь смотрю; — а для послѣднихъ онъ и обрученіе состоитъ болѣе, нежели изъ 21

странницы. Потомъ въ четвертой молитвѣ при вѣнчаніи двоебрачныхъ священникъ проситъ Бога простить брачущихся за вступленіе во второе супружество; вотъ подлинныя слова, «очисти беззаконія рабовъ твоихъ, зане зноя и тяготы дневныя и *плотскаго разженія не могуще понести*, во второе брака общеніе сходятся.» Наконецъ предъ *послѣдованіемъ о двоебрачномъ* стоитъ *главизна* Никифора патріарха константинопольскаго слѣдующаго содержанія. «Двоебрачный не вѣнчается, но и запрещается причаститися святыхъ таинствъ лѣта два; троебрачный же пять лѣтъ.» А по 46 правилу Номоканона «троебраче не прощено есть, когда женихъ 40 лѣтъ и имѣетъ дѣти.» Тутъ уже вступленіе во второй и третій бракъ не только считается грѣхомъ, но за него полагается наказаніе самое чувствительное для православнаго христіанина: не причащаться 2 или 5 лѣтъ. Если присоединить сюда множество препятствій для брачущихся отъ родства тѣлеснаго и духовнаго, — препятствій, которыя нынѣ еще уменьшены, но по каноническимъ древнимъ правиламъ были въ гораздо большемъ количествѣ, если припомнить, что число дней, въ которые можно вѣнчаться, менѣе нежели треть года, то будетъ понятенъ шутливый отзывъ одного человѣка, который, разговаривая о всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся къ браку; сказалъ: «такъ и видно, что всѣмъ этимъ распоряжались монахи, которые сами, не имѣя возможности вести брачную жизнь, обставили вступленіе во бракъ множествомъ затрудненій.“

Кто держится монашескаго, аскетическаго взгляда на бракъ, тому очень естественно дойти до мысли, что священнику нужно быть не женатымъ человѣкомъ. Но въ подтвержденіе ея выставлять доказательства изъ требника, указывать на *скверну*, не ловко, и потому нынѣшніе защитники безбрачія священниковъ въ нѣкоторыхъ по к. м. случаяхъ озаботились пріискать, т. е-ть, благоприличныя причины. Они говорятъ: 1) Есть немало людей, которые по физическимъ недостаткамъ, по моральному настроенію, даже по умственнымъ убѣжденіямъ не могутъ вести брачную жизнь, м. т. какъ очень способны вовсѣхъ отношеніяхъ быть служителями алтаря господня. 2) При нынѣшнихъ порядкахъ въ духовномъ вѣдомствѣ, при тяжолыхъ обязательствахъ, которыя новое доховное лице даетъ семейству своего предшественника, при доходахъ очень незначительныхъ для содержанія многолюдныхъ семействъ, многіе семинаристы и академисты собственно по этимъ однимъ обстоятельствамъ не поступаютъ въ священники и дьяконы; тогда какъ при безбрачной

жизни они не разстались бы съ духовнымъ званіемъ. 3) Говорятъ даже, что семейная жизнь со своими мелочными заботами и дрязгами, съ обязательною необходимостію думать о содержаніи жены и дѣтей, о воспитаніи и пристроеніи послѣднихъ, отнимаетъ слишкомъ много времени у священника и препятствуетъ ему всецѣло посвятить себя служенію Церкви, чего она имѣетъ право требовать отъ него. Этимъ обстоятельствомъ обыкновенно объясняютъ, почему католическое низшее д-во предано своимъ обязанностямъ, не увлекается будтобы мірскими интересами; тогда какъ нашъ священникъ есть полудуховное лицо, полумірянинъ. 4. По 16 правилу апостольскому и по 6му прав. VI-го вселенскаго собора всякій иподьяконъ, дьяконъ и священникъ можетъ сочетаться съ женою по закону брака,» — но не обязывается безусловно это дѣлать, а только *аще восхощетъ*. На этомъ основаніи авторъ статьи объ улучшеніи быта д-ва (см. No. 10 Русск. Вѣсти. 1863 г. стр. 478) говоритъ: «почему не соблюдается у насъ коренной этотъ апостольскій и вселенскій законъ? Никто не станетъ оспаривать благоразумія общеправославнаго и древняго обычая назначать на мѣста *приходскихъ* священниковъ *предпочтительно* людей женатыхъ; въ этой мѣрѣ есть положительный залогъ нравственной пользы; но изъ того, что вообще лучше имѣть женатыхъ приходскихъ священниковъ, не слѣдуетъ еще, чтобы всѣ священники необходимо были женаты. Есть даже такія священническія должности, на которыя въ свою очередь нужно предпочтительно назначать людей безбрачныхъ, напр. во флотъ, въ армію, миссіонерами внутри и внѣ государства, проповѣдниками при епископахъ, обходящими постоянно епархію.“

Какъ будто для того, чтобы возможность подтвердить дѣйствительностію, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ мы уже видѣли, холостаго, пожилаго профессора московской духовной академіи г. Горскаго посвятили во священника и скоро потомъ въ протоіерея, а затѣмъ сдѣлали ректоромъ академіи и украсили митрою. Почтенному этому профессору нашлось бы много подражателей, если бы только разрѣшено было всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ или собственною властію, или съ разрѣшенія синода рукополагать въ дьяконы и священники неженатыхъ семинаристовъ и академистовъ. Монашеское, или пок. м. полумонашеское воспитаніе, получаемое въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, остается не безъ послѣдствій. Есть семинаристы, которые, начитавшись сочиненій дѣвственниковъ, наслушавшись похвалъ дѣвству, чувствуютъ себя неловкими въ присутствіи женщинъ и дѣ-

вицъ, получаютъ монашескій взглядъ на бракъ и смотрятъ нѣкоторое время съ недовѣріемъ, съ подозрительностію, а иногда и съ болѣе враждебными чувствами на тѣхъ особъ, которыхъ монастырскій уставъ совѣтуетъ избѣгать, какъ соблазнительницъ, какъ огня. Такимъ людямъ, не ознакомившимся еще съ потребностями жизни, не испытавшимъ, какъ неумолимы и настойчивы бываютъ законы природы, очень легко соблазниться перспективою священнической безбрачной жизни, когда, р-ся, всецѣло и не раздѣльно можно будетъ посвятить себя дѣлу Божію, не встрѣчать никакихъ препятствій къ тому въ семейныхъ и хозяйственныхъ заботахъ, въ воспитаніи дѣтей и пр. Такому настроенію непремѣнно помогутъ м-щіе начальники въ семинаріяхъ и въ епархіи. Людямъ, которые дали невозвратный обѣтъ дѣвства и цѣломудрія, нельзя же не похвалить безбрачной жизни, нельзя не посовѣтовать рѣшиться на нее; иначе самихъ заподозрятъ въ томъ, что имъ безбрачіе не по сердцу. Далѣе м-щимъ начальникамъ не женатые дьяконы и священники понравятся болѣе, нежели женатые; первыхъ можно взять въ свой штатъ безъ всякихъ затрудненій, посылать и переводить, куда угодно; для нихъ, какъ безженныхъ людей, переѣзды не обременительны. Притомъ, хоть они и не монахи, все-таки ближе къ м-ву, нежели къ супружеству. Какъ же имъ не оказать особеннаго снисхожденія, не подарить ихъ своимъ благоволеніемъ? Напередъ можно сказать что всѣ лучшія мѣста, всѣ видныя должности, всѣ интимныя порученія будутъ возлагаемы на целибатовъ — священниковъ и дьяконовъ. Женатое бѣлое д-во въ нѣсколько десятковъ лѣтъ падетъ. Тогда по всей вѣроятности возстановится законъ древней церкви, покоторому безбрачные священники будутъ восходить на епископскія кафедры. Этимъ, р-ся, увлекутся молодые честолюбцы, которые съ 20—25 лѣтъ начинаютъ мечтать о митрѣ и панагіи. Словомъ, я увѣренъ, что стоитъ только объявить законъ о безбрачіи священниковъ, охотниковъ имъ воспользоваться найдется много, и, извините за пословицу, *не измѣривши броду бросятся въ воду.*

Но и въ водѣ можно не утонуть, если рѣка не очень широка и глубока, если попавшій въ нее умѣетъ хорошо плавать и не обремененъ никакими тяжестями, которыя тянулибы его ко дну. Къ несчастію безбрачнымъ священникамъ и дьякопамъ придется плыть по огромному и очень глубокому *житейскому морю*, часто *обуреваемому треволненіями.* Тутъ и опытному, искусному плавцу можно, если не *захлебнуться* и утонуть, то по к. м. гдѣ нибудь *завязнуть.*

Конечно, молодые и не очень пожилые люди, поступившіе въ духовное званіе безъ женитьбы, избѣжали бы кораблекрушенія на житейскомъ морѣ, если бы они, на опытѣ познакомившись съ соблазнами безбрачной жизни, могли послѣ вступать въ супружество. Но 6е правило VIго вселенскаго собора сурово говоритъ: «отнынѣ ни иподьяконы, ни дьяконы, ни пресвитеры да не имѣютъ позволенія, по совершеніи надъ ними рукоположенія, вступати въ брачное сожительство; аще же дерзнетъ сіе учинити, да будетъ извержень.» Возврата, значитъ, нѣтъ; надобно или разстригаться, или оставаться навсегда съ обязательствомъ вести безбрачную и цѣломудренную жизнь. Но физіологическія потребности не слушаютъ каноническихъ правилъ; отъ неумолимыхъ законовъ природы трудно и часто невозможно защититься даже крестомъ и молитвою. Лица бѣлаго, приходскаго д-ва, особенно священники подвержены въ этомъ отношеніи гораздо большимъ опасностямъ, нежели монахи. Послѣдніе за монастырскими стѣнами въ запертой кельѣ могутъ быть вдали отъ тѣхъ существъ, которыхъ велѣно беречься имъ, какъ огня; имъ приходится бороться только съ помыслами. Даже ученымъ монахамъ грозитъ одна только главизна 112 пункта номоканона: *учащіеся мірскія дѣти*, имъ еще можно какъ нибудь закрыть къ себѣ *путь женамъ*. А священнику по его обязанностямъ даже необходимо самому ходить къ нимъ, бесѣдовать съ ними наединѣ во время исповѣди. Какимъ искушеніямъ тутъ не можетъ подвергнуться не женатый человѣкъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ? Не безъ причины же молодые доктора часто вступаютъ въ супружество съ тѣми дѣвицами, которыхъ имъ удается лечить и вылечивать. Но имъ служитъ это спасеніемъ, а священнику придется только, извините за славянское слово, *опаляться* отъ огня, къ которому ему нужно приближаться. Потомъ въ городахъ священникъ безбрачный еще можетъ жить какъ нибудь незамѣтно для другихъ. Но въ деревняхъ нашихъ всѣ ведутъ семейную жизнь; тамъ безбрачіе мущинъ въ такомъ же неуваженіи, какимъ оно пользовалось у евреевъ; о безбрачныхъ людяхъ тамъ б. ч. судятъ по идеаламъ, для составленія которыхъ взяты явленія изъ быта помѣщиковъ — холостяковъ въ блаженное крѣпостное время и изъ жизни офицеровъ и солдатъ квартирующихъ войскъ. Безбрачный священникъ и дьяконъ для нашихъ деревень немыслимъ. Независимо отъ этого и ему самому жить тамъ очень трудно. Безъ хозяйства въ деревни обойтись невозможно; а хозяйство требуетъ ключницъ, экономокъ, кухарокъ, или работницъ; кого

ни выбери себѣ въ хозяйки холостякъ-священникъ, — безъ нареканій, безъ подозрѣній, даже безъ соблазновъ не обойдется.

Напрасно наши приверженцы безбрачія для священниковъ и дьяконовъ ссылаются на католическое д-во. М. б. дѣйствителено, члены его выказываютъ больше приверженности къ церкви или, лучше, церковнымъ матеріальнымъ интересамъ; но эта приверженность и сама по себѣ не всегда одобрительная съ государственной точки зрѣнія, далеко не выкупаетъ другихъ недостатковъ и злоупотребленій, неразрывно соединенныхъ съ безбрачіемъ приходскаго д-ва. «Да сохранитъ насъ Богъ, скажу вмѣстѣ съ Русскимъ Вѣстникомъ (12 No. 1863 г. стр. 515) отъ какихъ бы то ни было подражаній католицизму!.... Своею свѣтскою властію папа, к-ся, дорожитъ болѣе, нежели духовною. Въ томъ же духѣ дѣйствуетъ и *безбрачное католическое д-во.* Безбрачіе, составляющее необходимую принадлежность инока, отказавшагося отъ міра, ведетъ его къ высокой цѣли спасенія, но безбрачіе въ міру рѣдко не ведетъ къ разврату и почти всегда дѣлаетъ сердце чорствымъ, что̀ особенно противно видѣть въ христіанскомъ пастырѣ. Пронырство и страсть католическаго д-ва къ интригамъ всякому извѣстны. Только въ средѣ его и могъ явиться іезуитскій орденъ. Священникъ, не знающій семейныхъ радостей и скорбей, не можетъ принимать и въ прихожанахъ своихъ близкаго участія; — онъ будетъ чуждъ всему и холоденъ сердцемъ. А м. т. самое существенное условіе для поддержанія религіи составляетъ единеніе д ва съ обществомъ. Католическіе священники втираются въ семейства своихъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ не съ тѣмъ, чтобы ободрять и утѣшать ихъ въ скорби, укрѣплять въ вѣрѣ и направлять души ихъ ко спасенію, а съ тѣмъ, чтобы управлять ими и полозоваться ихъ страстями для своихъ властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ цѣлей. Да сохранитъ Господь наше д-во отъ подобнаго духа!» Но этотъ духъ непремѣнно у насъ поселится, какъ скоро разрѣшено будетъ священнику быть не женатымъ человѣкомъ. М. б., многіе изъ защитниковъ безбрачія бѣлаго д-ва имѣютъ въ виду благодѣтельныя цѣли, увлекаются сожалѣніемъ о бѣдственномъ положеніи духовныхъ лицъ съ большими семействами; м. б., они желаютъ только усилить м-во. Но пусть они знаютъ, что предлагаемая ими реформа проложитъ тропинку католическому духу въ православіе. И когда же начали думать о такомъ нововведеніи? Въ то время, какъ въ Италіи и Франціи явилась огромная партія

въ приходскомъ д-вѣ, которая признаетъ вреднымъ для религіи и нравственности безбрачіе свое. Но такъ какъ нѣтъ правилъ безъ исключенія, то какъ мнѣ к-ся, можно бы посвящать во священника пожилыхъ холостыхъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній; но это дѣлать никакъ не ранѣе 45—50 лѣтъ. Такимъ людямъ, если прежняя жизнь ихъ была безпорочна, можно уже довѣриться. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ нужно поступать крайне осторожно.

Вмѣсто того, чтобы изподтишка вводить безбрачіе въ бѣлое д-во и тѣмъ пролагать къ намъ путь если не полному католицизму, то католическимъ интригамъ, — лучше бы обратить вниманіе на вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ. Одни изъ нихъ лишаются своихъ женъ не только между 30—40, но и между 20—30 годами въ цвѣтущихъ лѣтахъ, при полномъ развитіи организма. Многимъ умершія жены оставляютъ по 5—10 дѣтей. А м. т., какъ извѣстно, мужья ихъ не имѣютъ права жениться въ другой разъ. Конечно, противники брака въ этомъ случаѣ имѣютъ на своей сторонѣ каноническія правила. Но я уже выше говорилъ, что въ канонахъ нѣтъ догматическаго характера, что многія постановленія апостольскія и вселенскихъ соборовъ отмѣнены и давнымъ давно не исполняются. Почему же того же самаго не сдѣлать относительно закона, которымъ запрещается священнику и дьякону вступать въ бракъ во второй разъ? Этого требуетъ и справедливость, и человѣколюбіе. Въ самомъ дѣлѣ нашихъ священно-служителей обязываютъ непремѣнно жениться до своего рукоположенія. По правдѣ сказать и тутъ проглядываетъ монашескій взглядъ на бракъ. Пусть де женятся, но только прежде, нежели вступитъ въ священное званіе. По неволѣ подумаешь, не хотятъ ли этимъ дать замѣтить, что бракъ, совершаясь послѣ посвященія въ священника, какъ будто бы, извините за выраженіе, оскверняетъ это таинство, ослабляетъ его благодатную силу. Какъ угодно, а эта мысль точно невольно раждается въ головѣ. Вѣдь, если по догматическому взгляду законный, христіанскій *бракъ-честенъ* и *ложе брачное нескверно*, то почему же вступленіе даже въ первое супружество такъ неумолимо запрещено послѣ священства? Но вотъ священникъ, или дьяконъ овдовѣетъ и ему, не смотря на 20—25 лѣтъ даже, на 5—10 оставшихся послѣ жены дѣтей, никакъ не позволяютъ вступить во второй бракъ. Почему? отвѣтъ одинъ: *такъ постановлено*. А м. т. нельзя не замѣтить тутъ странности. Если священникъ и дьяконъ будутъ такъ счастливы, что они не овдовѣютъ до старости, то брачное

сожительство имъ не запрещается и не ставится въ укоризну. Почему же теперь другимъ ихъ собратіямъ не разрѣшить такого же сожительства, но съ другою законною женою, когда первая умретъ? Почему въ одномъ случаѣ брочное ложе считается не сквернымъ, а въ другомъ положительно запрещено? Если бы еще можно было предвидѣть вдовство, ну тогда самъ виноватъ, что рѣшился ознакомиться съ нимъ. Но въ наибольшей части случаевъ, кромѣ Бога, этого не предвидятъ всѣ въ совокупности медицинскіе факультеты. Впрочемъ, что ни говорите объ этомъ предметѣ въ томъ смыслѣ, какъ я говорилъ, голосъ останется *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ;* его не захотятъ слушать, даже обвинятъ въ ереси, или по к. м. въ неблагонамѣренности и вольнодумствѣ.

Если по прежнему второй бракъ для духовныхъ лицъ будетъ недоступенъ, то надобно непремѣнно вдовымъ изъ нихъ дозволить совершенно свободный выходъ изъ д-ва, безъ всякихъ стѣснительныхъ процедуръ, безъ лишенія нѣкоторыхъ правъ, безъ взгляда на нихъ, какъ на полупреступниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, слагающіе съ себя священный санъ по какимъ бы то ни было причинамъ, не пользуются никакими выгодами, кромѣ тѣхъ, которыя имъ усвоены по первобытному ихъ до рукоположенія состоянію; они не могутъ вступать въ какой либо родъ государственной службы — дьяконы ранѣе шести, а священники ранѣе десяти лѣтъ. (Отчотъ Об. Пр-ри Св. Синода за 1839 г. стр. 56). Такое распоряженіе отзывается уже слишкомъ аскетическимъ взглядомъ; его можно назвать болѣе, нежели жестокимъ. Молодаго человѣка до 20 и болѣе лѣтъ воспитывали къ духовному званію, поставили въ такое положеніе, что ему въ другія сословія поступить не возможно затѣмъ обязали его жениться, посвятиться въ священника, или дьякона. Но вотъ онъ овдовѣлъ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ пылкимъ темпераментомъ, съ утвердившеюся наклонностію къ брачной жизни, иногда обремененный многочисленнымъ семействомъ. Онъ убѣдился, что ему нѣтъ возможности вести безбрачную жизнь безъ нарушенія душевной и тѣлесной чистоты, или безъ явнаго разстройства своего здоровья, безъ гибельнаго вліянія на воспитаніе и судьбу дѣтей; и какъ честный человѣкъ, онъ рѣшается выйти изъ такого двусмысленнаго положенія, подаетъ просьбу о своемъ увольненіи изъ духовнаго званія. Во первыхъ ему ранѣе года почти невозможно добиться такого увольненія. Потомъ хоть и уволятъ, но наложатъ на него, именно какъ на преступника очень суровое наказаніе. Человѣку,

который и по воспитанію и по прежней своей службѣ, не можетъ быть мужикомъ, или мѣщаниномъ, запретить поступленіе на какой бы то ни было родъ службы въ теченіи 6—10 лѣтъ не тожели значитъ, что наказывать его временнымъ лишеніемъ даже тѣхъ правъ, которыя онъ имѣлъ до священства и дьяконства.

Какіе же благодѣтельные результаты для духовныхъ лицъ, для прихожанъ, для церкви отъ запрещенія священнослужителямъ вступать во второй бракъ? Кто не знаетъ ихъ? Рѣдкій изъ священниковъ и дьяконовъ, рано еще овдовѣвшихъ, выдерживаетъ себя; самая большая часть ихъ ищетъ утѣшенія у Бахуса. И вообще между д-вомъ не мало поклонниковъ этому отставному божеству, но вдовцы стоятъ здѣсь впереди другихъ. Когда овдовѣетъ еще не въ старости священникъ, или дьяконъ, то обыкновенно говорятъ: «Эхъ, жалко, не сдоброватъ теперь ему, не удержится онъ.» Рѣдко предсказаніе не сбывается; — дѣйствительно *ноги часто отказываются поддерживать его.* О разстройствѣ хозяйства и семейства нечего и говорить; даже поведеніе вдовцовъ не всегда можетъ служить примѣромъ для прихожанъ. Но объ этомъ помолчу. Не укорять, не обличать нужно несчастныхъ, а сожалѣть о нихъ!

По моему мнѣнію, слѣдовало бы позволить оставлять духовное званіе не однимъ вдовымъ, но и другимъ, которые по состоянію своего здоровья, или по внутреннему убѣжденію почувствуютъ себя неспособными оставаться въ д-вѣ. Почему бы не взять въ этомъ случаѣ во вниманіе нѣкоторыхъ болѣзней, которыя составляя важное препятствіе къ исправленію священническихъ и дьяконскихъ обязанностей, м. т. позволяютъ быть очень счастливыми въ другихъ сословіяхъ? Почему также не уважить моральнаго и умственнаго настроенія, которое зараждается и укрѣпляется уже послѣ того, какъ кто либо сдѣлался священникомъ, или дьякономъ и заставляетъ скучать и тяготиться обязанностями, соединенными съ духовнымъ званіемъ, тогда какъ опять люди съ такимъ настроеніемъ будутъ прекрасными въ другихъ родахъ службы? Развѣ лучше, если они исполняютъ свою должность съ соблазнительною часто небрежностію? А я даже знаю случай, когда честный и благородный священникъ, не могши справиться появившимися у него новыми взглядами на религію, первоначально старался не совершать богослуженія; а не видя возможности оставаться въ такомъ положеніи и не желая быть комедіантомъ, покончилъ жизнь свою самоубійствомъ.

Этимъ отдѣломъ я оканчиваю свои замѣчанія относительно улучшеній бѣлаго д-ва въ умственномъ, нравственномъ; семейномъ, административномъ отношенніяхъ. Но остается еще не тронутымъ матеріальный бытъ, который былъ главнымъ поводомъ къ составленію этого сочиненія; имъ теперь и займемся. По моему мнѣнію матеріальный бытъ бѣлаго д-ва можно между прочимъ улучшить тремя способами; если 1) привести въ исполненіе предлагаемыя мною въ 57–60 отдѣлахъ реформы относительно уничтоженія кастоваго состоянія д-ва, преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, измѣненія духовной администраціи и взаимныхъ отношеній между властями и подчиненными, и пр. и пр., 2) освободить отъ множества тѣхъ расходовъ, которыми оно нынѣ такъ или иначе обременено въ противность закону и здравому смыслу и 3) доставить д-ву для его содержанія новыя матеріальныя или денежныя средства. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ я стану разсматривать одинъ за другимъ эти способы.

Отдѣлъ 61ый.

О томъ, что чрезъ улучшеніе умственнаго, моральнаго, семейнаго и соціальнаго положенія бѣлаго д-ва улучшился бы матеріальный его бытъ.

Реформы, посредствомъ которыхъ можно не только улучшить нравственное, моральное, семейное соціальное и пр. состояніе духовныхъ лицъ, но и содѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ благосостоянію, — такъ многочисленны; приложеніе ихъ къ матеріальному быту такъ разнообразно, что здѣсь входить во всѣ подробности нахожу затруднительнымъ. Остается ограничиться нѣсколькими примѣрами.

1) Предположимъ, что наши духовно-учебныя заведенія преобразованы сообразно съ современными понятіями о педагогіи, что духовныя лица получили въ нихъ прекрасное образованіе не только богословское, но и общечеловѣческое, не только факультетское, но и гимназическое, что они, зная въ

совершенствѣ богословіе, понимаютъ достоинство свѣтскихъ наукъ и знакомы съ ними, чужды схоластики, діалектики и всей семинарщины. Положимъ, что они, не будучи воспитаны по бурсацкимъ правиламъ, не пріучонные къ фальшивому смиренію, лицемѣрію, ханжеству, не видя въ примѣрахъ своихъ начальниковъ, какъ обкрадывать казну, жить на счотъ своихъ подчиненныхъ, выказывать чорное бѣлымъ, — что они сдѣлались истинно нравственными людьми, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оставивши тѣ угловатые пріемы, которымъ теперь учатся въ бурсѣ, и ложно прилагаемыя и понимаемыя монашескія правила, умѣютъ прилично держать себя въ обществѣ. Положимъ, что въ священники поступаютъ не въ слѣдствіе разныхъ *роковыхъ необходимостей*, не по наслѣдственности въ пятомъ и шестомъ колѣнѣ, не по куплѣ и продажѣ, а по внутреннему расположенію, не изъ одного колѣна Левіина, а изъ всѣхъ сословій вообще, а потому они оказываются не сравненно лучшими пастырями, нежели, какъ нынѣ. Наконецъ положимъ, что сверхъ всякаго ожиданія или, какъ говорятъ, *паче чаянія*, само начальство духовное, отказавшись отъ крѣпостныхъ почти своихъ правъ надъ подчиненными, стало обращаться съ ними съ уваженіемъ къ ихъ сану. Неужели бы все это не обнаружило никакого вліянія на д-во? Оно, освободившись изъ подъ унизительнаго гнёта, имѣя развитый, многосторонно-образованный умъ, возвышенныя нравственныя понятія, глубокое религіозное чувство, поднялось бы въ своихъ собственныхъ глазахъ, сознало бы свое высокое назначеніе, съумѣло бы благоразумнѣе устроить свою жизнь, и малыми средствами достигнуть многаго. Напр. по всей вѣроятности, оно оставило бы мало по малу ту несчастную страсть къ пробужденію веселаго расположенія духа, которою нынѣ такъ себя безславитъ. Съ уменьшеніемъ же и прекращеніемъ пьянства развѣ не уменьшились бы его расходы? Вѣдь нужно было бы менѣе запасаться жизненною водою. Кромѣ того и доходы поувеличились бы, п. ч. хозяйственныя дѣла пошли бы въ надлежащемъ порядкѣ. Потомъ міряне, увидавши, что священники не похожи уже на прежнихъ бурсаковъ а смотрятъ людьми образованными, отличаются настоящею нравственностію, а не казенными добродѣтелями, зная, что они приняли служеніе церкви не по наслѣдственнымъ правамъ, а по внутреннему призванію, получили мѣсто не въ приданое за женою, или не купили ихъ; — замѣчая, что они не принадлежатъ уже къ какой-то кастѣ, а взяты изъ среды ихъ, — и міряне перестанутъ глумиться надъ духовными лицами, почувству-

ютъ уваженіе къ нимъ, какъ къ своимъ пастырямъ. Тогда, р-ся, и матеріальныя средства д-ва увеличатся. Прихожанинъ, хоть сколько нибудь образованный, постыдится дать грошъ, или пятакъ своему батюшкѣ. Извѣстно, что, и нынѣ нравственные и образованные священники, любимые своими прихожанами, получаютъ доходовъ больше, нежели прочая ихъ собратія. Тогда, м. б. и въ самомъ дѣлѣ каждый приходъ безъ участія правительства самъ бы озаботился обезпечить причтъ свой.

2) Возьмемъ другой примѣръ. Положимъ, что господствующая теперь система замѣщенія св-и-ц-сл-скихъ должностей наконецъ оставлена и замѣнена новою вполнѣ сообразною съ каноническими правилами и здравымъ смысломъ. Чтобы видѣть, какое вліяніе такая реформа произведетъ на матеріальный бытъ д-ва, припомнимъ, что нынѣ гораздо болѣе половины духовныхъ лицъ поступаетъ съ обязательствами дѣлать семействамъ своихъ предшественниковъ болѣе или менѣе значительную выдачу денегъ, запасовъ и пр., которыхъ цѣнность составляетъ часто четверть, треть и даже чуть не половину всѣхъ денежныхъ доходовъ платящаго. Такая выдача для человѣка, получающаго 100—200 р. или 400—500 р. въ годъ, составляетъ крупную цыфру. Далѣе эта плата производится не одинъ или два года, а 10—20 и даже болѣе лѣтъ. Тутъ напр. изъ 100 руб. ежегодной контрибуціи чрезъ 20 лѣтъ составился бы капиталъ въ 2000 руб., а съ процентами и рекамбіями зашло бы за 3000 руб., а это для скромнаго сельскаго жителя было бы значительнымъ богатствомъ. Если бы онъ не сталъ откладывать излишковъ, то пок. м. могъ бы улучшить содержаніе своего семейства. Ну а теперь плати, не останавливайся; а то начнется тяжба въ к-ріи, тогда придется еще приплатиться. Другіе же, м. б. и не дѣлаютъ выдачъ семействамъ своихъ предшественниковъ, но зато получили мѣста чрезъ покупку ихъ, или поступили на нихъ, какъ говорится, *безъ кола и двора*, взяли въ приданое чуть не одно подвѣнечное платье и должны были уже почти съ перваго раза для своего посвященія входить въ долги. Въ такомъ случаѣ новому духовному лицу приходится 5—10 и болѣе лѣтъ платить старые свои долги, иногда расплачиваться за отца, купившаго мѣсто для него и дѣлать новые долги на свою собственную особу, чтобы устроить себѣ домъ, обзавестись хозяйствомъ и пр.

Но скоро появляются дѣти. Духовныя лица б. ч. по собственному опыту уже знаютъ, что со временемъ и дочерямъ, а иногда и сыновьямъ надобно будетъ купить мѣсто.

Для этого платишь ли что либо семьѣ своего предшественника, или расплачиваешься съ своими долгами, подумывай о томъ, чтобы накопить денжонокъ, которыя бы позволили пристроить своихъ дѣтей. Опять новыя лишенія. Нажилъ кое-что, но дочь, или сынъ выросли, нашлось мѣсто, куплено, и опять человѣкъ остался безъ денегъ, даже иногда съ порядочнымъ долгомъ; плати его, да заготовляй приданое для другой дочери. Т. о. часть жизни проходитъ въ томъ, чтобы отдавать треть, или четверть своихъ доходовъ семьѣ предшественника, потомъ въ тоже время, или въ слѣдующую часть жизни накопляй деньги для покупки мѣстъ дѣтямъ, на приданое дочерямъ; накопленное употреби, задолжай, плати, а потомъ уже наступила и старость. Нажитое прожито такъ или иначе, остается сдать мѣсто и *сѣсть* какъ говорятъ *на шею* своего преемника, сына, или зятя напр. и показать ему своимъ примѣромъ, чего и онъ долженъ ожидать подъ старость.

Скажутъ, что всѣ деньги, употребляемыя на покупку мѣстъ, остаются въ самомъ д-вѣ; чрезъ это, значитъ, общій итогъ доходовъ цѣлаго сословія неуменьшается. Если бы такое мнѣніе, даже вполнѣ было справедливо то и тогда излишекъ доставался бы въ руки отставныхъ, или оспротѣвшихъ, но зато главные дѣятели, которые составляютъ опору для настоящаго, надежду для будущаго времени, — эти дѣятели сами дѣлались бы бѣдняками. Не нормально такое положеніе! Потомъ часто наслѣдственность и покупка мѣстъ бываютъ выгодны не для однихъ духовныхъ лицъ. Я уже говорилъ, что нынѣ закрѣпляютъ мѣсто за мѣщанскими дочерьми, — внучками духовныхъ лицъ; а еще чаще деньги, отданныя за мѣсто, чрезъ стариковъ отца и мать поступаютъ въ собственность ихъ родныхъ, которые не принадлежатъ духовному званію. Наконецъ при отыскиваніе и покупкѣ мѣстъ для невѣсть развѣ нѣтъ экстренныхъ расходовъ? Въ этомъ случаѣ заботливому папашѣ придется разъ десятокъ и болѣе побывать въ губернскомъ городѣ, въ разныхъ селахъ за 100 и болѣе верстъ, истратить деньги на свое содержаніе. на угощеніе разныхъ лицъ, на подарки милостивцамъ. А развѣ купленныя и наслѣдственныя мѣста даются тоже даромъ? Да тутъ столько бываетъ добровольно-невольныхъ и невольно-добровольныхъ расходовъ, что не вдругъ подведешь итогъ подъ ними.

Наконецъ не должно забывать тѣхъ огромныхъ приданыхъ, которыя при господствующемъ нынѣ порядкѣ опредѣленія на св-и-ц-сл-скія мѣста приходится духовнымъ лицамъ

давать за своими дочерьми. Вѣдь тутъ часто тратятся такія деньги, которыя бы для сельскаго жителя составляли капиталъ и вполнѣ его обезпечивали подъ старость. Т. о. священникъ, которому, какъ в. с-но (1 ч. 16 отд.) выдача дочери въ замужество стоила 6000 руб., не истративши ихъ, получалъ бы ежегодно по 300 руб. сер. съ пятипроцентныхъ билетовъ коммерческаго банка и слѣд. могъ бы спокойно прожить въ старости. А если иному придется выдать двухъ-трехъ дочерей, то истрачивая каждый разъ даже по 2—3 тысячи, онъ теряетъ 6—9 тысячъ. Вновь повторяю, тутъ тратятся даже капиталы.

Итакъ не будетъ ли справедливымъ заключеніе, что матеріальный бытъ д-ва значительно бы улучшился, если бы нынѣшняя система раздачи св-и-ц-сл-скихъ мѣстъ замѣнилась другою болѣе раціональною и сообразною съ здравымъ смысломъ.

3) Есть еще обстоятельство, которое конечно доставитъ д-ву преимущественно нравственное и религіозное вліяніе на народныя массы и даже на образованное общество, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ содѣйствовать его благосостоянію, а со временемъ даже упрочить его. Обстоятельство это составляло и до сихъ поръ составляетъ спорный пунктъ между духовною и свѣтскою литературою, между духовнымъ вѣдомствомъ и министеротвомъ народнаго просвѣщенія. Поэтому я нахожу нужнымъ разсмотрѣть его по обстоятельнѣе и притомъ не съ одной экономической точки зрѣнія.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ толкуютъ о необходимости распространить грамотность между крестьянами. Повидимому приходское д-во всего легче могло бы принять на себя умственное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное образованіе русскаго народа. Въ немъ чуть не всѣ священники получили полное образованіе въ семинаріяхъ, дьяконы и даже причетники просидѣли по нѣсколько лѣтъ на школьныхъ скамьяхъ. Само д-во, особенно высшее, не отказывается отъ этой обязанности. Когда съ горячностію стали толковать о народныхъ школахъ, то синодъ и епархіальные начальники не только внушали, но и предписывали д-ву сельскому непремѣнно у себя въ домахъ безденежно учить крестьянскихъ дѣтей, такъ что года въ два открыто было д-вомъ до 20000 школъ (N 6. Русск. Вѣсти. 1863 г. стр. 845). Кіевскій митрополитъ грозилъ причетникамъ посылать на ихъ счотъ учителей, если они не станутъ учить въ народныхъ школахъ. Этого мало; д-ву хотѣлось даже присвоить себѣ исключительное право вести народъ къ просвѣщенію, или по к. м.

устранить, гдѣ можно, отъ этого министерство просвѣщенія. Черниговскій архіепископъ Филаретъ говоритъ: «школы грамотности по селамъ не нужны при сельскихъ церковныхъ школахъ, которыя въ черниговской епархіи находятся при всѣхъ сельскихъ церквахъ (журн. засѣд. уч. комит. ст. 8).»

Но литература, общество и даже крестьяне по мѣстамъ не охотно принимаютъ готовность д-ва руководить народъ въ дѣлѣ образованія, даже не очень вѣрятъ его способности къ такому великому дѣлу. По заведенному, т. е-ть, издавна порядку д-во объясняетъ это недовѣріе недоброжелательствомъ, которое питаютъ къ нему литература и образованное общество. Пора бы отказаться отъ подобныхъ казенныхъ взглядовъ и поближе всмотрѣться въ причины недоброжелательства. Д-ву не хотятъ ввѣрить народное образованіе, п. ч. «масса его, какъ говоритъ г. Шарловскій, оказывается до крайности плохими учителями (No. 5 Отеч. Зап. 1864 г. стр. 152), п. ч. священники, по словамъ г. Золотова, «не педагоги и по своему прежнему семинарскому образованію могутъ имѣть очень отсталые взгляды на народное образованіе (Излѣдов. крестьянск. грамотно. въ Тверск. и Моск. губ. стр. 39).» Такой отзывъ о неспособности большинства сельскаго д-ва къ педагогическимъ обязанностямъ по его отсталости легко объясняется. Въ былыя времена, когда у насъ кромѣ церковныхъ не было никакихъ другихъ книгъ, обученіе грамотности происходило только по нимъ, да и вся ученость частенько ими одними ограничивалась. Мнѣніе это и до сихъ поръ не потеряло своей силы; и теперь еще много есть защитниковъ, что непремѣнно нужно начинать учить дѣтей съ церковной печати по часовнику и псалтирю. Крестьянъ за такіе взгляды обвинять не слѣдуетъ. Г. Золотовъ справедливо говоритъ, что у нихъ при этомъ нѣтъ никакой задней мысли, у нихъ это несознательное убѣжденіе, основанное на томъ, что такъ-де наши грамотники и прежде учились, — предубѣжденіе, поддерживаемое и самими учителями, которыя по своей малограмотности и не могутъ иначе учить. Но «къ несчастію, продолжаетъ г. Золотовъ, такъ думаютъ не только неграмотные крестьяне, но и такія лица, которыя учились серьезно, или по к. м. долго, которые по сану своему могутъ имѣть и имѣютъ большое вліяніе на образованіе народа; они явно высказываютъ свое убѣжденіе, что кирилловскія буквы и титла внушаютъ простолюдину религіозность, что первою книгою для чтенія у него должна быть псалтирь, что этимъ и должна ограничиваться вся его грамотность.» А въ No. 5. Отеч. Зап. 1864 г.; по сло-

камъ г. Шарловскаго (народное образованіе стр. 184) «ярый защитникъ кирилицы доказываетъ, что чтеніе псалтиря, даже и безъ пониманія все таки спасительнѣе для души, чѣмъ всякое другое чтеніе.» Кромѣ этой приверженности къ старинной педагогической методѣ духовныя лица любятъ учить, какъ ихъ учили въ семинаріяхъ, т. е. задаютъ уроки, прослушиваютъ ихъ, взыскиваютъ за неисправность, а объ объясненіи и пониманіи ихъ и о развитіи умственныхъ способностей не очень заботятся; пусть только читаютъ, а понимаютъ ли читаемое, — это дѣло стороннее.

М. т. по мнѣнію литературы, образованнаго общества и правительства посредствомъ грамотности нужно пріучить крестьянъ къ пониманію того, что читаютъ, къ усвоенію свѣдѣній полезныхъ для нихъ, къ изложенію даже своихъ мыслей, — словомъ сдѣлать ихъ, хоть сколько нибудь развитыми людьми, а не читаками часовника и псалтиря. Методаже, которой слѣдуетъ большинство д-во по своимъ отсталымъ понятіямъ и отеческимъ преданіямъ не благопріятствуетъ этимъ цѣлямъ; даже иногда дѣлаетъ положительный вредъ. Г. Золотовъ (стр. 21) говоритъ: «объ успѣхахъ учащихся въ настоящее время еще ничего нельзя сказать, или придется сказать одно и тоже: читаютъ букварь, часословъ, псалтирь совершенно машинально; читаютъ бойко б. ч. только затверженное на память, но и тутъ иногда всѣхъ буквъ не назовутъ; потому, если перевернуть страницу, такъ тотчасъ услышишь: «здѣсь я еще не читалъ.» Нѣкоторые могутъ писать съ книги, или прописи, но и то съ ошибками, а изъ головы ничего не могутъ написать; многіе очень твердо читаютъ значительное число молитвъ, но очень немногіе могутъ сколько нибудь пояснить смыслъ; нѣкоторые прошли и начатки Христіанскаго ученія; причемъ заучиваются не только отвѣты, но и вопросы и потому если сколько нибудъ измѣнить вопросъ, то отвѣта не получите.» Въ другомъ мѣстѣ (стр. 6) г. Золотовъ, сказавъ, что многіе ученики читаютъ со смысломъ и хорошо разсказываютъ, тутъ же прибавляетъ; «особенно естественно разсказываютъ у тѣхъ учителей, которые не изъ духовнаго званія.»

Такую машинальную методу могутъ любить только старообрядцы всѣхъ толковъ, п. ч. она чрезвычайно благопріятствуетъ расколу. Деревенскіе читаки, какъ люди уже ученые, не хотятъ сознаться ни передъ собою, ни передъ другими въ томъ, что они не понимаютъ читаннаго и потому найдутъ таки въ немъ смыслъ, но совершенно превратный. У г. Золотова есть очень любопытный разсказъ,

сюда относящійся. «Тутъ вмѣшался, говоритъ онъ, одинъ изъ безсрочныхъ отпускныхъ солдатъ: все, братъ, сказалъ онъ, можетъ повести и къ добру и къ недобру, а къ соблазну можетъ повести чтеніе безъ надлежащаго пониманія и священныхъ книгъ; *вѣдь отъ такого-то чтенія и расколъ произошелъ;* у меня самого ребята учатся тоже по псалтирю; вотъ мнѣ разъ и пришло въ голову заставить ихъ пересказать по русски смыслъ прочитаннаго ими; такъ они такого наговорили, что меня инда потомъ прошибло.» Но если бы сами читаки и не осмѣлились отыскивать смыслъ въ читаемомъ, то имъ помогутъ раскольники. Они, по словамъ г. Золотова, «пользуясь безсмысленною грамотностію выучившихся читать псалтирь, указываютъ имъ сперва на то, что ихъ учителя и попы ничего имъ не объясняли, потомъ начинаютъ объяснять по своему и т. о. увлекаютъ въ расколъ. Обученіе по часослову и псалтирю, благопріятствуя развитію раскола, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ благотворнаго вліянія на образованіе. Г. Золотовъ (стр. 9), сказавши о религіозномъ значеніи этого обученія, какъ думаютъ духовныя лица, прибавляетъ: «это, конечно, самое вѣрное средство, чтобы удержать простолюдиновъ въ совершенномъ безсмысліи при тѣхъ грубыхъ понятіяхъ объ обязанностяхъ христіанина, подъ гнетомъ которыхъ они находились столько вѣковъ.» Послѣ всего этого странно же требовать, чтобы литература, образованное общество и министерство народнаго просвѣщенія предоставило д-ву не только исключительное, но и обширное право на обученіе народа; вѣдь имъ вовсе не кстати благопріятствовать развитію раскола, или обезсмысленію крестьянъ подъ видомъ грамотности.

Къ чести нѣкоторыхъ нашихъ крестьянъ надобно сказать, что и они стали понимать, недостаточность обученія, которое предлагается для нихъ д-вомъ. На стр. 26 г. Золотовъ пишетъ: «многіе изъ учителей даже изъ стариковъ .... со вздохомъ говорили: чувствуемъ и сами, что ученіе наше плохо; ровно ничего не стоитъ; такъ почесть, слава только, что грамотный, а на дѣлѣ тотъ же темный; ну а какъ сами учились, такъ и другихъ учимъ тоже безсмысленно, да если правду сказать, такъ никто у насъ никогда о смыслѣ и не спрашивалъ; требовалось только чтобы дѣти умѣли читать по церковному и гражданскому, да знали твердо молитвы, символъ вѣры и заповѣди, ну а понимать-то и изъ насъ, чай, мало кто и самъ понимаетъ.» Мужикамъ много открываетъ глаза медленность, съ которою происхо-

дить обученіе, а потомъ неумѣнье учителей пробудить въ дѣтяхъ охоту учиться. Въ No. 5. Отеч. Зап. г. Шарловскій (стр. 150) говоритъ: «засаживаніе дѣтей за псалтири и часовники, а вслѣдствіе этого тупое и медленное обученіе сильно отбиваетъ дѣтей отъ школы, а въ слѣдъ затѣмъ охлаждаетъ и родителей посылать къ нимъ дѣтей.» И какъ бы въ подтвержденіе этого на стр. 159 прибавляетъ: «юноши-ученики лѣтъ подъ 18—20 съ трудомъ осиливали азбуку, а м. т. въ теченіе 4—5 лѣтъ они послѣдовательно учились у священника, пономаря, наконецъ ученика семинаріи.» А одинъ изъ крещеныхъ татаръ, какъ пишетъ г. Ильминскій въ No. 6 Прав. Обозр. 1864 г. (стр. 134) говоритъ, что онъ и сверстники, учившись у заштатнаго священника «цѣлую недѣлю, выучили цѣлую строчку до *иже*, а въ первое лѣто прошли до ѳа,» т. е. выучили названіе буквъ и изъ складовъ двойные слоги изъ согласныхъ и гласной буквы *а*. Наконецъ, когда въ самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о народномъ образованіи, то крестьянинъ Медвѣдевъ сказалъ: «я государственный крестьянинъ и вижу, что родители не отдаютъ дѣтей отъ того, что, если отдать въ школу, то они одну азбуку три зимы учатъ, балуютъ отъ недостатка учителей и священниковъ; они больше заняты требами.» Крестьянинъ же Осыка прибавилъ: «я состою на службѣ шесть лѣтъ и свидѣтельствую, что наши школы потому плохо идутъ, что священники больше заняты приходскими дѣлами. Мальчики въ школѣ дерутся, учатся плохо, да, т. е-ть, ничему просто и не выучиваются. Видя этотъ не успѣхъ, отцы берутъ дѣтей назадъ; такъ и идетъ наше необразованіе; а понимать понимаетъ всякій, что ученіе дѣло нужное.» (No. 153 С. п. б. Вѣд. 1865 г.).

Сюда еще надобно присовокупить и то обстоятельство, что наше, особенно сельское д-во, очень мало свѣдуще въ свѣтскихъ наукахъ, даже не очень мудреныхъ, а съ другой стороны съ высоты своего богословскаго величія смотритъ на нихъ презрительно, не охотно имъ учится, а то и вовсе не беретъ на себя труда заняться ими съ дѣтьми, особенно изложить ихъ популярно, на словахъ, безъ зубренья. А м. т. даже въ народѣ сильно проникла мысль, что грамотность должна существовать не для себя самой, а для того, чтобы вмѣстѣ съ нею пріобрѣсти познанія изъ свѣтскихъ наукъ, такъ нужныя въ жизни. Это обстоятельство дѣлаетъ д-во еще менѣе способнымъ удовлетворять развивающемуся желанію крестьянъ учиться. Г. Шелгуновъ въ ст. Сибирь по большой дорогѣ (No. 2 Соврем. 1863 г. стр. 27) пишетъ;

«крестьяне Терскаго и Ишимскаго округа (Тобольской губерніи) просили, чтобы въ ихъ школы вмѣсто священниковъ прислали другихъ учителей. Причина просьбы объясняется очень просто. Религіозно-нравственное образованіе не удовлѣтворяетъ живымъ потребностямъ общества. Священникъ учитъ, м. б. и очень хорошо грамотѣ и закону Божію, но крестьянину, подготовляющему себя къ практической, или торговой дѣятельности, одной грамоты и однихъ молитвъ еще недостаточно. Ему нужно ознакомиться и съ такими предметами, которые нашему д-ву, вѣроятно, не извѣстны.»

К-ся, довольно ясно доказано, что большинство нашего д-ва, даже священниковъ не способны руководствовать образованіемъ народа; доказано не моими умозрѣніями, а свидѣтельствами, взятыми изъ разныхъ писателей и даже изъ духовнаго журнала. Но пусть д-во будетъ образовано въ общепринятомъ смыслѣ слова, пусть оно ознакомиться и съ современными требованіями педагогій и съ методами излагать свѣдѣнія популярно, пусть не старается все поглотить въ чтеніи псалтиря и часовника, въ заучиваніи однихъ непонятныхъ молитвъ и псалмовъ, тогда оно было бы ближайшимъ и полезнѣйшимъ руководителемъ народа и въ умственномъ развитіи; тогда бы вступились за него и литература и общество; къ нему обратилось бы и само Министерство Народнаго Просвѣщенія. Нечего уже и говорить, сколько бы оно принесло пользы крестьянамъ, государству и религіи; было бы кромѣ того не въ убыткѣ и въ финансовомъ отношеніи. Напрасно думаютъ, что наши мужики хотятъ выучиться *на мѣдные гроши*, или на *даровщинку;* нѣтъ, когда они видятъ, что грамотность приноситъ ясную пользу, не жалѣютъ денегъ учителямъ. Крестьянинъ Осыка, на котораго я сейчасъ ссылался, прибавляетъ: «я съ своей стороны совѣтовалъ бы учить, какъ слѣдуетъ; а жалованье учителямъ положить можно.» И теперь я знаю многихъ духовныхъ лицъ, которыя себя поддерживаютъ, обучая крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Одинъ дьяконъ съ женою получаютъ за это 175 руб. въ годъ, вѣдь это для дьякона очень не дурно. Но грамотность развила бы потребность въ ариѳметикѣ, въ грамматикѣ въ нѣкоторыхъ реальныхъ наукахъ. Тогда бы и вознагражденіе увеличилось.

Въ учителяхъ нуждаются не одни крестьяне, но и купцы, чиновники и дворяне, притомъ не только въ деревняхъ и селахъ, но и въ городахъ, особенно уѣздныхъ. Но для дѣтей этихъ лицъ одного умѣнья читать часовникъ, псалтирь и даже гражданскую печать недостаточно; здѣсь отъ

учителя очень часто требуютъ знанія ариѳметики, даже алгебры и геометріи, исторіи, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Къ сожалѣнію, какъ мы уже знаемъ, между духовными лицами слишкомъ рѣдко встрѣчаются знатоки всѣхъ этихъ предметовъ. И потому, конечно и купцы и помѣщики въ деревняхъ по нуждѣ приглашаютъ ихъ учить своихъ дѣтей, — вѣдь все таки лучше, хоть чему нибудь и какъ нибудь поучиться, нежели вовсе ничему не учиться. Но богатые люди выписываютъ и нанимаютъ за очень дорогую плату университантовъ и даже гимназистовъ, тогда какъ живущій чуть не рядомъ съ ними священникъ, при другомъ своемъ образованіи, могъ бы безъ труда для себя самого и съ меньшими издержками для отца дѣтей учить ихъ. Пусть же теперь преобразуется воспитаніе нашихъ пастырей, пусть они перестанутъ думать, что *кирилловскія буквы и типла внушаютъ религіозность*, что *чтеніе псалтиря, даже безъ пониманія душеспасительные всякаго другаго чтенія;* пусть позаботятся о томъ, чтобы дѣти не учили *цѣлую строчку до иже* въ теченіи цѣлой недѣли; пусть бросятъ діалектику, схоластику, старую семинарскую педагогику, пусть ознакомятся съ свѣтскими науками и пр. и пр.; — тогда и помѣщикъ, и чиновникъ, и купецъ съ удовольствіемъ попросятъ батюшку и о. дьякона учить дѣтей не одному уже закону божію, а и другимъ предметамъ и съумѣютъ щедро вознаградить за педагогическіе труды. Развѣ бы чрезъ это матеріальный бытъ д-ва не улучшился?

Отдѣлъ 62ой.

Объ улучшеніи матеріальнаго быта духовныхъ лицъ чрезъ освобожденіе ихъ отъ разныхъ налоговъ, податей, взятокъ и пр.

Чтобы видѣть, въ какой степени улучшится матеріальное положеніе бѣлаго д-ва, если освободить его отъ множества добровольно-невольныхъ и невольно-добровольныхъ расходовъ, — для этого нужно пересмотрѣть всѣ взятки,

подарки, гостинцы, пожертвованія, благодарности, акциденціи и пр., которыя оно волею или неволею истрачиваетъ на свои власти, при опредѣленіи на мѣсто, при тяжебныхъ дѣлахъ и пр. и пр. Почти о всемъ этомъ я уже говорилъ во многихъ отдѣлахъ; но нигдѣ еще не подводилъ общаго итога, — а онъ-то теперь и нуженъ. Но опредѣлить его очень трудно, п. ч. расходы, изъ которыхъ онъ составляется, разнообразны много зависятъ отъ произвола налагающихъ и получающихъ, отъ податливости платящихъ, часто измѣняются въ одной и тойже мѣстности. Тамъ владыка самъ выслушиваетъ каждаго, кто приходитъ къ нему съ своими жалобами, а здѣсь все отдается на разсмотрѣніи к-ріи. Тамъ письмоводитель, податчикъ и келейникъ архіерейскій, равно какъ и секретарь к-ріи не успѣли еще пріобрѣсти силу, а *промышляютъ* только по *мелочи;* здѣсь сдѣлались уже властію, не просятъ, а назначаютъ пожертвованія. Тамъ секретарь ничтоженъ, а члены, или канцелярія всѣмъ завѣдываютъ, а здѣсь секретарь всемогущъ, а прочая братія довольствуется *крохами* которыя ему не хочется поднимать. Тамъ благочинный совершенно покорилъ себѣ свое вѣдомство, беретъ и забираетъ, сколько найдетъ нужнымъ и возможнымъ, не только изъ кармана подчиненныхъ, но и изъ кружки церковной; здѣсь еще д-во удерживаетъ кое-какую самостоятельность, даритъ конечно, но не платитъ по неволѣ. Тамъ не берутъ за награды, или довольствуются единицами рублей, а здѣсь не удовлетворяются даже десятками ихъ. Тамъ ревизоръ возьметъ съ собою свиту изъ пяти человѣкъ, а здѣсь изъ тридцати; тамъ во все самъ вникаетъ, а здѣсь отдаетъ все на жертву своихъ помощниковъ: архимандрита, протоіерея, письмоводителя и пр. Тамъ мѣста не продаются, а здѣсь покупаются и притомъ по разнообразной таксѣ. Тамъ подъ видомъ взносовъ на богоугодныя и благотворительныя учрежденія не хлопочутъ о пристроеніи своихъ сыновей и дочерей, а здѣсь подобныя взносы предпочитаются всѣмъ аттестатамъ и заслугамъ. Тамъ нужно отдѣлывать крестовыя, строить дачи на счотъ д-ва, а здѣсь за этимъ негонятся. Тамъ тѣ лица, которымъ доставляются пожертвованія и приношенія, довольствуются тысячами, или десятками тысячъ рублей, а здѣсь стараются возвысить свои капиталы до сотенъ тысячъ. Извольте найти въ этомъ хаосѣ разнообразнѣйшихъ взятокъ, разнообразнѣйшихъ способовъ брать ихъ, найти среднюю величину; тутъ и Пуассонъ, и Гауссъ Остроградскій, и Абель отказались бы производить вычисленіе по теоріи вѣроятностей. Вотъ почему и я здѣсь по-

стараюсь представить краткую почти перечень расходовъ, отъ которыхъ освободившись, д-во вздохнуло бы посвободнѣе.

Еще не большое затрудненіе въ предстоящемъ вычисленіи состоитъ въ томъ, что д-во многіе свои невольно-добровольные расходы пополняетъ изъ церковныхъ денегъ. Но на это рѣшаются еще не вездѣ; даже благочинные не всѣ, по русской пословицѣ, осмѣливаются *запускать лапу* въ церковную кружку. А если гдѣ д-во или рѣшается само, или позволяетъ дѣлать другимъ это святотатство, то б. ч. п. ч. не въ состояніи изъ своего кармана уплатить всѣ налагаемыя на него пожертвованія. Притомъ заимствованія изъ церковныхъ денегъ все-таки, ничтожны съ тѣмъ, что расходуетъ д-во изъ своихъ средствъ. Поэтому я и рѣшился говорить о его расходахъ такъ, какъ будто бы оно само платитъ всѣ ихъ и самому читателю предоставляю сдѣлать вычетъ, какой онъ найдетъ справедливымъ.

Начнемъ съ ежегодныхъ податей; здѣсь на первомъ планѣ ставлю расходы на такъ называемыя *годовыя повинности*, по случаю представленія отчотовъ по Церкви, метрическихъ книгъ и пр. Выше уже (4 ч. 30 отд.) было сказано, что въ одной епархіи по умѣренному счоту ихъ можно считать до 7000 руб. И такъ какъ всѣхъ причтовъ здѣсь не болѣе тысячи, то на каждый изъ нихъ придется не менѣе семи рубл. Эта сумма значительно увеличивается деньгами, которыя въ теченіи года нужно платить благочинному за его визиты. Я знаю мѣстность, гдѣ повинности и визиты стоютъ причту даже до 20 рубл. и потому поступаю очень скромно, сокращая эту цыфру до 10—12 руб.; право, скромно. Но къ ежегоднымъ повинностямъ надобно отнести деньги, которыя платятся секретарю и столоначальникамъ к-ріи, а гдѣ есть, и столоначальнику духовнаго правленія за славленье, — деньги, которыя жертвуются протоіереямъ уѣздныхъ городовъ за неговоренныя проповѣди, за цензуру говоренныхъ, или истрачиваются на проѣздъ изъ села въ городъ для *говоренья*, — деньги, которыя о. о. протоіереи собираютъ, разсылая окружныя посланія съ заглавіемъ: *возлюбленная о Христѣ братія*, или лично за ними являясь, — небольшія деньжонки, которыя перепадаютъ сторожамъ-почталіонамъ, — порядочныя уже деньжонки, которыя надобно употребить на угощеніе о. благочиннаго, о. протоіерея и пр. Сюда еще нужно присоединить *подводную повинность*. Извѣстно, что д-во въ этомъ отношеніи нѣсколько сравнено съ крестьянами. И оно должно перевозить свою земскую власть, — благочиннаго на своихъ подводахъ изъ села въ село; тоже самое

дѣлаетъ для духовника, производителей слѣдствій, по случаю визитовъ протоіереевъ, для развозки указовъ и пр. Конечно, у каждаго почти сельскаго духовнаго лица есть лошадь, конечно отвести кого бы то ни было 5—10 верстъ не великая тягость. Но иногда лошади нѣтъ, или нужна въ домашнемъ хозяйствѣ, иногда и самому отлучиться никакъ нельзя: такъ дѣлать нечего, приходится нанимать мужика. А иногда переѣзды изъ села въ село бываютъ 15—30 верстъ, взадъ же и впередъ 30—60 верстъ; — тутъ и самому въ лучшую погоду надобно потерять сутки, а въ грязную и ненастную и побольше. Значитъ, подводную повинность считать ничтожною не слѣдуетъ.

Потомъ есть повинности, касающіяся отдѣльно причетниковъ. По 51 пункту своей инструкціи «благочинный для повѣстокъ и разсылокъ имѣетъ при себѣ *неотлучно* изъ подвѣдомственныхъ ему причетниковъ по недѣльно, а когда случится много дѣла, можетъ взять и другаго.» Вникните въ эти слова. На основаніи ихъ, благочинный имѣетъ право держать при себѣ одного и даже двухъ дьячковъ въ качествѣ разсыльныхъ понедѣльно. Въ году всѣхъ недѣль 52, а благочинные рѣдко имѣютъ болѣе 15 причтовъ, и слѣдовательно 30 причетниковъ; или даже 15—20 тамъ, гдѣ при каждомъ священникѣ состоитъ только одинъ причетникъ; вѣдь т. о. дьячку и пономарю придется прожить разсыльнымъ у благочиннаго болѣе 2—3 нед. Кромѣ того его могутъ послать съ репортомъ въ уѣздный и губернскій городъ за 100 и болѣе верстъ, и на это не обязаны давать ни одной копѣйки. Скажите, Бога ради, вѣдь это тоже, что *задѣльная* повинность у временно-обязанныхъ крестьянъ съ тѣмъ только различіемъ, что крестьянинъ, посланный куда либо помѣщикомъ, содержится на его счетъ и каждая 25 верстъ полагаются за одинъ рабочій день, а при лошади за $1^1/_2$ дня, такіе дни вычитаются изъ общаго числа дней, которыя крестьянинъ долженъ отработать на своего барина. *Пора — пора отмѣнить крѣпостное право надъ причетниками.* Далѣе по 50 пункту благочинный «*имѣетъ власть* въ отсутствіе отъ своей Церкви по должности поручить священнослуженія и исправленіе требъ одному изъ своихъ подчиненныхъ священниковъ, *кому заблагоразсудитъ.*» Опять обратите вниманіе на тонъ рѣчи: *имѣетъ власть*, — *кому заблагоразсудитъ* въ отсутствіе отъ своей Церкви. Ну а если онъ заблагоразсудитъ поручить исправлять свои требы священнику, живущему за 30 верстъ, если *проотсутствуетъ* недѣлю, двѣ; — вѣдь и на это *имѣетъ власть*, которая ничѣмъ не

ограничивается, а дѣйствуетъ, какъ *заблагоразсудитъ*. Святые отцы! Помилосердствуйте! Возможно ли подчинять нынѣ д-во такому произволу? Вотъ теперь и рѣшись какой либо либералъ не очень щедро расплачиваться съ о. благочиннымъ за визиты и годовыя повинности. Не плати, пожалуй, только помни, что о. благочинный имѣетъ власть заблагоразсудить заставить священника вмѣсто себя служить обѣдни и исправлять требы, а причетника держать при себѣ неотлучно 2—3 недѣли въ году и послать хоть разикъ въ рабочую, или ненастную, грязную погоду за 100 верстъ съ репортомъ. Присмирѣете, г. либералъ; заплатите, что отъ васъ *заблагоразсудятъ взять*. Къ счастію еще благочинные оказались снисходительнѣе къ подчиненнымъ, нежели инструкція ихъ. Съ причетниковъ берутъ въ годъ по рублю, или по два, чтобы ихъ не держать при себѣ неотлучно, а исправленіе приходскихъ требъ въ свое отсутствіе поручаютъ, руководствуясь порядочнымъ благоразуміемъ. Къ такой снисходительности и благоразумію, м. б. побуждаются и тѣмъ, что подчиненные хорошо платятъ за пріѣзды и отправляютъ годовыя повинности.

Теперь, г. ч. по всей вѣроятности, вы не обвините меня въ преувеличеніи, если я скажу, что всѣ перечисленные мною ежегодные налоги среднимъ числомъ обойдутся каждому причту не менѣе 25 руб.

Сюда еще надобно присоединить множество невольно-добровольныхъ приношеній на женскія училища, на попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія и пр. Конечно, это тоже, что падача милостыни, но къ милостынѣ указами не приглашаютъ; потому я включаю и эти расходы въ число податей. И такъ годовыхъ расходовъ, налоговъ, пожертвованій, называйте, какъ хотите, наберется до 30—35 руб. съ каждаго причта а съ священника 15—17½ руб., дьякона 7½ — 8¾, съ причетника 3¾—4⅜ руб. Есть, р-ся, мѣста, гдѣ эта цыфра к-ся высокою, но найдутся другія мѣста, гдѣ меня, пожалуй, обвинятъ даже въ пристрастіи и снисходительности къ благочиннымъ.

За ежегодными слѣдуютъ тѣ расходы, которые повторяются чрезъ два-три года, одни для всѣхъ, другіе для многихъ по к. м. священниковъ. Тутъ первое мѣсто предоставимъ ревизіямъ архіерейскимъ. Тяжеленьки онѣ, какъ мы уже видѣли, для д-ва. Поѣзжай въ сборное мѣсто и истрать 2—3 руб., которые могъ бы употребитъ съ пользою на домашнее хозяйство, доставь о протоіерею уѣзднаго города *рублевыя лепты* на принятіе и угощеніе высокаго посѣтителя

и его свиты, доставь опять рубли о. благочинному на пріобрѣтеніе снисходительности тѣхъ, кто станетъ пересматривать церковные документы и опять частенько на угощеніе главнаго ревизора и его свиты; вѣдь, всего наберется довольно. Припомните, что тамъ лакей требуетъ и получаетъ со штата не менѣе одного и даже двухъ руб., здѣсь протоіерей, бывшій помощникомъ ревизора, привозитъ изъ поѣздки 800 руб., тутъ пѣвчіе въ одномъ городѣ набираютъ до 200—300 руб., а вотъ и въ селѣ пріемъ всей свиты сталъ до 50, даже 150 руб. Кромѣ того бываютъ и эстренные случаи. Одинъ ревизоръ, котораго можно назвать сатрапомъ въ чорной рясѣ, трехбунчужнымъ пашою, проконсуломъ съ крестомъ, во время своихъ объѣздовъ не очень ласково обходится съ священниками. «Ты уже старъ, говоритъ онъ одному, подавай въ отставку.» «А ты плохо умѣешь обращать раскольниковъ, переходи въ такое-то (р-ся, худшее) село. Ну вотъ ты умный и хорошій человѣкъ, но приходъ не по тебѣ; вотъ тамъ (въ такой-то глуши) есть село, гдѣ началъ распространяться расколъ; я тебѣ повѣряю этотъ приходъ и надѣюсь, что сохранишь его въ православіи.» Ну а другимъ скажетъ еще какія либо любезности и всѣмъ прикажетъ явиться къ себя для окончательнаго рѣшенія. Ну и ѣдутъ, и везутъ, и возвращаются назадъ съ пустыми карманами, но зато и остаются на тѣхъ же мѣстахъ. Вотъ этакія-то ревизіи уже и черезъ чуръ тяжеловатыми покажутся даже д-ву; но *оно охаетъ, а все-таки поплачивается.*

Теперь очередь за наградами и разными отличіями; здѣсь, р-ся, дѣло касается однихъ священниковъ; только недавно стали награждать дьяконовъ благословеніями синода. Объ общихъ, т. с-ть, валовыхъ наградахъ, какъ напр. кресты за крымскую войну, распространяться не зачѣмъ; онѣ слишкомъ рѣдко бываютъ. Ординарныя же, замѣтныя для всякаго награды не очень щедро, какъ извѣстно, раздаются священникамъ. Но если благословеніе архіерея и набедренникъ считать наградами, отличіями, то, чего добраго, до половины священниковъ, прожившихъ до 50—60 лѣтъ, чѣмъ нибудь да будутъ награждены. И если полученіе креста за крымскую войну, который давался всѣмъ безъ исключенія священникамъ, не бывшимъ подъ судомъ и штрафомъ, стоило съ проѣздомъ болѣе пяти рублей, и поднималось и за 20 руб., то смѣшно было бы обойтись безъ расходовъ, когда дѣло касается до награды, которая не выдается всѣмъ по распоряженію правительства, а зависитъ отъ мѣстнаго начальства. Благословеніе конечно не сообща-

ется въ соборѣ съ пѣніемъ *аксіосъ*, но за всѣмъ тѣмъ надобно же пріѣхать за свидѣтельствомъ к-ріи о немъ. Деньги на проѣздъ, благодарность секретарю, столоначальнику, члену за подпись свидѣтельства и разнымъ поздравителямъ въ к-ріи не могутъ же ограничиться пятью рублями. Иногда тутъ щедры бываютъ, если благословеніе получится въ началѣ службы; это первая награда, *первая*, т. с-ть, *ягодка*. О набедренникѣ нечего и говорить. Тутъ произносится въ соборѣ торжественное *аксіосъ* и потомъ по окончаніи литургіи награжденный долженъ отблагодарить и протодьякона, и дьяконовъ, иподьяконовъ, пѣвчихъ, сторожей и пр. А потомъ за свидѣтельство и подписи на немъ опять расплатись, да прогуляйся еще въ губернскій городъ и обратно. Награжденный же скуфьею, камилавкою протоіерействомъ, особенно же орденомъ, *раскошеливайся* по русской поговоркѣ, развязывай свой кошелекъ. Иногда самое представленіе къ такимъ наградамъ требуетъ предварительныхъ благодарностей, и потомъ уже по полученіи настоящаго знака отличія, выставляемаго на головѣ, груди, или повышенія въ церковной епархіи самый скупой человѣкъ долженъ *расщедриться*. Ему предстоитъ подписаться на попечительство, или женское училище, дать за свидѣтельство, расплатиться съ поздравителями въ соборѣ, архіерейскомъ домѣ и к-ріи. Какъ велики бываютъ эти расходы, трудно опредѣлить, но не вездѣ конечно, а по мѣстамъ, они доходятъ до крупныхъ цыфръ, какъ видно изъ слѣдующаго событія. Одинъ викарій представилъ болѣе 70 человѣкъ къ наградѣ скуфьею. Когда епархіальный архіерей, пораженный такою щедростію, произвелъ секретное дознаніе, то узналъ, что всѣ эти 70 человѣкъ внесли каждый очень порядочное пожертвованіе, чтобы быть представленнымъ къ скуфьѣ, и потому представилъ только двоихъ изъ нихъ въ синодъ. Но не получившіе, хотя уже и поплатившіеся, не скорбѣли о томъ, что ихъ обошли наградою; п. ч. по полученіи имъ пришлось бы ужъ слишкомъ много истратить на благодарности; молва возвышала цыфру до сотни и болѣе рублей. По к. м. сумма должна быть велика; иначе не остались бы довольны за то что ихъ не наградили; новая трата въ 20—30 руб. не напугала бы ихъ.

Далѣе очередь за налогими, т. с-ть, единовременными. Сюда относится, р-ся, прежде всего опредѣленіе на мѣсто. Конечно тутъ хлопочутъ иногда отецъ, иногда тесть, но иногда и самъ семинаристъ, или академистъ, учитель и профессоръ, — только такъ или иначе все-таки подать идетъ

изъ кармановъ настоящихъ, или будущихъ духовныхъ лицъ. Тутъ иногда нужно внести на пожертвованіе для какой либо мнимой или дѣйствительно благотворительной и богоугодной цѣли; истратить множество денегъ на к-рію, и въ архіерейскомъ домѣ. А потомъ, когда уже дѣло все покончится, человѣкъ женится и пріѣдетъ посвящаться, то онъ, если священникъ, опять готовъ по к. м. сто руб., а при небольшой щедрости, или при какихъ либо встрѣчающихся препятствіяхъ истратить и до 150 руб. Но сначала получаютъ мѣсто плоховатое; надобно просить о переходѣ на другое лучшее. Сколько разъ придется съѣздить ко владыкѣ, потратить денегъ въ к-ріи за собраніе только нужныхъ свѣдѣній. Наконецъ получитъ новое мѣсто, тогда опять пожертвованія на попечительство и женскія училища, расходы въ к-ріи и пр. А выдача послѣднихъ за *вольнаго*, какъ говорятъ, *жениха?* Да тутъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, тратятъ почти капиталы. Вѣдь, не безъ причины же даже московскіе священники, выдавши дочь въ замужство, остаются въ долгахъ до своей смерти, а иногда и передаютъ ихъ своимъ наслѣдникамъ.

Не должно забывать случайныхъ, экстренныхъ пожертвованій на богоугодныя и благотворительныя дѣла. Тутъ нужна дача для архіерея, тамъ нужно крестовую устроить на новомъ мѣстѣ, здѣсь покрыть желѣзомъ к-рію, а вотъ открывается новое женское училище; отцы святые! приготовляйтесь! Скажутъ: да вѣдь это рѣдко случается. Правда, одно и тоже не повторяется; но вмѣсто того одно смѣняется другимъ; являются новыя совсѣмъ неожиданныя потребности, на которыя нужно жертвовать. Думала ли напр. К-ская епархія, что ей придется на свой счотъ переносить семинарію въ какую то деревню? А м. т. ей пришлось пожертвовать на этотъ положительно вредный предметъ, какъ слышно, до 50,000 р. Не думайте, чтобы и на будущее время духовныя лица свободны были отъ подобныхъ разнородныхъ невольно-добровольныхъ и добровольно-невольныхъ пожертвованій; — попечительное начальство ихъ изобрѣтетъ, деньги соберетъ, а положеніе д-ва сдѣлаетъ еще хуже.

Ну а что сказать о тѣхъ случаяхъ, когда духовному лицу придется имѣть какое либо дѣло въ к-ріи? Не дешево достанется даже полученіе паспорта. А жалоба? А отвѣтъ на жалобу? А спорное дѣло? А допосъ благочиннаго? А слѣдствіе? Ну тогда ужъ, какъ выражается авторъ книги о с. д., *придется продать послѣднюю корову.*

До сихъ поръ говоря о каждомъ налогѣ особенно, я

старался опредѣлить хоть приблизительно его величину; но есть еще возможность составить понятіе объ этой величинѣ или по отдѣльнымъ нѣкоторымъ фактамъ, или по общимъ соображеніямъ.

Одно изъ женскихъ духовныхъ училищъ, построенное и поддерживаемое на епархіальныя средства, существуетъ болѣе 10, к-ея 12 лѣтъ. Число воспитанницъ въ немъ не бывало менѣе 50, но возрастало до 100. На ежегодное ихъ содержаніе, на прислугу, отопленіе, ремонтъ дома, на жалованье служащимъ, нужно положить самымъ умѣреннымъ образомъ по к. м. 7—10000 руб. Кромѣ того училище имѣетъ 65,000 капитала. Если присоединить сюда деньги, истраченныя на всѣ постройки и первоначальное обзаведеніе, то вся сумма въ теченіи 12 лѣтъ будетъ простираться до 200,000 руб. Конечно въ составленіи ея участвовали нѣкоторые міряне, но за то многія суммы, пожертвованныя самимъ д-вомъ на это училище, не дошли до него, такъ что можно смѣло положить весь двѣнадцатилѣтній сборъ, павшій на одно д-во, не менѣе 200,000 руб., но я убавлю въ избѣжаніе спора до 150,000 руб. т. о. на каждый годъ придется по 10,250 руб. Въ епархіи не болѣе 1000 причтовъ; значитъ, на одно это училище каждый годъ среднимъ числомъ *взимаемо* было по 10 руб. съ каждаго причта. На устройство дачи, о которой в. с-но, собрано было до 10,000 руб. не болѣе, какъ въ годъ. Если тутъ положить 1000 причтовъ и половину сбора отнести на Церкви, то каждый причтъ уплатилъ среднимъ числомъ не менѣе пяти руб. Если повѣрить, что на перенесеніе Костромской семинаріи собиралась сумма не болѣе, какъ въ теченіи пяти лѣтъ, то опять въ годъ съ каждаго причта придется болѣе 10 руб.

Теперь начнемъ-те дѣлать общія соображенія 1) Рѣдкій благочинный не получитъ отъ своей должности менѣе 100 руб. чистаго дохода; иначе, право, не изъ за чего служить; другіе же получаютъ болѣе 200, даже до 300 руб. Для своихъ вычисленій беру 100 или 150 руб. По отчету Об. Пр-ра за 1861 г. всѣхъ благочинныхъ въ Россіи 2486; значитъ, всѣ благочинные получатъ 248,600 руб., или 372,000 руб. 2) Въ духовныхъ правленіяхъ есть столоначальникъ, а у него писцы, потомъ сторожа, есть и члены, особенно первый. Доходъ письмоводителя, писцовъ и членовъ, особенно старшаго между ними нужно положить до 1000 руб. А всѣхъ духовныхъ правленій въ 1861 г. было 155, слѣдовательно они получатъ до 155,000 руб. 3) Доходы консисторскихъ столоначальниковъ простираются до трехъ и болѣе тысячъ руб.; одинъ изъ нихъ при откровенномъ разговорѣ сказалъ,

что въ счастливые годы достается ему до 5000 руб. Но уже ни въ какомъ случаѣ никакой столоначальникъ не получитъ менѣе 1000 руб. И потому средній ихъ доходъ въ 2000 р., право, вовсе не есть преувеличеніе Въ к-ріяхъ положено имѣть 5—7 столоначальниковъ; ограничивъ число ихъ шестью, мы увидимъ, что ихъ доходы равняются 12,000 руб. Теперь еще остается секретарь, его помощникъ, протоколистъ, которые незахотятъ по доходамъ быть ниже столоначальниковъ. Затѣмъ у каждаго столоначальника помощникъ, одинъ или два писца. Помощники, если они не пьяницы, имѣютъ семейства; значитъ, ихъ доходы очень не маловажны; и писцы съ голоду не умираютъ, по к. м. много пропиваютъ; и сторожа живутъ. Наконецъ многіе отцы члены не отказываются отъ приношеній. Что ни говорите, а вся к-рія со включеніемъ столоначальниковъ получитъ не болѣе 30,000 руб. К-рій въ 1861 г. было 51; слѣд. на нихъ израсходовало духовное земство болѣе $1^1/_2$ милліоновъ. 4) Не нужно забывать такъ называемой архіерейской сволочи: письмоводителя, податчика, лакеевъ и пр., потомъ соборныхъ протодьяконовъ, дьяконовъ, иподьяконовъ и прочей низшей братіи до сторожей; вѣдь, они всѣ получатъ кое-что отъ д-ва при ревизіяхъ, посвященіяхъ, а нѣкоторые только и живутъ приношеніями д-ва, да наживаютъ имѣнія. Вѣрно, вы не сочтете преувеличеніемъ, когда я ихъ общей доходъ положу только въ 5000 руб.; вѣдь это чтрезвычайно мало. Всѣхъ въ 1861 г. епархій вмѣстѣ съ грузинскими было 58; т. о. эта статья д-ву не могла обойтись менѣе 290,000 руб. Я здѣсь не касаюсь 14 домовъ викарныхъ архіереевъ; вѣдь, и въ нихъ многое перепадетъ. Сложивъ всѣ четыре статьи, получимъ до 2,200,000 руб. Всѣхъ св-и-ц-сл-лей въ 1861 г. было 113,810; слѣдовательно среднимъ числомъ на каждое лицо придется почти по $18^1/_2$ руб. Вѣдь, это огромный налогъ. Положимъ даже, что тутъ принимали участіе и Церкви и другія сословія, что я даже много увеличилъ доходы всѣхъ перечисленныхъ мною лицъ и мѣстъ, уменьшимъ на одну треть, и тогда все таки каждое духовное лицо должно было уплатить разныхъ добровольно-невольныхъ пожертвованій на свою администрацію до 12 руб. Кромѣ того не надобно забывать, что я изъ общей цыфры не исключилъ д-ва придворнаго, гвардейскаго, армейскаго, учебныхъ заведеній и пр.; а они к-рій не знаютъ; значитъ епархіальному д-ву еще побольше придется имѣть издержекъ.

Но составляя бюджетъ для духовной администраціи, я предполагалъ, что почтенные и не почтенные ея члены удо-

вольствуются только бюджетными суммами, которыя доставятъ имъ возможность жить хорошо самимъ и содержать семейства, даже кое-что уэкономливать для темной будущности, но уже не достаточны къ составленію большихъ, иногда громадныхъ капиталовъ, съ которыми и владѣльцы ихъ и потомки послѣднихъ могутъ благоденствовать на *многія лѣта*. А м. т. эти джентлмены существуютъ въ каждой епархіи непремѣнно по одному и даже по нѣсколько человѣкъ и играютъ весьма важную роль въ бюджетѣ расходовъ д-ва; займемся ими. Есть, какъ мы уже знаемъ, секретари к-ріи, которые наживаютъ много-этаженые дома и не хотятъ выходить въ отставку безъ 30,000 руб.; есть члены к-ріи, которые обезпечиваютъ будущность и свою и своихъ потомковъ домами и десятками тысячъ руб., есть архіерейскіе письмоводители, которые *благо-пріобрѣтаютъ* четырехъ этажные дома и богатыя имѣнія; есть экономы архіерейскаго дома, которые чрезъ 10—15 лѣтъ, подражая крыловскому медвѣдю, сосланному на всю зиму въ берлогу, могутъ *сосать свою лапу* и жить въ полномъ довольствѣ; есть лакеи, которые въ 5 лѣтъ наживаютъ не менѣе 10,000 руб. и пр. и пр. Кого нѣтъ? Всѣ эти джентлмены богатѣютъ на счотъ д-ва и увеличиваютъ бюджетъ его расходовъ. Возьмемъ для примѣра хоть лакея, о которомъ я сейчасъ сказалъ; вѣдь, если нажитые имъ въ пять лѣтъ 10,000 руб. раздѣлить между всѣми причтами епархіи, ограничивъ число ихъ тысячью, то каждый изъ нихъ долженъ былъ ежегодно платить по два рубля. И такъ архіерейскій только лакей увеличивалъ расходы д-ва на два рубля въ годъ для причта! Вѣдь много! Вѣдь, это только лакей! Лакей! Лакей! А письмоводитель? А секретарь к-ріи, а всѣ ея чиновники, а члены? А....? А....?

Надобно коснуться самихъ *Сáмовъ*. Нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя никакихъ богатыхъ пребендъ, или владея очень небогатыми, дѣлаются капиталистами и живутъ магнатами. Возьмемъ изъ нихъ того, который, какъ в. с-но, (3 ч. 13 отд.), оставилъ по себѣ въ билетахъ болѣе 100,000 руб.; и всѣ эти билеты положены были въ теченіи 16 лѣтъ; значитъ, среднимъ числомъ онъ каждый годъ могъ отдѣлять отъ своихъ избытковъ болѣе, нежели по 6000 р. Кромѣ того, онъ оставилъ огромный капиталъ въ одеждѣ и вещахъ; и при жизни не скупился на свое содержаніе. Нисколько не будетъ преувеличенія, если ежегодные его избытки положить еще въ 6000р.; всего же въ 12,000 руб. Откуда же добывалась каждый годъ такая сумма? Жалованье и законные

доходы *Сáма* были очень умѣренны. *Читайте и уразумѣйте.* Другой *Самъ*, умершій уже лѣтъ десять назадъ, оставилъ, какъ мы видѣли, болѣе, 400,000 руб. Правда онъ на одномъ и томъ же мѣстѣ *самилъ* (извините за новый глаголъ, произведенный мною отъ мѣстоимѣнія: *самъ*) слишкомъ 25 лѣтъ. Но всетаки въ каждый годъ у него оставались избытки въ 16,000 руб. Разложите эту и предъидущія суммы на 1000 равныхъ частей, и тогда увидите, что каждая доля состоитъ изъ 12 или 16 руб. Подобныхъ примѣровъ, подобныхъ *Сáмовъ* было, и есть, и будетъ много.

Можно ли теперь хоть приблизительно выставить общій бюджетъ расходовъ, которые бѣлое д-во должно истрачивать на всю свою администрацію, начиная съ правленскаго и консисторскаго сторожа и восходя по всей лѣстницѣ до самого *Сáма* и также на всѣ добровольно-невольныя пожертвованія? Признаться, очень трудно. Но, к-ся, положивъ среднимъ числомъ на каждое духовное лицо 30—40 р., мы едвали сдѣлаемъ преувеличеніе. Тяжесть этого валоваго налога для однихъ облегчается, а для другихъ увеличивается отъ слѣдующаго обстоятельства. Священникъ обыкновенно получаетъ при раздѣлѣ доходовъ вдвое болѣе дьякона и вчетверо противъ причетника. Поэтому и расходы надобно разсчитывать примѣнительно къ этому дѣлежу. Въ такомъ случаѣ конечно ежегодный расходъ причетника уменьшится до 15—20 руб., но зато у священника онъ увеличится до 60—80 руб. Кромѣ того и въ этомъ видѣ расходъ для однихъ уменьшается, а для другихъ увеличивается отъ побочныхъ обстоятельствъ. И священникъ даже хорошаго села не заплатитъ въ иной годъ на всѣ добровольныя и невольно-добровольныя пожертвованія, приношенія и вносы болѣе 15—20 руб., когда его дѣла идутъ нормальнымъ порядкомъ. Но за то другой, которому нужно пристроить къ мѣсту своихъ сына или дочь, или который имѣетъ тяжебное и слѣдственное дѣло въ к-ріи этотъ уже поплатится не десятками, а сотнями рублей.

Впрочемъ, безпристрастный читатель, предоставляю вамъ самимъ быть судьею въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Я описалъ невольно-добровольныя и добровольно-невольныя пожертвованія, приношенія и вносы д-ва, изложилъ основанія, по которымъ разсчитывалъ его расходы на администрацію, старался подтвердить множествомъ фактовъ и соображеніями, на нихъ основанными; — теперь судите и разсчитывайте сами. Только не забывайте, что 2483 благочинныхъ и всѣ служащіе въ 51 к-ріи, 155 правленіяхъ,

болѣе нежели въ 50 архіерейскихъ домахъ, въ такомъ же количествѣ каѳедральныхъ соборовъ или служатъ вовсе безъ жалованья, или получаютъ его въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ; нимъ не достаетъ его на простой чорный хлѣбъ, что м. т. большинству ихъ откуда-то нисходятъ денежные дары, которые даютъ имъ возможность не только не нищенствовать, но и благоденствовать, что между ними есть меньшинство, впрочемъ не очень малое, которое пріобрѣтаетъ какими-то темными путями большіе и даже огромные капиталы; не забывайте также взглянуть безпристрастно на житье-бытье самихъ *Сáмовъ*. Помните все это и разсчитывайте! Я увѣренъ, что мои вычисленіе не покажутся преувеличенными; въ одномъ случаѣ вы что нибудь уменьшите, но въ другомъ прибавите. Даже если вы и вездѣ сдѣлаете уменьшеніе и зато не вступаюсь; п. ч. какъ ни уменьшайте, а все таки останется на бѣломъ д-вѣ огромнѣйшій налогъ, который оно подъ разными формами вноситъ на свою администрацію, или на другіе предметы по ея указамъ.

И такъ не будетъ ли очень похоже на правду, если сказать, что матеріальный бытъ д-ва значительно бы улучшился, если бы оно освободилось отъ тѣхъ поборовъ и налоговъ, которыми теперь подъ видомъ взятокъ и пожертвованій его обременяютъ?

Отдѣлъ 63ій.

О пенсіонахъ духовнымъ лицамъ.

Во многихъ отдѣлахъ моего сочиненія уже разъяснено бѣдственное положеніе штатныхъ лицъ бѣлаго д-ва; впрочемъ они все таки имѣютъ возможность *не умирать съ голода*; большинство ихъ конечно не богато, но при помощи своихъ рукъ можетъ себя и свои семейства пропитывать. Но въ д-вѣ есть множество такъ называемыхъ заштатныхъ лицъ, уволенныхъ отъ должностей за болѣзнями и старостію, напр. въ 1861 г. ихъ было 143 протоіерея, 3370 священниковъ, 1904 дьякона и 6932 причетника, — всего 12,349 лицъ Отч. Об. Пр-ра 1861 г.) Еще большее количество находится вдовъ и сиротъ. Хорошо, если преемникъ духовнаго лица уплатилъ единовременно крупную сумму, или обязался ежегодно доставлять предшественнику, или его семейству

средства къ содержанію. Но это не всегда бываетъ; остаются въ д-вѣ престарѣлые и сироты почти безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Надобно сказать, что свѣтское правительство давно уже этимъ озабочено. Екатерина IIя указомъ отъ 11го Дек. 1791 г.) (см. XXIII т. собр. зак. стр. 286 No. 17004) предписала синоду положить въ заемный банкъ накопившуюся въ то время такъ называемую типографскую сумму (т. е. деньги, выручаемыя продажею церковныхъ и другихъ книгъ, которыя печатаются въ синодальныхъ типографіяхъ), составить изъ нее неприкосновенный капиталъ, присоединять къ нему ежегодные остатки тойже суммы и изъ процентовъ со всѣхъ такихъ денегъ «производить пенсію 1) былому священству, находящемуся при штатныхъ соборахъ и церквахъ, которые (т. е. не соборы и церкви, а духовныя лица) по глубокой старости, или неизцѣлимыхъ ради болѣзней служенія своего исправлять не могутъ и 2) статскимъ чинамъ у дѣлъ по вѣдомству синода. О томъ, что было сдѣлано по этому указу, я не нашолъ никакихъ свѣдѣній. Онъ, по всей вѣроятности, остался мертвою буквою; по к. м. ни соборные и церковные причты, ни синодскіе чиновники изъ указаннаго источника въ нынѣшнее столѣтіе не получали никакихъ пенсій; самые отчоты Об. Пр-ра объ этомъ никогда ничего не говорили. Только въ отчотѣ за 1859 г. (стр. 116) явились остатки типографской суммы въ 369,060 р. 38 к., но не какъ капиталъ для пенсіоновъ, а какъ отдѣльная самостятельная статья. По слухамъ же и очень достовѣрнымъ, эта сумма возрасла до большихъ размѣровъ и будто бы получила уже другое назначеніе. Впрочемъ не ручаюсь за вѣрность этого. Въ указѣ покойнаго Императора Александра 1го 1823 г. (см. т. XXXVIII собр. Зак. стр. 1169 No. 29583) пишется, что по причинѣ бѣдности бѣлаго д-ва «давно уже признана необходимость призрѣнія св-и-ц-сл-лей, уволенныхъ отъ должности за старостію или болѣзнію и ихъ вдовъ и сиротъ со стороны начальства.» Этимъ указомъ между прочимъ постановлено, чтобы (стр. 1174) «доходы отъ церквей, находящихся на кладбищахъ, слѣдующіе на благотворительное употребленіе, по окончаніи каждаго года доставлялись въ попечительство (о бѣдныхъ духовнаго званія), которое, принимая ихъ для означеннаго употребленія, вникаетъ во всѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ возможныя отрасли сихъ доходовъ и споспѣшествуетъ настоящему ихъ устройству. Кромѣ того, тогдашняя коммиссія духовныхъ училищъ нашла возможнымъ ежегодно отдѣлять на тотъ же

предметъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ по 150,000 р. асс. Распоряженія относительно этихъ суммъ ввѣрены были особымъ, какъ сейчасъ сказано, присутственнымъ мѣстамъ подъ названіемъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія, впрочемъ подъ непосредственнымъ надзоромъ епархіальныхъ начальниковъ.

Но тотчасъ же увидали, что указанные два источника очень недостаточны, и потому архіереи старались усилить ихъ мѣстными средствами, чтобы не только прикрывать ежегодные расходы, не и составлять мало по мало капиталы, съ которыхъ проценты обращались бы въ пользу бѣдныхъ духовныхъ лицъ. Предложено было сдѣлать добровольные единовременные взносы. Ихъ хотя и достало бы на покрытіе расходовъ въ два — три года, но какъ капиталъ, они составляли слишкомъ незначительную сумму и приносили малый доходъ. Поэтому епархіальныя начальства нашли нужнымъ завести при каждой церкви особую кружку съ надписью: *для бѣдныхъ духовнаго званія* и сверхъ того приглашали и до сихъ поръ приглашаютъ, или лучше почти что обязываютъ духовныхъ лицъ дѣлать чрезъ полгода или годъ добровольныя пожертвованія. Наконецъ когда съ 1842 г. стали выдавать изъ государственнаго казначейства жалованье д-ву, то положено было удерживать 2% для составленія пенсіоннаго капитала.

Но всѣ перечисленные мною источники денежныхъ суммъ немного помогли д-ву. Изъ 150,000 руб. асс., отдѣляемыхъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, на каждую епархію приходилось не болѣе 1000 рубл. сер., а съ 1865 г. духовно-учебное управленіе, по причинѣ недостатка суммъ на содержаніе училищъ, отказалось отъ выдачи этой суммы. Кладбищенскія церкви употребляютъ остающіяся у нихъ деньги на разныя украшенія, на покупку колоколовъ, огромныхъ люстръ и пр., такъ что тверская духовная к-рія въ 1863 г. предписывала не допускать въ кладбищенскихъ церквахъ прихотливыхъ расходовъ, а отсылать въ попечительство все не существенно нужное для церкви (см. No. 11 Совр. Лѣт. 1865 г. стр. 8. столб. 2.) Далѣе ежегодные взносы изъ церквей и отъ каждаго изъ духовныхъ лицъ до сихъ поръ продолжаются; благочинные даже обязаны заботиться о томъ, чтобы представляемая ими общая сумма была не менѣе прошлогодней; иначе имъ грозитъ неблаговоленіе начальства. Но сборныхъ кружекъ въ церквахъ у насъ слишкомъ много; одинъ священникъ насчиталъ мнѣ ихъ въ 1865 г. чуть не цѣлый десятокъ. Поэтому на бѣдныхъ духовнаго

званія собирается въ каждой церкви очень малая сумма, которую почти вездѣ пополняютъ изъ такъ называемаго *кошелька*. Нѣкоторые ежегодные обязательные взносы духовныхъ лицъ въ 1823 г. были очень значительны; я зналъ протоіерея, который каждый годъ жертвовалъ въ попечительство по 100 руб. асс. Но нынѣ эти взносы очень ограничены, поддерживаются только настойчивостью благочинныхъ, и даже, что грѣха таить, по мѣстамъ пополняются изъ церковныхъ денегъ. Послѣ этого неудивительно, что капиталъ попечительствъ всѣхъ епархій къ 1862 г. состоялъ только изъ 1,951,024 рубл. 57 коп. Наконецъ двухпроцентный вычетъ изъ жалованья д-ву въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ возросталъ и возросталъ, и въ 1860 г. возросъ съ накопившимися процентами до 5,502,838 рубл. 96 коп. Эта громадная сумма въ томъже году правительствомъ передана въ государственное казначейство, съ предоставленіемъ права синоду ежегодно «производить пенсіи лицамъ духовнаго званія до 180,290 рубл. (Отч. 1860 г. стр. 77—78.)» Но капиталъ этотъ оставался почти безъ движенія; въ 1859 г. изъ процентовъ его выдано только 8,020 рубл. 37 коп. (Отч. 1859 г. стр. 114). И потому въ большей части епархій денежныя вспоможенія бѣднымъ духовнымъ лицамъ ограничивались ничтожными суммами. Кого же обвинять въ томъ, что д-во до сихъ поръ остается безъ пенсій? По моему мнѣнію, свѣтское правительство свободно отъ такого обвиненія. Оно еще въ 1791 г. указало на источникъ для пенсій. По всей вѣроятности, тогдашній запасъ типографской суммы и ежегодные остатки отъ нее представляли крупную цыфру. Вѣдь странно же было бы предписывать назначать пенсіи св-и-ц-сл-лямъ штатныхъ соборовъ и церквей и еще синодскимъ чиновникамъ изъ какого нибудь ничтожнаго капитала. И потому въ теченіи 70 лѣтъ какой бы громадный капиталъ долженъ былъ составиться къ нашему времени? Потомъ не правительство ли же, т. е-ть, открыло въ 1860 г. въ духовномъ вѣдомствѣ другой пенсіонный капиталъ въ $5^1/_2$ милліоновъ рублей, о которомъ даже отчеты Об. Пр-ра молчали, и указано производить изъ него пенсіоновъ до 180,000 руб. Равнымъ образомъ я хочу оправдать д-во въ той безпечности, которую оно повидимому выказываетъ, не заботясь объ увеличеніи денежныхъ средствъ для обезпеченія его же самого. Извѣстно, что лица, принадлежащія къ какому либо сословію, не жалѣютъ о пожертвованіяхъ на пользу своего же сословія при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Когда знаютъ, что изъ жертвуемыхъ суммъ или сами

они въ старости и по отставкѣ, или семейства въ случаѣ ихъ смерти станутъ получать достаточное вспоможеніе. Т. о. чиновникамъ морскаго министерства не зачѣмъ сожалѣть о томъ, что у нихъ вычитается большой процентъ для составленія эмеритальной кассы. 2) Когда пожертвованія раскладываются правильнымъ порядкомъ на всѣ лица сословія, притомъ пропорціонально получаемому каждымъ жалованью. 3) Когда жертвователи или сами, или чрезъ своихъ избранныхъ участвуютъ въ расходованіи суммъ. Если же это почему либо невозможно, то для поддержанія усердія жертвователей нужно вести дѣло съ полною гласностію, печатать самые подробные отчоты, позволять жертвователямъ повѣрять ихъ безъ всякаго стѣсненія. Но духовныя епархіальныя власти въ распоряженіяхъ по дѣламъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія б. ч. не признаютъ нужнымъ держаться этихъ правилъ и часто даже не хотятъ отстать отъ своей *автоіерархической* самостоятельности.

1) Чего либо похожаго на эмеритальную кассу въ д-вѣ не существуетъ. Пусть отецъ семейства 30—40 лѣтъ ежегодно жертвуетъ въ попечительство о бѣдныхъ 20—50 руб.; но онъ не можетъ быть увѣренъ, чтобы и ему самому, и его семейству дано было достаточное вспоможеніе, когда они въ немъ будутъ нуждаться. Тутъ нѣтъ никакихъ постановленій, которыя бы ясно опредѣляли, кто и что послѣ извѣстнаго срока службы получитъ; все зависитъ отъ благаго, или неблагаго расположенія распорядителей.

2) Присутствіе попечительствъ состоитъ не изъ депутатовъ, избираемыхъ самимъ д-омъ, всѣ члены назначаются или по собственному усмотрѣнію епархіальнаго начальника, или по выбору изъ кандидатовъ, представляемыхъ к-ріею. Да и эти почтенныя особы, вообще говоря, имѣютъ совѣщательный только почти голосъ, служатъ часто исполнителями воли высшей надъ ними власти, которая въ свою очередь руководствуется своими соображеніями, далеко не изъятыми отъ ошибокъ, или слѣдуетъ внушеніямъ какого либо своего любимца. Въ большей части попечительствъ, хотя журналы засѣданій всегда пишутся и рано или поздо подписываются, рѣдко бываетъ собраніе членовъ. Чтобы ихъ не безпокоить, имъ присылаютъ журналы на квартиры, или чрезъ извѣстные сроки приглашаютъ въ присутствіе, чтобы они подписались вездѣ, гдѣ нужно. Отъ этого дѣйствительно распоряжаются всѣмъ или письмоводитель, или одинъ изъ членовъ. М. б. они иногда и спрашиваютъ владыку, но зато часто только скажутъ, что такъ приказано сдѣлать; а владыкѣ объ-

яснять, что такое опредѣленіе находятъ справедливымъ всѣ члены; а еще чаще владыкѣ, по причинѣ множества дѣлъ, некогда вникнуть во все, а остается утверждать то, что другіе придумали.

3) О томъ, чтобы ежегодно печатать подробные отчоты по попечительству, о томъ, чтобы повѣрять ихъ чрезъ лицъ, не только свободно избранныхъ д-омъ, но и свободныхъ отъ страха предъ епархіальною властію, едвали кто изъ властей и думалъ; даже мысль объ этомъ покажется обидною и унизительною. Впрочемъ попечительство представляетъ въ синодъ отчоты, которые составляются письмоводителемъ, имъ же повѣряются, а членами подписываются. Правда, по мѣстамъ назначаются даже ревизоры изъ городскихъ священниковъ; но тутъ главная забота почти состоитъ только въ томъ, чтобы отчотъ былъ согласенъ самъ съ собою, не слишкомъ противорѣчилъ приходорасходнымъ книгамъ и другимъ документамъ и чтобы не заключалъ въ себѣ ясныхъ нелѣпостей.

4) Въ самомъ попечительствѣ, а также при назначеніи и выдачѣ вспоможеній не всегда ведутся дѣла совершенно безкорыстно. Возьмемъ сначала письмоводителя; онъ получаетъ въ годъ жалованья, к-ся, не болѣе 200—300 рубл.; вѣдь не велико вознагражденіе; на него и одному нѣтъ возможности прожить. Кромѣ того и дѣла письмоводителю не мало; почти все на немъ одномъ лежитъ. Безкорыстную филантропію въ немъ предполагать не легко; вѣдь онъ долженъ жить чѣмъ либо и живетъ не дурно, не одинъ притомъ, а съ семьею, одѣваетъ и себя и ее не бѣдно. Откуда же берутся у него деньги? Манна съ неба нынѣ не падаетъ, птицы небесныя не приносятъ говядины, акридъ и дикаго меда у насъ нѣтъ. Какъ нибудь да добываетъ же себѣ деньжонокъ изъ своей службы письмоводитель. Далѣе извѣстно, что благочинные, представляя деньги, собранныя на попечительство, всегда что нибудь, — р-ся, ужь не рубль, пожертвуютъ ему. Конечно, этимъ немножко объясняется, почему письмоводителю есть возможность тратить на себя болѣе, нежели сколько онъ получаетъ жалованья; но зато рождается другой вопросъ: неужели отцы благочинные жертвуютъ ему свои собственныя деньги? Право, сомнительно. А спросите иную старушку — вдовую попадью, или дьяконицу; она, чего добраго, вздохнувши, скажетъ: «эхъ! батюшка! назначено мнѣ изъ попечительства 10 руб.; да благочинный дѣлаетъ изъ этого вычетъ на расходы.» Духовныя лица знаютъ объ всемъ этомъ хорошо.

5) Назначеніе вспоможеній не отличается тоже безпристрастіемъ. Большую роль тутъ играетъ письмоводитель по тѣмъ же причинамъ, по которымъ у насъ на Руси всѣ дѣлопроизводители, всѣ канцеляріи управляютъ присутствіями. Р-ся, и каждый членъ не забываетъ своихъ родныхъ, знакомыхъ и тѣхъ, которые такъ или иначе пріобрѣли его благорасположеніе. Но хоть, м. б., и изрѣдка, тяжеловѣсны бываютъ приказы епархіальнаго начальника. Что онъ прикажетъ и особенно захочетъ сдѣлать, — дѣлай уже безъ оговорокъ и отговорокъ. А приказанія эти не всегда отзываются безпристрастіемъ. У одного нашего знаменитаго архипастыря весьма близкая къ нему родственница получаетъ очень большой пенсіонъ изъ попечительства, хотя самъ владыка даетъ ей хорошее, а могъ бы давать даже лучшее содержаніе; п. ч. доходы его огромны. Въ концѣ сороковыхъ годовъ умеръ другой его родственникъ; хорошее мѣсто покойника было предоставлено дочери; владыка имѣлъ возможность обезпечить свою родственницу или своими средствами, или обязавъ зятя пропитывать ее. Но онъ самъ, не полагаясь на догадливость попечительства, сдѣлалъ ему предложеніе назначить семейству покойника ежегодное пособіе, сообразное съ его службою, которое при сей вѣрной оказіи и было расписано. Отъ всего этого происходитъ, что бѣдняки, за которыхъ некому вступиться, получаютъ самый ничтожный пенсіонъ. Да притомъ и на этотъ пенсіонъ нельзя разсчитывать на долго. Попечительства, частенько уменьшаютъ его, руководствуясь своими соображеніями. Изъ разъясненныхъ мною обстоятельствъ понятно, почему д-во такъ равнодушно относится къ попечительству о своихъ бѣдныхъ, почему оно съ неохотою, даже съ негодованіемъ дѣлаетъ малыя ежегодныя пожертвованія на этотъ предметъ, почему оно беретъ даже ихъ изъ церковной кружки.

Итакъ кто же виноватъ? Р-ся, опекуны. Когда они только себѣ самимъ присвоили право всѣмъ распоряжаться, то имъ бы и слѣдовало найти источники для пенсій, расположить д-во къ пожертвованіямъ, а не накоплять хоть напр. капиталъ до 5,500,000 руб. и выдавать изъ него только 8,000 руб. въ годъ. Вѣдь въ то время, какъ д-во страдаетъ отъ бѣдности, какъ сиротомъ и престарѣлымъ его званія можно бы назначать ежегодно 180,000 руб.; — даже больно видѣть, что выдача ограничивается 8,000 рублей!

Но время уже серьезнымъ образомъ приняться за составленіе капитала для пенсій сиротамъ и престарѣлымъ лицамъ

духовнаго званія; не вѣкъже имъ оставаться въ безпомощномъ положеніи, заниматься продажею мѣстъ и пользоваться наслѣдственными правами на нихъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на $5^1/_2$ милліоновъ рублей, переданныхъ изъ Синода въ государственное казначейство; къ нимъ присоединимъ еще почти 2 милліона рублей капиталовъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія. Значитъ весь пенсіонный капиталъ нынѣ состоитъ, по всей вѣроятности, изъ $7^1/_2$ милл. Если полагать на него 4%, то всего получится 300,000 руб. Потомъ чрезъ вычетъ 2% изъ казеннаго жалованья д-ву ежегодный доходъ состоялъ въ 1858 г. изъ 190,848 р., а въ 1859 изъ 185,957 руб. Такъ какъ съ того времени было ассигновано прибавки на жалованье, то всю эту статью можно теперь положить въ 200,000 руб. Слѣд. пенсіонный доходъ ежегодно простирается теперь до 500,000 руб. Всѣхъ епархій за исключеніемъ пяти грузинскихъ было въ 1861 г. 53, — послѣ еще, к-ся, сколько-то прибавилось. Поэтому я полагою число ихъ въ 55. Раздѣливъ на него 500,000 руб., увидимъ, что на каждую епархію достанется по 9090 руб. Пусть эти доходы и составляютъ основной фондъ для пенсій.

Но одна эта сумма очень незначительна, надобно ее каждый годъ увеличивать. При этомъ д-во пусть возьметъ себѣ девизомъ французскую пословицу: *помогай самъ себѣ и Богъ тебѣ поможетъ*. А потомъ пусть помнитъ, что пенсіонные вполнѣ удовлетворительные капиталы не появляются вдругъ *по щучьему велѣнью, по нашему прошенью*, а составляются годами и больше приготовляются стариками для потомковъ, а молодыми для себя на старость. Въ этомъ случаѣ д-во могло бы подражать вѣдомству морскаго министерства, гдѣ заведены такъ называемые эмеритальные кассы и гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ чиновники уже будутъ обезпечены на случай своихъ болѣзней и отставки. Но на этотъ способъ рѣшиться едва ли достанетъ смѣлости и духовнаго вѣдомства; духовныя лица б. ч. не въ состояніи отдѣлять изъ своихъ доходовъ и жалованья по 30—50 и даже болѣе рублей. Въ такомъ случаѣ можно подражать англійскимъ рабочимъ, которыя, отдѣляя чуть не по гривнамъ, умѣли составить громадные капиталы и при помощи ихъ не только другъ другу помогаютъ, но вступаютъ иногда въ борьбу съ капиталистами. По моему мнѣнію, духовныя лица безъ отягощенія себѣ среднимъ числомъ могутъ ежегодно вносить для пенсіоннаго капитала: священники и протоіереи по 10 р., дьяконы по 5, причетники по 2 р. 50 коп.; повторяю, среднимъ числомъ, значитъ, у самыхъ бѣдныхъ эти суммы

уменьшатся на половину, а достаточные не затруднятся заплатить и двойную сумму. Въ 1861 г. было на лицо 37945 священниковъ и протоіереевъ, 12,544 дьяконовъ и 63,421 причетниковъ; поэтому всей сборной суммы ежегодно собиралось бы 600,000 руб. Съ этою суммою можно поступать двоякимъ образомъ или 1) на первый годъ ее всю полагать въ кредитныя учрежденія и уже съ слѣдующаго года проценты ея употреблять на пенсіи; чрезъ это капиталъ ея ежегодно возрасталъ бы на 600,000 руб., а ежегодная пенсіонная сумма на 24,000 р.; или 2) половину сбора вносить въ кредитныя учрежденія, а другую тотчасъ же обращать въ пенсіоны. Конечно, при томъ и другомъ способѣ положеніе сиротъ и престарѣлыхъ не могло бы вдругъ улучшиться; но разъ принятая и неуклонно поддерживаемая эта система въ нѣсколько десятковъ лѣтъ значительно бы обезпечила д-во. А вѣдь теперь съ 1791 года, когда Императрица Екатерина указала на источникъ для пенсій, умѣли же почти ничего не сдѣлать и потомъ, набравши пять милліоновъ рублей, молчали о нихъ и съ ними. Если бы нынѣшнія духовныя лица сами не могли воспользоваться выгодами такого проэкта, то зачѣмъ быть эгоистами и думать только о себѣ самихъ? Почему не позаботиться о будущихъ потомкахъ, а молодымъ даже о самихъ себѣ? Вѣдь послѣднимъ и очень можно разсчитывать по хорошій уже пенсіонъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Способъ, мною предлагаемый, р-ся, не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго; но, если бы его ввели хоть сначала нынѣшняго столѣтія, или съ 1823 г., когда открыты попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, то теперь и сироты и престарѣлыя лица въ д-вѣ были бы обезпечены. Не надо же еще откладывать; иначе новыя 40, или 60 лѣтъ пройдутъ и ничего не будетъ сдѣлано. Но также пора перестать держать бѣлое д-во подъ опекою; оно выросло уже и можетъ само распоряжаться своими житейскими дѣлами. Пусть начальство предложитъ, сдѣлаетъ инициативу, смотритъ за правильнымъ распоряженіемъ суммъ, но пусть уже не будетъ единственнымъ распорядителемъ. Д-во, увидавъ, что деньги, собираемыя съ него для пенсіоновъ, идутъ дѣйствительно въ его же пользу, само постарается увеличить количество ихъ. А, если по прежнему продолжится опека, и на все бѣлое д-во станутъ смотрѣть, какъ на массу недорослей, то два рубля, которыя придется вносить, покажутся плательщику невыносимою тяжестію; а собираемые полумилліоны будутъ составлять милліоны и, пожалуй, залежатся гдѣ либо подъ

сохраненіемъ; или будутъ изъ нихъ расходовать гомеопатически, пока правительство опять не скажетъ, что пора уже назначать пенсіоны.

Отдѣлъ 64ый.

О жалованьѣ духовнымъ лицамъ и о надѣлѣ ихъ землею.

Одни, разъясненныя въ предъидущихъ трехъ отдѣлахъ, средства улучшить матеріальный бытъ д-ва конечно много бы помогли его благосостоянію, но вполнѣ не обезпечили бы его. И здѣсь, какъ и вездѣ, нужны деньги, деньги, деньги, или новые источники доходовъ.

На Руси привыкли думать, что всѣ вообще должностныя лица, какая бы ихъ профессія ни была, должны получать жалованье отъ правительства, или при помощи и по назначенію его. Поэтому, когда былъ поднятъ вопросъ объ улучшеніи быта д-ва, то чуть-ли не прежде всего обратились къ этому легкому и простому способу. Но нашлось много и противниковъ его, которые высказывали свои возраженія не только въ частныхъ разговорахъ, но и въ печати; обыкновенно говорятъ, что жалованье, назначаемое правительствомъ, отниметъ у духовныхъ лицъ характеръ служителей алтаря Господня и обратитъ ихъ въ чиновниковъ; они уже будутъ принадлежать не Церкви а Государству; даже будтобы народъ въ такомъ случаѣ станетъ смотрѣть на нихъ неблагопріятно, видя въ нихъ только агентовъ гражданской власти. Высказывалась даже та мысль, что священники при жалованьѣ станутъ небрежно исполнять церковныя требы и другія пастырскія обязанности. Въ опроверженіе всѣхъ такихъ нелѣпыхъ возраженій укажу на опытъ. У насъ очень многія духовныя лица получаютъ жалованье отъ правительства и часто однимъ только этимъ способомъ поддерживаютъ свое существованіе; сюда напр. относится все придворное и военное д-во, законоучители учебныхъ заведеній, священники при посольствахъ, въ больницахъ, богодѣльняхъ и пр. и пр. Но неужели же кто либо скажетъ, что все это, состоящее на жалованьѣ, д-во хуже приходскаго, собирающаго себѣ пропитаніе по грошамъ за требы; — неужели оно дурно исполняетъ свои пастырскія обязанности и обратилось въ чинов-

никовъ? Потомъ всѣмъ епископамъ, ректорамъ, настоятелямъ и даже простымъ монахамъ штатныхъ монастырей выдается отъ правительства въ большемъ или меньшемъ количествѣ жалованье. Неужели же иночествующая братія скажетъ, что это вредитъ духовнымъ и должностнымъ обязанностямъ ея и поставило ее въ рядъ мірянъ-чиновниковъ? Будь деньги правительства такъ вредны, какъ это проповѣдуется относительно бѣлаго д-ва, — благочестивые иноки всѣхъ степеней давно бы отказались отъ нихъ; но, сколько извѣстно, объ этомъ никто изъ нихъ и не помышляетъ; напротивъ не прочь повеличить казенное пособіе деньгами, или землею; доказательства на это найдете во всѣхъ безъ исключенія отчотахъ Об-Пр-ра. Если же люди, давшіе обѣтъ не имѣть связей съ міромъ, не отказываются отъ него получать жалованье, то почему оно унизитъ и испортитъ бѣлое д-во? Поэтому, по моему мнѣнію лучшимъ, болѣе легкимъ и простымъ способомъ улучшить бытъ его былобы жалованье.

Правительство наше, смотря по возможности, давно уже это и дѣлаетъ; оно даже само не разъ не дожидаясь ходатайства синода, предлагало помочь д-ву. По государственному бюджету на 1865 г. назначено на духовное вѣдомство гораздо болѣе 5,806,209 р. 86½ коп. Но здѣсь еще не включены деньги, которыя въ видѣ жалованья получаетъ д-во придворное, военное, посольское и пр.; по всей вѣроятности вся сумма, истрачиваемая правительствомъ на д-во, простирается гораздо болѣе нежели до 6,000,000 руб. Но возлагать на него обязанность назначить достаточное жалованье всему безъ исключенія д-ву не слѣдуетъ, даже недобросовѣстно, если принять въ вниманіе финансовыя затрудненія государства и постоянное возрастаніе расходовъ отъ введенія реформъ, не терпящихъ отлагательства.

Еслибы улучшить матеріальный бытъ всѣхъ св-и-ц-слей можно было 2—3 милліонами рубл., тогда бы, по всей вѣроятности, правительство помоглобы этому своими средствами. Но въ разсматриваемомъ случаѣ требуются не 2—3 милліона. Въ послѣдніе время не разъ принимались вычислять, сколько нужно денегъ для того, чтобы прилично содержаться причту. Къ числу умѣренныхъ принадлежали тѣ, которые назначали ему 1000 руб., т. е. 500 руб. священнику, 250 р. дьякону и пр.; по разсчоту автора книги о с. д. (стр. 160) одному священнику, вѣроятно въ тверской епархіи, нужно положить по меньшей мѣрѣ 647 р. 50 к.; въ No. 8 Дня 1863 г. эта сумма возвышается до 1000 р., притомъ съ прибивкою словъ по меньшей мѣрѣ. Если даже ограни-

читься 1000 руб. на штатъ, то, кромѣ выдаваемыхъ теперь изъ государственнаго казначейства денегъ на содержаніе д-ва, понадобится болѣе 30 милліоновъ руб. Сократите это число вдвое, втрое и тогда 15 или 10 милліоновъ нелегко будетъ казнѣ выдавать. И такъ о жалованьѣ, по к. м. удовлетворительномъ, едвали можно скоро даже подумать.

Для избѣжанія такого затрудненія совѣтуютъ наложить на весь народъ новый налогъ собственно для содержанія д-ва. Но этотъ совѣтъ одобрять никакъ не слѣдуетъ. Д-во существуетъ для всѣхъ классовъ общества, а у насъ, какъ извѣстно, налоги падаютъ только на податныя сословія, за которыми и безъ того уже довольно много состоитъ недоимокъ. Что же будетъ, когда подати еще увеличатся и притомъ на очень значительную цыфру, не менѣе 50 к., а для полнаго обезпеченія д-ва даже не менѣе рубля на ревизскую душу? За что же станутъ нести этотъ налогъ болѣе бѣдные классы общества, тогда какъ болѣе зажиточныя неподатныя сословія останутся свободными отъ него? Далѣе у насъ много иновѣрцевъ и раскольниковъ. Подвергнуть ихъ этому налогу, несправедливо; они не нуждаются въ православныхъ священникахъ, или уже и ихъ духовнымъ лицамъ также надобно будетъ назначить жалованье отъ правительства; тогда налогъ еще болѣе увеличится. А если всѣхъ иновѣрцевъ и раскольниковъ, согласно съ справедливостію, уволить отъ него, тогда православному народонаселенію придется нести большія тяжести, нежели, какъ говорятъ въ Англіи, нашимъ диссидентамъ. Тогда, чего добраго, иной и православный человѣкъ скажетъ: «такъ лучше перейти уже въ расколъ, или иновѣріе, п. ч. тамъ податей менѣе.» Но и не рѣшаясь на такой поступокъ; тогда станутъ смотрѣть на д-во еще неблагопріятнѣе, нежели теперь. Нынѣ каждый порядочный крестьянинъ платитъ въ годъ причту сумму которая, по всей вѣроятности, болѣе предполагаемаго налога. Впрочемъ эта же сумма, даже уменьшенная, только обратившаяся въ налогъ, оброкъ, вынуждаемая становымъ, исправникомъ, сдѣлается ненавистною народу; и ненависть эта отразится на томъ сословіи, для котораго будутъ собирать налогъ. Притомъ какое жалованье ни полагайте, каждому домохозяину придется нерѣдко расплачиваться съ причтомъ за такъ называемыя произвольныя требы, напр. за служеніе молебновъ, за упокойныхъ литургій; да и необходимыя требы, каковы напр. крещеніе, причащеніе, погребеніе не останутся безъ вознагражденія; д-во не вдругъ откажется, не-скоро отвыкнетъ отъ него, а потомъ мало помалу будетъ напоминать о

немъ; и прихожанинъ постыдится не поблагодарить батюшку; значитъ, новый налогъ сдѣлается еще тяжелѣе и ненавистнѣе.

Вмѣсто валоваго налога предлагаютъ, т. е-ть, таксу за исправленіе каждой церковной требы. Тутъ первый вопросъ состоитъ въ томъ, кому опредѣлять эту таксу? Д-во станетъ стараться поднять ее, а прихожане понизить, какъ можно болѣе. Если въ это вступится правительство, то оно или обѣимъ сторонамъ, или одной изъ нихъ сдѣлаетъ непріятность. Потомъ между прихожанами есть богачи и бѣдняки; какъ же можно съ нихъ требовать одинаковой платы за молитву, молебенъ, погребеніе, свадьбу и т. п.? Придется положить неоднообразную таксу, а *maximum* и *minimum*; въ такомъ случаѣ кто же станетъ назначать одному высшую плату, другому-низшую, третьему-среднюю и т. д.? Ну а если кто не въ состояніи уплатить по таксѣ, тогда что дѣлать? Съ кого священнику требовать ее? Или уже требу не нужно исполнять? Нѣтъ, какъ угодно, таксу можно установить при записке паспортовъ въ полиціи, при проѣздѣ по шоссе и т. п., но *таксировать* исполненіе христіанскихъ богослужебныхъ дѣйствій была бы величайшею изъ нелѣпостей; тутъ плата должна зависѣть отъ усердія, состоянія, доброй воли молящагося, отъ взаимнаго согласія, взаимнаго уваженія, или снисхожденія обѣихъ сторонъ.

Чтобы не обременять и не раздражать народа прямымъ валовымъ налогомъ, не обкладывать таксою каждую требу, — предлагаемы были многіе косвенные, т. е-ть, налоги. Извѣстно, что нынѣ при совершеніи погребенія на умершаго возлагается вѣнчикъ и въ правую руку его влагается отпустительная молитва. Какъ ни дешево продаются тотъ и другая, м. т. на вырученную этой продажей сумму, содержатся бѣдные ученики низшихъ духовныхъ училищъ. Въ сочиненіи о. у. д. у. (т. 2 стр. 504—505) предлагается ее увеличить тѣмъ, чтобы имѣть въ продажѣ вѣнчики и отпустительныя молитвы, напечатанныя съ большимъ, или меньшимъ великолѣпіемъ и получать за нихъ болѣе высокую плату, нежели какая получается нынѣ. Охотниковъ покупать дорогіе и вѣнчики и отпустительныя молитвы найдется очень много; и теперь нерѣдко можно слышать въ городахъ при погребеніяхъ богачей-купцовъ или чиновныхъ знаменитостей: «да нѣтъ ли получше вѣнчика?» На основаніи этого примѣра авторъ упомянутаго сочиненія (т. 2. стр. 505—508) находитъ возможнымъ и нужнымъ выдавать изъ церкви за болѣе или менѣе значительную сумму тѣ кресты, которые возлагаются на младенцевъ при крещеніи ихъ, и тѣ кольца,

которыми обручаются женихъ и невѣста при бракосочетаніяхъ, — мысль не новая; во многихъ епархіяхъ кресты уже раздаются изъ Церквей, и деньги за нихъ идутъ на содержаніе женскихъ духовныхъ лицъ. Впрочемъ надъ этими нововведеніями въ которой-то изъ газетъ подшучивали и предлагали въ насмѣшку завести отъ Церквей продажу деревяннаго масла и фитилей для лампадокъ, которыя у благочестивыхъ людей висятъ предъ иконами въ домахъ. Но, к-ся, шутка не справедлива. Зажигать масло въ лампадкахъ не принадлежитъ къ необходимымъ дѣйствіямъ; зажиганіе это совершаться можетъ каждый день; въ иныхъ домахъ лампадка бываетъ неугосаемою. Но крестики и кольца составляютъ необходимую принадлежность при крещеніи, или бракосочетаніи; равнымъ образомъ крещеніе надъ каждымъ младенцемъ и бракъ для каждой пары совершаются только однажды въ теченіе всей жизни. Право, и крестики и кольца ставить на ряду съ фитилемъ и масломъ для лампадокъ не слѣдуетъ.

Кромѣ денегъ, правительство можетъ улучшить бытъ д-ва, богато надѣливъ его землею. При обширности государства, при не очень густомъ народонаселеніи даже въ многолюдныхъ губерніяхъ у насъ еще безъ большаго затрудненія можно бы къ церквамъ приписать порядочную пропорцію пахатной, луговой и пр. земли и доставить д-ву возможность чрезъ обработываніе ея, или отдачу въ наемъ получать значительныя суммы. Но многіе міряне и духовные считаютъ это пособіе неудобнымъ и самое земледѣліе унизительнымъ для д-ва. Особенно сильно возстаетъ противъ этого авторъ книги о с. д. «посмотрите на такого (занимающагося земледѣліемъ) священника; есть ли хоть какой либо признакъ, что онъ — священникъ? Вотъ онъ возитъ навозъ; возможно ли къ нему, пропитанному азотомъ, съ головы до пятокъ грязному подойти подъ благословеніе? Вотъ онъ подсушиваетъ овинъ; можно ли подозрѣвать въ этомъ чудищѣ закоптѣломъ, облеченномъ въ лохмотья, служителя Бога вышняго? Вотъ онъ на пашнѣ въ смуромъ кафтанишкѣ по колѣна; что это, — какъ не мужикъ? А если отъ внѣшности обратиться къ внутреннему его состоянію, — Боже, какая загрубѣлость чувствъ, какое отсутствіе всякаго пониманія, что онъ! Весь занятый уходомъ за скотомъ, за землей, свое прямое назначеніе онъ считаетъ чѣмъ-то побочнымъ, чѣмъ-то мѣшающимъ лишь только дѣлу, на которое онъ смотритъ, какъ на главное въ своей жизни. Случится требованіе въ приходѣ и особенно въ рабочую пору, — съ неудовольствіемъ, нерѣдко съ бранью,

отрывается онъ отъ своего дѣла, спѣшитъ исправить косякъ, лишьбы поскорѣе возвратиться къ дѣлу. Приходитъ день праздничный, — нужно совершить литургію, — о, какой тяжелый, невыносимый трудъ это для него? лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ одну обѣдню. Онъ служитъ, — нельзя же не служить, но какъ? съ невниманіемъ, съ разсѣяніемъ; торопится самъ, лишь бы поскорѣе вырваться изъ церкви; торопятся причетники; читаютъ, поютъ, какъ будто поспоривши, кто кого обгонитъ. Словомъ священникъ-земледѣлецъ есть тотъ же крестьянинъ, лишь только грамотный, — съ образомъ мыслей, съ желаніями, съ стремленіями и даже съ образомъ жизни чисто крестьянскими..... Нѣтъ, священникъ-земледѣлецъ не можетъ быть истиннымъ іереемъ, даже и похожемъ на него и пр. и пр. (стр. 73-75).» Надобно правду сказать, что авторъ съумѣлъ выставить земледѣльца священника въ смѣшномъ, карикатурномъ видѣ; но въ характеристикѣ его замѣчается больше остроумія, нежели правды, больше карикатуры, нежели дѣйствительности. Мнѣ случалось видѣть множество священниковъ, занимающихся земледѣліемъ и я находилъ между ними истинныхъ іереевъ, какихъ не найдешь и въ городахъ. Въ навозѣ возятся, овинъ сушатъ, пашутъ у нихъ б. ч. работники; да и сами они на этой даже работѣ вовсе не такія отвратительныя чудища, какими представляетъ ихъ авторъ. У нихъ и чувства не загрубѣли, есть пониманіе своего достоинства; они служатъ и обѣдню со вниманіемъ и отличаются стремленіями благородными и пр. Право, въ описаніи автора почти столько же правды, сколько въ томъ, что будто бы, по его словамъ, священникъ отъ навоза пропитывается азотомъ, который, какъ извѣстно, не имѣетъ запаха, въ отдѣльномъ видѣ не существуетъ въ природѣ и добывается только въ лабараторіяхъ.

М. т. почтенный авторъ и другіе, одинаково съ нимъ думающіе, напрасно не обращаютъ вниманія на хорошую, полезную сторону земледѣлія относительно д-ва. 1) Денежные знаки, которыми должно выдаваться жалованье, теряютъ, какъ извѣстно, свою цѣнность — и даже иногда очень скоро. Я помню, какъ священники тѣхъ губерній, въ которыхъ выдавалось въ сороковыхъ годахъ жалованье д-ву, довольны были 120—200 руб., имъ назначаемыхъ; тогда они для нихъ были почти капиталомъ; а теперь тѣже самые священники жалуются на крайную скудость своихъ окладовъ, — точно также, когда въ 1835 году увеличено было жалованье наставниковъ духовно-учебнаго вѣдомства, то они имъ восхи-

щались по мѣстамъ и жили на него очень безбѣдно даже съ семействами, а нынѣ и одинокіе едва, едва содержатъ себя. И потому положи теперь жалованье священнику даже въ 1000 руб., — никакъ нельзя поручиться, чтобъ чрезъ 10—20 лѣтъ оно было достаточно; при возрастающей цѣнности земли и ея продуктовъ, при увеличивающейся такѣ рабочимъ, священникъ опять будетъ находиться въ такомъ же положеніи, какъ-нынѣ. М. т. цѣнность земли и ея продуктовъ болѣе и болѣе возвышается, а если иногда и падаетъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе становится дешевле. Вотъ почему обезпеченіе землею есть самое надежное. Народъ соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатовъ отличается необыкновенною практичностію, а онъ обезпечиваетъ свои училища именно землею и въ этомъ нисколько не ошибается; училища его познаютъ и не будутъ знать недостатковъ въ матеріальныхъ средствахъ. Пусть и у насъ надѣлятъ однажды навсегда Церкви достаточнымъ количествомъ земли; духовныя лица будутъ обезпечены навсегда; этотъ капиталъ не пропадаетъ и не теряетъ цѣнности. 2) Противъ мнѣнія почтеннаго автора книги о с. д. можно выставить мнѣнія совершенно ему противоположныя и высказанныя людьми, коротко знакомыми съ сельскимъ бытомъ д-ва. По словамъ Русск. Вѣстн. (см. No. 12 1863 г. стр. 506) редакція херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, защищая занятіе земледѣліемъ, говоритъ: «не хозяйство, не земледѣліе тяготитъ д-во, а недостатокъ средствъ къ тому. Напротивъ земледѣліе даже въ д-вѣ имѣетъ своихъ охотниковъ. Мы, говоритъ редакція, припоминаемъ два случая въ кіевской епархіи, что когда сельскихъ священниковъ призывали къ должности уѣздныхъ протоіереевъ (а это было въ свое время высокая честь; быть протоіереемъ значило быть первымъ лицомъ въ уѣздѣ); ихъ съ трудомъ можно было вызвать изъ села, а одинъ возвратился съ своей протопопіи опять въ село, предпочитая быть священникомъ — хозяиномъ.» День (см. 8 No. 1863 г. стр. 4 и 5) еще сильнѣе херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей защищаетъ земледѣліе, говоря: «самое естественное и единственное, по к. м. въ настоящее время, обезпеченіе д-ва сельскаго, которое (т. е. обезпеченіе) не противорѣчитъ ни нравственнымъ отношеніямъ д-ва къ народу, ни началамъ православной Церкви, ни историческимъ жизненнымъ преданіямъ русскаго народа, ни сложившимся исторіей условіямъ народной жизни, — это земля. При этомъ только условіи достигается другая еще важнѣйшая цѣль, — сближеніе священника по образу жизни, быта и занятій съ

приходомъ, сближеніе столь необходимое при ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Русскій народъ по преимуществу — земледѣлецъ. Зачѣмъ же священнику отдѣляться отъ народа въ своемъ быту?» Послѣднее замѣчаніе весьма метко. Если наши священники совершенно не станутъ заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ, и огородничествомъ и вообще всѣмъ сельскимъ хозяйствомъ, будутъ жить, какъ говорится, *барами*, то и народъ станетъ смотрѣть на нихъ, какъ на баръ и отшатнется отъ нихъ, какъ отъ баръ. 3) Напрасно также думаютъ, — будто бы земледѣліе отвлекаетъ священника отъ пастырскихъ обязанностей и унижаетъ его, принуждая возить навозъ, топить овинъ, пахать землю и пр. Занятія земледѣльческія происходятъ преимущественно въ лѣтнее время; поэтому большая часть года бываетъ свободна отъ нихъ. Если теперь священникъ слишкомъ много занимается сельскими работами и даже очень чорными, то это зависитъ отъ того, что у него мало земли и потому онъ, не получая большихъ выгодъ отъ обработыванія ея, не нанимаетъ себѣ работника, а долженъ самъ все исполнять. Будь у него земли вдвое, втрое болѣе, тогда бы онъ имѣлъ двухъ и болѣе работниковъ, которые бы исполняли всѣ по к. м. чорныя, грязныя работы, а самъ онъ сталъ бы распоряжаться, имѣть надзоръ и заниматься легкими работами. Мнѣ и теперь извѣстны священники, которые, владѣя большимъ количествомъ хорошей, земли держатъ по три и болѣе работника, по 5—10 лошадей и, надобно правду сказать, живутъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того по справедливому замѣчанію Дня (см. 8 No. 1863 г. стр. 5 столб. 6) «всѣ неудобства и трудности въ этомъ дѣлѣ (въ землевоздѣлываніи) легко могутъ быть устранены развитіемъ свободной крестьянской общинной жизни. Что значитъ напр. для крестьянъ міромъ всѣхъ деревень обработать нѣсколько десятинъ земли священнику? Это дѣлалось даже при прежнемъ положеніи крестьянства.» 4) Жителямъ деревенскимъ, кто бы они ни были, исключая развѣ очень богатыхъ людей, никакъ почти нельзя обойтись безъ сельскихъ хозяйственныхъ и даже земледѣльческихъ занятій. Всѣ тамъ живутъ преимущественно припасами своими, получаемыми съ полей, изъ огорода, отъ скотоводства и пр. Если же у кого нѣтъ ихъ, то нужно ѣхать въ городъ, или въ деревнѣ покупать слишкомъ дорогою цѣною. И потому свѣщенникамъ нужно непремѣнно имѣть огородъ для овощей, нѣсколько коровъ для молока, нѣсколько ихъ же и другихъ животныхъ для солонины, ветчины, жаркаго и пр. и уже непремѣнно лошадь, или двѣ для выѣздовъ.

Но пахать землю и копать гряды въ огородѣ, давать сѣно и солому для скотины и подчищать навозъ, запрягать лошадь въ телѣгу, подмазывать колеса и пр. — всѣ эти работы не очень бѣлы. Потомъ надобно же имѣть сѣно для домашнихъ животныхъ, покупать его на деньги убыточно, собирать съ прихода унизительно, да и прихожанамъ не понравится. Что ни говорите, а нужна земля и воздѣлываніе ея. А еще лѣтомъ надобно выпускать лошадей, коровъ, овецъ и пр. на пастбища, а гдѣ же они будутъ, если землю всю отобрать у Церквей? Какъ угодно, а безъ земледѣлій, даже при богатомъ жалованьѣ, напр. въ 1000 руб. священнику будетъ необыкновенно трудно жить. 5) Но положимъ, что наконецъ духовныя лица совсѣмъ освободились отъ всѣхъ земледѣльческихъ занятій; что они тогда станутъ дѣлать? Авторъ книги о с. д., какъ к-ся, надѣется, что священникъ въ этомъ случаѣ погрузится въ изученіе слова Божія, займется составленіемъ проповѣдей, чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и пр. Напрасны такія ожиданія. Почтенный авторъ самъ говоритъ, что (стр. 74) *въ семинаріяхъ не научаются мыслить.* И потому умственныя занятія не станутъ составлять любимаго времяпрепровожденія священника. Вотъ напр. городское д-во и нынѣ не пашетъ, не сушитъ овиновъ, не занимается уже никакими чорными работами, а въ губернскихъ городахъ состоитъ б. ч. даже изъ академистовъ. Неужели же оно съ головы до ногъ погружено въ свои духовныя занятія. Эхъ, господа, Богъ знаетъ, кто еще лучше, городское, или сельское д-во; и гдѣ среднимъ числомъ болѣе найдется дурныхъ пастырей, въ деревнѣ ли, или въ городахъ? По к. м. и въ послѣднихъ далеко не всѣ духовныя особы представляютъ идеалы духовныхъ пастырей. Но обратимся къ селамъ. Когда въ нихъ д-во менѣе всего предается пьянству? Именно только во время лѣтнихъ земледѣльческихъ работъ, напротивъ осенью, зимою и пр. любитъ пожить весело; лѣтомъ въ храмовые праздники гости пріѣзжаютъ на день, на два, а въ прочія времена проживаютъ и веселятся по недѣлѣ. Извините за откровенность; по моему мнѣнію съ освобожденіемъ отъ земледѣльческихъ занятій д-во сдѣлается еще болѣе наклоннымъ къ тому несчастному пороку, которымъ оно нынѣ такъ пятнаетъ себя; по к. м. долго еще нужно ждать, пока **священники** въ такомъ случаѣ станутъ только заниматься умственною работою при недостаткѣ физической. Наконецъ 6) уже рѣшительно нѣтъ никакихъ почти поводовъ полагать, чтобъ земледѣліемъ и вообще всѣмъ сельскимъ хозяйствомъ унизительно было заниматься дьякону и особенно

причетникамъ; имъ иначе совершенно нечего будетъ дѣлать.

Но во всякомъ случаѣ т. с. правительство найдетъ возможнымъ помочь бѣлому д-ву или особымъ жалованіемъ, или отмѣжеваніемъ ему земли, — нужно объ этомъ ходатайствовать и хлопотать, по к. м. не препятствовать духовному, т. е. м-щему начальству. М. т., судя по прежнимъ примѣрамъ, можно думать, что едва ли оно возмется за это слишкомъ съ большимъ усердіемъ. Послушайте, какъ хорошо говоритъ авторъ книги о с. д. о томъ времени, когда въ сороковыхъ годахъ правительство само вызвалось выдавать жалованье сельскимъ причтамъ и когда многіе архипастыри готовы были отказаться отъ такой милости (стр. 44—45): «нашлись архипастыри, которые отвергли этотъ даръ царевъ, осмѣлились перекать намѣренію Помазанника Божія, намѣренію, самимъ Богомъ внушенному — извлечь жалкопечастное д-во изъ тьмы бѣдствій, нуждъ и всего, что такъ унизило и подавило ихъ. «Сельскому д-ву не нужно жалованья,» — изрекли они въ своей мудрой и благонамѣренной заботливости о пасомыхъ. — «Не нужно жалованье,» — т. е. сельское д-во на вѣки вѣчныя должно остаться въ этомъ горькомъ, загнанномъ и безнадежномъ положеніи, въ какомъ было до селѣ (этимъ вы хотите навсегда сохранить беззаконную, нечестивую ужасную власть надъ бѣлымъ д-мъ? Вы не хотите и знать, обезпечивая свое тиранство, что есть Судяй земли?); чтобы имѣть какія нибудь средства жизни, вы осудили его на всегда прибѣгать къ этимъ беззаконнымъ, постыднымъ, преступнымъ, презрѣннымъ поборамъ съ прихожанъ, что зовутся доходами, п. ч. иныхъ средствъ нѣтъ. »Не нужно жалованье,» — вы-одинокіе, добровольно осудившіе себя на лишенія и м-скую скудость, давшіе строгій обѣтъ — совершеннаго нестяжанія, — заботливо собираете десятки и сотни тысячъ доходовъ въ годъ; этого мало; каждый монастырь для васъ аренда; и кромѣ всего этого вы не пренебрегаете и жалованьемъ; а на что бы вамъ все это? На столъ, на шелкъ, на бархатъ, на рясы изъ соболей, на обезпеченіе племянницъ и чадъ ихъ?... о, до чего все извратилось въ Церкви православной! Сергій Преподобный, напр., знавшій дерюгу и крашенику и тутъ же какой нибудь N., чтобы не сказать въ десятитысячной рясѣ!...) А сельскому іерею, живущему домомъ, имѣющему почти кстати, — не вѣтромъ навѣянныхъ племянницъ — а законное, Богомъ данное семейство въ десять и болѣе человѣкъ, воспитывающему два-три сына въ семинаріи,

имѣющему нужду отдать двухъ, трехъ и болѣе дочерей въ замужество — жалованье не нужно! . . . Онъ долженъ довольствоваться какой нибудь сотней рублей въ годъ, и то собранныхъ съ нарушеніемъ — не говоримъ уже о законѣ и правдѣ, — всѣхъ приличій! Нѣтъ, это не макіавелизмъ только, а что-то такое да того гибельное для всей Церкви, что мы и назвать не умѣемъ . . .»

Отдѣлъ 65ый.

О содержаніи духовно-учебныхъ заведеній на свѣчные церковные доходы.

Бѣлое д-во служитъ не одному государству, но и церкви; поэтому послѣдняя съ своей стороны должна бы помочь ему изъ своихъ собственныхъ средствъ. Приходскія церкви такъ и поступаютъ. Я уже говорилъ, что духовныя училища болѣе 50 лѣтъ содержатся на деньги, выручаемыя отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ и на проценты съ духовно-учебнаго капитала, который постепенно составлялся съ 1809 г. изъ тѣхъже свѣчныхъ доходовъ. Къ сожалѣнію при расходованіи тѣхъ и другихъ суммъ допущены не очень справедливыя отступленія. Онѣ, по первоначальному назначенію, должены были употребляться только на духовно-учебныя заведенія. М. т. въ настоящее время очень порядочное количество ихъ идетъ вовсе уже не на нужды училищъ. Т. о. въ 1861 г. употреблено изъ нихъ 103,777 руб. 18 коп. на содержаніе канцелярій синода, Об. Пр-ра, хозяйственнаго и духовно-учебнаго управленій, цензурнаго комитета, дома духовно-учебнаго управленія, на пенсіи . . . . по духовному вѣдомству и награды чиновникамъ духовно-учебнаго вѣдомства и (о Боже праведный!) даже к-ріи. Потомъ еще 108,086 руб. 50 коп. на содержаніе церквей и д-ва. Конечно вооружаться противъ нѣкоторыхъ статей этихъ расходовъ какъ-то не хочется, напр. какъ отказать пострадавшимъ отъ пожара въ 17,700 руб. 75 коп.? Другіе же расходы неправильно отнесены на духовно-учебные капиталы; сюда причислить надобно даже 47,427 руб. 75 коп. на расходы по епархіальному вѣдомству под. NN. 14, 15 и 16. Если точно нуждаются нѣкоторыя Церкви въ пособіи, то на какомъ основаніи употребляется на нихъ капиталъ духовно-учебныхъ заведеній, которыя находятся сами въ бѣдственномъ положеніи? *У одного нищаго не нужно отнимать деньги,*

чтобы отдать ихъ другому тоже нищему. Притомъ нуждающихся церквей слишкомъ много, почему же получаютъ пособіе преимущественно церкви въ прибалтійскихъ губерніяхъ? Еще страннѣе расходы на канцеляріи. Святѣйшій синодъ, канцелярія Об. Пр-ра, духовно-учебное и хозяйственное управленія, равно какъ и духовная цензура — государственныя учрежденія; они и содержаться должны на суммы государственныя, а не духовно-училищныя. Потомъ расходы на канцеляріи высшихъ духовныхъ присутствій постоянно возрастаютъ; напр. въ 1836 г. они состояли только изъ 43,286 руб. 78 коп. (см. отч. Об. Пр-ра 1836 г. стр. 152—153, NN. 5, 6 и 7), а въ 1861 г. возрасли уже почти до 80,000 руб., не включая въ нихъ пенсій и наградъ (NN. 12 и 13); тутъ нельзя не замѣтить вліянія чиновничества, которое, занимаясь духовно-учебными капиталами на счетахъ и по бумагамъ, захотѣло обращать ихъ въ свою пользу. Особенно это видно по наградамъ. Напр. въ 1856 г. выдано на награды и пособія всѣмъ наставникамъ духовно-учебныхъ заведеній и ихъ семействамъ, а также и другимъ лицамъ за занятія по учебной части 19,261 руб. 21 коп., а на награды и пособія чиновникамъ духовнаго вѣдомства 25,302 р. 66 к. Т. о изъ духовно-училищныхъ капиталовъ найдено нужнымъ гораздо щедрѣе награждать чиновниковъ духовнаго вѣдомства, нежели наставниковъ, хотя первыхъ въ нѣсколько разъ менѣе нежели, послѣднихъ. Наконецъ нельзя не обратить вниманія на то, что съ нѣкотораго времени письмоводители при петербургскихъ и московскихъ митрополитахъ получаютъ по 700 р. жалованія тоже изъ духовно-училищной суммы. Тутъ рождается много вопросовъ: за какія услуги по ученому вѣдомству получаютъ эти господа жалованье изъ училищныхъ капиталовъ? За какія, вѣроятно, экстренныя заслуги жалованье это превышаетъ жалованье каждаго изъ наставниковъ, кромѣ ординарныхъ профессоровъ московской и петербургской академій? Почему такое жалованье выдается письмоводителямъ двухъ только митрополій, которыхъ начальники состоятъ настоятелями богатѣйшихъ въ Россіи монастырей? Неужели эти митрополіи бѣднѣе всѣхъ епископій гдѣ тоже есть письмоводители при архіереяхъ? .... Не вдругъ удовлетворительно рѣшишь эти вопросы. Конечно эти суммы, въ частности взятыя, незначительны, но выдача ихъ и прочихъ суммъ, о которыхъ здѣсь говорено, показываетъ, какъ несообразно съ первоначальнымъ назначеніемъ тратятся духовно-училищныя суммы, притомъ въ то время, когда недостаетъ денегъ даже на

бѣдное содержаніе училищъ. М. т. слишкомъ 200,000 р. духовно-училищнаго капитала, употребляемыхъ не на духовно-учебныя заведенія, могли бы помочь хоть нѣкоторымъ нуждамъ послѣднихъ.

Кромѣ денегъ, выручаемыхъ продажею восковыхъ свѣчъ, въ церквахъ получается еще весьма много другихъ суммъ подъ разными наименованіями; всѣхъ ихъ въ 1861 г. было 7,392,603 р. 82 к. Конечно изъ нихъ пожертвовано собственно на устройство церквей 2,171,546 р. 41 к., но и за исключеніемъ ихъ остается еще громадная сумма болѣе, нежели въ 5,000,000 р. Къ сожалѣнію отчоты Об. Пр-ра не показываютъ, сколько изъ этихъ денегъ израсходовано и сколько осталось; равнымъ образомъ нигдѣ не было печатано, какъ велики капиталы въ билетахъ и наличныхъ деньгахъ, принадлежащіе церквамъ. Но какъ ежегодные остатки, такъ особенно составляющіеся изъ нихъ постепенно капиталы, по всей вѣроятности, должны быть огромны. Къ этому заключенію побуждаютъ меня многія изъ извѣстныхъ мнѣ даже сельскихъ церквей, гдѣ изъ ежегодныхъ остатковъ составляются тысячи рублей; а въ богатыхъ городскихъ церквахъ встрѣчаются и десятки тысячъ. Пусть каждая церковь содержится прилично, даже, если можно, и богато; но почему бы ей не отдѣлять и кромѣ свѣчной суммы еще гораздо большаго количества на поддержаніе духовныхъ училищъ? Семинаристы и академисты, получивъ хорошее воспитаніе и послѣ сдѣлавшись пастырями Церкви, вознаградятъ съизбыткомъ то, что она на нихъ употребитъ.

Впрочемъ, вопросъ объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній въ экономическомъ отношеніи, к-ся, можно считать рѣшеннымъ. Смоленскій Преосвященный Антоній доказалъ это на самомъ опытѣ; и если въ 1866 или 1867 г. духовныя училища какой либо епархіи останутся въ теперешнемъ жалкомъ положеніи, то это надобно прямо приписать нежеланію, или неумѣнью мѣстныхъ епархіальныхъ властей подражать примѣру смоленскаго архипастыря. Для объясненія, какимъ образомъ онъ улучшилъ свою семинарію и училища, надобно помнить, что по разнымъ причинамъ далеко не всѣ церковные доходы отъ продажи свѣчъ представляются въ духовно-учебное управленіе, не смотря на множество подтвержденій высшаго и средняго начальствъ о томъ, чтобы стараться объ увеличеніи этихъ доходовъ. Достойный полнаго уваженія и искренней благодарности Преосвященый Антоній, испросивъ напередъ благословеніе синода, обратился циркуляромъ ко всему подчиненному своему д-ву, объяснилъ ему

бѣдственное положеніе семинарій и училищъ, сказалъ, что есть возможность улучшить ихъ, если увеличится свѣчная выручка, далъ вѣрное архипастырское слово, что всѣ излишки этой суммы противъ прежнихъ годовъ будутъ непремѣнно употребляемы на семинаріи и училища и притомъ съ участіемъ и подъ контролемъ самого д-ва, что увеличеніе свѣчныхъ доходовъ не повлечетъ никакихъ взысканій за прежнюю ихъ низшую цифру. Не думайте, чтобы это благородное намѣреніе не встрѣтило сопротивленія; церковные старосты города Вязьмы не хотѣли было содѣйствовать ему. Но, слава Богу, дѣло уладилось и съ 1865 г. наставники смоленскихъ духовныхъ училищъ и семинаріи получаютъ жалованье вдвое болѣе прежняго.

Подражаютъ ли этому благородному и человѣколюбивому поступку смоленскаго архипастыря другіе епархіальные архіереи? Нѣкоторые, какъ видно изъ газетъ и журналовъ, сдѣлали также воззванія къ своей паствѣ объ увеличеніи свѣчныхъ доходовъ. Въ настоящемъ 1865 г. указомъ синода предписано епархіальнымъ начальникамъ изыскать мѣстныя средства къ улучшенію быта семинарій и училищъ. Что сдѣлается, пока неизвѣстно; надобно думать, что доброе дѣло восторжествуетъ, а м. т. оно по мѣстамъ встрѣчаетъ препятствія. Начальникъ одной епархіи еще въ прошломъ году предложилъ подчиненному д-ву озаботиться объ увеличеніи свѣчнаго дохода для того, чтобы новую его прибавку употребить на семинарію и училища. Но, узнавъ, что многіе принялись горячо за это дѣло, онъ сказалъ: «да что они тамъ слишкомъ хлопочутъ; вѣдь это я только такъ написалъ; вѣдь нельзя было иначе поступить, — вездѣ печатаютъ о смоленской епархіи.» Послѣ я получилъ извѣстіе, что тамъ же архипастырь сказалъ: «вотъ еще что придумали въ Смоленскѣ? Нынѣ молодые вздумали учить стариковъ.» Конечно, если станутъ такъ дѣйствовать, то дѣло потянется на *вяки онные*, или вовсе будетъ брошено. Но и тѣ, которые возьмутся за него, должны непремѣнно подражать преосвященному Антонію. Онъ, какъ в. с-но, обратился къ д-ву не съ грозными консисторскими указами, а съ пастырскимъ посланіемъ и неходатайствовалъ, чтобы расходы семинарскихъ и училищныхъ суммъ происходили подъ надзоромъ выборныхъ изъ д-ва; вслѣдствіе чего эти выборные теперь уже состоятъ членами правленія смоленской семинаріи. Непремѣнно тоже самое сдѣлать надобно и вездѣ. М. т. въ одной епархіи, какъ мнѣ извѣстно, никакъ не могутъ понять, что надобно подражать Смоленску; боятся чрез-

вычайно унизить себя, пригласивши къ участію въ расходованіи суммъ депутатовъ отъ д-ва; они не прочь увеличить жалованье, но имъ хочется только, чтобы это дѣлалось по ихъ распоряженіямъ, подъ ихъ исключительнымъ надзоромъ. Этимъ бы особамъ слѣдовало прочитать въ No. 11 Современной Лѣтописи статью г. Беллюстина, въ которой онъ, говоря объ улучшеніи духовныхъ училищъ, предлагаетъ слѣдующій вопросъ (9 стр. 1 столб.): при какомъ условіи доходы церквей на содержаніе училищъ станутъ увеличиваться? и отвѣчаетъ на него слѣдующими словами: «если д-во будетъ видѣть, что собираемыя суммы идутъ сообразно съ назначеніемъ, т. е. служатъ къ дѣйствительному улучшенію образовательнаго дѣла.» Но осмѣливаюсь сказать, что если духовные выборные не будутъ членами правленій семинарскихъ, какъ это теперь сдѣлано въ Смоленскѣ, то, р-ся, съ увеличеніемъ средствъ будутъ сдѣланы улучшенія, напр. наставники станутъ получать увеличенное жалованье, но прочіе училищные порядки останутся почти нисколько не измѣненными; ученикамъ попрежному будетъ и холодно и голодно; благопопечительное начальство не отступитъ отъ своихъ принциповъ. Такъ пусть оно послушаетъ, — что говоритъ г. Беллюстинъ въ той же самой статьѣ (стр. 9 столб. 3): «если и съ увеличившимися средствами самое дѣло образованія пойдетъ по старому, если училищные порядки останутся тѣже, каковы они теперь, то *тѣмъ* взносовъ не пойдетъ впередъ, но очень скоро сократится въ нуль.» — Бога ради и ради собственной своей чести постарайтесь вы, Преосвященные всѣхъ епархій, подражать въ дѣлѣ улучшенія духовныхъ училищъ благородному, доброму и человѣколюбивому смоленскому архипастырю Антонію. Иначе если въ 1866 или 1867 подвѣдомственныя вамъ духохноучебныя заведенія останутся въ нынѣшнемъ дурномъ положеніи, то къ вамъ съ полною, справедливостію нужно будетъ приложить слова автора книги: о. с. д. (стр. 9): «О, какъ грустно, какъ больно, невыносимо больно дѣлается, когда вспомнишь о дѣйствіяхъ высшаго д-ва въ иныхъ земляхъ и сравнишь его съ нашимъ! У нашихъ — ни малѣйшей заботы объ образованіи даже того сословія, въ главѣ котораго они стоятъ сами, съ которымъ неразрывно, хотя и противоестественно соединены они! Вались училище, имъ и дѣла нѣтъ; не то чтобъ пожертвовать изъ собственности, которая, Богъ знаетъ, идетъ куда, даже и похлопотать-то о необходимыхъ улучшеніяхъ не хотятъ! И то сказать: чужихъ дѣтей не жалко.»

Отдѣлъ 66ой.

О богатствѣ нашихъ монастырей.

Избытками доходовъ, которые получаются въ приходскихъ церквахъ, могутъ, какъ объяснено въ предъидущемъ отдѣлѣ, духовно-учебныя заведенія улучшиться въ матеріальномъ отношеніи. Надобно даже полагать, что при благоразумныхъ распоряженіяхъ, нисколько не противныхъ религіи, нашлась бы возможность изъ того же источника помочь сколько нибудь и бѣлому д-ву. Но это пособіе едва ли будетъ очень значительнымъ. Зато есть еще одинъ источникъ, который даже и не позволяетъ до себя дотрогиваться, а дерзающимъ на это грозитъ анафемою и въ сей и въ будущей жизни — это доходы и капиталы святыхъ обителей. Онѣ еще въ древнія времена умѣли собирать въ своихъ стѣнахъ, кладовыхъ и сундукахъ огромныя богатства. «На это, какъ пишетъ Флетгеръ (No. 3 Совр. 1865 г. стр. 121), правительство смотрѣло сквозь пальцы, предоставляя подданнымъ складывать въ монастыряхъ свое серебро и цѣнныя вещи.» Монастыри же сами не зарывали свои сокровища въ землю, какъ тотъ упоминаемый въ евангельской притчѣ слуга, который получилъ отъ своего господина одинъ талантъ; но частенько, подражая этому же слугѣ, соблюдали ихъ неприкосновенными до поры-до времени. Богатства эти, должно думать, были встарину громадны, п. ч. они возбуждали даже ропотъ въ земствѣ. «На земскомъ соборѣ, говоритъ г. Щаповъ (No. 12 Отеч. Зап. 1861 г. стр. 469) выборные отъ земскихъ общинъ вопіяли противъ лежащей домовой казны архіереевъ и *монастырей*. Алексѣй Михайловичъ, вѣроятно, вспомнивъ объ этомъ воплѣ, въ 1685 г. писалъ въ тихвинскій монастырь: «вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ деньги есть многія, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ людямъ 10,000 руб., а въ оскорбленье себѣ вы бы того не ставили; какъ служба минется, мы тѣ деньги велимъ отдать (истор. Россіи Соловьева XIII т. 158 стр.).» Сдержалъ ли Царь свое обѣщаніе, возвративъ назадъ деньги, не знаю, — но обитель, р-ся, не могла оскудѣть; вѣроятно и послѣ 10,000 руб. еще въ ней оставались *деньги многія;* да и 10,000 руб. по тогдашнему времени былъ большой капиталъ. Потомъ, какъ извѣстно, и Петръ Великій не одинъ разъ пріѣзжалъ въ Троицко-сер-

гіевскую Лавру и отъ отцовъ намѣстника и казначея тоже получалъ изъ монастырской казны *деньги многія* на ратныя дѣла. Не смотря на то, что въ XVIII столѣтіи монастырскія имѣнія были отобраны въ казну, самые монастыри не сдѣлались бѣдными, и въ началѣ XIX столѣтія могли изъ своихъ сбереженныхъ денегъ удѣлять порядочныя суммы на пособіе другимъ. Въ подтвержденіе этого хочу сослаться на историко-статистическое описаніе рязанской семинаріи арх. Макарія, который (стр. 62) говоритъ, что въ 1812 г. на постройку тойже семинаріи взято изъ монастырей Спасскаго въ Рязани 4000 р., а изъ Николаевскаго (въ с. Радовицахъ) 44,550 руб. асс. Одна духовная особа, съ которой я разговаривалъ объ этомъ невольномъ пожертвованіи, сказала мнѣ, что обители святыя отъ этого не разорились; спасская нажила болѣе 30,000 р. капитала, а радовицкая выстроила на свои деньги громаднѣйшій соборъ и имѣетъ уже нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ запасѣ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Оба эти монастыря пусть послужатъ мнѣ переходомъ отъ старинаго къ нынѣшнему положенію монастырей.

Судя по великому множеству м-щихъ, которые по всѣмъ мѣстамъ русскаго царства ходятъ съ книжками и дѣлаютъ сборы на свои обители, можно бы подумать, что послѣднія у насъ находятся въ незавидномъ положеніи. Но не безпокойтесь, любезный, монахолюбивый читатель, за ихъ благосостояніе. Онѣ никогда не были скудными, никогда не оскудѣютъ. Чтобы составить понятіе объ этомъ неоскудѣніи, припомните сказанное мною въ 8 отд. *о доходахъ монастырскихъ*. Тамъ получается 12,000 руб. за сосновую сѣру, здѣсь 24,000 руб. за просфоры, тамъ таксируется 6000 десятинъ богатѣйшаго лѣса. А сотни тысячъ и даже милліоны богомольцевъ, жертвуя копѣйками, рублями, десятками, сотнями и тысячами рублей, сколько денегъ доставятъ въ наши обители? Деньги эти далеко не всѣ истрачиваются; однѣ лежатъ мертвымъ капиталомъ, загромождая монастырскія сундуки, а на другія изъ кредитныхъ учрежденій идутъ ежегодные проценты. Все это продолжается не 10—20, а цѣлыя сотни лѣтъ. Какъ же не набраться капиталамъ? Конечно при гласности они были бы давно извѣстны; но обители наши въ этомъ отношеніи не говорливы, тутъ надобно прибѣгать къ отдѣльнымъ фактамъ, къ догадкамъ, даже къ народнымъ разсказамъ, къ отрывочнымъ извѣстіямъ въ литературѣ. Но и на основаніи этихъ не очень подробныхъ источниковъ можно составить понятіе о денежныхъ капиталахъ монастырей.

Лѣтъ за пять по случаю недостатка размѣнной мелочной монеты, купцы и мѣнялы обращались обыкновенно, кромѣ откупщиковъ, въ монастыри и оттуда ее получали въ изобилiи. Въ одну вовсе не первостатейную обитель ѣзжали за мѣдною монетою не изъ одного сосѣдняго города, и *вывозили ее возами*. Но когда туда поступилъ новый настоятель, то онъ все-таки нашолъ нѣсколько тысячъ рублей *монетокъ, семишниковъ и прошниковъ*. Это впрочемъ мелочь; нужно коснуться, какъ говорятъ, *крупнины*. Въ этомъ отношенiи едва ли можно найти хоть одинъ монастырь, гдѣ бы не было запасныхъ капиталовъ; большинство имѣетъ ихъ десятками, а не рѣдко сотнями тысячъ. Но здѣсь по неволѣ останавливаешься на нашихъ богатѣйшихъ обителяхъ, особенно на лаврахъ. Вотъ напр. Троицко-сергiева Лавра, существующая и собирающая свои драгоцѣнности и капиталы многiя сотни лѣтъ! Кто незнаетъ, какiя издержки сдѣлала она во время смутъ такъ называемаго междуцарствiя на поддержанiе патрiотовъ, на собственную борьбу, на пособiе нуждающимся; и не смотря на то, она не впала въ долги, не разорилась, а вышла далеко еще не бѣдною. Теперь уже 250 лѣтъ, какъ ее никто не тревожитъ; поклонники ежегодно сносятъ въ нее свои мелкiя и крупныя лепты; составляющiеся изъ того капиталы не тратятся до послѣдней копѣйки. Если бы даже отъ каждаго года среднимъ числомъ оставалось по 1000 р., и остатки не приносили никакихъ процентовъ, то все таки должно въ ней копиться 250,000 руб. Но когда она владѣла почти сотнею тысячъ крестьянъ, развѣ по тысячѣ у ней оставалось? И теперь отъ милiона богомольцевъ, отъ ея гостинницъ, земель, просфоръ, свѣчнаго и кружичнаго дохода развѣ тоже по тысячѣ рублей остается? Конечно, какъ сейчасъ сказано, Петръ Великiй въ нуждѣ пользовался капиталами обители; но и при немъ она только помогала правительству, а не оставляла сундуки пустыми; и кромѣ того давно уже наши Цари ничего не берутъ изъ нея, а только дѣлаютъ прикладъ въ нее. И потому не удивительно, что по общему народному повѣрью накопились въ ней огромныя суммы, которыми въ нуждѣ можно даже поддержать отечество. Про громадность капиталовъ Кiевопечерской-Лавры еще болѣе говорятъ. Ихъ дѣйствительно можно предполагать громаднѣйшими, такъ какъ ежегодные доходы тамъ огромнѣе, нежели въ сергiевской лаврѣ. Отъ одного кiевлянина я слышалъ, что соборные старцы сурово соблюдаютъ накопленные и накопляющiеся капиталы въ лаврѣ; отдавать ихъ въ кредитныя учрежденiя невозможно, сундуки ими

наполняются; старцы не допускаютъ къ нимъ даже митрополитовъ. А сколько еще капиталовъ собрано и собирается въ воронежкомъ Митрофаніевомъ, Задонскомъ, Соловецкомъ Саровскомъ, Юрьевскомъ и пр. монастыряхъ?

Мои мысли о богатствѣ монастырей подтверждаются литературою. 1) Г. Зайцевъ въ No. 8 Прав. Обозр. 1864 г. (замѣтки стр. 20) говоритъ: «монастыри наши могутъ разными способами чрезвычайно много помочь скорѣйшему и прочнѣйшему улучшенію нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и тѣмъ оказать существенную услугу Церкви и обществу.» 2) г. Беллюстинъ въ No. 11 Совр. Лѣтоп. 1865 г. (стр. 7 столб. 3) пишетъ: «въ тверской губерніи есть монастыри и пустыни, для которыхъ удѣлять по двѣ тысячи рублей въ годъ, собственно на дѣло образованія, не составитъ замѣтнаго ущерба, и есть три монастыря, для которыхъ тоже не составитъ слишкомъ замѣтной потери жертвовать по тысячѣ рублей въ годъ.» 3) Въ No. 10 Русс. Вѣстн. 1863 г. въ ст. объ улучшеніи быта д-ва (стр. 461) сказано: «мы имѣемъ великое число монастырей, изъ которыхъ большая часть пользуется большими денежными сборами и владѣетъ немалымъ количествомъ не населенныхъ недвижимыхъ имѣній. Богатые монастыри могли бы принести въ даръ часть своего достоянія на увеличеніе епархіальныхъ имуществъ и притомъ преимущественно изъ принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имѣній, управленіе которыми даже не совсѣмъ удобно для м-щихъ, такъ какъ отшельникамъ міра воспрещается безъ крайней нужды заниматься житейскими дѣлами.» 4) Такъ говорятъ люди свѣтскіе и священникъ; м. б. они намѣренно преувеличиваютъ казну монастырскую. Прочитайте уже теперь оффиціальное свидѣтельство, высказанное лицами, между которыми были два архіерея и одинъ архимандритъ. Комитетъ составлявшій для семинарій новый уставъ, на 9 стр. журналовъ своихъ засѣданій выражается «въ нѣкоторыхъ епархіяхъ есть монастыри, имѣющіе значительные капиталы или доходы, на которые могли бы быть устроены помѣщенія (для семинаристовъ).» Впрочемъ комитетъ не считаетъ за нужное, что бы значительные капиталы и доходы монастырей употреблены были безмездно на будущихъ пастырей. Нѣтъ, онъ предлагаетъ обителямъ получать съ нихъ деньги за помѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, чего добраго, прослыть даже благодѣтелями. «Примѣръ сему говорится на тойже страницѣ, сколько извѣстно, есть въ Вяткѣ, гдѣ квартиры для своекоштныхъ учениковъ устроены отъ монастыря, управляе-

маго ректоромъ семинаріи, и гдѣ съ учениковъ взимается плата не равная, а примѣнительно къ состоянію родителей.» Остановимся на минуту на этомъ фактѣ. Что сказали бы о директорѣ гимназіи, который бы, принадлежа къ какой либо компаніи на акціяхъ, уговорилъ ее устроить дома и заставилъ жить въ нихъ гимназистовъ? Но ректоръ вятской семинаріи, какъ настоятель монастыря, въ домахъ котораго живутъ семинаристы, есть главный, т. е-ть, акціонеръ и директоръ компаніи, въ пользу которой идутъ доходы за квартиры съ учениковъ. И такую-то мѣру предлагаетъ комитетъ распространить по Россіи? Но я благодарю почтенныхъ членовъ комитета за то, что, и по ихъ словамъ есть монастыри съ *значительными капиталами и доходами.*

Но мои предположенія и приведенныя мною четыре выписки можно счесть, т. е-ть, теоріею, которую надобно подтвердить дѣйствительными фактами. 1) Въ 1864 г. тамбовскій Преосвященный Феодосій, замѣтивъ крайнюю скудость училищныхъ средствъ, предложилъ монастырямъ епархіи помогать изъ своихъ доходовъ содержанію бѣдныхъ семинаристовъ; и обителямъ отъ ихъ пожертвованій не грозитъ опасность обѣднять. 2) По свидѣтельству г. Зайцева (No. 9 Прав. Обозр. замѣтки стр. 19) «боровскій пофнутіевъ монастырь по предложенію Преосвященнаго Григорія ссудилъ занмообразно калужской семинаріи 5000 р. для передѣлокъ въ зданіи ея; ссудилъ притомъ на *неопредѣленный срокъ и безъ всякихъ процентовъ.*» Къ сожалѣнію не хочетъ подражать этому другой калужскій монастырь. По словамъ г. Зайцева, тамъ «есть извѣстная Оптина пустынь, куда стекаются богомольцы едва ли не со всей Россіи и съ ними нерѣдко значительные вклады, послѣдніе дѣлаются и при поступленіи сюда въ м-во иныхъ лицъ; замѣчательный такого рода случай былъ, какъ мы слышали, весьма недавно. Иногда присылаются въ этотъ монастырь деньги именно для пособія нуждающимся по его усмотрѣнію. Какъ естественно было бы въ такомъ случаѣ вспомнить о несомнѣнно-нуждающихся въ нашихъ семинаріяхъ? М. б. на одни подобныя, т. е-ть, условно принадлежащія монастырю деньги, могли бы получить постоянное содержаніе нѣсколько бѣднѣйшихъ учениковъ семинарій, или училищъ, которые были бы т. о. стипендіатами его (стр. 19 — 20).» Но святая обитель, к-ся, еще не доказала любви къ духовному просвѣщенію, а употребляетъ свои огромнѣйшіе доходы на устройство гостинницъ, отъ которыхъ получаетъ новые доходы, или собираетъ ихъ въ свою сокровищницу. 3) Гораздо благороднѣе посту-

пилъ Воронежскій митрофаніевскій монастырь, который внесъ 30,000 руб. въ пятипроцентныхъ билетахъ на содержаніе бѣднѣйшихъ учениковъ воронежскаго духовнаго училища (см. No. 2 Харьковскаго Духовнаго Вѣстника 1855 г. стр. 277). За одно только нельзя похвалить святую обитель; она пожелала, чтобы ея стипендіаты имѣли фамилію Митрофановыхъ. Ну, а если всѣ 12 человѣкъ будутъ въ одномъ классѣ; все митрофановы, митрофановы, митрофановы; даже и четырехъ однофамильцевъ-учениковъ въ одномъ классѣ многонько. 4) Одинъ священникъ рязанской епархіи сообщилъ мнѣ, что во всѣхъ монастыряхъ ея сумма капиталовъ, лежащихъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, простирается до 300,000 руб. 5) Въ послѣдніе годы въ московскую академію и семинарію были очень большія пожертвованія, какъ выражалось, изъ епархіальныхъ средствъ. Во время юбилея своего московская духовная академія получила также 12,000 руб. на составленіе капитала для выдачи процентовъ съ него въ награду наставникамъ и кромѣ того болѣе 10,000 руб. на издержки при празднествѣ пятидесятилѣтія и на награды наставниковъ. Наконецъ выстроенъ на тѣже епархіальныя средства огромный домъ въ Москвѣ для сиротъ и престарѣлыхъ лицъ духовнаго званія съ дѣвичьимъ училищемъ при немъ; на этотъ домъ, какъ говорилъ мнѣ одинъ почтенный московскій священникъ, употреблено до 165,000 руб. Что это за мистическія епархіальныя средства? На этотъ вопросъ почтенный священникъ отвѣчалъ, что все это берется изъ суммъ Перервинскаго монастыря, которому принадлежитъ извѣстная въ Москвѣ икона Иверской Божіей Матери. Священникъ прибавилъ даже, что при выдачѣ этихъ суммъ будто бы капиталы остаются неприкосновенными, а тратятся только проценты съ нихъ. Положимъ даже, что послѣднее не справедливо, но и за всѣмъ тѣмъ какія богатства скрываются въ Перервинскомъ одномъ монастырѣ, когда можно на его счотъ производить столь огромные расходы. 6) Въ No. 3 Прав. Обозр. 1865 г. (стр. 321) напечатано, что доходы церквей и монастырей новгородской епархіи простираются до 400,000 руб. Но по отчоту Об. Пр-ра за 1861 г. кошельковый и кружечный сборъ въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ тойже епархіи состоялъ изъ 160,854 р. 58 коп.; значитъ доходы монастырей новгородскихъ нужно положить въ 140,000 руб. О томъ, сколько въ нихъ накопилось денегъ можно судить по одному примѣру. Въ No. 23 Дня 1865 г. (стр. 546) напечатано, что капиталы одного юрьевскаго монастыря состоятъ *изъ семи сотъ сорока тысячъ осьми*

сотъ двадцати одного рубля (740,821)!! Я нарочно указалъ на такое множество свидѣтельствъ и фактовъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ настоящее время наши монастыри богаты, имѣютъ запасные капиталы и получаютъ доходы, которыхъ не въ состояніи ежегодно истрачивать.

Остатки отъ ежегодныхъ доходовъ монастырскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталы были бы еще значительнѣе нынѣшнихъ, если бы всѣ монастыри были общежительными, мы уже видѣли, какіе огромные капиталы наживаютъ одни отцы настоятели необщежительныхъ монастырей. Замѣчательно, что въ настоящее время, когда большинство нашихъ обителей не имѣетъ общежительнаго характера, Синодъ общежительные монастыри ставитъ выше прочихъ. Т. о. по отчоту Об. Пр-ра за 1861 г. (стр. 18) «вознесенскій мужеской монастырь иркутской губерніи, бывшій постоянно подъ управленіемъ ректоровъ семинаріи, обращенъ изъ штатнаго въ общежительный съ цѣлію установить въ немъ строгое иноческое житіе и благочиніе въ богослуженіи (см. отчотъ Об. Пр-ра за 1861 г. стр. 18) потомъ на стр. 19 монастыри общежительные называются вѣрными хранительницами истинной иноческой жизни. И потому самой братіи ихъ предоставить право избирать себѣ настоятелей и притомъ непремѣнно изъ общежительнаго монастыря. Т. о. самъ отчотъ намекаетъ, что необщежительные монастыри не очень вѣрно сохраняютъ и ведутъ истинную иноческую жизнь, въ нихъ не очень строгое иноческое житіе и благочиніе въ богослуженіи, такъ что монахи этихъ монастырей считаются недостойными управлять общежительными обителями. Итакъ, почему же у насъ только въ немногихъ монастыряхъ введено общежитіе? О старыхъ временахъ я не стану говорить, но прибавлю, что въ настоящее время противъ общежитій находится грозная оппозиція въ высшихъ м-щихъ лицахъ, въ архіереяхъ и ректорахъ, они б. ч. пользуются, или надѣются рано или поздо пользоваться доходами отъ того, или другаго монастыря, р-ся, богатаго. Утверди законъ, чтобы всѣ монастыри имѣли общежительный характеръ, и братія, снабжаемая всѣмъ нужнымъ отъ монастырской казны, не получала бы на отдѣльное лица никакихъ доходовъ, тогда бы ректорамъ и преосвященнымъ пришлось бы отказаться или отъ управленія семинаріями и епархіями, или отъ доходовъ монастырскихъ. Но тѣ доставляютъ честь, а эти-деньги; надобно же значитъ, что бы монастыри не были общежительными; тогда въ нихъ можно будетъ быть настоятелями и получать богатые доходы ректорамъ и архіереямъ.

Отдѣлъ 67ой.

О томъ, на что употреблялись и употребляются монастырскія богатства.

Узнавши, какими громадными капиталами владѣютъ наши монастыри, какіе огромные доходы они и нынѣ получаютъ, по неволѣ подумаешь, сколько бы добра можно сдѣлать изъ такихъ богатствъ? Сколько бы можно оказать пособій доведеннымъ до крайности духовнымъ училищамъ, страдающему отъ матеріальныхъ недостатковъ бѣлому д-ву и всѣмъ вообще бѣднымъ и нуждающимся? Сами защитники м-ва любятъ намекать на это особенно въ томъ случаѣ, когда нужно выразить неудовольствіе на правительство, которое при Императрицѣ Екатеринѣ 2й отобрало въ казну всѣхъ монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ. Но не слишкомъ увлекайтесь, г. ч., мечтами о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя полились бы на страждущее человѣчество изъ нашихъ обителей, если бы онѣ доселѣ, или по к. м. до 19го Февраля 1861 года владѣли населенными имѣніями, если бы имѣли и запасныхъ капиталовъ и ежегодныхъ доходовъ вдвое, втрое и т. д. болѣе, нежели нынѣ. Для вашего успокоенія посмотримъ-те вмѣстѣ съ вами, какъ въ былыя времена человѣколюбивые иноки и ихъ настоятели пользовались своими населенными имѣніями, на какія богоугодныя и благотворительныя *дѣянія* они употребляли и употребляютъ свои громадные доходы. Извините меня, если въ этомъ случаѣ придется мнѣ повторить кое-что изъ сказаннаго прежде.

Во второй половинѣ XVII столѣтія тотъ самый каломенскій архіепископъ Іосифъ, о безчеловѣчномъ обращеніи котораго съ подчиненнымъ ему д-вомъ было выше говорено (23 Отд.) любилъ ѣздить въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми. Во время этихъ поѣздокъ послѣ стола въ селахъ на погостахъ и на лугахъ напился отецъ его духовный архимандритъ и игуменъ голутвина монастыря, дьякъ и иные домовые люди смѣхотвореніемъ многимъ и кощуны всякими боролися и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ подолы непристойно оборочались (Истор. Росс. г. Соловьев. т. XIII прим. стр. 105). Конечно тутъ есть отецъ духовникъ архимандритъ и игуменъ, но большинство состоитъ изъ такъ называемой архіерейской свиты, въ которой замѣшался даже дьякъ. Поищемъ свѣ-

дѣній о томъ, какъ монастырскіе монахи проводили время у себя дома и въ своихъ вотчинахъ. «Въ московскихъ, ближнихъ и дальнихъ степенныхъ и не степенныхъ монастыряхъ архимандриты и игумены, келари и строители, казначеи и священники и братья на монастырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя держатъ хмѣльное вино, пиво и медъ и отъ того хмѣльнаго питья церкви божіи бываютъ безъ пѣнія. Архимандриты, игумены, келари, казначеи и соборные старцы во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братьевъ и племянниковъ и внучатъ и даютъ имъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ изъ монастырской казны деньги (тотъ же томъ истор. Соловьева стр. 145.) Когда при Петрѣ Великомъ монастырскому приказу велѣно было завѣдывать населенными имѣніями монастырей, то указъ говоритъ, что это сдѣлано не для разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбивыми руками пищу промышляли и общежительно живяше и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи..... сами чуждый трудъ поядоша и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ *въ нужную пищу введоша* и, вотчинъ же ради, свары и смертоубійства, и неправыя обиды многи твориша.» Авторъ статьи: чернецъ Феодосъ (N. 2. Отеч. Зап. 1862 г. стр. 483), сдѣлавши эту выписку, прибавляетъ: «дѣйствительно, простые монахи были въ жалкомъ положеніи; безъ дѣла и опредѣленныхъ занятій бродили они изъ монастыря въ монастырь, гостили подолгу и въ деревняхъ и въ городахъ, нищенствовали, просили милостыню въ самой Москвѣ; на мостахъ, на перекресткахъ собирались они просить подаянія.»

Отъ великороссійскихъ монаховъ не хотѣли отставать и малороссійскіе. Іоаннъ изъ Вишни, русскій монахъ писалъ съ аѳонской горы русскимъ архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ: «отнимаете воловъ и лошадей изъ оборъ бѣдныхъ поселянъ, выдираете отъ нихъ денежныя дани, дани пота и труда, лупите ихъ, мучите, томите, гоните до комягъ (плоты) и шкутъ (рѣчныя суда для перевозки хлѣба) зимою и лѣтомъ въ негодное время а сами, какъ идолы, сидите на одномъ мѣстѣ; а если и случится ваши идолотворешные трупы перенести съ одного мѣста на другое, то переносите ихъ въ колескахъ и во время дороги, вамъ какъ дома; а добрые подданные день и ночь на васъ трудятся и страдаютъ; высасывая изъ нихъ кровь, вы одѣваете фалендышами, утрофимами и каразіями своихъ приставниковъ и слугъ,

любуетесь ихъ уборомъ, а у бѣдныхъ поддаиныхъ и порядочной сермажки нѣтъ, чѣмъ бы прикрыть наготу свою (N. 1 или 2 Библ. для чт. 1865 г. отрывки изъ исторіи южнаго казачества стр 29).» Не менѣе замѣчателенъ отрывокъ изъ отзыва тогоже Іоанна объ архіереяхъ, архимандритахъ и пр., помѣщенный въ 10 т, ист. Россіи г. Соловьева (стр. 61). «*Да будутъ прокляты владыки,* архимандриты игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали, сами со слугами своими и пріятелями въ нихъ *тѣлесную и скотскую жизнь провождаютъ;* на мѣстахъ святыхъ лежа, гроши соборютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцамъ христовымъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ умножаютъ, кореты дѣлаютъ, лошадей сытыхъ и одношерстныхъ запрягаютъ, а въ монастырѣ иноческаго чина намъ, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвы псы воютъ.« Благочестивые наши иноки и особенно о. о. настоятели и другіе монастырскія власти любили не только сами повеселиться на счотъ монастырскихъ доходовъ и вотчинъ, но и доставить тоже удовольствіе своимъ слугамъ, роднымъ и пр. «Они же власти, т. е. архимандрмты, игумены, келари, казначеи и соборные старцы отпускаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ эти слуги съ жалованья въ монастырь пріѣзжаютъ, и съ нихъ берутъ власти, а дѣти ихъ и племянники и внучата посулы и поминки деньгами, виномъ и медомъ, куницами и всякими гостинцами, а кто ихъ не почтитъ, тѣмъ примѣтываясь для мзды чинятъ побои и изгони большія, также и съ монастырскихъ вотчиныхъ крестьянъ отъ дѣлъ и не отъ дѣлъ посулы и поминки берутъ. Да власти же ѣздятъ къ мірскимъ людямъ въ домы на пиры и бражничаютъ и зато ссужаютъ ихъ монастырскимъ хлѣбомъ и денежною казною (тотъ же томъ ист. г. Соловьева стр. 145.)» Служки и другія довѣренныя лица въ монастырскихъ вотчинахъ доходили до отвратительныхъ дѣлъ, такъ что правительство принуждено было издавать собственно противъ нихъ указы. Такъ напр. въ грамотѣ въ Сибирь стольнику и воеводѣ Глѣбову отъ 26 Ноября 1697 г. пишется: »вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что богомольца нашего преосвященнаго Игнатія митрополита сибирскаго и тобольскаго домовыя дѣти боярскія посланы во всѣ сибирскіе городы и слободы десятильниками и тѣ-де десятильники градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многое чинятъ разореніе и обиды и налоги и бивъ заставляютъ по нынѣ дѣвокъ и

вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство; а по тѣмъ ложнымъ съ тѣхъ людей емлютъ себѣ взятки великія; а иныхъ *дѣвокъ разоблакаютъ нагихъ и груди давятъ до крови* и всякое ругательство чинятъ, и иные-де, которые дѣвки и вдоры ихъ за таковаго изъ десятильниковъ мучительно въ томъ не винятся, и тѣхъ дѣвокъ и вдовъ они продаютъ такимъ людямъ, за какихъ никто бы своей дочери не отдалъ, а деньгами-де берутъ себѣ и отъ того градскимъ и уѣзднымъ людемъ чинится разореніе великое. (3 т. Собр. зак. стр. 404. N. 1601)».

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ вы, г. ч. можете понять, какъ употреблялись въ старыя времена тѣ деньги, которыя доставались иногамъ изъ монастырскихъ доходовъ. Любили покойники весело пожить; всего у нихъ было въ запасѣ много *и хмѣльнаго питья, вина, пива и меду такъ что отъ этого хмѣльнаго питья и церкви божія бывали пусты, безъ пѣнія*; въ монастыряхъ *вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвы пѣсы были;* а иногда гдѣ либо на лугу старинные иноки до того увлекались *смѣхотвореніемъ* и борьбою, что *ихъ подолы непристойно оборачивались*, а то подъ часъ отправлялись къ мірскимъ людямъ *на пиры* и тамъ *бражничали;* изъ *святыхъ мѣстъ подымали себѣ фольварки* и проводили *съ своими слугами и пріятелями тѣлесную и скотскую жизнь*, но въ благодарность за радушное угощеніе *ссужали ихъ монастырскими хлѣбомъ и казною.* Весело было жить дѣтямъ, братьямъ, племянникамъ и внучатамъ архимандритовъ, игуменовъ, келарей, казначеевъ и соборныхъ старцевъ; изъ монастырскихъ кладовыхъ и казны они получали, сыновья — одежду, дочери — приданое, жены — наряды *и хлѣбъ, и всякій запасъ, и даже деньги;* потомъ имъ же предоставлялось получать отъ монастырскихъ служекъ, которые были посылаемы въ вотчины *на жалованье, лучшіе посулы и поминки деньгами, виномъ и медомъ, куницами и всякими гостинцами.* Не въ убыткахъ бывали и эти монастырскіе служки, особенно боярскія при архіереяхъ дѣти, отправлявшіяся десятильниками; послѣдніе уже иногда разгуливались очень широко, не только *чинили людемъ всякое разореніе,* но и *разоблакали дѣвокъ, давили у нихъ груди до крови.* А въ Малороссіи и сами архіереи, архимандриты и игумены *отнимали воловъ и лошадей, лупили, мучили, томили крестьянъ, высасывали кровь изъ нихъ* и пр. Да и въ Великоруссіи монахи *чуждый трудъ поѣдали*, начальные же монахи *во многія роскоши впадали, свары, смертоубійства и обиды многи тво-*

ришка. Но зато подчиненныхъ простыхъ иноковъ, конечно не вездѣ, заставляли и алкать и жаждать, такъ что эти бѣдняки *въ самой Москвѣ на мостахъ, перекресткахъ собирались толпами просить подаянія.* Да, веселое было житье, по к. м. властямъ! И на такое-то житье употреблялись деньги, получавшіяся отъ благочестивыхъ богомольцевъ подъ видомъ пожертвованій въ храмъ божій, или собиравшіяся съ крестьянъ, имѣній, угодьевъ и земель, которыя пріносили въ даръ церкви набожные люди, надѣясь этимъ заслужить прощеніе своихъ грѣховъ. Вѣроятно для того, чтобы соблюсти возможную экономію по части хмѣльнаго питія, наши монастыри и архіерейскіе дома имѣли собственные свои винокуренные заводы. И когда правительство нашло такую промышленность несовмѣстною съ иноческими обѣтами, то они долго не слушались царскихъ указовъ. Одинъ изъ нихъ изданъ при Императрицѣ Аннѣ 16 Сентября 1740 г. (собр. зак. т. XI. стр. 263. N. 3244) и ссылается на такіе же прежніе три указа 189, 196 и 202. Потомъ, когда уже нельзя было курить своего вина, то обители просили позволеніе пріобрѣтать его подешевле. Т. о. троицко-сергіевской лавры архимандритъ Арсеній Могилянскій съ братіею всеподданѣйше просили Императрицу Елисавету Петровну о томъ, чтобы для обительнаго содержанія за неимѣніемъ винныхъ заводовъ троицко-сергіевой лавры покупать до 3000 ведеръ въ Малороссіи и пропускать оное безъ взятія пошлинъ, или же до толикаго числа ведеръ покупать въ Великороссіи у винныхъ заводчиковъ по подрядной цѣнѣ (собр. зак. т. XII. стр. 134. N. 8960. Іюня 8 дня 1744 г.)». 3000 ведеръ вина въ годъ! Вѣдь на каждый день приходится болѣе, нежели по 8 ведеръ; многонько; весело любили поживать въ троицко-сергіевой лаврѣ!

Ну, а нынѣ какъ и на что истрачиваются денежные и другіе доходы, получаемые м-щею братіею въ необщежительныхъ монастыряхъ? Сказать: *также, какъ и прежде* нельзя вполнѣ; времена перемѣнились. Напр. теперь уже нѣтъ монастырскихъ вотчинъ, значитъ, нѣтъ возможности посылать туда служекъ на *жалованье*, а званіе десятильниковъ даже и забыто. Но при сравненіи старыхъ и новыхъ временъ надобно различать идею и проявленіе, — форму ея. Идеи остаются неизмѣняемыми, но онѣ не могутъ уже проявляться въ прежнихъ формахъ, которыя замѣняются новыми. И въ разсматриваемомъ нами случаѣ идеи остались тѣже, но многія формы уже отмѣнены. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ главная идея, которою руководились старинные монахи при расходо-

ваніи достававшихся имъ суммъ, состояла въ томъ, чтобы имъ было весело, роднымъ ихъ тепленько, прислугѣ привольно. Эти идеи и нынѣ не оставлены, только съ измѣненіемъ времени старыя формы не въ употребленіи. Напр. прежде монахи иногда у мірскихъ людей, какъ грубо выражается лѣтописецъ, *бражничали*. Нынѣ этого нѣтъ, п. ч. и браги почти никто, кромѣ мужиковъ, не пьетъ. Прежде въ монастыряхъ хранилось хмѣльное питье, пиво, медъ и пр. Нынѣ въ погребахъ винъ не держатъ про запасъ, а посылаютъ за ними по мѣрѣ надобности; пиво и медъ почти не въ употребленіи; иноки иногда увлекаются иностранными названіями мадеры, хереса, даже шампанскаго, отчего и нынѣ случается, что и *церкви остаются безъ пѣнія*. Въ монастыряхъ нынѣ почти не держатъ дѣтей, внучатъ, племянниковъ, развѣ только о. о. ректора позволяютъ себѣ отступленія; но зато родные не въ убыткѣ; даже имъ иногда доставляются, монастырскіе запасы, а чаще всего деньги для покупки ихъ по вольнымъ на рынкѣ; а потомъ по смерти о. о. настоятелей за ихъ приписными утверждаются гражданскими палатами порядочныя наслѣдства. Даже, знаете ли, инымъ племянникамъ, или дѣтямъ еще при жизни своихъ дяденекъ, папашъ, облеченныхъ въ чорную рясу, удается получать не отъ служителей, бывшихъ *на жалованьѣ*, а отъ просителей *посулы*, *поминки* только *не медомъ и куницами, а деньгами и гостинцами*. Приставниковъ и слугъ монастырскія и монашески-семинарскія власти не одѣваютъ фалендышами, утрофимами и каразіями, п. ч. этихъ матерій нѣтъ; но зато на тѣхъ же приставниковъ и слугъ покупаются хорошія сукна; отчего они бываютъ такъ чисто одѣты, что можно ими любоваться, — ну а у бѣдныхъ семинаристовъ часто даже въ холодъ изъ сапоговъ выглядываютъ пальцы; они чуть не вѣчно, подобно Петрушкѣ Фамусова, съ обновкой, съ разодраннымъ локтемъ; о голодѣ въ столовой и холодѣ въ неотопленныхъ классахъ, о нечистотѣ въ комнатахъ нечего и говорить. Да, г. ч., припомните все, сказанное мною о житьѣ бытьѣ нашихъ м-щихъ лицъ и вы, дѣлая сравненіе между ими и ихъ предшественниками по иночеству, скажете: идеи остались тѣже, только формы, въ которыхъ проявляются эти идеи, измѣнились, да и то не всѣ. Вотъ какъ тѣ изъ приношеній, которыя благочестивыми богомольцами прикладываются во святыя обители, и которыя нерѣдко достаются братіи, особенно же настоятелямъ, вотъ на какія набожныя дѣла истрачиваются и нынѣ.

Но за всѣмъ тѣмъ много денегъ отдѣляется въ мона-

стырскія кассы, какъ необщежительныхъ, такъ и общежительныхъ монастырей! Надобно посмотрѣть, что съ ними дѣлалось и дѣлается.

Въ No. 11 Отеч. Зап. 1864 г. въ современной хроникѣ (страницы не припомню) пишется: «отнимая у каждаго изъ своихъ членовъ право свободной дѣятельности и право имущественной собственности, монастыри сосредоточиваютъ ее въ своей власти, какъ бы прикрываясь въ этомъ случаѣ именемъ Божіимъ. Они скопляютъ въ своей казнѣ огромныя богатства, или остающіяся въ непроизводительномъ бездѣйствіи, или обращаемыя на удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя приносятъ человѣчеству мало пользы. Конечно, есть монастыри, употребляющіе часть своего достоянія на училища, госпитали и богодѣльни; но обыкновенно на всѣ эти учрежденія расходуется незначительная часть монастырскихъ богатствъ сравнительно со всей ихъ массой.»

Эти слова Отеч. Записокъ весьма хорошо характеризуютъ умѣнье монастырей чуть ли не всѣхъ вѣковъ тратить свои богатства на потребности безполезныя для человѣчества, отъ котораго они собираются. Чтобы имѣть матеріальное т. с-ть доказательство относительно этого умѣнья, нужно побывать въ богатыхъ старинныхъ монастыряхъ и осмотрѣть ихъ ризницы. Пойдемъ-те съ вами въ московскій Чудовъ монастырь; тамъ находятся двѣ ризницы; одна изъ нихъ называется *патріаршею*, другая *монастырскою*. Нѣсколько большихъ комнатъ обѣихъ ризницъ уставлены множествомъ шкафовъ, ящиковъ съ стекляными дверцами и подъемными крышками, футляровъ и пр. Чего вы тутъ не встрѣтите? Вотъ напр. 1) большой золотой крестъ вѣсомъ 100 золотниковъ; цѣнно здѣсь и золото, но кромѣ того онъ украшенъ не только жемчугомъ, но и драгоцѣнными камнями. 2) Золотая панагія съ серебряною позлащенною цѣпочкою вѣсомъ 2 фунта 72 золотника, украшенная тоже жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Тутъ подивишься тому, кто имѣлъ охоту и тщеславіе носить на своей шеѣ такую тяжесть; — вѣдь почти три фунта. 3) Золотая тоже панагія, на золотой даже цѣпочкѣ, съ золотою привѣской, осыпанной алмазами и яхонтами; въ срединѣ ея яшмовый плащъ, на которомъ утвержденъ, въ золотомъ гнѣздѣ большой лазаревый яхонтъ; на передней сторонѣ восемь золотыхъ запонъ, осыпанныхъ алмазами и червчатыми яхонтами. 4) Еще панагія тоже золотая на золотой цѣпочкѣ; пять разноцвѣтныхъ яхонтовъ значительной величины образуютъ на ней крестъ; по краямъ она усѣяна алмазами и рубинами; внизу привѣшено у ней три

крупныхъ изумруда и три лала. 5) Митра Никона, на которой перекрестье и вѣнецъ низаны крупнымъ кафимскимъ жемчугомъ, между которымъ по мѣстамъ золотыя съ чернью запоны, украшенныя алмазами и яхонтами; на верху золотый крестъ, *осыпанный* драгоцѣнными каменьями; на передней сторонѣ большой лазоревый яхонтъ. 6) Митра того же Никона; основу ея составляетъ серебрянная вызолоченная доска, на которую положены перекрестье, запоны и репьи изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ. Кругомъ митры вѣнецъ изъ 12 запонъ, украшенныхъ жемчугомъ, яхонтами и изумрудами; на верху крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями и обнизанный жемчугомъ. 7) Еще митра Никона золотная алтабасная, украшенная крупными алмазами, яхонтами, сафирами, изумрудами, жемчужными зернами и пр. На верху ея въ многоугольной золотой звѣздѣ, украшенной алмазами и яхонтами, утвержденъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. 8) Саккосъ аксамита петельчатаго двойнаго по червчатой землѣ; у него оплечья, зарукавья, передникъ, сторонники и подольникъ низаны крупнымъ кафимскимъ жемчугомъ; болѣе полутораста дробницъ, золотыхъ съ чернью, множество крупныхъ яхонтовъ, изумрудовъ, лаловъ и алмазовъ, всѣ въ золотыхъ гнѣздахъ; сверхъ этого 16 жемчужныхъ половинчатыхъ зеренъ необыкновенной величины съ одной стороны украшаютъ этотъ саккосъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ ему такую тяжесть, что онъ вѣситъ *полтора пуда*. 9) Омофоръ изъ серебряной струйчатой объяри съ тридцатью золотыми кистями и жемчужными варворками. Въ четырехъ крестахъ, обнизанныхъ жемчугомъ и украшенныхъ драгоцѣнными камнями, вышиты золотомъ и серебромъ Христовы страсти. 10) Омофоръ Никона изъ золотаго алтабасу, богато украшенный жемчугомъ яхонтами и изумрудами. Описаніе всѣхъ этихъ предметовъ взято изъ указателя патріаршей разницы арх. Саввы.

Ограничимся пока этими десятью примѣрами и посудимъ о нихъ. Серебро считается однимъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ; но оно въ перечисленныя одежды входитъ въ маломъ количествѣ; тутъ золото, алмазы, изумруды, яхонты, рубины, лалы, сафиры, жемчугъ и пр.; иногда эти драгоцѣнности еще пересчитаны, но въ крупныхъ цыфрахъ какъ напр. 150 дробницъ золотыхъ съ чернью; иногда говорятъ только, что они необыкновенной величины, а то просто замѣчаютъ, что ихъ множество, и притомъ не однихъ какихъ либо драгоцѣнностей; а множество алмазовъ, яхонтовъ, лаловъ и изумрудовъ, притомъ не мелкихъ, а крупныхъ, —

иногда поименовываютъ драгоцѣнности, а то уже просто пишутъ: *унизаны, усыпаны, усѣяны* драгоцѣнными камнями. Далѣе представимъ себѣ, что какой либо архіерей рѣшился отслужить литургію въ этихъ драгоцѣнностяхъ, положимъ, что онъ надѣлъ на себя саккосъ (No. 8), который либо изъ омафоровъ (No. 9, или 10) мутру (No. 7), панагію (No. 2), пусть владыка возьметъ въ руки еще золотый крестъ (No. 1). Сначала спрошу: сколько во всемъ этомъ будетъ вѣсу? въ одномъ саккосѣ полтора пуда, въ панагіи чутъ не три фунта, въ крестѣ болѣе фунта; присоедините сюда митру, омофоръ и прочія части архіерейской одежды, вѣдь очень возможно, что все будетъ тажелѣе двухъ пудовъ. Найдется ли нынѣ хоть одинъ преосвященный, который бы рѣшился отслужить и отслужилъ въ этомъ, конечно драгоцѣнномъ, но вмѣстѣ тяжеломъ облаченіи; иногда одинъ изъ нихъ, какъ я слышалъ, снимаетъ даже часы свои, чтобы они не тяготили его? Разсматривая нынѣ вооруженіе старинныхъ рыцарей, съ трудомъ ихъ поднимая, многіе думаютъ, что родъ человѣческій выродился, что люди сдѣлались слабосильнѣе. Подобнымъ образомъ и полуторапудовый саккосъ и почти трехфунтовая панагія пробуждаютъ мысль, что употреблявшіе ихъ были богатыри; или что преемники послѣднихъ выродились.

Займемся теперь драгоцѣнностію нашего облаченія. Если, говоря о нѣкоторыхъ его частяхъ не находятъ возможнымъ пересчитать, сколько въ нихъ драгоцѣнныхъ камней, а пишутъ только, что ихъ тутъ множество, что ими *унизано, усѣяно* и пр.; то сколько же всѣхъ изумрудовъ, яхонтовъ, сафировъ, лаловъ, рубиновъ, алмазовъ, жемчужинъ, золота (о серебрѣ не говорю), — сколько всего этого во всемъ облаченіи? .... Упрекаютъ часто дамъ за роскошь ихъ нарядовъ; въ концѣ тридцатыхъ годовъ съ удивленіемъ разсказывали, что княгиня Б-ся на придворномъ балу имѣла на себѣ однихъ бриліантовъ цѣною до 800,000 рубл. асс. Но что значатъ всѣ дамскіе наряды съ драгоцѣнностію нашего облаченія? На дамахъ бриліанты блещутъ только почти на шеѣ, головѣ и рукахъ; едва ли всѣ ея драгоцѣнности вѣсятъ фунтъ или два; платья ихъ конечно вышиваются иногда серебромъ и обшиваются дорогими кружавами, блондами и пр.; но иголка еще не покрывала всю себя драгоцѣнными камнями, золотомъ и жемчугомъ. Что же ея наряды значатъ съ нашимъ двухпудовымъ облаченіемъ, съ неисчислимымъ множествомъ не жемчужинъ, а алмазовъ изумрудовъ лаловъ, рубиновъ, яхонтовъ и пр., — съ облаче-

ніемъ, которое всего человѣка, кромѣ его лица и кистей ручныхъ совершенно покрываетъ золотомъ и разнообразнѣйшими драгоцѣнностями? Въ недавнее время шутники, подтрунивая надъ новгородцами, говаривали, что весь ихъ Новгородъ не стоитъ волховскаго моста и главное — фотіевой митры. Москва конечно заключаетъ въ себѣ богатствъ поболѣе, нежели Новгородъ; съ нею нашему облаченію трудно бороться. Но не найдется ли дѣйствительно многихъ не уѣздныхъ, а губернскихъ городовъ, которыхъ вся и движимая и недвижимая собственность будутъ малоцѣннѣе, нежели наше облаченіе? И все это приготовлено не для щеголей-франтовъ, а для людей, которые дали обѣтъ смиренія и нищеты, которые считаютъ себя намѣстниками Спасителя, не имѣвшаго гдѣ главу преклонити — преемниками апостоловъ, занимавшихся плетеніемъ корзинъ для своего пропитанія и обошедшихъ современный имъ міръ чуть ли не босыми ногами, часто если не во вретищахъ, то въ очень скромныхъ и бѣдныхъ хитонахъ.

Но я взялъ только десять вещей изъ патріаршей ризницы, а ихъ тамъ множество. Смотря въ шкафъ сквозь стекла, вы видите только передній саккосъ, за которымъ висятъ еще такія же драгоцѣнности, унизанныя, усѣянныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Сколько тамъ панагій въ ящикахъ подъ стеклянными крышками? Сколько омофоровъ и пр.? Сколько епитрахилей, палицъ, поручей? Тутъ же вы увидите три походныхъ креста, которые носили предъ патріархами, когда они ѣхали по улицамъ, и все-таки два изъ этихъ крестовъ серебряные, а одинъ украшенъ алмазами, яхонтами и изумрудами. Тутъ же найдемъ пять посоховъ; и въ нихъ нельзя же было обойтись безъ золота, драгоцѣнныхъ камней, чеканнаго серебра, жемчуга бирюзы, винеса, сердоликовъ. Тутъ же вы найдете два серебряныхъ, вызолоченныхъ по краямъ и внутри котла, серебряной внутри и частію со внѣ вызолоченной кади, четыре серебряныхъ золоченныхъ ковша, 16 серебрянныхъ вызолоченныхъ кувшиновъ; — всѣ эти вещи, назначенныя для варенія, разливанія и храненія мура, вѣсятъ 39 пуд. 30 фунт. и 52 зол. Тутъ даже увидите полотенце для вытиранія рукъ архіерея во время служенія и оно то обшито по концамъ золотымъ кружевомъ, унизаннымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями!!! Въ особой комнатѣ помѣщена столовая посуда патріарховъ: 136 кубковъ, 6 стокъ, 14 кружекъ, 83 стакана, 9 чарокъ, 5 ковшей, 30 брашины, 52 блюда, двѣ мисы, лоханъ, 20 тарелокъ, перечницы, разсоль-

ники, ложки, чашки, ножи и вилки. Не думайте, что бы на эти вещи употребленъ былъ только фарфоръ, стекло, желѣзо, мѣдь, дерево и т. п. И тутъ опять золото и серебро; и тутъ иная кружка вѣситъ 6 фунтовъ, *даже въ ложечки средина и поля мѣстами чеканныя золоченныя.* Но довольно г. ч. всего по пересчитаешь.

И въ малой ризницѣ Чудова монастыря встрѣтите вы необыкновенно дорогія церковныя вещи, особенно митры и посохи; тутъ вы найдете даже золотой посохъ съ бриліантами. Въ самомъ соборѣ монастыря вамъ съ какою-то гордостію укажутъ на царскія врата и прибавятъ, что они изъ серебра и вѣсятъ 12 пудовъ. Самъ я не видалъ, но одинъ знакомый вскорѣ послѣ того, какъ онъ осматривалъ Чудовъ монастырь, говорилъ мнѣ, что тамъ есть евангеліе въ четыре пуда вѣсомъ — конечно тутъ не желѣзо, и не мѣдь. Если есть вамъ возможность, осмотрите ризницу Сергіевской Лавры, которая не уступитъ патріаршей. А сколько еще есть ризницъ въ другихъ монастыряхъ. Все это не служитъ украшеніемъ чему либо, какъ напр. оклады на образахъ подсвѣчники, лампады, люстры и пр.; все это хранится за замками и показывается любопытнымъ, какъ рѣдкость, какъ памятникъ того, какъ монастыри, патріархи, архіереи умѣли дѣлать употребленіе изъ тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя могли бы облагодѣтельствовать милліоны людей. А я еще не говорилъ о колоколахъ въ тысячи пудовъ, объ оградахъ монастырскихъ, приличныхъ скорѣе замку гордаго какого либо барона, нежели мирной обители отшельниковъ и пр.; *всего не пересчитаешь, не исчислишь, не опишешь.* И все это въ полномъ смыслѣ не производительно!

Ну, а нынѣ какъ идутъ дѣла? И здѣсь опять скажу: идеи остались тѣже, но формы измѣнились. Идеи состоятъ въ томъ, чтобы копить деньги и употреблять ихъ на потребности, которыя человѣчеству мало приносятъ пользы, но уже онѣ облекаются въ другія формы. Сами обители не очень уже любятъ на свой счотъ дѣлать богатѣйшія и многоцѣнныя церковныя вещи, б. ч. предоставляютъ благочестивому усердію набожныхъ поклонниковъ святыни, р-ся, грѣшныхъ мірянъ, устроивать серебряныя раки для мощей, золотые кресты, хоругви изъ кованаго серебра и пр. и пр., пусть они — грѣшные міряне выкупаютъ этимъ свои души отъ огня геенскаго! Но излишнія деньги не любятъ уже держать не производительными въ сундукахъ кромѣ весьма не многихъ исключеній. Большинство монастырей воспользовалось, какъ нельзя лучше, кредитными учрежденіями, внесло и продол-

жаетъ вносить туда огромныя суммы. Но нѣкоторымъ показались четыре процента недостаточными и потому они захотѣли сдѣлать свои капиталы болѣе производительными и полезными не человѣчеству, которое ихъ доставляетъ, а самимъ монастырямъ. Мы уже видѣли, какъ Александроневская-Лавра устроила хлѣбные магазины или лабазы, въ которыхъ можетъ помщаться продовольствіе для столицы. Троицко-сергіева Лавра выстроила великолѣпнѣйшій и огромнѣйшій домъ, который могъ бы служить украшеніемъ столичныхъ улицъ. Для чего же? для гостинницы; т. е. тутъ цѣлый нижній этажъ занятъ магазинами и лавками, во второмъ этажѣ помѣщается отчасти трактиръ, отчасти номера для пріѣзжающихъ, въ третьемъ только одни номера. Гостинница, нечего говорить, великолѣпная; въ ней есть и амосовскія печи, и англійскіе ватер-клозеты и чугунныя лѣстницы и пр. и пр. Другой почти такой же домъ давно построенъ. Отъ лавры не отстаютъ и прочіе монастыри; нынѣ уже очень во многихъ изъ нихъ, особенно тамъ, куда съѣзжаются богатые поклонники, устроены гостинницы съ патентами на *распивочно*. Отъ всего этого человѣчеству мало пользы; богатый поклонникъ дѣйствительно въ этихъ гостинницахъ забудетъ, что онъ не въ городѣ; онъ можетъ удовлетворять прихотливый свой вкусъ очень хорошо; бѣднаго поклонника туда и не пустятъ. За то святыя обители вовсе уже не въ убыткѣ; гостинницы, лабазы, лавки, трактиры и пр. доставляютъ имъ такіе проценты, которыхъ не даютъ кредитныя учрежденія.

Отдѣлъ 68ой.

О томъ, что монастырскіе доходы и капиталы слѣдуетъ употреблять на улучшеніе матеріальнаго быта духовныхъ училищъ и особенно д-ва.

Относительно денегъ, получаемыхъ отъ доброхотныхъ дателей и истрачиваемыхъ монастырями, — какъ тѣхъ, которыя раздѣлаются между братіею и составляютъ потомъ уже собственность каждаго, такъ и тѣхъ, которыя посту-

паютъ въ общую монастырскую кассу и оттуда роскошно расходуются на потребности, мало приносящія пользы человѣчеству, — относительно тѣхъ и другихъ м-щая братія и ея почитатели любятъ говорить: «какое кому дѣло до этихъ денегъ? Онѣ подаются доброхотными дателями, или получаются съ имѣній, пожертвованныхъ набожными людьми, — подаются и пожертвованы въ монастырь, на монастырскую братію, на монастырскія нужды. Такъ — монастыри расходуютъ ихъ по своему усмотрѣнію. Вѣдь частнымъ людямъ не запрещается произвольно распоряжаться принадлежащимъ имъ имуществомъ, пріобрѣтено ли оно собственнымъ трудомъ и оборотами, получено ли отъ какихъ бы то ни было благотворителей, или по наслѣдству. Такія деньги и имущества расточаются часто на самыя безумныя затѣи; и общество молчитъ. Почему такъ сильно возстаютъ противъ монастырей, которые распоряжаются своими капиталами и имуществами, и вновь пріобрѣтаемыми, и переданными отъ прежнихъ временъ, — распоряжаются, какъ находятъ нужнымъ и полезнымъ? Это ихъ собственность; кому что за дѣло до нее?» Постараюсь обстоятельно разсмотрѣть это возраженіе.

Смѣшно и дико было бы изъ какого либо общества дѣдать нѣчто похожее на покойныя аракчеевскія военныя поселенія. Въ нихъ было постановлено, чтобы каждый домохозяинъ давалъ знать начальству объ увеличеніи своей собственности и о тратѣ ея. Не говорю уже о количествѣ намолоченной ржи, или овса, о деньгахъ, вырученныхъ продажею ихъ, — надобно было увѣдомлять и о теленкѣ, появившемся отъ коровы на свѣтъ, и о цыплятахъ выведенныхъ насѣдкою, и о яйцахъ снесенныхъ курами; о всемъ этомъ велись записи. Потомъ нужно было спросить, или пок. м. извѣстить о мелочныхъ даже расходахъ. Подчинять такому *регименту* частныхъ людей въ высшей степени нелѣпо; начальственная и канцелярская опеки стѣснили бы собственниковъ до крайности; у нихъ бы пропала охота стараться объ увеличеніи ея, а вмѣстѣ и объ увеличеніи общаго народнаго богатства, которое слагается изъ частныхъ собственностей. Не смотря на это есть едвали не во всѣхъ законодательствахъ постановленія, которыя ограничиваютъ злоупотребленія и безумную расточительность даже частныхъ имуществъ. А если кто либо получилъ право распоряжаться не принадлежащею ему собственностью, какъ напр. опекунъ надъ несовершеннолѣтними, хотя бы послѣдніе были ихъ дѣтьми, то въ случаѣ замѣченныхъ за нимъ зло-

употребленій онъ устраняется и подвергается отвѣтственности. Даже есть законъ, по которому наслѣдникъ извѣстныхъ имѣній, узнавши, что они расточаются, можетъ просить устроить опеку надъ тѣмъ, кто ими владѣетъ. Значитъ, общество имѣетъ право надзора въ извѣстныхъ случаяхъ даже за тратами имуществъ, составляющихъ частную собственность. Но такое право принадлежитъ ему въ гораздо большихъ размѣрахъ, когда дѣло касается имуществъ которыя находятся во владѣніи корпорацій, общественныхъ заведеній и пр. Лучше всего объяснимъ эту мысль примѣромъ.

Положимъ что хоть напр. въ XVII столѣтіи какой либо благотворитель устроилъ больницу для бѣдныхъ въ городѣ или селѣ и оставилъ капиталъ на содержаніе ея и всѣхъ, при ней служащихъ: докторовъ, смотрителей, фельдшеровъ и пр. и пр. Положимъ далѣе, что первоначальный вкладъ былъ слишкомъ ограменъ; новые благотворители постоянными пожертвованіями еще болѣе увеличили доходы и капиталы больницы. Наконецъ положимъ, что больные содержатся и лечатся добросовѣстно; служащіе при больницѣ хорошо обезпечены въ своихъ житейскихъ нуждахъ, и. м. т. остаются болѣе или менѣе значительные остатки денегъ. *Должны ли* и общество и правительство молчать и равнодушно смотрѣть, когда бы всѣ эти остатки стали собираться и запираться въ больничныхъ сундукахъ и тамъ лежали мертвымъ капиталомъ? *Должны ли* равнодушно смотрѣть, когда бы остатки не лежали уже мертвымъ капиталомъ, но расточались на поддержаніе пышности и великолѣпія, когда бы напр. кровати для больныхъ были сдѣланы изъ краснаго дерева съ дорогими украшеніями, посуда столовая была изъ чеканнаго золота, одежда для больныхъ шилась изъ дорогихъ лионскихъ матерій, или выписывалась отъ первыхъ модистокъ изъ Парижа, когда бы въ самыхъ зданіяхъ господствовала роскошь, напр. кругомъ всего заведенія устроилась ограда въ родѣ рѣшотки лѣтняго сада, или дома графа Шереметьева въ Петербургѣ; когда бы, иконы по комнатамъ покрывались серебряными, или золотыми окладами и украшались драгоцѣнными каменьями; когда бы вызолотили, пожалуй, всю крышу, или одинъ куполъ на главномъ зданіи и пр. т. п.? *Должны* ли равнодушно смотрѣть, когда бы число драгоцѣнныхъ вещей, нужныхъ, конечно для больницы, постоянно увеличивали, когда бы множество ихъ оставалось безъ употребленія, когда бы при больницѣ составился кабинетъ, въ которомъ эти драгоцѣнныя вещи хранились и показыва-

лись любопытнымъ; причемъ приговаривали бы: вотъ эти иконы сдѣланы при такомъ смотрителѣ, вотъ эти кружки пріобрѣтены при такомъ-то докторѣ, вотъ эти великолѣпныя одежды больнымъ сшиты, р-ея, на больничныя деньги при такомъ-то попечителѣ и пр.? *Должны ли* равнодушно смотрѣть, когда бы наконецъ доктора, смотрители и прочіе чины больницы, собравшись, разсудили, что «вотъ-де у насъ ежегодно остается много излишковъ, — зачѣмъ имъ всѣмъ лежать безъ движенія; станемъ отлагать одну часть на непредвидѣнныя нужды больницы, а другую раздѣлять между собою. Вѣдь мы управляемъ нашимъ благотворительнымъ и богоугоднымъ заведеніемъ, вѣдь мы же хранимъ и соблюдаемъ его капиталы, почему же намъ не вознаградить себя за наши труды? А обществу и правительству что до насъ за дѣло? Вѣдь мы изъ казны ничего не беремъ, а пользуемся приношеніями старинныхъ и нынѣшнихъ благотворителей.» — Что въ самомъ дѣлѣ должны ли были бы общество и правительство молчать, равнодушно смотрѣть на все это и позволять больничному начальству распоряжаться по своему благо — или злоусмотрѣнію?

Нѣтъ, — молчать и равнодушно смотрѣть въ такихъ случаяхъ невозможно, непростительно. Правительство имѣетъ полное право учредить за такими больницами строжайшій контроль. Оно должно конечно обезпечить служащихъ при нихъ, постараться, чтобы больные хорошо содержались и лечились, но остающимся затѣмъ суммамъ оно можетъ само, когда начальство больничное этого не дѣлаетъ, давать другое приличное назначеніе. Можетъ напр. открыть такія же больницы въ другихъ мѣстахъ, если только въ этомъ есть нужда; а если нѣтъ, то можетъ употребить остатки на другія благотворительныя заведенія, напр. на богадѣльни, инвалидные домы, на пособіе бѣднымъ и пр. Если государство считается наслѣдникомъ такъ называемыхъ выморочныхъ имѣній, то какъ же отказать ему, или его правительству въ правѣ употребить остатки по описанной мною больницѣ на другія благотворительныя дѣла или даже на государственныя нужды? Государству, или его правительству принадлежитъ еще большее право. Если бы оно замѣтило, что его подданные по какимъ либо, даже благотворительнымъ увлеченіямъ слишкомъ много дѣлаютъ пожертвованій особенно землями и недвижимыми имѣніями на какую либо отрасль благотворительности, и если бы грозила опасность, что отъ этого можетъ сосредоточиться въ этой отрасли слишкомъ много капиталовъ, поземельной и другой собственности, то

оно имѣетъ полное право запретить подобныя пожертвованія, или давать имъ другое назначеніе, особенно когда отъ такого сосредоточенія станутъ страдать недостатками другія отрасли. Напр. если бы всѣ увлекшись любовью къ просвѣщенію, стали жертвовать и дома и деньги на одни училища, такъ чтобы они могли содержаться, какъ говорятъ, по-царски, и м. т. и бѣдные, и больные, и инвалиды, и чиновники оставались безъ пособія, то правительство имѣетъ право положить предѣлъ такому увлеченію. Этого правила надобно непремѣнно держаться, когда какимъ бы то ни было благотворительнымъ учрежденіемъ управляютъ люди, составляющіе нѣчто въ родѣ ассоціаціи, корпораціи, касты и т. п., у которыхъ есть свои интересы, различные съ интересами другихъ сословій. Тутъ кстати былъ бы римскій законъ, запрещавшій пріобрѣтать недвижимость всѣмъ вообще коллегіумамъ, обществамъ и корпораціямъ, къ сожалѣнію отмѣненный Константиномъ и Лициніемъ.

Обращаюсь опять къ нашимъ монастырямъ. Много было; есть и будетъ людей, готовыхъ жертвовать въ нихъ деньги и разную недвижимость. Но эти пожертвованія б. ч. даются не въ пользу тѣхъ или другихъ людей, а въ обитель божію, въ церковь божію, какъ даръ Богу приносятся. Развѣ только кто нибудь внесетъ вкладъ на то, чтобы его употребить на покупку рысистыхъ лошадей, богатыхъ экипажей, на великолѣпное барское убранство комнатъ о. о. настоятелей и другихъ властей, на рясы и подрясники изъ шолковыхъ матерій, которыми не постыдится щегольнуть и модная красавица, — *на хмѣльное питье, вино, пиво и медъ*, какъ это дѣлывали въ старину, на то, чтобы оставляли богатыя наслѣдства своимъ племянникамъ или братьямъ, какъ дѣлаютъ нынѣ. И въ старину даже самые набожные люди отдавали въ монастыри своихъ крестьянъ не для того, чтобы выдирали изъ нихъ денежныя дани, лупили, мучили, томили ихъ, высасывали изъ нихъ кровь.

Одна часть изъ получаемыхъ отъ богомольцевъ денегъ и другихъ приношеній должна быть употребляема на содержаніе м-щей братіи; такъ какъ пожертвованія дѣлаются или въ благодарность за то, что жертвователь можетъ въ святой обители помолиться Богу, или въ надеждѣ, что за него помолятся тамъ другіе; поэтому надобно, чтобы совершающіе богослуженіе были обезпечиваемы въ своемъ содержаніи. Но нельзя не сказать, что если строго держаться идеала м-ва, то это содержаніе можетъ и должно быть самое скудное. Монаху при самомъ поступленіи его было уже сказано,

чтобы нищеты онъ не отвращался, что онъ долженъ радоваться, если ему придется *алкати, жаждати и наствовати и иными многими отяготиться скорбями, ими же сущій по Богу животъ начертывается.* Значитъ обильное содержаніе даже какъ будто противно иноческимъ обѣтамъ. Но такого ригоризма можно и не держаться. М-щимъ, при посредствѣ которыхъ поступаютъ въ монастыри разные доходы, надобно же доставлять на эти доходы содержаніе безбѣдное, только не роскошное, и притомъ только имъ, а не ихъ роднымъ, — только для поддержанія ихъ жизни, а не для того, чтобы ихъ дѣти, племянники, внуки получали наслѣдства изъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ рублей.

Другая часть монастырскихъ доходовъ должна быть употреблена на нужды монастырей. Первое мѣсто здѣсь занимаютъ не хлѣбные лобазы, трехъ этажныя гостинницы, трактиры и харчевни, за наемъ которыхъ платятъ хорошія деньги, — а храмы. Но и при устройствѣ послѣднихъ не нужно забывать архидьякона Стефана, который въ своей пламенной рѣчи къ сонмищу іудейскому сказалъ, что *Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ.* Да и что для Творца значатъ наши храмы! У него есть великолѣпнѣйшій храмъ, — это вся вселенная. Мы никогда не сдѣлаемъ ничего, хоть сколько нибудь похожаго на это величественнѣйшее и неизмѣримое зданіе. Да и на свои храмики употребляемъ матеріалы, которые составляютъ часть этого зданія: «*Небо*, говоритъ Богъ чрезъ пророка Исаію, *престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ. Гдѣ вы построите домъ для меня? И гдѣ мѣсто моего успокоенія? Все это моя рука сотворила* (Ис. 66, 1—2). И потому устроивая рукотворенные храмы, мы должны удовлетворять только нашимъ религіознымъ потребностямъ, а не подражать тому храму, которой самъ Богъ воздвигъ для себя. Потомъ, украшая свои храмы, мы должны помнить, что нашему Отцу небесному гораздо пріятнѣе, если мы облегчаемъ участь сирыхъ и несчастныхъ, нежели тратимъ тысячи и даже сотни тысячъ на золотые и серебряные оклады, утварь, одежду и пр. Все, что я сказалъ о храмахъ, надобно бы знать нашимъ монастырямъ, которые на украшеніе своихъ церквей и на ихъ принадлежности употребляютъ не только сотни тысячъ, а даже милліоны рублей. Красота обители состоитъ въ непорочныхъ душахъ ея иноковъ, а не въ золотыхъ крестахъ, кадилахъ, серебряныхъ ракахъ, подсвѣчникахъ, окладахъ, не въ ризахъ, унизанныхъ жемчугомъ, дорогими камнями и пр. «Иное, говоритъ Исидоръ Пелусіотъ, есть Церковь,

а иное — церковное зданіе;» церковь составляется изъ непорочныхъ душъ, а зданіе строится изъ камней, . . . что не ради стѣнъ, а ради душъ снизшелъ сюда небесный царь, ... что при апостолахъ, когда церковь украшалась духовными дарованіями, и изобиловала свѣтлымъ житіемъ, церковныхъ зданій не было; у насъ же церковныя зданія украшены болѣе надлежащаго, а церковь подвергается осмѣянію. А я, если бы предложили мнѣ на выборъ, согласился бы лучше жить въ тѣ времена, когда церковныя зданія не такъ были разукрашены, церковь увѣнчивалась божественными и небесными дарованіями, нежели въ это, когда церковныя зданія изукрашены всякими мраморами, но церковь лишилась и не имѣетъ духовныхъ дарованій (Твор. Св. Отцов. т. 35 стр. 34—35 изъ письма епископу Феодосію).

Но за удовлетвореніемъ нуждъ братіи и потребностей монастырскихъ храмовъ всѣ остатки отъ монастырскихъ доходовъ должны быть употребляемы на дѣла благотворительныя и богоугодныя. Какія же? поищемъ здѣсь руководства въ каноническихъ правилахъ, отчасти и въ исторіи; при этомъ надобно помнить, что монастырскія имѣнія причисляются къ церковнымъ, и что правила, относящіяся къ послѣднимъ, прилагаются въ равной степени и къ нимъ.

Въ N. XI Отеч. Зап. за 1864 г. въ современной хроникѣ, въ ст.: *уничтоженіе монастырей въ Италіи* сказано. «Извѣстно, что въ первыя времена христіанства церковь не владѣла недвижимою собственностію. Христіане приносили деньги и другія пожертвованія добровольно. Одна часть этихъ доходовъ шла на содержаніе д-ва, другая на бѣдныхъ. Но такъ какъ въ послѣдствіи приношенія увеличились, а съ другой стороны водворились въ распредѣленіи ими нѣкоторыя злоупотребленія, то принято было за правило дѣлить получаемое на четыре части: на бѣдныхъ, на служителей алтаря, на епископа, который обязанъ былъ давать пріюты пилигримамъ и наконецъ на устройство церковныхъ зданій и ихъ внутреннее украшеніе.» Но епископы, злоупотребляли предоставленною имъ властію надъ церковными имуществами. Поэтому помѣстный Антіохійскій соборъ въ 25 правилѣ нашолъ нужнымъ напомнить епископамъ о томъ, какъ они должны управлять церковными имѣніями, «Епископу имѣти власть надъ церковнымъ имуществомъ, да распоряжаетъ онымъ со всякою осмотрительностію и страхомъ божіимъ, на пользу всѣмъ нуждающимся; и самъ да взимаетъ изъ онаго должную часть, аще имѣетъ нужды на необходимыя свои потребности, и на потребности странно

пріемлемыхъ имъ братій, дабы они ни въ чемъ не терпѣли лишенія, по слову божественнаго апостола: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольны будемъ.* Аще же самъ не довольствуется, но обращаетъ вещи на свои домашнія потребности, и доходы Церкви, или плоды принадлежащихъ ей полей, не по согласію пресвитеровъ или дьяконовъ, употребляетъ и предоставляетъ надъ оными власть своимъ домашнимъ и сродникамъ, или братьямъ, или сынамъ; отчего примѣтно происходитъ замѣшательство въ церковныхъ счотахъ, таковый да представитъ отчотъ собору той области. И еще инако доносъ будетъ на епископа и на состоящихъ при немъ пресвитеровъ, что они принадлежащее церкви или отъ полей, или отъ иныя собственности церковныя обращаютъ въ свою пользу съ утѣсненіемъ убогихъ и съ причиненіемъ нареканія и безславія домостроительству церковному и правящимъ оными такимъ образомъ; то таковые да пріимутъ приличное исправленіе по разсужденію Св. Собора.» Если епископы, которые въ древнія времена были семейными людьми, изъ церковныхъ доходовъ могли брать только на свои необходимыя потребности, не предоставлять своимъ роднымъ, дѣтямъ и братьямъ власть надъ доходами и полями церковными; то тѣмъ болѣе все это должно относиться къ нашимъ м-щимъ и особенно къ простымъ настоятелямъ монастырей. На монастырскія потребности они употребляй монастырскія деньги, но роскошествовать на нихъ, передавать ихъ роднымъ никакъ не должны.

Наше духовное и гражданское законодательство находитъ нужнымъ строже антіохійскаго собора смотрѣть за церковнымъ имуществомъ и употреблять его на благотворительныя и богоугодныя дѣла. По 59 прав. дух. регламента о монахахъ настоятелямъ монастырей, простымъ монахамъ и даже епископамъ запрещается имѣть при себѣ свойственниковъ и употреблять по монастырскимъ дѣламъ. По 11му пункту о епископахъ предписывается духовныя училища содержать на доходы монастырей и архіерейскихъ домовъ и отъ церковныхъ земель, *гдѣ суть.* Для предупрежденія возраженій 12й пунктъ говоритъ, что «таковые съ монастырей и монастырскихъ земель поборы нимало скудости не дѣлаютъ церквамъ, только было бы доброе и умное у оныхъ домостроеніе. А чтобы, пишется въ 13 пунктѣ, епископы не возроптали, будто имъ убыточно будетъ держать учителя, или учителей, указуется имъ, чтобъ лишныхъ служителей не держали, не нужныхъ строеній не дѣлали, такъ же священнаго себѣ одѣянія и своего платья надъ подо-

бающую чести своей потребу не умножали.» Эти правила тѣмъ съ большею справедливостію должны быть приложены и къ монастырямъ. Далѣе, наше законодательство хотѣло, чтобы монастырская казна была употребляема не на одни духовныя училища. Г. Предтеченскій въ своей апологіи за д-во, или лучше за м-во пишетъ (стр. 84): «Указомъ 1724 г. предписывалось: иноки должны принимать въ монастыри больныхъ солдатъ и уволенныхъ отъ службы и не способныхъ къ работѣ, равно и другихъ бѣдныхъ; для нихъ должны быть выстроены больницы. При Биронѣ въ тѣхъ же видахъ (1734 г.) предписано было не постригать въ м-во никого кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ. Это опредѣленіе уничтожено было въ 1740 г. Но монастыри по прежнему оставались госпиталями для раненыхъ и увѣчныхъ солдатъ. При Елисаветѣ монастыри не разъ наполняли отставными солдатами и офицерами; и эта повинность выполнялась съ жестокостію.» Т. о. каноническія правила, русское законодательство и исторія показываютъ, что излишки монастырскихъ доходовъ должны быть употребляемы на бѣдныхъ, странниковъ, инвалидовъ, престарѣлыхъ солдатъ и офицеровъ и на духовныя училища.

Кому же слѣдуетъ распоряжаться излишками церковныхъ вообще и монастырскихъ въ частности доходовъ? Въ этомъ отношеніи д-во, особенно монахи и епископы всячески стараются отклонить участіе мірянъ. Во 2мъ правилѣ Кирилла Александрійскаго (см. Кормч. Книг. стр. 390) сказано: «благочестивыхъ епископовъ, сущихъ по всей земли, весьма огорчаетъ и въ крайнее неудовольствіе приводитъ требованіе отчота въ случающихся у нихъ расходахъ, какъ изъ доходовъ церковныхъ, такъ и изъ приношеній отъ нѣкоторыхъ. Ибо каждый изъ насъ даетъ за свое время отчотъ Судіи всѣхъ .... Надлежитъ свободнымъ быти правящимъ божественное священство въ распоряженіи случающимся въ ихъ время расходами.» Тутъ т. о не желаютъ давать отчота въ расходованіи церковныхъ суммъ. У католиковъ возведено это въ принципъ; ничто такъ не оскорбляетъ и не вооружаетъ Святѣйшаго Папу, епископовъ и монаховъ, какъ вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя и монастырскія имущества; тутъ проклятія щедро разсыпаются, тутъ никакія заслуги не избавятъ виновнаго отъ огня геенскаго. Знаменитый Карлъ Мартеллъ спасъ и Францію, и Европу, и все христіанство отъ магометанства, разбивъ испанскихъ аравитянъ при Пуатье въ рѣшительномъ сраженіи, положившемъ предѣлъ успѣхамъ магометанскаго

оружія въ западной Европѣ. И м. т. благочестивый орлеанскій епископъ Евхерій, перенесенный во время молитвы въ міръ духовъ, видѣлъ Карла Мартелла, терзаемаго въ самыхъ глубокихъ безднахъ ада. Ангелъ, служившій проводникомъ, на вопросъ объ этомъ предметѣ отвѣчалъ, что на будущемъ судѣ тѣло и душа человѣка, взявшаго и раздѣлившаго имущества Церкви, будутъ преданы даже раньше кончины міра на вѣчное мученіе, по приговору святыхъ, засѣдающихъ въ судилищѣ вмѣстѣ съ Господомъ (см. No. 12 Русск. Вѣсти. 1864 г. стр. 33—34 историческое развитіе европейской мысли г. Писарева).» У насъ о подобныхъ видѣніяхъ мнѣ не случалось ничего читать. Но Арсеній Мацѣевичъ, котораго наши клерикалы считаютъ мученикомъ, еще прежде отобранія церковныхъ и монастырскихъ имуществъ при Екатеринѣ IIй, жаловался синоду даже на то, что инвалидами наполнены и наполняются монастыри и только одни монастыри, какъ будто для нихъ только служили и за нихъ сражались инвалиды (у г. Предтеченскаго стр. 87). А потомъ въ чиноположеніи недѣли Православія прибавилъ анафему *обидчикамъ Церкви и монастырей* (No. 2 Прав. Обозр. замѣтки стр. 67). Но съ одной стороны Правосудный Творецъ не послушается подобныхъ анафемъ, съ другой наши м-щіе, за исключеніемъ немногихъ, сами ни за что не согласятся удѣлить изъ своихъ огромныхъ доходовъ даже на бѣлое д-во; а правительство, какъ выше доказано, имѣетъ полное право въ такомъ случаѣ указать, на что избытки монастырскихъ доходовъ должны быть употребляемы.

Когда какія бы то ни было корпораціи, общества, благотворительныя учрежденія покажутъ неумѣнье, или нежеланье благоразумно и законно распоряжаться суммами, поступающими въ ихъ распоряженіе, хотя бы и не изъ казны; тогда правительство, принявъ эти суммы въ свое завѣдываніе, должно употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію. Этого правила не придержались къ несчастію въ то время, когда при Екатеринѣ IIй отобраны были у монастырей и архіерейскихъ домовъ имущества. Отобрать было необходимо, п. ч. владѣльцы ихъ допускали множество злоупотребленій; но доходы съ отобранныхъ имуществъ слѣдовало употребить на нужды Церкви напр. на духовныя училища, на пособіе сельскому д-ву. Противъ такого распоряженія ничего бы нельзя было сказать; тогда бы пришлось только благодарить правительство за то, что оно доходамъ, расточавшимся на безполезные для человѣчества предметы, дало должное назначеніе. Это былъ единственный случай, который не

повторится въ нашей исторіи, когда бы хозяйственныя дѣла нашего вѣроисповѣданія могли устроиться самымъ лучшимъ образомъ безъ отягощенія государства, къ благу Церкви и отечества. Къ несчастію имущества монастырскія и архіерейскія были розданы вельможамъ и другимъ лицамъ дворянскаго происхожденія, и въ настоящее царствованіе при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса увеличили только затрудненія, съ которыми нужно было бороться въ этомъ великомъ дѣлѣ. Теперь такой ошибки, р-ся, не повторится и излишки монастырскихъ доходовъ употребятся и должны быть употреблены сообразно съ каноническими правилами. И такъ на странниковъ ли, на бѣдныхъ ли, больныхъ, инвалидовъ, на д-во ли, на духовныя ли училища, — на что слѣдуетъ правительству нынѣ употребить излишки монастырскихъ доходовъ?

По моему мнѣнію всего лучше и благоразумнѣе употребить на улучшеніе матеріальнаго быта д-ва, п. ч., противъ этого труднѣе всего возражать. Употреби монастырскія суммы напр. на инвалидовъ, тогда клерикалы наши, примѣняясь къ словамъ Арсенія Мацѣевича, скажутъ: «вѣдь инвалиды служили и сражались не за одни монастыри.» Употреби на бѣдныхъ всѣхъ вообще сословій, тогда могутъ сказать: вѣдь причиною бѣдности ихъ не монастыри.» Но служители алтаря Господня имѣютъ полное право на излишекъ церковныхъ доходовъ, въ какомъ бы сундукѣ они ни лежали, — Православная Церковь во всей Россіи составляетъ одно цѣлое. Тутъ даже нельзя сказать, какъ въ предъидущихъ двухъ случаяхъ: «вѣдь духовныя лица бѣдны не отъ монастырей и м-щихъ,» п. ч. безъ нихъ наше бѣлое д-во не сдѣлалось бы вполнѣ богатымъ; но и не было бы такъ бѣднымъ; тогда бы огромные доходы монастырскіе пошли бы въ пособіе ему; — а такихъ доходовъ многонько! Притомъ, какъ в. с-но, церковныя деньги, въ первенствующей Церкви прежде всего за удовлетвореніемъ церковныхъ нуждъ употреблялись на д-во. А наконецъ въ д-вѣ есть свои, т. с-ть, инвалиды; бѣдныхъ нуждающихся, сиротъ, вдовъ, престарѣлыхъ не сосчитаешь. Слѣд. употребивъ монастырскія деньги на д-во, правительство поступитъ согласно съ церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, съ пользою для Церкви и Государства.

Какія же суммы и въ какомъ количествѣ изъ монастырей надобно отдѣлять въ пособіе д-ву. Здѣсь прежде всего надобно обязать монастыри вносить подобно всѣмъ приходскимъ церквамъ деньги, выручаемыя продажею высковыхъ

свѣчъ. Въ самомъ дѣлѣ продолжающееся до сихъ поръ увольненіе монастырей отъ такой обязанности доказываетъ, можно сказать, отъявленную несправедливость, непростительное и исключительное пристрастіе къ монашескимъ выгодамъ и открытое невниманіе къ бѣдственному положенію духовныхъ училищъ. Я уже говорилъ, что самая бѣдная церковь, которой годовой доходъ равняется сотнѣ рублей, вноситъ на духовное просвѣщеніе свѣчную выручку, а святыя обители, въ которыхъ серебро и золото по мѣстамъ можно вѣсить пудами, — которыхъ настоятели получаютъ тысячи, десятки тысячъ рублей и оставляютъ богатыя наслѣдства, — которыхъ братія ходитъ въ шелку и удивляетъ роскошью прихотливыхъ мірянъ, и даже мірянокъ, — которыхъ благолѣпіе и богатство изумляютъ путешественниковъ, — эти святыя обители не даютъ ни ленты на духовныя училища! Вѣдь это такая колоссальная несправедливость, что не поймешь, почему до сихъ поръ не стыдятся ее поддерживать? И странное дѣло! комитетъ для составленія устава семинарій, такъ широко вѣщательно глаголавшій о бѣдности духовныхъ училищъ, выражавшій такое негодованіе на то, что воспитанники семинарій называются казенными, а не церковными; — *сей* знаменитый комитетъ и не намекнулъ синоду на то, что вотъ-де можно помочь духовнымъ училищамъ, обязавъ монастыри представлять, свѣчную сумму въ духовно-учебное управленіе. Повторяю, это колоссальная несправедливость! Устранить ее высшее духовное начальство не захочетъ; вѣдь 45 монастырей еще въ 1861 г. состояло подъ управленіемъ архіереевъ, всѣ ректора семинарій, непремѣнно почти всѣ получаютъ доходы отъ какого либо монастыря. Захотятъ ли они, какъ я уже говорилъ, разстаться съ ними? Только правительство своею властію можетъ уничтожить эту колоссальную несправедливость.

Монастыри кромѣ свѣчныхъ имѣютъ огромные кошельковые, кружечные и другіе доходы, которыхъ остатки за всѣми даже прихотливыми расходами составляютъ громадные капиталы. Р-ся, пусть изъ нихъ будетъ отдѣлена достаточная сумма на содержаніе братіи по иноческому уставу на приличное благолѣпіе монастырскихъ церквей и другія необходимыя потребности, а все прочее должно быть обращено на пособіе д-ву. Неужели въ то время, какъ отъ жалкаго его положенія грозитъ серьезная опасность православію въ Россіи, неужели лучше будетъ если излишки эти пойдутъ не на то, чтобы, оказавъ во время пособіе духовнымъ лицамъ, исправить и улучшить ихъ и тѣмъ предот-

вратить опасность, грозящую православію, а на то, чтобы въ митрахъ настоятелей, на ризахъ, саккосахъ, архіерейскихъ посохахъ блистали серебро, золото, жемчугъ, дорогіе камни и даже бриліанты, чтобы кадила, раки, подсвѣчники, сосуды, дискосы были изъ чистаго не только серебра, но и золота съ драгоцѣнными даже камнями, чтобы настоятели тратили при жизни на свои прихоти, нисколько не сообразныя съ иноческимъ званіемъ, на своихъ родныхъ десятки тысячъ рублей; а потомъ оставляли богатыя наслѣдства по смерти и пр. и пр.? Неужели это лучше? Замѣчательно, что въ 1860 г. было со стороны духовнаго начальства сдѣлано одно распоряженіе, на которое я въ подтвержденіе своихъ мыслей хочу указать. Въ отчотѣ Об. Пр-ра за этотъ годъ (стр. 16 и 17) пишется: по Высочайше утвержденному опредѣленію Синода положено ввести правильное хозяйство въ лѣсныхъ дачахъ церквей и монастырей, гдѣ это окажется удобнымъ, и доходы отъ постоянной продажи лѣса, за покрытіемъ церковныхъ и монастырскихъ нуждъ обращать на усиленіе средствъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія.» Если же съ благословенія Синода доходы отъ лѣсныхъ монастырскихъ дачъ за покрытіемъ монастырскихъ нуждъ можно обращать на вспоможеніе сиротамъ д-ва, то почему бы не употребить гораздо болѣе огромныхъ остатковъ отъ кошельковыхъ кружечныхъ и прочихъ монастырскихъ доходовъ на вспоможеніе всему вообще бѣдствующему д-ву? Начало сдѣлано; почему не довести дѣла до конца?

Потомъ что дѣлать съ монастырскими капиталами; лежатъ ли они въ сундукахъ обителей, въ кредитныхъ учрежденіяхъ, или погребены, т. е-ть, въ вещахъ, хранящихся въ ризницахъ? Если капиталы внесены съ спеціальною цѣлію, какъ напр. на поминъ души, то до нихъ касаться не слѣдуетъ. Но сколько капиталовъ или лежитъ безъ употребленія, безъ опредѣленнаго назначенія, какъ доказательство того, что не придумаютъ еще, куда бы ихъ истратить, на тысяча ли пудовый колоколъ, на громаднѣйшій ли и великолѣпнѣйшій храмъ, въ которомъ нѣтъ никакой надобности, на устройство ли лабазовъ, гостинницъ и пр. и пр. Такъ не лучше ли ихъ употребить на пособіе нуждающимся служителямъ алтаря Господня? О капиталахъ въ вещахъ какъ-то страшно и говорить; сразу прослывешь варваромъ въ глазахъ не только иночествующей братіи, а даже всѣхъ археологовъ, любителей древностей и пр.; однакоже надобно сказать.

По свидѣтельству Шнитцлера (La Russie en 1812, стр. 135)

драгоцѣнности одной патріаршей ризницы стоютъ 21 милл. рублей. Ризница Троицко-сергіевой Лавры едва ли бѣднѣе, а м. б. и богаче патріаршей; а тамъ есть еще ризницы Кіево-печерской, Александро-невской, Почаевской Лавръ, Чудова монастыря и пр. и пр. Чего стоютъ всѣ драгоцѣнности, въ нихъ погребенныя? Къ чему они служатъ? Нѣтъ ли возможности воскресить ихъ? Какъ? скажутъ, и такіе варварскіе намеки выражаются въ книгѣ, авторъ которой принимаетъ участіе въ бѣдственномъ положеніи д-ва и сожалѣетъ объ угрожающей опасности Церкви! Драгоцѣнности эти, скажутъ мнѣ не погребены, не нѣмы; онѣ громко проповѣдуютъ о религіозности нашихъ предковъ, объ ихъ усердіи къ святымъ обителямъ, побуждаютъ и насъ, будутъ побуждать и нашихъ потомковъ, о выраженіи, готовности жертвовать всѣмъ во славу Бога, изъ благоговѣнія къ его храмамъ, изъ желанія угодить Ему и заслужить Его милость.» — Да, это и скажутъ и говорятъ. Но драгоцѣнности, погребенныя въ ризницахъ, не свидѣтельствуютъ ли скорѣе о непониманіи нашими предками того, чѣмъ можно выражать и доказывать свое благоговѣніе предъ правосуднымъ, всеблагимъ, милосердымъ и премудрымъ Творцомъ вселенной? Ему можно угодить нравственною чистотою своей жизни, дѣлами человѣколюбія, а не пожертвованіемъ бриліантовъ, жемчуга, серебра и золота на украшеніе храмовъ. На страшномъ судѣ онъ приглашаетъ праведниковъ войти въ царство небесное не за то, что они построили огромные храмы, или украсили ихъ великолѣпнѣйшимъ образомъ, даже не за то, что посѣщали ихъ, но за то что напитали алчущихъ, напоили жаждущихъ, одѣвали нагихъ, посѣщали больныхъ и заключенныхъ въ темницѣ. Потомство гораздо больше окажетъ уваженія къ предкамъ, если оно поправитъ ихъ превратныя понятія о томъ, чѣмъ можно угодить Богу, и драгоцѣнности, которыми можно было бы еще встарь облегчить участь многаго множества несчастныхъ, употребить хотя нынѣ на дѣла благотворенія. Это ужасно! скажутъ: такъ разсуждать — свойственно только варвару и святотатцу. — Напрасно такъ станутъ говорить.

Посудимъ съ вами, г. ч., что же рано или поздо будетъ съ этими драгоцѣнностями? Вѣчны ли онѣ? Всегда ли онѣ останутся не прикосновенными. Онѣ состоятъ изъ матеріальныхъ тѣлъ; а матеріальныя тѣла отъ влажности воздуха, отъ измѣненія его температуры, отъ кислорода, отъ механическихъ силъ, отъ огня и пр. такъ, или иначе съ большею, или меньшею быстротою измѣняются и разрушаются. Ткани,

изъ которыхъ сшиты священныя одежды, въ ризницахъ истлѣваютъ, жемчугъ осыпается, дорогіе камни отпадаютъ, бриліанты изъ крестовъ, посоховъ, митръ и пр. выпадаютъ и могутъ быть вынуты. Жемчугъ, пожалуй, соберутъ, станутъ показывать цѣлую мѣру его; камни дорогіе положатъ въ ящикъ подъ стекло и пр. Все это такъ. Но развѣ иныя жемчужины замѣтишь; когда онѣ осыпаются? Развѣ чья либо святотатственная рука не можетъ не только поднять, что̀ унало, но и оторвать то, что держится? Развѣ не было примѣровъ, что драгоцѣнные камни исчезали съ иконъ, къ которымъ прикладывались благочестивые, повидимому, богомольцы? Тутъ даже не рука, а зубы дѣйствовали. Положимъ, что все это не справедливо; но опять спросимъ; вѣчно ли будутъ лежать эти драгоцѣнности неприкосновенными?

Не болѣе, какъ года за два одинъ священникъ явился къ своему епархіальному начальнику съ прошеніемъ о дозволеніи сдѣлать новую серебряную ризу на одинъ изъ образовъ въ Церкви. Іерархъ любилъ священника, но, прочитавши прошеніе, съ негодованіемъ сказалъ: «къ чему это вы дѣлаете оклады, да оклады, серебряные? Развѣ хотите этимъ вызвать и поддержать революцію? Священникъ сначала не понялъ смысла этихъ вопросовъ. Но архипастырь объяснилъ, что въ случаѣ какихъ либо политическихъ переворотовъ, враги Церкви могутъ воспользоваться тѣмъ золотомъ и серебромъ, котораго такъ много въ церквахъ. Я не могу вполнѣ согласиться съ этимъ; русскій народъ, какія бы страсти его ни волновали, долго еще не позволитъ грабить свои храмы. Но нельзя не замѣтить, что громадныя, неисчислимыя богатства, накопленныя не въ церквахъ приходскихъ, а въ монастыряхъ, и постоянно увеличивающіяся, дѣйствительно въ случаѣ политическихъ неустройствъ составятъ заманчивую приманку для враговъ Церкви и Государства. Съ другой стороны не очень понимаю слѣдующее противорѣчіе. Священнику приходской Церкви даютъ выговоръ, зачѣмъ онъ хочетъ сдѣлать новую серебряную ризу на икону и почти называютъ его поборникомъ революціи. Какимъ же образомъ позволяли, позволяютъ и будутъ позволять собирать въ монастыряхъ баснословныя богатства? Риза по к. м. составляетъ украшеніе Церкви; гдѣ молятся прихожане. А въ монастыряхъ драгоцѣнности не вмѣщаются уже въ церквахъ; ихъ уже уносятъ, какъ излишнюю вещь въ особыя комнаты и тамъ хранятъ для показа. Чудна ты, Русь православная, даже когда посмотришь на тебя въ лицѣ твоихъ іерарховъ! Впрочемъ будущіе грабители монастырей,

м. б., отчасти ошибутся въ своихъ разсчотахъ. Давно уже поговариваютъ, что отцы ризничіе стараются предупредить разграбленіе монастырскихъ сокровищъ, что иногда при сдачѣ ризницы на ризахъ не оказывается во многихъ мѣстахъ жемчуга (отвѣчаютъ: осыпался, но не представляютъ его), вмѣсто богатыхъ и даже драгоцѣнныхъ камней прикрѣпленъ стеклярусъ. Въ одной обители была будто бы огромная мѣра жемчуга; ее всѣмъ показывали; но когда нужно было заглянуть въ нее, то оказалось, что жемчугъ составлялъ только верхній слой, въ родѣ *геологическаго alluvium*, или *dilivium*, а подъ нимъ лежали пласты изъ не очень драгоцѣнныхъ матеріаловъ.

Если мои замѣчанія о возможной растратѣ накопленныхъ въ монастыряхъ сокровищъ покажутся не основательными, то пусть обратятся къ исторіи. Несравненно большее количество, нежели въ нашихъ ризницахъ, хранилось нѣкогда и въ Индіи, и въ Дельфахъ, и у египетскихъ жрецовъ, и въ капищахъ Мексики временъ Монтецумы. Гдѣ все это теперь? Въ свое время сколько бы можно сдѣлать добра благоразумнымъ и человѣколюбивымъ употребленіемъ этихъ сокровищъ? А теперь спросимъ: куда они пошли? Возьмемъ времена поближе; кому достались сокровища, которыхъ такъ много было въ храмахъ и монастыряхъ византійской имперіи? Цѣлы ли теперь, по к. м. всѣ ли цѣлы тѣ драгоцѣнности, которыми наполнены были католическіе монастыри во Франціи до 1789 г. Надобно помнить, что всему есть время, все такъ или иначе исчезаетъ, пропадаетъ, разрушается.

Не ручаюсь за вѣрность слѣдующаго анекдота, но разскажу то, что́ и какъ мнѣ говорили. Въ одно время, которое было нѣсколько затруднительно въ финансовомъ отношеніи для нашего отечества, правительство будто бы обращалось къ настоятелю богатѣйшей нашей обители и предлагало на основаніи прежнихъ примѣровъ оказать пособіе отечеству въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ. Тогда будто бы настоятель отвѣчалъ: «если отечество дѣйствительно находится въ такомъ положеніи, что не можетъ обойтись безъ пособія отъ святителя (тутъ было вставлено самое имя святителя), то святитель готовъ помочь.» Провительство будтобы не признало финансоваго положенія столь затруднительнымъ, чтобы подъ такимъ условіемъ принять пособіе отъ обители. Повторяю, что не ручаюсь за вѣрность анекдота. Но осмѣливаюсь спросить: отъ бѣдственнаго положенія нашего д-ва въ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ отно-

шеніи не дожили мы до той эпохи, когда упомянутая обитель и другіе монастыри должны поспѣшить помочь бѣлому д-ву, чтобы предотвратить опасность, угрожающую самой Церкви? А если еще не дожили, то слѣдуетъ ли дожидаться этой несчастной эпохи? Не лучше ли предотвратить ее взятыми во́ время мѣрами? Какъ бы не опоздать!?!

Помогутъ ли предлагаемыя мною реформы д-ву? Выведутъ ли онѣ его изъ нынѣшняго жалкаго положенія? Выше было объяснено, что причиною этого положенія не одни финансовые недостатки, а множество разныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на умственное и нравственное образованіе на соціальный бытъ, какъ напр. дурное воспитаніе въ семинаріяхъ, гнетъ здѣсь испытываемый, нравственные недостатки, отсюда выносимые, отношенія къ прихожанамъ и къ властямъ, притѣсненія отъ к-рій, поборы и взяточничество, которые такъ пятнаютъ духовныхъ лицъ, разладъ съ обществомъ въ идеяхъ, кастовыя учрежденія сословія и пр. и пр. Говорилъ я также, что устраненіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, умственное, нравственное, семейное и соціальное положеніе улучшилось бы весьма много, а это улучшеніе въ свою очередь обнаружило бы благодѣтельное вліяніе и на матеріальный бытъ. Но послѣ того замѣтилъ я, что всетаки нужны и денежныя средства конечно лучше и проще бы всего положить жалованье духовнымъ лицамъ отъ правительства; или за поручительствомъ его. Но такъ, какъ при настоящемъ положеніи государства это невозможно, то остается прибѣгнуть къ менѣе быстрымъ мѣрамъ. Къ этому то сорту принадлежатъ предлагаемыя мною экономическія реформы. Духовныя училища, какъ я сказалъ, при помощи ихъ, даже очень скоро, — не далѣе, какъ въ 1866 г. могли бы быть улучшены въ финансовомъ отношеніи очень удовлетворительнымъ образомъ, если только епархіальныя начальства не парализируютъ ихъ своимъ вліяніемъ. Съ улучшеніемъ же училищъ, д-во могло бы мало по малу вылечиваться отъ бурсацкихъ и семинарскихъ недостатковъ. Составленіе пенсіоннаго капитала устранило бы наслѣдственность мѣстъ, продажу и покупку ихъ и избавило бы отъ множества соединенныхъ съ этимъ злоупотребленій и расходовъ. Прибавка земли и другихъ угодьевъ умножила бы средства къ благосостоянію. Остатки суммъ отъ кошельковаго и кружечнаго сбора въ приходскихъ церквахъ конечно немного доставятъ денегъ на жалованье д-ву, или другое какое либо вспоможеніе, особенно, когда вся выручка отъ свѣчной продажи будетъ предоставляема на училища;

однако все-таки будутъ обнаруживать порядочное вліяніе на улучшеніе д-ва. Другое дѣло монастырскіе доходы отъ продажи свѣчъ, отъ кошельковаго и кружечнаго сбора и отъ всѣхъ вообще доходныхъ статей. Они, по всей вѣроятности, могутъ доставлять не одинъ милліонъ рублей. Доходы всѣхъ вообщее монастырей конечно еще не исчислялись: о нихъ помалчиваютъ; но едва ли они уступаютъ доходамъ всѣхъ приходскихъ церквей, а эти доходы въ 1861 г. въ общей своей сложности превышали 8 милліоновъ рублей. Возьмемъ, даже 5 милліоновъ; и эта сумма слишкомъ громадна для 422 мужскихъ монастырей (архіерейскіе дома я сюда не включаю), для 5648 монаховъ и 4879 послушниковъ. Вѣдь на содержаніе всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, т. е. на 4 академіи, 50 семинарій, 185 уѣздныхъ и 16 приходскихъ училищъ, въ которыхъ воспитывалось 54131, или: на 1893 наставниковъ и начальниковъ, на 17524 казеннокоштныхъ учениковъ; на все это въ 1861 г. употреблено только 1,374,653 р. 76 коп. Какъ бы поэтому изъ ежегодно получаемыхъ монастырскихъ доходовъ не отдѣлить 2—3 и даже болѣе милліоновъ на улучшеніе матеріальнаго быта д-ва? Чтоже теперь сказать о томъ, когда бы вся лежачая, какъ выражался земскій соборъ 1642 г., монастырская казна, состоитъ ли она въ билетахъ, въ наличныхъ деньгахъ, въ вещахъ погребенныхъ въ ризницахъ и выставляемыхъ для показу, что́ еслибы все это взято было правительствомъ и употреблено на вспоможеніе д-ву? По всей вѣроятности, проценты съ этихъ капиталовъ вполнѣ бы обезпечили д-во и извлекли бы его изъ того жалкаго положенія, въ которомъ теперь оно находится. Т. о. предлагаемыя мною реформы всѣ въ совокупности могли бы даже быстро облегчить д-во и улучшить училища. Но если такое заключеніе окажется поспѣшнымъ, то по к. м. при помощи ихъ постепенно, но вѣрно и духовныя училища и д-во улучшились бы. *А пора за это взяться; иначе какъ бы не опоздать!!!*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.